

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

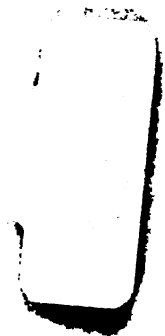
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855389 2

* QCA

* QC-11

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ОТЪ ЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

НА 1840 ГОДЪ.

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatæ plane aures, quæ non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.
Gersonius.

ТОМЪ X.

С. ПЕТЕРБУРГЕ.
ВЪ ГИТЕНБЕРГОВОЙ ТИПОГРАФИИ.

1840.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810564
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

NOV 1916

Печатать дозволяется С. Петербурга, 21 мая 1849.

Цензоръ *И. Корсаковъ.*
Цензоръ *А. Фрейлинь.*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБЗОРЪ НЫНѢШНЯГО СОСТОЯНІЯ РАЗНЫХЪ ЧАСТЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНІЯ ЗА ЯНВАРЬ И ФЕ-
ВРАЛЬ МѢСЯЦЫ 1840 ГОДА (*).

1. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополне- ніе какъ состава, такъ и правъ ихъ).

— Общимъ размѣромъ залога по всемъ казеннымъ заготовле-
ніямъ, подрядамъ и поставкамъ принималась *одна третья* часть
договорной суммы; въ-послѣдствіи, въ 25 день мая 1838 года, до-
зволено въ частности, смотря по обстоятельствамъ, времени, мѣ-
сту и степени надобности, опредѣлять мѣру залоговъ, для перво-
начальнаго обезпеченія при торгахъ, и менѣе одной третьей ча-
сти, но ни въ какомъ случаѣ менѣе одной десятой. Правило это,
однакожь, не распространялось на начальства среднія и подчи-
ненныя, которыя въ пріемъ залоговъ менѣе одной третьей части

(*) Зная, какую важность приписываетъ большая часть читателей «Отече-
ственныхъ Записокъ» этому отдѣлу нашего журнала, мы рѣшились распола-
гать Современную Хронику Россіи не по полугодіямъ, какъ дѣлали прежде,
но по-мѣсячно, отдавая отчетъ въ постановленіяхъ правительства и въ важ-
нѣйшихъ событіяхъ, совершающихся въ отечествѣ, за два, или за три мѣся-
ца, что доставить намъ возможность не только останавливаться на важнѣй-
шихъ изъ нихъ, но упоминать вообще обо всехъ постановленіяхъ и не про-
пускать ни одного, сколько-нибудь замѣтельнаго событія. *Ред.*

могли дѣйствовать не иначе, какъ по разрѣшеніямъ высшаго своего начальства. Нынѣ Советъ Адмиральтейства, принимая въ основаніе, что по отдаленности Главнаго Черноморскаго Управленія отъ столицы, представленіе каждый разъ на разрѣшеніе высшаго морскаго начальства о уменьшеніи залоговъ сопряжено съ неизбежною потерею значительнаго времени и остановкою самыхъ операций, входилъ съ особымъ по сему предмету всподданнѣйшимъ докладомъ, въ - слѣдствіе котораго Высочайше повелѣно: предоставить главному командиру черноморскаго флота и портовъ, по всѣмъ частямъ внутреннаго ему управленія, право, утверждать, безъ представленія высшему морскому начальству, пріемъ залоговъ по подрядамъ и поставкамъ и менѣе *одной третьей* части, уменьшая, однакоже, сіи залогн не болѣе какъ до *одной пятой* части.

— На морское вѣдомство разпространены общія правила производства въ чины по гражданской службѣ; при чемъ утверждено разписаніе должностей морскаго вѣдомства по классамъ отъ 14 до 5 включительно, съ изытіемъ, однакоже, нѣкоторыхъ классныхъ чиновниковъ, которые производятся по непосредственнымъ всподданнѣйшимъ докладамъ начальства Главнаго Морскаго Штаба.

— Особыхъ чиновниковъ за обер-прокурорскими столами положено было въ С. Петербургѣ 13 и въ Москвѣ 11. Такое разпределеніе между санктпетербургскими и московскими департаментами Сената оказалось нынѣ несоразмѣрнымъ съ дѣйствительною въ сихъ чиновникахъ надобностію, а потому, по положенію Комитета Министровъ, разрѣшено: 1) увеличить въ санктпетербургскихъ департаментахъ Правительствующаго Сената опредѣленное штатомъ число чиновниковъ за обер-прокурорскими столами еще тремя, съ уменьшеніемъ въ томъ же размѣрѣ числа сихъ чиновниковъ въ Москвѣ, и 2) остающіеся за тѣмъ излишними три оклада, по три тысячи рублей, положенные по штату для чиновниковъ въ Москвѣ, обратить въ жалованье чиновникамъ за обер-прокурорскими столами при санктпетербургскихъ департаментахъ и отдѣленіяхъ, съ прибавкою имъ столовыхъ по тысячѣ-пятисотъ рублей ассигн. на счетъ Государственнаго Казначейства.

— По именному Высочайшему указу, Больница Всѣхъ Скорбящихъ съ принадлежащимъ ей капиталомъ обращена въ вѣдомство Санктпетербургскаго Опекунскаго Совѣта; содержаніе же ея, по особому штату, принято на счетъ общихъ доходовъ Санктпетербургскаго Воспитательнаго Дома, съ зачетомъ процентовъ съ при-

надлежащаго ей капитала. При семъ попечителю больницы по хозяйственной части повелѣно быть почетнымъ опекуномъ и присутствовать въ Санктпетербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ, а попечение о нравственной части больницы по-прежнему предоставлено медицинскому инспектору учреждений Императрицы Маріи Θεодоровны (января 20).

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ КАКЪ СОСТАВА, ТАКЪ И ПРАВЪ ИХЪ).

— Виленская Губернія, вмѣсто существовавшихъ 11, раздѣлена нынѣ на 10 уѣздовъ, въ слѣдствіе чего городъ Трои переименованъ въ заштатный, съ учрежденіемъ въ немъ полицейскаго управленія на томъ основаніи и съ тѣмъ содержаніемъ, какое существуетъ для заштатнаго города Родѣшковичей, Минской Губерніи.

— Въ отчисленномъ въ военное вѣдомство городѣ Умани (Кіевской Губерніи) разрѣшено учредить городовую ратушу на общемъ основаніи, изложенномъ во 2 томѣ Свод. Зак. Гражд. и Высочайшемъ указѣ 30 апрѣля 1839 г. При сей ратушѣ должны состоять словесный судъ и городской староста. Назначеніе членовъ въ ратушу производится сообразно примѣчанію къ 998 ст. означеннаго тома Свода Законовъ, двухъ третей изъ христіанъ и одной трети изъ Евреевъ.

— На основаніи Высочайше утвержденного въ 28 день декабря 1839 года учрежденія о управленіи государственныхъ имуществъ въ западныхъ губерніяхъ, повелѣно открыть это управленіе съ 1 марта 1840 года въ губерніяхъ: Витебской, Могилевской, Виленской, Гродненской, Минской, Кіевской, Волинской, Подольской и въ Области Бѣлостокской (января 24 Ук. Сен.).

— Именнымъ Высочайшимъ Указомъ повелѣно существующее въ Сибири провіантское управленіе упразднить, а въ замѣнъ его учредить, подъ непосредственнымъ начальствомъ генерал-губернаторовъ, двѣ полевыя провіантскія комиссіи: Омскую въ Омскѣ, для войскъ Западной Сибири, и Иркутскую въ Иркутскѣ, для войскъ Восточной Сибири. Генерал-губернаторамъ и вновь-образуемымъ комиссіямъ по всемъ предметамъ управленія провіантскаго частію вмѣнено въ обязанность дѣйствовать на точномъ основаніи положенія о Полевой Провіантской Комиссіи Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса, въ 29 день апрѣля 1833 года Высочайше утвержденного. Штатъ полевого управленія въ

Западной Сибири простирается до 11,509 руб. 35 коп. серебромъ, а Восточной Сибири до 9,337 р. 95 коп. серебромъ. Для производства дѣлъ по провинтской части учреждается при Штабѣ Отдѣльнаго Сибирскаго Корпуса особое Продовольственное Отдѣленіе, штатъ коего возходить до 755 р. 70 коп. серебромъ.

— Издана особая инструкторія для брака рогожъ при Архангельскомъ Портѣ, по которой привозимыя къ порту рогожи для заморскаго отпуска изъ Вологодской, Вятской и преимущественно Костромской Губерній раздѣляются при бракованіи на два сорта, первый и второй, различающіеся по качеству и мѣрѣ. Браковщикъ за умышленную неправильность въ бракѣ отрѣшается отъ должности и предается суду, а за неумышленные упущенія штрафуетса—въ первый разъ выговоромъ съ запискою въ журналъ, во второй пеню отъ 15 до 30 руб. серебромъ, въ третій разъ вдвое, а въ четвертый отрѣшается отъ должности (января 22).

— Гражданскимъ присутственнымъ мѣстамъ въ Армянской Области, при рѣшеніи въ нихъ церковныхъ дѣлъ армяно-грегоріанскаго исповѣданія, вмѣнено въ обязанность приглашать въ присутствіе свое, на общемъ основаніи, депутатовъ со стороны духовной, обращаясь для того въ надлежащія духовныя вѣдомства сего исповѣданія (января 27).

— Въ исполненіе мнѣнія Государственнаго Совѣта 20 апрѣля 1834 года для обревизованія дѣйствій дворянскихъ депутатскихъ собраній, учреждены особыя комиссіи въ каждой изъ тѣхъ губерній, въ коихъ существуютъ сіи собранія, въ томъ числѣ и въ Губерніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской. Нынѣ именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно комиссіи означенныхъ трехъ губерній соединить въ одну центральную въ городѣ Кіевѣ, составивъ ее изъ предсѣдателя, товарища его, совѣтника, по назначенію Министерства Юстиціи, и трехъ членовъ, избираемыхъ дворянствомъ по одному отъ каждой губерніи съ нужнымъ по штату числомъ канцелярскихъ чиновъ, опредѣляемыхъ съ утвержденія кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генерал-губернатора. Центральная ревизіонная комиссія должна окончить поручаемыя ей дѣла къ 1-му января 1844 года. Штатъ ея возходить до 11,789 р. 47 коп. серебромъ расходовъ постоянныхъ, кромѣ 285 руб. 70 коп., назначенныхъ единовременно для обзаведенія необходимыми вещами.

— Изданы учрежденія палатъ государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ: Витебской, Могилевской, Виленской, Гродненской,

Кіевской, Минской, Волынской, Подольской и въ Области Бѣлостокской съ слѣдующими къ нимъ штатами и положеніе о люстраціи (Фев. 13).

III. Постановленія относительно службъ гражданской.

— При соображеніи правилъ, по которымъ воспитанники Санкт-петербургскаго и Московскаго Коммерческихъ Училищъ должны поступать на службу, съ другими по сей части узаконеніями, нынѣ дозволено—изъ сихъ воспитанниковъ, кандидатовъ коммерціи принимать на службу по Государственному Контролю послѣ пробытія ими десяти лѣтъ на купеческихъ конторахъ.

— Разрѣшено секретаря Войсковой Канцеляріи азовскаго казачьяго войска причислить по должности къ X-му, по мундиру къ III-му и для пенсіи къ VIII-му разряду, а писмоводителя при наказномъ атаманѣ того войска по должности къ XII-му, по мундиру къ IV-му и для пенсіи къ IX-му разряду; пенсіи же симъ чиновникамъ производить изъ Государственнаго Казначейства впредь до возможности обратить оныя на капиталъ азовскаго казачьяго войска.

— Отводчиковъ площадей къ частнымъ золотымъ промысламъ какъ въ Восточной, такъ и въ Западной Сибири ввести въ IX разрядъ чиновниковъ гражданской службы, а по пенсіямъ въ VII разрядъ общаго пенсіоннаго устава (ук. Сен. янв. 4).

— Постановлено поручиковъ гвардіи и капитановъ арміи, просящихъ увольненія отъ военной службы для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, увольнять соответствующимъ чиномъ титулярнаго совѣтника, хотя бы они прослужили въ настоящихъ чинахъ и болѣе трехъ лѣтъ; въ коллежскіе же ассессоры производить ихъ на службѣ гражданской не иначе, какъ на основаніи указа 11 мая 1839 года, т. е. когда сверстники ихъ по службѣ военной будутъ произведены—въ гвардіи въ штабс-капитаны, а въ арміи въ майоры (янв. 25).

— Бухгалтеры и ихъ помощники окружныхъ дежурствъ каждаго изъ четырехъ кавалерійскихъ округовъ военнаго поселенія причислены къ разрядамъ окладовъ пенсій первые къ VII-му, а послѣдніе къ XI-му (янв. 10).

— Полиціймейстеры и прочіе чиновники военныхъ полицій городовъ военнаго поселенія причислены къ тѣмъ же разрядамъ окладовъ пенсій, въ коихъ состоятъ подобныя чиновники гражданскихъ полицій уѣздныхъ городовъ (янв. 10).

— Высочайше утвержденными 27-го мая и 18-го ноября 1836 года правилами о производствѣ въ чины наставниковъ и учителей учебныхъ заведеній по вѣдомствамъ военному и народнаго просвѣщенія, предоставлено для нихъ исключеніе изъ общаго положенія о гражданскомъ чинопроизводствѣ въ томъ отношеніи, что разрѣшено производить ихъ не однимъ, но тремя чинами выше класса, присвоеннаго занимаемой имъ должности. Преимущества эти нынѣ разпространены въ той же самой мѣрѣ и на наставниковъ и учителей свѣтскаго званія, состоящихъ на службѣ при учебныхъ заведеніяхъ духовно-православнаго вѣдомства (Фев. 2).

— Правило, содержащееся въ примѣчаніи къ 184 ст. Т. 9 Свод. Зак. о прекращеніи съ постриженіемъ въ монашество производства пенсій духовнымъ лицамъ, получившимъ ее за службу по военному вѣдомству, разпространено и на вступившихъ въ монашество пенсионеровъ гражданскаго вѣдомства (Фев. 13).

IV. Постановленія относительно состояній.

— Купцамъ Евреямъ, производящимъ заграничную торговлю не по комиссіямъ или подрядамъ, а товарами, на собственные капиталы прибрѣтенными, разрѣшено для сплава сихъ товаровъ имѣть наемъ помѣщичьихъ крестьянъ на тѣхъ правлахъ, которыя постановлены въ Высочайше утвержденномъ 12 октября 1838 года положеніи. Однакожь крестьяне эти должны состоять въ исключительномъ завѣдываніи избраннаго помѣщикомъ повѣреннаго изъ христіанъ, не подчиняясь ни въ какомъ отношеніи и ни подъ какимъ предлогомъ зависимости, отъ Евреевъ; приказчики же изъ Евреевъ наблюдаютъ единственно за ввѣренными имъ товарами и не должны отнюдь входить въ распоряженіе по управленію судорабочими.

— Высочайше утверждены правила о наймѣ рекрутъ. По этимъ правиламъ желающій наняться въ рекруты изъ государственныхъ крестьянъ и мѣщанъ, и въ западныхъ губерніяхъ изъ гражданъ и однодворцевъ, а также изъ вольноотпущенныхъ и тому-подобныхъ людей, имѣющихъ право на избраніе рода жизни, долженъ явиться съ просьбою о томъ въ мѣстное губернское рекрутское присутствіе. Если онъ, по платежу податей и повинностей, принадлежитъ къ какому-либо обществу, то долженъ представить увольнительный отъ общества приговоръ, съ удостовѣреніемъ, что со стороны родителей его изъявлено согласіе и что семейство его

не подвергается разстройству. Если же наемникъ нигдѣ къ обществу не приписанъ, то долженъ представить акты свои на право избранія рода жизни, свидѣтельство уѣзднаго казначейства или иного установленія о его лѣтахъ и свидѣтельство полиціи, что онъ не состоитъ подъ слѣдствіемъ или судомъ уголовнымъ. На каждого охотника, въ рекруты принятаго, казенная палата въ первое присутствіе назначаетъ 485 руб. серебромъ, изъ коихъ въ полное и непосредственное его распоряженіе выдается 300 руб. Палата государственныхъ имуществъ, смотря по общему количеству принятыхъ охотниковъ, производитъ къ извѣстному сроку, въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцъ каждого года, вызовъ желающихъ приобрести квитанціи на этихъ охотниковъ. Приобрѣтать квитанціи сего рода дозволяется государственнымъ крестьянамъ, преимущественно состоящимъ на рекрутской очереди при первомъ слѣдующемъ наборѣ. Приобрѣтатель квитанціи долженъ въ первое присутствіе палаты государственныхъ имуществъ внести 570 руб. сереб. Переуступки квитанцій отъ первыхъ приобретателей другимъ семействамъ могутъ быть допускаемы, когда приобретатель по какимъ-либо обстоятельствамъ не имѣетъ болѣе въ квитанціи надобности. Но и въ семъ случаѣ переуступка должна быть сдѣлана съ разрѣшенія означенной палаты (ук. Сен. 22 янв.).

— Малороссійскимъ казакамъ дозволено переходить наравнѣ съ государственными крестьянами въ неподатныя состоянія (ук. Сен. янв. 18).

— Повелѣно всѣмъ отставнымъ солдатамъ, которые пользуются участками земли, участвовать и въ составленіи хлѣбныхъ запасовъ для обезпеченія народнаго продовольствія, на основаніи Высочайше утвержденного журнала особаго комитета 16-го января 1836 года (ук. Сен. янв. 20).

— Для разпространенія промышленности въ Войскѣ Донскомъ признано полезнымъ допустить устройство въ немъ иногородними лицами суконныхъ и кожевенныхъ заводовъ, и тѣмъ самымъ дать войсковымъ жителямъ ближайшія средства къ выгоднѣйшему сбыту шерсти и невыдѣланныхъ кожъ, и къ приобретенію юфти и кожъ, вообще войску необходимыхъ. Въ слѣдствіе этого повелѣно: 1) дозволить иногороднымъ лицамъ устройство означенныхъ заведеній въ станичныхъ юртахъ и владѣльческихъ дачахъ Войска Донскаго, со взиманіемъ за наемъ земель платы по взаимному согласію, не облагая ихъ затѣмъ никакими новыми сборами; 2) фабрикантамъ суконнымъ и заводчикамъ кожевеннымъ, какъ

временно водворены на нанятых ими землях, не имѣть участія въ поземельныхъ выгодахъ и угодьяхъ, собственно войсковымъ обывателямъ предоставленныхъ, и 3) срокъ дозволяемому, на семь основаніи, иногороднымъ лицамъ устройству помянутыхъ заведеній считать двадцатипятилѣтній, со дня объявленія о томъ указа (января 22 укр. Сен.).

— Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: 1) Крестьянъ и крѣпостныхъ людей, доставшихся по наслѣдству разночинцамъ и отбираемыхъ отъ нихъ съ землею и безъ земли, освободить впредь отъ платежа опредѣленныхъ въ ст. 261 Прод. Свод. Уст. о Подат. пяти процентовъ съ заплаченной за нихъ изъ казны суммы на томъ же основаніи, какъ это постановлено въ примѣчаніи къ ст. 653 Прод. Т. 9 Свод. Зак. о дворовыхъ людяхъ и безземельныхъ крестьянахъ, отбираемыхъ въ казенное вѣдомство по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ въ случаяхъ, въ той и другой статьѣ упомянутыхъ. 2) Мѣру сію въ равной степени распространить и на крестьянъ и крѣпостныхъ людей, дослѣ уже на этомъ основаніи въ казну поступившихъ и пяти-процентнымъ окладомъ обложенныхъ, сложивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣ числящіяся на нихъ по сему сбору недоимки, но не возвращая однако платежей сего рода, которые окажутся дѣйствительно уже отъ нихъ внесенными. 3) Затѣмъ, въ-замѣнъ ст. 261 Прод. Свод. Уст. о Под. (т. 5), постановить слѣдующее: крестьяне и крѣпостные люди съ землею, доставшіеся по наслѣдству лицамъ, неимѣющимъ по закону права владѣть ими и отбираемые по сему случаю (согласно съ 166 ст. Свод. Зак. о Сост. Т. 9) въ казну, поступаютъ въ составъ государственныхъ крестьянъ и облагаются податями и повинностями на одинаковомъ съ ними послѣдними основаніи; обращаемые же въ казну безъ земли получаютъ дозволеніе избрать себѣ родъ податнаго состоянія не далѣе какъ въ девятимѣсячный, со дня отобранія ихъ въ казну срокъ, и, воспользовавшись узаконенными для вступающихъ вновь въ состояніе сіе льготами, облагаются тѣми же податями, какія несутъ прочія лица сословія, къ которому они будутъ причислены. Само собою разумѣется, что тѣ изъ нихъ, кои въ-слѣдствіе означеннаго дозволенія поступаютъ въ званіе государственныхъ крестьянъ, платежу оброка подвергаются собственно въ такомъ лишь случаѣ, если воспользуются казенною землею, но надѣленію ли отъ казны изъ числа земель запасныхъ, или отъ сѣмь сельскихъ обществъ изъ числа земель податныхъ (общественныхъ).

— Дозволено Караванамъ, въ Таврической и другихъ губерніяхъ жительствующимъ, принимать въ услуженіе христіанъ, а приглажающимъ изъ-за границы вступитъ въ російское подданство на основаніи общихъ по сему предмету правилъ (январь 26).

— Повелѣно: 1) въ Курляндской Губерніи не допускать Евреевъ къ откупному или оброчному содержанию корчемъ, шинковъ и проч., въ мѣстечкахъ и селеніяхъ; 2) въ Губерніяхъ Могилевской и Витебской дозволить купцамъ и мѣщанамъ изъ Евреевъ содержать постоянные дворы или корчмы, шинки и проч. только въ городахъ и мѣстечкахъ сихъ губерній; 3) для управленія состоящими внѣ городовъ и мѣстечекъ почтовыми станціями, если таковыя съ торговъ за Евреями останутся и на нихъ будутъ находиться христіане, поставить Евреямъ въ обязанность избирать повѣреннаго изъ христіанъ; 4) приобретать земли въ собственность и аренду для поселяннн и хлѣбопашества въ Губерніяхъ Витебской и Могилевской дозволить Евреямъ не иначе, какъ на трехверстномъ разстояніи отъ селеній помѣщичьихъ и казенныхъ (январь 27).

— Учредителямъ 3-го Страховаго отъ Огня Общества продолженъ уставомъ его шестимѣсячный срокъ для раздачи акцій еще на одинъ годъ, считая со дня Высочайшаго утвержденія настоящаго постановленія.

— Предоставленная на основаніи примѣчанія къ 441 ст. Свод. Зак. Т. 5. Уст. о. Пош. елисаветградскимъ 3-й гильдіи купцамъ льгота уменьшенной подати съ истеченіемъ въ семь 1840 году срока ея распространена еще на десять лѣтъ (январь 16).

V. Законы гражданскіе.

— При разсмотрѣніи случая о выдѣлѣ невѣсткѣ указныхъ частей изъ имѣнія свекра ея, Государственный Совѣтъ постановилъ, что выдѣлъ этотъ долженъ быть производимъ изъ того движимаго имущества, какое въ день смерти свекра въ наличности окажется.

— Въ дополненіе 3и 4 пунктовъ правилъ 1837 года о конфискаціи имѣній мятежниковъ постановлено: находящихся въ безвѣстной отлучкѣ мятежниковъ, о конхъ правительству не будетъ извѣстно,

состояли ли они въ живыхъ при смерти лицъ, послѣ которыхъ имѣніе остаюсь, считать умершими и самое право на то имѣніе казны смертію ихъ уничтоженными. 7 пунктъ сихъ правилъ замѣненъ слѣдующимъ: «если въ пользу лица, участвовавшаго въ мятежъ, до произнесенія надъ нимъ приговора, открылось право на наслѣдство отъ родственниковъ боковой линіи, кромѣ дядей и тетокъ, то казна заступаетъ его мѣсто и подобныя дѣла имѣютъ быть производимы порядкомъ, для дѣлъ казенныхъ установленныхъ. Имѣнія же, на которыя наслѣдственное право мятежника открылось, хотя до произнесенія надъ нимъ приговора, но послѣ уже смерти его физической, конфискаціи не подлежатъ.»

— Въ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта постановлены дополнительныя правила о духовныхъ завѣщаніяхъ. Правила сіи совершенно устранили затрудненія, какія могли только еще встрѣчаться при ясныхъ правилахъ, изображенныхъ въ положеніи 1 октября 1831 года (января 5 указ. Сен.).

— Всемъ выкупающимъ ясырей вмѣнено въ обязанность о каждомъ выкупѣ объявлять въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, если онъ мухаммеданинъ, то приставу мухаммеданскихъ народовъ, если христіанинъ и русскій подданный, то ближайшему мѣстному начальству; виновный же въ пропущеніи сего срока лишается права владѣнія выкупленнымъ плѣнникомъ, который, въ такомъ случаѣ, немедленно получаетъ свободу. Когда ясырь, прежде выслуги установленнаго въ законѣ 1835 года срока пожелаетъ получить свободу, то обязанъ внести выкупившему его изъ плѣна сполна ту сумму, какаѣ за него была заплачена; всякое же уменьшеніе сей суммы можетъ зависѣть отъ добровольнаго только согласія хозяина. Сумма, за освобожденіе ясырей изъ неволи заплаченная, для отвращенія въ послѣдствіи всякаго недоразумѣнія и излишняго со стороны хозяина требованія, должна быть съ точностію означена въ самомъ актѣ выкупа (января 22).

— Постановлено, что сила мнѣнія Государственнаго Совѣта, 26 мая 1837 года обнародованнаго, прямо разпространяется на всѣ вообще дѣла, какъ начавшіяся до состоянія его, такъ и на возникшія послѣ онаго, какъ доказано, что люди, бывшіе во вла-

дѣля или въ услуженіи разночинцевъ, поступили ужь, до изданія положенія 16 апрѣля 1837 года и до начатія своихъ исковъ, въ крѣпостное владѣніе дворянъ, а потому и положено, что по такимъ дѣламъ не слѣдуетъ ни предоставлять свободы людямъ, состоявшимъ уже во владѣніи дворянъ, ни подвергать штрафу владѣвшихъ ими и способствовавшихъ къ тому лицъ; но о тѣхъ людяхъ, которыхъ помѣщики, написавъ за собою по актамъ и положивъ по ревизіямъ, взяли въ свое владѣніе или продали другимъ уже послѣ начатія исковъ о свободѣ во время производства оныхъ, рѣшать дѣла на общемъ основаніи законовъ, по тому уваженію, что передача людей при производствѣ о свободѣ запрещена 656 статьею 9 Т. Свода Законовъ о Состояніяхъ.

— Постановлено, что дѣла о земляхъ, принадлежащихъ по крѣпостямъ цѣлымъ селеніямъ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть изъяты отъ разсмотрѣнія палатъ государственныхъ имуществъ и должны въ производствѣ своемъ подлежать слѣдственному ходу, установленному въ 2066 и 2067 ст. Т. 10 Свод. Зак. Гражд. Чтѣ же касается до дѣлъ о земляхъ, возникающихъ лично между казенными крестьянами, или у крестьянъ съ помѣщиками, то дабы эти дѣла, по прикосновенности ихъ къ казенному интересу, не ускользали отъ должнаго вниманія палатъ государственныхъ имуществъ, вмѣнено симъ послѣднимъ въ обязанность, чтобы по прісылкѣ къ нимъ такихъ дѣлъ на заключеніе изъ гражданскихъ палатъ, не касался разбирательства частныхъ споровъ, подлежащихъ собственному разрѣшенію общихъ судебныхъ мѣстъ, входили въ сужденіе того только: не принадлежатъ ли таковыя земли, о коихъ происходятъ частныя споры, казнѣ или обществамъ крестьянъ, и буде удостовѣрятся о непринадлежности ихъ ни казнѣ, ни обществамъ, то немедленно обращали дѣла сіи въ гражданскія палаты, для выполненія по нимъ тѣхъ правилъ, кои для частныхъ тяжбъ постановлены; въ противномъ же случаѣ, если откроется, что споры по такимъ дѣламъ происходятъ о земляхъ, принадлежавшихъ казнѣ или обществу, то въ разсмотрѣніи ихъ наблюдали все то, чтѣ предписано законами для дѣлъ, сопряженныхъ съ интересомъ казны (Февраля 4).

VI. Законы уголовные

— На мѣста выбывшихъ какъ изъ новыхъ, такъ и изъ старыхъ казенныхъ поселеній въ Сибири смертію, побѣгомъ, ссылкой, равно на мѣста неспособныхъ къ работамъ по причинѣ увѣчья, болѣзни и старости, дозволено назначать новыхъ поселенцевъ, однакожь въ такомъ только случаѣ, когда въ домахъ не останется ни вдовъ первоначальныхъ поселенцевъ, которыя пользовались бы всѣми правами, предоставленными ихъ мужьямъ, доколѣ будутъ исполнять лежавшія на нихъ послѣднихъ обязанности, ни совершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ мужескаго пола, такъ что хозяйства поддерживать будетъ не кому.

— Сверхъ существующаго уже постановленія (9 апрѣля 1832 года положеніе Комитета Министровъ), чтобы дѣла о совращеніяхъ и самовольной постройкѣ иновѣрческихъ церквей были во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ выводимы изъ очереди, повелѣно принять мѣры, чтобы по отношеніямъ епархіальныхъ начальствъ къ начальству губернскому по дѣламъ о преступленіяхъ противъ вѣры, чинимы были безотлагательныя изслѣдованія при депутатахъ со стороны православнаго и римскаго духовенства, съ тѣмъ впрочемъ, чтобы неприбытіе котораго-либо изъ нихъ въ назначенный срокъ не останавливало производства слѣдствія. При семъ постановлено, что духовныя и свѣтскія лица, виновныя въ совращеніяхъ, по обнаруженіи ихъ вины формальнымъ слѣдствіемъ, немедленно и прямо предавать суду на общемъ законномъ основаніи, и при томъ первыхъ не суду римскихъ консисторій, какъ донынѣ происходило по неточному примѣненію къ нимъ закона о православномъ духовенствѣ, а на общемъ основаніи—суду уголовному въ мѣстахъ, опредѣленныхъ въ Свод. Зак. Т. 15, кн. 2, разд. 4. гл. 2 О Подсудности, потому что они обвиняются въ нарушеніи не римскихъ церковныхъ, а общихъ государственныхъ законовъ, съ тѣмъ однакоже, чтобы приговоры среднихъ судебныхъ инстанцій или уголовныхъ палатъ были, согласно Высочайше утвержденному 10 января 1838 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, до приведенія ихъ въ исполненіе, представляемы отъ начальниковъ губерній Министерству Внутреннихъ Дѣлъ (января 27).

— Комендантамъ и прочимъ воинскимъ начальствамъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ арестантскія роты и арестанты, въ роты не

сформированные, вмѣнено въ обязанность—по истеченіи каждой трети года, осматривать ихъ, и всѣхъ тѣхъ арестантовъ, кои вмѣютъ отъ роду 50 лѣтъ и болѣе, передавать въ гражданское вѣдомство, а сіе послѣднее всѣхъ тѣхъ изъ показанныхъ людей, которые еще способны къ работѣ, обязано опредѣлять въ арестантскія роты своего вѣдомства, тамъ, гдѣ онѣ сформированы, а съ прочими поступать на основаніи Свод. Зак. Т. 14 ст. 281 и 282, т. е. отправлять ихъ въ Сибирь на поселеніе (января 21).

— Въ дополненіе Устава Евангелическо-Лютеранской Церкви постановлено: 1) чтобъ мѣстныя консисторіи сего исповѣданія, постановивъ рѣшеніе по дѣлу о многобрачїи, доносили о томъ каждый разъ черезъ посредство Генеральной Консисторіи Правительствующему Сенату, для предавія преступника суду по гражданскимъ уголовнымъ законамъ за учиненный имъ, черезъ многобрачїе, подлогъ, и 2) чтобы на виновнаго въ многобрачїи, независимо отъ наказанія, гражданскимъ начальствомъ опредѣленнаго, было налагаемо мѣстною евангелическо-лютеранскою консисторіею церковное, по обряду сего исповѣданія, покаяніе въ видахъ нравственнаго исправленія преступника (февраля 12).

VII. ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГОУСТРОЙСТВО.

— Въ исполненіе мнѣнія Государственнаго Совѣта для вспоможенія городскимъ доходамъ при первоначальномъ устройствѣ въ городѣ Вологдѣ мостовыхъ, учрежденъ на десять лѣтъ особый сборъ съ оцѣнки обывательскихъ недвижимыхъ собственности, полагаемый по полупроценту серебромъ съ каждаго оцѣночнаго серебрянаго рубля. Сбору этому подвергаются одни лишь обывательскія зданія, за исключеніемъ изъ нихъ домовъ бѣдныхъ обывателей, оцѣненныхъ менѣе девяноста рублей серебромъ.

— Въ заштатномъ городѣ Подольской Губерніи Сальницѣ учреждены три годовыя ярмарки: первая 25 апрѣля, вторая 8 сентября и третья 26 октября, и еженедѣльные по четвергамъ и пятницамъ торги.

— Дѣйствіе правилъ о вѣздѣ по московскому шоссе, заключающихся въ Высочайше утвержденномъ 17 декабря 1831 года мнѣніи Государственнаго Совѣта, распространено на весь государственный Х. — Отд. I.

ныя и губерскія шоссе, устроенныя и устроиться имѣющія, какъ скоро по нимъ открытъ будетъ проѣздъ, по дистанціямъ ли, или по всему протяженію.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КИТАЙЦЕВЪ (*).

Въ наше время безпрерывныхъ преобразованийъ въ жизни народовъ, какъ въ Европѣ, такъ и на западъ Азіи, существуетъ одно государство, которое, по своей противоположности со всѣми прочими государствами, составляетъ рѣдкое, загадочное явленіе въ

(*) Непріязненные отношенія Англіи къ Китайской Имперіи, недавно возникшія отъ запрещенія торговли опиумомъ, обращаютъ теперь вниманіе всей образованной Европы на Китай — этотъ недоступный для европейскаго любопытства міръ. Въ Англіи уже появилось нѣсколько книгъ и брошюръ, коихъ авторы черпаютъ свои свѣдѣнія или изъ сочиненій прежде-изданныхъ, или изъ собственныхъ воспоминаній, вывезенныхъ ими послѣ непродолжительнаго пребыванія въ какой-нибудь частичкѣ Южнаго Китая или Кантона. Ораторы англійскаго парламента, съ жадностію ловя эти болѣею-частію гадательныя извѣстія, опираются теперь на нихъ, требуя отъ правительства войны или мира съ Китаемъ, и каждая сторона подкрѣпляетъ свои требованія неосновательными статистическими доводами. Наше положеніе, въ этомъ отношеніи, гораздо-выгоднѣе положенія Англичанъ. Мы имѣемъ исключительно предъ всѣми Европейцами постоянную свою миссію въ самомъ Пекинѣ, и отъ этой миссіи, составленной болѣею-частію изъ людей образованныхъ, можемъ получать самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о состояніи Китайской Имперіи. Знаменитый нашъ синологъ, отецъ Иакинѣвъ, прожившій четырнадцать лѣтъ въ Пекинѣ и имѣвшій полную возможность узнать не только языкъ, но даже еамоналѣйшіе оттѣнки нравовъ и обычаевъ Китайцевъ, и узнать такъ, какъ немногіе знаютъ нравы и обычаи своего отечества, — предпринялъ теперь составленіе Статистическаго Описанія Китая — трудъ, который само можно будетъ назвать драгоценнымъ подаркомъ не только русской, но и европейской ученой литературѣ. Между-тѣмъ, по просьбѣ нашей, онъ сообразилъ предлагаемую здѣсь статью, въ которой схватываетъ нѣкоторыя черты общественной и частной жизни Китайцевъ. Мы увѣрены, что это вѣрное изображеніе обрядовъ и обычаевъ народа, о которомъ никто до сихъ-поръ не можетъ имѣть такихъ вѣрныхъ свѣдѣній, какъ мы Русскіе, буди прочтено съ удовольствіемъ людьми любознательными. *Ред.*

политическомъ мірѣ. Это Китай, въ которомъ видимъ все то же, что есть у насъ, и въ то же время видимъ, что все это не такъ какъ у насъ. Тамъ люди также говорятъ, но только не словами, а звуками; тамъ также пишутъ, но только не буквами, а знаками: строки ведутъ отъ правой руки къ лѣвой, но не поперегъ, а сверху внизъ; книгу начинаютъ тамъ, гдѣ мы оканчиваемъ ее. Мы молимся о упокоеніи родителей по смерти; а тамъ молятся покойнымъ родителямъ о низпосланіи счастія оставшемуся семейству; мы молимся въ храмахъ, а тамъ напротивъ въ домахъ и на кладбищахъ; — однимъ-словомъ, тамъ находится очень-много другихъ вещей, которыя всѣ почти и мы имѣемъ, но тамъ все въ другомъ видѣ.

Китай еще непонятнѣе для насъ въ другихъ противоположностяхъ. Коснетесь ли его просвѣщенія? Китайцы имѣютъ свою литературу, свои науки, и думаютъ, что они образованнѣе всѣхъ народовъ въ свѣтѣ. Въ послѣднемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, можно было бы согласиться съ ними, потому-что каждый ученый Китаецъ обстоятельно знаетъ свое отечественное, особенно то, что нужно ему на поприщѣ государственной службы; но съ другой стороны, по странному народному самолюбію, ничего не желаетъ знать и совершенно не знаетъ ничего, что находится за предѣлами его отечества. Видя въ ярославскомъ гербѣ медвѣдя, стоящаго на заднихъ лапахъ, съ алебардою на плечѣ, онъ отъ всего сердца вѣрить, что чешуйка идетъ въ Китай изъ такого государства, гдѣ люди имѣютъ собачья головы. Если бы все сіе не предъ нашими глазами происходило, то показалось бы столь невѣроятнымъ, что мы не преминули бы причислить этотъ народъ къ мивамъ. Обратите ли вниманіе на учрежденія и законы Китая? Даже просвѣщеннѣйшіе народы Европы могли бы кое-что заимствовать изъ нихъ; со всѣмъ тѣмъ нѣкоторыя злоупотребленія столь твердо укоренились, что правительство не можетъ придумать средствъ къ вѣстребленію ихъ. Это родимыя пятна на тѣлѣ, которыя хотя и неизстребимы, но со всѣмъ тѣмъ не вредятъ тѣлу, а только безобразятъ его наружность.

Но при столь странной смѣси просвѣщенія и невѣжества, при совершенствѣ въ законодательствѣ и слабости законовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, Китай, къ удивленію европейскихъ политиковъ, существуетъ болѣе 4000 лѣтъ въ качествѣ имперіи; и между тѣмъ, какъ самые памятники существованія многихъ сильныхъ въ древности царствъ давно изгладились съ лица земли, сіе госу-

дарство съ незапамятныхъ временъ донинѣ постоянно удержи-
ваетъ первоначальный свой языкъ и письмена, древнюю религію
и обычаи, свои уложенія, измѣняемыя по времени въ маловажномъ,
но неизмѣнныя въ основаніи. Въ такомъ государствѣ, безъ-сомнѣ-
нія, есть много любопытнаго, еще неизвѣстнаго намъ; есть много
хорошаго, поучительнаго для Европейцевъ, кружащихся въ вихрѣ
разныхъ политическихъ системъ. Въ-продолженіе послѣднихъ
двухъсотъ лѣтъ, Европейцы обозрѣвали и описывали Китай съ
разныхъ точекъ; но мы и до сего времени не имѣемъ удовлетво-
рительныхъ свѣдѣній о внутреннемъ устройствѣ столь древней и
вмѣстѣ съ тѣмъ столь твердой политической машины, каковою
Китай представляется въ наше время.

Выше уже было сказано, что въ Китаѣ все то же, что есть у
насъ, и все не такъ, какъ у насъ. Сообщаютъ ли что-нибудь лю-
бопытное о семь государствѣ — мы читаемъ и по-большей-части
не такъ понимаемъ; а когда начнемъ судить по-свѣдому, то на вто-
ромъ или много на третьемъ шагѣ вступаемъ въ какой-то хаосъ,
гдѣ во всемъ видимъ одну несообразность и странную противо-
положность понятій съ ихъ предметами. Отъ-чего же это, спро-
сите вы? отъ-того, что мы судимъ о вещахъ по нашимъ о нихъ
понятіямъ; а въ Китаѣ, въ-отношеніи къ намъ, въ одно время и все
то же и все не то же. Въ-отношеніи къ законодательству, Китай
составляетъ такое цѣлое, въ которомъ всѣ части болѣе или
менѣе связаны взаимными между собою отношеніями; и чтобы
получить самое полное понятіе объ одномъ чемъ-либо, надобно
получить полное же понятіе и о другихъ предметахъ, которые
связаны съ ними по-какимъ-либо отношеніямъ. Но это до извѣст-
наго времени невозможно, и Китай все еще остается лабиринтомъ,
въ которомъ, безъ нити указанія, и нѣскольکو шаговъ иногда сдѣ-
лать безъ ошибки трудно. Я принимаю на себя трудъ описать
въ «Отечеств. Запискахъ» извѣстнѣйшіе церемоніалы китайскаго
двора, обыкновенія и праздники народныя: но могу ли представить
сіи вещи въ надлежащей ясности, не объяснивъ напередъ нѣкото-
рыхъ постороннихъ предметовъ, неотдѣлимыхъ отъ нихъ?

Итакъ, прежде нежели приступлю къ описанію, я долженъ по-
знакомить васъ съ тѣми мѣстами, на которыхъ буду представлять
разныя явленія политической и общественной жизни Китайцевъ;
я долженъ изложить вамъ порядокъ, ихъ лѣтосчисленія и време-
счисленія; изъяснить, что значить въ понятіи Китайцевъ *дань* и
поздравительный адресъ, и дать еще понятіе о важности родовыхъ

прозваній въ Китаѣ. Это въ-послѣдствіи будетъ служить ва краткимъ руководствомъ къ удобопонятному чтенію правильныъ переводовъ съ китайскаго языка, если эти переводы когда-нибудь появятсл.

Я употребилъ слово «правильныхъ» въ-отношеніи къ собственымъ именамъ и словамъ, тонически перелагаемымъ. Въ европейскихъ языкахъ вообще недостаетъ нѣкоторыхъ буквъ къ правильному тоническому переложенію китайскихъ звуковъ; а письмо англійское, по выговору нѣкоторыхъ буквъ на-изнанку, еще сбивчивѣе въ семь случаевъ. На-примѣръ, звукъ *минь* на французскомъ языкѣ пишутъ *ming*, на латинно-португальскомъ *min*; здѣсь при бавленіемъ буквы *g* и переменюю *n* на *m* хотѣли выразить тведую безгласную букву *ъ*, которой нѣтъ въ помянутыхъ языкахъ. Такимъ же образомъ звукъ *цинъ* на французскомъ пишутъ *Tsin* на латинно-португальскомъ *Sim*. На англійскомъ *льи* и *би* пишутъ *reigh*, *leo* пишутъ *leoou*. Русскіе литераторы, не зная ключа къ правильному произношенію подобныхъ словъ, при переводѣ статей о Китаѣ, иногда такъ переименовываютъ выговоръ китайскихъ звуковъ, что китайскія слова, тонически переложеныя совершенно не походятъ на китайскія; а отъ этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невозможно добиться, о чемъ рѣчь идетъ (*).

I. Дворецъ и другія общественныя зданія въ Пекинѣ

Въ Китаѣ каждый городъ, по буквальному значенію сего слова, долженъ быть обнесенъ стѣною и служить средоточіемъ управленію, промышленности и торговлѣ на извѣстномъ пространствѣ. По сему опредѣленію каждый городъ тамъ, въ полномъ европейскомъ смыслѣ, есть гостинный дворъ, который тѣмъ только отличается отъ гостинныхъ дворовъ въ Европѣ, что между торговыми лавками въ каждой улицѣ найдете и гостиницы, и монастыри, и аптеки, и мануфактуры, и магазины разныхъ ремеслъ, и проч. и проч. Самый Пекинъ, эта пестрая, шумная, многолюднѣйшая столица на востокъ Азіи, есть обширнѣйшій въ мірѣ гостинный дворъ, съ множествомъ присутственныхъ мѣстъ, княжескихъ дворцовъ, храмовъ и монастырей. Небольшое число жилыхъ домовъ разбросано въ отдаленныхъ частяхъ города, близъ городскихъ стѣнъ.

(*) Въ «Китайской Грамматикѣ», изданной мною въ 1838 году, помѣщены прибавленія о начертаніи китайскихъ звуковъ на языкахъ французскомъ, португальскомъ и англійскомъ, съ переложеніемъ опытъ на русское языкѣ.

Разверните планъ Пекина (*). Я покажу вамъ его разположеніе, а потомъ отъ среднихъ южныхъ городскихъ воротъ поведу васъ во прямой чертъ на сѣверь—къ тому мѣсту, откуда богда-ханъ въ-за девяти стѣнъ поведѣваетъ имперіею почти съ 400 милліонами жителей.

Пекинъ раздѣляется на два города: внутренній и внѣшній. Четыреугольный городъ къ сѣверу (на планѣ по угламъ означенный № III), называется внутреннимъ, потому только, что въ половинѣ XVI столѣтія положено было обвести его предмѣстія второю стѣною, которой предварительно дано было названіе внѣшняго города. Но по смутнымъ обстоятельствамъ тогдашнимъ, успѣли обвести стѣною только южное предмѣстіе, которое нынѣ составляетъ внѣшній городъ (означенный по угламъ № IV). Во внутреннемъ городѣ есть императорскій городъ (на планѣ по угламъ означенный № II). Въ центрѣ сего города лежитъ кремль, иначе дворцовый городъ (означенный на планѣ № I). Кто желаетъ знать китайскія названія помянутыхъ мѣстъ, пусть потрудится заглянуть въ описаніе Пекина».

Въ 1648-мъ году правительство купило у жителей весь внутренній городъ для помѣщенія столичнаго гарнизона, а императорскій городъ назначенъ былъ для пребыванія служащихъ при дворѣ; но нынѣ весь внутренній городъ и частию императорскій превращены въ гостинный дворъ. Въ первомъ большія улицы содержатъ по шести верстѣ длины въ прямую линію отъ юга къ сѣверу, и это все лавки, магазины, гостиницы, и проч. и проч.

Обратимся къ южной стѣнѣ внѣшняго города. Среднія въ ней ворота (№ 175) называются Юнь-динъ-мынь. Когда пойдете отъ сихъ воротъ прямо на сѣверъ, то по правую сторону дороги представится вамъ обширное пространство, обнесенное стѣною (№ 97). Это жертвенникъ небу. Государь, ежегодно, въ день зимняго поворота, совершаетъ здѣсь великое жертвоприношеніе Небу (Богу).

Противъ сего жертвенника, по западную сторону дороги, также есть довольно-обширное мѣсто, обнесенное высокою стѣною (№ 109). Это жертвенникъ изобрѣтателю земледѣлія. Здѣсь государь ежегодно въ третьей весенней лунѣ (апрѣль), въ счастливый день подъ названіемъ *хай*, совершаетъ извѣстный обрядъ землепашества.

(* Планъ Пекина съ описаніемъ сей столицы издавъ мною въ 1829 году. Соч.

Далѣ къ сѣверу ворота внутренняго города, называемыя Чженъ-лянь-мынь (№ 94), а еще далѣ первыя ворота императорскаго города, называемыя Дай-цинъ-мынь (№ 60). За сими воротами обширная площадь съ дворцовыми по бокамъ зданіями для застѣданія временныхъ комитетовъ по разнымъ дѣламъ. Далѣ къ сѣверу еще двое воротъ императорскаго города, называемыя Тьянь-анъ-мынь (№ 61) и Дуинъ-мынь (№ 62). По правую сторону сихъ воротъ Тхай-міао (№ 63), что значитъ великій храмъ. Это храмъ предкамъ царствующей династіи. Здѣсь въ началѣ каждаго изъ четырехъ годовыхъ временъ князья царствующаго дома совершаютъ приношеніе, а въ концѣ года приносятъ общую жертву предкамъ своего дома.

Насупротивъ сего храма, по западную сторону дороги, жертвенникъ Ше-цзи-тхань (№ 64), посвященный Ше и Цзи, покровителямъ земледѣлія. Здѣсь ежегодно приносятъ имъ жертву въ среднихъ мѣсяцахъ, весеннемъ и осеннемъ (въ мартѣ и сентябрѣ, то есть въ началѣ и по окончаніи полевыхъ работъ), въ день подъ названіемъ *слюй*.

Далѣ къ сѣверу южныя ворота дворцоваго города, называемыя Ву-мынь (№ 1). Надъ сими воротами есть двуэтажная башня въ девять звеневъ. По бокамъ сей башни, въ открытыхъ галлерейхъ на восточной сторонѣ, повѣшенъ колоколь, на западной литавра. При каждомъ шествіи государя въ тронную Тхай-хо-дянь, бьютъ въ колоколь (*) и литавру; при выѣздѣ и въѣздѣ чрезъ сіи ворота бьютъ въ колоколь, при жертвоприношеніи въ великомъ храмѣ бьютъ въ литавру. За сими же воротами выдаютъ подарки иностраннымъ посланникамъ и ихъ государямъ, и ежегодно въ 1-е число десятой луны раздають мѣсяцесловы на будущій годъ.

Отъ сихъ воротъ далѣ къ сѣверу ворота Тхай-хо-мынь (№ 2), за которыми находятся три тропня — одна за другою въ близкомъ разстояніи.

Первая и главная тронная есть Тхай-хо-дянь (№ 3), опредѣленная для большихъ выходовъ при дворѣ. Государь входитъ въ сію тронную для принятія поздравленій въ новый-годъ, въ зимній поворотъ, въ день своего рожденія и по другимъ важнымъ какимъ-либо случаямъ.

Сія тронная есть огромное одноэтажное зданіе. Цоколь ея имѣетъ въ вышину 20, а все зданіе съ кровлею 110 футовъ; въ

(*) Въ Китаѣ бьютъ въ колоколь съ бока большимъ деревяннымъ отрубкомъ.

фасадъ 11, а въ поперечникъ 5 звеньевъ, съ двойнымъ свѣсомъ. Крыльцо предъ сею тронною называется краснымъ, обведено перилами изъ бѣлаго мрамора, раздѣлено на пять сходовъ, каждый съ тремя площадками; между площадками по десяти ступеней. Предъ тронною, на помостъ, называемомъ краснымъ, чиновники при большихъ выходахъ совершаютъ обрядъ троекратнаго колынопреклоненія, съ девятью поклонами въ землю (*). Для сего по правую и лѣвую сторону мостовой, ведущей въ тронную, поставлены въ видъ болванчиковъ бронзовые столбики, на которыхъ вырѣзаны классы чиновъ отъ 1-го до 9-го (**). Для каждого класса сдѣлано по одной линіи: на восточной сторонѣ для гражданскихъ, на западной для военныхъ. Надобно знать, что въ Китаѣ восточная, т. е. лѣвая сторона—при обращеніи лицомъ къ югу—считается старшею, и гражданскіе чиновники, по ихъ образованію, имѣютъ преимущество предъ военными.

Отъ тронной Тхай-хо-дянь на сѣверъ стоитъ вторая тронная, называемая Чжунъ-хо-дянь (№ 4). Она содержитъ и въ фасадѣ и въ глубину по три звена, т. е. четверугольная, но съ круглою кровлею. Предъ тронною два флигеля—оба изъ тридцати звеньевъ—служатъ кладовыми для бронзовыхъ вещей. Въ сію тронную входитъ государь смотрѣть молитвы, сочиненныя для жертвоприношеній, хлѣбъ и земледѣльческія орудія, приготовленныя для церемональнаго земледѣшества. Здѣсь же подносятъ ему родословную царствующаго дома, вновь переписываемую по истеченіи десяти лѣтъ.

Отъ сей тронной далѣе на сѣверъ стоитъ тронная Бао-хо-дянь (№ 5), имѣющая въ фасадѣ девять звеньевъ, съ двойнымъ свѣсомъ и нависшими коньками. Въ сей тронной государь угощаетъ иностранцевъ наканунѣ новаго - года, производитъ испытаніе магистровъ. Здѣсь же съ торжественною церемоніею подносятъ ему жизнеописаніе покойнаго его родителя.

Вышеописанныя три тронныя отдѣлены одна отъ другой стѣнами, и назначены единственно для церемональныхъ выходовъ при дворѣ: почему въ каждой тронной у сѣверной стѣны противъ самого входа со-внѣ въ залъ поставленъ престолъ для государя.

(*) Дѣлаютъ три колынопреклоненія, и при каждомъ по три раза бьютъ челою въ землю.

(**) Т. е., отъ 1-го до 18-го; потому-что каждый классъ подраздѣляется на два: старшій и младшій.

Отъ тронныхъ далье на сѣверь лежать ворота Цянь-цинъ-ми-инь (№ 19), въ пять звеньевъ съ тремя проходами. Въ сихъ воротахъ находится кабинетъ, въ которомъ государь занимается разсматриваніемъ государственныхъ дѣлъ.

За сими воротами къ сѣверу возвышается огромное зданіе имѣющее девять звеньевъ въ фасадѣ и пять въ глубину. Это есть дворецъ Цянь-цинъ-гунь (№ 20), въ которомъ государь имѣетъ пребываніе, разсуждаетъ съ государственными чиновниками о дѣлахъ и принимаетъ чиновниковъ, представляемыхъ къ опредѣленію и повышенію. Здѣсь оны ежегодно въ новыи годъ даетъ столъ для князей своего рода. Здѣсь же, на обширномъ помостѣ, между воротами и дворцомъ, въ 1711 и 1785 годахъ угощали собранныхъ со всего Китая стариковъ, имѣвшихъ выше 60-ти лѣтъ отъ рода (*).

Отъ сего дворца далье на сѣверь, стоитъ тронная Цзяо-тхай-диль (№ 21), построенная по образцу тронной Чжунъ-хо-дьянь, т. е., въ три звена со всѣхъ сторонъ, съ круглою кровлею. Въ сей тронной государыня принимаетъ поздравленія отъ разныхъ лицъ своего пола и своихъ дѣтей.

За тронною Цзяо-тхай-дьянь лежитъ дворецъ Кхунъ-нинъ-гунь (№ 22), въ которомъ государыня имѣетъ пребываніе. Обширною оны равенъ дворцу Цянь-цинъ-гунь.

Далье къ сѣверу, ворота Кхунъ-нинъ-мынь (№ 23), ведущія во дворецъ государыни съ сѣверной стороны. За сими воротами на сѣверь прелестный садъ съ искусственными озерами и горами. Садъ къ сѣверу оканчивается воротами Юй-юанъ-мынь, а садомъ оканчивается дворецъ богда-хана, взятый въ европейскомъ смыслѣ. Царевичи живутъ въ особливыхъ дворцахъ, по восточную, а четыре классныя наложницы государевы на западную сторону сего дворца. За садомъ къ сѣверу лежать ворота Шень-ву-мынь (№ 24), ведущія въ дворцовый городъ съ сѣвера. Отъ сихъ воротъ къ сѣверу лежать садъ съ прелестною о пяти холмахъ горою, называемою Цзинъ-шанъ (№ 73). На этой горѣ повѣсилася послѣдній государь изъ дома Минъ. У сѣверной стѣны въ семь саду лежитъ траурная тронная Шеу-хуанъ-дьянь, въ которой гробъ съ тѣломъ покойнаго государя обыкновенно стоитъ отъ его кончины до по-

(*) Отъ Юнь-динъ-мынь до Цянь-цинъ-мынь считается восемь воротъ. Вотъ почему въ китайской литературѣ введено выраженіе, что богда-ханъ обитаетъ за девятью стѣнами.

гребеня. По силѣ двумъ причинамъ садъ никѣмъ изъ царскихъ лицъ не посвящается.

II. СТРОЕНИЕ И РАЗПОЛОЖЕНІЕ ЗДАНІЙ.

Выше я показаль только расположеніе тронныхъ и дворцовъ государевыхъ. Но еще необходимо нужно узнать внутреннее расположеніе зданій. Начнемъ съ воротъ.

Въ китайскомъ зодчествѣ три вида воротъ: городскія, форменныя и обыкновенныя.

Городскія ворота суть высокій со сводомъ проходъ сивозъ стѣну городскую. Въ самой срединѣ прохода деревянные затворы во всю вышину прохода. Надъ воротами на стѣнѣ строится башня, коей наружный и внутренній видъ совершенно сходствуетъ съ расположеніемъ жилыхъ огромныхъ зданій. Башни бывають двуэтажныя съ двойнымъ и тройнымъ свѣсомъ.

Второй видъ составляютъ форменныя ворота, названныя такъ потому-что они строятся по формѣ, закономъ предписанной, соответственно мѣсту или классу чина. Сія ворота состоятъ изъ одноэтажнаго зданія съ однимъ, тремя и пятью проходами. По наружному виду они не отличаются отъ обыкновенныхъ жилыхъ зданій: во вмѣсто лицевой и задней стѣны имѣють по самой срединѣ длины своей воротныя полотенцы—по два и по четыре. Въ воротахъ и на воротахъ бывають еще жилыя комнаты. Вотъ почему государь занимается государственными дѣлами въ воротахъ Цань - цинь - мынь и на воротахъ Ву-мынь. Форменныя ворота строятся при публичныхъ зданіяхъ, какъ-то: при дворцахъ, храмахъ, присутственныхъ мѣстахъ и монастыряхъ. Они состоятъ изъ одного, трехъ и пяти звеньевъ, но болѣе одного прохода имѣть не могутъ, исключая воротъ въ царскомъ дворцѣ. Обыкновенныя ворота состоятъ изъ верей каменныхъ, кирпичныхъ и деревянныхъ, на которыхъ вѣшаются половенца. Сія ворота бывають разной величины и разныхъ формъ.

Зданія вообще, какъ и форменныя ворота, имѣють оставъ деревянный, кровлю черепичную, стѣны кирпичныя. Построеніе начинается тѣмъ, что на выбитомъ изъ глины съ известью основаніи кладутъ цоколь изъ камня или кирпича на одинъ, на два и болѣе футовъ отъ земли. На семъ основаніи разкладываютъ каменныя подстоля въ равномъ одно отъ другаго разстояніи, наблюдая притомъ, чтобы подстоля на сѣверной сторонѣ были на одной линіи съ противоположными на лицевой сторонѣ. На подстоля

ставить деревянные столбы, которые сверху разперты продольными брусками, вложенными в пазы. На каждый передний столб съ противоположнымъ ему заднимъ кладутся поперечныя балки или матицы, на которыхъ утверждаются стропила, а къ стропиламъ приколачиваютъ рѣшетинникъ, на который настилаютъ свинцовыя листы или гонть, потомъ слой глины или известня растворенной съ глиною, и кладутъ черепицу. Симъ оканчивается главная работа въ зданіи. Кладка стѣнъ и внутренняя отделка послѣ продолжаютъся. Разстояніе отъ столба до столба по лицевой сторонѣ называется звеномъ; котораго длина, соответственно вышине зданія, бываетъ отъ 7 до 15 футовъ. Зданія вообще имѣютъ нечетное число звеньевъ, на-пр: три, пять, семь, девять. Въ построеніи флигелей, службъ и казармъ не наблюдаютъ сего правила. Кровля вообще двускатная, исключая дворцовъ и храмовъ, которые кроются на четыре стороны. Въ зданіяхъ съ двойнымъ и тройнымъ свѣсомъ бываетъ одна кровля нижній свѣсъ внутреннимъ бокомъ прикрывается къ главному зданію, а наружнымъ лежитъ на деревянныхъ колоннахъ, и составляетъ довольно-широкій крутой ходъ вокругъ зданія. Въ зданіяхъ двух-этажныхъ колонны ставятся сквозныя до кровли, а второй этажъ утверждается на брускахъ, лежащихъ на особенныхъ поставкахъ, прислоненныхъ къ колоннамъ.

Въ большихъ домахъ фасадъ главнаго зданія всегда обращенъ на югъ; впереди по бокамъ флигели—восточный лицомъ на западъ западный на востокъ. Вокругъ главнаго корпуса крытый ходъ. Центральное звено, всегда нечетное, какъ въ нашихъ строеніяхъ число оконъ, составляетъ входъ въ пріемный залъ съ тремя дверями, изъ коихъ среднія состоятъ изъ двухъ полотенецъ, а боковыя одностворчатыя. У сѣверной стѣны въ залъ прямо противъ входа дѣлается огромный щитъ, подѣ которымъ ставятся диванъ или кресла. За щитомъ выходъ изъ зала на задній дворъ. Выходъ изъ зала въ боковыя комнаты закрытъ, вмѣсто дверей, занавѣсами. Таково и самое разположеніе тронныхъ. Прихожихъ не бываетъ, а изъ зала выходъ на крыльцо, съ котораго сходъ по ступенямъ ведетъ на мостовую, а мостовая ведетъ черезъ весь дворъ къ щиту, закрывающему церемональныя ворота отъ входа въ залъ; за церемональными воротами лежатъ наружныя ворота, стояція лицомъ на улицу, а внутри ихъ службы для привратниковъ. Въ присутственныхъ мѣстахъ за уличными воротами еще есть палисадъ съ рѣшетчатыми деревянными воротами. Главный корпусъ

взвѣщается для пріятія гостей и для занятія дѣлами, а жилыя комнаты и службы для людей отдѣльно разположены за главнымъ корпусомъ.

III. Лѣтосчисленіе.

Китай имѣлъ древнюю исторію своего существованія, которая, при всей краткости тогдашняго слога, содержала въ себѣ очень много любопытнаго и, до сокращенія ея славнымъ мудрецомъ Ххунъ-цзы, начиналась гораздо древнѣе,—ибо она, по преданіямъ, возходила къ тѣмъ первобытнымъ временамъ, когда обитатели вѣнъшняго Китая только-что начали выходить изъ дикаго состоянія, т. е. начали строить шалаши на деревьяхъ, прикрываться древесною корою, добывать огонь посредствомъ тренія двухъ деревъ и пр. Сіи первыя времена восточнаго міра въ Азіи сколь ни кажутся отдаленными, но по китайскимъ преданіямъ не возходятъ далѣе 3000 лѣтъ до Р. Х.

По баснословнымъ преданіямъ неизвѣстнаго сочинителя, отъ сотворенія міра до Р. Х. прошло 3,267,000 лѣтъ. Столь длинный періодъ заключаетъ въ себѣ царствованіе десяти колѣнъ, изъ коихъ каждому опредѣлено извѣстное число лѣтъ продолженія. Но сіи преданія, какъ сказки, составленныя изъ несбыточныхъ повѣстей, учеными Китайцами безусловно отвергнуты. Въ XII вѣкѣ славный китайскій астрономъ Шао-цзы составилъ систему міробытія. По сей системѣ существованіе міра раздѣляется на положительныя періоды, изъ коихъ каждый заключаетъ въ себѣ продолженіе 126,600 лѣтъ, т. е. отъ начала міра до его окончанія должно протечь 126,600 лѣтъ.

Періодъ міра раздѣляется на 12 круговъ, подобно какъ годъ раздѣляется на 12 мѣсяцевъ. Кругъ содержитъ въ себѣ 30 оборотовъ, а оборотъ содержитъ въ себѣ 12 тридцати-лѣтнихъ вѣковъ, подобно какъ мѣсяць содержитъ въ себѣ 30 дней, а день 12 часовъ (китайскій часъ содержитъ въ себѣ два часа европейскіе). Симъ образомъ каждый кругъ заключаетъ въ себѣ продолженіе 10,800 лѣтъ. Круги называются именами 12 земныхъ вѣтвей (см. далѣе). Въ первомъ кругѣ, подъ названіемъ *Цзы* (*), образовалась твердь; во второмъ, подъ названіемъ *Чеу*, образовалась земля; въ третьемъ, подъ названіемъ *Инь*, явились одушевленныя твари, и теперь только родился человѣкъ. Нынѣ

(*) О значеніи буквъ *цзы*, *чеу*, *инь*, *чу*, *стой* и *хай* см. въ слѣдующемъ отдѣленіи этой статьи.

(со времени государя Яо, т. е. съ 2,357 года до Р. Х.) продолжаетъ шестой кругъ, подъ названіемъ *Ву*. Въ 11 кругъ, подъ названіемъ *Сюй*, исчезнетъ все одушевленное, и людей уже не будетъ. Въ 12 кругъ, подъ названіемъ *Хай*, послѣдуетъ совершенное разрушеніе міра и превращеніе его въ хаосъ. По окончаніи сихъ перемѣнъ, въ слѣдующемъ періодѣ, подъ названіемъ *Цзы*, начнетъ новое образованіе міра по прежнимъ естественнымъ законамъ. Небо и земля вновь-произшедшія будутъ подобны нынѣшнимъ, и такое послѣдованіе періодовъ одного за другимъ будетъ безконечно.

Сія система міробытія, какъ предположеніе, основанное на одномъ арифметическомъ вычисленіи, китайскими историками не принята; а между-тѣмъ, бывъ передана въ Европу безъ объясненія, породила множество нелѣпостей о истинномъ историческомъ лѣтосчисленіи Китайцевъ.

Древняя исторія Китая еще во времена мудреца Кхунъ-цзы, т. е., за пять вѣковъ до Р. Х., по ея древности считалась священною подъ названіемъ Шу-цзинъ; но какъ она содержала въ себѣ разные заблужденія и суевѣрія, свойственныя тогдашнимъ временамъ, то Кхунъ-цзы, желая поставить ее основаніемъ государственнаго управленія и нравственности въ народъ, исключилъ все несообразное съ здравымъ разумомъ, и, сокративъ ее во 100 главъ, — уничтожилъ $\frac{1}{10}$ древнихъ свѣдѣній о Китаѣ. Въ его время способъ писанія былъ очень-затруднителенъ, почему ученые, единодушно привявъ новое сокращеніе, тотчасъ оставили все старое. Во время книгосожженія, случившагося за два съ небольшимъ столѣтія до Р. Х., истреблены были всѣ историческія книги и стихотворенія, исключая «Книги Перемѣнъ», которая, какъ гадательная, пощажена была. Вскорѣ послѣ сего происшествія нашли древнюю священную исторію Китая, закладенную въ стѣнѣ одного дома, но до половины согнившую. Симъ образомъ самая большая часть древнѣйшихъ свѣдѣній о Китаѣ безвозвратно утрачена.

Сы-мà-цзянь, славный историкъ, жившій во II вѣкѣ предъ Р. Х., первый написалъ систематическую полную исторію Китая, доведенную отъ древнихъ временъ до 140 года предъ Р. Х. Сей историкъ говоритъ, что въ его время старики много помнили разныхъ преданій о древнихъ событіяхъ Китая, и на основаніи сихъ преданій онъ началъ свою исторію съ 61 года царствованія государя Хуанъ-ди, а по нашему лѣтосчисленію съ 2637 года до Р. Х. Но историкъ XII вѣка, Чжу-си, въ своей лѣтописи Китая, подъ на-

званіемъ Гань-му, основывался на древней исторіи, сокращенной мудрецомъ Кхунь-цзы, началъ лѣтосчисленіе съ царствованія государя Яо, т. е. съ 2357 года, отнюдь не опровергал существованія государей, бывшихъ до Яо, и его мнѣніе всѣми учеными признано основательнымъ.

Итакъ, по хронологіи, нынѣ принятой въ Китаѣ:

Яо царствовалъ отъ 2357 до 2255, всего 102 года.

Шунь царствовалъ отъ 2255 до 2205, всего 50 лѣтъ.

I. Династія *Ся* царствовала отъ 2205 до 1766, всего 439 лѣтъ.

II. Династія *Шань* отъ 1766 до 1122, всего 644 года. Династія *Шань* съ 1401 года приняла названіе *Инь*.

III. Династія *Чжэу* царствовала отъ 1122 до 255, всего 867 лѣтъ—Государи династіи *Ся* назывались царями, по-китайски *хэу*; на-пр. *Ся-хэу-юй*. *Ся-хэу* значитъ царь изъ дома *Ся*, *Юй* есть имя перваго царя изъ сего дома. Въ-послѣдствіи *Ся-хэу* обращено въ прозваніе сему дому. Государи династіи *Шань* титуловались *Вань*, что нынѣ значитъ: великій князь, и сје слово поставлялось предъ ихъ именами; на-пр. *Вань Чень-тхань*, что значитъ: великій князь *Чень-тхань*. Государи династіи *Чжэу* назывались также великими князьями: но слово *вань* поставляли послѣ имени. Это произошло отъ-того, что въ началѣ сей династіи сдѣлано было положеніе по кончинамъ государей давать имъ особливья имена, подъ которыми они остаются въ исторіи; а имена сіи означали свойства или качества ихъ; на-пр. *Ву-вань*, что значитъ «воинственный король»; ибо сей государь оружіемъ взялъ у династіи *Шань* престолъ имперіи. Въ-продолженіе династіи *Чжэу* находятся два частные періода: а) *Чунь-цю*, что значитъ Весна и Осень. Собственно, Весна и Осень есть названіе лѣтописи удѣльнаго княжества *Лу*, сочиненной мудрецомъ *Кхунь-цзы*. Сей періодъ составляетъ цѣпь фамилныхъ споровъ между удѣльными князьями и удѣльныхъ князей съ своими вельможами. Онъ продолжался съ 722 до 480, всего 242 года. б) *Чжань-го*, что значитъ Война Царствъ: ибо въ сіе время семь сильныхъ царствъ, на которыя *Китай* раздѣлился, вели между собою упорную войну, защищая престолъ имперіи, существовавшій въ одномъ мнѣніи ихъ. Сей періодъ продолжался отъ 480 до 223, всего 257 лѣтъ.

IV. Династія *Цинь* царствовала отъ 255 до 206, всего 49 лѣтъ.

V. Старшая династія *Хань* царствовала съ 206 года до Р. Х. до 23 года по Р. Х., всего 228 лѣтъ. Последнія четырнадцать лѣтъ

сей династїи составляютъ царствованіе престоло-хищника Вань-мань (онъ же Синь-мань).

VI. Младшая династія *Хань*, одного дома съ старшею, царствовала съ 23 до 226, всего 198 лѣтъ.

VII. Династія *Вэй* царствовала отъ 221 до 265, всего 44 года. Сей же самый періодъ составляетъ и троецарствіе, по-китайски *Сань-го*; ибо въ царствованіе династїи Вэй, Китай раздѣлялся на три царства или дома: а) вышеупомянутый домъ *Вэй*, царствовавшій въ сѣверной половинѣ Китая; б) домъ *Хань*, отрасль младшей династїи Хань, царствовавшій на югозападъ отъ 221 до 264, всего 43 года; в) домъ *Ву*, царствовавшій на юго-востокъ, отъ 222 до 280, всего 58 лѣтъ.

VIII. Династія *Цзинь* царствовала отъ 265 до 420, всего 155 лѣтъ.

IX. Династія *Сунь* царствовала отъ 420 до 479, всего 59 лѣтъ. Сія династія, въ отличіе отъ послѣдующей большой династїи Сунь, нерѣдко называется Лю-сунь, отъ основателя своего Лю-юй.

X. Династія *Ци* царствовала отъ 479 до 502, всего 23 года. Сія династія называется южною, *Нань-ци*, въ отличіе отъ сѣверной династїи Ци.

XI. Династія *Лянъ* царствовала отъ 502 до 557, всего 55 лѣтъ.

XII. Династія *Чень* царствовала отъ 557 до 581, всего 24 года. Сибственнно сія династія пресѣклась въ 589 году; но 9 лѣтъ причислены къ династїи Суй. Послѣднія четыре династїи: *Сунь*, *Ци*, *Лянъ* и *Чень*, въ исторїи названы южными дворами, потому-что онѣ царствовали въ южной половинѣ Китая. Въ сѣверной половинѣ возстали разные дома изъ Монголовъ и Тангутовъ, изъ коихъ должайшій былъ монгольскій домъ *Тоба*, царствовавшій подъ названіемъ младшей династїи *Вэй* и *Юань-вэй*, отъ 386 до 558, всего 172 года. Послѣ сей династїи составились на сѣверѣ два дома: а) на востокъ *сѣверный Ци*, царствовавшій отъ 550 до 578, всего 28 лѣтъ; б) на западъ *Чжеу*, царствовавшій отъ 557 до 582, всего 25 лѣтъ.

XIII. Династія *Суй* царствовала отъ 581 до 618, всего 37 лѣтъ.

XIV. Династія *Тхань* царствовала отъ 618 до 907, всего 289 лѣтъ.

XV. *Пять династїй*, по-китайски *Ву-дай*, царствовали отъ 907 до 960, всего 53 года. Изъ сихъ пяти династїй домъ *Лянъ* царствовалъ 16, младшій домъ *Тхань* 13, младшій домъ *Цзинь* 11, младшій домъ *Хань* 4, младшій домъ *Чжеу* 9 лѣтъ. Царствованіе

младшаго дома Хань еще продолжалось подъ названіемъ Сѣвернаго Дома Хань до 980 года.

XVI. Династія *Сунь* царствовала отъ 960 до 1280, всего 320 лѣтъ. Въ-продолженіе сей династіи, въ сѣверной половинѣ Китая царствовали еще три дома: а) *Ляо*, произшедшій отъ племени киданьскихъ (нынѣ Баринь) Монголовъ, царствовалъ отъ 916 до 1115, всего 199 лѣтъ; б) *Гинь*, произшедшій отъ тунгузскихъ князей, царствовалъ отъ 1115 до 1234, всего 121 годъ; в) *Ся*, произшедшій отъ тангутскихъ князей, царствовалъ отъ 1034 до 1228, всего 194 года, а со включеніемъ первыхъ двухъ его королей, 242 года.

XVII. Династія *Юань* царствовала отъ 1280 до 1368, всего 88 лѣтъ. Сей домъ, считая съ чингисъ-ханова объявленія себя ханомъ, царствовалъ 160, съ возшествія хубилаева на китайскій престолъ 104, отъ покоренія подъ свою власть всего Китая—88 лѣтъ.

XVIII. Династія *Минь* царств. отъ 1368 до 1644, всего 276 лѣтъ.

XIX. Династія *Цинь* царств. отъ 1644 до наст. года, 199 лѣтъ.

Что касается до самого образа лѣтосчисленія, Китайцы употребляютъ эпохи, періоды и эры особеннаго рода. Вступленіе династіи на престолъ составляетъ эпоху, а продолженіе ея царствованія до слѣдующей династіи—періодъ. Вступленіе каждаго государя на престолъ составляетъ эру, отъ которой лѣтосчисленіе продолжается до конца его царствованія.

Съ того времени, какъ китайская исторія начиняетъ лѣтосчисленіе, т. е. съ 2357 до 140 года до Р. Х., Китайцы считали годы отъ возшествія государей на престолъ; а съ 140 года государь Ву-ди первый ввелъ положеніе давать наименованіе царствованію или правленію каждаго государя, и какъ сей государь приписывалъ симъ наименованіямъ вліяніе на счастливыя произшествія, то и переименывалъ оныя каждый разъ, когда встрѣчались ему трудныя обстоятельства въ правленіи. Такой предразсудокъ продолжался до 1368 года по Р. Х.; а съ сего времени Хунь-ву, основатель династіи Минь, и преемники его имѣли одно наименованіе правленія во все свое царствованіе, что и настоящая династія Цинь продолжаетъ.

Симъ образомъ слова: *Шунь-чжи*, *Кхань-си*, *Юнь-чжень*, *Цянь-лунь*, *Цзя-цинъ*, *Дао-гуань*, подъ которыми у насъ разумѣютъ государей настоящей династіи Цинь, не суть имена сихъ государей, но наименованія ихъ правленій. Въ Китаѣ великою неучтливостію считается назвать человека по имени; относительно же имѣ-

ни царствующаго государя, при самомъ его вступленіи на престолъ, правительство предписываетъ не употреблять на письмѣ самой буквы, изображающей оное; имѣющіе же эту букву въ именахъ личныхъ должны замѣнить ее другою. Въ бумагахъ и въ разговорахъ называютъ государя: «императоръ», «государь»; покойныхъ государей называютъ тѣмъ качественнымъ именемъ, которое по смерти дается каждому, соответственно образу его правленія, или проименованіемъ, даннымъ ему въ храмъ предковъ. Когда же въ разговорахъ нужно указать на время, то употребляютъ наименованіе правленія; на-примѣръ, Кханъ-си-ши-хэу, что значитъ «во времена правленія Кханъ-си»; Дао-гуанъ-ши-ба-нянь, что значитъ «въ 18 лѣто правленія Дао-гуанъ»; а для означенія самихъ государей прибавляютъ къ наименованію правленія слова *ди* или *ль*; на-примѣръ: Кханъ-си-ди, что значитъ «императоръ правленія Кханъ-си»; Цянь-лунъ-ъ, что значитъ «государь правленія Цянь-лунъ».

Сіе общее употребленіе наименованій правленій ввело первопривывшихъ въ Китай Европейцевъ въ обманъ — принять оныя за собственныя имена государей. Не упражнявшись еще въ китайской словесности, они не могли предвидѣть той запутанности, какую въ-послѣдствіи встрѣтили при переводѣ сихъ именъ: ибо многіе государи имѣли отъ двухъ до пяти и болѣе наименованій своему правленію. Нынѣ, при умноженіи переводовъ съ китайскаго языка, необходимость заставляетъ исправить сію погрѣшность, и, сообразуясь съ правиломъ, принятымъ въ Китаѣ, называть государей тѣми именами, подъ которыми они извѣстны въ имперіи, а наименованіями правленій означать только порядокъ времени, присовокупляя, для ясности, къ ихъ лѣтосчисленію и годы христіанской эры. Вотъ почетныя названія покойныхъ государей нынѣшней династіи въ Китаѣ и наименованія ихъ правленій:

Государя:

Гао-ди.

Вынь-ди.

Чжанъ-ди.

Жень-ди.

Сянь-ди.

Шунъ-ди.

Ихъ правленія:

Тьянь-минъ.

Тьянь-цунъ.

(Оба въ Маньчжуріи.)

Шунъ-чжи.

Кханъ-си.

Юнь-чженъ.

Цянь-лунъ.

Жуй-ди.

Цзя-цинь.

Дао-гуань.

(Всѣ въ Китаѣ).

V. ВРЕМЕСЧИСЛЕНІЕ.

Въ Китаѣ принять лунный годъ ; почему въ-продолженіи 19 лѣтъ бываетъ 12 годовъ изъ 12, и семь изъ 13 мѣслцевъ. Тринадцатый мѣсяць называется высокоснымъ, *жунъ-гое*; но годъ, состоящій изъ 13 мѣслцовъ, не называются высокосными. Каждый мѣсяць начинается съ точки нарожденія луны, а годъ съ нарожденія февральской луны. Первый мѣсяць года называется *Чжень-гое*, а послѣдній *Ла-гое*; прочіе мѣсяцы не имѣютъ собственныхъ названій, а считаются порядочными числами; на-примѣръ: вторая луна или мѣсяць, третья луна и такъ далѣе.

Сутки дѣлятся на 12 часовъ; часъ на двѣ половины, первую и вторую; половина часа имѣетъ четыре четверти, а четверть пятнадцать минутъ. Часы не считаются порядочными числами, какъ это дѣлаютъ въ Европѣ; а называются собственными именами, заимствованными отъ названій 12 земныхъ вѣтвей, соотвѣтствующихъ 12 животнымъ. Къ названію первой половины часа прибавляется звукъ *чу*, что значитъ начало; къ названію второй половины—звукъ *чжень*, что значитъ ровно, а счетъ самыхъ часовъ начинають съ 11-го пополудни. Такимъ-образомъ Китаецъ говорить:

Цзы-чу.	11 часовъ пополудни.	} мышь.
Цзы-чжень.	12 часовъ пополудни.	
Чѣу-чу.	часъ пополуночи.	} волъ.
Чѣу-чжень.	2 часа пополуночи.	
Инь-чу.	3 часа пополуночи.	} тигръ.
Инь-чжень.	4 часа пополуночи.	
Мао-чу.	5 часовъ пополуночи.	} заяць.
Мао-чжень.	6 часовъ пополуночи.	
Чень-чу.	7 часовъ пополуночи.	} драконъ.
Чень-чжень.	8 часовъ пополуночи.	
Сы-чу.	9 часовъ пополуночи.	} змѣя.
Сы-чжень.	10 часовъ пополуночи.	
Ву-чу.	11 часовъ пополуночи.	} конь.
Ву-чжень.	12 часовъ пополуночи.	

Вэй-чу.	часть пополудни.	} овенъ.
Вэй-чжень.	2 часа пополудни.	
Шень-чу.	3 часа пополудни.	} обезьяна.
Шень-чжень.	4 часа пополудни.	
Ю-чу.	5 часовъ пополудни.	} пѣтухъ.
Ю-чжень.	6 часовъ пополудни.	
Сюй-чу.	7 часовъ пополудни.	} пестъ.
Сюй-чжень.	8 часовъ пополудни.	
Хай-чу.	9 часовъ пополудни.	} свинья.
Хай-чжень.	10 часовъ пополудни.	

Время по часамъ считается включительно; на-примѣръ: вмѣстѣ въ половинѣ третій» Китаецъ говоритъ «2 часа и 2 четверти».

Китайцы астрономическій годъ раздѣляютъ на 24 части, называемыя «перемѣнами атмосферы», которыя происходятъ отъ годоваго обращенія солнца по эклиптикѣ. Сія перемѣны суть :

1) *Начало весны, ли-чунь.* Начало весны полагается за полтоу лунныхъ мѣсяца до весенняго равноденствія, т. е. оно составляетъ точку, раздѣляющую время между зимнимъ поворотомъ и весеннимъ равноденствіемъ на двѣ равныя части. Въ день начала весны государь съ князьями и первыми чинами встрѣчаетъ весну въ Жертвенникѣ Солнцу. Здѣсь становятся они подъ зеленое знамя. На жертвенникъ ставятъ вола и землешцевъ изъ глины слѣженныхъ; приносятъ жертву *Цинь-ди*, божеству зелени. По окончаніи жертвоприношенія разбиваютъ вола и землешцевъ и гадаютъ по нимъ объ урожаѣ года. Правители областей, округовъ и уѣздовъ сямъ же образомъ поступаютъ въ своихъ городахъ.

2) *Дождевыя воды, юй-шуй.* Черезъ 15 дней отъ начала весны слѣдуетъ перемѣна, называемая дождевыми водами. Въ сіе время раскрывается царство растений и обыкновенно ожидаютъ дождя для содѣйствія пропзращенію. Во всѣ четыре времени года бываютъ дожди (*); только дожди, падающіе послѣ начала весны въ сравненіи съ лѣтними и осенними особенно полезны, отъ-чего въ время это названо «перемѣною дождевыхъ водъ».

3) *Сотрясеніе, т. е. пробужденіе куколокъ, цзинь-чже.* Куколка есть насѣкомое, образовавшееся, но еще непрѣвратившееся. Подъ сотрясеніемъ разумѣется время, когда куколки, равнымъ образомъ животныя и гады, въ-продолженіе зимы находящіяся въ мертвомъ

(*) Говорится о южныхъ странахъ Китая, гдѣ въ январь, вмѣсто снѣга, идутъ дожди.

одпелѣвіи, пробуждаются отъ своего безчувствія и жизнь начинаетъ развиваться въ нихъ. Коль скоро, послѣ начала весны, случится громъ, то вѣскомыя, находящіяся въ землѣ, начинаютъ послѣ сотрясенія превращаться: посему и время это наименовано «переменною сотрясенія», иначе — пробужденія куколокъ.

4) *Весеннее равноденствіе, чунь-фынь*. Въ день весенняго равноденствія день и ночь бываютъ равны. Это — черта между зимою и лѣтомъ. Въ день весенняго равноденствія государь отправляется въ Жертвенникъ Солнцу, и тамъ въ пять часовъ пополудни приноситъ жертву духу свѣта.

5) *Ясность, цинь-минь*. Ясность есть переменна, при наступленіи которой каждое семейство въ маломъ траурѣ отправляется на кладбище принести жертву покойнымъ родителямъ и предкамъ своего рода по мужеской линіи. Это — священный и неизмѣняемый обычай, подобный русскимъ поминкамъ (См. XVI отдѣленіе этой статьи).

6) *Хлѣбный дождь, гу-той*. Послѣ ясности слѣдуетъ переменна атмосферы, названная хлѣбными дождями, въ знакъ того, что отъ дождей зависитъ произращеніе хлѣбовъ.

7) *Начало лѣта, ли-ся*. Начало лѣта составляетъ точку, разделяющую время между весеннимъ равноденствіемъ и лѣтнимъ поворотомъ на двѣ равныя части. Въ сіе время хвостъ большой медвѣдицы обращенъ бываетъ къ югу.

Примыч. Сѣверная медвѣдица, по китайскому звѣздословію, называется Бэй-дэу, что значитъ сѣверная мѣрка, ибо она видомъ своимъ изображаетъ мѣрку съ ручкою; хвостъ медвѣдицы по вечерамъ между 8 и 10 часами обращенъ бываетъ—весною къ востоку, лѣтомъ къ югу, осенью къ западу, зимою къ сѣверу.

8) *Наливо, сло-мань*. Въ сіе время наливаются хлѣба.

9) *Созрѣваніе, мань-чжунь*. Въ южныхъ странахъ Китая созрѣваютъ хлѣба въ это время. Подъ словомъ «мань-чжунь» еще разумѣютъ пересадку риса.

10) *Лѣтній поворотъ, ся-чжи*. Лѣтній поворотъ составляетъ точку, съ которой дни начинаютъ убывать, а ночи прибывать. Съ сего времени водородъ начинаетъ имѣть силу.

11) *Малые жары, сло-иу*. За лѣтнимъ поворотомъ слѣдуютъ малые жары, т. е. съ сего времени атмосфера начинаетъ день-отодня разгораться, и потому оно названо «переменною малыхъ жаровъ».

12) *Большіе жары, да-шу.* За маленькими жарами слѣдуютъ большіе жары. Какъ въ сіе время атмосфера чрезъ-мѣру разгорячается, то въ отличіе оно названо «перемѣною большахъ жаровъ».

13) *Начало осени, ли-цю.* Начало осени составляетъ точку, разделяющую время между лѣтнимъ поворотомъ и осеннимъ равноденствіемъ на двѣ равныя части. Въ день начала осени государь на военной колесницѣ отправляется въ Жертвенникъ Лунѣ встрѣчать осень и тамъ приносить жертву.

14) *Конецъ жаровъ, гу-шу.* За началомъ осени слѣдуетъ конецъ жаровъ. Въ промежуткѣ лѣта съ осенью теплотворъ начинаетъ ослабѣвать, а водородъ дѣйствовать. Въ концѣ жаровъ теплотворъ уже перестаетъ дѣйствовать: почему это время названо «перемѣною конца жаровъ».

15) *Бѣлая роса, бай-лу.* Изгаренія земли, поднявшіяся наверхъ, составляютъ туманъ: опустившіяся на землю превращаются въ росу. Во всѣ четыре времени года по утрамъ бываютъ росы (*), но только около осенняго равноденствія росы начинаютъ смерзаться и сплошь кажутся бѣлыми; отъ-чего и самое время это названо «перемѣною бѣлыхъ росъ».

16) *Осеннее равноденствіе, цю-фынь.* Въ день осенняго равноденствія, день и ночь бываютъ равны; это — черта между лѣтомъ и зимою.

17) *Мерзлыя росы, хань-лу.* Самое названіе объясняетъ значеніе сей перемѣны.

18) *Паденіе инеи, шуань-цзянь.* Иней составляется изъ смерзающейся росы. Въ сіе время атмосфера бываетъ холодна, и росы, смерзаясь, производятъ иней, отъ-чего и названіе перемѣны взято.

19) *Начало зимы, ли-дунь.* Зима есть время, въ которое все растущее и живущее скрывается, и атмосфера бываетъ пронзительно-холодна. Въ сей день государь встрѣчаетъ зиму въ Жертвенникѣ Земли.

20) *Малыя снѣга, ся-сюе.* 21) *Большіе снѣга, да-сюе.* Сіи двѣ перемѣны составляютъ время, въ которое должны идти снѣга, отъ-чего и названіе получили.

22) *Зимній поворотъ, дунь-чжи.* Зимній поворотъ составляетъ точку, съ которой начинаютъ дни прибывать, а ночи убывать. Съ сей точки теплотворъ начинаетъ имѣть силу.

23) *Малыя морозы, ся-шу.* 24) *Большіе морозы, да-шу.* Сіи двѣ

(*) Говорится о странахъ Южнаго Китая, гдѣ не бываетъ зимы.

перемены следуют за зимним поворотом. Отъ степени холода заимствовано ихъ названіе.

Вышеизложенныя 24 перемены атмосферы следуютъ одна за другою, считая по эклиптикѣ—ровно чрезъ 15°, что составляетъ около 15-ти сутокъ промежутка отъ одной перемены до другой. Начало весны и весеннее равноденствіе, начало лѣта и лѣтній поворотъ, начало осени и осеннее равноденствіе, начало зимы и зимній поворотъ суть главныя свойства четырехъ годовыхъ временъ; прочія 16-ть переменъ атмосферы считаются малыми (*).

V. Дань и поздравительный адресъ.

При сношеніяхъ европейскихъ державъ съ китайскимъ дворомъ, открывшихся за 200 предъ симъ лѣтъ, встрѣтились два обстоятельства, которыя до сего времени полагаютъ неотвратимое препятствіе къ политическому сближенію Европы съ Китаемъ. Эти препятствія заключаются не въ обширности бесплодныхъ и безводныхъ степей Монголіи, не въ вѣчныхъ туманахъ каменныхъ, непроходимыхъ горъ китайскаго запада, а только въ двухъ словахъ: *дань и поздравительный адресъ*.

Въ дипломатическомъ языкѣ китайскаго двора дань называется *гунь*, поздравительный адресъ *биào*. Чтобы во всей обширности постигнуть важность значенія, которое даютъ симъ словамъ Китайцы, надобно взойти къ началу ихъ произхожденія.

Китай отъ древнихъ лѣтъ до 231 года до Р. X. имѣлъ помѣстное правленіе и дѣлился на множество княжествъ.

Удѣльная система династіи Ся, въ продолженіе 2205—1766 годовъ, мало извѣстна. Любопытныя хартіи удѣльной системы династіи Шанъ, 1766—1122, и династіи Чжэу, 1122—255 годовъ до Р. X., сохранены въ древней исторіи Китая. Въ помннутыхъ хартіяхъ съ точностію опредѣлены права удѣльныхъ князей и отношенія ихъ къ главѣ имперіи, который, имѣя собственный удѣлъ, управлялъ имперіею какъ глава большаго семейства, не вмѣшиваясь во внутреннія распоряженія удѣловъ.

Владѣтели удѣловъ были: 1) однофамильные родственники великаго князя; 2) инофамильные потомки прежнихъ династій или древнѣйшихъ государей Китая; 3) иноземные владѣтели, помогав-

(*) Въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: «Взглядъ на просвѣщеніе въ Китаѣ», издавшею мною въ 1838 году, на стран. 61 и сл., изложены самыя точныя времена, съ котораго начинается каждая перемена атмосферы — по некияскому меридіану. *Соз.*

шіе царствующей династии къ получению престола империи. Всѣ сіи удѣльные владѣтели имѣли общую обязанность—для изьявленія своей зависимости отъ главы империи, ежегодно представлять ему известную часть исключительныхъ произведеній своей земли для употребленія при жертвоприношеніи предкамъ царствующаго дома. Сии-то мѣстныя произведенія, представляемыя отъ вассаловъ своему повелителю, названы словомъ *гунь*, которое существенно не означало дани съ какого-либо народа; но *личное отъ удѣльныхъ князей приношеніе главоу империи*.

Удѣльное постановленіе о дани есть одно изъ древнѣйшихъ по времени и важнѣйшихъ по отношенію къ религіи Китая, которая жертвоприношеніе родителямъ по смерти и предкамъ возлагаетъ на всѣхъ, какъ обязанность священнѣйшую предъ другими обязанностями. Донесеніе князя Юй объ осушеніи болотистыхъ странъ въ Китаѣ, оконченное въ 2278 году до Р. Х., названо *Юй-гунь*, что значитъ: *дани князя Юй*, потому-что сей князь, при описаніи гидравлическихъ своихъ работъ, въ томъ же донесеніи показалъ, какія мѣстныя произведенія, откуда и какою дорогою шли ко двору великаго князя. Въ V столѣтіи предъ Р. Х., владѣтель иноземнаго удѣла Чу прекратилъ отпращиваніе ко двору великаго князя травы, чрезъ которую процѣживали вино, употреблявшееся при жертвоприношеніи. Удѣльные князья на общемъ совѣщаніи положили наказать сего владѣтеля, и въ 656 году послали въ удѣлъ Чу союзное войско, поставляя предлогомъ войны то, что владѣтель удѣла Чу удерживалъ великаго князя отъ жертвоприношеніи предкамъ (*).

Въ-послѣдствіи помѣстное правленіе сдѣлалось источникомъ долговременныхъ междоусобій въ Китаѣ, и въ 231 году до Р. Х. было уничтожено. Владѣтели семи царствъ, на которыя раздѣлился Китай, 250 лѣтъ вели между собою кровопролитную войну, защищая престолъ имперіи отъ похитителей, и между-тѣмъ каждый имѣлъ въ виду овладѣть онымъ. Побѣдителемъ остался Цинь-шій-хуанъ, который, по изтребленіи побѣжденныхъ, превратилъ помѣстное правленіе въ монархическое. Съ измѣненіемъ образа правленія, онъ измѣнилъ и значеніе дани. Земли, бывшія до того времени общими, чрезъ продажу превративъ въ личную

(*) Въ это время владѣтель удѣла Чу усилился покореніемъ разныхъ странъ въ Южномъ Китаѣ и образовалъ новое союзное государство. Онъ отделился отъ сѣвернаго союза; но войну ему объявили подъ священнымъ предлогомъ.

собственность владѣтелей, онъ превратилъ поземельный оброкъ въ государственную подать, взимаемую съ землевладѣтелей, а прежною обязанность удѣльных владѣтелей—представлять мѣстных произведеній главѣ имперіи — возложилъ на страноправителей и на иноземныхъ владѣтелей, зависѣвшихъ отъ Китая. Съ сего времени слову *гунь* дано положительное значеніе, съ одной стороны тѣснѣе, а съ другой обширнѣе прежняго. Всѣ мѣстные произведенія, покушаемыя въ губерніяхъ для двора; всѣ рѣдкія произведенія искусства, въ новый годъ подносимыя богдану отъ начальниковъ губерній, носятъ общее названіе *гунь*. Дары, привозимыя китайскому двору посланниками иностранныхъ державъ, не могутъ быть приняты иначе, какъ подъ названіемъ *гунь*, которое, какъ выше мы видѣли, означаетъ личное отъ подданнаго или отъ вассала приношеніе своему повелителю.

Біао въ книжномъ языкѣ значить наружность вещи; но сіе слово, взятое въ переносномъ смыслѣ, означаетъ *измѣненіе вѣрно-подданинскихъ чувствъ предъ государемъ по случаю важнаго какого-либо торжества*. Это собственно есть поздравительный адресъ, составляющій существенную часть большихъ выходовъ при китайскомъ дворѣ.

Не могу опредѣлить, сколь давно слово *біао* введено въ дипломатическій языкъ китайскаго двора. Извѣстно только, что въ предпоследнемъ столѣтіи предъ Р. Х. китайскій дворъ, вступивъ въ сношенія съ разными владѣніями на западѣ, требовалъ, чтобы грамматы, посылаемыя къ нему отъ независимыхъ иностранныхъ государей, называемыя были *біао*, и сіе требованіе въ послѣдствіи превращено въ неизмѣняемый законъ. По сей-то причинѣ въ настоящее время, при самомъ вступленіи иностраннаго посольства въ предѣлы Китая, предварительно требуютъ показать вѣрную граммату, подъ предлогомъ узнать ея содержаніе; и если сія граммата въ переводѣ имѣетъ другое названіе, то предлагаютъ замѣнить оное словомъ *біао*; въ противномъ случаѣ рѣшительно отказываютъ въ пропускѣ посольства.

Итакъ *гунь* и *біао* въ дипломатическомъ языкѣ китайскаго двора суть два клейвода мечтательнаго первенства его предъ дворами всѣхъ другихъ державъ въ свѣтѣ, и сіи клеймоды иъкогда были запечатлѣны кровію многихъ милліоновъ людей,—ибо Китай, для удержанія исключительнаго первенства при себѣ, вслѣдъ за разными временами жестока и продолжительна война съ сосѣдними народами. Подобная война съ Тибетомъ началась въ 718, а

кончилась въ 822 году признаніемъ Тибета равною съ Китаемъ державою. Къ утѣшенію китайскаго двора тибетскій князьбу (императоръ) родился отъ сестры китайскаго государя, съ которымъ былъ заключенъ миръ, и по сему въ клятвенномъ договорѣ названъ былъ племянникомъ, а послѣдній дядею — съ удержаніемъ родственнаго старшинства надъ первымъ.

Съ другой стороны должно сказать, что сіи же два слова суть самыя вѣрныя посредники къ сближенію съ Китаемъ: стоитъ только признать себя зависимымъ отъ него и положить въ договорѣ постоянно представлять дань въ извѣстные годы. Сими средствомъ нынѣ пользуются разные мелкіе владѣтели въ Азіи, и посланцы ихъ частенько посѣщаютъ столицу Китая, потому что за доставляемую дань получаютъ равноцѣнную награду, и сверхъ сего пользуются безденежнымъ проѣздомъ черезъ китайскія владѣнія и беспошлиннымъ ввозомъ своихъ и вывозомъ китайскихъ товаровъ изъ Пекина.

VI. Родовыя прозванія и имена.

Каждый Китаецъ имѣетъ прозваніе и имя; а многіе сверхъ-того имѣютъ почетныя названія и проименованія.

Въ Китаѣ для 360 милліоновъ жителей находится около 400 прозваній издревле принятыхъ, и сдѣлавшихся неизмѣнными, потому что каждый мужчина обязанъ носить прозваніе того дома, изъ котораго онъ происходитъ по мужеской линіи; а произвольно принимать постороннія или изобрѣтать новыя прозванія запрещено законами.

Дѣвица по выходѣ въ замужство обыкновенно принимаетъ мужнино прозваніе. Что касается до мужчинъ, то пріемышъ, усыновленный съ дозволенія правительства для продолженія рода чьего-либо, можетъ принять прозваніе своего возпитателя. Но если по обстоятельствамъ какимъ-либо нужно ему поступить обратно въ прежній родъ, то на принятіе прежняго прозванія также долженъ изпросить дозволеніе правительства. Въ древности было обыкновеніе, что государи своихъ вассаловъ и вельможъ, оказавшихъ великія услуги отечеству, удостоивали собственнаго прозванія, но сіе исключеніе изъ законовъ давно прекратилось.

Въ Китаѣ нѣтъ опредѣлительныхъ именъ, а составляются они и даются дѣтямъ по произволенію родителей или старшихъ, и

могутъ быть переменяемы при каждомъ обстоятельстве, показывающемъ значительное измѣненіе въ возрастъ дитяти. Только имени, принятаго при поступленіи въ казенное училище, или при опредѣленіи въ должность, переменить уже невозможно, и кто самовольно сдѣластъ это, судится какъ самозванецъ. Но касательно переменъ именъ находятся законныя изключенія. Чиновникъ, взявшій имя, одинаковое съ именемъ какого-либо князя или вельможи, долженъ переменить оное. Если случится, что два чиновника, служащіе въ одной губерніи, будутъ имѣть одинаковое имя, то младшій изъ нихъ долженъ переменить свое. Если имя чиновника противно приличію, или одинаково съ названіемъ царскаго кладбища, то также должно переменить оное. Но во всѣхъ сихъ случаяхъ перемена имени производится по начальству.

Имя въ понятіи Китайцевъ заключаетъ въ себѣ что-то удивительное. Буквы, которыми изображаются имена древнихъ святыхъ, или имена государей царствующей династіи, запрещено употреблять въ сочиненіяхъ и судебныхъ бумагахъ, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ по-необходимости слѣдуетъ написать имена ихъ. Прежде даже чтецы при жертвоприношеніи, читал молитву вмѣсто государя, произносили имя его, скрадывая голосъ; но съ 1683 года государь Жень-ди указалъ, чтобъ при чтеніи молитвы во время жертвоприношеній произносили имя государево вслухъ и ясно.

Съ другой стороны, только государи подданныхъ, родители дѣтей, дядя племянника, господинъ слугу, старшій низшаго или мальчика могутъ называть именемъ; прочимъ же называть другаго по имени вмѣняется въ неучтивость и даже принимается за большое личное оскорбленіе.

Если въ учтивыхъ разговорахъ случится лично спросить кого-нибудь о его имени, то для избѣжанія самого слова *имя* употребляютъ слово *непроизносимое*; на-пр. вмѣсто вопроса: позвольте узнать ваше имя, надобно сказать: позвольте узнать ваше *непроизносимое*. Въ разговорахъ вообще одинъ другаго называютъ прозваніемъ, прибавляя къ нему другія учтивыя слова, смотря по чину, возрасту и состоянію, или вмѣсто прозванія употребляютъ ближе-принятая учтивыя наименованія (*). Въ судебныхъ бумагахъ и частныхъ актахъ обыкновенно подписываются своимъ прозваніемъ и именемъ.

(*) Сія учтивыя наименованія помѣщены въ изданной мною «Китайской Грамматикѣ» на страницѣ 314. *См.*

Почетное названіе извлекается изъ смысла словъ, составляющихъ имя, а проименованіе изъ смысла словъ, составляющихъ названіе; но вѣрѣдко проименованій, даваемыхъ отличными людьми, заимствуются отъ ихъ качествъ, родины и мѣстопребыванія. Въ письмахъ и сочиненіяхъ равный равнаго можетъ назвать почетнымъ названіемъ и проименованіемъ. Иногда можно и самому въ письмѣ или сочиненіи подписаться и названіемъ и проименованіемъ, но сіе могутъ дѣлать только люди отличныхъ достоинствъ; прочимъ же вѣняють это въ неучтивость и даже въ гордость.

Въ Китаѣ существуетъ законъ,—давать имена, или, точнѣе сказать, качественныя наименованія по смерти. Сія наименованія государю или государынѣ по кончинѣ ихъ полагаются министрами въ общемъ собраніи членовъ девяти высшихъ правительственныхъ мѣстъ и шести прокурорскихъ конторъ; потомъ представляются государю на утвержденіе. Наименованіе побочнымъ царицамъ, князьямъ и вельможамъ одни министры полагаютъ и также представляютъ государю на утвержденіе.

Проименованія государямъ въ Храмѣ Предкамъ и качественныя наименованія имъ по смерти частію утверждены въ началѣ династїи Чжэу, за 1120 лѣтъ до Р. Х. Нынѣ они изложены въ трехъ книжкахъ съ объясненіемъ смысла ихъ.

Первая книжка содержитъ въ себѣ 44 проименованія государямъ въ Храмѣ Предкамъ, 115 качественныхъ наименованій государямъ по кончинѣ ихъ, и 48 качественныхъ наименованій, даваемыхъ государямъ по кончинѣ ихъ. Вторая книжка содержитъ въ себѣ 41 наименованіе для побочныхъ царицъ и 134 наименованія для князей по кончинѣ ихъ. Въ третьей книжкѣ содержатся 146 качественныхъ наименованій, даваемыхъ отъ государя высшимъ чиновникамъ по смерти ихъ.

VII. Церемоніаль вольшаго и малаго выхода при дворѣ.

Хотя придворныя церемоніалы по разнымъ случаямъ опредѣлены закономъ, но предъ каждою церемоніею Палата (министерство) Обрядовъ представляетъ государю церемоніаль, по утвержденіи котораго предписываетъ разнымъ присутственнымъ мѣстамъ производить каждому по своей части пріуготовительныя распоряженія. Но, къ-сожалѣнію, я не могу изложить сихъ распоряженій по множеству соединенныхъ съ ними предметовъ, совершенно неиз-

вѣстныхъ унасъ. Неговорю — при подробномъ, даже при краткомъ описаніи оныхъ вы будете въ хаосъ, или, ближе сказать, не въ состояніи понимать предметовъ. Итакъ необходимость мнѣ предписываетъ начать описаніе съ той точки, гдѣ кончатся вріуготовительныя распоряженія, и начинается самая церемонія.

При большомъ выходѣ при дворѣ поздравительный адресъ за-благовременно относятъ въ тронную Тхай-хо-дянь и подагаютъ на столъ (*). Князья, назначенные къ совершенію церемоніи, становятся на красномъ крыльцѣ, раздѣлясь на два крыла: восточное и западное, каждое въ два ряда: первые лицомъ на западъ, а вторые на востокъ, обращаясь нѣсколько къ сѣверу. Чиновники, и гражданскіе и военные, становятся на красномъ помостѣ; они также раздѣляются на два крыла и образуютъ за кортежемъ по девяти группъ на восточной и западной сторонѣ — по числу рядовъ классныхъ горюкъ. Какъ скоро наступитъ минута церемоніи, то чиновникъ Астрономическаго Института, стоящій въ воротахъ Цянь-цинъ-мынь, чрезъ евнуха докладываетъ государю о времени выѣзжать.

Послѣ сего, какъ скоро на воротахъ Ву-мынь ударятъ въ колоколъ и литавру, государь въ церемоніальномъ одѣяніи садится въ крытыя носилки и выѣзжаетъ изъ дворца. Дежурные и десель изъ высшихъ чиновниковъ предшествуютъ ему, а два изъ первыхъ чиновниковъ сопровождаютъ его. — Позади тронной Бао-хо-дянь государь, оставя носилки, входитъ въ тронную Чжунъ-хо-дянь и садится на престолъ. Бывшіе при немъ чиновники становятся предъ тронною на помостѣ и совершаютъ троекратное поклоненіе съ девятью поклонами въ землю. Послѣ сего они уходятъ къ своимъ мѣстамъ предъ тронною Тхай-хо-дянь, и начинаетъ играть музыка у тронной Чжунъ-хо-дянь. Государь входитъ въ тронную Тхай-хо-дянь и садится на престолъ. Музыка перестаетъ, а предшествовавшіе и сопровождавшіе отходятъ къ мѣстамъ, назначеннымъ для нихъ въ церемоніаль. Послѣ троекратнаго удара щетью начинаетъ играть музыка, поставленная на красномъ крыльцѣ, по восточную и западную сторону выхода изъ тронной. Въ сіе время князья и чиновники выступаютъ къ мѣстамъ, на которыхъ должны совершить обрядъ поклоненія, и становятся на колѣни. Музыка умолкаетъ. Чиновникъ, назначенный читать адресъ, входитъ въ тронную восточную дверь, и, взявъ адресъ со

(*) Каждое дѣйствіе въ церемоніи совершается по возгласу церемоній-мастера.

стола, выходить из тронной и становится на колѣни подь свѣсомъ прямо противь престола. Два министра становятся по сторонамъ его на колѣни и развертываютъ адресъ. Чиновникъ, кончивъ чтеніе, опять полагаетъ адресъ на столъ въ тронной. Въ это время играетъ музыка на красномъ крыльцѣ, въ продолженіе которой князья и чины дѣлаютъ тоекратное колѣнопреклоненіе съ девятью поклонами въ землю. По совершеніи сего обряда всѣ они уходятъ къ своимъ мѣстамъ, и музыка умолкаетъ. Послѣ тоекратнаго удара плетью играетъ музыка у тронной Чжунъ - хо-дьянь. Государь садится въ носилки и возвращается въ свой дворецъ; а князья и чиновники разходятся. Символъ оканчивается большимъ выходомъ при китайскомъ дворѣ.

Если случится милостивый манифестъ по какому либо случаю то министръ выноситъ оный изъ тронной восточною дверью и подь свѣсомъ передаетъ президенту Палаты Обрядовъ, а сей, по принятіи манифеста, сходитъ на среднюю площадку краснаго крыльца и съ колѣнопреклоненіемъ полагаетъ манифестъ на столъ потомъ, учинивъ предъ нимъ одно колѣнопреклоненіе съ тремя поклонами, сноситъ его съ крыльца и передаетъ чиновнику; а сей принявъ манифестъ на чеканное блюдо, поднимаетъ вверхъ и въ семь положеній выходитъ изъ воротъ Тхай-хо-мынь среднимъ проходомъ. Государь и лица изъ царскаго дома, также посланники государевы проходятъ чрезъ ворота среднимъ проходомъ. Такимъ же образомъ выносятъ изъ дворца манифестъ и царскіе дары.

Когда государь празднуетъ вступленіе въ 60 или 70-й годъ своей жизни, то чиновники, пріѣхавшіе изъ губерній, совершаютъ обрядъ поклоненія за воротами Ву-мынь и Тъхьянь-ань-мынь.

Большой выходъ при дворѣ бываетъ только три раза въ году: въ новый годъ, въ день рожденія государева и въ зимній поворотъ. Но какъ въ день зимняго поворота, государь самъ приноситъ жертву въ Жертвенникъ Небу, то съѣздъ къ двору и большой выходъ по сему случаю бываютъ на другой день. Малые выходы при дворѣ ежемѣсячно бываютъ въ 5, 15 и 25 числа. Церемоніаль пріхода государева такой же; но при малыхъ выходахъ государь не заходитъ въ тронную Чжунъ-хо-дьянь, и не представляютъ ему поздравительнаго адреса; а только чиновники, долженствующие благодарить, вышедъ изъ рядовъ, дѣлаютъ тоекратное колѣнопреклоненіе съ девятью земными поклонами; прочіе всѣ стоятъ на своихъ мѣстахъ.

Въ тотъ день малага выхода, въ который государь не вхо-

дуть въ тронную, князья и чиновники—въ церемониальномъ отдѣленіи—одни совершаютъ церемонію. Первые становятся за воротами Тхай-хо-мынь, составляя по два ряда на восточной и западной сторонѣ, подобно какъ предъ тронною Тхай-хо-дань; а послѣдніе становятся за воротами Ву-мынь, составляя по девяти рядовъ на восточной и западной сторонѣ. Обрядъ поклоненія совершаютъ зимою и весною въ восемь, а лѣтомъ и осенью въ пять часовъ по полнотчи.

VIII. ЦЕРЕМОНИАЛЬ СЕМЕЙСТВЕННЫХЪ ПРИ ДВОРѢ ПОЗДРАВЛЕНІЙ ВЪ НОВЫЙ-ГОДЪ.

Въ новый-годъ государь, по совершеніи церемоніи въ тронной Тхай-хо-дань, возвращается въ Цянь-цинъ-гунъ, для принятія поздравленія отъ государыни своей супруги. Незадолго предъ новымъ годомъ Палата Обрядовъ представляетъ государю церемониаль, по которому государыня съ побочными царицами должна привести ему поздравленіе. Государь отдаетъ сей церемониаль въ дворцовое правленіе, а дворцовое правленіе чрезъ главнаго евнука представляетъ оный государынѣ. По сему церемониалу въ новый-годъ главный евнухъ заблаговременно поставляетъ труппу музыкантовъ подъ свѣсомъ дворца Цянь-цинъ-гунъ и другую у воротъ Цянь-цинъ-мынь. При возвращеніи государя изъ тронной Тхай-хо-дань, начинается музыка, и умолкаетъ, какъ скоро онъ сядетъ на престолъ. Въ сіе время государыня, въ церемониальномъ отдѣленіи, входитъ въ Цянь-цинъ-гунъ и становится посреди тронной на мѣстѣ поклоненія; побочныя царицы становятся по сторонамъ ея и—всѣ лицомъ на сѣверъ. Онѣ дѣлаютъ шесть су (*), три коленнопоклоненія и три поклона, и по совершеніи сего обряда тотчасъ уходятъ. Въ слѣдъ за ними являются къ государю царевичи и совершаютъ обрядъ троекратнаго коленнопоклоненія съ девятью земными поклонами.

Государыня, послѣ поздравленія, учиненнаго государю, возвращается въ свой дворецъ, а евнухи между-тѣмъ заблаговременно располагаютъ у тронной Цяо-тхай-дань государынѣ кортежъ в труппу музыкантовъ (**), а другую труппу ставятъ позади дворца Цянь-цинъ-гунъ. Двѣ церемониальныя предводительницы изъ

(*) Су состоитъ въ поднятій разпростертой правой руки къ правому виску въ самомъ легкомъ присѣданіи; это кивселъ китайскій.

(**) Здѣсь въ кортежъ люди, употребляемые для держанія регалій, и труппы музыкантовъ состоятъ изъ евнуховъ.

классных дамъ приводятъ побочныхъ царицъ въ тронной и поставляютъ ихъ на двухъ сторонахъ крыльцовой площади. Евнухи приводятъ царевенъ, княгинь и классныхъ дамъ отъ 1 до 4-го класса и ставятъ ихъ на крыльцъ предъ тронною. Послѣ сего церемоніальная предводительница проситъ государыню въ тронную. Государыня, въ церемоніальномъ одѣяніи, входитъ въ тронную и садится на престолъ. Церемоніальная предводительница показываетъ побочнымъ царицамъ, княгинямъ и класснымъ дамамъ сдѣлать шесть су, три колынопреклоненія и три поклона. По совершении сей церемоніи, государыня возвращается въ свой дворецъ, а поздравляющія лица уходятъ. Въ-слѣдъ за симъ являютъ къ государынь царевичи и дѣлаютъ предъ нею три колынопреклоненія съ десятию земными поклонами, и уходятъ (*).

IX. Церемоніаль вступленія на престолъ.

Вступленіе на престолъ происходитъ во время глубокаго траура по кончинѣ покойнаго государя: почему самый церемоніаль совершается съ большою скромностію, и сверхъ-того по обстоятельствамъ имѣеть нѣкоторыя измѣненія.

Въ 1-е лѣто правленія Шунъ-чжи, въ 1-й день 10 го мѣсяца (въ ноябрь 1644 года) Чжанъ-ди вступилъ на престолъ слѣдующимъ образомъ. Престолъ былъ поставленъ повосточную сторону Жертвенника Небу, лицомъ на югъ, а предъ престоломъ столъ. По вступленіи времени разставили полный кортежъ съ царскими регаліями—отъ дворца до Жертвенника Небу. Чжанъ-ди въ церемоніальномъ одѣяніи явился въ Жертвенникъ Небу и съ благоговѣніемъ объявилъ духамъ неба и земли о своемъ вступленіи на престолъ. Послѣ сего министръ съ колынопреклоненіемъ донесъ, что церемонія кончилась. Государь возвратился на царскую квартиру по восточную сторону Жертвенника Небу, и, переѣхавъ церемоніальное одѣяніе на траурное, сѣлъ на престолъ. Князья и чины стали на колыни. Церемоніймейстеръ возвелъ одного министра на крыльцо по восточному сходу, и сей на самой срединѣ противъ престола преклонилъ колыни. Сѣ-ши (статс-секретарь), взявъ со стола царскую печать, вручилъ министру, который, сказавъ рѣчь государю, возвратилъ печать сѣ-ши, а этотъ, принявъ оную, опять съ колынопреклоненіемъ положилъ на столъ и возвратился къ своему мѣсту. Чины совершили обрядъ троекратнаго колынопре-

(*). Дѣти отъ паложницъ обязаны признавать своею матерью законную жену своего отца.

клонения съ девятью поклонами въ землю. По окончаніи сего, государь возвратился во дворець. Между-тѣмъ поставили престоль посреди воротъ Тхай-хо-мынь, а столъ съ поздравительнымъ адресомъ подъ свѣсомъ на восточной сторонѣ. Князья стали по сѣверную, а чиновники по южную сторону внутренняго моста Цзиньшуй-цзю, первые лицомъ на западъ, послѣдніе на востокъ. Чжанъ-ди сѣлъ на престоль, и музыка умолкла. Послѣ ударовъ плетью чиновники и церемоніймейстеры, стоявшіе на крыльцѣ воротъ, совершили обычный обрядъ поклоненія, а князья и чины съ коленнопреклоненіемъ поднесли ему поздравительный адресъ. Министръ, принявъ поднесенный адресъ, съ коленнопреклоненіемъ положилъ на столъ. Чиновникъ, назначенный читать адресъ, взялъ оный со стола. Два министра, ставъ на колѣни, развернули адресъ. Чиновникъ, по прочтеніи адреса, опять положилъ его на столъ и, сдѣлавъ три поклона, возвратился къ своему мѣсту. Началась музыка. Чины совершили троекратное коленнопреклоненіе съ девятью земными поклонами, и музыка умолкла. Послѣ ударовъ плетью началась задняя музыка, и государь возвратился во дворець. По прошествіи девяти дней, обнародовали манифестъ.

Подобная же церемонія въ 18-лѣтѣ правленія Шунь-чжи, въ первый мѣсяць (въ началѣ 1661 года), совершена была съ нѣкоторыми измѣненіями. Жень-ди въ траурномъ одѣяннiи учинилъ предъ гробомъ государя Чжанъ-ди троекратное коленнопреклоненіе съ девятью земными поклонами, и съ благоговѣніемъ объявилъ о своемъ вступленіи на престоль; потомъ, въ боковой тронной одѣвшись въ церемониальное одѣяніе, явился къ тремъ государынямъ въ ихъ дворцахъ и предъ каждою сдѣлалъ троекратное коленнопреклоненіе съ девятью земными поклонами. По вступленіи въ тронную Чжунъ-хо-дянь, принялъ отъ дежурныхъ и окружающихъ его чиновниковъ поклоненіе и вошелъ въ тронную Тхай-хо-дянь. На воротахъ Ву-мынь ударили въ колоколъ и литавру; но музыки не было. Князья и чины поднесли поздравительный адресъ, но не читали его; а только учинили обычное поклоненіе и возвратились на свои мѣста: министръ, вступивъ въ тронную восточную дверь, принялъ манифестъ съ восточнаго стола, положилъ на средній и, отступивъ нѣсколько, остановился лицомъ къ западу. Сѣ-ши, подошедъ къ столу, лицомъ къ государю, приложилъ къ манифесту государственную печать и отступилъ на прежнее мѣсто. Министръ, взявъ манифестъ, вышелъ изъ тронной и передалъ его президенту Палаты Обрядовъ. При семъ случаѣ государь не дѣлалъ пирише-

ства, а, угостивъ чины чаемъ, возвратился во дворецъ, и опять надѣлъ трауръ. Манифестъ въ тотъ же день былъ обнародованъ.

Х. ЦЕРЕМОНИАЛЬ БРАКА ГОСУДАРЯ.

Бракъ государя хотя совершается съ большою пышностію и отличными преимуществами, но въ основныхъ обрядахъ ни мало не отступаетъ отъ общенародныхъ обычаевъ, исключая сватовства, которое здѣсь не допускается, потому что государь самъ назначаетъ себѣ невѣсту изъ дочерей вельможъ; но при его женитьбѣ предъ бракосочетаніемъ совершается обрядъ возведенія невѣсты въ достоинство императрицы. Симвъ образомъ бракъ государя раздѣляется на три статьи: сговоръ, возведеніе невѣсты въ достоинство императрицы, и бракосочетаніе.

Сговоръ. — Предъ женитьбою государя избираютъ счастливый день (*) для препровожденія къ тестю сговорныхъ даровъ и свадебныхъ подарковъ. Сговорные дары, опредѣленные закономъ, состоятъ изъ слѣдующихъ вещей: 10 осѣдланыхъ лошадей; 10 латъ съ шлемами; 100 кусковъ атласа; 200 концовъ китайки.

Свадебные подарки: 200 ланъ (унцовъ) золота (28,000 р. ассигн.); 10,000 ланъ серебра (70,000 р. ассигн.); 1 золотая домба (**); 2 серебряныя домбы; 2 серебряныя таза; 20 осѣдланыхъ лошадей; 20 лошадей безъ сѣделъ; 20 верблюдовъ.

Подарки лично для государыни (**): 100 ланъ золота (14,400 р. ассигн.); 5,000 ланъ серебра (35,000 р. ассигн.); 1 золотая домба; 1 серебряная домба; 1 серебряный тазъ; 6 осѣдланыхъ лошадей; 1 латы; 1 лукъ; 1 стрѣла; 2 платья, зимнее и лѣтнее; 2 мѣха соболевыхъ.

Свадебные подарки для ея братьевъ и ея спутницъ неодинаковы. Всѣ сіи дары изготовляетъ Дворцовое Правленіе (****). Для отнosa даровъ избираютъ двухъ посланниковъ: старшаго и младшаго. Первый бываетъ президентъ Палаты Обрядовъ, а второй изъ главнo-управляющихъ въ Дворцовомъ Правленіи. По наступленіи времени, ставятъ въ тронной Тхай-хо-дьянь столъ для бунчука; сговор-

(*) Желающему имѣть понятіе о счастливыхъ и несчастныхъ дняхъ можно посмотреть 65-ю страницу въ брошюркѣ, изданной мною въ 1838 году подъ названіемъ: «Взглядъ на просвѣщеніе въ Китаѣ». *Сок.*

(**) Домба есть видъ высокой кружки къ верху суженной, употребляется Монголами для содержанія варенаго чая.

(***) Невѣста государева съ самаго назначенія въ супружному получаетъ титулъ императрицы.

(****) Т. е. изъ кабинетнаго казначейства.

ные дары полагаютъ въ портшезы особеннаго вида; латы и ткани разкладываютъ на красномъ крыльцѣ по правую и лѣвую сторону входа въ тронную; лошадей ставятъ внизу по сторонамъ краснаго крыльца. Изъ свадебныхъ подарковъ вещи разкладываются на красномъ крыльцѣ, а лошадей и верблюдовъ ставятъ у краснаго крыльца. Министръ, назначенный для врученія бунчука, чиновникъ, назначенный читать указъ, церемоніймейстеръ и глашатай—все въ церемониальномъ одѣянн — ожидаютъ церемоніи. Посланники всходятъ на красный помостъ съ восточной стороны, совершаютъ три коленнопреклоненія съ девятью земными поклонами. Поднявшись восточнымъ сходомъ на красное крыльцо, они становятся на колѣна лицомъ къ сѣверу, выслушиваютъ указъ и принимаютъ бунчукъ по церемоніалу. Служители Эмпажной Конторы берутъ портшезы съ дарами; тѣлохранители ведутъ лошадей; кортежъ съ царскими регалиями идетъ впереди. Процессія выходитъ средними воротами. Посланники садятся на верховыхъ лошадей и отправляются въ домъ государыни. Не дождавъ до воротъ, они сходятъ съ лошадей. Государыня, въ церемониальномъ одѣянн, ожидаетъ ихъ внутри вторыхъ (т. е. церемониальныхъ) воротъ по правую сторону дороги, и во время прохожденія ихъ становится на колѣни. Посланники входятъ среднимъ проходомъ воротъ, всходятъ на-верхъ среднимъ крыльцомъ и вступаютъ въ залъ. Старшій посланникъ полагаетъ бунчукъ на столъ и съ товарищемъ своимъ становится по восточную сторону стола, лицомъ на западъ. Вслѣдъ за симъ вносятъ во дворъ портшезы съ дарами и остаются за вторыми воротами (на переднемъ дворѣ). Чиновники принимаютъ подарочныя вещи и вносятъ въ залъ. Тѣлохранители вводятъ лошадей во дворъ. Словесные дары разкладываютъ въ залѣ на столы, поставленные на восточной и западной сторонахъ; лошадей ставятъ по бокамъ крыльца. Отецъ государыни всходитъ на крыльцо по западному ходу и за среднюю дверь въ залъ по самой срединѣ становится на колѣни лицомъ къ сѣверу. Старшій посланникъ, нѣсколько выступивъ, объявляетъ ему указъ государя, и опять отходитъ на свое мѣсто. Отецъ государыни съ коленнопреклоненіемъ принимаетъ указъ, потомъ дѣлаетъ три коленнопреклоненія съ девятью земными поклонами. Послѣ сего старшій посланникъ, принявъ со стола бунчукъ, возвращается съ своимъ товарищемъ донести государю о исполненнн возложеннаго на нихъ порученія.

Въ этотъ день въ домъ государыни дѣлается циркъ. Посланныя

государемъ царицы и великодушскія супруги угощаютъ государыню во внутреннемъ залѣ, а придворные и другіе чины отъ 1-го до 4-го класса угощаютъ отца ея во внешнемъ залѣ. Сговорные дары разкладываютъ въ залѣ, свадебныя подарки на крыльцѣ, а лошадей и верблюдовъ становятъ у крыльца.

Польздъ за невѣстою и возведение ея въ достоинство императрицы. — Въ день женитьбы церемонія брачнаго соединенія совершается чрезъ граммату. При ономъ обстоятельствахъ старшимъ посланникомъ назначается министръ, а младшимъ президентъ Палаты Обрядовъ. Въ тронной Тхай-хо-дэнь предварительно поставляютъ столъ для бунчука и столъ для грамматы съ печатью. Предъ тронною по церемоніалу разставляютъ кортежъ съ царскими ретаіями и музыку. Церемоніальный экипажъ государыни располагается за воротами Тхай-хо-мынь и Ву-мынь. Когда президентъ и вице-президентъ Палаты Обрядовъ доложатъ государю о изготовленіи всего, то онъ въ торжественномъ одѣяніи входитъ въ тронную Тхай-хо-дэнь. По совершеніи обряда поклоненія посланниками, чиновникъ Церемоніальной Конторы объявляетъ имъ указъ, а министръ вручаетъ бунчукъ. Граммату и царскую печать, также надпись для грамматы и печати кладутъ въ портшезы. Все это совершается по церемоніалу. Послѣ сего государь возвращается во дворецъ, а портшезы выносятся за ворота Тхай-хо-мынь среднимъ проходомъ. Посланникъ съ бунчукомъ идетъ впереди; за нимъ всѣ портшезы съ грамматою и печатью; далѣе слѣдуетъ экипажъ и одѣяніе для государыни (*). Десять изъ первыхъ придворныхъ чиновниковъ и десять тѣлохранителей заключаютъ шествіе. Между тѣмъ десять дамъ отъ 1-го до 4-го класса, назначенныя для принятія государыни, заблаговременно приходятъ къ тронной Тхай-дэнь, всѣ въ церемоніальномъ одѣяніи. Четыре классныя дамы для предшрствія, семь классныхъ дамъ для сопровожденія, четыре статс-дамы, двѣ придворныя дамы для управленія церемоніею и двѣ для чтенія, всѣ въ церемоніальномъ одѣяніи, заблаговременно прѣзжаютъ въ домъ государыни. При нихъ свнухи для переговоровъ. Посреди зала ставятъ столъ для бунчука и другой для куреній. На восточной сторонѣ ставятъ столъ для грамматы, на западной другой столъ для печати. Государыня назначаетъ мѣсто для совершенія поклоненія. Все это дѣлается по церемоніалу. Статс-дамы должны стоять по правую и лѣвую сторону государыни, однѣ лицомъ на востокъ, другія на западъ. Придвор.

(*) Жениль обязанъ доставить невѣстѣ брачное одѣяніе.

вая дама, назначенная для чтения, должна стать по южную сторону восточнаго стола, лицомъ на западъ. Евнухъ, стоящій у крыльца зала, соответствуетъ ей. По прибытіи посланниковъ, отецъ государыни со своими родственниками съ коленнопреклоненіемъ встрѣчаетъ ихъ по церемониалу. Посланники всходятъ на крыльцо по среднему скоду и становятся по восточную сторону зала, лицомъ на западъ. Портшезы съ грамматою и печатью на время поставляютъ по сторонамъ зала. Чановникъ Дворцоваго Правленія передаетъ одѣяніе государыни евнуху, а евнухъ отдаетъ статс-дамъ для представленія государыни. Врачныя носилки поставляютъ посреди крыльца; церемониальный кортежъ разставляютъ по обѣимъ сторонамъ мостовой: отъ крыльца до воротъ; передоваѣ музыка по обѣимъ сторонамъ дороги за большими воротами. Отецъ государыни всходитъ по западному скоду къ средней двери зала, и на самой срединѣ становится на колѣни. По выслушаніи указа, онъ совершаетъ поклоны по церемониалу. Старшій посланникъ отдаетъ бунчукъ евнуху, а младшій посланникъ отдаетъ евнуху же граммату и печать, что все уноситъ внутрь. Государыня надѣваетъ на себя церемониальное одѣяніе, и дама, управляющая церемоніею, выводитъ ее изъ внутреннихъ комнатъ и ставитъ по правую сторону дороги. Мать государыни и прочія дамы, приходя въ комнату мимо ихъ, становятся на колѣни, а потомъ слѣдуютъ за нею. Евнухи, принявъ бунчукъ, граммату и печать, подаютъ на столъ и отходятъ. Государыня, слѣдуя за дамою, останавливается на мѣстѣ поклона и преклоняетъ колѣни. Дама, назначенная читать, по порядку читаетъ надпись грамматы и печати. Государыня, привѣвъ граммату и печать, дѣлаетъ три коленнопреклоненія и три наклоненія головою, по церемониалу возведенія въ достоинство императрицы. По окончаніи сего, евнухъ выноситъ бунчукъ и передаетъ посланнику. Государыня и мать ея провожаютъ его по церемониалу. Статс-дама беретъ граммату и печать и отдаетъ евнуху, который порознь кладетъ ихъ въ портшезы.

Подача невесты по жениху и бракосочетаніе. — Какъ скоро чиновникъ астрономическаго института доберетъ въ наступленіи счастливаго часа садиться въ носилки, то служители внутренней экипажной (евнухи) подаютъ брачныя носилки къ крыльцу внутреннего зала и поставляютъ на самой срединѣ, передомъ на югъ. Предшествующія дамы ведутъ государыню, а сопутствующія поддерживаютъ ее. Мать государыни съ прочими дамами прово-

жасть ее до носилокъ. Государыня и, саитя въ носилки, а мать съ прочими дамами возвращается. Посланникъ съ бунчукомъ напередъ отправляется; отецъ государыни съ жолѣнопреклоненіемъ провожаетъ его. Музыканты идутъ впереди, но не играютъ; за музыкою слѣдуетъ церемоніальный кортежъ, за кортежемъ портшезы съ грамматою и печатю, а за ними государыня въ брачныхъ носилкахъ. При выѣздѣ изъ большихъ воротъ, предшествующія и сопровождающія классныя дамы садятся на верховыхъ лошадей, а евнухи идутъ пѣшіе, поддерживая носилки съ обѣихъ сторонъ. Процессію сопровождаютъ высшіе придворные чиновники и тѣлохранители, всѣ конные. Въѣзжаютъ въ ворота Дай-цзинь-мынь среднимъ проходомъ. У моста Цзинь-шуй-цзо посланники сходятъ съ лошадей, и съ бунчукомъ вступаютъ во дворецъ. Какъ скоро носилки государыни приближатся къ воротамъ Ву-мынь, то ударяютъ въ колоколь и литавру. Церемоніальный кортежъ останавливается. Впереди идетъ царскій парасоль. Классныя дамы сходятъ съ лошадей, и пѣшія идутъ впереди и позади носилокъ. Придворные вельможи и тѣлохранители отъ моста Цзинь-шуй-цзо идутъ пѣшіе. Наконецъ, портшезы останавливаются у воротъ Цянъ-цянъ-мынь. Посланники доносятъ государю о исполненіи порученія, и вмѣстѣ съ придворными вельможами и тѣлохранителями уходятъ. Евнухи, принявъ граммату и печать, идутъ впереди. Предшествующія дамы входятъ передъ носилками государыни въ ворота Цянъ-цянъ-мынь среднимъ проходомъ, и доходятъ до крыльца Цянъ-цянъ-гунъ. Евнухъ проситъ государыню оставить носилки и войти въ тронную Цзо-тхай-давь. Послѣ сего классныя дамы, и предшествующія, и сопровождающія, всѣ уходятъ. Классныя дамы принимаютъ государыню и уводятъ во внутренній дворецъ. Евнухъ передаетъ граммату и печать евнуху-хранителю печатей, и уходитъ. По наступленіи счастливаго часа пить сочетательную чашу, приготовляютъ пиршественный столъ съ сочетательною чашею. (См. ниже, X отдѣленіе сей статьи). Главный евнухъ проситъ государя идти во внутренній дворецъ, въ церемоніальномъ одѣваніи, а дамы оставляютъ государыню и расходятся. На другой день государь входитъ въ тронную Тхай-ходявь. Князья и чины подносятъ ему поздравительный адресъ и совершаютъ обрядъ поклоненія (это большой выходъ). Побочныя супруги и классныя дамы приносятъ поздравленіе государыня въ церемоніалу (см. выше, VII отдѣленіе статьи).

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИ- ЛѢТІЕ, 1830 — 1840 Г. (*).

=

Въ жизни народовъ всѣ явленія соединены между собою тѣсною, неразрывною связью, и ни одно не можетъ быть разсматриваемо отдѣльно отъ другаго; а потому, намѣреваясь говорить о литературѣ германской, мы должны бы были бросить взглядъ на современное умственное и общественное состояніе Германіи, показать, какъ послѣднее дѣйствовало на художественное ея развитіе, условливало его, направляло, давало ему матеріалъ и форму; но, имѣя въ виду ознакомить нашихъ читателей преимущественно съ замѣчательнѣйшими дѣйствителями въ нѣмецкой литературѣ и съ произведеніями ихъ за изтекшее десятилѣтіе, мы не будемъ входить въ подробное и точное изслѣдованіе причинъ, давшихъ новый видъ литературѣ германской, а представимъ только общій очеркъ, замѣтимъ главные факты, главныя явленія, произведшія въ ней тотъ переворотъ, по которому она получила новый характеръ, отличный отъ характера предшествовавшаго времени.

Этотъ предшествовавшій періодъ, столь славный и блистательный въ своемъ началѣ, около тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія началъ видимо изтощаться въ своемъ содержаніи. Наполнявшій его собою Гёте старѣлъ и уже опускалъ изъ рукъ своихъ бразды, которыми въ теченіе столь многихъ лѣтъ правилъ духомъ

(* Взято изъ «Deutschland's jüngste Literatur und Cultur Epoche, von Her-
Marsgraf» — и «Der Zeitgeist und die moderne Literatur, von Got. Os. Marbach». Не смотря на то, что понятія Марсграфа и Марбаха, особенно въ отношеніи къ теории искусства вообще, и драматическаго въ особенности, равно какъ и о достоинствѣ нѣкоторыхъ поэтовъ, на-прим. Рюккерта, Гейне и др., несходны съ нашими собственными понятіями, мы все-таки считаемъ драгоценными тѣ свѣдѣнія, которые сообщаютъ эти писатели въ своихъ книгахъ о современной германской литературѣ, и думаемъ, что пользе и, часто, безпристрастнѣе ихъ никто еще не обсуживалъ этого важнаго, въ настоящее время, вопроса. — Эта статья ограничивается только такъ-называемою *излишнюю* литературою.

Ред.

Германіи; по со вѣзмъ тѣмъ никто не являлся смѣнить его въ вы-сокомъ поствѣ, никто при жизни великаго не дерзаль стать на мѣствѣ, столь справедливо ему принадлежавшемъ, — и Германія, убаюканная предшествовавшей художнической славою, не производила ничего въ области искусства; въ тиши возрастали сѣмена новой литературной жизни, развитой событіями, столпившимися въ эпоху смерти творца «Фауста». Не смотря на то, что въ теченіе послѣдняго десятилѣтія на земляхъ Германскаго Союза не раздавался крикъ военный, не гремѣло оружіе, она внутренно исполнена была самой сильной дѣятельности, державшей умы и сердца германскихъ народовъ въ постоянномъ напряженіи: вопросы политическіе, философическіе, религіозные, промышленные волновали ихъ во всѣхъ направленіяхъ. Положеніе Германіи въ сосѣдствѣ съ европейскимъ вулканомъ, Франціею, безпрестанно выбрасывающимъ на нее, если не лаву, то пепель своихъ изверженій, сильное потрясеніе этого вулкана въ тридцатыхъ годахъ, отозвавшееся на всѣхъ оконечностяхъ Германіи и произшедшее въ ней-самой нѣкоторыя волненія, были главнѣйшими причинами этого напряженія, заглушившаго чисто-художественную, безотчетную производительность и заставившаго всѣ умы искать пищи въ рѣшеніи вопросовъ, непосредственно-касавшихся жизни. Это направленіе развило въ необыкновенной степени критицизмъ, который сильно поддерживался ученіемъ Гегеля, только-что повсемѣстно разпространившимся около этого времени. Періодъ предшествовавшій, періодъ старости Гёте, былъ бѣденъ не только произведеніями искусства, страдавшаго преувеличенною склонностію къ чудесному, странному, что называли романтизмомъ, но и вообще въ литературѣ замѣтно было какое-то ослабленіе, отсутствіе живой дѣятельности: литература двадцатыхъ годовъ жгла еймямъ предъ идоломъ своимъ, Гёте, о немъ разсуждала только, его имѣла постоянно на языкъ, отъ него исходила и къ нему возвращалась. Вдругъ событія воззвали ее къ дѣятельности; но эта новая дѣятельность не была спокойнымъ творческимъ трудомъ, который, произтекая изъ внутренняго побужденія, развивается все изнутри, спокойно и гармонически, — нѣтъ, эта дѣятельность подстрекаема была внѣшними явленіями, ударами, неожиданно-поражающими нервы народа — и она естественно должна была сдѣлаться шумною, крикливою, критицизирующею, разлагающею, а не создающею. Притомъ, смерть Гёте поставила литературу въ какое-то анархическое состояніе: каждый старался занять мѣсто повы-

ше того, которое занимала прежде, и средство въ тому избирать не трудъ творческій, который впрочемъ приходится самъ собою, но то, что преимущественно обладеживало во вниманіи публики, обращеніемъ на вопросы практическіе, именно—критицизмъ, изслѣдованіе, разложеніе. Трудно себѣ представить, до какой степени увеличилась въ это время масса брошюръ, мелкихъ сочиненій, написанныхъ на вопросы, трактовавшіеся въ газетахъ и обществахъ! Повѣсть, романъ, даже самая драма потеряли свою эстетическую свободу и сдѣлались только орудіемъ для выраженія мнѣній о томъ или другомъ изъ этихъ вопросовъ, волновавшихъ умы публики; даже самая пьеса, это свободное дѣло сердца, выражала то, что наиболее тревожило его: смуты современныя или тоску, жалобу на это давленіе обстоятельствъ, надававшихъ фантазіи средствъ взмахнуть свободно своими крыльями. Нѣкоторые изъ немецкихъ писателей ищутъ причины этого неутѣшительнаго состоянія литературы исключительно въ небываломъ до того времени возвышеніи и могуществѣ торговаго и промышленнаго класса, быстрымъ своимъ развитіемъ и влиятельнѣемъ во всѣ элементы гражданской и умственной жизни низпровергшаго прежніе интересы и стремленія, и внесшаго новыя, положительныя, прямо къ житейскимъ цѣлямъ отношенія. Дѣйствительно, это явленіе, плоды новѣйшихъ историческихъ событій, имѣло могущественное вліяніе на всѣ отрасли народной жизни, слѣдовательно и на литературу; но переворотъ произведетъ не имъ однимъ, отдѣльно, а въ связи съ другими событіями, въ ряду коихъ не должно также забывать дарованныхъ Евреямъ всѣхъ гражданскихъ правъ и преимуществъ, и такъ-называемую эманципацію женщинъ, или лучше, толки о правахъ прекраснаго пола, заставившіе изслѣдовать состояніе его, отношенія и призваніе. Все это, вмѣстѣ съ сенсимонизмомъ, рационализмомъ и различными оттѣнками взволновавшихся религиозныхъ мнѣній, — такіа явленія, которыя имѣли прямое, непосредственное вліяніе на литературу, потому-что родились, развивались въ ней и своимъ развитіемъ дали ей то критицизирующее направленіе, коего мы хотимъ показать источники, отвлекли ее отъ эстетической отдѣльности, гдѣ она прежде находилась въ Германіи, въ пучину вседневной жизни, измѣнили совершенно прежній ея изящно-классическій и мечтательно-романтический характеръ, и дали ей другую цѣль, другія стремленія. Вліяніе коммерческаго и промышленнаго класса привело къ литературѣ материальность, спекулятивность, которыми она теперь страдаетъ, внушило

мысль о непосредственной пользе, остававшаяся свободой развития духа и фантазии, которые рѣдко мирятся съ этою системою утилитарности. Освобожденіе Евреевъ ввело на литературный поприще новыхъ дѣятелей, болѣею частью изъомненныхъ таланта и дѣятельности, но внесшихъ съ собою совершенно-особыя интересы, интересы чисто практическіе, потому-что Евреи не дѣлали съ нами ни нашихъ историческихъ воспоминаній, ни нашихъ религіозныхъ убѣжденій. Наконецъ эманципація женщинъ вывела на торжище литературы прекрасный полъ, соделала съ него съ части тѣ поэтическіе покровы, которыми онъ такъ прекрасно таинственно закрывалъ вѣчныя свои формы въ вѣкъ рыцарства новаго классицизма и романтизма, и женщина, эта любимая тѣловоини, стала, между-прочимъ, предметомъ прозаическихъ исследованийъ и соображеній.

Такимъ-образомъ, изтекшее десятилѣтіе является не создателемъ, но разлагающимъ, — замѣчательнымъ не гениальнымъ произведеніемъ, который онъ даже вовсе не имѣлъ, но своею многостороннею дѣятельностію, сближеніемъ литературы со всеми интересами жизни, своимъ разлагательнымъ, критизирующимъ духомъ. Его началъ *Вольфгангъ Менцель*... Никто въ этомъ періодѣ не пользовался такою популярностію, какъ этотъ неутомимый противникъ Гёте, достойный предшественникъ эпохи, долженствовавшей послѣгнуть на самую завѣтную привязанности и симпатіи. Впрочемъ, популярность Менцеля похожа на знаменитость морская лающей на слова; дерзость — вотъ главный ея источникъ. Эта дерзость доставила ему наконецъ такое литературное могущество, что именемъ его страдали и заставляли молчать цѣлые легіоны писателей, точно такъ же, какъ нѣкогда римскія женщины заставляли молчать дѣтей своихъ одною фразою: «Hannibal ante portas!»

«Но — говоритъ Маргграфъ — страхъ вашъ предъ нами прошель, а любви вашей онъ никогда не мыль; партія его разсыпалась, а новой ему ужъ не собрать. Правда, вънимомъ своей критикой онъ раза два сметалъ соръ съ пола нѣмецкой литературы, но не вымелъ его, а загналъ только всю нечистоту въ углы, отъ чего въ литературѣ слѣдалось еще грязнѣе и пыльнѣе, нежели прежде; онъ раза два напрягалъ всѣ свои силы, чтобъ подняться вверху, но теисръ, утомленный этими усиліями, погрузился въ материнское лоно своего «Литературнаго Листка», чтобъ дѣлать извлеченія изъ собраній стихотвореній и изъ книгъ о коневодствѣ, причемъ онъ обходитъ съ лошадью, какъ съ поэтами, а съ поэтами

какъ съ лошадьми. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, въ немъ нѣкотораго сходства съ Бёрне: онъ пицеть хорошо, складно, по-видимому откровенно ненавидитъ и бранитъ Нѣмцевъ, чернитъ Гёте — точно какъ Бёрне; но послѣдній поступалъ во всемъ этомъ по убѣжденію, а имѣеть ли Менцель какое нибудь убѣжденіе — это подлежить еще сильному сомнѣнію.

Слава Менцеля начинается съ появленія въ свѣтъ его «Нѣмецкой Литературы», что было собственно еще до 1830 года. Въ этой книгѣ онъ ратуетъ противъ многихъ слабостей и глупостей и ратуетъ удачно, искусно; онъ первый началъ говорить о литературѣ языкомъ простымъ, разговорнымъ а не ученымъ, черезъ что какъ-бы ввелъ ее въ число каждодневныхъ, обыкновенныхъ предметовъ бесѣды — заслуга важная; но не она доставила ему известность, не хорошая часть его книги, но то, что прямо поставлено въ ней для эффекта, именно — полемика противъ Гёте въ то время, когда патриархъ веймарскій окруженъ былъ величайшимъ идолопоклонствомъ. Обративъ на себя вниманіе этою дерзкою выходкою, Менцель удержался тѣмъ, что пустилъ дерзость свою сгенсепо — и вскорѣ потомъ получилъ мѣсто редактора «Литературнаго Листка» (Literatur Blatt), мѣсто, которое при обширномъ кругѣ читателей этой газеты и при пріобрѣтенномъ ею вліяніи, дѣйствительно поставило его въ главѣ нѣмецкой критики; къ тому же наступилъ 1830 годъ, и, вмѣсто истощавшихся литературныхъ вопросовъ, принесли другіе, свѣжіе, надъ которыми этотъ критикъ могъ написать не одинъ пукъ перьевъ.

Разсматривая внимательно Менцеля съ той стороны, съ которой онъ наиболѣе пріобрѣлъ себѣ известности, именно, въ его выходкахъ противъ Гёте, рѣшительно не понимаешь, что это такое — дѣйствительная, или поддѣльная слѣпота, злость, или просто мелочное удовольствіе блеснуть новизною. Гёте, этого колосса, лишать титула генія, утвержденнаго за нимъ всѣмъ образованнымъ міромъ, низводить его не только на степенъ таланта, но даже ниже, видѣть въ немъ просто ловкаго литератора, — вѣтъ, такъ слѣпить не можетъ быть писатель, умѣвшій написать четыре тома остроумныхъ, иногда меткихъ критическихъ замѣтокъ, заставившій всю литературную Германію трепетать предъ критическимъ ножомъ своимъ! Это просто злость и вмѣстѣ желаніе произвести эффектъ, чего ему никогда не удалось бы сдѣлать трудомъ совѣстливымъ, потому-что у него нѣтъ ни убѣжденій, ни учености. Если Бёрне нападалъ на Гёте, то нападалъ не на гемія-Гёте, а на

человѣка; на гражданина, и притомъ въ впаденіяхъ его была тѣмъ лота убѣжденія, искренности; а Менцель — изслѣдовалъ ли онъ по-крайней-мѣрѣ хотя этотъ вопросъ, почему Гёте, если онъ не гнѣнъ, приобрѣлъ себѣ такое небывалое, даже чрезвычайное благоговѣніе? Нѣтъ, на это онъ просто замѣчаетъ, что творецъ «Фауста», «педражая въ своемъ «Германъ и Доротея» Фоссовой «Луиза», явилася между нѣмецкими филанстерами въ шляфрокъ и колпакѣ, и съ тѣмъ времени преданы ему сердца Нѣмцевъ.

А этотъ Фоссъ, переплавившій Гомера въ языкъ Тевтоновъ, и мнѣнію Менцеля, просто ниже-германскій мужикъ, Маттисенъ — лавейская душа, и т. д. Страшно вѣжется, какъ можно подобными приговорами списать себѣ вліяніе на націю ученую, серьезную, но между-тѣмъ Менцель имѣлъ это вліяніе; имѣлъ именно въ-слѣдствіе своей необъкновенной дерзости, заставившей подозрѣвать въ немъ не увѣренность, но сильное, непреодолимое убѣжденіе, — въ-слѣдствіе, наконецъ, этого смѣшенія литературныхъ вопросовъ со всеми другими, интересовавшими націю, этого стремленія приобрѣсть силу общественнаго мнѣнія. Завою тайна успѣховъ Менцеля: онъ былъ важенъ въ литературѣ какъ переходъ отъ дѣятельности свободно-эстетической къ литературѣ вопросамъ практическимъ. Критика Менцеля никогда не имѣла ученаго основанія, она — какъ опредѣляетъ ее Маргграфъ — вращалась на слѣдующихъ главныхъ вопросахъ: кѣмъ написана книга, жителемъ Сѣверной Германіи или Южной, Берлинцемъ или — что всего ужаснѣе — гегелианцемъ и поклонникомъ Гёте; не есть ли она *назидательная* книга, авторъ ея не противникъ ли виртембергскихъ политическихъ мнѣній, не возхваляетъ ли Наполеона, — и если да, то книга непременно подлежитъ торжественному осужденію!.. Вотъ на какихъ зыбкихъ основаніяхъ стоитъ критическая знаменитость этого французовѣда (Franzosenfresser), какъ его называютъ Нѣмцы. Изъ этихъ основаній одно только имѣетъ разумную причину, именно — вражда къ вазидательнымъ книгамъ, которыя, умножаясь до безконечности, вносятъ въ себѣ мелочныя, ничтожныя умствованія о религіи и не только не способствуютъ къ разироэстраненію религіознаго духа, но совершенно умерщвляютъ истинную религіозность, замѣняя спасительную пищу священнаго писанія сухимъ резонерствомъ, влекущимъ за собою духъ свѣтъ, это бѣдственное зло, которымъ такъ страдаетъ теперь Германія. Вотъ на какой точкѣ стоитъ Менцель, грозный Менцель тридцатыхъ годовъ: онъ совершилъ свое признаніе — отвлекъ литературу отъ

эстетической ея отдаленности въ хаосъ вопросовъ ей чуждыхъ, но важныхъ для народовъ, потому-что въ нихъ идетъ дѣло о интересахъ непосредственно-находящихся жизни. И едва только совершился этотъ переворотъ, едва только литература изъ производящей обратилась въ резонёрствующую, какъ тотчасъ же увидѣли, что главный резонёръ, Менцель, не имѣетъ рывительно никакихъ убѣжденій, никакихъ основаній; въ разгаръ резонёрства забыто было даже и то, что прежде давало интересъ Менцелю — его литературное удалство, потому-что нашлись другіе резонёры, еще смѣлѣе, еще дерзче его — они увлекли за собою вниманіе публики, а Менцель, погружаясь въ свою газету, остался при старой темѣ: вражда къ Гётѣ и Французамъ.

Второе явленіе, ознаменовавшее начало изтекшаго десятилетія, была такъ-называемая *юная Германія*, или толпа молодыхъ писателей, у которыхъ критицизмъ совершенно господствуетъ надъ творчествомъ, и которые, безпрестанно вѣбѣ на языкъ темы, наиболѣе возбуждающія сочувствіе публики; стремятся быть представителями идей современныхъ. Люди благонамѣренные, но незнакомые коротко съ новѣйшею нѣмецкою литературою, подъ словомъ «юная Германія» представляютъ себѣ нѣчто въ родѣ какого-то общества, или братства, нѣчто въ родѣ «юной Италіи» и тому подобнаго порожденія эпохи тридцатыхъ годовъ; но это понятіе совершенно-ложно. «Юная Германія» — народъ болышею частію безпокойный, нервный, раздражительный, крикливый (что составляетъ рѣзкую противоположность съ обыкновеннымъ характеромъ нѣмецкой націи), но далеко неимѣющій и половину тѣхъ видовъ и намѣреній, которымъ ему приписываются. Писатели «юной Германіи» не только не составляютъ, какого-нибудь братства, но даже между многими изъ нихъ существуетъ интвенція и въ жизни и въ литературѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ, они стараются уловить другъ друга. Правда, между ими есть нѣчто общее, характеристическое, что можно назвать общимъ именемъ; но когда же не было сходства въ писателяхъ одной и той же эпохи, одного воспитанія? Даже это общее отнюдь не простирается. Если мы возьмемъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, то въ той же нѣмецкой литературѣ найдемъ подобное сходство въ понятіяхъ и направленіяхъ нѣкоторыхъ писателей, заставившее классификаторовъ назвать эту эпоху бурною и стремительною, — мы разумѣемъ то время, въ которое появлялись «Гётцъ» Гёте, «Разбойники» Шиллера, «Бизанцы» Клингера, комедіи Лешца. Новатіл, ва-

правления подвержены такому же закону старости и смерти, как и все живущее; но дряхлость их возбуждает неудовольствие, отвращение; писатели—как представители нравственной жизни народа, первые предчувствуют дряхлость идей и стремлений, и всеми силами стараются скорѣе уложить их въ гробъ исторіи; отъ того эпоха паденія какой-нибудь идеи и рожденія новой есть всегда эпоха бурная и стремительная, разпространяющая особый свѣтъ на поколѣніе новое, въ противоположность старому, а потому ее всегда легко означить какимъ-нибудь особымъ именемъ. Для изтекшаго десятилѣтія выбрали самое несчастное имя—«юной Германіи», имя, сопряженное съ тягостными и непріятными воспоминаніями; отъ того и писатели, къ ней принадлежащіе, явились въ невыгодномъ свѣтъ, съ какимъ-то чѣрнымъ предзнаменованіемъ.—Если мы сказали, что «юная Германія» не то, что о ней некоторые думаютъ, то тѣмъ не думали еще вовсе защитить ее отъ упрековъ; нѣтъ, она заслуживаетъ ихъ и заслуживаетъ въ сильной степени за то, что отклоняется отъ своего назначенія—сдружить литературу съ жизнью, за то, что вводитъ въ первую всю грязь и нечистоту послѣдней, и за то наконецъ, что въ своемъ порывѣ позволяетъ себѣ дерзости, заносчивость, переступаетъ предѣлы своего литературнаго назначенія. Это ея вина нравственная; но у ней много и художественныхъ проступковъ: она убила производительность (творчество), обратила всякое произведеніе въ критику, въ резонёрство, убила художественныя формы,—и много другихъ преступленій нашихъ бы мы за ней, но, не изчисляя ихъ здѣсь, повторимъ только, что «юная Германія» есть не что иное, какъ представительница переворота, совершающагося въ нашу эпоху, переворота, состоящаго въ уничтоженіи литературно-эстетической отдѣльности и сближеніи литературы съ жизнью, но представительница заносчивая, крикливая, уклоняющаяся отъ своей цѣли и съ прямой дороги сбивающаяся въ кривыя закоулки, въ которыхъ она часто сама падаетъ въ грязь и нечистоту.

Первые провозвѣстники этой новой эпохи, наиболѣе заслужившіе упрека, суть *Бёрне* и *Гейме*. Оба они были одарены равносильными, хотя и совершенно различными талантами, оба имѣли немаловажное вліяніе, до котораго достигли совершенно различными путями: одинъ тѣмъ, что имѣлъ слишкомъ горячія, пламенныя убѣжденія, другой, что, при недостаткѣ убѣжденій, одаренъ былъ тѣкимъ, жгучимъ остроуміемъ, которое, при критикующемъ направленіи эпохи, должно было составить особен-

ую, новую нравственную силу.—Имѣя въ виду представить общій ходъ и направленіе современной нѣмецкой литературы, мы не можемъ войти здѣсь въ разборъ произведеній этихъ двухъ писателей, но замѣтимъ только общій ихъ характеръ. Бёрне,—это душа пылкая и раздражительная до болѣзненности, преданная мечтамъ политическимъ и составившая себѣ идеаль какого-то общества, которое она желала бы видѣть въ Германіи и не находила. Выгнанный изъ отечества за свои политическія мнѣнія, онъ поселился въ Парижъ, не потому, чтобъ тамъ нашелъ свой идеаль, но потому-что бурная жизнь парижская гармонировала съ его бурною душою, и оттуда онъ высылалъ свои филиппики на жизнь, нравы, стремленія, науку и литературу Нѣмцевъ. Нельзя не пожалѣть, что это грубое, но могущественное краснорѣчіе, этотъ огромный талантъ разтраченъ даромъ на мечты: еслибъ Бёрне могъ быть чѣмъ-нибудь другимъ, нежели тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ, то онъ былъ бы чудовищномъ необыкновеннымъ, сдѣлалъ бы многое для того предмета, за который взялся бы. Говоря о немъ, не должно забывать, что онъ Еврей, и что у него на сердцѣ лежатъ всѣ тѣ бѣдствія и страданія, которыя нѣкогда претерпѣли его соотечественники. «Теперь — говорить Марбахъ — «когда рука, нанесшая еврейскому народу столь многія раны, старается залечить ихъ, теперь-то особенно Евреи чувствуютъ, что они претерпѣли прежде: капризь и раздражительность больного есть первый признакъ выздоровленія, но это чувство не мѣшало Бёрне любить Германію: брани Нѣмцевъ, онъ преданъ имъ всею душою, а потому въ его сочиненіяхъ, не смотря на ихъ цинизмъ, на грубость, видна добросовѣстность, теплоза, заставляющія жалѣть объ авторѣ, что онъ преданъ идеаль ложнымъ, созданнымъ его болѣзненною фантазією.

Мендель, Бёрне и Гейне суть находные пункты новой нѣмецкой литературы. Ея своеволие, дерзость, пристрастныя и предразсудочныя мнѣнія произошли отъ перваго; цинизмъ и грубый, дерзкій тонъ—отъ втораго; безнравственность и манія острить—отъ послѣдняго. Каждый изъ этихъ трехъ писателей имѣлъ обширное вліяніе на народъ и словесность, и каждый привилъ ей свои недостатки. Скажемъ нѣсколько словъ о Гейне. — Представьте смѣшеніе величайшаго легкомыслія, отсутствіе всякихъ душевныхъ убѣжденій, тщеславіе, страсть бланкетать оригинальностію, характеръ тревожный, душу раздражительную, удобоприимчивую, горячую,

въ которой одно чувство сѣняется другимъ противоположнымъ и съ такою легкостью, быстротою, что, кажется, они сталкиваются въ ней; но пока это чувство въ душѣ, пока Гейне высказываетъ его въ прекрасномъ стихѣ своемъ, оно вѣрно и горячо имъ чувствуется; но часто, въ концѣ пѣсни, на половинѣ стиха, оно уже исчезло, и другое явилось на мѣсто его, и такъ же охвачено живо и вѣрно этою хамелеоническою душою; прибавить къ сему пламенную, ипривую самгавно, даръ поэтический, вѣдом остроуміе, — представьте все это: какой смутный, тревожный образъ явится предъ вами! Это Гейне, человекъ *движенія* (модное слово его школы), какъ его обыкновенно называютъ. Какою прелестью дышать его пѣсни! какое остроуміе, какой блескъ и ипривость ума въ его критикахъ! какая пустота, безнравственность, безцѣльность во всемъ оуществіи, въ его цѣляхъ и стремленіяхъ! Вотъ чтѣ говоритъ о немъ Бёрне: «Самой быстрой, лукавой и одаренной кошечью хитростью критикъ никогда не удастся поймать Гейне, потому что въ немъ несравненно больше мышиныхъ, нежели въ критикѣ кошачьихъ свойствъ. Онъ устроилъ для себя лазейки во всѣхъ углахъ нравственнаго, ученаго и общественнаго свѣта, и соединялъ ихъ подземными ходами. Едва только заметишь, что Гейне высказалъ какое-нибудь маленькое мнѣніе, только что хочешь схватиться за него, а онъ уже ускользнулъ въ свою нору; ты за нимъ — а онъ выскочилъ изъ другой съ совершенно-противоположнымъ мнѣніемъ. Нѣтъ, откажись отъ преследованія; ты напрасно только потеряешь трудъ. Встрѣчая въ его сочиненіяхъ одно изъ разсѣянныхъ въ нихъ домысловъ, безнужныхъ, смѣшныхъ мнѣній, не торопись опровергать ихъ: переверни только листъ — и Гейне самъ даже перевернулся, уже онъ противорѣчитъ себѣ. Если ты не можешь понять такого кошачьяго думанія, то и самъ хуже для тебя самого: это значить, ты не достигъ до высшихъ премудростей риторической кухни, а должно признаться, что нѣтъ ничего забавнѣе подобной сѣмь противоположныхъ и противорѣчащихъ мнѣній!»

Но это остроуміе, эта живость и блескъ, этотъ ипривый и пламенный поэтический талантъ, эта легкомысленная безнравственность, явившись среди степенныхъ Нэмцевъ въ ту минуту, когда событія привели уже въ движеніе ихъ спокойную важность, должны были произвести электрическое дѣйствіе на умы и сдѣлать Гейне оракуломъ молодаго поколѣнія, чрезъ которое всѣ недостатки его личнаго характера и слабыя стороны его таланта, вы-

ствѣ съ достоинствами сего послѣдняго; сдѣлавшись достояніемъ новѣйшей литературы, сроднились съ ней, вошли въ нее, какъ элементы. Элементы эти приняты «юною Германіею» не только въ литературу, но и въ науку, какъ то мы видимъ въ *Вимбаргѣ*, въ его «Эстетическихъ Очеркахъ». Кто будетъ искать въ этомъ сочиненіи теоретическаго развитія, истинной эстетики, тотъ весьма ошибется. Вимбаргъ не ищетъ теорій: онъ желаетъ практики, — вмѣсто теорій искусства, хочетъ художественнаго произведенія, — вообще дѣйствія, а не разсужденія ищетъ онъ; онъ требуетъ, чтобъ вся жизнь наша была художественнымъ произведеніемъ. Онъ мечтаетъ о какомъ-то европейскомъ грецизмѣ, соотвѣтствующемъ впрочемъ требованіямъ христіанства, и предсказываетъ Европѣ такую степень образованности, на которой чувственное прошлито будетъ духовнымъ, тѣло и духъ придутъ въ равновѣсіе, и будутъ взаимно умѣрять другъ друга, взаимно способствовать къ общедному развитію; онъ хочетъ жизни, а не смерти, ибо чувственность есть смерть и ведетъ къ смерти, равно какъ и спиритуализмъ: и вмѣстѣ цвѣта и блеска жизни, но блѣденъ и тощъ какъ смерть. Здѣсь «юная Германія», въ своемъ стремленіи къ дѣйствию, къ жизни, является кроткою, умѣренной, благородною; самый языкъ Вимбарга, при порывахъ краснорѣчія и силы, остается въ границахъ строгой красоты и благозвучія. Но это рѣдкое исключеніе: такъ-называемые «юные Германцы» не умѣютъ идти прямо къ тому, что есть истинное ихъ призваніе и задача современной эпохи, именно — къ сдруженію науки и искусства съ жизнью; нѣтъ, они увлекаются своими страстями, они влекутъ литературу, какъ мы уже сказали, только въ грязь жизни. Таковъ, на-примѣръ, Лаубе.

Генрихъ Лаубе принадлежитъ къ самымъ дерзкимъ, повѣрчивымъ, вустымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятнѣйшимъ разсказчикамъ. Онъ никогда не занимался серьезно наукою и, будучи чуждъ ея интересамъ, посвятилъ себя исключительно литературной болтливости; но запасъ остроумія, анекдотовъ, собранныхъ по прихотямъ, и нѣсколькихъ мыслей, общихъ «юной Германіи» — весьма скудное имѣніе, если оно не поддерживается способностію творить, въ которой природа отказала Лаубе. «Гегелева философія, изъ коей онъ на-лету схватилъ только верхушки, научила его, говорить Маргтграфъ, резонировать; Гейне и Генцэ дали этому резонерству языкъ и форму, а интересы женщины и направленія вѣка содѣлали содержаніе. «Уму его» продолжаетъ тотъ же писатель; нельзя отказать во вкусу и пріятности; только онъ, какъ

нанипавское, долженъ быть тотчасъ же проглатываемъ, пока не разоидется пѣна, потому-что въ сущности, въ немъ больше пѣны нежели виннаго газа.» Въ своихъ критикахъ и характеристикахъ онъ всегда схватываетъ только вышнюю сторону, и для него весьма важно знать, что тотъ-то на-прим. кашляетъ, или часто чихаетъ высокъ или низокъ ростомъ, носитъ усы и бакенбарды и какъ какое у него бѣлье, какъ онъ обѣдаетъ и проч.; но для важнаго, высокаго и истинно-изящнаго у него просто нѣтъ чувства; совсѣмъ тѣмъ эта легкость, умѣнье говорить о всемъ и говорить пріятно увлекательно, дерзко (необходимое условіе!), смѣяться надъ неустатки и не-устати, доставили ему обширный кругъ читателей и извѣстность въ ряду современныхъ нувеллистовъ. Его «Reise Nellen», его «Junge Europa» находятъ наибольшее число читателей. Лучшія его повѣсти суть «Das Glück» и «Schauspielergin».

Тѣ же качества съ прибавкою болышей дерзости и наглости, и вмѣстѣ съ тѣмъ болышаго званія и болышаго таланта составляютъ характеристику *Карла Гуцкова*, берлинскаго уроженца, поселившагося теперь въ Гамбургъ. Гуцковъ началъ свое литературное поприще лестною Менцелю, за что отличенъ былъ отъ толпы этою критическою знаменитостію и выведенъ такъ-сказать въ люди. Обучившись въ школе Менцеля и перенявъ отъ него его тактику и уловки, Гуцковъ возсталъ на своего наставника и, владея большою сметливостію, гибкостью и умѣньемъ поддѣлываться подъ столь непостижимый и измѣнчивый теперь вкусъ публики, онъ занялъ мѣсто Менцеля и сдѣлался неизбежнымъ лицомъ въ литературѣ. «Это чловѣкъ преній и споровъ» говоритъ о немъ Маргтрафъ: «вмѣщая болѣе талантъ *разлагать*, нежели *составлять*. Его можно называть литературною гончею собакой, находящеюся вѣчно на стражъ подмывающей всѣ слабости и комическія стороны литературы неожиданно нападающей то на газель чакоточной чувствительности, то на теленка глупости, то на долгошейнаго жирафа тщеслвія и пустословія; подобное бдительное животное мы едва-ли найдемъ въ нашемъ литературномъ лѣсу, наполненномъ обезьянами и попугаями. Изъ всѣхъ бѣгуновъ журналистики, Гуцковъ имѣетъ самую здоровую селезенку, самыя крѣпкіе дыхательные органы и самыя проворныя ноги. Онъ дѣйствуетъ не всегда благородно, но всегда искусно и какъ ловкій математикъ: самыя дая друзья для него только числа, изъ которыхъ онъ составляетъ запутанныя задачи; а современныя направленія только пашки и шахматной доскѣ, которыми онъ то конемъ беретъ дамку, то дажъ

кой кова. По-крайней-мѣрѣ, въ этомъ одно хорошее, что ужъ всякій знаетъ его и всякій остерегается.» Гуцковъ чрезвычайно-прележенъ и дѣтеленъ; мы можемъ представить длинный перечень его сочиненій: «Магагуру», «Письма Дурака къ Дурѣ», «Лѣтнее Путешествіе»; два тома повѣстей, изъ коихъ замѣчательнѣйшая: «Саддукей въ Амстердамъ», гдѣ онъ развиваетъ самый ужаснѣйшій скептицизмъ; «Вечера»; трагедію «Неронъ», романъ «Серафима», критическое произведеніе «Боги, Герои и Донъ-Кихоты», наконецъ «Телеграфъ», журналъ, имъ издаваемый въ Гамбургѣ; все это вмѣстѣ составляетъ огромную кипу печатной бумаги; изъ которой однако едва-ли почерпнешь хоть одну отрадную мысль, хотя одинъ поэтический образъ; за то сколько насмѣшки, сколько остроты, сколько резонерства!

Намъ остается еще замѣтить одно, впрочемъ самое замѣчательное лицо «юной Германіи» — *Теодора Мюдта*. Отъ всѣхъ своихъ товарищей по прованію онъ наиболее отличается умѣренностію, и искренностію убѣжденій; дѣятельностію же превосходитъ всѣхъ ихъ. Главный конекъ его — эманципация женщинъ, а литературный идолъ — Жоржъ Зандъ, къ роману коей, «Секретарь», онъ написалъ длинное и занимательное предисловіе, въ которомъ старается оцѣнить эту писательницу въ ея нравственномъ стремленіи и въ художническомъ отношеніи. Будучи такъ же преданъ резонерству и критицизму, какъ и вся «юная Германія», онъ однако, — разумѣется, послѣ Гейне, — наиболее имѣетъ таланта производить, и еслибъ могъ отдѣлиться отъ этихъ такъ-называемыхъ идей времени, которыя тайно или явно прячутся за всѣми героями и героинями его романовъ и повѣстей, то могъ бы произвести дѣйствительно что-нибудь поэтическое, къ чему у него не достаетъ средствъ; но каждая поэтическая мысль, каждое созданіе фантазіи у него непременно перепутывается съ любимыми, душевными мыслями; а какъ скоро онъ нападетъ на нихъ, то забываетъ все и разливается цѣлымъ потокомъ умствованій. Какъ издатель учено-литературнаго журнала «Freyhafen», онъ успѣлъ собрать вокругъ себя людей истинно-интересныхъ по всѣмъ предметамъ, и своею умѣренностію успѣлъ удержаться въ срединѣ между «юною Германіею» и писателями болѣе-степенными, болѣе-важными и принадлежащими къ другому знамени. Литературное поприще свое онъ началъ сочиненіемъ о греческой версификаціи, но тотчасъ же оставилъ ученость и бросился на живую беллетрическую работу; издавая журналы «Зодиакъ», «Диоскуры», онъ вмѣ-

Т. X.—Отд. II.

ствъ съ тѣмъ подвизался на книжномъ поприщѣ романы и поэти: «Modeln», «Dueth», «der Basilisk oder Gesichterstudien», слѣдали одинъ за другимъ въ весьма-близкомъ другъ отъ друга рстояніи; но это были еще сочиненія, можно сказать, невинныя первыя мечты юности, гдѣ еще не выказывается Мундтъ-критикъ, проповѣдыватель свободы женщинъ, и проч. Такимъ явился онъ въ «Kritische Wälder», собраніи своихъ критическихъ статей въ «Moderne Lebenswirren» и въ повѣсти «Madonna», гдѣ его рефлектирующая повѣствовательная муза является на высшей ступени. Кромѣ того Мундтъ издалъ еще два тома «Charaktere und Situationen», два тома путевыхъ записокъ (Reisen), альманахъ: «Дельфинъ» и критическое сочиненіе «Kunst der Deutschen Prosa» однимъ изъ самыхъ послѣднихъ его произведеній было драматическое сочиненіе, подъ названіемъ: «Komödie der Neunungen». Жуваля его «Freyhafen» принадлежитъ къ лучшимъ періодическимъ изданіямъ Германіи.

Мы видимъ, что «юная Германія» преимущественно выражаетъ въ романѣ и повѣсти, какъ въ формахъ, наиболее-соотвѣтствующихъ вѣку, коего она почитаетъ себя представительницею; но романъ ея есть вѣчно особенное — не то, что мы обыкновенно разумѣемъ подъ этимъ словомъ: это не свободное изображеніе жизни въ поэтическихъ образахъ, но представленіе современныхъ идей и вопросовъ въ формѣ разсказа, гдѣ являются на сцену лица для того, чтобы резонировать на заданную авторомъ себѣ тему и персонализировать тѣ мысли и понятія, которыя авторъ не хотѣлъ развивать систематически. Отъ этого романы нѣмецкіе разделяются теперь на два рода: романъ, въ которомъ дѣйствуютъ, романъ, въ которомъ резонируютъ; послѣдній преимущественно принадлежитъ юной Германіи; впрочемъ и другіе писатели также нечужды этого резонёрства въ романѣ, но по-крайней-мѣрѣ оно у нихъ не на первомъ планѣ и, являясь въ болѣе художественной обдѣлкѣ, славается съ самымъ дѣйствиємъ и составляетъ съ нимъ одно цѣлое.

Романъ-дѣйствія имѣетъ двухъ представителей: *Шпиндлера Мюгге*. Если послѣдній уступаетъ первому въ картинности изображеній, въ умѣнн составить завязку и интриговать читателя, то у него есть всегда мысль, мысль часто поэтическая, и онъ преимущественно изображаетъ жизнь и общество новѣйшее, тогда какъ Шпиндлеръ можетъ быть еще разсматриваемъ какъ продолжатель школы Вальтера Скотта, и продолжатель искусный

но безъ особаго таланта. Произведенія Шпиндлера извѣстны; лучшими изъ романовъ Мюгге можно назвать die «Tänzerinn und die Gräfin».—Къ этой группѣ писателей надобно еще причислить *Рельштаба*, *Шторха*, *Герлосона*, людей съ талантомъ и воображеніемъ, и цѣлый легіонъ писателей, у которыхъ нѣтъ ни того, ни другаго, и которые пишутъ en passe по заказамъ библиотекъ для чтенія, продовольствующихъ классъ кухарокъ, мелочныхъ торговковъ и подобныхъ читательницъ, жадныхъ до страшнаго, чрезвычайнаго, чувствительнаго и плаксиваго.

Обратимся къ роману резонирующему, этому любимцу современной литературы. Вотъ что говоритъ о немъ Маргграфъ: «Резонирующий романъ и повѣсть — любимая увертка нѣмецкихъ писателей, употребляемая ими для-того, чтобъ удобнымъ образомъ высказать свои мысли и мнѣнія о лицахъ и книгахъ, искусствахъ и художникахъ, древнемъ и новомъ времени, войнѣ и мирѣ, холодѣ и теплѣ, хорошей и дурной погодѣ, собачей и людской жизни; это называется соединеніемъ поэзіи съ современною жизнью, популяризациею вопросовъ вѣка, искусства и литературы. Правда, въ этомъ родѣ у насъ есть остроумныя, занимательныя сочиненія, но мало художественныхъ произведеній. И какъ могутъ явиться художественныя произведенія тамъ, гдѣ критика не отступаетъ ни на шагъ отъ фантазіи, и вмѣстѣ съ каждымъ ея движеніемъ выставляетъ свои разсужденія и разложенія! Этого резонирующаго элемента нечуждъ также и *Тикъ*, *Тикъ*, глава романтиковъ, образецъ, по которому училось не одно поколѣніе. Его такъ-называемыя «*Raisonnement und Tendenz-Novellen*» дѣйствительно-прекрасны, особенно тѣ, въ которыхъ онъ изображаетъ не современную эпоху. Впрочемъ, должно замѣтить, что хотя характеры у него обрисованы съ самою точною подробностію, съ самымъ тонкимъ совершенствомъ, но въ ихъ раскрытыхъ жилахъ течетъ болѣе искусственная, нежели естественная, нормальная кровь. Впрочемъ, какъ бы то ни было, тикова повѣсть сама-по-себѣ дѣйствительно-прекрасна, но горе, когда его манеру подражаетъ другой писатель, — тогда она дѣлается литературнымъ выродкомъ! Должно также замѣтить, что самъ Тикъ теперь отчасти изписался въ этомъ родѣ, и продолжаетъ его потому только, что того требуетъ публика, а слѣдовательно и книгопродавцы. «Стыдъ и срамъ народу нѣмецкому» восклицаетъ Маргграфъ: «что одни изъ знаменитѣйшихъ его поэтовъ, критиковъ и знатоковъ литературы, прожившій жизнь, полную богатыми результатами, и служившій об-

раздочъ во многихъ нѣраженіяхъ, долженъ на закатѣ жизни, и въ высшемъ обстоятельствѣ, писать въ родѣ, къ которому онъ и разположенъ болѣе, и чрезъ то тратить старость свою на литературное *мастерство*, тогда-какъ послѣдній лакей французской литературы, на-пр. Жюль Жаневъ, который только забавлялъ, а образовывалъ, какъ Тикъ, свою публичку, живеть въ довольствіи и обиліи, и съ презрѣніемъ смотритъ на народъ, обходящійся своимъ знаменитѣйшимъ писателемъ какъ съ бѣднымъ Лазаремъ дѣлающей его вторымъ Улиссомъ, послѣ долгаго страствованія долженствующимъ просить милостыню у порога собственна своего дома!»

Если бъ мы захотѣли изчислять здѣсь всѣхъ составителей разнородныхъ романовъ и повѣстей, то должны были бы представить нашимъ читателямъ длинный реестръ именъ, изъ коихъ только немногія, весьма-немногія, стоить вниманія иностранной публики но нельзя не упомянуть о *Стеффенсѣ*, этой странной натурѣ, которой такъ много прекраснаго въ жизни и такъ мало въ романѣ. Какъ антропологъ, геологъ, профессоръ, Стеффенсъ безспорно заслуживаетъ полное, глубокое уваженіе, но какъ романистъ-репортёръ онъ скученъ, тяжелъ; онъ пишетъ романы не для-того, что удовлетворить внутреннему стремленію произвести художественное твореніе, но чтобы поговорить о томъ, о семъ, пошленивать. Что такое его романъ «Революція», какъ не скучная пошленица? Гупцовъ причислялъ его за то къ дошн-никотамъ литературнаго швейцарскаго. Сюда же, къ этой группѣ, относится соотечественникъ нашъ *Штернбергеръ*, одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ швейцарскихъ романистовъ, изображающій преимущественно аристократическія характеры; *Виллибальдъ Алексисъ*, читаемый многими съ большимъ удовольствіемъ, хотя лучшее даже изъ его произведеній «*Nahe Disterweg*» не производитъ впечатлѣнія сильнаго; *Клозе*—редакторъ «*Лейпцигской Газеты для Модива Свѣта*», недавно издавшій «*Klatschnovellen*», въ коихъ дѣйствующія лица представляютъ тенденціи и отвлеченныя пошлія; *Леопольдъ Шефферъ*, столь интересный въ своихъ стихотвореніяхъ и столь тяжелый въ повѣсткахъ; *Визе*, *Дюлеръ*, *Иммерманнъ* и *Вилькомъ*. Последніе два наиболее обращаютъ на себя вниманіе. Романъ Иммерманна «*die Epigonen*» безспорно весьма-занимательное произведеніе; а Вилькомъ въ своихъ «*Civilisations-Novellen*», въ «*Витора-Müden*» хотя и является неопытнымъ романистомъ, но все-таки показываетъ богатство чувства и мыслящую натуру.

Мы заметили, что въ числѣ элементовъ новой немецкой литературы весьма важное мѣсто занимаетъ страсть къ остроумности—насмѣдѣ, замѣчанное ей отъ Гейне. Эта страсть наиболѣе мѣла у «юной Германіи», но и другіе писатели заражены тою же болѣзью; со всѣмъ тѣмъ юморизмъ ни на сценѣ, ни въ романѣ не можетъ похвалиться большими успѣхами. Въ комическомъ романѣ заслуживаютъ быть замѣченными только два писателя: *Лауды* (Laudy), переводчикъ Беранже и авторъ «Венеціанскихъ Повѣстей», и Гудцовъ въ своемъ «*Vater Blasewitz*». Величайшій же остроумникъ въ Германіи теперь безъ сомнѣнія *Кнль Пуллери-Мускау*; но его остроуміе такъ какъ-то холодно, бездушно, изысканно, что отъ него скоро утомишься, и немалого найдется охотниковъ не только критиковать, но и дочитать его книгу, хотя многое въ ней дѣйствительно блестяще умомъ и остроуміемъ. Что же касается до журналовъ, биографій, мемуаровъ и прочія родовъ бальетрическихъ сочиненій въ прозѣ, то должно замѣтить, что резонирующая повѣсть, шука какъ для произведеній фантазіи, такъ и для выраженія мыслей, мнѣній и направленій, сдѣлалась почти исключительно господствующею формою, въ которую вставляется почти все, что прежде выражалось различными родами прозаической рѣчи. Журналы въисціе, въ которыхъ два господствующихъ элемента, юморъ и критика, преимущественно говорятъ въ духѣ «юной Германіи», представляютъ только градацию большаго или меньшаго близости съ какою-нибудь изъ главныхъ героевъ этой «салазки» (разумѣется, сюда не входятъ журналы чисто-ученые). Самая даже биографія охотно принимаетъ теперь тонъ повѣсти; но въ чисто-биографическомъ родѣ первенство принадлежитъ безъ сомнѣнія *Фарнгагену*. Должно замѣтить также здѣсь *Циллокке*, *Функа*, *Баллера*. Первый прекрасно изобразилъ Гохмана, второй — Гошмана, Вецеля, Девриента и Йешида, а третій въ своемъ «*Salon der Deutschen Zeitgenossen*» изображаетъ преимущественно и политическіе характеры. Фарнгагенъ отличается тѣмъ въ такъ-называемыхъ характеристикахъ—очень-любимомъ родѣ у юной Германіи, потому-что въ нихъ она легко можетъ напасть на личность современныхъ литературныхъ и общественныхъ знаменитостей, какъ скоро онѣ не подкопятъ подъ ея мѣрку. Впрочемъ, характеристики Мундта въ Кюне отличаются болѣе безпристрастіемъ, истинною и желаніемъ выкинуть въ глубину характера изображаемаго лица, нежели характеристики Лаубе и Гудцова, у которыхъ главная цѣль—найти слабую сторону и поострить на

счетъ какого - нибудь добродушнаго, но челоукаго профессора или литератора. Что жъ касается до мемуаровъ, то эта это обширная во Франціи отрасль литературы въ Германіи немногоне имѣла большаго развитія, потому - что, какъ говоритъ Мабахъ: — Нѣмцы народъ секретный: они событія жизни своей прчуть въ архивы, отъ которыхъ ключомъ владѣть только то лицо, которое ихъ туда запрятало.» И лучшіе и занимательнѣйшіе мемуары въ обозрѣваемую нами эпоху издали Фарнгагеномъ фонъ Эвзе, Мюнхомъ, Лауномъ и Левальдомъ, коего слогу столь же прятентъ, сколько живы и рельефны изображенія.

Отъ романовъ резонерскихъ перейдемъ теперь къ поэзіи. Современная эпоха, выразившаяся критицизмомъ въ романѣ, отразилась въ поэзіи какимъ-то тяжелымъ, гнетущимъ чувствомъ изъ - подъ котораго вырываются иногда дикіе, страшные звуки какъ - будто бы сердце и жизнь подавлены были какимъ-то невыносимымъ бременемъ, или, когда это сердце вздыхаетъ свободно, тогда оно бьется буйною жаждою отваги или одуревающихъ чувственныхъ наслажденій. Покой, тишина, чистая любовь въра, ясное сердце, здравая воля, стремленіе къ разумной и опредѣленной дѣятельности—словомъ, всѣ чувства здоровой нормальной природы челоука сдѣлались теперь рѣдкими темами въ поэзіи. Если даже она и попадетъ на нихъ, то съ какимъ-то безсиліемъ, съ какою-то вялостію: видно, что онѣ ей не по силамъ. Возьмите въ примѣръ Рюкерта: онъ любитъ простую сельскую природу, онъ воспѣваетъ ее преимущественно; прочтите толстый томъ его «Майскихъ Пѣсень», не-уже-ли душа ваша освѣжится отъ нихъ, уже-ли природа заблнстаетъ предъ вами всѣми своими очаровательными красками? Нѣтъ, вы утомитесь отъ этихъ, впрочемъ прекрасныхъ, стиховъ, въ которыхъ вѣчно твердятъ вамъ о розѣ, о маѣ, о горныхъ потокахъ, не связывая съ тѣмъ никакой животельной мысли. Вамъ покажется, что поэтъ радуется міромъ какъ чахоточный, пережившій роковую для него весну и ищущій въ созерцаніи природы забыть опасность, грозящую ему съ приближеніемъ осени. Есть что-то больное, неестественное въ этой розоманіи и маеманіи; кажется, что онъ съ намѣреніемъ изчерпываетъ это до невозможности, чтобъ чрезъ то отвлечь поэтическій взоръ свой отъ другихъ предметовъ, — и подъ розами вы невольны видите чернаго демона вѣка. Да, болѣзненность чувства видна повсюду; впрочемъ нельзя не согласиться, что она сообщаетъ какой-то особый интересъ, какое-то особое участіе и прелесть современной

нѣмецкой поэзіи; но какъ Марбахъ справедливо замѣчаетъ: «болѣзненно-настроенный поэтъ хотя и глубже потрясаетъ сердца мнѣкоторыхъ, ему сочувствующихъ, но для общаго, для челоуѣчества, для духа, онъ ничто; пѣснь его, какъ ни трогательна, ни прекрасна, исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ или съ людьми, ему сочувствовавшими и сострадавшими, но не перейдетъ на другое поколѣніе, болѣе здоровое или страдающее другими болѣзнями. Только тогда, когда въ его горѣ или радости есть нѣчто общае, всечелоуѣческое, она будетъ вѣчно понятна, тогда только ее не забудетъ потомство.»

Изъ всѣхъ родовъ поэзіи, лиризмъ теперь почти-исключительно господствуетъ въ Германіи. «Лиризмъ» говоритъ Маргграфъ: «всегда былъ нашимъ національнымъ элементомъ; это наша естественный, природный языкъ, наше утѣшеніе въ горести, свободное изліаніе нашей радости. Никакой родъ поэзіи не соответствуетъ такъ субъективному нашему настроенію, какъ пѣсня; отсюда наша любовь къ пѣвию и всему музыкальному, къ композиціи и даже къ инструментальной музыкѣ, которую наши Гайднъ и Бетховенъ сдѣлали столь нѣжною, столь гибкою для выраженія чувствъ, что она можетъ даже заступитъ мѣсто челоуѣческаго голоса; но нѣмецкая сентиментальность, которая, благодаря Бога, наконецъ болѣею частию потухла въ жизни, сохранилась однако въ лирической поэзіи, въ живописи и музыкѣ,—въ послѣдней особенно. Эта сентиментальность, изнѣженность и что-то женское, истерическое вообще входитъ въ число характеристическихъ чертъ нашего времени, болѣзненность коего чувствуется также и въ привольныхъ пѣсняхъ поэтовъ.» Приведемъ здѣсь имена знаменитѣйшихъ изъ нихъ, составлявшихъ поэтическое созвѣдіе интеллекта десятилѣтія: Гейне, Рюкертъ, Уландъ, Шамиссо, Ленау, Авастасій Грюнъ, Юстинъ Кернеръ, Майеръ, Гофманнъ, Вакернагель, Мозель, Швабъ, Гауди, Фрейлигратъ; сколько именъ, но притомъ сколько и талантовъ! Какъ не пожалѣть, что эпоха вредно дѣйствовала на развитіе ихъ, вмѣсто живительныхъ соковъ дала имъ въ пищу желчь и ядъ, заразила ихъ всѣми своими болѣзнями. Эти поэты раздѣляются на двѣ школы: западно-нѣмецкую и южно-нѣмецкую; Сѣверная же Германія, преимущественно преданная критицизму, довольствуется пѣснями своихъ соплеменниковъ (смот. «Отеч. Зап.» февраль 1840). Наиболѣе-здоровая натура видна въ произведеніяхъ *Рюкерта* и *Уланда*: первый возпяетъ преимущественно востокъ и природу, но мы уже сказали наше мнѣніе о духѣ его поэзіи; второй есть преимущественно по-

этѣ минувшаго, поэты древняго германскаго быта, народныя прѣдѣлїи и повѣрїя; настоящее рѣдко находят отголосокъ въ ег стихотворенїяхъ, а потому онъ дальше прочїихъ отъ его слабосте и болѣзней, хотя и не остался вовсе чуждъ его влїянію. Любимыя формы Уланда—баллада и романсъ, формы преимущественн явменїя! Господствующїй тонъ—какая-то задумчивость, какое-т тоженіе, но не то страдальческое, истерическое чувство, агонїя встрѣчаемая у другихъ современныхъ поэтовъ,—нѣтъ, чувство тихое, спокойное, мужественное и гармоническое, въ которомъ если и встрѣчаются диссонансы, то какъ въ художественномъ музы кальномъ произведенїи для-того только, чтобъ тѣмъ сильнѣе дат почувствовать степенную и важную гармонию цѣлаго. Шамиссо огерманизированный Французъ, совершившїй съ русскою ученою экспедиціею, подъ начальствомъ Коцебу, путешествїе вокругъ свѣ та, два года тому назадъ похищенъ смертію у германской лите ратуры. Лучшіе годы его дѣятельности принадлежать предше ствовавшей эпохѣ, а потому въ немъ менѣе видно этого истериче скаго, страдальческаго или вакхическаго и дикаго тона современ ной поэзіи. Не смотря на большое участїе, оказываемое ему Нѣм цами, мы никогда не находили въ немъ рывательнаго, самобыт наго элемента: воспрїимчивая душа, добрый запасъ воображенїя умѣннѣ владѣть языкомъ еще не могутъ составлять полнаго поэ та, и по нашему мнѣнію, не смотря на недостатки свои, молодые поэты далеко превосходятъ его въ талантъ. У него и у Рюкертъ какъ то справедливо замѣчаетъ Марбахъ, часто видно несогласїе между содержанїемъ и формою: послѣдняя какъ-то придѣлана къ первому, между ними нѣтъ органической связи, они родились не вмѣстѣ, и если у Рюкертъ придѣлывается форма къ содержанїю то у Шамиссо нерѣдко содержанїе придѣлывается къ какой-ни будь эффектной формѣ, берется что-нибудь бросающееся въ гла за внѣшнее, къ которому, видно, поэтъ во всемъ силѣмъ старается притянуть значенїе внутреннее, нечувствуемое и неознаваемое имъ.

Прочїе поэты имѣютъ болѣе или менѣе общїй колоритъ. Изъ вшихъ на переднемъ планѣ стоитъ Анастасїй *Грюкъ* (псевдонимъ) душа пламенная и истинно-поэтическая, въ дивныхъ стихахъ вы сказывающая свои чувства и страданїя. Грусть его не есть грусть привитая имъ самими или извнѣ—нѣтъ, это грусть истинная, мужественная, истинно-поэтическая. Въ полетѣ своихъ мечтанїй онъ часто уносится слишкомъ далеко, часто въ

сказывает надежды странная, несбыточные, могущія только родиться въ фантазіи поэта, но это не относится къ его поэтическому достоинству, которое у него никто не может оспорить. Изъ прочихъ поэтовъ съ нимъ болѣе гармонируетъ *Фрейлигратъ*, одаренный талантомъ сильнымъ и мужественнымъ, стихомъ звучнымъ и прекраснымъ. *Гауди* отличается въ современной литературѣ превосходнымъ переводомъ пѣсень Беранже. Изъ прочихъ замѣтимъ *Грабе*... Но нужно ли говорить объ этомъ необыкновенномъ талантѣ, творцѣ новаго «Фауста», къ-сожалѣнію столь рано и столь несчастно кончившемъ свое поприще?—Скажемъ нѣсколько словъ о *Ленау*: жалкій страдалецъ! вѣчная тоска высказывается въ его стихотвореніяхъ, даже тогда, когда несчаинно радость, весна оживлять его сердце, и онъ вздохнетъ свободнѣе и отраднѣе, даже и въ пѣсни радости слышенъ стонъ больнаго сердца. Ленау—прекрасный, интересный, но, увы, чахоточный молодой человекъ! Каждое слово вырывается у него съ какою-то болью изъ груди, и вся жизнь его есть томленіе, медленное сближеніе съ смертію, но со всѣмъ тѣмъ онъ любитъ ее, эту жизнь, онъ дѣлитъ всѣ чувства, всѣ надежды и радости современниковъ. Ленау безспорно поэтъ; но эта болѣзненность не только не прибавляетъ ничего къ его поэтическому достоинству, но напротивъ унижаетъ его. «Въ наше время» говоритъ Марбахъ: «характеризуя вообще новое поколѣніе поэтовъ, перемигиванье съ смертію, плачь надъ гробомъ, вздохи и жалобы на бремя жизни, изливающееся въ слезахъ сердце—суть такіе предметы, въ которыхъ находятъ что-то особенно-прекрасное, нѣжное и интересное; я же нахожу въ этомъ только явный призракъ безнравственности, которою заражена наша эпоха. Крѣпкая и здоровая нравственность укрѣпляетъ чувство людей, возвышаетъ его, побуждаетъ ихъ къ дѣятельности и рѣшительно враждебна сантиментальности. Пороки, происходящіе изъ необузданнаго своеволія чувственной природы, для меня почти лучше нежели это усыпленіе, эта изнѣженность, слабость, у которой столько же не достаетъ духа для-того, чтобъ быть добродѣтельнымъ, какъ и дерзости открыто влещись за порокомъ. Это играние чувствами, эта слезливость есть величайшая ложь противъ себя и другихъ, потому-что если, дѣйствительно, несчастіе задавило душу даже до смѣрти, какъ то выплакиваетъ *Юстинъ Кернеръ* въ своихъ стихотвореніяхъ, — тогда не прійдетъ на мысль писать стиховъ, — нѣтъ, тогда не станешь выводить свое горе на торжище, а удалишься самъ отъ людей.» Если поэтъ высказы-

ваетъ свое горе, дѣйствительное горе, то значить, что въ немъ есть еще жизнь и сила пережить его, бороться съ нимъ; тогда, и этимъ-то именно чувствомъ нравственной своей силы онъ возбуждаетъ въ насъ соучастіе, овладеваетъ сердцами. Впрочемъ, ни Кернеръ, ни его товарищи по музѣ не виноваты въ этой дѣлѣ, въ которой обвиняетъ ихъ Марбахъ: это дѣло безознательная; въ томъ-то именно и состоитъ болѣзненность новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, что они въ отношеніи къ самимъ-себѣ суть ложь, что случайное, стороннее въ себѣ-самихъ они принимаютъ за нормальное, дѣйствительное; а потому о нихъ надобно болѣе сожалѣть, нежели осуждать ихъ. Другіе изъ этой школы полюбили особенно привидѣнія, вѣдьмы, волшебниковъ и подобныя вещи; даже самъ Кернеръ сгоняетъ на хорошей ногѣ съ чертлми и оборотнями, и въ ихъ сообществѣ забываетъ иногда горе чувствительной души своей. Нѣкоторые, на-прим. *Карль Майеръ*, сдѣлались страстными обожателями природы; но вѣчно-юная и прекрасная, она не дружится съ сердцемъ слабымъ и изнѣженнымъ: чтобъ понимать ее и сочувствовать ей, нужна душа крѣпкая и здоровая. За Майеромъ и *Гобманъ* записался въ число возпитателей природы, вздыхаетъ предъ нею и желаетъ обратиться въ каплю росы, чтобъ быть вососаннымъ въ солнце. При этомъ восклицаетъ Марбахъ: «какъ не стыдится бессмертная душа его такого жалкаго униженія и безсилія!»

Что жъ касается до эпического рода, то въ послѣднюю эпоху въ немъ сдѣланы были нѣкоторые опыты, полнотой мысли и важноію предмета далеко превышающіе «Очарованную Розу» Шульце и его «Цецилію», любимыя произведенія предшествовавшаго десятилѣтія. Впрочемъ, мы не найдемъ теперь у Нѣмцевъ собственно героической поэмы, потому-что «Послѣдній Рыцарь» Анастасія Грюма есть только прекрасный циклъ романсовъ, которому не достаетъ эпической стройности и полноты; «Агасферъ» *Юлія Мозга* также произведеніе болѣе лирическое, нежели эпическое, которому не недостаетъ полета фантазій, богатства картинъ и образовъ, но въ цѣломъ есть какая-то нехудожественность, что-то тяжелое и неровное; въ «Фаустѣ» Ленау драма и эпосъ соединяются, но соединяются не органически, а произвольно. Собственно-эпическимъ произведеніемъ, удовлетворяющимъ всемъ условіямъ этого рода поэзіи, можно назвать только рюкертову поэму «Ростемъ и Сурабъ» — персидскую сказку, богатую смѣлостію и живостію фантазій, разнообразіемъ картинъ и обра-

ловъ, особенно замѣчательную по прекрасному языку; но какъ растѣніе чуждое, пересаженное на германскую почву капризомъ поэта, она не могла произвести сильнаго впечатлѣнія на эпоху, въ которую каждое художественное произведеніе получаетъ свое значеніе отъ большаго или меньшаго сродства съ идеями и наклонностями современными.

Обратимся теперь къ высшему роду поэзіи, драмѣ. Исполнеть ли свое назначеніе современная драма?—Но гдѣ она? спросимъ мы: на сценѣ ея невидно: тамъ только балетъ, тамъ опера, тамъ зрѣлище, а не драма; или тамъ плоскость и пустота въ видѣ такъ называемыхъ *Singspiel*, *Lustspiel* и всѣхъ возможныхъ *Spiel*, выводящія для грубой забавы неэстетическаго класса зрителей, для животнаго смѣха или для раздраженія нервъ и разгоряченія воображенія, а не для высшаго нравственнаго наслажденія. Драму, какова она теперь есть, должно искать не на сценѣ, а въ книжной лавкѣ: тамъ лежатъ лучшія произведенія *Илимерманна*, тамъ *Гюго*въ «Тиберій», «Осада Местриха»; тамъ *Бюхнера* «Смѣръ Дантона»; *Юліа Мозена* — «Генрихъ Птицеловъ» и «Кола Ріензи»; *Юхстрица*—«Вавилоняне»; тамъ же лежатъ и произведенія *Гробра*, у котораго, не смотря на всѣ конвульсивныя движенія, на всю болѣзненность и преувеличенія, видно истинно-трагическое величіе, духъ смѣлый и высокій. Всѣ эти произведенія, болѣе или менѣе удачныя, не являлись на сценѣ, преимущественно отдавшой зрѣлищамъ, или новѣйшимъ французскимъ драмамъ и фарсамъ, или наконецъ Раунаху съ братією. Чтѣ такое новѣйшія сценическія драмы, начиная съ *Мюльнера* и *Гувальда* до *Раунаха* и *Гальма* включительно? — легкомысленная, пустая декламация, безхарактерность, въ которой часто нѣтъ ни малѣйшаго психологическаго смысла, совершенное отсутствіе вѣрнаго взгляда на жизнь и натуру человѣка,—а глубокой мысли, поэтическаго полета нѣчего и спрашивать. Вотъ какъ отзывается Винбаргъ о любимой пьесѣ современной публики, о гальмовой «Гризельдѣ»: «Эта пьеса» говоритъ онъ: «не только вредитъ вкусу, но и нравственности. Позади этой ангелоподобной невинности прячется дьяволъ новѣйшей безнравственности, прячется безсиліе, пустота, болѣзненность сердца; изысканнѣйшая шутка, приторная извѣженность. Эти герои, наряженные и разукрашенные пустословными моральными блестящими, въ широкой и великолѣпной мантии изъ ничего-неговорящихъ блистательныхъ стиховъ, въ продолженіе цѣлыхъ пяти актовъ мучатъ для забавы бѣдную женщину, и наконецъ, когда

поэтическое правосудіе требует кроваваго мщенія, они просто остаются съ носомъ, какъ глупый мужъ въ комедіи». А Раупахъ? какъ путаетъ онъ понятія о нравственности и безнравственности, добродѣтели и пороки въ своей «Школѣ жизни» для-того только, чтобъ доставить зрителямъ пріятное зрѣлище страданія и неизвѣстности! Но здѣсь по-крайней-мѣрѣ у него мучатся на сценѣ, что гораздо занимательнѣе, нежели видѣть лица, которыя ничего не дѣлаютъ. «Во Франціи» говоритъ Марбахъ: «сцена взяла себѣ на совѣсть общественную безнравственность, а развѣ не то же и у насъ въ Германіи? не слышимъ ли мы съ нашей сцены французскихъ вольностей и непристойности? не видимъ ли мы всѣхъ ужасовъ и мерзостей мелодрамы? А наши оригинальныя трагедіи, начиная отъ мюльнеровой «Schuld» до гальмовой «Griseldis», не суть ли выродки неестественности, безвкусія, жестокости и изнѣженности? Въ пустынь нашихъ сценическихъ драмъ, послѣ Шиллера, дѣлаетъ исключеніе одиавъ только *Генрихъ фон-Клействъ* простотою, невинностію и естественностію своихъ произведеній, которыя тѣмъ еще болѣе заслуживаютъ признательность, что они суть исключенія». Грильпарцеръ, пройдя чрезъ это испытаніе въ своей «Прародительницѣ», также теперь старается отдѣлиться отъ общаго направленія сцены и обратиться къ нормальной простотѣ и естественности. Новыя его произведенія—«Der Adept», въ 5 актахъ, и «Камоенсъ», въ 1 актѣ, показываютъ рѣшительное къ тому стремленіе.

Остается еще упомянуть объ особомъ родѣ нѣмецкой драматической литературы, о такъ-называемыхъ разговорныхъ пьесахъ (Conversationsstück), которыя въ послѣднее время усилились на сценѣ. Не говоря собственно о писателяхъ, приведемъ здѣсь общій приговоръ Марггграфа этому роду сценическихъ произведеній; «въ нихъ» говоритъ онъ «все обстоитъ благополучно, чисто, нравственно, или лучше-сказать, благопристойно въ смыслѣ высшаго общества. Господствующій тонъ въ нихъ есть такъ-называемый аристократическій, т. е. нѣчто такое, что носитъ манжеты, что кланяется по правиламъ танцовальнаго искусства, имѣетъ причесанные и напомаженные волосы, раздушенный носовой платокъ. Эти разговорныя пьесы идутъ рука-объ-руку съ такъ-называемыми нравственными драмами, которыя суть не что иное, какъ продолженіе нѣландовой морали и мѣщанства; возрожденіе этихъ страшилищъ доказываетъ намъ старую истину, что въ жизни все повторяется. La haute volée является въ нихъ съ очень-невыгодной

сторонны, потому-что онѣ имѣютъ претензію на болѣе-естественныя и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и болѣе-плаксивыя отношенія; въ нихъ также не благоволятъ къ новѣйшей утонченности и резонерству: невинность живетъ только въ деревнѣ; нѣжные голубки, веселые пѣтушки, играющія собачки, блѣвщія овечки,—какъ это все трогательно! Въ этихъ мѣщанскихъ и разговорно-нравственныхъ зрѣлищахъ, нравственность есть также зрѣлище, или лучше, неловкое правоученіе деревенскаго пастора, который запрещаетъ поселлянамъ въ воскресенье ходить въ кабакъ и послѣ недѣльныхъ трудовъ проводить веселый часокъ въ шумной бесѣдѣ. Такъ ли научаешь насъ исторія? такъ ли дѣйствуютъ на насъ великіе примѣры нравственности и возмездія, которые мы видимъ въ ней и въ драмахъ Шекспира, Шиллера и др.? Эти драмы въ одно и то же время обнимаютъ и исторію, и вѣчно-человѣческое, неизмѣнимое въ душѣ нашей, а не скоропреходящія, непостоянныя формы слабого настоящаго, противъ ничтожности коего нельзя иначе вести процессъ, какъ поставляя ему на видъ это вѣчное, неизмѣнимое въ исторіи и въ сердцѣ человѣка.»

Здѣсь заключимъ мы нашъ краткій очеркъ изящной германской литературы, повторивъ то, что уже замѣчено было нами въ развитіи этой статьи,—что Германія отнюдь не скудна талантами, но что большая часть этихъ талантовъ, вмѣсто того, чтобы, низпровергнувъ литературную отдѣльность отъ жизни, сдружить науку и искусство съ сею послѣднею и чрезъ нихъ дѣйствовать на благоороживаніе, возвышеніе ея, совершенно подчиняютъ ихъ интересамъ дневнымъ, преходящимъ, вводятъ въ литературу весь дразгъ, всю не чистоту современныхъ страстей, цѣлей, желаній и направленій. Наука и искусство должны принять въ себя элементы жизни той эпохи, къ которой они относятся, но должны отразить ихъ въ себѣ очищенными, просвѣтленными идеею общаго, а не служить органомъ мнѣній и страстей индивидуальныхъ; въ послѣднемъ случаѣ онѣ теряютъ и цѣль свою и достоинство; искусство дѣлается орудіемъ видовъ житейскихъ, слѣдовательно теряетъ свободу, главную свою принадлежность. Только странныя, небывалыя явленія, нравственный кризисъ и несчастныя смуты современной общественной жизни увлекли искусство въ это ложное и несвойственное ему направленіе: оно въ состояніи перехода, броженія, и, можетъ-быть, уже близко время, когда оно успокоится, когда важный и глубокомысленный духъ Германіи разговитъ эти черныя тучи, и тогда, наученный претерпѣнными смутами и заблужденіями

ми, онъ снова станетъ во главѣ умственного и художественнаго развитія Европы, снова начнетъ дарить насъ созданіями глубокими и истинно прекрасными. Будемъ надѣяться, что это время близко для Германіи.

Я. НЕВЪРОВЪ.

III.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

(Изъ Зейдлица.)

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснуть въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флагера не шумятъ,
И, молча, въ открытые люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему ни по-чемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ —
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островъ томъ есть могилы,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей браянныкъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежить на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаеъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наследника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракъ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ сѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кланяетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спячь усачи-гренадеры —
Въ равнинахъ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ сѣвгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ жескомъ пирамида.

И маршалы зова не слышать:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу овою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердцѣ онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходить,
И снова онъ громко зоветъ.

Зоветъ онъ любезнаго сына,
Ошору въ превратной судьбѣ;
Ему общается полмира,
А Франція только себя.

Но въ цвѣтъ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,

И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одианъ.

Стоитъ онъ и тѣжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капають горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

И. ЛЕРМОНТОВЪ.

ПѢСНЯ.

(Съ англійскаго, Валтера Скотта.)

Красивъ Бригпала брегъ крутой,
И зелень лѣсъ кругомъ;
Цвѣты падъ быстрою рѣкой
Разкинуты ковромъ.

Вдоль замка Дальтонъ на конѣ
Я вхалъ не спѣша:
На-встрѣчу пѣла съ башни мнѣ
Красавица-душа:

«Красивъ Бригпала брегъ крутой,
«И зелень лѣсъ кругомъ;
«Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ лѣсной
«Милый чѣмъ царскій домъ.»

— Ты хочешь, дама, быть моею,
Забуть свой родъ и савъ;
Но прежде разгадай смелый
Какой мнѣ жребій данъ.

И если скажешь мнѣ, любя,
Загадки слово ты,
Прійму въ дубравѣ я тебя
Царицей красоты.

Она поетъ: «Свяжь брегъ крутой,
«И зелень лѣсъ кругомъ;
«Мнѣ съ другомъ тамъ пріютъ лѣсной
«Милый чѣмъ царскій домъ.»

«Со звонкимъ рогомъ въ кушакъ
 «Ты скачешь черезъ поля,
 «Ты, знать, въ дубравъ на рѣкъ
 «Лѣсничій короля?»

— Лѣсничій зоркій короля
 Въ свой рогъ трубитъ съ утра,
 Но какъ покрыта мглой земля
 То мнѣ трубить пора.

Она поетъ: «Свѣжъ берегъ крутой,
 «И зеленъ лѣсъ кругомъ;
 «Хочу царицею лѣсной
 «Жить съ другомъ тамъ вдвоемъ.

«На быстроногомъ рысакъ
 «Какъ ратникъ, ты готовъ,
 «Съ мечемъ въ ножнахъ, съ ружьемъ въ рукъ,
 «На барабанный зовъ.»

— Нейду на барабанный зовъ,
 Нейду на трубный звукъ,
 Но какъ зовутъ насъ крики совъ,
 Мы все готовы вдругъ.

И свѣжъ Бригнала берегъ крутой,
 И зеленъ лѣсъ кругомъ,
 Но двѣ смѣлой лишь со мной
 Царить въ лѣсу моемъ.

О, двѣ! другъ недобрый я!
 Глухихъ пустынь жалецъ;
 Безвѣстна будетъ жизнь моя,
 Безвѣстенъ мой конецъ.

Какъ мы сойдемся, гости тьмы,
 То должно намъ, повѣрь,
 Забыть, что прежде были мы,
 Забыть, что мы теперь.

Но свѣжъ Бригнала берегъ крутой
 И зеленъ лѣсъ кругомъ,
 И пышно блещутъ надъ рѣкой
 Цвѣты живымъ ковромъ.

БѢЛАЯ ГОРЯЧКА.

Повѣсть.

«Повѣсть! Въ этихъ повѣстяхъ все такія сатиры и ничего нѣтъ правдоподобнаго. Даже, поврите ли, иной разъ обидно читать.»

—Да, они—эти сочинители, не умѣютъ совсѣмъ списывать съ натуры; все они пишутъ точно въ бѣлой горячкѣ.

«Можно, я вамъ скажу, и съ натуры списывать, но такъ, чтобъ не было обидно и чтобы пельзъ было првнать на свой счетъ.»

(Разговоръ въ гостиндѣи у-жи Горбачевой.)

«Съ кого они портреты пишутъ?»

«Дѣ разговоры эти слышать?..»

(Лермонтовъ.)

=

I.

Нѣсколько лѣтъ назадъ,—и можетъ-быть, нѣкоторые изъ читателей моихъ вспомнить объ этомъ,—на выставкѣ Академіи Художествъ обратили на себя всеобщее вниманіе двѣ картины: одна изображала Ревекку у колодца, другая какую-то дѣвушку въ бѣломъ платьѣ, очень-задумчиво и чрезвычайно-поэтически сидѣвшую на крутомъ берегу какой-то рѣчки, въ ту самую минуту, когда вечерняя заря уже потухла, и вечерніе пары, медленно поднимаясь отъ земли, покрывали и горы, и лѣсъ, и луга, и воду синеватою дымкою. Правда, многіе находили, что въ лицѣ Ревекки и въ лицѣ этой задумчивой дѣвушки однѣ и тѣ же черты, одно и то же выраженіе, и приписывали такое странное сходство недостатку творчества въ художникѣ. Но не смотря на это, великій день, во все продолженіе выставки, около этихъ картинъ была давка. Передъ этими картинами останавливались—и чиновница въ кожаныхъ ботинкахъ со скрипомъ, и зарумяненная барыня въ шляпкѣ съ перьями, съ удивительными и восклицательными междометіями, и дама большаго свѣта, никогда ничему неудивляющаяся, и канцелярскій чиновникъ въ черной атласной манишкѣ со скла-

дочками, и его рѣдковолосый начальник со Станиславомъ, развѣшеннымъ на груди, и fashionable съ лорнетомъ въ глазѣ, и конно-артиллерійскій армейскій офицеръ ужасающаго роста въ очкахъ, и маленькій инженеръ, разсуждающій о наукахъ и танцующій по воскресеньямъ на вечеринкахъ у статскихъ и другихъ совѣтниковъ, и кавалеристъ, военный денди — непремѣнное лицо на всѣхъ балахъ и раутахъ, и вертлявая горничная съ Англійской Набережной, въ шляпкѣ, съ затянутой таліей, воспитанная въ магазинъ г-жи Сихлеръ, и толстая дѣвка отъ Знаменья, недавно привезенная изъ деревни. У этихъ двухъ картинъ толпились всѣ эти лица, фигуры и фигурки, когорья вы, я, и всѣ мы ежедневно встрѣчаемъ на Невскомъ Проспектѣ, на этой вѣчной петербургской выставкѣ.

Отъ-чего же эти двѣ картины привлекли такое лестное, одобрительное вниманіе цѣлаго народонаселенія Петербурга? Принадлежали ли онѣ къ тѣмъ эффектнымъ произведеніямъ живописи, когорья невольно поражаютъ съ перваго взгляда и не-знатоковъ? Была ли это дань удивленія и восторга истинно-художественнымъ произведеніямъ?

Картины точно были эффектны, и эта эффектность происходила отъ оригинальности ихъ освѣщенія; къ-тому же выпуклость фигуръ, казалось, выходившихъ изъ полотна, рѣзко бросалась въ глаза всякому, а свѣжесть зелени, на которую художникъ, видно, не пощадилъ краски, приводила большинство въ невыразимый восторгъ. Такія достоинства должны были не шутя выдвинуть эти картины на первый планъ. Пройдя нѣсколько залъ, установленныхъ портретами, ландшафтами, снятыми съ довольно-плохой и незатѣйливой мѣстности, да историческими картинами, въ которыхъ фигуры группировались съ симметрическою точностію, словно размѣренныя по циркулю, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличались безукоризненными академическими *позами*, — и бѣгло обозрѣвъ всѣ эти произведенія, зритель чувствовалъ, что въ головѣ его дѣлался престрашный хаосъ, въ глазахъ у него рябило, а ноги подгибались отъ усталости... Наконецъ, запыхавшись, о блаженство! онъ достигалъ до послѣдней залы; чтобы перевести духъ сѣлся на окно, и вдругъ, вовсе-неожиданно, поражала его зрѣніе чудная Еврейка, красавица, граціозно стоявшая у колодца, на которую, право, можно было заглядѣться и послѣ великолѣпной картины Горациа Вернета... Утомленное вниманіе зрителя при взглядѣ на Еврейку возбуждалось снова, и онъ съ участіемъ подходилъ

къ картинѣ, чтобы хорошенько разсмотрѣть ее. А рядомъ съ Еврейкою—другая картина, дѣвушка на берегу рѣки въ сумракѣ вечера... Стояло взглянуть въ эту картину: въ ней открывалось столько таинственнаго и безконечнаго...

Однако не безъ основанія можно положить, что успѣхъ этихъ обѣихъ картинъ объяснялся еще тѣмъ, что онѣ стояли въ залѣ передъ самымъ выходомъ. Последнее впечатлѣніе, какое бы оно ни было, всегда сильнѣе перваго, и память, разтеравшаяся во множествѣ пестрыхъ явленій, мелькавшихъ передъ глазами, несохранившая ни одного штриха, ни одной черты, ни одного образа, радехонька ухватиться за послѣдній предметъ, особенно, если этотъ предметъ поразилъ не одни глаза, а хоть сколько-нибудь подѣйствовалъ на душу. Странное дѣло! память никогда не вѣрится однимъ глазамъ!.. Надобно при этомъ взять въ расчетъ и то, что прогулка по заламъ должна была возбудить аппетитъ у каждаго, а отъ этихъ двухъ послѣднихъ картинъ сей-часъ можно было перейти къ завтраку или къ обѣду.

Такимъ точно образомъ, послѣ прогулки на выставкѣ, за превосходнымъ завтракомъ, который былъ состряпанъ истинно-художнически, при четвертой бутылкѣ шампанскаго, нѣсколько извѣстныхъ любителей и покровителей искусствъ рѣшили, что живописецъ, написавшій *Ревекку* и *Дѣвушку на берегу рѣки*, долженъ быть талантъ необыкновенный. Эти господа свѣтскіе любители и покровители, пользовавшіеся самою блестящею славою въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ, прожившіе много лѣтъ и много тысячъ въ чужихъ краяхъ, вывезшіе оттуда великолѣпные альбомы, сами сдѣлавшіе нѣсколько эскизовъ карандашемъ, и претендовавшіе на званіе почетныхъ членовъ Академіи Художествъ, объявили во всеуслышаніе о новооткрытомъ ими талантѣ.—Талантъ! А-а! въ-самомъ-дѣлѣ талантъ? заговорили дамы: кто онъ? «Ахъ, Боже мой, что за возхитительныя картины... этакая прелесть! Какъ все живо и натурально, ахъ, ахъ!» кричали барыни: «да что онъ? да гдѣ онъ?»

«Торжествуйте, г. живописецъ! счастье обратилось къ вамъ своимъ лицомъ и улыбается вамъ; вы восстаете изъ мрака неизвѣстности и выходите на свѣтъ Божій, а это очень пріятно!» думала я, ходя по заламъ выставки, останавливаясь порой передъ этими двумя картинами, такъ понравившимися публикѣ, и прислушиваясь къ сужденіямъ знатоковъ и любителей объ искусствѣ вообще и объ этихъ картинахъ въ особенности. Такого рода занятіе

мнѣ очень понравилось: бывало, только-что встану и выпью чай сей-часъ же на выставку, и не замѣчу, какъ пройдетъ утро.

Всего болѣе я любилъ гулять въ большихъ залахъ, установленныхъ портретами... Сначала, правда, мнѣ показалось странно, какимъ-образомъ болѣе или менѣе удачныя копии съ болѣе или менѣе извѣстныхъ фязіономій удостоились чести быть на выставкѣ художественныхъ произведеній? Какое до нихъ дѣло искусству? Но въ-послѣдствіи я оставилъ въ сторонѣ эти вопросы, и съ болѣе нѣмъ любопытствомъ и наслажденіемъ принялся разсматривать выставленные фязіономіи.

Однажды, когда я стоялъ передъ портретомъ одного изъ тѣхъ красавцевъ, которые восхищаютъ барынь и которыхъ онѣ обыкновенно называютъ *бель-амами*, и любовался его побѣдоносными глазами и цѣпочкой съ супиромъ, мнѣ пришла въ голову мысль, что должно быть удивительно весело родиться на свѣтѣ красавцемъ и вырасти на славу себѣ, на украшеніе міра и на утѣшеніе барынь.

—Осипъ Ильичъ! слышишь, Осипъ Ильичъ?—вдругъ раздался женскій довольно-рѣшительный голосъ возлѣ моего праваго уха:— посмотри сюда, вотъ на этотъ портретъ... Да куда ты смотришь? На-лѣво... ну, вотъ. Ужъ красота, можно сказать, что красота! да и цѣпочка какая дорогая! долженъ быть миліонеръ!

«Славная цѣпочка!» возразилъ мужской нерѣшительный голосъ: «и съ какимъ вкусомъ жилетка... Замѣтьте жилетку, Аграфена Петровна...»

Я обернулся, чтобы посмотрѣть кто дѣлалъ эти остроумныя замѣчанія, и увидѣлъ подлѣ себя толстую и низенькую женщину въ чепцѣ, въ персидскомъ платкѣ, съ кожанымъ ридикюлемъ, и ея кавалера также небольшого роста, съдѣнькаго, въ лиц-мундирѣ.

Эта барыня продолжала, обращаясь къ своему кавалеру:

— Чтѣ, Осипъ Ильичъ, вѣдь работа-то по-чище Алексашенькиной? бархатецъ на жилеткѣ каково сдѣлать?

«Безподобно, безподобно, нечего говорить! Однако слышалъ и большія похвалы и его картинамъ, и слышалъ отъ людей солидныхъ.»

— Не вѣрится что-то; да гдѣ же онѣ, мы еще до-сихъ-поръ ихъ и не видали?

«Видно подальше, въ другихъ залахъ. Пойдемте.»

И они отправились далѣе. Я въ-слѣдъ за ними. Что это за Алексашенька? Мнѣ также захотѣлось посмотрѣть его картины...

Я проходилъ залу за залой, и долженъ былъ безпрестанно останавливаться передъ различными картинами, выслушивать критическія разсужденія барыни о достоинствахъ и недостаткахъ этихъ картинъ и подобострастныя, осторожныя замѣчанія ея кавалера. Мнѣ ужъ стала надоѣдать прогулка за этими господами; барыня также начала изъяслять громогласно свое нетерпѣніе не видя Алексашенькиныхъ картинъ, и явно сердилась на своего сопутника... «Ну, да гдѣ же *его-то* картины?» вскрикивала она: «видно тебѣ обманули: ихъ совсѣмъ нѣтъ, да куда ему и соваться съ своей работою...»

Наконецъ мы достигли до послѣдней залы. Въ этой залѣ, какъ и во все продолженіе выставки, была страшная тѣснота. Барыня съ ридикюлемъ отважно продиралась сквозь толпу, кавалеръ ея слѣдовалъ за нею, а я за кавалеромъ. Она впереди всѣхъ остановилась передъ Ревеккою, почти у самой рамы, и посмотрѣла внизъ на бумажку съ надписью. На этой бумажкѣ было написано большими буквами: *Г. Среднескаго*. Барыня прочла надпись и замаха-ла рукой своему кавалеру:—Сюда, сюда, по-ближе; ну, да пробирайся же! Кавалеръ съ большими усиліями подошелъ къ ней. Я остановился немного въ сторонѣ, такъ, что могъ ихъ видѣть и слышать ихъ разговоръ. Минуты три пристально разглядывали онъ и она эту картину; потомъ она обернулась къ нему, на лицѣ ея замѣтно было волненіе; и онъ обернулся къ ней: его желтое и сморщенное личико остолбенѣло, въ его мутныхъ глазкахъ выразилось что-то похожее на недоумѣніе...

Она возкликнула: — Осипъ Ильичъ?

Онъ прошепталъ: «Аграфѣна Петровна?»

Она указала пальцомъ на Ревекку:

— Вѣдь это покойница?

Онъ покачалъ головой

«Покойница.»

— Каковъ, сударь, Алексашенька-то?

Онъ все покачивалъ головой:

«Да, да, да! двѣ капли воды.»

Такъ вотъ, кто Алексашенька! Я сталъ еще внимательнѣе прислушиваться къ этому странному разговору; но въ эту минуту толстый и высокій господинъ съ лысиной очутился возлѣ Аграфѣны Петровны.

— «Аграфена Петровна, Осипъ Ильичъ!» возкликнулъ онъ бсомъ, немного въ нось...

«Семень Ѳедорычъ! пріятная встрѣча.»

— «Что, какъ вамъ нравятся картины? Есть, я вамъ скажу, д рога, просто дорога; но лучше всѣхъ вотъ эти двѣ, онѣ одна живонисцемъ написаны. Прелесть, просто прелесть! Кисть этакъ мйгала, такъ все соблюдено; видно, что списывалъ съ природы...

«И, батюшка Семень Ѳедорычъ! да что въ нихъ особенно-х рошаго? Я и живописца этого знаю; такой дрянненькій... Раз и другая-то его же картина?»

— «Его,—а славная вещь, просто славная!»

Аграфена Петровна начала разсматривать «Дѣвушку на бере рѣки» и чрезъ минуту, указавъ на нее пальцемъ, закричала:

«Осипъ Ильичъ, знаешь ли что? Видъ и это покойница.»

— Хм! произнесъ Осипъ Ильичъ: покойница! только та,— он указалъ на Ревекку— больше похожа на покойницу.

— Все единственно...

— «Какая покойница?» съ удивленіемъ спросилъ господинъ с лысиной, и посмотрѣвъ внизъ на Осипа Ильича, продолжалъ: «в хотите ли табачка? у меня отличный, просто отличный табакъ ране.»

Онъ вынулъ изъ бокового кармана табакерку золотую съ эмалью

«Развѣ я не рассказывала вамъ этой исторіи?.. Ахъ, Семень Ѳедорычъ, какая у васъ табакерка!.. дорога, я думаю?»

— «Да, цѣнная вещичка; эмаль какая, посмотрите: тончайша отдылка, просто тончайшая. Я купилъ ее на аукціонѣ, она при надлежала князю Л.; у меня ихъ и не одна, правду сказать; я собираю коллекцію.»

«Весело носить этакую табакерочку!» вздыхая промолвила Аграфена Петровна.

— «А про какую это исторію вы говорите?.. Какая покойница Тутъ на картинахъ нѣтъ никакой покойницы.»

«Ахъ, батюшка Семень Ѳедорычъ! всѣ мы смертные: прійдетъ и нашъ часъ. И ея ужъ нѣтъ, сердечной. Вотъ больше двухъ лѣтъ какъ умерла.»

— «Да про кого это вы рассказываете, Аграфена Петровна?»

«Про дочку нашего генерала. Славная была дѣвушка, умница обо всемъ знала. Бывало, какъ сидишь съ ней, чего она не пора скажетъ... да видво лукавый попуталъ: сбилась, советъ-тамъ

ебилась, ни за что пропала!.. Ужь онъ за нее на томъ свѣтъ по-
платился.»

— «То-есть, кто онъ?»

«Да вотъ этотъ живописишка. Вѣдь хотя онъ мнѣ и родствен-
никъ причитается, да Богъ съ нимъ, я давно на него и рукой ма-
хнула и знать не хочу. Пропадай онъ совсѣмъ! Какъ лукавый-то
попуталъ ее, она и влюбилась въ него...»

Осипъ Шльичъ въ-продолженіе этого разсказа болзливо озира-
лся вокругъ, чтобы кто-нибудь не подслушалъ рѣчей Аграфены
Петровны.

«Влюбилась! Знаемъ мы эту любовишку, была и я молода,
вѣсь мы были молоды, да спасибо родителямъ: дурь изъ головы
какъ-разъ выколачивали. Вотъ видите ли, тогда жива была стару-
шка, его мать; съ полгода назадъ она умерла. Богъ таки-наказалъ
его!... Жили они въ бѣдности: сами знаете, въ этомъ званіи
скоро ли наживешь копейку! А она, Софья-то Николаевна, дочка-
то генеральская, подъ видомъ добродѣтели, и ходила вслѣдъ день
навѣщать старушку,—вишь хитрость кака! Тутъ они и сошлись
по-короче, а онъ и списалъ съ нея эти портреты, и вѣдь погра-
билъ, просто какъ на живую смотришь, да еще и теперь не посо-
вѣстился выставить въ публичное мѣсто,—безсовѣстная душа!...
Я провѣдала тогда объ ихъ шашняхъ, все и поразсказала генераль-
шѣ,—она такъ и ахнула! Чтѣ же, батюшка, Семень Ѳедорычъ?
все поздно было: Софья-то Николаевна вскорѣ и отдала Богу
душу.» (*)

—«Ахъ, какая исторія!» воскликнулъ господинъ съ лысиной. «Че-
го не бываетъ, подумаешь, на свѣгъ!»

Въ эту минуту чья-то рука опустилась на мое плечо. Я посмо-
трѣлъ назадъ; то былъ мой старій пріятель и товарищъ.

— Хочешь познакомиться съ Средневскимъ?

«Какъ-нельзя-кстати» подумалъ я. «Разумѣется, хочу.»

— Пойдемъ же со мной.

Живописецъ, эпизодъ изъ жизни котораго—вѣрный или невѣр-
ный—я такъ нечаянно выслушалъ, стоялъ въ сосѣдней залѣ въ ам-

(*) Читатели «Отеч. Записокъ» вѣроятно помнятъ повѣсть И. И. Панаева
«Дочь чиновнаго Человѣка», помещенную въ III-мъ томѣ нашего журнала
(княжкѣ 4-й) за прошлый годъ. Повѣсть, теперь ими читаемая, имѣетъ
близкое съ нею отношеніе. Въ означенной повѣсти однимъ изъ главныхъ
лицъ былъ тотъ же живописецъ Средневскій—имя, разумѣется, вымышлен-
ное.

бразуръ окна и благоговѣнно внималъ разсказамъ длиннаго человѣка въ предлинномъ сюртукѣ. Подходя къ окну, я слышалъ только нѣсколько словъ, дидакторски произнесенныхъ:

— Художникъ! великое слово. . . Въ этомъ словѣ вся эссенція человеческой мудрости. Страшно шутить этимъ словомъ. Вотъ, посмотри хоть-бы на эту картину—хорошо, а нѣтъ *этого*—и длинный человекъ сжалъ пальцы правой руки и выставилъ эту руку впередъ, вѣроятно, чтобы яснѣе показать чего нѣтъ, и что такое—*это*.

Я познакомился съ Средневскимъ. Онъ застѣнчиво поклонился мнѣ и, заговоривъ со мной, покраснѣлъ. . . Лицо его было довольно-пошло, черты неправильны, но пріятны, бѣлокурые волосы его вились отъ природы. Его черный сюртукъ былъ довольно-поношенъ и, казалось, шить не по немъ, а купленъ готовый; онъ держалъ въ рукѣ шляпу порыжѣлую и изтертую, и смотрѣлъ на длиннаго человѣка, какъ ученикъ смотритъ на учителя.

Длинный человекъ продолжалъ :

— Ты талантъ, торжественно тебѣ объявляю—и публика уже оцѣнила твои картины. Твой успѣхъ несомнѣненъ. Иди смѣло впередъ. Ты будешь ближе всѣхъ къ Доминикино, а Доминикино великій мастеръ. Дай Богъ только быть тебѣ счастливѣе его въ жизни.

И длинный человекъ, проговоря это, взялъ руку молодаго живописца и многозначительно пожалъ ее.

Живописецъ покраснѣлъ до ушей и несвязно лепеталъ что-то, повертывая въ рукѣ свою изтертую и порыжѣлую шляпу.

II.

Во время оно я посѣщалъ литературныя общества. Вы, невинный читатель мой, вѣрно не подозреваете, что у насъ въ Россіи это самыя пріятнѣйшія изъ всѣхъ обществъ. Соберутся шесть или семь человекъ стихотворцевъ и прозаиковъ; нѣсколько любителей, офицеровъ и статскихъ, въ томъ числѣ одинъ или два артиста. Офицеры—по-большой-части пѣхотные и морскіе, особенно морскіе: они невообразимыя охотники до литературы. Статскіе все въ очкахъ, глубокомысленной наружности. Комната не слишкомъ-большая, не слишкомъ-маленькая. Всѣ эти господа пускаютъ изо рта страшныя тучи дыма и пьютъ чай въ стаканахъ съ лимономъ. Литераторы перваго разряда и статскіе въ очкахъ курятъ сигары, литераторы втораго разряда и пѣхотные офице-

ры жуковскій табакъ... Облака дыма носятся по комнатамъ и застилаютъ двѣ лампы, безъ того довольно-тускло горящія. Въ физиономіи въ туманѣ; дымъ придаетъ этой картинѣ что-то неопредѣленное и до слезъ щиплетъ глаза. Разговоры чудо-какъ занимательны:

— Тебя разругали въ такомъ-то журналѣ.

«Да и чортъ знаетъ за что, братецъ! Я ничего ему не сдѣлалъ. Онъ задираетъ первый.»

— А тебя разхвалили?

— Ты счастливчикъ, тебя вѣчно гладятъ по головкѣ!

— Твои послѣдніе стихи—прелесть, братецъ!

— Ваша повѣсть мнѣ очень понравилась.

— По двѣсти рублей за листъ.—Сколько мы вчера пили!

— Скажите, кого выставили вы въ вашей повѣсти?—«Никого: это лица вымышленныя.»—«Не-уже-ли? а я думалъ, что вы съ когонибудь списали...»—Я придерживаюсь напитокковъ слабыхъ, какъ-то мадеры, портвейна...

Въ такихъ разнообразныхъ и поучительныхъ разговорахъ время проходитъ незамѣтно; посмотришь на часы—и ужь далеко-далеко за полночь.

И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, недѣли три послѣ закрытія выставки, я попалъ въ такое сборище. Тамъ между прочими нашелъ я и новаго знакомаго моего, живописца. Онъ, не смотря на огромный успѣхъ своихъ картинъ, о которыхъ говорили и кричали повсюду, сидѣлъ еще скромно въ уголку и смиренно покуривалъ вакштафъ изъ длиннаго деревяннаго чубука.

Я подсѣлъ къ нему.

Онъ протянулъ мнѣ руку очень-искренно и дружески, будто вѣкъ былъ знакомъ со мной.

— Я все собрался къ вамъ въ мастерскую. Ваши картины, которыя были на выставкѣ, еще у васъ?...

«Да, онѣ еще у меня» отвѣчалъ онъ, посмотрѣвъ на меня, «многіе желаютъ приобрѣсть ихъ и дають мнѣ такую цѣну, которой онѣ вовсе не стѣятъ, но мнѣ жалъ расстаться съ ними.»

— Это очень-понятно, и мнѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь, подумалъ я. Я вспомнилъ неволью рассказъ барыни о генеральской дочкѣ, подслушанный мною на выставкѣ. Мнѣ хотѣлось узнать, до какой степени этотъ рассказъ вѣроятенъ.

— Не покажется ли вамъ страннымъ и нескромнымъ мое замѣчаніе?.. началъ я этою изтертою фразою.—Меня, и впрочемъ не

одного меня, поразило сходство лица вашей Ревекки съ лицомъ дѣвочки на другой картинѣ.—И, сказавъ это, я пристально посмотрѣлъ на него.

Онъ вспыхнулъ и смѣшался.

«Да, это правда, это большой недостатокъ... Это...» И онъ не могъ ничего сказать болѣе.

—Эге! да видно барыня-то не совсѣмъ солгала... Его смущеніе мнѣ однако очень понравилось. Онъ, кажется, еще слишкомъ-молодъ и, по-видимому, жилъ въ большой бѣдности. Что же? это ничего: года черезъ два разбогатеетъ, да пооботрется въ обществѣ, понасмотрится и поприслушается, а тамъ и перестанетъ краснѣть... Не вѣчно же кутаться и прятаться въ дѣтскихъ пеленкахъ; право, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше сбросить съ себя всю эту забавныя украшенія и сойдтиса лицомъ къ лицу съ действительностію...

— Такъ вы рѣшительно не хотите разставаться съ вашими картинами?

«Можетъ-быть, я нѣ хотя долженъ буду разстаться съ ними. Не знаете ли вы князя Б?»

— Нѣтъ, не знаю.

«Онъ прѣхалъ сюда на время, а живетъ постоянно въ Москвѣ... Князь такъ добръ и такъ расположенъ ко мнѣ: онъ раза два или три въ недѣлю посѣщаетъ мою бѣдную мастерскую и неизменно хочетъ имѣть мои картины, — а ну, которому я, въ короткое время знакомства, обязанъ многимъ, ему отказать мнѣ совѣстно...»

Въ эту минуту одинъ изъ морскихъ офицеровъ подошелъ къ художнику.

— Чѣмъ изволите заниматься теперь? спросилъ онъ его.

«Оканчиваю два портрета.»

— Чьи-съ?

«Генералъ-адъютанта Ф* и графини К*.»

— Прекрасно! подумалъ я, — въ добрый часъ! онъ началъ слезно. Я еще что-то хотѣлъ подумать, но вдругъ въ передней раздался звонокъ съ такою силою, что многіе вздрогнули. Дверь отворилась, и въ комнату вошелъ мѣрными шагами тотъ длинный чело-вѣкъ, котораго я видѣлъ на выставкѣ. Бѣгло взглянувъ на всѣхъ и еще не кланяясь никому, онъ подошелъ къ молодому художнику.

— Очень-радъ, что нашелъ тебя здѣсь. Мы только сей-часъ говорили о тебѣ въ большомъ обществѣ, гдѣ были почти все дамы.

Ты ихъ съ ума свелъ своими картинами. У дамъ тонкій, эстетическій вкусъ. Я возторгу дамъ вѣрю болѣе, нежели разсужденію нпаго ученаго критика. Да!..

Провзнеся это, длинный человекъ обратился ко всѣмъ. Здравствуйте, господа!—Здравствуй, душа моя; здоровъ ли ты?—Здравствуйте, раздавалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ подходили къ длинному человеку и протягивали ему руки, и онъ всѣмъ привѣтливо улыбался. Три офицера и одинъ статскій молча поклонились ему. Четвертый офицеръ подошелъ къ статскому въ очкахъ и, толкнувъ его подъ бокъ, таинственно шепнулъ ему, указывая глазами на длиннаго человека: «Вотъ, thou cher, умъ-то и талантъ! У, у, у! У него обо всемъ такіа оригинальныя сужденія; послушай его... А свидѣнія какія! Онъ, кажется, всю учемость проглотить»

— Хозяинъ дома! поди сюда! продолжалъ длинный человекъ, нахмуривъ брови и между-тѣмъ улыбаясь едва-замѣтно. Ну, прежде всего поцалуемся. Вотъ такъ; а потомъ я всѣмъ скажу слово. Присядьте-ка, господа.

Мы всѣ слыи.

— Между нами есть человекъ, котораго ния со-временемъ ставеть на ряду съ именами первыхъ художниковъ, если онъ будетъ уменъ. Мы всѣ будемъ имъ гордиться и его чествовать. Вы догадались, о комъ я веду рѣчь?... И ораторъ посмотрѣлъ на бѣднаго живописца, который потупилъ глаза въ столъ и, казалось, боялся пошевелиться.

— Да, его произведенія, которыми вы всѣ любовались—диво! Надо уметь оцѣнить ихъ вполне; въ нихъ бездна того, о чемъ и разсказать нельзя, но чтѣ доступно только посвященнымъ въ таинства искусства...

Офицеръ и статскій при этихъ словахъ перемигнулись другъ съ другомъ. Этимъ миганьемъ они хотѣли сообщить другъ другу то удивленіе и тотъ возторгъ, который проникалъ ихъ насквозь отъ обаятельной силы краснорѣчія длиннаго человека.

— Дѣло въ томъ, что ты, хозяинъ дома, во славу и дальнѣйшее преуспѣваніе русскихъ художествъ, долженъ непременно угостить васъ шампанскимъ! Сегодня экстренный случай. Мы еще не поздравляли его. Итакъ, первый тостъ за его успѣхи!—И онъ указалъ пальцемъ на бѣднаго живописца, который все еще не поднималъ глазъ.

— «Браво, браво! превосходная мысль» раздавалось нѣсколько

голосовъ—и увы! хозливъ, волею или неволею, долженъ былъ повиноваться.

Скоро раздался гармоническій звонъ стакановъ, и первая бутылка очутилась передъ носомъ длиннаго человѣка. Онъ любовно посмотрѣлъ на нее, ласково погладилъ ее благородную шею и занялся ею откупориваніемъ.

Съ страшнымъ залпомъ вылетѣла пробка, и шишучая, звѣздистая влага вырвалась на свободу. Стаканы были наполнены. Всѣ обратились къ художнику при неистовыхъ крикахъ. Онъ старался, и очень-замѣтно, скрыть свое удовольствіе, но не могъ. Въ порывѣ этого удовольствія, онъ схватилъ за руку длиннаго человѣка и крѣпко пожалъ ее; но длинный человѣкъ отдернулъ свою руку и протянулъ къ нему свои объятія. — Поцалуемся! сказалъ онъ — и они наклонились другъ къ другу и поцаловались черезъ столъ.

Потомъ длинный человѣкъ началъ декламировать о томъ, что такое Шекспиръ, что такое Гёте и Шиллеръ, что такое Москва и Петербургъ, Микель Анджело и Рафаэль, какая судьба ожидаетъ художества въ Россіи..

Всѣ слушали его, и дивились ему, и пили. Морскіе офицеры были внѣ себя отъ его рѣчей. Онъ былъ оракуломъ этого маленькаго литературнаго кружка, а потому пилъ больше всѣхъ и поилъ художника. Шампанское потокомъ лилось въ уста оратора, вдохновеніе потокомъ изливалось изъ устъ его. Опорожненные бутылки начинали вытягиваться строемъ; лица собесѣдниковъ ярко горѣли; въ краткія минуты отдыховъ оратора, уже литераторы втораго разряда смѣле начинали подавать свой голосъ.

Вдругъ длинный человѣкъ приподнялся со стула, облокотился обѣими руками на столъ и торжественно обвелъ глазами все общество. Литераторы втораго разряда тотчасъ смолкли, тишина воцарилась въ комнатѣ.

— Еще слово, и это слово опять-таки къ виновнику нашего пира, къ творцу *Ревекки!* Отъ лица русскихъ художествъ обращаюсь я къ нему и даю слѣдующій совѣтъ...

«Говори же скорѣй и чокнемся» возкликнулъ творецъ «Ревекки»...

— Молчи... Совѣтъ мой будетъ тебѣ полезенъ, и да не изгладится онъ изъ памяти твоей во всю жизнь.—Ты еще молодъ, неопытенъ, выступаешь на поприще скользкое. Тебѣ Богъ далъ талантъ, и зависть обовѣсть тебя и сдвинуть, какъ змѣи Лаокоона—и

тысячи змвннжкх головъ устрематся и будутъ шипвть и изливатъ адъ свой. Да, я знаю это по собственному опыту,—но не бойся. Трусость хуже всего; иди смвло впередъ и не кланяйся на пути прохожжмъ. Надобно, чтобы они тебъ первые клавлялись. Не превбрегай деньгами изъ пустаго идеализма. Деньги—все: они и любовь, и дружба, и счастье, и слава! Не морщисъ,—поживи съ мое, узнаешь правъ ли я. Деньги имвють силу сверхъестественную. Съ деньгами тебъ неопасны будутъ и змви, которыя обоввють тебъ; покажи имъ горсть золота, они сейчасъ же потеряють свою силу и отпадутъ отъ тебъ. . . Итжк, прежде всего наживи деньги. Искусство искусствомъ, деньги деньгами; одно не только не помвшаетъ другому, а еще пособитъ. Безъ денегъ нвтъ внутренняго спокойствя, а безъ внутренняго спокойствя творчество не прйдетъ къ тебъ. Деньги и деньги! Наживешь деньги—поввжай въ Италио, подыши тмъ воздухомъ, которыя дышали Торквато, Рафаэль, Данте, Тицианъ и Доминякино. . . Открой въ Римъ большую и богатую мастерскую, возьми кисть—и пиши. . . вдохновеніе при такихъ обстоятельствахъ лвится къ твоимъ услугамъ, объ этомъ не заботься—и къ тебъ въ мастерскую нахлынетъ ввчный городъ и будетъ тебъ аплодировать. Праздныя путешественники съвдуются со всвхъ концовъ земли смотреть твои картины; журнальные листки прогрематъ о тебъ. . . И тогда, тогда только вздохни свободно и легко, и скажи самому-себъ: слава моя упрочена, теперь мнъ за нее трепетать нечего. Потому, если вздумаешь, возвращайся въ Россію, живи и наслаждайся жизнью, пиши даже дурныя картины, если художественныя силы твои източатся,—ничего: и дурными твоими картинами будутъ всв восхищаться, потому-что имя твое уже освящено. Но, не заставивъ кричать о себъ въ чужой земль, ты ничего не выиграешь въ своей. Теперь ты поправился, тебъ хвалятъ, ты входилъ въ моду; все это непрочно: мода пройдетъ и тебя забудутъ, деньги ты проживешь, а вновь будетъ взять не откуда. Dixi!

И длинный человекъ тяжело опустился на свой стулъ. Опять раздалось громкое браво; но художникъ молчалъ, онъ немного нопризадумался. . . однако черезъ минуту налилъ себъ стаканъ вина, выпилъ вино до капли и закричалъ:

«Что будетъ, то будетъ, а теперь станемъ пить!»

— Хорошо сказано! проворчалъ длинный человекъ — и снова стаканы наполнились.

Черезъ два дня послв этой пошлойи, въ одномъ петербургскомъ Т. X.— Отд. III.

журналъ объявили самыми громкими, вычурными и безтолковыми фразами, съ небольшою примѣсью чего-то въ родѣ остроумія: что молодой художникъ, г. Средневскій—кандидатъ въ гении, и что двѣ его картины, восхищавшія всю петербургскую публику на выставкѣ, могутъ смѣло соперничать съ лучшими картинами Тициана и Рубенса!

III.

Осень, скучная и грязная осень, наступила, и говорили, будто ранѣе обыкновеннаго, хотя въ тотъ годъ въ Петербургѣ совсѣмъ не было лѣта. Я переехалъ съ дачи въ началѣ сентября; дождилъ ливнемъ, наводя уныніе; мутное старѣющее небо оскорбляло зрѣніе; я рѣшился никуда не выходить изъ дома. Въ это время очень-кстати вздумалъ довольно-часто посѣщать меня мой живописецъ. Мы постепенно привыкали другъ къ другу; онъ становился со мною невринужденнѣе, открытѣе, и мени очень занимали его разговоры. Дождь стучалъ въ окна, а намъ у каміна было такъ тепло и покойно! Онъ сдѣлался, какъ я замѣтилъ, вообще гораздо развязнѣе, онъ могъ даже спокойно лежать на кушеткѣ, протянувъ ноги, и не вскакивать, если кто-нибудь входилъ въ комнату. Картины свои онъ продалъ князю Б* за большія деньги: это можно было тотчасъ замѣтить, потому-что на немъ былъ коротенькій скортукъ, дивное произведение одного великаго и дорогого петербургскаго артиста, славно выказывавшій его прекрасную талию; черный атласный платокъ съ длинными концами, небрежно завязанный узломъ и зашпиленный маленькой золотой булавкой; тонкое бѣлье. Все это преобразило его. И какъ шли къ этому его длинные бѣлокурые волосы, его голубые глаза. Я любовался, глядя на него; я былъ увѣренъ, что женщины на него заглядывались. И онъ былъ веселъ какъ дитя, забавляющееся новыми игрушками. Первые два портрета удались какъ-нельзя-лучше; объ этихъ портретахъ заговорилъ весь аристократическій людъ и удостоилъ его чести быть своимъ привилегированнымъ портретистомъ. Позолоченныя двери салоновъ отворились передъ нимъ; міръ чудный, роскошный, невѣдомый открылся передъ нимъ: и ковры, и бронзы, и мѣлкъ, и бархатъ, и мраморъ, и вся эта сказочная роскошь тысячи-одной ночи. Онъ, очарованный, вдохнулъ въ себя эту нѣгу, эту тончайшую амбру, которая такъ непостижимо-усладительно щекочетъ обонаніе бѣдняка, съ-надежд-

ства болѣе привыкшатъ къ франтизѣ и поточкамъ, чѣмъ къ пышнѣмъ, мокровымъ розамъ, гелиотропамъ и бриллиантамъ. . . Ярко и живо опиывалъ онъ мнѣ свою робость, которую такъ мучительно ощутилъ онъ въ первый разъ при взглядѣ на разточительность богатства, на наружный блескъ, на этихъ женщинъ такъ непостижимо-граціозныхъ, такъ страшно-соблазнительныхъ. Когда онъ говорилъ объ нихъ, онъ весь дрожалъ, на глазахъ его блестѣли слезы. Я понимала его юношескій жаръ, но, слушая его, сивался отъ всей души. Ни разу однако въ разговорахъ со мною онъ не касался своего прошедшаго, даже мнѣ показалось — избѣгалъ этого, не смотря на то, что иногда откровенно высказывалъ мнѣ свои задумываемыя мысли. Случилось какъ-то, что онъ заходилъ у меня часа до втораго; я ужь начинала вѣять — онъ увлекся моимъ притворомъ, и наконецъ взялся за шляпу; вдругъ мнѣ пришелъ въ голову рассказъ барыни на выставкѣ, я остановилъ его и передалъ ему этотъ рассказъ отъ слова до слова и въ лицахъ.

Когда я кончила, онъ положилъ свою шляпу на столъ и бросился на диванъ въ замѣтномъ волненіи.

— Проклятая виновница! сказала онъ: никакъ не можетъ оставить меня въ покоѣ. Но за себя я прощаю ей; меня возмущаетъ только то, что она осмѣливается тревожить память этой дѣвушки, которую я точно любилъ. Она была чудная, рѣдкая дѣвушка! Возпоминаніе о ней — самое святое возпоминаніе моей жизни. На моихъ картинахъ точно она . . . Онъ до рассвѣта просидѣлъ у меня, рассказывая исторію этой бѣдной дѣвушки, *догери виновнаго человѣка*, и свое знакомство съ нею.

— Я бы готовъ былъ, сказалъ онъ, уходя отъ меня: жить снова въ бѣдности и невѣдѣности, переносить всевозможныя лишения, только бы увидѣть ее хоть одинъ разъ еще, услышать ее голосъ. Вѣрите ли, я иногда не сплю по цѣлымъ ночамъ: мнѣ представляется, что я долженъ увидѣть ее, и я жду этого чудеснаго явленія съ сладкимъ трепетомъ сердца — но все напрасно! Мнѣ часто слышится ее походка, и я вздрагиваю.

Этой послѣдней эффектной выходкой, этими таинственными фразами онъ хотѣлъ, казалось, произвести на меня впечатлѣніе, хотѣлъ придать своей прежней любви интересъ поэтический, — увѣрить меня, что эта любовь была такъ глубока, такъ велика, что на нее не могло имѣть вліяніе даже время всеокрушительное и всеохлаждающее; онъ хотѣлъ обмануть меня, и, самъ не подозревая,

обманывала вмѣстѣ съ тѣмъ самого-себя. Не шутя пораздумавъ вѣрно онъ не принесъ бы ничего въ жертву для возвращенія сво- его прошлаго. Настоящее всегда несравненно - существенное увлекательнѣе и заманчивѣе, не смотря на все красноречивыя доводы милыхъ мечтателей... Жизнь вышняя впервые яви- лась передъ нимъ фантастически - разубранная, страстная, какъ вакханка въ вѣнкѣ изъ сочныхъ и продолговатыхъ гроздвѣй, с соблазномъ на устахъ... и она манила его въ свои роскошныя объятія, звала на свою пламенеющую грудь, и то небрежно раз- кидывалась передъ нимъ, то окружала себя мгновеннымъ, ослѣпи- тельнымъ блескомъ...

О, прочь все благоразумныя совѣты и предостереженія людей опытныхъ, и высокіе примѣры самообладанія и самоотреченія! Молодой человекъ жаждетъ жизни; у него страшно кипитъ кровь радостно бьется сердце надеждами, взоръ свѣтлѣетъ любовью и вѣрою, кудри прихотливо и живописно выются до плечъ — и онъ безъ размысленія предается лукавой чаровницѣ, и онъ, какъ у Шиллера, бросается въ мрачную и страшную бездну за драгоцен- нымъ, золотымъ кубкомъ.

Жизни, жизни ему! Онъ унываетъ настоящей минутой, для не- го прошедшее — мертвая развалина, будущее — туманъ непроницае- мый... Онъ, неполненный силами, хочетъ дѣйствовать, а не сидѣть сложа руки, не болѣзненно мечтать и пресмыкаться въ кру- гу фантомовъ, выходцевъ съ того свѣта, и безцвѣтныхъ идеаловъ, насильственно вымученныхъ у бѣднаго воображенія.

Моего живописца, слава Богу, завладалъ все, потому-что для не- го все было ново — и онъ не успѣлъ выучиться скрывать своего дѣйствительнаго восторга. Правда, по странности, свойственной мно- гимъ людямъ, онъ перѣдко употреблялъ стараніе казаться ветѣмъ чѣмъ былъ, прикидывался недовольнымъ, идеальничать, гово- рить разочарованнымъ, элегическимъ тономъ русскихъ стихо- твореній, — но это было не на долго: онъ тотчасъ же выходилъ изъ своей неприличной роли, сбрасывалъ съ себя смѣшную мас- ку и являлся въ настоящемъ своемъ видѣ.

И въ эти идеальныя минуты онъ былъ чудо какъ-хорошъ!... Онъ требовалъ отъ жизни такого, чего и самъ не могъ разтолко- вать себѣ; онъ хотѣлъ пересоздать всехъ и все, придѣлать къ се- бѣ крылья — и, въ родѣ Амура, летать въ облакахъ и упиваться не- беснымъ ароматомъ, и съ-высока смотрѣть на презрѣнное челове- чество, ползающее внизу. Онъ рассуждалъ о предметахъ совер-

шонно-новыя, какъ-то: о созвучіи двухъ душь, о счастьи быть любимымъ не по-адъшнему, не по-земному; о высшемъ блаженствѣ найдти себѣ дѣвушку, облеченную въ ризы ангельскія, и смѣяться съ нею въ падмой гармоніи, а потомъ умереть,—и проч. и проч., о чемъ прекрасно рассуждаетъ всякій герой какого-нибудь романа или повѣсти въ высодомъ родѣ, написанной для разрѣшенія нравственно-философическаго вопроса. Иногда же онъ толковалъ о томъ, что любить никого не можетъ, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы «неземная», которую онъ хотѣлъ отыскивать, вдругъ откуда-нибудь придетъ сама и чистосердечно объявила, что она стараетъ къ нему самую страстную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую небесную любовь. «Любить одинъ разъ въ жизни» говорилъ онъ: «нѣтъ той, которую любилъ я—и для меня не можетъ существовать другая любовь!»

Эти слова доказывали однако, что онъ непреодолимо желаетъ любить — и при первомъ удобномъ случаѣ готовъ влюбиться до полу-смерти. Такъ прошло два мѣсяца,—и онъ до того приучилъ себя къ себѣ, что когда не являлся въ условное время,—а это случалось рѣдко,—мнѣ становилось безъ него неловко, скучно. Привычка великое дѣло; къ-тому же я необыкновенно люблю и уважаю тѣхъ людей, которые отвлекаютъ меня отъ моихъ занятій и даютъ мнѣ предлогъ оправдываться въ бездѣйствіи передъ самимъ собою. Мой юноша говорилъ много объ искусствѣ, и говорилъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ. У него было глубокое чувство — и чувствомъ онъ понималъ то, чего другіе никогда не поймутъ умомъ. Не одно искусство, которому онъ посвятилъ себя, исключительно занимало его, исключительно было доступно ему: онъ много читалъ, онъ былъ въ восторгѣ отъ Гете; «Вальгельмъ Мейстеръ» былъ его настольною книгою: безконечный поэтический міръ открывался передъ нимъ въ этой чудной книгѣ; его любимою мыслию было изобразить на картинѣ Миньйону; онъ наизусть декламировалъ многія мѣста изъ трагедій Шиллера, и декламируя, горячился и размахивалъ руками. Надобно было его видѣть въ ту минуту, когда онъ прибѣжалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, что прочелъ «Мейстера Флѣ» Гофмана. «Гофманъ великій поэтъ, великій!» кричалъ онъ, бѣгая изъ одного конца комнаты въ другой. «Эти господа, которые кричатъ, что онъ съ талантомъ, но чудакъ, что у него немного разстроено воображеніе, — они не понимаютъ его,—они, эти не-чудаки, эти умники, читая его, видятъ только передъ своими глазами одніе нелѣпыя и безобразныя фигуры, и не подо-

зрѣваютъ, что подъ этими невѣными фигурами скрываются дѣла, глубокія идеи, идеи, доступныя только поэтической душѣ живому сердцу, а не ихъ мертвымъ и засушеннымъ умамъ. Воздушная красавица, незаметно скрывавшаяся некогда въ чашечкѣ роскошнаго тюльпана, и снова вышедшая оттуда во всей прикрасѣ своего убранства, эта непостижимо-чуждая принцесса Гамлетъ, долго повсюду носилась за мной живою цемь и приводила его въ такой восторгъ, котораго въроятно, не взгляды на нее, не чувствовала и сама великолѣпный царь блохъ, удивительный мастеръ Флор. Шекспиръ... но Шекспир мой живописецъ читалъ мало, благоговѣя передъ нимъ болѣе понаслышкѣ, и если говорилъ о немъ, то съ очень замѣтною умеренностью. Душа его требовала образовъ идеальныхъ, эвковъ гармоническихъ, мыслей отвлеченныхъ; онъ искалъ и жизни удовлетворенія своимъ личнымъ ощущеніямъ. Ему страшна была эта неумолимая истина, эта наружная холодность эта мѣрующая полнота жизни въ созданіяхъ великаго; онъ ее не приготовился, чтобы войти въ этотъ міръ безъ всякихъ украшеній, въ міръ какъ онъ есть, во всемъ своемъ возмутительномъ безобразіи и во всей увлекательной, божественной красотѣ своей; форма этихъ созданій пугала его, останавливала на каждомъ шагѣ, была ему недоступна, удерживала его юновески восторгъ, не давала развиграться его чувству, невозвысившему до сознанія; ему еще дико казалось это творчество — громадное, безсознательное и безстрастное. И я не удивлялся этому, не противорѣчилъ ему, но всегда съ участіемъ слушалъ его восторженные рвчи; только, бывало, когда онъ заговоритъ о небесной «люви» и погрузится въ мечтанія, я преспокойно начинала дремать. Онъ замѣтныя дѣйствіе, произведенное на меня его фантазіями, самъ разкохочетол надъ собою..

Но вмѣстѣ съ осенью кончались наши частыя свиданія, онъ почти пересталъ бывать у меня, не смотря на то, что земные пути сообщенія несравненно легче. Сначала это меня удивило; и дѣла, не сердился ли онъ на меня за что-нибудь, и однажды, встрѣтивъ его на улицѣ, шутилъ замѣтилъ ему, что онъ совсѣмъ разлюбилъ меня. Онъ извинялся, говорилъ, что не имѣетъ минутъ свободнаго времени, что заваленъ работой и еще что-то въ этомъ родѣ.

Это была явная отговорка, обыкновенныя фразы, употребляемыя для-того, чтобы не совсѣмъ оставить безъ отвѣта того, къ

насъ спрашивать о чемъ ишбуди. Я уже начиналъ забывать о томъ живописцѣ, но вдругъ общіе слухи о немъ дошли и до меня. Загадка, почему онъ пересталъ ходить ко мнѣ, объяснилась: онъ находился подлѣ вліявиста длиннаго человѣка! Меня это несколько не удивило: я зналъ, что длинный человѣкъ стоитъ на ловлѣ возникающихъ талантовъ, заманиваетъ къ себѣ неопытныхъ и опутываетъ ихъ своими сѣтями съ большимъ искусствомъ.

IV.

Теперь, позвольте мнѣ познакомить васъ покороче съ длиннымъ человѣкомъ. Онъ среднихъ лѣтъ, ходитъ мѣрными шагами, говоритъ съ разстановкой, важно, увѣрительно, иногда поднимая глаза къ потолку, иногда опуская ихъ къ полу; рѣчь своимъ онъ старается всегда придавать таинственность, относятся ли эти рѣчи къ сатаническому поэту Байрону, или просто къ погодѣ. Въ первые годы молодости, онъ искалъ себѣ славы—и славу свою хотѣлъ основать на трехъ, сочиненныхъ имъ, длинныхъ поэмахъ, въ 2,500 стиховъ каждая. Тогда еще у насъ была мода на поэмы. Двѣми тремя поэмами онъ возымѣлъ дерзкое намѣреніе сокрушить всю предшествовавшую русскую литературу отъ Ломоносова до Пушкина включительно. А для-того, чтобы о его гениі трубили заранѣе повсюду, чтобы вездѣ прославляли его и удивлялись ему, — онъ, еще до напечатанія своихъ длинныхъ поэмъ, собиралъ около себя коношей безвѣстныхъ, невинныхъ и пылкихъ, которыхъ такъ легко приводить въ возторгъ, такъ легко заставить удивляться. И невинные, и пылкіе отъ всей души апплодировали ему и кричали о немъ, гдѣ только могли кричать. Но вотъ появились наконецъ въ печати длинныя поэмы—и заговорили сами за себя, и произвели эффектъ. Тогда длинный человѣкъ отпустилъ отъ себя невинныхъ и пылкихъ: въ нихъ уже не было ему никакой надобности. Его длинныя поэмы всѣ читали, хоть, можетъ-быть, никто не дочелъ ихъ конца, всѣ хвалили и всѣ говорили: «да посмотрите, какъ онъ длинны, огромны!» Навсѣхъ насъ, русскихъ читателей, — это истина неоспоримая, — дѣйствуетъ еще до-сихъ-поръ гораздо болѣе количество, нежели качество, и потому наши сочинители, какъ люди умные и смѣтливые, основываютъ всегда свою извѣстность на количествѣ томовъ, и потому мы,

на-примѣръ, говоримъ: «Пушкинъ — сочинитель Цыганъ; Херасковъ — творецъ Россіады!»...

Длинный человекъ вполне уразумѣлъ эту великую истину, общій голосъ включилъ его въ почетную ширенгу *литераторовъ перваго разряда*. Но онъ не удовольствовался этимъ и возжаждал — славы! Слава издаലെка улыбнулась ему, но онъ, при всемъ своемъ умѣ, не понялъ ея двусмысленной улыбки и бросился къ ней, — а она дальше и дальше, а онъ все за ней. Шли годы, его никто и видѣлъ; въ эти годы онъ все гонялся за славою; между-тѣмъ, люди неблагодарные и жестокіе, стали по-маленьку забывать и его его длинные поэмы. Эгонисты! они требуютъ, чтобы безпрестанно забавлять ихъ и вертѣться у нихъ передъ глазами! Онъ наконецъ возвратился утомленный, не догнавъ ея, этой соблазнительной славы. Тогда, съ-болѣю въ сердцѣ, увидѣлъ онъ свою ошибку. Остаться въ забвеніи онъ не могъ; надобно было придумать средства къ поддержанію своей извѣстности. Какія же средства? Длинный человекъ хитѣръ и изобрѣтателенъ: чувствуя, что его не станутъ болѣе и на 300 стиховъ, онъ пересталъ писать стихами и снизшелъ до прозы. Прозой писать, говорятъ, ничего не стоитъ необыкновенно-легко. Итакъ, онъ снова бросилъ имя свое неблагодарнымъ людямъ подъ какою-то прозаическою статьею. Люди вспомнили о своемъ прежнемъ забавникѣ, и хоть не съ прежнимъ энтузіазмомъ, но заговорили о немъ. Журналисты — души добрыя и неподкупныя, страдальцы, подвергающіеся разнымъ клеветамъ и наветамъ своихъ безталанныхъ завистниковъ, они, пріятель длиннаго человека, объявили благосклонной публикѣ, что длинный человекъ пишетъ мало и прозой, отъ-того, что не хочетъ писать много и стихами, — а стоитъ ему захотѣть, и появится удивительная, не только поэма, но цѣлая эпопея въ шесть разъ больше виргиліевой «Энеиды».

Между-тѣмъ, длинный человекъ уединился въ собственное величіе, понялъ тщету земнаго; онъ изподтишка лукаво улыбается и думаетъ: «Ждите, ждите моей поэмы, друзья мои, и смотрите на меня съ надеждою, я проведу всѣхъ васъ! Я буду жить теперь вѣдла вашего удовольствія, а для своего; я окружу себя молодыми поэтами, музыкантами, живописцами, всеми возможными талантами, на которыхъ только обращено вниманіе: изъ нихъ я составлю блестящую рамку для своего собственного портрета, и мною вы будете любоваться и говорить про меня: онъ другъ такому-то первому художнику, такому-то первому композитору, онъ

все знается съ «первыми»!... Художники, особенно молодые, до-
вѣрчивый и недогадливый народъ: они не поймутъ, что мнѣ они
необходимы для собственнаго моего украшенія... Человѣкъ совѣ-
стливый—за услугу, которую они, сами неподозрѣвая, оказываютъ
мнѣ, — я научу ихъ философіи жизни; я разверну передъ ними
биографіи гениевъ и докажу имъ, какъ дважды-два-четыре, что все
великое и прекрасное не оцѣняется современниками и терпится
на землѣ горькую участь. Если они испугаются этой мысли, я
скажу имъ: вздоръ, пугаться вѣчего; хорошее прячьте отъ людей,
давайте имъ посредственное и берите за это съ нихъ денегъ, какъ-
можно больше денегъ. Съ деньгами же поселитесь, и пейте.— Не
даромъ шили и веселились гениальныя художники: стало-быть, ви-
во хорошо!»

И вотъ, благодаря своему успѣху, мой живописецъ записался
въ несметное число друзей его, и поступилъ на вакансію како-
го-то стараго друга, который, изучивъ вполнѣ «философію жизни»,
поблагодарилъ длиннаго человѣка за его уроки и удалился.

Я не зналъ, что этотъ литературный мефистофель, передвѣлан-
ный на русскіе нравы, этотъ длинный человѣкъ давно уже зама-
нивалъ къ себѣ моего юношу. Правда, на томъ литературномъ ве-
черѣ, гдѣ былъ я, куда и васъ осмѣлился ввести, читатель мой, и
я и вы замѣтили, что онъ, не шутя, за нимъ ухаживалъ; что, по-
давая ему совѣты, онъ тогда же, кажется, намѣревался мало-по-ма-
лу посвящать его въ свои тайнства. И должно отдать ему справе-
дливость: онъ такъ мастерски разтревоживалъ самолюбіе своей
жертвы, такъ пріятно лѣстилъ этому неугомонному самолюбію!
Онъ на себѣ извѣдалъ, что самолюбіе есть вѣрнѣйшій проводникъ
къ человѣческому сердцу.

Длинный человѣкъ любилъ публичную жизнь. Онъ былъ по-
всюду: и въ театрахъ, и въ концертахъ, и въ рестораціяхъ, и на у-
лицахъ. Юноша мой всегда рядомъ съ нимъ; онъ сдѣлался его не-
разлучнымъ спутникомъ... Не вините моего юношу: праздная и
разгульная жизнь кому не была въ свое время по-сердцу?

Сколько знакомствъ доставилъ ему длинный человѣкъ, и какихъ
знакомствъ! Въ Петербургѣ, какъ и во всѣхъ европейскихъ столи-
цахъ, есть особенный классъ молодыхъ людей, которыхъ вы не
встрѣтите никогда ни въ какомъ обществѣ. Они составляютъ свое
отдѣльное братство и давно подсмѣиваются надъ фешенеблями боль-
шого свѣта. Надъ беззными кавалерами средняго сословія. Это—
молодежь вѣдая и безпечная, для которой жизнь ровно ничего не

стоять, для которой въ жизни нѣтъ ничего такого, надъ чѣмъ бы стоило призадуматься, для которой всякій день—столы, уставленные жирными устрицами, и трюфелями, и кровавыми ростбюами, и бутылками разныхъ формъ и величинъ: съ звѣздистымъ, замороженнымъ шампанскимъ, которое дѣйствуетъ такъ скоро, съ бархатнымъ, подогрѣтымъ лафитомъ, который дѣйствуетъ такъ медленно, и съ сокрушительной, темноцвѣтной мадерой, и съ густымъ, пѣнистымъ портеромъ, и съ этою ароматною влагою въ золотыхъ бутылкахъ съ береговъ Рейна...

Эти господа молодые люди рождаются и воспитываются для того, чтобы одѣваться по модѣ, читать картинокъ, спать до перваго часа, пить кофе и курить сигару до трехъ часовъ, а съ трехъ до пяти гулять по Невскому Проспекту для возбужденія аппетита, а съ пятого до восьмага обѣдать и пить у Дюме или въ другихъ ресторацияхъ, а съ восьми до пяти утра пить и... вообще веселиться.

Корифеями этого разгульнаго братства всегда бываетъ нѣсколько человекъ, носящихъ старинныя аристократическія фамиліи и имѣющихъ довольно-значительное состояніе; около нихъ-то собираются остальные—люди разныхъ сословій, и легонькіе дворяне, проматывающіе свое крошечное состояніе, и купчики-франты, разрушающіе немилосердо капиталы, скопленные многолѣтними трудами и усиліями бородастыхъ отцовъ ихъ,—и все изъ высокой чести, изъ одного высшаго наслажденія участвовать въ княжескихъ или графскихъ забавахъ и проаживаться съ извѣстнымъ и знатнымъ человекомъ по Невскому Проспекту, такъ, чтобы всѣ видѣли. Къ нимъ присоединяются иногда французскіе артисты, изрѣдка даже русскіе художники. За бокалами шампанскаго сблизаются скоро; эта влага производитъ дѣйствіе чудное: она располагаетъ сердца къ искренности, она усмиряетъ барскую спесь, заставляя забывать и великолѣпныхъ предковъ и полосатые гербы съ коронами...

Длинный человекъ былъ давно въ пріязни съ нѣкоторыми членами этого братства, и онъ познакомилъ съ ними моего живописца...

И для него начались пиры за пирами, дни въ чаду, во снѣ, и ночи безъ сна—нескончаемая вереница безумныхъ вакханалій, отъ которыхъ претяжелое похмѣлье и претяжелая пустота въ сердцѣ. Новые товарищи его были довольны имъ; онъ не понималъ только одного, почему онъ, добрый малой, часто скученъ си-

дуть въ грошъ общаго веселья и задумывается, тогда-какъ они ни о чемъ не думаютъ. «Онъ пьетъ довольно для новичка» восклицали многіе: «онъ подаетъ блестящимъ надежды, онъ молодецъ, ему скоро прискучить шампанское — вино дѣтей, онъ перейдетъ къ винамъ зрѣлаго возраста.»

— Умно замѣчено, восклицала дивный человѣкъ. Это вѣрный взглядъ на вина! Но нельзя съ такимъ пренебреженіемъ отзываться и о шампанскомъ. Въ шампанскомъ нѣтъ солидности, — такъ; за то въ немъ есть поэтичность, которой нѣтъ въ другихъ винахъ.

«Вино вещь хорошая, господа» замѣтилъ мой юноша, у котораго голова начинала кружиться: «но всякій день одно и то же, пирры за пиррами...»

— Какіе пирры? раздалось нѣсколько удивленныхъ голосовъ.

О, невинность! онъ не зналъ, что эта буйная жизнь только ему представилась въ видѣ пировъ, а для прочихъ окружающихъ его была обыкновенное препровожденіе времени, существенная, крайняя необходимость, какъ для насъ обѣдъ, чай...

Деньги становились для него очень-важны, онъ начиналъ понимать цѣну деньгамъ. Вино, платье, извозчики—все это такъ дорого, а женщины... О, въ туманѣ винныхъ паровъ мелькали передъ нимъ головки темнорусыя, и блѣлокурныя, и черныя; изъ нихъ нѣкоторыя, право, были очень-недурны; эти головки улыбались ему, иныя впрочемъ ужасно отвратительно, а вотъ эта съ длинною черною косою, съ влажными глазами...

Денегъ, денегъ! И онъ съ заspanными глазами, полудремающій, для добыванія денегъ принимался за портреты. Писать портреты чрезвычайно-прибыльно, и вся мастерская его была загромождена портретами.

— Что, деньги—вещь хорошая? спрашивала его дивный человѣкъ.

«Да, но безъ денегъ нѣтъ соблазновъ, безъ денегъ я былъ покойнѣе. У меня теперь голова безъ мыслей, и такая тяжелая! Ни за что не хочется правяться, только и могу малевать «физиомоміи. Чѣмъ же все это кончится?»

Дивный человѣкъ медленно покачалъ головой.

— Не тѣ съ важностію произнесъ онъ. Я люблю искусство, иди нѣтъ? отвѣчай мнѣ.

«Любишь.»

— Такъ знай же, что тобой я дорожу болѣе чѣмъ... ну чѣмъ бы?

болѣе чѣмъ самимъ-собою,—и при этомъ онъ поднимъ указательный перстъ. Слѣдовательно, если бы тебѣ могла повредить тепрешняя жизнь твоя, тогда я первый вывелъ бы тебя неволею изъ этого содома и сказалъ бы: «не обращай назадъ, а не то будь да! кого я полюбилъ, съ тѣмъ я всегда дѣйствую деспотически. Но успокойся, не думай ни о чемъ, продолжай веселиться; товарищи наши, конечно, люди ограниченные,—да и они пригодятся и ими можно со-временемъ воспользоваться; они богаты и глупы. Пиши теперь портреты,—ничего, такъ должно! Не кручинься томъ, что у тебя въ головѣ нѣтъ мыслей. Погоди: внутренняя тво художническая сила, чтò тамъ во глубинѣ-то, въ свое время, когда надобно, пробудится въ тебѣ и заговоритъ громко, рѣзко, повелительно: поди въ свою келью, запрись, не пускай къ себѣ никого, твори — и безъ твоего усилія все пойдетъ, какъ слѣдуетъ. Наставеть это время, и самъ я наклонюсь къ твоему уху, и шепну тебѣ: брось всѣхъ этихъ безумцевъ, гулякъ; не терпи минуты, и пренебрегай внутреннимъ голосомъ и помни, что искусство — святыня!

Время шло, а длинный человѣкъ не наклонялся къ уху своего друга, и не шепталъ ему ничего; внутренній голосъ живописца также молчалъ. Ему становилась въ тягость вся эта праздничная тающая ватага его пріятелей. Однако онъ еще прогуливался сними по Невскому Проспекту; ему опротивило вино, однако онъ пилъ также много, только поморщиваясь; ему надоели петербургскія улицы, прямыя и однообразныя, съ высокими и гладкими каменными стѣнами, а онъ только по-утрамъ сидѣлъ дома. Болѣе нежное равнодушіе овладѣло имъ; онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ; ему ни съ кѣмъ не хотѣлось говорить; ему ни о чемъ не хотѣлось думать...

— Добрый знакъ! утѣшалъ его длинный человѣкъ: отъ этой апатіи ты скоро перейдешь къ сильной дѣятельности. Повѣрь мнѣ: приготовляй теперь краски, палитру и кисти, закупай полотна, а я между-тѣмъ объявлю въ газетѣ, что ты замыслилъ великую картину, которая превзойдетъ все, чтò мы доселѣ имѣли въ живописи.

«Ради Бога, не дѣлай этого!» вскричалъ живописецъ, пробужденный отъ своей дремоты: «можно ли такъ гнусно обманывать. Я не могу писать и рѣшительно ничего не напишу.»

— Когда тебя не спрашиваютъ, молчи. Я лучше тебя знаю все, даже и тебя-то самого. Картину ты напишешь, а если и не

напишешь, такъ не велико горе. Людей морочить позволительно; это имъ полезно. О тебѣ давно не говорили въ печати, надо разсѣять безсмысленные городскіе толки, что ты пьешь и ведешь жизнь праздную. Эти тупыя головы думаютъ, что художникъ, какъ чиновникъ съ знакомъ отличія безпорочной службы, долженъ исправно ходить къ своей должности, умеренно пить и вѣсть, чтобы не отягощать желудка, ложиться въ-время, да по воскресеньямъ въ бѣломъ галстухѣ прогуливаться до обѣда на Невскомъ или въ Лѣтнемъ Саду.

«А обо мнѣ говорятъ, что я веду бурную жизнь?»

— Вотъ ужъ и испугался! Не хочешь ли ты въ-самомъ-дѣлѣ, въ угоду имъ, сдѣлаться чиновникомъ? Да избавить тебя отъ этого Разсѣлы!...

У.

Въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца, въ одно сіяющее утро, когда въ Петербургѣ благоуханіе весны смѣшивалось съ запахомъ грязи, которую счищали съ улицъ, мнѣ очень захотѣлось пройтись и подышать этимъ свѣжимъ воздухомъ. Я было-взялся за шляпу, какъ дверь комнаты моей съ шумомъ отворилась, и передо мною, вообразите мое изумленіе, стоялъ живописецъ. Больше полугода онъ не былъ у меня, и я думалъ, что мы совершенно раззнакомились, но онъ такъ радушно и крѣпко пожалъ мою руку, какъ-будто мы съ нимъ все по-прежнему были коротко знакомы; онъ, казалось, такъ радъ былъ меня видѣть; онъ, слава Богу, не извинялся и не оправдывался передо мною: эти извиненія и оправданія всегда нестерпимо-пошлы. Откровенно разсказалъ онъ мнѣ о своей разгульной жизни, смѣялся надъ своими безпутными пріятелями и съ возторгомъ выхвалялъ мнѣ умъ и таланты длиннаго человѣка. «Я слышалъ, о немъ многіе отзываются дурно» прибавилъ онъ, будто предвидя возраженіе съ моей стороны на эту похвалу: «но совершенно-напрасно; надобно знать его такъ близко, какъ я знаю, чтобы имѣть право судить о немъ.»

Я еще ничего не успѣлъ сказать, а все слушалъ его и все смотрѣлъ на него, и убѣждался, что онъ быстрыми шагами шель къ совершенству. Въ эти полгода онъ ужъ мастерски развернулся и съ успѣхомъ изучилъ небрежную манеру свѣтскихъ щеголей. Ему не доставало только ихъ мыльхъ, но немного дикихъ привычекъ, да еще ихъ благовоспитанной дерзости. Увы! послѣднее качество

дается рожденіемъ, совершенствуется воспитаніемъ. Кстати, я припомнилъ, что аристократическая манера, эта неограниченная свобода во всякомъ обществѣ со всѣми и вездѣ, не измѣняя себя, обращаться одинаково, быть всегда какъ у себя дома, соблазняла многихъ людей средняго сословія. Они, люди впрочемъ очень хорошіе и добрые, захотѣли вести себя также свободно и равнодушно, и, не подозрѣвая того, сдѣлались невѣроятно-смѣшны, невозволительно-карикатурны: свѣтская дерзость и развязность у нихъ превратилась въ оскорбительную наглость, въ пошлую провинціальную грубость. На нихъ нельзя было смотрѣть безъ сожалѣнія, а бѣдныхъ никто не предостерегъ, и они, не подозрѣвая своей нелѣпости, были очень-довольны собой, воображали, что необыкновенно-милы и удивительно-какъ всѣхъ собой озадачиваютъ.

Мой живописецъ никогда не могъ быть пошлымъ, развѣ,—и то изрѣдка—немножко смѣшнымъ, можетъ-быть. Онъ имѣлъ вѣрный глазъ и чудное искусство усвоивать себѣ то, что малькомъ успѣлъ увидѣть въ молодыхъ людяхъ большаго свѣта.

Онъ въ короткое время дошелъ въ своей наружности до того, что, если бы какими-нибудь вѣнзповѣдимыми судьбами, ему удалось попасть въ толпу блестятельнаго бала, или пышнаго раута, на него никто не указалъ бы пальцемъ, отъ его прикосновенія никто бы не поморщился. А это ужъ много! Передъ нимъ его собратья, русскіе художники, казались чужаками, дикарями, Геттентотами. Они чувствовали это и преостроумно подсмѣивались надъ его франтовствомъ.

— Вы принимали во мнѣ нѣкогда участіе, сказалъ онъ мнѣ: и я къ вамъ пришелъ съ доброю вѣстію о себѣ. За четыре дня передъ этимъ я не зналъ, что съ собой дѣлать, мнѣ было такъ грустно, я надобѣлъ самому себѣ, а теперь я снова ожилъ, и такъ неожиданно... Лучшія надежды мои могутъ осуществиться,—то, о чемъ я всегда бредилъ и на-яву и во-снѣ!

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана письмо и отдалъ его мнѣ.

— Прочтите. Что вы объ этомъ думаете?

Это письмо было отъ князя Б., который купилъ его картины. Князь чрезвычайно ласково и убѣдительно приглашалъ его пріѣхать въ Москву прожить тамъ до осени. «Мой московскій домъ» писалъ онъ: «къ вашимъ услугамъ. Я велю все приготовить въ комнатахъ, что нужно для вашей художнической дѣятельности и для вашего спокойствія, но вы сдѣлали бы мнѣ еще болѣе

удовольствіи, если бы согласились провести лето въ моемъ подмосковномъ селѣ вмѣстѣ со мною.» Осенью же князь съ своею дочерью отправлялся въ Италію и приглашалъ его ѣхать вмѣстѣ съ собою. Князь просилъ какъ-можно-скорѣйшаго отвѣта на его предложеніе, и прибавлялъ ко всему этому, что каждому Русскому, особенно художнику, передъ отъѣздомъ въ чужіе края необходимо надобно прежде побывать въ Москвѣ и покороче познакомиться съ этимъ истинно-русскимъ городомъ.

«И вы вѣрво воспользуетесь такимъ прекраснымъ случаемъ?» спросилъ я моего живописца, возвращая ему письмо.

— Да, я рѣшился, совершенно рѣшился, тѣмъ болѣе, что князь человекъ благородный, вовсе не тщеславный, нежелающій корчить мецената. Онъ совсѣмъ-непокожъ на этихъ князей, которыхъ всегда изображали намъ въ русскихъ повѣстяхъ.

Молодой человекъ въ замѣтномъ волненіи началъ прохаживаться по комнатѣ.

— Я рѣшился; да, я поѣду, говорилъ онъ: сегодня же я напишу отвѣтъ къ князю. Петербургъ мнѣ смертельно наскучилъ, я здѣсь ничего не могу дѣлать. . . Такъ вы совѣтуете мнѣ воспользоваться этимъ предложеніемъ?.. И я наконецъ увижу Италію. . . Мнѣ что-то не вѣрится. Я буду въ Римѣ и въ Неаполѣ, я буду ходить по той землѣ, по которой ходили всѣ они! Да сбудется ли это?

Онъ вдругъ оборотился ко мнѣ; на глазахъ его дрожали слезы; въ эту минуту онъ нисколько уже не былъ похожъ на свѣтскихъ щеголей. Нѣкоторые изъ нихъ, съ которыми онъ обѣдалъ и пилъ, разохотались бы надъ нимъ при этомъ дѣтскомъ возторгѣ и послѣ такихъ съ его стороны поступковъ, смотрѣли бы на него немножко съ сожалѣніемъ.

Черезъ полторы недѣли живописецъ давалъ прощальный ужинъ для своихъ короткихъ знакомыхъ. Я былъ въ числѣ приглашенныхъ. Тутъ присутствовало между прочими нѣсколько литераторовъ перваго и втораго разрядовъ, и, разумеется, во главѣ ихъ длинный человекъ. Литераторы, по-обыкновенію, очень-многопили и по-обыкновенію, съ большимъ чувствомъ разсуждали о предметахъ близкихъ ихъ сердцу: о томъ, какъ одинъ журналистъ поссорился съ другимъ, какіе они теперь смертельные враги, и какъ остроумно издѣваются другъ надъ другомъ, какъ литератора одной партіи переманили въ другую партію за *лишнихъ въ годъ пятьсотъ рублей*, и проч. Да еще одинъ, судя по физиономіи, сочинитель съ большимъ талантомъ, возставалъ противъ повѣ-

стей, гдѣ свирѣпствуютъ чиновники. «Стоить ли того» замѣтить онъ: «чтобы ими заниматься, чтобы до нихъ дотрогиваться? Разверните исторію, и передъ вами возстанутъ громадные, гигантскіе, колоссальные образы, умѣйте только эти образы заключить въ тѣсную, сжатую рамку повѣсти...»

— Въ-самомъ-дѣлѣ, господа—возкликнулъ кто-то не изъ литераторовъ—оставьте въ покоѣ чиновниковъ. Они очень сердятся на васъ за то, что вы ихъ критикуете въ своей литературѣ. Я слышалъ даже, что они хотятъ когда-нибудь собраться, да общими усилиями написать на васъ презлую сатиру въ формѣ отношенія къ вамъ.

Длинный челоѣкъ пилъ и ораторствовалъ, по-привычкѣ, болѣе всѣхъ. Голосъ его покрывалъ всѣ голоса.

За ужиномъ онъ обратился къ отъѣзжающему.

—Смотри, произнесъ онъ, поднявъ вверхъ указательный перстъ: не разкавайся послѣ, что не послушалъ меня. Къ-чему тебѣ ѣхать такъ рано? Чтѣ тебѣ до осени дѣлать въ Москвѣ? Москва, конечно, городъ большой, но не европейскій. Къ-тому же въ Москвѣ можно только проживать деньги, а не наживать. Москва отстала на столѣтіе отъ Петербурга. Впрочемъ, тамъ ѣдятъ хорошо, и народъ гостеприимный. Занимаются тамъ также философійю, такъ называемой «московскою»; ну, да Богъ съ ними! (Онъ махнулъ рукой).. Настѣдлагаго кремана тамъ и за 20 р. не найдешь;—а по чемъ ты покупалъ это вино? вино доброе... Я предпочитаю бургонь-муссѣ—кликно, кто чтѣ ни говори!

Всѣ литераторы втораго разряда, никогда невыѣзжавшіе изъ Петербурга, были восхищены замѣчаніями длиннаго челоѣка о Москвѣ. Градъ остроумія и каламбуровъ подыпался изъ устъ ихъ на Москву и на бѣдныхъ московскихъ жителей. Изъ этихъ остротъ и каламбуровъ была даже въ-послѣдствіи сдѣлана водсвильникъ, который, говорятъ, не принять театральною дирекціей.

Первые лучи возходящаго солнца озарили блѣдныхъ и разстроенныхъ гостей, которые толпою возвращались съ ужина живописца домой, но длиннаго челоѣка не было среди нихъ: онъ не узрѣлъ великолѣпнаго свѣтила дня, въ нетлѣнномъ убранствѣ своемъ возходившаго на горизонтъ,—его отвезли домой уенушаго.

На другой день послѣ этого ужина, въ изходѣ десятаго часа утра, дилижансъ перваго заведенія отправился изъ Петербурга въ Москву. Одинъ изъ пассажировъ, блѣлый молодой челоѣкъ, грустно сидѣлъ или дремалъ прислонясь головою къ подушкѣ и

закрывъ лицо воротникомъ шинели. При поворотъ съ царско-сельской дороги на московскую, онъ вскочилъ, будто разбуженный кѣмъ-нибудь, высунулъ въ окно, посмотрѣлъ на петропавловскій шпигль, который блестялъ золотой иглой на блѣдно-серомъ небѣ, и опять прислонился къ подушкѣ, и опять закрылъ лицо воротникомъ шинели. То былъ мой живописецъ.—«Прощай, Петербургъ!» думалъ онъ: «можетъ-быть я тебя и не увижу болѣе. Прощай! Только въ минуту разставанья съ тобой я понялъ, что мнѣ можетъ сгрустнѣть по тебѣ.»

Теперь, о, читатель мой!—позвольте мнѣ отдохнуть. Я вмѣсто собственнаго разсказа, могу вамъ представить нѣсколько выдержекъ изъ журнала моего живописца, который онъ посылалъ въ Италию къ своему товарищу. Эта выдержка послужитъ продолженіемъ его приключеній... Журналъ его доставленъ мнѣ тѣмъ, къ кому онъ былъ адресованъ.

VI.

26 мая 1835... Москва.

..... Я ужъ болѣе мѣсяца въ Москвѣ, и до-сихъ-поръ не могу къ ней приглядѣться. Правда, всякій небольшой городокъ, только разкинувшійся на горѣ, поразилъ бы меня, меня, варвара, никогда невыезжавшаго изъ Петербурга, но ты все-таки не можешь представить себѣ того безконечно-глубокаго впечатлѣнія, которое произвелъ на меня этотъ дивный, семисотлѣтній, безконечный городъ божіихъ храмовъ. Знаешь ли ты, счастливицкѣ, перелетѣвшій изъ Петербурга въ Римъ, что ты слишкомъ-много потерялъ, не видавъ нашей родной Москвы? Ты не имѣешь понятія о настоящемъ русскомъ городѣ. Не свѣйся надъ изтертымъ выраженіемъ: Москва—сердце Россіи, въ полномъ и высококомъ значеніи этихъ словъ. Она живал, величественная лѣтопись нашей славы народной. Вотъ ея святой Кремль съ золотыми, сердцеобразными куполами, съ безчисленными крестами, между которыми красуются старинные двуглавые орлы, почернѣвшіе отъ времени; съ вѣстрыми теремами и башнями; съ Иваномъ Великимъ, который господствуетъ надо всѣми громадами зданій. Эти столѣтніе камни производятъ эффектъ поразительный. Войди въ эти мрачные и темныя соборы, взгляни на темныя иконы, въ тяжеловѣсныхъ, дра-

Т. X. — Отд. III.

гощѣнныхъ окладахъ и кивотахъ, передъ которыми горять неугасаемыя лампады; на царственные гробы, на мощи святыхъ чудотворцевъ... Здѣсь является наша Русь, облеченная торжественно въ свои древнія ризы, во всемъ очарованіи поэтическомъ.

И какъ живописно разкинулась Москва по горамъ и пригоркамъ, съ совершенно-барскимъ привольемъ и прихотями, съ истинно-русскою неразсчитливостію, и какъ роскошно утонула она въ зелени садовъ и бульваровъ своихъ! Скольکو переулковъ и закоулковъ въ Москвѣ, и всѣ эти переулки зигзагами: нѣтъ ни одной улицы прямой,—Москва ненавидитъ прямыхъ линій. И какая она пестрая, узорчатая! Какъ она любитъ украшать дома свои гербами, балконы позолотою, а ворота львами! Повѣришь ли, я каждый день, гуляя, открываю новые виды, новыя картины, и всегда неожиданно. Мнѣ необыкновенно нравятся эти отдѣльные, красивые деревянные дома на скатахъ горъ, въ тѣни душистыхъ сиреней и липъ, а на берегу Москвы-рѣчки деревянные лачужки, одна къ другой прилѣпленные, нищета которыхъ прикрывается роскошью зелени густо-росшихся березъ и рябинъ. Къ этимъ лачужкамъ ведутъ переулки, превращающіеся въ тропинки, исчезающія подъ горой. Здѣсь недалеко отъ Драгомиловскаго Моста, я часто стою по вечерамъ и смотрю на противоположный берегъ рѣчки: вонъ видѣются двѣ каменные пирамиды съ двуглавыми орлами,—это Драгомиловская Застава, а за нею Поклонная Гора и даль, сливающаяся съ горизонтомъ. Кстати, я набросалъ въ своемъ дорожномъ портфельѣ виды Москвы отъ Симонова Монастыря и съ Поклонной Горы. Съ этой-то горы величаво, во всемъ протяженіи своемъ, предстала она орлинымъ очамъ Наполеона, и онъ ждалъ ее, колынопреклонную

... съ ключами стараго Кремля;

а она, для спасенія своей Руси, угодовляла себѣ костеръ, сама за жигала его, и, страшно возставая изъ дыма и пламени, прорицательно указывала владыкѣ полміра на померкавшую звѣзду его!..

Если бы могъ я передать тебѣ, какъ нравится мнѣ Москва! Сколько отрадныхъ, свѣтлыхъ минутъ она доставила мнѣ! На-дняхъ вечеромъ, именно наканунѣ праздника вознесенія, я отправился въ Кремль. Вечеръ былъ теплый, лѣтній. Долго бродилъ я по Царской Площади, зашелъ въ Чудовъ Монастырь, и вспомнилъ «Бориса Годунова» Пушкина, эту келью, въ которой отецъ Пиментъ передъ лампадой дописывалъ свое *последнее сказанье*, и Григорія который въ минуту, когда кровь бунтовала въ немъ и когда егѣ

какой «бѣсовское мечтанье тревожило», любовался величавымъ покойствиемъ отжившаго старца... Когда я вышелъ изъ соборной монастырской церкви, начинало темнѣть; на площади никого не было; городской шумъ замиралъ въ отдаленіи; тихій звонъ колоколовъ торжественно и гармонически разливался въ воздухъ; огни нигдѣ еще не зажигались, но Замоскворѣчье уже облакалось въ синій туманъ, уже Воробьевы Горы исчезали; но на темньющемъ небѣ горѣли въ двухъ, или въ трехъ мѣстахъ облитыя свѣтомъ пирамидальныя колокольни праздничныхъ церквей... Я съ полчаса простоялъ на одномъ мѣстѣ; замоскворѣцкія зданія стали сливаться въ одну неопредѣленную массу — и скоро на всемъ этомъ пространствѣ, опоясывавшемъ подножіе Кремля, огоньки застѣлились въ окнахъ, мелькая и перебѣгал, и то потушали, то снова вспыхивали. Въ эту минуту я ни о чемъ не думалъ, я смотрѣлъ, мнѣ было хорошо и весело... Весь вечеръ я чувствовалъ такую полноту, силу и такое спокойствіе...

Повѣришь ли, что даже московскія гулянья мнѣ нравятся несравненно больше петербургскихъ?.. Кремлевскій Садъ необыкновенно хорошъ. Не смотря на то, высшее общество не удостоиваетъ его своимъ посѣщеніемъ: въ этомъ саду гулянье народное — и я иногда сижу здѣсь въ вечерній часъ, въ большой аллеѣ, любясь движущимися передо мной фигурами. Какое разнообразіе! Среди различныхъ особъ женскаго пола, медленно прохаживаются молодые и старые купчики съ бородками и безъ бородокъ; бѣгаютъ студенты, ищущіе случая полюбезничать; ходятъ армейскіе офицеры съ густо-нафабранными усами и блестятъ своими эполеями (увы! въ Москвѣ эполеты большая рѣдкость), и гремятъ своими саблями, и озадачиваютъ публику своими султанами, и кушаютъ шоколадъ въ садовой кондитерской при возхитительныхъ запахахъ тирольской пѣсенки, сопровождаемой очаровательнымъ свистаньемъ на арфѣ, — кушаютъ шоколадъ и бросаютъ побѣдосные взгляды на худощавую, малиноваго цвѣта пѣвицу, на которую хлоютъ въ пастушеской шляпкѣ, удивительно закатывающую глаза подъ лобъ. Сколько здѣсь венгерокъ и синихъ, и зеленыхъ, и красныхъ, и съ аграмантами! Я не знаю, къ какому классу людей принадлежатъ эти господа въ венгеркахъ, но они прелестны. Всѣ они носятъ предлинныя волосы, отъ которыхъ въ Петербургѣ были бы въ ужасъ, и небольшіе усики, завитые въ кольца. Когда они — дойти впередъ, покачиваясь и напѣвая. Портреты ихъ господъ можно видѣть на московскихъ цирюльныхъ и другихъ

вывѣскахъ . . . Я, какъ живописецъ, не могу смотрѣть безъ особеннаго чувства на здѣшнія вывѣски: онѣ мнѣ доставляютъ неизмеримое удовольствіе. Дамы, изображенныя на нихъ въ подвѣсныхъ платьяхъ и жуаляхъ, а кавалеры въ венгеркахъ съ эспаньолками, во фражахъ съ блестящими пуговицами, даже въ чулкахъ и башмакахъ,—могли бы красоваться на нашей выставкѣ и плавить зрителей, любящихъ болѣе всего въ картинахъ яркость колорита. Въ Петербургѣ нѣтъ такихъ вывѣсокъ. Въ Москвѣ столько же венгерокъ, сколько въ Петербургѣ вице-мундровъ, столько же толстыхъ франтовъ, сколько въ Петербургѣ тинельскихъ. Московскіе толстые франты съ неимоверно-дикими прическами, медленно, важно, съ одышкою прохаживаются по Твескому Бульвару, а петербургскіе, ты знаешь, стригутъ волосы и раздо-короче, ходятъ по Невскому довольно-скоро, а шны, у которыхъ очень тоненькіе, просто бѣгаютъ. Москва, сколько я могъ замѣтить, живетъ или для потребности желудка и спокойствія ты или для внутреннихъ, духовныхъ потребностей, а Петербургъ—весь во внешней жизни. Ему некогда мыслить; онъ вѣчно въ движеніи, вѣчно занятъ: бѣгаетъ по Невскому, сочиняетъ дорожные проекты, танцуетъ, кланяется, изгибается — и все для выгодъ набираетъ акціи, перепродаетъ ихъ, забѣгаетъ на публичныя лекціи—съ желаніемъ мимоходомъ проникнуть въ таинства языка, усовершенствованія своего канцелярскаго слога; даетъ обѣды, вечера, балы, рауты, и все это для угожденія тому-то, или для получения того-то. Москва веселится просто изъ желанія веселиться, даетъ обѣды и балы единственно по неограниченному доброшю своему и гостепримству . . . Я не выдаю всего этого за неплотную истину, но мнѣ такъ кажется, и такъ рассказываютъ мнѣ люди знающіе. Москва, патриархальная и лѣнивая, не можетъ достигнуть этого блестящаго развитія практической стороны жизни, до которой изволилъ возвыситься Петербургъ . . . Только на берегахъ Невы можно набивать свои карманы. Вотъ я, по милости Петербурга, теперь съ деньгами! Да здравствуетъ Петербургъ, о, милая моя родина, на которую я такъ неблагоприятно нападаю! . . .

Ахъ, чуть-было не забылъ тебя сказать, что въ Москвѣ еси невиданныя дивы: кареты и коляски ровесники несутъ ковчежки издающія страшный свистъ, скрипъ и брянчаніе, да еще казакіи сзади этихъ полу-ковчеговъ, а у козачковъ на головахъ шапки въ видѣ пополамъ-разрѣзанной дыни, красныя сукопныя, съ золотыми

тыми и серебряными шнурочками и съ кистию на маковкѣ. Это очень-мило!...

Я познакомился съ многими здѣшними литераторами. Они о своихъ сочиненіяхъ толкуютъ меньше, чѣмъ наши петербургскіе, и увѣряють, будто пишутъ совсѣмъ не для денегъ. Это мнѣ показалось дико. Вотъ безкорыстные чудачки! подумалъ я, и невольно вспомнилъ нашего умнаго и милаго Рябинина (*). Я къ нему непременно напишу объ этомъ,—да не повѣритъ, злодѣй! Напрасно онъ предрекалъ мнѣ, что я соскучусь въ Москвѣ; на этотъ разъ онъ, мудрый прорицатель, ошибся. Не смотря на мою дружбу съ нимъ, я не могу до-сихъ-поръ понять въ немъ многоаго, и между прочимъ, какимъ образомъ ему могла не понравиться Москва, которую онъ торжественно называетъ Азією, да еще зачѣмъ онъ допускалъ въ наши пріятельскія бесѣды—людей ограниченныхъ и посредственныхъ. Не-уже-ли съ его проницательнымъ умомъ, съ его опытомъ, онъ можетъ вознищаться тѣмъ, что они безсмысленно удивляются рѣчамъ его и возторгаются отъ каждаго его слова? не-уже-ли ихъ вельпыя похвалы могутъ льстить ему?

Я чуть-было не забылъ сказать тебѣ, что живу на Тверской, въ княжескихъ чертогахъ. Передъ ними обширный дворъ и красивая рѣшетка, а надъ воротами ея презрѣдней величины гербъ. Комнаты отведены мнѣ внизу и съ отдѣльнымъ подъездомъ. А какъ меблированы онѣ! мебель вся изъ Петербурга, и патѣ, и кушетки, и кресла съ разными вычурными спинками. Мастерская моя довольно-обширна и устроена съ роскошью. Князь — добрыйшій и благороднѣйшій человекъ въ мірѣ. Его вниманіе ко мнѣ заставляетъ краснѣть меня. Дочери его я еще не видалъ, потому-что князь переѣхалъ до пріѣзда моего въ подмосковное село свое за 20 версты отъ города, и я въ огромномъ домѣ одинъ. Прекрасная коляска къ моимъ услугамъ, однако я мало пользуюсь ею ты знаешь, что я большой охотникъ ходить пѣшкомъ. Я хотѣлъ-было тотчасъ послѣ пріѣзда отправиться въ деревню къ князю, но случилось такъ, что онъ пріѣхалъ въ это время въ Москву по дѣламъ и прожилъ въ ней три дня. Онъ далъ мнѣ мѣсяцъ срока на знакомство съ Москвою и въ-продолженіе этого мѣсяца полную свободу, а потомъ взялъ съ меня честное слово переѣхать къ нему въ подмосковную...

(*) Фаиплія дѣянаго человека.

Срокъ этотъ кончается; черезъ два дня я ъду туда. Говорятъ будто дочь князя красавица, что отъ нея вся Москва въ очарованіи. Посмотримъ...

VI.

30 миль. Село Богородское.

По обѣимъ сторонамъ большой *** дороги, почти на верстѣ, протягиваются красивые крестьянскіе домики села Богородскаго принадлежащаго князю Б ***. За ними, немного въ сторонѣ отъ этой дороги, на значительномъ возвышеніи, изъ-за густой зелени выходитъ обширный княжескій домъ и пятиглавая церковь. Темная дубовая аллея ведетъ къ дому — массивному зданію временъ Екатериинскихъ; и оканчивается круглой лужайкой противъ главному фасада; въ серединѣ ея, на высокой клумбѣ, растетъ нѣсколько кустовъ сирени. У параднаго подъезда покоятся два льва, смотрятъ другъ на друга и придерживаютъ лапами шаръ. Кадки съ апельсиновыми и помаранцовыми деревьями стоятъ по обѣ стороны подъезда, надъ которымъ балковъ, поддерживаемый каріатидами. Два флигеля, выдавшіеся впередъ, соединяются съ большимъ домомъ полукруглыми галереями.

Все это я разглядѣлъ послѣ, а въ ту минуту, когда подъѣзжалъ къ княжескимъ хоромамъ, я вовсе былъ не въ такомъ разположеніи духа, чтобы спокойно заняться разсматриваніемъ мѣстности. Я попризадумался немного о самомъ-себѣ, и отъ нечего-дѣлатъ сравнивалъ мое прошедшее съ настоящимъ, дивился своимъ несъслуженнымъ успѣхамъ, вспомнилъ о тебѣ и о всѣхъ васъ, товарищахъ моего дѣтства, близкихъ мнѣ по сердцу, которыхъ судьба разметала въ разныя стороны. Качка коляски разположила била меня, вѣроятно, еще къ какимъ-нибудь думамъ, но вдругъ ласкѣ сидѣвшій на козлахъ, обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ, сударь, княжна изволятъ прогуливаться верхомъ...

«Гдѣ?» спросилъ я вздрогнувъ и осматриваясь.

Въ концѣ дубовой аллеи, въ которую только-что повернула моя коляска, увидѣлъ я двухъ всадницъ, возвращавшихся домой съ гулянья, въ сопровожденіи жокея. Ты будешь смѣяться на мною, если скажу тебѣ, что я смутился не на шутку отъ такой нечаянности. Встрѣтитесь съ княжною, еще не зная ея, покажись мнѣ очень неловко: поклониться ли ей, или проѣхать мимо.

как-будто не замѣчая ея? что дѣлать?... Я сказалъ кучеру, чтобы онъ ѣхалъ тише, чтобы не обгонялъ дамъ, но кучеръ не слыжалъ моихъ словъ: четверня моя неслась, а дамы ѣхали шагомъ... У меня забилось сердце отъ какой-то глупой боязни обратить на себя насмѣшливые взоры княжны. Мнѣ почему-то представлялось, что она непременно должна посмотреть на меня насмѣшливо... Коляска уже нагнала ихъ... Тутъ только одна изъ всадницъ, въ синемъ амазонскомъ платьѣ и въ черной круглой шляпѣ, откинула отъ лица вуаль, повернула свою голову, посмотрѣла на знакомый ей экипажъ, на мейл, незнакомаго ей — и сказала два слова своей спутницѣ, которая тоже обернулась. Въ глазахъ у меня рябь. Я могъ замѣтить только, промчавшись мимо всадницъ, что у одной изъ нихъ темные волосы, у другой рыжеватые, что одна очень стройна, другая безобразно-худощава. Колеска остановилась у одного изъ боковыхъ подъѣздовъ...

У двери этого подъѣзда стоялъ блѣлый мальчикъ лѣтъ десяти, въ красной рубашкѣ съ золотымъ поясомъ, и съ цвѣткомъ въ рукѣ, точно на картинкѣ. Когда я выскочилъ изъ коляски и вошелъ въ длинный корридоръ, мальчикъ побѣжалъ за мною.

— Это вы тотъ гость, котораго ждалъ папенька? спросилъ онъ, вахмурясь и осматривая меня.

«А кто твой папенька?»

— Развѣ вы его не знаете? Папенька, Демидъ Петровичъ.

Лакей, провожавшій меня, объяснилъ мнѣ, что Демидъ Петровичъ — главный управляющій и дворецкій князя.

— Папенька велѣлъ, продолжалъ мальчикъ: приготовить вамъ комнаты туда, окнами въ садъ. Князь ему приказалъ... Да куда жъ вы идете? надо направо.

Такъ же богато убранныя комнаты, какъ въ московскомъ домѣ, ожидали меня и здѣсь. Только въ этомъ убранствѣ слишкомъ замѣтны претензїи на деревенскую простоту. Окна точно выходятъ въ садъ, и въ комнатахъ, назначенной мнѣ для спальни, кусты жимолости, прислонившіеся къ самымъ стекламъ, могутъ замѣнять шторы.

Чемоданы мои тотчасъ были принесены, и я началъ переодеваться. Мальчикъ, положивъ руки на столъ и опершись на немъ своимъ подбородкомъ, все пристально смотрѣлъ на меня...

«А что, миленькій, ты не знаешь, князь дома?» спросилъ я его.

— Можетъ-быть дома, а можетъ-быть и въ саду, — и вдругъ онъ побѣжалъ ко мнѣ, и сказалъ, показывая цвѣтокъ:

—А этотъ цвѣтокъ мнѣ подарила сегодня княжна.

«Она тебя любитъ?»

—Она все цалуетъ меня и даетъ мнѣ конфеты... Хотите, я вамъ подарю леденецъ? А вотъ и папенька пришелъ...

Въ самомъ-дѣлѣ, въ дверяхъ показался низенькій, толстенный человѣкъ съ рѣдкими на головѣ волосами, съ круглымъ лицомъ и въ бѣломъ накрахмаленномъ галстухѣ.

—Прикажете ли къ вамъ велѣть привести завтракъ—сказалъ онъ, поклонясь мнѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства и придавая каждому слову своему особенную важность,—или вы пожелаете завтракать къ князю? Онъ сей-часъ только узналъ отъ княжны о вашемъ прїѣздѣ и прислалъ меня къ вамъ.

Княжна сказала ему о моемъ прїѣздѣ! Это немного удивило меня.

«Потрудитесь доложить князю, что я иду къ нему.»

—Хорошо, сударь... А ты, Ванюша, что здѣсь изволишь дѣлать? И управляющій полустрого, полудасково обратился къ своему сыну.

«Не сердитесь на него» сказалъ я: «онъ со мной познакомился и, кажется, полюбилъ меня. Онъ все до нашего прихода занималъ меня разговорами. Я ему очень благодаренъ.»

—Что касается до этого, онъ у меня, я вамъ скажу, мальчикъ неглупый, и все бы, изволите видѣть, какъ слѣдовало, да ея сїятельство княжна изволитъ насъ немощко побалывать. Ваня! пойдико къ маменькѣ домой, а я сей-часъ иду къ князю доложить о вашей волѣ. ....

Князь прохаживался по большой залѣ, украшенной сверху до низу картинами, заложивъ руки назадъ. Увидя меня входящаго, онъ пошелъ ко мнѣ на встрѣчу.

—Очень, очень радъ вашему прїѣзду, говорилъ онъ, взявъ меня за руку... Ну что? вы посмотрѣлись на нашу пеструю Москву? Теперь вы совсѣмъ къ намъ въ деревню, не правда ли?

«Да, князь, совсѣмъ. Какое у васъ чудесное собраніе картин!» замѣтилъ я, съ любопытствомъ смотря на стѣны.

—Здѣсь еще не всѣ, не всѣ,—и лицо князя замѣтно просіяло, онъ оживился. Мой дѣдъ былъ большой любитель живописи и знатокъ. Вамъ извѣстно, что и я немножко знаю толкъ въ картинахъ. У меня есть славныя вещи изъ школы Каррача, оригиналы Гвидо и Альбани. Погодите, мы съ вами...

Онъ не договорилъ, потому-что вдругъ въ сосѣдней комнатѣ

кто-то съ силою ударилъ по клавишамъ, такъ-что мы оба вздрогнули, и въ слѣдъ за этимъ раздался женскій голосъ, сильный, звучный и страстный, доходящій до сокровенной глубины души.

— Это, кажется, послѣдняя сцена изъ глюковой «Арииды». Дочь моя съ нѣкотораго времени, къ сожалѣнію, пристрастилась къ нѣмецкой музыкѣ, сказалъ съ улыбкою князь, подходя къ двери комнаты, откуда раздавались звуки. Я слѣдовалъ за нимъ.

Въ этой комнатѣ за роялемъ сидѣла она. Ея темные волосы длинны и густы, ея локоны опущены до плечъ, ея бѣлое, немногoproдологоватое лицо едва-едва отъвѣтается легкимъ румянцемъ; круглыя брови немножко приподняты; длинныя рѣсницы въ половину закрываютъ блѣдно-голубые глаза, которые иногда кажутся сѣрыми; все это вмѣстѣ такъ хорошо, такъ легко и воздушно, что на нее нельзя насмотрѣться. Я недавно прочелъ шекспировъ *Сонъ въ лѣтнюю Ночь*, и мнѣ кажется, что Титанія должна непремѣнно походить на княжну... Но все это—*слова, слова*... они не дадутъ тебѣ и приблизительнаго понятія о ней, объ этой княжнѣ. Къ-тому же всѣ описанія красоты, какъ-бы ни были краснорѣчивы, до невѣроятности надоели и прискучили... Не даромъ же въ Москвѣ ее величаютъ красавицей. Она, должно быть, точно,

Какъ величавая луна,
Средь жемъ и дѣвъ блеститъ одна.

Она поразила меня съ первой минуты; я остановился передъ нею, проникнутый благоговѣйнымъ трепетомъ, какъ передъ дивною картиною великаго мастера, и не могъ отвести отъ нея глазъ; сердце мое сильно билось въ груди... Боже, Боже, какъ хороша она!

Она незамѣтила, какъ я и князь вошли въ комнату. Мы остановились у окна. Она продолжала пѣть... глаза ея горѣли, она, казалось, вся была проникнута вдохновительною силою композитора. Вдругъ, вообрази мое удивленіе, на половинѣ сцены княжна смолкла. Раза два звѣнула, впрочемъ съ большою граціею, потомъ перевернула ноты, лежавшія на пюпитрѣ, еще звѣнула, и наконецъ оборотилась къ окну.

Она ни мало не удивилась, увидѣвъ князя, и посмотрѣла на меня съ ужасающимъ равнодушіемъ.

— Bravo, bravo, Lise! воскликнулъ князь, когда она подходила къ нему: за чѣмъ же ты не продолжала? мы тебя разположились слушать. Однако лучше если бы ты спѣла намъ что-нибудь изъ Россіи.

«Какъ я устала!» сказала княжна: «какъ мнѣ жарко! если бы вы могли вообразить, какъ я устала! Мы съ миссъ Дженни ѣздили верхомъ, и вѣрно сдѣлали верстъ десять. Бѣдная миссъ Дженни теперь лежитъ.»

Князь представилъ меня дочери.

Она сдѣлала едва-замѣтное движеніе головою, мелькомъ взглянувъ на меня.

— «О, какая она важна!» подумалъ я.

«Что же? мы будемъ сегодня завтракать?» продолжала княжна, обращаясь къ отцу: «я ужасно проголодалась...»

— Завтракъ готовъ.

Мы отправились въ залу. Удовлетворивъ свой аппетитъ, княжна, утомленная, сѣла въ кресла и прислонилась головою къ высокой подушкѣ этихъ кресель.

— За-чѣмъ же ты ѣдишь такъ далеко? спросилъ ее князь. Не дурно ли тебѣ? ты такъ блѣдна!

«О, нисколько!..» И она вскочила съ кресель, и съ быстротою изумительною очутилась у балкона, заставленнаго цвѣтами, позабывъ объ усталости, на которую жаловалась за минуту передъ тѣмъ.

«За-чѣмъ здѣсь такъ много наставили туберозъ? отъ нихъ всегда такой сильный запахъ, отъ нихъ у меня болитъ голова.»

— Не правда ли, въ этомъ старикъ есть что-то рембрандтовское? сказалъ мнѣ князь, не обращая вниманія на капризы дочери, и показывая на одну изъ картинъ, изображавшую старика за книгой.

Я подошелъ по-ближе къ картинѣ. Картина точно была недурна, и я разпространился въ похвалахъ ей, къ немалому удовольствію князя, который, сколько я замѣчаю, ужасно-высоко цѣнитъ свою небольшую галлерей.

Княжна подошла къ намъ. Она посмотрѣла на меня въ этотъ разъ довольно-милостиво и довольно-пристально.

«Не правда ли, Москва очень скучна?» спросила она меня.

— Я еще не успѣлъ въ ней соскучиться; для меня въ Москвѣ все такъ ново...

«Да!.. вы любовались видами.»

— Кстати, гдѣ эти московскіе виды, которые ты сдѣлала карандашомъ на память?

«Я разорвала ихъ.»

— Можно ли это?... Князь пожалъ плечами.

— «Княжна любить заниматься рисованіемъ?» осмѣлился спросить я, не обращая однако вопросъ мой прямо къ ней.

«О, я большая артистка!» отвѣчала она очень-серьёзно.

Цѣлый день, возвратясь отъ князи, я устроивала свои комнаты и обѣдала у себя. Вечеромъ, часу въ десятомъ, онъ прислалъ меня звать къ чаю. Тутъ я увидѣлъ, кромѣ рыжей и молчаливой Англичанки, новое лицо—тетушку князя и бабушку княжны, двѣнадцатилѣтъ 65-ти, въ морщинахъ, съ маленькими усиками, съ блестящими перстнями на сухощавыхъ рукахъ, ненавистницу всего новаго, безъ-умолка воркующую про блаженныя времена Екатерины и Павла. Чай былъ приготовленъ въ комнатѣ, отдѣланной во вкусъ помпейскомъ. Это любимая комната князя. Княжна сама разливала чай; мы всѣ усѣлись около круглаго стола, на которомъ блестялъ великолѣпный серебряный самоваръ... Руки княжны точно изваяны изъ мрамора, пальцы продолговатыя, тонкіе и бѣлыя. Она подала чашку своей бабушкѣ; потомъ мнѣ. Бабушка отвѣдала чай и поморщилась.

— Ты, странное дѣло, ворчала она: до-сихъ-поръ не можешь выучиться готовить какъ слѣдуетъ чай: или слипкомъ-сладко, или совсѣмъ безъ сахара. Я, въ твои лѣта, Lise, была такая мастерица дѣлать и разливать чай, что, бывало, свѣтлѣйшій князь Борисъ Дмитріевичъ, который ѣзжалъ къ намъ всякій Божій день, выпивалъ чашекъ по пяти моего чая и не могъ имъ нахвалиться, а онъ былъ знатокъ въ чаѣ!

Княжна улыбнулась.

«На васъ не угодишь. Не правда ли, мой чай не такъ дурень, какъ увѣряетъ бабушка?» сказала она, обращаясь ко мнѣ.

Не знаю отъ-чего, но я смѣшался, покраснѣлъ и несвязно пробормotalъ что-то.

Старушка съ усиками престрашно посмотрѣла на меня.

Княжна не могла не замѣтить моего смущенія. Можетъ отъ-того, что ей стало жаль меня, она снова обратилась ко мнѣ.

«И вы вѣрно будете пить еще? Я не устану наливать вамъ. Мнѣ только хочется доказать бабушкѣ, что въ моего чая можно выпить до пяти чашекъ.»

Дрожащею рукою подалъ я княгинѣ выпитую чашку и поблагодарилъ ее.

Князь позвонилъ и велѣлъ подать сигаръ.

— Вы курите? спросилъ онъ меня.

— «Очень-мало и рѣдко»... А ты знаешь-какой я охотникъ курить,

и въ эту минуту я сталъ бы курить съ большою пріятностію, но пускать дымъ при дамахъ, и въ такой великолѣпной комнатѣ—мнѣ показалось невѣжливо.

Княжна, въ то время, какъ бабушка подозвала къ себѣ за чѣмъ-то лакея, взяла со стола сигару, подала ее мнѣ и сказала въ-полголоса: «Пожалуйста, курите.»

— Въ деревнѣ смѣло можно курить и при дамахъ, прибавилъ князь.

Старушка съ усиками, увидѣвъ меня съ сигарою во рту, еще страшнѣе посмотрѣла на меня.

— Курить при дамахъ—заворчала она, относясь къ князю: на дачѣ, въ деревнѣ или въ городѣ въ наше время считалось величайшимъ невѣжествомъ. Я помню, какъ молодой графъ, сынъ графа Александра Кирилловича, однажды на блистательномъ балѣ у покойной матушки,—на балѣ, который удостоила своимъ посѣщеніемъ блаженныя памяти Императрица,—сказалъ при дамахъ, что онъ охотникъ до трубки. Что жъ бы вы думали, князь? Да мы, дѣвицы, перестали смотрѣть на него, всѣ отъ него стали бѣгать, какъ отъ чумы.

«Времена не тѣ, бабушка!»

— Знаю, княжна, знаю. Вы теперь не за что не въ претензіи: при васъ мужчины лежатъ, а васъ это нимало не оскорбляетъ.

Вчера утромъ я гулялъ по саду и встрѣтился съ княжною, которая довольно-привѣтливо отвѣчала на мой поклонъ. Она шла съ своей рыжей Англичанкою, миссъ Дженни. На ней было темное платье и полосатая мантилья. Какъ все, что ни надѣветъ она, къ лицу ей! Долго провожалъ я ее глазами, покуда она совсѣмъ исчезла за деревьями... Другъ! такую дѣвушку я вижу первый разъ въ жизни. Въ ея походкѣ, въ ея малѣйшемъ движеніи необъяснимая грація, въ ея взглядѣ сила и очарованіе, отъ котораго тщетно стараешься высвободиться; въ голосѣ ея звучность и мягкость, такъ могущественно дѣйствующая на душу... Не брани меня за мои возторженные рѣчи. Слышишь ли? я никогда не видалъ такой дѣвушки, рѣшительно никогда... Превидя любовь моя кажется мнѣ смѣшною и жалкою. Это было желаніе любви, а не любовь: это былъ первый ребяческій лепетъ сердца... Но полно; и что-то хотѣлъ сказать тебѣ о княжескомъ садѣ... Да, этотъ садъ, не смотря на свою огромность, содержится въ величайшемъ по-

рядкѣ. Мѣстоположеніе его красиво, потому-что гористо. Отъ дома до большаго озера прямая, классическія, подстриженныя аллеи, установленныя мраморными бюстами Гераклита, Демокрита и другихъ шутовъ древности, точно какъ въ Лѣтнемъ Саду. За озеромъ же мастерски-разпланированный англійскій садъ.

Вечеромъ мы катались въ ливнейкѣ, князь и я, княжна и Англичанка. Окрестности здѣшнія удивительно-живописны; жаль, что мало воды. Княжна два раза была въ чужихъ краяхъ и съ энтузіазмомъ говорила мнѣ о Неаполѣ и его окрестностяхъ. Прости мнѣ! по ея отрывочному разсказу я составлялъ себѣ гораздо яснѣйшее понятіе объ этомъ чудномъ городѣ, чѣмъ по твоимъ подробнымъ письмамъ... Я начинаю обращаться съ нею свободнѣе, я перестаю бояться ея... Она совсѣмъ не такъ горда, какъ показалось мнѣ въ первый разъ. Сколько я могъ до-сихъ-поръ замѣтить, она глубокая дѣвушка, съ душою полною и прекрасною... а наружность ея, наружность!

О, теперь вижу я, что только блестящее воспитаніе большаго свѣта даетъ женщинѣ эту волшебную-поэтическую, художественную форму. Противъ этого вѣсело спорить. Мнѣ становятся отвратительны, гадки и глупы всѣ выходки противъ большаго свѣта нашихъ и другихъ сочинителей, особенно нашихъ. Я всѣмъ бы имъ сказалъ: *зелень винограда*, милостивые государи! Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, общество генеральши Поволокиной лучше?

Если умному человѣку непременно надобно толкаться въ обществѣ, такъ пусть онъ толкается тамъ, гдѣ по-крайней-мѣрѣ хоть внѣшность ослѣпительна, а не оскорбительна. Я думаю ни ты, другъ мой сердечный, ни я не въ-состояніи идти теперь на балокъ къ г-жѣ Липрандиной, гдѣ мы нѣкогда, воспитанники академіи, въ синихъ мундирахъ съ золотыми галунами такъ отъ-души выплясывали по воскресеньямъ съ барышнями, и восхищали ихъ своею любезностію?..

—
VII.

8 іюля.

Съ половины апрѣля до сей минуты мы пользуемся такой неоцѣненной погодой, что, право, не завидуемъ вамъ, живущимъ въ странахъ, благословенныхъ Богомъ и дивно изукрашенныхъ его щедротами. Я каждый день вижу съ княжной, часто гуляю съ

ней ; въ двѣ недѣли я сдѣлался человѣкомъ домашнимъ въ домѣ князя. Она показывала мнѣ рисунки свои: въ этихъ рисункахъ много таланта, но всего болѣе я люблю ее за родемя. Музыка просвѣтляетъ ее. Едва проникнется она гармоніей любимца своего, Моцарта, — обыкновенно веселое и безпечное лицо ея вдругъ дѣлается задумчивымъ; глаза принимаютъ выраженіе неясное, туманное, но за этой туманностью неизмѣримый міръ любви и блаженства!

Въ ноябрь князь располагаетъ быть въ Римѣ, и я наконецъ обшину тебя послѣ безконечной разлуки, — и ты увидишь ее. Тогда рѣшишь, правъ ли я, прибавилъ ли я хоть одно лишнее слово, говоря объ ней . . . Я до того счастливъ теперь, что иногда сдается мнѣ, будто такое полное счастье не можетъ быть продолжительнымъ, и мнѣ становится страшно за себя. . . Я начинаю совершенно мириться съ жизнью. Другъ, она прекрасна, эта жизнь! Я убѣждаюсь, что въ ней-то, цвѣтущей и могучей, а не въ собственныхъ грезахъ должны мы искать собственнаго удовлетворенія. . . И люди, право, не такъ гадки, какъ говорятъ и пишутъ объ нихъ. . . Я тебѣ долженъ передать двѣ занимательныя новости.

Третьяго-дня я получилъ два письма изъ Петербурга: одно отъ Осипа Ильича Терехенина и его достопочтенной супруги Аграфены Петровны, которые изъ всѣхъ силъ и самымъ отборнымъ канцелярскимъ слогомъ стараются увѣрить меня, что всегда принимали во мнѣ важнѣйшее участіе, считали меня ближайшимъ своимъ родственникомъ; благодарятъ теперь Бога за мое счастье и проч. и проч. Все это предисловіе ведетъ къ тому, что Аграфенѣ Петровнѣ очень хочется къ слѣдующему новому-году быть статской совѣтницей, и она съ чего-то изволила вообразить, что князь возьмется хлопотать объ этомъ. Какова?

Другое письмо отъ нашего пріятеля Рябинина. Оно удивило и обрадовало меня. Я тебѣ выпишу нѣсколько строкъ изъ этого письма, и ты увидишь, въ чемъ дѣло:

«Знаешь ли что? не улыбайся, я говорю не шутя. Съ охотою поѣхалъ бы я съ княземъ Б*** въ чужіе края, если у него будетъ лишнее мѣсто, для-того только, чтобы не разставаться съ тобой. Ты сдѣлался необходимъ моему духовному бытію. Да! часто въ головѣ моей блеснетъ мысль яркая, лучезарная. . . но съ кѣмъ раздѣлить ее? людей много вокругъ, людей со смысломъ и съ чувствомъ, но они не такъ глубоко поймутъ меня, какъ ты. Въ странѣ любви и искусствъ, мы вмѣстѣ преклонили бы колѣни передъ твореніями избранниковъ Божіихъ, и въ одно время въ ду-

шахъ нашихъ затеплилась бы молитва!.. Къ-тому же я могу быть полезенъ князю, какъ писатель; пожалуй, я ведь бы путевыя записки; ты вѣрво взялся бы сдѣлать къ моему тексту нѣсколько рисунковъ; все это князь издастъ бы великолюбно, какъ прилично меценату. Похлопочи-ка объ этомъ, да подѣбай къ князю половче, похитрѣе. Если это удастся, то я скоро обниму тебя и крѣпко прижму къ груди моей... А ведь ей-Богу славно бы мы прокатились, да еще и на чужой счетъ...»

Чудакъ! онъ не можетъ обойтись безъ такихъ фразъ ни въ письмахъ, ни въ разговорѣ; онъ безпрестанно твердитъ о деньгахъ, и отъ-того о немъ многіе думаютъ, какъ о человѣкѣ, для котораго нѣтъ другаго кумира, кромѣ денегъ, о немъ, такъ пламенно и безкорыстно преданномъ искусству!

Я тотчасъ же пошелъ къ князю.

Князь былъ въ своемъ кабинетѣ. Кабинетъ этотъ весь заваленъ авдѣйскими гравюрами и заставленъ избранными картинами, особенно вращающимися князю... Этой чести удостоилась и моя «Ревекка», недостатки которой начинаютъ только теперь выясняться мнѣ...

— Читалъ ли вы, мой милый, началъ князь, увидя меня,—читали ли вы разсужденіе о живописи Леонарда да-Винчи? Эту книгу не вездѣ можно достать; впрочемъ, она переведена на французскій языкъ. Къ ней приложены рисунки, сдѣланные Пуссеномъ. Сколько тутъ мыслей, сколько вѣрности во взглядѣ! Прочтите, она у меня есть; я только сей-часъ все думалъ о ней. У меня библіотека полная, старинная, что хотите найдете въ ней; есть сочиненія очень-рѣдкія. Пожалуй-ста, пользуйтесь ею.

Я поклонился князю.

— Полно-те; я вамъ говорю это не для-того, чтобы вы благодарили меня. Мы съ вами познакомились такъ, что церемоніи можно въ сторону... Знаете ли, что Леонардо да-Винчи между-прочимъ былъ и поэтъ, какъ и Микель-Анджело? Онъ написалъ сонеты и одинъ, совсѣмъ-ведурной по тогдашнему времени, дошелъ до васъ...

«Я не зналъ этого, князь.»

— Да, да; это извѣстно... О, сколько наслажденій въ Италіи готовится вамъ, молодой человѣкъ!.. Вѣрите ли, что я завидую вамъ? Для меня уже тамъ нѣтъ ничего новаго: мнѣ извѣстенъ каждый сокровенный уголокъ въ самомъ незначительномъ монастырѣ. У меня, надо сказать вамъ, есть инстинктъ угадывать гдѣ хо-

рошее; иногда по этому инстинкту я отыскивал удивительныя картины, о которых, — князь взявъ меня за руку и наклонился ко мнѣ, — о которых не подозрѣваютъ и сами Итальянцы. Хотите ли меня имѣть своимъ чичероне?

«Мнѣ это будетъ очень-лестно, князь» отвѣчалъ я.

— Вамъ должно непременно, и поскорѣй, прежде всего познакомиться съ Флорентинскою школою, съ этою матерью всѣхъ школъ, которая произвела Леонарда да-Винчи и Микель-Анджело. Венеціанская школа? а великій Тиціанъ? Правда, въ его историческихъ картинахъ вы не найдете исторической вѣрности: онъ не заботился объ изученіи древностей; но, не смотря на это, онъ великій живописецъ. Вѣдь и въ шекспировыхъ историческихъ драмахъ исторія часто прихрамываетъ, а все-таки Шекспиръ гениальный поэтъ!

Сказавъ это, князь началъ прохаживаться по комнатѣ, потомъ остановился передо мною и посмотрѣлъ на меня.—Знаете ли вы, сказалъ онъ мнѣ, указывая на картины: моя жизнь въ этомъ. Съ дѣтскихъ лѣтъ во мнѣ родилась страсть къ живописи. Я могъ бы служить и выслуживаться; одно мое имя открываетъ дорогу ко всѣмъ почестямъ, но я предпочитаю свободную и независимую жизнь всему на свѣтѣ. Вотъ отъ-чего я живу въ Москвѣ и только заглядываю въ Петербургъ.

Добрый князь никогда не былъ такъ расположенъ къ откровенности, какъ въ сію минуту. Это ясно увидѣлъ я по выраженію лица его, по рѣзкимъ движеніямъ, которыхъ прежде не замѣчалъ въ немъ. Мнѣ показалось удобнымъ воспользоваться этою минутою, и я, намекнувъ ему сначала о томъ, что во время нашихъ странствованій по Италіи недурно было бы вести путевымъ записки, которыя можно посвятить особенно предметамъ, относящимся до художествъ,—указавъ ему на Рябинина, какъ на литератора опытнаго, извѣстнаго, и—главное,—занимающагося издавна изученіемъ художествъ.

Сильно подѣйствовало на князя мое предложеніе.

— Превозходно, превозходно! восклицалъ онъ. Какъ прежде мнѣ не приходило это въ голову?.. Превозходно!.. Я благодаренъ вамъ за этотъ намекъ. Да! путевыя записки, посвященныя на описаніе всѣхъ сокровищъ, которыми обладаетъ Италія... Превозходно! но согласится ли ѣхать съ нами г. Рябининъ?

«Онъ мой хорошій знакомый; я напишу къ нему, и заранѣе увѣренъ въ его согласіи.»

— У варт, кажется, нияго не было до-ады, портъ въ этомъ видѣ! продолжалъ воцллансвенный князь: превосходно!... Вы берете на себя живописную часть, не правда ли?.. Я знаю на вождѣю на это изданіе, оно сдѣлается извѣстнымъ всей Европѣ... мнѣ знакомы лучшіе лондонскіе гравёры... А г. Рабинвичъ точно съ талантомъ писатель?

— Съ большимъ талантомъ, князь. Вы не читали ли его поэмы «Вальтазаръ»?

— «Вальтазаръ»... Князь задумался... Позвольте, «Вальтазаръ»... Да, я слышалъ, кажется, про нее; ее очень хвалятъ, она прошла печатальнѣе, да... Если она у васъ адсье, пришлите ее мнѣ; я непременно прочту. Пожалуйста, напишите же къ г. Рабинвичу об этой почтой...

Я сказалъ князю, что тотчасъ же пойду за поэмой, но онъ удержалъ меня.

— После; вы ее пришлите ко мнѣ. Я что-то хотѣлъ спросить у васъ. А! замѣтили ли вы въ большой залъ надъ дверьми въ голубую гостиную небольшой портретъ?

«Не помню, князь».

— Славная вещь! Кажется, можно утвердительно сказать, что это работа Іоанна Гольбейна. Внизу стоитъ 1548 годъ. Пойдемте-ка посмотреть.

И князь потащилъ меня за собою.

Въ залъ встрѣтили мы старушку съ усиками, которая сильно не благоволила ко мнѣ; я разкандился съ ней и принялся разсматривать картину мнѣ много или настоящаго Гольбейна, который мнѣ совсѣмъ не понравился.

Старушка съ усиками, раздраженная, кидала по залъ и ворчала:

— Картины хорошо имѣть для украшенія комнатъ... для-того, чтобы при случаѣ сказать; у меня картинная галлерей. Но прилично ли заниматься ими съ утра до ночи, не знаю, — я не понимаю такой страсти. Другое дѣло собирать драгоцѣнные камни и антики...

И она перебирала, говоря это, перетни на своей сухоощной рукѣ.

Отъ Гольбейна мы перешли къ старушкѣ съ усиками. Князь, поглядывая на меня съ улыбкою, обратился къ ней.

— Хотите ли, тетушка, я позарю вамъ мой античный перетень съ ромуловой головой?

Т. X.—Отд. III.

«Милые глазаи разряженной старушки засветились при этом вопросе, голова ея затряслась, лопты на цепце заколебались:

«Вы ищете, князь?» сказала она, приподнявъ голову и посмотрѣвъ на своего племянника.

— Нисколько, и въ доказательство я вамъ сейчасъ привнесу его. Князь вышелъ и скоро возвратился съ перстнемъ.

— Вотъ онъ, тетушка!

Дрожащею рукою взяла она знакомый ей перстень и начала его вертѣть въ рукѣ, разсматривая.

«Дорогой, чудесный перстень!» ворчала она, надѣвая его на указательный палецъ и поднося руку къ глазамъ. «Вы не умѣете цѣнить его. Благодарю васъ, князь.» Она старалась улыбнуться, и пожала князю руку.

— Вообще старая дѣвы необыкновенно забавны, сказала князь, но мол тетушка уморительна. У нея такія претензіи и причуды!

Я чуть не вздохнулъ, подумавъ, какъ всѣ мы умѣемъ замѣчать странности другихъ, а о своихъ собственныхъ и не подозреваемъ. Страсть князя къ живописи и желаніе показать себя знатокомъ въ ней, тоже маленькая странность. Впрочемъ, онъ такъ добръ, въ немъ столько человѣчестности, что ему отъ всего сердца прощаешь этотъ грѣшокъ!.. Онъ чрезвычайно начитанъ, много видѣлъ, знаетъ миллионы анекдотовъ и съ необыкновенною пріятностію рассказываетъ ихъ. Его иногда можно заслушаться. Въ Москвѣ онъ пользуется величайшимъ уваженіемъ, потому что имѣетъ огромное состояніе, даетъ великолѣпные вечера, во всѣхъ парадныхъ процессіяхъ выступаетъ первый въ своемъ камергерскомъ мундирѣ, и, главное, имѣетъ дочь-красавицу, къ которой перейдутъ всѣ его богатства. Говорятъ, что княжна наследовала красоту своей матери. Прошло уже болѣе пяти лѣтъ отъ смерти княгини, но князь не можетъ до сихъ поръ равнодушно слушать, когда заидетъ рѣчь о ней. После ея смерти онъ, говорятъ, полтора года не ходилъ въ Англійскій Клубъ. Теперь всѣя любовь его перешла къ дочери. Онъ, кажется, исполняетъ всѣ ея желанія и безпрекосно повинуется ея волѣ...

Письмо къ Рибинину отослано. Онъ вѣрно получилъ его!

Князь читалъ «Вальтазара» со вниманіемъ. Стихи ему нравятся, два стиха онъ даже запомнилъ наизусть, но вообще поэму онъ находитъ растянутой. Едва ли онъ не правъ въ этомъ случаѣ. Недавно онъ перелаштывалъ ее, то же замѣнилъ.

13 июля.

Скоро два письма, какъ я не бралъ въ руки кисть. И меня это не беспокоитъ. Въ Италью прийду и работать... О, поссорай бы въ Италью! Если меня никто не выведетъ изъ того блаженнаго и бездѣятельнаго состоянія, въ которомъ нахожусь, я долго не проведу ни одного штриха, ни одной черты... У меня не достанетъ силъ самому вырваться изъ этого обаятельнаго міра. Признаться ли тебѣ... о, тебѣ я признаюсь, другъ моего дѣтства! что я молъ жизнь такъ, какъ она есть теперь, вполне удовлетворяетъ меня. Мой несодкупный судя, не-уже-ли основывался на томъ, что чувство художника такъ долго молчитъ во мнѣ, ты станешь отрицать во мнѣ признаніе? Будь снисходительнѣе къ своему другу!... Мнѣ надобно оправдать общій голосъ, поддержать еоботвенные устрѣмленія, все это я знаю... Но еще впереди много, много дней; я еще молодъ. Ты говоришь мнѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ, что минута творчества есть минута высшаго наслажденія для художника, что передъ этой минутой всѣ наши наслажденія жалки, блѣдны и ничтожны. Я понимаю тебя, совершенно понимаю, хотя сара, откуда, не извѣстала этого. Когда мысль проникала меня и я брался за кисть, во мнѣ не было того спокойствія, которое необходимо для творящаго... Голова моя горѣла; образы, вызванныя: юнкъ воображеніемъ, лѣзли въ передо мною въ туманѣ, кисть дрожала въ рукѣ моей. И при всемъ этомъ, уверяю тебя, надежда быть истиннымъ художникомъ не оставляетъ меня, — я не отчаиваюсь, нѣтъ! Зачѣмъ же мнѣ Богъ далъ душу, способную понимать все прекрасное, сочувствовать всему великому? Отъ-чего же природа не мертва для меня? Отъ-чего благоговѣйный, ослѣпленный трепетъ проникалъ меня, когда я въ тихій часъ вечера стоялъ на берегу моря и смотрѣлъ, какъ на легкой зыби его ображались огненные полосы догорающей зари? Слушай; слушай, другъ мой! Сегодняшній вечеръ еще болѣе незабвенъ въ моей жизни: сегодня я ощутила въ себѣ еще волнѣ то неизмѣримое, безконечное блаженство, которое чувствовала некогда ты, на берегу моря...

Я сидѣлъ въ саду на скамейкѣ, стоящей на высокому холмѣ, съ котораго видѣется вся синеватая гладь озера: У его берега чуть-чуть только колебался небольшой, пестрый дикъ. Цвѣты, посаженные на холмѣ, оживали, утомленные; послѣ дневнаго жара и приподнимаю свои лучезарныя, радужныя головки, и опять начинали дышать ароматомъ. Солнце, медленно заходящее, просвѣчивало сквозь

темную и густую зелень деревьев, и каждый листок становился прозрачным; светлые кружечки обозначались на желтой, песчаной дорожке; вдали раздался наступивший рожок... Не она ли, долго ли я пролежал на этой скамейке до той минуты, когда услышал вблизи себя шорохи: женеваго члвть. Я обернулся: на этот шорох, и увидел в двух шагах от себя княжну съ рыжею мвась.

— Вы мечтаете? спросила меня княжна насмешливо.

— Отсюда видъ очень хорошъ, такъ я смотрѣлъ на вадъ, княжна отвѣчала я какъ могъ равнодушно. Намѣшка ея была знь досадна.

— Это моя скамейка, я здѣсь всегда оставилъ ее: отсюда видно мое озеро, мое любимое озеро.

Голосъ и лицо княжны совсѣмъ измѣнились, когда она произнесла это. Можно было поклясться, что на этотъ голосъ, на это лицо, неспособны къ насмѣшкѣ.

— А вы увидите грести?

«Увижу.»

— Вы не боятесь воды? И, предложивъ мнѣ послѣднй вопросъ, княжна смѣясь посмотрѣла на меня.

«Нѣтъ, не боюсь.»

— Это вамъ дѣлать вѣсть. Хотите казаться съ нами въ лодкѣ?

«Если вы позволите, княжна.»

— Я прошу васъ. И она съ важностію неизобразимо присѣла, какъ присѣдала ея бабушка во времена Екатерины Великой. После того, улыбаясь, она обернулась къ своей Англичанкѣ и показала ей что-то по-англійски. Рыжая миссъ значительно кивнула головой, и мы отправились въ лодку.

Всклонивъ въ лодку и отцѣпивъ его, я подалъ руку княжнѣ. Ея рука была бѣль перчатки, и ею она крѣпко схватила мою. Для того, чтобы не поскользнуться, входя въ лодку. За всю неловко прыгнула миссъ, преважно упершись когтистыми пальцами въ мою ладонь. Я взялъ оба весла, но княжна отидла у меня одно, еще разъ коснувшись своей рукой моей руки.

— И я хочу грести, только вамъ надо грести ровнѣе.. Постоите: разъ, два, три... ну, теперь начинайте... Рыжая миссъ взялась управлять рудемъ, и лодка разрѣзала зеркальное пространство и дошелъ, оставляя за собою струю.

Мы дружно ударили веслами; лодка двигалась все быстрѣе; княжна была необыкновенно довольна общенъ лашеро лодкостию.

— Ахъ, какъ весело, какъ весело! повторила она.

«Не устали ли вы, княжна?»

— Нисколько. Какой чудесный вечер!... Для меня гораздо-веселее здесь на озере, нежели в балльной зале.

Она взглянула на меня; почувствовала внутреннюю тревогу; — это я видела в глазах ее.

Солнце скрылось в облако и раздалило его своими прикосновениями, и облако изменилось весь запад. Мы плали молча; только слышались однообразные всплески воды, возмущаемой веслами. Заря бледнела, ее пурпур смывался коротким розовым светом, который отражался в воде. Лицо княжны разгорелось, локоньки развилась, маленькая ножка ее в червонь шелкового башмака упиралась в перекладину ланка.

— Походите грести, отдохните, сказала она; я устала...

«Разве я не могу грести одна, княжна? позвольте мне ваше каноэ.»

— Нет, не позволю, произнесла она развязно...

Ланка отставилась на середине озера.

— Как бы мне хотелось быть теперь на море, говорила она: на корабль — и плыть долго, долго... Хотя я люблю это озеро, но оно слишком-мало; его по-настоящему нельзя даже величать громким титулом озера... Мне всегда было так легко, когда я смотрела на морскую даль, сливающуюся с горизонтом...

Княжна задумалась и чрез минуту продолжала:

— Я увижу опять Средиземное Море... Неаполь. У меня так много воспоминаний в Италии! Видите ли, и я иногда мечтаю?... А вы поедете вместе с нами?

«Я думаю.»

— Вы только еще думаете?

«Я еду на первое, княжна. Къ нашим услугамъ будетъ и живописецъ, и поэтъ.»

— Какой поэт?

Я рассказала ей о предположении вести путевые записки, о Рабиняне и о прочем.

— До сих пор я ничего не слышала об этом... Поэт! а скоро будете сюда поэт?

«Может-быть, скоро.»

— Это прежобьенито. Я знала только одного поэта, но его теперь нетъ в Москвѣ. Вь Италиѣ я видѣла импровизатора страшнаго; съ черными, сверкающими глазами, съ длинными, вьсклоченными волосами. Онъ ужасно кричалъ и размахивалъ руками.

«Поэтъ, который поѣдетъ съ нами, совсѣмъ не такъ свирѣлъ.»
 — Право? ... Сказать ли вамъ о немъ, а теперь думаю? Я думаю о васъ... то-есть о томъ, какъ бы вамъ хорошо передать на ващей картинѣ вечеръ. Я часто смотрю на одну картинку. Она стоитъ въ моей гостиной.

Княжна опустила свои длинные ресницы, и потому, какъ-будто ожидала, что я заговорю, посмотрѣла на меня издали, такъ-какъ будто стою далеко.

Я молчалъ...

— Вы думаете, начала она, продолжая смотреть на меня; вы думаете, что свѣтская дѣвушка не въ состояніи чувствовать красоту въ искусствѣ, не можетъ оценить достоинства художника?... У нея есть и восторги, и молитвы, и слезы, — подтвердите мнѣ. Если найдется человекъ, достойный ея довѣренности, она ищетъ только минуты, ищетъ только случая, чтобы высказать ему душу свою... и ей такъ же, какъ и другимъ, нужно сочувствіе...

«Княжна, я не знаю свѣтскихъ дѣвушекъ, я видѣлъ ихъ издали, и не могъ дѣлать о нихъ никакихъ заключеній, но съ первой минуты, какъ я увидѣлъ васъ...»

Англичанка, о которой я было забылъ, вдругъ пошевельнулась въ лодкѣ, и я остановился.

— Ахъ, мои бѣдныя перчатки! возмужнула княжна жалобнымъ голосомъ, смотря на нихъ. Посмотрите, какъ я ихъ изорвала, — и княжна протянула ко мнѣ свою руку, и хотѣла вынуть перчатки и бросила ихъ въ воду.

Я посмотрѣлъ на безмолвную миссъ. Она была нездоровна, но въ эту минуту показалась мнѣ отвратительною.

— Начинаетъ смеркаться, сказала княжна; посмотрите, вѣтъ зажглась звѣзда... Мнѣ такъ хорошо, что я готова бы встрѣтить возхожденіе солнца на этомъ явнѣ. Къ-тому же, я никогда не видѣла возхожденія солнца, прибавила она печально. Однако пора домой. Теперь вы должны вѣсти оба вѣсла, потому что мои перчатки въ водѣ, и я очень устала.

Княжна пересѣла къ Англичанкѣ. Она совсѣмъ пролинула свои ножки, опустила голову на грудь, руки ея лежали на колѣнахъ безъ движенія.

Мѣсяцъ уже перебраннымъ столбомъ отражался въ озерѣ, когда я причалилъ къ пристани... Она выходила изъ лодки, рука ея опять была въ моей рукѣ — и она стояла на дорожкѣ сада, съ минуту еще не отнимая ея у меня.

Подходя къ дому, мы увидѣли, что цомпейская комната уже освѣщена!

— Бабушка вѣрно очень сердится на меня въ ожиданіи...

Княжна кивнула мнѣ головой, схватила подъ руку Англичанку — и онѣ исчезли....

Я люблю ее, ты это видишь, — люблю страстно, безумно; чувствую, что она и жизнь для меня одно и то же. Безъ нея нѣтъ жизни и нѣтъ счастья... Ты спросишь меня: къ чему поведетъ эта любовь? — Я не знаю. Ты скажешь мнѣ, что я не думаю никакого благораумія, что я легкомысленъ, — можетъ быть; но, ради Бога, не читай мнѣ наставленій, я не буду слушать ихъ; брось советъ... Другъ, предоставь меня судьбѣ моей!

IX.

Ваня, сынъ дворецкаго, часто ходитъ ко мнѣ, и иногда своимъ болтаньемъ забавляетъ меня. Онъ пребойный и шустрый мальчишка. Сегодня онъ мнѣ принесъ отъ княжны «Femmes d'automne» Ликтора Гюгб. Вчера у насъ была страшная ссора съ нею о французской литературѣ. Жаль, что она влезла въ французскими книжками, — Гюгб и Ламартина считаетъ величайшими гениями и ставитъ ихъ чуть не на ряду съ Байрономъ, хотя изъ Гюгб она ничего не читала, кромѣ его лирическихъ стихотвореній. Я изтратилъ все мое краснорѣчіе, желая убѣдить княжну, что отъ насъ до Байрона, какъ до звезды небесной далеко... Увы! все мои убѣжденія были напрасны. Она чуть не раскандила на мое замятѣ, и взяла съ меня слово перечитать хоть одну книгу стихотвореній Гюгб.

Вотъ, поному она прислала мнѣ «Femmes d'automne» Я разцаловалъ ея посланника и спросилъ его, любитъ ли она княжну?

— Послѣ папеньки, отвѣчалъ онъ, я люблю больше всѣхъ княжну, а потомъ маменьку.

«Отъ чего же маменьку-то больше?»

— Она сердитая, и папенька ея бьетъ...

Я подарилъ ему картонку, и онъ въ полномъ восхищеніи убѣжалъ отъ меня. Развернувъ книгу, — воображаю мою радость, мою бышнюю радость, — я нашелъ въ ней небольшую двѣтную бумажку въ родѣ закладки, на которой было написано между рукою княжны по-русски: *Прочтите стихи: Oh! pourquoi te cacher? Tu pleurais seul ici, и соглашались, что Нина истинный талантъ...*

«Не правда ли, это очень много? Разумеется, а прочесть тогда эти стихи, указанные ею, и они мне въ-самомъ-дѣль показались лучше другихъ».

17 июня.

Получилъ отвѣтъ отъ Рабинина на мое письмо къ нему: Онъ хочетъ прѣхать сюда немедленно: «Ну, такъ и быть! пиши отъ меня для того, чтобы поскорѣй увидѣть тебя, и рѣшаюсь проскучать нѣсколько мѣсяцевъ въ Москву. Жертва великая! Да мельзю ли мне будетъ жить вмѣстѣ съ тобою въ подмосковной виллѣ? Это, кромѣ другихъ выгодъ, имѣетъ и ту, что и заранее ознакомлюсь съ его снательствомъ. Опиши мнѣ, будетъ ли такая штука политична?»

Я сказалъ объ этомъ князю — и онъ тотчасъ же велѣлъ приготовить комнаты для Рабинина противъ моихъ. Мысль, что онъ будетъ окруженъ артистами, ему, кажется, удивительно нравится. Ту же секунду увидѣвши я нашего прѣтала о княжескихъ распоряженіяхъ и съ восторгомъ жду его сюда съ минуты на минуту.

20 июня.

Онъ здѣсь, онъ прѣхалъ. Можешь себѣ представить мое радостіе!.. Вчера я было-совсѣмъ собрался спать, вдругъ слышу необыкновенный шумъ и странную возню въ корридорѣ: двери передней моей комнаты отворяются съ эфективнымъ трескомъ; раздаются шаги мѣрные, тяжелые, знакомые мнѣ, и двѣ длинныя руки протягиваются ко мнѣ, для заключенія меня въ объятія. Я обнялъ Рабинина отъ всего сердца.

Послѣ объятій, онъ отсидѣлъ отъ меня шага на два.

— Постой, ни слова! Дай мнѣ сначала обзрѣть тебя съ ногъ до головы, сказалъ онъ, и съ обыкновенною своею важностію, нахмуривъ брови, началъ меня разсматривать.

— Покуда ты чѣмъ бы это значило? въ Москвѣ толстѣютъ... а гдѣ же твой мастерская?

«А я нисколько не бралъ въ руки съ-тѣль-норъ, какъ мы съ тобой разстались».

— Ева! Хорошо, въ Москвѣ такъ и слѣдуетъ; Здѣсь только вѣтъ много говорить, а микро нисколько не дѣлать. Теперь я осматриву

твою комнату. Балла: что это? Валторъ: Глаголъ у тебя Глаголъ? Видишь ты правде сподвигъ съ ума отъ Назарета? . . .

«Я и теперь схожу отъ нихъ съ ума!»

«А эта книга оцѣнь?»

«Меня заставила прочесть въсколко, стихотвореній княжна, и хотѣла, чтобы я испремынилъ имя возжидала.»

— Заставила? . . княжна? а что, у нея смазливенькое личико?

«Она чудо-какъ хороша!»

— И читаетъ стихи?

«Французскіе и англійскіе, а твои стихи она не читала.»

«Моихъ? Я и пишу не для этихъ княжонъ, а для той, которая . . Ну, да нѣтъ говорить объ этомъ? Скажи-ка, какое впечатлѣніе произвела на тебя Москва?»

«Для той, которая . . Поздравляю тебя, ты влюблена.»

— Ни слова объ этомъ. Что, въ Москвѣ скучно?

«Нѣтъ, ты не угадала. Эти вѣсны для меня прошли, какъ одинъ день. Я очень полюбилъ Москву.»

Рубинъ качалъ головой:

«Молодость, молодость! Что же ты шапелъ здѣсь? Мозгъ-то можешь, правда, недурное, довольно горючее, цѣрви съ позолоченными глазами . . .»

«Нѣ тебе эти шутки не наскучили?»

— Какія шутки? я говорю отъ души. Истинно-то хорошаго ты, вѣрно, здѣсь и не забылъ . . .»

«Чего это?»

— Да что въ Москвѣ всего лучше?

При этомъ вопросѣ я призадумался.

— Такъ и есть—не знаетъ!

«Что же такое? Кремль?»

— Вотъ куда зашелъ: Кремль!

«Калачи?»

— Не-то!— Англійскій Клубъ, и въ немъ клубочка. Славная ку-

лебяка! тѣсто здробное, расмычтое, куски большіе . . .»

Узнаешь ли ты это? Вспоминаешь ли то время, когда мы сидѣли вѣтѣ; съ такимъ удовольствіемъ вникая рѣчь его и дѣлаясь его способности мѣшать шутки съ дѣломъ?

— Впрочемъ, я не прочь пожить въ Москвѣ, продолжалъ онъ. Я отдохну здѣсь. Въ Петербургѣ надоели мнѣ и пріятели и враги.

Вѣдь значительные петербургскіе журналисты мнѣ квалити и хвалить, хотя ихъ похвалы глухи; но все-таки похвалы. А вотъ

исидеи, — поворотъ, я сама не читала, — позынась въ журналь-
стикъ какія-то проклятыя насѣкомыя, шмели — и точно, слышу,
жужжить что-то надъ самымъ дукомъ, того и гадан, что упустятъ.
Я давно бы раздавилъ этихъ шмелей, но руку, ахъ, приподнять..
До трехъ часовъ утра просидѣла мы съ мамъ, разговорная о
будущей нашей посадкѣ въ чужіе края, о мидѣ, его вѣстействѣ
о прочемъ.

17 болы.

Князь съ каждымъ днемъ начинаеть чувствовать болѣе и болѣе
равноложіе къ Раббиншу. Рѣзкая, немного странная манера, вѣч-
но-тайнственный видъ жителя, умѣнье дѣйствовать незамѣтно
на самолюбіе, придавая рѣчамъ сухость и даже грубость, порою
истинно-поэтическое одумѣніе, все это вмѣстѣ, чѣмъ впрямь
обладаетъ нашъ призывъ, дѣйствуетъ необычайно на князя..

Раббиншу ходитъ съ нами, но влѣзть и оставаться безпре-
рывно передъ картинами, вознижѣется ими, и угадываетъ, что такія
драгоценностей, какъ у него, нѣтъ даже и въ петербургскомъ Эр-
митажѣ. Однажды мамъ втроемъ ходили въ большой залъ. Раби-
нишъ посмотрѣлъ на одну картину, остановился, поднялъ руки
вверхъ и съ жаромъ воскликнулъ:— Это оригиналь, князь, попраде-
ми, оригиналь; я узнаю въ этой картинѣ Франциска Альбани. У
него особая манера Ансбама Карачча, такъ что нивы произведенія
Альбани невглядѣвшійся глазъ можетъ смѣшати съ созданіемъ
Карачча. Хотя въ Альбани нѣтъ своего, типическаго, но бытъ
замѣчательный мастеръ.

— Позвольте, дайте взглянуть въ эту фигуру. Ба! да это рѣд-
кость... Венеціанской школы... Тинторетъ! настолщій Тинторетъ!..
Славная у васъ галлерей, князь... И знаете ли, что я скажу вамъ? я
радъ, что у васъ мало картинъ нѣмецкой школы... Хороши они, эти
Дюреры, но можно обойтись и безъ нихъ. Не люблю Нѣмцевъ; от-
кровенно признаюсь вамъ, — пародъ отмеченный... Одинъ Шил-
леръ, да и тотъ не Нѣмецъ, а Итальянецъ...
«Какъ Итальянецъ?» спросилъ удивленный князь.

— Натура, голшая; ахъсь вотъ, въ лѣвомъ-то боку, горячо, пла-
менно... Съ какими омерзѣніемъ смотрѣлъ онъ на своихъ здо-
дѣвъ, вызывая къ нимъ на Божій свѣтъ изъ глубины поэтическаго
духа, нисъ кляво любовію на свои чистѣйшія созданія, на Маркса
Позу, на Темъ! Это драма — это вдохновенныя импровизація
Итальянецъ! настолщій Итальянецъ!

— «А Гёте, равнъ вы Гёте, ставите ниже?» Князь пристально посмотрѣлъ на Рябинина.

— Гёте—великій гений, такъ; но въ немъ есть душокъ этой немецкой философіи, которая больно мнѣ не по-сердцу.

«Да, правда» замѣтилъ князь: «вся эта философія—заносчивость, бредъ; однако Гёте... Но разтолкуйте мнѣ, откуда вы набрались такихъ свѣдѣній въ живописи, ни разу не ѣздивъ въ чужіе края? У васъ глазъ необыкновенно-меткій и вѣрный.»

Рябининъ улыбнулся.

— Откуда набрался? Читалъ, и читалъ много и долго, не пугаясь книгъ in-folio; гадать и гадать пристально на то, что было у меня передъ глазами; проводилъ недѣли и мѣсяцы въ Эрмитажѣ; любилъ художниковъ прямо съ парохода, только-что изъ Италіи, и спрашивалъ ихъ о чудесахъ искусства, соображалъ съ тѣмъ, что вычиталъ, и по-маленьку входилъ въ міръ художественный. Мои друзья, князь, вотъ они — и Рябининъ положилъ руму на мое плечо: живописцы, музыканты, всѣ артисты... Люди съ дарованіемъ какъ-то любятъ меня и бѣгутъ ко мнѣ, а я благо-дарю за это Бога!

«Жаль» сказалъ князь: «право жаль, что я не имѣю удовольствія прежде познакомиться съ вами...»

— А я васъ зналъ и прежде, князь, по слухамъ, и уважалъ васъ за вашу любовь къ искусствамъ и за вниманіе къ намъ, бѣднымъ артистамъ. Спасибо вамъ за то, что хотите меня ввести въ самый храмъ, гдѣ священнодѣйствовали великіе художники, въ эту благословенную Италію. Безъ васъ у меня не было средствъ войти въ этотъ храмъ.

Князь съ большою пріятностію посмотрѣлъ на Рябинина.

«Я уже говорилъ г. Средневскому, что мнѣ извѣстенъ каждый уголокъ этого храма. И мы будемъ вмѣстѣ ходить вездѣ... Наши путевыя записки могутъ быть очень-интересны, не правда ли?»

— Это будутъ не простыя записки... (Рябининъ подошелъ къ князю и ваялъ его за руку) А монументальная книга для художествъ!

Глаза князя заблестали отъ удовольствія.

— Хочется мнѣ посмотрѣть въ Болоніи на св. Петра Гвидо-Рени, продолжалъ Рябининъ, задумывался:—разные долги рбъ намъ; нѣкоторые перевозносятся до небесъ, другіе умѣренно отзываются о немъ...

«Какъ? кто же изъ видѣвшихъ эту картину можетъ безъ взорр-

га говоришь о ней?» произнесъ князь. «Это chef-d'oeuvre. Голова апостола Петра и другаго апостола, который утыкаетъ его, это такія головы! въ нихъ столько выраженія! Къ чему же важность колорита, отчетливости въ отбѣлкѣ... Помилуйте, да это картина — чудо!»

— Такъ, я заранѣе зналъ, что вы это скажете. Все истинные знатоки художества, а не самозванцы, отзываются о св. Петрѣ, какъ вы. Ужъ эти мнѣ самозванцы-любители! Я человекъ простой и откровенный, князь, — вы это видите, — и этихъ господъ отбываю по-свѣдому, безъ жалости, кто бы они таковы ни были...

«Такъ и должно; вы дѣлаете очень «хорошо» подхватить князя: «обманъ надобно всегда изобличать!»

«Не-уже-ли» сказалъ я Рябинину, когда мы остались съ нимъ вдвоемъ: «не-уже-ли тебѣ не жаль морочить князя и такъ недобросовѣстно льстить его слабости къ художествамъ? Мнѣ всегда досадно, когда ты такъ говоришь съ нимъ, какъ говорилъ сей-часъ. Знаешь ли? въ немъ столько хорошаго, что будь какая-нибудь возможность, я открылъ бы ему глаза; я показывалъ бы ему смѣшную его сторону...»

— Долго ли ты будешь ребячиться? отвѣчалъ мнѣ чужакъ нашъ: пора перестать! Брось нелѣпую мысль исправлять людей. Невинное дитя мое, если ты издумаешь выводить ихъ, по своему добродушію, изъ заблужденій, въ которыхъ они погрязли, какъ въ чинъ, горе тебѣ они нападутъ на тебя и разтерзаютъ тебя... И что за дѣло тебѣ до другихъ? Пусть тѣшатся своими погрѣшниками; брени и ты передъ ними, а изподтишка улыбайся. Тогда они будутъ хвалить и превозносить тебя. Я увѣренъ, что князь теперь отъ меня въ восторгѣ, а заговори-ка я съ нимъ другимъ языкомъ, онъ посмотрѣлъ бы на меня съ презрѣніемъ и, встрѣчаясь со мною, отворачивался бы отъ меня... Не забудь, что онъ нуженъ намъ. Мы его станемъ водить за носъ; онъ будетъ наши доволеть, мы имъ; а русская публика всеми нами за дешовое, но великолѣпное изданіе путевыхъ записокъ съ гравюрами, на веленовой бумагѣ...

И Рябининъ правъ. На-дѣихъ князь сказалъ мнѣ, пожимая мою руку: «Я благодаренъ вамъ за знакомство съ Рябининымъ. Онъ имѣетъ глубокія познанія въ художествахъ. Правда, виружность его несколько-странна, но за то онъ такъ уменъ, и такъ оригинально обо всемъ судитъ!»

При князѣ, Рябининъ чувствуетъ себя какъ-бы недовольнымъ.

Ты знаешь, что его смутить трудно, а передъ него онъ даже смущается.

Одинъ разъ, князь и мнѣ рассказали, что онъ содержаніе своего новаго романа, который давно намѣренъ писать, мы слушали его съ большимъ вниманіемъ, потому что онъ говорилъ съ увлеченіемъ; вдругъ, въ дверяхъ появилась княжна... Рябининъ увидѣлъ ее и остановился на самомъ интересномъ мѣстѣ своего разсказа. Черезъ минуту онъ продолжалъ, но одушевленіе его исчезло, онъ старался кончить разсказъ свой какъ можно короче.

Въ другой разъ, въ присутствіи княжны зашелъ разговоръ о музыкѣ. Князь человекъ совершенно артистическій, — и меломанъ, между прочимъ. Для него итальянская опера вершъ возможнаго совершенства.

— Выше Россіи, говорилъ князь, — выше его я никого не знаю въ музыкальномъ мірѣ. Моцартъ и Бетховенъ прекрасны, слава имъ, да въ нихъ много, если такъ можно выразиться, дикости. Правда, моцартовскій «Донъ-Жуанъ» созданіе колоссальное... но въ Россіи все и сила, и грація, и пышность, — это музыкальный Рафаэль. Его «Танкредъ», «Семирамида», «Donna del lago»...

«Да, князь, люблю и я Россіи. Звукъ этого итальянскаго чародѣя полны и роскошны, какъ морскія волны, и въ нихъ сладко нѣжиться... Средиземное Море, куполь св. Петра, звуки Россіи и торкватовы октавы — вотъ поэзія жизни. Впрочемъ, что касается до музыки, то мы должны обратиться къ княжнѣ. Всѣ наши мнѣнія уничтожатся передъ ея музыкальнымъ авторитетомъ».

И съ низкимъ поклономъ онъ обратился къ княжнѣ.

Княжна взглянула на него и этимъ взглядомъ молча спросила у него: «зачѣмъ онъ беспокоитъ ее?»

«Я лѣтомъ не занимаюсь музыкой; я гуляю по саду и ѣзжу верхомъ» сказала она по-французски, не обращая ни къ кому.

Князь и Рябининъ вскорѣ послѣ этихъ словъ вышли изъ комнаты, а я подошелъ къ ней.

«Вы бываете очень-немилосерды, княжна.»

— Немилосерда?

«Онъ, право, заслуживаетъ, чтобы вы обращались съ нимъ снисходительнѣе...»

— Кто же это онъ?

«Рябининъ, княжна.»

— Какъ онъ смѣшно говорить и казалъ у него страшно и больно

пая зинбики на уагустуи, точно «сермуры»... произнесла она протяжно и пресерьезно.

— Я не думала, чтобы вы обращали внимание на одну только наружность. Онъ, можетъ-быть, одѣтъ, княжна, не такъ, какъ одѣваются вѣтскіе люди, не имѣетъ икъ ловкости, но онъ человекъ вовсе не дюжинный, онъ...

— Ахъ, Боже мой! воскликнула княжна въ нетерпѣніи: что мнѣ за дѣло до всего этого?...

— Отъ чего же такое оскорбительное невниманіе къ человеку, который...

— Къ человеку, который мнѣ кажется скучнымъ... Но-ужь-ли все ваши поэты такъ же милы, какъ онъ?...

Я ничего не отвѣчала на этотъ вопросъ.

— Вы хотите, продолжала она:— вы хотите, чтобы я со всеми была одинакова, чтобы я всемъ равно съ пошлою доверчивостію, съ дѣтскимъ простодушіемъ выскабывала мой образъ мыслей? Я могу быть доверчива, я буду откровенна, но съ тѣмъ, кого уважаю, кого... А вашъ господинъ Рябининъ, хотя онъ и пишетъ стихи, по вашему мнѣнію, вѣрно лучше Ламартина, все-таки смѣшонъ. И какъ онъ страшно поднимаетъ указательный палецъ, когда заговорить, и какъ забавно хмуритъ свои брови. Скажите ему, что это совсѣмъ некороиво... И съ этимъ словомъ она вышла изъ комнаты, оставивъ меня одного.

Свѣтлинъ ли ты? княжна только съ тѣмъ откровенна, кого она уважаетъ, кого... Она не договорила?... Разголкуй мнѣ, ради всего на свѣтъ, что это значитъ? что она хотѣла мнѣ сказать этимъ? Я не смѣю думать, чтобы я могъ заслужить ея уваженіе; я былъ бы дерзокъ, если бы мнѣ вошла въ голову мысль, что она любить меня... Но-крайней-мѣрѣ, со мной она часто говоритъ довольно-серьезно, она не считаетъ меня недостойнымъ своего общества, на меня она не смотритъ съ такою гордою недостудностію, какъ на Рябинина. Чему же приписать все это? Тысячи сомнѣній и надеждъ попеременно раздражаютъ и волнуютъ меня. Я похожъ на утопающаго, который то видитъ берегъ и спасеніе и одушевляется на минуту, рвется къ нему, къ этому берегу, напрягая послѣднія силы; то, отчаянный, предается гибельнымъ волнамъ, влекущимъ его въ бездну... Мнѣ и горько и весело... Я, право, не знаю, что со мной...

Я забыла сказать тебѣ, что старушка съ усиками къ Рябинину цѣлуетъ еще большее неблаговоленіе, чѣмъ ко мнѣ.

— Что, князь, этот длинный человек, который притихал, это вы? Недавно вы стихотворец, что ли? — начала она, некая посмотрев на меня.

«Он теперь один из первых наших поэтов» отвечал князь.

— Из первых? а какой имете чин?

«Не знаю; он никуда не слушан».

— Не слушан? Что же, он был или быть, да стихки напишет?.. Первый стихотворец! Да в наше время первые стихотворцы были и первыми государственными людьми... Покойник Гавриилъ Романовичъ былъ министр и действительный тайный советник, человек, пользовавшийся милостію въ продолженіе трехъ царствованій Императрица особенно изволила его отличать отъ всехъ другихъ: онъ былъ любимымъ ея статс-секретаремъ. Вотъ будто сейчасъ вижу, какъ онъ у княгини М* читаетъ свои стихи на смерть графини Румянцовой. Когда онъ продекламировалъ:

Румянцевъ молнии дхнеть оугубы,

Екатерина — тишину,

онъ, какъ теперь помню, посмотрѣлъ на меня, а у меня слезы такъ и закатились..

Не правда ли, старушка забавна?

К.

75 Волк.

На дняхъ книжка опять завела со мною рѣчь о французской литературѣ. Хотя она уже пожертвовала мнѣ, но Лямартина сильно отстываетъ. Я рѣшительно объявилъ ей, что она въ музыкѣ гораздо-далѣе, чѣмъ въ поэзіи. «Но я не могу вамъ передать на словахъ всего, что я думаю о его талантѣ, я вамъ напишу...» сказала она мнѣ: «я постараюсь вамъ изложить весь мой мысленный образъ о немъ, не знаю только, сумѣю ли. Впрочемъ, чувствую, что я буду дурная его защитница.»

Я принялъ эти слова за шутку, но вчера ко мнѣ пришелъ Ваня и принесъ отъ книжки Mediations Poétiques съ замѣтками карандашомъ. Въ книгѣ я нашелъ листокъ почтовой бумажки, сложенный въ видѣ письма и весь написанный рукою ея по-французски.. Такъ она не шутитъ? О, великій, гениальный Лямартина! безъ тебя

она не стала бы писать по почте Жадно, пробавляя в этой — листок — и потом положить его в карманъ, взявъ книжку Лавинтина, присланную ею, и отправился ходить... Мнѣ закотаю еще перечестъ ея строки гдѣ-нибудь подальше, отъ дома, на свободѣ... Вѣрстѣ отъ княжескаго дома, живописно извивался протекаетъ небольшая рѣчка; одинъ берегъ ея довольно-толмистъ и покрытъ мелкимъ березовымъ кустарникомъ, между которымъ растутъ щиповникъ и дикая малина. Среди кустарника возвышается одна одинокая береза, дождавшаяся тонкоромъ, и на свободѣ широко разросшаяся. Отъ нея идутъ тропинки въ разныя направления вѣтъ внизъ къ рѣкѣ. Здѣсь деревенскіе мальчики и дѣвочки собираютъ малину. Береза эта видна издали, и гуляя, я часто отдыхаю въ тѣни ея развѣсистыхъ вѣтвей и смотрю на противоположный берегъ, гдѣ желтѣютъ поля, засѣяныя овсомъ и рожью, да вдали чернеетъ деревня...

И въ этотъ разъ я отправился къ привычному мѣсту моего отдохновенія, къ этой березѣ. День былъ сѣроватый. — Солнце на мѣнута выглядывало изъ-за облаковъ и потомъ тотчасъ пряталось. Я расположился подъ березою, вынулъ изъ кармана листокъ княжны и въ такомъ уединеніи принялся читать его. Я не сомнѣвался, нѣтъ, — у нея глубокая душа, я говорилъ тебѣ объ этомъ и прежде... Чтò за бѣда, что она увлекается французскими фразами: вѣдь и мы съ тобой эти фразы не различали никогда отъ истинной поэзіи!

Я читалъ и перечитывалъ ея строки; въ головѣ моей опять забродили странныя мысли, несбыточные картины... И все это было для меня правдоподобно. Теперь я краснѣю, вспоминая о странномъ состояніи, въ которомъ находился тогда. Другъ! не суди меня строго ходячимъ разсудкомъ, не морщась, читая журналъ мой съ деланною важностію мудреца, не сожалѣй обо мнѣ, какъ о заблуждающемся мальчикѣ. Мнѣ нужно теперь твое сочувствіе, мнѣ необходимо въ эту минуту ты, съ твоею беззаветно-любящею душою!

Вдругъ вблизи меня кусты зашевелились, я привсталъ и увидѣлъ любимца княжны, Ваню, который за часъ передъ тѣмъ привнесъ мнѣ отъ нея книгу. — Охъ, обѣдалъ по тропинкѣ къ рѣкѣ, несколько, кажется, не подозревая, чтобы кто-нибудь за нимъ подсматривалъ. Меня удивило, что рѣчь такъ далеко отъ дома и одинъ. Обѣда въ подлѣбѣ, Ваня сталъ на колѣна и поклонился къ водѣ, чтобы спустить гораб мнѣ, окладившій пскулою изъ картонной

бумаги, — свою новую игрушку, которую онъ показывалъ мнѣ въ восторгѣ наканунѣ... Спущенный на воду корабликъ заколыхался и скоро остановился безъ движенія... Ваня сталъ поправлять его палочкой, но корабликъ его не слушался и не двигался съ мѣста. Онъ бросилъ палочку въ воду и легъ на песокъ, облокотясь на руку. Я спустился тихонько внизъ, и изъ-за куста смотрѣлъ на него. Онъ лежалъ серьезно, будто думалъ о чемъ-то, не спуская глазъ съ рѣчной поверхности. Наконецъ вскочилъ, поднялъ камень и съ досадою бросилъ его прямо въ середину кораблика — и корабликъ вмѣстѣ съ камнемъ пошелъ ко дну. Ваня засмѣялся, бросилъ еще камень въ воду и хотѣлъ бѣжать на гору, — но я вышелъ къ нему на встрѣчу — и онъ, удивленный, остановился.

— Ваня, какъ ты это очутился такъ далеко отъ дома? спросилъ я его.

«Я ушелъ тихонько. Маменька все велитъ мнѣ гулять въ палисадникъ, а палисадникъ такой узенькій, тамъ скучно. Маменька велитъ мнѣ спускать мой корабликъ въ прудъ, а прудъ заросъ травой...»

— Зачѣмъ же ты утопилъ свой корабликъ?

«А за тѣмъ, что онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ плавалъ.»

— Онъ не могъ плавать, потому-что нѣтъ вѣтра...

«Если не могъ плавать, такъ и не нужно его. Когда вы пойдете съ княжной кататься по озеру, вы возьмете меня съ собой?»

— Какъ съ княжной? Отъ-чего же ты думаешь, что я непременно поѣду съ нею?

«Она васъ любитъ, такъ вы съ нею и пойдете.»

— Развѣ она меня любитъ? Кто тебѣ сказалъ?

«Она меня про васъ все спрашиваетъ, я ей рассказываю, какъ у васъ бываю. И меня она любитъ, и про меня все спрашиваетъ у папеньки.»

Я раздаловалъ Ваню, я почти готовъ былъ повѣрить словамъ его... Онъ дитя? да вѣдь иногда дѣти видятъ лучше взрослыхъ... Ваня вырвался отъ меня: ему надобли мои жаркія ласки — и онъ убѣжалъ.

Было около четырехъ часовъ, когда я возвратился домой, и пошелъ въ комнаты къ Рябинину, но онъ уѣхалъ въ Москву. Жизнь деревенская, кажется, не-по-немъ. Онъ не шутя полюбилъ Англій-
Т. X.—Отд. III.

скій Клубъ и иногда возвращается оттуда часу въ вѣсьмомъ утра, проигравъ цѣлую ночь въ палки.

«Палки игра занимательная» говоритъ онъ. «Почему изрѣдка не позволить себѣ подурачиться? Это мой отдыхъ отъ занятій мысленныхъ. Когда голова отягчится отъ напора идей, я беру въ руки карты, и головѣ станетъ сей-часъ легче.»

Не найдя Рябинина, я отправился къ князю, и у большаго подъѣзда встрѣтилъ дворецкаго. Онъ шелъ съ свойственною ему важностию въ бѣломъ накрахмаленномъ галстухѣ.

«Александръ Игнатьевичъ, мое почтеніе» сказалъ онъ, кланяясь мнѣ. «Гдѣ, сударь, гулять изволили? Правда, вы домосѣдъ, не то, что г. Рябининъ: по его милости такъ четверню за четверней и гоняють въ городъ. Сами знаете, теперь жаръ; лошади хорошія, непривычныя къ такой гоньбѣ; да и по-мѣму деликатность надо знать... И что такое въ немъ князь находитъ? Удивляюсь и вамъ тоже, Александръ Игнатьевичъ, вѣдь это вы, сударь, его вышисали?»

— Есть кто-нибудь наверху? перебилъ я его.

«Г. Анастасьевъ. Онъ на-дняхъ только пріѣхалъ въ Москву, и то, говорятъ, ненадолго. Живетъ онъ болѣе въ чужихъ краяхъ. Я знавалъ его покойнаго родителя; и его видѣлъ такого маленькаго, съ моего Ванюшу не больше, а посмотрите-ка теперь: молодчикъ, я вамъ скажу. Покойный старикъ жилъ бариномъ, открыто, но при всемъ томъ разсчетливо, хоть у него стояли сундуки биткомъ набитые золотомъ и серебромъ, хоть у него денегъ-то куры не клевали, за то теперь у сына несмѣтныя суммы, между нами сказать.»

Кто не знаетъ про чудовищное богатство Анастасьева? Странную исторію о томъ, какими средствами разжился его дѣдушка, въ началѣ царствованія Екатерины, какъ потомъ онъ сталъ счастливо торговать и хитро ворочалъ огромными капиталами, слышалъ и я нѣскольکو разъ отъ матушки да отъ старушекъ, ея пріятельницъ. Въ этихъ разсказахъ былъ простодушно перемѣшивалась съ самыми смѣшными небылицами. Богатство всетворящее и всепокоряющее доставило отцу Анастасьева въ молодыхъ лѣтахъ мальтійское командорство и съ нимъ великолѣпный красный мундиръ. Онъ сдѣлался человѣкомъ знатнымъ, и всѣ позабыли о его происхожденіи и о томъ, что дворянскій гербъ его такъ недавно вышелъ изъ Герольдіи, что на немъ еще не успѣли обсохнуть краски.

Человѣкъ сметливый, пользуясь благопріятными обстоятельствами, для приданія себѣ еще большаго величія, онъ породнился съ однимъ несостоятельнымъ графомъ, и такимъ образомъ сынъ его сдѣлался неотъемлемою принадлежностью большаго свѣта.

Въ послѣднее время, въ Петербургѣ, когда я вель, какъ тебѣ извѣстно, отъ внутренней пустоты жизнь бродячую и безумно-разгульную, среди самыхъ свирѣпыхъ петербургскихъ людей,—я составилъ себѣ по словамъ ихъ какое-то странное и фантастическое понятіе о молодомъ Анастасьевѣ. Они всѣ, даже и старшины ихъ, питали къ нему большое уваженіе; они говорили, что онъ надѣленъ всеми блистательными и неопѣвенными качествами героевъ проходящаго поколѣнія, нисколько не походя на нихъ, то-есть, что можетъ выпить бутылку шампанскаго не отнимая ея отъ губъ и не поморщиваясь; согнуть полуимперіаль безъ всякаго усилія; выстрѣлить въ сердце туза изъ пистолета на ужасномъ разстояніи; имѣть въ одно время десять любовницъ въ обществѣ и крайней-мѣрѣ пять на сценѣ, которыя бы всѣ вмѣстѣ и каждая порознь, тайно или явно, были отъ него въ восторгѣ; но что онъ не поддается ни однимъ изъ этихъ неопѣвенныхъ качествъ: къ-сожалѣнію, пьетъ безъ особенной охоты, силой своей никогда не хватается, напротивъ даже кажется слабымъ, изнѣженнымъ; на женщинъ смотритъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ, безъ всякаго однако желанія корчить разочарованнаго, и вотъ чего, не смотря на всѣ его достоинства, они не прощали ему—выбѣгаетъ въ общества!

Ко всему этому прибавляли, отдавая ему заслуженную дань удивленія, что онъ одѣвается съ такимъ вкусомъ, какъ никто, да еще хвалили его за то, что въ-продолженіе года онъ никакъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ проводитъ въ Россіи.

Ты поймешь, какъ, послѣ такихъ описаній, мнѣ любопытно было увидѣть Анастасьева.

И я увидѣлъ его, и онъ, какъ это всегда случается, когда мы заранѣе составляемъ въ головѣ идеаль человѣка почему-либо интересующаго насъ, вовсе-непохожъ на этотъ идеаль. Въ немъ нѣтъ ничего такого, что бы поразило съ перваго взгляда. Средняго роста, болѣе худощавый, чѣмъ полный, блѣдный, съ темными коротко-подстриженными волосами, онъ не отличается своею наружностію ничѣмъ отъ другихъ: взглянувъ на него, никакъ не представишь себѣ, чтобы онъ могъ совершать тѣ исполинскіе

подвиги, о которыхъ я слышала. У него, какъ и у многихъ, на тоненькомъ шнуркѣ виситъ тоненькій черепаховый лорнетъ; только, надо отдать ему справедливость, онъ дѣйствуетъ имъ съ особенною ловкостію: вотавляетъ его въ глазъ безъ всякихъ усилій и смотритъ въ него безъ малѣйшей гримасы; въ покровъ его чернаго сюртука нѣтъ ничего новаго, но, правда, онъ сидитъ на немъ съ изумительною ловкостію; въ его движеніяхъ, въ его разговорѣ непринужденность доведена до небрежности, какъ у многихъ, но эта небрежность въ другихъ непріятна, а въ немъ ничего. Я думаю, это отъ-того, что онъ не желаетъ казаться чѣмъ-нибудь, а кажется тѣмъ, чѣмъ есть въ-самомъ-дѣлѣ. На княжну смотритъ онъ такъ спокойно, такъ равнодушно, какъ на самую обыкновенную дѣвушку, — на нее-то, Боже мой! передъ которой

..... остановишься неволью...

Послѣ обѣда, князь, княжна и Анастасьевъ пошли въ садъ, а я, стоя на балконѣ, смотрѣлъ на нихъ, то-есть смотрѣлъ на нее. Она взглянула вверхъ, увидѣла меня и, улыбаясь, кивнула мнѣ головою... Чтѣ ты скажешь о ея внимательности ко мнѣ? Можетъ-быть, она... но нѣтъ, ты назовешь меня *мечтателемъ*, а для меня это слово ужасно-противно, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ княжна спросила меня насмѣшливо: не мечтаю ли я? Мнѣ кажется, что между мечтаніемъ и сантиментальничаньемъ нѣтъ никакой разницы. И въ томъ и въ другомъ словѣ заключена идея возмутительнаго безсилія и разгнѣнія, и то и другое слово отзывается безпутностію XVIII вѣка и его кощунствомъ, соединеннымъ съ нѣжными ощущеньицами...

Однако, она обернулась назадъ и улыбнулась мнѣ: это я видѣлъ не въ мечтѣ, а наяву. Она знала, что я буду смотрѣть на нее, иначе для-чего бы ей было обертываться, для-чего бы ей было глядѣть на-вверхъ?... И я точно смотрѣлъ на нее, тихо идущую по темной аллеѣ, въ бѣломъ платьѣ. Хорошо бѣлое платье на всякой дѣвушкѣ въ саду, въ зелени, а на ней...

Но вотъ, эта несносная старушонка притащилась на балконъ.

— Гдѣ князь? проворчала она, смотря на меня.

«Князь въ саду» отвѣчалъ я.

— И княжна въ саду?

«Да, вонъ они идутъ по аллеѣ.»

Старушка приставила свою руку въ перстняхъ къ глазамъ и смотрѣла въ садъ.

— А третій-то кто?

«Анастасьевъ...»

— А-а-а! Чтò это онъ я иди-то прямо не можетъ, весь разкисъ. Это молодые люди! Господи-Боже мой... Потрудитесь-ка мнѣ поставить большія кресла сюда.

Нечего дѣлать, я долженъ былъ подставлять ей кресла.

— Поближе къ периламъ, такъ, хорошо; покорно васъ благодарю, батюшка. И, разсѣвшись въ креслахъ, она начала мыслить въ слухъ:

—Отъ-чего же это въ наше время молодые люди были выгнанные, какъ струночки, сидѣли прямо, говорили обращаясь къ каждому съ аттенціей, передъ старшими показывали особенное уваженіе, и свое мнѣніе провозносили послѣ всѣхъ, скромно, съ приличіемъ, съ болзнію не проговориться, не сказать что-нибудь лишнее?..

Дѣйствіе лѣтняго теплаго вѣтерка прекратило ворчанье старушки; она сначала потупила глаза въ свои перстни и начала произносить тиге, тиге какія-то невнятные слова, потомъ совсѣмъ закрыла глаза, но еще губы и подбородокъ ея долго шевелились..

Я оставилъ балконъ, пройдя на ципочкахъ мимо дремлющей старушки.

Скоро пріѣхалъ Рябининъ. Онъ на этотъ разъ послѣ обѣда не хотѣлъ оставаться въ клубъ, потому-что дня три передъ этимъ порядочно проигрался.

—Сегодня въ клубъ, сказалъ онъ мнѣ: обѣдъ посредственный... (Я нарочно отъ слова до слова передаю тебѣ его разговоры со мною, чтобы ты могъ живѣе и во всей подробности представить его.)—весьма посредственный; хорошо еще, что у меня аппегита не было, спросилъ себѣ бутылку мадеры и одинъ провозился съ нею. Рюмка за рюмкой, и раздумался я о тебѣ.

«Чтò же ты думалъ обо мнѣ?»

— Много и очень-много! Ты мнѣ кажешься подозрительнымъ, и онъ погрозилъ мнѣ.

«Подозрительнымъ?» спросилъ я.

— Не притворяйся! Ты понимаешь въ чемъ дѣло. Ты разлюбилъ меня, а иначе былъ бы со мною откровеннѣе.

«Разтолкуй же мнѣ, чтò ты хочешь сказать?»

—Гм! разтолковать!.. Рябининъ положилъ руки на мои плеча и сказалъ мнѣ протяжно: посмотри на меня прямо, открыто.

Я не могъ не разсмѣяться, смотря на него.

— Смѣешься, плутъ?... На твоёмъ лицѣ я читаю все, все; отъ меня не укроешься. И за чѣмъ бы, казалось, укрываться отъ меня? Я передаю тебѣ то, что еще и не выработалось въ моей внутренней лабораторіи, сокровенное сердца моего тебѣ извѣстно, а ты себѣ на умъ... Но предисловія всѣ въ сторону. Я знаю, ты любишь. Такъ ли?

«Да напрасно ты думалъ, что я стану передъ тобой скрыватьсь.»
Рябининъ задумался и опустил голову.

— Кого любишь, спрашивать мнѣ нѣчего— я знаю. И мнѣ это горько, потому-что любовь твоя не такая, какъ бы должна быть... Не возражай мнѣ... Морали я тебѣ читать не буду, не бойся, а объявить тебѣ долженъ, что ты затѣялъ игру опасную. Эти княжны по-большой-части отличныя куколки, нарядныя, красивыя. Ихъ поставить бы подъ стеклянный колпачекъ да и любоваться ими. Издалека, въ театрѣ, въ экипажѣ, на балконѣ, на гуляньѣ смотри на нихъ сколько душѣ угодно. Пожалуй, люби ихъ, но чистою любовію художника, какъ любишь отличныя картины въ богатой галлерей. Влюбляться же въ нихъ, какъ влюбляются молодые и пылкіе люди, сохрани Боже и помилуй! Притворяться влюбленнымъ, для какой-либо цѣли, почему не такъ,—противъ этого я ни слова.

Эта длинная тирада взбѣсила меня.

«Притворяться для какой-нибудь цѣли?» закричалъ я: «это подло и низко; ты самъ не знаешь, что говоришь...»

— Въ жару не можегъ и шутки понять! Молодая кровь!

«Увѣрять» продолжалъ я: «что всѣ княжны не болѣе, какъ нарядныя куклы—старо и нелѣпо. И почему ты ихъ знаешь? развѣ ты былъ въ большомъ свѣтѣ? развѣ только одно среднее сословіе по-гвдему пользуется привилегіями на глубину души, на истинное чувство?...»

—Погоди! съ дьявольскимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ мнѣ Рябининъ:— ты забросалъ меня словами. Я далекъ отъ такой нелѣпости; положимъ, что я говорю неправду, что всѣ эти княжны, безъ исключенія, такъ же хороши внутренно, какъ и наружно; увѣрять, что твоя княжна выше и глубже ихъ всѣхъ, но я тебѣ только спрошу одно: если любовь твоя не очищена отъ земнаго сора, къ чему поведетъ тебя она? Отвѣчай.

Вопросъ этотъ я предвидѣлъ и на него я отвѣчалъ то же, что нѣкогда писалъ къ тебѣ: «не знаю».

— Отъ не знаю производять всё бѣды и несчастія наши. На авось жить нельзя: надобно заравѣ обдумывать каждый шагъ впередъ—что, и почему, и для чего? Тогда только и будешь пользоваться спокойствіемъ и счастьемъ...

«Когда любишь, тутъ не до расчетовъ, любезный! только люди бездушные и ограниченные . . .»

— Главное, не горячись—и выслушай меня, поуспокоивъ свое волненіе. До-сихъ-поръ я молчалъ; но ты вынуждаешь меня выговорить то, чего я доселъ никому не выговаривалъ и что бы унесъ съ собою въ могилу. Сердце мое давно указало мнѣ на предметъ высокій и недоступный для меня, и, сильно забившись, сказала: вотъ мой выборъ, повинуйся мнѣ! И я повиновался ему, и полюбилъ избранницу моего сердца; моя любовь къ ней изливается въ пѣсни, въ молитвѣ, въ благоговѣйномъ созерцаніи красоты ея; этою любовію я невольно служу искусству. Бывало, идешь, она повстрѣчается, взглянешь на нее, и отъ этого взгляда рождается стихотвореніе. Сила воли сняла съ любви моей земную, чувственную кору, и улетучила ее, одухотворила. Такая любовь свѣтла и возвышенна, ее прячу я отъ людей. Это моя святыня, а остальное все въ жизни моей—математика, расчетъ. Стало-быть, видишь ли, не одни люди ограниченные рассчитываютъ. Люби свою княжну такую любовію, таи это чувство отъ всѣхъ, даже отъ нея самой, и живи имъ, и просвѣтляйся имъ. Такая любовь поведетъ тебя ко благу, а всякая другая къ гибели. Но, лепя въ душѣ небесное, не пренебрегай земнымъ: земное само по себѣ. Посмотри на меня: я умѣю сочетать одно съ другимъ. За доброе же слово не сердись. Обнимемся и поцалуемся.

Мы поцаловались.

Рѣчь Рябинина очень - краснорѣчива; только въ ней больше фразъ, чѣмъ истины, отъ-того она не произвела на меня надлежащаго дѣйствія. Я самъ нѣкогда, въ спокойномъ состояніи, разсуждалъ о неземной любви, но теперь ясно для меня, какъ Божій день, что любовь, о которой толковалъ Рябининъ, не любовь живая и дѣйствительная, а просто мечта смѣшная и ребяческая. Мнѣ кажется, онъ меня мистифировалъ. Желалъ бы я узнать предметъ его вдохновеній, на который указало ему сердце. Но, статья можетъ, этотъ предметъ не существуетъ, и какъ новый Петрарка, онъ создалъ себѣ свою Лауру для приданія себѣ еще большей таинственности, которою онъ такъ любитъ окружать себя. . .

XII.

7 августа.

Трудно передать тебѣ то состояніе духа, въ которомъ я нахожусь послѣднее время. Я сдѣлался ко всему нестерпимо-равнодушнѣ; книги ужасно надоѣли мнѣ, я не могу ничего читать. Даже если бы кто-нибудь пришелъ и сказалъ мнѣ: вотъ произведеніе Гёте, недавно найденное; оно выше всѣхъ извѣстныхъ его произведеній, вся литературная Европа отъ него въ страшномъ волненіи, о немъ только и говорятъ и пишутъ, — я выслушалъ бы все и не взялъ бы труда взглянуть на такое поэтическое чудо. Мало того, если бы дрезденская Мадонна очутилась сейчасъ передъ моими глазами, я взглянулъ бы на нее безъ всякаго участія, какъ на тѣ масляныя картины въ рамахъ, которыя носятъ въ Москвѣ по Тверскому Бульвару, а въ Петербургѣ по Невскому Проспекту. Если бы *ты* вдругъ предсталъ передо мною, перенесенный изъ Рима въ подмосковную какими-нибудь чародѣйскими силами, — я и на тебя, кажется, безцѣнное сокровище мое, не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія... Я только и живу ею, только и перечитываю ея листки, и смотрю на нее, и слушаю ее; для меня только одно искусство вполне существуетъ въ эту минуту — музыка. Музыка наполняетъ душу мою стремленіемъ необъяснимымъ и безконечнымъ. И чѣмъ болѣе вслушиваюсь я въ ея пѣніе, тѣмъ болѣе расширяется во мнѣ это отрадное чувство любви, и грудь, иногда стѣсняемая болзливимъ предчувствіемъ, начинаетъ дышать свободно... Я жажду звуковъ, божественныхъ звуковъ... таинственный міръ окружаетъ меня, когда раздаются эти звуки... я блаженствую.

Бѣдная кисть моя! Лежи въ бездѣйствіи, покрытая пылью: я долго не прикоснусь къ тебѣ. Богъ съ тобою! ты ни раза не доставила мнѣ такихъ благодатныхъ минутъ!

Князь нѣсколько разъ шути замѣчалъ мнѣ, что во мнѣ онъ находитъ всѣ признаки истинныхъ художниковъ, и между-прочимъ необыкновенное разсѣяніе.

— У кого безпрестанно носятъ въ головѣ различныя мысли и образы, тому немудрено быть разсѣяннымъ, сказалъ онъ мнѣ. Я это совершенно понимаю.

У меня мысли и образы! Если бы онъ зналъ, что у меня нѣтъ другой мысли, кромѣ мысли о ней, о его дочери; что передо мною нѣтъ другаго образа, кромѣ ея...

Рябининъ изподтишка, кажется, посылбвается надо мною; сиди же со мною масдинъ, онъ уже не читаетъ мнѣ проповѣдей, но молча помаваетъ головой и порой, грозя пальцемъ, произноситъ съ разстановкою:

— Страшно! тебя и узвать нельзя; ты сталъ ни на что непохожъ.

Въ Англійскомъ Клубѣ онъ свелъ знакомство съ однимъ изъ самыхъ толстыхъ московскихъ франтовъ, который замѣчательнъ своимъ парикомъ à la touçjik, отлично сдѣланнымъ, и своимъ необычайнымъ знаніемъ въ гастрономіи. Этотъ господинъ—толстый франтъ, у себя дома обѣдаетъ отъ пятиго до девятаго часа, а въ клубъ прѣзжаетъ обѣдать, когда всѣ выходятъ изъ-за стола, и полвечера остается въ столовой залѣ.

— Люблю его, говоритъ Рябининъ:—ѣсть славно, съ аппетитомъ; на него смотреть любо. Какой у него ростбифъ, а вина, вина—какихъ нѣтъ въ цѣлой Москвѣ. Чудесный человекъ!.. Такими людьми пренебрегать не должно: ѣда—не послѣднее въ жизни...

Привычка мистифировать у Рябинина дошла до такой степени, что онъ, забываясь, говорить и со мной такъ же, какъ съ людьми мало знакомыми, которыхъ онъ хочетъ удивлять и поражать.

Онъ ничего не знаетъ о нашей литературной перепискѣ съ княжною. На первый листокъ ея ко мнѣ о Ламартинѣ я отвѣчалъ ей предлиннымъ посланіемъ, и послѣ того получилъ отъ нея три письма. Я могу назвать эти листки ея, адресованные ко мнѣ, письмами. Не такъ ли? Въ нихъ идетъ рѣчь не объ одной литературѣ. Она такъ добра, что дѣлаетъ часто отступленія отъ главнаго предмета, и сколько прекраснаго, поэгическаго въ этихъ отступленіяхъ... Въ нихъ виднѣнъ ея свободный, самостоятельный духъ, ея независимость отъ пошлыхъ свѣтскихъ мнѣній. Нѣкоторыя строчки заставляютъ меня крѣпко задумываться; я вчитываюсь въ нихъ—и то, что живетъ во мнѣ, какъ предчувствіе, какъ возможность, начинаетъ будто осуществляться, переходить въ явленіе дѣйствительное. Я не убѣжденъ, что она любитъ меня, но не сомнѣваюсь въ томъ, что она отличаетъ меня отъ другихъ. Я счастливъ, слишкомъ счастливъ, и въ самыя страшныя минуты недоумѣнія я все счастливъ... она отличаетъ меня отъ другихъ!..

Теперь, ненужна мнѣ эта извѣстность, которой добивался я изъ всѣхъ силъ, ненужна мнѣ и слава, нѣкогда въ жаркихъ юношескихъ грезахъ являвшаяся мнѣ во всей лучезарности. Все это такъ бѣдно, жалко и ничтожно! Еслибы она сказала мнѣ: брось все ио-

куство, я не хочу, чтобы ты былъ живописецъ, иди за мною, — я бросялъ бы все и пошелъ за нею. Любить — высшее назначеніе въ жизни... Да... Но я слышу твой голосъ, ты мнѣ произносишь свой тяжкій приговоръ, ты изгоняешь меня изъ свѣтлой храмины искусства... Погоди, другъ... Можетъ-быть, я еще не въ состояніи отказаться отъ искусства; можетъ-быть, все, что я сказалъ тебѣ сію минуту, ложь, — не вѣрь мнѣ. Разстанусь ли я навсегда съ моею кистію? Нѣтъ! Въ Италіи, обновленный, примусь я за нее снова, и не обману тѣхъ надеждъ, которыя ты, другъ, возлагалъ на меня, помнишь ли? давно, давно... Обо мнѣ опять заговорять...

Что ты не пришлешь о себѣ никакой вѣсти? Не сердить ли ты на меня? Подвигается ли твоя картина? Окончишь ли ты ее къ моему пріѣзду? Последнее письмо твое и первое, полученное мною здѣсь, произвело на меня самое пріятное впечатлѣніе. Спасибо тебѣ за славные рассказы о твоёмъ чужеземномъ житьѣ... Ты требуешь отъ меня подробностей о моей жизни?... Журналъ мой, который я веду довольно-беспорядочно и отсылаю къ тебѣ акуратно, нельзя, я думаю, упрекнуть въ недостаткѣ подробностей, а скорѣе въ излишней словоохотливости... Что дѣлать? Мнѣ хочется передать тебѣ все; ты вызвался слушать, такъ слушай же, добровольный мученикъ мой!

.. Она отличаетъ мѣня отъ другихъ; но меня беспокоитъ Анастасьевъ. Онъ пріѣзжаетъ сюда вслѣдствіе... Не называй беспокойство мое ревностію. Могу ли, и смѣю ли я ревновать ее? Къ-тому же этотъ Анастасьевъ по-видимому холоденъ, какъ ледъ; онъ сидитъ возлѣ нея, онъ говоритъ съ ней, но такъ нѣ-хотя, будто для того, что надобно же говорить съ кѣмъ-нибудь и о чемъ-нибудь. Равнодушіе его ко всѣмъ, ко всему изумительно, какъ-будто для него нѣтъ въ жизни ничего новаго, какъ-будто онъ все видѣлъ, все испыталъ, — и все надобно ему. Однажды зашла рѣчь о чьихъ-то стихахъ, онъ улыбнулся и, протягиваясь на диванѣ, сказалъ точно сквозь сонъ: «Не-уже-ли находятся люди въ наше время, которые читаютъ стихи?... Стихи — это пустыя погремушки; стоить переложить хоть Байрона въ прозу, чтобы убѣдиться въ этомъ.» Въ другой разъ князь спросилъ его: знаетъ ли онъ остроумное замѣчаніе Леписье о Корреджіо?»

Онъ покачалъ головой.

— Превозходное замѣчаніе, продолжалъ князь: — *Корреджіо*, го-

ворить Леписъе: *не хотльмъ подражать никому, а Корреджіо никто не могъ подражать.*

«Можеть-быть, это остроумно» отвѣчалъ Анастасьевъ: «только не знаю справедливо ли? Я никогда не бралъ на себя труда изучать ни Рафаэлей, ни Корреджей; это очень-скучно, да къ-тому же и отнимаетъ много времени.»

Князь немножко нахмурился, а Рябининъ наклонился къ моему уху и шепнулъ :

— Иностраннѣе-то журналисты видно не лучше нашихъ. Этого господина нарекли они просвѣщеннымъ любителемъ художествъ. Видишь ли, какъ важны деньги? Съ деньгами дадутъ тебѣ какой хочешь титулъ.

Нѣтъ, Анастасьевъ не можетъ нравиться княжвѣ,—ей, полной жизни, для которой нужна и радость, и грусть, и тоска, и нѣга. У нея нѣтъ съ нимъ ничего общаго, но вопросъ: для чего же онъ беспокоитъ себя, дѣлая ежедневно сорокъ верстъ сюда и назадъ— не разрѣшился для меня.

Впрочемъ у меня начинается подозрѣніе, что онъ въ нѣкихъ случаяхъ бываетъ не такъ хладнокровенъ, какъ всегда, и посѣщаетъ домъ князя такъ часто не безъ цѣли. Дней десять тому, часу въ девятомъ вечера, возвращаясь изъ сада, гдѣ мы ходили съ Рябининымъ, я вошелъ въ ту комнату, въ которой первый разъ увидѣлъ ее. Она сидѣла за роялемъ, какъ и тогда; одна рука ея лежала неподвижно на клавишахъ, голова ея была обращена къ нему, а онъ, развалившись, по своему обыкновенію, въ креслахъ, что-то изволилъ рассказывать ей. Увидѣвъ меня, онъ приставилъ къ глазу свой лорнетъ, и посмотрѣлъ на меня довольно-выразительно. Ему было явно досадно, что я вошелъ въ комнату. Княжна заговорила со мной, и онъ еще разъ приставилъ къ глазу лорнетъ, обернувшись ко мнѣ. Въ первый разъ онъ удостоилъ меня своимъ вниманіемъ, и то неблагоклоннымъ.

Третьяго-дня послѣ обѣда я разсматривалъ съ княжной виды Швейцаріи; она посвяляла мнѣ гравюры, указывала на тѣ мѣста, которыя болѣе всѣхъ ей нравились; она чрезвычайно - поэтически перенеслась въ прошедшее... Я, упоенный, внималъ ей. И ты можешь представить себѣ, какъ мнѣ было непріятно въ такую минуту услышать голосъ Анастасьева, который подошелъ къ княжнѣ.

— Вы занимаетесь воспоминаніями?

«Да» отвѣчала она холодно.

— Швейцарія была бы страной довольно-сносною, если бы не отзывалась первобытною невинностію, которая такъ нелѣпо отражается въ пастушескихъ костюмахъ ея обитателей.

Княжна молчала.

— Я сегодня чувствую большое разположеніе къ верховой ѣздѣ, продолжалъ онъ:— и вы не чувствуете ли того же, княжна?

«Въ-самомъ-дѣлѣ, я побѣду» отвѣчала она.

— Что жь! прекрасно; мы составимъ кавалькаду... Гдѣ ваша миссъ Дженни? надобно ее выписать... А вы поѣдете? спросилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— «Я не ѣзжу верхомъ» отвѣчалъ я.....

Черезъ четверть часа три осѣдланныя лошади стояли у подъѣзда; около ихъ хлопотали княжескіе жокеи и конюхи; между ними проаживался и дворецкій князя въ бѣломъ накрахмаленномъ галстухѣ, въ качествѣ величайшаго охотника до лошадей.

Княжна скоро вышла въ своемъ синемъ амазонскомъ платьѣ; манишка на груди ея была застегнута тремя бирюзовыми запонками, она держала въ рукѣ небольшой хлыстикъ съ бирюзовою головкой; синій вуаль ея, откинутый назадъ, развѣвался, когда она шла... Ты простилъ бы мнѣ мою безумную любовь къ ней, увидѣвъ ее въ эту минуту!

Она подошла ко мнѣ и спросила отъ-чего я не хочу ѣхать? и ожидала отвѣта моего, приложивъ свой хлыстикъ къ губамъ.

О, чего бы не отдалъ я, чтобы умѣть только ѣздить верхомъ, только бы сидѣть на лошади, не боясь свалиться съ нея!

Я отвѣчалъ ей, что не умѣю ѣздить верхомъ.

— Вы шутите? сказала она, удивленная.

«Я нисколько не шучу, княжна.

— Право? это жалко! вы не имѣете понятія объ одномъ изъ величайшихъ удовольствій въ жизни.

И она обратилась къ Анастасьеву:

— Я готова.

«Такъ скоро? А я думалъ, что вы уже раздумали ѣхать? Поѣдете, и я готовъ.» Онъ взялъ свою шляпу.

Тутъ только я въ первый разъ вполне понялъ, какая разница между мною и истинно-свѣтскимъ человѣкомъ, и какая пропасть раздѣляетъ меня отъ нея. Я показался гадокъ и жалокъ самому-себѣ; я стоялъ уничтоженный, подавленный мыслию, что она только изъ одного приличія не смѣется явно надо мною; что навѣрно Анастасьевъ броситъ ей какую-нибудь остроумную фразу на мой

счсть — и она улыбнется этой фразь... И холодный потъ высту-
паль у меня на лицъ при такой мысли.

Въ-слъдъ за княземъ, за старушкой съ усиками и Рябинивывгъ,
потащился я любоваться на княжну и на него. Мы, зрители, оста-
новились у подъзда. Княжна садилась на свою лошадь, и онъ под-
держиваль ее, онъ поправляль ея стремя и, кажется, коснулся но-
ги ея. Около миссъ Дженни онъ совсъмъ не такъ ухаживаль. По-
томъ подвели и ему лошадь, которая была гораздо-бойчье дамскихъ
лошадей. Она давно копытомъ рыла песокъ и ржала нетерпливо.
Дворецкй гладиль ея плечо съ самодовольнымъ лицомъ и сказалъ
Анастасьеву таинственно, когда тотъ поставиль ногу въ стремя:
«Лошадка славная, сударь, дорогая; только сердита, не приведи Богъ
какъ сердита и боится щекотки. Извольте поостеречься.»

Не слушая этихъ предостереженй, онъ съ ловкостю и смъло-
стию вскочиль на лошадь, но та, почувствовавъ на себъ незнако-
мага всадника, стала на дыбы, замотала головой, отряхивая гриву
и намъреваясь сбросить съ себя дерзкаго. Испуганный князь за-
кричалъ что-то своимъ конюхамъ; старушка затряслась отъ стра-
ха; княжна поблднъла и поворотила свою лошадь въ сторону;
Англичанка завизжала, и жокей схватиль ея лошадь за узду; дво-
рецкй кричалъ въ отчаянй: «говориль вамъ, сударь, что эта ло-
шадь боится щекотки!»

Я смотръль на Анастасьева. Лицо его не выражало не только
страха, даже ни малъйшаго безпокойства,—точно будго онъ лежалъ
на диванъ. Конюхи хотъли подбъжать къ нему, но онъ сдълалъ
знакъ головой, чгобы они остались на мвстъ. Будто прикованный,
не шевелясь въ сдлъ, сдавилъ онъ бъшеную лошадь своими но-
гами и какимъ-то способомъ, не умъю сказать тебъ, осадиль ее,
а она попятилась назадъ и, вфроятно, почувствовавъ уваженй къ
своему всаднику, остановилась какъ вкопанная. Тогда онъ тихо
пробъхаль кругомъ зеленой площадки. Я убъдился, что слухи о его
силъ имъюютъ основанйе. Княжна съ замътнымъ удовольствйемъ по-
смотръла на него; князь прошепталъ: «славный взокъ»; старушка
съ усиками пошевелила губами; дворецкй подняль голову вверхъ
отъ удивленй и поправиль свой накрахмаленный галстухъ.

Княжна кланялась Ванъ, который прибъжалъ къ концу общей
тревоги, и погрозила ему хлыстикомъ. Кавалькада двинулась. Ста-
рушка съ усиками заговорила:

— Не знаю, князь, какъ это вы позволете своей дочери вьднить
верхомъ; мнъ это удивительно. Ну, долго ли до бьды? примърь

былъ сей-часъ передъ вами. Да и женское ли это дѣло, позволѣте спросить васъ? Отъ-чего я не имѣла этой глупой охоты, да и никто изъ моихъ сверстницъ — ни дочь князя Ивана Григорьевича, ни графиня Анна Александровна, никто!

Съ этимъ словомъ, она съ важностію подала князю свою руку, и онъ повелъ еѣ на-верхъ. Анастасьевъ ѣхалъ рядомъ съ княжной, немного наклонясь къ ней, какъ человѣкъ говорящій.

— О чемъ задумался? сказалъ мнѣ Рябининъ. Посмотри на сего молодого человѣка. Онъ взялъ Ваню на руки и поднесъ его ко мнѣ.—Видишь ли какой умница: онъ ни о чемъ не думаетъ. Поцалуй меня... ну...

«Какъ вы страшно протягиваете губы!» закричалъ Ваня, вырываясь изъ его рукъ: «меня княжна цалуетъ; васъ я не хочу цаловать.»

Рябининъ опустилъ сго на землю и обратился ко мнѣ:

— Онъ счастливѣе, братецъ, насъ съ тобою. Его цалуютъ княжны, а насъ съ тобой княжны не поцалуютъ.

ХІІІ.

27 августа.

Анастасьевъ ѣздитъ сюда часто, какъ и прежде, и все также зѣваетъ, лежитъ, произноситъ слова не-хотя, приставляетъ къ глазу лорнетъ; княжна, по всѣмъ моимъ замѣчаніямъ, рѣшительно равнодушна къ нему; обращеніе же ея со мною становится дружескимъ: она сказала мнѣ, что отвѣты мои на ея литературныя письма ко мнѣ будутъ всегда хранить у себя... Правда ли это? для-чего она говоритъ это? къ-чему мучительно раздражаетъ во мнѣ непреодолимое чувство любви, которая начинатьъ страшить меня, когда я рѣшаюсь заглядывать въ себя?...

... Дурную вѣсть я сообщу тебѣ: третьяго-дня князь поразилъ меня и Рябинина, и, признаюсь, ударъ этотъ обоимъ намъ былъ очень-чувствителенъ, потому - что совершенно неожиданно. Онъ прислалъ просить насъ къ себѣ утромъ равнѣ обыкновеннаго и объявилъ намъ, что, по непредвидѣннымъ домашнимъ обстоятельствамъ, онъ долженъ отложить свою поѣздку въ чужіе края до слѣдующей весны. «Не пугайтесь этого» сказалъ онъ въ-заключеніе: «прошу васъ, не пугайтесь. Наши планы остаются неизмѣнными; мы должны ихъ привести въ исполненіе, и приведемъ. Осень и зиму, нѣчего дѣлать, мы вмѣстѣ поскучаемъ въ Москвѣ; однако я постараюсь употребить всѣ средства, чтобы вамъ это время показалось какъ-можно-короче; а тамъ, господь, на вашу родину...

Италія ваша родина, не правда ли? потому-что она колыбель искусства.»

Вышедъ отъ князя, мы посмотрѣли другъ на друга очень-плачевно.

— Чтѣ? какъ ты думаешь объ этомъ? спросилъ я Рябинина.

«А ты?»

— Я, право, не знаю, чтѣ и думать.

«И я тоже. Недоумѣваю, чтѣ это заставляетъ его откладывать поѣзду. Домашнія непредвидѣнные обстоятельства? *Непредвидѣнные обстоятельства* случаются только съ русскими журналистами, а я не зналъ, чтобы таковыя оказія случались и съ русскими князьями.»

— Ты вѣрно не останешься здѣсь до весны?.. Тебѣ Москва не нравится.

Я спрашивалъ это съ маленькою боязнію получить отвѣтъ утвердительный. Оставаться одному въ домѣ князя мнѣ казалось неловко; разстаться же съ этимъ домомъ у меня не достало бы силъ. И какъ я обрадовался, когда Рябининъ произнесъ :

— Правда, что Москву я не люблю, но необходимость и собственная моя... то-есть общая наша выгода, предписываетъ остаться намъ здѣсь. Мы должны играть роль весталокъ, а именно, сторожить въ князѣ тотъ пламень, который зажгли въ немъ къ превосходному литературному и художественному предпріятію, къ изданію путевыхъ записокъ. Отъ этихъ записокъ предвидится намъ большія выгоды. Къ-тому же, я говорю тебѣ все откровенно, нынѣшній годъ въ Петербургѣ для меня былъ бы неурожайный. Я передъ отъѣздомъ сюда поссорился съ книгопродавцами. Ты не имѣешь понятія объ нихъ : это торгаши. Я началъ-было вразумлять ихъ, что книги не товаръ, а авторы не поставщики, что особенно поэты,—конечно не всѣ,—люди, призванные на землю для свершенія высшей воли, что они окружены ореоломъ вдохновенія, а по-тому торговаться съ ними нельзя. Они слушали меня разинувъ рты, ничего не поняли, и опять понесли свое: «Помилуйте-сь, да какъ же не торговаться-сь; господѣ-писатели-сь очень-сь запрашиваютъ, а у насъ также свой расчетъ-сь», и прочее. Я плюнулъ, и не захотѣлъ имѣть съ ними дѣла до времени; пусть узнаютъ, что я могу жить и безъ нихъ, а въ-послѣдствіи я возвышу еще на себя цѣну, и они, види, что нечего дѣлать, дадутъ мнѣ то, чтѣ я захочу.»

— Э-ге! да я не подозревалъ, чтобы ты доходилъ до такихъ то костей.

« Такъ надобно, — и тебѣ тоже совѣтовалъ и совѣтую не пренебрегать тонкостями. Впрочемъ, вамъ художникамъ наживать деньгѹ легче, да и художники народъ-то славный, не то, что наши братья литераторы—мелочь-то вся. Съ ними я рѣшился не вести компаніи, потому-что завистники и сплетники эти за добро платятъ зломъ и, пожалуй, оклеветаютъ тебя самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Иные изъ нихъ обвиняютъ тебя, целуютъ, увѣряютъ въ любви и дружбѣ, а отвернись только отъ нихъ—они ту же секунду начинаютъ тебя чернить и поносить, и даже предпринимать противъ тебя различныя злоухищренія... И въ головѣ-то у нихъ ничего нѣтъ: начнешь читать имъ не стихи, а вещь солидную, и примѣръ поэму, или другое-что—дремлютъ. Художники не такъ вы... А! кстати, я еще не читалъ тебѣ отрывка изъ новой моей поэмы. Пойдемъ-ка домой.»

Отъ двѣнадцати до половины пятого спускалъ я Рибипина, промолвивъ слова. И это только отрывокъ! Мѣстами много поэтическое, но все вмѣстѣ утомительно. Не знаю, я ли переменялся, или его сочиненія, только они на меня не производятъ такого дѣйствія, какъ во время дню; увы! не приводятъ меня въ такъ неописанный восторгъ!

Вечеромъ я сидѣлъ въ саду, на любимой скамейкѣ княжны стоящей на холмѣ, откуда видно озеро. Листья начинаютъ жужжать и опадать; заносимые вѣтромъ, они колеблются на поверхности озера; свинцовыя волны его лѣниво движутся; рыболовы ныряя, съ шумомъ летаютъ надъ самою водою. Небо застилается сѣрыми облаками; трава потеряла свою изумрудную яркость. Грустно на сердцѣ!

Долго, долго мы еще не увидимся съ тобой, а можетъ-быть совсѣмъ не увидимся.

XIV.

5 сентября.

Передъ отъѣздомъ въ городъ, князь даетъ всякую осень балъ въ своей подмосковной, и, говорятъ, не смотря на такое невыгодное время, когда большая часть Москвы въ разѣздѣ, на этихъ балахъ всегда бываетъ очень-много. Въ этомъ я убѣдился вчера, потому что вчера былъ этотъ прощальный балъ съ деревнею,—деревнею

скій балъ, bal champêtre, какъ называетъ его князь. Хлопотливый дворецкій за полторы недѣли объявилъ мнѣ объ этомъ высоко-торжественномъ днѣ, и, признаюсь, самъ не знаю отъ-чего, я ждалъ этого дня съ большимъ нетерпѣиємъ.

Наконецъ онъ наступилъ. Я проснулся ранѣе обыкновеннаго, и вышелъ на крыльцо. Утро было холодное, но свѣтлое; солнце еще не успѣло обогрѣть землю, и въ тѣни на травѣ бѣлѣлъ иней. Въ домѣ и около дома замѣтно было необыкновенное движеніе: въ кухняхъ неумолкаемо и мѣрно стучали ножи; повара и поварѣнки мелькали взадъ и впередъ по аллеѣ въ бѣлыхъ курткахъ; лакеи пересѣгали изъ одного отдѣленія дома въ другое. . . Дворецкій прохаживался съ большою торжественностію и подзывалъ къ себѣ лакеевъ, отдавая имъ приказанія съ нахмуреннымъ челомъ, и чаще обыкновеннаго поправлялъ свой бѣлый, накрахмаленный галстухъ. Увидѣвъ меня, онъ подошелъ ко мнѣ и, приподнявъ свою фуражку, сказалъ:

— Доброе утро, Александръ Игнатьичъ! Хлопотъ сегодня, хлопотъ, Боже ты мой, полны руки! Благодаря Бога, погода благоприятствуетъ намъ, и я вамъ скажу, это всегда такъ: князь изволитъ назначить балъ еще за двѣ недѣли, говорить «въ такой-то день», и въ этотъ день всегда благорастворенная и прекрасная погода.

«Это уже особенное счастье» замѣтилъ я.

— Точно особенное счастье. Могло случиться, что и дурная была бы погода: у Бога все возможно.

«Разумѣется; а скажите, любезный Демидъ Петровичъ, не знаете ли отъ-чего князь отложилъ поѣздку въ чужіе края?»

Дворецкій потеръ лобъ.

— Самъ я удивляюсь: причины особенной нѣтъ; если бы, напримеръ, что-нибудь, я зналъ бы: князь, я вамъ скажу, отъ меня ничего не скрываетъ; но на этотъ разъ, лгать нечего, такого грѣха я не беру на душу, не знаю. Эй, Владиміръ! закричалъ онъ бѣжавшему лакею: — разставьте канделябры въ столовой—сей-часъ же. Я идущъ-слѣдъ за тобою... До свиданія, Александръ Игнатьичъ! Дѣла, дѣла, я вамъ скажу, не оберешься сегодня! Дорога каждая минута...

Въ общихъ утреннихъ приготовленіяхъ одна княжна не принимала никакого участія. Она сказала мнѣ, что ей совсѣмъ не нравятся московскіе балы съ-тѣхъ-поръ, какъ она провела одну зиму въ Петербургѣ, а другую въ Вѣнѣ...

Въ девять часовъ, домъ и садъ князя горѣли огнями, и вѣрю, далеко въ окружности видѣлось зарево, пылавшее въ этотъ вечеръ надъ селомъ Богородскимъ...

Долго толкался я въ танцевальной залѣ; мнѣ хотѣлось ангажировать княжну, но я не рѣшался, боясь обратить на себя общее вниманіе; я думалъ, что живописецъ, танцующій на аристократическомъ балѣ—это что-то смѣшное и нелѣпое, бросающееся въ глаза. Рябининъ ходилъ въ слѣдъ за мною, и все твердилъ мнѣ, «что ему душно, что онъ ненавидитъ этикетъ, что всѣ эти движущіяся куклы, мужескія и женскія, ему противны»; однако на княжну онъ поглядывалъ съ особеннымъ чувствомъ. «Хороша, соблазнителька, пышная, на нее и я заглядывалъ» говорилъ онъ: «и какъ эстетично одѣта! Она царица бала.» Рябининъ, восхищающійся княжною и передающій мнѣ свое восхищеніе, съ указательнымъ перстомъ передъ длиннымъ носомъ, въ широкихъ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ, былъ очень-забавенъ среди этой чопорной бальной толпы; но еще забавнѣе его показалась мнѣ старушка съ ушками: она, разукрашенная и поддурманенная, сидѣла съ огромнымъ вѣеромъ, на которомъ изображены были Венера и Адонисъ, и съ важностію обѣщала имъ свое личико; въ ея тусклыхъ глазахъ, будто покрытыхъ слюдою, выражалось неудовольствіе, — балъ явно не удостоился нести ей нравиться, и я только того и ждалъ, что она безъ церемоній, при всѣхъ, начнетъ свое ворчаніе.

«Анастасьевъ танцуетъ съ одной княжною и ни съ кѣмъ болѣе» сказала мнѣ Рябининъ. «У него вкуса недурень.»

Я вздрогнулъ и сейчасъ же опомнился.

— А гдѣ же Анастасьевъ? спросилъ я: его я и не замѣтилъ.

«Вонъ на-право-то: онъ сидитъ возлѣ нея и наклонился къ плечу ея. А какія у нея плечи! это близна млечна, роскошь!»

Я оставилъ Рябинина, продрался сквозь толпу и сталъ сзади ея.

Княжна безпрестанно улыбалась, нюхала свой букетъ: видно Анастасьевъ нашептывалъ ей что-нибудь смѣшное; голова его, въ самомъ дѣлѣ, была наклонена къ самому плечу ея, и она не думала отодвинуться отъ него. У меня пробѣгала морозъ по кожѣ, мнѣ было досадно на нее, я готовъ былъ наругать ему. Вдругъ вижу я, что онъ преспокойно протягиваетъ руку къ ея букету, вырываетъ изъ него одинъ цвѣтокъ, и съ своимъ отвратительнымъ хладнокровіемъ продвигаетъ его въ петличку своего фрака. Я думалъ, что княжна разсердится на него за эту дерзость, что же—

несколько: она послѣ этого была также спокойна, также при-
нимавше смотрѣла на него.

Я уже не могъ долѣе оставаться въ залѣ; куда шло, и зачѣмъ,
не знаю, только очутился въ саду. Шкаликъ ярко горѣлъ въ
ярннхъ аллеяхъ, освѣщая разставленныя тамъ симметрически
красныя рожи; горничныя бѣгали вь лицахъ по этимъ аллеямъ,
а въ разныхъ мѣстахъ стояли крестьянки, смотря вверхъ на освѣ-
щенныя окна. Мнѣ хотѣлось быть одному, и я пошелъ къ озеру.
Озеро окружено было гирляндами разноцвѣтныхъ фонарей, отра-
жавшихся въ спокойныхъ водахъ его, а за озеромъ господствовала
страшная тьма: тамъ уже не заблагоразсудили поставить ни од-
ного шкалика. Я отправился — было туда, но чуть не стукнулся
лбомъ о дерево и возвратился, усѣвшись на скамейкѣ въ трехъ
шагахъ отъ пристани, возлѣ которой стоялъ ланкъ. Звуки бал-
ной музыки слышались здѣсь едва-внятно, и мнѣ стало лучше.

«Чѣмъ объяснить дерзкое поведеніе Анастасьева съ княжкою?»
думалъ я: «какое онъ имѣетъ право такъ самовольствовать, выры-
вать изъ рукъ ея цвѣты? Не-уже-ли всѣ свѣтскіе люди такіе гру-
бияны и такъ невѣжливо обращаются съ дѣвушками?.. Не-уже-ли
къ дѣвушки большого свѣта позволяютъ имъ это?»

— На-силу нашелъ тебя! раздался возлѣ меня голосъ Рябинина.
— Гдѣ это ты пропадаешь? Я скажу тебѣ новость: отъ нечего-дѣ-
лать поймалъ я какого-то барина, съѣлъ съ нимъ играть въ экарте
и выигралъ пятьсотъ рублей: вотъ и деньги... Да что съ тобой?
не-уже-то все время ты просиживалъ въ саду, и въ такой холодъ? а
тамъ ужъ и мазурку кончаютъ...

«Поздравляю тебя съ выигрышемъ; да съ какими же деньгами
игралъ ты? Вѣдь у тебя не было денегъ.»

— Не было ни гроша, да за то было предчувствіе выиграть, а
съ такимъ предчувствіемъ можно всегда играть смѣло безъ де-
негъ.

— Полно, продолжалъ онъ, ударя меня по плечу: поразвеселись.
Не хорошо быть насмурченнымъ. Дай мнѣ твою руку, и пойдѣмъ
ускореннымъ шагомъ; двосъ палева скоро кончатся, и намъ да-
дутъ ужинать.

«Я ужинать не буду: у меня болитъ голова.»

— Съ тобой каша не сварится. Прощай; иди куда знаешь, а я про-
мѣнь и отправлюсь въ буфетъ предохранить себя отъ сырости.

Я пришелъ къ себѣ въ комнату, бросился на кресла и въ ка-
комъ-то безчувственномъ состояніи просидѣлъ тамъ, кажется, око-

до часа, потомъ вскочилъ съ кресель, какъ испуганный, и, самъ не зная зачѣмъ, потащился опять въ бальную залу, гдѣ танцовали. Ужинъ кончился. Половина гостей развѣхалась, многіе уѣзжали, иные собирались вѣхать, въ залѣ была чрезвычайная суматоха. Я искалъ ея и не находилъ. Вдругъ услышалъ голосъ ея, произнесшій мое имя... Она стояла въ трехъ шагахъ отъ меня, въ глубокой амбразурѣ окна, прислонясь къ стѣнѣ, утомленная, жарко дышащая, съ пылающими щеками, съ совершенно-повисшими локонами, съ поблекшимъ букетомъ въ рукѣ.

«Гдѣ вы были?» спросила она меня.

— Я былъ въ своей комнатѣ, княжна.

«Что это значитъ?»

— То, что мнѣ здѣсь нѣчего было дѣлать.

«А я васъ вездѣ искала, я хотѣла сама ангажировать васъ...»

— Я вамъ благодаренъ за вниманіе, но вы и безъ того слѣшкомъ устали отъ танцевъ.

«Да, это правда, я много танцевала.»

— Такъ вамъ было весело?

«Очень-весело.»

Она выронила букетъ изъ руки. Я его поднялъ и отдалъ ей.

— Въ этомъ букетѣ не достаетъ одного цвѣтка, княжна?

«Какого цвѣтка?»

— Я видѣлъ этотъ цвѣтокъ въ петлѣ чьего-то фрака...

«А! у меня отнялъ его Анастасевъ: теперь я вспомнила. Такъ что же?»

— Вы ужь забыли объ этомъ?

Княжна засмѣялась. «Развѣ это такое важное событіе, чтобы объ немъ помнить цѣлую вѣчность?»

Я понялъ всю глупость моего вопроса и смутился.

Въ этотъ разъ княжна не уронила, а бросила букетъ на полъ, и еще оттолкнула его отъ себя ногой.

Я опять поднялъ его и положилъ въ свой боковой карманъ.

Она посмотрѣла на меня съ величайшимъ изумленіемъ.

«Для чего вамъ эти завянувшіе цвѣты?»

— Я буду беречь ихъ, какъ воспоминаніе объ васъ.

«Воспоминаніе?» Она измѣнилась въ лицѣ. «Что это? вы оставляете насъ?»

— Я долженъ былъ бы оставить вашъ домъ, но я не могу, — у меня не достанетъ столько твердости.

«Посмотрите, свѣтаетъ» сказала она, прерывая меня: «какъ

горю въ верѣшительный свѣтъ зачинающагося дня, и какъ не-
удачно смотреть теперь на эти догарающія свѣчи, на жалкіе
остатки балнаго блеска!... Ахъ, вотъ миссъ Дженни; она вѣрно
ищетъ меня. До завтра...»

Я поклонился ей, долго смотрѣлъ на нее удаляющуюся, и ду-
малъ: еслибъ она знала, какъ я люблю ее!

— Суета суеть и всяческая суета! произнесъ Рябининъ, ухва-
тивъ меня за руку... Я подкрѣпилъ себя ужиномъ, ты это ви-
дишь, ну, а теперь пойдемъ спать; остальное же все—суета суеть!

—
XV.

8 октября.

Вотъ мѣсяць, какъ не принимаюсь я за перо, да и писать не о-
чемъ. Три недѣли, какъ мы живемъ въ Москвѣ, — говорю мы,
потому — что я съ Рябининымъ принадлежу также къ семейной
свѣтѣ князя. Князь въ послѣднее время сѣлся къ намъ еще
внимательнѣе: онъ такъ привыкъ къ нашимъ фигурамъ, что безъ
насъ, я увѣренъ, ему было бы скучно; разположеніе его къ намъ
совершенно-искреннее, но оно тяготитъ меня, мнѣ совѣстно жить
за чужой счетъ, Богъ-знаетъ для чего; ѣсть чужой хлѣбъ даромъ.
Я списалъ, по просьбѣ князя, небольшой акварельный портретъ
съ княжны, и ужасно недоволенъ имъ, а князь отъ него въ пол-
номъ восторгѣ. Онъ показываетъ его всемъ знакомымъ своимъ —
и они, по-крайней-мѣрѣ при мнѣ, также приходятъ въ восхищеніе
отъ моей работы, отъ моего вкуса и отъ поразительнаго сходства
этого портрета съ оригиналомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, сходство есть,
но я вовсе не уловилъ поэзіи ея выраженія; правда, это и нелегко.
Какъ передать, на-примѣръ, ея глаза, то глубокіе и томные, то свѣ-
тащесой дѣтскою, простодушною радостію? Разумѣется, гдѣ же
этимъ господамъ входить въ такія тонкости! Отдѣлка хороша,
черты лица схвачены — и портретъ чудесный. Рябининъ тотчасъ
однако замѣтилъ мнѣ, когда я принесъ къ нему оконченный пор-
третъ: — превосходно! мастерской штрихъ! но нѣтъ *этого*. Имен-
но, нѣтъ *этого*! Онъ правъ.

Портретъ не могъ быть удачнымъ, потому-что, когда я писалъ
его, у меня все вертѣлся въ головѣ Анастасьевъ. Кстати о немъ: по
Москвѣ ходятъ темные слухи, что онъ женихъ ея, что покуда это
было въ тайнѣ и что будто-бы такіе-то обстоятельства застави-

ли князя отложить повздуку въ чужіе края. Я готовъ былъ бы, и жалуй, повѣрить этимъ слухамъ празднующихся свѣтскихъ особъ обоюга пола, но княжна не выйдетъ же замужъ любя—она, созданная для любви пылкой и безконечной? Къ Алтасяеву она просто ничего не чувствуетъ: это увидѣлъ я изъ отзывать съ немъ. Онъ, если ему угодно, можетъ имѣть на нее видъ да видъ ему не удивить и не соблазнить ее своимъ богатствомъ. Имѣть, слухамъ этимъ, вѣрить смѣшно и глупо! Зачѣмъ же онъ выходитъ у меня изъ головы? Зачѣмъ же всякій разъ, когда говорятъ о княжѣ и о немъ, у меня сжимается сердце? Другой, моемъ мѣстѣ, назвалъ бы это предчувствіемъ... Скажи мнѣ, другъ, не правда ли, вѣрить предчувствіямъ нелѣпо? Только люди съ раздраженными нервами, да женщины вѣрятъ предчувствіямъ...

Съ ней я вижу теперь не такъ часто; деревенская жизнь воротится. Мое счастье и спокойствіе, кажется, исчезли также и возвратно. Здѣсь она должна безпреставно выѣзжать то въ театръ то къ своимъ кузинамъ и тетушкамъ, показывать имъ свою роскошную льню. Она рѣдко дома. Уже передъ нею открываются длинный рядъ баловъ и различныхъ празднествъ... И онъ будетъ вездѣ передъ нею: каждый часъ, каждую минуту. Не отходя отъ глазъ ея, онъ можетъ ее приучить къ себѣ, даже сдѣлаться ея необходимостію, какъ сдѣлались мы для князя.

И въ тѣ минуты, когда онъ глядитъ на нее, говорить съ нею, наклоняется къ ея плечу, какъ помнишь, на балѣ, въ тѣ минуты я одинъ лежу на своемъ диванѣ въ мучительномъ состояніи; тоскливо, медленно, расчетливо впускаетъ въ меня свое жало и незамѣтно высасываетъ кровь мою. Мнѣ ни за что не хочется приняться, и лежалъ бы на диванѣ, и не глядѣлъ бы на свѣтъ Божій. Только утрамъ я учу Ваню рисованію, по ея просьбѣ. У этого мальчика славныя способности. Но я не желаю, чтобы онъ сдѣлался художникомъ въ какомъ-нибудь родѣ, да не только художникомъ, но сколько-нибудь глубокимъ человѣкомъ. Что за охота страдать терзаться напрасно страданьями и терзаньями, которыя неизвѣстны другимъ счастливымъ, людямъ умнымъ и практичнымъ?.. Двѣ свѣтлыя, отрадныя минуты, въ которыя готовъ снѣпать цѣлый міръ — и потомъ непрерывные годы тѣмы, мученія и жалобъ, и проклятій...

Я начинаю опять сеоритаться съ жизнію. Тяжела жизнь!...

Я завидую Рубинину, никогда неупывающему, — вамъ онъ умѣетъ кербывать своего внутренняго боля, такъ, что не морщится отъ не

Дома его и не ищи: онъ или проповѣдуютъ князю о святыиъ искусствахъ, или играетъ въ карты въ Англійскомъ Клубѣ и пьетъ портеръ, потому-что съ недавняго времени портеръ предпочитаетъ другимъ напиткамъ. Всякій день также онъ увѣраетъ меня, что скоро засидеть дома и прійметелъ за основательное изученіе древностей, и въ особенности древне-греческаго языка...

Вчера княжна ѣхала куда-то на вечеръ, и передъ отъездомъ присала за мной Ваню. Ей хотѣлось, чтобы я посмотрѣлъ на нее въ полномъ блескѣ. Стало - быть, она помнить же обо мнѣ, думаетъ обо мнѣ?

XVI.

20 октября.

Она помолвлена. Всѣ поздравляютъ ее и князя... И мнѣ надобно идти поздравлять ихъ? И я пришелъ поздравить его. Онъ сиромель мнѣ, не болѣе ли я. «Нѣтъ, я чувствую себя очень-хорошо» отвѣчалъ я. Потомъ, онъ сталъ говорить мнѣ, что я вѣрно вполне извиню его теперь, зная настоящую причину, заставившую отложить его повѣдку въ чужіе края; что его будущій зять, хотя по наружности кажется человѣкомъ холоднымъ, но, не смотря на это, любить искусства и тратить большія деньги въ Парижѣ, помогая тамошнимъ художникамъ и поощряя ихъ дѣятельность. Мнѣ это необыкновенно-пріятно; къ-тому же очень полезно знать... Я поздравлялъ и ее, она молча поблагодарила меня съ тою привѣтливостію и граціею, которою удостоиваютъ свѣтскія дѣвушки людей простаго сословія...

Какъ же она, созданная для любви пылкой и безконечной, рѣшилась выйти замужъ за человѣка, котораго не любила? Вѣрно, она пожертвовала собой?.. Да зачѣмъ ей приносить такія жертвы? У нея была свободная воля, отецъ—ея покорный слуга: она могла сдѣлать свободный выборъ. Она и сдѣлала свободный выборъ. Анастасьевъ предложилъ ей себя, и она подала ему свою руку, безъ всякаго размышленія, отъ-того, что пренебречь такимъ женихомъ было бы безрассудно, одержать же побѣду надъ милліонами славныхъ Теперь не только московскія граціи, но и петербургскія, и всѣ даже европейскія граціи большаго свѣта безгрѣшно могутъ позавидовать ея участи... Одна только бабушка съ усиками, говорятъ, ворчитъ и сердится на свою внучку за то, что она не будетъ ни графиней, ни княгиней: да кто же станетъ смотрѣть на эту брюз-

гливую разваливу? Она отстала отъ всего на тысячелѣтіе, она не знаетъ, что въ наше время аристократія въ деньгахъ, а не въ титулахъ. Люди нашего времени сдѣлались по-умнѣе того блаженнаго времени, въ которое она разцвѣла; вамъ нужна звонкая монета, а не пустозвонныя величаныя. Деньги и деньги! Рябининъ понялъ жизнь.

Но что же ей, этой княжкѣ, этой глубокой дѣвушкѣ, до общаго мнѣнія, до денегъ, до богатства? Она говорила, что ей нужно море, сливающееся съ горизонтомъ, возожденіе солнца; она говорила, что ей вечеромъ на озерѣ съ бѣднымъ живописцемъ лучше, нежели въ бальной залѣ; что у нея есть и восторгъ, и слезы, и молитвы! А бѣдный, бессмысленный живописецъ слушалъ благоговѣнно ея сладкія рѣчи, и малодушно вѣрилъ этимъ рѣчамъ; поставилъ ее на драгоценный пьедесталь и молился ей, и любовь къ ней сдѣлалась для него жизнью, необходимостію, высшимъ счастьемъ! Вольно же ему было дурачиться, ея благосклонное вниманіе счастье за любовь, ея разсужденія о литературѣ, писанныя отъ-ничего-дѣлать, за средство выказать свою душу, обваружить стыдливое чувство любви! вольно же ему было жить въ несбыточной мечтѣ, окружить себя призраками, таить и блаженствовать отъ собственныхъ фантазій!..

Вѣдь не замужь же въ-самомъ-дѣлѣ идти за него княжкѣ!..

Да, я, презирая имя мечтателя, мечталъ, какъ сахарный пастушокъ; я грезилъ, какъ помѣшанный; я окружалъ себя обманомъ и ложью до послѣдней минуты; называлъ догадливость мальчихъ и разсудительныхъ людей сплетнями; не внималъ благоразумнымъ совѣтамъ; шелъ ощупью, закрывъ глаза, не зная куда и зачѣмъ, и вотъ — остановился въ раздумьѣ на самомъ краю бездны... Возврата нѣтъ. Ну, теперь, безъ ребяческаго трепета, безъ бабьяго ропота кивься въ эту бездну!...

А искусство, ты спросишь? а жизнь для искусства?.. Надо сбросить съ себя всѣ обманы, отогнать отъ себя всѣ *призраки*, разоблачить себя до-нага, по-крайней-мѣрѣ хоть въ послѣднія минуты явиться дѣйствительнымъ человекомъ, безъ всякихъ пошлыхъ претензій... Другъ! если бы я любилъ искусство, если бы во мнѣ было истинное призваніе, я не промѣнялъ бы его, это святое искусство, на женщину, или забывшись, тотчасъ бы опомнился и, выйдя съ торжествомъ изъ заблужденія, обновленный, принялся бы творить, а для меня, ты видишь, искусство—дѣло второстепенное. Теперь ясно мнѣ, что она была для меня выше искусства, иначе

я не былъ бы убитъ... Да, я убитъ! Я не хочу жить, и мнѣ не для чего жить. Еслибы я такъ любилъ искусство, какъ ея, я былъ бы великимъ творцомъ.

- Что умирать? я мнилъ: быть-можетъ, жизнь
- Мнѣ принесть везащныя дары;
- Быть можетъ, посвятить меня возторгъ
- И творческая ночь и вдохновенье. . .»

Нѣтъ, полно!.. Ни творческихъ ночей, ни вдохновенья у меня не могло быть... Я становился на ходули, чтобы казаться чѣмъ-нибудь; двѣ картинки мои удались и понравились—довольно... Бросай кисти и палитру. Мнѣ ничего не нужно, ничего!...

22 октября.

Остается десять дней до ея свадьбы. Я сказался больнымъ и никуда не выхожу... Рябининъ приходитъ ко мнѣ и говоритъ много, кажется, все въ утѣшеніе мнѣ; я ничего не могу слушать. Пусть будетъ она счастлива. О, я желаю ей счастья отъ всего моего сердца!.. Обними меня и прости меня. Мы ужъ съ тобой не увидимся!

XVII.

Однажды утромъ, въ тѣ часы, когда въ домѣ князя обыкновенно все покоится сномъ сладчайшимъ, горничная княжны, блѣдная какъ смерть, вошла на ципочкахъ въ ея спальню, едва прикасаясь ногами къ ковру. Тамъ, въ этой спальнѣ, еще не разсвѣтало: темнозеленныя, шелковыя шторы были опущены. Княжна, разумѣется, почивала. Съ осторожностію подошла горничная къ ея постели, отдернула шелковую занавѣску и тихонько, не вдругъ разбудила ея, чтобы не испугать...

Княжна полуразкрыла глаза и, не отнимая головы отъ подушки, въ полуснѣ невнятно спросила у нея:

— Чтѣ тебѣ надобно? который часъ?

«Еще очень-рано, сударыня!» отвѣчала горничная: «но я беспокою васъ потому-что у насъ въ домѣ случилось несчастье. . .»

— Какое несчастье?

Княжна отняла отъ подушки свою голову...

«Сегодня ночью г. Средневскій, живописецъ...»

Княжна совсѣмъ открыла глаза...

— Что такое? что съ нимъ?

«Онъ застрѣлился, сударыня.»

Княжна, дрожа всѣмъ тѣломъ, вскочила съ постели, схвативъ горничную за руку и посмотрѣла ей пристально въ лицо.

— Ты съ ума сошла? застрѣлился? Кто тебѣ сказалъ это?

«Мнѣ, ваше сіятельство, сказалъ человекъ Григорій, который ходилъ за нимъ» отвѣчала горничная, немного смѣшавшись.

«Еще объ этомъ не знаютъ, сударыня. Еще всѣ спятъ въ домѣ, кромѣ этого человека.»

— Точно ли ты увѣрена, Маша? Поди, бѣги скорѣй, скажи, чтобы онъ не дѣлалъ покуда никакой тревоги въ домѣ. . .

Горничная произнесла «слушаю», повернулась и хотѣла бѣжать, но княжна остановила ее.

— Маша, могу ли я такъ пройти въ его комнаты, чтобы никто не могъ меня видѣть, никто не зналъ, что я была тамъ? Слышишь ли, никто? . . .

«Я сію-секунду узнаю объ этомъ, княжна.»

— Бѣги же, бѣги, Маша, скорѣй, ради Бога, скорѣй. . .!

Когда горничная выбѣжала, княжна оперлась рукою о столъ; глаза ее остановились; казалось, она замерла, холодная, какъ мраморъ.

Минуть черезъ десять, горничная вернулась. . .

«Ваше сіятельство, все готово: я взяла ключъ отъ горницъ живонца и крѣпко-на-крѣпко заказала Григорію молчать объ этомъ несчастіи (она вздохнула); только вамъ надобно идти, сударыня, по черной лѣтницѣ и пройти темнымъ корридоромъ внизу. . .»

Княжна ожила.

— Все равно; пожалуй, я надѣну твое платье, чтобы меня не узнали. . .

«Нѣтъ-съ, этого не нужно, помните-съ; васъ никто не увидитъ, я провожу васъ.»

— Ты проводи меня только до дверей его комнатъ, и подожди въ корридорѣ. . . Да слышишь ли, Маша, чтобы объ этомъ никто не зналъ! . . .

«Ахъ, помните, сударыня! да за кого же вы меня принимаете? . . .»

Княжна кой-какъ надѣла свой пеньюаръ, кой-какъ пригладила свои волосы, накинула на голову старую шаль и сказала горничной: Я готова, я иду за тобою. . . Голосъ и губы ея дрожали.

По узкой лестнице спустился онъ внизъ, прошли длинный и темный корридоръ... Въ концѣ его, горничная остановилась у двери...

— Ключи! прошептала княжна.

Она едва могла вложить его въ замочную скважину, — такъ руки ея дрожали; дверь отперлась; горничная осталась у двери...

Страшно было посмотреть на княжну въ эту минуту. Едва дыша, полумертвая, съ посинѣвшими губами, она прошла мастерскую и остановилась въ его кабинетъ у бюро... Схвативъ связку ключей, лежавшихъ на этомъ бюро, она отворила ящикъ, — въ ящикъ ничего не было; она отворила другой — и въ другомъ ничего; вдругъ схватила она съ жадностію связку почтовыхъ листовъ, мелко написанныхъ, на которыхъ лежалъ засохшій букетъ цвѣтовъ. И букетъ и бумажки она спрятала къ себѣ на грудь и повернулась, чтобы выйти... Онъ лежалъ передъ нею на кушеткѣ. Она застонала, схватила себя за грудь; но сила воли спасла ее, побѣдила боль и изнеможение — и она, шатаясь, вышла въ корридоръ.

Возвратясь въ свою спальню, она сказала горничной едва-слышно: — Разведи огонь въ каминъ, въ той комнатѣ... Маѣ холодно.

Огонь былъ разведенъ...

— Теперь ты ненужна мнѣ; я позвоню...

«Какъ же мнѣ выйти? замъ дурно, сударыня!»

— Нѣтъ, ничего, поди.

Княжна бросилась на патѣ, противъ камина, потомъ приподнялась, обвела головой вокругъ, вынула письма и засохшіе цвѣты — и начала ихъ разсматривать.

— Да, это мои письма... прошептала она: это мой букетъ...
Неужели такъ любить?

Княжна привстала еще разъ, посмотрѣла на эти письма и на этотъ букетъ, и бросила ихъ въ огонь... Пламя въ минуту охватило ихъ; она вздрогнула, закричала, закрыла лицо руками и упала безъ чувствъ...

Около полудня началась тревога въ домѣ князя. Князь былъ сильно пораженъ самоубійствомъ живописца. Такое необычайное происшествіе привело его въ ужасное разстройство. Въ волненіи, въ безпомощствѣ ходилъ онъ по комнатѣ, а старушка съ усиками ворчала:

— Моя правда, князь! Развѣ я не твердила вамъ, что вы прини-

маете къ себѣ Богъ-знаеть какихъ людей и откуда? не по-моему вышло, что ли? Слыхано ли, нанести такое оскорбленіе благородному дому за хлѣбъ-соль и ласку!... Неблагодарный мальчишка И я всегда видѣла въ его лицѣ что-то неестественное, дикое... Безбожникъ какой! засрѣлиться! Видишь ли что вздумалъ!... Да хоть бы гдѣ-нибудь въ полѣ, а то въ княжескомъ домѣ, покорию прошу!

Рябининъ, сидя въ своей комнатѣ съ нахмуреннымъ челомъ, поднималъ глаза въ потолокъ и твердилъ: «Странно!...»

Одинъ Ваня, сынъ дворецкого, плакалъ горько и неутѣшно, узнавъ о смерти своего рисовальнаго учителя. . .

Между-тѣмъ, полиція и доктора хлопотали внизу.—Осмотрѣвъ трупъ и рану, доктора рѣшили, что живописецъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ *бѣлой горячки* (Delirium).

Черезъ недѣлю послѣ этой тревоги, часу въ девятомъ вечера, нѣсколько экипажей стояло близъ ярко-освѣщеннаго подъѣзда княжескаго дома. Двери подъѣзда были отворены, въ дверяхъ стоялъ изукрашенный швейцаръ съ огромною булавою. На тротуарѣ у воротъ и около рѣшетки толпились въ какомъ-то ожиданіи различныя женщины въ шляпкахъ и безъ шляпокъ и съ платками на головѣ.—Около нихъ, при такомъ удобномъ случаѣ, увидались господа съ усиками и въ венгеркахъ... Карета, запряженная превосходными сѣрыми рысаками, двинулась къ подъѣзду... «Вотъ невѣста поѣдетъ въ этой каретѣ» говорили женщины, стоявшія на тротуарѣ. «Ахъ, какъ бы ее увидать! Вотъ я думаю наряда-на-то!»—Позвольте, сударыня, я приподниму васъ, когда она поѣдетъ, чтобы вы ее могли обозрѣть,—сказалъ одинъ фравтъ въ венгеркѣ, разправляя свои усйки и обратясь къ той, которая была помилостивѣе прочихъ.—«Не просягъ васъ беспокоиться. . .»

Въ это время по широкому ковру лѣстницы, уставленной деревьями, тянулась блестящая свадебная процессія... Впереди бѣжали шаферы въ раззолоченныхъ мундирахъ; за ними шель маленькій пажъ, двоюродный братъ княжны, съ образомъ въ рукахъ... За нимъ она, прекрасная какъ всегда, вся въ бѣломъ, вся въ цвѣтахъ померанца, съ длиннымъ блондовымъ вуалемъ на головѣ, который живописно спускался назадъ; съ блестящимъ шифромъ на лѣвомъ плечѣ... За нею шла бабушка съ ушками, нарумявленная, съ шевелящимися губами... А тамъ вся эта великолѣпная и раздушенная толпа дѣвицъ и дамъ... Рябининъ стоялъ въ сторонѣ на послѣднихъ сту-

пеньяхъ лѣстницы. Когда княжна проходила мимо его, онъ приподнял свои длинныя руки, поклонился ей и сказалъ: «Княжна, сегодня вы ослѣпительны!» И княжна приветливо улыбнулась на это возторженное поэтическое приветствіе.

Поѣздъ двинулся...

Въ одно утро, нѣсколько дней спустя послѣ свадьбы дочери, князь разговаривалъ съ Рябининымъ въ своемъ кабинетѣ.

—Надобно, говорилъ князь:—чтобы рисунки, которые приложатся къ нашимъ путевымъ запискамъ, были превосходны, а для этого требуется художникъ въ полномъ смыслѣ слова.

«Объ этомъ не безпокойтесь, князь,—я другъ со всѣми лучшими нашими художниками:—я съищу вамъ человѣка. Онъ будетъ надежнѣе этого Средневскаго.»

—Но скажите, спросилъ князь, подходя къ Рябинину:—отъ-чего же у него вдругъ сдѣлалась бѣлая горячка?

«Позволите ли вы мнѣ говорить съ вами откровенно, просто, безъ чиновъ?»

— Пожалуйста, я прошу васъ.

«Въ немъ эта горячка таилась давно... Онъ, сумасбродъ, вздумалъ влюбиться—шутка ли? въ дочь вашу!»

— Въ мою дочь?—Князь вытаращилъ глаза отъ удивленія.

«Именно въ нее!»

Минуты черезъ двѣ, прійдя въ себя, князь произнесъ: — Если это и такъ, мнѣ все-таки жаль его!

«Да, жаль; жаль, какъ человѣка, но не жаль какъ художника. Если бы онъ былъ уменъ и слушался моихъ совѣтовъ, правда, онъ пошелъ бы въ гору, но до самой вершины, гдѣ облака, онъ никогда бы не дошелъ. Въ началѣ я ободрялъ его сильно, давалъ ему ходъ, кричалъ о немъ, какъ о великой надеждѣ... У меня метода, князь, только-что увижу искру таланта въ человѣкѣ, я начну холить и лелѣять этого человѣка и раздувать въ немъ эту Божию искру. Не удалось мнѣ возжечь въ груди его пламя, — не моя вина. Я не люблю Нѣмцевъ, вы это знаете, а Нѣмецъ Гофманъ сказалъ вѣрно: «что живое, внѣшнее побужденіе многіе принимаютъ за истинное призваніе къ искусству». Нашъ живописецъ былъ изъ числа этихъ многіхъ...»

Н. ПАНАЕВЪ.

ИЗЪ ПОЭМЫ ТЕГНЕРА:

ФРИТЮФЪ.

Отдѣлъ XI-й (*).

ФРИТЮФЪ У АНГАНТИРА.

1.

Теперь мы скажемъ слово
О томъ, какъ Ангантаръ
Во храмѣ сосновой
Давалъ дружинѣ пиръ.
Онъ съ радостью во взоръ
Смотрѣлъ на путь морской;
Склонялось солнце въ море,
Какъ лебедь золотой.

2.

На стражъ Гальваръ вѣрный
-Подъ окнами стоялъ;
Старикъ былъ стражъ примѣрный,
Но медь не забывалъ.
Водилось у сѣдаго:
До дня всегда пить рогъ
И, не сказавъ ни слова,
Бросать его въ чертогъ.

(* Поэма сія, вполнѣ уже переведенная съ шведскаго подлинника, заключаетъ въ себѣ 24 отдѣла, изъ которыхъ каждый написанъ особымъ размеромъ. Въ ней бурная жизнь знаменитаго героя скандинавскаго Фритюва служитъ рамою, обнимающей полную картину характера, быта и языческой религіи Норманновъ. Переводчикъ, рѣшившись начертать здѣсь отрывокъ изъ своего труда, чувствуетъ, однакожъ, что тегнерова поэма, для сохраненія всей занимательности своей, должна быть читана въ цѣлости, и притомъ съ подробнымъ *вступлениемъ*, въ которомъ бы всякій напередъ уже могъ ознакомиться съ духомъ и жизнью Скандинавіи.

И здѣсь, для объясненія предлагаемаго отдѣла, необходимо помѣстить нѣсколько предварительныхъ замѣчаній.

Фритювъ любитъ Ингеборгу, сестру двухъ владѣтелей, правившихъ въ Норвегіи областью, гдѣ онъ родился. Старшій изъ нихъ, въ наказаніе за такую дерзкую страсть, посылаетъ влюбленнаго на одинъ изъ отдаленныхъ острововъ Оркадскихъ и велитъ собрать дань съ тамошняго яра (т. е. второстепеннаго владѣтеля) Ангантира. Фритювъ ѣдетъ туда на своемъ кораблѣ Эллидѣ. На пути застигаетъ его ужасная буря, возбужденная морскими чудовищами по молбѣ злобнаго брата Ингеборги; однакожъ храбрость Фритюва и чудная сила Эллиды, по преданію строенной богами и какъ-бы одушевленной, спасаютъ пловцовъ отъ гибели. Уже виднѣтся берегъ ангантирова края.

Но Эллиду китъ
Въ битвѣ поразилъ;
Чуть она скользнетъ
Въ изуреныя сѣть.

3.

И вдругъ онъ роги бросаетъ
 Въ палату, и поетъ:
 «Адыя къ намъ подплывають,
 Навесело идеть.
 Блѣдна на ней дружина;
 Вотъ, вотъ ужь пристають;
 Два сильныхъ исполина
 Полу-живыхъ несутъ.

4.

И яръ въ окнѣ приникнулъ
 Надъ зеркаломъ зыбей.
 «Элида въ оутъ возилкинулъ:

«И, мнится, Фригтофъ съ ней.
 По стапу, взору ливо,
 Что Торстена (') то слытъ;
 Такъ смотритъ Фригтофъ славою
 На сѣверъ одинъ.»

5.

И отъ стола проворно
 Кровавый Атлѣй всталъ;
 Берсеркъ съ брадою черной,
 Онъ дико закричалъ:
 «Пусть Фригтофъ гомосъ міра
 На дѣлъ подтвердитъ,
 Что онъ не проситъ міра,
 Что онъ мечи тупитъ.»

Изпугилсь отъ тревоги
 И плочки они съ трудомъ
 Двигать трепетныя ноги,
 Подпирала мечемъ.
 Вотъ на бергъ Бьёркъ могучій (NB сподвижникъ Фригтофа)
 Переноситъ четверыхъ;
 Фригтофъ предъ огонь трескучій
 Съ плечъ слагаетъ восьмерыхъ.

Эти стихи изъ окончанія X-го отдала составляютъ переходъ къ послѣдующему, гдѣ мы застаемъ Яра на пирѣ, въ кругу его ратниковъ.

Вотъ все, что нужно знать относительно хода событій. Къ этому считаемъ нужнымъ прибавить нѣсколько строкъ изъ приговора Яра къ поэму вступленія.

«О гостепріимствѣ Скандинавовъ смѣдлѣе ступаютъ пиры, совершавшіеся у нихъ при какомъ торжественномъ случай. Владѣтели земель часто угощали своихъ дружинъ... Существенною приправой скандинавскихъ пировъ была медь; его пили обыкновенно изъ трыхъ роговъ, искусно и богато-обдѣланныхъ; прислуживали всегда почти двушки... Спросія Нормановъ, по-большой-части деревянныя, нерѣдко замѣчательны были своею отропостию и внутреннимъ великолѣпиемъ. Убранство хранины пришествія составляли досѣки, развѣшенные по досчатымъ стѣнамъ, а изрядка и обои, т. е. узорчатыя ткани или водочеченныя кожи... Для освѣщенія налатъ, разводилъ огонь на низенькомъ очагѣ среди пола, и дымъ выходилъ чрезъ крупныя окна, сдѣланныя въ кровлѣ. Иногда мальчишеслуги должны были свѣтить смоладными факелами, вмѣсто которыхъ, съ распространениемъ роскоши, появились на столахъ кандѣстые подсвѣчники изъ дорогихъ металловъ.

... Самымъ разнѣмъ выраженіемъ скандинавскихъ пировъ были войны особаго разряда, изымавшіеся *берсерками*. Въ нихъ боевой жаръ доходилъ часто до настоящаго бѣшенства. Въ такомъ ужасномъ припадкѣ берсеркъ бросался на все, что бы ни встрѣтилось ему: другъ и не-другъ, одушевленные существа и мертвая природа, камень и желѣзо—равно становились предметомъ или жертвою его дикаго вступленія. Таково было первоначальное значеніе берсерковъ; въ послѣдствіи именемъ симъ означали суровыхъ воиновъ, сократившихся въ дачотѣхъ вѣдохранилѣей при дворѣ какого-нибудь скандинавскаго владыки. Вѣдочекъ волаской и обществяной жизни Нормановъ были шалады, пѣсньныя, безъ которыхъ не обходились ни пиры, ни бои,—эти, въ полномъ смыслѣ, кровавыя прирешства Скандинавовъ. Скалды повнновались часто игновенному водушевлению, съ ароею въ рукахъ, пѣли свои могучіе стихи; предметомъ ихъ пѣсень были боги и герои, грядущая судьба вселенной и блаженство храбрыхъ въ Валгаллѣ, жилища падшихъ отъ оружія.»

(') Отецъ Фригтофа былъ также знаменитымъ на сѣверѣ воителемъ.

6.

И вспрыгнувъ съ ними мгновенно
Сварьныхъ воевъ строй,
Махая' наступленно
Мечемъ и булавою;
И ринулся грозою
На берегъ, гдѣ лежалъ
Герой съ своею толпою
И бодрость ей внушалъ.

7.

«Сразить тебя легко бы...»
Завылъ берсеркъ лихой:
«Но я даю, безъ злобы,
Избрать побѣгъ или бой.
Когда жь попросишь мира,
Тотчасъ, какъ друга, я
Къ чертогу Ангантира
Готовъ вести тебя.

8.

— «Измученъ я!» сурово
Отвѣтствовалъ герой:
«Но было бы мнѣ ново
Просить о мирѣ — въ бой!» —
Съ слезъ словомъ заблестали
Мечи въ рукахъ мужей;
У Фритюфа на стали
Явился рядъ огней (*).

9.

И бой пылаетъ ярый,
И сыплются, какъ градъ,
Смертельные удары:
Въ куски щиты летать!
Нетрепетные въ спорѣ,
Бойцы еще стоятъ;
Но Ангурвадель (**) вскорѣ
Сломилъ врага буласть.

10.

«Того, кто безоруженъ,
Не бью» сказалъ герой:
«Мнѣ мечъ уже не нуженъ,
Грудь съ грудью вступимъ въ бой!»
Какъ волны, понеслася
Другъ на друга овя,

И будто бы срослися
Стальные ихъ брони.

11.

Такъ два медвѣдя бьются
Надъ снѣжною скалою;
Такъ два орла дерутся
Надъ бурной глубиной;
Подъ мощными бойцами
Утесъ бы задрожалъ;
Захваченъ ихъ руками,
И дубъ бы крѣпкій палъ.

12.

Съ нихъ потъ течетъ струями;
Уже въ груди ихъ хладъ;
Тяжелыми стопами
Срыть камень, кустъ измять.
При видѣ битвы страшной
Рядъ латиниковъ дрожитъ;
Стагъ бой тотъ рукопашный
Повсюду знаменитъ.

13.

Но Фритюфъ повергаетъ
Берсерка наконецъ;
Кольно нажимаетъ
На грудь его боецъ.
«Будь только мечъ со мною»
Онъ гнѣвно возопилъ:
«Я бѣ сталью огневою
Тотчасъ тебя пронзилъ!»

14.

— «Рази! въ твоей то волю!»
Отвѣтилъ гордый врагъ:
«Возьми буласть свой въ полъ,
Не тронусь я никакъ.
Мы оба по кончипъ
Въ Валгаллѣ будемъ жить:
Къ богамъ пойду я нынѣ,
Ты завтра, можетъ-быть.»

15.

И Фритюфъ поспѣшаетъ
Прервать потѣху съ нимъ:
Онъ мечъ ужъ подымаетъ,
Но Атлій педвжимтъ.

(*) На мечъ Фритюфа были таинственные знаки, которые, при поднятїи его на брань, тотчасъ вспыхивали.

(**) Имя меча Фритюфа.

Предъ доблестью такою
Забывъ вонять браня,
И, бросивъ мечъ, герюю
Простеръ привѣтно длань.

16.

Туть Гальваръ, тростью белой (*)
Махал, закричалъ:
«Пора! за вами дѣло,
За дракой пиръ нашъ сталъ»
Серебряныя блюда
Давно ужъ на столахъ,
Все стынеть здѣсь покуда,
Отъ мажды я зачахъ.»

17.

Въ чертогъ бойцы лхнѣ
Вошли рука съ рукою;
Здѣсь многое впервые
Увидѣлъ гость молодой (**).
Не доски онъ нагя
Увидѣлъ на стѣнахъ,
Но кожи золотыя
Въ узорахъ и цвѣтахъ.

18.

И пламя не горѣло
Въ срединѣ на полу;
Изъ ирамора тамъ бѣлой
Каминъ столѣ въ углу.
И не было ни пыли,
Ни сажн на стѣнахъ:
Тамъ въ окнахъ стекла были,
Замки на всѣхъ дверяхъ.

19.

Рядъ свѣщниковъ вѣтвистыхъ
Тамъ пирный столъ вѣнчалъ,
И факеловъ смолистыхъ
Взоръ гостя не встрѣчалъ.
И вотъ стоитъ жаркое —
Олень на всѣхъ рогахъ;
Копыто золотое
И зелень на рогахъ.

20.

У ратныхъ за спиною
По двницѣ стоять:
За тучей громовою
Такъ звездочка горитъ.
Тамъ глазки пламенѣють,
Тамъ вьется шелкъ кудрей,
Тамъ ярко губы рдѣють,
Какъ розы межъ лилей.

21.

Вотъ ярль сидитъ, возвышенъ;
Изъ серебра весь тронъ;
Шеломъ, какъ солнце, пышенъ,
И панцырь позлащенъ.
Звѣздами плащъ сіяеть,
И бѣлый горностаѣ
Богато опушаетъ
Его пурпурный край.

22.

Впередъ, съ привѣтнымъ взглядомъ
Онъ три шага ступилъ,
И руку далъ, и рядомъ
Съ собою съестъ просилъ.
«Нерядко здѣсь, бывало,
Я съ Торстенемъ пилъ медь:
Пусть сынъ его удалой
Ближайшій стулъ займетъ.»

23.

Онъ кубокъ налилъ полный
Сицили виномъ;
Кипить оно какъ волны
И искривля о немъ.
«Мнѣ зрѣть тебя прѣвнито,
Сынъ друга моего!
Я пью съ дружиной ратной
Въ честь памяти его!»

24.

Морвены (***) скальдъ искусный
Взялъ арфу и запѣлъ:
Въ валлійскихъ (****) звукахъ грустный

(*) Знакъ привиревя. Въ сраженіяхъ употреблялся съ тою же цѣлію бѣлѣи щитъ.

(**) На Оркадскихъ Островахъ, благодаря торговальнъмъ сношеніямъ съ югомъ Европы, существовало издавна великолѣпіе, какого не могло быть въ Сѣверной Норвегіи, отчасти Фретиола.

(***) Сѣверная Шотландія.

(****) Языкъ валлійскій господствовалъ на Оркадскихъ Островахъ, пока скандинавскіе переселенцы не захватили его своимъ.

Напѣвъ его гремѣлъ.
 За нимъ, какъ пѣли дѣды,
 Нордланди (*) пѣвецъ
 Пѣлъ Торстена победы,
 И взялъ хвалы вѣнецъ.

25.

Въ разпросы ярль вступаетъ
 О сѣверныхъ друзьяхъ,
 И Фритлофъ отвѣчаетъ
 Въ разборчивыхъ словахъ.
 Всѣмъ правдой воздавая,
 Спокойно судить онъ,
 Какъ Сага (**), возсѣдая
 Въ святилищѣ времёнъ.

26.

Потомъ онъ велъ бесѣду
 О плаваньи своемъ,
 Описывая побѣду
 Элнды надъ китомъ.
 Герои потѣшались,
 Съ улыбкой ярль внималъ,
 И стѣны оглашались
 Немолчнымъ гуломъ хвалъ.

27.

Потомъ объ Ингеборгъ,
 Плавнительной въ слезахъ,
 Онъ рѣчь завелъ въ восторгъ:
 Съ румянцемъ на щекахъ.
 Красавицы украдкой
 Тутъ стали воздыхать;
 Ахъ! то-то было бѣ сладко
 Того, кто милъ, обнять!

28.

Теперь краснорѣчиво
 Онъ къ дѣлу приступилъ;
 Дослушавъ терпѣливо,
 Хозяинъ возразилъ:
 «Мы дани не платили,
 Я не былъ покоренъ;
 Хоть Белу (***) въ честь мы пали,
 Намъ чуждъ его законъ.

29.

Сыповъ его не знаю;
 Когда нужна имъ дань,
 Съ мечемъ ихъ пригласаю:
 Готовы мы на брань.
 Но такъ, какъ всѣхъ дороже
 Мнѣ былъ родитель твой...»
 Тутъ дочери пригожей
 Онъ подаль знакъ рукой.

30.

Игрива, какъ ребенокъ,
 Вспрыгнувъ, бѣжить она;
 Какъ станъ у ней былъ тонокъ,
 Какъ грудь была полна!
 Во впадинѣ зайчьи
 Сидѣлъ любви божокъ,
 Какъ въ розочкѣ сокрытый
 Листками мотылекъ...

31.

Но вотъ, она у двери
 Съ зеленымъ кошелькомъ;
 На немъ изтканы звѣри,
 Луна за облачкомъ
 И море съ парусами;
 Рубиновый замокъ;
 Изъ золота кистями
 Украшенъ кошелекъ.

32.

Его отъ свѣтлоокой
 Родитель получилъ
 И золотомъ, далеко
 Чекапеннымъ, набилъ.
 «Вотъ даръ мой въ знакъ привѣта;
 Что хочешь, дѣлай съ нимъ;
 Но только ужъ до лѣта
 Будь гостемъ ты монимъ.

33.

Гордись своей отвагой;
 Но время бурь теперь,
 И Гейдъ и Гамъ (***) надъ влагой
 Вновь явятся, повѣрь.
 Элнда такъ удачно

(*) Норвегия.

(**) Богиня исторiи.

(***) Предшественнику и отцу брата Ингеборги, требующаго дани.

(***) Названiя чудовищъ, вмѣстѣ съ китомъ напававшихъ на корабль Фритлофа.

Не всякій разъ прыгнетъ ;
 Кто-то въ пучинѣ мрачной
 Никто не перечесть.»

34.

Такъ дѣлося веселье ,
 А дѣнь ужь наступалъ ;
 Лишь радость, не похмѣлье

Вливалъ златой бокаль.
 Къ концу, за Ангайтира
 Пилъ шумно цѣлый столъ ;
 Среди забавъ и мира
 Такъ Фритюфъ зиму велъ.

Я. ГРОТЪ.

СТАРЫЙ ДѢМЪ.

Старый дѣмъ, старый другъ, посвѣтилъ я
 Наконецъ въ запустѣннѣ тебя,
 И бывшее опять воскресилъ я
 И печально смотрѣлъ на тебя.

Дворъ лежалъ предо мной неметѣный
 Да комодезъ валялся гнилой,
 И въ саду не шумѣлъ листь зелѣный,
 Желтый — тлѣлъ онъ на почвѣ сырой.

Дѣмъ стоялъ обветшалый уныло,
 Щекатурка обьялась кругомъ,
 Туча сѣрая сверху ходила
 И все плакала, глядя на дѣмъ.

Я вошелъ. Тѣ же комнаты были.
 Здѣсь ворчалъ медовольный старикъ ;
 Мы бесѣды его не любили,
 Насъ страшилъ его черствый языкъ.

Вотъ и комнатка: съ другомъ, бывало,
 Здѣсь мы жили умомъ и душой ;
 Много думъ золотыхъ возникало
 Въ этой комнаткѣ прежней порой.

Въ нее звѣздочка тихо свѣтила,
 Въ ней остались слова на стѣнахъ :
 Ихъ въ то время рука начертила,
 Когда юность кипѣла въ душахъ.

Въ этой комнаткѣ счастье бывшее,
 Дружба тихая выросла тамъ ;
 А теперь запустѣнье глухое,
 Паутины висятъ по угламъ.

816564

И мнѣ страшно вдругъ стало, дрожалъ я, —
 На кладбищѣ я будто стоялъ,
 И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я —
 Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ.

И. ОГАРЕВЪ.

КРЕМЛЬ.

За тучами чуть видима луна;
 Блѣбеть свѣтъ въ туманномъ освѣщенъи;
 Безмолвны стогны, всюду тишина,
 Исчезло для бродящее движенье.
 Старинный Кремль угрюмо задремалъ
 Надъ берегомъ рѣки оледенѣлой,
 И колоколь гулдщій замолчалъ,
 Затворенъ храмъ и теремъ опустылый.
 Какъ старый Кремль въ полночной тишинѣ
 Является и призреченъ и страшенъ,
 Въ своей зубчатой затворясь стѣнѣ
 И въя холодомъ угрюмыхъ башенъ!
 Лежить повсюду мертвенный покой,
 Его кругомъ ничто не возмущаетъ,
 Лишь каждый часъ часовъ унылый бой
 О ходѣ времени напоминаетъ...

И. ОГАРЕВЪ.

DE PROFUNDIS.

Что́ день, то въ жизни похороны;
 Надъ нами смерть какъ Божій гнѣвъ,
 И вѣрьте, намъ приличны стоны
 Чѣмъ пѣсень радостныхъ напѣвъ.
 Не разъ подъ звукъ веселыхъ пѣсень
 Я плакала скорбною душой!...
 Нѣтъ, здѣшній мѣръ веселью тѣсень,
 Здѣсь лучше пѣть за упокой!

Бываютъ чудныя мгновенья:
 Мысль рвется къ небу, кровь кипитъ :
 То свѣтлый гений открываетъ
 Съ душой поэта говорить!...
 Но жизнь своимъ прикосновеньемъ
 Сроднитъ поэта вновь съ землей, —
 И онъ, разстанный съ вдохновеньемъ,
 Ему поетъ *за упокой!*

Когда мы юны, въ насъ свободно
 Роятся свѣтлыя мечты,
 Но скоро всѣ поочередно
 Онъ, какъ осенью листья,
 Падутъ, умчатся вихремъ жизни,
 И мы, печальные, порой
 Съ улыбкой горькой укоризны
 Мечтамъ поемъ *за упокой.*

Когда мы любимъ, въ насъ блаженство,
 Мы создаемъ волшебный миръ,
 И съ чистой вѣрой въ совершенство
 Въ него вселемъ нашъ кумиръ!
 Но жизнь на чудное видѣнье
 Наброситъ занавѣсь густой,
 И мы въ тоскъ разуврѣнья
 Любви поемъ *за упокой!*

Такъ гибнетъ все, такъ все стремится
 Исчезнуть въ жизни, какъ въ гробу;
 Чему же здѣсь намъ веселиться,
 Кто измѣнитъ свою судьбу?...
 Мы всѣ рабы единой воли,
 Къ могилѣ мы одной стезей
 Пройдемъ по жизненной юдоли,
 И намъ споетъ *за упокой!*

И. САТИНЪ.

СТАНСЫ КЪ ДЕЗДЕМОНЪ.

=

О, ты—добра, ты—ангелъ доброты !
Ты—гурія прелестная Корана,
Ты—ниѣа вода, ты—чудо красоты ,
И тыи чѣтъ въ душѣ твоей обмана!

Ты искренна. Чтѣ жь сердце такъ болитъ?
О, для чего такъ пламенно желаешь? ..
Твоя любовь такъ страшно обольстить ,
Но, какъ волна, ты быстра покидаешь.

Въ груди твоей, роскошной, огневой
(Она связъй, чѣтъ вода пустынныхъ пѣна),
Гдѣ вѣтъ рай, есть демонъ роковой,
Онъ проситъ жертвъ, возторговъ, перемѣна.

Когда гроза несмаса надо мной,
И я стоялъ съ открытой головою,
Я не поникъ, не дрогнулъ подъ грозой;
Я думалъ: все любить еще тобою.

И знаешь ли, съ волненіемъ какииъ
Я послѣ бурь къ тебѣ, моя лилея,
Спѣшилъ, летѣлъ, разлукою томилъ,
Входилъ къ тебѣ, пылая и блѣднѣя?

Волшебница! мой взоръ еѣ стѣскалъ...
Но ты къ *нежу* волнений не таяла!
Хотѣлъ тогда... Нѣтъ, я тогда узналъ,
Узналъ одно, какъ мало ты любила!

Узналъ одно... Къ-чему упрекъ здѣсь?
Вы ль прахъ, мои цвѣтушія надежды!
Перенесу... Чего не перенестъ?
Не въ первый разъ... Перенесу, какъ прежде...

Съ душой, къ бѣдамъ привыкшею давно,
Смотрю сквозь слезы на новую утрату:
Все, чтѣ любилъ, чтѣ сердцу было свято,
Все мнѣ на мигъ; на мигъ одинъ дано.
Прости, прости! . . . . .

В. КРАСОВЪ.

ПРОСТИ НАВСЕГДА.

Прости! ужь парусъ на волнахъ ;
Блѣднѣють звѣзды въ небесахъ ;
Лепечеть тополь съ камышами ;
Пронесся гулъ надъ островами !

Гляжу на милыя черты :
Зачѣмъ рыдаешь, ангелъ, ты ?
Я твердость духа всю утрачу ,
И я, какъ женщина, заплачу .

Здѣсь безъ надеждъ я долго жилъ ,
Мой мiръ давно ужь безъ свѣтилъ ,
Въ тьмѣ бытія передо мною
Была послѣдней ты звѣздою .

Еще твою цалую грудь
И очи—въ тяжкомъ упоеньи...
Прости на вѣкъ! Одно моленіе :
Скорѣй, скорѣй меня забудь!..

В. КРАСОВЪ.

РОЗОВАЯ ТУФЛЯ.

(Ноченька.)

=

I.

Въ августъ 17... года множество каретъ и цѣлая толпа цѣлителей окружали театръ Французской Комедіи. Крики кучеровъ, ругательства саволровъ, шумный говоръ лакеевъ, а болѣе всего торопливость всѣхъ и каждаго, доказывали, что въ этотъ вечеръ давали какой-нибудь необыкновенный спектакль. Множество носильщиковъ съ зажженными факелами толпилось у подъездовъ, провожая красивые портшезы, изъ которыхъ выходили нарядныя дамы, раздушенные абаты, мушкетеры и маркизы; казалось, будто въ этотъ вечеръ дворъ и городъ спѣшили рукоплескать Лекану въ роли Оросмана, которую онъ долженъ былъ играть въ первый разъ послѣ продолжительнаго отсутствія. Вдругъ два пикера верхомъ, въ зеленой и красной ливреѣ, пробились сквозь всю эту толпу, очищая дорогу каретъ принца де-Конти, великаго пріора Франціи.

При имени принца всѣ поспѣшили дать ему мѣсто. Его свѣтлость вышелъ изъ кареты, сопровождаемый однимъ изъ своихъ камер-юнкеровъ и двумя дамами, одѣтыми въ нарядныя придворныя платья, что показалось очень-страннымъ удивленній толпѣ. Та изъ этихъ двухъ дамъ, которая была постарѣе, шла рядомъ съ принцемъ, опираясь на его руку; камер-юнкеръ предшествовалъ имъ; другая дама, красоты ослѣпительной, слѣдовала за ними, потупивъ глаза въ землю; она перебирала въ рукахъ своихъ листы чудеснаго китайскаго опахала, обдѣланнаго въ золото и украшеннаго чудесною живописью. Входя на лѣстницу, она споткнулась, и, стараясь удержаться, уронила опахало. Въ эту минуту окружала ее толпа любопытныхъ зѣвакъ, собравшихся любоваться богатыми экипажами и нарядами придворныхъ; по правую сторону этой молодой дамы, невдалекѣ отъ нея, стоялъ какой-то молодой человѣкъ, неспускавшій съ нея глазъ. На этомъ

молодомъ человѣкѣ было черное платье довольно-поношенное, но отличавшееся удивительною чистотою и прекраснымъ покроемъ; волосы его были въ-половину напудрены; манишка его была изъ толстаго полотна и у рукавовъ не было манжетовъ; весь этотъ костюмъ доказывалъ, что тотъ, кто носилъ его, былъ или бѣдный поэтъ, или какой-нибудь адвокатскій ученикъ; во лицо его выражало какое-то особенное величье и дышало благородствомъ. Когда опакало молодой дамы упало къ ногамъ ея, онъ подвѣлъ его и подавъ ей съ почтительнымъ поклономъ; но она не удостоила даже взглядомъ, не только благодарностию, того, кто возвращалъ ей эту драгоценную бездѣлку.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ и, казалось, омутился отъ тако-го невниманія къ его услугѣ. До-тѣхъ-поръ, пока было возможно, онъ провожалъ глазами молодую женщину; потомъ, когда она скрылась изъ вида, онъ, подумавъ съ минуту и опустивъ руку въ карманъ своего камзола, подошелъ къ кассѣ и купилъ себѣ билетъ въ партеръ, прошептавъ тихо:

— Завтра мнѣ нѣ на что будетъ пообѣдать,—но все равно!

И онъ въ свою очередь вошелъ въ залу театра, счастливый мыслию, что онъ увидитъ прекрасную незнакомку и услышитъ Лекзюа въ лучшей его роли. Въ залѣ было нелегко найдти мѣсто, и ему надобно было выдержать тысячу толчковъ, тысячу ругательствъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ пробиться; наконецъ удалось таки ему пріютиться въ уголокъ, гдѣ онъ не могъ пошевелить ни рукою, ни ногою, но откуда ему была видна какъ-нельзя-лучше и сцена и ложа его свѣтлости принца де-Конти.

Въ этой ложѣ, кромѣ тѣхъ особъ, которыхъ мы уже назвали, находились герцогиня Люксамбургъ и два или три литератора, которыхъ принцъ удостоилъ приглашеніемъ. Маршальша Люксамбургъ сидѣла напередн ложѣ рядомъ съ другою пожилою дамою, а великій пріоръ занималъ мѣсто въ углубленіи ложи подлѣ третьей дамы. Взоры бѣднаго молодого человѣка не могли оторваться отъ этой ложи: онъ съ жадностью пожиралъ глазами женщину, за которую послѣдовалъ какъ безумный, не зная ея имени и увѣренный, что даже не былъ замѣченъ ею. Лицо этой женщины представляло собою типъ красоты, свойственной восемнадцатому вѣку, которую такъ вѣрно передали намъ портреты Буше. Высокое, благородное чело, черные волосы, гладко припомаженные спереди и образующіе на верхушкѣ головы семь необходимыхъ петель, большіе черные глаза, то пламенные, то томные, малень-

кій розовый ротикъ, атласистая кожа, чудесная талія и бѣленькія пухленькія ручки,—все это довазывало, что она принадлежала къ числу знатнѣйшихъ дамъ; голова ея была убрана множествомъ перьевъ и драгоценныхъ камней; платье изъ атласа съ золотыми разводами, обшитое испанскими кружевами; на лѣвой рукѣ ея сіялъ браслетъ съ портретомъ, осыпаннымъ брилльянтами; однимъ словомъ, эта женщина затмѣвала всѣхъ красотою и нарядомъ; въ ней было что-то необыкновенно очаровательное, такъ-что невозможно было отвести отъ нея глазъ.

Два сосѣда молодого человѣка, казалось, очень-хорошо были знакомы со всею знатью, наполнявшею ложу: они знали рѣшительно всѣхъ: Одинъ изъ нихъ былъ ученикъ Леонара, моднаго парикмахера; другой писецъ шатлетскаго прокурора, который все свободное время проводилъ въ Cours-la-Reine или въ Тюльерійскомъ Саду, и который, желая придать себѣ видъ порядочнаго человѣка, училъ наизусть генеалогію древнихъ семействъ. Молодой человѣкъ рѣшился спросить у своихъ сосѣдей объ именахъ тѣхъ, которые занимали ложу принца Конти.

— О! я всѣхъ ихъ знаю очень-хорошо! возкликнулъ ученикъ Леонара... Во-первыхъ, тамъ маршальша герцогиня де-Люксамбургъ, которую отецъ мой убиралъ, когда она была еще герцогинею Буфлеръ; тогда она считалась одною изъ прекраснѣйшихъ женщинъ при дворѣ; она очень-хорошо это знала и многіе знали это точно такъ же, какъ и она. Дама, сидящая рядомъ съ нею, герцогиня де-Жевръ, почтенная и достойная уваженія женщина; а немного позади ея видите вы маркизу де-Монконтуръ, которой г. Леонаръ накалывалъ нынче вечеромъ этотъ букетъ перьевъ и эти брилльянты, а я подавалъ ему булавки. Я слышалъ, какъ маркиза говорила маркизу, что она обѣдаетъ нынче въ Тамплъ, и что ея высочество дофина будетъ сегодня въ театрѣ; вотъ отъ-чего всѣ дамы въ нарядныхъ платьяхъ.

«Такъ у нея есть мужъ?»

— Конечно; мужъ ея принадлежитъ ко двору дофина; онъ, кажется, не очень-вѣженъ къ своей супругѣ.— Право, жаль, что такая прекрасная женщина досталась такому холодному созданию!

Молодой человѣкъ не спрашивалъ болѣе; дофина, которая въ-послѣдствіи была несчастною Маріей-Антуанетой, вошла въ свою ложу при громѣ рукоплесканій всѣхъ зрителей; когда она сѣла, поднялся занавѣсъ и спектакль начался.

Леканъ былъ превозходенъ въ роли Оросмана; безобразіе его

исчезало, когда лицо артиста оживилось страстію къ Заирѣ. Бѣдный поэтъ нашъ въ первый разъ еще видѣлъ великаго актѣра, и могущество его таланта было такъ сильно, что онъ заставилъ молодого человѣка на цѣлый часъ забыть о предметѣ его страсти. Онъ усвоивалъ себѣ мысли и стихи Вольтера; ему казалось, что онъ также былъ любимъ и обманутъ; въ пятомъ актѣ, когда Оросманъ одинъ въ темнотѣ ожидаетъ свою любовницу, не вѣра, чтобъ она могла прійти на свиданіе, которое однакоже сама назначила, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и хотѣлъ бы имѣть книжаль, чтобъ поразить имъ невѣрную тысячу разъ; всѣ страданія Оросмана сдѣлались его страданіями, и въ концѣ пьесы, когда сей послѣдній отмстилъ за себя, когда Заира уже умерла, когда султанъ, узнавъ всю истину, самъ умерщвляетъ себя, онъ почувствовалъ какое-то облегченіе и залился слезами.—Тогда глаза его снова обратились на маркизу де-Монконтуръ, на лицѣ которой онъ думалъ прочесть какое-нибудь участіе къ этой сценѣ; но она, закрывшись своимъ опахаломъ, громко смѣялась и даже не обращала вниманія на развязку пьесы.

Послѣ трагедіи дофина уѣхала, провожаемая рукоплесканіями всей публики. Принцъ Конти и дамы, бывшія съ нимъ, также оставили ложу. Адрианъ Лелуаръ (такъ назывался молодой человѣкъ) успѣшилъ оставить свое мѣсто, и видѣлъ, какъ маркиза сѣла въ карету, но только не въ принцову.

Полицейскій служитель, стоявшій у подъезда, закричалъ, чтобъ подавали карету герцогини де-Жевръ, и маркиза послѣдовала за своею теткою. Когда карета ихъ скрылась изъ вида, Адрианъ сталъ самъ себя спрашивать, не былъ ли весь этотъ вечеръ сонъ, и ему казалось, что все видѣнное имъ было волшебство; онъ тихо побрѣлъ домой на свой чердакъ, не зная самъ, чтѣ съ нимъ было, и сомнѣваясь при немъ ли былъ его расудокъ.

—Боже мой! говорилъ онъ самъ съ собою:—какъ прекрасна эта женщина! и какъ она горда и надменна! Зачѣмъ я не знатенъ и не богатъ! зачѣмъ у меня нѣтъ кафтана, вышитаго золотомъ!... Я былъ бы любимъ ею, я бы заставилъ ее полюбить себя... Но я бѣдный, никѣмъ незнаемый поэтъ, я не дворянинъ, я нехо-рошъ собою, и она никогда не обратитъ на меня вниманія! Зачѣмъ встрѣтилъ я ее? Теперь я буду думать только о ней, и никакос другое дѣло не пойдетъ мнѣ на умъ: мнѣ нельзя уже будетъ посылать денегъ моей бѣдной матери, которая такъ нѣжно меня любитъ. О, Боже, Боже! зачѣмъ увидѣлъ я ее!

Разговаривая такимъ-образомъ самъ съ собою, шелъ онъ къ Лагарповой Улицѣ, гдѣ занималъ въ пятомъ этажѣ маленькую бѣдную комнатку. Онъ бросилъ свою шляпу на стулъ, затворилъ дверь и, нища развлеченія, принялся за работу; но все было напрасно: на всѣхъ страницахъ видѣлъ онъ только прекрасную голову маркизы, украшенную перьями и брилльянтами, а чаще всего маленькую розовую туфлю, заключавшую въ себя прекраснѣйшую въ мірѣ ножку; потомъ окидывалъ глазами бѣдное свое жилище и ему казалось, будто онъ только въ первый разъ постигалъ во всей силѣ свое ничтожество и нищету. Чувствуя, что перо и бумага были не въ-силахъ привлечь его вниманіе, онъ рѣшился лечь спать, но все было напрасно; во снѣ занимали его такія же мечты, какъ на яву, и на утро, когда настала день, онъ долженъ былъ согласиться, что былъ рѣшительно влюбленъ въ маркизу де-Монконтуръ, а это отворило двери прямо въ домъ сумасшедшихъ. Увидѣвшись однажды въ своихъ чувствахъ, онъ не старался уже пересказать ихъ и предался имъ со всею безотчетностію молодости; тогда первою заботою его сдѣлалось желаніе узнать мѣсто жительства маркизы; это было нетрудно, потому-что имя маркизы было очень-извѣстно; она жила въ Университетской Улицѣ. Адрианъ нанялъ противъ ея отеля за очень-дорогую цѣну небольшую комнатку безъ камина, окна которой были обращены въ садъ маркизы, гдѣ онъ могъ надѣяться видѣть ее хоть мѣлькомъ. Для человѣка влюбленнаго до такой степени этого было уже много, и онъ помѣстился въ новой своей обсерваторіи, твердо рѣшась не покидать своего наблюдательнаго поста.

Около одиннадцати часовъ увидѣлъ онъ какую-то женщину, въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, гуляющую въ саду. Не смотря на отдаленіе, онъ узналъ маркизу; маленькая собачка бѣгала около нея дѣлая разные прыжки; скоро пустилась она опрометью къ дому и черезъ минуту возвратилась оттуда, неся что-то во рту съ торжествующимъ видомъ. Въ-слѣдъ за нею приближалась горничная и сказала что-то своей госпожѣ, которая засмѣялась, киннула собачку и вырвала у нея то, что она впрямую утащила, чтобъ сдѣлать себѣ игрушку. Адрианъ узналъ розовую туфлю, которая спускалась ему во всю ночь.

Въ-продолженіе дня онъ едва не умеръ отъ ревности, вида сколько молодыхъ птимеровъ и обожателей приходило въ домъ маркизы. Къ ночи желудокъ доложилъ ему, что онъ цѣлый день ничего не ѣлъ, но въ то же время онъ вспомнилъ, что у него

не осталось ни одного су на хлѣбъ, потому-что послѣдній ефимокъ, который оставался у него, былъ издержанъ наканунѣ на билетъ въ театръ, и что хозяйнѣ дома, гдѣ онъ жилъ, удержалъ, вмѣсто уплаты за квартиру, всю его мѣбель и весь гардеробъ. У него оставалась однакоже еще одна драгоценность, которую онъ до-сихъ-поръ хранилъ какъ святыню. То были часы его бабушки, осыпанные рубинами и брилльянтами и стоившія около ста ефимковъ. Трудно было ему разстаться съ этими драгоценными часами: съ ними случалось столько воспоминаній; но будущая любовь одержала наконецъ побѣду; онъ взялъ часы, отнесъ ихъ брильянщику, который, по-счастію, былъ человѣкъ честный и отсчиталъ ему двѣсти восемьдесятъ ливровъ. Видя себя обладателемъ такой суммы, Адрианъ думалъ, что сдѣлался богаче Креза; онъ побѣжалъ прежде всего къ портному, купилъ себѣ полную пару платья, которое, не будучи очень-роскошно, могло однакоже придать его виду нѣсколько благородства, и съ заботливостію спрятавъ остальные деньги для приведенія въ исполненіе одного плана, о которомъ думалъ уже съ самаго утра.

Такъ жилъ онъ около двухъ мѣсяцевъ; наковецъ сокровище его изтощилось; не имѣя рѣшительно никакихъ средствъ къ существованію, онъ долженъ былъ снова приняться за работу; часто, проведя всю ночь за перомъ, относилъ онъ утромъ рукопись свою къ книгопродавцу, и, получивъ отъ него двадцать или тридцать ливровъ, покупалъ себѣ хлѣбъ; съ этимъ скуднымъ обѣдомъ возвращался онъ домой къ своему окну, откуда съ завистію смотрѣлъ на маленькую собачку маркизы, играющую на травѣ у ногъ ея. Остальные деньги берегъ онъ на билеты въ театръ; зная дни, въ которые маркиза посѣщала Оперу, онъ всегда отправлялся туда за нею. Иногда покупалъ онъ также букеты прекрасныхъ, душистыхъ цвѣтовъ, становился у дверей своего дома, и, когда маркиза проѣзжала мимо, бросалъ ихъ въ ея карету. Онъ замѣтилъ, что маркиза съ удовольствіемъ останавливалась въ саду своемъ предъ кустами розановъ, упиваясь ихъ благоуханіемъ, и онъ былъ несчастлиавъ на цѣлый день, когда поднятыя стекла кареты заставляли его оставить у себя приготовленный букетъ розъ. Тогда возвращался онъ въ свою бѣдную комнатку, запирался, бралъ два стакана, наливалъ ихъ водою и ставилъ въ нихъ свои розы, рядомъ съ маленькимъ ящичкомъ, обтянутымъ замшею, который, вѣроятно, заключалъ въ себѣ какую-нибудь драгоценную для бѣднаго поэта вещь, потому-что онъ едва позволялъ себѣ открывать его,

и никогда не прикасался къ нему безъ того, чтобы не поцаловало сокровище, которое было скрыто въ немъ.—Бѣдный молодой человѣкъ предавался такимъ-образомъ своей страсти безъ надежды, безъ будущности; онъ жилъ жизнью другой, и эта другая и удостоивала даже справиться о его имени. Часто, ночью, дожидаясь онъ возвращенія маркизы; при свѣтѣ факеловъ, видѣлъ онъ, как она выходила изъ своей кареты, или портшеза, поддерживаемая слугами, облитыми въ золото... Онъ изучилъ внутреннее разположеніе ея дома и зналъ окна ея спальни, такъ же, какъ и тѣ, которыя принадлежали къ половинѣ ея мужа.—До-такъ-поръ, пока въ котормъ - вѣбудь изъ этихъ оконъ свѣтился огонь, былъ онъ и своемъ постѣ, потомъ сходилъ какъ сумасшедшій внизъ на улицу садился у дверей своего дома и часто оставался тамъ до разсвѣта плача у того порога, черезъ который не смѣлъ переступить. Скоро печальная отрада, которую онъ создалъ себѣ, была отнята отъ него: маркиза де - Монконтуръ вдругъ совершенно перемѣнилъ образъ жизни; она перестала посѣщать Оперу и Французскую Комедию, выѣзжала по-утрамъ только въ церковь, и отказалась даже отъ версальскихъ собраній. Адрианъ видѣлъ ее иногда въ саду, всегда одну; она однакоже не казалась больною, только лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго. Вмѣсто улыбки, которая безпрестанно появлялась прежде на устахъ ея, въ ней была замѣтна какая-то особенная томность. Адрианъ, самъ не умѣя отдать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, былъ несчастливъ этою переменною... Три недѣли уже находился онъ въ такомъ тревожномъ безпокойствѣ и наконецъ рѣшился на отчаянное предпріятіе, на которое у него никогда бы не достало смѣлости безъ новыхъ несчастій.

II.

Солнечные лучи падали прямо на окна комнату маркизы, были они въ нижнемъ этажѣ и обращенныхъ въ садъ. Было десять часовъ утра; она только-что позвала своихъ женщинъ, которыя съ осторожностію и постепенно подняли тройныя шторы: теплый благоуханный воздухъ весенняго утра наполнилъ всю комнату и достигъ кровати; на которой покоилась еще прекрасная маркиза. Кровать эта была чудомъ роскоши и изящества: великолѣпный балдахинъ, украшенный строусовыми перьями, былъ обтянутъ голубымъ китайскимъ штофомъ, усыпаннымъ серебряными звѣздочками; бѣлыя кисейныя занавѣси, вышитыя чудесными узорами, падали до самыхъ ножекъ кровати и защищали ее отъ изли

ниного свѣта; богатое голубое атласное одѣяло, обшитое кружевами, было переброшено черезъ кровать, подлѣ которой лежали разные предметы утренняго туалета маркизы, бѣлый пенъюаръ, маленькій чепчикъ съ розовыми лентами, шелковые чулки, бѣлье изъ самаго тонкаго батиста. Вся эти прихотливыя принадлежности дамскаго туалета могли бы и изъ дурной женщины сдѣлать красавицу, лишь бы ей было не болѣе двадцати лѣтъ; остальное украшеніе этой комнаты соответствовало своимъ богатствомъ и роскошью кровати, которую мы описали; мягкіе ковры, севрскія фарфоровыя вазы, мраморный камень и надъ нимъ гербъ фамиліи маркизовъ де-Монконтуръ, все это поражало взоры; но лучше всѣхъ этихъ роскошныхъ украшеній была сама маркиза, царица этого очаровательнаго храма, и этой-то царицѣ, этой женщинѣ, окруженной всеми дарами богатства, бѣдный Адрианъ Делуаръ посвятилъ всю жизнь свою.

Горничная, открывъ окна, подала нѣсколько писемъ маркизѣ, которая, взглянувъ на адреса, стала распечатывать ихъ нѣхотя.

— Кромѣ этихъ писемъ, нѣтъ никакихъ другихъ, Лизета?

«Нѣтъ, маркиза; здѣсь все, что мнѣ отдалъ швейцаръ.»

Маркиза сдѣлала маленькую гримасу, и зѣвая распечатывала письма одно за другимъ; она пробѣжала уже нѣсколько ихъ, какъ вдругъ незнакомый почеркъ поразилъ ея взоры.

— Боже мой! что это такое? воскликнула она.

По прочтеніи первыхъ строкъ, лицо ея приняло серьезное выраженіе; она продолжала однакоже читать и, дочитавъ до конца, воскликнула:

— Этотъ человекъ или сумасшедшій, или дерзкій негодяй.

Вотъ что заключалось въ этомъ письмѣ:

«Я покажусь вамъ очень страненъ, маркиза, и еслибъ, вмѣсто письма, я осмѣлился сказать вамъ на словахъ то, что пишу теперь, то вы, конечно, приказали бы вашимъ людямъ выгнать меня вонъ... Вотъ отъ-чего я рѣшился прибѣгнуть только къ письму... Я люблю васъ, маркиза, и если уже могъ осмѣлиться на это, то почему же мнѣ не смѣть признаться вамъ въ томъ? Вы даже не подозреваете моего существованія, и между вами и мною такое разстояніе, что я не смѣлъ бы взглянуть на васъ прямо, еслибъ вы стояли рядомъ со мною; но я былъ столько счастливъ, что могъ смотрѣть на васъ издалека... Съ нѣкотораго времени вы лишаете меня единственной отрады, которая осталась мнѣ въ жизни: вы не выѣзжаете болѣе, не бываете въ театрѣ и даже рѣд-

ко бываете въ своемъ саду... Вы должны быть добры, маркиза, сжалятесь же надъ мною; позвольте мнѣ, хоть нѣсколько минутъ въ день, смотрѣть на васъ, чтобъ я могъ переносить мое бѣдствіе и мое горе. Простите мнѣ слова мои; высшія существа не оскорбляются молениями; лучшее созданіе Божіе — вы конечно не будете неумолимы. — Я кончаю письмо мое и подымаю. инемемъ слишкомъ ничтожнымъ. О! еслибъ вы знали, какъ бьется мое сердце при мысли, что вы узнаете наконецъ это имя и что когда-нибудь вы, можетъ-быть, вспомните о немъ; когда вамъ нуженъ будетъ человекъ, готовый умереть за васъ безъ малѣйшей надежды на награду.

«Адрианъ Лелуаръ»

Маркиза прочитала письмо въ-слухъ и Лизета, слушая его, улыбалась.

— Кто это такой, Лизета? ты знаешь его?

«Да, маркиза, я знаю его, точно такъ же, какъ и весь кварталъ нашъ. Только вы одинъ не знали до какой степени онъ влюбленъ въ васъ; можетъ-быть, онъ сумасшедшій; но я ручаюсь вамъ, что онъ совсѣмъ не дерзокъ.»

— Какъ? онъ влюбленъ? всѣ знаютъ это, и ты мнѣ ничего досихъ-поръ не сказала?

«Но вы, маркиза, запретили мнѣ вмѣшиваться въ такія дѣла, которыя до меня не касаются.»

— Но, отъ-чего же весь кварталъ знаетъ, что г. Адрианъ Лелуаръ удостоиваетъ меня своимъ вниманіемъ?

«Отъ-того, что онъ проводитъ цѣлыя ночи подъ окнами вашего отеля, и цѣлые дни у окна своей комнатки въ шестомъ этажѣ дома, что напротивъ насъ; отъ-того, что онъ бросаетъ букеты цвѣтовъ въ вашу карету, и наконецъ отъ-того, что онъ подарилъ мнѣ два лундора за вашу розовую туфлю, которую Бижу утащила однажды въ садъ... Не знаю, помните ли вы это...»

— А! возразила маркиза: это тотъ молодой человекъ, у котораго вѣчно въ рукахъ букетъ цвѣтовъ? онъ одѣтъ довольно дурно.

Она сложила письмо и, спрятавъ его подъ подушку, сказала:

— Я покажу это письмо кавалеру де-Серану; оно очень позабавитъ его. Лизета, прибавила она: я не встану прежде двухъ часовъ; у меня мигрень; прикажи предупредить маркиза, что я буду обѣдать у себя въ комнатѣ; я не принимаю никого, кромѣ тетушки и кавалера. Подай мнѣ эту книгу, которая лежитъ тамъ.

Нѣсколько минутъ спустя, маркизь де-Монконтуръ приказалъ спросить жену свою, можетъ ли она принять его. Получивъ позволеніе явиться, онъ пришелъ къ ней въ спальню. Маркизу было лѣтъ тридцать-шесть не болѣе; наружность его была важна и всегда серьезна; онъ старался прослыть за человѣка высокой нравственности, свято наблюдалъ всѣ законы этикета и приличій, казался совершеннымъ вырождакомъ своего вѣка, и по образу жизни былъ рѣшительнымъ антиподомъ жены своей. Въ немъ не было ни щегольства, ни безопасности перваго, ни вѣтренности и кокетства второй.

Подошедъ къ постели жены, онъ спросилъ ее очень-серьезно отъ-чего у ней мигрень? Не оставалась ли она наканунѣ слишкомъ-долго на какомъ-нибудь балѣ, и не слишкомъ ли долго танцевала, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на-счетъ того образа жизни, который она вела.

—Я не ревнивъ, вы это знаете, маркиза; я прошу васъ только, чтобъ всѣ ваши глупости не доходили до моихъ ушей. Мѣсто, занимаемое мною при его высочествѣ дофинѣ, запрещаетъ мнѣ все то, что вы такъ любите; я долженъ слѣдовать примѣру, который подаетъ мнѣ мой принцъ, и конечно примѣръ этотъ самый лучший... Прошу васъ помнить только, что малѣйшее нарушеніе приличій съ вашей стороны можетъ повести насъ такъ далеко; что я не буду умѣть остановиться; впрочемъ, я стану надзирать за вами.

Маркиза взглянула на него съ удивленіемъ. Это рѣшительное требованіе мужа, чтобъ она вела себя осторожно, предвѣщало ей какое-нибудь несчастіе. Будучи слишкомъ-хитра, она не старалась оправдываться: это значило бы сознаться, что ее обвиняли справедливо. Напротивъ, она привяла на себя самый смиренный видъ, и иной могъ бы подумать, что она была самою покорною женою. Для маркиза этого было довольно; онъ хотѣлъ только одного: сохраненія приличія хотя по наружности, до прочаго ему не было никакого дѣла, и каково бы ни было поведеніе жены его, онъ оставался къ нему совершенно равнодушнъ, лишь бы никто не говорилъ объ этомъ. Онъ простилъ бы ей скорѣе десять настоящихъ любовниковъ, чѣмъ одну невинную неосторожность.

Маркиза де-Монконтуръ, будучи женщиною умной, сдѣлала однакоже большую ошибку; не изучивъ хорошенько характера своего мужа, она не умѣла примѣниться къ нему. Твердая рѣшимость маркиза слыть за человѣка счастливаго своимъ супружествомъ,

въ подражаніе дофину и дофинѣ, казалась ей смѣшною глупостію. Какъ женщина молодая и вѣтрная, она не знала, что можетъ сдѣлать изъ придворнаго жандо честолюбіа. Итакъ, слова мужа оставили въ ней только вѣпрітное впечатаніе, производимое на насъ скучною сценою, и она дала себѣ слово стараться всѣми силами избѣгать на будущее время подобныхъ разговоровъ. Она встала веселая и безпечная, какъ и всегда, занялась съ особенною тщательностію своимъ туалетомъ и стала ждать такъ, какъ умыють дожидаться однѣ женщины, которыя въ этомъ словѣ сосредоточиваютъ всѣ радости грядущаго и всѣ горести разлуки.

Лизета подала ей письма, забытыя ею на постели. Увидѣвъ опять письмо Адриана, она не могла воодержаться отъ улыбки; въ эту минуту пришло ей на умъ, что сладостно было бы раздѣлять такую любовь; но уввы! мы никогда не умѣемъ любить тѣхъ, которые насъ такъ любятъ... Лизета вышла изъ спальни и оставила маркизу одну; маркиза невольно стала думать о странной страсти бѣднаго поэта, какъ вдругъ горничная возвратилась и шопотомъ доложила ей о приходѣ кавалера де-Серана, спрашивая, угодно ли ей принять его.

— Проси, сказала она голосомъ, въ которомъ было замѣтно сильное душевное волженіе.

Кавалеръ вошелъ на-цыпочкахъ, какъ человѣкъ, который боится встревожить больного.

«Говорятъ, что вы нездоровы, маркиза: не-уже-ли это действительно правда? — можетъ-быть только одинъ капризъ...»

— Вчера это была еще правда; вчера я точно страдала, но сегодня страданіе это превратилось въ радость и счастье, потому-что вы опять возвращены мнѣ... Вы кончили свою службу, не правдали? вы не пойдете уже болѣе въ Со, гдѣ пробыли цѣлый мѣсяць? Какъ несносно имѣть какое-нибудь мѣсто при дворѣ дофина!... это отнимаетъ всю свободу...

Кавалеръ поцаловалъ руку маркизы и спросилъ ее съ жеманствомъ и нѣжностію, точно ли она замѣтила его отсутствіе.

Кавалеръ де-Серанъ былъ прекрасный молодой человѣкъ; онъ представлялъ собою вѣстннцій типъ придворнаго повѣсы той эпохи; лицо его было прекрасно, станъ строгъ, движенія ловки; онъ отличался остроуміемъ и прекрасными манерами, которыми въ то время природа надѣляла знатныхъ барячей при самомъ ихъ рожденіи и для приобретенія которыхъ вывѣче нужно долга мнѣть.

Что же касается до сердца, то у него не было и слѣдовъ его; ненасытная жажда наслажденій, рѣдкое постоянство, съ камнемъ ольгопоясь за ними, довольно-пылкое воображеніе, большая привычка къ успѣхамъ, а, главное, чрезвычайное самолюбіе, бывшее его единственною страстью,—все это, прикрасивъ прекрасною наружностью, заставляло думать въ свѣтъ, что кавалеръ былъ любовникъ самый пламенный, котораго не могли остановить никакія препятствія; были даже женщины, увѣрившія, что ревность его не имѣла границъ, и что онъ всегда носилъ въ карманѣ своего жилета маленькій кинжалъ, привезенный имъ изъ Мальты и назначенный на гибель соперниковъ вмѣстѣ съ тѣми, которыя были бы невѣрны ему. Немногія изъ женщинъ пріобрѣтаютъ столько опытности, чтобъ имѣть возможность проникать съ перваго взгляда сквозь оболочку, подъ которою скрываются страсти. Онѣ часто любятъ прежде, чѣмъ узнаютъ человѣка, которому отдаются, а послѣ привязанность ихъ уже такъ укореняется, что онѣ не могутъ перемѣнить своихъ чувствъ, хотя и видятъ, что были обмануты наружностію.

Итакъ маркиза предалась всей прелести этой связи; она беззаботно подвергала себя пересудамъ свѣта и гнѣву своего мужа, чтобъ насладиться блуждающимъ огнемъ счастья и мечтами безпрестанно-разрушаемыми и безпрестанно возобновляющимися. Въ этотъ день кавалеръ былъ какъ-то особенно любезенъ; маркиза де-Монконтуръ казалась ему почти новостью, потому-что въ-продолженіе цѣлаго мѣсяца онъ не видѣлъ ея и не думалъ о ней, а для такого человѣка, какимъ былъ кавалеръ де-Серанъ, новость всегда имѣла что-то привлекательное. Маркиза показала ему письмо Адриана; они оба смѣялись читая его и смѣялись также страсти, которую называли глупостію, потому-что не могли понять ее... Наконецъ кавалеръ вышелъ на садовую террасу, прося маркизу, чтобъ она осталась у себя въ комнатѣ.

— Если этотъ господинъ такъ пламенно желаетъ видѣть васъ, то пусть увидитъ меня, и тогда вѣроятно первое письмо его будетъ написано изъ Трапскаго Монастыря; я предвижу для него только это одно убѣжище... На какомъ чердакѣ живетъ онъ? прибавилъ кавалеръ де-Серанъ, поднявъ глаза вверхъ и осматривая крыши всѣхъ соседнихъ домовъ.

«Право, не знаю; я никогда не смотрѣла такъ высоко; мнѣ не приходило даже въ голову, чтобъ у меня были обожатели въ ше-

стомъ этажъ; впрочемъ, вы знаете, что онъ купаетъ у моей горничной мои старыя вещи.»

— Это настоящая любовь поэта! И я быюсь объ закладъ, что онъ написалъ по-крайней-мѣрѣ четыре сонета и двадцать романовъ къ вашимъ блаженнымъ тужаламъ; но довольно говорить о такой малости; время прекрасное: не хотите ли вы пройти по саду?

Маркиза дернула за колокольчикъ и спросила вшедшую Лизетту, дома ли маркизъ?

— Маркизъ уѣхалъ въ своей городской каретѣ, приказавъ Жермену ожидать его къ семи часамъ и приготовить переодѣться.

«Да; я и забыла, что онъ ужинаетъ нынче у герцогини де-Люксамбуръ.»

Сказавъ это, маркиза встала и пошла въ садъ вмѣстѣ съ кавалеромъ, опираясь на его руку съ видомъ счастливой фамильярности, и рассказывая ему лишенія, на которыя она обрекла себя въ его отсутствіе, отказавшись отъ свѣта, гдѣ не имѣла надежды встрѣтить его.

— Я даже не ѣздила ко двору; и что бы стала я тамъ дѣлать? герцогъ пентьеврскій былъ въ Со, а вы знаете, что для меня настоящій дворъ — дворъ герцога.

Въ концѣ сада, за густыми акаціями, была маленькая калитка; любовники стали говорить шопотомъ, указывая на эту калитку, и послѣ получасовой прогулки послѣднее слово, сказанное кавалеромъ маркизъ, было:

«Въ девять часовъ буду я тамъ, постучусь три раза, и мнѣ отворять...»

Адрианъ изъ своего шестаго этажа былъ свидѣтелемъ этой сцены. Онъ понялъ ее какъ-нельзя-лучше и зналъ теперь, что не маркизъ де-Монконтуръ былъ соперникомъ, котораго онъ долженъ былъ болѣе всѣхъ бояться. Это открытіе было для него нестерпимо-мучительно; онъ рѣшился оставить свой чердакъ, забыть женщину недостойную того обожанія, которое онъ чувствовалъ къ ней, и некатъ разсѣянія въ шумныхъ удовольствіяхъ Парижа. Долго сидѣлъ онъ, склонивъ голову на обѣ руки предъ замшевымъ футляромъ, который уже не открывалъ болѣе. Около десятиго часа вечера, кто-то взбѣжалъ по его лѣстницѣ, постучался къ нему въ дверь и онъ услышалъ женскій голосъ, который закричалъ:

— Отворите, г. Адрианъ! отворите скорѣе! я прислава къ вамъ отъ маркизы де-Монконтуръ.

Адрианъ отворилъ дверь.

— Сядьте за мною, сказала Лизетта: маркиза хочет сію минуту васъ видѣть.

III.

Адріанъ, безъ шляпы, съ развязаннымъ галстукомъ, бросился вонъ изъ комнаты: онъ повиновался приказанію имъ полученному, не зная почти, что дѣлать и слѣдовалъ машинально за Лизеттой. Она сбѣжала съ лѣстницы, перешла улицу, прокралась къ садовой калиткѣ и, введя въ садъ бѣднаго поэта, поспѣшно затворила за собою дверь.

— Идите вдоль этой аллеи и старайтесь, чтобъ васъ не услышали. Когда вы будете подлѣ дома, новоротите къ крыльцу; главное, старайтесь, чтобъ васъ никто не увидѣлъ.

Адріанъ сдѣлалъ все, что ему приказывали; онъ не могъ вѣрить своему счастью: онъ, ничтожный, бѣдный человекъ, былъ теперь вводимъ, какъ любовникъ, въ домъ знатнаго вельможи; онъ былъ любимъ маркизою Монконтуръ; мысль эта едва не лишила его разсудка; но могъ ли онъ думать иначе, и рѣшилась ли бы маркиза пренебречь опасностью тайнаго съ нимъ свиданія, еслибъ не любила его?... Сердце билось въ груди его съ такою силою, что онъ едва могъ дышать: онъ былъ такъ счастливъ, что счастье это становилось мученіемъ.

Лизетта тихо отворила дверь комнаты своей госпожи.

— Маркиза! сказала она въ полголоса: вотъ г. Адріанъ Лелуаръ. «Слава Богу!» отвѣчала маркиза: «пусть онъ войдетъ.»

Адріанъ вошелъ. Когда онъ увидѣлъ себя въ первый разъ въ такой роскошной комнатѣ, въ присутствіи женщины, которую обожалъ и которую видалъ только издалека, ему показалось, что все это былъ сонъ, и онъ стоялъ неподвижно, не смѣя сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Маркиза должна была три раза повторить ему, чтобъ онъ подошелъ, прежде чѣмъ онъ рѣшился подойти.

— Г. Адріанъ, сказала она ему: поступокъ мой, конечно, кажется вамъ очень-страннымъ, можетъ-быть даже слишкомъ-неприличнымъ, и я боюсь, что вы разсердитесь, когда узнаете причину, заставившую меня прибѣгнуть къ нему. Сядьте и выслушайте меня.

Г-жа де-Монконтуръ лежала въ постели, но спальня ея не представляла уже того щеголеватого вида, которымъ отличалась прежде: разбросанныя по стульямъ платья, разпущенныя, нечистые дредные волосы, встревоженное лицо и покраснѣвшіе глаза, все

это доказывало, что какой-нибудь особенный случай нарушилъ обыкновенный порядокъ въ ея жизни. Адрианъ смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, потому-что весь этотъ беспорядокъ придавалъ ей еще болѣе прелести. Онъ взялъ стулъ и приготовился слушать то, что хотѣла сказать ему маркиза; онъ боялся ея гнѣва, боялся ея ненависти, боялся всего. Не за тѣмъ-ли призвала она его, чтобъ потребовать у него отчета, что могло ему внушить дерзость писать къ ней: дерзость эта казалась ему теперь ужасною, и только одно презрѣніе или гнѣвъ могли быть наградою любви его. Между-тѣмъ маркиза также была несовершенно-спокойна; она не знала, какъ начать то, что хотѣла сказать Адриану, и, помолчавъ съ минутою, начала такъ:

— Нынѣче утромъ я получила отъ васъ письмо; чувства, выраженные въ немъ, и тонъ, съ какимъ они выражены, заслуживали бы скорѣе гнѣва, чѣмъ сожалѣнія; не смотря на это, я однакоже прочла письмо до конца, и, признаюсь, была тронута тою неограниченною преданностію, которую вы изъявляете мнѣ; такая любовь нынѣ рѣдкость, и счастлива та женщина, которой удалось внушить подобное глубокое чувство. Простите меня, если я подтвердила искренности словъ вашихъ, а болѣе всего простите, что я такъ скоро рѣшилась подвергнуть испытанію чувство, на которое не имѣю никакого права и котораго не заслуживаю.

Адрианъ глядѣлъ на нее съ такимъ удивленіемъ, сомнѣніе и надежда такими рѣзкими чертами отражались на его простодушномъ лицѣ, что, не смотря на волненіе и горестъ, которымъ маркиза, казалось, была предана въ жертву, она не могла воздержаться отъ улыбки.

— Я рѣшаюсь вѣрить вамъ тайну моей жизни, и это должно служить вамъ доказательствомъ, какое мнѣніе имѣю я о вашемъ благородствѣ и вашей честности; согласитесь ли вы исполнить мою просьбу или откажете мнѣ въ ней, я во всякомъ случаѣ увѣрена, что тайна моя будетъ сохранена вами свято... Есть въ мірѣ одинъ человекъ, котораго я люблю—какъ вы любите меня... Человекъ этотъ,—за чѣмъ вамъ знать его имя?—былъ здѣсь нѣсколько минутъ назадъ; какъ вы, онъ вошелъ сюда чрезъ садовую калитку, и точно также присутствіе его у меня было тайною для всѣхъ. Я думала, что всѣ предосторожности, принятыя нами, были действительны, но (прибавила она съ улыбкой, въ которой выразилось презрѣніе и ярость:) одинъ предатель донесъ обо всемъ мужу моему... О! вы же знаете, что такое мужъ мой! это придворный, кото-

рый равнодушенъ ко всему, кромѣ блеска своего имени, который готовъ предать меня позору, не размысливъ о томъ, что губя меня, онъ губить также и честь свою. Итанъ ничто не остановитъ его, ни моя просьбы, ни слезы... онъ первый торжественно обнародитъ позоръ свой, и гибель моя тогда неизбежна. Чтобъ отворотить эту бѣду, остается одно средство: самоотверженіе вѣрнаго, преданнаго друга, который бы согласился жертвовать собою за меня, — и я вспомнила о васъ, г. Делуаръ...

По-мѣрѣ того, какъ говорила маркиза, надежды бѣднаго Адриана разлетались одна за другою; душа его была подавляема тяжкими, невыразимымъ горемъ, и крупныя слезы катились по блаженнымъ щекамъ его. Но когда онъ увидѣлъ, что эта гордая, надменная женщина рѣшилась унизиться до крайности, когда она сказала ему, что нужно было великое самоотверженіе и что она вспомнила о немъ; когда она взглянула на него тѣмъ обольстительнымъ взоромъ, котораго власть была такъ хорошо ей известна; тогда слезы его остановились, мысль, что онъ былъ избранъ ею для такой жертвы, придава лицу его какое-то гордое величіе, онъ бросился на колѣни и клялся, что она можетъ располагать его жизнью, которая принадлежала ей вполнѣ.

— Встаньте, Адрианъ, и будьте увѣрены въ моей благодарности. Мнѣ больно, что я принуждена принять такую благородную, безкорыстную жертву, больно, что не могу наградить ея ничѣмъ болѣе, какъ чувствомъ вѣчной моей признательности; но время дорого: я едва имѣю нѣсколько свободныхъ минутъ, чтобъ рассказать вамъ, чего желаю отъ васъ. Маркизъ де-Монконтуръ знаетъ, что я приняла къ себѣ мужчину, который около вечера вошелъ чрезъ садовую калитку; но онъ не знаетъ, кто именно этотъ человекъ. Это невѣдѣніе — единственная надежда къ моему спасенію. Согласитесь ли вы увѣрить маркиза, что этотъ мужчина были вы? согласитесь ли вы подтвердить ту басню, которую я расскажу ему, когда онъ прійдетъ сюда потребовать у меня отчета въ моемъ поведеніи? Въ кварталѣ нашемъ всѣ знаютъ о вашей несчастной страсти ко мнѣ; вы могли прійти сюда безъ моего вѣдома; этому очень легко повѣрить, и въ случаѣ нужды всѣ будутъ готовы подтвердить, что вы никогда прежде не говорили со мною... Подлый слуга, донесшій на меня, думаетъ, что мнѣ неизвѣстно его предательство: Лизетта узнала обо всемъ случайно. Онъ дожидается теперь возвращенія своего господина, чтобъ потребовать у него награды за свое усердіе; онъ, конечно,

видѣль, какъ вы вошли сюда, точно такъ же, какъ видѣль, когда уходилъ другой, и конечно думаетъ, что вы и онъ одинъ и тотъ же человѣкъ, и что испуганная шумомъ его шаговъ подь террасою, я поспѣшила отослать моего любовника, котораго Лизетта воротила опять, когда все успокоилось. Это старый слуга, привыкшій къ благородному ремеслу шпіона; онъ исполнялъ уже подобную должность при моей тещѣ; маркизь долженъ скоро возвратиться, и въ ту же минуту узнаеть, что вы здѣсь; отвѣчайте мнѣ, чувствуете ли вы въ себѣ столько силы и мужества, чтобъ выдержать гнѣвъ его и спасти меня? Впрочемъ, прибавила она: вамъ нечего бояться: если онъ станетъ преслѣдовать васъ, я буду вашею защитницею, и въ свою очередь спасу васъ; къ-тому же, увидя, что вы принадлежите не къ его кастѣ, онъ не придастъ этому дѣлу большой огласки, онъ повѣритъ вашей скромности и, можетъ-быть, даже удовольствуется вашимъ обещаніемъ отказаться отъ той страсти, которая овладѣла вами. Ахъ, г. Лелуаръ! отвѣчайте: хотите ли вы спасти меня и скажите, что вы не станете презирать меня, какъ недостойную женщину, которая рѣшилась воспользоваться вашею преданностію и требовать отъ васъ такой важной услуги.

Адрианъ глядѣль на нее въ вѣсомъ возторгъ; онъ былъ вѣсть и невыразимо счастливъ и невыразимо злополучень.

«Маркиза!» сказалъ онъ наконецъ, голосомъ, въ которомъ выражалась вся безпредѣльность любви его: маркиза! я слышу карету вашего мужа. Пусть прійдетъ онъ — вы будете довольны мною.»

Въ сердца маркизы пробудились вдругъ всѣ угрызенія совѣсти; она открыла уже уста, чтобъ сказать молодому человѣку: «бѣгите! оставьте меня судьбѣ моей!» но не имѣла силы сдѣлать этого; она только протянула ему руку, которую онъ въ возторгъ покрывалъ пламенными поцалуньями, и ему казалось, что вся жизнь его не могла бы стѣять такой благосклонности. Вдругъ дверь отворилась; въ первый разъ еще маркизь вошелъ къ женѣ своей безъ доклада. Маркиза сдѣлалась блѣдна какъ полотно; Адрианъ не измѣнился въ лицѣ; онъ всталъ, поклонился и сталъ дожидаться. Маркизь не отвѣчалъ ему на поклонъ его и, обратясь къ женѣ своей, дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ спросилъ:

— Что это за человѣкъ, сударыня?

Маркиза успѣла между-тѣмъ оправиться.

«Эготъ человѣкъ, если вамъ угодно называть его такъ» отвѣча-

да она: «г. Адрианъ Делуаръ, молодой поэтъ, подающій большія надежды и живущій въ нашемъ сосѣдствѣ.»

— А какимъ-образомъ г. поэтъ, подающій прекрасныя надежды, могъ очутиться въ вашей комнатѣ и въ такое время?

«А почему бы ему не быть здѣсь, маркизъ? Еще не поздно; вѣдь вы сами только-что возвратились.»

Адрианъ сдѣлалъ шагъ впередъ.

— «Простите мнѣ, маркиза, если я осмѣлюсь прервать васъ; но я обязанъ сказать маркизу всю правду, и скажу ее. Давно уже люблю я маркизу, давно уже провожу я жизнь у окна своей бѣдной квартиры, противъ вашего великолѣпнаго дома, чтобъ видѣть ее хоть издалека... Вотъ уже цѣлый мѣсяцъ, какъ она нѣкуда не выходитъ, и единственное счастье, которое мнѣ еще оставалось, было отнято у меня; нынче утромъ я рѣшился писать къ ней; она не отвѣчала; насталъ вечеръ; я пустился бродить около стѣнъ вашего сада; горничная маркизы вышла въ садовую калитку и не затворила ея; я вошелъ въ садъ и пробрался сюда. Маркиза была одна, она испугалась, хотѣла позвонить, я не допустилъ ея до этого, объявивъ, кто я, и сказавъ, что хотѣлъ только хотъ минуточку взглянуть на нее. Она приказала мнѣ выйти; я повиновался, но, отворивъ дверь, увидѣлъ на лѣстницѣ одного изъ вашихъ слугъ; при моемъ появленіи онъ исчезъ. Тогда я сошелъ въ садъ и возвратился домой; черезъ часъ маркиза прислала за мною, умоляя не погубить ее и сказать вамъ всю правду... Вотъ какъ было, и я клянусь вамъ честью, что виноватъ только я моею несчастною страстію, но что маркиза невинна.»

Маркизъ де-Монконтуръ слушалъ этотъ длинный разговоръ съ обыкновенною своею важностію, ходя по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Жена его между-тѣмъ все болѣе и болѣе ободрилась.

— Я имѣю полное право, маркизъ, сказала она: жаловаться на низкое шпіонство, которому вы подвергаете меня. Вы платите вашимъ слугамъ за то, чтобъ они присматривали за мною; они должны бы были дѣлать это съ большимъ искусствомъ, и такъ, чтобъ я по-крайней-мѣрѣ не могла замѣтить этого. Г. Делуаръ не обманулъ васъ; вы можете впрочемъ развѣдать обо всемъ сами: вся Университетская Улица скажетъ вамъ, что онъ дѣйствительно извѣстенъ всѣмъ своею несчастною страстію ко мнѣ. За минуту предъ вашимъ приходомъ онъ далъ мнѣ слово оставить этотъ кварталъ и не искать случая видѣть меня; подъ этимъ условіемъ я обѣщалась прогнать его. Вотъ все, въ чемъ мы можемъ упрекнуть другъ друга.

Маркизь продолжалъ ходить не отвѣчая. Наконецъ, послѣ минутнаго молчанія, онъ спросилъ:

«Кромѣ Жермена и Лизетты, видѣлъ ли кто-нибудь, какъ этотъ господинъ вошелъ сюда?»

— «Никто!» возкликнулъ Адрианъ.

«Хорошо, судары! Въ такомъ случаѣ вы можете идти.»

Онъ самъ отворилъ ему двери въ садъ. Адрианъ успѣлъ только бросить на маркизу прощальный взоръ; она отвѣчала ему едва-замѣтнымъ наклономъ головы; дверь затворилась за нимъ и онъ остался одинъ въ темнотѣ. Выходя изъ маленькой улицы, онъ услышалъ мѣрные шаги отряда солдатъ, и скоро патруль окружила его. Сержантъ, командовавшій патрулемъ, спросилъ его, зачѣмъ онъ былъ на улицѣ въ такое позднее время безъ шляпы, и для чего бѣжалъ какъ сумасшедшій.

— Ты вѣрно воръ или мошенникъ?

«Воръ!» возкликнулъ Адрианъ... «О! нѣтъ, нѣтъ!»

— Если ты не воръ, то зачѣмъ вышелъ сію минуту въ такомъ безпорядочномъ видѣ изъ дома маркиза де-Монконтуръ?

Адрианъ молчалъ.

— Ты не хочешь отвѣчать? все это не очень-ясно. Ступай съ нами на гауптвахту, а завтра комиссаръ развѣжетъ тебѣ языкъ.

Молодой человѣкъ не дѣлалъ никакого сопротивленія; онъ рѣшился до конца выдержать свой подвигъ.

«Она сказала, что поможетъ мнѣ» думалъ онъ: «да и какое мнѣ дѣло, чтѣ теперь со мною будетъ!.. За все я готовъ страдать; я уже привыкъ къ этому.»

Все остальное время ночи провелъ онъ на гауптвахтѣ, и когда настало утро, его отвели къ полицейскому комиссару, который сталъ допрашивать его. Адрианъ далъ полную свободу называть себя бродягою, воромъ, мошенникомъ и не оправдывался; онъ сознавался только, что дѣйствительно вышелъ изъ улицы, примыкающей къ дому маркиза де-Монконтуръ, но ни за что не хотѣлъ сказать для чего именно онъ былъ тамъ. Комиссаръ, не сомнѣваясь, что имѣлъ дѣло съ мошенникомъ, приказалъ посадить его въ тюрьму, куда Адрианъ былъ отведенъ и гдѣ пробылъ цѣлый день, не думая даже сказать что-нибудь въ свое оправданіе: онъ былъ счастливъ мыслию, что спасъ ту, которую любилъ болѣе всего въ мірѣ. Общавшись не видѣть ея, онъ не дорожилъ свободою; напротивъ, заключеніе было для него отрадно. Онъ былъ уже ен такъ несчастливъ, какъ наканунѣ; неизгладимыми чертами вни-

силъ онъ свое имя въ книгу жизни этой женщины и принудилъ ее писать къ нему вѣчную благодарность за его благородную жертву, и это было уже для него сладостною наградой. Около вечера тюремщикъ вошелъ къ нему и, поклонясь ему довольно-учтиво, подавъ письмо. Адрианъ развѣчалъ его; въ немъ были слѣдующія слова:

«Вы свободны. Мужъ мой, предупрежденный комиссаромъ, умѣлъ оцѣнить вашъ благородный поступокъ; онъ поручился за васъ и позволялъ мнѣ написать вамъ объ этомъ. Онъ возвратилъ мнѣ полную свою довѣренность съ условіемъ, чтобы вы оставили Парижъ и чтобы не старались видѣть меня. Вы унесете съ собою вѣчную мою благодарность и вѣчное о себѣ воспоминаніе... Я надеюсь, что вы со-временемъ забудете меня, и будете счастливы... Прощайте! небо не оставитъ васъ своимъ покровительствомъ: вы такъ благородны, вы спасли меня!»

IV.

Шесть мѣсяцевъ послѣ этого происшествія, маркиза де - Монконтуръ находилась въ Бургундіи, въ одномъ изъ своихъ помѣстій. Мужъ не последовалъ туда за нею: дворецъ былъ его элементомъ; только въ развѣлочивой сферѣ могъ онъ жить. Маркиза увезла съ собою въ деревню цѣлую толпу обожателей и молодыхъ дамъ, которыя жили въ свѣтѣ для-того только, чтобы веселиться и наслаждаться, и потому замокъ ея сдѣлался центромъ всѣхъ возможныхъ удовольствій провинціи. Кавалеръ де-Серанъ также былъ въ числѣ гостей ея; связь его съ маркизою все еще продолжалась и обратилась уже въ привычку; они видѣлись съ удовольствіемъ, разставались безъ большаго горя; они не были необходимы другъ для друга; маркиза могла исчезнуть изъ существованія кавалера, не оставивъ въ немъ большой пустоты. Но, такова разность въ чувствахъ; маркиза была бы несчастлива, еслибъ ей должно было лишиться своего любовника; конечно, она могла веселиться и безъ него, однакоже при немъ она веселилась какъ-то лучше; часто, когда его не было съ нею, она задумывалась, и иногда даже отъ чистаго сердца плакала о немъ.

Въ концѣ лѣта, въ замкѣ маркизы де-Монконтуръ гостями ея были разныя вѣсколькія пословницъ Карчонтелла и вѣсколькія комическихкихъ оперъ Седена. Въ-теченіе нѣсколькихъ дней, весь замокъ былъ въ движеніи; всѣ сосѣди присутствовали на этихъ спектакляхъ, для которыхъ были выписаны изъ Парижа костю-

ны и декораціи. Последний изъ этихъ вечеровъ долженъ былъ окончиться маскарадомъ, однимъ изъ любимыхъ и самыхъ удовольствій маркизы. Она заранее уже радовалась всѣмъ забавнымъ сценамъ, которыя ожидали ее и въ которыхъ главными дѣйствующими лицами должныствовали быть деревенскіе ея сосѣди-сосѣдки, незнакомые съ вольностями, допускаемыми маской; чтобъ сдѣлать балъ какъ-можно-болѣе разнообразнымъ, она пригласила все дворянство Бургундіи и офицеровъ полковъ, стоявшихъ въ окрестностяхъ, такъ что большая часть этихъ людей была известна ей только по имени.

Множество гостей собралось въ замокъ присутствовать при представленіи и принять участіе въ маскарадѣ; часть сада была иллюминирована, и, не смотря на свѣжесть воздуха, множество масокъ прогуливалось подъ тѣнистыми аллеями. Маркиза, прекрасная съигравшая роль субретки, превратилась въ Флору, и конечно, богиня цвѣтовъ не могла быть милѣе и прекраснѣе ея. Маленькая бархатная полумаска едва покрывала ея лицо и не могла скрыти ни прелестной улыбки ея, ни пламенныхъ взоровъ; цѣлая толпа молодежи порхала вокругъ ея, стараясь поймать хоть одинъ изъ ея взглядовъ. Не смотря на все свое кокетство, она однакоже успѣла отдѣлаться отъ нихъ, чтобъ доставить себѣ хоть минутное свиданіе наединѣ съ кавалеромъ де-Серанъ, который только утромъ пріѣхалъ изъ Парижа и котораго она видѣла только мелькомъ. Въ ту минуту, когда она разкланивалась съ послѣднимъ изъ своихъ обожателей, какая-то черная маска, закутанная съ головы до ногъ въ черное домино, подошла къ ней и просила удостоить ее минутнымъ разговоромъ.

— Я была бы очень-рада исполнить твое желаніе, прекрасная маска, но теперь мнѣ это, право, невозможно: меня ждутъ.

«Вы пойдете туда, гдѣ васъ ждутъ, послѣ; мнѣ надобно сказать вамъ только нѣсколько словъ... Умоляю васъ, не откажите мнѣ; дѣло идетъ о жизни и смерти.»

Тонъ, съ какимъ были сказаны эти слова, нѣмъ въ себѣ что-то мрачное и ужасное; но маркиза де-Монконтуръ была въ этотъ день такъ далека отъ всѣхъ серьезныхъ мыслей, что отвѣчала съ умишкой:

— О! если такъ, то я слѣдую за вами. Я не хочу, чтобъ на моей совѣсти осталось какое-нибудь убійство.

Черное домино пошло впередъ и повело маркизу по извилистымъ аллеямъ, которыя, казалось, были совершенно ему знако-

мы; въ самой чаще парка, куда не достигалъ свѣтъ иллюминаціи и гдѣ едва былъ слышенъ шумъ правдивка, маркизъ стало страшно, и она нѣсколько разъ спрашивала домино, куда и зачѣмъ оно вело ее?

«Не бойтесь ничего, маркиза! вамъ не угрожаетъ ни малѣйшая опасность; къ-тому же» прибавила маска, видя, что маркиза колебалась идти далѣе: «мы остановились здѣсь.»

Мѣсто, гдѣ они находились, окружено было со всѣхъ сторонъ густыми акаціями; полный мѣсяцъ освѣщалъ эту площадку; домино пригласило маркизу сѣсть на скамью, окружавшую боскетъ и, снявъ маску, спросило ее, узнала ли она его?

Это былъ Адрианъ Лелуаръ.

Никогда лицо человѣка не могло измѣниться такъ ужасно въ столь короткое время: блѣдный и изнеможенный, онъ казался скорѣе тѣнью, нежели человекомъ. Длинные, черные его волосы были разметаны по плечамъ; неподвижный взоръ его блисталъ по-временамъ мрачнымъ пламенемъ; въ горькой, насмѣшливой улыбкѣ его было замѣтно дикое отчаяніе, и на лицѣ его, еще недавно столь открытомъ, лежала печать скорби и злокоучія... Сколько мученій, сколько страданій душевныхъ долженъ былъ испытать онъ, чтобъ сдѣлаться тѣмъ, что былъ теперь! Узнавъ его, маркиза громко воскликнула:

— Вы! это вы, г. Лелуаръ? Я не ожидала увидѣть васъ въ такомъ положеніи... Вы хотѣли говорить со мною; могу ли я быть чѣмъ-нибудь вамъ полезна? отвѣчайте скорѣе, скорѣе... Вы подвергаете себя большой опасности, рѣшась прійти сюда... Къ счастью, маркизъ де-Монконтуръ остался въ Версали...

«Я знаю это, маркиза; безъ того, я не былъ бы такъ безуменъ, такъ подлъ, чтобъ компрометировать васъ своимъ присутствіемъ. Вы узнали меня, хотя я теперь гораздо-несчастнѣе, чѣмъ былъ въ то время, когда вышелъ изъ тюрьмы. Я повиновался вашимъ приказаніямъ, маркиза: я не старался видѣть васъ, бѣжалъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ вы обитали,—и вы видите, что сдѣлала изъ меня разлука съ вами. Теперь не остается во мнѣ ни мужества, ни силы. Страданія мои сдѣлались для меня нестерпимыми, и я пришелъ къ вамъ, маркиза, умолять васъ снять съ меня клятву, позволить мнѣ видѣть васъ и возвратитъ то, что вы отняли у меня... Просьба моя безумна, я знаю; но, маркиза, подумайте, что я ничего не требую отъ васъ: вы останетесь такъ же свободны въ своихъ поступкахъ и мысляхъ, какъ теперь; подумайте, что вамъ ничего не бу-

дети стоять позволить мнѣ наслаждаться вашимъ присутвіемъ издали; вы никогда не встрѣтите меня, вы будете только знать, что я близъ васъ, готовый пожертвовать вамъ жизнью при малѣйшемъ вашемъ знакъ; я умоляю васъ ни о надеждахъ, ни о наградахъ.. Я прошу васъ только сохранить мнѣ жизнь и... Маркиза! не отгоняйте меня опять! вы станете сами раскапываться, но можетъ-быть, поздно; съ самого утра брожу я по парку: я знаю всѣ его извивы, и съ-тѣхъ-поръ, какъ двину однимъ съ вами воздухомъ, мнѣ кажется, что живу новою жизнью. Я знаю, что вы любите другаго, — любите его, маркиза, но ежальтесь надо-мною, не гоните меня прочь!»

Говоря это, онъ бросился на колѣни и схватилъ у маркиза руку, которую она не отнимала. Все, его скупанное, смутило и почти тронуло ее; наконецъ она рывалась отвѣчать:

— То, чего вы требуете отъ меня, г. Лелуаръ, невозможно. Я общалась маркизу, что вы не возвратитесь въ Парижъ, или крайней-мѣрѣ, что вы не будете стараться видѣться со мною. Еслибъ онъ замѣтилъ васъ, то подумалъ бы, что мы обманули его, и я не знаю, гдѣ бы остановилось его мнѣніе. Размыслите объ этомъ, и вы сами увидите всю невозможность исполнить вашу просьбу.

«Если только въ этомъ заключается препятствіе, то я обещаю вамъ, что маркизъ меня никогда не встрѣтитъ; я даю вамъ слово, честное, благородное слово — никогда не оставитъ своей комнаты, этой комнаты, которая была мнѣ раскв и откуда я столько разъ любовался вами.»

— Я не могу принять подобной жертвы, г. Лелуаръ; вы молоды, одарены талантомъ; будущее еще предъ вами — зачѣмъ жертвовать всѣмъ этимъ любви безумной и невозможной? Вы мужчина; призовите на помощь твердость вашу, постарайтесь побѣдить эту страсть разлукою и какими-нибудь усиленими трудами и занятіями; возжайте въ чужіе края;—я и маркизъ постараемся быть вамъ тамъ полезными: мы отрекомендуемъ васъ посланникамъ, вы составите свое счастье и, повѣрьте, забудете меня.

«Что говорите вы мнѣ о счастьи, о талантахъ, о будущности... Все это заключается только въ васъ одной, маркиза! Не будьте жестоки ко мнѣ; не заботьтесь о моей будущности; согласитесь только на мою просьбу, и вы сдѣлаете меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.»

— Нить, г. Делуаръ, нить, для васъ и для себя самой я не должна согласиться на вашу просьбу... Я бы слишкомъ-дурно оценила вашу преданность ко мнѣ, еслибъ рѣшилась подвергнуть васъ новымъ опасностямъ.

«Но, маркиза, вспомните о томъ, что я сказала вамъ. Берегитесь возмутаго разсказа въ вашей непреклонности!»

— Увѣрю васъ, что не буду никогда раскаиваться; я убѣждена, что отказъ мой послужитъ къ вашей же пользѣ.

«Я сказала вамъ, что дѣло идетъ о моей жизни!»

Взглянувъ на него, маркиза затрепетала и на минуту была въ нерѣшимости, что дѣлать; скоро одинокже она оправилась и сказала :

— Разстанемся добрыми друзьями, г. Делуаръ! Все это—безумство молодого, слишкомъ-пылкаго воображенія; я не хочу и не должна продолжать этой сцены... Въ-послѣдствіи, когда вы образумитесь, когда горячка эта пройдетъ, мы опять увидимся, и я желаю, чтобъ это было какъ-можно-скорѣе... Я уже сказала вамъ, что меня ждуть... Прощайте; будьте благоразумны.

«Еще одну минуту, маркиза.. Вы твердо рѣшились? ...»

— Да, сударь, отвѣчала она надменно.

«И это послѣднее ваше слово?»

— Послѣднее.

«Хорошо же; если вы хотите этого, пусть же судьба моя совершится.»

И, выхвативъ изъ-подъ своего домино желѣзній сталець, онъ поразилъ имъ себя и упалъ къ ногамъ маркизы. Сначала она не хотѣла вѣрять этому движенію, наклонилась къ нему, чтобъ подать ему руку,—но было поздно: онъ уже не существовалъ. Этотъ неожиданный ударъ произвелъ на маркизу страшное впечатлѣніе: она лишилась чувствъ, упала на скамью и оставалась въ этомъ положеніи около часу... Наконецъ послышались шаги; она стала звать на помощь; люди съ зажженными факелами прибѣжали на ея крикъ; подвели бѣднаго Адриана и, стараясь утѣреться, не было ли какого-нибудь средства къ его спасенію, нашли на груди его маленькую розовую туфлю,—сокровище, которое онъ цѣнилъ выше всего, и которое было теперь обличено его собственною кровью. Маркиза успѣшила взять ее къ себѣ; ни одно слово не вылетѣло изъ устъ ея со времени страшной катастрофы; напрасно осыпали ее вопросами: она, казалось, ничего не слышала, ничего не понимала и не узнавала никого изъ окружающихъ

ее. Только въ ту минуту, когда кавалеръ де-Серанъ подошелъ къ ней, она съ ужасомъ оттолкнула его отъ себя и, закрывъ лицо руками, зарыдала.

Сердце человеческое непостижимо. До-тѣхъ-поръ, пока бѣдный Адрианъ былъ живъ, эта женщина смѣялась надъ его страстію; эта страсть была для нея игрушкою: она не понимала всей безпредѣльности любви поэтического сердца; привыкшая къ мелочной страсти кавалера, она почитала глупостію и сумасшествіемъ все, что было выше ея понятій. Но съ той минуты, когда Адриана не стало, когда она увидѣла его умирающимъ у ногъ ея, жертвою ея жестокой непреклонности, съ той минуты она поняла и полюбила его. Эта любовь, до-сихъ-поръ непонятая ею, перемѣнила всю жизнь ея: она стала ненавидѣть то, что прежде ей нравилось, презирать, что любила. Она рѣшительно не хотѣла видѣть кавалера, перваго виновника того, что она называла своимъ преступленіемъ; удалившись отъ свѣта, она поселилась навсегда въ своемъ замкѣ, гдѣ случилась ужасная сцена. Розовая туфля, единственный залогъ связи ея съ Адрианомъ, не покидала уже ея: она приказала похоронить Адриана близъ замка, молилась безпреставно надъ его гробомъ, и горько раскаявалась въ проступкахъ своей жизни. Революція 1789 года застала ее плачущею надъ тою же могилкою и лишенною красоты и свѣжести; она отказалась отъ эмиграціи, чтобы не оставлять тѣхъ мѣстъ, гдѣ плакала и страдала цѣлыя десять лѣтъ... Она была одна изъ первыхъ, которую кровавый трибуналъ Якобинцевъ потребовалъ на судъ; твердость не оставила ея въ присутствіи палачей. Подобно всѣмъ жертвамъ этой ужасной эпохи, она пошла на смерть безъ страха и безъ сожалѣнія о жизни; послѣдняя мысль ея была конечно молитвою, потому-что душа ея, очистившаяся страданіями, сдѣлалась достойною самой-себя. Такъ бываетъ всегда съ сердцами благородными: они могутъ возвратиться съ пути истины, заплатить долгъ свой этому міру; должны быть наказаны за свои проступки и заблужденія; прощеніе ожидаетъ ихъ — тамъ.

ГРАФИНЯ ДАШЪ.

КЪ РАДОСТИ.

(Из Шиллера).

=

Радость, міра украшенье,
Дочь родила небесамъ!
Мы вступаемъ въ упоенья
О, чудесная, въ твой храмъ.
Ты опять соединяешь,
Что обычай раздѣлялъ;
Нищаго съ царемъ равняешь
Въянемъ отградныхъ крылъ.

Х о р ъ.

Милліоны, къ намъ въ объятя!
Люди, поцалуй сей вамъ!
Надъ небеснымъ сводомъ, тамъ,
Долженъ жить отецъ нашъ, братья!

—

Тотъ, кому быть другомъ другу
Жребій выпалъ на земли,
Кто пашель себѣ подругу, —
Съ нами радость тотъ дѣли;
Также тотъ, кто здѣсь своєю
Душу хоть одну зоветъ;
Кто жь не можетъ, — пусть скорѣе
Прочь рыдая отойдетъ.

Х о р ъ.

Все, что міръ сей наполняетъ,
Предъ сочувствіемъ смиришь
Путь оно покажетъ въ высь,
Гдѣ Незримый обитаетъ.

—

Всѣ творенія живыя
Радость средь природы пьютъ,
Всѣ,—и добрые и злые,
По стезѣ ея идутъ.

Сонъ, вино, привѣтъ участя,
 Друга памъ она дарить :
 Дышетъ червь животной страстью, —
 Къ Богу херувимъ летить.

Х о р ь.

Милліоны, въ прахъ падите!
 Міръ, ты чувствуешь Творца?
 Выше звѣднаго вѣнца
 Въ небесахъ его ищите.

Радость — мощная пружина
 Всѣхъ безчисленныхъ міровъ ;
 Радость двигаетъ машины
 Вѣчныхъ міровыхъ часовъ,
 Изъ сѣмянъ цвѣты выводитъ,
 Хоры звѣзды изъ небесъ ,
 Сферы въ отдаленіи водить,
 Недоступномъ для очесъ.

Х о р ь.

Какъ свѣтилъ великихъ строевъ
 Въ небъ неизмѣнный ходъ, —
 Братья, такъ всегда впередъ,
 Бодро, какъ къ побѣдѣ воинъ!

Улыбается привѣтно
 Средь стараній и заботъ ,
 И страдальца непримѣтно
 Къ цѣли доблестной ведетъ.
 Вѣры на вершинѣ ясной
 Ею вѣютъ знамена,
 И она сквозь гробъ ужасный,
 Въ хоръ ангеловъ видна.

Х о р ь.

Милліоны, здѣсь терпѣнье!
 Лучшій міръ для васъ готовъ —
 Тамъ, за цѣпью облаковъ
 Богъ воздастъ вамъ награжденье.

Надъ богами ль возвышаться?
 Хорошо быть равнымъ имъ.
 Горе, бѣдность веселятся
 Счастьемъ пускай однимъ.
 Будь забыта злость и мщенье!
 Смертный врагъ нашъ, будь прощень!
 Пусть не знаетъ онъ мученья,
 Пусть теперь не стонетъ онъ!

Х О Р Ъ.

Мы долги свои забыли;
Свѣтъ теперь свободенъ весь; —
Братья, падъ шатромъ небесъ,
Судить Бѣгъ, какъ мы судили.

—
Радостью кипятъ бокалы,
И въ крови вина златой
Пьютъ смиренье — каннибалы,
А отчаянье — покой.
Братья, встаньте! Драгоценный
Обходить насъ кубокъ сталь;
Пусть же къ небу брызжетъ пѣна!
Духу доброму бокалъ!

Х О Р Ъ.

Тотъ, кому гремѣтъ хвалами
Цѣлый мѣръ не преставае, —
Духу доброму бокалъ
Тамъ высоко надъ звѣздами!

—
Твердость горю и страданьямъ,
Помощь бѣдному во всемъ,
Вѣчность даннымъ обѣщаньямъ,
Правда — съ другомъ и врагомъ,
Мужество — предъ трономъ падо!
Братья, пусть погибнуть намъ,
Но достоинству — награда,
Наказанье — злымъ дѣламъ!

Х О Р Ъ.

Въ кругъ священный всѣ стѣснитесь,
И хранить союзъ святой
Этой влагой золотой,
Всемогущимъ поклонитесь!

К. А—ВЪ

ДУМА СОКОЛА.

=

Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?

Долго ль буду я
 Подъ окномъ сидѣть,
 По дорогъ вдалъ
 День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
 Крылья связаны,
 Иль пути ему
 Всѣ заказаны?

Иль боится онъ
 Въ чужихъ людяхъ быть,
 Съ судьбой-мачихой
 Самъ-собою жить?

Для чего-жь на свѣтъ,
 Глядѣть хочется,
 Облетѣть его
 Душа просится?

Иль, зачѣмъ она,
 Моя милая,
 Здѣсь сидитъ со мной,
 Слезы льетъ рѣкой;

Отъ меня летитъ,
 Пѣсно мнѣ поетъ,
 Все рукой манитъ,
 Все съ собой зоветъ?

Нѣтъ, ужъ полно мнѣ,
 Дома вѣкъ сидѣть,
 По дорожкѣ вдалъ
 День и ночь глядѣть!

Со двора пойду
 Куда путь манитъ,
 А жить стану тамъ —
 Гдѣ ужъ Богъ велитъ!

1840, января 15.

А. КОЛЬЦОВЪ.

ДВѢ РУССКІЯ ПѢСНИ.

=

I.

Грѣеть солнышко—
Да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики—
Да нѣ въ пору.

А весной была
Степь желтая:
Тучи шли надъ ней
Да безъ дождика.

По ночамъ роса,
Гдѣ падала—
По утру трава
Тамъ сохнула.

И всѣ пташечки,
Косаточки,
Пѣли грустно такъ
И жалобно,

Что, ихъ слушая,
Кровь стынула,
По душѣ лилась
Боль смертная...

Такъ прошла моя
Вся молодость,
Безъ любви-души,
Безъ радости...

II.

Безъ ума, безъ разума,
 Мея замужъ выдали;
 Золотой вѣкъ дѣвичій
 Силою укоротили.

Для того ли молодость
 Соблюдали, вѣжливи,
 За стекломъ, отъ солнышка,
 Красоту лелвали,

Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
 Горевала, плакала,
 Безъ любви, безъ радости,
 Сокрушалась, мучилась.

Говорять родимые:
 «Поживется—слюбится,
 «И по-сердцу выберешь,
 «Да горчѣ прійдется».

Хорошо, состарѣвшись,
 Разсуждать, совѣтывать,
 И съ собою молодость
 По расчетамъ сравнивать!

1840, октябрь 12.

А. КОЛЬЦОВЪ.

ЭДИОЪ ФАЛЬЗЕНЪ.

(Романъ.)

=

ВВЕДЕНІЕ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, я былъ у одного изъ старинныхъ друзей своихъ, въ деревенькѣ у Пиренеевъ, гдѣ онъ занималъ должность мэра. Вечеромъ, послѣ ужина, мы разговорились о поэзии, о путешествіяхъ, и я объявилъ ему желаніе свое видѣть Германію и Востокъ.

«За чѣмъ это?» отвѣчалъ онъ. «Изъ любопытства? по охотѣ къ движенію? или изъ жажды знаній?»

— По всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ, и еще изъ надежды найти подъ другимъ небомъ новыя поэтическія образы, найдти въ невѣдомыхъ мнѣ доселѣ нравахъ новый сюжетъ для книги, романа, повѣсти...

«Вотъ каковы всѣ вы, господа нынѣшніе, жалкіе пигмеи! Вы думаете, что можно догнать талантъ, гоняясь за нимъ по большимъ дорогамъ въ почтовой каретѣ; что все далекое отъ васъ ново, а все новое далеко; вы забываете, что Корнель во всю жизнь свою совершилъ одно только путешествіе—изъ Руана въ Парижъ; что Шекспиръ, великій творецъ новаго, никогда не выѣзжалъ изъ Англии, что Лафонтенъ одинъ только разъ выѣхалъ за 50 миль, потому-что былъ сосланъ; что Вальтеръ Скоттъ цѣлую жизнь свою прожилъ въ одномъ графствѣ, можно сказать, въ одномъ замкѣ, и путешествовалъ только два раза—одинъ разъ въ Италию, и ничего оттуда не вывезъ, другой—въ Парижъ, и вывезъ оттуда весьма плохую книгу; что, наконецъ, Мольеръ, единственный нашъ драматическій поэтъ, зналъ только одну страну—Францію... Талантъ—то же, что счастье: онъ въ насъ самихъ»

—А Байронъ?

«Да! Байронъ! Это правда. Но, сказавъ «Байронъ», вы сказали въ Вы мнѣ назвали только одного, а я насчитаю вамъ двадцать. Притомъ же Байронъ повсюду остался Байрономъ, потому-что вездѣ онъ описываетъ только себя-самого. Но этому Байрону я противопоставлю Гёте, который цѣлую жизнь отдыхалъ отъ своего путешествія въ Италию, и Шллера, который никогда не выѣзжалъ изъ Германіи.»

—И такъ, что же это доказываетъ, добрый другъ мой? Что мучая душа людей гениальныхъ или одаренныхъ необыкновеннымъ талантомъ не нуждается въ перемѣнѣ воздуха. Но почему же вы прещаете въ *жалкимъ пигмелъмъ*, которыхъ натура не такъ богата и роскошна, укрѣплять силы свои климатами отдаленными и питать воображеніе созерцаціемъ зрѣлищъ, ими невиданныхъ!

«Я нисколько не запрещаю, но сожалѣю о ихъ напрасныхъ хлопотахъ и усиліяхъ. Вы хотите найти—не говорю, что-нибудь новое (Теренцій давно уже сказалъ, что новаго ничего нѣтъ), но, крайней-мѣрѣ, что-нибудь такое, что было бы достойно труда художника:—извольте, я укажу вамъ средство, которое часто употребляю для разысканій другаго рода и которое мнѣ всегда удается.»

—Посмотримъ.

«Я, какъ вы знаете, старій охотникъ, и часто, при наступленіи осени, пускаюсь стрѣлять дичь вмѣстѣ съ такими же молодыми стрѣлками, какъ вы. Мое охотничье самолюбіе такъ же беспокоитъ какъ и ваше художническое. Знаете ли, о чемъ болѣе всего забчусь я, отправляясь въ путь? О томъ, чтобы всѣ уѣхали прежде меня. Намъ должно проѣхать шесть миль; товарищи мои пускаются въ дорогу; передъ ними широкое поле, покрытое люцерною, они обвѣиваютъ его кругомъ, проходятъ поперегъ, стрѣляютъ безпрестанно; потомъ перебѣгаютъ на другое поле, потомъ на третье и въ нѣсколько минутъ они уже удаляются на милью... Тогда только пускаюсь я, вступаю на поле, гдѣ они все побили, и начинаю ходить медленно шагъ за шагомъ; не оставляю безъ вниманія ни одной тропинки, хожу все по ихъ же слѣдамъ, ищу только тамъ, гдѣ они искали. Наступаетъ вечеръ; они перебивали уже въ десятъ общинахъ, я не выходилъ съ одного поля, но моя сумка всегда полна ихъ сумокъ. Понимаете, мой любезный другъ? То же самое бываетъ и въ дѣлѣ умственныхъ изслѣдованій: человекъ, который совершенно вполне узналъ бы одну какую-нибудь

квадратную милю, умѣлъ бы читать въ сердцахъ всѣхъ ея обитателей, проникъ въ тайнства каждаго ея дома, — такой человекъ былъ бы самымъ великимъ и ученымъ путешественникомъ, выше и ученѣе Брюса и Тамизѣ. Для-чего тратить силы свои на путешествія? Каждый вершокъ земли преисполненъ чудесъ недоумыхъ; надобно только смотрѣть во всѣ глаза и смотрѣть долго, чтобъ видѣть.»

Я ничего не отвѣчалъ на эти доказательства, потому-что они казались мнѣ справедливыми; но безмолвное согласіе было недостаточно моему другу, онъ присовокупилъ: «Я хочу вполне убѣдить васъ: слышите, какъ лаетъ мой Султанъ? это значить, что кто-нибудь вошелъ на дворъ... Кто это—мнѣ неизвѣстно; но какъ я знаю всю свою деревню такъ же хорошо, какъ и поле, покрытое люцерною, то напередъ ручаюсь вамъ, что расскажу объ этомъ человекѣ, кто бы онъ ни былъ, самую интересную исторію.»

Въ эту минуту послышался легкій стукъ въ дверь; дверь отворилась; вошелъ крестьянинъ.

«А! это ты, Стефано!» сказалъ ему мой хозяинъ: «нашелъ ли ты своего теленка?»

—«Да, господинъ мэръ, и принесъ вамъ двадцать экю.

«Хорошо; подай.»

Крестьянинъ отдалъ деньги и вышелъ.

—Ну-съ? сказалъ я.

«Я готовъ сдержать слово. Этотъ Стефано человекъ смѣлый, рѣшительный; но въ молодости случилось съ нимъ довольно-странное происшествіе, которое можетъ вамъ доказать, что наши душевныя способности такъ же подвержены болѣзнямъ, какъ и тѣло. Еслибъ Ахидлесъ и его походный товарищъ были моими современниками, я доказалъ бы имъ, что и они иногда трусили. Но къ дѣлу.

«Въ одной миле отъ Баньер-де-Люшонъ, на скатѣ горы, было маленькое строеніе, называвшееся гостинницею и служившее пристанищемъ для путешественниковъ, ѣдущихъ въ Испанію. Въ октябрь 18.. года, немного-повыше гостинницы, находилась бѣдная хижина, кое-какъ лѣпившаяся у скалы; она была покрыта вѣтлами, сухими листьями, и построена изъ обломковъ камней, положенныхъ одни на другіе; это было — убѣжище для горныхъ охотниковъ, однодневное жилище, сносимое ежегодно зимою. Начало осени ужасно въ нашихъ горахъ; въ минуту, когда начинается моя исторія, свирѣпствовала тамъ страшная буря. Это было ве-

чиромъ; непроницаемый мракъ царствовалъ повсюду, но въ дверной щели хижинны свѣтился огонекъ. Время-отъ-времени дверь отворалась, въ освѣщенномъ отверстіи рисовалась чья-то голова, и тотчасъ же скрывалась. Внутренность хижинны представляла зрѣлище довольно-живописное. Посрединѣ ея, на грубо-сѣдланномъ столѣ, находились огромный сосудъ съ молокомъ, копченое сало козій сыръ и маисовый хлѣбъ; на-право было широкое отверстіе вырытое въ скалѣ и служившее печью; въ печи лежалъ кусокъ дерева съ вѣтвями и листьями; передъ огнемъ жарилась нога дикой козы, а вокругъ очага, на голой землѣ, лежали пять горныхъ охотниковъ въ шерстяныхъ шапкахъ темнаго цвѣта, въ короткихъ тоже темныхъ шерстяныхъ панталонахъ, въ сѣрыхъ шерстяныхъ чулкахъ; они вскакивали въ этой хижинѣ убѣжища отъ бурн и ожидали ужина, который между-тѣмъ готовился. Кусокъ смолы воткнутый въ желѣзныя пробой, освѣщала эту картину своими красноватымъ и дымнымъ пламенемъ, отъ котораго сверкали длинныя дула ружей, разставленныхъ у стѣны; въ одномъ углу висѣлъ распоротый животъ убитой козы; наковецъ, въ глубинѣ хижинны, сидѣлъ и читалъ книгу человекъ, который одѣтъ былъ отчасти не такъ, какъ другіе охотники: его отдаленіе отъ другихъ, его фізіономія и почтительныя фразы, которыя время-отъ-времени обращали къ нему горцы—все доказывало превосходство его передъ ними.

«Только трескъ отъ жаренаго мяса и отъ свѣга, падавшаго на горящій кусокъ дерева, да глухіе раскаты грома, повторяемые стоустымъ эхомъ горъ, нарушали грустное молчаніе, царствовавшее въ хижинѣ. Одинъ изъ охотниковъ сказалъ наконецъ:

—Ну, Жанотъ! Батиста таки-схватилъ вчера проклятый медвѣдь и съѣлъ?

«Да, — и, замѣтите, это второй ужъ изъ нашихъ товарищей.»

—Я убью его!.. Жанотъ, гдѣ ты видѣлъ его вчера?

«У ледника Маледетты.»

—Завтра же утромъ иду и убью его: пусть не говорятъ, что эта черная шкура нугаетъ насъ всѣхъ какъ дикихъ козочекъ.

«Послушай, Пьеръ» возразилъ Жанотъ: «снѣгъ идетъ воть уже два дня; гора очень-плоха, и если Батиста былъ схваченъ медвѣдемъ, то отъ-того только, что стужа одолѣла его. Не ходи завтра!»

—Пойду непременно.

Въ эту минуту, человекъ, сидѣвшій въ глубинѣ хижинны, всталъ и подошелъ къ Пьеру.

—«Пьеръ Ъ сказалъ онъ: «сколько у тебя дѣтей?»

—Пятеро.

—«Ты не пойдешь завтра.»

—Но...

—«Ты не пойдешь!»—Эти слова были произнесены съ такою рѣшительностію, что Пьеръ опустилъ голову и замолчалъ.

«Ну, такъ, стало-быть «сказалъ другой охотникъ: мнѣ надо идти: у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей.»

—«Послушай, мой другъ!» возразилъ тотъ же человекъ спокойнымъ и важнымъ голосомъ: «кто живетъ въ нашемъ мѣстечкѣ, въ домѣ кузнеца?»

«Мать моя.»

—«И ты также не пойдешь!»

—Но, сказалъ Пьеръ: пока мы знаемъ, гдѣ теперь проклятый медвѣдь, такъ и должны пользоваться временемъ.

—«Его убитъ и безъ насъ.»

—А кто бы это, на-примѣръ, убилъ его ?

—«Я, друзья мои.»

—Какъ? вы, г. священникъ! воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

—«Да, я. Я такой же крестьянинъ, какъ и вы, такой же, какъ и вы, горецъ; я провелъ двадцать лѣтъ въ свалахъ Каталоніи прежде, чѣмъ сдѣлался служителемъ алтаря Господня; и тотъ, кого вы называете нынѣ господиномъ-священникомъ Ріего, назывался прежде просто Ріего—медвѣжій-охотникъ.»

Когда священникъ произносилъ эти слова, лицо его одушевилось особеннымъ выраженіемъ смѣлости и силы. Это былъ человекъ въ полной цорѣ мужества: возвышенный лобъ, длинный, немногосгорбленный носъ, какъ у Беарнійца; черные волосы и темно-голубые глаза,—все это вмѣстѣ составляло фнзіономию чрезвычайно-привлекательную; тѣло его было крѣпко, лицо худоцаво.

—«Я пришелъ на эту гору, чтобъ полюбоваться бурей. Безъ-сомнѣнія, само небо вело меня къ этой хижинѣ, чтобъ я могъ услышать ваши жалобы, и хотя уже пятнадцать лѣтъ я не имѣлъ въ рукахъ оружія...»

—Пятнадцать лѣтъ? подхватилъ Пьеръ.

—«Да, мой другъ, пятнадцать лѣтъ. Потому-что человекъ, посвятившій себя служенію Богу, не долженъ обогрять руки свои какою бы то ни было кровію, даже кровію животнаго; но подвигъ, который я свершу завтра, будетъ не убійство, а истребле-

не того, что причиняетъ вредъ, и какъ у меня нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни матери, я пойду и убью вашего врага.»

—Берегитесь, г. Ріего! вскрикнулъ Жаноть.

—«Не бойся, другъ мой. Я вспомню молодость...»

Юноша лѣтъ двадцати-двухъ, котораго товарищи звали Стефано, подошелъ къ священнику и сказалъ: «А я, братецъ, развѣ не пойду съ тобою?»

—«Ты, Стефано? возразилъ священникъ: ты, сынъ моей матери! ты тоже не пойдешь!»

—Мы всѣ отправимся съ вами! закричали охотники.

—«Я не нуждаюсь въ васъ, друзья мои! Но ужъ поздно: ужинайте скорѣе и ложитесь спать.»

Молодой Стефано не повторилъ своей просьбы.

Охотники тотчасъ же сѣли за столъ, потому-что голосъ г. Ріего имѣлъ надъ ними даже въ ничтожныхъ обстоятельствахъ какую-то повелительную силу, не смотря на то, что слова произносились имъ медленно и очень-тихо.

Черезъ полчаса, каждый изъ охотниковъ приютился къ углу хижины, обернувшись бараньею или козьею шкурою. Стефано легъ у двери и вскорѣ все стихло; только изрѣдка слышенъ былъ глухой, невнятный шопотъ спавшихъ крѣпкимъ сномъ охотниковъ; смола все еще горѣла въ печи, дерево тлилось на очагѣ, и вспышки огня бросали по-временамъ самый причудливый, фантастическій свѣтъ на спящихъ; вѣтеръ бушевалъ со всею свирѣпостію. Не спалъ только одинъ священникъ: присловившись къ печи, онъ читалъ и иногда закрывалъ книгу, чтобъ взглянуть на лежащихъ вокругъ него горцевъ. Часъ спустя, горѣвшая смола вспыхнула, затрещала и погасла; огонь на очагѣ тоже потухъ; Ріего легъ на свой плащъ; обрубокъ дерева, расколовшись на двѣ части, развалился по обѣимъ сторонамъ очага и дымился долго; наконецъ и дымъ остановился, вѣтеръ утихъ — и все стало темно, тихо, безмолвно . . .

На-разовѣтъ, Ріего, боясь, чтобъ охотники не вздумали ему сопутствовать, всталъ тихо, взялъ два ружья и вышелъ неслышимо. Онъ надѣлъ на себя платье, которое далъ ему одинъ изъ охотниковъ; на головѣ его былъ плоскій голубой берѣтъ, на ногахъ длинныя кожаные стиблеты; станъ обвить краснымъ поясомъ; за поясомъ воткнуть ножъ, котораго толстое и широкое лезвіе имѣло восемь вершковъ въ длину. Самъ онъ не былъ уже тѣмъ, чѣмъ

былъ обыкновенно: прежде—походка его была тверда, но медленна, и каждый шаг его, крѣпко упираясь въ землю, обнаруживалъ въ немъ человека твердаго и рѣшительнаго; теперь къ этой твердой поступи присоединилась еще самая нетерпѣливая дѣятельность. Новая одежда обрисовывала его мужественныя формы, не смотря на широкое священническое платье. Вышедъ изъ хижины, онъ попробовалъ оружіе съ вниманіемъ, свойственнымъ старому охотнику, спустилъ курокъ, чтобъ испытать огниво, попробовалъ порохъ, зарядилъ ружье тремя пулями, и уже готовъ былъ отправиться въ путь, какъ вдругъ, въ десяти шагахъ, увидѣлъ своего юнаго брата Стефано, одѣтаго по-охотничьи.

—Что ты здѣсь дѣлаешь? спросилъ Ріего.

«Я дожидаюсь тебя, братецъ.»

—Зачѣмъ?

«Мнѣ хочется идти съ тобою, и я пойду непременно.»

Священникъ не возражалъ; но послѣ минутнаго размышленія спросилъ:

—Ты твердо рѣшился?

«Да.»

—Изволь, пойдемъ! заряжено ли твое ружье?

«Заряжено.»

—Вотъ тебѣ двѣнадцать пуль; возьми ихъ и держи у себя. Пойдемъ.

Можетъ-быть, покажется удивительнымъ, что послѣ вчерашняго рѣшительнаго отказа, священникъ такъ легко согласился взять съ собою брата; но, во-первыхъ, онъ зналъ Стефано за человека твердаго; во-вторыхъ, онъ надѣялся на себя, зная, что его одного будетъ достаточно для защищенія обоихъ, и наконецъ, въ этомъ дѣлѣ онъ видѣлъ случай дать брату своему урокъ, какъ должно встрѣчать опасности и бороться съ ними.

Они отправились; буря утихла; небо прояснилось; и хотя снѣгъ покрывалъ еще землю, но ужъ не было ни вѣтра, ни дождя; въ воздухѣ ощутительна была та пріятная свѣжесть, которая такъ хорошо идетъ къ свѣтлому дню. Ріего и Стефано молча шли по тропинкѣ, вившейся вправо отъ гостиницы: Ріего впереди, Стефано за нимъ, несъ сумку. Иногда священникъ, увидѣвъ сѣраго орла, ищущаго себѣ пищи, поднималъ ружье, прицѣливался по немъ, слѣдилъ за его полетомъ, и потомъ снова клалъ ружье на плечо, ибо не считалъ себя въ правѣ убивать какое-либо другое животное, кромѣ медвѣдя.

Послѣ часа ходьбы, перешли они за ту цѣпь скалъ, которая отдѣляетъ Францію отъ Испаніи, и вдругъ очутились передъ Маледеттою. Маледетта — лучшая ледяная гора въ Пиренейхъ; Маледетта (Проклятая) — лучшее имя, какое только можно придумать для горнаго ледника! Наклоненная подобно холму, сплоченная какъ зеркало, обрамленная со всѣхъ сторонъ горами, Маледетта спускается непримѣтною отлогостію и оходитъ въ ужасную бездну. Въ тотъ день, когда отправились наши охотники, воздухъ былъ прозраченъ, лазуревый сводъ неба сверкалъ, какъ сверкаетъ небо Італіи, и солнечные лучи, падая отвѣсно на ледникъ, то поглощались бѣлыми матовыми слоями снѣга, то блистали брильянтовыми снопами на льдистыхъ его пунктахъ.

При этомъ зрѣлищѣ Ріего воздѣлъ руки къ небу и воскликнулъ съ одушевленіемъ: — Снѣга! горы!... Потомъ, обратясь къ брату, продолжалъ:

«Если Жанотъ не ошибся, медвѣдь долженъ быть въ этомъ еловомъ лѣсу направо; но, чтобъ дойти до лѣса, надо взобраться на Маледетту, а ея широкія трещины поглотили уже многихъ охотниковъ... Есть ли у тебя крюки и веревки?

— Есть.

«Приготовь ихъ.»

Стефано повиновался; они взяли веревку, длиною въ восемь футовъ, и, крѣпко обернувъ ее вокругъ себя, связались другъ съ другомъ такъ, что если поскользнется одинъ изъ нихъ, другой можетъ удержать его на веревкѣ; потомъ прикрѣпили себѣ къ ногамъ и рукамъ желѣзные крючья и начали подыматься. Болѣе получаса уже они карабкались по горѣ и приближались къ ея вершинѣ, какъ вдругъ ледъ разсѣлся подъ ногами Стефано; онъ вскрикнулъ и исчезъ въ разсѣлинѣ. Ріего шелъ впереди; увлеченный тяжестію, онъ въ одно мгновеніе очутился на краю бездны; еще мгновеніе — и онъ былъ бы поглощенъ ею; но, собравъ всѣ силы, онъ вонзился въ ледъ крючья такъ глубоко, что вдругъ остановился. Высвободить одну руку, обернуть около нея веревку, которая отъ - того должна сдѣлаться короче — было дѣломъ одной секунды; онъ крѣпко притянулъ къ себѣ Стефано; вскорѣ пальцы молодого человѣка уцѣпились за край разсѣлины; Ріего удваиваетъ силы, Стефано поднимается до пояса... «Смѣлый! смѣлый!» кричитъ ему Ріего и напрягаетъ всѣ мускулы для послѣдняго усилія; Стефано твердо уже опирается на локоть, приподнимается, и почти безъ чувствъ падаетъ на ледяную глыбу. Нѣсколько ка-

пель воды приводятъ его въ чувство; Ріего поддерживаетъ ему голову; слезы текутъ по щекамъ его. Однако лишь только юноша пришелъ въ себя, Ріего воскликнулъ: «Идемъ, идемъ, Стефано! пора!»

— Да, идемъ, братецъ.

Эти слова молодой человѣкъ произнесъ голосомъ дрожащимъ и слабымъ; въ нѣсколько минутъ, лицо его, звукъ голоса, походка— все измѣнилось. . . Стефано лишился родителей еще будучи въ колыбели: Ріего воспиталъ его, Ріего привезъ его во Францію и потомъ купилъ ему ферму; Ріего былъ не братомъ, а отцомъ его; сверхъ того, званіе священнослужителя, твердый и непреклонный характеръ и строгое выраженіе лица увеличивали уваженіе непого-робкаго Стефано; на лицѣ молодаго человѣка всегда обнаруживалось безпрекословное повиновеніе, тогда-какъ фізіономія Ріего всегда выражала повелительность; но съ минуты паденія какой-то непонятный трепетъ обнаружился въ лицѣ Стефано; тысячи разнообразнѣйшихъ ощущеній непрерывно смѣнялись въ чертахъ его: онъ блѣднѣлъ, дрожалъ; онъ узналъ что такое страхъ, увидѣвъ смерть лицомъ-къ-лицу: онъ не былъ уже болѣе мужемъ. . .

Охотники не нашли медвѣдя въ Маледеттѣ и вошли въ испанскія Пиренеи черезъ скалу Пикаду. Какое зрѣлище представилось глазамъ ихъ! Передъ ними въ фонѣ картины всѣ остроконечные верхи испанскихъ Пиренеевъ поднимались въ высоту одинъ надъ другимъ въ безконечныхъ ярусахъ, окрашенные разнообразнѣйшими цвѣтами, которые мѣнялись по мѣрѣ отдаленія: сначала—зеленые, потомъ темные, голубые, фіолетовые,—и все это усыяно было букетами снѣга, какъ букетами бѣлыхъ розъ, упавшихъ съ неба. Вправо и влѣво, словно рамы для этой горной картины, стояли двѣ огромныя, неизмѣримыя скалы, черныя, блестящія какъ броня вороненая, и на одной изъ этихъ скалъ, въ недосыгаемой высотѣ, упершись ногою объ остроконечную вершину, стоялъ каталонскій пастухъ, какъ пограничный стражъ. Увидѣвъ двухъ охотниковъ, онъ гордо скрестилъ на груди руки, и стройный, величественный, рѣзко рисовался на ясной лазури неба.

Только-что они сдѣлали нѣсколько шаговъ по землѣ Испаніи, какъ вдругъ Ріего остановился, и не оборачиваясь, сдѣлалъ брату рукою знакъ остановиться. Стефано повиновался; Ріего сталъ прислушиваться, прикладывавалъ ухо къ землѣ, и наконецъ услышалъ глухой звукъ, подобный вою.

«Это медвѣдь!» сказалъ онъ тихо Стефано: «мы увидимъ его вонъ съ той площадки; пойдёмъ.»

Они взобрались на площадку по тропинкѣ почти - непроходимой; съ правой и съ лѣвой стороны ея были бездонныя пропасти; на концѣ ея, прямо передъ глазами охотниковъ, была другая тропинка, ведущая на сосѣднюю вершину; черезъ вѣсколько минутъ Ріего увидѣлъ огромнаго медвѣдя, который спускался по рытвинѣ, образовавшейся отъ горныхъ потоковъ: «Вотъ онъ! вотъ онъ!» сказалъ онъ: «Стефано, прицѣливайся; онъ выйдетъ прямо на уголъ, гдѣ сходятся двѣ тропинки. . . И когда онъ будетъ—смотри сюда—вонъ тамъ, подлѣ этой ели, тотчасъ стрѣлай; если не попадешь — ничего; я. . .» Онъ остановился, увидѣвъ, что медвѣдь уже близко.

«Стрѣлай!» — Стефано выстрѣлилъ; но отъ - того ли, что онъ стоялъ далеко отъ чудовищнаго звѣря, или отъ-того, что руки его дрожали, только пули ударили въ скалу, которой обломки попали въ медвѣдя. Услышавъ выстрѣлъ, медвѣдь обернулся къ охотникамъ и пошелъ на нихъ быстро; онъ былъ уже въ двадцати шагахъ; къ-счастію, тропинка вилась посрединѣ скалы и растягивала разстояніе своими волнообразными извилинами. Ріего прицѣлился и выстрѣлилъ; но въ это мгновеніе медвѣдь случайно отскочилъ въ сторону, и двѣ пули прошли мимо; только третья попала въ бокъ. Кровь хлынула на скалистый камень; звѣрь страшно заревѣлъ и бросился на площадку.

«Давай пули!» кричалъ Ріего не оборачиваясь назадъ и не спуская глазъ съ медвѣдя, остановленнаго между-тѣмъ на бѣгу обломками камней и опрокинутыми елями.— Стефано молчалъ.

«Пули, говорятъ тебѣ! черезъ три минуты онъ будетъ здѣсь.»

— Мы погибли! сказалъ Стефано: у меня нѣтъ болѣе пуль!

«Нѣтъ пуль?»

— Нѣтъ; мой ягташь упалъ въ разсѣлину Маледетты.

Между-тѣмъ ближе и ближе становился ревъ медвѣдя.

«Упалъ въ Маледетту! Боже милосердый!»

— Убѣжимъ, убѣжимъ отсюда! кричалъ Стефано.

«Убѣжимъ? куда? какъ? Если пойдёмъ впередъ по этой тропинкѣ, мы прямо попадемъ на медвѣдя; воротиться на дорогу, по которой мы пришли, невозможно: по ней нельзя сойдти внизъ, и медвѣдь достигнетъ насъ въ одну секунду.»

— Боже, помилуй, защити насъ! кричалъ юноша, упавъ на колѣни.

Медвѣдь то исчезалъ, то опять появлялся по извилинамъ тропинки, и шелъ быстро.

«Ну, полно! не трусь!» сказалъ Ріего отрывисто и твердымъ голосомъ: «не все еще погибло; остается средство ужасное, которое употребляютъ иногда наши горные охотники. Покажи мнѣ твой ножъ,—хорошо; онъ длиненъ и толстъ; мой также надеженъ... Слушай; сію минуту медвѣдь будетъ на этой площадкѣ.

Въ это время послышался трескъ ломаемыхъ имъ вѣтвей ели.

«Только-что онъ взберется сюда, я пойду прямо къ нему съ разпростертыми руками; онъ поднимется на мѣня, я обвиню его, и буду держать такимъ образомъ. Между-тѣмъ ты подбѣгаешь въ ту же минуту, вонзаешь ему въ лѣвый бокъ ножъ и держишь такъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ упадетъ.»

— Хорошо, братецъ.

«Но, смотри же, чтобъ рука не дрожала; ударъ долженъ быть твердъ и вѣренъ!»

— Хорошо, братецъ.

«О! эти господа - медвѣди звають меня; и будь этотъ молодець такъ же ужасенъ, какъ левъ, я совѣтую ему сжимать меня изо всѣхъ силъ, прежде чѣмъ успеетъ задушить.»

Ріего казался счастливымъ; лицо Стефано выражало совершенное отчаяніе.

Медвѣдь появился.

«Къ дѣлу! къ дѣлу!» кричалъ Ріего: «понимаешь, Стефано? въ лѣвый бокъ, между реберъ?..»

Медвѣдь уже на площадкѣ; кровь течетъ изъ него; онъ бросается впередъ; Ріего распростираетъ руки; чудовище, поднявшись на заднія лапы, бросается на него и силится задушить; борьба начинается.

«Братъ! братъ! сюда!» Голосъ Ріего звучитъ подобно грому. Но Стефано, совершенно обезпамятѣвшій, съ дрожащими колѣнями, съ помутившимся взоромъ, не можетъ сдѣлать ни шага впередъ, не можетъ двинуться съ мѣста: страхъ овладѣлъ всѣмъ существомъ его.

«Ко мнѣ, братъ! ко мнѣ!» И голосъ священника началъ слабѣть. Медвѣдь заревѣлъ ужасно; косматая голова его была уже на плечѣ у Ріего; страшная пасть разверзлась; красные глаза горѣли пламенемъ; смертоносные когти уже впились въ бока Ріего, и

кровь заструилась по широким лапамъ животного и по темной одеждѣ охотника.

Нѣсколько секундъ продолжалась упорная борьба; Стефано, въ полномъ безуміи, поднималъ вверхъ руки и не двигался съ мѣста.

«Братъ! сюда! сюда!» Голосъ Ріего сдѣлался еще слабѣе, ревъ медвѣдя еще ужаснѣе.

Однакожь при послѣднемъ крикѣ брата, Стефано по-видимому пришелъ въ чувство; онъ вдрогнулъ всѣмъ тѣломъ какъ человѣкъ, твердо рѣшившійся на что-то, взялъ въ руку ножъ, бросился на медвѣдя и ударилъ его въ бокъ; но рука у него дрожала, и ножъ не вошелъ въ тѣло животного. Тогда, пораженный непобдимымъ ужасомъ, онъ бросилъ на землю ножъ и бросился съ площадки на узкую тропинку.

«Братъ! братъ!» стоналъ Ріего едва-слышимымъ голосомъ. Ничто не останавливало Стефано. Ріего остался одинъ. Онъ хотѣлъ выхватить свой ножъ, но стиснутый медвѣдемъ, не могъ. Тогда, въ отчаяніи, собравъ весь остатокъ силъ, онъ отталкиваетъ медвѣдя къ самому краю пропасти, дѣлаетъ еще движеніе, медвѣдя падаетъ, и оба катятся въ бездну. Въ-продолженіе послѣднихъ мгновений этой борьбы, чей-то голосъ кричалъ съ площадки: «смѣлѣй! смѣлѣй!» и какой-то человѣкъ быстро спускался внизъ къ мѣсту битвы. Онъ пришелъ наконецъ весь запыхавшійся и покрытый потомъ, но пришелъ уже поздно.

На другой день послѣ этой сцены, былъ праздникъ въ томъ мѣстечкѣ, гдѣ Ріего былъ священникомъ; оканчивался пріемъ собраннаго на поляхъ манса; длинная вереница низенькихъ телегъ, обтянутыхъ грубыми рогожами и запряженныхъ быками, тянулась съ множествомъ поклажи по кремнистой мостовой; арендаторы съ длинными палками въ рукахъ погоняли быковъ и направляли телеги къ огромной житницѣ, которой отворенная дверь выходила на площадь: тамъ съ прутяными корзинами на спинѣ, вчерашніе охотники, теперь преобразившіеся въ крестьянъ, принимали шшено и ссыпали въ уголъ житницы, а между-тѣмъ дѣти, дѣвицы и матери, усѣвшись вокругъ этой груды, отбирали зерна, распѣвая старинныя пѣсни, и откладывали въ сторону колосья, которые бѣдьяками употребляются зимою на топливо. Къ четыремъ часамъ все было кончено. Г. Фальзенъ, владѣтель житницы, прислалъ полбочки вина работникамъ, и житница превратилась въ тащовальную залу.

Посреди всеобщей радости, одинъ только молодой арендаторъ сидѣлъ въ темномъ углу житницы на грудѣ пшена, смотрѣлъ какъ другіе танцуютъ и самъ не танцовалъ, слушалъ какъ поютъ другіе, и самъ не пѣлъ; онъ, по-видимому, былъ очень-грустенъ и разстроенъ. Лишь только, когда заговаривали подлѣ него о неустрашимости священника и опраздникъ, приготовляемомъ къ его возвращенію, онъ повертывалъ голову, и лицо его принимало выраженіе гнѣва почти - звѣрскаго; потомъ онъ снова предавался своимъ размышленіямъ.

Кончилась первый танецъ; дѣвушки и молодые люди подошли къ нему, не будучи имъ замѣчены; образовался кругъ около кучи мауса, на которой сидѣлъ онъ, и вдругъ онъ пробужденъ былъ отъ задумчивости хохотомъ, который раздавался вокругъ его со всѣхъ сторонъ.

— Ну, Эчагонъ! о чемъ же ты думаешь?

Быстро поднявъ онъ глаза и, проведши рукою по лбу, какъ человекъ, пробуждающійся отъ дремоты, спросилъ: «что вамъ отъ меня надобно?»

— Какъ! до-сихъ-поръ ни одной пѣсни, поэтъ?

«Я не пою сегодня.»

— Ну, такъ расскажи намъ исторію *о трехъ желаніяхъ*.

«Завтра расскажу.»

— По-крайней-мѣрѣ, сочини намъ стихи о подвигѣ нашего священника; мы пропоемъ ихъ ему, когда онъ возвратится.

«Священника!» вскричалъ онъ ужаснымъ голосомъ.

— Конечно. Тебѣ ближе всѣхъ это сдѣлать, потому-что ты такъ любишь его.

«О, да! я люблю его; но... я не хочу сочинять стихи.»

И поэтъ снова сѣлъ на свое мѣсто, врачный по-прежнему.

Слово «поэтъ» обыкновенно пробуждаетъ въ насъ понятіе о чемъ-то идеальномъ, возвышенномъ, что вовсе нейдетъ къ Эчагону. Эчагонъ — просто крестьянинъ, какихъ много можно встрѣтить на югѣ Франціи: онъ сочинялъ на мужицкомъ языкѣ пѣсенки для свадьбы, для крестинъ, и былъ извѣстенъ по своему пылкому, стремительному характеру.

Танцы возобновились; вдругъ лицо поэта измѣнилось: уста его открылись и что-то забормотали, а глаза устремлялись на дверь житницы. Эта дверь тихо отворилась, и Стефано, покрытый смертною блѣдностію, съ поникшимъ челомъ, вступилъ въ нее мед-

ленными шагами; всё кинулись къ нему, забывъ танцы. — Г. Ріего! Гдѣ г. Ріего?..

Стефано не отвѣчалъ ни слова.

— Говори же, гдѣ онъ?

«Умеръ!» сказалъ Стефано задыхающимся голосомъ.

— Умеръ! какъ? а ты?...

«Мы были въ ледникъ Маледетты; онъ исчезъ въ разсѣлинѣ.»

Отчаяніе выразилось на всѣхъ лицахъ. Вдругъ кто-то кидается къ кружку и расталкиваетъ крестьянъ. То былъ Эчагонъ. Онъ подходитъ къ Стефано, схватываетъ его за руки и смотритъ ему прямо въ лицо: «Ты лжешь!» кричитъ онъ ужасающимъ голосомъ. Крестьяне толпятся вокругъ ихъ и съ жадностію слушаютъ; Стефано, уничтоженный, грустно опускаетъ голову.

«Ты лжешь! Г. Ріего умеръ... о! да, умеръ! но онъ не падалъ въ ледникъ: его задушилъ медвѣдь!.. Да» повторилъ Эчагонъ, обращаясь къ зрителямъ этой сцены: «г. Ріего боролся съ медвѣдемъ безъ оружія въ рукопашной схваткѣ, и вотъ онъ, братъ его, не подалъ ему помощи!»

Всѣ крестьяне начали обнаруживать знаки негодованія.

«А у этого брата, тогда, былъ ножъ!»

Негодованіе усилилось.

«Но онъ бросилъ ножъ на землю — и убѣжалъ!»

Всѣ отворотились отъ Стефано.

«Я былъ въ пятидесяти шагахъ и кричалъ ему: стой, стой! но онъ такъ струсиль, что даже не слыжалъ меня... Узнаешь ли ты это?» Тутъ онъ вынулъ изъ кармана окровавленный берѣтъ: «вотъ все, что осталось отъ твоего брата на площадкѣ, когда я прибѣжалъ туда. И послѣ этого ты смѣешь дотрогиваться до насъ? смѣешь садиться съ нами на одну скамейку? Вонъ, вонъ отсюда!»

Произнеся эти слова, Эчагонъ ударилъ Стефано по лицу окровавленнымъ берѣтомъ, повторяя съ какимъ-то бѣшенствомъ: «вонъ отсюда!»

Крестьяне, одушевленные гнѣвомъ Эчагона, бросились на молодого человѣка, и со всѣхъ сторонъ посыпались на него проклятія: «вонъ! вонъ! пошелъ вонъ!» Пораженный этимъ приговоромъ, несчастный юноша хотѣлъ выйти, какъ вдругъ дверь отворилась во второй разъ, и въ ней появился человѣкъ, обливаемый кровію.

Тотъ же крикъ раздался со всѣхъ сторонъ:

— Г. Ріего!

То былъ въ-самомъ-дѣль г. Ріего. Всѣ крестьяне отступили въ ужасъ; священникъ взялъ за руку Стефано, сказавъ: «остановись, другъ мой!» Стефано палъ на колѣни. Толпа безмолвствовала, и это безмолвіе походило на ужасъ. Всѣ уста были открыты и вѣмы; каждый изъ присутствовавшихъ походить на статую. Наконецъ, спустя нѣсколько времени, Эчагонъ подошелъ къ г. Ріего, и сказалъ ему самымъ трогательнымъ голосомъ:

— Развѣ не вы дрались съ медвѣдемъ?

«Ты, кажется, видишь, что я» отвѣчалъ священникъ спокойнымъ голосомъ, показывая на свое окровавленное платье.

— Да вѣдь вы упали въ пропасть?

«Да.»

— Такъ какъ же...

«Богъ спасъ меня; въ нѣсколькихъ футахъ отъ края бездны я зацѣпился поясомъ за скалу, и медвѣдь одинъ скатился въ пропасть.»

По шѣрѣ того, какъ говорилъ г. Ріего, крестьяне начинали увѣряться въ его существованіи, подходили къ нему съ изъявленіемъ благодарности, какъ-будто онъ спасъ ихъ, а не себя, отъ опасности. Стефано рыдалъ и цаловалъ его руки, восклицая: «братецъ! братецъ!»

«Но чтѣ значили крики, раздававшіеся въ то время, какъ я вошелъ сюда?» спросилъ священникъ строгимъ тономъ: «за чтѣ выгоняли вы отсюда этого мальчика?»

— За что? вскричалъ Эчагонъ: но развѣ этотъ подлець...

«Этотъ ребенокъ не подлець» возразилъ Ріего важнымъ тономъ. Онъ испугался... да, онъ испугался, потому-что за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ самъ былъ на волосъ отъ смерти! Кто изъ васъ осмѣлится сказать, что поступилъ бы иначе на его мѣсть? кто осмѣетъ выгнать его отсюда, когда я прощаю и обнимаю его?» священникъ взглянулъ на Эчагона и прижалъ брата къ сердцу. Эти немногія слова, сказанныя просто и спокойно, тотчасъ прервали ропотъ негодованія. Ріего присовокупилъ: «Эчагонъ, пойдѣ сюда.»

Эчагонъ подошелъ.

«Подай руку Стефано.»

Эчагонъ колебался.

«Дай руку Стефано! говорятъ тебѣ...» Эчагонъ повиновался, и тотчасъ всѣ подошли къ несчастному юношѣ и начали осypать его самыми ласковыми словами. Еслибъ кто могъ видѣть это зрѣ-

лице, тотъ навѣрное былъ бы пораженъ необычайною властію какую имѣлъ священникъ, говорящій такъ тихо и спокойно.

«Пусть же продолжаются пляски; а ты, поэтъ» сказалъ Ріего: «лыбался и обратяся къ Эчагону: «ты сочинишь какую-нибудь пѣсню на смерть медвѣдя.»

Онъ вышелъ изъ житницы вмѣстѣ съ Стефано.

Послѣ минутнаго молчанія хозяинъ мой сказалъ:

— Повѣсть моя кончилась. Ну, что? выигралъ ли я закладъ? Это происшествіе не ново ли съ какой-нибудь стороны и не помните ли мнѣ его первый, случайно-попавшійся обитатель нашей деревни?

«Случайно-попавшійся, мой почтенный другъ! случайно-попавшійся! Позвольте мнѣ нѣсколько усомниться въ этой случайности. Вы, можетъ-быть, знали, что Стефано придетъ къ вамъ сегодня утромъ для уплаты двадцати эку, — а это очень уменьшаетъ силу случая, и слѣдственно силу вашей системы, по которой довольно, кажется, только нагнуться, чтобъ найти жемчугъ даже въ сельскомъ ручейкѣ.»

— Какъ это возможно? Вы думаете, что я играю съ вами въ кропленные карты и навѣрное выдергиваю тузовъ и королей? Хорошо же! Вы, по-крайней-мѣрѣ, повѣрите моей добросовѣстности, если я васъ-самихъ заставлю метать банкъ. Слушайте. Есть ли гдѣ-нибудь деревня хуже нашей? Изъ чего состоитъ она? Изъ пятнадцати домовъ, изъ которыхъ четырнадцать не дома, а хижины. Завтра утромъ укажите мнѣ на какой-нибудь изъ этихъ домовъ, и я напередъ облуюсь рассказать вамъ повѣсть, которая служила сценою, и которая можетъ составить порядочный томъ.

На другой день мы пошли по деревнѣ. Въ концѣ ея увидѣли что-то похожее на жилище—полу-домъ, полу-хижину, казавшуюся пустою и необитаемою.

— Я вижу, сказалъ мой рассказчикъ: что вы выбираете этотъ домъ по страсти своей къ необыкновенному и потому-что закрытые ставни придаютъ ему какой-то таинственный видъ?

«Кажется, мой почтенный другъ, вы ничего не знаете объ этомъ домѣ, и хотите отвлечь отъ него мое вниманіе?»

— Пойдемъ-те къ нему! сказалъ онъ мнѣ, вмѣсто отвѣта.

Мы пошли. Знакомецъ мой сказалъ: Я очень-радъ, что вы брали этотъ домишко — потому-что въ рассказѣ моемъ вы опи-

стрѣтите священника Рiego, но съ другою физиономією, пожелали та, какую онъ имѣлъ вчера для васъ; Эчагонъ также опять явится; ю болѣе всего доволенъ я вашимъ выборомъ отъ-того, что разсказъ мой можетъ служить новымъ подтвержденіемъ моего любимаго правила, именно, что человекъ не долженъ слишкомъ полагаться ни на добродѣтели свои, ни на недостатки. Ничего нѣтъ тяжелѣе, какъ преобладаніе какого-либо душевнаго свойства. Вирвилій сказалъ: *Male suada fames*, «голодь — дурной совѣтчикъ». Разсказъ мой докажетъ вамъ, что иногда самое чистое, самое лучшее изъ человѣческихъ чувствованій можетъ быть также дурнымъ совѣтчикомъ.

Говоря такимъ-образомъ, мы подошли къ домику.

— Послушай, Жибуро—сказалъ мой пріятель старухъ, сидѣвшей у дверей и перебиравшей пшено: дай-ка мнѣ ключъ отъ *дома пльгаго* (позже я узналъ, откуда взялось это имя). Старуха показала ключъ; мы вошли въ домъ, и пріятель мой началъ такъ:

I.

Лѣтъ двадцать тому назадъ (я былъ уже мѣромъ), явился ко мнѣ однажды утромъ незнакомецъ и, имѣя намѣреніе купить тотъ домишко, просилъ сообщить ему нѣкоторыя о немъ свѣдѣнія. Я отвѣчалъ на вопросы, и спустя нѣсколько времени, онъ действительно поселился въ нашей деревнѣ. Семейство его состояло изъ жены, двѣнадцатилѣтняго сына и служанки. Такъ-какъ онъ не былъ здѣшнимъ уроженцемъ—происхожденіе его ясно показывало въ немъ жителя сѣвера — и какъ онъ явился сюда не синдаторомъ для обработыванія земли, то пріездъ его привелъ движеніе всѣхъ двѣнадцать или пятнадцать ульевъ, находящіеся моею завѣдываніи. И въ-самомъ-дѣлѣ, съ какимъ намѣреніемъ кинулъ этотъ незнакомецъ свою родину и поселился въ глуши, этой бѣдной деревушкѣ? Вскорѣ, мучимый любопытствомъ, къ и всѣ наблюдатели, я увѣрилъ себя, что по званію мэра я обязанъ знать всѣхъ находящихся подъ моимъ управленіемъ, отправился къ г. Бемелю, — такъ звали незнакомца. Онъ самъ перѣ дверь и принялъ меня очень-дурно, не смотря на то, что первый визитъ его, сдѣланный мнѣ, обязывалъ меня отплатить ему тѣмъ же. Онъ пригласилъ меня сѣсть въ этой комнатѣ, гдѣ и теперь сидимъ, на этотъ же самый стулъ; стоявшій даже на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь. Комната была украшена тѣми обоями, которые вы видите; лица этихъ фигуръ хотя и были

моложе двадцатью годами, однако были довольно уже стары; по срединѣ стоялъ круглый столъ брѣховаго дерева; на каминѣ маленькіе деревянные часы, остановившіеся. Во всемъ видна была скудость и даже бѣдность. Въ углубленіи окна сидѣла г-жа Бѣмель и штопала бѣлье. Разговоръ нашъ былъ скученъ и вялъ: г-жа Бѣмель не спускала глазъ съ своей работы, а г. Бѣмель едва отвѣчалъ на мои слова. Я пристально вглядывался въ его физиономію; она поразила меня: это былъ человекъ лѣтъ сорока пяти, рѣпкій, болѣе толстый, нежели высокій, съ густыми черными бровями, голубыми глазами и толстыми губами; по лицу его разливалась желчь, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было полно и румяно; волосы — на маковкѣ густые и черные, а на вискахъ почти совершенно-бѣлые придавали этому лицу странный видъ; наконецъ въ самомъ головѣ его было что-то глухое и раздражительное. Спустя четверть часа, я удалился, убѣжденный, что въ сердцѣ г. Бѣмеля была рана тайная и глубокая. Не смотря на дурное начало, отношенія наши мало-по-малу сдѣлались лучше; тѣмъ болѣе я проникалъ въ жизнь этого человека, тѣмъ болѣе убѣждался въ его душевной болѣзни, и, однакожь, почему-то скорбь его не поразила во мнѣ никакого состраданія: я чувствовалъ, что въ немъ не было какой-нибудь глубокой душевной горести, подобной, на-примѣръ, страданію отца, который лишился единственнаго дѣтища; нѣтъ, тутъ было что-то похожее на гордое бышенство низверженнаго демона Несчастія, происходящаго отъ чистаго источника, пересиливаютъ человека и дѣлаютъ лучшимъ; только несчастія, поражаемыя не удовлетворенными страстями, дѣлаютъ его грубымъ, — а г. Бѣмель обходился съ женою своею чрезвычайно-грубо. Она ли была причиною его несчастія — не знаю; но грубость этого человека походила на мщеніе. Что касается до г-жи Бѣмель — вся жизнь ея можетъ быть выражена однимъ словомъ: «она трепетала». Чуть бывало, громче заговорншь съ нею — она тотчасъ вздрагиваетъ вѣрнѣйшее доказательство привычки быть всегда угнетенною; в сорокъ лѣтъ она казалась пятидесятилѣтнею: слабая, маленькая худая, съ желтымъ какъ воскъ лицомъ, еще болѣе выставлявшимъ нѣжность черныхъ глазъ ея, она говорила мало и тихо, и казалось бѣсила г. Бѣмеля своею покорностью, какъ въ баснѣ Ласотаена ягвенокъ бѣситъ волка.

Побужденіе, болѣе-могучее, чѣмъ состраданіе и даже самое добрыство, влекло меня въ этотъ домъ: у г. Бѣмеля былъ десяти или-двѣнадцатилѣтній сынъ; въ чертахъ этого мальчика выража-

лись вся нѣжность и пріятность глазъ его матери, но съ примѣсно пылкой живости, напоминавшей г. Бёмеля; онъ былъ короннъ собою: его широкій, открытый лобъ, ротъ (самая характеристическая черта человѣческаго лица) часто движуційся и выразительный, морщи широкія и сильно радувающіеся, словомъ, вся фациономія его выражала собою что-то мужественное. Г. Бёмель, казалось, сильно любилъ его, но любовью странною, загадочною, какъ всѣ чувства этого чловѣка. Привязанность, внушаемая дитятею, бываетъ обыкновенно трогательна, близка къ слезамъ и въ то же время заботлива; это чувство овладѣваетъ нами внезапно при первомъ взглядѣ на ребенка; мы вдругъ чувствуемъ желаніе схватить его на руки и съ жаромъ прижать къ груди своей: въ это время чувствуешь себя и ребенкомъ, готовымъ играть въ куклы, и чловѣкомъ, способнымъ охранять слабое дитя: чудная смѣсь, въ которой суровая мысль о долгѣ сливается съ священнѣйшими слабостями сердца! Но въ любви г. Бёмеля къ Алойсу не было ничего подобнаго: онъ любилъ его не какъ отецъ, но какъ дѣстель; онъ потворствовалъ, повиновался ему. Нѣсколько словъ, нечаянно услышанныхъ мною, обнаружили таинственную причину этой странной привязанности. Я понялъ, что гордость г. Бёмеля была оскорблена смертельно, и что въ сынѣ своемъ онъ лелѣялъ того, кто нѣкогда долженъ снова возвысить ее; потому-то въ привязанности его было преступное смѣшеніе снисходительности и какого-то своеправнаго уваженія, которое мы обыкновенно оказываемъ тѣмъ, отъ кого ожидаемъ себѣ чего-нибудь: ничто такъ легко и низко не преклоняется, какъ пораженная гордость.

Въ дѣтяхъ есть чудный инстинктъ угадывать превосходство свое надъ окружающими ихъ: Алойсъ зналъ силу свою и пользовался ею. Но какъ?.. Онъ употреблялъ ее для защиты своей матери! Въ семействѣ Бёмеля господствовала непрерывная война,—война, хотя въ ней бывалъ всегда одинъ и тотъ же побѣдитель. Лишь только г. Бёмель возвышалъ свой голосъ противъ жены, маленькій Алойсъ тотчасъ же подбѣгалъ и становился между нами; если же онъ приходилъ поздно и заставалъ мать свою уже въ слезахъ, то бросался передъ нею на колѣни,—а она, бѣдное созданіе! едва осмѣливалась ласкать его. И сколько было тутъ съ его стороны ласокъ, поцалуевъ! съ какою нѣжностью умѣлъ онъ отнимать руки ея отъ лица, чтобы самому утереть ея слезы! какъ онъ обнималъ ее, и какъ въ это время глядѣлъ на отца своего! Поцалуи его были для матери утѣшеніемъ, для отца вызовомъ на бой. И когда отецъ въ свою оче-

редь хотѣлъ приласкать его, малютка ворчалъ: «я не люблю тѣхъ которые заставляютъ плакать маменьку», отталкивалъ отъ себя отца, — негодованіе дѣтское, но важное, потому-что оно было справедливо.

Однажды ночью, Алойсъ давно уже спалъ, какъ вдругъ въ ухахъ его раздался слишкомъ-знакомый ему голосъ. Онъ вдругъ соскочилъ съ постели и почти-нагой бросился въ комнату матери отворять дверь, входитъ: г. Бёмель, дрожащій всѣмъ тѣломъ и смущенный, стоялъ въ одномъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшенства, которые овладѣвали имъ, какъ припадки бользненные; г-жа Бёмель закрывъ лицо руками, трепетала и ждала чего-то страшнаго. Дитя подбѣгаетъ къ отцу; но гнѣвъ г. Бёмеля былъ слишкомъ-сильнъ, — онъ оттолкнулъ его отъ себя. Ребенокъ плакалъ, умолялъ его, цаловалъ его руки; но все было тщетно, и тысячи ругательствъ разлились надъ несчастною женщиною. Наконецъ, раздраженный самымъ молчаніемъ своей жертвы, Бёмель схватываетъ стулъ Алойсъ, думая, что онъ хочетъ ударить имъ несчастную жену свою бросается къ окну, отворяетъ его, и голосомъ, котораго нельзя выразить никакими звуками, кричитъ: «Если вы ударите маменьку я брошусь на улицу». Блѣдный, съ трепещущими устами, упершись одною ножкою на балконъ, этотъ ребенокъ былъ дивно величественъ. Мать подбѣжала къ нему, увѣренная, что онъ въ силахъ сдержать свое слово; отецъ вскрикнулъ отъ ужаса... Они схватили стулъ по какому-то безотчетному побужденію, но вовсе не былъ такъ низокъ, чтобъ вздумалъ употребить силу противъ жены. Гнѣвъ его тотчасъ смирился передъ этимъ смѣлымъ поступкомъ Алойса, и съ этого дня онъ началъ замѣтно обуздывать свои порывы.

Наконецъ еще другая причина привязывала меня къ сыну г. Бёмеля: я предчувствовалъ въ немъ великаго художника. Вы вѣдь знаете, какъ страстно люблю я музыку; это одно изъ самыхъ лучшихъ удовольствій въ моемъ одиночествѣ, и я увѣренъ, что только въ одиночествѣ можно вполне любить и чувствовать музыку. Двѣнадцатилѣтній Алойсъ былъ самымъ милымъ музыкальнымъ созданіемъ, какое только когда-нибудь я могъ вообразить себѣ: чудно - нѣжный и звучный, какъ серебряный колокольчикъ, голосъ его, — явленіе весьма рѣдкое въ дѣтскомъ возрастѣ, — выражалъ самыя меланхолическія, самыя страстныя мелодіи. Слышалъ ли онъ какую-нибудь арію, тотчасъ исполнялъ ее самъ съ такою же точностію, какъ хорошее, чистое зеркало отражаетъ

въ себя предметы, и притомъ съ такою силою, что подражаніе дѣлалось въ немъ какъ-бы его собственнымъ твореніемъ: и все это безъ малѣйшаго усилія, безъ ученія; казалось, не онъ любилъ музыку, а она любила его. У меня было прекрасное фортепьяно; бывало, лѣтомъ, вечеромъ, въ виду этихъ снѣжныхъ горъ, я ставлялъ его пѣть нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій моего любимца старика Глюка; и что же! двадцать разъ случалось мнѣ прерывать его на самомъ восторженномъ мѣстѣ, и я съ негодованіемъ долженъ былъ кричать ему: «полно, переставь, ради Бога!» Голосъ его раздиралъ мое сердце. Когда я слова взглядывалъ на него, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, самъ того не замѣчая; онъ весь былъ смущеніе, не зная тому причины, подобно молодой дѣвушкѣ, начинающей любить. Тогда я разсматривалъ его и съ наслажденіемъ изучалъ этотъ прелестный взглядъ, умный, восторженный... О, какъ дрожали уста его! Какое милое самонезнаніе! Какое дѣвственное смущеніе! Онъ готовъ былъ спросить меня:—что же вы видите во мнѣ? «Да»—говорилъ я самъ себе: «это необыкновенный ребенокъ» и бѣжалъ къ нему, обнималъ его такъ пламенно, что онъ дрожалъ отъ радости; потому-что онъ, должно вамъ сказать, не смотря на всѣ чудныя достоинства свои, имѣлъ недостатокъ общій всѣмъ людямъ съ воображеніемъ, — неограниченную любовь къ похваламъ.

Случай укрѣпилъ меня въ предчувствіи на-счетъ его будущности. Однажды угрою я свелъ его въ ближнюю приходскую церковь, чтобы онъ послушалъ тамошній прекрасный органъ; до-сего-времени онъ еще не слыхивалъ органовъ. Мы вошли въ церковь и сѣли въ отдаленномъ углу; органъ заигралъ. Насладившись нѣсколько этою небесною гармоніею, я обернулся къ Алойсу, чтобы увидѣть впечатлѣніе, какое произвела на него музыка: онъ сидѣлъ недвижимо, и изъ закрытыхъ глазъ его тихо струились слезы. Удовольствіе достигло въ немъ до душевнаго страданія.

Время шло; ребенокъ сдѣлался юношею. Юноша былъ такъ же прекрасенъ, какъ дитя. Я серьезно принялся за музыкальное его образованіе, началъ обучать его на фортепьяно и объяснять ему гармонію и композицію; но кто изъ насъ обоихъ былъ учителемъ? Люди необыкновенные знаютъ множество вещей, которымъ никогда не учились. Алойсъ не изучалъ правилъ, но самъ открывалъ ихъ. Одаренный памятью, которая могла бы служить ему вмѣсто разсудка, онъ предъугадывалъ все, какъ-будто неимѣя нужды въ припоминаніи. Но, когда я съ восторгомъ выхвалялъ Бемею его

сына, онъ едва слушалъ меня и оказывалъ совершенное равнодушіе; потомъ прибавлялъ голосомъ скрытой радости: «Спросите-ка его изъ политической экономіи или изъ математики, — вы увидите!»

Я спрашивалъ моего молодого художника.

«Ну что же?» говорилъ Бёмель.

— Дѣйствительно, онъ очень свѣдуще и въ томъ и въ другомъ; въ мысляхъ его необыкновенная ясность и точность.

«Я это давно знаю!» говорилъ Бёмель, и лицо его, всегда мрачное, прояснилось; на устахъ появлялась улыбка надежды и гордости. Меня несколько не удивляло, что Алойсъ имѣлъ способность къ музыкѣ и вмѣстѣ къ математикѣ: извѣстно, что всѣ музыканты весьма хорошо считаютъ. Наука гармоніи основана на счисленіи и соразмѣрности, подобно математикѣ; она есть въ то же время наука мѣры, какъ и геометрія, и слово *число* означаетъ вмѣстѣ количество и гармонію. Но какъ объяснить привязанность г. Бёмеля къ сыну, эту раздвоенную нѣжность? какъ объяснить этого отца, который любилъ въ сынѣ такъ сказать только одну его половину, отвергнулъ другую, по моему мнѣнію лучшую?

Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ, пришелъ я сюда рано утромъ: это былъ день рожденія Алойса. Ему минуло семнадцать лѣтъ, и я хотѣлъ видѣть его. Но каково было мое удивленіе! Г. Бёмель объявилъ мнѣ, что сынъ его наканунѣ того дня отправился въ Парижъ. Разспрашиваю о причинѣ, мнѣ едва отвѣчаютъ; настаиваю, — молчать. Такъ-какъ и привыкъ уже къ таинственности этого семейства и какъ почти-радостное чело г. Бёмеля не предвѣщало ничего ужаснаго, то я рѣшился ничего не вывѣдывать; нѣсколько разъ, однакоже, въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Алойса, я возобновлялъ свои разспросы, спрашивалъ, гдѣ онъ и что онъ дѣлаетъ; но г. Бёмель всегда избѣгалъ отвѣтовъ. Я замѣтилъ только, что на этихъ двухъ лицахъ, одномъ — всегда печальномъ, другомъ — всегда угрюмомъ, появилась нѣкоторая ясность, и отъ времени до времени отецъ говорилъ мнѣ тихимъ голосомъ: «Мальчикъ мой идетъ хорошо, очень-хорошо!» Три года протекли такимъ образомъ. Однажды, возвращаясь изъ продолжительнаго путешествія въ Беарнъ и слѣзая съ лошади, я былъ изумленъ и обрадованъ, увидѣвъ Алойса на порогѣ дома г. Бёмеля. Вмѣсто того, чтобы подойти ко мнѣ, онъ только завидѣлъ меня — тотчасъ вошелъ въ домъ. Ползая, что онъ меня не узналъ и горя нетерпѣніемъ узнать, что развили въ этой прекрасной душѣ прожитые ею три года, я

приблизжалъ сюда, но увя! это уже было не то лицо, которое я зналъ, это была уже не тетя юноша! Онъ очень выросъ и постарѣлъ,—да, постарѣлъ; глаза его еще блистали огнемъ, но огнемъ блѣднѣвшимъ и какъ-будто прозрачнымъ; онъ говорилъ очень-мало и ходилъ медленно... исчезъ весь обворожительный блескъ его юности! Только-что я взглянулъ на него, глаза мои наполнились слезами, и я готовъ былъ произнести: «Боже мой! что случилось съ вами?» но не знаю, что остановило меня; лицо его меня пугало. «Черезъ несколько дней» сказалъ я самъ себя: «онъ придетъ ко мнѣ и откроетъ свое душо»; но онъ не приходилъ. Тихо вспоминалъ я ему пріятные часы, проведенные нами съ Глюкомъ: самое имя Глюка не пробуждало его отъ дремоты, и я уже не слышалъ больше этого голоса, который такъ сильно волновалъ меня шькогда.

Пріездъ Алойса слова набросилъ на семейство Бемелей траурный кресть, приподнятый на-минуту. До-того-времени я полагалъ, что г. Бемель не могъ уже быть жесточе въ своихъ порывахъ и несноснѣе въ своей угрюмости; но тутъ я убѣдился, что для пороковъ человѣческихъ нѣтъ послѣднаго предѣла. Буря сдѣлалась обыкновеннымъ расположеніемъ души его. Бывало, присутствіе сына утишало или останавливало его норьмы, теперь оно раздражало его. Не было болѣе любви, не было спасительнаго вліянія! Постоянно - беломельный гнѣвъ, возбуждавшій Бемеля противъ жены, разразился теперь надъ Алойсомъ; онъ не только не любилъ уже сына, но даже, мнѣ казалось, ненавидѣлъ его! Однакъ странно: вчера шьжность, сегодня ненависть. Что же такое случилось?... Семейству атому было суждено быть вѣчною для меня заакою, въ которой ясно можно было прочитать только одно слово: «несчастіе!» Г. Бемель былъ бѣденъ; онъ началъ теперь выставлять свою бѣдность съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ другіе скрываютъ ее. Однажды какой-то богатый помѣщикъ изъ окрестностей, по имени Фальсень, которому г. Бемель оказалъ, безъ вѣдома своего, какую-то услугу, проважая соседственной дорогою, заѣхалъ къ нему изъяснить свою благодарность. Бемель всѣхъ сказалъ, что его нѣтъ дома, и вечеромъ, рассказывая мнѣ это происшествіе, прибавилъ съ шькоторою злостію: «я бѣденъ, и потому не долженъ принимать у себя богатыхъ».

Между-тѣмъ весьма важныя дѣла увлекли меня далеко изъ моего уединенія: я долженъ былъ ѣхать въ Англію. Въ минуту отъѣзда, не надѣясь возвратиться долго, я почувствовалъ, что привязанность моя къ Алойсу не угасла, хотя онъ, казалось, и забылъ

ее. Вы узнаете въ послѣдствіи, какъ трудно разлюбить того, кого полюбишь, когда еще онъ былъ ребенкомъ. Итакъ, наканунѣ отъѣзда, казавшагося мнѣ такъ грустнымъ, я написалъ ему вѣсколко строкъ, и, въ память прошлаго, равно какъ въ залогъ нашего будущаго союза, послалъ ему фортепьяно, на которомъ я аккомпанировалъ ему, когда заставлялъ его пѣть. На слѣдующее утро онъ прибѣжалъ ко мнѣ и, заливаясь слезами, бросился въ мои объятія. Мнѣ казалось, онъ пришелъ открыться во всемъ, что тяготило его сердце; но меня дожидались, — надо было ѣхать, — и я отправился, не узнавъ ничего о судьбѣ этого семейства, столь несчастнаго и столь таинственнаго.

По прошествіи четырехъ лѣтъ я возвратился: семейства Бёмеля уже не было въ этой деревнѣ. Въ отсутствіе мое случились происшествія, которыя я вамъ расскажу и которыя откроютъ вамъ тайну его несчастій, указавъ вамъ и источникъ ихъ.

II.

Послѣ отъѣзда моего, отчужденіе Бёмеля отъ всѣхъ увеличивалось со-дня на-день: онъ разговаривалъ только съ крестьянами, и повторялъ безпрестанно, что онъ самъ не болѣе какъ крестьянинъ, что онъ «гордится блузою». Тщетно возобновлялъ г. Фальзенъ свою услужливость: кабанъ (такъ называли Бёмеля въ деревнѣ) отвѣчалъ на всѣ его предложенія грубыми отказами. Наконецъ случай сблизилъ ихъ. Раненный на охотѣ, Бёмель былъ перенесенъ къ г. Фальзену, и тамъ ему оказана скорая и усердная помощь; слѣдственно, онъ принужденъ былъ быть благодарнымъ. Простое сельское добродушіе Фальзена довершило побѣду надъ нимъ; оба семейства вступили въ сношенія другъ съ другомъ, и вскорѣ условились, чтобъ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца г. Бёмель приходилъ обѣдать къ новому своему пріятелю. И такъ, однажды воскресеньемъ, въ глухую осень, Бёмель, по обыкновенію мрачный, отправился къ Фальзену съ женою и съ незадолго до-того возвратившимся сыномъ. День этотъ прошелъ такъ же тихо и уныло, какъ и прочіе дни; никакое замѣчательное происшествіе не ознаменовало его; Бёмель отправился изъ дома утромъ безъ всякаго предчувствія, и возвратился вечеромъ безъ всякой надежды; а между-тѣмъ вся участь его измѣнилась въ этотъ день... Посмотрите, какъ часто причина переворота въ жизни нашей скрывается въ обстоятельстве, вовсе нами незамѣченномъ!

Но опередимъ семейство Бёмеля, пока оно направляетъ путь

своей къ жилищу Фальзева, я войдемъ въ садъ: тамъ происходитъ сцена, при которой мы должны присутствовать.

На углу замка была небольшая, шпиль-необитаемая башенка, будто отдѣльный флигель. Всѣ окна этой башенки заросли плющомъ, исключая одно окно въ нижнемъ этажѣ, сквозь которое проглядывали маленькія стѣляночки, разставленныя въ симметрическомъ порядкѣ, какъ въ аптекѣ.

Часовъ въ десять утра какая-то молодая дѣвушка отворила это окно, и потомъ, усѣвшись за столикъ, стоявшій посерединѣ комнаты, взяла маленькіе серебряные вѣсы и начала взвѣшивать сѣрнокислую хивину, которую тщательно завертывала потомъ въ узенькія бѣлыя бумажки. Лицо этой дѣвушки прекрасно; ей восемнадцать лѣтъ; эта дѣвушка — Эдиъ Фальзенъ.

Каждое воскресенье утромъ приходила она въ эту низкую комнату, и раздавала крестьянамъ хивину и старое вино; она была для нихъ *сестрою милосердія*. . . Эти тягостныя услуги, оказываемыя бѣднымъ благочестивыми госпитальными дѣвушками, прекрасная Эдиъ, богатая и молодая, расточала всѣмъ крестьянамъ. Утѣшенія, подарки, деньги — все это благодѣнія нетрудныя: они удовлетворяютъ требованія нашего сердца и нисколько не оскорбляютъ самыхъ мелочныхъ нашихъ привычекъ; но Эдиъ дѣлала приношенія болѣе трудныя: она подавала милостыню личными своими попеченіями, и была для цѣлаго околodka благодѣтельною сеюю.

Двери низкой комнаты отворились; вошла женщина съ младенцемъ.

— А! это ты, Жаклина! сказала ей Эдиъ, не переставая приготавливать пакетцы съ хивиною:—что тебѣ надобно?

«Извините, мамзель Эдиъ, я принесла вамъ своего малютку, чтобы вы привили ему оспу.»

— Изволь, моя милая.

Обнажая руку ребенка, Жаклина продолжала стыдливомъ голосомъ:

«Ахъ, добрая госпожа! смѣю ли я просить васъ еще объ одномъ?»

— Что такое?... Подержи-ка ручку у дитяти.

«Вы вѣрно знаете, что завтра я выдаю замужъ старшую дочь.»

— А! тѣмъ лучше!... ну, что же?

«Вотъ видите: я работаю въ виноградникѣ вашего батюшки, и желала бы получить плату сегодня, потому-что эти деньги должны составить приданое моей дочери.»

— Изволь, миладя, я заплачу ихъ; сколько тебя слѣдуетъ?
«Семь франковъ и пять су.»

— Семь франковъ въ приданое твоей дочери?
«Да.»

— Бѣдная Жаклина!... я удвою тебѣ это приданое.

Въ эту минуту вошла опротно-одѣтая старушка; на ней у нея былъ сложенный крестообразно платочекъ съ красными клятьками; на головѣ бѣлый чепецъ; она шла медкими шагами и, останавливаясь, привѣдала въместо поклона.

— Здравствуй, Жибурд. Довольны ли вы всѣ сегодня? Приказалъ ли новый мэръ раздать хлѣба вашей общинѣ?

«Охъ, сударыня» отвѣчала Жибурд, закрываясь слезами (бѣдныя старухи всегда готовы расплакаться): «я точно могу сказать, что съ того дня, какъ г. Фальзенъ пересталъ быть нашимъ мэромъ, я потеряла розончикъ съ своего чепца. Новый мэръ вовсе же заботится о насъ бѣдныхъ.»

— Что же хотите вы, чтобы я вамъ давала? хлѣба, или каждую недѣлю по куоку мяса?

«Не во-гивъ будъ вамъ сказано, матушка: я лучше ждала бы немножко табачка, потому-что хлѣба можно имѣть каждый день, а табакъ, вотъ видите, единственное мое утѣшеніе. Ночью я совсѣмъ не сплю: лежа въ постели, повертываюсь сперва на одну сторону, помолюсь Богу и понюхаю щепоточку табака; потомъ черезъ четверть часа повернусь на другую, снова помолюсь и нюхну еще одну щепоточку, а тамъ и ночь пройдетъ.»

— А днемъ что же ты дѣлаешь?

«Днемъ я хожу и прошу воѣхъ святыхъ за добрыя души, которыя такъ сострадательны къ намъ бѣднымъ несчастнымъ, въ-особенности же молюсь святой Терезѣ, которую надобно чаще призывать, потому-что она творитъ чудеса надъ хромыми, слѣплыми и увѣчными...»

— Вѣрю, Жибурд, вѣрю, отвѣчала молодая дѣвушка.

Двери снова открылись; вошелъ мужчина лѣтъ сорока-пяти; ни одѣаніе, ни лицо его не выражали бѣдности (говорю «лицо» потому-что у бѣдняковъ бываетъ особое лицо, исключительно принадлежащее бѣдности). Это былъ одинъ изъ арендаторовъ г. Фальзена; щеки его были блѣды, лобъ обвѣзанъ бандажамъ; онъ, казалось, былъ очень-болѣвъ.

— Лучше ли твоей головѣ, Жавинъ? съ участіемъ спросила его Эднень.

«О, сударыня! какъ, на который я упалъ, былъ такой вострый!»
— Но докторъ вѣдь каждый день навѣщаетъ тебя?

«Да, сударыни, благодарю васъ; но онъ моришь меня своими перевязками. Когда, проснувшись утромъ, я только подумаю о томъ, что скоро придетъ-онъ, дрожа пробѣгаетъ по всему тѣлу,—такъ онъ мучитъ меня. Третьяго-дня, когда онъ снималъ съ меня повязку, я думалъ, что онъ вырветъ мнѣ глаза. Тогда я вдумалъ, что вѣдь это вы повязали мнѣ глаза въ тотъ день, какъ я упалъ; отъ васъ мнѣ не было никакой боли; и если вы были такъ добры тогда, то я желалъ бы, чтобъ вы и теперь опять перевязали мнѣ глаза.»

— Попробую, любезный Жанниъ, отвѣчала она, и съ легкоствію, съ вѣжностію, свойственною только женскимъ пальчикамъ, тотчасъ сняла всѣ повязки, опутывавшія голову Жанниа. Рана дѣйствительно была глубока, и страшно было смотреть на нее; но на лицѣ Эдмон незамѣтно было ни малѣйшаго отвращенія, — она думала только о страданіяхъ несчастнаго.

Эдмонъ осторожно промыла рану, сняла со лба повязки, и все это съ такими милыми и граціозными движеніями, такъ осторожно, что не замарала кровью ни платя, ни даже пальчиковъ своихъ; потомъ, когда перевязка была кончена, она сказала аривадатору съ нѣкоторою веселостію, чтобы придать ему бодрости:

— Ну, вотъ и кончено, дядя Жанниъ!

Бадникъ поцаловалъ ей руку и отвѣчалъ:

«Добралъ манасъ Эдмон! Вотъ въ первый разъ теперь, по прошествіи недѣли, я опять не имѣю желанія умереть въ девять часовъ утра.»

Явились другіе крестьяне: молодая дѣвушка оказывала всѣмъ имъ требуемую помощь, исполняя роль благотворительницы безъ всякой важности и торжественности, и будучи притомъ веселого и рѣзвого: она, казалось, забавлялась ихъ странными мужицкими рѣчами.

Я забылъ сказать, что эта маленькая комната была о двухъ окнахъ: одно было на востокъ, другое на западъ. Эдмонъ нечаянно взглянула въ западное окно и вдругъ, увидѣвъ на полу двѣ оставившіяся тѣни, повернулась въ ту сторону: это были священникъ Ріего и Эжгонъ, облокотившіеся на вѣшную занавѣску окна и устремившіе на нее свои взоры.

— Всегда и безпрестанно вы благотѣтельница бѣдныхъ! сказала ей священникъ.

«Ихъ аптекарша, хотите вы сказать» смѣясь возразила Эдмонъ.

«Я увѣрена, что если мы когда-нибудь лишимся своего состоянія эти маленькія сткляночки останутся мнѣ въ приданое.»

— Дитя! вы все смѣтаете! сказалъ ей священникъ.

«А отъ-чего же бы не смѣяться, г. Ріего? Я счастлива! Посмотрите на этотъ домъ: развѣ не видно, что въ немъ всё преисполнено счастіемъ?»

Ріего взглянулъ на нее съ участіемъ и нѣкоторою грустію.

— Не говорите этого! Когда я слышу отъ васъ подобныя слова, мнѣ становится страшно.

«Я надѣюсь на свою добрую звезду счастья, добрый другъ мой! И пока я еще не несчастлива, вы сдѣлаете одолженіе, придѣте сегодня къ намъ обѣдать... И ты также, Эчагони; у насъ будетъ другъ твой г. Алойсъ Бемель.»

— Кто этотъ Алойсъ? спросилъ Ріего.

«Это сынъ одного сосѣдняго намъ помѣщика, который друженъ съ батюшкой.»

— Я никогда не видалъ его у васъ.

«Нѣтъ, я думаю, вы когда-нибудь обѣдали съ нимъ. Это молодой человѣкъ, высокій ростомъ и никогда неразговаривающій.»

— Не помню.

«Вотъ еще! У него видъ такой страдальческій, угрюмый; что-то странное во взорѣ, глаза сверкающіе какъ у выздоравливающаго отъ горячки... Да вы даже говорили однажды о его лицѣ, которое поразило васъ своимъ страннымъ выраженіемъ.»

— Ахъ, да! молодой человѣкъ лѣтъ двадцати или двадцати-двухъ, высокаго роста, черноволосый, съ большими глазами и длиннымъ носомъ; онъ еще, кажется, въ юности обнаруживалъ необыкновенныя музыкальныя способности, и мэръ Баркусъ называлъ его всегда гениальнымъ ребенкомъ?

«Онъ именно.»

— Въ-самомъ-дѣлѣ, я помню его. Часто вы его види те

«Нѣтъ; онъ приходилъ къ батюшкѣ раза два, или три, и я никогда съ нимъ не разговаривала, однако замѣтила его странную фізіономію. Жавинъ, ты знаешь его? вѣдь вы были прежде товарищами по охотѣ? отъ-чего онъ такъ печаленъ?»

— «Онъ никогда не хотѣлъ мнѣ этого сказать» отвѣчалъ горець.

Въ эту минуту вошелъ слуга увѣдомить Эдвѣ, что г. и г-жа Бемель пріѣхали.

Она встала. «Вы придете, не правда ли?» сказала она Ріего и Эчагону.

— Безъ-сомнѣнія ; вы вѣдь обладаете не позже обыкновеннаго ?
отвѣчалъ священникъ.

«Нѣтъ, въ часъ.»

— Въ часъ.

III.

Нѣкоторые изъ гостей г. Фальзена уже собрались въ залъ. Эчагонъ былъ въ крестьянскомъ платьѣ : въ голубомъ беретѣ , бархатныхъ панталонахъ и красномъ полсѣ ; онъ имѣлъ право приходить въ такомъ костюмѣ , потому-что былъ сынъ кормилицы Эдионъ. Священникъ, сядъвшій въ концѣ залы, замѣтилъ, что молодой Алойсъ былъ одинъ-одинѣхонекъ въ сторонѣ , и что на лицѣ его выражалась глубокая скорбь. Молчаніе—самое вѣрное средство быть замѣченнымъ въ обществѣ ; ничто такъ не возбуждаетъ любопытства, какъ человекъ, ни съ кѣмъ неговорящій : всегда кажется, что у него есть что-нибудь важное на умѣ , и по этому странному закону притяженія , который самое презрѣніе обращаетъ въ магнитъ , все общество, мало-по-малу, приблизилось къ Алойсу, чтобы завлечь его въ общій разговоръ ; но въ эту минуту вошла Эдионъ , и всѣ отправились въ столовую. Я ни слова не говорю о г. Фальзенѣ , потому-что онъ былъ только — отецъ своей дочери.

Когда обѣдъ кончился, всѣ гости разошлись : Риго пошелъ навѣстить больнаго, Алойсъ — въ садъ, а Эчагонъ, въ ожиданіи вечера, отправился въ маленькую комнату, находившуюся подъ залой, и громкимъ голосомъ началъ пѣть псалмы : это было его обыкновеніе.

— Не хотите ли играть въ пикетъ втроемъ ? спросилъ г. Фальзенъ г-жу Бёмель.

«Очень охотно» отвѣчала она, пригласивъ мужа своего взглядомъ.

Всѣ трое усѣлись въ одномъ концѣ залы ; а Эдионъ, поставивъ свой рабочій столикъ къ окну , сѣла у него и начала списывать ноты. Вечеръ былъ прелестный : по одному изъ капризовъ горной атмосферы, такъ часто встрѣчающихся вблизи Пиренеевъ, послѣ перваго снѣга, наступило нѣсколько лѣтнихъ дней, какъ-бы заблудившихся и нечаянно туда попавшихъ. Цвѣты, согрѣтые солнечными лучами, наполняли воздухъ пріятнымъ благоуханіемъ ; тутъ были, между-прочимъ, жасминъ и роза, посаженные вдоль самой стѣны ; перевившись между собою, они отбросили смѣлую вѣтку, достигавшую до окна перваго этажа и представлявшую молодой дѣвушкѣ букетъ изъ жасминовъ и розъ, какъ - буд-

то поддерживаемый рукою невидимого. Эдионъ вдыхала въ себѣ благоуханіе цвѣтовъ, глядяла время-отъ-времени на закатывающееся за горы солнце и наслаждалась звучнымъ голосомъ Эчагона продолжавшаго пѣть внизу. Вдругъ пѣніе Эчагона утихло; послышался шумъ глухой и смѣшанный, какъ-бы говоръ двухъ голосовъ; нижній этажъ былъ очень невысокъ, окно изъ него было открыто, вѣтеръ доносилъ слова до Эдионъ, и она очень ясно могла различить голосъ сына г. Бёмелла. Остаться на своемъ мѣстѣ и слушать? это можетъ-быть, значило бы подслушивать чужую тайну. Уйти? но вечеръ былъ такъ прекрасенъ!... Эдионъ углубилась въ свою работу; но имя ея, произнесенное разговаривающими, нѣсколько разъ поражаемо слухъ ея; она невольно придвинула столъ ближе къ окну, и, какъ звуки становились громче, и яснѣе доходили до нея, она слышала до послѣдняго слова весь разговоръ.

— Зачѣмъ же не идете вы въ залу, г. Алойсъ?

«Потому-что батюшка, матушка и г. Фальзенъ играютъ, а дочка г-на Фальзена сидитъ одна, и мнѣ надо было бы съ нею разговаривать.»

— Такъ что же?

«То, что я не хочу съ нею разговаривать,—я ненавижу ее.»

При этихъ словахъ Эдионъ выронила изъ рукъ перо; удивленіе ея перешло въ ошмѣніе. Благотворительная, прекрасная, богатая Эдионъ была всегда всѣми обожаема; видя всегда, при входѣ своемъ куда бы то ни было улыбку радости, она могла бы думать, что душа человѣка создана только для любви. «Я ненавижу ее!» Это слово было для нея цѣлымъ новымъ міромъ. *Кто-то* ненавидѣлъ ее! Но что же такое она сдѣлала этому человѣку?

— Вы ненавидите г-жу Эдионъ? воскликнулъ престранный... Боже мой! за что же?

«Я ненавижу ее за то, что она смѣется надъ мною» отвѣчалъ Алойсъ голосомъ глубокой горести. «Посмотри на меня, мой братъ Эчагонъ, и скажи самому-себѣ, что ты видишь человѣка не счастливѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ...»

— А!.. произнесъ Эчагонъ съ плутовскою улыбкою.

«Что хочешь ты этимъ сказать? Ты думаешь, что я ненавижу Эдионъ, потому-что люблю ее? Разувѣйся, другъ мой! несчастіе мое—не любовныя; о любовныхъ я не сталъ бы плакать.»

У горя истиннаго есть какой-то особенный звукъ, какое-то особенное, неподражаемое выраженіе. Эчагонъ, тронутый голосомъ и лицомъ Алойса, подошелъ къ нему:

— Но что же случилось съ вами?

«Я расскажу тебѣ это» воскликнулъ молодой человѣкъ: «потому что мнѣ душно, я задыхаюсь... Да и съ кѣмъ же говорить мнѣ, какъ не съ тобою, товарищъ моеи юности?»

— Говорите! возразилъ Эчагонъ, испуганный такою откровенностію. Эдмонъ слушала.

«Послушай, Эчагонъ, не удивился ли ты, когда, три мѣсяца назадъ, увидѣлъ меня возвратившагося въ наши горы?»

— Удивился, потому что вы, отправились — было на долгое время.

«Знаешь ли ты почему я такъ скоро покинулъ Парижъ?»

— Доктора велѣли вамъ, послѣ долгой болѣзни, возвратиться сюда, чтобы подышать пиренейскимъ воздухомъ?

«А знаешь ли ты, что это была за болѣзнь?»

— Нѣтъ.

«Ты убѣживши отъ меня, когда я назову ее тебѣ:—я былъ сумасшедшимъ!»

— Сумасшедшимъ!... И крестьянинъ невольно отступилъ отъ него.

«Вотъ видишь, ты также бѣжишь меня?»

— Да какъ же можно сдѣлаться сумасшедшимъ? возразилъ Эчагонъ голосомъ, выразившимъ страхъ и суевѣрное удивленіе.

«Я точно такъ же спросилъ бы, какъ ты, года четыре тому назадъ, когда еще не покидалъ этихъ горъ, и ты не спросилъ бы меня объ этомъ, если бы хотя одинъ годъ прожилъ въ Парижѣ. Вообрази, что тамъ должно ходить по улицамъ, двигаться между восемью-стами тысячъ людей, видѣть какъ бѣгаютъ всѣ, и бѣгать вмѣстѣ съ ними, увлекаясь какимъ-то лихорадочнымъ побужденіемъ! Вмѣсто вершинъ вашихъ горъ, смотрѣть на крышу домовъ; вмѣсто тишины — слышать глухой шумъ, который подобенъ шуму бездны морской, и отъ котораго голова идетъ кругомъ; въ самомъ воздухѣ тамъ есть что-то воспламеняющее и упоительное. Сумасшествіе, Эчагонъ, есть Маледегта большихъ горъ; эта страшная пропасть поглощаетъ тѣхъ, которые смѣле другихъ и хотять надъ ними возвыситься!... Я упалъ въ эту пропасть!»

Эчагонъ глядѣлъ на него съ изумленіемъ и слушалъ, почти-ничего не понимая.

«Мой бѣдный горецъ!» продолжалъ Алойсъ: «ты не знаешь, что такое быть сумасшедшимъ! Помнишь, какъ однажды, прогуливаясь

по горамъ, мы встрѣтили въ одной деревнѣ дурака? Этотъ несчастный плясалъ голый, смѣялся и плакалъ въ одно и то же время, но смѣялся и плакалъ не какъ другіе люди; ребятишки прыгали вокругъ него, бросая въ него камнями и издѣваясь надъ нимъ: вотъ картина безумія; безумный претерпѣваетъ самыя жестокия страданія, заставляющія смѣяться тѣхъ, кто ихъ видитъ!»

— Не - ужь - то это правда? съ изумленіемъ возразилъ крестьянинъ!

«Да, это правда!.. Часто, въ безуміи я произносилъ слова безъ смысла, но между - тѣмъ, по какому - то прискорбному противорѣчію, понималъ все, что происходило вокругъ меня; я присутствовалъ при собственномъ безуміи своемъ; сознаніе пережило во мнѣ разсудокъ! И что же дѣлали, что говорили окружавшіе меня? Они тѣшились мною какъ забавнымъ зрѣлищемъ; они смѣялись, не подозревая, что сумасшедшій понимаетъ ихъ! Сумасшедшій!.. вотъ ужасное слово, которымъ встрѣтили меня люди, когда я снова явился къ нимъ! Я пришелъ къ нимъ съ сердцемъ, преисполненнымъ жаждою любви и любви взаимной; я надѣялся встрѣтить благосклонную и радостную улыбку, которая привѣтствуетъ возвратившагося къ жизни; но, благодаря жестокости свѣта,—безуміе, исчезнувъ какъ болѣзнь, остается еще какъ пятно. Если ты страдаешь грудью, или переломишь себѣ руку, это несчастіе, и о тебѣ жалуютъ; но если лишишься важнѣйшаго сокровища въ мірѣ—ума, это будетъ хуже стыда: это посмѣшище, надъ тобою смѣются!»

Эчагонъ сдѣлалъ движеніе, чтобы прервать его.

«Не говори, что я ошибаюсь; я видѣлъ, Эчагонъ, — видѣлъ и слышалъ. Однажды,—слушай со вниманіемъ,—однажды въ обществѣ, кака-то женщина, незнавшая меня, рассказывала при мнѣ одинъ изъ поступковъ, сдѣланныхъ мною въ сумасшествіи; и что же? она одна разсмѣшила всѣхъ на весь вечеръ: такъ смѣшонъ и забавенъ показался всѣмъ рассказъ ся! Но, между-тѣмъ, какъ эта женщина рассказывала, во мнѣ родилось ужасное желаніе схватить ножъ и зарѣзаться посреди этого сборища людей, чтобы вырвать хоть одинъ вопль ужаса изъ груди тѣхъ, которые находили во мнѣ такъ много смѣшнаго.»

— Бѣдняга! тихо пропознесъ крестьянинъ.

«Постой еще: я бѣжалъ сюда въ горы, надѣясь найти здѣсь убѣжище отъ людей и свѣта; но, двѣ недѣли назадъ, я видѣлъ, какъ г-жа Эдионъ глазами указала на меня другой женщиной, и объ

онъ засмѣялись ; я увѣренъ, что онъ смѣялись надъ мной, — да, надъ мной ! Отецъ мой вѣрно не замедлилъ разсказать имъ все, что дѣлалъ я въ сумасшествіи... и онъ забавлялись надъ мною!.. Этотъ послѣдній ударъ сразилъ меня: съ того дня страданія мои привяли какую-то язвительность, которая снѣдаетъ меня... О, ужасно! ужасно! нѣтъ такого темнаго уголка, такой глубокой ямы, гдѣ бы могъ скрыться несчастный!.. Я ненавижу г-жу Эднѣ!»

Эднѣ, си дѣвшая безъ движенія въ-продолженіе всего разговора, провела рукою по глазамъ, и слеза канула на ея ноты.

— Что это сдѣлалось съ Эднѣю? сказала Фальзену г-жа Бёмель, увидѣвшая, какъ молодая дѣвушка закрыла лицо руками: она, кажется, грустить.

«Оставьте ее» тихо отвѣчала отецъ : «она часто вспоминаетъ о своей матери.»

Эчагонъ, для котораго каждая изъ сказанныхъ Алойсомъ мыслей была совершенною новостью, далъ другу своему излить все его горе, не думая прерывать его, и вскорѣ Эднѣ снова услышала встревоженный голосъ Алойса.

«Да!» продолжалъ онъ съ бѣшенствомъ, не помня того, что онъ говорилъ съ крестьянникомъ, и говоря потому-только, что ему необходимо было высказаться, — сердце его было переполнено: «Да! пусть называютъ отчаяніе мое слабостью ; пусть говорятъ, что такъ много страдать отъ несправедливаго гнѣва людей—недостойно сердца мужественнаго; что мнѣ до ихъ толковъ? слабость это или гордость, все равно: я чувствую только, что страдаю и умираю! Презрѣніе раздражаетъ меня какъ несправедливость, и грызетъ какъ неблагодарность!... И, сказать ли тебѣ все? презрѣніе другихъ для меня еще ничего не значитъ,—нѣтъ! къ довершенію моего бѣшенства и несчастія, я самъ раздѣляю это презрѣніе къ самому-себѣ! Они правы: я существо уже испорченное, негодное, ни на что негодное! Помнишь ли ты нашу охоту среди снѣговъ и эти ночи, проведенныя нами въ горахъ подъ открытымъ небомъ? Какъ силенъ и бодръ былъ я тогда! Помнишь ли, какъ мы бывали въ Біарицѣ, какъ купались тамъ всегда въ открытомъ морѣ, и еще радовались, когда оно бушевало въ это время? Усталость была для насъ удовольствіемъ, опасность прелестью ; я вѣдилъ только на бѣшеныхъ лошадяхъ, и съ какимъ восхищеніемъ стремился противъ вѣтра во время сильныхъ бурь на Пиренеяхъ, съ обнаженною грудью, съ отверстыми устами, расширенными ноздрями, упиваясь воздухомъ! А теперь, Эчагонъ! теперь, послѣ нѣсколькихъ

минуть ходьбы, я трясусь, какъ-будто мнѣ шестьдесятъ лѣтъ! Эта ужасная бользнь медленно разлилась изъ мозга моего по всему тѣлу и оледенила его. Взгляни на мои щеки, — какъ впали онѣ! взгляни на руки, — какъ исхудали онѣ! взгляни на виски, — какъ мало осталось на нихъ волосъ! Ты плачешь, мой бѣдный Эчаговъ, тебѣ жалко смотрѣть на мемл?... А вѣдь все это еще ничто» вдругъ воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ: «душа! душа! вотъ гдѣ рана! Ты думаешь, что съ тобою разговариваетъ юноша благородный и пылкій? разувѣрься! это старикъ, эговствъ, съ поблекшимъ, увлдишимъ сердцемъ. Алойсъ прежилго времени воспламенялся отъ всего великаго: онъ боготворилъ геройство, вдохновеніе; я,—и ничего этого не чувствую, ни о чемъ не забочусь... я не знаю, люблю ли я еще мать мою! Энтузіазмъ погасъ! воображеніе умерло! музыка, даже самая музыка, вторая душа моя, и та покинула меня! Гдѣ вы, прелестныя мелодіи, наполнявшія сладостію мою душу? идеи великія, жизнь ума, фантазіи, творчества? гдѣ вы, гдѣ вы?...» Юноша остановился, потомъ, послѣ минутнаго молчанія, продолжалъ мрачнымъ и торжественнымъ голосомъ:

«Боже! что я такое сдѣлалъ?... Пережить самого-себя, видѣть, какъ товарищи расточаютъ жизнь свою, подобно мильонерамъ, и выкладывать на счетахъ самого-себя, рассчитывать каждую трату силъ физическихъ, подобно жалкому нищему! Мнѣ запретили работать: это, говорятъ, повредило бы мнѣ! мнѣ запретили чувствовать, запретили любить: это, по ихъ словамъ, тоже вредно! Мнѣ двадцать лѣтъ, и для меня все кончено! Но между-тѣмъ я живу, т. е. ѣмъ, пью и сплю... и это будетъ длиться до-тѣхъ-поръ, пока угодно Богу...»

Эднѣ едва могла разслушать послѣднія слова. Игра кончилась; она встала съ своего мѣста, и блѣдная, съ разстроенымъ видомъ, сошла въ садъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и съ г-жи Бемель. Пока они шли одни, Эднѣ со вниманіемъ глядѣла во всѣ стороны, отыскивая Алойса. Поворачивая въ одну изъ аллей, она увидѣла, что онъ идетъ прямо къ нимъ; но едва онъ замѣтилъ ихъ, какъ тотчасъ же повернулъ на боковую дорожку и скрылся.

— Какъ г. Алойсъ убѣгаетъ насъ! сказалъ г. Фальзенъ.

«Хорошо и дѣлаетъ» грубо возразилъ г. Бемель.

Эднѣ была погружена въ размышленія; нѣсколько минутъ спустя, она обратилась къ отцу и сказала:

«Батюшка, насмѣшлива я, или нѣтъ?»

— Немного, отвѣчалъ онъ, потрепавъ ее по щекѣ.

Вечеромъ, ложась спать, Эднѣ въ молитвѣ своей просила Бога помочь ей исправиться отъ насмѣшливости.

IV.

Эднѣ лишилась матери на пятнадцатомъ годѣ жизни; въ воспитаніи ея наслѣдовала ея матери старая тетка, женщина съ истиннымъ достоинствомъ, но которая, по строгой набожности, избѣгала всякаго сообщенія съ свѣтомъ. Что касается до г. Фальзена, то онъ былъ — помѣщикъ: хлѣбъ и дочь, вотъ все, что онъ любилъ. Одинъ разъ въ жизни своей сдѣлалъ онъ поѣздку въ Парижъ, поѣздку, продолжавшуюся двѣ недѣли; онъ умеръ бы, если бы остался тамъ цѣлый мѣсяцъ. Въ пять часовъ утра онъ вставалъ и отправлялся осматривать свои виноградники; возвратившись позавтракать въ девять часовъ, въ десять снова отправлялся осматривать свои хлѣба, а въ два, послѣ обѣда, уходилъ осматривать лѣса. Ему было, шестьдесятъ лѣтъ, и, живя уже двадцать лѣтъ въ такихъ занятіяхъ, онъ находилъ, что жизнь наша очень-коротка, не любилъ, чтобы при немъ произносили слово «смерть», и рѣшился выдать дочь за такого человѣка, который остался бы при немъ и жилъ бы подобно ему.

Эднѣ, какъ мы уже сказали, была прелестна: глаза ея такъ сильно сверкали, что когда, бывало, смотришь на нее, то сначала видишь только глаза; любовь необыкновенной бѣлизмы; станъ высокій, стройный, гибкій; въ физиономіи какое-то выраженіе отраднаго спокойствія и тихой восторженности, свойственное только молитвѣ; словомъ, во всемъ существѣ ея разлита была красота необыкновенная, красота, свойственная всѣмъ произведеніямъ природы и твореніямъ великихъ художниковъ, красота, составляющая въ особености прелесть «Спозалиціо» Рафаэля—именно: гармонія. Добрыкъ Фальзенъ гордился Эднѣю, какъ человѣкъ простаго происхожденія гордится чиномъ, для котораго онъ нерожденъ; гордость эта была смѣшана съ нѣкоторымъ удивленіемъ; и потому, когда онъ говорилъ «дочь моя», онъ говорилъ уже все. Въ продолженіе курсовъ, если случай приводилъ ихъ обонхъ въ Баньеръ, онъ иногда останавливался и говорилъ Эднѣ: «ступай впередъ». Потомъ, глядя на нее, радовался и восхищался, какъ всякій оглядывался на нее и хвалилъ красоту ея. При ограниченномъ умѣ, кромѣ сердца, въ немъ не было ничего родительскаго: онъ не заботился ни о воспитаніи ея, ни о характерѣ, ни о развитіи ея дарованій.. Каждый изъ

нась въ дѣтствѣ сѣялъ цвѣточныя сѣмена, и на другой день непременно справлялся, не пустило ли сѣмя ростка; какое же блаженство невыразимое, забросить зерно въ душу дитяти своего и видѣть каждый день какъ оно всходить, расти, прорывается сквозь груду и колосится! Все это было чуждо г-ну Фальзену; онъ заботился только о томъ, чтобы Эдионъ была всегда одѣта лучше всѣхъ молодыхъ дѣвушекъ; часто, возвратившись съ праздника или съ бала, котораго она была царицею, онъ говаривалъ: «подойди ко мнѣ», и потомъ, посадивъ ее возлѣ себя на скамейку, онъ обнималъ обѣими руками эту восхитительную головку, съ восторгомъ повторялъ всѣ слышанныя имъ похвалы, цаловалъ волосы и лобъ ея, и восклицалъ: «счастлива ли ты тѣмъ, что такъ прекрасна?»

Отъ-чего же Эдионъ не сдѣлалась пустышкой изъ всѣхъ женщинъ? Отъ-того, что есть сердца, какъ бы недоступныя поврежденію! Всѣ эти ласки возбуждали въ ней улыбку, какъ предубѣжденія родительской нѣжности; вотъ какъ она толковала ихъ: «какъ онъ любить меня, мой добрый отецъ!» и вмѣсто того, чтобы гордиться, была этимъ счастлива. Сверхъ того, эта жалкая привязанность была побораема двумя сильными противоядіями: одиночествомъ и горами, потому-что, я думаю, великолѣпная природа полезна и для души, и для тѣла; нѣсколько зимъ, проведенныхъ въ деревнѣ, сохраняетъ въ сердцѣ сѣмена благородныхъ чувствованій, точно такъ же, какъ снѣгъ сохраняетъ сѣмена растений въ землѣ.

Съ перваго іюля по первое сентябръ, домъ г. Фальзена наполнялся множествомъ людей, пріѣзжавшихъ въ Баньеръ-де-Люшонъ, лежавшій въ трехъ миляхъ отъ помѣстья г-на Фальзена, и представлялъ собою сборное мѣсто для цѣлаго города; остальную же часть года все было тихо и мертво въ этомъ домѣ. Но какъ въ январѣ, такъ и въ августѣ, въ ясные и ненастные дни, Эдионъ равно всегда была весела, рѣзва и счастлива. Молодая дѣвушка прекрасная и счастливая оживляетъ цѣлый домъ, какъ бы великъ и скученъ онъ ни былъ. На лѣстницахъ мелькаетъ бѣлое платье, или раздастся эхо чистаго, мелодическаго голоса: это Эдионъ, всегда и вездѣ Эдионъ... Смерть матери поразила ее горемъ истиннымъ; но искорѣ, день за днемъ, отчаяніе перешло въ тихую грусть, горькое воспоминаніе въ благоговѣйную память. Г-жа Фальзенъ, умирая, оставила ей нѣсколько страницъ съ надписью: *Вотъ тѣмъ я хочу, чтобъ ты была.* Эдионъ читала ихъ

часто, не смотря на то, что уже давно могла пересказать наизусть. Каждый день повѣряла она себя съ этимъ идеаломъ; походить на него было ея всегдашнимъ, единственнымъ желаніемъ, и она сдѣлалась наконецъ, такъ сказать, портретомъ этого пьсьма.

Сердце Эднъ было преисполнено глубокаго благочестія, истиннаго по самой наивности ея; она была увѣрена, что мать ея слѣдить за нею глазами; никогда ни малѣйшее сомнѣніе не омрачало ея вѣрованій: таинственное безсмертіе души, приводившее въ такое сильное волненіе какъ самыя сильныя умы, такъ и слабыя, вовсе не казалось ей загадкою; по ея мнѣнію, это было ясно, какъ солнце; и когда у г. Фальзена нѣкоторые старые ученики Вольтера высказывали свои сомнѣнія, она не сердилась, но усмѣхалась, какъ-будто-бы ей говорили, что дерево, которое она видитъ передъ своими глазами, — не дерево. Вотъ, кажется, уже довольно-подробное изображеніе Эднъ; но между-тѣмъ мы все-таки не сказали того, что въ особенноти отличало ея: въ каждомъ изъ насъ есть главное качество, составляющее основаніе нашего характера; у Эднъ это качество было — симпатія къ страждущимъ, состраданіе; оно преобладало надъ прочими ея чувствами или пораждало ихъ.

Мало такихъ молодыхъ дѣвушекъ, воображеніе которыхъ не было бы хотя на минуту занято какимъ-нибудь молодымъ человекомъ, являющимся имъ во снѣ и заставляющимъ ихъ краснѣть когда онѣ спятъ; въ Эднъ не было ничего романическаго, — ни одного изъ этихъ неопредѣленныхъ воспоминаній, отъ которыхъ юныя сердца бываютъ, на другой день послѣ праздника, грустны. Возвратившись съ бала, она тотчасъ засыпала; вставала на другой день такъ же весела, какъ была наканунѣ, и, два дня спустя, уже не узнавала тѣхъ, которые волочились за нею. Никогда никто не видывалъ ея съ поникшею головою, въ раздумьи передъ открытымъ романомъ.

— Согласилась ли бы вы выйти за старика? спросили ее однажды.

«Согласилась ли бы я?» отвѣчала она. «Я, можетъ-быть, даже предпочла бы старика молодымъ.»

— Почему же?

«Старикъ былъ бы мнѣ такъ благодаренъ за любовь мою!...» И это не было ни заученное слово, ни фраза повторенная по приказанію, — нѣтъ, ея нѣжное простодушіе не предугадывало, что удалаетъ мо-

лодую женщину отъ мужа слишкомъ-старого (она была такъ счастлива, обнимая старика-отца своего!), и по какому-то тайному инстинкту предчувствовала, что величайшее счастье будетъ заключаться въ томъ, которыймъ она подарить другаго.

Эднѣ мы видѣли въ первый разъ помогающую бѣднымъ больнымъ крестьянкамъ: это обстоятельство изобразить ее лучше всякихъ словъ; вся душа ея видна тутъ. Эта дѣвушка, немогшая дочитать «Nouvelle Héloïse» отъ скуки, не могла слышать разсказа о несчастіяхъ безъ того, чтобы не заплакать; сердце ея не воспламенялось и не завлекалось, но страдало; мысль помочь страждущему, приводила ее въ восторгъ, какъ мысль о твореніи великомъ воспаляетъ поэта, какъ мысль о любви воспаляетъ юношу; мечты ея состояли въ томъ, чтобы сдѣлаться сердобольною; на мѣсть Эмеральды она скорѣе полюбила бы Казимодо, чѣмъ Фебуса, потому-что Казимодо заслуживаетъ состраданіе.

Какое же впечатлѣніе долженъ былъ произвести на такое сердце разговоръ Алойса съ Эчагономъ! Онъ долженъ былъ прибавить, хотя и невольно, еще одно горе къ столь многымъ скорбямъ, нанести лишнюю рану сердцу, растерзанному безчисленными ранами. Она чувствовала угрызенія совѣсти, хотя и не была виновата. Чтò дѣлать? Идти къ Алойсу и сказать ему: «я никогда не смѣюсь надъ вами?» Ея врожденная скромность не позволила этого; между-тѣмъ, ей хотѣлось исправить зло, и это было болѣе, нежели желаніе: это была потребность необходимая. Итакъ на другое же утро, она предложила отцу своему идти къ г-жѣ Бёмель, въ намѣреніи открыться ей во всемъ и возложить на мать попеченіе разувѣрить сына. Но г-жа Бёмель не была ни минуты наединѣ, а Алойсъ не являлся.

— Онъ страдаетъ; онъ, быть-можетъ, плачетъ вдали отъ всѣхъ! сказала Эднѣ сама себѣ, и возвратилась домой огорченная этою мыслию.

Спустя нѣсколько времени, извѣстія, полученные ею о семействѣ Бёмель, увеличили ея состраданіе къ участи Алойса: двѣ великія тайны, тяготѣвшія это семейство, объяснились для нея; она узнала почему Алойсъ сошелъ съ ума, и какимъ-образомъ г. Бёмель впалъ въ эту мрачную жестокость.

Характеръ г. Бёмеля могъ быть изображенъ двумя чертами: гордость и властолюбіе. Родившись въ Гаврѣ отъ незнатныхъ и бѣдныхъ родителей, на восемнадцатомъ году онъ очутился на улицѣ, имѣя у себя только одного защитника — самого себя,

только одну собственность — умъ свой, только одно достояніе — молодость; въ сорокъ лѣтъ онъ обладалъ милліонами! И потому, когда, измѣряя пройденное пространство и видя себя *первымъ* по кредиту, по богатству и по уму въ томъ мѣстѣ, гдѣ родился *последнимъ*, этотъ человѣкъ могъ громко воскликнуть: «Я царь между всѣми торговцами этого города, который будетъ царемъ всѣхъ приморскихъ городовъ Франціи!» Въ немъ было это сильнымъ порывомъ гордости, но гордости спокойной, гордости владычествующей собою, безъ ослѣпленія и изумленія, потому что человѣкъ этотъ родился гордецомъ. Онъ любилъ золото, не какъ скупецъ и расточитель, не какъ орудіе роскоши, но какъ силу, какъ средство къ дѣйствованію, какъ вещественнаго представителя его нравственнаго достоинства; съ высоты милліоновъ своихъ онъ устремлялъ взоръ на Парижъ и, видя, сколько плебеевъ, возвысившихся только золотомъ, входятъ въ совѣтъ короля, чувствуя, что самъ былъ съ ними равенъ по способностямъ своимъ, онъ мысленно поздравлялъ себя министромъ короля Франціи. Впрочемъ, онъ былъ ужемогущъ, если могущество заключается въ томъ, что когда одинъ человѣкъ скажетъ: «я хочу», — тысячи другихъ отвѣтятъ ему: «и мы хотимъ». Все трепетало въ его присутствіи; дѣти его (у него было ихъ трое) не иначе говорили съ нимъ, какъ съ непокрытою головою; жена повиновалась ему какъ рабыня; надменный и жестокій съ подчиненными, когда онъ входилъ въ огромныя залы своей конторы, всѣ прикащики, отъ перваго до послѣдняго, должны были вставать съ мѣстъ и стоять до-тѣхъ-поръ, пока онъ подастъ имъ знакъ садиться: минута почтенія вправилась ему болѣе, чѣмъ четверть часа работы. На гаврской биржѣ собиралась всегда толпа маклеровъ, второстепенныхъ купцовъ и даже молодыхъ банкировъ, которые становились въ рядъ, когда онъ проходилъ мимо, и кланялись ему низко; онъ раздавалъ поклоны свои направо и налево, продолжая идти впередъ гордо и величаво; лицо его становилось холоднымъ и нечувствительнымъ; но подъ этою личиною равнодушія сердце его трепетало отъ удовольствія. Въ каждомъ дѣйствіи, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи этого человѣка выражалось одно слово — гордость. Надо сказать однакоже, что онъ соединялъ въ себѣ въ высшей степени два похвальныхъ качества: почтеніе къ самому-себѣ и строгую честность. Ни одна страсть человѣческая не оставалась въ немъ: домъ г. Бёмеля сдѣлался княжескимъ дворцомъ; его осыпали титлами и крестами, онъ отъ всего

отказывался, желая изъ гордости оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ; одно только званіе соблазняло его,—мы уже сказали какое, и онъ далъ себѣ обѣтъ достигъ его. И вотъ, онъ бросается въ исполнинскіе предпріятія; но счастье, зависящее отъ моря, непостоянно какъ волна; море всегда подь-конецъ отниметъ то, чтд дало. Въ четыре года рушилось колоссальное богатство Бёмеля, корабль погибалъ за кораблемъ, мильйонъ за мильйономъ; не смотря на то, у него оставалась еще одна надежда, одинъ корабль, капитанъ котораго былъ родственникъ г-жи Бёмель, избранный въ эту должность по ея просьбѣ, и на которомъ находился цѣлый мильйонъ; это былъ только обломокъ, но обломокъ могъ сдѣлаться фундаментомъ, и Бёмель чувствовалъ еще въ себѣ столько силы, что могъ имѣть право сказать: «будущность еще моя!» — Объявляютъ, что корабль уже въ гавани; г. Бёмель бѣжитъ къ берегу, сердце его бьется, телескопъ дрожить въ рукѣ; онъ уже различаетъ экипажъ корабля, какъ вдругъ море, доселѣ бурное, становится страшнымъ; капитанъ дѣлаетъ ошибочный поворотъ, сильный порывъ вѣтра бросаетъ корабль на камень—и корабля не стало.

Бёмель раздавленъ, уничтоженъ. Онъ не умертвилъ себя тутъ же, потому только, что не подумалъ объ этомъ въ ту минуту. Но вскорѣ гордость, погубившая его, внушила ему поступокъ мужественный; другой бы убѣжалъ или спрятался, но онъ, онъ остался еще на два мѣсяца въ Гаврѣ. Два мѣсяца—цѣлая вѣчность; эти два мѣсяца онъ былъ передъ лицомъ тѣхъ, которые наканунѣ еще боготворили его; въ эти два мѣсяца, ненависть, такъ долго скрывавшаяся, вполне выражалась во всѣхъ взорахъ; въ эти два мѣсяца, онъ долженъ былъ просить отсрочекъ, времени, услугъ! Онъ продалъ все и заплатилъ все, чтд могъ заплатить. Одна только честность его еще гордо возвышалась среди этихъ огромныхъ развалинъ, и онъ хотѣлъ сохранить ее въ цѣлости. Наконецъ, спустя два мѣсяца, онъ уѣхалъ, кипя яростью и защищаясь какъ дикій кабанъ, преслѣдуемый собаками. Въ этомъ-то пароксизмѣ стыда и отчаянія онъ, такъ-сказать, бросился сюда, въ Баркусъ, раненый смертельно и мучась подь вонзенною въ него стрѣлою. Первый мѣсяцъ его здѣсь пребыванія былъ адскимъ испытаніемъ: онъ мыслію все еще былъ въ Гаврѣ! Силою воображенія, увеличеннаго несчастіемъ, переносился онъ, вопреки своей воли, въ этотъ городъ: онъ входилъ въ дома, выходилъ на лѣстницу и, прильнувъ къ дверямъ, прислушивался, не произносили ли его имени; да, тамъ говорятъ о немъ: о! сколько азвительныхъ насмѣшекъ надъ его

денежъ! какая злобая радость! какое оскорбительное состраданіе! «Онъ разорилъ меня» говорилъ одинъ; «онъ самъ не разорилъ» говорилъ другой; потомъ слышался третій голосъ, тихо прошепсавшій слово «банкротъ». Тогда въ душѣ Бёмеля происходило одно изъ этихъ ужасныхъ потрясеній, одинъ изъ тѣхъ страшныхъ переворотовъ, которые должны происходить въ нѣдрахъ земли передъ изверженіемъ вулкана; онъ уже не помнилъ самого-себя, онъ впадалъ въ безуміе. И какъ отчаяніе требовало выхода, а стѣсненное бѣшенство могло бы задушить его, то онъ нападалъ на единственную жертву, представлявшуюся ему въ то время, — на жену свою. Вы помните, что послѣдній корабль Бёмеля пошелъ по оплошности капитана, и что капитанъ этотъ былъ выбранъ по рекомендаціи г-жи Бёмель. Ухватившись съ дикою яростью за этотъ поводъ, Бёмель сваливалъ на несчастную женщину всю вину своего разоренія. Безумная несправедливость, скажете вы, пустой и грубый предлогъ? . . . Конечно; но развѣ для страсти нужно что-нибудь болѣе? Есть люди жестокіе, которые ощущаютъ какое-то неизъяснимое облегченіе, когда могутъ обвинить кого-нибудь въ своемъ несчастіи, заставить плакать, когда сами плачутъ. Ропотъ и проклятіе на судьбу, — слабое утѣшеніе: этимъ людямъ нужна жертва живая, которая бы стонала и трепетала, когда они говорятъ ей: «я умираю отъ тебя!»

Бёмель не думалъ возстановлять свое богатство: по природѣ своей, онъ былъ похожъ на дубъ, который, однажды переломившись, никогда уже не поднимается; снова начать значило бы унижаться, — и онъ хотѣлъ лучше остаться сраженнымъ. Къ-тому же, во прошествіи первыхъ мѣсяцевъ, онъ нашелъ средство снова возвыситься до прежней своей степени, но безъ необходимости начинать снизу. Цѣлая новая будущность раскрылась предъ нимъ въ его сынѣ: пораженный дарованіями дитяти, онъ началъ обучать его математикѣ, языкамъ и политической экономіи; Алойсъ дѣлалъ быстрые успѣхи; Бёмель, казалось, видѣлъ себя воскресающимъ въ сынѣ: въ Алойсѣ была та же быстрота ума, та же ревность къ труду. Тогда родилось въ Бёмелѣ это полное надежды благоговѣніе къ сыну, какъ къ будущему мстителю его гордости, какъ къ будущей опорѣ его чести; онъ, слѣдуя за его возрастаніемъ, воспитывалъ его съ боязнью и любовью. . . . Когда Алойсъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, Бёмель послалъ его въ Парижъ въ одинъ богатый торговый домъ, въ которомъ онъ принималъ еще нѣкоторое участіе, и хозяинъ котораго былъ ему другъ.

Первые три года предвѣщали Бёмелю возвратъ его благоденствію, но вдругъ Алойсъ сошелъ съ ума... Тотчасъ все измѣнилось: съ момъ Алойса исчезли всѣ надежды Бёмеля, съ надеждами пропала и нѣжность къ сыну; онъ любилъ его, какъ орудіе: орудіе слово—онъ бросилъ его; и когда несчастный возвратился къ отцу истерзаннѣй ужадною болѣзнію, нашелъ только горькіе упреки и ненависть; Бёмель видѣлъ въ немъ не несчастное созданіе, которому долженъ бы былъ оказывать помощь и утѣшеніе, онъ видѣлъ въ немъ только погибшій послѣдній корабль свой.

Злодѣй! онъ вѣрно никогда не вспоминалъ о причинѣ сумасшествія Алойса!

Едва Алойсъ прибылъ въ Парижъ и вступилъ въ торговый домъ какъ способности его, имя его отца, наслѣдованная отъ него и утомящая дѣятельность, наружность пріятная, хоть нѣсколько и дикая (сею онъ обязанъ былъ своему воспитанію въ горахъ) этотъ пылъ художческаго воображенія, отличавшій его и дѣтствѣ и выражавшійся во всѣхъ словахъ его, какая-то безстрашная рѣшимость въ дѣлахъ, — все это доставило ему благосклонность его покровителей и поставило довольно-высоко въ ихъ мнѣніи. Алойсъ, подобно отцу своему, любилъ видѣть уваженіе со стороны другихъ, и это заслуженное имъ первое вниманіе, которымъ обязанъ онъ былъ единственно самому-себѣ, сначала вполне удовлетворило его тщеславію, и онъ почти забылъ музыку; но мало-по-малу, когда первое очарованіе утихло, снова и сильнѣе пружиняго пробудилась любовь къ искусству; часто, занимаясь дѣлами, онъ вдругъ переставалъ работать, самъ того не замечая; глаза его дѣлались неподвижны, перо останавливалось на волюхъ, и въ этомъ положеніи онъ просиживалъ съ полчаса, не вѣходя изъ неподвижнаго созерцанія:—то было воспоминаніе, внезапно воскресавшее въ душѣ его, воспоминаніе вечеровъ, проведенныхъ имъ съ старымъ его другомъ; то были Глюкъ и органъ, то были дивныя восторги прошедшаго, снова возникавшіе въ душѣ его. Вскорѣ страсть заговорила въ немъ такъ громко, что не могла не быть услышана; онъ снова сталъ брать уроки музыки и ревностно изучалъ контр-пунктъ, посвящая этому ученью всѣ свободныя часы и всѣ деньги, которыя зарабатывалъ въ конторѣ. Любовь къ труду разжигается трудомъ же; что сначала было удовольствіемъ, то въ-послѣдствіи дѣлается необходимостью; онъ отнималъ у ночи часы, которыхъ лишалъ его день, и почти

въ два года изучилъ по своему искусству все, что можно было научиться.

Композиторскій талантъ его выказывался доселѣ только нѣкоторыми очерками; но однажды вечеромъ случай завелъ его въ Оперу; по какому-то машинальному любопытству, онъ взглянулъ на афишку, возвѣщавшую *Ифигенію въ Тавриду*. Какое воспоминаніе! Не отрывокъ ли это изъ «Ифигенія въ Тавриду» не арія ли Ореста, которую старый другъ заставлялъ его пѣть каждый вечеръ, в которой извлекала слезы изъ глазъ ихъ обоихъ? Горѣ нетерпѣніемъ услышать твореніе Глюка, онъ бросается къ столу, но — кошелекъ его пустъ! часовъ также нѣтъ: онъ давно ихъ продалъ, чтобы заплатить за уроки; бѣжать домой искать денегъ — значило бы не услышать начала великаго творенія; проходить купецъ, Алойсъ подзываетъ его и бросаетъ ему свой плащъ за лундоръ. Ему всю зиму будетъ холодно — что за бѣда! онъ увидитъ «Ифигенію въ Тавриду». Наконецъ онъ входитъ въ театръ, и не знаетъ, несчастный, куда поведетъ его этотъ новый шагъ въ жизни!

«Ифигенія!» «Ифигенія!» чудо исполнимое и непостижимое! каково было вліяніе твое на это юное и пылающее воображеніе? Что сдѣлается съ этимъ юношей, который въ двѣнадцать лѣтъ упалъ безъ чувствъ, услышавъ звуки органа, когда онъ увидитъ развивающимся передъ собою твоедивное величіе? Эта арія Ореста, глубокая и безпредѣльная какъ море; этотъ хоръ Эвменидъ, отъ котораго у васъ волосы становятся дыбомъ, какъ будто-бы вы сами были Орестомъ; этотъ дуэтъ двухъ друзей, восхитительный отголосокъ стиховъ Низа и Эвриала, чудное произведеніе Глюка и Вергилія; и пѣніе Пилада, и предчувствія Тоаса, и арія Ифигенія! Для Алойса все это не было не удивленіемъ, ни восторгомъ, ни умиленіемъ, — вѣтъ, все это было для него только пробужденіемъ: онъ почувствовалъ, что перерождается въ эту минуту... Онъ плакалъ и смѣялся и крѣпко сжималъ лицо руками. Когда занавѣсъ опустился, онъ выбѣжалъ изъ театра какъ безумный, вбѣжалъ въ свою комнату и, бросившись въ кресла, пробылъ въ этомъ положеніи всю ночь, обуреваемый незнакомыми ему доселѣ впечатлѣніями... Помните ли вы письмо Жан-Жака, въ которомъ рассказываетъ онъ, какъ однажды (еще ничего не писавъ) онъ, вдругъ и безъ всякаго приготовленія, былъ объятъ вдохновеніемъ? «Прогуливаясь» говоритъ онъ: «читалъ я журналъ; вопросъ, предложенный академикомъ Дижономъ, бросается мнѣ въ глаза; вдругъ я

чувствую, что умъ мой озарился тысячью огней; множество мыслей затопилось въ умѣ моемъ; голова закружилась какъ у пьянаго; сильное бѣненіе сердца давило меня и высокоподнимаю грудь едвадыша, бросился я подъ ближайшее дерево и тамъ провелъ полчаса въ такомъ волненіи, что когда всталъ, увидѣлъ, что весь жyleтъ мой залитъ слезами, а я и не чувствовалъ, какъ лились онѣ.»

Вдохновеніе пало на него, какъ молнія. То же самое чувство валь Алойсъ въ эту ночь, плодотворную и страшную: тысячи гармоническихъ звуковъ, тыслчи вдохновенныхъ созданій ронились въ его фантазіи, не давая ему времени повторять ихъ,—это было создаваніе безостановочное. Еслибы онъ могъ написать хотя половину того, что творила душа его въ эту минуту, онъ былъ бы призванъ величайшимъ человѣкомъ! Но ночь прошла, а страшная сила, которая влекла его, не остановилась ни на минуту, и восходящее солнце застало несчастнаго усталымъ, запыхавшимся, распростертымъ на землѣ и уничтоженнымъ этимъ непрерывнымъ бѣгомъ, въ продолженіе пяти часовъ, въ мірахъ, созданныхъ его воображеніемъ.

Съ наступленіемъ дня настали для него и неожиданныя мученія. Онъ жилъ у своихъ покровителей: въ девять часовъ утра онъ долженъ былъ сойти въ низъ,—дѣла, эти неумолимые кредиторы, призывали его; но когда онъ вошелъ въ контору, когда сѣлъ на стулъ, когда, разложивъ передъ собою бумаги и взявъ въ руки перо, сказалъ самому-себѣ: «Вотъ тутъ вся жизнь моя!» сердце его сжалось тоскою неизъяснимою; ничего не измѣнилось въ конторѣ послѣ вчерашняго; а между-тѣмъ какое превращеніе! Стѣны были уже не тѣ,—онъ глядѣлъ на нихъ и не узнавалъ: мало-помалу въ немъ поселилось непреодолимое отвращеніе и грусть, причину которой тщетно старался онъ отыскать. Алойсъ не воображалъ себя ни Веберомъ, ни Моцартомъ: такъ много препятствій отдѣляло его отъ музыкальнаго поприща, что онъ не осмѣливался даже тихо произнести торжественное слово «назначеніе»; и, подобно пастухамъ въ старинныхъ басняхъ, воспитывавшимъ царскихъ сыновей и незнавшимъ, что это царскія дѣти, бессознательно носилъ въ груди своей полу-бога, гевія!

Между-тѣмъ, въ душѣ его было истинное и глубокое чувство долга. Онъ былъ купецъ, ему долженствовало быть купцомъ; честь отца его, возстановленіе чести его семейства были въ рукахъ его; онъ зналъ это и рѣшился съ твердостью сбросить съ себя все, что почиталъ слабостію. Борьба началась: звуки преслѣдуютъ его,

онъ гонить ихъ прочь; воспоминавіе о вдохновенной ночи возникаетъ въ душѣ его—онъ принуждаетъ себя къ работѣ механической, переписываетъ счеты. Сидя цѣлый день у конторскаго стола за рѣшеткою, походящею на рѣшетку темницы, онъ чувствуетъ, какъ слезы его капаютъ на бумагу. . . онъ утираетъ эти несносныя слезы и продолжаетъ писать. «Завтра я оправлюсь» думаетъ онъ; настаетъ завтра—то же уныніе, та же тоска нестерпимая. Сначала онъ искалъ себѣ облегченія въ музыкѣ, и вечеромъ бѣжалъ въ театръ напитаться гениальными твореніями великихъ композиторовъ. Но за этимъ вечеромъ счастья сдѣловало горестное завтра; воспоминавіе слышаннаго имъ великаго творенія дѣлало цѣпь его еще тяжеле; онъ бросилъ театры, концерты. Ему какъ-то было тяжело, прискорбно, что онъ долженъ посвящать искусству своему одни только остатки своей жизни: страсти глубокия ревивы, онъ хотятъ или всего, или ничего.

Въ это время домъ его покровителей вознесся высоко: въ жизни есть порывы вѣтра, заставляющіе васъ въ нѣсколько дней пролетѣть тысячу миль. Предпріятія умножились и сдѣлались обширнѣе; это было уже не теченіе дѣлъ, но быстрый потокъ. Алойсь съ восторгомъ бросился въ него; несчастный думалъ забыться—тщетныя усилія: онъ былъ раздавленъ. Талантъ возрасталъ въ тиши неслышно, невидимо; долго обуздываемая и усиленная самымъ угнетеніемъ, страсть его къ музыкѣ начала возставать, хотѣла прорваться наружу, и глухія потрясенія ея предвѣщали близкій переломъ.

Алойсь не могъ сносить долѣ своей тоски: изнуренный внутреннею борьбою, разбитый тѣмъ, что дѣлалъ, и тѣмъ, чего не дѣлалъ, угадывая, хотя и неясно, въ этомъ лихорадочномъ состояніи умственный беспорядокъ, онъ писалъ къ отцу самыя отчаянныя письма, умоляя вызвать его опять въ Баркусъ. «Работай!» отвѣчалъ ему отецъ. На колѣняхъ умоляю васъ, батюшка, дайте мнѣ подышать воздухомъ, отдайте мнѣ деревья, горы наши!—«Работай!»—Я задыхаюсь въ Парижѣ, я умираю... Г. Бёмель былъ непоколебимъ. Алойсь остался и замолчалъ; гений его возрасталъ болѣе и болѣе! Вскорѣ товарищи замѣтили въ немъ странную забывчивость: часто рука его вдругъ поднималась и била тактъ, между-тѣмъ, какъ самъ онъ улыбался какъ-будто воздушному пѣнію, проносившемуся надъ его головою; въ его счетныхъ книгахъ найдены были цѣлыя линейки нотъ, которыя онъ писалъ, самъ того не зная, и которыя, подобно лунатику послѣ пробужденія,

самъ не узнавалъ; лицо его исхудало и покрылось болѣе живымъ колоритомъ, глаза выкатились и сдѣлались ярче, слова стали краки и отрывисты; сонъ бѣжалъ его, и непрерывное, почти-судорожное волненіе мучило его; наконецъ, однажды въ кругу постороннихъ людей, среди общаго разговора, онъ вдругъ вскочилъ, бросившись на колѣня, началъ во все горло пѣть псаломъ Маттея; ударъ былъ нанесенъ, — несчастный сошелъ съ ума!

Эта горестная вѣсть была скрыта отъ его матери, и она узнала ее не прежде, какъ когда Алойсъ, по выздоровленіи своемъ, возвратился къ ней. Она тотчасъ написала къ врачу, чтобы спросить его о причинѣ этого горестнаго приключенія; врачъ отвѣчалъ ей:

«Я нисколько не сомнѣваюсь, милостивая государыня, что глубокая страсть къ искусству, раздраженная принужденіемъ привела въ разстройство умственныя способности вашего сына. Стремленіе таланта его могло быть остановлено, но не задавлено; будучи вынуждено пробиться наружу, оно разорвало мозгъ его, какъ кустъ разрываетъ сосудъ слишкомъ-тѣсный для его корней. Наблюденія, сдѣланныя надъ больнымъ, свидѣнія, собранныя отъ друзей его, и въ-особенности характеръ египезумія, убѣдили меня въ этомъ мѣтивн; каждый разъ, какъ онъ впадалъ въ безуміе, демонъ или гений музыки въ то же время владѣвалъ имъ, и онъ сочинялъ. Я видѣлъ много сумасшедшихъ которые рисовали, пѣли или сочиняли стихи во время своего безумія, но произведенія ихъ были какіе-то безсмысленныя и чудовищныя очерки; въ сочиненіяхъ же г-на Алойса не было ничего подобнаго: полныя вдохновенія, но правильныя, они были чремырны, какъ безуміе, и правильны, какъ умъ. Это единственны примѣръ уклоненія отъ обыкновеннаго сумасшествія, встрѣченный мною въ-продолженіе моей жизни, и я тщательно сохранилъ всѣ сочиненія вашего сына; я готовъ вамъ послать ихъ, прося одну кожу у васъ позволенія снять съ нихъ копіи: они должны быть отнынѣ фактомъ, пріобрѣтеннымъ наукою, и вы вѣрно не захотите лишиться ея такого важнаго факта. Эдиновъ узнала отъ г-жи Бемель эту горестную исторію, и участіе ея къ несчастіямъ Алойса, равно какъ и сожалѣніе о томъ, что она еще болѣе отравила ихъ, увеличилось».

Алойсъ потерялъ умъ, потому что родился человекомъ выше другихъ, потому что былъ сыномъ болѣе-преданнымъ отцу, нежели другіе сыновья; онъ пожертвовалъ для спасенія чести отца болѣе, нежели жизнью — умомъ своимъ!.. Г-жа Бемель и Эдиновъ вскорѣ

сблизились между собою, влекомыя необходимостью повѣрять другъ другу однѣ и тѣ же тайны.

Въ углубленіи сада г-жи Бёмель былъ уединенный павильонъ, служившій ей убѣжищемъ, когда мужъ позволялъ ей быть одной; разъ она сидѣла тамъ съ Эднѣю, и Эднѣ сказала ей:

— Прислалъ ли вамъ наконецъ докторъ мелодіи, сочиненныя г. Алойсомъ во время болѣзни?

«Онъ теперь всѣ у меня.»

— Хороши онъ?

«Не знаю.»

— Какъ?

«Я никогда не разбираю ихъ; онъ наводитъ на меня грусть и страхъ.» Потомъ, указывая на запертый рабочій столикъ, она сказала вполголоса: «онъ лежатъ въ этомъ столикѣ. Съ того дня, какъ я заперла ихъ туда, не имѣла духа ни раза взглянуть на нихъ.»

— А что же сказалъ г. Алойсъ, когда вы ихъ показали ему?

«Онъ не знаетъ, что онъ здѣсь.»

— И никогда не спрашивалъ ихъ у васъ?

«Онъ даже едва помнитъ, что когда-то писалъ ихъ.»

— Отдайте ихъ ему.

«Не смѣю. Кто знаетъ, какое разстройство произвела бы музыка въ головѣ его? Хотя врачъ и увѣряетъ, что она принесетъ ему пользу, но я не могу забыть, что онъ отъ нея лишился разсудка. При одномъ словѣ «музыка» глаза его разгораются огнемъ, который пугаетъ меня. Мать этой деревни, уѣзжая, оставилъ ему фортепьяно; лишь только онъ останется одинъ, тотчасъ бѣжитъ къ этому фортепьяно, и я часто заставала клавиши мокрыми отъ слезъ. Хотя онъ и говоритъ мнѣ, что это слезы пріятныя, но для матери слезы сына — всегда слезы!...»

Эднѣ съ участіемъ взяла руку г-жи Бёмель:

— Не говорите о немъ, если вамъ это такъ больно.

«Не разговоръ о немъ огорчаетъ меня; но я вижу, милая Эднѣ, вижу, что сынь мой сохнетъ, таетъ какъ воскъ! Мысль, что онъ униженъ, презрѣнъ—свѣдаетъ его. Замѣтили ли вы, какъ онъ блѣднѣетъ со дня на день? Когда мы съ нимъ одни, онъ по цѣлымъ часамъ просиживаетъ на стулѣ недвижимъ и задумчивъ, и не говоритъ со мною ни слова; я иду къ нему, беру его за руку, бросаюсь на шею и, обливая его лицо слезами, умоляю превозмочь это уныніе, если онъ еще любитъ меня: «я люблю тебя, матушка, всѣми силами души моею» говоритъ онъ: «но не могу.» И я,

мать его, не могу ничего для него сдѣлать! Думать, что сынъ мой передо мною, что онъ умираетъ, что я вижу его умирающимъ и что, будучи готова пролить для него по капль всю кровь свою, для облегченія хоть на секунду его страданій, я все-таки не могу помочь ему. О, какое ужасное, какое жалкое безуміе! Боже мой, не-уже-ли Ты не низпошлешь мнѣ ангела-благотворителя, который бы возвратилъ сына моего къ жизни?»

При этихъ словахъ г-жа Бёмель предалась совершенно своему отчаянію. Эдиѣ не отвѣчала ей ни слова; но эти священныя слезы, эти материнскія слезы глубоко проникли въ сердце ея и зажгли въ немъ благочестивую и восторженную рѣшимость. Спасти мать спасеніемъ ея сына, помирить этого несчастнаго съ жизнью — какой благородный подвигъ! Все, что было въ ней великодушнаго и самоотверженнаго, воспламенялось отъ надежды осуществитъ наконецъ мечты благотворительныя; ей казалось, что само Провидѣніе возлагало на нее попеченіе объ этихъ несчастныхъ, поставивъ ихъ возлѣ нея; ей казалось, что слова г-жи Бёмель поручали Алойса ея попеченіямъ, и когда эта несчастная мать призывала ангела-хранителя въ помощь своему сыну, Эдиѣ тихо воскликнула: Боже мой! даруй мнѣ быть этимъ ангеломъ!

Мысль эта уже не покидала ея. Первая скорбь, которую должно было потушить въ сердцѣ Алойса, состояла въ горькомъ и несправедливомъ убѣжденіи, что Эдиѣ смѣется надъ нимъ. Не оправдаться ли въ этомъ передъ госпожею Бёмель? Молодая дѣвушка составила двадцать плановъ этому подвигу и не смѣла ни одного привести въ исполненіе: есть слова, которыя по цѣлымъ мѣсяцамъ остаются у насъ на устахъ, и мы не можемъ произнести ихъ. Эдиѣ употребила другой языкъ: г-жа Бёмель любила цвѣты; Эдиѣ посылала ей гераніумъ и даліи рѣдкой породы; она хотѣла этимъ убѣдить ея, что та, которая любить мать, не могла смѣяться надъ горестями сына. Когда г-жа Бёмель говорила о немъ съ нѣкоторою похвалою, Эдиѣ примѣшивала тутъ свои похвалы, надѣясь отчасти, что онѣ будутъ ему переданы и убѣдятъ въ несправедливости его предположеній. Эта молодая дѣвушка, которую ни чье вниманіе не могло заставить мечтать, и которая, окруженная лестью, чувствовала, что всѣ ласкательства скользили по ней какъ вода по полированному мрамору, Эдиѣ, прекрасная Эдиѣ сдѣлалась любовною и предупредительною, чтобы успокоить бѣдную душу, ожесточенную и неприступную, чтобы облегчить боль тщательноскрываемую. Но ея невинныя хитрости разрушались предъ ди-

кимъ отвращеніемъ молодаго человѣка: онъ убѣгалъ ея съ какимъ-то ожесточеніемъ, и зима протекла, не ослабивъ ни ненависти одного, ни сострадательности другой; Эдионъ предалась ей какъ долгу. Наконецъ, съ весною, эпохою выздоровленія, ей показалось, что легкая перемена прояснила душу того, кто обвинялъ ее. Когда она приходила навѣстить г-жу Бемель, онъ оставался, правда, не разговаривая съ нею и не глядя на нее, но все-таки оставался; этого было уже много, потому-что это было начало. Однажды утромъ, въ первыхъ числахъ мая, они прогуливались въ паркѣ г. Фальзена; всѣ лѣнн уже разпустились; молодая дѣвушка шла впереди одна, срывая вѣтви, чтобы примѣшать ихъ къ пучкамъ боярышника; вдругъ она слышитъ позади себя трепещущій голосъ, произнесшій: «вотъ прекрасная вѣтка». Она оборачивается и видитъ передъ собою Алойса, держащаго въ рукѣ и подающаго ей маленькую вѣтку розоваго боярышника. Нѣтъ, никогда самыя пламенныя слова, самая страстная клятва любви не проникала такъ глубоко въ душу, какъ это простое слово, сказанное почти вполголоса! Рука дѣвушки невольно схватила цвѣтокъ, она готова уже была отвѣчать Алойсу, какъ г. и г-жа Бемель подошли къ нимъ. Она замолчала, но, бросивъ далеко отъ себя цвѣты, которые сорвала сама, оставила при себѣ только вѣтку, поданную ей Алойсомъ. Слеза блеснула въ глазахъ Алойса. Вечеромъ, случайно былъ балъ въ Бавьерѣ; только-что Эдионъ вошла въ залу, цѣлая толпа мужчинъ бросилась къ ней съ ангажированіями; Алойсъ былъ уже давно тамъ: онъ ждалъ ее; но, видя какъ вошла она, прелестная, восхитительная, онъ вмѣсто того, чтобы подойти къ ней, удалился съ какимъ-то боязненнымъ и нѣсколько-ревнивымъ волненіемъ въ сторону. Сидя одинъ въ отдаленномъ углу, онъ глядѣлъ на нее: не ошибка ли это? не сонъ ли? Нѣтъ, Эдионъ зоветъ его; ему она дѣлаетъ этотъ знакъ... Онъ подбѣгаетъ къ ней.

— Я вижу, говорятъ она ему: — вы такъ горды, что не хотите меня ангажировать, и потому сама приглашаю васъ. Алойсъ стоялъ въ изумленіи; но оркестръ заигралъ, и онъ, подавъ руку Эдионъ, повелъ ее въ кадрили, не имѣя ни силы, ни мысли, чтобы отвѣчать ей; онъ стоялъ возлѣ нея, и сердце его билось сильно: онъ ходилъ и улыбался безсознательно, машинально. Въ минуту антракта между танцами, молодая дѣвушка наклонилась къ нему.

— Г. Алойсъ, засково сказала она: — вы все еще ненавидите меня? «Какъ? кто сказалъ вамъ это?...»

— Помните разговоръ вашъ съ Эчагономъ? Я все слышала.

«Боже мой! что должны вы думать обо мнѣ?»

—Что вы несчастливый, что только несчастіе ваше сдѣлало васъ несправедливымъ, и что теперь вы не станете болѣе обвинять меня.

Все это было сказано просто и безъ замѣшательства. По окончаніи бала, Эдиѣ возвратилась съ отцомъ своимъ совершенно счастливая и гордая тѣмъ, что обезсилила хоть одно страданіе. О любви она и не думала по своему простодушію. Что же до Алойса... о, какую ночь провелъ онъ!... Боже мой! сколько есть вещей, которыхъ языкъ человѣческой выразить не въ состояніи!...

V.

Эдиѣ приступила къ исполненію предпріятія своего; но ей казалось, что этимъ не ограничивались еще все обязанности сестры милосердія, и что она могла сдѣлать больше. Надлежало возвысить Алойса въ собственныхъ глазахъ его и стараться истребить въ немъ тотъ страхъ презрѣнія, который мучилъ его безпрестанно.

Фальзенъ имѣлъ небольшое, но очень живописное помѣстье, лежавшее въ горахъ по дорогѣ къ Долинѣ Лилій; нѣкоторые изъ его пріятелей давно приступали къ нему, чтобъ онъ посѣтилъ се, но Фальзенъ по-обыкновенію всегда отвѣчалъ: «это до меня не касается, потому-что я здѣсь ничего не значу; что вы не попросите объ этомъ г-жу замка?» Такъ называлъ онъ дочь свою Эдиѣ, которая со времени смерти матери управляла всемъ его домомъ и дѣлала рѣшительно все, что было ей угодно, пользуясь властію хозяйки и независимостію замужней женщины. Итакъ, въ одно лѣтнее утро, Эдиѣ, сдѣлавъ нужныя приготовленія къ путешествію, отправилась въ Долину Лилій вмѣстѣ съ отцомъ, нѣкоторыми друзьями его, г-жею Бёмель и Алойсомъ, взявъ въ путеводители Эчагона. Ничто не располагаетъ двухъ юныхъ сердецъ ко взаимной нѣжности такъ сильно, какъ созерцаніе великихъ картинъ природы, и одинъ день, проведенный вмѣстѣ на берегу моря, или на вершинѣ горъ, сближаетъ любовниковъ болѣе, нежели цѣлые мѣсяцы и недѣли въ шумѣ городскихъ удовольствій. Въ тишинѣ и безмолвіи пустыни, предъ высокими красотами Швейцаріи, двѣ души сливаются въ одну душу, два существа соединяются общимъ сознаниемъ собственного ничтожества. Все равномерно влечетъ ихъ другъ къ другу,—и чувство слабости ихъ, и чувство величія.

Подымаясь съ горы на гору, Эдиѣ, Алойсъ и Эчагонъ оставя-

ли за собою всю кавалькаду и достигли площадки, называемой *Перекресткомъ пяти медвѣдей*, потому-что по словамъ преданія тутъ встрѣтились вѣкогда охотникамъ пять страшныхъ медвѣдей. Мѣсто это было дико и пусто. Глазъ не встрѣчалъ тамъ ни деревьевъ, ни травы; вокругъ стояли поднебесныя горы, внизу зіяли страшныя пропасти, надъ которыми разстился туманъ, скрывалъ глубину ихъ; повсюду царствовало глубокое, торжественное молчаніе. Алойсъ и Эдиъ сѣли подъ навѣсомъ двухъ скалъ, а Эчагонъ легъ поблизости на голой землѣ. Эдиъ давно желала и искала случая говорить съ молодымъ человѣкомъ о его несчастіяхъ; минута эта приближалась, но она трепетала и не смѣла начать, чувствуя всю щекотливость подобнаго разговора. Наконецъ, немного ободрившись, она сказала дрожащимъ голосомъ:

— Сколько тому времени, какъ вы возвратились въ наши горы, г. Алойсъ?

«Ужъ болѣе семи мѣсяцевъ, сударыня.»

— Да, точно прошло семь мѣсяцевъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я слышала разговоръ вашъ съ Эчагономъ.

«Вы обѣщались мнѣ забыть его!»

— Я забыла изъ него одно слово, но мнѣ кажется, что вы страдаете теперь менѣе, нежели тогда страдали.

«Да, когда не заглядываю ни въ прошедшее, ни въ будущее... но...»

— Ну что?

«Ахъ, ради Бога, не говорите съ этою ангельскою добротою! бѣдное сердце мое слабо какъ у всѣхъ больныхъ... оно можетъ выказать многое, а къ чему это послужитъ?»

— Какъ къ чему? развѣ для васъ неутѣшительно было бы повѣрить кому-нибудь свою горестъ?

«Есть горести унижательныя; ихъ должно скрывать отъ всѣхъ.»

— Я думаю, что униженіе можетъ быть только въ дурныхъ дѣлахъ, а не въ несчастіи.

«Если несчастіе мое не постыдно, то для-чего жь заставляетъ оно всѣхъ убѣгать меня съ презрѣніемъ?»

— Убѣгать васъ? Полно не ошибаетесь ли вы?... Вотъ, я на-примѣръ... я плакала, слушая вашъ рассказъ...

«Потому-что другіе—не вы...»

— Не я?... продолжала Эдиъ съ улыбкою: однакожь вы и меня обвиняли.

«Ахъ, да... Но не-уже-ли я могъ обвинять васъ?» отвѣчалъ онъ съ

простодушнымъ удивленіемъ; потомъ прибавилъ, какъ бы послѣ какого-то грустнаго размышленія:

«Ну, что жь!... Я ошибся однажды, вотъ и все...»

— Только однажды?

«Только однажды?... вѣрьте мнѣ, что всѣ люди вообще боятся и убѣгаютъ несчастныхъ.»

— Мнѣ больно слышать отъ васъ эти ужасныя слова!.. Неужели несчастіе ближняго вселяетъ къ нему ненависть, какъ говорите вы? Это—обидная клевета на человѣчество! Но развѣ сами вы убѣгали несчастныхъ тогда, когда были еще счастливы? Развѣ, при видѣ страдальца, вы не чувствовали къ нему того непреодолимаго влеченія, которое почти-неволью заставляетъ бѣжать къ нему на помощь, предложить ему кошелекъ свой, если онъ имѣетъ въ немъ нужду; протянуть ему руку, если онъ требуетъ состраданія... Ради Бога, не говорите мнѣ, что вы не таковы, я перестану жалеть о васъ!... Несчастіе привлекаетъ, привязываетъ... И развѣ любятъ счастливыхъ? Повѣрьте, что нѣтъ; сердце ищетъ, избираетъ, называетъ братьями тѣхъ, которые страдаютъ...

«Боже! для-чего я не могу вѣрить вамъ?» сказала Алойсь съ чувствомъ. Но продолжайте, продолжайте! называйте меня неблагодарнымъ... говорите, что меня можно еще любить!»

— Дружба моя къ вамъ доказываетъ это.

«Дружба!... что вы сказали?...»

— Развѣ вы не знали этого? спросила Эдиень съ ангельскимъ выраженіемъ невинности; но простосердечный вопросъ ея пронзилъ сердце бѣднаго юноши. Онъ ожидалъ, что она смѣшается, покраснѣетъ; онъ почти думалъ, что она любитъ его; но вмѣсто того Эдиень была спокойна, Эдиень улыбалась. Алойсь, подобно всѣмъ страдальцамъ, не довѣрялъ ни любви, ни дружбѣ, и всегда спѣшилъ истребить самъ всѣ сладкія надежды своего сердца. Безумецъ! думалъ онъ теперь: и ты могъ такъ грубо обмануться! ты могъ принять холодное участіе за любовь!... Жалкій глупецъ, оставь пустую ни съ чѣмъ несообразную мечту. Нѣтъ, Эдиень не чувствуетъ къ тебѣ ничего, кромѣ сожалѣнія, унижительнаго, обиднаго сожалѣнія!

И эта убійственная мысль жестоко оскорбляла гордость несчастнаго.

— Посмотримъ, сказала Эдиень, замѣтивъ мрачное молчаніе его — посмотримъ, какія скорбныя думы тревожатъ еще душу вашу? Конечно, дружба моя—очень-слабое утѣшеніе, я знаю; но все-

такъ она пособить вамъ можетъ-быть излечиться отъ вашей несчастной недовѣрчивости.

«А страшенъ, сударыня!» отвѣчалъ онъ съ какою-то злобною горестію: «страшенъ! Какая мать позволила бы дочери своей остаться со мною наединѣ? За мною слѣдятъ глазами съ безпокойствомъ, какъ-будто боясь, чтобъ я не впалъ въ новый припадокъ сумасшествія.»

— Глазами слѣдятъ не только за тѣмъ, кто страшенъ, но и за тѣми, о которыхъ сожалеютъ, отвѣчала она.

«Я не хочу, чтобъ меня жалѣли! я останусь подъ проклятіемъ неба; буду жить въ грусти и одиночествѣ безъ любви, безъ дружбы, безъ связей одинъ, всегда и всюду одинъ!»

— Но почему жь думаете вы, что судьба навѣкъ отказала вамъ въ счастья?

«Почему? потому-что сыны Адама были наказаны за грѣхопаденіе родителя своего; потому-что дѣти Кайна были осквернены преступленіемъ отца, и наконецъ потому-что я, принявъ на свою долю страданіе и стыдъ, не хочу однакожь оставить ихъ послѣ себя никому. Я видѣлъ порграть матери вашей и нахожу въ васъ большое сходство съ нею: итакъ, если она отдала вамъ въ наслѣдство красоту лица, то есть также и несчастія наслѣдственные; вы знаете, что судьба посылаетъ ихъ иногда изъ рода въ родъ.»

— Не клеветайте на судьбу! сказала Эднъ съ набожною строгостію:—вспомните, что Провидѣніе спасло васъ.

«Да, но для-того, чтобъ послѣ наказать меня съ большею жестокостію. Сумасшествіе мое возвращается, оно приходитъ ко мнѣ въ урочный день, въ урочный часъ... О, какъ боюсь я 4-го августа!»

— 4-го августа?

«Въ этотъ самый день ужасный недугъ постигъ меня въ первый разъ.»

— У васъ память только для страданій; вы помните день болѣзни; но забыли тотъ, когда вылечились.

«О, нѣтъ, я помню его, помню!» вскричалъ онъ съ живостію: «блаженство воскресенія къ жизни было для меня такъ велико, что я никогда не могу забыть его.»

— Расскажите мнѣ объ этомъ блаженствѣ, подхватила поспѣшно Эднъ, желая обратить мысль несчастнаго на какое-нибудь отрадное воспоминаніе.

«Съ большимъ удовольствіемъ» отвѣчалъ онъ. «Шесть мѣсяцевъ

назадъ тому, въ субботу, — вы видите, что я записалъ и день, и часть, и минуту, — въ субботу ночью я стоялъ у окна, прислоня лобъ къ желѣзной рѣшеткѣ. Небо было ясно, чисто; на немъ блистали звѣзды, внизу подъ окномъ дремалъ обширный садъ... Въ первый разъ еще казалось мнѣ, что голова моя горѣла не такъ сильно, какъ обыкновенно. Вдругъ, на лицо порхнулъ свѣжій вѣтерокъ, и въ то же мгновеніе что-то непонятное пробудилось въ глубинѣ души моей: оно разсвѣтало сперва слабо-слабо, потомъ дѣлалось все свѣтлѣе, все лучезарнѣе, какъ восходящая заря, и наконецъ чувство самосознанія озарило собою внутреннее существо мое и всѣ окружавшіе меня предметы; я взглянулъ передъ собою и понялъ, что смотрѣлъ; увидѣлъ луну, серебрившую верхи деревь, и узналъ, что это была луна; потомъ сталъ называть звѣзды, луга, цвѣты — и тогда...»

— Что жъ тогда?... спросила Эдионъ, утирая слезы свои.

«Тогда вдругъ въ сосѣдномъ домѣ растворилось окошко, къ нему подошла молодая женщина въ бѣломъ платьѣ, посмотрѣла на небо и скрылась. Потомъ черезъ минуту раздались гармоническіе звуки; я услышала очаровательный голосъ — она пѣла арію Реція изъ «Оберона». О, какъ выразить то неизъяснимое ощущеніе спокойствія и отрады, которое произвела во мнѣ эта небесная музыка? Каждый звукъ ея, расширяясь въ воздухѣ, сходилъ на мою голову, пробѣгалъ по жиламъ, прохлаждалъ кровь и, оживляя все существо мое, обновлялъ свѣжею жизнію. Подъ этою таинственною мелодіею мысль моя воскресала, какъ воскресаетъ увядшая былинка подъ благотворнымъ дождемъ неба. Сколько времени продолжалось это восхитительное состояніе, не знаю; сильное чувство боли привело меня въ себя; я, заснувъ на окнѣ, упалъ и ушибся до крови; но что мнѣ было нужды до крови и ушиба? я жилъ, я имѣлъ разсудокъ, я былъ опять человѣкомъ!»

— Какъ счастлива эта женщина! сказала тихонько Эдионъ.

«На другой день, вставъ съ разсвѣтомъ, я подбѣжалъ къ террасѣ, съ которой видны были всѣ окрестности. О, какъ прекрасенъ міръ!.. Вы не знаете этого, вы всѣ, бѣдные счастливыя, которые никогда не были изгнанниками жизни! Вообразите, что значитъ провести цѣлый мѣсяцъ въ ужасной пыткѣ, называемой сумасшествіемъ, и потомъ вдругъ возвратиться къ разсудку, къ существованію, увидѣть землю, людей, солнце; войти опять во обладаніе самимъ-собою, своими мѣслями, своими чувствами, понятіями... во всемъ этомъ есть радости невыразимыя! Сколько разъ, въ

восторгъ благодарности, упадалъ я на колѣни предъ Вседержителемъ: Господи! взывалъ я: какъ добръ Ты и милосердъ!... Въ эти минуты я любилъ всѣхъ людей, и въ первый разъ въ жизни пожелалъ быть богатымъ, чтобы обогатить бѣдныхъ.»

— Какъ вы добры, г. Алойсъ!

«Нѣтъ, я былъ счастливъ, — вотъ и все... Съ этого дня нравственныя и физическія силы мои часть-отъ-часа болѣе и болѣе укрѣплялись. Если жъ иногда возвращались страданія, то врачи предписывали мнѣ слушать музыку... они предписывали мнѣ ее, какъ больному цѣлебное питье... Я слушалъ, успокоивался, и наконецъ излечился совершенно.»

— Но вѣдь музыка же, я думаю, и погубила васъ?

«Да, она!... Но я прощаю ей!» вскричалъ онъ съ восторгомъ: «я люблю ее такъ, какъ еще никто въ мірѣ не любилъ ея!... Она была благодѣтельницаю моего дѣтства, подпорою моею горькой юности, и теперь, когда прошла для меня первая радость выздоровленія, когда мрачная грусть опять закрадывается въ душу, что поддерживаетъ, что живить меня, какъ не музыка? Иногда... повѣрите ли? думая, что я ужъ не человѣкъ, что обреченъ навсегда на праздное и бесполезное прозябаніе, я утѣшаю себя тѣмъ, что могу уже предаться единственно и совершенно моему искусству... Я научу ему васъ, если вы хотите: у меня есть фортепьяно... Но что я говорю?... Извините; я зашелъ слишкомъ-далеко!... Ахъ, вы не знаете, что сдѣлали, заговоривъ со мною о музыкѣ!»

— Скажите, скажите, ради Бога, что я сдѣлала.

«У меня есть фортепьяно, сказалъ я; но оно для меня болѣе, нежели инструментъ: оно напоминаетъ мнѣ въ одно время и лучшаго друга моего, и лучшіе дни моей жизни... Когда я запираюсь въ моей уединенной комнаткѣ одинъ съ нимъ и Глюкомъ, то забываю все остальное.»

— Не находите ли вы еще болѣе утѣшенія въ томъ, чтобы сочинять музыку?

«Я не могу болѣе сочинять, хотя пробовалъ разъ двадцать, и все по-напрасну... Лишь только хочу я соединить нѣсколько музыкальныхъ идей, въ ту же минуту понятія мои смѣшиваются, мозгъ отягощается и густѣетъ! Голова у меня еще недовольно-крѣпка для созданія... однакъжъ, въ ту ночь, когда я былъ... Но нѣтъ... такія признанія дѣлаются только матери!»

— Говорите со мной, какъ съ дочерью вашей матери.

«Слушайте же; была одна ночь, когда я шесть часовъ сряду былъ гениальнымъ музыкантомъ...»

— Я этому совершенно вѣрю.

«Но это еще не все» продолжалъ онъ, одушеваясь отвѣтомъ Эдиови: «у меня есть одно воспоминаніе еще сгранице этого; оно смутно, какъ сонъ, и разительно, какъ истина... Мнѣ помнится, что въ какомъ-то мѣстѣ, котораго не умѣю описать вамъ, въ какое-то время, котораго не могу опредѣлить, въ расположеніи души мнѣ очень-памятномъ, но которое совсѣмъ-тѣмъ всегда отъ меня ускользаетъ, я сочинилъ музыку, достойную быть затверженной.»

— Еслибъ все это была точная правда! вскричала Эдиови, увлеченная воспоминаніемъ того, о чемъ рассказывала г-жа Бёмель.

«О, если бъ это была правда, вся жизнь моя тогда перемѣнилась бы! Но не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ остались какіе-нибудь слѣды моего творенія?.. Сначала я этому вѣрилъ, и сердце мое переполнилось надеждою: мнѣ казалось, что когда-то въ бреду я написалъ прекрасную, дивную музыку, но...»

— Но что жь?

«Я просилъ матушку написать къ доктору и спросить его, точно ли все это было со мною. Но — я обманулъся, жестоко, горько обманулъся. Однакожь» продолжалъ онъ съ жаромъ: «однакожь я вижу еще бумагу, перо; вижу ноты, которыя такъ-сказать раждались подъ моими пальцами. Это воспоминаніе преследуетъ, сокрушаетъ меня... О, какъ прелестны были эти мелодіи мнѣ кажется, что еслибъ я вспомнилъ ихъ, то завѣса, застигающая мысль мою, расторглась бы въ ту же минуту, и я могъ бы сочинить опять ту же музыку...»

Эдиови горѣла нетерпѣніемъ сказать ему: вы правы, мелодіи ваши существуютъ; онъ хранится въ садовомъ павильонѣ... но она обѣщавалась г-жѣ Бёмель хранить тайну, и молчала.

«Впрочемъ, за-чѣмъ писать? за-чѣмъ дѣлать тщетныя усилія?» продолжалъ Алойсъ съ какимъ-то глубокимъ разочарованіемъ: «къ чему даже имѣть талантъ? Вотъ скоро первое іюня, черезъ мѣсяцъ будетъ первое іюля... а тамъ... и первое августа... Первое августа! Боже мой... я...»

И, не оковчивъ фразы своей, несчастный Алойсъ вскрикнулъ, бросился опрометью съ площадки и, оставя тамъ Эдиови съ Эчагономъ, возвратился одинъ къ отцу.

Скоро подоспѣла остальная кавалькада, и всѣ отправились домой. Эдиови, отставъ отъ прочихъ, шла одна тихо, погружаясь въ

глубокое размышленіе, какъ вдругъ пожилая дама, любившая ее страстно, приблизилась къ ней и сказала:

— Развѣ г. Алойсъ не былъ съ вами на скаль?

«Былъ.»

— Удивляюсь вашей смѣлости.

«Смѣлости? Чтѣ жъ васъ удивляетъ, что я могла взойдти на скаль? Я родилась и воспитана въ горахъ.»

— Меня испугали бы не горы, а вашъ собесѣдникъ.

«Чѣмъ же?»

— Какъ чѣмъ? сказала пожилая дама съ нѣкоторою таинственностію. Но развѣ вы не слышали, что не далѣе, какъ за три дня тому назадъ, былъ съ нимъ припадокъ сумасшествія.

«Я это знала.»

— Знали?... Но вѣроятно вы не знаете, что эти несчастные ежеминутно подвержены подобнымъ припадкамъ? Довольно было одного луча солнечнаго, чтобы привести его въ бѣшенство, и тогда онъ бы столкнулъ васъ съ вершины горы въ пропасть.

«Сидя у постели человѣка, страдающаго горячкою, вы боитесь, чтобы онъ въ бреду не бросился и не ударилъ васъ; но все-таки не оставите его, и будете продолжать ваши попеченія.»

— Однакожъ, между больнымъ горячкою и сумасшедшимъ большая разница. Сумасшествіе не то, чтѣ обыкновенная болѣзнь, оно вселяетъ какое-то грустное и тяжелое чувство, представляя разрушеніе и упадокъ...

«Да» отвѣчала печально Эдионъ: «люди предпринимаютъ далекіа путешествія для-того, чтобы взглянуть на развалины древнихъ зданій, и при видѣ какого-нибудь падшаго храма ощущаютъ что-то похожее на состраданіе; но скажите, не въ тыслчу ли развѣ болѣе достойно жалости бѣдственное разрушеніе ума человѣческаго? Камень не знаетъ, не чувствуетъ своего состоянія, и потому не страдаетъ, а человѣкъ, лишенный разсудка — одушевленная, грустная развалина.»

— Сердце ваше право, милое дитя мое; но вспомните однакожъ, что самъ Богъ начерталъ знакъ отверженія на лицѣ и въ безумномъ взорѣ этого несчастнаго.

Въ эту минуту онѣ подошли къ замку г-на Фальзева, и разговоръ ихъ прекратился.

Вообще, во всѣхъ самыхъ лучшихъ, самыхъ возвышенныхъ чувствахъ нашихъ есть всегда какая-то примѣсь тщеславія, въ любви еще болѣе, можетъ-быть, нежели въ другихъ чувствахъ. Женщи-

на любить того, кто хорошъ собою, кто благороденъ, уменъ, даже того, кто несчастливъ, если несчастіе его имѣетъ блескъ и славу въ свѣтѣ. Бывали примѣры изступленной страсти къ преступнику, когда на преступленіи его лежала печать особенности или силы характера; но человекъ презрѣнный, отверженный обществомъ, никогда не внушалъ къ себѣ ни любви, ни дружбы. Эдипъ однакожь думала иначе: самое презрѣніе, угнетавшее несчастнаго Алойса, врѣзало образъ его въ глубину ея сердца; привязанность ея составилаь такъ-сказать изъ всего того, что бы въ другихъ женщинахъ должно было истребить ее, и казалось, что судьба опредѣлила этой прекрасной душѣ почерпнуть всѣ чувства свои въ состраданіи; что жъ касается до Алойса, то страсть его была для него и пыткой и вмѣстѣ наслажденіемъ: онъ не смѣлъ любить Эдипъ . . .

VI.

Знаете ли вы драму Вернера «Двадцать-четвертое Февраля» — эту ужасную драму, это мрачное изображеніе семейства, въ которомъ 24 февраля было трижды ознаменовано преступленіемъ? Тамъ братъ убилъ сестру свою, сынъ убилъ отца, и все въ 24-е февраля! Наконецъ отъ этого поколѣнія, проклятаго небомъ, остались мужъ и жена, уже престарѣлые, живущіе въ уединенной хижинѣ на вершинахъ Альповъ. Поэтъ вводитъ васъ къ нимъ наканунѣ кровавой годовщины; войдите и посмотрите на эту бѣдную мать, сидящую на деревянной скамьѣ, на этого отца покрытаго сѣдинами: оба они хранятъ глубокое молчаніе въ ожиданіи ужаснаго часа полуночи, часа роковаго, первой минуты двѣнадцатого запятнать имя ихъ новымъ убійствомъ. Все родственники ихъ померли, и они думаютъ, что родъ ихъ истребился; но сегодня 24 февраля, но сегодня небо мрачно, снѣжные обвалы катятся съ вершины горъ, вѣтеръ воетъ въ долину — и они трепещутъ. Человекъ какъ ни борется, какъ ни старается ободрять себя надеждою, но есть минуты, въ которыя страхъ дѣлается для него мантиею Несса, которая, сростаясь съ гѣломъ его, отрывается только вмѣстѣ съ тѣломъ; и когда прошедшее дало намъ право говорить, что *такое-то происшествіе случится въ такой-то день*, когда мы на этотъ роковой день поставили всю жизнь свою, какъ ставитъ игрокъ все состояніе свое на карту, тогда, при приближеніи этого ужаснаго дня, нельзя не смущаться внутренно, не содрогаться душою.

Первое августа наступало; Алойсъ съ трепетомъ ожидалъ

его. Нѣтъ страданій безъ суевѣрія, и потому несчастный думалъ, что это число — роковой день въ его жизни. Въ этотъ день онъ сошелъ съ ума, и потому думалъ, что въ этотъ же день долженъ былъ или выздоровѣть, или навѣкъ остаться сумасшедшимъ. Ему казалось, что приближалась эпоха, назначенная судьбою для какого-то таинственнаго поединка между безуміемъ его и разсудкомъ, поединка страшнаго, котораго сценою должна была быть голова его, а жертвой — онъ самъ. Какое малодушіе! скажутъ нѣкоторые: какъ могъ думать Алойсъ, что судьба опредѣлила какой-нибудь мѣсяць, день или часть для возвращенія его недуга? Конечно, это была слабость, но что же дѣлать? несчастный вмѣлъ ее, и она была въ немъ очень-извинительна. Обладая этою бѣдственной силою алхимиковъ, которая особенно свойственна людямъ съ болынымъ воображеніемъ, онъ всѣ случаи жизни своей обращалъ въ предзнаменованія будущихъ несчастій. Въ августѣ отецъ его сдѣлался банкротомъ; 1 августа отправили его въ Парижъ; всѣ горести, испытанныя имъ въ младенчествѣ, поражали его въ среду, и первое августа теперь приходилось тоже въ среду,—этого было уже довольно. Когда мы долго смотримъ на какой-нибудь предметъ, намъ кажется, что онъ увеличивается, будто растетъ предъ глазами. Такъ точно было и съ бѣднымъ Алойсомъ: мысль ничѣмъ неразвлекаемая быстро развивалась въ пламенной головѣ его, потомъ выросла, приняла опредѣленную форму, обратилась изъ мечты во что-то дѣйствительное, изъ призрака въ живое существо, и такимъ образомъ первое августа сдѣлалось для него какимъ-то страшнымъ чудовищемъ, готовымъ поглотить его. О, какъ терзался онъ, ожидая ежеминутно лишиться не только разсудка, не только собственнаго достоинства и молодости, но и любви, этого лучшаго для него дара небесъ! Онъ все вытерпѣлъ, все потерялъ; онъ видѣлъ себя презрѣливымъ, поставленнымъ ниже челоуѣчества; потомъ нашелъ блаженство всизвѣстное міру, и въ самое то время, какъ онъ простиралъ къ нему руки, неутомимая судьба обрекала его умереть, умереть смертію Ромео, въ ту минуту, когда Юлія, выходя изъ гроба и бросаясь въ его объятія, говорить ему «люблю!» При этой ужасной мысли, несчастный Алойсъ рыдалъ и проклиналъ судьбу свою... или нѣтъ,—ему не оставалось и этого горестнаго утѣшенія, потому-что, боясь для разсудка своего всѣхъ душевныхъ потрясеній, онъ не позволялъ себѣ даже отчаянія. Когда же представлялся ему милый образъ Эдионъ, онъ закрывалъ глаза,

чтобъ не видать его, зажималъ рукою сердце, чтобъ оно не бьлось, заглушалъ, погребалъ въ-самомъ-себѣ всякое чувство, удивясь такъ-сказать въ неподвижный, нѣмой, смертельныи страхъ свой, онъ подавлялъ въ себѣ всѣ жизненныя движенія — только ждалъ...

Наступило 31-е іюля; солнце взошло красное, тусклое, безлучей; по всей атмосферѣ распространился душный тропическій зной, столь гибельный для несчастныхъ, лишенныхъ разсудка; и Алойсъ, проснувшись, сказалъ «завтра!». Когда же увидѣлъ онъ это ясное, пламенное небо, когда вдохнулъ въ себя этотъ раскаленный воздухъ — тогда уже не осталось ему болѣе никакихъ сомнѣній: первымъ движеніемъ его было бѣжать къ Эдиен, и онъ не имѣлъ на то смѣлости и остался.. Приговоренные къ смерти обыкновенно отказываются отъ горестнаго утѣшенія видѣть въ послѣдній разъ милыхъ сердцу. Алойсъ, чувствуя то неизъяснимое, но бѣдственное влеченіе, которое такъ часто заставляетъ человѣка вредить самому-себѣ, заперся въ самой отдаленной комнатѣ дома, и тамъ въ удивеніи ждалъ страшнаго недуга. День смѣнился ночью; въ комнатѣ нѣтъ огня; какая темнота! какое гробовое молчаніе! Вотъ, при неопредѣленномъ свѣтѣ луны, закрываемой облаками, что-то недвижимое чернѣется въ глубинѣ угла: это онъ — это Алойсъ! Онъ сидитъ, положи голову на руки, локти на колѣни какъ ученый, углубившійся въ разсматриваніе какого-нибудь предмета; онъ, такъ сказать, приклонился къ душѣ своей, смотритъ на нее въ микроскопъ, наблюдаетъ со страхомъ каждое движеніе, каждое дѣйствіе своего разсудка, чтобъ видѣть, и начинается ли онъ затмѣваться. Ни одно чувство не укрываетъ отъ его внутренняго сознанія, ни одна мысль не избѣгаетъ разложенія и самого строгаго анализа. По временамъ мысли несчастнаго смѣшиваются, и тогда, цѣпенья отъ ужаса, но вооружась всею душевною силою, онъ подчиняетъ беспорядочное воображеніе свое математической работѣ: сочтеть до тысячи, и потомъ начинать снова считать. Но тщетная борьба! Умъ его, раздраженный трудомъ, распаленный удушающимъ зноемъ атмосферѣ блуждаетъ въ бреду горячки. Тьмы фантастическихъ сновъ одинъ ужаснѣе другаго, осаждаютъ его голову: ему кажется, что голова его обратилась въ большую комнату, что въ углу этой комнаты сейчасъ отворится дверь, и изъ двери выйдетъ безумное блѣдное какъ мертвецъ, страшное, какъ привидѣніе... Несчастный

боясь лишиться разсудка, почти уже потерялъ его; но этотъ самый страхъ не есть ли уже настоящее сумасшествіе?

Въ то время, какъ бѣдный Алойсъ сражался въ уединеніи съ безуміемъ, въ двухъ миляхъ отъ него другое сердце изнывало также тоскою. Эдионъ не забыла роковаго дня, и слово, произнесенное передъ нею: *сумасшествіе возвращается*, глубоко запало въ ея душу. Цѣлый мѣсяць прожила она, не сводя глазъ съ Алойса, такъ какъ прожилъ его Алойсъ, устремля неподвижный взоръ свой въ самого-себя. Она содрагалась, видя, что грустная улыбка, призванная ею на бѣдные уста страдальца, съ каждымъ днемъ являлась рѣже, рѣже, и наконецъ совсѣмъ исчезла.

Когда же наступило 31-е іюля, сердце ея сжало въ горестнымъ предчувствіемъ. И хотя Алойсъ никогда не приходилъ къ ней прежде полудня, однако она ждала его съ самого утра, думая, что онъ поспѣшитъ раздѣлить съ нею печаль свою. Такъ прошло утро, полдень, и наконецъ весь день: онъ не являлся, и безпокойство ея обратилось въ несізяснимую тоску, потому-что самое отсутствіе Алойса было уже для нея страшнымъ предвѣщаніемъ. Наконецъ, пришелъ вечеръ, а Алойса все не было. Будучи не въ силахъ уже владѣть собою, она вышла на высокую террасу, съ которой видна большая дорога, и жадный взоръ ея сталъ вопрошать попеременно то аллею, ведущую къ дому г. Бѣмеля, то колокольню сельской церкви, на которой въ эту минуту пробито семь часовъ. Вообще, во всѣхъ рѣшительныхъ эпохахъ жизни и когда все наше счастье зависитъ отъ какого-нибудь важнаго для насъ событія, мы обыкновенно назначаемъ судьбѣ какой-то срокъ, какое-то данное число дней или часовъ, въ продолженіе которыхъ ждемъ отъ нея желаемаго событія; если жъ въ это время оно не совершилось, мы впадаемъ въ отчаяніе, и думаемъ, что вамъ ужъ нечего надѣяться въ будущемъ. Такъ было и съ Эдионью. Мѣра ожиданій ея ограничивалась семью часами вечера, и когда послѣдній, седьмой ударъ колокола раздался на башнѣ, когда настала за тѣмъ глубокая и мертвая тишина, она подумала: «Алойсъ не придетъ! Алойсъ погибъ! О, какъ горьки, какъ ужасны были въ эту минуту мысли ея! Она видѣла его одного, въ отчаянной борьбѣ съ недугомъ, и не могла ни идти къ нему, ни доставить ему какую-нибудь помощь! Одна чистая, непоколебимая вѣра хранила ее отъ преступнаго ропота. Эдионъ молилась Искупителю, молилась Пресвятой Дѣвѣ, призывала ангела-хранителя своего, и просила низпослать ей какую-нибудь мысль, какое-

нибудь средство спасти несчастнаго. Вдругъ случай, или лучше сказать Провидѣніе внушило ей лекарство простое, но должно ствовавшее имѣть благотворительную силу на кроткую и младенческую душу Алойса.

Внизу подъ террасою что-то зашевелилось, и вскорѣ затѣвля Эдиень увидѣла Эчагона, который показывалъ ей двѣ живыя куропатки.

— Сударыня! сказалъ онъ: я знаю, что вы любите птиць, потому принесь вамъ вотъ этихъ куропатокъ.

«Хорошо; поди въ гостинную, я сей-часъ сойду туда.»

Эдиень пришла, взяла птиць и поблагодарила Эчагона.

— Сударыня! продолжалъ онъ съ обыкновеннымъ своимъ смехомъ и не смотря на нее: вы напрасно меня такъ благодаритъ вѣдь я пришелъ къ вамъ съ просьбою.

«Съ какою же?»

— А вотъ что: жена моя родила нынѣче по-утру сына, такъ прошу васъ быть ему крестною матерью.

Эдиень, не смотря на грусть свою, не могла не улыбнуться.

«Такъ ты принесь мнѣ этихъ куропатокъ для-того только, чтобы у тебя крестила?»

— Ахъ, какъ вамъ не стыдно такъ думать? отвѣчалъ онъ съ замѣшательствомъ. Конечно, еслибъ вы сдѣлали мнѣ честь...

«Хорошо; я согласна окрестить твоего ребенка...»

— Какъ мы вамъ будемъ благодарны! Когда жъ угодно вамъ чтобы мы сказали объ этомъ священнику.

«Когда хочешь самъ.»

— Ну если ужъ пошло на то, такъ у меня есть и другая до васъ просьба. Вотъ, изволите видѣть, завтра 1-е августа, именинникъ старикъ, отецъ мой... то...

«Какъ!» вскричала она, какъ-бы озаренная какою-то вдохновеніемъ. «Завтра, говоришь ты, завтра... 1-е августа?»

— Если вамъ нельзя, такъ мы отложимъ до другаго дня...

«Молчи! молчи!»

Крестьянинъ замолчалъ и смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Глаза ея горѣли; она шептала что-то про себя.

«Да, да!» говорила она: «это день спасенія: самъ Богъ назначилъ часть его... Завтра 1-е августа! завтра, завтра!»

«Послушай» сказала она обратясь въ Эчагону: «поди сегодня къ священнику, и спроси... Нѣтъ, нѣтъ... попроси его отъ меня о

крестить сына твоего завтра... часу въ первомъ или во второмъ, все-равно, но только непременно завтра... Слышишь ли?»

— Слышу, сударыня!... Ну, прощайте, куропаточки! прощайте! онъ, поглаживая перья птиць: прощайте! вы свесли мнѣ сегодня славное личко.

«Постой, Эчагонъ, не уходи! Я дамъ тебѣ записочку» сказала Эдиъ, садясь къ столику, чтобъ написать слѣдующія строки: «Милый Алойсъ! у Эчагона родился сынъ, котораго я завтра крещу у него. Я сказала ему, что кумомъ будете вы.»

Она не подписала имени своего и, сложивъ записку какъ письмо (для-чего, сама не знала), отдала ее Эчагону, говоря:

«Отнеси это сейчасъ къ г. Алойсу. Онъ будетъ крестить у тебя вмѣстѣ со мною.»

Но чего же ожидала и надѣялась Эдиъ отъ этихъ крестинь? О, многого! Исполненная благочестія, она хранила въ душѣ всѣ сладкія вѣрованія сердца, и потому, призывая Алойса раздѣлить святую обязанность, принимаемую ею передъ церковью, она хотѣла нѣкоторымъ образомъ отдать его храненію Бога за поручительствомъ великаго таинства, отверзающаго намъ врата будущей жизни. «День этотъ» думала она: «день горести и страха, проведенный имъ въ-присутствіи Всевышняго, освященный дѣйствіемъ, въ которомъ онъ прійметъ участіе, обратится для него въ свѣтлый день спасенія, и духъ зла не дерзнетъ приступить къ нему.» — Эдиъ, сверхъ-того, желала войти такимъ-образомъ въ нѣкоторое родство съ Алойсомъ. Тайное предчувствіе, что и онъ съ своей стороны радъ будетъ сблизиться съ нею, быть товарищемъ ея въ покровительствѣ новорожденному, но болѣе всего надежда развлечь его и оторвать отъ ужасной мысли имъ обладавшей — заставляло Эдиъ употребить всѣ старанія, чтобы это предпріятіе удалось.

Эчагонъ, посланный къ Алойсу, вошелъ въ комнату его, но въ потьмахъ споткнулся и отступилъ назадъ.

— Кто тамъ? закричалъ Алойсъ.

«Это я, сударь, — Эчагонъ!»

— Чтò тебѣ надобно?

«Я привнесъ вамъ письмо отъ госпожи Эдиъ, которал приказала мнѣ непременно доставить его вамъ сегодня же вечеромъ.»

Одно присутствіе Эчагона было уже благополучіемъ для Алойса: онъ видѣлъ предъ собою живое существо! Но има Эдиъ, утишивъ его страданія, довершило начатое.

«Крестины будут завтра в 10 часовъ; мнѣ общалъ это г. священникъ, котораго я встрѣтилъ прибавилъ крестьянинъ, выходя изъ комнаты и отдавъ письмо Эдиен.

Алойсъ прочелъ его; онъ прочелъ эти простыя строки и не понималъ ихъ сначала во всей ангельской простотѣ ихъ. Въ первую минуту, его единственное блаженство состояло только въ томъ, что онъ держалъ въ рукахъ своихъ письмо Эдиен, видѣлъ почеркъ ея. Но когда онъ припомнилъ слова Эчагона: *она приказала непременно доставить его вамъ сегодня же вечеромъ*, тогда все, что въ этихъ короткихъ строкахъ таилось утѣшительнаго, неизъяснимаго, мало-по-малу открылось Алойсу, которому болѣзнь дала вѣжную провицательность женщины. Онъ перечиталъ записочку; одно слово было въ ней подчеркнуто: «я *завтра* крещу у него». И такъ, *завтра* было и для Эдиен роковою годовщиною? И такъ, письмо ея значило, что и она страдала вмѣстѣ съ нимъ, что она заочно пожимала ему руку?... По мѣрѣ того, какъ таинственный смыслъ проникалъ въ душу Алойса, кровь его текла спокойнѣе, мускулы расширялись; грудь, освободясь отъ тяжкаго бремени, ее угнетавшаго, подымалась легче. Дрожащею рукою взялъ онъ бумагу и, прижавъ ее къ лицу, говорилъ тихо и съ невыразимымъ чувствомъ благодарности: «Ты! опять ты! всегда ты!... Да, мнѣ надобно видѣть тебя, надобно высказать тебѣ все, что у меня на сердцѣ. Зачѣмъ ожидалъ я здѣсь моего приговора? Сила моя возлѣ тебя, и если я могу спастись отъ демона, меня преслѣдующаго, то это подѣ крыломъ твоимъ; но еслибъ онъ и настигъ меня, то пусть овладѣетъ мною въ твоихъ глазахъ, и тогда послѣдняя минута разсудка моего будетъ посвящена тебѣ; тогда послѣднее слово, произнесенное мною въ памяти, выразить тебѣ любовь мою!»

Съ этими словами онъ опростетью бросился вонъ изъ дома, и въ одну минуту пробѣжалъ черезъ селеніе г-на Фаальсена. Ночь уже наступила совершенно, и замокъ былъ запертъ; но Алойсъ перелѣзъ черезъ стѣну, взошелъ на террасу, обсаженную деревьями, съ которой видна была комната Эдиен, и сѣвъ подѣ густою липою, устремилъ неподвижный взоръ свой на закрытое окно, за которыми были спущены двѣ длинныя кисейныя занавѣски; онъ висѣли нешевелиясь; но сквозь прозрачную ткань ихъ мелькала слабый красноватый свѣтъ лампы; уединеніе и тишина, окружающая Алойса, блѣдное сіяніе луны, свѣтлыя мошки толпившіяся въ воздухъ, свѣжесть росы, падавшей на землю, однимъ словомъ, всѣ

таинственная роскошь прекрасной лѣтней ночи, соединилась въ душѣ его съ милымъ образомъ Эдиенъ, наполнила ее какимъ-то священнымъ восторгомъ. Ему казалось, что онъ, какъ безплотный духъ, перенесся въ комнату молодой дѣвушки, металъ надъ изголовьемъ ея, проникать въ тайну сна ея, видѣлъ ея вѣжвую улыбку, и, наклонясь къ ея личику, шепталъ ей тихо: «я люблю тебѣ».

Такъ прошла цѣлая ночь, и скоро горизонтъ, оттѣнясь легкою розовою полосою, началъ мало-по-малу бѣлѣть и освѣщаться; потомъ, съ первыми лучами дня, поднялся свѣжій вѣтерокъ, и прохладная утренняя роса спустилась на пламенную голову Алойса, все еще смотрѣвшаго на окна Эдиенъ. Вдругъ занавѣски пошевелились, сквозь нихъ мелькнула чья-то рука, отворила до половины окно, и исчезла. Тогда занавѣски соединились опять и нѣсколько минутъ колыхались отъ дыханія вѣтра. Не было сомнѣнiя: Эдиенъ проснулась... И онъ увидить ее! Алойсъ такъ много и напряженно думалъ о ней, что позабылъ думать о самомъ-себѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ окно отворилось совсѣмъ, Эдиенъ показала въ немъ, и Алойсъ, спрятавшись за густыя липы, углублялся взоромъ во внутренность комнаты. Итакъ, вотъ святилище, въ которое мысль его такъ часто проникала; вотъ этотъ скромный покой, простой, чистый, прелестный, какъ сама Эдиенъ. Въ углу стоитъ кровать съ бѣлымъ пологомъ; у изголовья, на столикѣ, костяное распятiе; подъ нимъ чаша съ святою водою и пальмовою вѣткою; даже нѣсколько книгъ, разбросанныхъ на одной только полкѣ; маленькое бюро изъ наборнаго дерева, купленное лѣтъ за сто и вѣроятно доставшееся въ наследство отъ какой-нибудь прародительницы. Скоро Эдиенъ вышла на балконъ, одѣтая въ широкое бѣлое платье, и никогда еще Алойсъ не находилъ ее такъ прекрасною! Облокотясь на рѣшетку балкона, она долго смѣтрѣла на восходящее солнце. Открытыя уста ея вдыхали въ себя воздухъ; на лицѣ игралъ румянецъ, нѣжный, какъ розовыя полосы востока; но въ томныхъ глазахъ ея выразилось какое-то тайное безпокойство. О чемъ думала она въ эту минуту... Вдругъ, сорвавъ съ себя маленькiй кисейный чепчикъ, она тряхнула головкою, и отъ этого движенiя черныя ея волосы рассыпались и длинными доконами пали по плечамъ; потомъ, нагнувшись назадъ, она собрала ихъ въ одну руку, а другою водила гребнемъ по ихъ шелковымъ волнамъ, между-тѣмъ, какъ солнце, подымаясь на горизонтъ, сыпало на нихъ блестящiя искры и облекало ее-самою златою лучезарною цѣленою. Казалось, оно вошло для-того толь-

ко, чтобъ видѣть пробужденіе этого прелестнаго существа! Алойсь смотрѣлъ, восхищался, благословлялъ участь свою и позабылъ все; но скоро дверь балкона затворилась, блестящій призракъ исчезъ, и онъ, оставшись одинъ, подумалъ, что все это была одна мечта его воображенія, но мечта счастливая, благодѣтельная, какъ сонъ больного, возвращающій ему силы и здоровье. Душа Алойса была еще слаба, но спокойна; ужасныя тревоги ея утихли, и онъ чувствовалъ только ту сладкую томность выздоравливающаго, которая бываетъ вѣрнымъ признакомъ скорого исцѣленія.

Крестины, какъ мы уже сказали, назначены были къ шести часамъ. Алойсь ушелъ домой, чтобъ возвратиться, и возвратился упоенный любовью, хотя только въ-половину понималъ загадочное письмо Эдиен. Но когда вошелъ онъ въ гостиную, гдѣ молодая дѣвушка ждала его; сидя возлѣ г. Фальзена, когда увидѣлъ ее во всемъ силнѣ красоты и невинности, съ тѣмъ ангельскимъ выраженіемъ благочестія, которому удивляемся мы въ картинахъ Рафаэля; когда, наконецъ, она подошла къ нему и сказала: «самъ Богъ вамъ покровительствуетъ», — тогда глаза его вдругъ открылись, онъ отгадалъ намѣреніе Эдиен, онъ понялъ въ первый разъ, что она призывала на главу его благословеніе и помощь Отца небеснаго. Ничто не сообщается такъ быстро, какъ возвышенные чувства: Алойсь пошелъ въ церковь съ сердечнымъ умиленіемъ вѣры, которая очищала самую любовь его.

Скоро оба семейства, пришедъ въ храмъ, остановились у дверей, и Алойсь сталъ возлѣ Эдиен, которая, казалось, вводила его и поручала Богу. Молодой человекъ, исполненный новыхъ и до того неизвѣстныхъ ему чувствованій, смотрѣлъ вокругъ себя съ какимъ-то любопытствомъ, смѣшаннымъ съ благоговѣніемъ: ему казалось, что онъ еще въ первый разъ отъ рожденія вошелъ въ церковь.

Ріего, — такъ назывался священникъ, — былъ не изъ числа тѣхъ легкомысленныхъ людей, для которыхъ привычка отнимаетъ всю торжественность у совершаемаго ими дѣйствія. Живя на вершинахъ горъ, въ строгомъ уединеніи, онъ смотрѣлъ на религію какъ на чувство самое возвышенное и святое; никогда не произносилъ онъ священныхъ словъ ея безъ того, чтобъ голосъ его не выражалъ всей ихъ великости, и когда онъ говорилъ о Богѣ, тогда все существо его, казалось, проникнуто было страхомъ, благоговѣніемъ и любовью. Видя благочестивую восторженность его во время богослуженія, вы привали бы его за пастыря перво-

битной церкви, совершающаго священнодѣйствіе въ катакомбахъ.

По обряду римской церкви, онъ подошелъ къ дверямъ храма, слѣдуя за діакономъ, несшимъ передъ нимъ свѣчу. Видъ его былъ благороденъ, спокоенъ, и черные волосы его, раздѣленные на лбу, волнами падали по плечамъ его.

«Кго вы?» спросилъ онъ важнымъ, но кроткимъ голосомъ.

— Я воспріемникъ, отвѣчалъ Алойсъ.

— «Я воспріемница» отвѣчала Эдионъ.

«Чего требуетъ этотъ младенецъ?»

— Онъ требуетъ святаго крещенія.

«Какое имя даете вы ему?»

— «Имя Алойса» сказала Эдионъ.

Все обряды христіанской церкви прекрасны и разительны. Но обрядъ, сопровождающій таинство святаго крещенія имѣетъ въ себѣ что-то особенно-высокое. Онъ въ одно время и олицетвореніе, и символъ, и пламенная, лирическая поэзія Давида. Установленный въ первые вѣка христіанства, онъ выражаетъ побѣду благодати надъ первороднымъ грѣхомъ и великую мысль искупленія. Въ немъ три дѣйствующія лица: священникъ, оглашенный и искушитель. Въ началѣ таинства, *духъ зла* летаетъ подъ свода и храма и, носясь надъ оглашеннымъ, оспариваетъ его у молитвы; по наконецъ церковь торжествуетъ, врагъ удаляется, и человекъ, омывтый водою крещенія, встукаетъ въ новую жизнь.

Для Эдионъ и Алойса все это имѣло еще одно особенное и имъ однимъ принадлежавшее значеніе. Она видѣла другую борьбу, другую плѣненную душу, которую надлежало отнять у дьявола и, закрывъ лицо свое, взывала къ Искушителю. Молитвы ея были — слезы. Алойсъ смотрѣлъ, слушалъ со вниманіемъ, съ усиліемъ всѣхъ чувствъ своихъ, и каждое слово, произносимое священникомъ, относилъ къ самому-себѣ.

Между-тѣмъ, великое таинство уже началось, и служитель алтаря, подошедъ къ новорожденному, раскрылъ пелены, его покрывавшія и, трижды дунувъ ему въ лицо, произнесъ:

«Отступи, сатана, отъ сего раба Божія, созданнаго по образу его и по подобію: а ты, младенецъ, прійми на чело и грудь твою святое знаменіе креста, и, преуспѣвая въ добродѣтели, содѣлайся храмомъ Господнимъ.»

Наконецъ, очистивъ новорожденнаго молитвами, поставя между имъ и врагомъ его цитъ Божій, и такимъ-образомъ вооруживъ его

силою крѣпости, священникъ открываетъ ему голову и, возложивъ руку свою на чело его, произноситъ слѣдующую прекрасную молитву:

«Боже отцовъ нашихъ! Ты, который сямъ великимъ и чудеснымъ таинствомъ воздвигъ человѣка надшаго прельщеніемъ дьявола и грѣхопаденіемъ Адама; ты, обновившій его жизнью новымъ чрезъ возлюбленнаго Сына твоего Иисуса Христа, очисти и младенца сего, погружаемаго въ воды твоего милосердія и даждь ему возрасти въ премудрости и добродѣтели и содѣлаться наследникомъ вѣчнаго твоего царствія.»

— О, Боже! что со мною? говорилъ про себя Алойсъ.

Эднѣжь молилась пламенно. По окончаніи молитвы, священникъ произнесъ твердымъ и грознымъ голосомъ:

«Изъиди сатана!.. изъиди!.. Заклинаю тебя именемъ Бога живого, изгоняющаго тебя устами моими; заклинаю именемъ Царя славы, смертію своею поправшаго смерть и разрушившаго силу твою на земли и во адѣ!»

И онъ сотворилъ надъ младенцемъ знаменіе креста, не дотрогиваясь до него, даже не смотря на него, но устремивъ глаза свои въ куполь храма, гдѣ, казалось, онъ видѣлъ еще демона.

«Да хранить» продолжалъ онъ: «да хранить знаменіе сіе младенца Алойса отъ всякаго зла и козней дьявольскихъ и да отступитъ отъ него врагъ человѣческій.»

Алойсъ вздрогнулъ, услышавъ свое имя. Ему казалось, что все это дѣлалось для него; что оглашенный былъ онъ, что дьяволъ стоялъ въ темномъ углу церкви и злобно насмѣхался надъ нимъ; и помня самого-себя, увлеченный вдохновенными словами священнослужителя, онъ слѣдовалъ за всѣми его движеніями, какъ вдругъ взоръ священника запылалъ, и сильный, звонкій, пророческій голосъ его загремѣлъ въ стѣнахъ храма, изрекая послѣднее проклятіе.

«Изъиди сатана» закричалъ онъ: «грядетъ Спаситель, грядетъ Богъ силы, Богъ славы, Богъ защититель нашъ и покровитель, — изъиди, изъиди, изъиди!»

При этихъ страшныхъ словахъ, торжествующій Алойсъ вскрикнулъ отъ радости, и зарывавъ, упалъ ницъ. Онъ былъ спасенъ и демонъ навсегда отбѣжалъ отъ него! Когда же священникъ подошелъ тихо къ спящему младенцу и поцаловавъ его, съ нѣжностію сказалъ: «войдя во храмъ, милое дитя мое», тогда и схищенный Алойсъ бросился туда же подобно преступнику.

искавшимъ нѣкогда спасенія у алтарей; тогда радость безпредѣльная, — радость, которую никакой языкъ выразить не можетъ, разлилась по всеѣмъ чертамъ его, и взоръ его, оживленный чувствомъ блаженства, обратился на Эднѣ, которая продолжала молиться, опустя голову. Алойсъ подошелъ къ ней, спокойный, увѣренный въ-самоѣ-себѣ, и думая съ восторгомъ, что помощниками его были на небесахъ Богъ, а на землѣ Эднѣ.

Вторая часть священнаго обряда, происходившая уже въ самой церкви, была исполнена тихаго величія. Злой духъ удалился и святая благодать сошла на вѣрующихъ. Ріего, всегда важный, перемѣнилъ и голосъ и выраженіе лица своего; онъ замѣнилъ фіолетовую эпитрахиль свою бѣлою, помазалъ младенца «сеемъ радостію», произносилъ «во имя Отца и Сына и Святаго Духа», надѣлъ на шею его золотой крестъ и накинулъ на него бѣлое покрывало, символъ невинности и чистоты.

Наконецъ, наступила минута возліянія воды на главу младенца, и священникъ, обратясь къ воспріимникамъ, спросилъ :

«Вѣруете ли вы въ Бога Отца, всемогущаго зиждителя неба и земли; въ едиnorodнаго Сына его, Господа нашего Иисуса Христа и въ Духа Святаго?»

— Вѣрую, вѣрую! вскричалъ Алойсъ.

И крикъ этотъ вырвался изъ сердца его съ такимъ пламеннымъ порывомъ убѣжденія, что Эднѣ встрепенулась, подвинула глаза, и въ ту же минуту встрѣтила въсрѣ Алойса... о! какой взоръ!

— «Боже, благодарю тебѣ!» прошептала она, и крупныя слезы покатались изъ глазъ ея.

Священникъ велѣлъ Эчагову наклонить ребенка къ купели. Алойсъ и Эднѣ приблизились, чтобы поддержать его, и когда онъ возливалъ крестообразно святую воду на чело новорожденнаго, руки ихъ соединились и остались въ этомъ положеніи.

По окончаніи крестинъ священникъ сказалъ имъ слѣдующую поучительную рѣчь:

«Вы принесли ко мнѣ существо, оскверненное первороднымъ грѣхомъ, и я вамъ отдаю его чистымъ; дали мнѣ человека, и я возвращаю вамъ ангела. О, какъ велико дѣло, вами совершенное! Вы приняли на себя важную обязанность, потому-что въ ту минуту, когда произносили слово: *я отрекаюсь зла*, ангель въ небесахъ повторилъ отреченіе ваше, и Богъ услышалъ его. Богъ!.. понимаете ли вы меня? Знаете ли, что отнынѣ тяжесть грѣховъ вашихъ будетъ удвоена? что жизнь ваша должна служить мла-

девицу этому зеркаломъ чистоты и непорочности, что вы будете отвѣчать Всевышнему за его душу, и что если онъ лишится отца, ты отецъ его, если не станеть у него матери, ты ему мать. Но не такъ ли зовуть уже васъ на простомъ языкѣ народа? Въ некоторыхъ образомъ родители новорожденнаго.»

Алойсъ и Эдиень затрепетали.

«Теперь станьте на колѣни!»

Они стали на колѣни.

«Соедините руки ваши!»

И они соединили руки.

«Клянитесь предъ лицомъ Бога этому слабому существу, которое васъ не слышитъ, клянитесь, говори изъ глубины души вѣщней: мы будемъ добродѣтельны для того, чтобъ и ты былъ добродѣтеленъ.»

Они оба повторили эту клятву за священникомъ, потомъ испали въ ризницу разпнаться въ книгу, и, увидѣвъ имена свои одно возлѣ другаго, взглянули другъ на друга и поблѣднѣли.

Вечеру собралось къ г. Фальзену множество гостей; Алойсъ поднесъ Эдиен кой-какіе подарки и смѣшался.

— Ну что жь, Алойсъ? сказала г-жа Бемель съ робостію и какъ будто сама удивляясь, что осмѣлилась говорить: — что жь? развѣ ты не поцалуешь свою прекрасную куму?

Алойсъ поцаловалъ Эдиень, и оба покраснѣли. . . Простите это доброй г-жѣ Бемель, что она заставила сына своего прижать къ устамъ щечку прелестной дѣвушки: она знала, что этимъ сдѣлаетъ Алойса счастливымъ. Притомъ же любовь матери извиняетъ все.

Эдиень, немного оправаясь, подошла къ Алойсу и сказала, прижавъ вѣсь словамъ своимъ: «вотъ и мой подарокъ.»

Это была памятная книжка, которую Алойсъ тотчасъ же открылъ; на первой страничкѣ было написано слѣдующее: «1-е августа. Не-уже-ли вы будете всегда говорить, что этотъ день есть для васъ долина несчастій?»

VII.

Береги береги! Представьте себѣ мореплавателя, когда онъ въ первый разъ видитъ берегъ; вообразите его голосъ, взглядъ, выраженіе лица въ ту блаженную минуту, когда онъ замѣтилъ на горизонтѣ едва-замѣтную черную точку и, упавъ на колѣни восклицаетъ: «береги! береги!» Скажите, какое счастье въ мирѣ всѣмъ

жетъ сравниться съ этимъ счастьемъ? Какое чувство сильнѣе, живѣе, пламеннѣе этого чувства признательности и любви? О, какая глубокая радость въ этомъ крикѣ: «берегъ! берегъ!», заставляющемъ вась забыть всѣ недавнія тревоги, страхъ, отчаяніе! Но что теперь нужды путешественнику до его прежнихъ страданій? Онъ все забылъ въ одну минуту, онъ помнитъ только, что тамъ берегъ, его родина, домъ, жена, дѣти и друзья; словомъ, вся жизнь его!.. Такова была радость Алойса послѣ крестинъ. Страхъ его миновалъ; онъ переплылъ опасный заливъ и на всѣхъ парусахъ вошелъ въ пристань. И куда дѣвались его мрачныя предчувствія? онъ забыты, какъ бредъ горячки, и онъ вѣрить теперь въ спасеніе свое такъ же упорно, какъ наковунъ вѣрилъ въ близкую и немануемую гибель свою.

Но Алойсу было только двадцать-пять лѣтъ, а въ эту счастливую эпоху жизни человѣкъ, возвращающійся къ здоровью, походить на того чуднаго исполина волшебныхъ сказокъ, который проходилъ по семи миль однимъ шагомъ.

Однакожь Алойсъ еще не совершенно выздоровѣлъ. Какъ всѣ люди, одаренные пламеннымъ и восторженнымъ воображеніемъ, онъ по-временамъ легко терялъ опять надежду и долженъ былъ испытать еще многія перемѣны въ нравственномъ своемъ состояніи. Даже эта слишкомъ-твердая увѣренность его была еще остатокъ болѣзни. Эдваръ все это поняла, или лучше сказать угадала, потому что женщины постигаютъ все однимъ только инстинктомъ сердца. Итакъ, съ-этихъ-поръ попеченія ея о Алойсѣ сдѣлались еще нѣжнѣе.

На другой день послѣ крестинъ, Алойсъ прибѣжалъ къ Фальзену, имѣя нужду и горя желаніемъ видѣть дочь его хотя на одну минуту. Но, подошедъ къ ней, онъ почувствовалъ такое глубокое умиленіе, что могъ только взять руку ея, прижать ее къ груди своей, какъ дѣлаютъ его соотечественники, и прошептать: «О, Эдваръ!»

«Вы вѣрно думаете, г. Алойсъ, что многимъ мнѣ обязаны?» спросила она.

— Столько же, сколько матери моей.

«Но желали ли бы вы доказать мнѣ благодарность свою надѣль?»

— Конечно! Хотя бы это сдѣлало мнѣ жизни.

«Итакъ общайте повѣрить мнѣ каждую грустную мысль свою.»

— Клянусь вамъ въ томъ; но у меня ихъ такъ много,—и при томъ каждый день...

«Приходить сюда каждый день изъ Баркуса немного-далеко... отвѣчала Эдиенъ съ улыбкою. «Но не лучше ли записывать всякій вечеръ въ книгу все, что вы думали въ-продолженіе дня?»

— Въ той книгѣ, которую вы мнѣ подарили?

«Да; но помните однакожь, что я требую отъ васъ чистосердечной исповѣди! Вы не должны утаивать ни одного припадка меланхоли, ни одной слабости вашего разсудка, но записывать все безъ исключенія и какъ-можно-добросовѣстнѣе. Приходя сюда по воскресеньямъ съ своею матушкою, вы обязаны приносить мнѣ журналъ свой; а я, прочтя его, тотчасъ буду возвращать вамъ.»

— Какъ? не приписавъ ни одной строчки, ни одного слова чтобъ ободрить меня?

«Почему жъ нѣтъ? иногда, когда буду вами довольна...»

Такимъ-образомъ завелась между ними переписка, которая была истиннымъ спасеніемъ для Алойса. Ничто такъ не укрѣпляетъ души, ничто такъ не направляетъ ея къ добру, какъ безпрестанное и строгое наблюденіе ея за самой собою, подъ надзоромъ другой любящей души. Алойсъ часто удерживалъ себя отъ несправедливыхъ поступковъ, къ которымъ побуждала его пылкость характера, мысляю, что надобно будетъ вечеромъ признаться Эдиенъ; нерѣдко даже дѣлалъ онъ добро, для-того только, чтобы имѣть удовольствіе написать о немъ въ книгу своей. Что жъ касается до Эдиенъ, то всѣ утѣшенія ея ограничивались словами: «трудитесь, вѣрите, продолжайте помогать ближнимъ, и все будетъ хорошо!» Но подъ какими прекрасными и разнообразными формами представляла она ему это простое и короткое нравоученіе! Разсудокъ, сердце, даже остроуміе ея,—все служило ей для убѣжденія. Соединяя съ ангельскою добротою характера какую-то невинную, незлобную шутливость, она часто опрокидывала цѣлыя громады безразсудныхъ его опасеній однимъ словомъ слегка-насмѣшливымъ, только однимъ словомъ, которое тотчасъ усноконивало или утѣшало его. Однажды прочла она въ его книгѣ слѣдующее: «Надобно рассказать вамъ одно важное происшествіе: вчера, сидя одинъ, я вдругъ заплѣлъ... да, заплѣлъ, и обернувшись съ удивленіемъ, не вѣря самъ себя, что слышу свой голосъ, потому что уже три года не слыхалъ его... Потомъ мнѣ стало стыдно, и я замолчалъ; но скоро вспомнилъ о васъ, и окончилъ мою арію». Эдиенъ написала внизу страницы: «дайте мнѣ вашу руку, милый братъ».

Братъ! это слово заключало въ себя все... Люди, подверженные припадкамъ ипохондріи, умѣютъ создавать для себя страданій, неизвѣстныхъ другимъ, и часто Алойсъ рассказывалъ Эдионъ о такихъ мукахъ, о которыхъ, по чрезвычайной молодости своей, она не имѣла даже и попятія; при всемъ томъ однакожь она находила средство облегчать ихъ, и любовь замѣняла ей въ этомъ случаѣ опытность. Наконецъ Алойсъ ввѣрлялъ записной книжкѣ своей тайныя желанія своего сердца, и ввѣрлялъ ей какъ другу, которому поручалъ открыть ихъ Эдионъ, не смѣлъ самъ говорить о томъ. «О! для-чего не могу я заниматься музыкою вмѣстѣ съ вами!» написалъ онъ ей однажды ввечеру. Эдионъ отдала ему книгу, не сказавъ ни слова, и бѣдный Алойсъ испугался, думалъ, что разсердилъ ее; но вдругъ въ слѣдующее воскресенье, въ то время, какъ отецъ ея и г. Бемель съшли за вистъ, она, оборотясь къ нему, сказала съ улыбкою:

— Г. Алойсъ, я вытвердила новую сонату Вебера въ четыре руки; не хотите ли вы сыграть ее со мною?

Они съшли за фортепьяно, и съ этого дня вечеръ каждого воскресенья былъ посвящаемъ музыкѣ; они пѣли дуэты изъ «Ифигеніи», или прелестныя мелодіи Шуберта, и, читая ихъ вмѣстѣ, соединяли души свои, чтобы лучше понимать, лучше чувствовать чудесную музыку. Этотъ великій врачъ больнаго воображенія замѣнилъ для Алойса безпокойную дѣятельность его души. Онъ сталъ безпрестанно справляться о вновь-выходящихъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, чтобы доставлять ихъ Эдионъ, изучалъ новыхъ и старыхъ писателей, музыку духовную, музыку инструментальную, оперы, кантаты, ораторіи; геній его постигалъ все, и когда ему удавалось отыскать какое-нибудь прекрасное твореніе, забытое или неизвѣстное въ свѣтѣ, онъ съ радостью ребенка прибѣгалъ къ Эдионъ, и, подавая ей тетрадь, говорилъ запыхавшись: «Разыграйте мнѣ это поскорѣе». Онъ не совсѣмъ-хорошо игралъ на фортепьяно; Эдионъ же играла превосходно,—и природа, наградивъ одного даромъ творчества, другую даромъ исполненія, казалось, хотѣла утвердить ихъ въ мысли, что они не могли существовать другъ безъ друга.

Мало по-малу эти музыкальныя занятія приучили родителей Алойса и Эдионъ видѣть и оставлять ихъ вмѣстѣ. Скоро однакожь, музыка уступила мѣсто тѣмъ долгимъ и откровеннымъ разговорамъ, въ которыхъ они проникли въ цѣлую жизнь другъ друга, и

тогда Алойсь открылъ Эдию тайну семейныхъ своихъ горестей; она и въ этомъ дѣлѣ явилась его ангеломъ-хранителемъ.

У Бёмеля былъ нравъ жестокой, но жестокость его не была врожденною. Заставляя терпѣть отъ нея другихъ, онъ не меньше мучился самъ, и такимъ-образомъ былъ въ одно время и мучителемъ и жертвою. Глубокая и всегда кровавая рана сѣдала сердце его; это было вѣчно-свѣжее воспоминаніе о его банкротствѣ, которое сразило его двойкимъ и провозительнымъ ударомъ: тутъ страдала честность—единственная добродѣтель его и, сверхъ-того, два величайшіе его порока — гордость и тщеславіе. Итакъ, удивительно ли, что Бёмель, угнетенный безчестіемъ, стыдомъ и горестію, чувствовалъ въ себѣ безпрестанное раздраженіе и предавался гнѣву, нерѣдко помрачавшему даже разумъ его? Кому неизвѣстны тѣ ужасныя и неизлечимыя болѣзни, называемыя нравственными и нервическими, которыя, удручая все тѣло, не имѣютъ нигдѣ настоящаго пребыванія и, являясь въ разныхъ видахъ, безпрестанными измѣненіями своими обманываютъ всѣ предвидѣнія науки! Большой то жалуется на щемленіе сердца, то на боль въ головѣ, то на стѣсненіе въ груди; болѣзнь его все одна и та же, но онъ чувствуетъ тысячи болѣзней и не можетъ успокоиться ни на одну минуту. Таково было и состояніе Бёмеля. Переходя отъ одного превращенія къ другому, оно показывалось иногда подѣ видомъ сплина, мрачнаго, угрюмаго, недоступнаго сплина, который отнимаетъ у страдальца всю физическую силу, преклоняетъ чело его къ землѣ и налагаетъ на уста свинцовую печать молчанія. Въ это время г. Бёмель ничего не вѣлъ, ничѣмъ не занимался, но просиживалъ по цѣлымъ суткамъ на одномъ мѣстѣ, погруженный въ тяжкую, ничѣмъ неразвлекаемую думу. На другой день все перемѣнялось: прежилая молчаливость его обращалась въ придиричивое подозрѣніе; онъ видѣлъ въ каждомъ взглядѣ домашнихъ своихъ насмѣшку или укоръ, во всякомъ произнесенномъ ими словѣ намекъ на его несчастіе; тогда онъ предавался гнѣву и запальчивости, отъ которыхъ больше всѣхъ терпѣла госпожа Бёмель, кроткая и добрая женщина, медленно таявшая отъ печали. Наконецъ, крикъ и бѣшенство ипохондрика переходили въ холодную и колкую иронию, которой жертвою бывалъ всегда Алойсь. Молодой человѣкъ былъ гордъ, какъ отецъ его, но съ тою разницею, что въ г. Бёмель гордость раждала тщеславіе и необходимость первенствовать, а въ сынѣ его она производила благородное рвеніе ко всему прекрасному и жажду похвалъ. Одинъ хо-

гнѣтъ, чтобъ все передъ нимъ трепетало, другой — чтобъ взоры всѣхъ обращены были на него, и слѣдовательно, оба они подвержены были равной, но не одинаковой слабости. Г. Бёмель считалъ для себя униженіемъ сумасшествіе Алойса. Для человѣка съ его характеромъ униженіе есть ненависть, ненависть есть уже мученіе, и потому онъ мстилъ сыну своему, преслѣдовалъ его безпрестанно обидными упреками. Но этого мало: утонченная жестокость его избирала нарочно тѣ дни, въ которые бывали у нихъ гости, и тогда онъ заводилъ обыкновенно рѣчь о несчастіи *нѣкоторыхъ* отцовъ, которые должны краснѣть за дѣтей своихъ. Нѣтъ ничего оскорбительнѣе какъ слышать, что въ вашемъ присутствіи говорится о васъ въ третьемъ лицѣ, ничего безчестнѣе той двусмысленной вападки, которая прячется за обинякъ, для - того только, чтобъ ловче уязвить васъ. Она такъ низка, такъ нахальна, что при всемъ вашемъ терпѣніи выводитъ васъ наконецъ изъ самихъ-себя и поневолѣ заставляетъ отбраниваться. Обида открытая въ тысячу разъ благороднѣе и сноснѣе; ея удары подобны громовымъ стрѣламъ: они поражаютъ разомъ и потомъ оставляютъ васъ въ покоѣ; но эти мелкія, скрытыя колкости царапаютъ сердце, и, вонзаясь въ него какъ тонкія булавки, остаются тамъ надолго. Самая адская злоба рвануть не кинжаломъ, а иголкой. . .

Бѣдный Алойсъ, и безъ того уже униженный въ собственныхъ глазахъ, терзался отчаяніемъ, видя себя такъ-сказать предметомъ общаго презрѣнія и не имѣя возможности защищаться. Чтѣ сказать человѣку, который не говорить съ вами, и говорить съ другими по-видимому совсѣмъ не о васъ? Несчастный обыкновенно убѣгалъ въ свою комнату, и тамъ, бросясь на кровать, обливался горькими слезами. Но однажды г. Бёмель оскорбилъ его при Эдмонѣ, и тогда Алойсъ, забывъ совершенно самого-себя, отвѣчалъ отцу своему съ такою запальчивостію, что г. Бёмель поблѣднѣлъ.

На другой день молодая дѣвушка сказала Алойсу:

— Вы вчера очень оскорбили меня.

«Васъ? . . .»

— Да, меня.. Развѣ думаете вы, что мнѣ пріятно было слышать дерзкій отвѣтъ вашъ г. Бёмелю?

«Ахъ, еслибъ вы знали, какъ трудно иногда быть его сыномъ!»

— Я это знаю; но все-таки онъ вамъ отецъ.

«Могу ли я иногда не забывать о томъ, когда онъ никогда этого не помнитъ?»

— Посмотрите на свою матушку.

«Но, глядя на нее, я еще больше прихожу въ бѣшенство. Еслибъ онъ нападалъ только на меня, я бы еще простилъ ему; но онъ нападаетъ на бѣдную, добрую мать мою,— это невыносимо!»

— Ну, такъ научитесь свосить съ терпѣнiемъ все, что оскорбляетъ только васъ однихъ, и тогда вы будете имѣть право защищать ее.

«Это мой долгъ: зачѣмъ же мнѣ покупать его?»

— Для-того, чтобъ избавить ее отъ ужасныхъ терзанiй. Вчера она вся дрожала.

«Слушать всѣ эти колкости при васъ!... не могу... никакъ не могу!»

— Но если бъ вы сдѣлали это для меня?

«Для васъ?»

— Да... общайте мнѣ, что всякій разъ, когда отецъ вашъ будетъ говорить на вашъ счетъ что-нибудь оскорбительное, вы не будете отвѣчать ему ни слова; но представьте себѣ, что Эдионъ, стоя возлѣ васъ, шепчетъ вамъ благодарность.

Алойсъ общалъ; онъ былъ счастливъ, что можетъ принести какую-нибудь жертву той, которую любилъ такъ пламенно. Въ этомъ благородномъ сообществѣ съ нею все существо его перерождалась, всѣ прежнія неровности характера сглаживались; онъ былъ добръ для-того, что Эдионъ хотѣла этого, покорень участи своей для-того, что она этого требовала. Въ минуты горести бѣжалъ онъ къ Эдионъ, почти радуясь своей печали; и каждый день дарилъ ее какою-нибудь новою доблестію своего сердца. «Вотъ жизнь моя, возьмите ее» говорилъ онъ ей, почти-простертый у ногъ ея: «вотъ моя душа, открытая предъ вами; дѣлайте изъ нея что хотите, она принадлежитъ вамъ; но довершите благодѣяніе свое, сдѣлавъ ее подобною вашей.» Такъ говорилъ Алойсъ, но со всѣмъ тѣмъ однакожь былъ недоволенъ чувствами Эдионъ. Молодая дѣвушка, всегда нѣжная, но всегда спокойная, принимала жертву его съ такою невинною радостію; она улыбалась ему, какъ улыбается мать милому ребенку; но въ улыбкѣ ея не было страсти. Эдионъ соблазновала объ Алойсъ; она съ нимъ плакала, она утѣшала его, между-тѣмъ какъ ничто не возмущало яснаго взора ея, никакая буря не волновала ея сердца. Когда заставляли ихъ наединѣ, она не смѣшивалась, не перемѣнялась въ лицѣ, но продолжала разговоръ свой при всѣхъ, безъ малѣйшей неловкости. Однакожь, точно ли она была такъ спокойна какъ казалась, и дѣйствительно ли дружба ея къ Алойсу не имѣла въ себѣ ничего такого, что

могло бы пугать строгую и непорочную совесть? Кто разгадает эту тайну?

Мы вообще созданія столь несовершенныя , что часто самыя добродѣтели наши служатъ намъ во вредъ. Чувствительность Эдипъ вмѣла въ себѣ нѣчто для нея опасное: сначала одно состраданіе привлекало ее къ Алойсу, но потомъ, обманувшись въ чувствахъ своихъ, она завлеклась ими слишкомъ-далеко и не могла уже возвратиться. Она первая заговорила съ Алойсомъ , первая искала случаевъ быть съ нимъ вмѣстѣ, захотѣла крестить съ нимъ, впивалась къ нему; потомъ, вошедъ въ тайны семейной его жизни, вѣдалась о немъ какъ о сынѣ, дала ему почувствовать собственное его достоинство, и зажгла въ немъ энтузіазмъ художника. Наконецъ, переходя такимъ-образомъ отъ одного утѣшенія къ другому, отъ одного сдѣланнаго ею добра къ другому добру, которое надевалась и могла сдѣлать , Эдипъ безъ собственнаго вѣдома , безъ собственнаго желанія, увидѣла въ рукахъ своихъ судьбу молодого человѣка, сдѣлалась его провидѣніемъ, жизнію и стала существовать только для одного его, точно такъ же, какъ онъ жилъ только ею. Часто у Гомера встрѣчаемъ мы какого-нибудь юнаго Грека , окровительствуемаго молодою богинею, который, получивъ отъ нея щитъ, терлетъ его въ суматохѣ битвы. Тогда другая богиня, ему непріязненная , является подъ ложною личиною и не покидаетъ его ни на одну минуту , для-того, чтобы вовлечь въ погибель : Эдипъ, подобно юному герою древности, избрала себѣ коварнаго путеводителя и, не подозрѣвая заблужденія своего, шла бодро впередъ, не видя опасности и не думая о ней; но какъ могла она предположить ее въ томъ, что доставляло ей удовольствіе добраго дѣла? Притомъ же все сближало ее съ Алойсомъ; крестины утвердили союзъ сердець ихъ , освятивъ его религіею, а и-жа Бемель , вмѣсто того , чтобы стараться потушить страсть, которой предостояли тысячи непреодолимыхъ препятствій, сама помогала молодымъ любовникамъ видѣться какъ-можно-чаще. Не обвиняйте однакоже добрую г. Бемель : она была женщина слабая, она была мать,—а какая мать вырветъ изъ рукъ сына своего чашу съ цѣлебнымъ питьемъ , изъ которой пьеть онъ здоровье ? Болѣе она ничего не понимала, и потому любила и благословляла ту, которая была спасительницею ея Алойса.

— Поймите ли вы, сказала она однажды молодой дѣвушкѣ: что я просила Бога послать сыну моему ангела хранителя?.. Ангелъ

этотъ явился ему, милая Эдионъ! прибавила она, понизивъ голосъ, смотря на нее со слезами.

Одно, по-видимому бездѣльное обстоятельство открыло наконецъ Эдионъ глаза на-счетъ чувствъ ея къ Алойсу.

Эдионъ ѣздила съ отцомъ въ Біарицъ. На возвратномъ пути онъ остановились завтракать у г. Бемея съ нѣкоторыми общими друзьями. Когда Эдионъ вошла въ комнату, Алойсъ, чтобъ скрыть смущеніе свое, подбѣжалъ тотчасъ къ г. Фальзену и сталъ разспрашивать его о ихъ небольшомъ путешествіи; потомъ, немного оправясь, подошла къ группѣ молодыхъ людей, окружавшихъ Эдионъ. Но вообразите его удивленіе: она видѣла его и притворилась, будто не примѣтила!—За-чѣмъ жетакая скрытность? думалъ онъ: отъ-чего она не обходится со мною по-прежнему, не уклоняется мнѣ съ тою простою и откровенною ласкою, которая восхищаетъ меня и приводитъ въ отчаяніе?.. Но развѣ и онъ боится измѣнить себя?.. развѣ и она меня любитъ?—Мысль эта пролетѣла въ умъ его, какъ быстрая стрѣла, какъ ослѣпительная молнія; онъ отгадалъ: Эдионъ его любила, и теперь ужъ понемалу свое чувство. Хотя, со дня крестинъ, Алойсъ каждый вечеръ бывалъ у г. Фальзена, но какъ могла она тогда наблюдать за собою? Ждать его, видѣть его, думать о немъ, когда онъ уходилъ, все это до того занимало ее, что ужъ не оставалось мѣста для размышленія. Присутствіе милого существа упоеваетъ душу блаженствомъ и заставляетъ забывать все, кромѣ его самого; но въ десять дней, проведенныхъ въ разлукѣ, Эдионъ, оставшись въ уединеніи, одна съ самой-собою, имѣла время рассмотреть сердце свое, и, не видя Алойса, поняла наконецъ все, чѣмъ онъ былъ для нея.

Послѣ завтрака всѣ пошли въ комнату молодого человѣка, чтобъ посмотреть на очаровательный пейзажъ, который видѣть было изъ его оконъ. Эдионъ, провикнувъ въ это убѣжище, позволяло такъ-сказать всю жизнь Алойса, почувствовала въ себѣ волненіе, смѣшанное съ стыдливостію, которое не укрылось отъ зоркихъ глазъ молодого человѣка. Она сначала остановилась на порогѣ, потомъ, чтобъ скрыть смущеніе свое и между-тѣмъ удовлетворить любопытству, начала разсматривать все, что было въ комнатѣ, разспрашивая Алойса, на какомъ мѣстѣ онъ любилъ читать, гдѣ и когда работалъ,—по утрамъ или въ-вечеру? сидя у окна и смотря на Пиренейскія Горы, или тамъ въ уголку, у столика, на которомъ лежалъ его Бетховенъ? Благодаря этой невинной хитрости, она осмотрѣла всѣ углы комнаты, замѣтила всѣ при-

вѣщныя мѣста Алойса, и запасиась воспоминаніями, чтобы воображеніе ея знало теперь гдѣ искать и находить его.

«Что это за мѣбель?» спросила она, подойдя къ большому столу, тщательно закрытому ковромъ.

— Не называйте этого мѣбелью! отвѣчалъ Алойсъ. Это мое фортепьяно, это другъ мой! Изъ него извлекаю я первые звуки, открывшіе мнѣ міръ гармоніи. Съ его помощію человекъ, котораго любилъ я, научилъ меня небесному своему искусству. Притомъ оно имѣетъ для меня всю прелесть воспоминаній дѣтства. Вотъ хал мѣбель, старая книга, которая уже ни къ чему не годится, направлени намъ тѣмъ именно, что мы знаемъ и видѣли ихъ въ младенчествѣ, что, говоря о нихъ, можемъ сказать: «тому уже десять лѣтъ!» И это слово, отдаваясь въ сердцѣ нашемъ, всегда трогаетъ въ насъ какую-нибудь сокровенную струну... Кто утѣшалъ меня, когда, въ первой молодости моей, возвратился я сюда съ растерянною душою? — фортепьяно! Оно передавало мнѣ Моцарта и Бетховена; къ нему въ дни сумасшествія прибѣгалъ я по какому-то темному инстинкту—и по цѣлымъ часамъ, бродя пальцами по клавишамъ, терялся въ дикихъ и неопредѣленныхъ мелодіяхъ, которыя убаюкивали тоску мою и увлекали мысль изъ мечты въ мечту. Мрачное уныніе мое постепенно исчезало и превращалось въ тихую меланхолію. Конечно, это было слабое облегченіе; но въ тѣхъ случаяхъ страданій малое облегченіе очень много значить.

Эднѣ была такъ растрогана, что не могла отвѣчать ему, и молодой человекъ продолжалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Теперь же, теперь, когда молодость моя воскресла, когда оживаютъ меня другія чувства, фортепьяно сдѣлалось повѣреннымъ вѣсѣмъ тайнъ моихъ. Часто, проведя нѣсколько часовъ далеко отсюда, я возвращаюсь въ мое уединеніе, полный воспоминаній, полный вѣсѣмъ тѣмъ, что сказалъ и чего не говорилъ. Кому жь открыть тогда душу свою? кто пойметъ и раздѣлитъ чувства, которыя просятъ выраженія, которыя тѣснитъ въ сердцѣ и готовы, кажется, разорвать его?—Ты здѣсь, другъ мой! ты здѣсь! я снова нахожу тебя, я говорю и плачу вмѣстѣ съ тобою!

Тутъ Алойсъ остановился и взглянулъ на молодую дѣвушку, которая продолжала молчать, боясь, чтобы голосъ не измѣнилъ ей.

— Судите теперь, продолжалъ онъ:—какъ драгоцененъ для меня этотъ инструментъ, такъ тѣсно связанный съ моею жизнію, ознаменовавшій всѣ эпохи моего существованія, для меня великій и не-

забвенныя, и служившій всегда сокровищницею, въ которую я полагалъ самыя задушевныя свои чувствованія! Мнѣ кажется, мы соединены какою-то таинственною симпатіею, и въ привязанности моея къ нему есть почти что-то суевѣрное. Вы засмѣялись бы, видя, съ какою заботливостію я отираю съ него пыль, съ какою осторожностію закрываю ковромъ, съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ смотрю на него! Такъ вѣрно можно любить только живое существо! Но если кто-нибудь нечаянно толкнетъ его, когда отъ этого потрясенія задрожать его струны, я невольно содрогаюсь, воображалъ, что въ немъ есть душа и что она издала этотъ жалобный, протяжный стонъ. Еслибъ какимъ-нибудь несчастнымъ случаемъ онъ разбился въ дребезги, я не говорилъ бы: *онъ изломался*, но, заливаясь слезами, сказалъ бы: *онъ умеръ!*

Алойсъ и Эдионъ разстались; но съ этого дня началась для нихъ новая эпоха. Молодая дѣвушка, видѣвшая прежде въ Алойсѣ одно его несчастіе, съ изумленіемъ открыла въ немъ гений, и съ этой минуты стала смотрѣть на него съ уваженіемъ. Огонь, оживившій черты его, когда онъ говорилъ о музыкѣ; странность судьбы его, этотъ великій талантъ, придавленный сумасшествіемъ, или лучше сказать разившійся во время безумія его во всей полнотѣ своей; дивныя мелодіи, которыя написаны имъ въ бреду и о которыхъ вспоминалъ онъ безпрестанно,—все это ослѣпало его, въ глазахъ Эдионъ, лучезарнымъ вѣнцомъ поэзии, которому одно нечаянное обстоятельство придавало еще болѣе блеска.

Никогда г. Бёмель не бывалъ такъ раздраженъ и жестокъ противъ домашнихъ своихъ, какъ въ тѣ дни, когда представляли ему счета, по которымъ надобно было платить. Долги, долги! эта мысль пробуждала въ немъ воспоминаніе о стыдѣ, то-есть, о всѣхъ непомѣрныхъ вознагражденіяхъ, которыя взяты были съ него въ одинъ день озлобленными соотечественниками, долго сносившими его высокомеріе и гордость. По пріездѣ въ это бѣдное мѣстечко, г-жа Бёмель принуждена была вновь завестись хозяйствомъ, и слѣдовательно, покупая все вдругъ, вошла въ долги, по которымъ очень-часто ее тревожили. Тогда несчастная женщина просиживала цѣлыя ночи, чтобъ трудами рукъ своихъ заплатить по счетамъ, о которыхъ она не смѣла говорить мужу.

Однѣжды, когда гуляла она съ Алойсомъ въ виноградникѣ, служившимъ имъ вмѣсто сада, принесли ей письмо, при чтеніи котораго она казалась чрезвычайно-смущенною.

— Что съ тобою, матушка? отъ кого это письмо?

«Нá, прочти!»

Это былъ счетъ одного изъ ихъ поставщиковъ, простирившійся до 500 франковъ, за которыми онъ непременно хотѣлъ быть на другой день по-полудни въ четыре часа.

— Завтра—это сегодня! вскричала г-жа Бёмель... Боже мой, Боже мой! что скажетъ отецъ твой?

«Ничего, потому-что я самъ отнесу къ нему и письмо и счетъ» отвѣчалъ Алойсъ.

— Ты? но вспомни, что ты ужъ не ребенокъ, и не смягчишь отца своего по-прежнему.

«Нужды нѣтъ, я все-таки отнесу».

— Чтобъ опять разсердить его и наговорить ему грубостей? Ты знаешь, что я только этого и боюсь... Вы и безъ того вѣчно ссоритесь... Я знаю, въ тебѣ отцовская кровь!... Нѣтъ, нѣтъ.

«Я постараюсь воздержаться» отвѣчалъ онъ съ улыбкою. «Я тебѣ обещаю это... Я обещалъ...»

— Обещалъ! но можешь ли ты знать, до чего дойдетъ его выпыльчивость? 500 франковъ!... Шутка ли!... Я боюсь, Алойсъ!...

«Успокойся, матушка! еще нѣтъ двѣнадцати часовъ; я сейчасъ сбѣгаю въ Баньеръ и увижусь съ купцомъ... Только сдѣлай милость, успокойся!»

Г-жа Бёмель взопла на террасу, возвышавшуюся у большой дороги, и дождалась возвращенія сына; но прошло два чаеа, прошло три, а Алойса не было. Наконецъ, въ половинѣ четвертаго, г. Бёмель воротился домой, и жена его, услышавъ громкій, сердитый голосъ его, задрожала всѣмъ тѣломъ и спряталась за виноградную бесѣдку. Между-тѣмъ, какъ глаза ея устремились на дорогу, а сердце сильно билось, вдругъ на поворотѣ липовой аллеи показался человекъ, который бѣжалъ по ней опрометью. Это былъ онъ, Алойсъ!.. Онъ приближается, машетъ весело рукою, держа въ другой какой-то пакетъ и крича издали: «все уладилось!..» Черезъ минуту онъ былъ уже возлѣ матери.

— Ну что?... спросила она.

Вѣсто отвѣта, онъ подалъ ей пакетъ съ деньгами, и бросился на шею ея, обнимаясь слезами.

— Это что значить? откуда взялъ ты эти деньги?

«Бери ихъ смѣло... Я не сдѣлалъ ничего безчестнаго для полученія ихъ.»

— Но какимъ-образомъ ты досталъ ихъ?

«Не спрашивай меня ни о чемъ болѣе.»

— Но отъ-чего же ты плачешь?...

«Не спрашивай, говорю тебѣ!... Скоро четыре часа, время и терпѣть. Ровно въ четыре купецъ будетъ у Эчагона, бѣги туда скорѣе съ этими деньгами, но берегись, чтобъ батюшка не увидалъ тебѣ.»

Боясь разсердить сына, бѣдная г-жа Бёмель не смѣла продолжать вопросовъ, и Алойсъ поспѣшно оставилъ ее. Но что жъ было причиною его смущенія и слезъ? радость ли, что онъ избавился отъ непріятности мать свою, или какая-нибудь тайная горесть? И то и другое. Какъ онъ досталъ деньги — это узнаете вы сеѣ часть.

Пришедъ въ Баньеръ, онъ тотчасъ явился къ купцу и просилъ него отсрочки; но купецъ отказалъ, и сердце бѣднаго юноши сжалось отъ страха: онъ зналъ, что бѣшенство г. Бёмеля всегда имѣло пагубное вліяніе на слабое сложеніе его матери, и что послѣ каждой бурной сцены она непремѣнно бывала больна. Проклинала судьбу свою и ужасный нравъ отца, онъ въ отчаяніи бѣгалъ по улицамъ Баньера, ища денегъ, и самъ не зная, какъ очутился передъ домомъ фортепьяннаго мастера, который каждый мѣсяцъ настраивалъ у него фортепьяно.

— Счастливая мысль! вскричалъ онъ вдругъ: у меня есть сеѣ ответственность, которую я могу продать и спасти матушку.

Съ этими словами онъ вбѣжалъ къ фортепьянщику.

— Купите у меня инструментъ мой! сказалъ онъ ему.

Мастеръ взглянулъ на него съ удивленіемъ и не отвѣчалъ ни слова.

— Вы слышали, что я сказалъ вамъ? Купите у меня фортепьяно за 500 франковъ.

Фортепьянщикъ зналъ, что инструментъ стоилъ вдвое дороже этой суммы, и потому тотчасъ отсчиталъ ее Алойсу.

Получивъ ее, онъ обвинялъ этого человѣка, какъ обвиняютъ нежно-любимаго отца, и бросился опрометью домой. Радость его была чиста, возвышенна, безмѣрна, какъ его пожертвованіе. Алойсъ терялъ много, терялъ, можетъ-быть, все,— и сердце его раздиралось при мысли, что онъ разстается съ единственнымъ другомъ своимъ. Но самая эта тоска была для него наслажденіемъ. Трудныя и великія жертвы вмѣютъ въ себѣ ничто усладительное, воспламеняющее душу...

Возвратясь къ себѣ, Алойсъ устроилъ все такъ, чтобъ форте

пьяно его вынесли изъ дома тайкомъ отъ матери. Еслибъ она знала, какого цѣною куплено было ея спокойствіе, она не могла бы наслаждаться имъ.

Мы говорили о павильонѣ, принадлежавшемъ г-жѣ Бемель, куда часто уединялась она во время дня. Выстроенный подъ угломъ стѣны, онъ обращенъ былъ фасадомъ въ поле и имѣлъ особую дверь, въ которую можно было входить и выходить минуя лѣтвицу, ведущую въ домъ. Алойсъ велѣлъ перенести туда инструментъ свой, для-того, чтобъ фортепьянщикъ, пришедъ за нимъ на другой день въ семь часовъ утра, могъ тихонько унести съ собою. Когда же наступилъ вечеръ и во всемъ домѣ водворилась тишина, тогда, вышедъ осторожно изъ своей комнаты, онъ пошелъ въ павильонъ, чтобъ провести тамъ послѣднюю ночь съ другомъ своей юности.

Онъ пришелъ туда въ то время, когда на сельской колокольнѣ ударилъ часъ по-полуночи. Окно павильона было открыто, и свѣтъ луны озарялъ фортепьяно. Алойсъ подошелъ къ инструменту тихими шагами, потомъ, не отворяя его, сѣлъ передъ нимъ въ-потьмахъ и опустилъ голову на это безчувственное, но такъ нѣжно любимое имъ существо. Когда умирающій Жиродѣ, велѣлъ отнести себя въ свою мастерскую, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на древнія стѣны ея, бывшія свидѣтельницами его высокихъ вдохновеній, на начатыя картины свои, до половины написанныя, на палитру, еще покрытую красками, словомъ на все, что нѣкогда было его жизнію, то, конечно, душа его не была прискорбѣе души Алойса въ эти минуты горестнаго и послѣдняго прощанія! Часы дѣтства, проведенные имъ въ восторгахъ, тогда еще для него непонятныхъ, возобновились въ памяти его съ новою силою; онъ вспомнилъ своего стараго учителя, вспомнилъ предсказанія его, вспомнилъ и ту чудную ночь, когда вдохновеніе невидимо осынило его, когда онъ сочинилъ столько прекраснаго, не написавъ ни одной ноты. Тогда въ первый разъ еще послѣ его сумасшествія, вдругъ пробудилось въ душѣ его что-то похожее на прежній энтузіазмъ, вдохновеніе снова овладѣло имъ... Пламенникъ зажженъ, инструментъ открытъ, и клавиши зазвѣли, зарыцали подъ огненными перстами. Восгорженносгь сыновней любви, жертва приносимая имъ матери, скорбь, воспоминанія,—все это оживотворило дремавшій талантъ его, и мелодіи, излившіяся изъ его сердца, показались ему прекрасными. Эти мелодіи были близки къ тѣмъ созданіямъ, о которыхъ онъ безпрестанно твердилъ Эдмонъ

и в которых боялся вспомнить, какъ о своей мечтѣ прошедшей. Что, еслибы хоть эти новыя вдохновенія не были потеряны! гдѣ бы достать листъ бумаги, чтобъ изобразить на немъ эти мимолетныя ощущенія! Онъ ужъ всталъ съ мѣста и кочетъ бѣжать въ комнату за бумагою, какъ вдругъ глаза его останавливаются на письменномъ столѣ г-жи Бемель, изъ котораго ключъ не былъ вынуть. Онъ отворяетъ ящикъ, видитъ потную бумагу, листы ея исписаны... Онъ хватаетъ ихъ, пробѣгаетъ при свѣтѣ восходящаго солнца... И руки его дрожатъ, изъ глазъ льются слезы, изъ груди вырываются несвязныя слова... Да! шепчетъ онъ: это моя музыка... Точно она; это моя рука... Я зналъ, что все это было не сонъ, не бредъ сумасшедшаго... Боже, Боже!

Эти листы дѣйствительно заключали въ себя тѣ мелодіи, которыя пугали г-жу Бемель и которыя она спрятала въ этотъ удивленный павильонъ для-того, что считала ихъ главною причиною ужаснаго потрясенія, происшедшаго въ головной системѣ ея сына. Но ужъ теперь поздно, бѣдная мать! испры упала въ порохъ, и взрывъ грануль!

Дошедъ до послѣдней страницы, Алоисъ съ поспѣшностію положилъ тетрадь на фортепьяно, какъ вдругъ кто-то постучался въ дверь: это былъ фортепьянщикъ, пришедшій съ работниками за инструментомъ.

— Подождите, подождите, ради Бога! закричалъ молодой человекъ... Дайте мнѣ хоть четверть часа, чтобъ пропѣть ихъ съ нимъ вмѣстѣ... но вдругъ остановился и продолжалъ шопотомъ: нѣтъ нѣтъ!... передъ этими людьми?... ни за что!... это было бы святотатство!... Возьмите инструментъ вашъ и вынесите его поскорѣе отсюда! сказалъ онъ потомъ фортепьянщику и, схватя тетрадь, выбѣжалъ изъ павильона, прижимая сокровище свое къ сердцу, какъ Камозъ свою «Луизіаду».

Онъ бѣжалъ, онъ летѣлъ къ Эдионъ и нашелъ ее одну.— Я зналъ это, я чувствовалъ! закричалъ онъ, отворяя дверь. И, вертя съ торжествомъ свитокъ въ рукѣ своей, бросился къ фортепьяно.

«Боже мой! что съ вами случилось?» сказала Эдионъ, чрезвычайно испугавшись.

— Послушайте!.. послушайте!.. Я говорилъ вамъ, что онъ прекрасны!—И онъ заигралъ и запѣлъ.

— Не правда ли, прекрасны? повторилъ онъ въ промежуткахъ пѣнія.

Напрасно она хотѣла остановить его и спросить, что все это

значило: онъ, не внимая ничему, твердилъ «послушайте! послушайте!»

И нѣтъ, все нѣтъ, между-тѣмъ, какъ глаза его горѣли и лицо пылало отъ восторга.

«Алойсь! Алойсь!»

—О, какъ это хорошо, какъ хорошо!—И онъ продолжалъ пѣть; но вдругъ взоръ его померкъ, губы посинѣли, лицо покрылось смертною блѣдностію, и онъ безъ чувствъ упалъ на инструментъ, который издавалъ глухой, дикій и протлиный звукъ.

VIII.

Этотъ ужасный нервическій припадокъ довершилъ все, что предприняла Эдионъ для спасенія своего друга. Благодаря ея попеченіямъ, правдивный человѣкъ воскресъ, и великій художникъ началъ уже являться въ свою очередь. Нѣсколько мѣсяцевъ все въ Алойсь готовилось къ его умственному возрожденію; принявшисъ опять за старыя упражненія въ музыкѣ, онъ изучалъ теорію искусства, какъ въ книгахъ, такъ и въ твореніяхъ великихъ композиторовъ, съ тѣмъ новымъ усиліемъ, которое является всегда при новой страсти. и такимъ-образомъ, постигнувъ всѣ сокровенныя таинства гармоніи, соединилъ наконецъ науку съ вдохновеніемъ. Скоро съ необыкновенною легкостью разумѣнія возвратилась къ нему и прежняя способность его творить. Онъ началъ писать квартеты, увертюры, драматическія сцены, и гению его уже не доставало только одного сильнаго и рѣшительнаго порыва, какъ вдругъ онъ случайно нашелъ музыку, имъ нѣкогда сочиненную:—ту самую, которая въ-теченіе двухъ лѣтъ безпрестанно занимала мысли его, которая дышала поэзіею его тогдашняго положенія и была составлена совершенно въ новыхъ формахъ. Читалъ ее, Алойсь удивлялся ей точно такъ же, какъ-будто она была писана кѣмъ-нибудь другимъ, потомъ плакалъ отъ радости, когда увѣрился, что она принадлежала ему, что она излилась изъ его сердца. Съ этой минуты онъ почувствовалъ истинное призваніе свое и, посвятивъ уже себя совершенно искусству, занялся однимъ большимъ и очень-важнымъ сочиненіемъ.

Что это было за сочиненіе? . . . Во всякомъ искусствѣ есть ты сячи способовъ быть гениальнымъ человѣкомъ. У одного идеи, такъ сказать, сжимаются и кристаллизуются какъ алмазы, у другого онъ текутъ широкимъ и быстрымъ потокомъ; у Лафонтена одна страница заключаетъ въ себя высочайшую философію;

одна мысль Шекспира наполнить собою томъ Бенвенуто изъ двухъ унцій серебра сдѣлалъ чудо; Микель-Анджело, блуждая по гранитнымъ скаламъ Романы, создалъ въ мысляхъ мраморный колоссъ, который бросить онъ на вершины Апеннинъ, и который будетъ видѣнъ съ моря; для произведенія одной только статуи ему казалось недостаточнымъ цѣлой каменоломни. — Подобно ему, Алойсъ былъ изъ числа тѣхъ художниковъ, которые видятъ искусство только въ огромныхъ размѣрахъ. Всѣ идеи его, при самомъ ихъ рожденіи, сами собою и безъ всякаго съ его стороны усилія распространялись и растягивались въ безконечныя линіи. Еслибъ онъ былъ архитекторомъ, онъ строилъ бы храмы; еслибъ писалъ стихи, то конечно сочинялъ бы эпическія поэмы. Великій разъ, когда создавалъ онъ мысленно какую-нибудь торжественную музыку, въ фантазіи его обращалась она во что-то чрезвычайное, необъятное, неслыханное, исполнялась, какъ въ древней Греціи, на необозримомъ пространствѣ, подъ открытымъ небомъ, въ присутствіи мильионовъ, повторялась эхомъ неприступныхъ горъ и носилась по волнамъ океана, шумящаго у подошвы ихъ. Такимъ-образомъ, гевій его, едва пробудившійся, прямо и безъ всякаго приготовленія отважился на самое смѣлое изъ всѣхъ музыкальныхъ созданий. Выбравъ для пробы музыкальную эпопею, — то, что было цѣлю и вѣнцемъ самыхъ опытныхъ и великихъ композиторовъ, Алойсъ бодро, со всего разбѣга ринулся въ бездну этого страшнаго творенія, называемаго симфоніею. Мелодіи, написанныя имъ въ бреду сумасшествія, служили ему основною идеею; въ нихъ не доставало еще науки; въ энергіи ихъ было что-то грубое, въ ихъ смѣлости нѣчто отзывавшееся безуміемъ, но онъ нравились ему и трогали душу какою-то дикою простотою. Рѣшась на трудное предпріятіе, Алойсъ вздохнулъ свободнѣе и въ первый разъ въ жизни увидѣлъ себя на своемъ мѣстѣ. Вдохновеніе его было уже не восгорженность большого, не магнетическій сонъ той ужасной ночи, когда фантазія уносила его въ безпредѣльное пространство эфира для-того только, чтобъ черезъ шесть часовъ свергнуть опять на землю изнеможеннаго и безчувственнаго. О, нѣтъ! теперь мысль его развивается свободно и правильно. Идеи слѣдуютъ одна за другою, безъ перерывовъ, безъ тревоги, но постепенно и такъ-сказать съ гармоническою быстротою. Алойсъ въ одно время и спокоенъ и восторженъ, какъ всѣ люди, одаренные великими способностями, которые не спѣшатъ, зная, что время принадлежитъ имъ. Онъ паритъ духомъ, но удержива-

сть стремленіе пера своего, увлекается фантазією, и между-тѣмъ обуздываетъ ее силою здраваго разсудка. Такимъ-образомъ все для него облегчается, все даетъ ему внутреннее сознаніе его могущества, и въ удивленіи своемъ онъ ощущаетъ ту безпредѣльную, несказанную радость, которую Богъ посылаетъ людямъ съ душою чистою и высокою,—радость творчества, когда безпорочная любовь, присутствуя при этомъ трудѣ, судитъ ему въ будущемъ слабую награду.

Однѣжды вечеромъ прибѣжалъ онъ къ Эднѣ съ распаленнымъ лицомъ и глазами, блестящими отъ восторга.

—Десять листовъ! вскричалъ онъ:—десять полныхъ листовъ! «Такъ вы очень прилежно работали сегодня?»

—О, я чувствовала радость неизъяснимую! Вчера въ играл сонату Бетховена, и я былъ такъ счастливъ, слушая ее, что не воображалъ, чтобы могъ быть когда-нибудь счастливѣе, не думалъ, чтобы существовало въ мірѣ что-нибудь подобное гению Бетховена, соединенному съ душою Эднѣ ... Но я знаю теперь, что есть минуты въ жизни моей, когда могу быть еще блаженнѣе: это минуты, когда сочиняю, думая о васъ... о васъ, Эднѣ, которой я обязанъ всѣмъ! прибавилъ онъ съ живостію.

И пламенный юноша думалъ скрыть любовь свою подъ видомъ благодарности.

—Сегодня по-утру, говорилъ Алойсъ: я проснулся въ томъ счастливомъ расположеніи духа, въ которомъ намъ все улыбается надеждою. Съ разсвѣтомъ побѣжалъ я въ горы; у меня было легко на сердцѣ, и музыкальныя идеи толпились въ головѣ; когда вошелъ я на вершину, вдругъ все меня окружавшее, всѣ предметы, встрѣчавшіеся глазамъ моимъ:—и дикія скалы, и облака, проходившія подъ моими ногами, и старая искривленная сосна—словомъ все превратилось въ какую-то таинственную мелодію... Я видѣлъ звуки...

«Это странно, но я понимаю это» прервала Эднѣ.

—Я принялся за работу, но часто прерывалъ ее, чтобы съ высоты этихъ скалъ, облеченныхъ туманомъ, смотрѣть въ долину и тамъ искать вашего дома. Вдругъ я увидѣлъ его, или лучше сказать, мнѣ казалось, что я его увидѣлъ, и тогда мысль, что вы тамъ, что я увижу васъ вечеромъ, эта мысль освѣжила, оживотворила мое воображеніе; воспоминаніе о васъ, Эднѣ, смѣшалось со всѣми моими мыслями, и хотя я былъ углубленъ въ свое созданіе, но чувствовалъ, что не оно одно занимало меня... Можетъ-быть, этотъ

аккорда ей понравится, думай я: посмотришь, что скажетъ онъ объ этой фразѣ, какъ найдетъ эту небольшую фигурку! Однимъ словомъ, я никогда такъ хорошо не работала, хотя никогда столько не думала о васъ.

Такъ, могучій—онъ любилъ всею силою своего таланта и былъ творцомъ всеми силами любви своей. Слава, честолюбіе, хвалъ свѣта теперь ему чужды. И ты, презрѣнная гордость, ты, которая заставляешь насъ жить для другихъ и подчиняешь и счастье и даже самую совѣсть нашу мнѣнію толпы, ты не дерзала еще осквернить своимъ прикосновеніемъ этого чистаго, невиннаго сердца ни нарушить спокойнаго сна его своими адскими тревогами! Дни него свѣтъ—была Эднѣ; слава—пожатіе руки ея. Между-тѣмъ символа его подвигалась впередъ; страница за страницю, линия за линіей, и такимъ-образомъ въ глазахъ Эднѣ возрастали вѣстѣ и твореніе и творецъ его; но смотря на Алойса, Эднѣ невольна содрагалась, думалъ, что принявъ себя на руки младенца, она теперь видитъ возлѣ себя мужа...

Они еще не признались въ любви другъ другу, и опять музыка вырвала у нихъ эту тайну.

Однажды разговаривали у г. Фальзена объ золотыхъ арфахъ. Съ этими золотыми арфами то же, что и съ Петраркою или Дантомъ каждый говорить о нихъ, и почти никто ихъ не знаетъ... Эднѣ объявила желаніе слышать этотъ инструментъ; Алойсъ предложилъ ей сдѣлать его.

— Вы умѣете дѣлать золотыя арфы?

«Нѣтъ, но думаю, что, при помощи столяра, съумѣю.»

Явился столяръ, и они принялись за работу. Общее занятіе—новое удовольствіе. Эднѣ доставила струны своей арфы, работникъ дерево, Алойсъ свой талантъ, и всѣ трое сдѣлались артистами. Они берутъ словныя доски въ три фута вышиною, обрубаютъ и выстрагиваютъ ихъ, располагаютъ продолговатыми треугольничкомъ такъ, чтобы вѣтеръ, ударяясь объ уголъ, разсѣкался объ него; съ бока прикреплены восемь струнъ, настроенныя на одинъ звукъ. Эднѣ иногда сама работаетъ молоткомъ. Трудъ продолжается восемь дней, — восемь восхитительныхъ дней!

Когда инструментъ былъ оконченъ, надо было попробовать его и для этого торжества г. Фальзенъ созвалъ нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ. Избранное Алойсомъ время было одиннадцать часовъ вечера, мѣсто — длинная галлерей въ первомъ этажѣ, установленная померанцовыми деревьями и разными рѣдкими растеніями.

не, въ эту галлереею выходили двери нѣсколькихъ комнатъ. Быть одиннадцатъ часовъ: всѣ идутъ на галлереею, въ которой въ это время царствовала совершенная темнота, потому-что окна ея были обращены на западъ, а луна всходила на востокъ. Слуга приноситъ фонарь, Алойсъ гаситъ его, и эта внезапная темнота приводитъ всѣхъ присутствующихъ въ какое-то болоненное расположеніе. Молча всѣ садятся; женщины столпнясь: одна осталась недвижною на мѣстѣ, которое занимала когда потащень былъ фонарь, и стоя, обломотилась на древнюю вазу, гдѣ расцвѣтала кактусъ; другая сѣла на кадочку съ немграничннмъ крестомъ, и потрясенное дерево осыпало се своими цвѣтами; вннлы жалнсь другъ къ другу, представляя собою ничто въ родѣ группы мраморныхъ статуй; между-тѣмъ Алойсъ, одинъ посреди галлерей, ставнлъ арфу протнвъ дверей какой-то комнаты. Наконецъ онъ отворяетъ двери... Вдругъ свѣтъ луны врывается широкимъ потокомъ въ галлереею, а со свѣтомъ встаетъ и воздухъ; молчаніе усугубляется, всѣ ждутъ чего-то. Это ожиданіе, эта темная галлереея, прорываемая яркою полоскою свѣта; эти платья женщинъ, колеблющіяся подобно млечнымъ облакамъ; этотъ молодой человекъ, стоящій съ арфою въ рукѣ и съ восторженнымъ лицомъ, по которому луна разливаетъ магическую блѣдность,—все вмѣстѣ представляетъ зрѣлище, исполненное поэзіи и совершенно-новое. Эдваръ стоитъ въ темномъ углу далеко отъ Алойса, но такъ, что можетъ его видѣть...

Дунулъ вѣтеръ. Алойсъ протянулъ руку, какъ-будто хотѣлъ тѣмъ сказать: «не дышите!...» Опредѣлитъ минуту, когда начинаются звуки золотой арфы, такъ же невозможно, какъ и изобразить первый свѣтъ восходящаго солнца; звуки родились уже за нѣсколько минутъ прежде, нежели достигли вашего слуха; вдругъ мало-помалу, въ десяти миляхъ отъ себя вы слышите... какъ бы назвать тотъ звукъ? это не нота, не эхо... это что-то отдаленное, пріятное, какъ воспоминавіе дѣтства. Звукъ растетъ, ширится, такъ-сказать, обнаруживается; вторая нота аккорда выходитъ изъ первой, какъ облако изъ облака; потомъ третья... четвертая... и всѣ онѣ развиваются одна изъ другой. Вѣтеръ подулъ снова, и вотъ всѣ эти воздушные, невидимые голоса потють вмѣстѣ и возбуждаютъ сочувствіе во всемъ, что можетъ сочувствовать звуку. Вскорѣ голоса начинаютъ слабѣть, постепенно отдаляются, точно такъ же, какъ и возникали—тихо, одинъ за другимъ; это не исчезновеніе, но замираніе... Съ напряженнымъ вниманіемъ всѣ

слѣдятъ за ними, стараются удержать послѣднее колебаніе струвъ, слушаютъ еще, когда уже все кончилось, какъ слушали, когда еще ничего не начиналось, — и вотъ настаетъ глубокая тишина, дотѣхъ-поръ, пока своеобразный вѣтеръ, нѣсколько минутъ спустя, снова не воскреситъ мелодіи.

Алойсъ во все время стоялъ, держа въ рукѣ арфу, погруженный въ это безпредѣльное раздумье, въ которое приводитъ васъ взглядъ на море. Вдругъ г. Бёмель вскакиваетъ съ мѣста и съ обыкновенною жесткостью сказавъ, что это все одно и то же, уходитъ; г-жа Бёмель и г. Фальзенъ послѣдовали за нимъ, а вскорѣ ушли и всѣ женщины, утомленная этою непродолжительною мечтательностью. Эдиень осталась.

Едва молодой человѣкъ почувствовалъ, что Эдиень одна — я говорю «чувствовалъ», потому-что ему не нужно было оглядываться, чтобы увидѣть это—точасъ же оставилъ инструментъ передъ дверьми, самъ сѣлъ возлѣ Эдиень, не говоря ни слова. Музыка снова началась.

Боже! чтò происходило тогда въ душѣ этихъ двухъ существъ!

Уединеніе, темнота, этотъ мимолетный восторгъ, эта чудная музыка, исторгающая изъ глазъ слезы, — все умиляло сердца ихъ и беззащитно предавало ихъ любви. Нежданные порывы вѣтра извлекали изъ арфы чудные аккорды: это были вдохи, стеванія, и арфа казалась имъ уже не арфою, но живымъ голосомъ, воздушнымъ существомъ, летавшимъ надъ ихъ головами и повторявшимъ «любите другъ друга! любите!». Алойсъ не могъ долѣе противиться; сердце его вырывалось изъ груди; онъ бросился къ ногамъ Эдиень, схватилъ обѣ руки ея и спряталъ въ нихъ лицо.

— О, матушка! произнесла она задыхающимся голосомъ.

«Матушка ваша сказала бы вамъ: любите его!»

— Да... я люблю васъ... какъ друга.

Алойсъ грустно опустилъ ея руку.

«Нѣтъ, какъ брата! какъ брата!» И она старалась поймать руку Алойса. Онъ удалялся.

«Да, да... я люблю васъ!» воскликнула она.

— Эдиень! молъ Эдиень! повторялъ непрерывно Алойсъ.

Воздушный голосъ продолжалъ свое пѣніе.

«Ради Бога, не плачьте. Ваша радость пугаетъ меня.»

— О, не страшитесь: счастье не убиваетъ; я живъ еще!... Эдиень! чтобы выразить вамъ, чтò тамъ (онъ указалъ на сердце), надобно было бы слово, котораго еще никто не произносилъ, потому-что

никто никогда не чувствовалъ того, что я чувствую.—Тогда, при звукахъ золотой арфы, начался между ними разговоръ, какой можно себя вообразить, но который невозможно написать. Гармонія раскрыла сердца ихъ, эту гармонію хотѣли они сохранить въ своемъ чувствѣ и, сидя одинъ возлѣ другаго, говорили между собою вполголоса, чтобы не заглушить ея. Волосы ихъ сплетались, дыханіе смѣшивалось, слова были поцалуями.

— Итакъ, говорила она ему:—теперь ужъ нѣтъ болѣе задумчивости?

«Никогда!»

— Нѣтъ безнадежности?

«Что такое безнадежность?»

— И когда вы заглянете въ будущее...

«Будущее? развѣ это не вы? Завтра бѣгу я къ вашему отцу, и прошу его...»

Вдругъ, прежде, нежели Алойсъ успѣлъ окончить начатую фразу, жалобный и пронзительный звукъ раздался въ воздухѣ; онъ остановился въ какомъ-то ужасѣ, потому-что звукъ этотъ походилъ на послѣдній вздохъ умирающаго. Эднѣ также испугалась; они прислушиваются, смотрятъ вокругъ себя: струна на арфѣ лопнула, а сама арфа лежала, опрокинутая слишкомъ-сильнымъ порывомъ вѣтра. Они молча разошлись, объятые какимъ-то неопытнымъ чувствомъ грусти . . . . .

Непреодолимо желаніе видѣться на другой день послѣ признанія во взаимной любви... Предчувствіе, поразившее-было Алойса и Эднѣ наканунѣ, скоро исчезло, и на слѣдующее утро Алойсъ уже летѣлъ къ Эднѣ. Увидѣвъ его, она пошла къ нему на встрѣчу и безъ малѣйшаго замѣшательства сказала:

— Другъ мой, до вчерашняго вечера вы были для меня братомъ, и я часто отдавала руку поцалуямъ моего брата; тогда эти братскія ласки были мнѣ пріятны, я принимала ихъ безъ угрызенія совѣсти; теперь, не знаю почему, они не оставили бы совѣсть мою въ покоѣ. Теперь, другъ мой, вы должны довольствоваться тѣмъ, что называете меня вашею сестрою: вы мнѣ это общаете; не правда ли?

«Клянусь вамъ!» воскликнулъ онъ.

Договоръ наивный, чистосердечный! Молодая дѣвушка ввѣрла себя покровительству того, кого боялась. Такимъ-образомъ жали они нѣсколько мѣсяцевъ: Эднѣ полная довѣренности, Алойсъ съ покорностію исполняющій свою клятву; оба были довольны

другъ другомъ, и никто изъ нихъ не произносилъ слова «бракъ». Несчастіе Алойса, еще слишкомъ-свѣжее у всѣхъ въ памяти, не дозволяло довѣряться г. Фальзену, и они дожидались. Но не было ли опасно это ожиданіе? Пока Эдиенъ не сказала Алойсу, что любить его, надежда на это признаніе составляла для юности всю будущность: онъ жель только для-того, чтобы услышать слово любви, и не хотѣлъ ничего болѣе. Но предѣлъ человѣческихъ желаній безпрестанно подвигается впередъ, и иногда въ любовь Алойса вмѣшивалось что-то безпокойное, что-то мятежное. Эдиенъ любила, но любила лучше, нежели онъ: подобно ему встревоженная, но безпокойствомъ непорочнымъ, она довольствовалась этою дѣвственною любовію; далѣе этого она ничего не знала, ничего не требовала, ничего не предчувствовала; у молодыхъ женщинъ природа, по какому-то счастливому забвенію, пробуждаетъ часто одну только душу, предоставляя имъ все узнавать и ничего не угадывать.

Однажды, онъ молча сядѣлъ возлѣ нея и держалъ ее за руку.

— За чѣмъ эти подавленные вздохи, сказала она ему: развѣ вы несчастливъ?

«А вы развѣ вполне счастливы?»

— Счастлива ли я? Отецъ мой со мною; вы спасены; будущность намъ улыбается, а вы спрашиваете еще, счастлива ли я! Нѣтъ, нѣтъ, я ошиблась! Счастіе мое не безъ примѣси горя, потому-что ваше несовершенно. Что съ вами, другъ мой? Будьте откровенны! Чего не достаетъ вамъ для-того, чтобъ вамъ ничего не доставало? Не могу ли я доставить вамъ то, что нужно вамъ для полнаго спокойствія?

«О, да! вы могли бы!» воскликнулъ онъ, и убѣжалъ.

IX.

— Долго ли еще будетъ сынъ вашъ жить здѣсь сложа руки? сказалъ однажды г. Бемель женѣ своей.

«Онъ все еще очень слабъ, мой другъ.»

— Онъ такъ уже силенъ, что можетъ цѣлые дни бѣгать по горамъ.

«Здоровье его требуетъ этихъ прогулокъ.»

— Вѣрно также для здоровья онъ употребляетъ всю жизнь свою для какой-то глупой музыки?

«Докторъ предписалъ ему это.»

— Такъ пусть докторъ предпишетъ ему имѣть десять тысячъ

дваровъ годового дохода! Однако пора всему этому положить конецъ. Я бѣдемъ и становлюсь старъ; если онъ захочетъ имѣть кусокъ хлѣба, то долженъ выработать его: черезъ недѣлю онъ снова начнетъ прежнюю свою работу. Позовите его ко мнѣ, я объявлю ему это.

«Можетъ-быть, не лучше ли будетъ, если я передамъ ему вашу волю...»

— За кого вы меня принимаете? Развѣ я тиранъ какой-нибудь? Пошлите его ко мнѣ!

Вскорѣ Алойсъ явился съ матерью. Г-жа Бемель сѣла къ окну на обыкновенное свое мѣсто и притворилась, будто чинить бѣлье.

— Подойди сюда, Алойсъ. Два года уже какъ ты здѣсь и ничѣмъ не занимаешься. Полно! Пора перестать дурачиться! Съ нынѣшняго дня ты приготовляйся снова вступить въ домъ какого-нибудь банкира.

«Я исполню вашу волю, батюшка.»

— Ты откажешься отъ музыки.

«У меня болѣе нѣтъ фортепьяно, батюшка.»

— Куда же ты дѣвалъ его?

Алойсъ не отвѣчалъ.

— «Ты продалъ его!» вдругъ воскликнула г-жа Бемель, подбѣгая къ сыну: «да, я увѣрена, ты его продалъ! О!.. я все понимаю теперь!» И рыдая она обняла его.

— Что значить эта чувствительная сцена?

Г-жа Бемель молчала: она почувствовала, что это должно было оставаться тайною между ею и Алойсомъ.

— Я хочу знать, что это значить!

«Это обстоятельство касается собственно до меня» отвѣчалъ молодой человекъ въ волненіи: «я прошу васъ позволить мнѣ не объяснять его.»

— Пожалуй-себѣ! съ негодованіемъ бормоталъ г. Бемель: «храните ваши тайны; онъ вовсе незанятельны для меня. Но мнѣ нужно, чтобы ты работалъ; мнѣ поручилъ сдѣлать одиень длинный и важный расчетъ: ты будешь работать его со мною. Пойдемъ.»

Эти слова какъ ударъ молніи разразились надъ Алойсомъ! Шестъ мѣсяцевъ жилъ онъ безъ всякихъ размышленій и такъ увлеченъ былъ настоящимъ, что не имѣлъ времени взглянуть въ будущее. Вдругъ, въ одно мгновеніе все намѣняется: очаровательныя мечты его разлетаются какъ воздушные замки, и существованность во всей наготѣ раскрывается передъ его глазами.

Надо возвратиться въ Парижъ, который былъ столь пагубенъ для него; надо снова заняться дѣлами, стѣлвшими ему болѣе чѣмъ жизни; надо покинуть и Эдию, и любовь, и чистый, животворный воздухъ горныхъ вершинъ, и искусства; надо откзаться отъ всего, отъ всего вдругъ и навсегда,—да, навсегда! Досихъ-поръ онъ не хотѣлъ видѣть препятствій, раздѣлявшихъ его съ Эдиною; теперь наконецъ они представились ему въ настоящемъ своемъ видѣ—огромныя, непреодолимыя: *онъ блденъ, онъ сынъ банкрота; онъ былъ сумасшедшимъ, и можетъ снова сдѣлаться сумасшедшимъ!* При каждомъ изъ этихъ словъ, разстоянiе, отдѣлившее его отъ Эдион, удвоивалось. Какой отецъ, хотя бы то былъ и г. Фальзенъ, отдалъ бы дочь свою такому человѣку? какой отецъ захотѣлъ бы завѣщывать такое наследство своему потомству? Алойсъ, полагавшій, что ему уже не осталось болѣе никакихъ несчастій для испытанiя, новляъ теперь, что въ жизни есть неисчерпаемый источникъ для скорби!

Однакоже, онъ принялся за дѣло и, отложивъ въ сторону свою симфонiю, съ упрямствомъ насилывалъ голову надъ счетами и банкирскими письмами. Но въ немъ таилось существо, которое было сильнѣе его-самого: его музыкальное воображенiе, вкусившее свободу, не могло сносить болѣе оковъ,—и вскорѣ сильныя головныя боли принудили его оставить работу. Эта болѣзнь ужаснула его; онъ вспомнилъ эти припадки... Творенiе Эдион рушилось въ нѣсколько дней: возвратились опять, одно въ слѣдъ другамъ—меланхолиа, увныиe, отчаянiе... Будущность, слово ужасное для воображенiя слабаго и пылкаго, будущность страшила его. Чтѣ будетъ съ нимъ? Чѣмъ онъ станетъ жить? Чтѣ будетъ дѣлать? Онъ ничтѣ, и будетъ ничѣмъ! Но музыка, но талантъ его... Онъ не зналъ, что талантъ можетъ быть званiемъ. Къ-тому же память представила ему въ примѣръ тысячу великихъ артистовъ, умершихъ съ голода; онъ зналъ, какое огромное разстоянiе было между оконченнмъ творенiемъ и первымъ лудоромъ, который оно выручитъ! Наконецъ, онъ сталъ сомнѣваться даже въ талантѣ своемъ, потому-что таковы люди съ пылкимъ воображенiемъ: они такъ же скоро упадаютъ духомъ, какъ и приходятъ въ восторгъ, и въ одинъ и тотъ же часъ почитаютъ себя гигантами и карлами.

Г-жа Бёмель и Эдию испугались этого душевнаго состоянiя Алойса; мать тотчасъ же написала къ врачу, который его вылечилъ, и, сообщая ему свои опасенiя, просила у него совѣтовъ. Врачъ отвѣчалъ:

«Милостивая государыня!»

«Съ прискорбіемъ, но безъ удивленія узнавъ я о глубокомъ уныніи, въ которое снова впалъ сынъ вашъ, въ-слѣдствіе позврата болѣзни. Не знаю, извѣстно ли вамъ, что душа, послѣ страшныхъ потрясеній безуміа, произведенныхъ сумасшествіемъ, остается потрясенною на цѣлые годы. Силы тѣлесныя и даже умственныя возстановляются гораздо-прежде, нежели сила характера; нравственная энергія иногда и вовсе не возвращается. Итакъ, совѣтую вамъ приготовиться снова видѣть въ г. Алойсѣ эту горестъ, это безутѣшное уныніе, это отвращеніе къ существованію, которыя заставляютъ больного во всемъ сомнѣваться. Не-разъ прійдетъ онъ къ намъ и скажетъ, что для него нѣ остается уже надежды. Представлять себѣ будущее въ ужасающемъ видѣ есть неизбѣжная слабость, тѣсно-связанная съ этою болѣзнію; молодость его, еще ничего не испытывавшая, должна усилить отчаяніе. Эпоха знакомства съ жизнью тягостна для каждаго, въ-особенности же тягостна она для души пламенной: борьба для нея гораздо тяжеле, чѣмъ для другихъ; и въ этомъ случаѣ, милостивая государыня, совѣсть мол, какъ врача, обязываетъ дать вамъ нѣкоторыя откровенныя объясненія.

«Я внимательно изучалъ вашего сына во время его болѣзни, слѣдовалъ за каждымъ его шагомъ; въ душѣ его таится глубокая страсть, преобладающая надъ всѣми прочими страстями: это — страсть къ похваламъ. Одного уваженія недостаточно ему, и, можетъ-быть, онъ самъ не знаетъ, что удивленіе постороннихъ для него выше счастья: оно — необходимая его потребность. Въ сумасшествіи, что видѣлъ онъ? что слышалъ? одни аплодиссманъ; онъ видѣлъ только людей, хлопавшихъ въ ладоши при звукахъ его музыки, видѣлъ только толпу, носившую его въ триумфѣ. Болѣзнь не создаетъ ничего; она только выводитъ наружу или увеличиваетъ недостатки, но не творитъ ихъ. Въ выздоравливаніи г. Алойса я замѣтилъ тотъ же характеръ: чрезмѣрное сознаніе собственнаго паденія, унижительная покорность передъ несчастіемъ, непрерывный страхъ, что онъ навлекъ на себя всеобщее презрѣніе; что все это, какъ не та же любовь къ похваламъ, только въ другомъ видѣ? Эта страсть требуетъ удовлетворенія, и, къ-счастью, она можетъ быть удовлетворена. Природа создала г-на Алойса артистомъ, и я полагаю, что онъ артистъ великій. Пусть же будетъ онъ артистомъ: пусть сочиняетъ музыку; это его назначеніе, это же и спасеніе его. вмѣстѣ съ трудомъ лвится и талантъ, съ талантомъ слава, съ славою — здоровье.

«Можетъ-быть, вы осудите меня, милостивая государыня, что я такъ своевольно располагаю будущностью вашего сына; но вы спрашиваете, — я долженъ отвѣчать вамъ. Еще прибавлю одно слово, въ которомъ заключается мое искреннее убѣжденіе: берегитесь когда-нибудь приневоливать его къ торговому или вообще «дѣловому» поприщу: это камень, о который ударился уже его разсудокъ, и каждый разъ, когда онъ будетъ объ него ударяться, снова будетъ падать, потому-что уже упала однажды. Мозгъ человѣческій такъ созданъ: сильнѣйшія болѣзни почти - никогда въ насъ не умираютъ; онъ дремлютъ только: не надобно будить ихъ.»

Едва поутихли головныя боли Алойса, г. Бёмель снова заговорилъ о томъ, чтобы онъ принимался за работу. Г-жа Бёмель показала ему письмо врача; онъ прочелъ его и, измѣвъ въ комокъ, бросилъ женѣ, говоря:

— Ну, пусть его дѣлаетъ, что хочетъ!

Необходимость имѣть всегда сына у себя на шеѣ превратила злость его въ отвращеніе. Эти два человека стояли другъ передъ другомъ, и каждый изъ нихъ носилъ въ груди своей рану и порокъ: у одного раною было банкротство, у другаго безуміе, общій порокъ, — гордость.

Между-тѣмъ наступалъ ноябрь, — мѣсяцъ, страшный для г. Бёмеля; впрочемъ онъ былъ страшенъ и не для его одного. Прекративъ всѣ коммерческія дѣла свои, г. Бёмель заключилъ обязательство въ шесть тысячъ франковъ, которые и долженъ былъ заплатить къ 1-му ноября. Когда наступилъ срокъ платежа, онъ не могъ собрать этой суммы и принужденъ былъ писать, просить отсрочки; немедленно полученъ отвѣтъ, преисполненный тѣхъ тяжелыхъ, замаскированныхъ фразъ и утаенныхъ, полускрытыхъ значеній, которыя составляютъ особенность кредиторскаго слога; это былъ ударъ, нанесенный тупымъ черенкомъ ножа. Письмо мучило Бёмеля, принужденнаго переносить въ молчаніи новое оскорбленіе; онъ не могъ ни уничтожить письма, ни забыть его; но по ночамъ, запершись въ своемъ кабинетѣ, по какому-то непоятному побужденію, онъ часто читалъ и перечитывалъ его, впивая въ себя каждое оскорбительное слово; никогда еще взволнованная желчь не вздымала такъ сильно груди его!

На слѣдующій день, въ двѣнадцать часовъ, за часъ передъ обѣдомъ, вошла къ нему г-жа Бёмель.

— Что вамъ угодно? вскричалъ онъ.

«Я пришла...»

— Прошу оставить меня въ покоѣ!

Она удалилась, испуганная лицомъ своего мужа: оно было багрово...

Г-жа Бёмель походила на сестру милосердія, изображенную Филиппомъ Шампелемъ: она была такъ блѣдна, какъ-будто-бы въ ней вовсе не было крови; губы ея бѣлѣлись, какъ полотно; слабая и хилая, она имѣла твердость слабыхъ — самоотверженіе. Но въ этотъ день, предчувствіе страшной грозы отняло у нея даже и то терпѣливое бездѣйствіе, которое пріобрѣтается долгою привычкою къ страданію; передъ обѣдомъ, входя въ залу, она вся еще дрожала.

За нѣсколько минутъ до часа пополудни, г. Бёмель вошелъ въ залу; Алойсъ, ушедшій съ утра, не возвращался еще отъ г. Фальзена. Когда ударилъ часъ, г. Бёмель грубо спросилъ жену свою:

— Гдѣ сынъ вашъ?

«Онъ сейчасъ прійдетъ, другъ мой; наши часы, кажется, бѣгутъ впередъ.»

— Они вѣрны. Впрочемъ, я хочу, чтобы всѣ часы въ моемъ домѣ шли одинаково съ моими.

Прошло десять минутъ, четверть часа; г. Бёмель ходилъ по комнатамъ большими шагами, сложивъ на груди руки.

Наконецъ, въ половинѣ втораго, пришелъ Алойсъ.

— Мы васъ ждали, сударь! сказалъ отецъ, идя къ нему.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ ничего. Всѣ трое сѣли за столъ.

Г. Бёмель ворчалъ про себя.

Алойсъ ничего не слышалъ; въ первый разъ послѣ продолжительнаго времени, онъ провелъ опять возлѣ Эднѣи одинъ изъ тѣхъ блаженныхъ часовъ, которыми такъ восторженно упивался передъ вторичною своею болѣзнею. Эднѣи подарила ему кошелекъ, который сама связала для него и который носила два дня прежде, нежели отдала ему. Въ ушахъ Алойса звучали еще прелестныя слова дѣвушки, и угрозы отца терялись для него въ этомъ сладостномъ воспоминаніи.

— Вы знаете, какъ я не терплю, когда время моихъ обѣдовъ выходитъ изъ порядка; видно, вамъ до этого нѣтъ нужды? Алойсъ молчалъ; онъ держалъ свой драгоценный кошелекъ, жалъ его въ рукѣ, или, нагнувшись будто для-того, чтобы поднять упавшую салфетку, съ восторгомъ целовалъ его.

«Развѣ вы не слышите? я вамъ говорю, сударь: будете ли вы отвѣчать мнѣ?»

— Батюшка, вы только извольте укорять меня, а не спрашивать.

«Ну! я спрашиваю васъ не о томъ, почему вы заставили меня прождать цѣлые полчаса,—я привыкъ ужѣ, чтобъ вы забывали во мнѣ своего отца, — но какъ смѣли вы прощататься цѣлое утро и не кончить работы, которую я далъ вамъ?»

— Я отдалъ вамъ, батюшка, эту работу вчера, вмѣстѣ съ письмомъ изъ Гавра.

Это было письмо кредитора!

При словѣ «письмо», г. Бёмель вздрогнулъ какъ раненный, котораго ударили по свѣжей ранѣ, и съ изступленіемъ, поразившимъ и мать и сына, вскричалъ:

«Правда, правда! я забылъ! забылъ также, что просматривалъ вашу работу, что она наполнена ошибками, что въ ней нѣтъ на волосъ смысла, что дитя сдѣлало бы ее лучше, и что вы очень счастливы, живя въ домѣ отца своего, потому-что сами неспособны добыть себѣ кусокъ хлѣба!

— Другъ мой! тихо произнесла г-жа Бёмель.

«Молчите, сударыня! Прошу васъ, сударь, впередъ быть аккуратнѣе, потому-что въ первый разъ, лишь только вы не явитесь въ назначенный часъ, столъ будетъ убранъ, и вы ступайте обѣдать куда хотите!»

Молодой человекъ хотѣлъ выразить свое негодованіе, но, вспомнивъ, что обѣщалъ Эднѣи, воздержался, и сказалъ только:

— Ваша воля, батюшка!

«А! моя воля!» закричалъ Бёмель, взбѣшенный хладнокровіемъ сына. «А чѣмъ же вы будете жить? Ужь не музыкой ли, не золотыми ли арфами?..»

— Батюшка!

«Что жъ вы думаете, я слѣпъ, что ли? Я не понимаю вашей музыки съ вашею мамзель Эднѣю?»

— Батюшка, прошу васъ не говорить такъ о г-жѣ Фальзенъ.

«Это что такое? Вы, кажется, хотите заставить меня молчать?»

— Я не заставляю васъ молчать; но отецъ можетъ принять добрый совѣтъ даже отъ сына, и вы сами унижаете себя въ своихъ глазахъ, говоря о г-жѣ Фальзенъ такъ, какъ сейчасъ говорили.

«А! такъ вы сдѣлались уже настоящимъ рыцаремъ любви?»

— Какія бы ни были мои чувства, батюшка, отвѣчалъ молодой

человѣкъ съ нѣкоторою горячностію: они касаются только меня одного, и никому нѣтъ до нихъ дѣла. Но я былъ ласково принятъ г. Фальзеномъ и его дочерью, и потому былъ бы неблагодарнымъ, еслибъ сталъ равнодушно сносить, когда имена ихъ провозносятъ при мнѣ безъ уваженія. Я никогда не снесу этого!

«Вы не снесете!» воскликнулъ г. Бёмель съ дрожющими губами.

Мать, испуганная приготовлявшеюся сценою, встала и, взявъ мужа за руку, сказала: «Другъ мой!... мой милый другъ!...»

«Еще разъ говорю вамъ, молчите, сударыня!» И Бёмель насильно заставилъ ее сѣсть.

Она упала на стулъ.

«Вы не снесете?... А если я хочу говорить что думаю? если я хочу говорить о вашей смѣшной страсти такъ, какъ мнѣ вздумается—что же вы сдѣлаете мнѣ, сударь?»

— Такъ-какъ я у васъ въ домъ, батюшка, и не могу вамъ приказывать, то выйду отсюда и не возвращусь болѣе.

«Вы уйдете!»

— «Другъ мой!» повторяла мать.

«Оставьте насъ, сударыня!»

Мать не рѣшалась выйдти.

«Да оставьте же насъ, говорятъ вамъ!» И онъ схватилъ ее за руку, чтобы выбросить въ сосѣднюю комнату. Увидѣвъ это, Алойсъ бросился къ нему и, не съ насиліемъ юности, но съ силою мужа воскликнулъ: — Я запрещаю вамъ трогать мать мою!

Г. Бёмель, стоявшій возлѣ дверей, уже вытолкнулъ несчастную женщину, и когда Алойсъ бросился-было за нею въ слѣдъ, онъ сталъ передъ нимъ.

«Вы не уйдете, пока я всего не выскажу,—и вы выслушаете меня!»

— Хорошо же! возразилъ молодой человѣкъ, раздраженный оскорбленіемъ, сдѣланнымъ его матери: хорошо! Вы такъ е меня выслушаете!

Они стояли другъ передъ другомъ, блѣдые, трепещущіе отъ гнѣва.

Отецъ началъ: «Чѣмъ были вы для меня всю жизнь вашу? Бременемъ!»

— А вы, чѣмъ были вы для меня? Палачомъ!

«Палачомъ! А кто же вскормилъ, кто воспиталъ васъ?»

— Вы дали мнѣ хлѣба, это правда; но развѣ отецъ обязанъ толь-

ко кормить сына? Имѣлъ ли я отъ васъ хоть одно доказательство вашей нѣжности? Любите ли вы меня?

«За что мнѣ любить васъ? Какими удовольствіями обязанъ я вамъ? Для кого истощилъ я всѣ свои доходы? Для васъ! Кто довершилъ мою погибель? Вы!»

— Кто лишилъ меня разсудка? Вы! .

«Скажите лучше—ваша гордость!»

— О, вы не вѣрите этому! Нѣтъ, вы, вы писали ко мнѣ, когда работа убивала меня: «работай!»... Вы твердили мнѣ, когда мозгъ мой разрывался: «работай!»... Вы поступили ужасно, ужасно, не какъ добрый отецъ!

«Да что же вы-то за сынъ? Двадцати-двухъ лѣтній сынъ составляетъ гордость отца.»

— Отецъ, когда сынъ его взнемогаетъ, служить ему подпороку.

«Вы, вы—ничто! вы не будете ничѣмъ! Присутствіе ваше унижаетъ, тяготитъ меня!»

— Оно не будетъ долго тяготитъ васъ.

И Алоисъ снова порывался выйдти; но отецъ, удерживая его, кричалъ ему подъ ухо: «Я стыжусь васъ, какъ посрамленія своего!»

— Такъ пустите же меня прочь! говорилъ молодой человѣкъ, освобождаясь.

«Да, я стыжусь васъ, потому-что всѣ удаляются отъ васъ съ презрѣніемъ.»

— О, это низко!

«И вы думаете» продолжалъ отецъ съ жестокою радостью человѣка, который нашелъ живую рану: «вы думаете, что ваша мамзель Фальзенъ любить васъ?»

— Батюшка! надъ этимъ нельзя ругаться!

«Вы уже воображаете себя ея мужемъ?»

— Замолчите! умоляю васъ, замолчите!

«Такъ вы, стало-быть, не знаете, что такимъ человѣкомъ, какъ вы, можно позабавиться, но за такихъ людей замужъ не выходятъ!»

— Боже! не-уже-ли я долженъ выносить все это?

«И когда вы пойдете просить у г. Фальзена руки его дочери, онъ расхохочется и прогонитъ васъ отъ себя.»

— Да! воскликнулъ молодой человѣкъ: если г. Фальзенъ и откажетъ мнѣ, то не потому только, что я былъ сумасшедшимъ; сумасшествіе мое еще не самое черное пятно въ нашемъ семействѣ;

При этомъ словѣ, г. Бёмель воскликнулъ въ полномъ бѣшенствѣ:

«Договаривай, договаривай, мальчишка! Упрекай меня, что я банкротъ! укоряй меня въ безчестіи нашего имени! Вотъ мой отвѣтъ!...»

И онъ ударилъ сына въ щеку.

Алойсъ вскочилъ подъ ударомъ, и рука его подвлялась; но, опустивъ ее вдругъ, и схвативъ съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ спинку кресель, вскричалъ:—Матушка! матушка!

«Вотъ награда, которую ты заслуживаешь!» кричалъ г. Бёмель.

— Матушка! повторялъ молодой человекъ, прильнувъ къ кресламъ, такъ-что готовъ былъ сломать ихъ: — матушка!

«Ты зовешь мать къ себѣ на помощь?»

— Нѣтъ! отвѣчалъ Алойсъ:—на помощь вамъ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошла мать, или, скорѣе, статуя: такъ блѣдна была она; это была—покойница.

Алойсъ бросился къ ней:—Матушка! скажите этому человеку, чтобъ онъ пощадилъ васъ; еслибъ васъ тутъ не было, я заилатилъ бы ему за оскорбленіе оскорбленіемъ!

«А я... я убилъ бы тебя!» сказалъ г. Бёмель, схвативъ ножъ.

Мать упала безъ памяти между ихъ обояхъ.

—Довольно одной этой жертвы! сказалъ ему Алойсъ, указывая на лежавшую г-жу Бёмель. Схвативъ ее на руки, онъ понесъ ее какъ-бы защищая отъ отца: эта защита была новымъ для него оскорбленіемъ.

Х.

Алойсъ вышелъ изъ дома отца, и хотя въ немъ было болѣе вспыльчивости, нежели твердости, однакожь не возвращался. Г. Бёмель сдѣлался еще грубѣе, чѣмъ бываетъ обыкновенно съ людьми жестокосердыми, когда они чувствуютъ, что виноваты. Мать просидѣла всю ночь въ ожиданіи своего сына, но напрасно.

На другой день, г. Бёмель пришелъ къ г. Фальзену въ обыкновенный часъ, но одианъ. Эдиенъ ищетъ Алойса, и удивленная, что не видитъ его, подходитъ къ Бёмелю и простодушно спрашиваетъ:

— Развѣ г-жа Бёмель не прійдетъ?

«Нѣтъ» отвѣчалъ онъ сурово: «она нездорова.»

— «И Алойсъ вѣрно остался съ нею?» сказалъ г. Фальзенъ.

«Нѣтъ.»

— Не болѣвъ ли онъ также? спросила Эдиенъ.

«Нѣтъ.»

— Увидимъ мы его сегодня вечеромъ?

«Не думаю.»

Грубость Бёмеля не удивила г. Фальзена, но возбудила нѣкоторыя опасенія въ душѣ Эдион.

— Впрочемъ, о чемъ тутъ тревожиться! подумала она: я увижу его завтра утромъ.

Проходить утро, проходить день,—Алойса нѣтъ. Вечеромъ приходятъ г-жа и г. Бёмель, но все-таки безъ него. Опасенія Эдион усиливаются. Она замѣчаетъ, что г-жа Бёмель встревожена и подходитъ къ ней.

«Видѣли вы его?» сказала ей старушка тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ.

«Боже мой!»

— «Подойдите сюда, г-жа Бёмель, и посоветуйте мнѣ: съ чего ходить; я думаю, козырять» сказалъ г. Бёмель боявшійся ея откровенности.

Бѣдная мать поспѣшно встала и оставила Эдионъ въ ужасномъ безпокойствѣ.

На другой день Эдионъ отправилась къ ней.

— Скажите, Бога ради, что такое случилось?

«Какъ? вы его не видали?»

— Нѣтъ.

«Онъ уѣхалъ! уѣхалъ три дня тому назадъ, и я не знаю гдѣ онъ!»

— Боже! Что вы говорите? Зачѣмъ же онъ уѣхалъ?

«Ссора съ его отцомъ за... сказать ли вамъ, моя любезная г-жа Эдионъ? ... за васъ.»

— За меня?

«Да! Это неблагодарный отецъ! онъ не хочетъ знать спасительницу его сына!»

— Ссора! ссора!... повторяла молодая дѣвушка встревоженная.

«И вотъ, послѣ нѣсколькихъ словъ, немного жесткихъ, Алойсъ запретилъ своему отцу произносить ваше имя; отецъ разгорчился, сталъ попрекать его хлѣбомъ, который онъ ѣстъ у него, проклиналъ день его рожденія, называлъ позоромъ его существованіе, и наконецъ ударилъ его по щекѣ!»

— Ударилъ! ударилъ Алойса?

«Да» отвѣчала старушка рыдая: «да, я сама видѣла это! И Богу угодно было, чтобы я, по своей преждевременной дряхлости, не

могла защитить его; я безъ чувствъ упала къ ногамъ ихъ. Когда же очнулась, моего несчастнаго сына уже не было: онъ уѣхалъ, уѣхалъ, и можетъ-быть, никогда не возвратится!»

— Боже, Боже мой!... тихо произносила молодая дѣвушка, и скорбь матери перелилась въ ея сердце. Съ минуту стояли эти двѣ женщины одна возлѣ другой, не говоря ни слова, не подавая другъ другу руки, и какъ-бы утонувшія въ глубинѣ своей горести; но вскорѣ, испуганныя своими опасеніями, возраставшими отъ молчанія, онѣ быстро приблизились другъ къ другу, и тогда началась между ими одна изъ тѣхъ сценъ трогательнаго притворства, гдѣ отчаяніе, обманывая себя-самого, ищетъ опоры въ подаваемыхъ имъ утѣшеніяхъ, и старается успокоить себя, успокоивая другихъ.

Эдиовъ начала прерывистымъ голосомъ:

— Я думаю... я думаю... любезная г-жа Бёмель, что вы напрасно такъ сильно беспокоитесь.

«Нѣтъ, я думаю, что вы, милое дитя мое» возразила старушка, дрожащая всѣми членами; «вы тревожитесь болѣе, чѣмъ бы должно было.»

— Мысль, что я была причиною этой ссоры, сначала поразила меня немного, но теперь... когда я подумаю объ этомъ хорошенько...

«Не правда ли?... Если поразсудить объ этомъ какъ слѣдуетъ...»

— Что онъ уѣхалъ отсюда — это очень естественно... Порывъ справедливаго негодованія... Не плачьте такъ, любезная г-жа Бёмель.

«Нѣтъ, я не плачу!... Онъ часто бывалъ въ отсутствіи болѣе трехъ дней... Успокойтесь, милая моя Эдиовъ.»

— Что можетъ случиться съ нимъ?... Ничего!

«Точно; ну что можетъ случиться?»

— Впрочемъ, онъ вѣроятно придетъ завтра.

«Можетъ-быть, даже сегодня вечеромъ.»

— Пока вы такъ беспокоитесь о немъ, кто знаетъ, онъ можетъ быть уже вдетъ сюда?...

«Не пошелъ ли онъ сперва къ вашему батюшкѣ, и не ждетъ ли васъ тамъ?»

— Ахъ, я объ этомъ и не подумала!... Я совершенно счастлива, что видѣла васъ, любезная г-жа Бёмель, и теперь спокойна.

«И я, я также надвюсь... какъ вы же... Я не боюсь... болѣе ничего..»

При этихъ словахъ обв несчастныя, задыхаясь отъ рыданій и заливаясь слезами, бросились другъ другу въ объятія, восклицая: «что съ нимъ? что съ нимъ?»

— Три дня! снова заговорила Эднѣ: и ни слова о немъ!

«Онъ такъ гордъ, такъ вспыльчивъ, и вынести такое оскорбленіе!»

— У него голова такъ горяча и такъ еще слаба, и вдругъ такое отчаяніе!

«Вы не знаете его, милая моя Эднѣ; годъ тому назадъ, онъ съ гнѣвомъ хотѣлъ убить себя!»

— А въ нашихъ горахъ такъ много случаевъ къ самоубійству!

«О, какая ужасная мысль!»

— Посылали вы въ Баньеръ?

«Никто тамъ не видалъ его!»

— И онъ не оставилъ записки, не написалъ ни одного слова?

«Ничего!»

— Боже мой! Боже мой!...

«Эднѣ! Эднѣ, я мать его!»

— А я — я сестра его!

Въ эту минуту подходилъ къ нимъ г. Бемель.

— Я не хочу видѣть этого человѣка! воскликнула Эднѣ: прощайте. Только-что возвратится онъ, вы дадите мнѣ знать, не правда ли?

Эднѣ послѣпшно удалилась. Безпокойство ея было невыразимо; вся ночь протекла въ страшныхъ грѣзахъ. То видѣлось ей, что Алойсъ вошелъ къ ней въ комнату съ пистолетомъ въ рукѣ, и представилъ пистолетъ себѣ ко лбу; то видѣла она его на краю бездны; онъ уже стремился внизъ, а она была на другомъ краю бездны, хотѣла позвать его, хотѣла закричать ему: «постой!» но слова замирали на устахъ ея, и она просыпалась, дрожа отъ страха. Потомъ опять она видѣла, что онъ блуждалъ среди необозримой равнины, какъ король Лиръ, во время страшной грозы, при трескѣ грома и блескѣ молніи; онъ снова лишился разсудка, и на лицѣ его, по которому струились потоки дождя, выражался смѣхъ безумія.

— Я, говорила она: я причину всего этого! Чтобъ защитить меня, онъ можетъ-быть уже умеръ!... Она представляла его себѣ уже мертвымъ, и не подумала, что сынъ никогда не лишитъ себя жизни отъ оскорбленія, нанесеннаго ему отцомъ; что опасеніе ея

были неосновательны, что онъ возвратится. Но, Боже мой! развѣ отчаяніе можетъ обдумывать все это? Несчастная бродила по своей комнатѣ, безпрерывно восклицая: «Алойсъ! Алойсъ!» Десять дней прошли въ этомъ смертельномъ безпокойствѣ, и эти десять дней превратили ея любовь, и безъ того уже глубокою, въ страсть пламенную.

На десятый день, около четырехъ часовъ послѣ обѣда, г. Фалькенъ отправился верхомъ въ Баньеръ; Эднѣ отпустила слугъ своихъ на праздникъ въ сосѣдную деревню, а сама отправилась опять въ свою комнату, въ эту комнату, куда, наканунѣ крестинъ, проникли взоры Алойса, и, сидя на балконѣ, съ какою-то безчувственностью глядѣла на горы, которыя, можетъ-быть, сдѣлались его могилою. Вдругъ слышать легкій шорохъ... оборачивается... и видитъ Алойса!... Блѣдный, съ опустившимися руками, онъ падаетъ въ кресла.

— Это вы! воскликнула она: вы наконецъ!... О! я сей-часъ напишу вашей матушкѣ! — И она написала г-жѣ Бемель: *онъ здѣсь*.

Потомъ опять подбѣжала къ нему:

— Ахъ, что вы сдѣлали?... гдѣ были вы въ теченіе этихъ десяти дней? Вы не подумали о всѣхъ, кому вы дѣроги!.. Но вдругъ она остановилась и, взглянувъ на него, громко вскрикнула: она сдѣла узнала его! Глубоко-впавшіе глаза его сверкали страннымъ огнемъ; на челѣ лежала та печать отверженія, которая сильно испугала Эднѣ, когда она увидѣла его въ первый разъ; восемь дней сдѣлали изъ него настоящее привидѣніе.

— Боже мой, воскликнула она: вы очень страдали!

«Горе вамъ» отвѣчалъ юноша съ какимъ-то самозабвеніемъ: «горе вамъ, возвратившимъ меня къ жизни! вамъ, сказавшимъ мнѣ: «будь счастливъ!» Безъ васъ, я лишился бы себя жизни годъ тому назадъ! Горе, горе вамъ!»

— О, браните меня, проклинайте! Что вужды! вы живы!

«Я живъ!... живъ, говорите вы?»

— Но что случилось, Алойсъ?

«Что случилось!... Тѣ, что мнѣ остается только умереть отъ стыда и голода; тѣ, что тѣ, которые вѣруютъ въ Бога и любятъ меня, должны молить у него одной милости—возвратить мнѣ прошлое сумасшествіе!»

Губы его были сухи, лобъ покрытъ холоднымъ потомъ. Эднѣ почти боялась его.

«Да, сумасшествіе, а снова прошу, зову его! По-крайней-мѣрѣ,

сумасшедшій ничего не знаетъ, сумасшедшій ничего не чувствуетъ, сумасшедшій счастливъ!»

— Ахъ! ради Бога, откройте мнѣ все.

«О, Эдиень!» воскликнулъ молодой человѣкъ, переходя вдругъ отъ бѣшенства къ слезамъ: «Эдиень, помогите мнѣ! Возьмите,— вотъ вамъ сердце мое; глядите и читайте! Вы знаете, что отецъ мой...»

— Да, я знаю, что отецъ оскорбилъ васъ, ударилъ васъ; знаю также, что вы не оплатили за оскорбленіе оскорбленіемъ, что я горжусь вами, что я люблю васъ!

«Это еще ничего, что я былъ выгнанъ какъ нищій, прибѣгъ какъ невольникъ!.. Възбѣшенный этимъ оскорбленіемъ, я убѣжалъ изъ дома, поклявшись никогда не возвращаться; бѣгу въ Баньеръ, прихожу къ знакомому мнѣ банкиру, и, почти бросаюсь къ нему въ ноги, забывъ стыдъ, забывъ все: «мнѣ нѣчѣмъ жить»... восклицаю я: «дайте мнѣ мѣсто!... какое хотите, все-равно; но только дайте мнѣ работы! дайте кусокъ хлѣба!»... И чтѣ же отвѣчалъ онъ мнѣ?»

— Чтѣ?

«Онъ отвѣчалъ двусмысленными словами, языкомъ ложнаго состраданія, что не можетъ принять меня къ себѣ на службу... потому-что я былъ сумасшедшимъ!»

— О, какъ жестоки люди!

«А! есть человѣкъ, который жесточе всѣхъ людей!.. Первое движеніе мое была ярость и отчаяніе; но я подумалъ о васъ, и снова ободрился. Я пошелъ къ купцу, который зналъ меня съ самаго дѣтства; рассказалъ ему все, все, даже отказъ, который получилъ сей-часъ; мое несчастіе тронуло его, онъ привялъ меня и опредѣлилъ къ себѣ въ контору... Какъ счастливъ былъ я въ первые дни! Работа моя давала мнѣ хлѣбъ! Но третьяго-дня ночью, я вдругъ почувствовалъ тутъ, тутъ, въ головѣ, боль, которую знаю очень-хорошо. Чтобы разсѣять страхъ свой, я сѣлъ работать... ужасная боль увеличивается; я борюсь еще нѣсколько времени; но все чувствую эту нестерпимую, свинцовую тяжесть. Мысли мои мѣшаются, голова клонится, и сегодня утромъ я принужденъ былъ сказать своему благодѣтелю, что оставляю его, потому-что не могу занимать этого мѣста: не могу... слышите ли вы: не могу!»

Молодой человѣкъ произнесъ эти послѣднія слова съ столь ужасною горестью, что Эдиень была погружена съ минуту въ такое же отчаяніе, какъ и онъ; но потомъ тихо, осторожно сѣла возлѣ него и трогательнымъ голосомъ сказала:

— Какъ вы несчастны, мой бѣдный другъ! Слѣдте поближе ко мнѣ, еще ближе; дайте мнѣ вашу руку... Ну! скажите, развѣ это ничего не значить; когда въ несчастіи можешь пожать руку вѣрную, нѣжную?... Вы не отвѣчаете? Другъ мой, другъ мой! такое отчаяніе есть уже несправедливость! Ничего не можетъ быть проще того, что съ вами случилось! Вѣдь надо же выздоравливать послѣ болѣзни, необходимо быть слабымъ при выздоравливаніи. Если бы, годъ тому назадъ, вамъ сказали, что вы будете тѣмъ, что теперь, вамъ не доставало бы словъ выразить свою радость и благодарность; а теперь лишь только преждевременная работа васъ на-минуту ослабила, лишь только, утомленные еще сильнымъ душевнымъ волненіемъ, вы были слишкомъ-слабы для трудной работы, теперь вы предаетесь отчаянію, забывая все, и Бога, васъ спасаго, и тѣхъ, которые васъ любятъ, и раздирая нмъ сердце своими слезами. Алойсь, хорошо ли это?

«Я опять схожу съ ума!» возразилъ Алойсь, не отвѣчая на вопросъ.

— Сила вашей горести уничтожаетъ эти опасенія.

«Развѣ лихорадочный румянецъ есть цвѣтъ здоровья? Говорю вамъ: я схожу съ ума!... Что дѣлать? Безъ приюта, безъ хлѣба, безъ средствъ выработать его!... У меня достанетъ разсудка, чтобы страдать, но не достанетъ на то, чтобы мыслить!... Еслибы я зналъ по-крайней-мѣрѣ какое-нибудь ремесло, я пошелъ бы въ работники; но я ничего не знаю! Если бы у меня были силы и мощныя руки, я сдѣлался бы рабочимъ; но я не могу ничего дѣлать! И такимъ образомъ проживу, быть-можетъ, цѣлые пол-вѣка!... Я выкидышь, нѣчто между живымъ и мертвымъ существомъ, скорѣе вещь, чѣмъ существо!»

— А талантъ вашъ?

«Мой талантъ? Развѣ у меня есть талантъ? Развѣ есть музыка? развѣ есть что-нибудь на свѣтѣ?»

— Не говорите этимъ угрюмымъ голосомъ, который страшитъ меня; я желала бы видѣть васъ плачущимъ; скрывая въ себѣ горе, вы, вѣроятно, еще болѣе страдаете.

«Не бойтесь, оно не убьетъ меня!»

— Алойсь, ободритесь! Я прошу васъ объ этомъ; васъ просить Эдионъ, которую вы называете добрымъ своимъ ангеломъ, своего утѣшительницею.

«Есть горести, которымъ нѣтъ утѣшеній, противъ которыхъ нѣтъ средствъ.»

— Бывало, мой голосъ успокоивалъ васъ; бывало, когда я скажу вамъ: «братъ мой», вы переставали страдать. Такъ я болѣе ничто для васъ? такъ вы болѣе не слушаетесь меня?

«О, нѣтъ, я слушаюсь васъ, я люблю васъ! Но у меня только и есть силы для-того, чтобъ страдать!»

— Мы не похожи другъ на друга; я, хотя бы и была покинута всѣми, хотя бы всѣ несчастія обременили меня, я не назвала бы себя несчастною, если бы вы были всегда со мною.

«Не говорите мнѣ о любви нашей! наша любовь—ужаснѣйшее изъ всѣхъ мученій. Вы никогда не будете моею!»

— Буду, клянусь вамъ! Я бѣгу къ отцу моему: онъ любитъ меня, онъ согласится!

«Но я, я откажусь отъ васъ. Довольно ужé и того, что я несчастнѣйшій изъ всѣхъ людей: я не хочу быть еще и подлецомъ! Нѣтъ, бѣдное созданіе! въ награду за твою страстную любовь я не обреку тебя на такія ужасныя страданія, не окую жизни твоей тяжкими цѣпами, не соединю жизни такого прелестнаго, такого юнаго существа съ жизнію сумасшедшаго!... Не-уже-ли вы почтили меня такимъ неблагодарнымъ?»

—А если я полагаю въ этомъ все мое счастье? если именно ваше несчастіе и привязываетъ меня къ вамъ? Не за него ли любила я васъ? Такъ за него же и хочу быть вашею женою. Я буду гордиться этимъ названіемъ, съ восторгомъ покорюсь судьбѣ своей и не пожелаю на землѣ другаго рая!

«Никогда! нѣтъ! Я изгнанникъ, парія!»

—Алойсь!

«Отверженный небомъ!»

—Я буду молить за васъ небо.

«Отверженный моимъ отцомъ!»

—Я буду любить васъ за него, за мать вашу, за всѣхъ на свѣтѣ.

«Нѣтъ, я уѣду; прощайте!»

—Останьтесь для меня,—для меня!

«Прощайте!»

Онъ вырывался отъ Эдвен; но она насильно удерживала его, и, прильнувъ къ нему, сказала:

—Алойсь, вы замышляете что-то ужасное!

«Такъ что же? Обо мнѣ вѣкому будетъ жалѣть!»

—Несчастный! А я?

«Вы!... Вы сдѣлаете то же, что и другіе: вы забудете обо мнѣ!»

И онъ удалялся полный отчаянія.

—Боже мой! говорила она: что мнѣ дѣлать? ни одного утѣшенія не могу я доставить ему ...

Не помня сама себя, она готова была лишиться разсудка; чувствовала, что что-то готово разорваться въ сердцахъ ея, она задыхалась, — какъ вдругъ, по одному изъ тѣхъ внезапныхъ внушеній, которыя являются къ намъ въ рѣшительныя минуты, она вспомнила слова Алойса: *вы могли бы сдѣлать меня счастливымъ!* Она взяла его за руку и, сама не понимая, что хочетъ говорить, прерывистымъ голосомъ сказала:

—Алойсъ, вы говаривали мнѣ нѣсколько разъ, что для счастья вашего чего-то не достаетъ; что... что вы могли бы быть счастливы чрезъ меня: что это значимо?... О, говорите, говорите, что вамъ нужно?...

Сказавъ эти слова, она бросилась къ нему на шею. Молодой человекъ вскрикиваетъ, рыданія его останавливаются.

«Что говорите вы?»

—Я говорю, что не хочу видѣть васъ плачущимъ...

И она беретъ обѣими руками эту драгоценную для нея голову, прислоняетъ ее къ своей груди, обвиняетъ, какъ будто для-того, чтобы защитить ее, и съ невыразимою нѣжностію прижимая къ себѣ, тихо шепчетъ:

—Не страдай болѣе! не плачь!

Каждому изъ нихъ было не болѣе двадцати-двухъ лѣтъ.

XI.

Итакъ вотъ до чего, ведя отъ чувства къ чувству, отъ поступка къ поступку, довело наконецъ Эднѣ состраданіе! Если бы Алойсъ былъ молодъ, хорошъ собою, любимъ всѣми, онъ никогда не внушилъ бы ей такого самозабвенія; но онъ страдалъ невыразимо, онъ былъ въ отчаяніи, и ему не нужно было употреблять никакихъ другихъ обольщеній.

Съ этого дня она какъ-будто навскла на себя то проклятіе, которое тяготѣло надъ Алойсомъ: съ этого дня все переѣнилось для него... Посмотрите на яблоню въ послѣднихъ числахъ апрѣля: какъ она черна, печальна; какъ мрачны ея длинныя, голыя вѣтви,—она кажется мертвою. Посмотрите черезъ недѣлю: она бѣлая, розова, зелена, жива; листья и цвѣты—все распустилось вдругъ. Такова была и участь Алойса! Г. Фальзенъ сначала устроилъ между отцомъ и сыномъ хотя несовершенно при-

мирение, то по-крайней-мѣрѣ сближеніе; потомъ уговорилъ г. Бёмеля принять на себя управленіе однимъ важнымъ заводомъ въ Баньерѣ, и, чтобы склонить этого гордеца къ принятію такого мѣста, представилъ ему получаемое имъ благодѣяніе одолженіемъ, которое онъ будто-бы окажетъ другимъ. Наконецъ, по злннтіямъ своимъ, г. Бёмель долженъ былъ поселиться въ Баньерѣ, и это обстоятельство, оторвавъ Алойса отъ его изолированной жизни, окончательно разсѣяло его безпокойную недоувѣрчивость, обыкновенно порождаемую одиночествомъ, и порядокъ, благодѣтельный порядокъ, этотъ неизсякаемый источникъ всякаго счастья и всего прекраснаго, вскорѣ возстановился въ его жизни.

Люди, имѣющіе одну общую страсть, такъ-сказать, отгадываютъ другъ друга; они узнаютъ одинъ другаго, никогда невидавшись, и составляютъ свой особенный кругъ. Алойсъ только-что пріѣхалъ въ Баньерѣ, тотчасъ сблизился со всѣми музыкантами этого города, и превосходство его передъ ними немедленно покорило его власти умы и волю другихъ; онъ устраивалъ концерты, дирижировалъ ими, и вносилъ въ эти собранія жизнь и одушевленіе, которыя сопутствуютъ вдохновенному челювѣку вездѣ, гдѣ бы онъ ни появлялся, онъ наконецъ сосредоточилъ на себѣ вниманіе всего Баньера.

Каковѣ же должна быть радость Эдионъ!

Но, увы! эта радость была не безъ скрытной печали. Я зналъ одну мать, которая вотъ что сказала мнѣ: «Въ первый разъ, когда я увидѣла, что мой ребенокъ, сидѣвшій у меня на колѣняхъ, началъ рваться отъ меня, дѣлалъ усилія, чтобы самому двигаться, самому сдѣлать первый шагъ, я заплакала отъ горя и отъ радости: съ этой минуты онъ могъ уже обходиться безъ меня!» Что-то подобное этой прелественной материнской ревности взволновало душу молодой дѣвушки, когда замѣтила она, что Алойсъ рвется на свободу. Она этой только награды просила себѣ у неба: это было ея дѣло, ея единственная мечта въ-продолженіе трехъ лѣтъ; но эта мечта, однажды осуществившаяся, дѣлалась для нея страданіемъ. Бѣдное сердце челювѣческое!...

Между-тѣмъ настало время леченія минеральными водами. Въ Баньерѣ пріѣхала цѣлая труппа отличныхъ музыкантовъ изъ Тулузы; Алойсу сдѣлано предложеніе разыграть его симфонію, и онъ согласился.

Въ наше время, одинъ знаменитый композиторъ перевелъ на музыку, подъ названіемъ «Фантастической Симфоніи», исторію

страсти глубокой и ужасной. Сходный въ этомъ со всеми великими композиторами: Бетховеномъ, Гайдномъ, Веберомъ, которые употребляли свойственный имъ языкъ—гармонію для изображенія своихъ чувствованій, даже происшествій своей жизни, и которыхъ великія музыкальныя творенія могутъ быть почти такъ же разсказаны, какъ стихотворная поэма,—Алойсъ также вмѣстилъ въ свою симфонію всю свою душу: пѣсни, сочиненныя имъ въ сумасшествіи, служили ему тѣмъ музыкальною, его бѣдствіемъ — тѣмъ поэтическою. Представительница его любви и еграданій, симфонія раздѣлялась, какъ и жизнь его, на четыре главныя части; каждая часть представляла одинъ изъ фазовъ этой жизни. Первая часть изображала его безуміе: она была мрачна, тревожна, дика; вступленіемъ выздоровленія, вторая часть отличалась меланхолическою прелестію; тутъ Алойсъ выразилъ все: возвращеніе его къ жизни, сердце, открывающееся для любви, землю, возраждающуюся отъ майскаго воздуха, весну природы, весну любви и наслажденій. Мѣстами, среди этого унылаго пѣнія, раздавались, исчезали и снова звучали аккорды золотой арфы, прелестныя воспоминанія перваго разговора его съ Эдиною! Въ третьей части еще болѣе индивидуальности: безуміе его, такъ сказать, побѣждено Эдиною, въ день крестинъ; онъ старался выразить эту борьбу между его злымъ и добрымъ геніями; онъ возродилъ свою тоску, свою ярость въ ссорѣ съ отцомъ, свое безнадежное томленіе при возвращеніи сумасшествія—до того дня, когда Эдиноя бросила на вѣсы честь свою для спасенія того, кого такъ страстно любила; и тутъ, вдохновенный воспоминаніемъ, онъ изложилъ въ пѣніи всю прелесть самопожертвованія молодой дѣвушки... На этомъ мѣстѣ оставалась его жизнь, но его симфонія не кончилась,—оставалась еще четвертая часть. Благоговѣнный гимнъ признательности должеиъ былъ составить естественное заключеніе этой горестной музыкальной исторіи; но по капризу ли композитора, по безсилію ли его выразить столько счастья, или по вѣнзълсной прелести, которую юное воображеніе находитъ обыкновенно въ печальныхъ мысляхъ и которая происходитъ отъ малой опытности его въ печаляхъ, Алойсъ кончилъ свою симфонію погребальнымъ пѣніемъ, какъ-будто Эдиноя или онъ умерли; и это твореніе, полное любви и страсти, затихало въ грустной гармоніи погребальнаго марша.

Въ день концерта, биньерскій театръ наполнился многочисленною толпою слушателей; композиторъ и произведеніе его возбу-

дали всеобщее любопытство; всѣ повторяли разсказъ о несчастьяхъ Алойса, прибавляя къ нему тысячу небывалыхъ приключеній; все это придавало ему таинственную занимательность. Эта симфонія, говорили многіе: была произведеніемъ его фантазіи во время припадковъ сумасшествія, тогда-какъ онъ вовсе не зналъ первыхъ началъ музыки; безуміе было его наставникомъ; пришедъ въ себя, онъ нашелъ свое чудное твореніе, котораго не создавалъ, котораго не узнавалъ, и пр. и пр.

Едва Эдвѣ вошла въ залу, какъ вдругъ какое-то очарованіе овладѣло ею; замѣшательство ея придавало всему, что происходило вокругъ, какой-то новый видъ. Этотъ театръ, наполнявшійся мало по-малу зрителями; музыканты, настроившіе свои инструменты; люпитры, принесенные на сцену; артисты, входившіе одинъ за другимъ и садившіеся по своимъ мѣстамъ; имя Алойса, произносимое въ сосѣднихъ ложахъ, — все становилось для нея предметомъ неодолимаго волненія. Въ восемь часовъ, въ углубленіи сцены, отворилась маленькая дверь, и взорамъ всѣхъ представился молодой человекъ, одѣтый съ головы до ногъ въ черное. *Вотъ онъ! вотъ онъ!* раздалось по всему театру. И дѣйствительно, это былъ онъ. Онъ былъ такъ прекрасенъ, казался такъ молодъ, его худощавый станъ и блѣдность, еще болѣе увеличившаяся отъ множества огней, придавали ему такой грустный видъ, что, при появленіи его, шопотъ участія пробѣжалъ по всей залѣ. Онъ подошелъ къ рампѣ и поклонился — повсюду, раздались рукоплесканія. Эдвѣ дрожала отъ радости и страха; но непонятное ощущеніе проскользнуло въ душѣ ея среди этого упоенія: она, такъ-сказать, не узнавала Алойса. Отдаленіе ли было тому причиною, или это происходило отъ-того, что человекъ, стоящій у рампы, не будучи даже обезображенъ бѣлилами и румянами, не играя никакой роли, кажется всегда не тѣмъ, чѣмъ онъ въ натурѣ, Богъ знаетъ, — только ей показалось, что молодой человекъ, котораго она видитъ на сценѣ, вовсе не тотъ Алойсъ, который любилъ ее; въ первый разъ почувствовала она, что онъ и она составляли два отдѣльныхъ существа. Алойсъ, съ своей стороны, чувствовалъ въ душѣ то, чего никогда въ ней не было. Всегдашній устроитель баньерскихъ концертовъ, онъ хотѣлъ теперь самъ дирижировать исполненіе своей симфоніи; но въ эту минуту, когда онъ подошелъ къ люпитру и взялъ въ руки палочку изъ чернаго дерева, когда увидѣлъ всю эту толпу, привлеченную его именемъ, всѣхъ этихъ музыкантовъ, которыхъ взоры были устремлены на него и кото-

ые ждали отъ него только одного движенія руки, чтобы повннотиться; когда онъ увидѣлъ себя одного, стоящимъ выше всѣхъ, гордость, гордость отца окватывала все его сердце; эта черная палочка показалась ему скиптромъ, онъ почувствовалъ себя царемъ!

Первая, и въ-особенности вторая часть симфоніи были выслушаны съ величайшимъ одобреніемъ; наивность и свѣжесть идей, истинное чувство, внушившее ихъ, все это исторгло изъ толпы крики сочувствія и громкіе аплодисмавы. Но Эдмундъ Эдмундъ все, что для другихъ было только музыкою и звукомъ, для нея было языкомъ. Порожденныя слезою или улыбкою, каждая изъ этихъ музыкальныхъ фразъ имѣла смыслъ, каждая нота была словомъ, каждое слово воспоминаніемъ; подъ этою гармоніею она слышала голосъ Алойса, который говорилъ ей: «Люблю тебя! люблю!» Она видѣла его тутъ плачущимъ, страждущимъ, вослѣщающимъ. Наконецъ, въ третьей части, когда, послѣ тревогъ борьбы, началось превосходное пѣніе, вдохновенное ея самопожертвованіемъ, когда Алойсъ, внезапно обративъ къ ней пламенные глаза свои, съ восторгомъ поднялъ руку, и казалось, говорилъ ей: «это твой подвигъ!»; когда, наконецъ, мелодія заблестала полнымъ своимъ свѣтомъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ раздались со всѣхъ сторонъ оглушительныя рукоплесканія, Эдмундъ, побѣжденная волнованными ее чувствами, едва успѣла спрятаться въ глубинѣ ложи, и залилась слезами... Четвертая часть возбудила еще большее удивленіе. Тутъ уже не толпа вознаграждала человѣка: тутъ одинъ человѣкъ влекъ за собою цѣлую толпу; въ одно время всѣ хотѣли и рукоплескать ему и слушать его; сдвинулись другъ на друга за перерывы, и безпрестанно прерывали его, пока наконецъ энтузіазмъ не разразился въ оглушительныхъ восклицаніяхъ еще прежде окончанія симфоніи.

Тогда для Алойса началось полное торжество: всѣ слушатели встали съ своихъ мѣстъ, всѣ головы высунулись изъ ложи; музыканты аплодировали на своихъ инструментахъ. Дрожащій, съ потемнѣвшимъ взоромъ, выступилъ онъ впередъ, чтобъ поклониться; но переломъ былъ слишкомъ ослѣпъ — онъ упалъ безъ чувствъ. Его вынесли; удивленіе и участіе удвоились: это были дни восклицанія и шопотъ; взоры всѣхъ устремились на маленькую дверь въ углубленіи, или слѣдовали за музыкантами, которые то уходили со сцены, то опять возвращались; ихъ громко спрашивали: «гдѣ же авторъ? автора!» По прошествіи нѣсколь-

кихъ минутъ, авторъ явился,—онъ явился, почти несомый на рукахъ, стараясь улыбнуться; но взоры его блуждали, онъ былъ ослабленъ, подавленъ, такъ-сказать, убитъ своимъ торжествомъ.

Эдмонъ, увидѣвъ его, подошла къ балюстрадаѣ ложи и взглянула на него съ безпокойствомъ; а онъ,—онъ бросилъ на нее взглядъ нѣсколько минутъ спустя послѣ доклада публикѣ, и то какъ-будто невзначай. Не-ужели онъ узналъ такіа ощущенія, которыя сильнѣе любви?...

ХІІ.

Венеціанскій узникъ, заключенный въ государственной темницѣ и шестнадцать лѣтъ не видавшій Божьяго свѣта, не былъ объятъ такимъ ослѣпительнымъ, тревожнымъ волненіемъ, увидѣвъ солнце, какъ Алойсъ, внезапно вырванный изъ своей неизвѣстности и брошенный въ это громкое торжество. Вчера онъ былъ только человѣкъ, нынче уже человѣкъ великій! Страсть, дремавшая въ глубинѣ души его, пробуждается; тщеславіе врывается въ его жизнь; искусство, жизнь, любовь,—все представляется ему въ новомъ видѣ.

Сочиня симфонію, онъ трудился надъ нею чистосердечно; онъ хотѣлъ только одного—чтобъ она была прекрасна, и далеко былъ отъ желанія, чтобы другіе восхищались ею; онъ былъ счастливъ съ своею музыкою, какъ мы бываемъ счастливы съ любимою женщиною, не нуждаясь въ томъ, чтобы посторонніе слышали наши восторженные рѣчи: теперь ему нужны обожатели, толпа! Онъ попробовалъ только запрещеннаго плода, и ужѣ алчетъ его! Тщеславіе Алойса не походило на тщеславіе другихъ, которыхъ легко удовлетворить и которые цѣлыми годами питаются отъ одного торжества и находятъ въ первомъ успѣхѣ право не искать другихъ успѣховъ: для него, ненасытнаго, нѣтъ ни прошедшаго, ни настоящаго, — есть только будущее. Что ему до вчерашней симфоніи? Она кончена; пора за вторую! Съ-тѣхъ-поръ, даже безъ его вѣдома, въ сердцѣ его произошелъ рѣшительный переворотъ, интересъ жизни его измѣнился: до-сихъ-поръ Эдмонъ и музыка составляли для него одно; музыка высказывала его страстные ощущенія, была языкомъ, которымъ онъ объяснялся съ Эдмоню; это была та же любовь, только въ другомъ видѣ. Теперь его художническая страсть отрывается отъ любви и принимаетъ отдельное существованіе; искусство теперь уже не утѣшитель, а властелинъ его, властелинъ, требующій отъ своего раба половину его суще-

ствованія, а тщеславіе, для поддержанія этого раба, кричатъ ему безпрестанно: «скорѣе новое твореніе! новый успѣхъ!» Наклонившись къ столу, Алойсъ проводитъ цѣлые дни въ этой жаркой умственной работѣ; требованія его увеличиваются по мѣрѣ удовлетворенія; и только ночь, застигающая его надъ бумагами, напоминаетъ ему, что десять часовъ, и что онъ не былъ еще въ этотъ день у Эдионъ; искусство, бывало, сокращавшее ему время до минуты свиданія съ Эдионью, теперь заставляетъ забывать о ней; можетъ-быть, онъ любитъ ее неменше прежняго, но уже не одну ее; въ первый разъ появилось въ душѣ его что-то такое, что не она, но что столько же любимо имъ, какъ и она.

Если въ жизни художника встрѣчается минута восторга и упоенія, это вѣрно та минута, когда онъ послѣ продолжительной и напрасной работы восклицаетъ наконецъ подобно Архимеду: «нашелъ! нашелъ!» Алойсъ былъ уже десять дней оставленъ въ своемъ новомъ сочиненіи непреодолимымъ препятствіемъ; мысль уже родилась въ немъ; онъ чувствовалъ ее, она была въ немъ, но скрывалась отъ него подъ какимъ-то покрываломъ: и всѣ его усилія приподнять покрывало окончивались однимъ безсильнымъ гнѣвомъ. Вдругъ, однажды утромъ, въ ту минуту, когда онъ ничего болѣе не надѣялся, «вотъ она!» воскликнулъ онъ; облако разсѣялось, и мелодія представилась ему чистою, свѣтлою, полною. Онъ садится за работу; голова его горитъ, онъ едва дышетъ; исписываетъ цѣлые листы; еще нѣсколько минутъ этой вдохновенной работы, и твореніе окончено; но кто-то стукнулъ въ дверь. — «Кто тамъ?» спросилъ онъ лростно.

Вошелъ крестьянинъ съ письмомъ въ рукахъ; это письмо отъ Эдионъ:

«Алойсъ, непреодолимая грусть тревожитъ меня сегодня, сама не знаю почему; мнѣ грустно и страшно! Приходите; мнѣ надо васъ видѣть; приходите какъ-можно-скорѣе, сей-часъ же.»

«Эдионъ» .

— Хорошо! отвѣчалъ Алойсъ: я иду въ-слѣдъ за тобою.

Оставшись одинъ, онъ не пошелъ тотчасъ же. Недвиженъ и безгласенъ, полный грустью и съ слезами на глазахъ смотрѣлъ онъ на начатую страницу. Оторваться отъ обожанной мысли, оставить ее и потерять на-вѣкъ! Грустная нервность выразилась во всехъ чертахъ его; онъ протянулъ даже руку къ перу, будто наиревался продолжать работу; но вдругъ вспомнилъ умоляющія слова Эдионъ, неблагодарность въ ужаснула его, и, стыдясь самого-се-

бя, онъ тотчасъ побѣжалъ къ молодой двѣушкѣ. Никогда страсть его не была такъ говорлива, никогда не слышно было отъ него столько словъ трогательныхъ и пламенныхъ; ему надо было любовью очистить второе отступничество, въ которомъ онъ хотѣлъ было положить на одни вѣсы печаль Эдиен и свое жалкое сочетание звуковъ; онъ тихо спрашивалъ у нея прощенія своими за-сками.

Эта легкая вина, которая казалась совершенно-исправленною, была неисправима; въ первый разъ любовь къ искусству осмѣлилась стать въ паралель съ его любовью къ Эдиен; предпочтеніе, оказанное имъ труду, существовало, правда, только одну минуту, но все-таки существовало: однажды зародившись, однажды запавъ въ нашу душу, чувство не умираетъ до-тѣхъ-поръ, пока не доживетъ до своего срока. Двѣ страсти въ одномъ и томъ же сердцѣ—два непримиримые врага, потому-что каждая изъ нихъ хочетъ всего. Сначала онъ идетъ довольно-спокойно другъ возлѣ друга, или слегка нападаютъ другъ на друга; но встрѣтится обстоятельство (а оно встрѣтится непременно), въ которомъ выгоды ихъ разъединяются, дѣлаются противоположными,—и вспыхиваетъ борьба, борьба страшная, гдѣ одна страсть погубить другую: младшая изъ нихъ должна побѣдить, потому-что она моложе, крѣпче.

Письмо, полученное Алойсомъ изъ Парижа, произвело этотъ переломъ.

«Помните ли вы, мой любезный г. Алойсъ, что въ вашемъ торговомъ домѣ у васъ былъ товарищемъ большой мальчикъ, дѣлательный, руминый, бѣлокурый, сильный, котораго обыкновенно считали нѣсколько самолюбивымъ и который выдумывалъ всегда огромныя предпріятія? Этотъ мальчикъ—я. Съ той минуты, какъ мы съ вами разстались, кончилось и знакомство наше; впрочемъ, мы и должны были раззнакомиться: вы имѣли воображеніе творческое, голову пылкую и сдѣлались артистомъ; я видѣлъ романизмъ въ положительномъ и сдѣлался спекулантомъ: вамъ слава, мнѣ деньги,—всякому свое. Нынѣ случай опять соединяетъ насъ, и на этотъ разъ, надѣюсь, для общаго нашего блага. Я могу быть вамъ полезенъ, вы мнѣ также нужны, и вотъ почему: мнѣ пришла мысль устроить большое музыкальное заведеніе на основаніяхъ совершенно-новыхъ; входитъ здѣсь въ подробности моего плана было бы неумѣстно, да и притомъ вы все увидите изъ посылаемой программы. Укажу вамъ безъ предисловій на два требованія, которыя наиболее до васъ

касаются: основной капитал собранъ, и я предлагаю вамъ званіе директора; я буду при заведеніи человѣкомъ *дѣловымъ*, вы — *талантомъ*. Вы могли бы удивиться, что я такъ далеко иду себѣ товарища, и услужливость моя могла бы заставить васъ усомниться въ добросовѣстности моего предпріятія, почему и спѣшу объясняться безъ обиняковъ: я подумалъ объ васъ не по дружбѣ къ вамъ,—здесь наберется десятокъ отличныхъ людей, съ которыми я гораздо дружже,—и не талантъ вашъ собственно заставилъ меня обратиться къ вамъ: я не слыхалъ вашей симфоніи и ничего не смыслю въ музыкѣ; нѣтъ, причиною этого... какъ-бы сказать?.. но въ дѣлахъ надо говорить ясно,—причиною этого—ваше прошлое сѣмасшествіе. Я не прошу у васъ извиненія въ моей откровенности; вы не можете думать, чтобы я хотѣлъ оскорбить васъ, потому-что я нуждаюсь въ васъ. Возвращаюсь къ дѣлу.

«Въ каждой спекуляціи надобно поразить публику съ самаго начала чѣмъ-нибудь новымъ, страннымъ; отъ этого зависитъ успѣхъ: ваше имя, слѣдственно, поставленное во главу нашего предпріятія, ручается за успѣхъ. Есть несчастія очень-счастливыя, и вы имѣете въ вашей прошлой болѣзни самое лучшее изъ несчастій. Вотъ мы, горемычные сочинители проектовъ, мы не въ состояніи сдѣлать ничего подобнаго! Въ Парижѣ только и рѣчи что о васъ; весь большой свѣтъ, возвратившійся съ баньерскихъ водъ, съ восторгомъ рассказываетъ о молодомъ челоѣкѣ, который достигъ гениальности путемъ безумія; приводятъ въ примѣръ Гретри, Маллебранша, у которыхъ умъ въ дѣтствѣ былъ чѣмъ-то скрытъ, и изъ которыхъ воспаление въ мозгу сдѣлало потѣмъ великихъ людей. Васъ зовутъ сюда все, хотя слышать ваше твореніе; чтобы имѣть успѣхъ, вамъ нуженъ только... талантъ. Пріѣзжайте же: приличное содержаніе, ценополненіе вашей симфоніи первыми артистами, почти вѣрный заказъ оперы,—вотъ что я предлагаю вамъ; обязательство мы заключимъ на три года, объ этомъ я прошу васъ. Если вы мнѣ откажете, это значитъ, что вамъ въ другомъ мѣстѣ сдѣлали предложенія болѣе выгодныя. Конечно, вы тогда имѣете полное право отказать мнѣ, и дай вамъ Богъ успѣха!

«Еще одно слово: не медлите пріѣздомъ; откладыватъ въ этомъ случаѣ значитъ все потерять.

«Жюль Фаваръ.»

Это письмо исторгаетъ Алойса изъ его самоневѣднія: все, что было въ этомъ письмѣ положительнаго, еще болѣе воспаляетъ

его воображеніе, дѣлая талантъ его чѣмъ-то дѣйствительнымъ— фактомъ, чѣмъ-то точнымъ—цифрою; онъ тихонько произноситъ названіе «геніальнаго человѣка», и гордость, открывая взорамъ его новую будущность, ввергаетъ его въ бездну мечтаній о власти, о славѣ. «Парижъ зоветъ меня!» восклицаетъ онъ: «открылось—таки наконецъ передъ мною это поприще, котораго я искалъ такъ пламенно! Очаровательныя мечты мои! вы осуществились наконецъ! Я услышу тебя, мое созданіе, услышу повтореннымъ талною геніальныхъ талантовъ; я вижу тебя выходящимъ изъ—подъ ихъ рукъ, во всей твоей силѣ, во всемъ твоёмъ блескѣ и красотѣ, какими, какими представлялось ты мнѣ самому. Парижъ зоветъ меня! Парижъ! Не знаю, почему этотъ городъ, казавшійся мнѣ мрачнымъ, скучнымъ, представляется теперь пышнымъ, полнымъ свѣта и блеска. Это безъ-сомнѣнія потому-что тогда я былъ тамъ ничѣмъ, а теперь, теперь онъ самъ зоветъ меня! Вотъ судилище! Меня будутъ судить не толпа женщинъ или вѣтренныхъ молодыхъ людей, но великіе артисты, мыслители, поэты! Я буду служить предметомъ удивленія у тѣхъ, которымъ самимъ удивляются! Я лялюсь предъ лицомъ этой публики, которая раздастъ самыя громкія почести, предъ которою преклоняется всякая слава, лялюсь предъ лицомъ ея, одинъ, въ двадцать-два года, найду ее сначала холодною, подобно судѣ, почти неприязненною, подобно противнику, и потомъ, вступивъ съ нею въ благородную борьбу, одушеволю ее мало-по-малу, увлеку ее, покорю, и повергну ее еще непокорную и трепещущую къ стопамъ своимъ! О, сердце, будешь ли ты въ состояніи перенести столько ощущеній? . . . Простите, горы и единеніе; прости, свѣтлое величіе великолѣпной природы; жизнь моя больше не для васъ: Парижъ зоветъ меня,—ѣду!

Вдругъ, среди этого стремительнаго полета надеждъ, онъ оставался; воспоминаніе пресѣкло мечты его,—воспоминаніе объ Эдионѣ. . . Никогда за порывомъ столь страстнымъ не слѣдовало такой сильной противоположенности! Настала рѣшительная минута: противники другъ передъ другомъ. Кто изъ нихъ восторжествуетъ: гордость или любовь? Эдионъ или слава? Онъ не можетъ согласить одну съ другою; онъ не можетъ ухватъ съ Эдионью, какъ съ своею женою, не можетъ: его несчастіе, еще столь свѣжее у вѣхъ въ памяти, недавнее возобновленіе болѣзни, требованія г. Фальзена, безграницная привязанность Эдионъ къ отцу, все препятствуетъ такому намѣренію; никакъ нѣтъ никакого средства избѣгнуть борьбы; надо выбрать, надо хватъ одному, или остаться. Хватъ! прервать

эту любовь, непокидавшую его ни на часъ въ минуту его страданій! поставить три года между ею и собою! три года не слышать ея голоса, не жать ея руки, не думать болѣе по утрамъ: «я увижу ее нынче; вечеромъ», не говорить себѣ по вечерамъ: «я увижу ее сегодня!» Быть печальнымъ, быть счастливымъ, и не имѣть ея возлѣ себя, чтобы повѣрить ей в горе свое и радость! О, какъ перенесетъ онъ самую разлуку, когда онъ не можетъ перенести даже мысли объ этой разлукѣ? Но имѣетъ ли онъ право ухѣхать отъ Эдмунда? свободенъ ли онъ? не прикована ли она его къ себѣ, пожертвовавъ ему собою? Въ тотъ памятный ему день, не далъ ли онъ ей безмолвный обѣтъ посвящать ей каждую минуту своей жизни? Совѣсть его, любовь говорятъ то же; онъ долженъ остаться, онъ хочетъ остаться!... Остаться! носить въ сердцѣ и въ головѣ страсть художника, свидѣющую его; липиться разеудка отъ усмія подавить ее, и снова подавлять! имѣть только одинъ кумиръ—искусство, и отказаться отъ поклоненія ему! Быть награжденнымъ отъ Бога лучшими даромъ—талантомъ, и заглушить этотъ даръ! Безпрерывно мечтать о славѣ, и когда эта слава близка, когда она сама предупреждаетъ его, когда ему стѣять только протянуть руку, чтобы схватить ее, вдругъ оттолкнуть ее и оттолкнуть навсегда! Судьба не представляетъ человѣку два раза такого случая поймать славу! Еслибы онъ по-крайней-мѣрѣ не зналъ славы! но онъ знакомъ съ нею, ему извѣстна упомительная улыбка толпы, онъ наслаждался цѣлый день радостью, которая въ одно мгновеніе заставляетъ прожить цѣлые часы и дни; и послѣ такого торжества снова, на всю жизнь, занерстись въ деревнѣ, остаться неизвѣстнымъ, ничтожнымъ?

—Пусть такъ! воскликнуть онъ съ лихорадочнымъ, но бодрымъ порывомъ человѣка, желающаго скрыть отъ себя свою собственную мысль: пусть такъ! я буду неизвѣстенъ, что нужды! Велика бѣда, что однимъ музыкантомъ будетъ менѣе на свѣтѣ? Что слава въ-сравненіи съ увѣренностью, что я поступилъ хорошо? Самая слава эта, знаю ли я что она такое? не большее ли число годовъ отравляетъ она, нежели сколько дней украшаетъ? И притомъ, не прекрасна ли участь моя, не полно ли мое существованіе? Эта деревня, конечно, только деревня; но въ ней живетъ Эдмундъ; я буду жить возлѣ нея; мое имя будетъ ея именемъ; я заплачу ей мой долгъ ея счастьемъ, и самъ буду счастливъ!

Онъ едва могъ окончить эти слова, заглушаемыя и опровергаемыя его слезами. Но, не смотря на то, гордость была покорена,

безкорыстная страсть восторжествовала, когда эгоизмъ, котораго начало никогда совершенно не исчезаетъ въ душѣ человѣческой, внушилъ ему одинъ изъ тѣхъ адскихъ софизмовъ, которые усыпляютъ слабую совѣсть и ввергаютъ человѣка во зло, позволяя ему совершить это зло безъ угрызенія совѣсти.

—Что сказалъ я, несчастный? на что хотѣлъ я рѣшиться?—внезапно воскликнулъ онъ:—отказаться отъ славы, чтобы получить Эдию?.. Но это значитъ потерять ее навсегда! Если я запру себя въ этой деревнѣ, я превращу свое сумасшествіе въ вѣчное пятно себя, сдѣлаю бездну изъ пространства, разделяющаго насъ. Несчастье мое—одно изъ тѣхъ, которыхъ нельзя уничтожить по приказу: необходимо возстановленіе: надобно завоевать Эдию, чтобы получить ее. Ъду! Подкрѣпляемый любовью, я буду творить чудеса! буду работать, буду бороться съ судьбою; и когда, по прошествіи трехъ лѣтъ неутомимыхъ усилій, я наконецъ составлю себѣ имя, тогда возвращусь сюда достойный ея, некупленный славою отъ грѣха моего несчастія, и пришедъ къ ея отцу, скажу: вотъ тѣмъ я былъ, вотъ тѣмъ я теперь! откажете ли вы мнѣ въ рукѣ ея?... О! ъду! ъду!...

Такъ хитрилъ Алойсъ съ своею совѣстью, и заглушалъ себя такими софизмами, закрывая свое отреченіе личною любовью, онъ жертвовалъ Эдию во имя самой признательности, какъ вдругъ случай обнаружилъ все.

Съ того дня, какъ Эдия сдѣлалась для него болѣе нежели сестрою, она открыла ему всѣ сокровища сердца, которыхъ онъ и не предполагалъ въ ней; но въ то же время казалось, онъ открылъ въ этомъ прекрасномъ созданіи какое-то пятно, какое-то противорѣчіе, что-то такое, чего бы онъ не желалъ видѣть. Благочестивая до чрезвычайности, чистая до строгости, Эдия имѣла друга, всегда готоваго предупредить ее объ опасности, судью, всегда готоваго наказать ее за проступокъ; этотъ другъ и судья была совѣсть, и, не смотря на то, Алойсъ никогда не видалъ сожалѣнія на лицѣ ея, слезы въ глазахъ ея, словомъ ничего, что бы походило на раскаленіе. Приходилъ ли онъ къ ней, она всегда принимала его съ улыбкою на устахъ и радостнымъ взоромъ. Ей, казалось, было такъ хорошо въ этомъ чувствѣ, которое владыло ею, какъ-будто бы это чувство было законною любовію. И что же! такое свободное сознаніе своего проступка обвиняло Эдию въ глазахъ Алойса: она казалась ему несовсѣмъ-скромною, несовсѣмъ-цѣломудренною. Еслибъ онъ видѣлъ ее въ слезахъ, сердце его ра-

зорвалось бы отъ страданій; но когда онъ видѣлъ ее спокойною и равнодушною, это казалось ему оскорбленіемъ. Наша любовь или наше самолюбіе хочетъ всегда видѣть ореолъ вокругъ любимой женщины, и мы едва ли можемъ простить ей проступокъ, который сами же заставили ее сдѣлать.

Однажды онъ говорилъ Эднѣ, что онъ прійдетъ завтра и будетъ разыгрывать съ нею сонату Вебера; она отвѣчала ему:

— Не приходите завтра; меня не будетъ дома.

«Гдѣ жъ вы будете?»

— Г. Ріего ждетъ меня.

«Ріего!» возразилъ онъ съ живостью: «за чѣмъ?»

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ я себя помню, я всегда совѣтуюсь съ г. Ріего въ дѣлахъ совѣсти.

Алойсъ не могъ скрыть своего изумленія; побуждаемый беспокойнымъ любопытствомъ, онъ продолжалъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ:

— Я, можетъ-быть, покажусь вамъ очень смѣлымъ, милая Эднѣ; но скажите мнѣ, въ первый ли разъ, послѣ... послѣ шести мѣсяцевъ, идете вы къ г. Ріего, какъ къ служителю алтаря?

«Я видѣла его двѣ недѣли тому назадъ.»

— Двѣ недѣли?

«Да, и сказала ему все.»

— Все?...

«Все.»

Алойсъ замолчалъ; но тутъ объяснилось то обстоятельство, которое часто удивляло его, какъ тайна, и раздражало, какъ оскорбленіе. Когда случай сводилъ его съ Ріего, онъ всегда встрѣчалъ глаза священника устремленными на него. Въ день исполненія симфоніи, Ріего находился въ числѣ слушателей, и только онъ одинъ не произнесъ ни одного слова въ похвалу композитора, но молча, съ испытующимъ взоромъ, безпрестанно вмѣшивался въ группы, окружавшія попеременно Алойса. Въ собраніи у префекта, гдѣ они опять сошлись,—то же испытующее вниманіе; и вечеромъ, когда Алойсъ разговаривалъ съ однимъ изъ друзей своихъ о предполагаемомъ отъѣздѣ, ему показалось, что священникъ слышалъ его и глядѣлъ на него какими-то странными глазами. Это поведеніе объясняется теперь само собою: Ріего знаетъ все... Онъ все знаетъ, и не-уже-ли онъ станетъ между нами обоими? Не представитъ ли онъ Эднѣ въ подозрительномъ видѣ предложенія его, котораго причины онъ не знаетъ? не воспрепятствуетъ ли онъ этому отъѣзду?

При мысли, что онъ не поѣдетъ, тогда уже, какъ рѣшился ѣхать, голова гордеца закружилась, — страсть всегда раздражается препятствіемъ; онъ рѣшился на поступокъ самый странный, прямо внушенный ему самолюбіемъ: онъ идетъ къ священнику, чтобы упросить его молчать и держать между ими нейтралитетъ.

— Г. Ріего погубить нашу будущность, желая улучшить ее! сказалъ онъ самъ себя; и, подкрѣпленный этимъ новымъ софизмомъ, отправился къ священнику. Ударило восемь часовъ, когда онъ пришелъ къ дому Ріего; но едва вошелъ онъ въ комнату, едва взглянулъ на лицо священника, какъ почувствовалъ въ себѣ непобѣдимое замѣшательство. Это строгое лицо, сдѣлавшееся еще строже при взглядѣ на Алойса; эта торжественная фізіономія судьбы неумолимаго; этотъ вопрошающій взглядъ, который, казалось, хотѣлъ проникнуть въ глубину души, — все это начало тревожить совѣсть виновнаго и уничтожило его блестящія мудрствованія, которыми онъ утѣшалъ себя съ нѣкотораго времени. Ему казалось, что онъ вошелъ въ святилище истины.

Священникъ всталъ и не спросилъ Алойса о цѣли его посѣщенія. Не говоря ни слова и пристально глядя на него, онъ предложилъ ему стулъ... Они сѣли; тѣ же молчаніе... Ріего, казалось, съ умысломъ выжидалъ, чтобы первое слово было произнесено Алойсомъ; но Алойсъ сначала упорствовалъ, потомъ вачалъ колебаться, однакоже все-таки ждалъ. Наконецъ священникъ сказалъ ему тихимъ, но выразительнымъ голосомъ:

«Я готовъ слушать васъ, сударь.»

Алойсъ началъ:

— Вы имѣете пощеченіе о г-жѣ Фальзень?

«Да, сударь.»

— Вы другъ ея, ея путеводитель; она ничего не скрываетъ отъ васъ?

«Кажется.»

— Есть тайна, отъ которой зависитъ счастье г-жи Фальзень, и только три человека знаютъ эту тайну: она, я и вы.

«Что же вамъ угодно этимъ сказать, сударь? Я васъ не понимаю.»

— Ну, такъ я стану говорить прямо: г-жа Фальзень любитъ, любить глубоко, страстно, и она сказала вамъ это.

«Милостивый государь!» возразилъ Ріего строгимъ голосомъ: «вы еще очень-молоды, и только молодость ваша можетъ нѣкоторымъ образомъ извинить слова, сей-часъ вами произнесенныя. Можетъ»

Быть, г-жа Фальзенъ открыла все духовнику своему; что же до меня, я ничего не знаю.»

— Не будемте бесполезно горячиться; это дѣло такъ важно, что вы не должны притворяться, будто не понимаете меня.

«Хорошо же!» внезапно воскликнулъ священникъ, какъ человекъ, который вдругъ на что-нибудь рывался: «хорошо! пусть будетъ по-вашему.» Потомъ, подошедъ къ Алойсу, онъ спросилъ чрезвычайно-значительнымъ голосомъ:

«Что же вамъ угодно, сударь?»

Тутъ-то и было главнѣйшее затрудненіе...

— Извините меня, если я не рѣшаюсь, сказалъ онъ священнику: но... но этотъ разговоръ такъ щекотливъ...

«Я привыкъ все слушать, сударь, и мнѣ кажется могу все понимать; говорите...»

— Вы были у пресекта въ тотъ день, какъ одинъ изъ моихъ друзей говорилъ съ мною о вѣстѣ, которое предлагаютъ мнѣ въ Парижѣ?

«Да, я былъ тамъ; но изъ этого еще не могу понять, что привело васъ сюда.»

— Я боюсь, что... вы, обольщенные своею привязанностью къ г-жѣ Фальзенъ, не...

«Оканчивайте, сударь!»

И Риго понуждалъ его и словомъ и взглядомъ.

— Я пришелъ...

«Вы приехали?»

— Я пришелъ къ вамъ, чтобы...

«Чтобы? ... А! Вы молчите? Такъ и окончу я васъ. Вотъ что привело васъ сюда: вы знали, что г-жа Фальзенъ призналась мнѣ въ своемъ преступкѣ; вы думали, что я вооружусь этимъ признаніемъ, что я устрою этотъ бракъ, представивъ его—ей, какъ обязанность христіанки, а г-ну Фальзену, какъ обязанность отца; и вы, сударь, избѣгая этого союза, вы пришли ко мнѣ, священнику, просить, чтобы я не выдалъ тайны, ввѣренной мнѣ на исповѣди; или другими словами, чтобы сказать мнѣ: не измѣняйте вашей клятвы, не святогатствуйте!—Вотъ для-чего вы пришли.»

— Что говорите вы?

«Я говорю только то, что есть на-самомъ-дѣлѣ. Больше-тѣжкой обиды нельзя сдѣлать духовной особѣ, и какъ каждое оскорбленіе заслуживаетъ наказаніе, и вы получите его, сударь. Три года тому назадъ, находясь въ Байоннѣ, въ платьѣ свѣтскаго человека,

я былъ сильно обиженъ на улицѣ двумя восновными, однакоже не такъ сильно, какъ вами, потому-что это оскорбленіе нанесено было только тѣлу; но, увлеченный постыднымъ гнѣвомъ и забывъ священное свое званіе, я выхватилъ у одного изъ нихъ оружіе и... и кровь заструилась по рукъ моей...

Послѣ короткаго молчанія онъ продолжалъ:

«Если бы преступленіе мое было извѣстно архіепископу, завтра же былъ бы я лишень своего званія, завтра же былъ бы постыдно изгнанъ изъ братства. Итакъ, сударь, если я выдамъ вашу тайну, ступайте тотчасъ же и объявите мою, кому слѣдуетъ.»

Чѣмъ болѣе приближался Ріего къ предмету, который долженъ былъ встревожить его и разгорячить, тѣмъ тише и тише становилась рѣчь его; чрезвычайная блѣдность обнаруживала его внутреннее волненіе. Алойсъ былъ изумленъ неожиданною сценою: все, что этотъ поступокъ имѣлъ въ себѣ рыцарскаго, поразил оего художническое воображеніе; эта скорбь, владѣвшая самой-собою, внушила ему сожалѣніе, и съ полнымъ увлеченіемъ, съ чувствомъ глубокаго расканія онъ воскликнулъ: — Простите меня, г. Ріего, прошу васъ!

Но вдругъ Ріего, до-сихъ-поръ удерживавшійся, измѣнилъ лицо свое и языкъ, и, увлеченный непреодолимою силою, сказалъ:

«Что вы говорите мнѣ о прощеніи? Не-уже-ли вы думаете, что это, оскорбленіе такъ тревожитъ меня? Что значить для служителя Божія ничтожная несправедливость челоуѣка? Не меня обидѣли вы, не у меня должны вы просить прощенія!... Нѣтъ, я не могу болѣе удерживаться! Самъ Богъ приказываетъ мнѣ говорить, Богъ, который далъ вамъ столько смѣлости, что вы дерзнули прійти ко мнѣ и обнаружить свои постыдныя опасенія для-того, чтобы я могъ спасти несчастную и благородную Эдию. Вы не предполагали найдти здѣсь судилище? А! такимъ-то путями ведетъ Господь виновнаго. И если вы сами пришли ко мнѣ, то слушайте же, грѣшникъ нераскаянный, слушайте!»

Произнося эти слова, священникъ былъ такъ величественъ и торжественъ, что несчастный гордецъ, теперь побѣжденный, опустилъ голову и ждалъ въ молчаніи.

«Я читалъ въ исторіи язычниковъ, что челоуѣкъ, который сжегъ храмъ въ Эфесѣ, былъ изгнанъ, имѣніе его конфисковано и голова его осуждена, самое имя проклято; и что же! преступленіе этого челоуѣка, признанное нечестивымъ отъ цѣлаго народа, не значить ничего въ сравненіи съ вашимъ преступленіемъ. Вы раз-

рушили не каменное зданіе, не пустое твореніе рукъ человѣческихъ: вы сокрушили высокій нравственный монументъ, изъщившее твореніе Божіе. О! конечно, всякій, кто научаетъ другаго злу, достоинъ проклятiя; но осквернить такую душу, которал, восходя къ небу, не нуждалась бы въ очищенiи отъ грѣховъ!.. Я священникъ, сударь, я духовникъ; много людей преклоняло предъ мною колѣни, много сердець разверзалось предо мною, — и повѣрьте мнѣ, мѣсто духовника—страшное мѣсто: пастырь видитъ съ него всѣ глубины обнаженныхъ душъ человѣческихъ. . . Клянусь же вамъ, что только одно существо миряло меня съ мѣрами моего званiя; только одно заставило меня сказать: «Богъ сотворилъ человѣка по образу своему»,—и это существо была Эдиъ. Когда я въ первый разъ увидѣлъ ее, ей было четырнадцать лѣтъ; ея открытое и возвышенное чело поразило меня; когда она попросила меня выслушать ея исповѣдь, я съ увлеченiемъ воздѣлъ руки къ небу и молилъ его, чтобы душа эта была такъ же прекрасна, какъ лицо. Она заговорила: какое свѣтилице невинности и чистосердечiя открылось предо мною! Я привязался къ ней тѣмъ горлчимъ и священнымъ чувствомъ, которое внушается только высокимъ и прекраснымъ; видѣ ея дѣлалъ меня счастливымъ; слова ея дѣлали меня лучшимъ; и когда она росла, я смотрѣлъ на нее вмѣстѣ и съ умилениемъ и страхомъ, какъ на существо неземное, которое не могло долго оставаться на землѣ.»

Строгiй голосъ священника смигчился противъ его воли, онъ продолжалъ:

«Я уѣзжалъ отсюда на нѣсколько недѣль; когда же возвратился . . . она уже любила васъ. О, признаюсь вамъ, когда я увидѣлъ это дѣвственное спокойствiе встревоженнымъ, эту чистоту помраченною, когда я увидѣлъ, что страсти человѣческія закрались въ это сердце, дотолѣ ничѣмъ незапятнанное, тогда—хотя Богъ и запрещаетъ мнѣ всякую ненависть, тогда—каюсь,—я возненавидѣлъ васъ, возненавидѣлъ какъ, духа тѣмы, вошедшаго въ рай и осквернившаго своими лъстивыми словами невинность первой женщины. Обольщенiемъ съ вашей стороны было ваше несчастiе; состраданіе обольстило Эдиъ!..

Алойсъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ всѣ мученiя совѣсти, и слезы брызнули изъ глазъ его.

«Плачьте, сударь» сказалъ Ріего торжественно, взявъ его за руку: «плачьте, потому-что преступленіе ваше непоправимо; можно

возстановить честь женщины, но возсоздать ангела невозможно. Плачьте, потому-что вы должны будете дать страшный отчет небу!»—Потомъ, вдругъ оттолкнувъ его руку, съ сильнымъ негодованіемъ воскликнулъ: «Нѣтъ, это для васъ еще только начало. Вы, можетъ-быть, безъ собственнаго вѣдома и признанія, стремитесь уже не къ преступленію, а къ злодѣйству! Вы свершили уже преступленіе, но теперь замышляете безчестіе; вы были развратителемъ,—теперь вы предатель; вы погубили Эдию,—теперь вы хотите даже бросить ее!»

— Я! я!... воскликнулъ молодой человѣкъ.

«Да, вы сударь!» возразилъ Ріего. «Прочь, всё парадоксы и софизмы! Разорвемъ покрывало!... Я, можетъ-быть, оскорблю васъ жесткостью словъ моихъ, но все равно: мой долгъ искать истину въ сердцѣ виновнаго; я буду рыться въ вашемъ сердцѣ и исторгну изъ него эту талщююся въ немъ неблагодарность, повлеку ее передъ глазами вашими во всемъ ея отвратительномъ видѣ... Взгляните на себя — и трепещите!»

Молодой человѣкъ вздрогнулъ.

«Съ того дня, какъ Эдию открыли мнѣ тайну свою, жизнь моя имѣла уже одну цѣль, умъ одну мысль: узнать васъ. Я, не спуская глазъ, слѣдилъ за вами въ день вашего концерта, изучалъ на вашемъ лицѣ вліяніе общаго восторга, заставлялъ говорить Эдию; спрашивалъ вашего отца, и узналъ васъ: вы тщеславны, сударь, безмѣрно тщеславны! Не гордость убиваетъ любовь вашу, нѣтъ! тщеславіе, тщеславіе самое ограниченное, самое жалкое изъ всѣхъ жалкихъ страстей человѣческихъ... Вы думаете, что вы человѣкъ великій, и почитаете себя великимъ.—«Ты не принадлежишь себѣ!» говорите вы самому-себѣ: «ты обязанъ отдать себя свѣту, славы!»—Эта деревня тяготитъ васъ, и вотъ вы освободились уже отъ всѣхъ своихъ обязанностей, говорилъ, что служите своему гению! Когда совесть начинаетъ мучить васъ:—«Подожди!» говорите вы ей: «я возвращусь!»— Подожди—слово благодарныхъ. Оно значитъ *никогда!*... Говорю вамъ, сударь, вы намѣрены бросить Эдию»

Алойсъ хотѣлъ-было что-то сказать; священникъ остановилъ его.

«По-крайней-мѣрѣ, вы не сдѣлаете этого безъ того, чтобъ не узнать, что вы дѣлаете! — Что были вы, когда возвратились сюда? Существо несчастное, отвергнутое, жалкій обломокъ человечества. Ваше несчастіе,—надо все высказать сегодня,—ваше несчастіе внушало, если не презрѣніе, то по-крайней-мѣрѣ родъ ужаса, смѣшаннаго съ отвращеніемъ, и заставляло отступать отъ

васъ каждыя, какъ отъ образа смерти; это было несправедливо, однако это было! Только одно сердце не избѣгало васъ,—сердце Эдионъ; она избрала васъ, какъ избираютъ несчастнѣйшаго и бѣднѣйшаго въ толпѣ несчастныхъ; у Эдионъ не было предмета слезъ, она усыновила ваше бѣдствіе; Эдионъ, женщина, и женщина скромная, не ждала, чтобы вы пришли къ ней, она сама бросилась къ вамъ. Встревоженные болѣзнию, вы пугали себя какимъ-то предопредѣленіемъ; она ввела васъ въ храмъ Божій и посвятила васъ Господу. Отецъ вашъ былъ бѣденъ: она доставила мѣсто вашему отцу. Мать ваша плакала: она успокоивала вашу мать. Вашеторжество, конечно, не лишило васъ памяти, и вы помните еще свою безнадежную слабость при возобновленіи вашего сумасшествія; чело-вѣкъ безъ твердости, которому можно было простить безхарактерность, потому-что въ немъ не было уже разсудка, вы хотѣли умереть! Чтобы спасти васъ, Эдионъ сдѣлала усиліе сверхестественное, она погубила себя! При каждомъ вашемъ отчаяніи, она жертвовала вамъ въ утѣшеніе одною изъ своихъ добродѣтелей... Это еще не все: самый талантъ вашъ, которымъ вы такъ гордитесь, кто создалъ его? Эта слава, для которой вы покидаете ее, кто вамъ ее доставилъ? Она же, и все-таки она!.. Все, что вы ни имѣете, все, чѣмъ вы теперь стали, ваша юность, ваше здоровье, жизнь ваша, ваше имя,—все это она доставила вамъ, вамъ, неизмѣющему ни малѣйшаго права на ея привязанность. И что же! вы омрачили ея существованіе только угрызениями совѣсти и слезами; вы, который на колѣняхъ долженъ былъ бы влачить жизнь свою, прося у Бога случая доказать свою признательность,—вы, когда настаетъ день, спѣшите измѣнить ей, умертвить-ее ея же собственными благодѣянiями; вы неблагодарный изъ самаго гнуснаго отродiа неблагодарныхъ, для которыхъ неблагодарность наступать вмѣстѣ съ счастьемъ, какъ ядъ для змѣи вмѣстѣ съ жаромъ солнца!»

Алойсъ снова хотѣлъ прервать его.

«Постойте! я еще не кончилъ... Вы жестоко низвергнуты съ вашего престола, великій чело-вѣкъ! вы теперь ничтожны, а Эдионъ величественна; однако вы еще не знаете всего разстоянiя, отделяющаго васъ отъ нея: есть тайна... я могу открыть ее, потому-что она мнѣ, а не духовнику своему повѣрила эту тайну. Въ душѣ ея, послѣ паденiя, скрывается еще тайна.»

— Говорите!

«Вы видѣли ее всегда счастливою и веселою, не правда ли? Никогда ни упрека, ни малѣйшаго вида сожалѣнiя! Но я не знаю
Г. X. — Отд. III.

другой души, которая бы скрывала въ себѣ такіа ужасныя страданія, какъ ея душа: едва вы удалитесь, улыбка ея исчезаетъ, она бѣжитъ сюда, обливаешь руки мои слезами, такими горькими слезами, что я, судья ея, готовъ иногда утѣшать ее, вмѣсто того, чтобы упрекать! И знали ли вы, зачѣмъ скрываетъ она свои мученія? для-чего она принуждаетъ себя казаться счастливою, несчастною?—Изъ опасенія помрачить ваше счастье!... Слышите ли вы, сударь? слышите ли? Она раздѣлила жизнь свою на двѣ части: одну, полную грусти, оставила себѣ; другую, полную любви, отдала вамъ. Для васъ—безмятежная радость и счастливое забвеніе всего горькаго; для нея—грызущее воспоминаніе! для васъ—все, что есть пламеннаго и нѣжнаго въ этомъ чувствѣ, для нея—весь стыдъ и вся горечь его! И какой стыдъ! Это чистѣйшая женщина, которую вы запятнали... Ея отступничество, ея преступленіе придаютъ тысячу ужасовъ ея мученіямъ; и, не смотря на то, она остается твердою въ любви своей! Я всѣми силами борюсь, стараюсь изгнать изъ души ея вашъ пагубный образъ, — тщетная борьба: вы сильнѣе ея совѣсти, сильнѣе меня. О! когда мысль эта приходитъ мнѣ въ голову, отчаяніе овладѣваетъ мною; я чувствую, что она любитъ васъ для собственной погибели. Она будетъ несчастна, она умретъ несчастною!» — Когда онъ кончилъ эти слова, чья-то тѣнь мелькнула мимо перваго окна комнаты; Алойсъ, стоявшій лицомъ къ свѣту, посмотрѣлъ пристально; тѣнь снова пронеслась мимо втораго окна.

— Это она!

«Какъ, ужь опять она идетъ ко мнѣ!» сказалъ Ріего.

— Я не хочу, чтобы она меня видѣла! съ живостію возразилъ молодой человекъ.

«Войдите въ эту комнату; изъ нея выходъ въ садъ, вамъ можно будетъ уйти.»

Въ ту же минуту послышался легкій стукъ въ дверь; Алойсъ бросился въ комнату; но дверь, ведущая въ садъ, была замкнута снаружи: онъ принужденъ былъ остаться.

Эднѣ одна вошла въ залу; походка ея была медленна, голова опущена внизъ. Алойсъ отдернулъ запавъску отъ стеклянной двери и увидѣлъ ее: онъ не узналъ помергѣвшаго лица ея... Между-тѣмъ Ріего, весь еще взволнованный недавно-происходившею сценою, казалось, не замѣчалъ Эднѣ; черты лица его выражали тысячу противоположныхъ ощущеній; онъ говорилъ самъ съ собою: «Нѣтъ, я не допущу ея до этого поступка! Въ немъ—счастіе всей

здѣшной и будущей ся жизни; я вырву ее изъ этой пропасти; я хочу этого; я долженъ это сдѣлать...»

Быстро подошелъ онъ къ Эдион, которая молча смотрѣла на него :

«Эдионъ, выслушайте меня: я видѣлъ г-на Алойса...»

— Вы его видѣли?

«Онъ сей-часъ вышелъ отсюда; мы съ нимъ говорили о васъ.»

— Чтѣ же онъ сказалъ вамъ?

«Не-уже-ли вы думаете, что если теперь г. Алойсъ будетъ просить руки вашей у г-на Фальзена, онъ откажетъ ему?»

— Я увѣрена въ этомъ, отецъ мой. Надобно подождать.

«Итакъ» возразилъ Риего торжественнымъ голосомъ: «клянись же мнѣ здѣсь, что вы не увидите Алойса до той минуты, когда онъ будетъ имѣть право назвать васъ своею женою?»

— Великій Боже! развѣ ужъ онъ не любитъ меня?

«Кто вамъ сказалъ объ этомъ?» вскричалъ Риего, испуганный выраженіемъ лица Эдион.

— Вы!... Вы не требовали бы отъ меня, чтобъ я оставила его, еслибъ не знали, что онъ не любитъ меня болѣе...

«Любить онъ васъ, или нѣтъ, уменьшится ли отъ-того преступленіе?» сказалъ Риего строгимъ голосомъ.

— Если онъ любитъ меня, я нужна ему, и не оставлю его...

«Нѣтъ, вы должны его оставить. Я требую этого отъ васъ именемъ Бога: клянись...»

— Я поклялась бы, отецъ мой, еслибъ не страшилась нарушить клятву; цѣлый день, повинувшись вашему приказанію, я избѣгала съ нимъ встрѣчи; но на другой же день, увидѣвъ его грустныя, полныя слезъ глаза, побѣжала къ нему и просила у него прощенія; мнѣ казалось, что я была виновата передъ нимъ... Я рождена для того, чтобъ осушать его слезы...

«Итакъ, если нѣтъ въ тебѣ раскаянія, во мнѣ не будетъ пощады. Если ты не разлучишься съ нимъ, я лишаю тебя сообщенія съ Богомъ, изгоняю тебя изъ церкви!»

— О, сжальтесь, отецъ мой! сжальтесь! — кричала Эдионъ въ ужасѣ.

«Отрекись отъ него, или подвергнешься отлученію!» воскликнула священникъ, увидѣвъ ея верьшимость.

— О, не произносите этого ужаснаго слова!

«Брось его, или будешь отлучена!» повторилъ Риего съ большею силою.

— Отецъ мой! отецъ мой! Голосъ вашъ достигаетъ престола Бога: не призывайте его страшнаго осужденія на главу мою!

«Прощеніе твое въ твоихъ рукахъ... Теперь еще есть время...»

— Онъ будетъ такъ несчастливъ... Нѣтъ, не могу!...

«Не я одинъ прошу тебя объ этомъ, другъ мой: этоцо требуетъ мать твоя; она съ высоты небесъ взираетъ на тебя въ сію минуту — и стыдится за дочь свою!»

— Бога ради, отецъ мой, не говорите о моей матери! Лишь только я подумаю, что преступленіе мое смущаетъ ея небесное блаженство и разлучаетъ меня съ нею навѣки, вся душа моя терзается отчаяніемъ. Я кажусь самой - себя такую недостойною, такою презрѣнною... А батюшка!... Вечеромъ, когда онъ ляжетъ спать и я приѣду поцаловать его, онъ мнѣ все кажется блѣднѣе обыкновеннаго; кажется, что онъ очень страдаетъ, и я говорю себѣ: «ты виновница этого»; — мнѣ все сдается, что въ эту же самую ночь Богъ отниметъ его у меня, чтобъ наказать меня... Но не смотря на всѣ эти мученія, еслибъ меня спросили, хотѣла ли бы я никогда не знать Алойса, никогда не любить его, я бы сказала «нѣтъ».. Васъ это пугаетъ, отецъ мой? Да, я сказала бы «нѣтъ»! Не-уже-ли вы думаете, что такая любовь можетъ зародиться въ душѣ произвольно?

Ріего чувствовалъ, что изъ глазъ его готовы брызгнуть слезы и молчалъ нѣсколько времени; наконецъ сказалъ рѣшительно :

«Эдиень, такъ-какъ страсть эта непобѣдима, тебѣ остается одно средство къ спасенію: отъици отца и признайся ему во всемъ.»

— Батюшка не переживетъ этого!

«Ну, такъ я же пойду къ нему и переговорю съ нимъ.»

— Какъ? онъ узнаетъ, что дочь его опозорена? Нѣтъ, лучше спосить все и ждать... Самъ Алойсъ долженъ меня требовать у отца моего; онъ самъ долженъ говорить съ нимъ, когда настанетъ время...

«Развѣ ты не увѣрена въ томъ, что будешь его женою?»

— Я надѣюсь, но не знаю.

«Ты не взяла съ него никакого обѣщанія?»

— Я никогда не говорила ему объ этомъ.

«Но если онъ пересталъ уже любить тебя?»

— Я буду благодарить небо, что оно не связало его мною.

«Какъ? Ты не молишь ежедневно Бога о томъ, чтобъ г. Бѣмель былъ твоимъ мужемъ?»

— Я молю его только о томъ, чтобъ Алойсъ былъ счастливъ.

«Пусть же тотъ, кто смѣлѣ меня, осудить тебя, непостижимое созданіе!» воскликнулъ Ріего: «прощаю тебя во всеуслышаніе, передъ лицомъ самого неба!... Или, нѣтъ, нѣтъ!» сказалъ онъ опомнясь: «я не могу; это было бы святотатство. Эднѣ!.. Эднѣ!..» И онъ взялъ ее за руку: «Подумай, несчастное дитя,—если ты умрешь внезапно, ты погибла, навѣки погибла!»

— Знаю, отецъ мой — отвѣчала она прерывающимся голосомъ: но, по-крайней-мѣрѣ, я никогда не была виновницею даже малѣйшаго его страданія...

Ріего выпустилъ ея руку; потомъ сказалъ голосомъ строгимъ, но дрожащимъ:

«Иди же, и моли Господа, да умилосердится онъ надъ тобою. Я не могу простить тебя!..»

Эднѣ, отверженная, пала на колѣни передъ священникомъ. Онъ сидѣлъ неподвижный и молча смотрѣлъ на нее: лицо его, которому онъ усиливался придать совершенное хладнокровіе, обнаруживало сильное душевное волненіе; губы его сжались судорожно, какъ у человѣка, болчагося говорить: онъ молчалъ... Эднѣ, спустя нѣсколько мгновеній, встала, и съ блуждающими взорами, закутывая вуалемъ лицо свое, вышла дрожащая, безмолвная, задѣхающаяся отъ рыданій.

Лишь-только она оставила залу, дверь сосѣдней комнаты отворилась; вбѣжалъ Алойсъ.

«Вы были здѣсь?..» воскликнулъ изумленный Ріего: «тѣмъ лучше!»

Потомъ, взявъ Алойса за руку и приведа къ тому мѣсту, гдѣ стояла Эднѣ, сказалъ:

«На колѣни, молодой человѣкъ! на колѣни! Здѣсь стояла женщина, которую вы оскорбили...»

— О, да! на колѣни! кричалъ Алойсъ вѣвъ себя. Я не зналъ ея!

«Вы слышали все; она ушла отсюда, обремененная проклятіемъ,—ушла, повторяя: «я проклята»—и все это за васъ; за васъ осуждена она. Покинете ли вы ее теперь?»

— Ее покинуть? ея?..

«Почему жъ и не такъ? Конечно, душа ваша стѣдитъ въдесятеро менѣе ея души... Два равныя другъ другу существа, встрѣтившись на землѣ, могутъ создать себѣ небо. Но ваша ослабѣвшая любовь не будетъ долго сопротивляться ожиданію, и когда вы женитесь на Эднѣ, вы, можетъ-быть, скажете, что женщина, бывшая вашею любовницею, не можетъ быть матерью вашихъ дѣ-

тей; и наговоривъ на эту тему нѣсколько моральныхъ сентенцій, забудете о ней, а она — она умретъ, сударь!»

— О, говорите, говорите! Каждое слово ваше — оскорбленіе мнѣ. Но нужды нѣтъ! Еслибы теперь кто-нибудь ударилъ меня, я не почувствовалъ бы этого!

«Итакъ вы общаете мнѣ...»

— Что если она не будетъ моею женою — отвѣчалъ Алойсь, прерывая его: то это значить, что она-сама отказала мнѣ.

«Хорошо!» возразилъ Ріего: «въ день брака у васъ будетъ однимъ другомъ больше.»

Они разстались; Алойсь былъ внѣ себя; онъ ходилъ большими шагами по деревнѣ: музыка, слава, самолюбіе—все было забыто; одинъ только образъ остался у него въ сердцѣ: Эднѣ, его Эднѣ!

Одно изъ самыхъ сильныхъ страданій души необыкновенной есть сознаніе собственной слабости и несовершенства. Человѣкъ можетъ чувствовать угрызенія совѣсти какъ отъ добродѣтелей, которыхъ онъ не имѣетъ, такъ и отъ пороковъ, которые видитъ въ себѣ. Сколько дѣтей, которыя у постели умирающаго отца вскакивали въ сердцѣ своемъ отчаянія—и не находили, и, къ большому, несноснѣйшему стыду своему, сами чувствовали, что слезы ихъ изсекли по прошествіи нѣсколькихъ дней! Кто изъ насъ, въ горести самой глубокой и искренней, не имѣлъ часто минутъ забвенія и разсвѣнія, и не укорялъ себя въ этомъ? У насъ нѣтъ такой полной, цѣлостной печали, при которой мы не чувствовали бы раскаянія въ томъ, что она еще очень-недостаточна.

Эта слабость нашей природы, изнемогающей въ самыхъ обыкновенныхъ, такъ-сказать законныхъ скорблѣхъ, эта слабость всего чаще оказывается въ самомъ нѣжномъ чувствѣ, въ любви. Сердце наше—обширный гробъ, наполненный мертвыми остатками безчисленныхъ ощущеній; мы говоримъ «люблю тебя» столькимъ существамъ, которые живы еще и которыя теперь для насъ какъ будто не существуютъ! Но когда это были существа добрыя, любившія насъ съ самоотверженіемъ; когда привязанность наша къ нимъ убита не по ихъ винѣ, а потому — что ее замѣнила другая страсть; или когда эта привязанность умираетъ своею естественною смертію, какъ зрѣлый плодъ, начинающій вянуть на деревѣ, какъ прелестное лицо, начинающее дурнѣть,—тогда мы чувствуемъ дѣйствительную, невыразимую скорбь, видя, какъ эта привязанность гаснетъ въ насъ; умирая, она въ предсмертной агоніи бьется и раздираетъ грудь. Что же, если этотъ неизбежный за-

конь увяданія отяготѣть надъ чистою, благородною любовію, надъ любовію, которая для насъ есть долгъ, а для втораго нашего я—жизнь?.. Ахъ, есть на языкѣ человѣческомъ слово ужасное, заключающее въ себя гораздо-болѣе, чѣмъ всѣ слова, которыми выражаются несчастія; это слово—*разлюбить*..

Прошелъ мѣсяцъ послѣ разговора священника съ Алойсомъ; вдругъ однажды, часовъ въ пять утра, еще до разсвѣта, Ріего услышалъ, что кто-то стучится къ нему въ двери: онъ отворилъ ее и изумился, увидѣвъ Алойса взволнованнаго, ослабѣлаго, беспорядочно-одѣтаго, подобно человѣку, неложившемуся спать во всю ночь.

«Это вы?»

— Я.

«Такъ рано! откуда?»

— Я... я пришелъ... Г. Ріего, я прошу васъ объ одолженіи...

«Что такое?»

— Г. Ріего! — быстро сказалъ молодой человѣкъ: ваше вліяніе на г-на Фальзена велико: онъ уважаетъ въ васъ и званіе ваше и васъ-самихъ. Что до меня—я, можетъ-быть, не совсѣмъ еще оправдался, и прошлое сумасшествіе мое можетъ повредить успѣху... Г. Ріего! идите завтра къ г-ну Фальзену и просите для меня руку сго дочери!

«Какъ вы блѣдны!» говорилъ священникъ, оглядывая его со вниманіемъ: «что съ вами?»

— Ничего.

«Но отъ-чего же этотъ дрожащій голосъ, эти слезы?»

— Отъ страха, что я не получу руки Эдмун.

«Нѣтъ, не этотъ страхъ тревожитъ васъ! Зачѣмъ вы пришли такъ рано? зачѣмъ эта поспѣшность въ такомъ важномъ дѣлѣ?»

— Я скоро принужденъ буду отпираться отсюда на нѣскольکو дней, и не хочу уѣхать безъ того, чтобъ не быть увѣрену въ своемъ счастіи...

«Въ счастіи?.. Но вы говорите объ этомъ счастіи такъ, какъ будто бы дѣло шло о вашемъ арестѣ! Тутъ что-то кроется...»

— Не спрашивайте меня. Я самъ не смѣю себя спрашивать.

«Это мой долгъ; это мое право.»

— Итакъ, извольте... Да! голосъ мой дрожить;—я плачу... мнѣ страшно... Г. Ріего, я не доврѣяю самому-себѣ! Съ того роковаго дня, какъ вы заставили меня читать въ собственной душѣ моей, я не узнаю себя болѣе: эта адская страсть къ славѣ растетъ, рос-

теть во мнѣ съ каждымъ мгновеніемъ, овладѣваетъ мною, опутываетъ меня; во мнѣ нѣтъ ничего теперь, кромѣ этой страсти; но вынѣче я еще повелѣваю ею, — завтра, можетъ-быть, она уже будетъ повелѣвать мною: я непременно долженъ жениться на Эдионѣ, непременно! . .

«Вы хотите жениться на Эдионѣ, не любя ея?»

— Не любя! . . Можно ли не любить Эдионѣ? Укажите мнѣ случай пожертвовать для нея всѣмъ; требуйте у меня жизни, чтобъ сдѣлать ее счастливою — я отдамъ вамъ жизнь свою съ наслажденіемъ, съ восторгомъ. . . О, я люблю ее! . . Но со мною дѣлается что-то такое, что пугаетъ меня: я только и думаю, что о Парижѣ, только и вижу передъ собою Парижъ; даже возлѣ Эдионѣ я думаю уже не о ней, но объ искусствѣ, объ этомъ мірѣ, который зоветъ меня къ себѣ, думаю о томъ, чѣмъ буду я. . . И когда, пробуждаясь отъ этихъ сновидѣній, вспомню, что привязанъ здѣсь навѣки, начинаю клясть ту мигу, когда я пріѣхалъ сюда. . . Потомъ меня начинаютъ терзать угрызенія совѣсти: я ужасаюсь самого-себя; вспоминаю все, что вы говорили мнѣ; произношу имя Эдионѣ, обвиняю самого-себя, проклинаю себя, и плачу. . . Вотъ жизнь моя! Ее терзаютъ двѣ противоположныя страсти: здѣсь гордость, тамъ обязанность, — и тамъ и здѣсь — горе! Всѣ ночи провожу я подобно нынѣшней: хожу, куда глаза глядятъ, чтобъ только избавиться отъ самого-себя. . . Пора, пора прекратить эту постыдную борьбу! пора задушить это чудовище! Г. Риго, умоляю васъ, пойдите къ г-ну Фальзену и выпросите мнѣ руку Эдионѣ.

«Какою ужасною отвѣтственностію хотите вы обременить меня!»

— Тутъ нѣтъ никакой отвѣтственности. Недостойныя страсти поддерживаются только надеждою. Если же я между собою и Парижемъ воздвигну преграду неодолимую, сердце мое покорится!

«Но если оно не покорится, я обреку страданіямъ всю жизнь Эдионѣ?»

— Отвѣчаю вамъ за ея счастье.

«Знаете ли вы, къ чему вы обязываетесь?»

— Думаю, что вы ничего для меня новаго не скажете въ этомъ отношеніи.

«Г. Фальзенъ отдаетъ дочь свою только тому, кто поклянется жить всегда съ нимъ вмѣстѣ.»

— Знаю.

«Итакъ, должно уже отказаться отъ славы; этотъ союзъ не

только привязываетъ васъ къ жевѣ, которой вы болѣе уже не любите, но и разлучаетъ съ тѣмъ, что вы любите.»

— Знаю, знаю.

«И разлучаетъ навсегда!»

— Это-то слово и поддерживаетъ мою рѣшимость.

«Не обманывайте себя: нельзя вырвать страсть изъ сердца безъ того, чтобъ это сердце не подверглось жестокому мученіямъ.»

— Пусть такъ; я буду страдать, но исполню, что должно.

«Но вѣдь надобно скрывать эти страданія?»

— Молчать можно всегда себя принудить.

«Но не одинъ только языкъ свой должно заставить молчать; лицо ваше, глаза ваши должны лгать,—и вотъ вы осуждены уже вѣчно притворяться счастливымъ... Подумайте объ этомъ хорошенько; если вырвется у васъ нечаянно хоть малѣйшая жалоба—это уже будетъ преступленіе: Эдионъ умретъ отъ этого.»

— Все это я очень-хорошо знаю. Не-уже-ли я не съумю укротить самого-себя?... Слушайте, г. Ріего: поступокъ, котораго я требую отъ васъ—долгъ вашъ: вы думаете, и Эдионъ думаетъ также, что если она умретъ внезапно, она погибнетъ; и-такъ здѣсь дѣло идетъ не о счастіи ея, но о спасеніи: осмѣлитесь ли вы отказать мнѣ?

Ріего не отвѣчалъ ему нѣсколько времени, наконецъ сказалъ:

«Дайте мнѣ руку, молодой человекъ. Такая рѣшимость благородна; Эдионъ не ошиблась, любя васъ.»

— Благодарю васъ. Одно это слово могло бы дать мнѣ бодрость, еслибъ я и не имѣлъ ея.

«Вы берете на себя трудный подвигъ; но повѣрьте человекъ, котораго вся жизнь была только продолжительною борьбою,—въ исполненіи долга гораздо больше удовольствія, нежели сколько думаютъ люди, и вамъ предстоитъ еще много дней блаженныхъ... Я пойду къ г-ну Фальзену.»

— Итакъ, до завтра?

«До завтра.»

XIV.

Ріего пошелъ къ Эдионъ, чтобъ передать ей слова и намѣренія Алойса; но каково было его удивленіе, когда Эдионъ начала просить его не говорить объ этомъ отцу! Изумленный, встревоженный, онъ спросилъ ее:

«Вы говорили мнѣ, милая Эдионъ, что *онъ* обязанъ просить васъ у г-на Фальзена, и *онъ* теперь посылаетъ меня къ вамъ, *онъ* умолялъ меня говорить съ вашимъ отцомъ; къ-чему же этотъ отказъ?»

Она молчала.

«Отвѣчай же, милое дитя мое, зачѣмъ сопротивляться подобному требованію?»

— Другъ мой, надобно еще подождать . . .

Эти слова были сказаны тономъ, который поразилъ священника и лишилъ его возможности отвѣчать. Въ-самомъ-дѣлѣ, Эдионъ была необыкновенная женщина: всѣ самыя слабыя ощущенія печали или удовольствія, лишь только зарождались въ душѣ ея, тотчасъ обнаруживались на ея лицѣ или тихими слезами, или свѣтлою улыбкою; но если въ нее проникала скорбь глубокая—тотчасъ лицо ея, обыкновенно живое, дѣла юсь мраморнымъ изваяніемъ: во всѣхъ чертахъ ея означалось какое-то ледяное спокойствіе, жизнь вся убѣгала внутрь. Ріего, такъ же коротко знавшій Эдионъ, какъ знаемъ мы людей, которыхъ любимъ, не могъ защититься отъ скорби, когда взглянулъ на лицо молодой дѣвушки при словахъ «надобно еще подождать». Онъ возвратился къ Алойсу и передалъ ему этотъ отвѣтъ.

«Она угадала истину!» вскрикнулъ Алойсъ.

И полная, непритворная горестъ овладѣла имъ. Что дѣлать теперь? Онъ просилъ совѣта у Ріего, который не зналъ ужѣ, что и совѣтовать. Не приступить ли къ ней опять съ тѣмъ же предложеніемъ? Но это ни къ чему не поведетъ . . . Наконецъ, нѣсколько поуспокоившись, онъ сказалъ:

«Она еще только подозрѣваетъ, потому-что говоритъ: «надобно подождать»; должно уничтожить въ ней это подозрѣніе во что бы ни стало . . . Но въ этомъ случаѣ я не могу совладѣть съ самимъ-собою: наблюдаемый ею и зная, что она наблюдаетъ каждый шагъ мой, я не въ-силахъ буду скрыть отъ нея бореніе моего сердца. Къ-счастію, я долженъ уѣхать на нѣсколько дней. Почему знать? Можетъ-быть, первый взрывъ унесетъ съ собою и этотъ огонь рождающагося самолюбія; я чувствую въ глубинѣ души моея такую непритворную дружбу къ Эдионъ, что любовь моя воскреснетъ, безъ всякаго сомнѣнія. Часто, привычка жить неразлучно уничтожаетъ любовь, готовую вновь возродиться; сколько чувствованій, ослабленныхъ непрерывными свиданіями, возрождалось отъ самой непродолжительной разлуки! . . .»

Алойсъ съ того дня, какъ успѣхъ увѣнчалъ трудъ его, прими-

рился съ отцомъ; оскорбленная гордость разлучила ихъ—гордость удовлетворенная соединила вновь. Содержатель завода въ Баньерѣ отправилъ г-на Бёмеля въ Парижъ, чтобы тамъ положить основаніе одному обширному промышленному предпріятію, и Алойсу было поручено отъ отца получить значительныя суммы въ нѣсколькихъ пограничныхъ городахъ Испаніи.

Это обстоятельство оправдывало въ глазахъ Эдиен отъѣздъ ея; онъ переговорилъ съ нею о своей поѣздкѣ и уѣхалъ,—уѣхалъ подобно тѣмъ несчастливцамъ, которые отправляются выпрашивать у богатой и роскошной природы благотѣльнаго дыханія ея для возобновленія своей иссыхающей крови; пріѣхавъ въ тѣ мѣста, куда влекла ихъ надежда, они смотрятся каждое утро въ зеркало и внимательно наблюдаютъ, начинается ли появляться жизнь въ лицѣ ихъ, зарумяниваются ли хоть немного ихъ блѣдныя щеки.. Пустившись въ дорогу, Алойсъ тотчасъ замѣтилъ въ нравственномъ расположеніи своемъ перемѣну, которая удивила его-самого: разнообразіе предметовъ, удаленіе отъ Эдиен, взглядъ на которую былъ вѣчнымъ упрекомъ, пробуждавшимъ все мученія его сердца; новый народъ, новые нравы, движеніе—все это замѣняло его жажду славы незнакомыми ему дотола ощущеніями и обновило его: нѣсколько разъ передъ дивными зрѣлищами, представлявшимися глазамъ его, онъ искалъ подлѣ себя Эдиен, жалью о ней: онъ какъ-то не умѣлъ безъ нея наслаждаться, и по прошествіи мѣсяца возвратился въ Баньеръ, если не совершенно-вылечившійся отъ самолюбія, по-крайней-мѣрѣ пріобрѣтшій уже власть надъ самолюбіемъ, увѣренный въ томъ, что можетъ скрывать внутреннюю борьбу свою отъ Эдиен, увѣренный, что онъ еще любить ее.

Онъ пріѣхалъ въ Баньеръ послѣ-обѣда; тотчасъ взялъ почтовую лошадь и поскакалъ во весь духъ къ помѣстью г-на Фальзена; но по мѣрѣ приближенія къ цѣли, исчезала его увѣренность и возобновлялись опасенія. Что будетъ онъ чувствовать подлѣ той, которая въ-продолженіе трехъ лѣтъ была для него всѣмъ, и которой не видалъ онъ цѣлый мѣсяць? Не смѣя самъ себя спрашивать, онъ сильнѣе и сильнѣе даетъ шпоры лошади. Вотъ уже показалась крыша дома и тополя; вотъ видна знакомая башенка; вотъ наконецъ онъ у рѣшетки сада, отдаетъ лошадь почтальйону, звонить... Ожиданіе и безмолвіе продолжались неболѣе минуты, но сколько ощущеній смѣняло другъ друга въ эту минуту! Наконецъ рѣшетка отперта; онъ входитъ въ садъ, бѣжить и прыгаетъ по

аллеямъ какъ прежде, можетъ-быть даже быстрее, чѣмъ прежде по-прежнему вспрыгиваетъ къ деревьямъ и на-лету срываетъ съ нихъ листья; по-прежнему припѣваетъ ... Наконецъ нога его ступила на порогъ дома; звуки фортепьяно раздаются изъ залы; онъ летитъ туда, отворяетъ двери,—передъ нимъ Эдионъ.

Увидѣвъ его, она вскрикнула отъ радости, и прелестное личико ея озарилось свѣтлымъ выраженіемъ любви полной и глубокой. Алойсъ подбѣгаетъ къ ней, садится возлѣ нея, и, взявъ ее за обѣ руки, говоритъ:

— О, какъ вы прелестны! Дайте мнѣ насмотрѣться на себя!...

И потомъ—тысячи восклицаній, тысячи словъ, полныхъ само забвенія... Но какъ различны два эти лица! Она—вся озаренная радостію, глубоко-тронутая; онъ—такой взволнованный, такой шумливый: онъ безпрестанно вскакиваетъ, ходитъ, смѣется. Не было ли чего-нибудь конвульсивнаго въ этомъ одушевленіи, въ этой безпрестанной измѣняемости разговора? Не ставилъ ли онъ движенія на мѣсто ощущенія?...

Между-тѣмъ Эдионъ, казалось, начала задумываться, и значительнымъ голосомъ спросила его:

«Вы вѣрно видѣли много прекраснаго?»

— О, я видѣлъ чудеса! воскликнулъ онъ, съ жадностію ухватившись за этотъ предметъ разговора. Чтѣ за дивныя картины какія очаровательныя мѣста!—Ставъ у дивана, на которомъ сидѣла она, онъ началъ повторять ей слова затверженныхъ имъ горныхъ пѣсень, рассказывалъ слышанныя имъ въ горахъ легенды, описывалъ видѣнные имъ обычаи, и все это выражалъ языкомъ живымъ, цвѣтистымъ, съ пылающимъ лицомъ, съ сверкающими глазами. Но этотъ энтузіазмъ отъ-чего-то казался поддѣльнымъ блестящія фразы его звучали чѣмъ-то ложнымъ, изысканными во всемъ чувствовалась кака-то ложь.

Проговоривъ четверть часа, онъ остановился, какъ-бы утомленный. Эдионъ, сначала слушавшая его внимательно, мало-по-малу наклоняла голову; руки ея опустились прямо и вытянулись. Когда онъ пересталъ говорить, она не подняла глазъ, и, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, оставалась безмолвною. Наступило молчаніе... Алойсъ чувствовалъ, что поддѣльный жаръ его исчезаетъ, что имъ овладѣваетъ холодъ, какъ путешественниками, которыхъ внезапно настигаетъ снѣгъ. Испуганный, онъ, во что бы ни стало, хочетъ прервать молчаніе, ищетъ вокругъ себя, съ чего бы начать, и встрѣчаетъ фортепьяно.

— Какъ давно не слыхалъ я вашего голоса! споёмте что-нибудь!

Она посмотрѣла на него и съ минутоу ничего не отвѣчала; наконецъ голосомъ, который смутилъ Алойса, сказала: «извольте», и подошла къ фортепьяно. Нотная книга была раскрыта на одномъ изъ самыхъ страстныхъ оперныхъ мѣсть, на дуэтъ Цефала и Прокриса. Величайшее наслажденіе пѣть какое-нибудь высокое созданіе вмѣстѣ съ любимою женщиною: какъ сладостна та минута, когда вы слышите, что голосъ вашъ звучитъ въ ея голосъ, когда ваши звуки ищутъ ея звуковъ, чтобы слиться съ ними!... Эднѣ и Алойсъ часто пѣвали вмѣстѣ этотъ дуэтъ, и когда доходили до послѣдней его фразы, влекомы одипакимъ побужденіемъ глядѣть другъ на друга, они продолжали пѣть—Эднѣ, поднимъ взоры на Алойса, Алойсъ опустивъ глаза свои на Эднѣ; но теперь взоры ихъ не искали другъ друга; голоеа ихъ не сливались ни на одно мгновеніе: слышны были два совершенно-раздѣльные звука...

Это еще болѣе увеличило грусть Алойса, и онъ упалъ въ крестла почти-уничтоженный. Истина наконецъ явилась ему во всей наготѣ своей, истина неумолимая, ужасная: сердце его было холодно, голова пуста—ничего, ничего ни въ сердцѣ, ни въ мысли!... А между-тѣмъ она была тутъ и наблюдала; надобно было обманывать ее, надобно было еще обманывать и самого-себя! Положеніе его становилось невыносимо... Наконецъ, не владѣя самимъ-собою, мучимый этимъ сознаніемъ своей безчувственности, весь облитый холоднымъ потомъ, онъ рѣшился. «Надо вырваться изъ этого страшнаго состоянія» сказалъ онъ самъ-себѣ: «вырваться, чего бы то не стоило!»

Эднѣ была передъ нимъ; онъ вспомнилъ, что она хороша; онъ подходитъ къ ней, беретъ ее за руку, хочетъ поцаловать эту руку.—Рука отдана его поцалуемъ, холодная, почти-безжизненная. Онъ перебираетъ пальцами мягкіе, лоснящіеся волосы Эднѣ, и ужѣ наклоняется къ поникшему челу ея, какъ вдругъ Эднѣ, нѣсколько минутъ казавшаяся мертвою статуею, вскакиваетъ быстро:

«О, прочь, прочь отъ меня!» И заливается слезами.

— Эднѣ! Эднѣ!

«О! это ужасно, ужасно!»

— Эднѣ, что съ вами?

«Боже, Боже!» говорила она раздражающимъ душу голосомъ.

Алойсъ былъ у ногъ ея; онъ старался отнять руки ея отъ лица.

«Боже мой!» воскликнула она наконецъ, смотря ему прямо въ лицо: «развѣ не видите вы, что я все знаю, что съ самаго вашего прїѣзда и такъ же ясно читаю въ душѣ вашей, какъ въ своей собственной, что я могу вамъ разсказать все ваши ощущенія одна за другимъ? Пришедъ сюда, не трепетали ли вы? не испугались ли вы, увидѣвъ меня здѣсь одну? не было ли холодно сердце ваше, когда слова ваши были пламенны? не для того ли, чтобъ одушевить себя, вы прыгали, усиливались смѣяться, предавались порывамъ?...»

— Эдионъ, выслушайте меня...

«Что вы можете сказать мнѣ? О, я знала васъ вполне счастливымъ: теперь вамъ ужѣ не удастся обмануть меня! Бывало, когда я попрошу васъ разсказать мнѣ, что вы видѣли, вы никогда не оканчивали своего разсказа, вы говорили, что заниматься постороннимъ—значитъ не любить другъ друга; вы повторяли: «будемъ говорить только о себѣ-самихъ»... А нынче, о чемъ вы разсказывали мнѣ? О легендахъ, о пейзажахъ, о горахъ—Богъ знаетъ о чемъ!.. А между-тѣмъ цѣлый мѣсяцъ не видались мы, цѣлый мѣсяцъ! и вы въ продолженіи часа не могли отыскать въ сердцѣ своемъ ни одного чувства. Цѣлый мѣсяцъ мы не видали другъ друга—и вы пожелали пѣть... пѣть въ такую минуту!...»

— О, скажитесь! говорилъ Алойсъ.

«И голосъ вашъ усиливался выразить то ощущеніе, которое не было въ васъ...»

— Неправда! клянусь вамъ.

«Несчастный!» возразила она съ такою энергіею, которой прежде въ ней никогда не было замѣтно: «должна ли я вамъ сказать все? Должна ли я сказать вамъ, за-чѣмъ вы взяли мою руку, за-чѣмъ вы ласкали мои волосы, за-чѣмъ приблизили уста свои къ лицу моему? Хотите ли, чтобъ я сказала вамъ это?... Нѣтъ, никогда не осмѣлюсь... Боже! я виновна передъ тобою и заслуживаю тяжкое наказаніе; но никогда строгое правосудіе Твое не пошлетъ мнѣ казни жесточе той, которую теперь я испытываю... Эти слова страсти, составляющія вѣрованіе любви, эти слова, которые оправдываются только взаимнымъ влеченіемъ, но которыя мнѣ стѣбать столько угрызений совѣсти,—онъ произноситъ передъ мною безъ малѣйшаго участія сердца, для того только, чтобъ развлечь себя! И если бъ я не остановила его, онъ въ одно мгновеніе потемнилъ бы все прошедшее ваше; онъ напелъ бы средство нанести дерзкое оскорбленіе съ полною вѣжностію и оно-

зорить женщину, и безъ того ужé опозоренную!.. О, матушка! матушка!..»

Задушаемая рыданіями, бѣдная дѣвушка упала на диванъ, закрывъ лицо руками. Когда она подвѣла голову, Алойсъ лежалъ у ногъ ея, недвижный, почти-лишенный чувствъ. Негодование, отчаяніе, оскорбленная любовь—все было забыто ею, все, кромѣ этого нѣжнаго, небеснаго чувства, которое никогда не погасало въ ней; душа ея быстро исполнилась состраданіемъ; она бросается къ Алойсу, поднимаетъ его и, положивъ его голову къ себѣ на колѣни, клочетъ его по имени съ самыми сладостными названіями. Мало-по-малу онъ приходитъ въ чувство, смотритъ вокругъ себя блуждающими взорами: глаза его сухи, черты лица искривлены. Она, подсмотрѣвъ его первый взглядъ, поспѣшаетъ сказать ему:

«Прости, прости меня!»

— Что говорите вы? произнесъ молодой человекъ слабымъ голосомъ.

«Бѣдный другъ мой!» И она рукою ласкала его чело, обливая его слезами. «Вы не виноваты: вы сдѣлали все, чтобъ еще любить меня. Богу не угодно этого... Мы были счастливы; далѣе это продолжаться не можетъ...»

Алойсъ, бывший не въ состояніи плакать при началѣ этой ужасной сцены, чувствовалъ, что глаза его становятся влажны.

«О, не плачьте, другъ милый! не увеличивайте моей горести своими страданіями. Я увѣрена, что вамъ это больно, очень-больно! Ваше доброе лицо такъ встревожено... Что дѣлать? Надо покориться необходимости!»

Когда она говорила это, голосъ ея немного дрожалъ, прерываемый рыданіями. Алойсъ приподнялся и смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ. Она продолжала:

«Не надо требовать невозможнаго. Вы меня сдѣлали счастливою, совершенно-счастливою; вы любили меня полною, безграничною любовью, вы любили меня три года; это ужé слишкомъ много, по словамъ другихъ.»

И она старалась улыбнуться...

— Не улыбайтесь! вскричалъ онъ наконецъ: ради Бога не улыбайтесь! Я видѣлъ васъ безмолвною, почти-мертвою; видѣлъ ваше отчаяніе, слышалъ ваши стenanія; но видѣть на устахъ вашихъ улыбку... И онъ не кончилъ, онъ не могъ говорить: при одномъ взглядѣ на это дивное созданіе, на эту Эдию, которая, будучи по-

давлена собственною скорбію, думала только о немъ; мучила имъ, оправдывала его, утѣшала и старалась улыбнуться, чтобы утишить его горестъ,—при взглядѣ на это непостижимое существо, всѣ слезы, скопившіяся въ его сердцѣ, подвѣлись наружу, и громкія рыданія вырвались изъ его груди. Онъ обвинялъ себя во всемъ, проклиналъ себя, и въ вѣнстовомъ порывѣ кричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, Эдионъ! Это сонъ, сонъ ужасный, бредъ горячки! Все, что было между нами, все это ложь. Больное воображеніе мое выдумало это мгновеніе, когда я и Эдионъ составляли два отдѣльныя существа! Я пробуждаюсь теперь... Посмотри на меня: по мѣрѣ того, какъ текутъ мои слезы, сердце мое расширяется, я дышу свободнѣе; жизнь возвращается ко мнѣ; я люблю васъ, люблю тебя, Эдионъ!...

И онъ говорилъ правду. Самоотверженіе Эдионъ поразило, пересоздало его; онъ любилъ ее въ эту минуту. Онъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ; голосъ его, произнося эти слова, звучалъ тою истиною, которая убѣждаетъ, потому-что сама носить въ себѣ непреодолимое убѣжденіе. Эдионъ смотрѣла на него тѣмъ взоромъ любви и трогательной слабости, который гениальнымъ Рубенсомъ приданъ Маріи Медичисъ, смотрящей на своего новорожденного сына.

— Позволь же, говоритъ онъ,—позволь мнѣ цаловать твои руки и стереть съ нихъ пятно оскорбительнаго поцалуя!

Ничто такъ не располагаетъ сердце къ любви, какъ слезы: величайшія радости порождаются печалію. Предаваясь этому сладостному восторгу, который слѣдуетъ иногда за сильными душевными потрясеніями, оба они любили теперь другъ друга своею первобытною, упонительною любовію; они любили другъ друга всею силою своего прошлаго отчаянія.

ХV.

Алойсъ умолялъ Эдионъ о позволеніи говорить съ отцомъ ея, и она позволила.

На другое утро, молодой человекъ побѣжалъ въ помѣстье г-на Фальзена. Ему говорятъ, что г. Фальзень и дочь его уѣхали наканунѣ къ одному изъ знакомыхъ семействъ за нѣсколькими милями. Онъ удивлялся, что Эдионъ не предупредила его объ этомъ. На слѣдующій день онъ опять приходитъ туда же; садовникъ подаетъ ему письмо отъ Эдионъ; онъ распечатываетъ его дрожащими руками и читаетъ:

«Говорять, есть люди, которые ищутъ въ жизни только того, что можетъ упрочить ихъ благополучіе, и которые всѣмъ жертвуютъ самимъ - себѣ: я не хочу быть въ числѣ такихъ людей. Лойсь! та, которая была вашимъ первымъ другомъ, та, которая - продолженіе двухъ лѣтъ имѣла въ душѣ своей одну только мысль... теперь удаляется отъ васъ навѣки. Не думайте, чтобъ я хоть на-минуту усомнилась въ вашей искренности: вы изъ глубины души своей поклялись мнѣ соединить жизнь свою съ моею, и можете-быть въ эту минуту, когда я, заливаясь слезами, устраиваю нашу вѣчную разлуку, вы составляете тысячу плановъ, какъ бы сдѣлать меня счастливою; но страшное слово разъединяетъ насъ: вы не любите меня болѣе!... Не говорите мнѣ о послѣднемъ шагѣ свиданіи: оно принесло мнѣ столько наслажденія и сдѣлало мнѣ столько зла, что я никогда не забуду его; это было послѣднее мерцаніе вашей любви, готовой угаснуть.

«Я давно уже все вижу; похвалы, которыми васъ осыпали, утѣшали меня и вмѣстѣ приводили въ отчаяніе: по мѣрѣ того, какъ вы высоко возносили васъ, другъ мой, онѣ разлучали насъ. Теперь вамъ недостаточно одной меня; вы не созданы для-того, чтобъ жить здѣсь, одному съ женою, которая умѣетъ только любить васъ: вамъ пужна слава, свѣтскій блескъ, а я... я поставлена судьбою на дорогѣ вашей для-того только, чтобъ помочь вамъ подняться выше!

«Бѣдный другъ мой! Какую жизнь принесла бы я вамъ съ собою, еслибъ приняла вашу жертву? Сковаивые грустною обязанностію, принужденные всегда выказывать чувство, котораго нѣтъ же въ душѣ, какъ страдали бы вы! Я знаю ваше сердце: разъ сдѣлавшись мужемъ, вы захотѣли бы, во что бы ни стало, увѣрить меня въ вашемъ счастіи, вы подавляли бы въ себѣ скорбь свою. Но я... я, не смотря на все это, читала бы въ вашей душѣ, подсматривала бы это грустное выраженіе лица, которое знаю вотъ уже на мѣсяца, — я прокляла бы жизнь свою!

«Богу не угодно, чтобъ мы принадлежали другъ другу: покоримся Его святой волѣ. Знаю, что огорчаю васъ, возвращая вамъ свободу; но придетъ время, когда вы будете благодарить меня за это... вы плачете, Лойсь?... Эта мысль раздражаетъ мое сердце; вы плачете, и я не могу осушить слезы ваши! Ахъ, еслибъ я могла цѣлю жизни своей утолить горестъ вашу, какъ скоро принесла бы эту жертву! Будьте тверды, другъ мой; на больняхъ молю васъ объ этомъ. Тотчасъ же поѣзжайте въ Парижъ; укротите горестъ мою, утѣшьте, и не стыдитесь своего утѣшенія. Забудьте меня!»

если вы думаете, что это не нужно для вашего будущего счастья то подумайте, что это необходимо для моего. Я, я объ этомъ прошу васъ, Алойсь, и когда услышу, что вы успѣли совершить этотъ подвигъ, я возблагодарю небо, и совѣсть моя хоть нѣсколько успокоится. Не укоряйте себя ни въ чемъ, не говорите, что вы обязаны были бы возстановить мое счастье; вы ничѣмъ мнѣ не обязаны: я предалась вамъ свободно, потому-что любила васъ, потому-что люблю до-сихъ-пору всѣми силами души моею. Не вы оставляете меня: я васъ оставляю для-того, чтобъ вы были счастливы и вы будете счастливы непрезвѣнно! Тогда только вы поймете меня и скажете: «она любила меня, и все привнесла мнѣ въ жертву». О, да, болѣе, нежели все!... Мужайтесь; научитесь изъ моего примера, какое можетъ быть мужество въ сердцѣ самомъ нѣжномъ самомъ любящемъ... Да будетъ же борьба сладостна, если должны изнемогать въ ней! Но, увы! я буду жить! . . . . .

«Это правда! Мнѣ надобно очистить грѣхи свои. Богъ избралъ эту разлуку наказаніемъ мнѣ. Правосудіе его благо и мудро! Повинуясь и молчу. Да и о чемъ скорбѣть мнѣ? Мысль, что я хоть нѣсколько времени была всѣмъ для васъ, Алойсь, что я сдѣлала доступнае для васъ эту славу, которую вы такъ страстно любите, которую любите болѣе, нежели меня, — эта мысль облегчаетъ мои страданія. Въ томъ блестящемъ мірѣ, который зоветъ васъ къ себѣ, ни одна жевщица не сдѣлаетъ для васъ того, что я сдѣлала. Теперь я ненужна вамъ болѣе; теперь всѣ пріятствія передъ вами отстранены; ваше прошедшее забыто, будущее улыбнется вамъ... и я удаляюсь. Прощайте, Алойсь; идите, выполните ту роль, для которой вы созданы; а я останусь съ воспоминаніемъ о васъ, буду мысленно слѣдить за вами и прислушиваться къ вашему имени. Прощайте! Мы уже разстались навсегда... У меня доставаетъ мужества, обещаю вамъ... Я спокойна... Боже! я не могу написать этого слова... Мнѣ душно... Я надѣлалась скрыть отъ васъ мои слезы до конца письма, но они льются на эти строки и смыываютъ ихъ. Алойсь! Алойсь! Я въ отчаяніи; обнимаю эту бумагу, какъ-будто-бы это были вы... Но ужъ время, пора все кончить! Въ послѣдній разъ пишу ваше имя. Прощай, Алойсь! прощай! прощай!»

Алойсь читалъ это письмо, стоя передъ старымъ садовникомъ, который безмолвствовалъ отъ ужаса, видя отчаяніе молодого человека. Наконецъ онъ дочиталъ письмо.

— Гдѣ они? закричалъ онъ, какъ безумный.

«Они уѣхали.»

— Куда?

«Не знаю.»

— Ты знаешь! О, скажи мнѣ ради Бога, скажи! умоляю тебя!

«Клянусь вамъ, сударь, не знаю.»

Алойсъ побѣждалъ къ Ріего. Ріего не зналъ о ихъ отъѣздѣ. Три недѣли Алойсъ обѣгалъ все мѣста, былъ во всехъ деревняхъ, во всехъ сосѣднихъ помѣстьяхъ — нѣтъ нигдѣ Эднѣ. Г. Фальзенъ нѣмалъ въ тридцати миляхъ отъ Баркуса помѣстье, которое давно хотѣлъ навѣстить, и Эднѣ воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ удалиться.

Между-тѣмъ дѣло, предпринятое г. Бёмелемъ, нѣмало успѣхъ неожиданный; онъ принужденъ былъ остаться въ Парижѣ, куда вызывалъ жену и сына. Алойсъ отправился вмѣстѣ съ матерью. Спусти два мѣсяца, участь его рѣшилась: симфонія сыграна, и ему заказали оперу; онъ теперь уже прикованъ къ Парижу — прикованъ и своимъ прошедшимъ, и своимъ будущимъ, и этою жизнію ума и самолюбія, отъ которой нельзя уже избавиться, разъ въ нее впаавшись.

Эднѣ, послѣ непродолжительнаго отсутствія, возвратилась въ Баркусъ съ отцомъ своимъ, и жизнь ея началась опять по-прежнему. Нельзя было замѣтить въ ней никакой перемены, кромѣ того, что лицо ея, прежде оцвѣченное румянцемъ, сдѣлалось изъ благо совершенно-матовымъ. Алойсъ же казался свѣту молодымъ человекомъ, который, проведши три года на Пиренеяхъ и возвратившись въ Парижъ, составилъ себѣ громкое имя артиста. Ни одного слова о прежнемъ не было произнесено между священникомъ и Эднѣю. Тому только, кто читаетъ въ сердцахъ человеческихъ, вѣдомо, что происходило въ душѣ несчастной дѣвушки...

ЭРНЕСТЪ ЛЕГВЕ.

ОТЪ - ЧЕГО?

=

Мнѣ грустно, потому-что я тебя люблю
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, нль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому-что весело тебѣ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

=====

ЕЙ.

=

Я понимаю взоръ твой страстный,
Я знаю смыслъ твоихъ рѣчей:
Я вижу все . . . Но, другъ прекрасный,
Я не прошу любви твоей!

Тоску души моей холодной
Она не-въ-силахъ исцѣлить:
Я не могу любить свободно,
Я не могу, какъ ты, любить.

Въ сяннѣ дня, во мракѣ ночи
Я вижу блѣдныя уста,
И смотреть плачущія очи
Съ святой любовью на меня . . .

Непостижимой, тайной силой
Она вездѣ, всегда со мной —
И на груди твоей, другъ милый,
Я сталъ бы думать о другой!

— 0 —

=====

ВЕСЕЛАЯ ПЬСНЯ.

=

Подай намъ скорѣ вина и бокалы!
Вина и бокалы сюда!
Забудемъ же, дѣва, о жизни бывалой,
Забудемъ о ней навсегда!
Пусть вьются надъ нами круги голубые,
Пусть льются, запылясь, струи;
Бокалъ мой за страсти твои молодыя,
За черныя кудри твои...
Склонясь на твое трепетавшее лоно,
Какъ грудь отдыхала моя!
Ты—пальма пустыни, ты—островъ зеленый
Въ печальныхъ волнахъ бытiя, —
Гдѣ, можетъ, судьбой не отъято одно:
Ты, смуглая дѣва, да это вино...
Какъ я отнималъ твои дерзко одежды,
Какъ легкой твой станъ обнажалъ —
Такъ рокъ мой отъ сердца младыхъ надежды
Далеко и быстро умчалъ!..
Ни слова! Наполнимъ же снова бокалы,
Ко мнѣ, моя дѣва, — сюда!
Ни слова! Забудемъ о жизни бывалой,
Забудемъ о ней навсегда!

В. КРАСОВЪ.

ПЯТИГОРСКЪ.

=

Пустынный край! Здѣсь Дивнаго рука
Переворотъ таинственный свершила,
Гридами горъ взнеслась за облака,
И на Эльбрусь порфирой снѣга пала.

Здѣсь каждый шагъ — живыя письмена!
Всѣ говорить о томъ, что прежде было!
И воздухъ жжетъ, и паръ клубить волна,
И въ вѣдрахъ горъ кипить огней горнило...

ОЗНОВИШНИНЪ.

ГОРОДОКЪ.

Прощай, прощай, родное племя,
Прощай, мой милый городокъ!
Какъ ловко здѣсь убила я время,
Счастливымъ міра уголокъ.

Прощай, прощай! Я сердце въ волею:
Но умасеть мой праздный умъ,
И званъ вечерній колоколовъ
И улицы знакомой шумъ.

Ея голубенькіе глазки,
Новой безсонныхъ длинный рядъ,
Скрытъ городничаго колдски,
Его жены смѣшной нарядъ.

Какъ капитанъ, сердце мучитель,
Меня за что-то не влюбляя,
И какъ уѣздный твой учитель
На мой счетъ повѣсть сочиняя.

Забуду ихъ—но наслажденья
Къ тебѣ искать приду я вновь:
Прощай! тебѣ за угощенье,
За пирожки и за любовь!

— ● —

ИЗЪ РОМАНА

«КОЛДУНЪ НА СУХАРЕВОЙ ВАШНЬ».

ГЛАВА I.

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА.

I.

Отъ князя Ивана Алексѣевича Долгорукаго къ статскому советнику Финку, отъ 20-го іюня 1726 года, изъ Петербурга въ Москву.

Осѣчка, жестокая осѣчка, любезный другъ! Что жь дѣлать? первую пѣсенку зардѣвшись поють. Впрочемъ, старые наши пѣвцы, изъ которыхъ, признаться, многіе спадаютъ ужь съ голосовъ, не могутъ пожаловаться, чтобъ мой 15-ти лѣтній дискантъ разстраивалъ ихъ хоръ. Дядя, Василій Лукничъ, цаловалъ меня въ лобъ и сказалъ, что я поддержку нашу фамилію; батюшка, по обыкновенію, раскалывается, охаетъ и между-тѣмъ не бранитъ меня,—пуще всего доволенъ, что не было денежныхъ тратъ на мои затѣи; прочая братья, смиренно потупивъ очи (при дворѣ) и облизываясь, какъ старый котъ, ожогшійся на добычѣ, сказали мнѣ однакожь дома, по задушевному, «спасибо». Самъ Остерманъ—этотъ старый рыбакъ, который любитъ ловить рыбу въ мутной водѣ—смотря издали съ берега, какъ мы запускали неводъ, бросалъ на меня свои лисьи взгляды одобренія. Онъ, и послѣ неудачи, сдѣлался ко мнѣ особенно-внимателенъ. О! да этотъ человекъ видитъ, что по смерти Императрицы, надо будетъ искать во мнѣ...

Предпріятіе не удалось хотя было прекрасно устроено, время выбрано самое удобное: мы воспользовались отсутствіемъ Менишкова въ Курляндію, куда онъ ѣздилъ выпрашивать себѣ герцогство. Герцогъ голштинскій, по настоянію Бассевича, на бѣду свою—припомните мое слово,—выхлопоталъ ему прощеніе. Это ходатайство и чувство благодарности за старья, семейныя заслуги превозмогли наши успѣхи въ сердцахъ доброй государыни.

По-крайней-мѣрѣ вы, любезнѣйшій статскій совѣтникъ, и мой собственный тайный совѣтникъ, не можете сѣтовать на меня, что я худо понялъ ваши уроки. Право, ученичекъ и другъ достоинъ васъ. Исторія скажетъ, что я, пятнадцатилѣтній мальчикъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ заговорѣ противъ кого жь?—Меншикова, котораго боится вся Россія, опасается самъ Остерманъ и ласкаютъ иностранные государи. Попытка кончилась тѣмъ, что меня немного пожурили и я завтра жь отправляюсь путешествовать въ чужіе края. Нѣтъ худа безъ добра. Хоть съ вами я довольно-долго жилъ и учился въ отечествѣ Лейбница и вашего любимаго преобразователя Лютера, все-таки не мѣшаешь еще поучиться. Не прежде увижу Россію, какъ тогда, когда увижу надъ ней царемъ внука Петра-Великаго и моего товарища дѣтства, моего задушевнаго друга. О, тогда ожидайте переменъ, и переменъ большихъ. Россія, милое отечество! ты будешь счастлива! . . .

Тогда и вы, любезнѣйшій наставникъ, постучитесь у моего сердца: будьте благонадежны, что въ немъ найдете отголосокъ на все высокое и доброе. По вашимъ совѣтамъ, перейдемъ что-нибудь отъ Шведовъ, которыхъ вы такъ хорошо знаете. Тогда Боже сохрани васъ сказать, что они живутъ счастливѣе насъ Русскихъ: мы васъ до этого нареканія не допустимъ.

Если увидите дѣдушку Боже-дома, то скажите ему, что я ѣду въ басурманщину по-неволѣ, что я тамъ скоромнаго въ постъ ѣсть не буду, панскихъ туфель не поцалую, и антихристу не поклонюсь, если онъ и народится. Вотъ человекъ, который съ вами составляетъ настоящую янусову фигуру: вы смотрите все *впередъ*, а онъ все *назадъ*; вы гоните меня *вогасъ*, а онъ тѣснитъ на попятный дворъ. Онъ хотѣлъ бы не только меня, всѣ народы загнать въ лѣса, да заставить ихъ читать старыя сказки. А надъ этими народами навѣрно поставилъ бы царицей свою Евдокію Федоровну, первымъ министромъ ея сдѣлалъ бы какого-нибудь закоснѣлаго старообрядца. Утѣшите старика, и скажите ему, что я помню его совѣты: послѣднее дѣйствіе мое противъ закятаго врага его, Меншикова, это доказываетъ. Скажите ему, что здѣсь объ уничтоженіи Божіихъ домовъ и поминна нѣтъ . . . Ему немного остается жить: зачѣмъ же его тревожить? Время и народы, какъ вы говорите, идутъ впередъ; а для этихъ отсталыхъ и настоящее и будущее, все въ прошедшемъ.

Что дѣлаеть вашъ астрологъ, магикъ, алхимикъ, или просто, кол-

дунь, какъ называетъ его народъ? Окончилъ ли онъ свой календарь съ пророчествомъ на сто лѣтъ? Мерзость ли по-прежнему на Сухаревой Башнѣ, гоняясь за звездами? Жарится ли въ своей кухне, стряпая золото и снадобле вѣчной жиопи? Прѣ свиданія доброму, ученому чудаку мой низкій, низкій поклонъ. Я много люблю и уважаю его: онъ знаетъ меня лучше другихъ... не онъ ли пророчилъ мнѣ высокую будущность?

Еще одно порученіе и— самое важное. Передайте какъ-можно-осторожнѣй графинѣ Шереметевой, Натальѣ Борисовнѣ, что есть человекъ, который за тысячи верстъ, при чужихъ дворахъ, подъ впечатлѣніями путевыхъ измѣненій, безпрестанно новыхъ, не перестаетъ... Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ей ничего обо мнѣ. Боюсь, чтобы эта гордая, возвышенная душа не оскорбилась вашими словами, какъ бы осторожно вы ихъ ни сказали. Пускай заочно, мысленно, сердечно повторю ей то, что хотѣлъ вамъ передать.—Только думать объ ней, думать о полученіи ея руки—вотъ что мнѣ теперь остается. И почему жъ не сбыться этимъ мечтамъ?... Развѣ я не значу чего-нибудь въ имперіи?... А современемъ, и можетъ-быть скоро, любимецъ государевъ, въ обер-каммергерскомъ мундирѣ... голубая лента чрезъ плечо... невѣста чудо-прелесть! Завидная парочка!

Но гувернёръ мой проестоналъ надъ моимъ ухомъ: in Gottes Namen voraus. При словѣ voraus, повинуюсь. Говоря съ глубокимъ вдохомъ: «простите», прижимаю васъ къ своему сердцу, въ которое бросили вы столько любви къ прекрасному.

Вашъ первый другъ и преданный ученикъ..

князь Ив. Долгорукой.

P. S. Матушка и сестра Катя, узнавъ, что я пишу къ вамъ, поручили мнѣ вамъ кланяться. Катерина Алексѣевна... Какое странное сближеніе именъ! А? что скажете вы?.. Почему жъ не роковое?.. Съ ея хорошенькимъ личикомъ и умомъ кабы побольше славолюбія!..

II.

Отъ того же къ тому же, изъ Петербурга отъ 10 мал 1727.

Получаю въ Іенѣ тайную записочку отъ батюшки, что мнѣ надо какъ-можно-скорѣе назадъ; скачу на крыльяхъ нетерпѣнія, приѣзжаю въ Петербургъ и не застаю императрицы въ живыхъ.

Народъ оплакиваетъ мать свою.

Посылаю вамъ копии съ ея завѣщанія. Изъ него увидите, что князь Меншиковъ опять первенствуетъ въ имперіи и готовитъ себя въ тестя императору Петру II. Однакожь Богъ не безъ милостей. Государь такъ мнѣ обрадовался, увидавъ меня, что бросился меня обнимать со слезами на глазахъ. Часа не растается со мной. Многіе поздравляютъ меня его фаворитомъ: я это зналъ напередъ... Но временщикъ ничего не хочетъ видѣть и слышать, кромѣ своихъ выгодъ. Пускай еще болѣе закружится у него голова; тѣмъ легче будетъ столкнуть его въ яму. А мы покуда постараемся вырыть ее пошире и поглубже.

III.

Отъ барона и вице-канцлера Андрея Ивановича Остермана къ отставному фельдцей-мейстеру, графу Якову Вильямовичу Брюсу, изъ Петербурга въ подмогковную Глинки, отъ.....

Сколько дивныхъ переменъ совершилось въ глазахъ нашихъ, почтеннѣйшій другъ! Жизнь Петра-Великаго прошла передъ нами — довольно и этого, чтобы сказать: и мы жили. Чудное было тогда время! видѣли мы много переворотовъ, но всѣ они имѣли цѣль и послѣдствія великія, всѣ они клонились ко благу и славѣ Россіи. А нынѣ что дѣется!.. Исполниль палецъ; огромное мѣсто, которое онъ занималъ въ мірѣ, опустѣло... всадикъ, кто былъ ближе къ нему, хочетъ занять это мѣсто и играть властителемъ; другой, третій туда же, пока настоящій властитель не укрѣпился лѣтами и разсудкомъ и не опозналъ своего назначенія. И всѣ думаютъ только о своихъ выгодахъ, ни у кого въ сердцѣ нѣтъ отечества; о завѣтѣ Петра «продолжать имъ начатое» и помина нѣтъ. Господи! когда будетъ конецъ этимъ непризваннымъ повелителямъ, этимъ временщикамъ, какъ хорошо ихъ называютъ Русскіе!

Ты удивишься, любезный другъ, когда я скажу, что *былъ* и... Меншиковъ. Былъ? спросишь ты, и вѣрно при этомъ словѣ протрешь очки, чтобы разглядѣть хорошенько, такъ ли прочелъ его.

Да, Меншикова ужъ нѣтъ! Можетъ-статься, когда будешь читать эти строки, изгнанника, лишеннаго чести и достоинія, везутъ черезъ Москву въ бѣдной кибиткѣ. Пожалѣешь и его, когда подумаешь, кто его замѣнилъ. По-крайней-мѣрѣ онъ былъ съ великими заслугами Петру и отечеству; имѣлъ великій умъ, испытанное мужество; а теперь его преемники... и подумать-то страшно, что за люди! Ты изумишься еще болѣе, когда прибавлю, что колосса этого свалилъ шестнадцати-лѣтній мальчикъ, князь Иванъ Алек-

свѣнать Долгорукой, который, бывало, лѣтъ за восемь тому назадъ, чистилъ тебя за обѣдомъ любимыя твои факковыя ножки. Зналъ его вѣтерпѣливый характеръ, ты видѣлъ въ этомъ угожденіи особенную къ тебѣ любовь, а я видѣлъ признаки честолюбія: — вспомни, ты какъ-то предвѣщалъ ему, вмѣстѣ съ сестрою, великую будущность. Да, этотъ мальчикъ совершилъ нынѣшній переворотъ, котораго не могли произвести мужи, испытанные въ дѣлахъ политическихъ. На престолѣ дитя; сестра Наталья, хотя и превышаетъ его умомъ и духомъ, все еще не вышла изъ дѣтскаго круга; фаворитъ—мальчикъ... Страшусь не безъ причины за твореніе Петра-Великаго. Ты знаешь отца и дядю маленькаго фаворита: ничтожныя по душевнымъ качествамъ, они захватили бразды правленія, и можно посудить, куда эти возникше умчатъ колесницу Россіи, если скоро не уснѣютъ сами сломить себѣ шею. Вмѣстѣ съ ними, партія старовѣровъ поднимаетъ уже голову и вопіеть объ уничтоженіи всего новаго, основаннаго Великимъ; съ другой стороны изступленные поклонники новизны, въ томъ числѣ и нашъ пріятель Финкъ, воспитатель маленькаго фаворита, не принимая въ разсужденіе ни времени, ни духа народнаго, хотягъ разомъ выкромить народъ русскій по образцу иностранному. Охъ, охъ! страшусь за соудиніе нашего великаго Царя!

Но, любезный другъ, мы, которые были первые исполнители гигантскихъ помысловъ Петра, — мы, которымъ повѣрялъ онъ, какъ друзьямъ, свои любимыя, задушевныя думы, которымъ завѣщалъ, если не докончить, по-крайней-мѣрѣ поддержать его созданіе и передать, сколько-можно, въ цѣлости это наслѣдіе, мы, душеприкащики его, его дѣти, служители, обязанные ему всѣмъ, чѣмъ только пользуемся въ свѣтѣ, мы должны въ нынѣшнее время не ограничиваться одними сѣтованіями и сожалѣніями. Дѣйствовать по совѣсти и разумноію нашему, пламенно, усердно и осторожно, — вотъ наша обязанность. Девизомъ нашимъ да будутъ слова Спасителя: «будьте добры, яко голуби, и мудры, яко зміи». Остановить на первыхъ порывахъ безтолковыя попытки старовѣровъ, ограничить безумныя желанія нововодителей, не давать ни одной партіи честолюбцевъ возвышаться на-счегъ Россіи и руководить юнаго государя ко благу вѣреннаго ему народа, — вотъ подвигъ, который вамъ предстоитъ. Не легкая обязанность, скажешь ты, когда царю только 13 лѣтъ! Что жъ дѣлать? исполнимъ свой долгъ, а тамъ буди воля Провидѣнія!

Въ скоромъ времени дворъ отправляется въ древнюю резиден-

цію царей на коронацію. Ты долженъ оставить свое уединеніе и лвиться въ Москву. Не извиняйся отставкой: для истинныхъ сыновъ отечества нѣтъ чистой отставки; служеніе ихъ продолжается до гроба. Не говорю, чтобы ты долженъ былъ, въ твои лѣта, принять должность при новомъ дворѣ, чтобы ты каждый день напяливалъ мундиръ на свои старыя плечи и игралъ роль дневальнаго придворнаго, — нѣтъ, эта служба ужь не по тебѣ. Но можно тебѣ служить иначе: совѣтомъ, внушеніями, связями, кабалистикой. . . Твое таинственное вліяніе на народъ можетъ умы и мнѣнія расположить въ нашу пользу, ты можешь и судьбу склонить на нашу сторону. Ты могущъ не только на земли, но и въ небѣ. Что стоить тебѣ иногда для пользы общественной переставить одну звѣздочку на мѣсто другой! . . . Мы возобновимъ своихъ *десять*, устроимъ по-прежнему, какъ въ бывалые дни петровы, свой совѣтъ на Сухаревой Вашнѣ, немногочисленный, но избранный, безкорыстный, съ одною цѣлью поддержать созданіе великаго преобразователя Россіи. Ты долженъ лвиться, или да будетъ тебѣ стыдно въ будущемъ мѣрѣ передъ лицомъ безсмертнаго Царя и нашего отца и благодѣтеля.

На-дняхъ отправляется въ Москву мать фаворита съ дочерью своей. Ты любимъ въ семействѣ; ты отецъ крестный княжны и брата ея, нынѣ столь могучаго. . . къ тебѣ имѣютъ они большую довѣренность и уваженіе.

Меншиковъ обручилъ-было на царство дочь свою; боюсь, чтобы этого не домогался и Долгорукой. . . На всякій случай я облизилъ съ домою фаворита чиновника при нынѣшнемъ цезарскомъ посольствѣ, графа Мелизини. Богатъ, знатенъ, красавецъ, онъ поправился матеря и успѣлъ пльнуть сердце княжны Екатерины. Мать не честолюбива; для пятнадцатилѣтней дѣвицы — молодой, ловкій, прелестный гусаръ привлекательнѣе. Не смѣйся, любезный другъ; тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго. Въ политикѣ и любви игрушки много значать.

Податель этого письма твой *единственный*. Знаю, какъ онъ тебѣ близокъ, и потому я употребилъ все способы, чтобы испросить ему прощеніе. Здѣсь изъ придворныхъ, кромѣ меня, никто его не видѣлъ; онъ спѣшитъ прямо изъ изгнанія броситься въ твои объятія.

Жду съ нетерпѣніемъ минуты, когда и я обниму тебя.

IV.

*Отъ княгини Долгорукой къ сыну ея Ивану Алексѣевичу
отъ..... 1727, изъ Москвы въ Петербургъ.*

Другъ мой, Ивашенька, благодареніе Богу, мы благополучно приѣхали въ Москву, успѣли ужъ съѣздить въ Горенки, да и назадъ воротиться. Все хлопочу, какъ бы отдѣлать домъ къ коронаціи: безъ отца твоего плохо; самъ посуди, женское дѣло. Боюсь, не дорого бѣ стѣлю; ты знаешь, какъ отецъ за каждую лишнюю копейку гнѣвается.

Въ прошлое воскресенье, въ самый заутренній звонъ, нянька твоя Домна кончила житіе свое; въ послѣднее время ходила сгорбившись крюкомъ и плохо видѣла, а все по хозяйству прибирала. Объ тебѣ помнила при концѣ своемъ. Похоронили мы ее съ честью въ Горенкахъ.

Нынѣче у насъ уродилось много грибовъ; старики не запомнятъ такого года,—говорять, къ войнѣ.

Привезли ко мнѣ изъ степной отчины диковинную карлицу, всего аршинъ съ вершкомъ; хотимъ выдать за гайдока Павлушку. Уморительная будетъ парочка!

Мадамъ наша отошла къ Шереметевымъ: говоритъ, хотъ и тамъ учить нѣкого, да привыкла къ дому; къ тому жъ у Натальи Борисовны нѣту теперь ни отца, ни матери, такъ буду беречь ее, какъ дочь; хочу при ней и умереть. Жаль! мадамъ была такая добрая и разумная. Катя много плакала при разставаньи.

Что писать тебѣ еще, другъ мой, Ивашенька? Буди надъ тобою благословеніе Божье на всѣ часы дня и ночи и на всѣ дни живота твоего. Милостямъ царскимъ радуйся, но не кичись ими. Не бери примѣра съ подлыхъ людей, которые вышли въ знать и фавориты, да забыли, что они на свѣтѣ такіе жъ человѣки, какъ и другіе: за то Богъ и наказалъ ихъ. Помни свой родъ, будь милостивъ и ласковъ ко всѣмъ, нищую братію не забывай. За то Господь не оставитъ тебя въ сей жизни и другой. Цалую тебѣ.

Мать твоѣ и проч.

И. ЛАЖЕЧНИКОВЪ.

П Ъ С Н Я.

==

Ужь я съ вечера сидѣла,
Призадумавшись, —
Въ зелены луга глядѣла,
Пригнорюнившись.
Груди бѣлыя, высокія —
Что ливъ дрозжать;
Знать мила-друга далекаго
Всю ночь прождать . . .
Какъ хорошъ душа-голубчикъ, —
Не старикъ-борода,
Молодой, удалой купчикъ
Изъ Нова-города!
Я травою шелковою
Устелю крыльцо,
Я водою ключевою
Освѣжу лицо.
Шопотъ въ полѣ раздается . . .
Замеръ духъ во мнѣ!
Это онъ — мой свѣтъ несется
На лихомъ конѣ.
Вижу: шлпной мнѣ махасть,
Соскочилъ съ коня;
Онъ цалусть, обнимасть,
Какъ огонь, меня.

. . . . .
. . . . .

В. КРАСОВЪ.

====

БЛАГОДАРНОСТЬ.

==

За все, за все тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слѣзъ, отраву поцалуя,
За мѣсть враговъ и клевету друзей;
За жаръ душъ, растрѣченный въ пустынь,
За все, чѣмъ я обмануть въ жизни былъ . . .
Устрой лишь такъ, чтобы тебя отнынь
Недолго я еще благодарилъ.

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

====

МОЛИСЬ.

(М. А. Барятинской.)

Prions, prions! l'ame s'élève
Lorsque le corps tombe à genoux.

=

Молись! Даетъ молитва крылья
Душѣ, прикованной къ землѣ,
И высвѣкаетъ ключъ обилья
Въ заросшей терніемъ скалѣ!
Она — покровъ намъ отъ безсилья,
Она — звезда въ юдольной мглѣ.

На жертву чистаго моления —
Души нетлѣнный омиамъ,
Изъ недоступнаго селенья,
Слетаетъ свѣтлый ангелъ къ намъ
Съ прохладной чашей утоленья
Палымымъ жаждою сердцамъ.

Молись, когда змѣей холодной
Тоска въ твою проникнетъ грудь ;
Молись, когда въ степи безыюдной
Мечтамъ твоимъ проложенъ путь,
И сердцу, сиротѣ безродной,
Пріюта ить, гдѣ отдохнуть.

Молись, когда глухимъ потокомъ
Кипитъ въ тебѣ страстей борьба ;
Молись, когда предъ мощнымъ рокомъ
Ты безоружна и слаба ;
Молись, когда пріветнымъ окомъ
Тебя обрадуетъ судьба.

Молись, молись! души всѣ силы
Въ молитву жаркую излей,
Когда твой ангелъ златокрылый,
Сорвавъ покровъ съ твоихъ очей,
Укажетъ имъ на образъ милый,
Ужъ сившійся душѣ твоей.

И въ ясный день, и подъ грозою,
 На встрѣчу счастья иль бѣды,
 И пронесется ль надъ тобою
 Тѣнь облака иль лучъ звезды —
 Молись! молитвою святою
 Въ насъ зрѣють тайные плоды.

Все зыбко въ жизни сей проточной,
 Все тѣвню дажь должно принести,
 И радость быть должна непрочной
 И роза кажда отцвѣсть:
 Что будетъ — то въ дамъ заочной
 И ненадежно то, что есть.

Однѣ молитвы не обмануть
 И тайну жизни изрекутъ;
 И слезы, что съ молитвой капуть,
 Въ отверстый благостью сосудъ,
 Живыми перлами воспрянуть
 И душу блескомъ обовьютъ.

И ты, такъ радостно блистая
 Зарей надеждъ и красоты,
 Въ тѣ дни, когда душа молодая —
 Святыня дѣвственной мечты, —
 Земнымъ цвѣтамъ земнаго мая
 Не слишкомъ довѣрайся ты;

Но вѣруй съ дѣтской простотою
 Тому, что намъ не отъ земли,
 Что для ума покрыто тьмою
 Но сердцу видимо въ дали,
 И къ свѣтлымъ таинствамъ мольбою
 Свои надежды открыли.

КНЯЗЬ П. ВЯЗЕМСКІЙ.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

О КОННОЗАВОДСТВѢ И СКАЧКАХЪ.

Статья вторая. (*)

Убѣдившись положительно, что размноженіе кровныхъ скакуновъ, надлежащимъ образомъ воспитанныхъ и сравнительнымъ испытаніемъ въ скачкахъ оправдавшихъ свои внутреннія достоинства, можетъ и должно возвышать массу коннозаводства въ государствѣ во всѣхъ его видахъ и подраздѣленіяхъ; мы можемъ ясно представить себѣ необходимость призовъ, которые могли бы заинтересовывать къ содержанію скаковыхъ лошадей на заводахъ и обратить на этихъ лошадей непосредственное вниманіе и попеченіе заводчиковъ.

Правительство наше вполнѣ призвало эту истину: цѣнные Императорскіе призы учреждены въ Петербургѣ, Москвѣ и Лебедяни. Отличныя скаковыя жеребцы на иждивеніи казны куплены и допускаются къ приплоду за весьма-дешевую цѣну.

Но постараемся разсмотрѣть, могутъ ли столь значительныя и благодѣтельныя поощренія содѣйствовать къ достиженію главной цѣли, то-есть, къ *обширнѣйшему размноженію въ государствѣ лошадей скаковой породы?*

Призы были учреждены и нынѣ раздаются въ Москвѣ и въ Лебедяни *разновременно*, такъ, что однѣ и тѣ же лошади, принадлежащія малому числу владѣльцевъ, занимающихся скачкою по страстной охотѣ, — разбираютъ эти призы. Не было призовъ, а конскіе заводы, изъ которыхъ лошади нынѣ ихъ выигрываютъ, существовали всѣ до одинаго прежде; существованіемъ своимъ они обязаны собственно уваженію ихъ владѣльцевъ къ достоинствамъ скаковой породы. Со времени же учрежденія призовъ, не только

(*) Первая статья напечатана во 2-й книжкѣ «Отечеств. Записокъ» сего года.

ни одного новаго завода, но даже ни одного охотника до скачекъ не прибавилось у насъ въ-теченіе пятнадцати лѣтъ.

Слѣдовательно, учрежденіе призовъ не принесло существенной пользы, кромѣ той (и весьма-немаловажной), что съ-тѣхъ-поръ, какъ завелись скачки, отличились лошади достойнѣйшія и заводы кровныхъ лошадей поддержались отъ упадка и совершеннаго уничтоженія; такому уничтоженію подверглись многіе заводы, возникшіе въ прошедшемъ столѣтіи, въ то время, когда знаменитѣй конскій заводчикъ графъ Орловъ-Чесменскій занимался скачками въ Москвѣ.

Время это, конечно, составило эпоху: лошади нынѣшнія, которыми можемъ еще мы гордиться, суть не что иное, какъ еще несовершенно-переродившееся и изпорченное племя лошадей, выписанныхъ тогда собственно для скачекъ многими владѣльцами изъ за-границы, или благоразумное смѣшеніе ихъ съ лошадьми туземными, произведшее отличныхъ верховыхъ и упряжныхъ лошадей, какихъ до того времени въ Россіи не бывало. Свидѣтельствомъ тому служить могутъ заводы графини Орловой, графовъ Разумовскихъ, Апостола Чербы, и пр.

Съ смертію графа Орлова-Чесменскаго уничтожились скачки, которыя онъ, по богатству и значительности, своей въ обществѣ, могъ поддерживать. И что же вышло? Заводчики наши устремились на одну условную красоту и выборъ шерстей безъ отъѣтнѣй; продолжали покупать многое множество заводскихъ жеребцовъ изъ Англіи, но какихъ?... Слѣдствіе было то, что всѣ хорошіе заводы исчезли, коннозаводство козлевами признано за заведеніе *убыточное*, и въ Россіи утвердилось мнѣніе, *что англійскими лошадьми перепортили всѣ заводы*. Всякій нынѣ избѣгаетъ покупки англійской лошади, какъ чумы.

Ясно, что порода скаковыхъ лошадей умножаться не можетъ: кому прійдетъ въ голову мысль не только завести скаковой заводъ (дѣло недешевое и требующее предварительныхъ познаній), но даже купить одну лошадь для скачки, хотя бы призы были *идеятеро цѣннѣе существующихъ*?.. И вотъ тому причины:

Во-первыхъ, справедливо, всякому представляется невозможнымъ выиграть призъ у насъ — охотниковъ и заводчиковъ старыхъ, занимающихся этимъ дѣломъ десятки лѣтъ и получившихъ знаніе и опытность; *во-вторыхъ*, если не выигрывать призовъ, то куда дѣваться съ кровными лошадьми? ихъ всѣ избѣгаютъ по укоренившемуся мнѣнію.

Сами мы (старые скаковые заводчики), по этой причинѣ, не только не увеличиваемъ своихъ заводовъ, а напротивъ уменьшаемъ ихъ, оставляя такое число кобылъ, какое нужно, чтобъ имѣть довольно скакуновъ для учрежденныхъ призовъ. Можно сказать смѣло, что если изъ малаго, нынѣ въ Россіи существующаго числа скаковыхъ заводчиковъ убудеть одинъ,—мѣсто его, вѣрно, останется незанято.

Конечно, скачки царскосельскія устранять (по близкому времени) съ московскаго круга лучшихъ скакуновъ и представлять надежду и способъ второкласнымъ лошадямъ выиграть призы московскіе; но можно предвидѣть, что каждый изъ насъ (скаковыхъ заводчиковъ) будетъ въ возможности имѣть скакуновъ здѣсь и тамъ; слѣдовательно, призы останутся за нами же, и преграда для охотниковъ новыхъ останется та же.

Куплены казною отличные жеребцы и дешево допускаются къ приплоду; но выращенный отъ нихъ приплодъ продается дешевле самой плохой породы. Взгляните на аукціонную продажу кровныхъ дѣтей дон-Жюліана, Бирмингама, Мидльтона и прочихъ. Отъ-того, во многихъ мѣстахъ, скаковые казенные жеребцы стоятъ даромъ.

Что жъ послѣ этого остается намъ дѣлать для пользы нашего коннозаводства,—если важныя, и по-видимому единственныя средства: цѣнные призы для скачекъ и выписка отличныхъ заводскихъ лошадей ничего не могутъ произвести къ умноженію кровныхъ лошадей въ государствѣ?

Представьте себѣ, для примѣра, что сдѣлалось нужнымъ размножить въ государствѣ — свекловицу. Извольте тратить какія угодно деньги на выписку сѣменъ, раздавайте ихъ даромъ, и сверхъ-того, подарите поселянамъ обиліе хорошаго качества земли, сами всашите, посѣйте,—что выйдегъ?.. Родившуюся свекловицу, можетъ-быть, выберутъ—на кормъ скоту, а подаренная земля, на весну засѣютъ—овсомъ!.. тѣмъ дѣло и кончится. Постройте же въ разныхъ мѣстахъ этого государства сахарные заводы, и уже не хлопчите о свекловицѣ; не надобно ни земель, ни сѣменъ, ни попеченій: земли наймутъ, раздѣшутъ, удобрятъ отлично, сѣмена купятъ, посѣютъ, будутъ полоть, поливать и произведутъ свекловицы столько, сколько могутъ купить заводы.

Точно то же съ лошадьми: чтобъ размножить скаковую породу въ государствѣ, надобно дѣйствовать сначала не для великолѣпія зрѣлищъ или славы богатыхъ охотниковъ,—про нихъ надобно забыть; а размноженіе скакуновъ и скачки стараться сдѣлать ре-

леслаиъ для многихъ : тогда дѣло сдѣлается дѣломъ, и время не прѣмѣнно приведетъ къ цѣли.

Пусть учредится въ разныхъ мѣстахъ болѣе призовъ для скачекъ *постоянно*; пусть состязанія за тѣ призы назначатся *оезд* почти въ *одно время*, дабы старые искусившіеся въ дѣлѣ охотники никакъ не могли съ своими лошадьми поспѣвать во всѣ мѣста и служить преградою тѣмъ, которые, изъ одной цѣлности приза, займутся скачками, какъ промысломъ: тогда смѣло отложитъ всякое попеченіе о размноженіи скаковой породы, не тратьте денегъ на покупку заводскихъ жеребцовъ, закройте всѣ сводныя конюшни; все сдѣлается само-собою: жеребцовъ и кобылъ найдутъ и въ Англіи и въ Россіи, дорого за нихъ заплатятъ; скаковыхъ лошадей будутъ искать, будутъ за ними бѣгать и другъ у друга перекупать. Тогда опытные и знающіе заводчики не въ выигрышахъ призовъ увидятъ награду своихъ трудовъ и попеченій — награду, можно сказать, и невѣрную, — а въ хорошемъ *сбытѣ* лошадей, настоящимъ двигателемъ всякой промышленности частной. Тогда всѣ (кто только можетъ) увеличатъ нынѣ существующіе кровные заводы, имѣя въ виду вѣрную продажу; возникнутъ непремѣнно заводы повые, и количество кровныхъ лошадей неожиданно-скоро размножится.

Тогда коннористательное дѣло можетъ раздѣлиться на двѣ отрасли (что будетъ вѣрнымъ признакомъ основательнаго учрежденія коннозаводства): во-первыхъ, явятся заводчики-воспитатели (*breeders*), которые, вовсе не занимаясь скачками, будутъ производить въ заводахъ своихъ кровныхъ лошадей — для выгодной продажи; во-вторыхъ, возникнутъ люди (*sportsmen*), кои, не имѣя ни имущества для заводовъ, ни капиталовъ, ни нужныхъ познаній, займутся собственво скачками, какъ промысломъ, и будутъ покупать для него лошадей у заводчиковъ — сначала для выигрышей призовъ, правительствомъ определенныхъ, а потомъ мало-по-малу приучатся дѣлать и подписки. Такой классъ охотниковъ весьма-скоро образуется изъ нашихъ конскихъ торговцовъ (барышниковъ).

Въ Лебедяни у охотниковъ существуетъ обыкновение давать призы для скачки лошадямъ некровнымъ; призъ этотъ составляетъ складчиною никогда не болѣе 300—400 рублей, и почти каждый барышникъ имѣетъ для такого приза нарочно-купленную и приготовленную лошадь; всегда скачутъ на него лошадей до десяти. Если столь малоцѣнный, непостоянный и даже невѣрный призъ заставляетъ пріобрѣтать лошадей, то чего же произведутъ призы

цѣнные, постоянные и устранивныя отъ соперничества съ лошадей заводчиковъ знающихъ, опытныхъ и богатыхъ?

Многихъ лошадей послѣ скачекъ будутъ продавать куда попа- ло, смотря по достоинству, иногда за самую дешевую цѣну; та- кимъ-образомъ кровныя лошади лягутъ и въ земледѣльческихъ за- водахъ и работахъ, и на почтахъ, и вездѣ принесутъ несомнѣнную пользу. Когда будутъ употреблять скаковыхъ лошадей въ различ- ную вѣду (чего нынѣ нѣтъ), узнаютъ по опыту ихъ силы и спо- собности къ трудамъ, тогда оцѣнятъ достоинство породы, озабо- тятся ея размноженіемъ и примѣшеніемъ къ прочимъ сортамъ.

Тогда именно сами-собою заведутся общія скаковыя конюшни: ремесло это, сдѣлавшись нужнымъ, сдѣлается и выгоднымъ, и для такихъ предпріятій лягутъ и Англичане и Русскіе, между-тѣмъ, какъ теперь съ большими пожертвованіями учредили - было въ Москвѣ общую конюшню, и дѣло это не могло устоять двухъ лѣтъ.

Конечно, вервыя скачки начнутся кое-какъ, кое на какихъ ло- шадяхъ, — иначе и быть не можетъ по неопытности; но это не ва- долго: прилежное занятіе дѣломъ, отъ желанія выиграть, очень- скоро породитъ нужное знаніе, и люди того разряда, о которомъ я говорилъ, весьма-недолгое время останутся въ неувѣдѣніи. Тогда ознакомятся съ качествами лошадей кровныхъ и ложное понятіе, нынѣ существующее, — исчезнетъ.

Пусть вспомнить, какъ начались скачки въ Лебедяни; пусть пріймутъ въ соображеніе еще и то, что ихъ начинали люди, по- читавшіеся охотниками опытными; а что они сами теперь дума- ютъ о тѣхъ первоначальныхъ скачкахъ?

Взгляните на скачки новороссійскія: тамъ со времени учреж- денія Императорскихъ призовъ, скакали лошади туземныя, и вла- дѣльцы были ими очень-довольны до 1834 года, то-есть до-тѣхъ- поръ, пока я не вздумалъ послать въ Херсонъ лошади кровной. Само-собою разумѣется, что всѣ состязавшіеся съ нею лошади остались за флагомъ, многія вовсе стали; и съ-тѣхъ-поръ куплено въ Новороссійскій Край съ извѣстныхъ кровныхъ заводовъ болѣе сорока лошадей. Черезъ два года и уже не могъ въ Екатерино- славѣ выиграть приза на лошади несравненно-лучшей и выиграв- шей въ Москвѣ и Лебедяни.

Графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ писалъ ко мнѣ, что скачки въ Новороссійскомъ Краѣ совершенно перемѣнились, и что жела- ніе завести лошадей кровныхъ болѣе и болѣе разпространяется.

По моему мнѣнію, призы для скачекъ въ Россіи должно учре-
Т. К. — Отд. IV.

дать въ мѣстахъ болѣе населенныхъ и во грунту способнѣйшихъ для коннозаводства. Высшаго разряда губерній: Московскую, Калужскую, Тульскую и Рязанскую почитаю я лучшими, по возвышенности Алауна, глинистой почвѣ и гористымъ мѣстоположеніямъ.

Еслибъ въ каждой изъ сихъ четырехъ губерній назначить постоянно по *три* приза въ трехъ разныхъ уѣздныхъ городахъ, деньгами, по 600 рублей серебромъ, что составитъ менѣе даваемого нынѣ комитетомъ въ Москвѣ и Лебедини, то они произведутъ пользы болѣе, нежели сто или двѣсти тысячъ, данныхъ на призы въ *одно* мѣстѣ. Въ семь послѣднемъ случаѣ будетъ только прибавка дохода въ карманы наши (опытныхъ охотниковъ), раздѣленная каждому по счастью, — и болѣе ничего.

Скачки должны быть собственно для лошадей *трехлѣтнихъ*, потому, *во - первыхъ*, чтобъ заводчики воспитывали жеребятъ надлежащимъ образомъ для скачекъ (*). *Во-вторыхъ*, потому что для выигранныхъ призовъ, правительствомъ данныхъ, каждый годъ потребуются скакуны новые, чѣмъ естественно усугубится покупка ихъ въ заводахъ и послужитъ средствомъ къ размноженію. *Въ-третьихъ*, при покупкѣ лошади двухлѣтней, какъ продавецъ, такъ и покупатель будутъ основываться на породѣ и признакахъ наружныхъ; испытанія быть не могло, — следовательно, покупатель всегда можетъ имѣть надежду на возможность *приобрѣтенія* лошади отличной. *Въ-четвертыхъ*, положится преграда неопытности охотниковъ и удержать ихъ отъ напрасныхъ покупокъ, для скачекъ, лошадей горскихъ, казачьихъ и проч.

Въ Москвѣ же, Тулѣ и Лебедини, гдѣ составились общества, дающія свои призы, пойдетъ все своимъ порядкомъ. Общества эти всегда будутъ чрезвычайно-благотворительны для коннозаводства, и, можетъ-быть, подобныя имъ составятся въ другихъ мѣстахъ имперіи; ихъ кубки, вазы съ подписными деньгами будутъ привлекать на ихъ ипподромы лошадей разныхъ возрастовъ; тутъ смѣрятся достоинства уже отличившихся скакуновъ, и имъ назначится, общимъ судомъ знатоковъ и охотниковъ, настоящая степень цѣнности и важности для заводовъ.

(*) Если спросить, почему заводчикъ, воспитывающій жеребенка для скачки въ *три* года, не употребить къ его воспитанію тѣхъ же средствъ, чтобъ скакать ему въ *четыре*? — отвѣчаю: потому-что для скачки въ три года заводчикъ долженъ продавать лошадь охотнику въ *два*, и если она воспитана дурно, никто ея не купитъ *по виду*. Трехлѣтняя же лошадь, поступая въ продажу, возрастомъ своимъ закроетъ для покупателя всѣ недостатки воспитанія.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЗЕМЛЕДѢЛЬЦА (*).

=

I.

Какъ ни велика у насъ разность въ видахъ, желаніяхъ и мнѣніяхъ, но мы всѣ, отъ перваго до послѣдняго согласны въ томъ, что Россія, ея могущество, ея слава, ея благоденствіе должны быть цѣлю всѣхъ нашихъ стремленій.

Мы учены, но всему учились у чужестранцевъ. Наши учителя — ученики чужестранцевъ. Наши учебныя книги, мысли и виды въ нихъ выражающіяся, все заимствовано изъ сочиненій иностранцевъ!

Ученіе—свѣтъ а неученіе—тьма!.. Въ чемъ же состоитъ истинная ученость? Въ знаніи всего того, что отличившіе люди наблюдали, думали, заключали и доказывали опытомъ. Все прочее есть знаніе поверхностное, влекущее за собою недоумѣнія и ошибки.

Въ чемъ же состоитъ наша обыкновенная житейская ученость?

Вы вѣрно слушали съ полгода курсъ какой-нибудь науки, а намъ нуженъ цѣлый годъ прилежнаго занятія, дабы съ основательностію судить о какомъ-либо одномъ важномъ предметѣ. О каждомъ долго думали, наблюдали, сравнивали и спорили лю-

(*) Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на сіи мысли опытнаго русскаго романиста-земледѣльца. Онъ— начало труда важнаго и совершенно-новаго въ своемъ родѣ, продолженіе котораго будетъ постепенно сообщаемо нашимъ читателямъ. Никто, можетъ-быть, до-сихъ-поръ съ такою искренностію и знаніемъ дѣла не касался самыхъ коренныхъ вопросовъ, относящихся до земледѣлія въ Россіи; новая точка зрѣнія сочинителя должна возбудить проработки въ приверженцахъ старыхъ мнѣній, но тѣмъ лучше: лишь полная искренность, лишь забвеніе всякаго самолюбія можетъ довести насъ до каго-либо положительнаго въ этомъ важномъ, существенномъ предметѣ, о которомъ уже столько писали, писали — и, если не ошибаемся, не дописали.

Ред.

ди ученые и трудолюбивые: кто может осмѣливаться судить о томъ же предметѣ, не зная того, что отличнѣйшіе изъ его предшественниковъ до него рѣшили и доказали. Или полагаете вы исполинскою силою высокоумнаго вашего ума замѣнять то, что протекшія одно за другимъ столѣтія дептами принесли въ сокровищницу познаній?

Если мы все прочли и все обдумали, чему можно научиться изъ книгъ, то этого еще мало. Не-ужь-ли въ-самомъ-дѣлѣ вы почитаете возможнымъ устроить что-нибудь у насъ на основаніи сей единственно у иностранцевъ почерпнутой мудрости? Она для насъ дѣло постороннее, общія умозрѣнія, второстепенное средство. Когда дѣло идетъ о Россіи, тогда взоръ нашъ долженъ быть обращенъ прежде всего на положеніе нашей собственной земли въ политическомъ, гражданскомъ и нравственномъ ея бытіи, на то, почему Россія—Россія, а не Германія, не Англія, не Франція. На нашей народности и ни на чемъ болѣе должны быть основаны всѣ учрежденія, виды и мысли, относящіяся къ нашей землѣ, словомъ: общее европейское ученіе должно быть пособіемъ, а болѣе ни чѣмъ.

Я земледѣлецъ и издалека смотрю на ходъ нашей словесности: я вижу много изъ иностранныхъ книгъ переведеннаго и выписаннаго, много подражаній, а истинно-русскаго весьма-мало. До какой степени можетъ быть полезна такая словесность народу и государству?—этотъ вопросъ оставляю я въ сторонѣ.

Кто учился иностраннымъ языкамъ (а это такъ легко!), тотъ почти все писанное у насъ найдетъ точнѣе, яснѣе и подробнѣе изложеннымъ въ сочиненіяхъ Французовъ, Англичанъ и Нѣмцевъ: чего же намъ преимущественно требовать отъ русскихъ писателей въ настоящую минуту? Точнѣйшихъ и подробнѣйшихъ описаній своей земли, ея произведеній, промышленности и народонаселенія—описаній, основанныхъ на изслѣдованіяхъ самыхъ прилежныхъ, на трудахъ многолѣтнихъ. Много ли такого найдется въ русской словесности?

Въ такомъ дѣлѣ—важна въ нихъ чистая, безкорыетная мысль: «судьба бросила меня на глыбу черной земли, я попытаюсь перенести мои мечты объ этой небольшой частичкѣ Россіи;—вѣдь она русская!»

Довольно мы учились у другихъ: пора быть учителями въ свою очередь.

Землепашество первое изъ всѣхъ искусствъ: оно прекармливаетъ

человѣчскій родъ. Земледѣльческая наука есть важнѣйшая изъ всѣхъ, а вмѣстѣ и труднѣйшая: этой науки еще нѣтъ; мы Русскіе одни основать ее можемъ. Упустимъ ли мы изъ рукъ это славное дѣло?

Земледѣліе начиналось обращеніемъ дикихъ полей въ нивы: земледѣльческая наука должна начинать правилами объ обработываніи новинъ.

При самомъ первомъ паханіи земли, надлежало бы заниматься средствами къ полученію съ нея выгоднѣйшаго на всѣ предбудущіе годы; но люди, довольные изобиліемъ первыхъ урожаевъ, не заботились о будущемъ, съѣли и пахали по навыку, и наконецъ совсѣмъ истощили землю.

Истощенная земля есть уже земля испорченная: а при основаніи науки мы должны предполагать предметъ ея въ крѣпкомъ, первобытномъ, а не въ ослабѣвшемъ, болѣзненномъ состояніи.

Задача наша состоитъ въ опредѣленіи того, какими способами можно добыть отъ земли выгоднѣйшую жатву, начиная съ перваго и во всѣ предбудущіе годы.

Земледѣльческая наука принадлежитъ къ числу наукъ, основывающихся на опытѣ. Въ нихъ всѣ положенія должны быть испытуемы примѣненіемъ ихъ къ самому дѣлу и доказаны опытомъ. Это правило неоспоримо. Каждое положеніе, входящее въ составъ земледѣльской науки, имѣетъ предметомъ дѣйствіе земледельца, заключаетъ въ себѣ разные случаи, которые равнымъ образомъ должны быть изслѣдуемы примѣненіемъ ихъ къ дѣлу.

Сколько же такихъ случаевъ? Для исчисленія ихъ разберемъ дѣйствія земледельцевъ при обработываніи новинъ по годамъ, ограничиваясь при семъ разборѣ тѣми измѣненіями, которыя могутъ случиться въ посѣвахъ и удобриваніяхъ.

Первый годъ.—Посѣвъ. Сколько растений, столько и случаевъ къ изслѣдованію. *Объ удобриваніи* здѣсь говорить не будемъ; оно по общепринятому мнѣнію въ первомъ году почитается излишнимъ.

Второй годъ. Посѣвъ. Число случаевъ, бывшихъ въ первомъ году, умножается во столько кратъ, сколько вообще находится растений, годныхъ къ посѣву, ибо за каждымъ изъ посѣянныхъ въ первомъ году можетъ послѣдовать любое изъ прочихъ, или и то же самое.

Каждое растение, посѣянное въ первомъ году, имѣло свое особенное дѣйствіе на урожай того года и на измѣненіе частицъ почвы. Каждое вновь-посѣваемое растение будетъ опять имѣть свое особенное дѣйствіе въ томъ же двойномъ отношеніи, смотря

по тому, какое растеніе предшествовало въ предъидущемъ году.

Удобриваніе можетъ начинаться уже съ втораго года, а средствъ къ тому употребляемыхъ есть множество, а именно: разные пометы животныхъ и многоразличные составы изъ царства прозябаемыхъ и ископаемыхъ. Каждое изъ сихъ средствъ можетъ быть употребляемо или въ чистомъ видѣ, или въ смѣси съ другими. Сколько есть разныхъ средствъ и смѣсей, столько представляется новыхъ случаевъ для изслѣдованія, ибо каждое средство и каждая смѣсь, смотря по растенію, къ которому они примѣняются, имѣютъ свое особенное дѣйствіе на избытокъ и на состояніе почвы.

Слѣдовательно, во второмъ году будетъ подлежать изслѣдованію столько случаевъ, сколько есть возможныхъ въ посявахъ переменъ, умножаемыхъ числомъ возможныхъ способовъ удобриванія.

Въ *третьемъ году* за каждымъ изъ представившихся во второмъ году случаевъ могутъ послѣдовать опять столько же переменъ, сколько бываетъ различныхъ растений и способовъ удобриванія.

Положимъ, что въ первомъ году считалось около тридцати разныхъ случаевъ: во второмъ году будетъ уже болѣе тридцати тысячъ, а въ третьемъ нѣсколько миллионныхъ. И въ каждомъ новомъ годѣ число возможныхъ переменъ умножается въ той же пропорціи, потому что за каждымъ изъ прежде-бывшихъ можетъ послѣдовать любое изъ растений и удобрений. Отъ сего безпрестаннаго умноженія случаевъ наконецъ произойдетъ такое множество ихъ, что едва ли мыслимо его постигнуть можно.

А еще мы ничего не сказали: 1) о разныхъ способахъ обработыванія земли; 2) о способахъ сѣянія; 3) о родахъ земнаго уваживанія, смотря по употребляемымъ для того растеніямъ; 4) о парѣ, какъ средствѣ удобриванія; 5) о способахъ примѣненія удобрений къ землѣ, и т. п.—А каждымъ изъ сихъ способовъ число прежде-бывшихъ случаевъ умножится во столько же разъ, сколько въ немъ заключается разныхъ дѣйствій.

Но и этого недовольно! Сколько еще разностей въ климатѣ и почвѣ, какъ по первоначальному ея составу, такъ и по восплѣдовавшимъ отъ различныхъ поствовъ измѣненіямъ! Каждый изъ вышепоказанныхъ случаевъ представится въ иномъ видѣ при другомъ климатѣ, или другой почвѣ.

Поэтому и земледѣльческая наука безпредѣльна, и по существу своему никогда нескончаема: задачи ея безчисленны.

По сему и никто еще не осмѣливался создать ее, никто еще не испыталъ положить прочное ей основаніе. Чтѣ дѣлали до-сихъ-поръ тамъ, гдѣ земледѣліе въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, на-примѣръ въ Фландріи? Прилежно наблюдали за почвою и климатомъ и за дѣйствіемъ ихъ на возрастаніе произведеній; опытами отыскали тѣ посѣвы, способы обработыванія и средства удобри-ванія, которыя для нихъ выгоднѣе прочихъ; передали пріобрѣтен-ныя ими свѣдѣнія отъ одного поколѣнія къ другому, и тѣмъ по-ложили основаніе направляемому разсудительнымъ умомъ навыку. Но навыкъ никогда не можетъ замѣнить науку.

Кто можетъ создать ее? Одни мы, Русскіе! У Американцевъ одна господствующая страсть — корыстолюбіе, а у западныхъ Европейцевъ новинъ нѣтъ. У насъ же премножество новинъ и много богатыхъ владѣльцевъ огромныхъ дачъ; у насъ и общій духъ и жажда народной славы.

Всѣ вышепоказанные, безчисленные опыты, требуемые по строгой сціентифической методѣ для опредѣленія всѣхъ воз-можныхъ случаевъ, и мы сдѣлать не можемъ; но довольно будетъ и того, когда мы успѣемъ опредѣлить всѣ главные случаи и всѣ важныя измѣненія; и тогда мы можемъ сказать о себѣ, что мы положили основаніе земледѣльческой наукѣ, сколько это возможно человѣческимъ силамъ.

Однакожь и въ томъ ограниченномъ видѣ задача наша столь об-ширна, что она гораздо превзойдетъ силы одного человѣка и одного поколѣнія: она достойна быть предметомъ ревностныхъ упражненій цѣлаго народа. Трудящіеся по ней могутъ принести каждый только свою малозначащую лепту, камешекъ — къ вѣко-вому памятнику.

Мальтусъ правъ: по прекращеніи бѣдствій, слѣдующихъ изъ войны и неводержности, человѣческій родъ будетъ умножаться столь быстро, что скоро не достанетъ произведеній на прокормле-ніе его; но и произведенія могутъ быть умножаемы вдесятеро и болѣе, когда успѣютъ устроить земледѣльческую науку, пока-зывающую къ тому способы.

«Мечты!» говорятъ. Пусть, такъ и быть, если таковъ будетъ судъ современниковъ моихъ. И мечты о народной славѣ прости-тельны!

Но я считаю полезнымъ всякое соучастіе въ важномъ для всѣхъ трудѣ созданія земледѣльческой науки, и въ этомъ убѣжденіи

буду действовать. И слабые опыты бывают иногда предшественниками важнейших подвигов!

Совсемъ пропущено здѣсь ученіе о старыяхъ, истощенныхъ поляхъ. Они будутъ составлять предметъ, такъ-сказать прикладной земледѣльской науки, въ которой правила о надлежащемъ обработываніи свѣжей и здоровой земли будутъ примѣняемы къ разслабленной и безсильной.

II. О ЗЕМЛЕДѢЛІИ НА СѢВЕРѢ.

Холодный нашъ сѣверъ — страна важная и напрасно пренебрегаемая: почти всѣ смотрятъ на нее съ равнодушіемъ, многіе съ какимъ-то отвращеніемъ, нѣкоторые даже съ презрѣніемъ.

Но что повѣствуютъ намъ о сѣверѣ лѣтописи вѣковъ и описанія нравовъ народныхъ?

То, что на сѣверѣ меньше образованности, а болѣе дѣятельности; что сѣверный житель угрюмъ и суровъ, но привыченъ къ жертвованіямъ и трудностямъ жизни; что онъ отъ-того предприимчивѣе, отважнѣе и мужественнѣе другихъ; что сѣверный народъ какъ-бы предназначенъ Провидѣніемъ быть во всѣхъ отношеніяхъ побѣдителемъ.

Россія могущественна и нынѣ: Россія съ воздѣланнымъ сѣверомъ будетъ еще могущественнѣе. Сѣверъ для Россіи — то, чѣмъ для Испаніи была и должна бы быть Америка.

Испанцы не умѣли пользоваться тѣмъ, что даровано имъ счастливымъ случаемъ: они сдѣлали Америку колонією. Такъ поступали и другіе Европейцы, подражая примѣру мелкихъ греческихъ общинъ.

Гдѣ же нынѣ Испанская Америка? Что сдѣлалось съ сѣверо-американскими колоніями Англій?

Умнѣ Англичацъ и Испанцевъ поступали Россіяне. Весь зауральскій край принятъ въ вѣдра Россіи. Берега Бѣлаго и Ледовитаго Морей, Сибирь и Камчатка—одинъ составъ.

Но сѣверъ еще пусть и дикъ—когда же онъ процвѣтетъ?

Онъ будетъ населеннымъ и многолюднымъ тогда, когда увѣрятъ въ важныхъ для будущихъ поколѣній его преимуществахъ. Счастливы будетъ тотъ, кто успѣетъ ясно представить своимъ землякамъ всю важность и силу положенія сѣвернаго края.

I. На сѣверѣ много богатыхъ новинъ: потому урожай должны быть и будутъ изобильны. Гдѣ родится много хлѣба, тамъ и

можно разводить скотъ: ни въ лѣсѣ, ни въ дровахъ нѣтъ недостатка. Сѣверъ—золотое дно.

II. Народъ сѣверный—первѣйшій изъ всѣхъ. Стремленіе къ чувственнымъ наслажденіямъ — отличительная черта въ характерѣ южнаго жителя: во всемъ онъ ищетъ ихъ и губить, самого-себя неумѣреннымъ исканіемъ и безразсуднымъ пресыщеніемъ. Дѣтельность — отличительная черта въ характерѣ сѣвернаго жителя: онъ ищетъ прежде всего—удачи; въ борьбѣ съ суровою природою онъ долженъ прибѣгать къ труду усильному: симъ трудомъ развиваются умственные его способности и твердый характеръ. Какъ противоположны жаръ и холодъ, такъ противоположны южный и сѣверный житель: у одного умъ, у другаго чувство превозмогаетъ.

III. Сѣверъ будетъ неборимая крѣпость, неразрушимый упоръ Россіи. Сѣвера завоевать нельзя. Когда онъ будетъ населенъ русскимъ племенемъ до самыхъ предѣловъ хлѣбопашества, хотя бѣ въ третью долю только противъ Финляндіи, тогда намъ нечего будетъ опасаться ополченія и втрое сильнѣйшаго ополченія Наполеона и подъ предводительствомъ мудрѣйшаго еще полководца. Кто достигнетъ, кто обложитъ, кто сдавитъ летающихъ на лыжахъ сѣверныхъ стрѣлковъ, единоборцевъ съ медвѣдями? Образованное европейское войско не посмѣетъ шагнуть въ снѣжныя ихъ родины. Кого не забьетъ морозъ, того уморитъ голодъ—два союзника сѣверныхъ жителей, которые передаютъ имъ изнеможенныхъ жертвъ на закланіе.

Таковъ сѣверъ!

Какъ мы населимъ его? Есть самое надежное средство: устройство усовершенствованныхъ, образцовыхъ сельскихъ хозяйствъ.—Возможно ли это? Не только возможно, но и нетрудно, когда примемся за дѣло съ отличающею Русскихъ ревностью и настойчивостью. Представлю здѣсь нѣкоторыя заключенія изъ моихъ наблюденій и сдѣланныхъ мною опытовъ: можетъ-быть, и другіе сельскіе хозяева обратятъ на то свое вниманіе.

1. Въ сѣверномъ краю есть еще много хорошихъ новыхъ земель; въ давно-населенныхъ областяхъ онѣ уже истощены. Новины, въ первомъ году, даютъ навѣрно изобильный урожай: для того нужно только тщательное обработываніе земли. Судя по плультивнымъ моимъ опытамъ (1832 до 1836), я вполне увѣренъ въ справедливости сего мнѣнія: хотя почва новинъ была весьма-посредственная, но въ первый годъ получилъ я, въ холодной сѣверной

полосъ, въ мѣстѣ открытомъ, незащищенномъ отъ вѣтровъ, безъ малѣйшаго удобренія, не исключая и самого неплодороднаго времени, весьма-хорошій урожай.

2) Чтобы обезпечить изобиліе жатвъ въ послѣдующихъ затѣмъ годахъ, представляются два надежныя средства: или удобривать съ втораго уже года, или во второмъ году сѣять кормовыя травы.

3) Сѣверъ имѣетъ особенныя преимущества для сельскаго хозяйства, а именно: а) Снѣжность. Она бываетъ источникомъ влажности, обезпечивающей будущіе урожанъ противъ пагубнаго вліянія позднихъ морозовъ и сильныхъ весевнихъ вѣтровъ. б) Лѣтній зной, неохлаждаемый короткими ночами. Онъ чрезмѣрно ускоряетъ и развитіе растений, и созрваніе ихъ. в) Продолжительныя жестокия стужи. Онѣ дѣлаютъ возможнымъ осушеніе всѣхъ низменностей и всѣхъ почти болотъ, а тѣ в другія по осушеніи до-ставляютъ лучшія черноземныя нивы.

4) Лѣсовъ на сѣверѣ еще довольно: хозяйства могутъ быть устроиваемы по близости къ нимъ. Для усовершенствованнаго земледѣлія требуется много строеній, подстилки и искусственныхъ удобреній: на то надобно бревенъ, дровъ и хвоя, или прутьевъ. Лѣсныя издѣлія тяжелы для возки: чѣмъ ближе хозяйства къ лѣсамъ, тѣмъ болѣе сберегается труда—обстоятельство весьма важное въ странѣ, гдѣ еще много хорошей земли, а мало рукъ.

Основываясь на сихъ важныхъ мѣстныхъ соображеніяхъ, я не усомнюсь ни минуты выговорить то, что до-сихъ-поръ еще никто не осмѣливался выговорить, именно: отдать предпочтеніе сѣверному земледѣлію предъ южнымъ. На югѣ частые неурожаи: тамъ засуха, саранча, безснѣжность, всѣ бѣдствія жаркаго климата; нѣтъ ни бревенъ для надежныхъ, а вмѣстѣ и дешевыхъ строеній, ни хорошихъ дровъ для топлениа; истощенная земля, худо удовлетворяющая за трудъ, а въ изобильные годы дешевыя цѣны, невознаграждающія издержекъ. У насъ же, на сѣверѣ, лѣсъ и плодородныя, снѣжныя земли; влажность и снѣжность; довольно-высокія цѣны. Тамъ много шаткаго и опаснаго: здѣсь болѣе постояннаго и надежнаго.

Зачѣмъ же земляки мои, будто-бы влекомые какимъ-то заразительнымъ духомъ, гоняются за южными странами и за теплымъ климатомъ? Чего они тамъ ищутъ? удовольствія и наслажденія! Послѣ знойнаго дня, ежедневнаго безпокойства и усиленнаго труда, изнуренный чиновникъ, обогатившійся торговецъ, посѣдившій литераторъ, ищутъ себѣ тамъ беззаботной вѣги, и, можетъ-быть,

находятъ; но дорого платять ихъ погонки за кратковременное удовольствіе своихъ предковъ. Воспитываемыя на суровомъ сѣверѣ, дѣти ихъ привыкли бы, съ юныхъ лѣтъ, къ пожертвованіямъ и трудамъ: желанныя обольстительнымъ югомъ, они все болѣе и болѣе будутъ прильпятся къ нѣгъ и чувственнымъ наслажденіямъ.

Многихъ влечетъ къ югу подражаніе иностранцамъ, «недугъ новѣйшихъ Россійца», какъ сказалъ Пушкинъ: имъ нравятся Французскія и нѣмецкія благоустроенныя хозяйства, и они надѣются ввести ихъ легче и съ большимъ успѣхомъ въ соответствующемъ чужимъ краямъ умѣренномъ климатѣ.

Но пора отстать наконецъ отъ чужаго! Чужое для насъ не должно быть образцомъ. Будемъ благодарны иностранцамъ за труды ихъ по наукамъ; воспользуемся ихъ опытами, ихъ вѣрными наблюденіями, и примѣнимъ ихъ къ нашимъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, къ потребностямъ нашей земли. Заведенія иностранцевъ хотя довольно-хорошо устроены по мѣстнымъ соображеніямъ ихъ земли, однако не составляютъ еще вершины совершенства: склонность къ подражанію — признакъ слабости; башмачки карла исполнѣю не въ-пору!

Прійдите къ намъ на сѣверъ, вы, земляки мои, воспламененные ревностью къ отечественному, къ русскому. Сѣверъ—наша собственность; мы, Русскіе, одни его обладатели. Сѣверъ еще никѣмъ не изслѣдованъ; никѣмъ не отысканы свойственныя его климату преимущества: будемъ же искать ихъ, заведемъ на сѣверѣ собственно-наше, собственно-русское земледѣліе. Великое назначеніе сѣвера не будетъ всегда пренебрегаемо промышленностью: онъ будетъ населенъ; тамъ устроится новое, сильнѣйшее, свойственное сѣверу государственное хозяйство, соображенное съ свойствами нашей земли, съ нашимъ народнымъ характеромъ, съ видами нашего государства и съ вѣковымъ образомъ нашего правленія.

«Мечты!» Пусть это будутъ мечты. Чтò значитъ ничтожный голосъ одного пахаря противъ почти-общаго мнѣнія? Но это не помѣшаетъ мнѣ дѣйствовать соответственно внутреннему моему сознанію. Я убѣжденъ, что нѣкогда цвѣтуція русскія сельскія хозяйства будутъ устроены по линіи, простирающейся отъ 65-го градуса на западъ до 58-го на востокъ; не я, а, можетъ-быть, дѣти мои дойдутъ до этихъ предѣловъ. Могутъ ли существовать и за тѣми предѣлами такія же хорошія сельскія хозяйства? Я полагаю, что могутъ,—но утверждать не смѣю.

III. О земледельческой промышленности въ Россіи вообще.

Каждый любить свое ремесло: мнѣ подруга — земля.

Купецъ выше всего ставитъ торговлю, фабрикантъ фабричн-
дѣло, а я — земледѣліе.

Въ мечтахъ своихъ я воображаю себѣ Россію великимъ зем-
дѣльческимъ государствомъ: я вижу въ ней одинъ только главны
промыслъ, именно: сельскій.

Никакой человекъ не можетъ соединить въ самомъ-себѣ всѣ
совершенствъ: никакое государство не можетъ достигнуть высше
степени во всѣхъ отрасляхъ промышленности. И человекъ и госу-
дарству надобно избирать то, что свойственнѣе ему по его спосо-
бамъ и силамъ.

Пространство земли, многообразіе климатовъ, характеръ и
рода, политическія отношенія государства—кажется, все должн
насъ заставить сдѣлать его земледѣльческимъ, отдать преимущ-
ство земледѣлію.

Главная промышленная сила народовъ состоитъ въ грубомъ
произведеніяхъ ихъ земли. Безъ сихъ произведеній нельзя жить
никому: всѣ удобства жизни на нихъ основываются. Ни въ одномъ
почти году хлѣбъ не родится изобильно во всѣхъ странахъ: гдѣ-ни-
будь окажется въ немъ недостатокъ, и спросъ на него. То же самое
бываетъ и въ отношеніи къ другимъ произведеніямъ. Съ распро-
страненіемъ образованности и съ введеніемъ утонченной жизни
у всѣхъ почти народовъ, капиталы, способности и рабочія руки
обратились къ торговымъ и фабричнымъ предпріятіямъ, какъ де-
чайшимъ и пріятнѣйшимъ способамъ обогащенія и прокормле-
нія себѣ. Обрабатываніе земли казалось тяжкимъ, приличнымъ
только для самаго низкаго класса людей. Отъ-того произошло, что
въ-теченіе вѣковъ сельскія произведенія возвышались въ цѣнѣ,
фабричныя издѣлія понижались.

Все, требуемое для удовлетворенія нуждамъ и настоящимъ удо-
бствамъ жизни, Россія можетъ добывать изъ нѣдръ своей земли.
Она простирается отъ скрытаго въ туманѣ ледянаго полюса до
Малой Азии и Персіи. У насъ хлѣбъ и виноградное вино, пенька
ленъ, шелкъ—и бумагу хлопчатую заведемъ, когда понадобится;
насъ мясо, молоко и шерсть, рыба, кожи и звѣриныя шкуры, же-
лѣзо, мѣдь и благородныя металлы. Чего жъ намъ не достаетъ? Мы
можемъ имѣть свои лимоны и свой перецъ, такъ же, какъ и мысъ

вынѣ свой изюмъ и свой сахаръ. Богатство Россіи въ произведеніяхъ земли неизмѣримо: какъ земледѣльческое государство, она выше всѣхъ, и соперника ей нѣтъ.

Къ-чему же способнѣ нашъ народъ? Вопросъ важный и затруднительный! Гдѣ намъ отыскать прѣмыя, отличительныя черты характера народнаго? Безъ-сомнѣнія, въ томъ многочисленномъ классѣ, который искони и донынѣ былъ и остался настоящимъ русскимъ — въ классѣ земледѣльцевъ. Весьма-незначительно противъ нихъ число городскихъ жителей, и тѣ не безъ примѣси чужаго. А для кореннаго нашего русскаго земледѣльца гораздо-выгоднѣе остаться при сохѣ своей, отправляться съ первымъ лучомъ солнца на сѣнокосъ, поднимать тяжелый цѣпъ, выносить на пути сильную стужу—жизнь трудная и мужественная! Прикажете—и земледѣлецъ будетъ фабричнымъ: повелите — и послушно перемѣнитъ онъ деревенскую суровость на городскую нѣгу. А чтѣ тѣмъ выиграетъ онъ и чтѣ выиграетъ государство? Поставьте въ одинъ рядъ фабричныхъ, а въ другой земледѣльцевъ: кому отдадите вы преимущество? Кто смиреннѣ, послушнѣ, воздержнѣ, трудолюбивѣ: та ли часть чернаго народа, которая шатается въ годахъ, или та, которая не выходитъ изъ деревень? фабричный ли, заводной ли сидѣлецъ, или сельскій пахарь?

Россія—держава воинственная: это доказывается исторіею, и взглядъ на три части свѣта то подтверждаетъ. Въ семь міръ нельзя жить безъ борьбы, а лучшихъ воинновъ доставляютъ земледѣльцы. Русскій крестьянинъ есть природный воинъ: онъ можетъ сдѣлаться вдругъ меткимъ стрѣлкомъ и проворнымъ партизаномъ, а воинновъ для защиты отечества мы никогда не будемъ имѣть слишкомъ-много. Такого государства, каково русское, еще не бывало. Европейцы (сосѣды) смотрятъ на насъ съ удивленіемъ и съ завистью; а замышленные завистью планы хотя безумны, но иногда бываютъ опасны.

Изъ всего этого я вывожу заключеніе, что земледѣліе выгоднѣйшій для насъ промыселъ, и чѣмъ болѣе у насъ земледѣльцевъ, тѣмъ лучше.

Посмотримъ на тѣ государства, въ которыхъ процвѣтаютъ фабрики и заморская торговля; возьмемъ, на-примѣръ, славнѣйшее изъ нихъ, Англію. Какую она намъ представляетъ картину?

Англія — сильнѣйшая на морѣ и богатѣйшая держава, но она внутренно слаба. Фабрики и заморская торговля возвели ее на ту степень могущества, на которой она стоитъ нынѣ, но онѣ навле-

кли на нее и тягостное бремя непомерныхъ долговъ, безпрестанно-возрастающихъ. Всемирная торговля можетъ быть поддерживаемая одними превосходными морскими силами; распри съ соперниками неизбежны: онѣ ведутъ къ войнамъ, а тѣ къ новымъ долгамъ.

Англія разрушится, коль скоро прекратится сбытъ ея фабричныхъ издѣлій: для безпрестаннаго поддержанія его необходима обширная морская торговля. Фабричные, привыкнувъ во всю свою жизнь къ одностороннему только занятію, при упадкѣ того рода фабрикъ, на которыхъ работали, низвергнутся въ крайнюю нищету: Несчастное ихъ положеніе становится тягостнѣе изъ года въ годъ. Соперничество напрягаетъ до-крайности человѣческія силы, въ тѣсномъ кругѣ сосредоточенныя; ежегодно изобрѣтаютъ новыя машины для замѣны рабочихъ рукъ; человѣка превращаютъ въ простую машину — сперва взрослыхъ, а потомъ и дѣтей, яко дешевѣйшее еще орудіе.

Привлекательна ли эта картина, или она ложна?

Счастливы ли то государство, которое основываетъ существованіе свое на произведеніяхъ своей земли? Пока хлѣба довольно, земледѣлецъ спокоенъ: онъ счастливъ немногимъ; излишества ему венадобно; родина ему мила; онъ защищаетъ ее такъ, какъ жизнь свою.

Кто счастливѣе — Англичанинъ, или Русскій? Гдѣ болѣе крайней нищеты, гдѣ чаще голодная смерть, самоубійства, воровства? Не англійскій земледѣлецъ, а обдѣввшій фабричный, городской негодяй, ожесточенный морякъ опасны. Россія и нынѣ благословенный край: а чѣмъ не была бы она тогда, когда во всемъ огромномъ ея пространствѣ земледѣліе было бы въ томъ цвѣтущемъ состояніи, въ которомъ оно легко могло бы быть?

Съ сожалѣніемъ видитъ ревнистый сынъ отечества упадающее изъ года въ годъ земледѣліе. Кажется, не погода, а земледѣліе, несообразное съ свойственною сѣверо-восточной странѣ погодою, было причиною таковыхъ скудныхъ урожаевъ, каковы были въ прошломъ году. Прочтите любопытное обозрѣніе ихъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» (1839 N° 92). А что такое у насъ скудный урожай? Самъ-другъ съ половиною, или самъ-треть. А посредственный самъ-четверть и самъ-четверть съ половиною. Во всей Великой Россіи едва-ли въ двухъ или трехъ губерніяхъ урожай былъ хорошъ, и то въ сѣверныхъ, гдѣ еще болѣе новинъ. Въ самыхъ богатыхъ странахъ, несчастнаго плодородіе которыхъ съ давнихъ

известно, часто не родится хлѣбъ, между-тѣмъ, какъ на плодородной, песчаной фландрской почвѣ скудный урожай почитается обильностью, а тамъ скудный едва ли не лучше нашего посредственности. Какъ можно намъ продолжать истощеніе нашихъ полей, и всѣмъ не заботиться о поправленіи ихъ?

Есть одно надежное къ тому средство: устройство образцовыхъ хозяйствъ, открытых, доступныхъ для всѣхъ. Для Русскаго нужно только примѣръ, примѣръ на-самомъ-дѣлѣ, примѣръ, о которомъ онъ самъ разсудить можетъ. Когда вкоренится довѣренность въ сердца Русскаго, онъ готовъ сдѣлать все, что требуешь, и сдѣлать еще болѣе. Устройство образцовыхъ хозяйствъ, по моему мнѣнію, важное для Россіи дѣло.

IV. ОЪЪ ОБРАЗЦОВЫХЪ ХОЗЯЙСТВАХЪ ВЪ ПОМѢЩИЧЬИХЪ СЕЛЕНІЯХЪ.

Образцовыя заведенія могутъ дѣйствовать на усовершенствованіе русскаго земледѣлія разными способами:

1) Представленіемъ примѣра прибыльнаго хозяйства; это уже не худо, а мало.

2) Такимъ же примѣромъ прибыльнаго для хозяина а вмѣстѣ съ тѣмъ и полезнаго для государства хозяйства; это уже получше, но не довольно.

3) Примѣромъ такого же прибыльнаго и полезнаго хозяйства, съ введеніемъ его въ наши деревни; такое хозяйство достойно называться русскимъ образцовымъ.

Полезнымъ для нашего государства я называю то хозяйство, которое и доставляетъ непремѣнные изобильные урожаи, и предохраняетъ нивы отъ истощенія. Настоящимъ русскимъ образцовымъ я почитаю такое полезное хозяйство, которое стараются вести въ наши деревни и приохотить къ нему близъ-живущихъ крестьянъ.

На сихъ видахъ основываю я слѣдующій планъ образцоваго хозяйства:

1) Земли должно назначать около 250 до 300 десятинъ, половину для хозяина, а половину для сосѣднихъ крестьянъ. Земля если можно, болѣею-частью должна быть новою.

2) Примѣръ усовершенствованнаго хлѣбопашества долженъ быть сперва представленъ на поляхъ хозяина и на счетъ его.

3) Главныя правила будутъ: 1) новинъ совсѣмъ не допускати къ истощенію, а старыхъ полей по-крайней-мѣрѣ не къ высшей степени его; 2) примѣнить, сколько можно по мѣстнымъ обстоятельствамъ, всѣ удобныя къ удобряванію средства, которыя намъ до-сихъ-поръ извѣстны; 3) стараться всѣми силами о непремѣнномъ добываніи самаго большаго съ земли дохода, а слѣдственно и объ избираниіи выгоднѣйшаго для посѣва, по мѣстнымъ соображеніямъ, полеваго растенія; 4) стараться о разведеніи кормовыхъ травъ и тѣхъ вообще растеній, которыя съ пользою употребляемы быть могутъ на кормъ для скота; 5) неплодородныхъ земель совсѣмъ не обрабатывать, но оставлять ихъ въ паству, если выгоднѣйшее ихъ употребленіе невозможно; 6) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ недостатокъ въ лѣсахъ, завести ихъ въ большемъ или меньшемъ объемѣ, смотря по обстоятельствамъ, а преимущественно употреблять на то истощенныя поля по надлежащемъ приготовленіи ихъ къ лѣсоводству.

Судя по наблюденіямъ и опытамъ моимъ, я не почитаю труднымъ склонять нашихъ крестьянъ къ выполненію вышеннеложенныхъ правилъ. Нашъ простой народъ охотно пріймется за всѣ полезныя нововведенія, если при наученіи его поступать благородно. Не довольно приказать, но надобно доказать очевиднымъ примѣромъ преимущество усовершенствованнаго способа. Представьте сперва предъ глазами нашего крестьянина успѣхъ вашей методы на собственныхъ вашихъ поляхъ, и растолкуйте ему причины успѣха. Онъ скорѣе пойметъ васъ, нежели вы полагаете. Видя ряды густыхъ сноповъ на вашихъ нивахъ, онъ пожелаетъ увидѣть такую же благодать Божию и на своемъ полѣ. Тогда предлагайте ему товарищество на одной или нѣсколькихъ нивахъ, безъ риска для него, но съ участіемъ съ его стороны въ нужныхъ для заступанія ихъ земледѣльческихъ работахъ, за которыя слѣдуетъ заплатить ему полную ихъ цѣну. По окончаніи жатвы, представьте ему точный счетъ всѣхъ издержекъ и въ ту же минуту отдайте ему весь тотъ барышъ, который по исчисленію останется на его доль. Продолжайте такое наученіе два или три года, а потомъ отдайте въ собственное его распоряженіе десятину или полторы, съ тѣмъ, чтобъ онъ съ точностью выполнилъ вышеннеложенныя правила. Когда онъ не исполнитъ условія, то, послѣ двукратныхъ или троекратныхъ предостереженій, непремѣнно отберите отданное ему поле, не слушая никакихъ отговорокъ; если же онъ поступаетъ согласно съ условіемъ, то прибавьте ему десятину или

не. Наблюдайте только одно главное правило: будьте справедливы и не будьте никогда слабы.

Груденъ ли этотъ планъ для исполненія? Не думаю. Чего не имѣетъ русскій челоувѣкъ, разъ увѣрившись въ выгоды или необходимости дѣла? Надежнѣйшее средство для улучшенія состоянія крестьянъ есть усовершенствованіе ихъ земледѣлства; это важно для всего русскаго дворянства. Всѣ почти дворяне были суть или будутъ помѣщиками, они или дѣти ихъ. Благосостояніе, спокойствіе, душевное наслажденіе русскаго помѣщика основаны на благополучіи его крестьянъ. Доставьте крестьянину изобильные урожаи, давайте ему столько хлѣба, сколько надобно, чтобъ прокормить его съ семействомъ и удовлетворить необходимымъ о нуждахъ, и онъ будетъ взирать на васъ съ благоговѣніемъ, не какъ на барина и господинна своего, но какъ на кормильца и отца.

Не плѣвительна ли эта картина для русскіхъ дворянъ? Есть ли кто одинъ изъ нихъ, который не желалъ бы въ своемъ имѣніи привести эту мысль въ исполненіе?

Такое дѣло не мечта. У насъ земли много,—и земли хорошей; у насъ природная сметливость и крѣпкія мышцы; болѣе этого ничего не нужно.

Не вѣрьте только предрассудкамъ! Вперите взоры на Россію, а не на чужіе края—узнаете собственныя свои, русскія силы!

Крѣпкія мышцы, направляемыя умомъ, произведутъ изобиліе вездѣ, гдѣ хорошая земля. Это аксіома — положеніе столь очевидное, что ни одинъ мыслящій челоувѣкъ, знающій земледѣліе, не усомнится въ его справедливости.

Приступимъ къ дѣлу! Устроимъ образцовыя хозяйства не по чужестранному примѣру, но по требованіямъ нашей земли, а главнѣйшее изъ нихъ: упрочиваніе счастья нашихъ поселенъ на самой твердѣйшей подпорѣ—на усовершенствованіи ихъ земледѣлія. Распространимъ образцовыя хозяйства въ губерніяхъ нашихъ, не по одному или двумъ, но десятками и сотнями. Покажемъ удивленной Европѣ примѣръ распространенія въ огромной имперіи прочнаго благополучія крѣпостныхъ крестьянъ посредствомъ рачительнаго попеченія дворянъ-владѣльцевъ, и подкрѣпимъ узами благодарности старинныя связи важнѣйшихъ въ государствѣ состояній!

Счастливы были бы эти листки, если бы удалось ими обратить вниманіе дворянъ нашихъ на предметъ важный, а для исполненія нетрудный. Хорошая воля есть: надобно только собраться съ силами. Не такіе подвиги совершали русскіе дворяне. Вспомните двѣнадцатый годъ! . . .

РУССКІЙ ПАХАРЬ,

КРИТИКА.

О ЖИЗНИ ЛИТЕРАТУРНОЙ или отвѣтъ на рецензю Терапевтическаго Журнала, издав. и статей «о жизни», соч. *Ив. Зацепинъ*. Москва. 1839.

—

Что это значитъ, читатели,—мы объяснимъ вамъ сей-часъ же. Г. Ив. Зацепинъ сдѣлалъ на досугъ нѣсколько, какъ онъ выражается, «умозрѣній», а умозрѣль онъ, также если вѣрить ему, «жизнь»... Какую жизнь? спросите вы, —этого мы не знаемъ, хотя г. Ив. Зацепинъ, ради общей пользы и преспеянія наукъ, и издалъ свои умозрѣнія и хотя мы отдавали уже въ нихъ отчетъ вамъ. Сначала было — подумали мы, или лучше повѣрили почтенному «сочинителю умозрѣній жизни», что это жизнь человѣческая, по послѣ, когда просмотрѣли изданныя имъ книжки, увидѣли, что мы жестоко обманывались, и что авторъ, хотя и «извѣстный своею глубокою ученостью» (объ этомъ см. ниже), любитъ иногда позабавиться и поминутно фиксировать; мы увидѣли въ жизни, построенной и изъ умозрѣній г. Зацепина, нечто такое странное, такое дикое, что нѣволью подумали: не хочетъ ли вочтенный авторъ продолжать жалостный журналъ чиновника Попрыщина, (произведеніе Гоголя). Если бы намъ

Т. X.—Отд. V.

предположеніе было справедливо, то мы могли бы общать Россіи талантъ первостепенный, а Гоголю опаснаго соперника. Но, къ-сожалѣнію, мы не можемъ исполнить этой пріятной обязанности, потому-что г. Ив. Зацепинъ вовсе не такъ смотритъ на свои «умозрѣнія». Онъ говоритъ рѣшительно и серьёзно, что будто умозрима имъ «жизнь» есть точно жизнь человѣческая. Это мнѣніе г. Зацепина о публикованныхъ имъ умозрѣніяхъ мы узнали вотъ изъ этой самой книжки, или, что мы говоримъ! изъ этой очень-объемистой книги, которой заглавіе здѣсь выписали, и которая, — честь имъ-есть рекомендовать вамъ, читатели, — очень-сердита.

Въ этой книгѣ дѣло идетъ о литературной жизни, какъ и значится въ заглавіи; но жаль, очень-жаль, что и «литературная жизнь» г. Зацепина такъ же красива и мила, какъ его просто «жизнь». Вотъ видите, какъ родилось у г. Зацепина это новое чадо: онъ прочелъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ»

прошлаго года рецензія его умозрѣній; рецензіи ему не поправились, показались несправедливыми, пехорошими (у г-на Зацепина вкуса очень тонкій!); г. Зацепинъ долго думать не сталъ, взявъ перо и принялся писать возраженія, изписавъ оны много бумаги, отослалъ въ типографію и составилъ такимъ образомъ книгу въ 8-ю д. л., во 103 стр. Почему онъ называлъ ее «литературною жизнью», мы на это не можемъ удовлетворительно отвѣчать, точно такъ же, какъ и на то, почему онъ называлъ свои прежнія брошюрки статьями «о жизни».

Г. Зацепинъ соединилъ съ искусствомъ двѣя «умозрѣнія о жизни» необыкновенное въ нашъ гордый и самолюбивый вѣкъ смиреніе. Прежде нежели приступилъ онъ въ своей книгѣ къ дѣлу, онъ, не желая, чтобы ему въ избытокъ достоюлжнаго благоговѣнія приписали излишнія, непринадлежащія ему титула, прямо говорить, что онъ просто не болѣе, какъ «мужъ, извѣстный своею ученостію и глубокими познаніями, докторъ медицины, коллежскій совѣтникъ и въ добавокъ Иванъ Яковлевичъ». Для этого онъ разкрываетъ свой формулярный списокъ, патенты, свидѣтельства... Съ величайшимъ удовольствіемъ готовы мы исполнить желаніе почтеннаго Ивана Яковлевича и чествовать его, пожалуй, хоть при всякомъ случаѣ сими простыми титулами, не прибавляя къ нимъ ничего, какъ бы ни болѣе глубоко наше къ нему уваженіе.

Послѣ этого, Иванъ Яковлевичъ приступаетъ уже къ дѣлу, т. е. къ опроверженію мнѣній рецензентовъ объ его умозрѣніяхъ.

Въ первой рецензіи сказано было объ его книжкѣ «О жизни», что въ ней, въ этой маленькой книжкѣ, все сдавлено, перенувано, сброшено въ самый безжизненный (мы прибавимъ теперь—въ

самый непостижимый) хаосъ; все убито, изъ всего вырвана душа, все лишено своего аромата; изъ всего вьется могильною сыростію, тлѣніемъ, холодомъ и среди опустошеннаго міра подставляется призракъ смерти, и т. д.

Такъ пишетъ рецензентъ № 1-го, возмущаетъ Иванъ Яковлевичъ: «прошу же обратить вниманіе ваше, безпристрастный читатель, есть ли что-нибудь похожее на этотъ вздоръ въ моихъ умозрѣніяхъ?» И для доказательства, вырываетъ нѣсколько клочковъ изъ своей брошюры, которые вовсе не опредѣляютъ ея характера. Въ этихъ на подборъ выхваченныхъ отрывкахъ, правда, упоминаются предметы великіе, священныя, но только что упоминаются, и вовсе не проникаютъ собою, какъ живое начало, мыслей Ивана Яковлевича. Иванъ Яковлевичъ тщательно выбралъ въ эти мѣста, изъ которыхъ нѣкоторые заключаютъ въ себѣ не болѣе четырехъ строчекъ и въ которыхъ упомянуто имя Бога или выписаны библейскія выраженія. Но скажите, пожалуйста, не часто ли мы грѣшимъ противъ третьей заповѣди, упоминаемъ все святыню, и преступая такимъ образомъ заповѣдь? Дерзнемъ ли называть наши рѣчи, иногда грѣшныя и суетныя, благочестивыми и праведными? дерзнемъ ли мы оправдывать ихъ тѣмъ, что ихъ осуждаютъ? *Vir doctissimus!* развѣ въ рецензіи было сказано, что всѣ слова и отдѣльныя выраженія въ вашей книжкѣ—вздоръ, и не желать ли взваливать на людей такую нелѣпость? Слово, какъ слово, никогда не можетъ быть ни глупо; ни ложно; каждое слово выражаетъ какое-нибудь определенное значеніе, которое не вамъ дано ему, а вложено въ него общимъ сознаниемъ. Все зависитъ отъ сознанія мыслей, къ которымъ слова относятся не болѣе, какъ условныя

знаки. Вы говорите, па-примѣръ, слово «мышленіе», слово «грѣхъ» — что вы выразили ими? степень вашего сознаниія тѣхъ мыслей, которыя условно означаются ими. Тотъ, въ комъ не пробудилось вовсе сознание, вовсе не пойметъ слова «мышленіе»; тотъ, кто не вышелъ изъ непосредственной гармоніи съ природою, не пойметъ рѣшительно слова «грѣхъ», потому что для такихъ людей не существуютъ вовсе эти значенія. Но вы, въ которыхъ уже пробудилось сознание, и которые уже вышли изъ непосредственной гармоніи съ природою, вы, которые и мыслите (или думаете мыслить) и, вѣроятно, нечужды грѣха, вы выражаете ими и то и другое, а субъективно только то, что представляется вашему сознанию, смотря по степени его развитія. Дикарь вовсе не пойметъ этихъ словъ; полуобразованный, въ которомъ духъ только въ-половину проснулся и видитъ предметы еще только въ формѣ сонныхъ грезъ, зѣвая и потягиваясь спросонка, выражаетъ этими словами грезы и бредъ; тотъ, въ которомъ вполне пробудился духъ, кто вполне, — ить дѣла посредственно, или непосредственно, — сознаетъ истину, тотъ и въ слова эти, какъ въ условныя знаки, вкладаетъ истинныя значенія. Что дѣлать, если человекъ, живущій въ одной грязной, непросвѣтленной чувственности, не знаетъ другаго грѣха, кромѣ упущенія эгонистическихъ выгодъ, или чисто матеріальныхъ наслажденій! Что дѣлать, если вы, мужъ ученѣйшій, не знаете истиннаго значенія слова «мышленіе» и разумѣете подъ этимъ словомъ эгонистическія соображенія разсудка или практическаго смысла! Что дѣлать, если, по вашему мнѣнію, умъ годенъ только на сопротивленіе законамъ высшаго разума, на отрицаніе живой истины, на мелкіе, суетные разсчеты! Что дѣлать,

если вы оторвали мыслящую силу ума отъ его вѣчнаго божественнаго содержанія и ограничили его одною пустою формою! Что дѣлать, если вы не замѣчаете отличія человека отъ животнаго, и въ божественной искрѣ, содѣлывающей человека *подобнымъ* Творцу, видите тибель и зло! Что дѣлать?.. Человѣчеству не остановиться же для васъ и не пойдти же назадъ къ вамъ — былъ бы слишкомъ великъ путь, — да и не-уже-ли вамъ не жалко было бы этого требовать?.. Да, довольно уже скиталось бѣдное человечество по песчаной степи, съ полуприснувшимъ сознаниемъ, довольно страдало оно, буйствуя и думая находить въ себѣ нечто дѣйствительное, независимо отъ Бога, дерзая въ гордынѣ — изъ бѣдныхъ сонныхъ призраковъ, порожденных пустою, мертвою силою чисто-формальнаго, отвлеченнаго разсудка строить дѣйствительность!.. Но Богъ сжалился надъ человекомъ, и изъ полноты безконечной любви своей показалъ человеку, что онъ создалъ его по образу и по подобію своему, что не можетъ быть ничего дѣйствительнаго независимо отъ Бога, и что буйный разсудокъ человека со всеми своими порожденіями есть не что иное, какъ призракъ. Онъ Самъ низошелъ во плоть и сталъ человекомъ, просвѣтилъ плоть, просвѣтилъ всего человека, и силою Святаго Духа пробудилъ въ людяхъ духъ, вывелъ ихъ изъ мрака призраковъ на свѣтъ истины и нарекъ новорожденныхъ въ духъ сынами своими... Для истиннаго христіанина — мышленіе должно быть торжественнымъ актомъ, торжественнымъ отреченіемъ отъ эгонизма индивидуальности, совершенной преданностью вѣчной, божественной истинѣ, актомъ святой любви. Не всю ли цѣлость человеческого существа просвѣтлитъ Господь? Не содѣлался ли Онъ совершеннымъ че-

ловѣкомъ? Какъ же могла остаться непроникнутою Имъ существеннѣйшая часть чловѣка, — то, что дѣлаетъ чловѣка чловѣкомъ, что отъ-вѣка дано ему во знаменіе любви Божіей, во славу сотворшаго. — божественная искра, божественный разумъ?...

О, humanissime et doctissime doctor! еслибъ вдругъ какимъ-нибудь чудомъ вы сознали истинное значеніе произносимыхъ вами словъ и цѣлыхъ выраженій, вы изумились бы хаосу, въ который вы ихъ сбросали, вы бы сами изорвали ваши книжки, и долго бы не брали въ руки соблазнительнаго пера; а если бы взяли наконецъ, то съ тѣмъ, чтобы писать злыя, въ тысячу разъ злѣе нашихъ рецензій, возраженій противъ самихъ-себя и опроверженія всехъ нашихъ умозрѣній... Тогда бы вы написали брошюрку не о жизни, которую вы, скажемъ просто, не знаете, а о необходимости отречься отъ всехъ искажающихъ насъ претензій для-того, чтобы имѣть возможность истинной жизни...

Выписавъ такимъ-образомъ отдѣльныя выраженія, неимѣющія никакой связи съ цѣлымъ, г. Зацепинъ, торжествуя, спрашиваетъ: «гдѣ жь тутъ хаосъ? гдѣ жь тутъ вѣсть могильною сыростью? Будьте моимъ судьей, читатели, восклицаетъ онъ: чтѣ есть страшнаго въ чьемъ ученіи, тогда-какъ большая часть его есть ученіе нашей церкви...»

Но, г. Зацепинъ! это ужъ даже и не смѣшно! Вы, видно, или слишкомъ-молоды, или слишкомъ-горячи отъ природы, слишкомъ склонны къ снѣпому гнѣву и во гнѣвѣ своемъ способны забываться! Какъ! дерзнуть свои страшныя несвязныя мысли, то, чтѣ вы сами, назвали «вашими умозрѣніями», въ истинѣ которыхъ, какъ вы сами говорите, вы не можете рѣшительно ручаться, — къ которымъ вы безпре-

станно приплетаете оговорки: *кажется, какъ будто*, — какъ дерзнуть прикрывать священнымъ именемъ ученія церкви! Г. Зацепинъ! опомнитесь!

Послушайте, читатели, чтѣ говоритъ самъ г. Зацепинъ въ началѣ брошюры, о которой идетъ рѣчь:

«Всѣ статьи «о жизни» суть опыты размышленія, не стѣсненнаго никакимъ авторитетомъ, кромѣ авторитета природы, ея фактовъ. Издатель *самъ чувствуетъ, что въ нихъ есть много недостатковъ*, частію потому что онъ не имѣлъ времени выразить многихъ мыслей, частію потому, что въ словахъ не совѣтъ опытнаго писателя и при самомъ напряженномъ размышленіи отбиваются не точно такія формы мыслей, въ какыхъ онъ старался ихъ выговорить, а еще больше потому, *что въ подобныхъ размышленіяхъ неизбежны ошибки.*»

Можно ли лучше осудить г. Зацепина и его отважное притязаніе, какъ не этимъ, какъ не его же собственными словами? Написать статью литературную, или пожалуй учебную, для свѣтскаго чтенія, свѣтскаго содержанія, авторъ дерзаетъ въ отвѣтъ своимъ рецензентамъ приписывать своимъ писаньямъ непогрѣзительность ученія церкви, — дерзаетъ прикрываться ея священнымъ авторитетомъ въ литературной перебранкѣ за свою книжонку!! Признаемся, мы долго не могли придти въ себя отъ изумленія... Ученіе церкви вознесено на недостигаемую высоту; оно пребываетъ тамъ въ святомъ покоѣствіи, объемля собою всю истину, находя все въ себѣ, и потому не имѣя никакой нужды въ тревожныхъ и часто суетныхъ разспрашиваніяхъ, вслѣдованіяхъ. Въ церкви и для церкви все ясно, все торжественно - свѣтло, потому-что церковь есть храмъ Бога, и она не унизится до степени арены для чловѣческихъ мнѣній, односто-

ропныхъ и конечныхъ, которыя безпокойно ищутъ другъ друга, сшибаются, сливаются, снова раздѣляются и снова ищутъ другъ друга. Она ли сойдеть на рынокъ нашихъ страстей и пріймётъ участіе въ игрѣ призраковъ, на которые дробится въ надменной юдоли жизни наше сознание? Она ли откажется отъ своего вѣчно-блаженнаго спокойствія, въ которомъ умирено и рѣшено все, что мучитъ и терзаетъ непричастныхъ ея блаженству? Она владѣетъ всею безконечностью истины, для ней нѣтъ ни одного вопроса неразрѣшеннаго, она знаетъ все, и потому ей не для чего трудиться надъ разрѣшеніемъ вопросовъ, которые томятъ наше жаждущее истины сознание. Наша же обязанность, обязанность людей мірскихъ, искать и искать неутомимо. . . Ученіе церкви дано Богомъ. Оно не могло быть порождено слабыми усиліями нашего разсудка, который видъ Бога ничего не значитъ. Но если Богъ такъ возлюбилъ человѣка, что сообщилъ ему—и сообщилъ не по заслугамъ, а благодатью—свою вѣчную истину, то какъ же человѣкъ долженъ возлюбить Бога, безъ котораго онъ погибалъ и который, вмѣсто заслуженной кары, съ кроткой любовью низошелъ до него, изцѣлилъ его своимъ духомъ и указалъ ему путь къ вѣчному спасенію! . . . О! во прахъ съ слезами раскаянія, съ слезами умиленія, повергся онъ передъ всемогущею, всепроникающею любовью; онъ отрекся отъ всего себя, всего себя отдалъ ей. . . Но не празднымъ пребываніемъ на одномъ мѣстѣ долженъ былъ возблагодарить человѣкъ Бога. Не въ мертвой апатіи, какой требовало отъ своихъ поклонниковъ, лишенное жизни и духа, божество Индійца, должно было обнаружиться самоотреченіе христіанина, и не въ однихъ также возклинаніяхъ,

не въ однихъ слезахъ должна была проявиться любовь христіанина къ Богу. Напротивъ, только тутъ-то и ожилъ человѣкъ, потому что любовь есть источникъ жизни; только тутъ-то родилась въ немъ истинная, неутомимая, неискающая дѣятельность. . . Дотогъ онъ былъ во мракѣ и смерти, догъ онъ былъ добычею призраковъ, и дѣятельность его была мертва; онъ терзалъ своею дѣятельностію самого себя; онъ жаждалъ не утоля жажды; онъ алкалъ и пожиралъ свое собственное существо, не утоляя голода. Онъ страдалъ, тяжело и буйно неистовствовалъ, и, неистовствуя, страдалъ еще больше. Наконецъ ибра страданій переносилась: Божественный свѣтъ озарилъ человѣка; поверженный и изтерзанный, онъ возсталъ изъ праха и невѣдомая догъ ему жизнь заструилась могущественно въ нѣдрахъ его духовнаго организма. Отнынѣ онъ весь долженъ принадлежать Богу и не искать другой жизни, кромѣ жизни въ Богѣ и въ блаженствѣ. Для этого онъ долженъ всего себя содѣлать тимпаномъ Божіей славы, посвятить все дарованныя ему отъ вѣка способности, все стороны своего существа на служеніе Богу. Для Бога живаго потребно и служеніе живое. Не человѣкъ властенъ умерщвлять органы своего духа; умертвить одинъ изъ нихъ значитъ разрушить гармонію храма Господня. Умерщвлять какой-либо органъ духа,—значитъ оставлять его во мракѣ; не приводить его въ жизненное движеніе, не посвящать его на служеніе Богу, значитъ тяжело грѣшить и отрекаться отъ спасенія, и гибнуть въ буйномъ безуміи. Содержаніе Божественнаго Откровенія, принятое всею энергіею чувства, должно точно-также распространиться по всему составу человѣка, должно изъ своего сосредоточеннаго состоянія перейти въ развитое; все

органы существа человеческого должны приять участіе въ торжественномъ богослуженіи. Что такое чувство? Это духъ, но духъ еще не въ собственной своей формѣ, еще не въ высшемъ своемъ проявленіи. Чувство сопряжено еще съ условіями естественности и подвержено, въ-слѣдствіе этого, безконечно-различнымъ случайностямъ. Оно еще далеко не высшая ступень духовнаго развитія. Оставаясь въ одномъ чувствѣ, безъ дальнѣйшаго движенія, человекъ не могъ бы лвиться безконечно - дѣлительнымъ существомъ, онъ не могъ бы иначе обнаруживать себя, какъ слезами и восклицаніями и празднымъ лежаньемъ или празднымъ сидѣньемъ, о которомъ мы уже говорили. Божественное содержаніе, святая вѣра, полученное имъ свыше, не являлась бы въ немъ жизненнымъ и животворнымъ началомъ, не создала бы изъ себя новой, просвѣтленной дѣйствительности, новыхъ формъ жизни, и не являлась источникомъ жизни, не могла бы являться источникомъ блаженства. Но такъ не могло быть, и было иначе: воля человеческая, проникнутая духомъ истины, создала новое общество, новыя права, новый организмъ государствъ; чтобы осуществлять во вѣншихъ отношеніяхъ людей царство Божіе, разумъ человека напрягъ всѣ силы свои, чтобы удостоиться просвѣтленія, чтобы содѣлаться сосудомъ истины и своими собственными средствами служить ей и прославлять могущество вѣчной любви. Не вдругъ воля и не вдругъ разумъ достигаютъ этой цѣли, единственной цѣли своихъ дѣйствій, всей своей жизни; но каждый шагъ ихъ есть уже приближеніе, есть покореніе новыхъ странъ торжествующей истинѣ; въ каждой вновь-завоеванной сферѣ они водружаютъ символъ спасенія, животво-

рящій крестъ. Иногда, по-видимому они заблуждаются и буйствуютъ; и воля Колумба смиряетъ своюю неодолимою энергіею нетерпѣливыхъ корабельщиковъ и неуклонно ведетъ къ невѣдомой имъ странѣ, — и вотъ въ утреннихъ туманахъ, проникнутыхъ бласуханіями невиданныхъ цвѣтовъ, зеленеетъ дѣвственный берегъ. . . Туда туда! корабль мчится стрѣлою, и на утесахъ новаго міра развѣвается флагъ победы и знамя Христа. . . Человѣчество спасено, оно не можетъ погибнуть: не можетъ погвбнуть твореніе Бога живаго, не можетъ осудить любовь Божія, — точно такъ же какъ не могъ погибнуть избранный народъ, хранившій въ себя заветъ изкупленія. Гибли индивидуумы, но народъ оставался цѣль и невредимъ. Вотъ, кажется, нѣтъ ни одного уцѣлѣвшаго, всѣ пали во прахъ передъ златымъ тельцомъ, но эти всѣ — ничтъ передъ единымъ, передъ Моисеемъ сходящимъ съ горы Синайской; онъ избранный; въ немъ весь народъ, и немъ все призваніе народа, и онъ чистъ отъ неподкупенъ, онъ выходитъ изъ бесѣды съ Богомъ. Законъ не погибъ, напротивъ, тутъ только онъ и возторжествовалъ, напечатлѣнный на скрижаляхъ. И такъ все шло, и такъ все передавался заветъ спасенія отъ избранныхъ къ избраннымъ, пока заветъ спасенія не осуществлялся во Христѣ. Не одинъ человекъ спасенъ и не одинъ народъ — спасено все человечество! До Христа не было идеи человечества, со Христа явилась она въ сознаніи, потому-что прежде, для ожиданія спасенія, избранъ былъ только одинъ народъ, а теперь для самого спасенія избрано все человечество. Это говоритъ самъ божественный Искушитель, это говорятъ апостолы и отцы церкви. Пусть прочтутъ на - примѣръ хогъ

одно первое посланіе Апостола Павла къ Римлянамъ для убѣжденія въ сканниномъ цѣли. И такъ, сѣмя спасенія насаждено въ цѣломъ чловѣчествѣ; но чловѣчество здѣсь должно принимать въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ принимали мы избранный народъ. Не собраніе индивидуумовъ, изъ которыхъ большая часть буйно отрицается отъ даровъ Духа Святаго, а внутреннее существо, назначеніе, данное во-первыхъ всемогуществомъ Творца, во-вторыхъ любовью Искунителя, — вотъ что составляетъ чловѣчество. И вотъ это-то назначеніе, это существо чловѣчества, не смотря на буйство и грѣховность отдельныхъ людей, не можетъ никогда погибнуть, ибо могутъ ли погибнуть безъ осуществленія плана Божественной премудрости, по которой чловѣкъ долженъ быть спасенъ и уже спасенъ, и уже осуществляетъ во всѣхъ сферахъ жизни и дѣятельности свое спасеніе? Не вдругъ и не хаотически производить онъ это осуществленіе, а въ разумной постепенности одного момента за другимъ. Въ ученіи деркви все спасеніе осуществлено, но изъ ученія церкви должны возродиться всѣ отрасли, всѣ формы чловѣческой жизни, вся организація дѣятельности. Воля чловѣчества должна стремиться производить всѣ свои отношенія по глубочайшимъ законамъ любви; мышленіе должно стремиться къ осуществленію въ своихъ недрахъ глубочайшихъ законовъ истины. Оно должно развиваться не изъ призрачной и ложной отдѣльности чловѣка, упорствующаго въ своей ограниченности, а изъ сѣменъ, посаженныхъ Божественнымъ сѣятелемъ въ цѣломъ чловѣчествѣ, которое отъ поколѣнія къ поколѣнію передаетъ плоды спасенія для дальнѣйшаго развитія. Какъ преступенъ въ гражданскомъ смы-

слѣ тотъ, кто черпаетъ причины для своихъ дѣйствій не изъ разумныхъ законовъ государства, а изъ своей ограниченной, индивидуальной воли, такъ точно преступенъ тотъ передъ трибуналомъ мысли, кто упорствуетъ въ тѣсной и душевной сферѣ своего индивидуальнаго мышленія и презираетъ плоды вѣчнаго развитія, приписываемые жизни цѣлаго чловѣчества, кто не стремится мыслить по законамъ вѣчно-развивающагося разума, основаннаго на божественной любви, а судить и рѣшать изъ своего пустаго разсудка!

Все, нами теперь связанное, адресуется нами не къ ученѣйшему мужу г. Зацепину, а къ читателю, котораго мы просили быть нашимъ судьей. Вотъ наши убѣжденія! Основываясь на нихъ, мы не можемъ не сожалѣть о томъ, кто переливаетъ изъ пустаго въ порожнее, кто, думая, на-примѣръ, дѣйствовать въ гражданскомъ обществѣ, отрицаетъ общественные законы, разумный порядокъ общественнаго устройства, въ которомъ всѣ части взаимно другъ друга условливаютъ и въ которомъ всякій процессъ возможенъ только на основаніи дѣйствительно существующаго, а не на мифіяхъ. Богъ-знаетъ-откуда влетѣвшихъ въ голову индивидуума; — кто, думалъ дѣйствовать въ области умозрѣнія, которое также основано на непреложныхъ законахъ, въ которомъ также существуетъ разумное устройство, исторически - образовавшееся, въ которомъ также всякій прогрессъ возможенъ только на основаніи дѣйствительно существующаго, кто, думая умозрѣть, въ философскомъ значеніи этого слова, и не имѣя столько силъ, или столько любви, чтобы стать органомъ развитія сознанія въ цѣломъ чловѣчествѣ, начнетъ сшивать изъ различныхъ пред-

ставлений, нахватавшихся случайнотамъ и здѣсь, не знающихъ другъ друга, не вяжущихся между собою въ головѣ несчастнаго претендента на мыслительность, — различныя *новаго сорта* умозрѣнія или системы, въ которыхъ будто бы исключительно находится истина, между-тѣмъ, какъ во всемъ остальномъ одно заблужденіе. . . Да, жалка эта заносчивость индивидуума, который воображаетъ, что онъ можетъ поставить себя противъ цѣлаго, человечества и почитаетъ только свой разумъ и случайное набирание случайныхъ мнѣній чѣмъ-то дѣйствительнымъ. Не походить ли такой человекъ на того чудака, который воображалъ, что онъ средоточіе вселенной, и что вокругъ него вертятся всѣ системы и всѣ мірады міровъ, созданныя Богомъ?

Посмотрите, какъ г. Зацепинъ судить и раять обо всемъ изъ своего разсудка, неудостовная ниже взглядомъ предмета, — составлять изъ своихъ мнѣній, невѣдомо какъ и откуда возникшихъ въ немъ, призраки, — и ратоборствуетъ съ ними какъ манчскій рыцарь съ мельницами! Чтѣ ему за дѣло, чтѣ такое въ самой дѣйствительности предмета — будь чѣмъ хочеть предметъ: г. Зацепинъ знать его не хочеть, онъ знаетъ только то, чтѣ ему мерещется въ глазахъ. Разумъ есть — чтѣ жь мудренаго связывать всѣ эти призраки вседино, классифицировать ихъ и дѣлать изъ нихъ системки! Чтѣ, на-примѣръ, г. Зацепину до того, какъ развивался духъ человечества въ исторіи! Заниматься серьёзно этими пустяками г. Зацепинъ не хочеть, да притомъ же онъ и не обязанъ: ему некогда, у него есть своя область — медицина, а между-тѣмъ, къ нему въ разумъ вдругъ забѣжало нѣсколько мнѣній, два-три представленія; они ему понравились, и вотъ онъ, безъ дальнихъ хлопотъ, и давай

разпространять ихъ, раздроблять, примѣшивать къ нимъ кстати и не-кстати все, чтѣ прежде удавалось ему слышать или читать, потомъ сшивать все это въ одно пестрое цѣлое и въ-добавокъ примѣывать, большею частію произвольно, къ отдѣльнымъ частямъ составившейся такимъ образомъ системки, тексты изъ св. писанія. Не зналъ, чтѣ такое въ человечествѣ значили Ассиріане, Египтяне, Римляне, Греки и проч., не зная азбѣвъ въ науку развитія человечества, онъ стѣснилъ въ свои рамки и Ассиріанъ, и Египтянъ, и Римлянъ, и Грековъ, и такимъ-образомъ составилъ всю древнюю исторію. Ассиріане и Римляне у него духовные народы; Египтяне и Греки душевные. Итакъ, Ассиріане, Римляне, Египтяне, Греки — кто же еще? кто бишь? ну, да Богъ съ ними, гдѣ тамъ справляться? И вотъ г. Зацепинъ безъ лишней хлопотъ просто говоритъ: *остъ прочіе* народы чувственнаго качества. Израильтяне и новые христіане отдѣльно: они и не-духовные, и не-душевные, и не-чувственные. Теперь ишла исторія: Россіане духовные; западные Европейцы душевные, ну, да всѣ прочіе — чувственные! Теперь дѣлать того, чтобы соблюсти симметрію, кто же долженъ быть отдѣльно? кто жь бы? Они же сами, отвѣтъ короткий. Вотъ вамъ и вся исторія! вотъ какъ дѣйствуетъ г. Зацепинъ! . . . Хотите вы знать характеристику историческихъ народовъ и духовныхъ и душевныхъ? Г. Зацепинъ въ древнемъ мірѣ наверхное можетъ характеризировать только Грековъ и Римлянъ. Угодно вамъ, мы вышшемъ изъ него характеристику обоихъ этихъ народовъ . . . Не пугайтесь! вы думаете, что вамъ придется слишкомъ-много читать для-того, чтобы узнать эти народы. . . Э! мы съ г. Зацепинимъ красною и умно, кратко и сильно опредѣлимъ вамъ ихъ въ дру-

строкахъ: «Лычскіе Греки отличались эстетикою (премьестю) и хитростію, а Римъ мудростію (политикою) и силою.» Что же касается до Ассиріянъ и Египтянъ, то они, говорить авторъ: «вѣроятно были въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ послѣ нихъ Римляне и Греки.» Скажите, Бога ради, можетъ ли быть что-нибудь смѣшнѣе этого? что бы автору прежде дечатанія залучить къ себѣ хоть какого-нибудь гимназиста и отобрать отъ него кой-какія свѣдѣнія по исторіи!

И хоть бы всѣ эти диковинки были по-крайней-мѣрѣ во вѣдѣшемъ согласіи между собою, хоть бы наружное имѣли единство,—и того даже нѣтъ! На-примѣръ, по соображеніямъ автора выходитъ, что душевный элементъ есть простое житейское благоразуміе, хитрость, ловкость; душевный человекъ неспособенъ ни къ чему высшему, неимѣетъ ни *foi*, ни *loi*, ни вѣры, ни любви, и въ то же время, по примѣненію къ исторіи, создавшей плодovitымъ воображеніемъ г. Зацепина, выходитъ, что «душевный возрастъ человека, отъ конца юности до начала старости, есть лучшій возрастъ жизни.» Россію иначе не называетъ авторъ, какъ новымъ Иудейскимъ Царствомъ, а Европу новымъ Израильскимъ. То, что можетъ быть приведено только для витійственнаго сравненія, для него является дѣйствительнымъ фактомъ. Въ псалмѣ сказано: Велий Господь въ горахъ святѣй Его; г. Зацепинъ толкуетъ это такъ: «1) Въ то время, какъ говорилъ пророкъ, Святая Гора была та, на которой стоялъ Храмъ Соломоновъ и Иерусалимъ, а въ будущемъ, можетъ быть, русская величайшая и обширнѣйшая гора во всемъ свѣтѣ, на которой стоитъ Москва.» У пророка Ісаиіа сказано: «И прозовуся именемъ моимъ»; г. Зацепинъ замѣчаетъ, что

такъ — какъ одну изъ именъ Божіихъ «слава», то отсюда—Славяне... Все это дѣлаетъ честь патриотическому чувству г. Зацепина; но патриотическое чувство не извиняетъ такихъ произвольныхъ толкованій мѣстъ св. писанія. Иногда г. Зацепинъ такъ увлечается въ пылу своихъ *умозрѣній*, что рѣшительно забываетъ все его окружающее: онъ рѣшительно думаетъ, что Москва есть Иерусалимъ, передвинувшійся съ своего мѣста, да еще сердится, когда ему не вѣрятъ! Впрочемъ, сердитесь вы какъ хотите, г. Зацепинъ, а все же Москва есть Москва, новый же Иерусалимъ находится отъ Москвы въ 30 верстахъ. Это извѣстная обитель, основанная Никономъ.

Хотя г. Зацепинъ и *знаетъ не хочетъ* философіи, однакожь это не мѣшаетъ ему судить о ней и опредѣлять ее какъ душѣ угодно. Въ философскомъ мышленіи видитъ онъ бунтъ человеческого ума, много-много средство къ улучшенію вѣшняго состоянія, и относитъ его къ разряду *душевности*; въ философѣ видитъ онъ обезьяну! Онъ даже и не слыхалъ, что *истинная* философія предастъ жертвенному огню всѣ притязанія эгоизма и высочайшею для себя цѣлью поставяетъ быть сосудомъ слова Божія. Чтобы доказать это, мы не пойдемъ далеко и укажемъ только на нашего отечественнаго мыслителя, архимандрита Гавріила. Выпишемъ изъ него нѣскольکو строкъ въ подтвержденіе:

«Размышленіе (философское) не знакомитъ разума съ инымъ міромъ: оно заставляетъ только пояснить то, къ чему влечетъ человекъ естественное его побужденіе, и тѣ же самыя способности, которыя побудили его какъ бы посредствомъ волшебства заниматься науками, художествами, гражданственностью, богопочтениемъ, должны дѣйствовать и въ философіи... Про-

виднѣе, благодѣющее въ своихъ чудныхъ дѣйствіяхъ, какъ младенцу, такъ и взрослому человѣку, какъ людямъ простымъ и необразованнымъ, такъ и образованнымъ, однихъ просвѣщаетъ черезъ религіозное чувство, которое простосердечной вѣрой открываетъ законы ихъ безсмертнаго назначенія, а другихъ руководствуетъ чрезъ философію, которая, подчиняясь Откровенію касательно вѣры, объясняетъ и доказываетъ разумомъ правила вѣры. Въ душѣ истиннаго философа религія и философія соединены совершенно; онѣ существуютъ не смѣшиваясь, и различаются не уничтожая себя взаимно. *Православный* христіанинъ (замѣьте это!) ни мало не страшится философіи, которая идетъ за нимъ въ храмъ, жилище вѣры, единственно для-того, чтобы размышленіемъ узрѣть тѣ истины, кои открываетъ вѣра, и чтобы мысленія ума, сотвореннаго почитать и освятить глаголами ума безконечнаго... Намъ нечего прибавлять къ этому.

Въ началѣ своей брошюры авторъ оправдываетъ свое намѣреніе писать статьи «о жизни» исылаемая для этого на нѣкоторыхъ заграничныхъ медиковъ, преимущественно на Гейнрота. Сдѣлавъ нѣсколько выписокъ изъ Гейнрота, авторъ говоритъ (*):

«Надѣюсь, что послѣ этаго читатель не сочтетъ неприличнымъ, Русскому медику говорить такимъ же языкомъ въ своемъ разсужденіи, особливо когда онъ припомнитъ грозныя слова Спасителя.»

Въ-слѣдъ за симъ онъ выписываетъ текстъ изъ св. писанія (Мар. гл. 8, ст. 38):

(*) Мы выписываемъ съ дипломатическою точностію, сохраняя даже всѣ особенности правописанія автора, чтобы оградить себя отъ всякъ подорваній.

«Иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ въ родѣ семъ прелюбодѣишемъ и грѣшишемъ и сынъ человѣчскій постыдится его, егда придетъ во славу Отца своего со Ангелы Святыми.»

«Посему издатель» продолжаетъ г. Зацепинъ: «не для приличія уже, а изъ болзни (во-первыхъ, замѣьте это!) не *постыдится* еще выговорить здѣсь нѣсколько своихъ мыслей (во-вторыхъ, замѣьте это!) о настоящемъ состояніи человѣка.»

Просимъ васъ разобрать, читатели, на что это похоже? Во-первыхъ, можетъ ли говорить такъ истинный христіанинъ? Можетъ ли быть боязнь източникомъ истинно-христіанскихъ дѣлъ и мыслей? Кто углублялся въ евангеліе, кто жилъ этимъ углубленіемъ во слово Божіе, тотъ знаетъ что невозможно. Слушайте, г. Зацепинъ: *Богъ любви есть, и пребываетъ въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ.* И далѣе: *Страха нѣсть въ любви, но совершенна любви воиъ изгоняетъ страхъ, яко страхъ мукы и маетъ: боялся же не совершился въ любви* (Первое Послан. отъ Іоанна, гл. IV, 16 и 18).

Но мы не будемъ привязываться къ слову: можетъ-быть это описка или что-нибудь въ этомъ родѣ; но какъ понять отвагу г. Зацепина, ставящаго Евангельскія изрѣченія наравнѣ съ своими мыслями?... Предоставляемъ читателямъ судить объ этомъ, а сами посмотримъ, какія мысли и какъ выговариваются г. Зацепинимъ.

Непосредственно въ-слѣдъ за выписаннымъ нами мѣстомъ, г. Зацепинъ продолжаетъ:

«Какъ это грубо! скажетъ какойнибудь *Esprit-fort*, думать, что человѣкъ разумное созданіе, цвѣтъ природы, будетъ обреченъ на гибель и даже на мученіе по смерти! И чѣмъ онъ виноватъ, что родился отъ Адама? Но,

Милостивый Государи! чѣмъ виновать тараканъ, что онъ родился отъ таракана?—и змѣя, что она родилась отъ змѣи? а ты ихъ давишь! Чтожъ ты самъ тому дивишься(*) чадю проклятiя, что тебя задавятъ, если ты, — гордостью смердящій червь — въ ожесточенiи своемъ отвергнешь чашу твоего спасенiя?»

Спрашиваемъ васъ, читатели, въ евангельскомъ ли духъ произнесено все это? Отъ васъ зависитъ рѣшенiе, — а мы займемся дальнѣйшими мыслями, которыя изъ болзни выговариваетъ авторъ.

За выписаннымъ нами мѣстомъ слѣдуетъ цѣлая страница, въ которой съ самаго начала говорится и, безъ—сомнѣнiя, вполне—справедливо, что безъ Спасителя человѣкъ былъ бы окруженъ тайнами; но потомъ плетутся самыя дикiя выраженiя, въ которыхъ поверхность земли называется выгономъ смерти, на которомъ она пасетъ свои жертвы; то, что находится подъ этимъ выгономъ, называется черепомъ, а то, что подъ черепомъ, въ самой внутренности земли — печью (см. стр. 30).

Далѣе слѣдуютъ вотъ какiя мысли. Мы выписываемъ ихъ въ цѣликомъ, чтобы вполне познакомить васъ съ мыслями г. Зацепина и съ духомъ его статей. — Поговоривъ о томъ, что для человѣка нужна бы плоть горздо-гибче и изворотливѣе, чѣмъ у актѣра и у танцовщика, что эта плоть должна въ мгновенiе растягиваться до конца мiрозданiя или сжиматься до атома, отвердѣвать въ адамантъ или развертываться на нѣсколько мiровъ и пролетать сквозь всѣ существа, въ смѣниваясь и не раздѣляясь, такъ какъ пролетаютъ сквозь другъ друга мiриады мiриадъ (?) звѣздныхъ лучей

(*) Всѣ орографическiя ошибки въ выписанныхъ мѣстахъ принадлежать, какъ и было сказано, не намъ, а самому автору.

въ далекой глубинѣ открытаго неба. И что лучи эти? что эта глубь? и какъ она далека! далѣе продолжаетъ онъ такъ:

«Тутъ опять страшная тайна, эта даль, гдѣ наше воображенiе тонетъ, разплывается, какъ дымъ горлицей лучинки въ воздухѣ (какъ все это мило!). Можно представлять себѣ большую отдаленность; но такую, какая существуетъ на самомъ дѣлѣ, отъ насъ до неподвижныхъ звѣздъ трудно вообразить; однако сдѣлаемъ опыты:

«Возьмите линiю *ab* въ аршинѣ. Отъ концовъ ея протяните двѣ линiи такъ, чтобъ вышелъ треугольникъ (*abc*); теперь верхушку треугольника (*c*) мысленно оттягивайте вверхъ дотолъ, пока бока треугольника сольются въ одну линiю: для этого нужно большое разстоянiе отъ основанiя (*ab*) треугольника. Теперь возьмите жъ за основанiе треугольника линiю не въ аршинѣ, а въ *сорокъ миллионъ верстъ* — такую линiю, что свѣтъ, какъ онъ ни быстръ, но пробѣжитъ ее въ четверть часа или столько верстъ, сколько мгновенiй въ трехъ годахъ — возьмите эту линiю за основанiе въ треугольникѣ, и также верхушку треугольника тяните мысленно дотолъ, пока исчезнетъ ваше основанiе и необъятной уголь сольется въ одну черту. Но и этимъ едва вообразимымъ протяженiемъ вы не достигнете до неподвижной звѣзды. Вообразите живо; это выдавить у васъ слезу изъ глазъ и сердце обомреть. Теперь, кто намъ скажетъ, всѣ ли мiры такъ отдалены другъ отъ друга? или только нашъ отдаленъ отъ другихъ проклятиемъ? Всѣ ли такiе же мiры, какъ нашъ?... Всегда ли онъ (?) были отъ насъ такъ далеки? или онъ (?) совсѣхъ сторонъ въ ужасѣ отодвинулись отъ насъ на такую даль, когда вылетѣло всемогущее слово проклятiя на нашъ мiръ... Кто намъ объ этомъ скажетъ?»

Мы не можемъ болѣе выписывать,

потому - что почти каждая страница въ книжкѣ г. Зацепина красуется чѣмъ-нибудь особеннымъ и имѣетъ столько же правъ быть выписанною, сколько и всѣ другія: слѣдовало бы перепечатать почти всю книжку...

Чего тамъ далѣе вѣтъ! Философъ сравнивается съ обезьяною (стр. 3); къ образованію философскому у него относятся: «облагороженіе вышнихъ формъ, чистота, опрятность» и проч... Человѣкъ хорошо образованный (т. е., стало-быть, чистоплотный, опрятный) поиствердый въ вѣрѣ сравнивается—гадко сказать—съ «облизающей и блудливой кошкой». Человѣкъ совершенно образованный въ духѣ философіи полагается одному золоту и мамону; считаетъ все святое болѣе средствомъ, нежели цѣлю жизни, правдой и не нравдой *молить* себя уютный уголокъ (копить уголокъ!), сидитъ на парчахъ и охорошивается. Его блескъ и пестрота—плеснь, низая плева на тишиномъ болотѣ; его сокровище—кучки крота; въ немъ все мыслящее существо, умъ, воображеніе, попятія о доблестяхъ души, все прекрасное, святое и великое въ человѣческой природѣ слилось въ мутной каплѣ и утонуло въ грязномъ токъ матеріи (стр. 59)... Все это, читатели, мы собрали не болѣе, какъ съ двухъ страницъ! Судите жъ сами, сколько бы пришлось изписать бумаги, если бы мы рѣшились выбирать всѣ подобные алмазы изъ цѣлой книжки!

Г. Зацепинъ очень досадуетъ, что рецензентъ дурно отозвался о его безобразномъ построеніи исторій, и утверждаетъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ, что рецензентъ изказилъ его мысли. Что тутъ прикажете дѣлать? Выписывать все это изъ самой книги въ оправданіе—значило бы запить по-крайней-мѣрѣ листа два печатныхъ, а мы слишкомъ бережемъ страницы нашего журнала и не хотимъ пополнять ихъ этимъ вздо-

ромъ. Намъ остается только поручить ся читателямъ незапятнанной честности нашего журнала, что мы передали всевозможною вѣрностію, не взирая на краткость, всѣ диковинки автору. Пусть любопытные слычаютъ, если не стужаетъ заранѣе пространное молва вздора и дикихъ пошлостей, съ книжкою г. Зацепина рецензію, напечатанную въ 9-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1839 г.

Что же касается до новой его брошюры, направленной противъ нашихъ рецензентовъ и поименованной «Литературною Жизнію», то она точно такъ же биткомъ-набита пустяками, общими мѣстами или такими странностями которыя могутъ быть поставлены въ образецъ. Претензіи неизчерпаемаго бездна; вездѣ выглядываетъ желаніе выразиться красиво и вычурно, чтобы, вѣроятно, прикрыть наготу бѣдныхъ маленькихъ мыслей, изувѣченныхъ, хилыхъ. Вотъ, на-примѣръ, образецъ галиматіи: «Въ молодомъ нашемъ отечествѣ едва зажилось самостоятельное мышленіе въ одномъ концѣ, какъ загорѣлись огни отъ Балтійскаго моря до Тихаго океана, разступилась Русь и открылось нѣсколько полей для безкровной, благопродной битвы и, о чудо! изъ какого-нибудь теоретическаго журнала, придавленнаго трехлѣтнимъ, презрительнымъ молчаніемъ...»

Этой галиматіей г. Зацепинъ начинаетъ, какъ онъ говоритъ съ угрозою, особенную книгу о рецензіяхъ для насъ рецензентовъ. Бога ради, скажите, попали ли вы что-нибудь? Увѣряемъ васъ, что не мы лишили связи и смысла это мѣсто, мы не вырвали его клочкомъ изъ середины: оно составляетъ особенное цѣлое у автора, начинающаеся *alinea* и оканчивающаеся даже не одною, а семью точками,—и вотъ что слѣдуетъ за этимъ мистиче-

кнѣзъ числомъ точекъ: «Простѣе отъ паукъ и свѣтъ небесной истины болѣе и болѣе разливаются во всеиной» и т. д. Извольте жъ ломать голову и прискивать смыслъ. Можетъ-быть этой великолѣпной мишурою авторъ хотѣлъ прикрыть мысль, что изъ то Терапевтическаго Журнала развѣвается по вселенной свѣтъ истицы, или что изъ Терапевтическаго Журнала загорѣлись огни отъ Балтійскаго Моря до Тихаго Океана. Можетъ-быть, и это станется отъ г. Зацепина!

Все это однакожъ не болѣе, какъ только смѣшно и много-много заслуживаетъ сожалѣнне. Но въ этой брошюрѣ авторъ обнаруживаетъ непонятную отвѣгу, которую мы указали и которая не разъ прорывается клячию — отвѣгу *оподозрѣть* своихъ противниковъ. Это грѣшно и непростительно! Такъ, на-примѣръ, г. Зацепинъ придирается къ рецензенту, который сравнилъ безобразіе его книжонки съ суздальскою картинкою. Съ громкимъ восклицаніемъ, съ желаніемъ бросить тѣнь на своего противника, онъ требуетъ, чтобы рецензентъ признался, что не всегда суздальскія картины могутъ казаться смѣшными, что будто «этотъ типъ, эти выраженія въ рецензін вынуждены какою-то формальностию (!) или...» авторъ не договорилъ: видно что-нибудь черезъ-чуръ поразительное. Потомъ онъ говоритъ, что эти картины открываютъ «небесную существенность», что онѣ вдохновляютъ праведныя души и «разжигаютъ души ратоборцевъ бородинскаго поля. Куда такъ далеко, ученый Иванъ Яковлевичъ: мы просто сравнили вашу книжку съ пресловутой картинкой: «смысли котъ погребаютъ».

Вотъ еще одинъ примѣръ, показывающій, что ученый Иванъ Яковлевичъ не шутя почитаетъ себя величайшимъ человекомъ, а свой журналъ

въ-самомъ-дѣлѣ способнымъ зажигать огни отъ Балтійскаго Моря до Тихаго Океана. Въ рецензін (помѣщенной въ 9 N «Отеч. Записокъ») было сказано: «Очень бы интересно знать, для какихъ читателей г. Зацепинъ издастъ выше-рѣченный журналъ? Судя по слову «терапевтическій», онъ издастъ его для медиковъ. Но странно: въ первой книжкѣ этого изданія, которая также надписана лаконически «о жизни», можно искать всего, только не медицинскихъ свѣдѣній!»—Боже мой! какъ разъигралось въ г. Зацепинѣ чувство своего достоинства и достоинства его журнала!.. Послѣ слова *вышерѣченный* онъ поставилъ (!), послѣ выраженія: въ *первой книжкѣ этого изданія* (!!), а въ-заключеніе (!!!). И потомъ такъ восклицаетъ въ благородномъ негодованіи:

«Будто книжка «о жизни» есть первая книжка изданія, т. е. Терапевтическаго Журнала?.. И это г. рецензентъ отваживается говорить русской публикѣ! На что жъ онъ надѣется?»

Каково это?... Но въ этомъ столько наивпаго комизма, это такъ смѣшно, что съ нашей стороны было бы также комически-смѣшно сердиться на это...

Но довольно: мы вышли за предѣлы, которые назначили-было для своей статьи... всего не выберешь изъ этой брошюрки; пришлось бы и ее тоже почти всю перепечатывать... Итакъ оканчиваемъ... Да, мы было-забыли... Г. Зацепинъ, между-прочимъ, вѣроятно желая доказать глубину своихъ медицинскихъ познаній, прописываетъ одному изъ своихъ рецензентовъ—рецептъ *solaminis hypochondricorum* для поправленія дѣятельности книжокъ. Вотъ выгода быть рецензентомъ медика и еще ученѣйшаго! Но чтобы не остаться въ долгу у г. Зацепина, мы также пропишемъ ему рецептъ, но другаго рода:

Г. Зацепинъ долженъ закататься писать статья о жизни: онъ долженъ обуздать свое самолюбіе, отречься отъ претензій, заниматься своимъ дѣломъ и не забираться туда, куда непри-

звать; потомъ мы ему рекомендуемъ — смиреніе, скромность и уваженіе, какъ къ самому-себѣ такъ и къ другимъ. — Довольно!

О ГАНЕМАННЪ И ГОМЕОПАТІИ, ПРАГМАТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНІЕ *Семена Вольскаго, Двора Его Императорскаго Величества Почетнаго Лейб-Медика, доктора медицины и прог. С. Петербурзь. 1839. Три части.*

Гомеопатія сдѣлалась въ наше время любимымъ предметомъ занятія многихъ врачей и не-врачей; изъ числа послѣднихъ многіе, къ-сожалѣнію, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній, впали въ заблужденіе и прилѣпились къ новой методѣ леченія, такъ-что всякое благородное представленіе о ихъ ошибкахъ называютъ они пристрастіемъ и даже гоненіемъ на Ганемана. Въ Россіи также нашлись послѣдователи Ганеману; нѣкоторые между ними предприняли-было издавать руководство гомеопатическо лечити болѣзни домашнихъ животныхъ. Само-собою разумѣется, что благородными распоряженіями правительства положены у насъ должныя мѣры, далѣе которыхъ не можетъ распространиться гомеопатія,—словомъ, врачи, занимающіеся леченіемъ по гомеопатической методѣ, обязаны извѣстною отчетливостію предъ высшимъ медицинскимъ управленіемъ въ имперіи. Но въ-отношеніи не-врачей, сдѣлавшихся ревностными послѣдователями Ганемана, доселѣ не было издано никакого сочиненія на русскомъ языкѣ, которое содержало бы полныя, ясныя свѣдѣнія

о гомеопатіи, хотя въ-продолженіе десятилѣтняго ея существованія въ Россіи можно было уже совершенно опредѣлить достоинство этой методы леченія. Не смотря на то, что Медицинскій Совѣтъ еще 1832 года обсудилъ гомеопатію въ историческомъ и практическомъ отношеніяхъ, и что въ разныхъ русскихъ журналахъ и газетахъ сообщались о ней свѣдѣнія, все это не остановило разпространенія гомеопатіи, и, чему трудно повѣрять, люди съ мые необразованные и даже женщины стали заниматься гомеопатическою практикою. Впрочемъ, въ Германіи дѣлалось то же, не смотря на множество сочиненій, имѣвшихъ цѣлію явственно представить пользу и вредъ отъ ученія Ганемана. Предлежащее прагматическое сочиненіе, коего заглавіе означили мы выше, можетъ быть поставлено въ паралель съ твореніемъ Штиглица: благонамѣреннаго цѣль, польза ближняго и облегченіе страждущаго человѣчества руководили автора, который въ-теченіе долгаго времени изучалъ гомеопатію, лечилъ гомеопатически имѣсть съ гомеопатами, и внимательно наблюдалъ за сте

пению успѣха этого леченія. Предназначая свое сочиненіе для врачей и вообще для образованныхъ людей изъ другихъ сословій, авторъ подробно изложилъ все, что касается теорій и методы леченія Ганемана. Опираясь на наблюденія и опыты первѣйшихъ врачей въ Европѣ, авторъ разсматриваетъ гомеопатію не только съ схоластической стороны, но и особенно въ отношеніи важнаго ея вліянія на чело-вѣчество и науку. Почитая предметъ своего сочиненія (гомеопатію) спорнымъ дѣломъ у врачей, и вреднымъ для страждущаго чело-вѣчества изобрѣтеніемъ, авторъ критически разсматриваетъ гомеопатію, ея методу леченія и присоединяетъ исторію жизни и поступковъ Ганемана, заимствованную изъ сочиненій иностранныхъ врачей, соотечественниковъ, товарищей, согражданъ Ганемана, свидѣтелей его медицинскаго образованія и практики.

Теперь приступимъ къ разсматриванію самого содержанія книги г. Вольскаго. Часть I. Исторія жизни и поступковъ Ганемана. *Періодъ первой. Время и мѣсто рожденія Ганемана, его происхожденіе и первоначальное образованіе, до поступленія въ Лейпцигскій Университетъ.* Въ «Органонъ врачебнаго искусства» сообщается объ этомъ слѣдующее: «Самуилъ Ганеманъ родился въ Мейсенѣ, въ Саксоніи, 10 апрѣля 1753 года. Отецъ его, живописецъ на главной фарфоровой фабрикѣ въ этомъ городѣ, чело-вѣкъ умный, недостаточный, самъ занимался первымъ образованіемъ своего сына. Въ дѣтскихъ лѣтахъ Самуилъ Ганеманъ оказывалъ удивительные успѣхи, и вскорѣ развились въ немъ сужденіе и разумъ выше его возраста. Но не могши, по бѣдности, посвятить сына наукамъ, родители вознамѣрились обучать его какому-либо прибыльному ремеслу.» Въ по-

слѣдствіи времени Ганеманъ былъ записанъ въ Мейсенскую Городскую Школу, гдѣ учился бездешежно.

Второй періодъ. Подробныя извѣстія о недостаточномъ медицинскомъ образованіи Ганемана, первоначально въ его странствованіи, времени и мѣстѣ полученія степени доктора медицины. Въ «Органонѣ врачебнаго искусства» сообщается слѣдующее: «Въ день пашхи 1775 года, юный Ганеманъ оставилъ Лейпцигскую Коллегію и отправился въ университетъ... Въ часы, свободные отъ ученія, онъ обучалъ нѣмецкому и французскому языкамъ одного молодаго, богатаго Грека, а по ночамъ переводилъ англійскія и французскія сочиненія. Черезъ два года отправился онъ въ Вѣнскій Университетъ для усовершенствованія себя въ практической медицинѣ... Но не прошло еще и года, какъ, по недостаточному состоянію, онъ долженъ былъ оставить Вѣну. Въ Эрлангенѣ получилъ онъ 1779 года 10 апрѣля степень доктора медицины.» Гомеопатическій историкъ вовсе не упоминаетъ о томъ, учился ли Ганеманъ медицинѣ въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Если же и допустимъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ занимался онъ изученіемъ медицины, то, судя по этому краткому времени пребыванія его въ университетъ, можно видѣть, какъ мало времени употребилъ Ганеманъ на изученіе этой науки. Проведши два года въ Лейпцигскомъ Университетѣ, Ганеманъ пустился кочевать изъ одного мѣста въ другое, и сперва прибылъ въ Вѣну для приобрѣтенія практическихъ познаній; но онъ не имѣлъ терпѣнія, хотя и могъ бы многолѣтнимъ наблюденіемъ пасть большими получить нѣкоторое познаніе въ практической медицинѣ. Пробывъ въ Вѣнѣ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ принялъ должность библіотекаря у барона Брюкентала и отправился съ нимъ въ

Германштадтъ. Гомеопаты утверждаютъ, что баронъ Брюкенталь принялъ Ганемана домашнимъ врачомъ къ себѣ; положимъ, что это справедливо, но въ такомъ случаѣ необыкновенно-скорое возвращеніе Ганемана изъ Германштадта даетъ поводъ думать, что баронъ Брюкенталь не былъ доволенъ избран-нымъ врачомъ и потому отпустилъ его. Изъ этого ясно, что Ганеманъ не имѣлъ достаточнаго образованія въ медицин-скихъ наукахъ, и въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ онъ большаго уваженія.

Третій періодъ. Подробнѣе и вѣрнѣе извѣстія о безпрестанномъ и многолѣтнемъ путешествіи Ганемана и о неоднократномъ совершен-номъ прекращеніи или медицин-скихъ своихъ занятій. Ведя коче-вую жизнь и переселяясь изъ го-рода въ городъ, Ганеманъ не имѣлъ времени и случаевъ приобрести доста-точныя познанія ни въ теоретической, ни въ практической медицинѣ; напро-тивъ, онъ отсталъ отъ хода науки и за-нимался минералогіею, физикою и хи-міею. Прежде, чѣмъ поселился въ Лейпцигъ, онъ былъ въ некоторомъ вре-мя вольно - практикующимъ врачомъ въ Мансфельдъ и Дессау, потомъ служилъ, также короткое время, при госпиталѣ умалишенныхъ въ горо-дѣ Георгенталь. Спустя нѣсколько, онъ былъ опредѣленъ штатдтс-физикомъ въ городъ Гоммернъ, близъ Магдебур-га. Но по недостатку свѣдѣній въ медицин-ской наукѣ и въ практикѣ, онъ оставилъ это званіе и посвящалъ себя изученію химіи и словесности. Ганеманъ не оставался долго на од-номъ и томъ же мѣстѣ, вслѣдствіи набѣ-галъ совѣстничества съ другими вра-чами и для-того не лечилъ никого въ обществѣ съ другими медиками. Мало этого: онъ прикрывалъ свои недостат-ки зорбчивѣемъ и попомощіемъ врачей и представлялъ себя преобразовате-

лемъ существующей и основателемъ новой медицинны. Переселившись въ маленкій городокъ Кеннслотеръ, онъ вовсе не занимался практикою, но началъ 1795 испытывать динамиче-скія дѣйствія лекарствъ надъ самимъ собою и своими домашними. Обдумавъ новый планъ медицинскихъ спекуля-цій и оболъщенія публики, онъ на-чалъ опять заниматься практикою въ Брауншвейгѣ, но, спустя малое время, былъ изгнанъ оттуда за самопрото-пленіе, раздачу лекарствъ и другіе по-ступки. Выѣхавъ въ Гамбургъ, про-былъ онъ тамъ недолго и также при-нужденъ былъ оставить этотъ городъ. Тогда возвратился онъ въ Саксонію, свое отечество. Дѣлавъ попытки въ разныхъ городахъ Германіи для сви-сканія себѣ пропитанія, онъ продол-жалъ странствовать изъ Гамбурга въ Эйленбургъ, оттуда въ Боргау, изъ Боргау въ Дрезденъ, оттуда въ Лейп-цигъ, гдѣ оставался до 1820 года, но въ декабрь этого года онъ былъ вы-сланъ оттуда декретомъ. Наконецъ, 1821 года, Ганеманъ свискалъ врико-въ Кетенъ; но къ-сожалѣнію, герцогъ, за неумѣстное довѣріе къ Ганеману, явлъ жертвою бесполезнаго гомеопати-ческаго его леченія. Изъ Кетена Гане-манъ въ 1835 году переехалъ въ Па-рижъ, гдѣ и теперь находится.

Четвертый періодъ. Разныя по-дробности объ изысканіяхъ, которые Га-неманъ, при неудачныхъ своихъ лечені-яхъ, взводитъ на медицину, и основанія, на которыхъ предположилъ онъ создать новую свою методу леченія. Скитальче-ство Ганемана было слѣдствіемъ неу-спѣшной его практикы. Когда поступки или дѣла Ганемана не приносили ему прибыли, то по-необходимости онъ и-биралъ новое мѣсто для своего пребы-ванія. Гомеопаты однако изъясняютъ это по-своему, будто Ганеманъ оста-вался недоволенъ самимъ-собою и вра-

человѣческимъ искусствомъ. Можетъ-быть, это сирраведливо, потому-что безъ знанія и опыта, никакое занятіе не можетъ приносить пользы и удовольствія. Потому Ганеманъ поселился въ Лейпцигъ, но тамъ занялся онъ не усовершенствованіемъ себя въ медицину, а переводами французскихъ и англійскихъ сочиненій. Изъ этого видно, что отнюдь онъ не позналъ недостатковъ въ разныхъ способахъ леченія, досель существовавшихъ, какъ говорятъ гомеопаты. Безотчетно утверждать это могутъ лишь тѣ, кои не постигаютъ трудности и важности медицинскій науки, для-чего необходимо много лѣтъ, а не два-три года, проведенные въ разсѣздахъ, размыченіи и заплятѣхъ посторонними житейскими дѣлами. На легковѣрїи людей основываются существованіе и выгоды всѣхъ шарлатановъ, нашенствателей, ворожей и проч.; опираясь на это, предначиналъ Ганеманъ гомеопатію для однихъ только хроническихъ болѣзней. Въ этомъ случаѣ онъ руководствовался истиною: *vulgus vult decipi*, и не было недостатка въ больныхъ, подвергшихся гомеопатическому леченію; касательно же успѣха своей методы онъ держался безотчетно могущественнаго слова: *авось*. Зналъ, что весьма много больныхъ, которые излечиваются силами одной природы, Ганеманъ полагалъ, что провансы почувтъ гомеопатію чудесною методою леченія и приищутъ ей то, чего вовсе не имѣтъ она. Въ такомъ случаѣ оставалось придумать необыкновенную и невѣроятную неаѣпость, превышающую всѣ домысли-существующія неаѣпости и очевидно противорѣчающую всѣмъ физическимъ и умственнымъ законамъ. Приправивъ свой вымыселъ голословными, но смѣлыми ругательствами надъ всѣмъ, что придумано, обработавъ и подтверждено безчисленными

опытами, Ганеманъ рѣшился идти по слѣдамъ Парацельса и началъ дѣйствовать по его примѣру. Ергъ говорить, что успѣху спекуляціи Ганемана много способствовалъ духъ настоящаго вѣка, духъ вѣвшательства, т. е. демонъ, стремлщійся потрясти всякій общественный порядокъ. Ганеманъ не полагалъ найдти защитниковъ своей методѣ леченія между просвѣщенными врачами: онъ искалъ приверженцевъ между людьми, незнающими медицины, между людьми, обладаемыми духомъ вѣвшательства и между молодыми врачами.

Періодъ плытій. Поступки Ганемана. Исторически доказавъ достаточныя свѣдѣнія Ганемана въ теоретической и практической медицинѣ, г. лейб-медикъ Вольскій открываетъ, изъ любви къ страждущему человечеству и врачевной наукѣ, качества его, какъ врача-практика. Въ-продолженіе многолѣтнихъ странствій убѣдившись, что безъ классическаго образованія нельзя быть счастливымъ практикомъ, Ганеманъ обратился къ другимъ не столь труднымъ способамъ. Занимавшійся хмиею, онъ открылъ ртутный препаратъ, известный подъ именемъ «ганеманова», и проблую жидкость; но такъ-какъ это не принесло ему денежной прибыли, то онъ объявилъ (1800), что онъ изобрѣлъ новую щелочь (*alcali primum*) и продаетъ ее по полувимперіалу за унцію. Но обманъ этотъ былъ (1800) обнаруженъ въ Берлинѣ тамошнимъ обществомъ естествоиспытателей, и, казалось, что это была обыкновенная бора. Впрочемъ, Ганеманъ не переставалъ изъяскивать способы къ стяжанію корысти. Зналъ, какъ заботятся родители о дѣтяхъ, и въ какомъ страхѣ находятся они въ случаѣ болѣзни послѣднихъ, Ганеманъ во время свѣршествованія скарлатины объявилъ въ журналахъ, что онъ нашелъ самое вѣрное предохранительное

средство отъ этой болѣзни, и предлагая оное по той же цѣнѣ, какъ продавалась его щелочь. Эта спекуляція удалась. Впрочемъ, тутъ нѣтъ дива: успѣхи шарлатановъ основываются на томъ, что люди, по слабости своей и привязанности къ земному бытію, чрезвычайно-животолюбавы, и въ семь случаевъ готовы сдѣлаться жертвою самыхъ вредныхъ для здоровья и жизни обмановъ. Изъ этой простительной человѣческой слабости шарлатаны употребляютъ, къ - несчастію, излѣкать для себя выгоды. Кто нынѣ не лечится и не лечитъ другихъ гомеопатіею? Отъ этого всеобщаго внимательства въ медицину помираетъ ея достоинство и важность, публика мало обращаетъ вниманія на поведеніе врача и недостатокъ его образованія. Яснымъ доказательствомъ этого служитъ Ганеманъ, — который, по словамъ профессора Ерга, соотечественника, современника, согражданина, сосѣда Ганемана и очевидца его поступковъ, — занимался и занимается гомеопатическою практикою не для пользы страдающаго человечества, но для собственныхъ своихъ видовъ. Ганеманъ, по словамъ Ерга, заключилъ честь и достоинство своего званія въ заблужденіи, самопадѣнности и порицаніи медицины, которая ему неизвестна. Любопытно читать, что пишетъ Ергъ касательно поведенія Ганемана въ Лейпцигѣ, гдѣ онъ долге и постоянно занимался практикою: «Никогда не зналъ онъ и не любилъ анатоміи, и потому никогда не бывалъ при трупораздѣліяхъ и судебно-медицинскомъ исследованіи мертвыхъ тѣлъ, исключая вскрытіе и бальзамированіе князя Шварценберга, умершаго отъ гомеопатическаго леченія. Во всю жизнь избѣгалъ онъ сношеній съ врачами и совмѣстнаго съ ними леченія больныхъ; онъ всегда и вслѣдъ лечилъ

однихъ, своими лекарствами, которые продавалъ по дорогой цѣнѣ. Одаренный умомъ одностороннимъ и пристрастнымъ, Ганеманъ никогда не отвѣчалъ на критику его метода леченія и никогда не въ-состыжін былъ объяснить медицинскіе предметы, если этого требовали отъ него. Весьма рѣдко посѣщавши больныхъ, онъ всегда сумѣлъ имъ радикальное леченіе, даже и такимъ, которые страдали неизлечимыми поврежденіями самыхъ важныхъ органовъ. Ганеманъ торговался съ больными, назначалъ произвольную цѣну за свое леченіе и, кромѣ того, вынуждалъ пациентовъ вносить впередъ половину и болѣе условленной цѣны. Достоинно замѣчанія, что весьма-немногіе изъ его больныхъ выздоравливали, а большая половина ихъ умирала. Чѣмъ менѣе и рѣже онъ посѣщалъ больныхъ, тѣмъ большее число ихъ выздоравливало. (Въ - подтвержденіе этого служитъ письмо почтеннаго ветерана медицины, брауншвейгскаго лейб-медика Бригмана, напечатанное въ брауншвейгской газетѣ «Reichsanzeiger vom Jahre 1808, No 76.) Далѣе: «Ганеманъ никогда не пользовался всеобщою довѣренностію въ Лейпцигѣ и хотя пріѣздъ къ нему князя Шварценберга обратилъ на него нѣкоторое вниманіе, однако смертію этого князя оно исчезло весьма-скоро. Тогда лейпцижскіе больные вдругъ оставили Ганемана, а иностранцые пациенты, которые лѣтомъ 1820 года нарочно пріѣзжали къ нему за совѣтами, или для леченія, — также скоро выѣхали изъ города, и зимою 1820 и 1821 года жилище Ганемана оустѣло, и представляло видъ необитаемаго мѣста. Въ это же время поступили въ прусское и саксонское земскія правленія жалобы и допросы на Ганемана; его обвиняли въ противозаконномъ самопріготовленіи, раздѣлѣ и продажѣ лекарствъ по

невозможительно-высокой цѣль. Ганеманъ былъ признанъ за вреднаго чловека и высланъ, въ 1821 году, изъ Лейпцига. Такъ Ганеманъ оставилъ Лейпцигъ по двумъ важнымъ причинамъ: 1) что болыные оставили его, и 2) что онъ боялся подпасть строгости законовъ.

Не смотря на это, Ганеманъ подалъ поводъ къ величайшимъ злоупотребленіямъ. Многіе начали слѣдовать его примѣру; лейпцижскіе студенты, вмѣсто того, чтобы основательно учиться медицинѣ, стали выдавать себя за учениковъ Ганемана и сами осмыслились иррготовлять лекарства, раздроблять, разжигать и продавать ихъ больнымъ. Конечно, все это было строго запрещено со стороны правительства. Кромѣ того, многіе изъ этихъ молодыхъ людей, напыленные лучшими талантами, обольстившись и увлекшись легкостію гомеопатической практики, перестали прилежать къ основательному изученію анатоміи, физиологіи, патологіи и терапіи, и сдѣлались вредными для больныхъ и для самихъ-себя. Ганеманъ не водилъ ни дружбы, ни связей и сношеній съ кѣмъ-либо, всегда представлялъ себя дикаремъ до такой степени, что почти никогда не выходилъ изъ дома; если же это нужно было для здоровья, то онъ прогуливался по самымъ уединеннымъ мѣстамъ города и въ такое время, когда никто не прогуливался. Эта странность въ его поведеніи и ненависть къ людямъ часто были толкуемы въ его пользу; это дѣлало его, въ глазахъ невѣждъ, необыкновеннымъ чловекомъ, чего только желалъ онъ. «Послѣ этого, пускай публика, послѣдователи, приверженцы и защитники Ганемана сдѣлаютъ свое заключеніе объ немъ; пускай рѣшатъ, достоинъ ли онъ того уваженія и почитанія, которое дониндѣ ему оказывается нѣкоторыми профанамъ и молодыми врачами. Пускай, вмѣстѣ съ

этими, выведутъ заключеніе, кто такіе суть его послѣдователи» (стр. 1—50).

Мнѣніе врачей о томъ, что Ганеманъ выдаетъ себя изобрѣтателемъ гомеопатіи, столько любопытно и поучительно, что мы поставяемъ себя въ обязанность здѣсь представить оное вкратцѣ. За 279 лѣтъ до Р. Х., эмпирикъ Серапионъ-александрійскій преподавалъ наставленіе лечить болѣзни такими средствами, которыя производятъ въ здоровомъ чловекѣ явленіи, замѣчаемыя въ спящей болѣзни. По-этому положеніе: *Similia similibus curantur* уже давно извѣстно врачамъ. Но Серапионъ занялъ это отъ Акрона афрагэитинскаго, жившаго за 460 лѣтъ до Р. Х. Плиній-Старшій повѣствуетъ, что еще гораздо прежде это ученіе преподавалъ эмпирикъ Эмпедоклъ. Не смотря на неосновательность положенія: *Similia similibus curantur*, доказанной неоспоримыми фактами, явился въ 16 вѣкѣ защитникъ этой односторонней теоріи, извѣстный Парацельсъ, прославившійся нѣкоторыми успѣхами въ химіи, введеніемъ сурьмяныхъ и ртутныхъ препаратовъ во врачбное употребленіе, необычайною дерзостію софизмовъ и наглою хулою на медицину. Отъ этого послѣдняго заимствовавъ Ганеманъ положеніе: *Similia similibus curantur*, и основалъ на немъ свой «Органонъ Врачебнаго Искусства». Изъ этого видно, что изобрѣлъ гомеопатію. Любопытны подробности жизни Парацельса; онъ показываетъ большое сходство между нимъ и Ганеманомъ. Парацельсъ вначалѣ занимался химіею, или алхіміею, желая найти философскій камень; это же было занятіемъ Ганемана. Прежде вступленія на поприще практическаго врача, Парацельсъ издалъ, для достиженія извѣстности, самое высокопарное и нахальное сочиненіе, въ которомъ между прочимъ говорится: «свидѣтельствуюсь Богомъ,

что я не лгу, хотя то, что я скажу, покажется противостоительнымъ, а именно, что штъ, не было и не будет челоука, который постигъ природу такъ глубоко, какъ л. Ганеманъ, подобно Парацельсу, говоритъ, что «донынѣ еще никто не училъ гомеопатической методѣ леченія». Парацельсъ имѣлъ приверженцевъ между князьями, учеными и простыми народомъ. Онъ лечилъ большихъ своими лекарствами, которыя продавалъ по весьма-высокой цѣнѣ; на него также приносили жалобы, и по судебному изслѣдованію оказалось, что Парацельсъ действительно былъ виноватъ. Это было поводомъ багства его изъ Базеля. Парацельсъ велъ большую частію жизнь скитальческую, производилъ всякаго рода обманъ, и наконецъ, предавшись пьянству, бдственно кончилъ свою жизнь въ питейномъ домѣ въ Зальцбургѣ. Отъ сходства между Парацельсомъ и Ганеманомъ, последователей послѣдняго называютъ парацельсистами (стр. 50—59).

Послѣдователи Ганемана и сходство его съ Месмеромъ. Послѣдователи Ганемана раздѣляются на три класса; первый и самый многочисленный классъ состоитъ изъ людей, немалочислахъ медицины. Ко второму классу принадлежатъ молодые врачи. Съ 1796 по 1810 годъ не было послѣдователей у Ганемана, но съ помянутого года (изданіе «Органона») до 1822 года, защитниками гомеопатіи были въ Германіи большинствомъ не-врачи. То ужъ можно сказать о первыхъ приверженцахъ Ганемана въ Россіи. Впрочемъ, люди, третейшіе духомъ внимательствъ, обращаются именно къ гнѣмъ предметамъ, которые не касаются до наукъ и неопытны для наукъ. Такъ, когда-то, были приверженцы магического леченія и вѣщды Терра. Медицинскіе предметы всего болѣе обуславляются меди-

ми, неизмѣнными объ этомъ никакою пеніа; и нетрудно угадать причины этого вышательства. За произвольныя толки о медицинѣ никто не подвергается наказанію. Но послѣдствія этого вредны для общества. Разнотелный примѣръ этого представляетъ исторія магнетизма, мастерски-разсказанная авторомъ прагматическаго сочиненія «О Ганеманѣ и Гомеопатіи» (стр. 61—76). Касательно вышательства не-врачей въ медицину, въ настоящее время, лейб-медикъ Штиглицъ пишетъ слѣдующее: «Прежде не-врачи вовсе не вмѣшивались въ споры и сужденія врачей о той или другой системѣ и не избирали себя врачей по системамъ. Въ политическихъ журналахъ и общественныхъ собраніяхъ не разсуждали о медицинскихъ системѣхъ и не оцѣняли преимущества одной предъ другою. Въ прежнія времена успѣхи леченія упрочивали славу врачей, и иныя болыне сражаются за медицинскую систему и, увлекаясь пристрастіемъ, не видятъ наносимаго ею вреда. Многимъ изъ приверженцевъ гомеопатіи гораздо ближе ея выгоды, нежели польза ихъ ближнихъ и даже кровнаго родственника. Они разиоражаются выборомъ гомеопата, не смотря на то, что опытенъ онъ или невѣждъ, простѣе или необразованъ. Досель не бывало, что масса народа въ одномъ и томъ же городѣ раздѣляется на партіи для защиты одной и для гоненія другой медицинской системы и ея послѣдователей. Это порождаетъ очевидное несогласіе между ближайшими родственниками; отъ этого случаются скрепныя друзья ссорятся между собой, даже стиружеское согласіе иногда было тревожно и разстроено отъ предубѣжденія на-счетъ гомеопатіи и медицины. Фанатизмъ, враждебный духъ сестъ, пристрастный духъ науки и страсть штъ прослѣдовать, оныя

господствуетъ между многими состоявшими въ-отношеніи къ медицинѣ. Отъ этого ничтожныя врачи и самыя незначашіе люди, ихъ пациенты, дѣлаются, въ короткое время, извѣстными въ городъ потому только, что одни начали лечить, а другіе лечатся гомеопатически. Рассказывая и разглашая съ гордостію, что такой-то сдѣлался гомеопатомъ, эти приверженцы Ганемана умалчиваютъ о пользѣ или вредѣ новаго леченія: это для нихъ какъ-будто постороннее дѣло. Нѣкоторые гомеопатическіе больные неохотно говорятъ о себѣ, и лечатся секретно; этихъ послѣднихъ можно было бы назвать тайными гомеопатами. Послѣ всего, что было написано въ предыдущемъ году гомеопатіи и въ предостереженіе отъ бѣды — сдѣлаться приверженцами Ганемана, можно ли повѣрять, что нашлись врачи, возражающіе на самыя благоразумныя представленія? Но эти защитники Ганемана столь слабы, что Ганеманъ не можетъ опираться на нихъ.

Часть II. Въ предисловіи къ этой части г. лейб-медикъ Вольскій говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Доколѣ живъ былъ докторъ Штиглицъ, извѣстный ученостію, опытностію и добросовѣстностію, пока онъ писалъ, говорилъ о недостаткахъ гомеопатіи, дотомъ эта метода вовсе была запрещена въ Австріи.» Еще: «Въ Ганноверѣ составилось было общество, представлявшее правительству просьбу объ открытіи гомеопатической каѳедры и госпиталя при тамошнемъ университетѣ. Но когда появилось сочиненіе лейб-медика Штиглица противъ гомеопатіи, разкрывшее глаза многимъ изъ ея приверженцевъ, то устройство гомеопатическаго госпиталя и преподаваніе гомеопатіи было оставлено. Эти примѣры ясно доказываютъ необходимость въ сочи-

неніяхъ, влагающихъ сущность гомеопатіи; они предостерегаютъ и обезпечиваютъ нублнку отъ односторонняго и преднаго пристрастія къ ней.

Литература Гомеопатіи. Она обширна и состоитъ, большею частию, изъ однихъ сочиненій Ганемана, кои суть: 1) Органонъ врачевлаго искусства; 2) Чистая фармакологія и 3) Хроническія болѣзни. Показавъ еще нѣкоторые сочиненія о гомеопатіи и присовокупивъ критическія на нихъ замѣчанія, авторъ въ своемъ заключеніи пріятнелъ къ нимъ мнѣніе философовъ о книгахъ, не содержащихъ въ себѣ пользы, *mare verborum, gutta rerum.* Главнѣйшее основное начало въ сочиненіяхъ гомеопатическихъ есть пристрастіе и односторонность. Къ этому надобно еще прибавить ложныя изрѣченія и ссылки, множество философическихъ и относящихся къ житейскому быту разсужденій, ничтожныхъ въ-отношеніи къ медицинскимъ наукамъ и бесполезныхъ для практики, но обольстительныхъ и привлекательныхъ для не-врача; далѣе — самохвальство, самопадеблинность, дерзость и въ-особенности страсть издѣваться надъ людьми и ихъ разумомъ. Слогъ въ нихъ отличается гиперболическими выраженіями и бранчивостію; все это подобрано не для объясненія или подкрѣпленія предмета, но чтобы представить въ превратномъ и презрительномъ видѣ все, что не согласно съ гомеопатіею. Въ разсмотрѣніи ганемановыхъ сочиненій въ медицинскомъ отношеніи, г. Вольскій основывается на сужденіяхъ извѣстнѣйшихъ врачей - соотечественниковъ, согражданъ, соучениковъ, товарищей Ганемана, каковы Геккеръ, Шимко, Гейнротъ, Ергъ, Пухельтъ, лейбмедикъ Штиглицъ, Симонъ младшій, Гуфеландъ и пр.

Исторія Гомеопатіи. Возрожденіе Гомеопатіи. Критическій взглядъ на

историю медицины открывает множе-
ство теорій и системъ, одна другой про-
тиворѣчащихъ; отъ счастливыхъ или
неблагоприятныхъ послѣдствій этихъ
теорій и системъ зависѣли продолжи-
тельность или кратковременность ихъ
существованія и число ихъ послѣдова-
телей. Нѣкоторыя изъ медицинскихъ
теорій и системъ порождены высоко-
мѣрїемъ и самоадьянностію; другія
же напротивъ суть плодъ гениальныхъ
врачей, старавшихся сдѣлать жизнь
болѣе прїятною для человѣка, или у-
множить средства и способы скоро и
надежно излѣчять его болѣзни. Каж-
дое столѣтіе имѣло свои теоріи и си-
стемы, основанія коихъ взялись 1)
а priori, т. е. изъ многолѣтнихъ здра-
выхъ размышленій, соображеній, срав-
неній и приближительнаго сходства
или разности дотошъ-бывшихъ теорій,
и 2) а posteriori, т. е. изъ случайныхъ
удачныхъ леченій и опытовъ. Въ обо-
ихъ случаяхъ медицинскія системы,
достойныя этого названія, имѣли ос-
нованіемъ теорію и опытъ. Но гомео-
патія выходитъ изъ круга этихъ об-
щихъ правилъ медицины и ея цѣли:
она есть произведеніе личной самона-
дьянности и увѣренности Ганемана въ
совершенство медицинскихъ его позна-
ній. Хотя изобретеніе гомеопатической
методы леченія не принадлежитъ Га-
неману, но приверженцы послѣдняго
разсказываютъ о появленіи гомеопатической
теоріи слѣдующее: «бывъ не-
доволенъ самимъ собою и врачевнымъ
искусствомъ (!?) Ганеманъ оставилъ (?)
Лейпцигъ и удалился въ Дрезденъ,
чтобы тамъ вредить изысканіямъ и
размышленіямъ.» Но могъ ли Гане-
манъ когда-либо достигнуть успѣха въ
практикѣ и преобразовать медицину
посредствомъ однихъ изысканій и раз-
мышлений? Въ «Органонъ врачебнаго
искусства» находимъ слѣдующее: «Пе-
речитывая въ «Матеріи-медики» Кулле-

на измѣненія о противоякородоч-
номъ свойствѣ хины, Ганеманъ досадо-
вался на осьъ страннаго предположенія
автора, и у него кружилась голова.» Въ
этомъ-то морально и физически раз-
строенномъ состояніи, Ганеманъ возъ-
нимъ мысль о гомеопатіи: «разъсѣчь
узель» возкликнулъ онъ: «изпытаемъ хи-
ну надъ самимъ собою и замѣтимъ, ка-
кое произведетъ она дѣйствіе.» Изъ э-
того явствуетъ, что первоначальное во-
явленіе гомеопатіи дѣйствительно бы-
ло слѣдствіемъ *досады и круженія го-
ловы Ганемана*, но не плодомъ науки
и опыта.

*Извѣстность, разпространеніе и
уцѣль Гомеопатіи.* Впервые меж-
ду врачами гомеопатія стала извѣ-
стна 1796 года чрезъ появленіе га-
неманова сочиненія: «Опытъ новыхъ
началъ къ отысканію цѣлительныхъ
силъ лекарствъ» и проч. Въ этомъ,
равно и другихъ сочиненіяхъ, излагаются
положенія, неизмѣнныя въ кругу го-
меопатіи, именно: 1) всякое лекарство
производить въ человеческомъ тѣлѣ
нѣкоторый родъ болѣзни, которая тѣмъ
сильнѣе, чѣмъ сильнѣе лекарство; 2)
для излеченія всякой болѣзни нужно
прискать такое лекарство, которое
могло бы производить искусственную
болѣзнь, похожую сколько-можно-бо-
лѣе на болѣзнь, подлежащую леченію.
Но оригинальность этихъ новыхъ по-
ложеній не сдѣлала никакаго впечатлѣ-
нія на врачей и не обратила на себя
особеннаго ихъ вниманія; тѣмъ менѣе,
что появившіяся въ то же время си-
стемы Бровна и Шиллинга были пред-
метомъ общаго сужденія. Ганеманъ жа-
ловался на равнодушіе врачей къ его
теоріи, и когда кончились споры о си-
стемахъ Бровна и Шиллинга, онъ из-
далъ (1805 года) новое сочиненіе, въ ко-
торомъ изложилъ явленія или послѣд-
ствія отъ лекарствъ, принимаемыхъ
здоровымъ человѣкомъ; въ 1806 году

мышла его «Медицина, основанная на опытахъ», и наконецъ, 1810 года, «Органонъ рациональной мѣдцины». Это сочиненіе вышло четыре изданія: 1819, 1824 и 1833 года. При критическомъ разборѣ каждаго гомеопатическаго сочиненія Ганемана, врачи настоятельно требовали поясненій, но авторъ не отвѣчалъ на это. Теорія Ганемана обязана первоначальною извѣстностію Гуеланду, который въ своемъ журналѣ печаталъ его статьи. Спустя нѣсколько лѣтъ, Гуеландъ сожалѣлъ о снизхожденіи, оказанномъ Ганеману, и для поправленія неумышленной своей ошибки нѣсколько разъ писалъ подробные разборы гомеопатіи, желая доказать ея недостатки. Въ 1816 году стали извѣстны практическіе гомеопатическіе опыты, дѣлаемые надъ лицами высшаго круга, ввѣрившимися гомеопатическому леченію. Съ этого же года начало увеличиваться число послѣдователей Ганемана. Ревностнѣйшій между ими, Штафъ, вызвался, 1820 года, производить въ Берлинѣ опыты гомеопатическаго леченія подъ надзоромъ врачей, но вскорѣ это было прекращено. Когда назначенная прусскимъ правительствомъ комиссія донесла, что гомеопатія болѣе вредна, чѣмъ полезна, то вовсе запрещено было гомеопатическое пользованіе. Тоже самое встрѣтила (1835) гомеопатія въ Австріи. По 1822 годъ гомеопаты были разсѣяны по одной Германіи, и не имѣли взаимныхъ между собою сношеній, почему самые ревностные изъ нихъ рѣшились издавать *Гомеопатическій Архивъ*, чтобъ дать болѣе извѣстности гомеопатіи. Гомеопатія была (1823) принята въ Италіи правительствомъ, но не школами. Въ нѣкоторыхъ королевствахъ и герцогствахъ (въ Баденѣ и Виртембергѣ) гомеопатія нашла безусловный пріемъ, въ другихъ сдѣланы нѣкоторыя касательно, ея

ограниченія; во многихъ же странахъ (Вествалія, Голландія, Англія) она запрещена вовсе.

Исторія Гомеопатіи въ Россіи
О гомеопатіи, въ теоретическомъ отношеніи, извѣстно было врачамъ съ самаго перваго ея появленія (1796); въ русскихъ медицинскихъ учебныхъ заведеніяхъ профессора общали, при чтеніяхъ, воспитанникамъ свидѣнія объ этой методѣ. Въ 1825 году начала у насъ появляться кое-гдѣ гомеопатія въ практическомъ дѣйствіи, но втайнѣ; публичную же гласность получила она въ 1829 году. Въ первый годъ (1830) въ С.-Петербургѣ была только одна гомеопатія, Германъ; вывъ же число гомеопатовъ въ Россіи вообще довольно-значительно. Но, кажется, что энтузіазмъ къ гомеопатіи въ Петербургѣ начинаетъ ослабѣвать; во внутреннихъ же губерніяхъ ей преданы большею частію не-врачи и молодые врачи.

Исторія Гомеопатіи во Франціи
очень - любопытна; но, оставяя ее, перейдемъ къ важнѣйшему предмету въ сочиненіи г. Вольскаго—*предварительнымъ разсужденіемъ о гомеопатіи вообще*. Медицина, какъ наука и искусство, имѣетъ цѣлю сохраненіе человѣческой жизни и здоровья. Для достиженія этой цѣли, производили въ ней разныя преобразованія. Но всѣ медицинскія системы выполняютъ свое назначеніе тогда лишь, когда имѣютъ основаніемъ: 1) наблюденіе всей природы и особенно - человѣческаго организма, изученіе анатоміи, физиологіи и патологіи; 2) подробное назначеніе предметовъ и веществъ, которыми врачъ долженъ дѣйствовать; 3) многолѣтнія наблюденія, дѣлаемые надъ больными, и 4) благородное стремленіе быть полезнымъ страждущему человечеству и наукѣ. Между преобразователями медицинскихъ системъ це-

выгодную известностью пользуются преимущественно двое: Парацельс, живший за 314 летъ назадъ, и подражатель его Ганеманъ. Они оба имѣли въ виду лишь одну корысть и удовлетвореніе самолюбія и тщеславія. Впрочемъ вынѣ, въ XIX столѣтіи, въпогіе, слѣдуя примѣру Ганемана, покушались искажать медицину. Правичною этого полагаетъ г. Вольскій изданіе медицинскихъ книгъ и домашнихъ лечебниковъ повсюду на природномъ языкѣ; эти книги, по его мнѣнію, полуознакомили каждого съ медицинскими тайнами и полуначили не лечить, но подлечивать и тѣмъ вредить наукѣ и больнымъ. Ипвократь совѣтовалъ не открывать тайнъ медицинской науки иеѣждамъ безъ предварительнаго ихъ приготовленія. Багливъ, за 104 года назадъ, рѣшительно настаивалъ, чтобы между врачами былъ введенъ языкъ латинскій. Отъ этого произошло, въ наше время, что медицина раздѣлилась на многія частныя методы леченія, которыя, по примѣру гомеопатіи, называются *патіями*, и суть 1) аллопатія, 2) гомеопатія, 3) изопатія, 4) идиопатія, 5) электропатія, 6) гидронатія, 7) аеропатія, 8) воми-пургопатія, 9) магнеопатія, 10) ваннопатія, 11) гунгеропатія, 12) локальнатія, и 13) контрастимулопатія.

О Гомеопатіи какъ теоріи. При разсмотрѣніи гомеопатіи (стр. 77 — 159), авторъ принялъ за основаніе «Органонъ врачебнаго искусства», гдѣ она изложена пространно. Такъ мы не будемъ извлекать ничего изъ этой части прагматическаго его сочиненія, но приведемъ лишь мнѣніе Гуфланда и Штиглица о гомеопатіи; они оба единогласно утверждаютъ, что «гомеопатія, какъ теорія, не принесла никакой пользы наукѣ, и пото-

му въ теченіе 43 летъ ничего не взяло изъ нея въ составъ медицины».

О Гомеопатіи, какъ методѣ леченія. Въ этомъ отношеніи гомеопатія есть самое легкое занятіе, при чемъ лишни умственный трудъ и соображеніе. Ганеманъ говоритъ: «Врачуите болѣзни лекарствами, кои способны производить, сами собою, въ людяхъ здоровыхъ, припадки, сколько возможно болѣе подобныя совокупности признаковъ данной болѣзни.» Вся сущность гомеопатическаго леченія болѣзней заключается въ наблюденіи совокупности признаковъ, подлежащихъ чувствамъ, и въ избраніи гомеопатическаго лекарства въ его чистой фармакографіи, также основанной на однихъ чувственныхъ болѣзненныхъ признакахъ, лекарствами производимыхъ въ здоровомъ челоѣкѣ. Во всей подробности разсмотрѣвъ (стр. 159 — 183) практическую часть гомеопатіи, авторъ говоритъ, что русскіе врачи, зная всю легкость, всѣ личныя выгоды гомеопатическаго способа леченія и слѣпое къ нему предубѣжденіе иѣкоторой части публики, при всемъ томъ не прильпились и не послѣдовали Ганеману, что должно отнести къ ихъ благоразумію и основательному медицинскому образованію, къ ихъ челоѣколюбію и чистой нравственности.

Часть III. Въ ней содержится литература разборовъ гомеопатіи въ хронологическомъ порядкѣ. Приводимые авторомъ факты въ опроверженіе пользы гомеопатіи, кромѣ истины въ нихъ заключающейся, служатъ доказательствомъ многолѣтняго прилежнаго чтенія сочиненій, писанныхъ объ этомъ предметѣ.

Примѣрная скромность, съ какою излагаетъ г. Вольскій доводы свои, придаетъ книгѣ его еще большее достоинство, такъ - что врачъ и каждый образованный челоѣкъ проч-

тъ ее съ пользою. Жертвуя тру-
домъ, достугомъ и средствами бла-
го ближняго, г-нъ Вольскій присоеди-
нилъ къ прагматическому своему
мнѣнію еще извѣстіе о *изопатіи*,
чтобы вразумить, если можно, слы-
щихъ послѣдователей Гавемана и пре-
стеречь своихъ соотечественниковъ
отъ вреда, наносимаго имъ гомеопати-
скою методою леченія. Можетъ-
быть, это извѣстіе о *изопатіи* внушить
тому приверженцу гомеопатіи отвраще-
ніе и благую мысль перестать вбро-
сить въ несбыточное и нелѣпое. Взгля-
немъ, что такое называется изопаті-
ею. «Изопатія есть метода леченія
звѣстной какой-либо болѣзни у лю-
дей болѣзненными же веществами, взи-
маемыми отъ другихъ людей, одержи-
мыхъ точно такую же болѣзнію.» Это
уже гомеопатія въ высшей степени
нелѣпости, но превосходящая ее край-
нею омерзительностію своихъ ле-
карствъ. Основанія *изопатіи* тѣ же
самыя, что и у гомеопатіи: *similia si-
milibus curantur*. Заблужденіе ума че-
ловѣческаго, касательно изопатиче-
скихъ лекарствъ, превосходитъ все
иное въ роде, и поставяетъ человека
ниже животнаго. При первомъ по-
мѣщеніи *изопатіи*, многимъ казалось,
что это насмѣшка на *гомеопатію*;
но вышло противное. Изопатическія
лекарства приняты въ гомеопатиче-
скую фармакопею и увеличили ея объ-
емъ. Въ 1838 году вышло уже второе
изданіе гомеопатической фармакопеи
включеніемъ въ нее изопатическихъ
лекарствъ, и уже начали повсюду,
даже здѣсь въ Петербургѣ, выпи-
сывать послѣднія болѣзнымъ для вы-
леченія употребленія. По- этому,
вѣра - кстаті авторъ присоединилъ
къ прагматическому своему сочине-
нію о Галеманѣ и гомеопатіи извѣ-
стіе о *изопатіи*. Въ древнія времена
Галенъ и его послѣдователи ввели

въ медицину некоторыя изопатиче-
скія лекарства, взятая отъ здоровыхъ
животныхъ, птицъ и проч., и лечи-
ли ими больныхъ. Тамъ, нахоточ-
нымъ давали ѣсть легкое отъ здо-
роваго *освоотнаго* или птицы, про-
тивъ болѣзней печени начали употре-
блять печень; для леченія водобол-
имъ давали теплую кровь домашнихъ
птицъ, только лишь выпущенную. За-
мѣчая бесполезность и несообразность
подобныхъ причудливыхъ лекарствъ,
во все времена старались изгонять ихъ
изъ медицинскаго употребленія. Те-
перь же гомеопаты обогащаютъ со-
кровищницу врачебныхъ средствъ изо-
патическими лекарствами! Мало то-
го, они берутъ эти лекарства отъ боль-
ныхъ людей и животныхъ... Изобрѣ-
тителемъ изопатіи почитается докторъ
и ветеринаръ Луксъ (Lux). Сочиненіе
его, подъ заглавіемъ: «Изопатія заразъ,
или все заразительныя болѣзни заклю-
чаютъ въ собственномъ своемъ зара-
зительномъ веществѣ средство къ ихъ
изцѣленію», издано въ Лейпцигѣ 1833
года. Въ этомъ сочиненіи повторяют-
ся извѣстныя гомеопатическія основа-
нія и фармакологическія правила, какъ
приготовлять изопатическія лекарства.
Впрочемъ, докторъ Луксъ изобрѣлъ
изопатію для леченія рогатаго скота
и другихъ животныхъ, но примѣненіе
ея къ болѣзнямъ людей принадлежитъ
Гавеману и его приверженцамъ: они
ввели изопатическія лекарства въ Го-
меопатическую Фармакопею, соста-
вленную по самымъ новѣйшимъ опы-
тамъ для врачей, ветеринаровъ и ап-
текарей и проч.» Эта рѣдкая книга
издана въ Лейпцигѣ 1838 г. Сколько ни
желали бы мы познакомить читателей
со всеми этими отвратительными ле-
карствами, но правила благопристой-
ности не позволяютъ сдѣлать это, и
для того помнемъ лишь изъ числа
изопатическихъ средствъ слѣдующія

alveolin, вонючій гной изъ зубной ямочки, служащій для леченія гнилыхъ зубовъ. Этотъ зловонный гной берется изъ зубной ямочки, оставшейся послѣ выпаденія зуба. Anthrakin, гной изъ карбункула также для леченія людей. Bustomacin для леченія скота — есть болъзненная слизь, вытекающая изъ рта больной скотины, и т. д. Всего *пятидесять* средствъ...

Въ заключеніе мы вмѣняемъ себя въ пріятнѣйшую обязанность засвидѣтельствовать ученому и благонамѣренному автору книги «О Гавеманъ Гомеопатіи» нашу искреннюю благодарность за добросовѣстный и въ высшей степени полезный трудъ его который прочтуть съ пользою и удовольствіемъ всѣ просвѣщенные его соотечественники.

ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Сочиненіе М. Лермонтова.

Санктпетербургъ. 1840. Доль части.

=

Одличительный характер нашей литературы состоитъ въ рязкой противоположности ея лишеній. Возьмите любую европейскую литературу, и вы увидите, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ скачковъ отъ величайшихъ созданий до самыхъ пошлыхъ: тѣ и другія связаны лѣстницею со множествомъ ступеней, въ нисходящемъ или восходящемъ порядкѣ, смотря потому, съ котораго конца будете смотрѣть. Подлѣ гениальнаго художественнаго созданія, вы увидите множество созданий, принадлежащихъ сильнѣйшимъ художническимъ талантамъ; за ними безконечный рядъ превосходныхъ, примѣчательныхъ, порядочныхъ и т. д. беллетрическихъ произведеній, такъ что доходите до порожденій дюжвинной посредственности не вдругъ, а постепенно и незамѣтно. Самые посредственные произведенія иностранной беллетристики носятъ на себѣ отпечатокъ болышей или меньшей образованности, званія общества, или, по крайней мѣрѣ, грамотности авторовъ. И потому - то все европейскія литературы такъ плодотивы и богаты, что ни на мигъ не оставляють своихъ читателей безъ достаточнаго запаса умственнаго наслажденія. Са-

мая французская литература; бедная и ничтожная художественными созданиями, едва-ли еще не богаче другихъ беллетрическими произведеніями, благодаря которымъ она и удерживаетъ свое исключительное владычество надъ европейскою читающею публикою. Напротивъ того, наша молодая литература по-справедливости можетъ гордиться значительнымъ числомъ великихъ художественныхъ созданий, и до нищеты бѣдна хорошими беллетрическими произведеніями, которыя, естественно, должны бы далеко превосходить первыя въ количествѣ. Въ вѣкѣ Екатерины, литература наша имѣла Державина — и никого, кто бы хотя нѣсколько приближался къ нему; полузабытый ныне Фонвизинъ и забытые Хемницеръ и Богдановичъ были единственными примѣчательными беллетристами того времени. Крыловъ, Жуковский и Батюшковъ были поэтическими корифеями вѣка Александра I; Капнистъ, Карамзинъ (говоримъ о немъ не какъ объ историкѣ), Дмитриевъ, Озеровъ и еще нѣсколько блестящихъ образомъ поддерживавшихъ беллетристику того времени. Съ двадцатыхъ до тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка литература наша оживи-

лась: еще далеко не кончили своего поэтического поприща Крыловъ и Жуковский, какъ явился Пушкинъ, первый великій народный русский поэтъ, вполне художникъ, сопровождаемый и окруженный толпою больше или меньше примѣчательныхъ талантовъ, которыхъ неоспоримымъ достоинствомъ мѣшала только невыгода быть современниками Пушкина. Но за то, пушкинскій періодъ необыкновенно (сравнительно съ предшествовавшими и послѣдующимъ) былъ богатъ блестящими беллетрическими талантами, изъ которыхъ нѣкоторые въ своихъ произведеніяхъ возвышались до поэзіи, и хотя другіе теперь уже и не читаются, но въ свое время пользовались большимъ вниманіемъ публики и сильно занимали ее своими произведеніями, болѣею-частью мелкими, помѣщавшимися въ журналахъ и альманахахъ. Начало четвертаго десятилѣтія ознаменовалось романтическимъ и драматическимъ движеніемъ и несбывшимися яркими надеждами: «Юрій Милославскій» подалъ большія надежды, «Торквато Тассо» то же подалъ большія надежды... и многіе по-давали большія надежды, только теперь оказались совершенно безнадежными... Но и въ этомъ періодѣ надеждъ и безнадежностей блеститъ яркая звезда великаго творческаго таланта,—мы говоримъ о Гоголѣ, который, къ-сожалѣнію, послѣ смерти Пушкина ничего не печатаетъ, и котораго послѣднія произведенія русская публика прочла въ «Современникѣ» за 1836 годъ, хотя слухи о новыхъ его произведеніяхъ и не умолкаютъ... Тридцатый годъ былъ роковымъ для нашей литературы: журналы начали прекращаться одинъ за другимъ, альманахи наскучили публикѣ и прекратились, и въ 1834 году «Библиотека

для Чтенія» соединила въ себя труды почти всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поэтовъ и литераторовъ, какъ-бы нарочно для-того, чтобы показать ограниченность ихъ дѣятельности и бѣдность русской литературы... Но обо всемъ этомъ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ; на этотъ разъ прямо выскажемъ нашу главную мысль, что отличительный характеръ русской литературы — внезапные проблески сильныхъ и даже великихъ художественскихъ талантовъ и, за немногими исключеніями, вѣчная поговорка читателей: «книгъ много, а читать нечего...» Къ числу такихъ сильныхъ художественныхъ талантовъ, неожиданно являющихся среди окружающей ихъ пустоты, принадлежитъ талантъ г. Лермонтова.

Въ «Библиотеку для Чтенія» на 1854 годъ напечатано было нѣсколько (очень-немного) стихотвореній Пушкина и Жуковского; послѣ того русская поэзія наша свое убѣжище въ «Современникѣ», гдѣ, кромѣ стихотвореній самого издателя, появлялись нередко и стихотворенія Жуковского и немногихъ другихъ, и гдѣ помѣщены: «Капитанская Дочка» Пушкина, «Ночь», «Коляска» и «Утро дѣловаго человѣка», сцена изъ комедіи, Гоголя, не говоря уже о нѣсколькихъ замѣчательныхъ беллетрическихъ произведеніяхъ и критическихъ статьяхъ. Хотя этотъ полу-журналъ и полу-альманахъ только годъ издавался Пушкинскимъ; но какъ въ немъ долго печатались посмертныя произведенія его основателя, то «Современникъ» и долго еще былъ единственнымъ убѣжищемъ поэзіи, скрывшейся изъ періодическихъ изданій съ началомъ «Библиотеки для Чтенія». Въ 1835 году вышла маленькая книжка стихотвореній Кольцова, послѣ того постоянно печатающаго

свои лирическія произведенія въ разныхъ периодическихъ изданіяхъ до сего времени. Кольцовъ обратилъ на себя общее вниманіе, но не столько достоинствомъ и сущностію своихъ созданій, сколько своимъ качествомъ поэта-самоучки, поэта-прасола. Онъ и доселѣ не понятъ, не оцѣненъ, какъ поэтъ, въ его личныхъ обстоятельствахъ, и только немногіе сознають всю глубину, обширность и богатырскую мощь его таланта, и видятъ въ немъ не эфемерное, хотя и примѣчательное явленіе периодической литературы, а истиннаго жреца высокаго искусства. Почти въ одно время съ изданіемъ первыхъ стихотвореній Кольцова явился съ своими стихотвореніями и г. Беведиктовъ. Но его муза гораздо - больше произвела въ публикѣ толковъ и восклицаній, нежели обогатила нашу литературу. Стихотворенія г. Беведиктова явленіе примѣчательное, интересное и глубоко-поучительное: они отрицательно поясняютъ тайну искусства, и въ то же время подтверждаютъ собою ту истину, что всякій вышній талантъ, освѣпляющій глаза вышнейю стороною искусства и выходящій не изъ вдохновенія, а изъ легко-воспламеняющейся природы, такъ же тихо и незамѣтно сходитъ съ арены, какъ шумно и блистательно является на нее. Благодаря странной случайности, въ-слѣдствіе которой въ «Библиотеку для Чтенія» попали стихи г. Красова и явились въ ней съ именемъ г. Бернета, г. Красовъ, до того времени печатавшій свои произведенія только въ московскихъ изданіяхъ, получилъ общую извѣстность. Въ-самомъ-дѣлѣ, его лирическія произведенія часто отличаются пламеннымъ, хотя и неглубокимъ чувствомъ, а иногда и художественною формою. Послѣ г. Красова заслуживаютъ вниманіе

стихотворенія подъ фирмою — о — ; они отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальнію, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно - господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо ихъ безъ душевнаго участія; находящіяся въ томъ же самомъ состояніи духа, естественно, преувеличатъ ихъ достоинства; люди же, или незнакомые съ такимъ страданіемъ, или слишкомъ-нормальные духомъ, могутъ не отдать имъ должной справедливости: таково явленіе и такова участь поэтовъ, въ созданіяхъ которыхъ общее слишкомъ заслонено ихъ индивидуальностію. Во всякомъ случаѣ, стихотворенія — о — принадлежатъ къ примѣчательнымъ явленіямъ *современной* имъ литературы, и ихъ историческое значеніе не подвержено никакому сомнѣнію.

Можетъ-быть, многимъ покажется странно, что мы ничего не говоримъ о г. Кукольникѣ, поэтѣ столь плодовитомъ и столь превознесенномъ «Библиотекою для Чтенія». Мы вполне признаемъ его достоинства, которыя неподвержены никакому сомнѣнію, но о которыхъ новаго нечего сказать. Поэтическія мѣста не выкупаютъ ничтожности цѣлаго созданія, точно такъ же, какъ два, три счастливые монолога не составляютъ драмы. Пусть въ драмѣ, состоящей изъ 3000 стиховъ, наберется до тридцати, или, если хотите, и до пятидесяти хорошихъ лирическихъ стиховъ, но драма отъ того не менѣе скучна и утомительна, если въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни истины. Многочисленность написанныхъ кѣмъ-либо

драмъ также не составляет еще достоинства и заслуги, особенно, если вѣсь драмъ похожи одна на другую какъ двѣ капли воды. О талантѣ ни слова, пусть онъ будетъ; но степень таланта— вотъ вопросъ! Если талантъ не имѣетъ въ себѣ достаточной силы стать въ уровень съ своими стремленіями и предвѣртіями, онъ производитъ только пустоцвѣтъ, когда вы ждете отъ него плодовъ.— Чтобы насъ не подозрѣвали въ пристрастїи, мы, пожалуй, упомянемъ еще и о г. Бернетѣ, во многихъ стихотворенїяхъ котораго иногда проблескивали яркія искорки поэзіи; но ни одно изъ нихъ, какъ изъ большихъ, такъ и изъ маленькихъ, не представляло собою ничего цѣлаго и оконченнаго. Къ-тому же, талантъ г. Бернета идетъ сверху внизъ, и послѣднія его стихотворенія послѣдовательно слабѣе первыхъ, такъ-что теперь уже перестаютъ говорить и о первыхъ. Можеть-быть, мы пропустили еще нѣсколько стихотворцевъ съ проблескомъ таланта; но стоить ли останавливаться надъ однолѣтними растеніями, которые такъ нерѣдки, такъ обыкновенны, и цвѣтутъ одно мгновение! стоить ли останавливаться надъ ними, хоть они и цвѣты, а не сухая трава? Нѣтъ,

Сялщій въ гробъ мирно спи,
Жизнью пользуясь живущій!

И потому, обратимся въ *жизнѣмъ*. Но и изъ нихъ только одинъ Кольцовъ общаетъ жизнь, которая не боится смерти, ибо его поэзія есть не соврѣменно-важное, но безотносительно-примѣчательное явленіе. Никого изъ явившихся вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него нельзя поставить съ нимъ, вараду, и долго стоялъ онъ въ просторномъ отдаленіи отъ всѣхъ другихъ, какъ вдругъ на горизонтъ нашей поэзіи взошло новое яркое свѣтло и тотчасъ оказа-

лось звѣздою первой величины. Мы говоримъ о Лермонтовѣ, который, безъ имени, явился въ «Литературныхъ Прибавленїяхъ къ Русскому Иллюстратору» 1838 года, съ поэмою «Пѣсня про царя Ивана Васильевича молодого опричника и удалаго купца Калашникова», а съ 1839 года постоянно продолжаетъ являться въ «Отечественныхъ Запискахъ». Поэмаго, не смотря на ея великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики и была замѣчена только немногими; во каждое изъ его мелкихъ произведеній возбуждало общій и сильный восторгъ. Вѣсь видѣли въ нихъ что-то совершенно-новое, самобытное; всѣхъ поражало могущество вдохновенія, глубина и сила чувства, роскошь фантазіи, полнота жизни и рѣзко-ощутительное присутствіе мысли въ художественной формѣ. Пока оставила въ сторонѣ сравненія, мы замѣтимъ теперь только то, что, при всей глубинѣ мыслей, энергичи выраженія, разнообразіи содержанія, по которымъ Кольцову едва ли можно бояться чьего-нибудь соперничества, форма его стихотвореній, не смотря на свою художественность, всегда однообразна, всегда одинаково-безыскусственна. Кольцовъ не есть только *народный* поэтъ: нѣтъ, онъ стоитъ выше, ибо если его *пѣсни* понятны всякому простолюдину, то его *думы* недоступны никакому; по въ то же время, онъ не можеть назваться и поэтомъ національнымъ, ибо его могучій талантъ не можеть выйти изъ магическаго круга народной непосредственности. Это гениальный простолюдинъ, въ душѣ котораго возникаютъ вопросы, свойственные только людямъ, развитымъ наукою и образованіемъ, и который высказываетъ эти

глубокіе вопросы въ формѣ народной поэзіи. По-этому, онъ неперево­димъ ни на какой языкъ, и понятенъ только у себя дома, только своимъ соотечественникамъ. «Шелья про царя Ивана Васильевича молодого смирничика и удалаго купца Калашникова» показы­ваетъ, что Лермонтовъ умѣетъ явленія непосредственной русской жизни воз­производить въ народно-поэтической формѣ, единственно-свойственной имъ, тогда-какъ прочія его произведенія, проникнутыя русскимъ духомъ, яв­ляются въ той обще-мировой формѣ, ко­торая свойственна поэзіи, перешед­шей изъ естественной въ художе­ственную, и которая, не переставая быть національною, доступна для всякаго вѣка и всякой страны (*).

Въ то время, какъ какія-нибудь два стихотворенія, помѣщенные въ пер­выхъ двухъ книжкахъ «Отеч. Записокъ» 1839 года, возбуждали къ Лермонтову столько интереса со стороны публики, утвердили за нимъ имя поэта съ большими надеждами, Лермонтовъ вдругъ является съ повѣстью «Бѣла», написанною въ прозѣ. Это тѣмъ при­ятнѣе удивило всѣхъ, что еще болѣе обнаружили силу молодаго таланта и показало его разнообразіе и много­сторонность. Въ повѣсти, Лермонтовъ явился такимъ же творцомъ, какъ и въ своихъ стихотвореніяхъ. Съ перваго раза можно было замѣтить, что эта повѣсть вышла не изъ желанія заинтере­совать публику исключительно-лю­бимымъ ею родомъ литературы, не изъ слѣплаго подражанія дѣлать то, что всѣ дѣлаютъ, но изъ того же источни­ка, изъ котораго вышли и его стихо­творенія—изъ глубокой творческой на-

туры, чуждой всякихъ побужденій, кромѣ вдохновенія. Лирическая поэзія и повѣсть современной жизни соеди­нились въ одномъ талантѣ. Такое со­единеніе по-видимому столь противо­положныхъ родовъ поэзіи не рѣдкость въ наше время. Шиллеръ и Гёте бы­ли лириками, романистами и драма­тургами, хотя лирической элементъ всегда оставался въ нихъ господствующимъ и преобладающимъ. Самъ «Фа­устъ» есть лирическое произведеніе въ драматической формѣ. Поэзія нашего времени по-преимуществу романъ и драма; но лиризмъ все-таки остается общимъ элементомъ поэзіи, потому, что онъ есть общій элементъ чело­веческаго духа. Съ лиризма начинается почти каждый поэтъ, такъ же, какъ съ него начинается каждый народъ. Самъ Вальтеръ Скоттъ перешелъ къ ро­ману отъ лирическихъ поэмъ. Только литература Сѣверо-Американскихъ Штатовъ началась романомъ Купера, и это явленіе такъ же странно, какъ и обществу, въ которомъ оно произо­шло. Можетъ-быть, это отъ-того, что сѣверо-американская литература есть продолженіе англійской. Наша лите­ратура представляетъ тоже совершен­но-особенное явленіе: мы вдругъ пере­живаемъ всѣ моменты европейской жизни, которые на западѣ развивались послѣдовательно. Только до Пушкина, наша поэзія была по-преимуществу лирическою. Пушкинъ недолго огра­ничивался лиризмомъ и скоро пере­шелъ къ поэміи, а отъ нея—къ драмѣ. Какъ полный представитель духа сво­его времени, онъ также покушался на романъ: въ «Современникѣ» 1837 го­да помѣщено шесть главъ (съ нача­ломъ седьмой) изъ неконченнаго ро­мана его подъ названіемъ «Аранъ Пестра Великаго», изъ которыхъ чет­вертая глава была первоначально по-

(*). Такъ-какъ стихотворенія Лермонтова скоро выйдутъ въ свѣтъ особою книжкою, то мы и поговоримъ о нихъ по-подробнѣе въ свое время и въ особой статьѣ.

мѣщена въ «Сверныхъ Цвѣтахъ» 1829 года. Повѣсти Пушкинъ началъ писать уже въ послѣдніе годы своей недоконченной жизни. Однакожь, очевидно, что настоящимъ его родомъ былъ лиризмъ, стихотворная повѣсть (поэма) и драма, ибо его прозаическіе опыты далеко не равны стихотворнымъ. Самая лучшая его повѣсть, «Капитанская Дочка», при всѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ его поэмами и драмами. Это не больше, какъ превосходное бельетрическое произведеніе съ поэтическими и даже художественными частностями. Другія его повѣсти, особенно «Повѣсти Балкина», принадлежать исключительно къ области бельетристики. Можетъ-быть, въ этомъ заключается причина того, что и романъ, такъ давно начатый, не былъ конченъ. Лермонтовъ и въ прозѣ является равнымъ себѣ, какъ и въ стихахъ, и мы увѣрены, что, съ большимъ развитіемъ его художнической дѣятельности, онъ непремѣнно дойдетъ до драмы. Наше предположеніе непроизвольно: оно основывается сколько на мѣлнотѣ драматическаго движенія, сколько на повѣстяхъ Лермонтова, столько же на духѣ настоящаго времени, особенно благопріятнаго соединенію въ одномъ лицѣ всѣхъ формъ поэзіи. Последнее обстоятельство очень важно, ибо и у искусства всякаго народа есть свое историческое развитіе, въ слѣдствіе котораго опредѣляется характеръ и родъ дѣятельности поэта. Можетъ-быть, и Пушкинъ былъ бы такимъ же великимъ романистомъ, какъ лирикомъ и драматургомъ, если бы явился позже, и имѣлъ подобнаго себѣ предшественника.

«Бала», заключающа въ себѣ интересъ отдѣльной и оконченной повѣсти, въ то же время была только отрывкомъ

изъ большаго сочиненія, равно-какъ и «Фаталистъ» и «Тамань», въ послѣдствіи напечатанныя въ «Отечественныхъ же Запискахъ». Теперь они являются, вмѣстѣ съ другими, съ «Максимомъ Максимычемъ», «Предисловіемъ къ журналу Печорина» и «Килжнвою Мери» подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Герои Нашего Времени». Это общее названіе — не прихоть автора; равнымъ образомъ, по названію не должно заключать, чтобы содержаніе въ этихъ двухъ книжкахъ повѣсти были рассказами какого-нибудь лица, на котораго авторъ напялялъ роль рассказчика. Во всѣхъ повѣстяхъ одна мысль, и эта мысль выражена въ одномъ лицѣ, которое есть герой всѣхъ рассказовъ. Въ «Балѣ» онъ является какимъ-то таинственнымъ лицомъ. Героиня этой повѣсти вся передъ вами, но герой — какъ-будто-бы показывается подъ вымышленнымъ именемъ, чтобы его не узнали. Изъ-за отношеній его по Балѣ вы невольно догадываетесь о какой-то другой повѣсти, заманчивой, таинственной и мрачной. И вотъ авторъ тотчасъ показываетъ вамъ его при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, который рассказалъ ему повѣсть о Балѣ. Но ваше любопытство не удовлетворено, а только еще болѣе раздражено, и повѣсть о Балѣ все еще остается для васъ загадкою. Наконецъ, въ рукахъ автора журналъ Печорина, въ предисловіи къ которому авторъ дѣлаетъ цѣлкомъ на идею романа, но намекъ, который только болѣе возбуждаетъ ваше нетерпѣніе познакомиться съ героемъ романа. Въ высшей степени поэтическомъ рассказѣ «Тамань», герой романа является автобіографомъ, но загадка отъ этого становится только заманчивѣе, и отгадка еще не тутъ. Наконецъ, вы переходите къ «Килжнв Мери», и туманъ раз-

сбывается, загадка разгадывается, основная идея романа, какъ горькое чувство, мгновенно омолодившее всѣмъ существомъ вашимъ, пристаётъ къ вамъ и преслѣдуетъ васъ. Вы читаете наконецъ «Фаталиста», и хотя въ этомъ рассказѣ Печоринъ является не героемъ, а только рассказчикомъ случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ; хотя въ немъ вы не находите ни одной новой черты, которая дополнила бы вамъ портретъ «героя нашего времени», но, странное дѣло! вы еще болѣе понимаете его, болѣе думаете о немъ, и ваше чувство еще грустнѣе и горестнѣе...

Эта полнота впечатлѣнія, въ которомъ всѣ разнообразныя чувства, волновавшія васъ при чтеніи романа, сливаются въ единое общее чувство, въ которомъ всѣ лица, каждое столько интересное само-по-себѣ, такъ полно образованное, становятся вокругъ одного лица, составляютъ съ нимъ группу, которой средоточіе есть это одно лицо, — вѣсть съ вами смотрятъ на него, кто съ любовью, кто съ ненавистію — какаѣ причины этой полноты впечатлѣнія? Она заключается въ единствѣ мысли, которая выразилась въ романѣ, и отъ которой произошла эта гармоническая соотвѣтственность частей съ цѣлымъ, это строго-соразмѣрное распределеніе ролей для всѣхъ лицъ, наконецъ, эта оконченность, полнота и *замкнутость* цѣлага.

Сущность всякаго художественнаго произведенія состоитъ въ органическомъ процессѣ его явленія изъ возможности бытія въ дѣйствительность бытія. Какъ невидимое зерно, западаетъ въ душу художника мысль и, изъ этой благодатной и плодородной почвы, развертывается и развивается въ опредѣленную форму, въ образы, полныя красоты и жизни, и наконецъ являет-

ся совершенно-особнымъ, цѣльнымъ и замкнутымъ въ самомъ-себѣ міромъ, въ которомъ всѣ части соразмѣрны цѣлому, и каждая, существуя сама-по-себѣ и сама собою, составляя замкнутый въ самомъ-себѣ образъ, въ то же время существуетъ для цѣлага, какъ его необходимая часть, и способствуетъ впечатлѣнію цѣлага. Такъ точно живой человекъ представляетъ собою также особый и замкнутый въ самомъ-себѣ міръ: его организмъ сложенъ изъ безчисленнаго множества *органовъ*, и каждый изъ этихъ органовъ, представляя собою удивительную цѣлость, окопченность и особность, есть живая часть живаго организма, и *эти* органы образуютъ *единый* организмъ, единое неделимое существо — *индивидуумъ*. Какъ во всякомъ произведеніи природы, отъ ея низшей организаціи — минерала, до ея высшей организаціи — человека, нѣтъ ничего ни недостаточнаго, ни лишняго; но всякій органъ, всякая жилка, даже недоступная невооруженному глазу, необходима и находится на своемъ мѣстѣ: такъ и въ созданіяхъ искусства не должно быть ничего ни недоконченнаго, ни недостающаго, ни лишняго; но всякая черта, всякій образъ и необходимъ, и на своемъ мѣстѣ. Въ природѣ есть произведенія неполныя, уродливыя, въ-слѣдствіе несовершенства организаціи; если они, несмотря на то, живутъ — значитъ, что получившіе не-нормальное образованіе органы не составляютъ важнѣйшихъ частей организма, или что ненормальность ихъ не важна для цѣлаго организма. Такъ и въ художественныхъ созданіяхъ могутъ быть недостатки, причина которыхъ заключается не въ совершенно-правильномъ ходѣ процесса ихъ явленія, т. е. въ большемъ или меньшемъ участіи личной

воли и разсудка художника, или въ томъ, что онъ недостаточно выносятся въ своей душѣ идею создания, не давая ей вполнѣ сформироваться въ опредѣленные и оконченные образы. И такія произведенія не лишаются чрезъ подобные недостатки своей художественной сущности и цѣнности. Но, какъ въ произведеніяхъ природы слишкомъ-неправильное развитіе органовъ производитъ уродовъ, которые, родясь, тотчасъ и умираютъ, такъ и въ сферѣ искусства есть произведенія, неперезживающія минуты своего рожденія. Вотъ такія-то произведенія искусства могутъ быть и передѣлываемы, и припоровляемы къ случаю и къ обстоятельствамъ, и о такихъ-то произведеніяхъ говорится, что въ нихъ есть и красоты и недостатки. Но истинно-художественныя произведенія не имѣютъ ни красоты, ни недостатковъ: для кого доступна ихъ цѣлость, тому видится *одна* красота. Только близорукость эстетическаго чувства и вкуса, неспособная обнять цѣлое художественнаго произведенія и терпящаяся въ его частяхъ, можетъ въ немъ видѣть красоты и недостатки, приписывая ему собственную свою ограниченность.

Все, что ни есть въ дѣйствительности, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ явленіи. Всякая организація есть свидѣтельство присутствія духа: гдѣ организація, тамъ и жизнь, а гдѣ жизнь, тамъ и духъ. И потому, какъ всякое произведеніе природы, отъ минерала и былинки до человека, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ жизни, такъ и всякое созданіе искусства есть обособленіе общаго міровой и ея въ частный образъ, въ самомъ-себѣ замкнутый. Организація есть сущность того процесса, чрезъ который является все живое и неруко-

творное, следовательно, и все проявленія природы и искусства. И потому-то тѣ и другія такъ цѣлостны, такъ полны, окончены, словомъ, *замкнуты въ самихъ-себѣ*.

Но что же такое эта «замкнутость»? спросать насъ наконецъ. Отвѣчаемъ: это вещь столько же простая, сколько и мудреная,—и удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ столько же легко, сколько и трудно. Что такое духъ? Что такое истина? Что такое жизнь? Какъ часто предлагаются такіе вопросы, и какъ часто дѣлаются на нихъ отвѣты! Вся жизнь человеческая есть не что иное, какъ подобныя вопросы, стремящіяся къ разрѣшенію. И что же?—для многихъ ли рѣшена загадка и найдено слово? Отъ-чего же такъ? Да отъ-того, что всѣ вопросы и предлагаются и рѣшаются *словомъ*, а слово есть или мысль, или пустой звукъ: кто въ самой натурѣ своей, внутри самого-себя, въ таинственномъ святилищѣ духа своего носить возможность рѣшенія такихъ вопросовъ,—возможность, которая называется *предощущеніемъ, предчувствіемъ, чувствомъ, внутреннимъ созерцаніемъ, внутреннимъ основаніемъ истины, врожденными идеями*, и проч.,—для того слово есть мысль, и услышавъ его, онъ принимаетъ въ себя значеніе, заключенное въ этомъ словѣ. Причина такой *попятивости* заключается въ еродетвѣ, или, лучше-сказать, въ тождествѣ познающаго съ познаваемымъ. Но и самое это тождество требуетъ большаго развѣтлія: иначе *попятивость* тупѣетъ, и вопросы остаются безотвѣдны. Но у кого нѣтъ этого тождества съ предметами его познания, для того слово—пустой звукъ: ухо его услышитъ слово, но разумъ останется глухъ для него. Вотъ почему вопросы, о которыхъ

мы говоримъ, сколько же просты, сколько и мудрены, и отвѣчать на нихъ столько же легко, сколько и трудно. Однакожь, мы попытаемся здѣсь навести читателей на идею того, что мы называемъ, въ природѣ и искусствѣ, *замкнутостію*. Посмотрите на цвѣтущее растеніе: вы видите, что оно имѣетъ свою опредѣленную форму, которую отличаетъ оно не только отъ существъ въ другихъ царствахъ природы, но даже и отъ растеній разнаго съ нимъ рода и вида; его листики расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такою заботливостію, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣленъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей... Какъ роскошно - прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ, отѣрковъ, какая нѣжная и яркая пыль... И какое, наконецъ, упоительное благоуханіе!.. Но все ли тутъ? О, нѣтъ! Это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изнутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе... Тамъ, внутри его ствола, цѣлый новый міръ: тамъ самостоятельная лабораторія жизненности, тамъ, по тончайшимъ сосудцамъ дивно-правильной отѣлки, течетъ влага жизни, струится невидимый эфиръ духа... Гдѣ же начало и причина этого явленія? Въ листъ-самомъ: оно было уже, когда еще не было растенія, когда было только зерно. Уже въ этомъ зернѣ заключался и корень, и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ! Видите ли, въ этомъ цвѣткѣ все, что ему нужно: и жизнь, и источникъ жизни, и явленіе, и причина явленія, и растительность, и все орудія, органы и сосуды растительности: а между-тѣмъ, гдѣ вы уемотрите начало

или конецъ всего этого? Вы видите, что это растеніе полно и совершенно само-въ-себѣ, не имѣетъ ничего недостающаго ему и ничего лишняго, что оно живо и индивидуально: но гдѣ же пружина его жизни, исходный пунктъ его индивидуальности? гдѣ? Они *замкнуты* въ немъ, и потому оно есть совершенно-цѣлое, оконченное, словомъ—*замкнутое въ самомъ-себѣ* органическое существо. Но растеніе связано съ землею, въ которой первоначально развивается и изъ которой получаетъ питаніе, дающее ему матеріалы для развитія и поддержанія его бытія; посмотрите на животное: оно одарено способностію произвольнаго движенія, оно всего посылитъ себя съ самимъ-собою: оно есть и растеніе, которое растетъ изъ почвы и на почвѣ, оно есть и почва, изъ которой и на которой растетъ. Смотри на него извнѣ, мы видимъ являше; вскрывъ его организмъ, мы видимъ источникъ явленія: тамъ кости связаны сухими жилами, сгибы членовъ смазаны пѣскою, которая готовится въ особыхъ желѣзахъ, мускулы протканы нервами... Но и тутъ вы еще не все видите: возьмите микроскопъ, увеличивающій въ мильионъ разъ—и весь морозитъ благоговѣйнымъ изумленіемъ эта безконечность организацій: вы увидите, что и тысячи вашихъ жизней недостаточно, чтобы только перечислить эти тончайшія нити, полныя первосущныхъ силъ природы,—и каждая ниточка, каждая фибра необходима для цѣлаго, и не можетъ быть ни исключена, ни замѣнена безъ искаженія цѣлой-формы; между малѣйшими органами нѣтъ и такого пустаго пространства, гдѣ бы могъ улечься невидимый для простаго глаза атомъ; все внутреннее такъ тѣсно и неразрывно слито съ внѣш-

нею формою, что одно замыкаетъ въ себя другое, а цѣлое есть замкнутое въ самомъ-себѣ существо... Человѣкъ представляеть, въ этомъ отношеніи, несравненно-высшее и поразительнѣйшее зрѣлище: сообщенный и слитый со всею природою и тайною жизни природы,—онъ во всемъ, внѣ себя, видѣть осуществившіеся законы собственнаго разума, и великое *его* нашло въ немъ свой органъ, отдѣлившись въ немъ отъ самого-себя, чтобы взглянуть на себя и сознать себя. *Общее* и *безразличное* стало въ немъ *частнымъ* и *особнымъ*, чтобы черезъ эту *частность* и *особность* снова возвратиться къ своей *общности*, сознать ее. Законъ *обособленія* и *замкнутости* въ частномъ явленіи общаго есть основной законъ мировой жизни!.. И въ искусствѣ онъ открывается съ такимъ же полновліемъ, какъ и въ природѣ: въ уразумѣніи тайны закона обособленія заключается разгадка тайны искусства. Творческая мысль, запавъ въ душу художника, *организуется* въ полное, цѣлостное, оконченное, особое и замкнутое въ себѣ художественное произведение. Обратите все ваше вниманіе на слово «организуется»: только органическое развивается изъ самого-себя, только развивающееся изъ самого-себя является цѣлостнымъ и особнымъ съ частями пропорціонально и живо-сочлененными и подчиненными одному общему. Вотъ почему, на-пр., романъ Вальтера Скотта, наполненный такимъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, пясолько непохожихъ одно на другое, представляющій такое сѣтленье разнообразныхъ происшествій, столкновеній и случаевъ, поражаетъ васъ однимъ *общимъ* впечатлѣніемъ, даетъ вамъ созерцаніе чего-то единаго,—вмѣсто того, чтобы спутать и сбить васъ этимъ калейдо-

пическимъ множествомъ характеровъ и событій. По той же причинѣ и каждое лицо въ романѣ существуетъ для васъ само-по-себѣ; вы видите его передъ собою во весь ростъ, во всей его характеристической особености, и никогда уже не забудете его, а если и забудете, то, перечитывая романъ вновь, хотя бы черезъ двадцать лѣтъ, тотчасъ увидите, что это лицо вамъ знакомо, что вы гдѣ-то уже видѣли его. Но *цѣлое* романа—его колоритъ, его индивидуальная особенность, его *нѣтъ*, для выраженія котораго нѣтъ слова,—еще помните вамъ, нежели каждое слово въ особености: уже и лица всѣхъ романовъ и содержанія ихъ, изгладились изъ вашей памяти, но съ словами: «Ламермурская Невѣста», «Иванго», «Шотландскіе Пуритане» и пр., никогда не перестанутъ для васъ соединяться совершенно различныя понятія... Какъ какое-то неясное видѣніе, какъ аккордъ, внезапно въ вышнѣй раздавшійся, какъ благоуханіе, мимо васъ мгновенно пронесшееся, будетъ вамъ, какъ съ туманъ, представляться *индивидуальная общность* каждаго романа...

Все сказанное нами очень нетрудно приложить къ роману г. Лермонтова. Для этого мы должны прослѣдить въ его содержаніи, уже хорошо извѣстномъ читателямъ, развитіе основной мысли.

Романъ начинается описаніемъ перѣзда автора изъ Тифлиса чрезъ Кайшаурскую Долгину. Не утомяя скучными подробностями, знакомитъ онъ насъ съ мѣстностію. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное—они набросаны какъ-будто-бы мимоходомъ. Въ то время, какъ его тележку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько Осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его тележкой двигалась

другая, которую тащили четыре быка, а за нею шель ея хозяйнѣ, курия изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно-посѣдѣвшими усами, которые не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился; тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

«Мы съ вами попутчики, кажется?»

Онъ молча опять поклонился.

«Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?»

— Такъ съ точно... съ казенными вещами.

«Скажите, пожалуйста, отъ-чего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащить шутя, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ Осетинъ?»

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — Вы вѣрно недавно на Кавказъ?

«Съ годъ» отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что жъ?»

— Да такъ-съ! ужасные бестіи эти Азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричать? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрагате хоть двадцать, такъ коли они крикнуть по-своему, быки все шь съ мѣста... Ужасные плуты! А что жъ съ нихъ возьмешь?... Любить деньги драть съ провжающихъ... Избаловали мошешниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

«А вы давно здѣсь служите?»

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣе Петровичѣ, отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Лицію, я былъ подпоручикомъ—прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чана за дѣла противъ Горцевъ.

«А теперь вы?»

— Теперь считаются въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?

Я сказалъ ему.

Такимъ образомъ завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа—съ *Максимомъ Максимычемъ*, съ этимъ

типомъ стараго-кавказскаго служака, закаленнаго въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ жезагорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто-русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтера Скотта и Купера, но который, по своей новостности, самобытности и чисто-русскому духу, не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу: какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человеческую душу, человеческое сердце, но эта душа и это сердце отделились въ особую форму, которая такъ и говорить вамъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человеческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да закладныхъ для мѣны Черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ «чортъ-возьми», и не въ военныхъ восклицаніяхъ, въ-родѣ «тысяча бомбъ», безпрестанно повторяемыхъ, не въ поножкахъ и не въ куреніи табака;—а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтеномъ на-выкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которые должны быть необходимыми результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень-ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него «жить» значитъ «служить», и служить

на Кавказъ; «Азіаты» его природные враги: онъ знаетъ по опыту, что все они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаля разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно-досадно, если они обмануть цовника и еще выманять у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ, — о шты! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ-того, кажется, и не подозреваетъ цины деньгамъ; но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты «Азіаты» обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, яо-крайней-мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не слышите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ; цовнакомтесь съ нимъ поближе, — и вы увидите, какое теплое, благородное, даже и живое сердце бьется въ желѣзной груди этого по-видимому очерствѣвшаго человека; вы увидите, какъ онъ какимъ-то инстинктомъ понимаетъ все человеческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе: какъ, вопреки собственному сознанию, душа его жаждетъ любви и сочувствія, — и вы отъ-души полюбите простаго, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабе-капитанъ не ошибся: Осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ громко прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. «Вѣдь этакой народъ» сказалъ онъ: «и хлѣба по-русски называть не умѣетъ, а выучили: «офицеръ, дай на водку!... Ужь Татары по мнѣ лучше: тѣ хоть и шельющіе...»

Вотъ наконецъ путешественники наши добрались до станціи и вошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой

было напомяено коровами и овцами а другое людьми, съдѣвными: возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу растлался дымъ, обратно тлѣ-кнваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолокъ. Наши путники закурили трубки, внимая пріятнвому шпѣ-нію чайника.

«Жалкіе люди! — сказалъ я штабе-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ козевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то ослобелѣшии.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. По-вѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужь по-крайней-мѣрѣ наши Кабардинцы или Чеченцы, хотя разбойники, голыши, за го отчаявшіе башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты цтъ: порядочнаго ни на комъ не увидишь. *Ужь подлинно Осетинцы!*

«А вы долго были въ Чечнѣ?»

— Да, я лѣтъ десятковъ стоялъ тамъ въ крепости съ ротою, у Каменнаго Брода, — знаете?

«Слыхалъ.»

— Вотъ, батюшка, надѣли намъ эти голворазы; нынче, слава Богу, смпрѣе, а бывало, га сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазвался, того и галди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылокъ. *А молодцы!*...

«А, чай, много съ вами бывало приключеній?» сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ цинать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и иризадумался.

И вотъ Максимъ Максимычъ весь передъ вами, съ своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженій! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью, или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человекъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные

художники: два, три черты—и передь вами, какъ живая, словно наяву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... Тутъ оцъ цачаль щипать лъвый усъ, повѣсивъ голову и призадумался: какъ много сказано въ этихъ немногихъ, простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводить они по физиономіи Максима Максимыча, какъ много общаютъ, какъ сильно разманиваютъ любопытство читателя!...

Принявъ подапный ему стаканъ чая, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ какъ-будто про себя: «да, бы-ваешь!». Но ны еще должны пѣсколько поговорить словами самого автора:

Это восклицаніе подадо мнѣ большія надежды. Я знаю, старые Кавказцы любятъ поговорить, порассказать; мнѣ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ-нибудь въ захолустьи съ ротой, и цѣлые пять лѣтъ ему никто не скажетъ *здравствуйте* (потому-что сельдѣбель говорить *здравіа желаетъ*). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, каждый день опасность, случаемъ бывають чудные, и тутъ поповалъ пожалуешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.»

«Не хотіе ли подбавить рома?—сказалъ я моему собесѣднику — у меня есть бѣлый изъ Твѣлеса; теперъ холодно.

—Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

«Что такъ?»

— Да такъ. Я даль себя заклатье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтъ на-веселѣ, да ужъ и досталось намъ, когда Алексій Петровичъ узналъ: не дай Господи какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Ою и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человекъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть Черкесы, продолжалъ онъ; какъ напоятся бузы на свадьбѣ или на

похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ на-силу шогн унешъ, а еще у мирвова князь былъ въ гостяхъ.

«Какъ же это случилось?»

Вотъ начало поэтической исторіи «Бѣлы». Максимъ Максимычъ рассказалъ ее по-своему, своимъ языкомъ; но отъ этого она не только ничего не потеряла, но безконечно-много выиграла, Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ-что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключаетъея безконечный міръ поэзии. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться: тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ рассказываемаго имъ событія, такъ точно сямъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто-бы сямъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ стумлялъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и рассказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ?...

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Терекомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ *Петровичемъ*, славный былъ малый; смію васъ увѣрить, только невозможно страше. Видъ, ва-ршнрѣ, въ дождикъ, въ дождь, цѣлый день на охотѣ; все иззябнуть, устануть, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ: вѣтеръ нахпеть — увѣряетъ, что простудился; ставнѣтъ стукнуть, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ-на-одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добѣшься, за то ужъ иногда, какъ начнѣтъ рассказывать, такъ животикъ падорвѣшь со смѣха: Да-съ, съ большими страпностями, и должно быть, богатый человекъ; сколько у него было разныхъ дорогихъ вещей!...

«А долго ли онъ съ вами жить?» спро- силъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памяте- нтъ этотъ годъ; вадъдалъ онъ много хлопотъ, не тамъ будъ помануть! Вадъ есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя не- обыкновенныя вещи!

«Необыкновенныя!» воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, поднимая ему чашъ.

— А вотъ я вамъ расскажу.

Недалеко отъ крѣпости жилъ мир- ной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился вѣздить въ крѣпость. Печорникъ и Максимъ Мак- симычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ Черкеса, безъ пре- увеличенія и безъ искаженія. Голово- рѣзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣ- лялъ изъ ружья, и былъ ужасно па- докъ на деньги. Если его дразнили, гла- за его наливались кровью, а рука хва- талась за книжалъ. «Эй, Азаматъ,— го- варивалъ ему Максимъ Максимычъ: —не споситъ тебѣ головы: яманъ бу- детъ твоя башка!»

Однажды старшій князь прѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Мак- симыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они прѣхали въ аулъ, прятаншіяся отъ нихъ женщины не по- казались красавицами Печорнику. «По- годите, сказалъ я, усмѣхаясь (гово- рилъ Максимъ Максимычъ). У меня было свое на умѣ».

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о нравахъ и обыкно- венныхъ дѣлахъ Черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отсту- пленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорнику подошла меньшая дочь хо- зяина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему...

Какъ-бы сказать?... въ родѣ компли- мента.

«А что жъ такое она пропѣла, не помните ли?»

— Да, кажется, вотъ такъ: «Стройны, де- скать, наши молодые джигиты, и каютаны на нихъ серебромъ выложены, и молодой русской овищерь стройнее ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ни- ми; только не расти, не цвѣсти ему въ на- шемъ саду».

Печорникъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Макси- мычъ перевелъ ей его отвѣтъ, ибо онъ хорошо зналъ *по-ихънему*. «Како- ва?» шепнулъ онъ Печорнику.—Пре- лести! А какъ ее зовутъ?—«Бѣлою».

«И точно (говорилъ Максимъ Максимычъ), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и за- глядывали вамъ въ душу». Печорникъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, но не одинъ онъ смотрѣлъ на нее. Въ числѣ гостей былъ Черкесъ Казбичъ. Онъ былъ и мирнымъ и не- мирнымъ, смотря по обстоятельствамъ; подозрѣній было на него множество, хоть онъ не былъ замѣченъ ни въ ка- кой шалости. Но мы почитаемъ необ- ходимымъ вполнѣ обрисовать это ли- цо, и именно словами Максима Макси- мыча. «Говорили про него, что онъ любить таскаться за Кубань съ абре- камн, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ло- вокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный въ за- платкахъ, а оружіе въ серебрѣ. А ло- шадь его славилась въ цѣлой Кабар- дѣ,—и точно, лучше этой лошади ни- чего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣзники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги—

струнки, и глаза не хуже, чѣмъ у Бэ-ла, а какал сила! скачи хоть на 50 версты; а ужъ вывѣжана—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ, голось даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойническая лошадь!...

Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе обыкновеннаго, и Максимъ Максимычъ, замѣтивъ, что у него подѣ бешметомъ надѣта кольчуга, тотчасъ подумалъ, что это не даромъ. Такъ-какъ въ саклѣ стало душно, онъ вышелъ освѣжиться, и вздумалъ встать проводить лошадей. Тутъ, за заборомъ, онъ подслушалъ разговоръ: Азаматъ похваливалъ лошадей Казбича, на которую давно зарился; а Казбичъ, подстрекнутый этимъ, рассказывалъ о ея достоинствахъ и услугахъ, которыя она ему оказала, не разъ спасая его отъ вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполне знакомить читателя съ Черкесами, какъ съ племенемъ, и въ немъ могущею художническою кистию обрисованы характеры Азамата и Казбича, этихъ двухъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. «Еслибъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего карагѣза» сказалъ Азаматъ.—*Июль*, не хочу — равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ льститъ ему, обещаетъ украсть у отца лучшую винтовку или шашку, которая, только приложи руку къ лезвию, сама вливается въ тѣло, кольчугу... Въ его словахъ такъ и дышетъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго нѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія или лошади, и для котораго желаніе—медленная пытка на маломъ огнѣ, а для удовлетворенія, жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата—ничто. Онъ говорилъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ въ первый разъ увидѣлъ карагѣза, ко-

гда онъ кружился и прыгалъ подѣ Казбичемъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, что съ-тѣхъ-поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостыляемо... Можно подумать, что онъ рассказывалъ о любви или ревности, чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мною; и, тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ является вороной скакунъ твой, съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ-будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!» Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, показалось Максиму Максимычу, который зналъ Азамата, какъ преупрямаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя было вышибить слезу, когда онъ былъ в моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата слышалось что-то въ родѣ смѣха. «Послушай!» сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: «видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! Не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Не-уже-ли не стоить Бала твоего скакуна?..»

Казбичъ долго молчалъ, и наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія Черкеса:

Мало красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звяды сіяють во иракъ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ, завидная доля;
Но веселый молодецкая воля.
Золото кушить четыре жены,
Конь же лихой не имѣть паны:
Онь и отъ вихря въ степи не отстанеть,
Онь не измываетъ, онъ не обманеть.

Напрасно Азамать упрощивалъ, плакалъ, ластить ему. «Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ вѣдять на моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебѣ сброситъ, а ты разобьешь себѣ затылокъ о камни!» «Меня!» крикнулъ Азамать въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго книжала зазвемло о кольчугу. Казбичъ оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. «Будетъ нотъха!» подумалъ М. М., взнуздавъ коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ, Азамать вбѣжалъ въ сажлю въ разорванномъ бѣшенствѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарвать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичъ уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы, и ускользнулъ.

«Никогда себя не прощу одного: чортъ меня дернулъ, прѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ поставилъ — такой хитрый! а самъ задумалъ кое-что: — А что такое? разскажите, пожалуйста.
— Ну ужъ пѣчего дѣлать, началъ разсказывать, такъ надо продолжать.»

Дня черезъ четыре прѣхалъ въ крѣпость Азамать. Печоринъ началъ ему расхваливать лошадь Казбича. У Татарченка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; М. М. заговорить о другомъ, а Печоринъ сведеть разговоръ на лошадь. Это продолжалось недѣлю три; Азамать видимо блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужаго коня за его родную сестру; Азамать задумался: не жалость къ сестрѣ, а мысли о мщѣніи отца потревожила его, но Печоринъ

кольчугу его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ (название, которымъ вотъ ~~онъ~~ очень оскорбляется!), а карагѣзъ такъ чудная лошадь!.. И вотъ однажды Казбичъ прѣхалъ въ крѣпость и стиривается, не надо ли барановъ и меда Максимъ Максимычъ велѣлъ привести на другой день. «Азамать! сказалъ Печоринъ, завтра карагѣзъ въ мостъ ружьяхъ; если тымъче ночью Бала не будетъ здѣсь, не вѣдять тебѣ коня. Хорошо! сказалъ Азамать, поспалъ въ аулѣ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость, вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго, поочередъ съѣла (дакъ видѣлъ часовою), лежала женщина, съ связанными ногами и руками, съ головою, опутанною чадрой. На другой день Казбичъ лаялся въ крѣпости съ своимъ товаромъ; М. М. попотчивалъ его чаемъ, и потому что (говорилъ онъ) хотя разбойникъ онъ, «а все-таки былъ мойжъ кунакомъ». Вдругъ Казбичъ посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, и съ крикомъ: «моя лошадь! лошадь!» выбѣжалъ вонъ, перескочилъ черезъ ружье, которымъ часовою хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакала Азамать; Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что даль промаха, завизжалъ, въ дребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю, и зарыдалъ какъ ребенокъ. Такъ пролежалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которыя велѣлъ положить подлѣ него М. М. за барашковъ. На другой день, узнавши отъ часоваго, что похититель былъ Азамать, онъ засверкалъ глазами и отравился отъзаскакивать его. Отца Бала въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не давалъ ни дочери, ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что Черкешенка у Печорина,

онъ надѣлъ эпюлеты, пшпагу, и пошелъ въ нему. Здѣсь слѣдуетъ сцена, такая прекрасная, что мы не можемъ удержаться, чтобы не пересказать ея устами самого Максима Максимыча:

— Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а въ другой держа пегасишную трубку; дверь во вторую комнату была заперта, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ, только онъ притворился, будто не слышитъ.

«Господинъ прапорщикъ!» сказалъ я какъ можно строже... «Развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?»

— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку? отвѣчалъ онъ, не приподымаясь.

«Извините! Я не Максимъ Максимычъ: я штабс-капитанъ.»

— Все равно. Не хотите ли чаю? Еслибы вы знали, какая мѣня мучитъ забота!

«Я все знаю» отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

— Тамъ лучше: я не въ духѣ рассказывать.

«Г. прапорщикъ, вы сдѣлали простунокъ, за который и я могу отвѣчать...»

— И, полковте! что жъ за беда? Вадъ у насъ давно все пополамъ.

«Что за шутки! пожалуйста вашу пшпагу!»

— Митька, пшпагу!

Митька принесъ пшпагу. исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: «Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что не хорошо.»

— Что не хорошо?

«Да то, что ты увезъ Бѣлу... Ужъ эта мнѣ бѣстѣя Азаматъ!.. Ну, признайся» сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?..

«Ну, что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ въ тупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.»

— Все не надо!

«Да онъ узнаетъ, что она здѣсь?»

— А какъ онъ узнаетъ?

Я опять сталъ въ тупикъ. Поглушайте, Максимъ Максимычъ! сказалъ Печоринъ, приподнявшись: «вѣдь вы добрый человекъ,

Т. X. — Отд. V.

а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою поргнѣть; оставьте ее у меня, а у себя мою пшпагу...»

«Да покажите мнѣ се» сказалъ я.

— Она за згою дверь; только я самъ пынче напрасно хотѣлъ ее видѣть: сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говорить и не смотреть: пуглива, какъ дикая серна. Я напалъ нашу духанщину. она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и приучитъ ее къ мыслу, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня» — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. Я и въ этомъ согласился... Что же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непременно должно согласиться.

Нѣтъ ничего тяжелѣе и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобы показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлю—прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? Цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать нѣкоторыя, чтобы выписки не перешли должныхъ границъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своими прозаическимъ рассказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу, и держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобисполнимость взятой нами на себя обязанности. Мы и до сего мѣста терпѣлись во множествѣ прекрасныхъ частности, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ-слова-до-слова весь рассказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно—значительно, такъ глубоко-знаменательно, дѣлшитъ

такого поэтическою жизнью, блистать таиним роскошным богатством красок; а между-тѣмъ, мы по-прежнему принуждены *пересказывать* по-своему, сколько-возможно держа въ выраженной подлинника и выписывая мѣста.

Холодно смотрѣла Вѣла на подарки, которые каждый день приносили ей Печоринъ, и гордо отталкивала ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между-тѣмъ, онъ учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски. Она стала изрѣдка и поглядывать на него, но все изъ-подлѣбья, из-поса, и все грустно; ипавала свои плечи вполголоса, такъ-что (говорилъ Максимъ Максимычу) бывало и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Угваривая ее полюбить себя, Печоринъ спросилъ ее, не любитъ ли она: каково - инбудь Чеченца, и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ отпуститъ ее домой. Она вдрогнула едва приметно и покачала головой... «Или я тебѣ совершенно неинтересенъ?» Она вздохнула. «Или такая въра запрещаетъ полюбить меня?» она поблѣднѣла и молчала. Потомъ онъ ей сказалъ, что Алмакъ динъ для всѣхъ племенъ, и что если онъ ему позволялъ полюбить ее, то почему же запрещаетъ ей полюбить его. Этотъ доводъ, казалось, поразилъ ее, и въ ея глазахъ выразилось желаніе убѣдиться. «Если ты будешь грустить, говорилъ онъ ей: я умру. Служи, ты будешь веселѣе?» Она прикидывалась, не спускала съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ улыбнулась и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его поцеловала: она слабо защищалась и только повторяла *поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!* Какая граціозная и, въ то же время, какая върная натура черта характера!

Природа нигдѣ не противоречитъ себѣ, и глубокость чувства, достоинство и граціозность невосредственности такъ же иногда поразяють и въ дѣмь Черкешенъ, какъ и въ образованнейшей женщинѣ высшаго тона. Есть манеры столь граціозныя; есть слова столь благоухающія, что одного или одного изъ нихъ достаточно, чтобы обрисовать всего человѣка, выказать наружу все, что кроется внутри его. Не правда ли: слыша это милое, простодушное шюджалуста, поджалуста, не нада, не нада! вы видите передъ собою эту очаровательную, черпую Вѣлу, полудикую дочь вольныхъ ущелій, и какъ такъ обаятельно поражаетъ въ ней эта гармонія, эта особенность женственности, которая составляетъ всю прелесть, все очарованіе женщины?..

Онъ сталъ настанвать, она задрожала и заплакала. «Я твоя шѣпница, твоя раба» говорилъ она: «кошечка, ты можешь меня принудить» — и опять слышны. «Дьяволь, а не женщина!» сказалъ онъ. Максиму Максимычу: «столько я дяю вамъ мое честное слово, что она будетъ моя...»

Однажды онъ вошелъ къ ней, одѣтый по-черкесски и вооруженный, и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего, что имѣеть, даетъ ей волю, и самъ идетъ, куда глаза глядятъ, можетъ-быть, подъ пулю...

«Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотреть ея лицо: въ ней стало жалъ, такая смертельная блѣдность покрыла это малое личико! Не слыша охвата, Печоринъ сдвинулъ несколько шаговъ къ двери; она дрожала, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шута. Такая ужъ была человекъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскопи:

ла, заредала и бросилась ему на шею. Поверите ли? я, стоя за дверью, тонко загля-каль, то-есть, знаете, не то, чтоб зашла-малъ, а такъ, глушость!..

Штабе - капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, сказала она потомъ, тебе усм: мнѣ стало досажо, что иногда ни одна женщина меня такъ не любила.

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бэла полюбила его съ пер-ваго взгляда. Да, это была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, кото-рымъ полюбить мужчину тотчасъ, какъ увидѣть его, но привязаться ему въ любви не тотчасъ; отдадутся не-скоро, а отдавшись, уже не могутъ больше принадлежать ни другому, ни самимъ-себѣ... Поэтъ не говорить объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря *никогда*, даетъ знать все...

Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатели: кто съветъ на-дѣяться на прочное счастье въ этой жизни?.. Минута ваша, ловите же ее, не надвѣсь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бед-ная, милая Бэла!..

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Мак-симычъ узнали, что отецъ Бэлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи карагеза. Отъ Бэлы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она дня два поплакала, а потомъ забыла.

Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бэлу, что за-былъ для нея и охоту, и не выходилъ за крепостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатамъ, заложивъ руки на спину. Однажды, ни-кому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять, и все чаще и чаще. «Нехоро-шо (подумалъ Максимъ Максимычъ): вѣрно между ними пробѣжалъ черная

кошка! Одно утро онъ зашелъ къ нимъ, и увидѣлъ Бэлу такую блѣднень-кою, такую печальною, что испугал-ся. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказа-ла ему:

«А знаете ли? ужъ кажется, что онъ неси-по любить.»

— Правда, милая, ты хуже ничего не мо-гла придумать! Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

«Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продол-жаться, я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!..»

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ гру-стять, то скорѣе наскучитъ Печорину.

«Правда, правда, отвѣчала она: я буду весела! И съ хохотомъ схватила свой бубень; начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель, и закрыла лицо руками.

— Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, зна-ете, никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; пѣсколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положеніе-съ!

Вышедши съ нею прогуляться за крепость, Максимъ Максимычъ уви-дѣлъ Черкеса, который вдругъ вы-тѣкалъ изъ лѣса и, саженьяхъ во сто отъ нихъ, началъ какъ бѣшеный кру-житься: Бэла узнала въ немъ Казби-ча...

Наконецъ Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ на-счетъ его охлажденія къ Бэлѣ, и вотъ какой выдучилъ отъ него отвѣтъ:

«Послушайте, Максимъ Максимычъ: у меня несчастливый характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ, не знаю; знаю только то, что если я прищюю несчастія другихъ, то и самъ не мѣсто несчастливъ. Разумется, это нѣмъ пло-хое утѣшеніе, только дало въ томъ, что это такъ: Въ первой моей молодости, съ той ми-нуты, когда я вышелъ изъ отеческихъ родовъ, я

сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивили. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоело; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ, но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться, науки также надоело; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не завѣсятъ нисколько, потому что самымъ счастливымъ люди — невѣжды, а слава — удача, и чтобы добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что окука не живетъ подъ чеченскими пулями — напрасно: чрезъ мѣсяць я такъ прывыкъ къ ихъ жужжанію и къ близости смерти, что, право, обращать большіе вниманія на комаровъ, и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колыбель, цаловалъ ее черныя локоны, я, глумясь, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательною судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; лѣзвжество и протосердечіе одной такъ же надѣдаютъ, какъ кометство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно-сладкихъ, я за нее отдаю жизнь, только мнѣ съ нею скучно... Глумецъ я или злодѣй, не знаю, по то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ-быть больше, нежели она: во мнѣ душа испорчена святомъ, воображеніе безпокойное, сердце иснасытно; мнѣ все мало: къ печали я такъ же легко прывыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустье день отъ дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь, только не въ Европу, избави Боже! поеду въ Америку, въ Аравію, въ Индію, авось гдѣ-нибудь укру на дорогахъ! По крайней-мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощію буръ и дурныхъ дорогъ. Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врезались у меня въ память, потому что въ-первый разъ я слышалъ такіа вещи отъ 25-ти-лѣтняго человека, и, Богъ дастъ, въ послѣдній...

Что за диво! Слажите-ка, пожалуйста, про-должалъ штабо-капитанъ обращаясь ко мнѣ, вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно: не-ужь-то тамошняя молодежь всѣ такова?

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, впрочемъ, и такіе, которые говорятъ правду, что впрямь разочарованіе, какъ вся мода, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ-самомъ-дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это вѣсело, какъ порока. Штабе-капитанъ не повѣлъ этихъ тонкостей, поначалъ голову и улыбулся лукаво:

— А все, чай, Французамъ вселѣ моду скучать?

«Нѣтъ, Англичанамъ.»

— А-га! вотъ что!.. отвѣчалъ онъ, да вѣдь они всегда были отълаженныя пѣленицы!

Итакъ, Печорникъ охладѣлъ къ бѣдной Бэлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ сама причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого-себя! И объясненія автора для насъ также не-удовлетворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ-быть, и тутъ та же причина, и въ-отношеніи къ автору, и въ-отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ-себя!.. Но тѣмъ неменѣе, мы предложимъ и наше рѣшеніе, или, лучше сказать, и наше гаданіе объ этомъ столько же общему, сколько и грустному основанію человеческого сердца, который особенно частъ и поразителенъ въ современномъ обществѣ. Въ числѣ причинъ скораго охлажденія Печорника къ Бэлѣ не было ли причинною его и то, что для безсознательнаго, чисто-естественнаго, хотя и глубокаго чувства Черкешенки Печорникъ былъ полнымъ удовлетвореніемъ, далеко превосходящимъ сама.

дерзкія ея требованія; тогда - какъ духъ Печорина не могъ найти своего удовлетворенія въ естественной любви полудикаго существа. Къ-тому же, вѣдь одно наслажденіе далеко еще не составляетъ всѣхъ потребностей любви, и что могла дать Печорину любовь, кромѣ наслажденія? О чемъ могъ онъ говорить съ нею? что оставалось для него въ ней неразгаданнаго? Для любви нужно разумное содержаніе, какъ масло для поддержки огня; любовь есть гармоническое сліяніе двухъ родственныхъ натуръ въ чувство безконечнаго. Въ любви Бѣлы была сила, но не могло быть безконечности: сидѣть съ-глаза-на-глазъ съ возлюбленнымъ, ласкаться къ нему, принимать его ласки, предугадывать и ловить его желанія, мѣть отъ его лобзаній, замирать въ его объятіяхъ, — вотъ все, чего требовала душа Бѣлы; при такой жизни и вѣчность показалась бы для нея мгновеніемъ. Но Печорина такая жизнь могла увлечь не больше, какъ на четыремѣсяца, и еще надо удивляться силѣ его любви къ Бѣлѣ, если она была такъ продолжительна. Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предметъ, на который она можетъ устремиться; препятствія превращаютъ ее въ страсть, а удовлетвореніе уничтожаетъ. Любовь Бѣлы была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго напитка, который онъ и выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ раннимъ утра часовъ до десяти напрасно искали они его; Максимъ Максимычъ угоаривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то

было: не смотря ни на зной, ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. «Таковъ ужъ былъ человекъ: что задумаетъ, подавай; видно въ дѣтствѣ былъ маленькій избаловантъ». Однакожь, послѣ полудня, они безъ ничего подъѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучку собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летить стремглавъ всадникъ и держать что-то бѣлое на седлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бѣлу, которая вышла за крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бѣлою; Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ развѣялся — на землѣ лежала раненная лошадь, и возлѣ нея Бѣла, а Казбичъ, какъ кошка, карабкался на утесъ, и скоро скрылся. Ови къ Бѣлѣ — она была ранена, и кровь лилась изъ раны ручьями...

«И Бѣла умерла?»

— Умерла; только долго мучилась, и мы уже съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только-что она открыла глаза, начала звать Печорина. — Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка (то-есть, по-нашему, душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку. — «Я умираю» сказала она. — Мы начали ее утѣшать, говорили, что лекарь обещалъ ее вылечить непременно; — она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лхорадки; она говорила невнятные рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давала ему разные лѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опутивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на ресницахъ его;

въ самознѣнн дѣлѣ оны не могутъ сказать, для владыкъ собого—не знаю; итѣ до меня, то я ничего жалче этого не выдавать.

Къ утру, когда прошелъ бредъ, она начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Печорина, и что инна жепициа будетъ въ раю его подругомъ... Максимъ Максимычъ предложилъ ей окреститься; долго она молила въ нерѣшимости и наконецъ отавчала, что умереть въ той вѣрѣ, въ какой родилась. Такъ прошелъ день—страданія ужасно измѣнили ея прекрасное лицо. Когда боль утихла, и она переставала стоцать, то уговаривала Печорина идти спать, цаловала его руку...

— Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбыва перевязку и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась, и начала просить Печорина, чтобы онъ ее поцаловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнялъ ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодеющимъ губамъ; она крѣпко обвила его цено дрожащими руками, будто въ этомъ подалуь хотѣла передать ему свою душу... *Итъ, она хорошо едѣвало, что умерла! Ну, что бы съ ней стало, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно...*

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: «воду! воду!»

— Онъ сдѣлался блѣднѣе, какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подаль ея. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню, какую... Да, батюшка, выдалъ я много, какъ люди умирають въ госпиталѣхъ и на полѣ сраженія, только все это не то, совсѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертю ни разу не вспомнила обо мнѣ; а кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!... И въ правду молвить: что же я такое, чтобы обо мнѣ вспомнить передъ смертю?...

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она сконча-

лась. Приложивъ свѣчку къ губамъ—спалъ кол... Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на кладбиственный валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досаждо. Я бы на его мѣсто умеръ съ гора. Наконецъ онъ съѣлъ на валѣ, въ тѣнѣ, и началъ что-то чертить палочкой на землѣ. Я, знаете, больше для приличія хотѣлъ утишить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ.

— На другой день, рано утромъ, мы со покоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея жили разрослись кусты белой акаціи и бузины. Я хотѣлъ-было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была нехристіанка...

«А чѣмъ Печоринъъ свростилъ я.

— Печоринъ былъ долго шедровъ, но худалъ, бѣднѣйка; только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бѣлѣ: я выдалъ, что это будетъ ему неприятно, такъ зачѣмъ же? — Мѣсяца три спустя, его назначили въ е... й полкъ. Мы съ-тѣхъ-поръ не встрѣчались... Да, помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказѣхъ по корпусу не было. — Впрочемъ, до нашего брата вѣсги модно доходить.

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ неприятно узнавать повости родомъ позже—квроятно для-того, чтобы заглушить печальныя воспоминаія.

Я не перебивалъ его, и не слушалъ.

Просимъ извиненія за множество выписокъ, и у автора и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде романа: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ навсегда потеряны. Впрочемъ, едва ли кто и не читалъ «Бѣли»; она напечатана въ «Отечественныхъ Запискахъ» еще въ прошедшемъ году, да и самый романъ давно уже вышелъ въ свѣтъ. Что же касается до тѣхъ, которые прочтутъ

нашу статью уже после романа, у них через это почти ничего не отнимается, напротив, если мы тогда хорошо сделали наше дело, они вновь почувствуют уже немысленное наслаждение, и еще с большим охотой. Во всяком случае, нам не было никакой возможности избежать этого вынуждения. Мы хотели, чтобы в нашем изложении содержания романа видны были и характеры действующих лиц, и сохранена была внутренняя жизненность рассказа, равно как и его колорит; а этого невозможно было сделать, показав одним сюжетом содержание, или его отвлеченную мысль. Да и в чем содержание повести? Русский офицер похитил Черкешенку, сперва сильно любил ее, но скоро охладел к ней; потом Черкесь узнал было ее, но видел себя почти вышвырнутым, бросил ее, нанеся ей рану, от которой она умерла: вот и все тут. Не говоря о том, что тут очень немногое, тут еще нет и ничего ни поэтического, ни особенного, ни занимательного, а все обыкновенно до полноты, истерто. Но что же необыкновенного, или поэтического, например, и в содержании Шекспира «Отелло»? Мавра убить страстно любивую им жену из ревности, которую с умыслом возбуждал в нем хитрый злодей: разве и это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Разве не было написано тысячи повестей, романов, драм, содержание которых — муж или любившая, убивающий из ревности невинную жену или любовницу? Но из всей этой тысячи, только одного «Отелло» знает мир и одному ему удивляется. Значит: содержание не во внешней форме, не в сцеплении случайностей, а в замысле художника, в тех образах, в тех тонкостях и переливах красоты, которые

представлялось ему еще прежде, нежели он взялся за перо, словом — в творческой концепции. Художественное создание должно быть вложено в душу художника прежде, нежели он возьмется за перо: написать, для него уже — второстепенный труд. Он должен сперва видеть перед собою лица, но взаимных отношений которых образуется его драма, или повесть. Он не обдумывает, не рассчитывает, не терется в соображениях: все выходит у него само-собою, и выходит так, как должно. Событие разворачивается из идеи, как растение из зерна. Поэтому-то и читатели видят в его лицах живые образы, а не призраки: радуются их радости, страдают их страданиями, думают, рассуждают и спорят между собою о их значении, их судьбе, как будто дело идет о людях, действительно существовавших и знакомых им. Этого нельзя сделать, сперва придумавши отвлеченное содержание, т. е. какую-нибудь завязку и развязку, а потом уже придумавши лица и сюжет или наоборот: заставивши их играть сообразно с сочиненною целью роля. Вот почему изображение содержания так затруднительно для критика, и без выписок нельзя ему обойтись: надо сделать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое творение.

Глубокое впечатление оставляет себя «Бала» вам грустно, но грусть ваша легка, светла и сладостна; вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освещает солнце; оживает быстрый ручей, которого ропот, вместе с шелестом ветря в листьях бузины и белой акации, говорит вам о чем-то таинственном

и безконечною, и надъ всею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное лядвѣе, съ блѣдыми ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ черныхъ очахъ, съ грустною улыбкою. . . Смерть Черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ, по произволу автора, но въ-слѣдствіе разумной необходимости, которую вы предусматривали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простые и трогательныя слова добраго Максима Максимыча: «Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! ну, чтѣ бы съ ней сталося, еслибы Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно! . . .»

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ шалунливой Черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живаго существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете въ изгибы его . . .

А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозреваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любитъ Бэлюю, какъ прекраснымъ дитятею, любить ее, какъ милую дочь — и за чтѣ? — спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: «не то, чтобы любить, а такъ — глупость!» Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бѣла Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ передъ смертію, хоть онъ и самъ сознается, что это съ его стороны не совсѣмъ-справедливое требованіе . . . Останавливаться ли на этихъ чертахъ, столь

полныхъ безконечною? Нѣтъ, онъ говоритъ сами за себя; а тѣ, для кого онъ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобы тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорочность и красная краска, густо и ярко намазанная. . .

Характеры Азамата и Казбича — это такіе типы, которые будутъ равно понятны и Англичанину, и Ницу, и Французу, какъ понятны они Русскому. Вотъ чтѣ называется расоватою фигура во весь ростъ, съ національною физиономіею и въ национальномъ костюмѣ! . . .

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горахъ съ другимъ офицеромъ; одновокость дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ — и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ — тотъ отказывается, говоря, что по одному случаю онъ зарекся пить. Очень-естественно, что сидя въ дымной и гадкой салякѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ сакли: товарищъ этотъ — пожилой офицеръ, много лѣтъ проведшій на Кавказѣ, естественно, очень-охотно разговаривалъ объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодого офицера: «А чтѣ, много съ вами бывало приключеній?» такъ же естественъ, какъ и отвѣтъ пожилаго: «Какъ не бывать! бывало. . .» Но это не приступъ къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда

услышать повесть: авторъ не погоняетъ обстоятельствъ, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиваться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай съ ромомъ: тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: «почему?» молодого офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкою, какъ откланкъ человека, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случаѣ, заставившемъ его заречься пить вино, уже ожидается слышимъ читателемъ. Случай этотъ чисто-кавказскій: офицеры пировали, какъ вдругъ съдѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живи — тревоги пить, «да какъ тутъ еще водка — пропадшій человекъ» отнимаетъ всякую надежду на повесть; какъ вдругъ онъ обращается къ Черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начнутъ рубиться, и очень-естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ врасположенъ его разсказать, но какъ-бы не хочетъ завязываться съ разсказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, по который умѣетъ умѣрять его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ: «какъ же это случилось?» — Вотъ изволите видѣть — и повесть началась. Исходный пунктъ ея — страстное желаніе мальчика-Черкеса имѣть лихаго коня, — и вы помните эту дивную сцену нтъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ человекъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выполненія даже прихоти своей, — а здѣсь дѣло шло о чемъ-то гораздо большемъ, чѣмъ прихоть. Итакъ, все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще повесть была

простымъ анекдотомъ, и новыя знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу его, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе ожгло и потребность сообщить его другому возбудилась, какъ-бы говоря съ самимъ-собою, прибавилъ: «Никогда себя не прощу одного: чортъ дернулъ меня, прѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ сидя за заборомъ; онъ посмѣялся, — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что». Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ разчета и соображенія: онъ плодъ вдохновенія.

Итакъ, исторія Бѣлы кончилась; но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое, впрочемъ, и само-по-себѣ, отдѣльно-взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Въ Владыкавказѣ, авторъ опять съѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человекъ. Не смотря на грубость этого человека, «балованнаго слуги лѣниваго барина», Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. «Что ты? Что ты? Печоринъ?... Ахъ Боже мой!... да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?» Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. «Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно» отвѣчалъ слуга. «Ну такъ!... такъ!.. Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ баринкомъ были пріятели» прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ-что заставилъ его пошатнуться... — Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете — сказалъ тотъ вахмурившись. «Эмой

Эй, братец!... Да знаешь ли? Мы съ твоими бариниомъ были друзья завадычине, жили вместе... Да гдѣ жь онъ самъ остался? Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н... «Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?» сказалъ Максимъ Максимычъ: «или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужь онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмидесятирубль на водку...» Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обещаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнитъ его порученіе. «Вдѣ сейчасъ прибѣжитъ!...» сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: «войду за ворота сто дожидаться... Эхъ, жалко, что я не знакомъ съ Н...!»

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чая, и на-скоро вынулъ одягу, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ злѣбно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворилъ окно, авалъ его снать: онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью, вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить,ковырять въ пачи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, наебалъ, порочился... «Не клопы ли вѣсть кусаютъ?» спросилъ его новый пріятель. — Да, клопы...» отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. «Мнѣ надо сходить къ коменданту» сказалъ онъ: «такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, припишите за мной». Но лишь ушелъ онъ,

какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него ииизъ авторъ, в результате его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ пришелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

Лошади были уже заложены, колокольчикъ во временахъ заигалъ подъ дугой, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ - счастью, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на свіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: «если вы законите еще немного подождать?» сказалъ я, то будете вѣтъ удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ...»

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: мнѣ вчера говорили,—по гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже воицъ мнѣ; онъ едва могъ дышать; мнѣ градомъ катилась съ лица его; мокрые клопки сидѣхъ волосъ вырвались изъ - подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, во тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабс-капитанъ за минуту остолбѣвалъ, во потому жадно схватилъ его руку обими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ. Ну, какъ вы поживаете? сказалъ Печоринъ.

«А ты?... а вы?...» пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ... сколько лѣтъ... сколько дней... да куда вто?...»

— Вдѣ въ Персію—и дальше...

«Не-ужь-то сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!... Не-ужь-то сейчасъ разстанемся?... Столько времени не видались...»

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, — быть отатъ.

«Боже мой, Боже мой! да куда это так спешите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать.. столько распросить.. Ну, что? въ отставку?... какъ?... что подымалъ?...»

— Скучалъ! отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь...

«А помните наше житье-бытье въ кавказѣ?... Славная страна для охотниковъ!... Видѣ вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Баба!...»

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно завувавъ...

Максимъ Максимычъ сталъ его упрощать остаться съ нимъ еще часа два. «Мы славно пообѣдимъ» говорилъ онъ: «у меня есть два фазана; а кахетинское здѣсь прекрасное... разумеется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... вы мнѣ расскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?»

— Право, мнѣ нѣчего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я сиѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. «Забытъ!» — проворчалъ онъ: «я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами!... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...»

— Ну, полно, полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески: неужели я не тотъ же?... что дѣлать?... Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!... Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже началъ подбирать возжи.

«Постой! постой!» закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски: «совсѣмъ- было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найдти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?...»

— Что хотите? отвѣчалъ Печоринъ. Прощайте...

«Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?» кричалъ въ слѣдъ Максимъ Максимычъ...

Коляска была уже далеко; но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было

перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли да и нѣ за чѣмъ!...

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, — а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости...

Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который проговорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по-временамъ и сверкала на его рѣсницахъ. Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ уже весь передъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости, и тогда бы не узнали его лучше. Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній...

«Максимъ Максимычъ — сказалъ я, подошедши къ нему, — а что это за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?»

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки.

«Что вы изъ нихъ сдѣлаете?»

— Что? я велю надѣлать патроновъ.

«Отдайте ихъ лучше мнѣ.»

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы, и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онъ всѣ, — сказалъ онъ: поздравляю васъ съ находкою...

«И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?»

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?... Что, я развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Схватя и унеся поскорѣе бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу, онъ уже надѣлъ шапку, какъ штабс-капитанъ во-

шель... Но вѣтъ, воля ваша! а ужь надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то - есть, не прежде, какъ выслушавъ его послѣднее слово... Чтò дѣлать? есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомились, вѣкъ бы не разстался...

«А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не вѣдете?»

— Нѣтъ-съ.

«А что такъ?»

— Да я еще комеданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...

«Да вѣдь вы же были у него?»

— Былъ, конечно, — сказалъ онъ замѣняясь: да его дома не было... а я не дождался...

Я понала его: бѣдный старикъ, въ первый разъ отъ-рода, можетъ - быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ, — и какъ же онъ былъ награжденъ!

«Очень жаль» сказалъ я ему: «очень жаль, Максимъ Максимычъ, что вамъ до срока надо разстаться».

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣсть подѣ чересскимъ пулями, такъ вы туда-сюда... а по-

слѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

«Я не заслуживаю этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.»

— Да я, знаете, такъ къ слову говорю; а впрочемъ желаю вамъ всякаго счастья и веселой дороги.

За снѣмъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ младенцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь *человѣчнымъ*, и столь неопытнымъ во всемъ, чтò выходило за тѣсный кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, и если встрѣтите — подѣ грубою изруженностию, подѣ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни — горячее сердце, подѣ простою, *лицианскою* рѣчью — теплоту души, то, вѣрно, скажете: «это Максимъ Максимычъ»?... И дай Богъ вамъ побольше встрѣтить, на пути вашей жизни, *Максимовъ Максимычей!*...

(Ожиданіе слѣдуетъ.)

Романъ г. Лермонтова провникнуть единствомъ мысли, и потому, не смотря на его эпизодическую отрывочность, его нельзя читать не въ томъ порядкѣ, въ какомъ расположилъ его самъ авторъ: иначе вы прочтете дѣтъ превосходнымъ повѣсти и нѣсколько превосходныхъ разсказовъ, но романа не будете знать. Тутъ нѣтъ ни страницъ, ни слова, ни черты, которыя были бы наброшены случайно; тутъ все выходитъ изъ одной главной идеи и все въ нее возвращается. Такъ линія круга возвращается въ точку, изъ которой вышла, и никто не найдеть этой исходной точки. Въ основной идѣе романа г. Лермонтова лежитъ важный современный вопросъ о внутреннемъ челоѣкѣ, вопросъ, на который откликнутся все, и потому романъ долженъ возбудить всеобщее вниманіе, весь интересъ нашей публики. Глубокое чувство дѣйствительности, вѣрный инстинктъ истины, простота, художественная обрисовка характеровъ, богатство содержанія, неотразимая прелесть изложенія, поэтической языкъ, глубокое знаніе челоѣческаго сердца и современного общества, широкость и сила кисти, сила и могущество духа, роскошная фантазія, неизчерпаемое обиліе эстетической жизни, самобытность и оригинальность — вотъ качества этого произведенія, представляющаго собою совершенно новый міръ искусства. Все это заставило насъ обратить на него полное вниманіе и основательно познакомиться съ нимъ нашимъ читателямъ, разкрывъ передъ ними богатство заключающейся въ немъ эстетической жизни: въ отдѣленіи «Крѣпости» одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» читатели найдутъ подробный разборъ поэтического созданія г. Лермонтова.

135) Басни Ивана Крылова. Въ восьми книжкахъ. Сорочковая тысяча.

Санктпетербургъ. Въ типографіи А. А. Плюшера. 1840. Въ 8-ю д. л. 300 стр.

Басни особенно поспчастливились въ святой Руси. Отецъ русской литературы, самъ Ломоносовъ, низошелъ съ своего лирико-эпико-драматическаго *потурна* (прозаически называемаго теперь *ходуляки*), чтобы написать басенку — «Волкъ въ пастушьей одеждѣ». Плодовитая и досужая бездарность Сумарокова наводнила современную ему литературу уродливыми «притчами». Наконецъ явился талантливый Хемницеръ и написалъ своего превосходнаго «Метафизика», который и донынѣ вь всегда будетъ превосходенъ, какъ ловко написанная эпиграмма; но мы не знаемъ, можно ли одною эпиграммою, хотя-бы и отличною, составить себя безсмертіе. Кромѣ «Метафизика», Хемницеръ написалъ еще басни двѣ или три, отличающіяся хорошимъ, тогдашнему, языкомъ и какою-то навьюкою игривостію ума; потомъ сочинилъ еще басни двѣ или три, примѣчательныя тѣми же достоинствами, но уже съ грѣхомъ пополамъ; потомъ еще десятка два или три басенъ, въ которыхъ, кромѣ дуракаго языка и отсутствія таланта, ничего не имѣется. Недавно Хемницеръ какъ-то попалъ въ моду; его стали издавать въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Разумѣется, порядочныхъ изданій было по одному въ обѣихъ столицахъ, и потомъ вышло еще нѣсколько площадныхъ, на оберточной бумагѣ, съ дубочными картинками, изъ типографій гг. Кузнецова и Кирилова. Не помнимъ, къ которому изъ нихъ, впрочемъ, кажется, къ обонимъ, старые и почтенные литераторы приписали по предисловію, гдѣ назвали кстати біографію Хемницера и вообще разсуждали о немъ съ приличною важностію, словно о какомъ-нибудь Гемснѣрѣ, или Шекспирѣ. То же самое учинилъ другой кто-то въ одномъ отстав-

ишь и напечатаны и книжками журналь, поместить цѣлую статью о Хемницерѣ, которую, для пущей важности, назвать «критикою». Что́ делать? — у всякаго свой герой: Гомеръ пѣлъ героя Ахиллеса, а Вергилій ханжу Энея. Но какъ бы то ни было, а Хемницеръ все-таки удержится въ исторіи нашей литературы, и дѣти никогда не перестанутъ смѣяться отъ его «Метафизика». Ужь за одно то́ большая ему честь, что съ него началась русская басня. Басни Дмитріева — искусственные цвѣты въ нашей литературѣ. Эти растения пересажены съ родной почвы на чужую и взрошены въ теплицѣ. Въ нихъ блистаетъ салонный умъ XVIII вѣка; въ нихъ языкъ нашъ сдѣлалъ значительный шагъ впередъ. Конечно, мы уже не можемъ восхищаться баснями Дмитріева, и даже никогда не чувствуемъ охоты перечестъ ихъ; но съ ними связаны самыя сладостныя воспоминанія о золотой порѣ нашего дѣтства, и наши дѣти, пока будутъ дѣтьми, не перестанутъ ими восхищаться. Некоторые забавники и теперь еще сказки Дмитріева ставятъ выше «Опытна» Пушкина, и мы удивлены, что многіе старики отъ-души соглашаются съ этими забавниками. *Саша саше!* Однакожь басня все-таки многими обязана Дмитріеву. — Потому, писали басни В. А. Пушкинъ, В. Измайловъ, и некоторыя изъ ихъ басенъ не уступаютъ въ достоинствѣ баснямъ Дмитріева. Но выше ихъ обоихъ Александръ Измайловъ, который заслуживаетъ особенное вниманіе по своей оригинальности: тогда какъ первое по драмамъ Хемницеру и Дмитріеву, онъ создалъ себѣ особый родъ басенъ, герои которыхъ: отставные квартальные, вѣнчаные мужики и бабы, ершовцы, сивуха, пиво, пѣнашая пѣра, лукъ, есаулъ еврюжанин; вместо дѣйствій — пѣба, пѣбакъ и харчевня. Хотя многія изъ его

басенъ возмущаютъ эстетическое чувство своею тривиальностью, за то нѣкоторые отличаются истинными талантомъ и влѣтляютъ какое-то мужиковатое оригинальностью. Таковы: на-примѣръ: «Священникъ и крестьяняты», «Плывущикъ, отставной квартальный», и пр. Но лучшее его произведение, доставившее ему особенную славу, есть «Павлуша и медный-лобъ». Графъ Хвостовъ и Маздуръ написали множество басенъ и съ равнымъ успехомъ. Последний печаталъ свои басни въ «Вѣстникѣ Европы», а особо не издавалъ. Много можно бы назвать и еще баснописцевъ, но мы забыли ихъ имена, а справляясь некогда, да и вѣрнѣе: и безъ того видно, что басня была никогда любимымъ родомъ поэзіи и процвѣтала на Руси преимущественно передъ всеми родами поэзіи.

Но истиннымъ своимъ торжествомъ на оятой Руси басня обязана Крылову. Онъ одинъ у насъ истинный и великій баснописецъ: всѣ другіе, даже самыя талантливыя, относятся къ нему, какъ бельетристы къ художнику. Кстати: можетъ-быть, многіе спросятъ насъ, что́ мы понимаемъ подъ словомъ «бельетристика»? Здѣсь не мѣсто объяснять это, и мы по-неволь должны отложить объясненія по сему предмету до другаго времени, а пока замѣтимъ только, что бельетристика относится къ искусству, какъ статуя къ украшенію каминовъ, столбовъ, этажерокъ и оконъ, бюстики Шиллера, Гёте, Пушкина, Вольтера; Жан-Жака Руссо, Франклина, Тамбуони, Фанни Эслеръ и проч., относятся къ Аполлону Бельведерскому, Венерѣ Медичейской и другимъ памятникамъ древняго рѣзца. — а какъ эстампы относятся къ оригинальнымъ картинамъ великихъ мастеровъ.

Басня есть поэзія разсудка. Она не требуетъ глубокаго воображенія, кото-

рое производится внезапным прони-
кновеніемъ въ таинство абсолютной
мысли; она требуетъ того одушевленія,
которое такъ свойственно людямъ
съ тихой и спокойною натурою, съ
безпечнымъ и въ то же время шибко-
дѣтельнымъ характеромъ, и которое
бываетъ плодомъ природной всеопа-
сти духа. Содержаніе басни составля-
етъ житейская, обиходная мудрость,
уроки повседневной омытцнствн фн
еверъ семейнаго и общественнаго бы-
та. Иногда басня прямо высказываетъ
свою цѣль, но въ холоднымъ резонер-
ствомъ, не бездушнымъ моральнымъ
сентенціямъ, а шпривымъ оборотомъ,
который обращается въ поговорку,
поговорку. Басня не есть аллегорія и
не должна быть ею, если она хороша,
поэтическая басня; но она должна
быть маленькою повестью, драмою, съ
лицами и характерами, поэтически-
оперкутными. Самыя олицетворенія
въ баснѣ должны быть живыми, по-
этическими образами. Такъ, у Крыло-
ва, всякое животное имѣетъ свой ин-
дивидуальный характеръ,—в прокла-
ница мартышка; участвуетъ ли она въ
квартетѣ, ворочаетъ ли изъ трудолю-
бія чурбанъ, или примѣриваетъ очки,
чтобы умѣть читать книги; и лисица, у
него вездѣ китраля, укломчивая, безсовест-
ная и больше положая на человека,
чѣмъ на лисицу съ *лушкою на рыль-
цѣ*; и косопланный мишка вездѣ—добро-
душню-честный; неповоротливо-силь-
ный, лось — грозно-могучій, величе-
ственно-страшный. Столкновеніе этихъ
существъ у Крылова всегда образуетъ
маленькую драму, гдѣ каждое лицо су-
ществуетъ само-по-себѣ и само-для-се-
бя, а всѣ вивствѣ образуютъ собою одно
общее и цѣлое. Это еще съ большою
характерностию, блндр-тииическии и
художественно совершается въ этихъ
басняхъ, гдѣ тердлнмъ—чолстнф-откуп-
щикъ, который не знаетъ, куда ест

дѣлится отъ скуки съ своими дѣла-
ми, и бѣдный, но довольный своею
участно сапожннкъ; поварь-резонеръ;
недоученый философъ, оставшійся безъ
огурцовъ отъ измѣнившей учевости; му-
жикн-политикн, и пр. Тутъ уже насто-
ящая комедія! А между-тѣмъ, во всемъ
лвное преобладаніе разсудка и прак-
тическаго ума, котораго поэзія въ томъ
и состоитъ, чтобы разсыпаться луча-
ми остроумія, сверкать фейервероч-
нымъ огнемъ шутки и насмѣшки. И,
разумѣется, во всемъ этомъ есть своя
поэзія, какъ и во всякомъ непосред-
ственномъ, образномъ передаваніи ка-
кой бы то ни было истины, хотя бы
практической. Самыя поговорки и по-
словицы народныя, въ этомъ смыслѣ,
суть поэзія, или, лучше сказать, —
начало, первый исходный пунктъ по-
эзіи; а басня, въ-отношеніи къ пого-
воркамъ и пословицамъ, есть высшій
родъ, высшая поэзія, или поэзія вл-
родныхъ поговорокъ и пословицъ, до-
шедшая до крайняго своего развитія,
дальше котораго она идти не можетъ.

Во времена псевдо-классицизма, ба-
сною почитали однимъ изъ важнѣй-
шихъ родовъ поэзіи, и Лафонтена ста-
вили ничуть не ниже Гомера. Изъ
басенъ брали, въ риторикахъ и пѣни-
кахъ, образы низкаго, средняго и вы-
сокаго слога,—брали, вѣроятно, пото-
му-что тогда вѣрнѣмъ существовалию
низкаго, средняго и высокаго слога.
Теперь другое время. Одинокомъ, и те-
перь никто не сомнѣвается, что басня
есть поэтическое произведеніе, а бас-
нописецъ — поэтъ, который мѣстами
даже можетъ, такъ-сказать, выходить
изъ ограниченнаго характера басни и
впадать въ высокую поэзію, смотря по
предметамъ своихъ изображеній. Такъ,
на-примѣръ, слодько индивидуальной
поэзіи въ этомъ описаніи пѣсни соло-
вей:

Защолвалъ, эсметалъ
 На тысячу ладонъ, талудъ, перелнался,
 То изжо онъ ослабвалъ,
 И томной вдалекъ свиралью отдавался,
 То мелкой дробью адругъ по рощѣ раз-
 сыпался.

Внимало все тогда
 Любимцу и владу Аврора;
 Зашаки втерки, замокли плечикъ хо-
 ры

И прилегли стада.
 Чуть-чуть дыша пастухъ имъ любовал-
 ся,

И только шлогда
 Внимал соловою пастушка улыбался.
 Или вотъ это описаніе бури, кото-
 рымъ такъ поэтически замыкается ба-
 сня «Дубъ и Трость», и которое наши
 классики съ такою гордостью выста-
 вляли въ образецъ *высокаго слога*:

Вдругъ мчятся съ северныхъ сто-
 ровъ
 И съ градомъ, и съ дождемъ, шумящій
 аквилонъ.

Дубъ держится, — къ землѣ тростинюшка
 припала.

Бужуекъ вѣтри, удвоилъ силы оги,
 Взрвалъ, — и вырвалъ съ кор-
 немъ вонъ

Того, кто небесамъ главой своей касался
 И въ области таней цитого уиравля.

Въ басняхъ Крылова можно найди
 еще и лучшіе приѣтры поэтической
 силы и образности въ выраженіяхъ.

Но басни Крылова, кромѣ поэзии,
 имѣютъ еще другое достоинство, ко-
 торое, вмѣстѣ съ первымъ, заставля-
 етъ забыть, что онѣ — басни, и дѣлаетъ
 его великимъ русскимъ поэтомъ: мы
 говоримъ о народности его басень.
 Онъ вполне изчерпалъ въ нихъ и
 вполне выразилъ ими цѣлую сторону
 русскаго національнаго духа: въ его
 басняхъ, какъ въ чистомъ, полиро-
 ванномъ зеркалѣ, отражается русскій
 практическій умъ, съ его кажущемо-
 ся неповоротливостію, но и съ ост-
 рыми зубами, которые больно ку-
 саются; съ его сметливостію, остро-
 тою и добродушию — саркастическою

насмѣшливостію; съ его природною
 вѣрностію взгляда на предметы, и
 способностію коротко, ясно и вмѣстѣ
 мудро выразиться. Въ нихъ вся
 житейская мудрость, влудъ практи-
 ческой опытности, и своей собствен-
 ной, и заимствованной отцами изъ рода
 въ родъ. И все это выражено въ та-
 кихъ оригинально-русскихъ, непере-
 лагаемыхъ ни на какой языкъ въ мі-
 рѣ образахъ и оборотахъ; все это
 представляетъ собою такое неизчер-
 паемое богатство идиомовъ, руссиз-
 мовъ, составляющихъ народную фи-
 зиономію языка, его оригинальнныя
 средства и самобытное, самородное
 богатство, — что сама Пушкинъ не по-
 лонъ быть Крылова, въ этомъ отно-
 шеніи. О естественности, простотѣ и
 разговорной легкости его языка нѣ-
 чего и говорить. Языкъ басень Кры-
 лова есть прототипъ языка «Горя
 отъ Ума» Грибоедова, — и можно ду-
 мать, что еслибы Крыловъ явился въ
 наше время, онъ былъ бы творцомъ
 русской комедіи и, по количеству не
 меньше, а по качеству больше Скри-
 ба обогатилъ бы литературу пре-
 возходными произведеніями въ ро-
 дѣ легкой комедіи. Хотя онъ и бралъ
 содержаніе нѣкоторыхъ своихъ ба-
 сенъ изъ Лафонтена, но перевод-
 чимомъ его назвать нельзя: его из-
 ключительно-русская натура все пе-
 реработывала въ русскія формы и
 все проводила черезъ русскій духъ.
 Честь, слава и гордость нашей лите-
 ратуры, онъ имѣетъ право сказать:
 «Я знаю Русь и Русь меня знаетъ»,
 хотя никогда не говорилъ и не го-
 воритъ этого. Въ его духъ вырази-
 лась сторона духа цѣлаго народа; въ
 его жизнь выразилась сторона жизни
 мильионовъ. И вотъ почему еще
 при жизни его выходила *сороковая*
эмиссія экземпляровъ его басень и
 вотъ за чѣмъ, *со-временемъ*, каждое

изъ многочисленныхъ изданій его басень будетъ состоять изъ десятикомъ тысячъ экземпляровъ. Вотъ и причина, почему всѣ другіе баснописцы, въ началѣ пользовавшіеся немалымъ извѣстностью, теперь забыты, а нѣкоторые даже пережили свою славу. Слава же Крылова все будетъ расти и пышнѣе развѣтываться до тѣхъ поръ, пока не умолкнетъ звукомъ и богатый языкъ въ устахъ великаго и могучаго народа русскаго. Нѣтъ нужды говорить о великой важности басенъ Крылова для воспитанія дѣтей: дѣти безсознательно и непосредственно напываются изъ нихъ русскимъ духомъ, овладеваютъ русскимъ языкомъ, и обогащаются прекрасными впечатлѣніями почти-единственно-доступной для нихъ поэзіи. Но Крыловъ пишетъ не для однихъ дѣтей: съ книгою его басень невольно забудется и взрослый и снова перечтеть ужъ читанное нѣтъ тысячу разъ.

Теперь объ изданіи *сороковой тысячи*. Оно опрятно и украшено портретомъ автора, виньеткою, прекрасносдѣланными, и двадцатью-четырьмя превосходными полтипажами. Можетъ быть, многимъ странно покажется, что изъ *перехъ-сотъ-семи* басенъ только къ двадцати-четыремъ приложены полтипажи. Эти картины взяты съ великолѣннаго парижскаго изданія: отъ-того и лица на нихъ и костюмы явно востраинные, а на нѣкоторыхъ замѣтитъ вы французскія надписи, которыя издатель не догадался стереть. Разумется, что полтипажи приложены только къ тѣмъ баснямъ, которыхъ содержаніе или взято изъ басенъ Лафонтена, или сходно съ ними; но какъ-то дико видѣть при русскіхъ, при крыловскихъ басняхъ эти *мѣлкіе* лица и костюмы. А полтипажи при басняхъ Лафонтена—превосходны: не говоря уже

о чудесной работѣ, какія прекрасная мысль—одѣть животныхъ въ платья и сдѣлать въ нихъ что-то среднее между мордою животнаго и лицомъ человѣческимъ. Вотъ хоть этотъ толстый господинъ въ сюртукѣ, съ бычьею физиономіею и рогами, который такъ гордо смотритъ изъ низенькаго франта во фракъ съ лягушечьею мордою, брюхомъ и тоненькими ножками; франтъ, дакнувъ голову, надувается, чтобы сравниться въ ростѣ и добродышности съ толстымъ господиномъ-быкомъ! Въ изобрѣтеніяхъ такого рода французскій гений торжествуетъ: никто лучше Француза не сочинитъ каррикатуры, никто лучше Француза не придастъ этой бездымкѣ столько ума, граціи, жизни. У насъ есть и свои художники съ дароданьемъ—и при этомъ мы невольно вспомнили объ очеркахъ г. Сапожникова къ извѣстному изданію басенъ Крылова in-quarto: сколько въ этихъ очеркахъ таланта, оригинальности, жизни! какой русскій колоритъ въ каждой чертѣ! И что же?—Нашимъ художникамъ пока еще нѣчего дѣлать: во-первыхъ, у насъ нѣтъ хорошихъ гравировщиковъ, и мы по-необходимости посылаемъ въ Лондонъ собственные рисунки, а во-вторыхъ, наша публика мало читаетъ русскія книги и еще меньше покупаетъ ихъ. Къ этому присоединится излившая до-вѣрчивость ко всему иностранному, излившая недо-вѣрчивость ко всему русскому,—и, надо сказать, то и другое не всегда бываетъ безъ основанія. У насъ вообще никто еще не приучился хорошо дѣлать и при средствахъ. На-пр., какія огромныя средства даны были для изданія Пушкина, и что же? Пушкинъ душно напечатанъ на оберточной бумагѣ, съ страшными оечатками, съ выпускомъ важныхъ пьесъ (на-пр., «Демона», «Къ Моросову»)

съ дрянными размещеніемъ по родамъ, мушкетъ по немновѣрно-высокой и инокълько - несоотвѣтственной съ безобразіемъ издавія цѣны, и притомъ безъ цѣлой трети сочиненій Пушкина, за которыя надо платить новыя деньги, и докторяхъ Богъ-знаеть, когда дождетъся наша публика! Вотъ и еще новыи и притомъ самый свѣжій примѣръ свѣтлаго намъ — *сороковая* тысяча бабъ семъ Крылова: бумага хорошая, печать тоже; портреты автора, вышета, иллюстраціи, хоть и чужіе, — поцѣна умѣренная (5 р. асс.): видно, что издатели были средотва и они нещадилъ ихъ; но что за безакусіе! — помя узенькія, шрифтъ чересчуръ крупень — и что за аккуратность! — просмотрите басню «Скупой», и вы прочтете въ концѣ 256 страницы слѣдующіе четыре стиха:

Такъ на прощанъ, въ знакъ признанъ,
Мои сокровища приять не откажись!
Такъ на прощанъ, въ знакъ признанъ,
Мои сокровища приять не откажись!
Два стиха повторены! Боже мой! *кому* поручаютъ издатели смотрѣніе за своими издаваніями!...

136) Басни Ивана Хемницера. *Въ трехъ книгахъ. Съ портретами автора и картинками.* Москва. Въ тип. Вас. Кирилова. 1840.

Едва мы успѣли написать, что недавно Хемницеръ какъ-то попалъ въ моду, и что въ Москвѣ явилось уже множество дрянныхъ изданій его «Басень», вышедшихъ изъ типографій гг. Кузнецова и Кирилова, какъ вдругъ получаемъ изъ Москвы же новое, только что выпущенное изданіе, напечатанное именно въ типографіи г-на Кирилова. Странное дѣло! Наша книгодѣльская промышленность начинать часто тревожить прахъ уже почившихъ въ мирѣ героевъ русской словесности. Зачѣмъ она это дѣлаетъ? Зачѣмъ бы то ни было, но ужъ вѣрно

не изъ любви къ нимъ. У ней есть какой-то мистикъ: нажикнитъ-образомъ не напечатаетъ она такого стариннаго автора, котораго хотя и называють великимъ, но въ то же время одиеть на жертву пылкой любви-звательности мышей и добрыхъ труженниковъ пшеледовъ; она какъ-то умѣетъ выбрать такого, который, не пользуясь громкою славой, можетъ еще найти себя читателей въ публикѣ. Такъ часто устремляетъ она свои удары на остроумнаго Фон-Визина, такъ устремила ихъ она теперь на добродушнаго Хемницера, о которомъ выше мы сказали уже свое мнѣніе. Не знаемъ достигнетъ ли наша книгодѣльская промышленность своей таинственной цѣли, но только надобно признаться, что она тѣжета на руку. Къ-чему вставили здѣсь эти незлыя, уродливыя маранья, названныя въ главѣ *картинками* и не-уже-ли Хемницеръ былъ хоть сколько-нибудь похожъ на это чернильное пятно, названное великодушно *портретомъ автора*?

137) Странникъ. *Сочиненіе* А. Вельтмана. *Изданіе второе.* Часть первая. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1840. Въ 12-ю д. л. 144 стр.

Бываетъ иногда дордого: нечаянно встрѣтишься съ незнакомымъ человекомъ, разговорившись съ нимъ, и съ пріятнымъ изумленіемъ находишь въ немъ много и любезнаго собеседника, который говоритъ такъ хорошо, остритъ такъ мило, шутитъ такъ забавно, что, кажется, вѣкъ бы не расстался съ нимъ. Между-тѣмъ, каждому изъ васъ лежитъ свой путь, и вотъ вы принуждены расстаться. Но, расставаясь, вы оставляете въ душѣ пріятное чувство, которое заставляетъ васъ желать — идѣ-нибудь снова встрѣтиться съ путевымъ вашимъ знакомцемъ,

чтобы еще раз послушать его умных и милых речей. Случай опять сводит васъ... Вы съ удовольствіемъ увидите прежняго собесѣдника, всею оmdтрните ему въ глаза и ждете, когда заговоритъ онъ. Онъ и въ чемъ не изменился: рѣчь его та же, но умъ остроты его потеряли для насъ прелесть новизны, шутки его, повторяясь, утратили въ глазахъ вашихъ всю прежнюю граціозность и стали оченъ-обыкновенными, самые приемы его присмотрались вамъ и не занимаютъ васъ болѣе. Между тѣмъ онъ, видя прежній милый собесѣдникъ, нисколько не замѣчая вашего охлажденія и вовсе не думая извиниться для вашего удовольствія, продолжаетъ все тѣмъ же тономъ и тѣмъ же порядкомъ говорить и шутить, и наконецъ своимъ неумѣреннымъ балагурствомъ доводитъ васъ до того, что вы сами прекращаете съ нимъ бесѣду, и послѣ того разстаетесь уже безъ сожалѣній.

То же, или почти то же чувствовали мы; совершенно-неожиданно встрѣтившись во второй разъ съ известнымъ «Странникомъ», съ которымъ мы познакомились, кажется, еще въ двадцатыхъ годахъ. Мы также обрадовались при видѣ знакомаго «Странника» и сначала приняли его по первому впечатлѣнію, которое хотя не было ни сильно, ни глубоко, ипрочемъ, въ самой своей воздушности заключало такъ много веселаго и игриваго, что намъ иногда не случно было вспомнить о немъ. Итакъ мы и теперь хотѣли слѣдовать первому впечатлѣнію и уже готовы были, услышавъ вмѣстѣ съ авторомъ на коврѣ-самолѣтѣ, неситься за его причудливою фантазіею по всѣмъ концамъ міра и свѣтяться вмѣстѣ съ нимъ на ставціяхъ;—но, увы, и увы! почему ли, что мы сами стали слишкомъ-неповоротливы и тяжело на подъемъ, нешли въ прежній бла-

женный времена, или фантазія «Странника» показалась намъ слишкомъ-вѣтренна и шрихотлива, только мы не пошли далѣе первой станицы и остановились, помнится, на XVI параграфѣ, который весь состоитъ изъ словъ: «Ночь, и т. д.»—Мы вовсе не враги г-ну Вальтману, котораго талантъ цѣнить и любить, но, право, желали бы лучше не встрѣчаться этотъ разъ съ его «Странникомъ»: не будь этой встрѣчи, мы, право, хвалили бы его болѣе, нежели теперь, когда начинали знакомиться съ нимъ во второй разъ. Впрочемъ, кто знаетъ/можетъ-быть, г. Вальтманъ предпосылаетъ своего «Странника» предвѣстникомъ какаго-нибудь новаго романа? Давай Богъ!

138) Кіевлянинъ. *Книга первая, на 1840 годъ. Издавъ Михаилъ Максимовичъ. Кіевъ. Въ Университетской тип. 1840. Въ 8-ю д. л. 253 стр.*

Назначеніе «Кіевлянина» — знакомить публику съ древностію и со всѣмъ, относящимся къ исторіи Кіева и вообще Южной Руси—кіевской и галицкой. Это видно какъ изъ предисловія издателя, такъ и изъ большой части прозаическихъ статей; изъ нихъ: «Обозрѣніе стараго Кіева», «О надгробіяхъ въ Печерскомъ Монастырѣ» и «Воспоминаніе о городахъ Пересопницъ и Дубровицахъ, и о князяхъ, ими владѣвшихъ» — принадлежать самому издателю, М. А. Максимовичу; Древняя Теодосіева Пещера въ окрестностяхъ Кіева.—г. И. Максимовичу, и «Острожская старина».—г. Домбровскому. Какъ гѣ, такъ и другія интересны по фактамъ; но изложеніе ихъ нѣсколько-сухо, нежурнально и не-альманахно. Кромѣ этихъ статей ученаго содержанія, въ «Кіевлянинѣ» есть еще четыре беллетрическія статьи, изъ которыхъ два малороссійскіе разсказа г. Кулена заслуживаютъ особеннаго вниманія; о-

дней шовныхъ, «О томъ, что случилось съ казномъ Бурдюгомъ на зеленой недаль, была уже напечатанъ въ «Литературной Газетѣ»; «Свагура», русская сиваха, подслушавшая г. Мяснишечку у народа, мало заключаетъ въ себя народнаго и русскаго. Есть еще разсказъ «Сила Привачни» — о которомъ не знаемъ, что и сказать. Читая подобныя разсказы, поцелова вспомянишь слова поэта:

Съ кого они портреты вынутъ,
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случилось нтъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ.

Въ «Киевланинъ» есть и стихотворенія, изъ которыхъ особенно замѣчательны: «Цвѣтъ Завтра», Жуковскаго, впрочемъ давно уже извѣстный читателямъ «Современника» подъ именемъ «Цвѣтъ»; «Метель» г. Красова; «Клара Моррай» его же стихотвореніе, проникнутое грустными чувствами; оно написано по прочтеніи романа Валтера Скотта «Сен-Ронаскія Воды». Но истинный перлъ стихотворной части «Киевланина» — это «Извѣстіе», стихотвореніе г-на же Красова, все проникнутое мыслию и отличающееся художественною отдѣлкою формы. Не можемъ удержаться, что бы не выписать его:

Мнѣ говорятъ: она какъ тынь пуглива,
Бѣжитъ отъ юношей, бѣднѣла дѣль за
днемъ;

Въ кругу подругъ горда и молчалива
Стоитъ одна съ поникнутымъ челомъ.
Мнѣ говорятъ: ея живые взоры
Кого-то часто ждуть, потопленные въ даль;
Что на устахъ порой молитва и укору,
А на челѣ младомъ сабота и печаль;
Съ улыбкой грустное, началъ похолово,
Резиво стоитъ прекрасная танть, —
Нтъ, подпершись задумчиво рукою,
На дальній путь сквозь слезы она глядитъ.
Мнѣ говорятъ: во мракѣ полуночи
Какой-то вопль слышеть съ ложа сна,
И долго, долго плачутъ очи,
Выдастъ бѣднѣла она;

Разбросавъ локони, сдвинувъ неле рукою
Такъ бѣднѣла сидитъ, недвижимо, какъ
танть, —

И все для ней равно: надъ жаркой годовою

Луна ль блестятъ, или свѣтитъ новый день
Есть на груди письмо съ забытыми сло-
вами:

Ихъ гордый локонъ, пропавъ, ищетъ
танть, —

Когда етъ ней оторванный судьбины,
Она безнадежно въ даль тоску свою, у-
мчалъ...

Послѣ прекрасныхъ стихотвореній г. Красова заслуживаютъ вниманія два небольшія стихотворенія г-жи Тепловой. Вообще, если судить по мерной книжкѣ, «Киевланинъ» общается съ себѣ болѣе ученый, нежели литературный альманахъ, и если въ немъ будутъ помещаемы статьи, подобныя ученымъ статьямъ этой первой книжки, то изданіе это будетъ очень важно для занимающихся отечественной исторіей.

139) Провинціальными Сценами. *Сочиненіе автора «Семьсотва Колмскихъ». Дѣйствіе происходитъ въ 1780-хъ годахъ. С. П. Бурев. Въ тѣл. А. Смирдина. 1840. Въ 12-ю д. л. 428 стр.*

Прототипъ «Провинціальнахъ Сценахъ» — комедія особаго рода, о которыхъ очемъ вѣрно и очень остроумно камъто и гдѣ-то было сказано, что дѣйствующія лица ихъ, раздѣлены на дураковъ, которые очень — мылы, и на умниковъ, которые очень — глупы. Въ «Провинціальнахъ Сценахъ» дѣйствующія лица — чиновники, изъ которыхъ одни взяточники и плуты, другіе — благонамѣренныя и честныя. Первые — карикатуры, вторые — резонеры. Это, другими словами, болѣе или менѣе вѣрныя копія съ такой дѣйствительности, о которой дай-Богъ всякому порядочному челоуку совѣтъ не знать, если только это возможно. Но во всякомъ случаѣ, въ «Провинціальнахъ Сценахъ» много занимательнаго

стихотворения г. Анордиста: онъ также выразилъ въ нихъ и радости и страданія свои; это възвоненіи отражается совершенно въ струяхъ его ромбическаго вѣды. Г. Анордистъ уже въ лѣтахъ, ему 40 лѣтъ: эво мы узнаемъ изъ вѣсы подъ названіемъ «Предложеніе сорока-лѣтняго жениха», въ которой онъ самыми лестными именами призываетъ красавицу, и умоляетъ, чтобъ которая-нибудь изъ нихъ сжалась надъ нимъ и вышла за него замужъ. Здѣсь онъ изображаетъ свой портретъ со всѣми подробностями. Во-первыхъ, онъ *имѣетъ мажорство*; не ѣздитъ въ клубъ, не пляска, не мотъ, въ карты играетъ редко, и то только въ дурачки; очень-пѣнень, ибо обжурется всею душою любить супругу, предупреждать все ея мысли и желанія, называть ее. . .

*Милая правенькая мамонь!
Миленькой моею Бабушкой,
Милая золотомъ, душой
Моей женушкой любезной,
Моей птишкой дорогой!*

Вотъ здѣсь бы, кажется, можно было остановиться: мы познакомились съ г. Анордистомъ. Но историческая критика не удовлетворится этимъ. Г. Анордистъ могъ здѣсь похвалить себя: кое-что прибавить, кое-что убавить. Мы должны подмѣтить тѣ мѣста въ его стихотвореніяхъ, гдѣ онъ неумышленно высказываетъ себя. На-примѣръ, какъ драгоцѣнна къ этому отношенію пьеса подъ названіемъ: «Поѣздка на дачу!» Это собственно письмо г. Анордиста къ его любезному другу, письмо, въ которомъ открывается много, много душевнаго. Г. Анордистъ съ двумя своими друзьями (въ стихотвореніи сказано: «Вчера въ троемъ намъ») возмѣтилъ наибрѣніе прогуляться.

Сперва совѣтъ, какъ намъ пугать,
Въ складчину (sic!) воздухомъ питаться!

• Прогулка цѣль Архангельскаго села.

Г. Анордистъ не любитъ идеальничать. Онъ прямо говоритъ, что воздухомъ не будешь сытъ:

Не ахоловостуй мой дружище —
говоришь онъ своему другу, и изчисляетъ съ исторіографической подробностію все, что было

Взято съдобнаго къ запасъ:
пирогъ, настойка, водка, шесть калачей, пять ситныхъ (вѣроятно хлѣбовъ), двѣ кружки масла, слишкомъ два десятка печеныхъ яицъ, полсотни зеленыхъ огурцовъ, ендова пива, четыре курины ножки, двѣ бутылки рома, и проч., и проч. Г. Анордистъ съ своими пріятелями любитъ покушать. Лишь только выехали они за заставу, какъ уже и съѣли привалъ,

... Вышли и закусили

Чинкомъ, порядкомъ. . .

Въ Архангельскомъ они много гуляли и пренного встрѣтили знакомыхъ;

Природой восты восхищались,
Виномъ и воздухомъ питались.

Потомъ пообедали, и послѣ обѣда г. Анордистъ отдыхалъ подъ тѣнью вяза и курилъ вахштафъ. Потомъ смотрѣли палаты, скотный дворъ,

Сидѣли видѣли огуры,
Красочка съ серебромъ мы куры.
И говорили всякій вздоръ.

Г. Анордистъ очень-чувствителенъ. Онъ съ грустью слушалъ разсказъ крестьянина-старика, у котораго разположился и который плакалъ о томъ, что у него вѣтъ подруги прекрасной. Пуншъ и водка однако скоро развѣляли грусть чувствительнаго поэта. «Эй, Никитка! давай кибитку!» — и умчались пѣздить въ Москву... Не правда ли, что любезный левъ поэта представляется вамъ теперь живо? Также очень-много могутъ содѣйствовать къ изученію г. Анордиста варьяціи на *тройку* («Вотъ мчитъ тройка удалая» и проч.). Этихъ варьяцій четыре. Не мы же бу-

демъ разсматривать ихъ, а предоставляемъ это наслаждение будущимъ историкамъ поэзіи и цѣнителямъ поэтическихъ произведеній. Мы советуемъ имъ обратить также вниманіе на лиро-эпическую пьесу, подъ заглавіемъ: «Евгеній и Людмила». Здѣсь выразился взглядъ г. Амордиста на жизнь, на любовь, и проч. Очень - хорошо! Но вънецъ всего въ этомъ отношеніи — стихотвореніе подъ названіемъ «Къ друзьямъ». Сколько здѣсь благороднаго сознанія своихъ силъ, сколько геніальной откровенности!... «Я» говорить онъ, обращаясь къ читателямъ: «я не занимаюсь ничѣмъ, но тотъ благословенный человекъ, который такъ живетъ, какъ я; не порицайте меня за страсти, я не виноватъ,

Зачѣмъ моложе васъ лѣтами,
Зачѣмъ я послѣ васъ рождень,
И можетъ выше васъ страстями,
И можетъ больше васъ уменъ.

Я. говорить онъ: «сначала учился, а потомъ влюбился. Она красавица; ее зовутъ Александрина, а я называлъ ее Сашей. Она тайно...» Но, читатели, мы не можемъ говорить вамъ того, что говорятъ г. Амордистъ своей публикѣ. И онъ даже одумался послѣ внезапнаго призванія и такъ восклицаетъ:

Ахъ итъ друзья! вы невините,
Я съ вами слишкомъ говоривъ;
Но что нужды мнѣ рассказать,
Что Амордистъ бывалъ счастливъ...

Скажите же, въ-самомъ-дѣлѣ, что сдѣлалось съ нашею Москвою! Она, которая недавно управляла ходомъ литературнаго движенія, она, въ которой всегда было такое сильное кипѣніе литературныхъ интересовъ, она не имѣетъ теперь ни одного журнала, издаетъ «Альманахъ» г. Амордиста, въ то время, какъ литературное движеніе проникло даже и въ провинціи, когда мы имѣемъ «Одесскій Альманахъ»

«Кіевлянина»... Что это значить? Неужели ты заснулъ, добрая Москва?...

141) Москва Благотворительной. *Стихотвореніе* Ф. Гляпки. *Москва. Въ тѣлѣ. Н. Степанова. 1840. Въ 4-ю д. л. 2 стр.*

Еще Карамзинъ сказалъ: «Не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было мало патриотовъ; но мнѣ кажется, что мы слишкомъ-спиремны въ политикѣ». То же или почти то же можно сказать о нашей сиромости въ другомъ отношеніи, въ-отношеніи къ сознанію нашихъ общественныхъ и христіанскихъ добродѣтелей. Щедрые, какъ англы — когда надобно накормить алчущаго, нашить жаждущаго, одѣть нагаго, мы, Русскіе, *криво молчимъ* о нашихъ подвигахъ благотворительности, и не радно узнаемъ о нихъ изъ таинкихъ устъ, до которыхъ они должны бы были дойти гораздо-раньше. Всякій примѣръ христіанскаго смиренія достоинъ похвалы. Однакожь, почему не подѣлиться съ ближними чувствомъ душевнаго самодовольствія, пронзтекающаго отъ добродѣтели? Если мы *земля блава* дѣлимъ по-поламъ съ нищей братіей, то за чѣмъ таить радость сердца нашего, которую исполняемъ при подвигахъ добра? Для чего не передать этого *мелкаго блага* ближнимъ нашимъ? Можетъ-быть, оно имъ послужитъ спасительнымъ примѣромъ; можетъ-быть, этотъ спасительный примѣръ возбудитъ благотворное подражаніе, а подражаніе родитъ другихъ подражателей. . . Боже мой! Что бы заговорили Французы, если бы въ Парижѣ появилось такое хлѣбосолюство и радушіе, какими достойно славилась и теперь славится Москва бѣлокаменная! Вѣрте, что на стогахъ и торжищахъ, словесно и письменно, разблаговѣстили бы они о благотворительности *великой* своей націи! У насъ французско-

общество благотворительности даетъ блистательные бланки въ пользу бѣдныхъ, публика толнится по цѣлымъ часамъ на базарѣ, съ той же цѣлью учрежденномъ, — ставить столы для кашки и салцовъ, и развѣ въ «Journal des Debats» дадутъ намъ такую-какую подробности собственныхъ же нашихъ дѣлъ.

Но вотъ дала милости христіанской наши, наконецъ, отзвукъ въ поэтѣ нашемъ, О. Н. Глинка. Достойный органъ достойнаго дѣла, отъ передастъ намъ, то въ стихахъ, то въ прозѣ, свои собственные чувствованія при взглядѣ на московскую хлѣб-соль, на угощеніе нищей братіи. Мы читали недавно «Обѣдъ, какихъ не бывало», теперь читаемъ стихотвореніе: «Москва Благотворительной». Нехитро и безыскусственно, но радушно, воистиннѣ поэтъ застольничество первопрестольнаго града, который, въ гонимую моголодъ, приволокъ (выраженіи автора) угощаетъ бѣдныхъ. Этакихъ такъ-называемыхъ столовъ уже семь: Замоскворѣцкій, Лефортовскій, Смоленскій, Сухаревскій, Зялузскій, Серпуховскій и Суцѣвскій. Чувство, одушевляющее сочинителя, столь священно, что мы, увлекаясь имъ, не смѣемъ требовать особенныхъ красотоу оу сочиненія: это чувство само-собоу замѣняетъ поэзію.

142) Новые Досуги Федора Слъпушкина. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Россійской Академіи. 1840. Въ 8-ю д. л. 107 стр.

Поэзія есть даръ природы; чтобъ быть поэтомъ, надо родиться поэтомъ; по научиться или выучиться быть поэтомъ — невозможно. Это старая истина, которая давно уже всѣмъ извѣстна; но, кажется, еще не всѣмъ извѣстно, что писать рѣчюванною и размыренною по правиламъ стихосложенія прозоу

и быть поэтомъ — совсѣмъ не одно и то же. Странное дѣло! Видѣ и это истинна старая, которую очень бойко выснажутъ вамъ даже тѣ самые люди, которые на дѣлѣ грѣшатъ противъ нея. Но вотъ здѣсь — то и видно различіе между отвлеченною мыслію и истинными знаніемъ: первая есть, какъ сказала шекспировъ Гамлетъ, «слова, слова, слова»; а второе — мысль, осуществляющаяся въ дѣлѣ. Многіе говорятъ о поэзіи словно по книгѣ — такъ и видѣно, что твердо заучивая наизусть не одну пинтику; а спросите, какихъ поэтовъ и какія имѣемъ оцѣненія они любятъ, или не любятъ, — и вы увидите, что такое «слова, слова, слова!» Такъ, на-примѣръ, у насъ были люди, которые громко-прегромко разсуждали объ искусствѣ по «высшимъ взглядамъ»; судя по ихъ свѣлости и по звучности ихъ фразъ, вы могли подумать, что они и въ-самомъ-дѣлѣ знаютъ искусство какъ свои пять пальцевъ. Къ довершенію очарованія, вы узнаете, что они и сами поэты, т. е. пишутъ повѣсти, романы, драмы; читаете ихъ, — и видите, что всѣ ихъ высшіе взгляды на искусство — «слова, слова, слова», потому-что только грубое неразуміе, а въ-слѣдствіе его, и грубое неуваженіе къ искусству и жалкая посредственность могли породить такихъ чудящъ. . .

Что поэзія есть не плодъ науки, а счастливый даръ природы, — этому лучшимъ доказательствомъ Кольцовъ, и по-сю-пору прасоль, и по-сю-пору незнающій русской орфографіи. Что дѣлать? русской, какъ и всякой орфографіи можно выучиться и не выучиться; смотря по обстоятельствамъ и условіямъ вѣтшей жизни челоука, такъ же, какъ и быть или не быть прасоломъ; по нельзя не имѣть глубокаго духа, непосредственно-обнимающаго все, что отъ духа, пламеннаго сердца, на все род-

ственно-отзывающагося, и роскошной фантазии, превращающей въ живые поэтическіе образы всякую живую поэтическую мысль, — нельзя их не видеть, если природа дала их вамъ, точно такъ же, какъ нельзя ихъ приобрести ни трудомъ, ни учениемъ, ни деньгами, если природа отказала вамъ въ нихъ. И посмотрите, какою глубокою художественною жизнью въетъ отъ дватвещныхъ, простодушныхъ вдохновеній поэта-пророка! Задумывается ли онъ надъ явлениями природы и, тихою нишею въ себя отвѣта на внутренніе вопросы, возмущаетъ:

О горы, лавнада,
Ярко вродь Разлитскъ!
Тяжелы мнѣ думы —
Сладостна молитва!

Или, въ пламенной молитвѣ, у неба просить разрушенія замогильной тайны бытія —

Спаситель, спаситель!
Чиста моя въра,
Какъ пламень молитвы;
Но, Боже, и впрѣ
Могла тѣмна!...
Что слуха мой запылитъ?
Потухшихъ очи?
Глубокое чувство
Остыхлаго сердца?
Что будетъ жизни душа
Безъ этого сердца?...

Или, когда удивленная могала среди безбрежной степи вызываетъ его поэтическія мечты, — вездѣ какая полнота чувства, какое ошутительное присутствие мысли, какіе поэтическіе образы, какая энергія и мощь и, вмѣстѣ, простота въ выраженіи, и со всѣмъ тѣмъ, какая народность — этотъ отпечатокъ ума глубокаго и сильнаго, во неразвитаго образованіи и заключенаго въ магическомъ кругѣ своей непосредственности и двѣтвенной простоты! И какіе вопросы тревожатъ этотъ заключенный въ самомъ себѣ духъ!... Боже мой! да много ли на

свѣтѣ профессоровъ и докторовъ исторіи, правъ, которые бы хоть подо- зрѣвали и возможность подобныхъ вопросовъ!... А когда онъ передаетъ вамъ поэзію простаго быта, жизни вѣ- шнихъ менышихъ братій, съ ихъ стра- стами и мечтами, горемъ и радостью, какъ глубоко онъ истиненъ въ каж- домъ чувствѣ, въ каждой картинѣ, въ каждой чертѣ! Какая простота, сжа- тость, молніеносная сила въ его изоб- раженіяхъ! Какое русское разуме, какая могучая удаль, какъ все широко и необъятно! Какіе чисто-русскіе об- разы, какая чисто-русская рѣчь! Вотъ крестьяннинъ, который, отъ вѣтрянъ своей суженой —

Пошелъ къ людямъ за помощью —
Люди съ смѣхомъ отвернулись;
На могилу къ отцу, къ матери —
Не встанутъ они на голосъ мой!

Души сильныя сильно и страдаютъ: а можно ли върѣе этого выразить стра- даніе сильной и, притомъ, заключен- ной въ своей естественности души —

Пала грусть-тоска глубокая
На кручинную головушку,
Мучитъ душу мука страшная,
Вон изъ тѣла душа провалилась?

Но души сильныя могучи и въ самомъ отчаяніи, и какъ-бы въ немъ же са- момъ находятъ и выходъ свой изъ него:

Въ ночь подъ бурей я коня сѣдлаю,
Везъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перепадаться!

Перечтите его «Деревенскую Бѣду», «Лься» — и подивитесь этой богатыр- ской силѣ могучаго духа! И какое раз- нообразіе даже въ самомъ однообразіи его поэзіи! Вотъ рѣчная, грустная жа- лоба двушки, насильно - отданной за немалаго —

Поздо, рѣдкая,
Обманять судьбу,
Ворожить, гадать,
Судить радости!
Пустьъ изъ-за моря

Корабли катятся,
Пушай золоту
На моль сыплетесь
Не рости травы
Посля осени,
Не дрясти цыгань
Эной же свайгу!

Крестьянину отец его милой отка-
завъ въ ея рукъ, и онъ дичится своей
Безталанности —

У меваль плечо
Ширеддова,
Грудь высокая
Моей матушки;
На лицъ моею
Кровь отцовская
Въ молоко загля
Зорю красную;
Кудря черныя
Лежать скобкою;
Что работаю —
Все миз спорится...
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ!...

Онъ говоритъ, что его манитъ не бо-
гатство ея отца:

Пускай домъ его —
Чаша золотая;
Я ее хочу,
Я во ней грущу.
Лицо бѣлое,
Заря алая,
Щеки полныя,
Глаза темныя —
Свои молодца
Со ума-разума!

Онъ хочетъ отточить косу и идти въ
дальнюю сторону, чтобы заработать
деньгу:

Ты прости, село,
Прости, старости:
Въ края дальнѣе
Пойдешь молодецъ,
Что внизъ по Дону
По набережью.
Хороша стоить
Тамъ слободушки,
Степь широкая
Далеко вокругъ,
Широко лежатъ

И коньки-травой
Разсталаветь.
Ахъ ты, степь мод,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Поразжинулась,
Къ Мого Черному
Понадвинулась!

Какая безконечность, сила, широкость, какое русское разгулье и такая поэтическая красота въ этихъ образахъ! Вотъ она, простодушная, дѣтственная и могучая народная поэзія. Вотъ она, задушевная и тѣнь великаго таланта, замкнутаго въ естественной непосредственности, невышедшаго изъ себя развитіемъ, неподозрѣвающаго своей богатѣйшей мощи! Найдите хоть одно ложное чувство, хоть одно выраженіе, котораго бы не могъ сказать крестьянинъ!...

Совсѣмъ не то представляютъ себою стихотворенія г. Сѣпушкина. Онъ ужъ теперь держится своей сѣры, описываетъ намъ крестьянъ; по эти крестьяне какъ-то похожи на пастушковъ и пастушекъ г. Флоріана и Панаева, или на тѣхъ крестьянъ и крестьянокъ, которые пляшутъ въ дивертисманахъ на сценѣ театра. Г. Сѣпушкинъ явился въ то время, когда умѣнье подбирать рѣшмы считалось талантомъ и доставляло извѣстность даже и образованнымъ людямъ: тѣмъ большій интересъ возбудить крестьянина-самоучка. Но и тогда нашлись люди, которые не видѣли въ его стихахъ существеннаго — поэзія; а теперь... Въ стихахъ г. Сѣпушкина видѣтъ умный, благородно-мыслящій и образованный не по-крестьянски человекъ, котораго нельзя не уважать, — но не поэта. Ничего и похожаго на поэзію нѣтъ въ его стихахъ: ни одного поэтического образа, хотя мѣра стиховъ вездѣ соблюдена вѣрно, а рѣшмы подобраны правильно. Очевидно, что его поэзія — не даръ природы, а плодъ образован-

ности выше его *состоюща*. Если барство еще не дает права на талант, то и крестьянство не дает его. Появлять правила стихосложения, читать поэтов, любить поэзию и даже быть человекомъ съ поэтическою душою, съ чувствомъ, съ умомъ—все это еще не значитъ быть самому поэтомъ. Вотъ, кажется, гдѣ ошибка г. Слѣпушкина. Такъ ошибались въ своемъ призываніи многие, даже имѣвшіе еще большее право подозрѣвать въ себя талантъ...

Мы выписывали изъ Кольцова, — выпишемъ и изъ г. Слѣпушкина; пусть сражаются и посудятъ. Вотъ начало первой пьесы:

*День свѣтлый, солнце золотое
Въ лучахъ плывесть по высотъ;
Яснѣть небо голубое!
Шумитъ садъ лиственный въ красотѣ,
Петромъ Великимъ посаженный!
Тамъ лѣтъ канонамъ, клемъ
Литветъ и шире галдѣево;
Надъ царевичею ракой Невой
Петровскій шпиль горитъ звездой,
Высоко голубомъ летаетъ,
А на гранитномъ берегу
Любовь семейная гуляетъ.*

Какое вялое, холодное и водяное описаніе! Не есть ли это допольно плохая проза съ полубогатыми рифмами? Но вотъ вамъ поэзія деревенскаго быта, вотъ завѣщаніе умирающаго крестьянина внуку:

Случилось подъ вечеръ зимой,
Федотъ почувалъ знати разлуку,
Съ тяжкимъ вздохомъ и слезой
Онъ говорилъ заботливъ внуку:
«Ты выросъ на моихъ рукахъ,

«Взлелеять, какъ цвѣтокъ сидовый,
«Овѣтой на цвѣтѣхъ и лугахъ
«Гулять (?) весной, — и ждѣть сотовой
«Тебя какъ гостя услаждали!
«Ты поминишь, какъ я работалъ,
«Съ утра до вечера съ сохою,
«Однѣ пахалъ, не зналъ покою;
«Заботой и стараньемъ рукъ,
«Вотъ все добро мое нажито;
«Съ радимьемъ, какъ гнѣздо убито,
«Все для тебя, любезный внуку!

Тебѣ я прочелъ, да младше;
«Прими мое ты насталоенье:
«Вставай до утренней зари
«И призывай на помощь Бога;
«За все Творца благодаря!
«Не вѣй ты безъ молитвы евоа,
«И не укладывай сиврововъ,
«Держи во мѣшкѣ батраковъ,
«Старайся самъ работать болѣ;
«Домъ, нивы ваши, садъ и поле
«Пустьють безъ хозяйскихъ глазъ;
«Не въ пору потеряешь часъ,
«Не наведешь и цѣлымъ лѣтомъ;
«Ходи въ опрятности вокругъ пчелъ,
«Съ сосѣдями дѣлись медомъ,
«И бдѣли ка зови за столъ;
«Живи по Божьему закону,
«Не помолясь, не вѣди въ путь,
«Къ чужому не мечись загопу,
«Своимъ добромъ доволенъ будь.
«Исполнишь мой советъ для счастья,
«Твой домъ богатствомъ процвѣтетъ;
«Забудешь рвчи (чь?) — жди несчастья,
«Все поле мохомъ заростетъ,
«И встретишь горе предъ собою!»
Замолкъ, — и вставъ благословилъ.

Мы впрочемъ выписали такой большой отрывокъ, чтобы читатели не подумали, что мы выбирали худшее. Право, въ стихотвореніяхъ г. Слѣпушкина нѣтъ ни лучшаго, ни худшаго—все ровно: грамматическій смыслъ вѣдъ соблюденъ, мѣра стиха правильна, рифма хоть не звучна, но всегда вѣдъ съ; поэзіи нигдѣ нѣтъ.

143) Стихотворенія А. Пашкевича. *С.-П. бургъ. Въ тѣмъ 3-го Департамента Министрства Государственныхъ Имуществъ. 1840. Въ 12-ю д. л. 80 стр.*

Небылая вина!
Мужа, умертвивъ, жена
Схоронила на поляхъ
У потока при канавѣ.
На могилѣ сидитъ цвѣтъ,
Дикимъ голосомъ поетъ:
«Такъ расти цвѣтокъ широко,
«Какъ лежить мертвецъ глубоко;
«Какъ лежить онъ здѣсь глубоко,
«Такъ расти цвѣтокъ высокѣ

II. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

=

Въ-продолженіе того времени, какъ мы не имѣли удовольствія передавать нашимъ читателямъ извѣстія о ходѣ современной англійской литературы, въ ней появилось много переводовъ: переведены Шиллеръ, Гёте и множество ученыхъ сочиненій. Для насъ эти труды неважны: мы читаемъ эти книги или въ оригиналь, или будемъ читать въ русскомъ переводѣ (а нѣкоторые уже и читаемъ); итакъ посмотримъ, что было въ литературу у Англичанъ оригинальнаго.

Изъ книгъ историческихъ первое мѣсто по важности предмета должно уступить сочиненію г. Мильмана: *The History of christianity from the Birth of Christ to the Abolition of Paganism. By the Rev. H. H. Milman. 3 vols.* (Исторія Христіанства отъ Рождества Христова до уничтоженія язычества; г. Мильмана). — Профессоръ Мильманъ, известный какъ послѣдній издатель творенія Гиббона, полагаеа, что христіанство въ различныхъ эпохъ цивилизаціи измѣнялось въ своей формѣ, что оно сообразовалось съ духомъ времени, и что это необходимое согласованіе съ состояніемъ образованности, которой христіанство составляетъ существенный элементъ, поддерживало господство его. Такъ-какъ эта теорія можетъ довести до той мысли, что

христіанство произошло отъ постепеннаго и свободнаго развитія ума человѣческаго, то г. Мильманъ постарался живію и изложеніемъ ученія Иисуса Христа доказать божественность происхожденія христіанства; упадокъ языческой философіи, постепенные успѣхи христіанства очертилъ онъ ясно и живо, и отчетливо показалъ вредное вліяніе на христіанство идей восточныхъ и образованіе отъ-того различныхъ ересей, особенно въ Школы Александрійской. По свидѣтельству англійскаго журнала, изъ котораго мы беремъ это извѣстіе, книга Мильмана писана просто и благородно; мнѣнія противниковъ разобраны хладнокровно и съ уваженіемъ.

The Massacre of Saint Bartolomew, with a concise history of the corruptions, usurpations and antisocial effects of Romanism. By Sir W. S. R. Cockburn. (Варболомеевская Ночь, съ присовокупленіемъ Краткой Исторіи вредныхъ для общества дѣйствій вѣры римско-католической, соч. сэра Уил. Кокберна). — Самое заглавіе книги показываеа, что взглядъ автора одностороненъ.

Correspondence of William Pitt, Earl of Chatam, edited by W. S. Taylor Esq. and Captain Pringle, vols III and IV. (Переписка лорда Чатама, изд. Тэйлоромъ и Принглемъ, части

III и IV-я) О выходе первых двух томов мы извѣщали прежде, о важности этой переписки мы уже говорили, и оцѣнивать ее снова нѣтъ никакой надобности. Двѣ части, изданныя теперь, по важности своей равняются двумъ первымъ. Въ нихъ содержится окончательная часть корреспонденціи Чатама, отъ конца 1765 года, въ которомъ онъ возведенъ былъ въ достоинство пера, до самой его кончины, въ 1778 году.

Докторъ Кроли издалъ не менѣе любопытныя записки о политической жизни Эдмонда Бёрка: *A memoir of the political Life of Edmund Burke, by G. Croly, 2 vols.* Записки эти представляютъ полную картину состоянія Англіи при Бёркѣ. Къ запискамъ приложены извлеченія изъ писемъ и рѣчей этого замѣчательнаго человѣка; онъ обнаруживаютъ его личный характеръ, его чувства, разнообразіе его дарованій, какъ оратора, политика и государственнаго человѣка, показываютъ какія были требованія его времени и очень много поясняютъ требованія современныя.

Trial of the Anointers during the Plague at Milan in 1630 (Процессъ отравителей во время чумы въ Миланѣ въ 1630 г.).—Это переводъ съ итальянскаго: «Processo originale degli Untori» etc. etc. Мы упоминаемъ о немъ потому - что самое это событіе мало у насъ извѣстно. Кто читалъ «Promessi Sposi» Манцони, тотъ знаетъ, что въ 1630 году въ Миланѣ свирѣпствовала моровая язва, и что въ это время въ невѣжественномъ и легковѣрномъ народѣ разпространилась молва, что язву разпространяютъ злые люди, намазывая какимъ-то заразительнымъ составомъ внѣшнія и внутреннія части зданій. Молвъ этой предшествовало письмо короля испанскаго, который извѣщаль о бѣгствѣ изъ Испаніи четы-

рехъ Французовъ, обвиненныхъ въ намереніи отравить такимъ же способомъ Мадридъ. Письмо королевское, естественно, заставило многихъ предположить, что и зараза въ Миланѣ могла быть также разпространяема какими-нибудь злодѣями, и, какъ-будто въ оправданіе такого предположенія, въ одно утро жители Милана уже увидѣли на многихъ улицахъ, на стѣнахъ домовъ, слѣды мази. Можно себѣ представить, какое ужасное впечатленіе произвело это открытіе на умы Миланцевъ. Толки начали разростаться; говорили, что слѣды мази открыты не на однихъ только домахъ, но и на скамьяхъ церковныхъ, на зрѣлыхъ колосьяхъ и плодахъ, что злодѣи заражаютъ ею людей, отравляютъ ладоннымъ пороникомъ самый воздухъ. Въвѣсть съ ужасомъ разпространилась во всѣхъ классахъ народа недовѣрчивость другъ къ другу. Рипамонти, писавшій объ этой заразѣ, рассказываетъ, что мужья боялись женъ, родители дозрѣвали дѣтей, брать брата, къ семейному столу, къ супружескому ложу подходили съ ужасомъ, опасаясь открытъ на нихъ слѣды мази. Умы терялись въ догадкахъ, кто виновникъ такого злодѣянія, по какимъ побужденіямъ онъ дѣйствуетъ. Одни думали, что это шалаетъ студенты павійскіе, другіе, что смитить губернаторъ Милана, незадолго до того оставленный отъ должности; третьи полагали, что это все шутики: короля французскаго или безбожника Ришелье; наконецъ самые благоразумные утверждали, что тутъ дѣйствуетъ самъ чортъ. Многіе клялись и божились, что его мрачность дѣйствительно нанялъ себѣ особенный домъ въ Миланѣ, чтобы съ большимъ удобствомъ приготовить и раздавать своимъ клевретамъ проклятыя снадобья, что его выдали тамъ-то и тамъ-то, что на немъ было такое-то

и такое-то платье, и проч. Наконецъ , правительство обнародовало прокламацию, въ которой, извѣщая народъ, что какіе-то злонамѣренные люди намазываютъ стѣны домовъ неизвѣстнымъ составомъ, отчасти бѣлымъ, отчасти желтоватымъ , назначило значительную награду за открытіе злоумышленниковъ. Тысячи глазъ устремились на открытіе преступниковъ, и легко можно догадаться , что мнимые преступники были скоро открыты. Допросъ былъ непродолжителенъ; можно ли у злодѣя честнымъ образомъ узнать правду? И вотъ несчастныхъ подвергли жесточайшей пытке, и вымучили у нихъ признаніе въ вину. Судъ сдѣлалъ приговоръ, который жестокостію равнялся преступленію. Тѣмъ , которые менѣе уличены были въ преступленіи, просто отрублены были головы ; другіе, болѣе виновные, не были такъ счастливы: ихъ терзали разкаленными щипцами, и отрубивъ правыя руки, клали на колесо; цѣлые шесть дней страдальцы выставлемы были на жертву озлобленной черни и наконецъ палачъ отрубилъ имъ головы. За тѣмъ трупы ихъ были сожигаемы и пепелъ развѣиваемъ по вѣтру. Домъ одного гражданина , котораго считали главнымъ составителемъ мази, былъ разрушенъ до основанія и на мѣстѣ его поставлена была въ память ужаснаго событія колонна, стоявшая очень-долго. Такъ погибли человекъ десять и болѣе. Это пошло въ Миланцамъ ; доносы пошли за допосами, и каждый день совершались ужасныя казни. Одинъ писатель, именно ла-Креоче , говорить , что въ Миланѣ открыто было до полуторы тысячи преступниковъ; тюрмы были набиты биткомъ, одинъ гибнулъ на колесѣ, другіе въ тюрмѣ въ цѣпяхъ, отъ недостатка въ свѣжѣмъ воздухѣ. Въ изложеніи процесса упоминается ,

что нѣкоторые приходили сами въ судъ , добровольно признавались въ преступленіи , добровольно обрекали себя на гибель— явленіе, которое объяснить трудно , потому-что въ наше время нельзя вѣрить, что дѣйствительно есть возможность искусственнымъ образомъ производить чуму. Устройство души такъ странно, что иногда самый ужасъ преступленія можетъ имѣть для нее какую-то непонятную привлекательность: вѣроятно, увлеченные болѣзненнымъ разположеніемъ духа, эти несчастные стали составлять мази, по ихъ мнѣнію заразительныя , потомъ вдругъ опомнились , увидѣли всю глубину своей вины и спѣшили искреннимъ разканіемъ предъ судомъ и народомъ очистить свою совѣсть и добровольнымъ страданіемъ изкупить свой грѣхъ. Чтò касается до открытія слѣдовъ мази на многихъ домахъ, то это можно объяснять такъ, что или эти слѣды находились тамъ и сямъ случайно, или дѣйствительно какіе-нибудь шалуны и злонамѣренные люди нарочно мазали стѣны, чтобы пугать легковѣрный народъ. Рекомендуемъ этотъ ужасный процессъ романистамъ и драматистамъ.

Memoirs of the Life and Labours of Robert Morrison, by his Widow, 2 vols. (Записки о жизни и трудахъ Роберта Моррисона, издавныя его вдовою). — Докторъ Моррисонъ былъ первымъ протестантскимъ миссіонеромъ въ Китаѣ. Лондонское Общество Миссіонеровъ отправило его на двадцать-пять летъ его жизни, по собственному его желанію и просьбѣ, въ Китайъ въ 1807 году, гдѣ онъ и пробылъ почти двадцать-семь лѣтъ и умеръ, въ Китаѣ, въ 1834. Долговременное пребываніе въ Китаѣ дало ему возможность научиться вполнѣ китайскій языкъ. Плодомъ этого изученія были: полный китайско - англійскій словарь и пол-

ный переводъ Священнаго Писанія на китайскій языкъ. Далѣе, его старанію обязанъ своимъ бытіемъ Англо-Китайскій Коллегіумъ въ Малаккѣ. Вдова Моррисона издала его письма и значительную часть его дневника; въ нихъ есть любопытныя свѣдѣнія о Китаѣ, или о той части Китая, въ которой былъ Моррисонъ, и которая, разумется, не могутъ сравниться съ свѣдѣніями, собранными нашимъ соотечественникомъ, отцомъ Такинсомъ, прожившимъ 14 лѣтъ въ самомъ Пекинѣ.

The Court and Camp of Rungjeet Sing, by the Hon. William Osborne (Дворъ и Лагерь Ренджит-Синга, Уйл. Осборна).—Уйл. Осборнъ, военный секретарь генералъ-губернатора Ост-Индіи, сопровождалъ, въ 1858 году, посольство къ повелителю Лагора, котораго главою былъ Маршагентъ; во время двухмѣсячнаго пребыванія въ Лагоръ, онъ записывалъ все, что видѣлъ и слышалъ, и составилъ въ видѣ дневника любопытный очеркъ жизни Ренджит-Синга и исторіи Королевства Лагорскаго. Книга писана просто, безъ претензій.

Memoirs of Harriot, Duchess of St. Albans, by Mrs. Cornwell-Baron Wilson, 2 vols. (Записки о жизни герцогини Гевриетты Сент-Альбансъ, изд. г-жею Корнуэль Уильсонъ).—Поконной герцогини очень счастливо все въ жизни: изъ простой актриссы, изъ бедной миссъ Меллонъ, она сдѣлалась одною изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ аристократокъ. Исторія ея въ родно извѣстна большей части нашихъ читателей, а потому мы и не считаемъ нужнымъ повторять ее. Ей повсчастливилось и по смерти: она наша себѣ добросовѣстнаго, безпристрастнаго биографа; г-жа Уильсонъ уничтожаетъ все, что клевета и праздность,

во время тридцатилѣтней блистательной жизни герцогини взвели на нее.

Вотъ и другая не менѣе занимательная биографія; *Memoirs of madame Mabbran*, by the Countess de Merlin etc. with extracts from her correspondence etc. 2 vols. (Записки о жизни г-жи Малибранъ, издачныя графинею де Мерленъ).—Г-жа Малибранъ была одною изъ тѣхъ немногихъ любимицъ публики, которыя никогда не забываются. Ее никогда не забудутъ, и по тому удовольствію, которое она долгое время доставляла своимъ голосомъ, въ особенностяхъ, которыя сопровождали ея смерть. Потеряя г-жа Малибранъ тѣ дары природы, которыя составили ея славу, доживи она свой вѣкъ, какъ доживаютъ его обыкновенно: она вѣроятно была бы забыта; но въ душѣ ея много было поэзіи, въ характерѣ много энергіи, она не могла равнодушно перенести, что слава ея готова исчезнуть вмѣстѣ съ ея голосомъ, что скоро будутъ говорить о ней въ прошедшемъ времени, и—рѣшилась умереть. Графиня де-Мерленъ связана была съ г-жею Малибранъ искреннею дружбою, и имѣвъ возможность узнать ее вполне, составила занимательный очеркъ ея жизни. Изъ записокъ ея мы можемъ извлечь одинъ фактъ, любопытный и поучительный, что Малибранъ въ раннихъ лѣтахъ имѣла очень мало того, что обыкновенно считается естественною принадлежностію великаго пѣвца или пѣвицы, что только чрезвычайная строгость отца при ея обученіи могла сдѣлать ее пѣвицею, и что наконецъ въ послѣдствіи только одинъ ея гений и терпѣніе сдѣлали ее великою пѣвицею. Графиня де-Мерленъ увѣряетъ, что не только низшіе тоны ея голоса были грубы и несовершенноразвѣны, высшіе переходили въ втянутость, а

средние же имъли чистоты, но самая способность ея къ музыкальнымъ занятиямъ была развита очень-мало, и она всегда просто бѣсила отца несладнымъ пѣніемъ. И эта дѣвочка, которая такъ мало одарена была природою, но которую суровый отецъ исключительно занималъ музыкою, достигла еще прежде, чѣмъ перестала быть дѣвочкою, такого совершенства, какого достигаютъ немногіе!

Замѣчательно историческое сочинение: *Spain under Charles the Second; or Extracts from the Correspondence of the Hon. Alexander Stanhop, British Minister at Madrid, 1690 — 1699. From the Originales at Chevening* (Испанія подъ правленіемъ Карла II, и проч.).—Странно, что надъ исторіею Испаніи всего болѣе изстари трудились Англичане: сами Испанцы лѣнивы и горды, они неохотно рассказываютъ свои грѣхи, а грѣховъ много въ ихъ исторіи. Начиная съ Робертсоновой «Исторіи Карла V», Уатсонъ, хотя и далеко ниже Робертсона по достоинству, но весьма-замѣчательный по трудамъ и изысканіямъ, написалъ Исторію Филиппа II; Прескоттъ описалъ царствованіе Фердинанда и Изабеллы; лордъ Мегонъ (Mehon) передалъ исторію войны за испанское наслѣдство; Коксъ издалъ сочиненіе о бурбонской линіи испанскихъ королей. Для настоящаго вѣка находимъ мы блакьерову «History of Spanish Revolution» и множество другихъ сочиненій о современной испанской войнѣ, не говоря уже объ исторіи Донгема (Dunham). Настоящее сочиненіе весьма-любопытно по содержанію; оно разсматриваетъ одну изъ самыхъ занимательныхъ страницъ испанской исторіи; но въ немъ немного историческаго достоинства. Надобно болѣе надѣяться отъ другаго естенгопова сочиненія «Causes of the decay of the Spanish Government and

der the kings of the house of Austria (Причины упадка Испанскаго Государства подъ правленіемъ королей австрійскаго дома), которое, кажется, вскорѣ появится въ свѣтъ.

Chapters on the Modern History of British India. By Thorntel (Главы о новейшей исторіи Британской Индіи).—Здѣсь мы находимъ довольно-безпристрастный рассказъ о Британской Индіи, въ-продолженіе 30-ти-лѣтъ, слѣдовавшихъ послѣ управленія маркиза Уэллеслиа.

Letters of the Earl of Dudley to the Bishop Llandaf (Письма графа Додлея къ епископу Ландафу).—Письма Дж. Уарда, бывшаго некогда другомъ Кеплинга и его политическимъ спутникомъ, и извѣстнаго болѣе подъ именемъ лорда Додлея, начинаются съ 1814 года и оканчиваются 1823 годомъ. Додлей излагаетъ въ нихъ собственныя свои сужденія о разныхъ современныхъ политическихъ вопросахъ и важнѣйшихъ твореніяхъ современныхъ авторовъ; особенно любопытны нѣкоторые политическіе анекдоты.

Hungary and Transylvania with Remarks on their Condition, Social, Political and Economical. By John Paget, 2 vols. (Венгрія и Трансильванія съ замѣчаніями о ихъ общественномъ, политическомъ и хозяйственномъ состояніи, Джона Педжета).—Не слѣдуя настоящей системѣ смотрѣть на все съ шуточной стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не принимая на себя фюзіонимъ глубокомысленнаго философа, Педжеть съ остроуміемъ, ясностію и отчетливостію обозрѣваетъ Венгрію и Трансильванію. Говоря о политикѣ, онъ показываетъ странныя понятія Венгерцевъ объ австрійскомъ правительствѣ. Мы смѣло рекомендуемъ эту книгу всякому, кто желаетъ познакомиться съ Венгріею и Трансильваніею; вѣрядъ ли это не самое полнѣйшее ихъ опи-

саніе, не говоря уже о прекрасномъ языкѣ и превосходномъ изданіи книги.

Накопецъ, здѣсь же можно упомянуть о двухъ книгахъ, явившихся въ слѣдствіе брака королевы Викторіи съ принцемъ Альбертомъ саксен-кобургскимъ: 1) *Prince Albert's Ancestry, by the Rev. E. Tatterschmidt*, и 2) *Prince Albert and the House of Saxony, by Frederick Schoberl*. Особенно хвалять послѣдній очеркъ исторіи дома саксонскаго и биографію принца Альберта.

Изъ путешествій замѣчательнѣйшія слѣдующія: *A Pilgrimage to Palestine, Egypt and Syria, by Marie-Joseph de Geramb, Monk of La Trappe, 2 vols.* (Путешествіе въ Палестину, Египетъ и Сирію, Маріи-Іосифа Жерамба, монаха ордена ла-траппскаго).—Трехдневныя июльскія безпокойства въ Парижѣ, въ 1830 году, не пощадили и мирной обители Богоматери Ла-Траппской. Монахи ея принуждены были скинуть съ себя монашескую платью, и тѣмъ, которые не имѣли чести быть Французами, вѣчно немедленно убираться изъ Франціи, куда глаза глядятъ. Въ числѣ такихъ изгнанниковъ былъ и баронъ Жерамбъ, за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ пользовавшійся европейскою славою по странности своего характера и поведенія, одинъ изъ злѣйшихъ «львовъ» тогдашняго общества, человекъ съ дарованіями и воспитаніемъ. Выведенный изъ живой своей гробницы, не зная, что дѣлать, и чувствуя, что послѣ шестнадцатилѣтней разлуки съ міромъ ему неловко будетъ показаться въ свѣтъ, онъ временно поселился въ Монастырѣ св. Бернарда, старался какъ - нибудь собрать разсѣявшіеся своихъ товарищей, но напрасно. Что было дѣлать? Вистю того, чтобы мерзнуть на Альпахъ, предприимчивый баронъ рѣшился отправиться въ Палестину, набралъ рекомендабельныхъ пи-

семь, набилъ свой кошелекъ, и въ 1831 отправился на востокъ. Востокъ и святыя мѣста были уже знакомы барону: онъ видѣлъ ихъ за тридцать лѣтъ, когда ему было еще восемнадцать лѣтъ отъ-рода. Книга Жерамба, проникнутая духомъ религіознымъ, увлекательна.

The Claims of Japan and Malaysia upon Christendom, exhibited in Notes of Voyages made in 1857 from Canton, in the ship Morrison and brig Gimmaleh under the direction of the owners.—Японскіе мореходцы претерпѣли кораблекрушеніе у западныхъ береговъ Сѣверной Америки. Трое выброшены были на берегъ, взяты Китайцами и куплены у нихъ агентами Гудзонской Компаніи. Американскіе миссіонеры воспользовались этимъ случаемъ, и въ 1837 отправили Японецъ на корабль Моррисонъ въ Японію, съ тою цѣлю, чтобы какъ - нибудь завести сношенія съ Японіею. Попытка была неудачна. Моррисонъ явился въ заливъ Іеддо. Сначала Американцы приняты были хорошо. Японцы высажены были въ Кагозимъ для изъясненія цѣли пріѣзда Американцевъ, и начальства японскія обещали доставлять Американцамъ воду и съѣстные припасы до тѣхъ-поръ, пока не пріѣдетъ изъ Іеддо назначенный для пріятія ихъ чиновникъ. Обещанія не были выполнены, и въ то время, какъ Американцы терпѣливо ожидали рѣшенія ихъ дѣла, вдругъ Японцы съ близъ-лежащихъ фортовъ открыли по Моррисону пальбу. Выстрѣлы не достигали корабля, но капитанъ Моррисона счелъ за пужное отправиться въ Китай. Подозрѣваютъ, что причиною такого неласковаго приѣма была зависть Голландцевъ. Еще вѣроятнѣе причиною этого были насильственные поступки, которые дозволяютъ себѣ начальники нѣкоторыхъ американскихъ китоловныхъ судовъ у восточныхъ береговъ Японіи и

въ Индйскомъ Архипелагѣ. Бритъ Гиммалай отправленъ былъ съ цѣлю утвердить миссію на островъ Борнео и въ то же время открыть торговля свошенія съ туземцами. Посѣтивъ группу Явапскую, Архипелагъ Молукскій, экспедиція прибыла на островъ Борнео, и въ самую столицу королевства, Бруни. Султанъ обращался съ членами экспедиціи хорошо до тѣхъ поръ, пока не перебралъ у нихъ всѣхъ значенныхъ для него подарковъ, а затѣмъ сказалъ почтеннымъ миссіонерамъ, чтобы они убирались вонъ, и экспедиція благополучно возвратилась назадъ. Экспедиціи эти были полезны въ одномъ отношеніи: члены ихъ собрали довольно-любопытныя свѣдѣнія о посѣщеныхъ ими странахъ.

Travels in Koordistan, Mesopotamia etc. by J. Baillie Frazer (Путешествіе въ Курдистанъ, Месопотамію и пр. Дж. Фрезера).—Г. Фрезеръ одинъ изъ тѣхъ любезныхъ путешественниковъ, съ которыми никогда не соскучишься. Позднее изданіе книги значительно уменьшило политическій интересъ ея. Съ тѣхъ поръ, какъ г. Фрезеръ былъ въ Персіи и Курдистанѣ (1835), въ этихъ странахъ произошло много перемѣнъ, и многія изъ тѣхъ лицъ, которые занимаютъ важное мѣсто въ его книгѣ, частію померли, частію забыты. Тѣмъ не менѣе рассказъ его путевыхъ впечатлѣній и приключеній любопытенъ и поучителенъ, потому что страны, чрезъ которыя онъ провѣзжалъ, народы, которыхъ нравы и обычаи онъ наблюдалъ, существенно не могли измѣниться съ этого времени.

The Narrative of a Journey from a Campoor to the Boorendo Pass in the Himalaya Mountains etc. by Major Sir W. Lloyd, and Captain A. Gerard's Accounts of an Attempt to penetrate to Garoo etc. with a Letter from

the late J. G. Gerard, Esq. detailing a Visit to the Shatool und Boorendo Passes. Edited by Georges Lloyd, 2 vols (Описаніе путешествія отъ Клаупора къ проходу Бурендо въ Гималайскихъ Горахъ майора сэра Уйл. Ллойда, — описаніе попытки капитана А. Жерарда проникнуть въ Гуру, и письмо покойнаго Джемса Жерарда о посѣщеніи проходовъ Шатувьскаго и Бурендо, изд. Джоржомъ Ллойдомъ).—Сэръ Уйл. Ллойдъ, будучи, въ 1822 году, въ Сивлѣ, нашелъ случай осмотрѣть горный проходъ Бурендо. Вѣроятно, онъ записалъ въ свой дневникъ чувствованія, которыя рождались въ немъ на величественныхъ высотахъ гиммалайскихъ. Дневникъ этотъ достался сыну его, Джоржу Ллойдъ, который далъ, безъ сомнѣнія, простымъ отцовскимъ рассказамъ слогъ высокій, въ вышину Гиммалайскихъ Горъ, и издалъ ихъ. Въ рассказахъ этихъ мало любопытнаго. Уйл. Ллойдъ поднимался на Гиммалай безъ инструментовъ, безъ ученой цѣли. Любопытные рассказы гг. Жерардовъ. Они имѣли при себѣ хорошіе инструменты, терпѣливо осмотрѣли, во время троекратнаго путешествія, всѣ замѣчательнѣйшіе проходы въ Гиммалаѣ, описали нравы жителей, старались съ разныхъ сторонъ проникнуть въ предѣлы Китайской Имперіи, но очень-учтиво были провожаемы бдительными Китайцами назадъ, и своими учеными изслѣдованіями много пояснили теорію растительности на значительныхъ высотахъ. Къ-сожалѣнію, Дж. Ллойдъ помѣстилъ изъ путешествій гг. Жерардовъ, которыя описаны были въ журналахъ разныхъ ученыхъ обществъ, только то, что могло пояснить и дополнить рассказы его отца.

Нѣкто, Артуръ Дилльонъ, чтобы удивить туристовъ, вздвигшихъ въ сѣверныя, полярныя страны, большою

частью льдомъ, отъ польскихъ жаровъ, повхалъ въ Исландію и Лапландію зимою и издалъ *Winter in Iceland and Lapland, by the Gen. Arthur Dillon, 2 vols.* Здѣсь много замѣчательнаго въ отношеніи къ Исландіи и къ ея настоящему положенію; разсказъ очень-легокъ, и въ немъ нѣтъ ничего лишняго.

Sporting Excursions in the Rocky Mountains by Townsend, 2 vols (Увеселительныя Поѣздки въ Скалистыя Горы, Тоунсенда). — Эти «Поѣздки», подобно всѣмъ «поѣздкамъ» въ Германію, «прогулкамъ» по Швеции, и пр. и пр., есть просто коммерческое дѣло. Кто читалъ «*A Journey across the Rocky Mountains* by Townsend», изъ котораго весьма-многое было напечатано въ «*Athenaeum*», тотъ увидитъ, что г. Тоунсендъ вздумалъ, что называется, съ одного вола содрать двѣ шкуры. И такъ многимъ удается: почему же ему было не попробовать?...

Есть еще пѣсколько другихъ мѣтъ замѣчательныхъ путешествій, но за всѣми англійскими туристами не угоняешься. Посмотримъ на другое. Вотъ, на-примѣръ, двѣ замѣчательныя книги: первая —

A Disquisition on the Scene, Origin, Date, etc. of Shakspeare's Tempest. By Joseph Hunter (Исследование о мѣстѣ дѣйствія, происхожденіи, времени и пр. шекспировой «Бури», Юсефа Гунтера). — Нигдѣ и ни о комъ, кажется, столько не писали, какъ въ Англии о Шекспирѣ. Въ послѣдніе три года вышло до четырехъ изданій его твореній со всею возможною типографическою роскошью, со всѣми возможными комментаріями, глоссаріями, бюра-описаніями современныя ему писатели, из-

ображеніемъ тогдашняго театра, и тому подобныя. Двѣ книги «*Shakspeare and his Friends*» (Шекспиръ и его друзья) и другая «*Shakspeare and his Times*» (Шекспиръ и его вѣкъ), разсмотрѣны кажется все, что только вмѣло какое-либо соприсношеніе съ Шекспиромъ. Нравы, обычай того времени, деревенская и городская жизнь, праздники, церковные обряды, обыды, вечера, всѣ шекспировы современники, — однимъ словомъ, все, что окружало Шекспира, изслѣдовано до виточки. Теперь остается еще рѣшить время и обстоятельства, когда и при которыхъ Шекспиръ написалъ свои пьесы; и вотъ Гунтеръ наполнилъ целую книгу изслѣдованіями объ одной пьесѣ «Буря».

До-сихъ-поръ предполагали, что мѣстомъ дѣйствія «Бури» былъ одинъ изъ Острововъ Бермудскихъ, ялп, по-крайней-мѣрѣ, что, писавъ «Бурю», Шекспиръ имѣлъ ихъ въ виду; что не только въ этой драмѣ много намековъ на кораблекрушеніе двухъ Англичанъ (сэръ Георга Сомерса и сэръ Томаса Гетса), при бермудскихъ берегахъ, случившагося въ 1609 году, но что многія мѣста взяты изъ описанія этого происшествія, напечатаннаго Журданомъ въ 1610 году, и слѣдовательно, судя по-этому, трагедія не могла быть написана прежде этого года. Меломъ относить ее къ 1611, Чамеръ къ 1613 году. Гунтеръ старается доказать несомнительность всѣхъ этихъ предположеній. Въ его изъясненіяхъ видно много начитанности, и книга его весьма-заинтересована, хотя и есть въ ней странныя предположенія; вообще говоря, она можетъ занять только заклатаго филолога; читающая же публика вѣроятно съ удовольствіемъ увидитъ послѣднее заключеніе, не бравъ на се-

бя труда перечитывать для этого несколько сотъ страницъ.

Chartism. By Thomas Carlyle (Хартизмъ Томаса Карлילה),—книга, писанная, какъ выразился одинъ критикъ, *по-нѣмецки* англійскимъ языкомъ. Англичане, великолюбяще глубокихъ безднъ метафизики, не знаютъ какъ и принятыся читать новое сочиненіе Карлילה. Да и кромѣ того, въ книгѣ множество странностей: на-примѣръ, въ ней авторъ не шутя говорить, что война вредна, миръ тоже вреденъ, и нѣтому дамъ должно ни мириться, ни драться, а сидѣть у моря и ждать погоды. Вотъ послѣдній выводъ изъ карлильева ученія: Всѣ классы народа и всѣ сословія въ Англии не на мѣстѣ. Старыя установленія недостаточны, они не удовлетворяютъ настоящимъ требованіямъ. Нравственность и народныя обычаи не сходятся съ новыми физическими улучшеніями и съ нравственными ихъ послѣдствіями, и нѣтъ ни познаній, ни энергій, необходимыхъ въ настоящее время. Англичане не могутъ ни оставаться при старомъ порядкѣ вещей, ни строить новый.

A course of Reading and instruction by Mrs. Wotton (Курсъ чтенія и образованія).—Прекрасное назначеніе этой книги больше говорить за ея достоинство, чѣмъ всѣ журнальныя критики. Цель ея—образовать педантовъ въ юбкахъ и въ синихъ чулкахъ, то-есть ввести самую ужасную заразу въ общество, о какой люди не слыхивали по сіе время; къ-счастью, она такъ же скупна, какъ самая заклятая педантка.

Англійская драматургія приобрѣла въкоторыя замѣчательныя произведенія. Вотъ они:

The Drama of a Life, by J. E. Roade (Драма Жизни, Рода); *Thomas a Becket, a Dramatic Chronicle in 5 acts*, by George Darley (Томасъ Беккетъ, драматическая хроника въ 5 дѣйствіяхъ, Дж. Дарлей); *Nina Sforza, a Tragedy in 5 acts*, by Rich. Troughton (Нина Сфорца, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Тростона); *Legende of Florence, Play in 5 acts*, by Leigh Hunt (Флорентійская Легенда, драма въ 5 дѣйствіяхъ, Лейфа Гонта).—Драма Рода писана для небольшого круга людей, любящихъ позадуматься, да-подумать; въ ней больше мысли, нежели дѣйствія. Цель автора—показать, какъ губельны мечтательныя страсти, когда онѣ выходятъ изъ предѣловъ, и какъ онѣ, вместо утѣшенія, доставляютъ намъ сердечную муку. Исторія Томаса Беккета извѣстна; авторъ драмы, Дарлей, также извѣстенъ. Новая его драма писана больше для кабинета, чѣмъ для сцены. Въ первыхъ сценахъ Нина Сфорца, Тростонъ представляетъ любовь Нины страстную, какъ любовь Джульетты, а потомъ ея отчаяніе, когда Синиола, Яго этой драмы, даетъ ей возможность видѣть невѣрность того, кому Нина отдала все свое сердце. Драма Тростона удобнѣе для сцены, чѣмъ драма Дарлея. Послѣдняя драма—Лейфа Гонта; она имѣла величайшій успѣхъ на Ковент-Гарденскомъ Театрѣ. Она исполнена стиховъ вдохновенныхъ, напоминающихъ благословенное небо Италіи.—Кромѣ сихъ драматистовъ, нашелся въ Англии еще какой-то поэтъ-горемыка, который скропалъ драму *The temperance Emigrants*; штриха основала на обществахъ воздержанія отъ вина. По-неволѣ оознадешился, что мы очень-далеко уклонились отъ характера первобытной драмы, изобрѣтеной, по словамъ Грековъ, для прославленія Бахуса!

Журналы английскіе единогласно хвалятъ поэму г-жи Эллисъ: *the Song of Soul, by Mrs. Ellis*, отличающуюся неподдѣльною вордсвортовскою простотою, простыми, неподдѣльнымъ чувствомъ, — хвалятъ поэтическія творенія Мильмана: *the Poetical Works of the Rev. H. H. Milman, 3 vols*, того самого Мильмана, который написалъ и исторію христіанства, — хвалятъ стихотворенія американскаго поэта Гольмеса, *Poems by Holmes*, и стихотворенія Дж. Стерлинга, *Poems by J. Sterling*, который болышею частию напечатаны были въ известномъ «Blackwood's Magazine» и теперь издавы отдѣльною книжкой.

Изъ самаго обыкновеннаго рода литературныхъ произведеній, романовъ, особенно замѣчательны два: *Marian, or a young Maid's fortunes, by Mrs Hall, 3 vols*. (Маріанна или Судьба молодой двушки, соч. г-жи Галль). — Это лучшее изъ произведеній г-жи Галль. Молодая дама оставляетъ законнорожденное дитя на крыльцѣ одного дома въ Слон-Стритъ; дитя это усыпляетъ кухарка; посредствомъ ея нянюшка пріобрѣтаетъ благосклонность и покровительство хозяйки дома. Послѣ такого невѣроятнаго начала, рассказъ идетъ легко и весело. Тяжелая жизнь Маріанны у напризной покровительницы, ея похождения въ бѣдной дѣвичей школѣ, заботливость о ней добросердечной Кетти Мэкенъ, сцены при второмъ бракѣ покровительницы Маріанны, и другія похождения ея, описаны такъ живо и занимательно, что не худо бы было, если бы этотъ романъ появился и на русскомъ языкѣ, равно какъ и слѣдующій: *Lady Jane Grey: an Historical Romance, by Th. Miller, 3 vols*. (Иоанна Грей, исто-

рическій романъ Миллера). Судьба Иоанны Грей безъ сомнѣнія известна нашимъ читателямъ. Заключая въ себѣ много и историческаго и романческаго интереса, она можетъ быть богатою каптою для романиста. Миллеръ воспользовался этимъ предметомъ какъ нельзя лучше. Дѣйствіе въ его романѣ кипитъ, занимательность не уменьшается отъ начала до конца. Съ самаго начала авторъ вводитъ читателя въ хижину колдуньи Дускены, въ уединенной части Гринвичскаго Парка. Не надобно думать, что эта колдунья и все ея дѣйствія придуманы авторомъ для того, чтобы произвестъ болѣе эффекта: нѣтъ, это лицо необходимое въ рассказѣ о событіяхъ того необыкновеннаго времени. Что бѣдная, презрѣнная, одѣтая въ рубище старуха могла силою ума и воли достигнуть значительнаго вліянія не только на простой народъ, но и на самыхъ образованныхъ, умнѣйшихъ людей того времени, этого отвергнуть нельзя: на это есть свидѣтельства историческія. Многіе изъ старинныхъ английскихъ лѣтописцевъ свидѣтельствуютъ, что Эдуардъ VI въ послѣдніе часы своей жизни, по совѣту врачей и всего двора, ввѣрился старухѣ, которая говорила, что можетъ его вылечить, но по причинамъ неизвѣстнымъ ускорила его смерть, поднеся ему букетъ отравленныхъ цвѣтовъ, — и Миллеръ прекрасно воспользовался этимъ обстоятельствомъ, живо изобразивъ сцену, когда вельможи и врачи съ надеждою и страхомъ слѣдятъ за дѣйствіями и движеніями старой колдуньи. Вводя читателя съ самаго начала въ хижину колдуньи, Миллеръ вводитъ его прямо внутрь предмета, потому что Дускена составляетъ главную пружину въ

иращей исторіи преступленій и бѣдствій, составляющихъ предметъ романа. И какъ прекрасно и трогательно противопоставляетъ Миллеръ этотъ характеръ кроткому характеру Іоанны Грей. Страницы, на коихъ являеся Іоанна Грей, вознаграждаютъ читателя за тѣ тяжелыя для сердца страницы, гдѣ являеся Дускена и преступленія. За исключеніемъ двухъ или трехъ второстепенныхъ характеровъ, кои однакожь много содѣйствуютъ интересу романа, остальные лица все люди болѣе или менѣе славныя въ исторіи Англій. Ярко очерченны характеры Сесилъ, въ послѣдствіи любимаго министра Елисаветы, Бёрлейфа, Нортмберленда, Марин и графа Арондела. Борьба патриотизма молодого лорда Уардора съ его безпредѣльной страстью къ Іоаннѣ, приверженность Ами къ его прекрасной госпожѣ, наконецъ Жильбертъ Поттсъ, глупый сынъ Дускены, даютъ необыкновенную занимательность второстепеннымъ частямъ романа. Въ заключеніе можно сказать, что романъ Миллера есть живое, занимательное и даже изидательное изображеніе того необыкновеннаго времени, къ которому онъ относится.

Къ-этимъ извѣстіямъ присоединимъ самую отрадную новость, именно, что гениальный Фениморъ Куперъ рѣшился наконецъ вывести на сцену свой знаменитый Кожаный Чулокъ—этого философа лѣсовъ американскихъ, ко-его оригинальный характеръ развитъ въ трехъ частяхъ новаго его творенія, называющагося *The Path Finder* —

иля, которое можно перевести «Путеводителемъ» или «Путеводителемъ въ Пустыни».

Сэръ Эдвардъ Больвертъ, объявившій ужѣ себя авторомъ извѣстнаго романа «Годольфитъ», печатаетъ полное собраніе своихъ сочиненій.

Вышелъ еще скучный, трехтомный романъ Роберта *The Court Favorite*. Слабая завязка, кое-какъ, на живую нитку сшитыя происшествія, ничтожный конецъ, все это поддержанное намеками на исторію послѣднихъ сорока лѣтъ—болѣе ничего нельзя найти въ сей книгѣ.

Можно упомянуть еще о слѣдующихъ книгахъ: «*Works of W. E. Channing, 4 vols.* (Сочиненія Ченнинга), одного изъ лучшихъ американскихъ прозаиковъ, въ которыхъ помещены лучшія его разсужденія историко-политическія, взгляды на литературу и литераторовъ, и проповѣди; *A Dictionary Geographical, Statistical and Historical, Part I. By R. M'ulloch* (Географическій, статистическій и историческій словарь, ч. I, Макъ Коллоха); *A Natural History of Quadrupeds, by W. Martin. Part I* (Естественная исторія четвероногихъ, Мартина, ч. I). Молодымъ людямъ, изучающимъ исторію, можно порекомендовать «Исторію Британіи, Джона Уэда, изложенную въ хронологическомъ порядкѣ», *British History chronologically arranged, by John Wade*.

Наконецъ, въ заключеніе, всѣмъ читателямъ англійскихъ книгъ, которыхъ

печать болыною частію для глазъ о-
чень-неудобна, рекомендуемъ книгу
Франца: *the Eye, a treatise on the art of*
preserving this organ in a Healthy Con- | *dition, and of improving the Sight* by S.
August Franz (Глазъ, средство сохра-
нять этотъ органъ въ здоровомъ со-
стояніи и улучшать зрѣніе).

Нѣтъ этого страшнаго начала г. Папкевичъ сдѣлалъ престрашную поѣму, которой мы, испугавшись, не дочитаемъ до конца. И потому вотъ вамъ еще образецикъ музы г. Папкевича, образецикъ, взятый уже не съ начала, а отъ конца пьесы:

И тогда сердца бы наши,
Блеща въ молніяхъ золотыхъ,
Какъ небрежнѣ двѣ чаши
Были полны чувствъ святыхъ.
Только смерть могла бы злая,
Прекративши жизни нить,
Насъ бездушныхъ охладилъ,
Этотъ нектаръ простудить.

Очевидно, что этотъ нектаръ, слитый въ два сердца, блестящій въ золотыхъ молніяхъ, какъ въ двѣ небрежнѣ чаши, не что иное, какъ горячій обитенъ: иначе какъ бы злая смерть могла его простудить, охлаждая бездушныхъ?.. Очень-хорошо, такъ хорошо, что позволю повѣрить г. Папкевичу, который такъ разсуждаетъ о восьмидесятилетнихъ пѣвцахъ, которые вмѣсто того, чтобы заниматься наукою, пишутъ плохіе стихи:

Что въ міръ можетъ быть живые
Питомца музъ въ осьмидесятъ лѣтъ?
Какой цвѣтокъ растетъ милѣе
Его мечты? Вездѣ (*кроль журналовъ*)
привѣтъ

Веселой жизни онъ встрѣчать,
Срывать радости цвѣты,
Онъ видитъ всюду красоты,
И безобразіе не знаетъ.

Именно, не знаетъ, бѣдняжка: иначе какъ бы рѣшился онъ печатать свои стихотворенія?...

144) Повѣсти и Преданія Народовъ Славянскаго Племена. (6) издавннѣ И. Боричевскимъ. С.-П. бургъ. 1840. Въ 12-ю д. л. 185 стр.

Отъ прозаической поэзіи гг. Слѣ-пушкина и Папкевича перейдемъ къ поэтической прозѣ, издавннѣ г. Боричевскимъ. Г. Боричевскому пришла благая мысль—передать на русскій языкъ поэтическія преданія и народ-

ные разказы вербскіе, мазовецкіе, галицкіе, польскіе, украинскіе, чешскіе, подольскіе и прочіихъ соотечественныхъ намъ народовъ. Первая книжка очень-любопытна. Нѣкоторыя изъ пьесъ имѣютъ высокой поэтической интересъ, какъ на-пр., «Краль Сербскій Троянъ» другія любопытны, какъ вѣрная характеристика духа того или другаго племени, какъ на-пр., «Договоръ съ Бѣсомъ». — Переводъ очень-хорошъ. Къ книжкѣ приложены примѣчанія, свѣдѣтельствующія объ учености и тщательности переводчика. Въ предисловіи переводчикъ жалуется на невниманіе нашихъ литераторовъ къ произведеніямъ народной поэзіи славянскихъ племенъ и на предпочтеніе, оказываемое ими иностраннымъ литературамъ: упрекъ неосновательный! Намъ должно сперва заняться своею народною поэзіею и спасти отъ забвенія ея разсыяныя сокровища, а потомъ уже обратитъ вниманіе и на народную поэзію родственныхъ намъ племенъ. Но кто имѣетъ охоту и средства дѣлать это теперь же—доброе дѣло! Только иностранная литературы должны остаться и всегда останутся предметомъ предпочтительнаго вниманія, потому-что обще-міровое всегда будетъ выше частнаго, а *художественная* поэзія выше *естественной* или такъ-называемой *народной*. Высокое эстетическое наслажденіе доставляютъ поэтическіе разказы, собранные Киршею Даниловымъ—объ этомъ нѣтъ спора; но что это наслажденіе передъ тѣмъ, которое доставляютъ созданія Пушкина? — Не-уже-ли безвязный лепетъ младенца и разумная рѣчь мужа—одно и то же? Не-уже-ли однообразные народные эпосы, монотонныя пѣсни—все то же, что «Иліада» Гомера, драмы Шекспира, или созданія Гёте?—Всему свое мѣсто, и все хорошо на своемъ мѣстѣ. Очевидно, что г. Боричев-

человѣкъ ухватился мыслью г. Максимо-
вича, которую и взялъ эпиграфомъ:
«Наступило, кажется, то время, когда
познають истинную цѣну народности». Эта мысль справедлива, но задѣньте числомъ: теперь не познають, а давно ужь познали и опредѣляли цѣну народнои поэзи. Прошло то время, когда, разотаваясь съ мертвымъ псевдо-
классицизмомъ, бросились въ другую крайность и думали, что народная поэзия выше художественнаго произведе-
нiя какого-угодно поэта. Кажется, излишнее пристрастiе къ народнымъ произведешямъ славянскои фантази заставило г. Боричевскаго отыски-
вать сходство въ народныхъ славянскихъ повѣрьяхъ и преданiяхъ съ скандинавскими; но приведенные имъ примѣры только доказываютъ ихъ несходство. Если хотите, тутъ есть что-то похожее на сходство; но все близкое къ своему источнику болѣе или менѣе сходно, и потому славянскiя преданiя и повѣрья сходны не только съ скандинавскими, но и съ индiйскими, и съ египетскими, и съ какими угодно. Все дѣти сходны между собою, но въ общемъ, въ духѣ, а не въ формахъ, которыми духъ выражается. Вотъ этого сходства въ формѣ нѣтъ и тѣни между славянскими и скандинавскими преданiями и повѣрьями, что всего лучше доказываютъ приведенные г. Боричевскимъ примѣры.

Желаемъ отъ всей души, чтобы г. Боричевскiй продолжалъ свое благородное предпрiятiе. Кромѣ несомнѣнной пользы для науки, оно доставитъ еще публикѣ и эстетическое наслаждение. Мы увѣрены, что изданный имъ теперь первый опытъ будетъ имѣть большой успѣхъ.

145) Вечернiя Бесѣды у Барона К. Сог. А. Моховицкаго. Санктпетербурге. 1840. Въ тин. С. Петербурге.

стало Губернаторъ: Провлестя. № 8-го д. л. 98 стр.

Въ тѣхъ бесѣдахъ довольно-вездѣть-ливо, и мѣстами безъ ороговѣнiя, кто-то бесѣдуетъ о Казотѣ, графѣ Сен-Жерменѣ, Калиостро, и пр. Говоря коротче, въ этихъ бесѣдахъ собраны извѣстные и не разъ повторавшiеся, даже въ русскихъ журналахъ, анекдоты о предсказанiяхъ Казоты и чудесахъ Сен-Жермена и Калиостро. Чтобы сдѣлать ихъ интереснѣе, авторъ, въ приличныхъ мѣстахъ, заставляеть барона К., или кого-то другаго, не понимая, доказывать, что Наполеонъ былъ такой молодецъ, даже хуже австрийскаго генерала Меласа. Если бы въ этой книжкѣ не было барона К. и еще кого-то (право, не понимая), не былобы разговоры, а былибы анекдоты о Казотѣ, Сен-Жерменѣ и пр. — она имѣла бы смыслъ и даже-нибудь значенiе.

145) РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО ТЕАТРА. (.) издаваемый М. Песоцкимъ. Четвертая книжка. Мыслиль о-пре(в)ль. С. Петербурге. Въ тин. А. Плюшара. 1840. Въ 8-ю д. л., въ двѣ колонки. 34 и 35 стр.

Въ 4-ой книжкѣ «Репертуара» ничего особеннаго не имется. Начинаеть она водвилемъ, который переведенъ съ французскаго, а не передѣланъ изъ шекспировой драмы, и потому мы его не читали, какъ обыкновенно не читаемъ никакихъ водвилей, кромѣ передѣланныхъ изъ драмъ Шекспира. За водвилемъ слѣдуютъ «И мои воспоминанiя о театрѣ. Письмо къ И. П. Песоцкому. — Перiодъ первый», г. Зотова. Это очень-интересная статья, въ которой болше правды въ фактахъ и болше таланта въ изложенiи, чѣмъ въ статьяхъ двухъ другихъ сочинителей «театральныхъ воспоминанiй», напечатанныхъ въ «Репертуарѣ» и обезумевшихъ нами въ свое время. Хотя г. Зо-

товъ много потерпѣть отъ несправедливости своихъ великихъ соперниковъ, но онъ отдаетъ полную справедливость въ блестящихъ способностяхъ. «А потому» говоритъ онъ: «я увѣренъ, что восторженные *свистатели* «Театральныхъ воспоминаній» не обидятся, если я напишу подобную же статью. Очевидно, что «Репертуаръ» далеко пойдетъ, если его будутъ поддерживать своими трудами такіе знаменитые сочинители, какъ г. Полевой, г. Зотовъ, и проч. За статью г. Зотова еще что-то слыдуеть въ 4-ой книжкѣ «Репертуара»; но это — мелочь, о которой не стоить говорить.

147) ПАНТЕОНЪ РУССКАГО И ВСЯХЪ ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ. *Мартъ. №3. Санктпетербургъ. 1840. Въ 8-ю д. л. Въ двѣ колонки. 133 стр.*

Третья книжка «Пантеона» начинается «Бурей» Шекспира, о которой нельзя сказать, что это одно изъ лучшихъ произведеній великаго Британца, потому что рѣшительно всѣ произведенія его — лучше: каждое лучше другаго, и ни одно не хуже другаго. «Буря» и «Сонъ въ Лѣтнюю Ночь» представляютъ собою совершенно-другой міръ творчества Шекспира, нежели его прочія драматическія произведенія — міръ фантастическій. Словно какія тѣни, въ прозрачности сумракъ ночи, изъ-за розоваго завѣса заря, на развоцветныхъ облакахъ, сотканныхъ изъ ароматовъ цвѣтовъ, носятся передъ вами лица «Буря», начиная отъ безобразнаго чудовища Калибана до свѣтлаго духа Ариэля, — отъ суроваго волшебника Проспера до пылительной Миранды. Словомъ, «Буря» Шекспира — очаровательная опера, въ которой только гдѣтъ музыки, но фантастическая форма которой производитъ на васъ самое музыкальное впечатлѣніе. Однако фантастическое Шекспира совсѣмъ не то,

что фантастическое немецкое, фантастическое Гюманина: при всей своей волшебной обаятельности, оно не улетучивается въ какую-то форму безъ содержанія, или въ какое-то содержаніе безъ формы, а является въ рѣзко-очерченныхъ, въ строго-определенныхъ формахъ и образахъ. Такое тѣсное и живое смѣненіе (конкретія) подобнаго противоположностей, каковы — фантастическая неопредѣленность содержанія и художественная опредѣленность формы, возможно только для великихъ художниковъ, для тѣхъ единственно и исключительно истинныхъ жрецовъ искусства, которые, по своей глубоко-художественной натурѣ, никогда не выходятъ изъ сферы творчества и не допускаютъ въ нее чуждаго ей элемента — отвлеченнаго мышленія (рефлексіи). Недавно, въ одномъ русскомъ журналѣ, было замѣчено, что Пушкинъ не идеаленъ, что его поэзія чужда неопредѣленной выпренности и крѣпко держится земли и опредѣленныхъ образовъ, и что, въ слѣдствіе этого, Пушкинъ — поэтъ не міровой, не великій, хотя и съ примѣчательнымъ талантомъ. По такому опредѣленію можно и съ Шекспира снять титулъ великаго и міроваго поэта: какъ и Пушкинъ, онъ крѣпко держится земли и, въ-отношеніи къ мечтательности и идеальной выпренности, составляетъ совершенную противоположность съ Шиллеромъ, и еще больше съ Жан-Полемъ Рихтеромъ. Но потому-то онъ и неизмѣримо-выше обонхъ ихъ, такъ выше, что сравнивать его съ ними невозможно, какъ невозможно Шиллера и Жан-Поля Рихтера сравнивать съ какимъ-нибудь талантливымъ русскимъ поэтомъ, который въ туманныхъ элегіяхъ высказывалъ свои туманныя чувства. Шекспиръ поэтъ действительности, а не

идеальности. Пушкинъ тоже. Въ сущности, Шекспиръ — болѣе идеальный поэтъ, нежели Шиллеръ; но Шекспиръ, возносясь въ превыспреннюю сферу вѣчныхъ идеаловъ, низводилъ ихъ на землю, и общее обособлялъ въ индивидуальныя, опредѣленныя и замкнутыя въ самихъ-себѣ явленія. Правда, Шекспиръ крѣпко держался земли, но вѣроятно потому — что сама земля или такъ — называемый миръ земной есть вѣчная идея, изъ надзвѣздныхъ областей идеальной возможности ставшая особнымъ, въ самомъ-себѣ замкнутымъ явленіемъ. Идея земнаго мира не написана на немъ, въ-родъ апофеоза, или какой-нибудь нравственной сентенціи, но онъ весь пропикнулъ насквозь своею идеею, какъ кристаллъ лучемъ солнечнымъ, и составляетъ съ нею единое и нераздѣльное; почему и трудно усмотрѣть его идею, особенно тѣмъ, у кого нѣтъ внутреннихъ очей, внутренняго ясновидѣнія. Потому же самому нѣтъ ничего труднѣе, какъ отличить идею отъ формы въ художественномъ произведеніи: то и другое слито во-едино, и небесное является земнымъ, безконечное — конечнымъ, невыговариваемое — опредѣленнымъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о превозходствѣ (котораго мы и не думаемъ отрицать, или оспаривать) Шекспира передъ Пушкинымъ, можно смѣло сказать, что только слѣпые могутъ не видѣть, что оба эти великія явленія творческой силы принадлежать къ одному разряду, суть явленія родственныя. Но потому-то и недоступны они для большинства. Идея, не органически-связанная съ формою, идея, которая не сквозитъ черезъ форму, какъ лучъ солнечный черезъ граненый хрусталль, а видѣется черезъ трещины и щели формы, — такая идея доступнѣе для большинства, такъ же точно, какъ «иде-

альнее» поэты доступнѣе для чего-нибудь действительные художники.

Предѣлы журнальной рецензіи не позволяютъ намъ критически разсматривать «Бурю» Шекспира, и потому мы по-необходимости должны ограничиться легкими замѣчаніями. Оригинальность и вѣрность характеровъ, ихъ рѣзкая очерченность и опредѣленность, художественная соответственность содержанія съ формою, полнота, оконченность, — все это неотъемлемыя качества каждаго произведенія Шекспира. Качества, о которыхъ или должно говорить вамъ, или ничего не говорить. Къ особенностямъ «Бури» принадлежатъ этотъ полусумрачный, таинственный колоритъ, который происходитъ отъ элемента фантастическаго. Прочтите, — и словно проснетесь отъ какого-то тревожнаго, но волшебнаго оладнаго сна. И какъ дивно-обаятельно, какъ безконечно — прекрасно фантастическое Шекспира! Послушайте нѣскую духа Ариэла:

На печальный брегъ толпами
Собирайтесь живыи,
Собирайтесь, и руками
Соплетайтесь тѣспыи;
Поцалуй разточайте,
Игры, пласки затѣвайте!...
Стихнулъ ярый шумъ валовъ!
Вторъ иль, сладкій хоръ духовъ!
Хоръ. — Боу! воу! вау!
Лаетъ шепъ на дворъ.
Хоръ. — Боу, воу, вау!
Слышу крикъ на зарь...
То пѣтухъ на суку
Затянулъ кукреку.

Твой отецъ подъ водою глубоко сплоросеть,
Его кости въ кораллъ обратившъ;
А ма место очей двѣ жемчужницъ; онъ
Не изгладъ — всѣ черты сохранились.
Только море его облекло самовластно
Въ образъ дивный, роскошно-прекрасный.
Надъ нимъ хоръ Нерендъ ежечасно звучитъ.
Чу! слышу, пхъ колоколъ въ моръ гудитъ.

Такъ гдѣ пчелы, и кормилоса;
 Лишь сова кашить кричать,
 Я въ разнуколку ложуся
 Блгой букошцы спать.
 Мысль летучую сядлаю,
 И во-свѣдъ молодой веспа
 Безпрерывно л летаю...
 Какъ теперь отрадно мнѣ!
 Сладко, вольно и счастливо
 Буду жить я подъ листкомъ,
 Что трепещетъ болывою
 На дѣвочкѣ луговомъ...

Какая роскошная фантазія! Она раскрываетъ таинственные убывающія замигнутыхъ въ явленіи духовъ жизни, даетъ намъ причудливо-обольстительные образы и населаетъ ими и небо, и землю, и воды, и лѣса... Вотъ истинный міръ фантастическаго!.. Но въ «Бурѣ» много и другихъ элементовъ: тутъ и высокая драма, и сатирическая комедія, и волшебная сказка. И все это такъ светло, такъ проникнуто одно другимъ, и составляетъ такое чудное цѣлое!.. «Буря» — прекрасный сюжетъ для опернаго либретто, если бы искусная рука взялась за него. А характеры?... Одна Миранда представляетъ собою цѣлый міръ поэтической красоты. Дѣвушка, съ младенчества невдвѣвшая никого, кромѣ своего отца, да чудовища Калибана, невывощающая никакого представления о мужчинѣ, встрѣчается съ прекраснымъ молодымъ человекомъ, — только кътъ Шекспира могла нарисовать такую дивно-вѣрную картину развивающагося чувства любви въ дѣвственномъ сердцѣ юнаго, прекраснаго, младенческаго-простодушнаго существа!..

Желаемъ, чтобы кто-нибудь изъ людей съ талантомъ перевелъ «Бурю» не прозою, а стихами. «Буря» больше, чѣмъ какая-нибудь другая пьеса Шекспира, теряетъ въ прозаическомъ переводѣ. Впрочемъ, «Пантеонъ» все-таки оказалъ русской публикѣ неоцѣнимую услугу напечатаніемъ этого

перевода, который, конечно, не безъ недостатковъ, но вообще очень-хорошъ. По выписаннымъ пѣснямъ Аріелы, читатели могутъ видѣть, что лирическіе отрывки переданы прекрасными стихами.

За «Бурю» Шекспира слѣдуетъ «Прѣзжіи изъ столицы, или суматоха въ уздномъ городкѣ» — оригинальная комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Грыцько-Осповьяшенко, написанное имъ еще въ 1827 году. Мы такъ высоко уважаемъ прекраснаго таланта Грыцька Осповьяшенка, что ничего не скажемъ объ этомъ его произведеніи, котораго талантливый авторъ очень и очень не безъ причины не хотѣлъ такъ долго печатать. Появленіе же его въ печати приписываютъ просто спекуляціи тѣхъ изъ читателей таланта Осповьяшенка, которые, выпрашивая у него позволеніе напечатать эту пьесу, думали оказать ему этимъ услугу.

Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій, славнѣйшій русскій актеръ и «Придворная труппа актеровъ императора Наполеона въ Москвѣ, въ 1812 году» — двѣ журнальныя статьи, чрезвычайно-интересныя по содержанию и хорошо-написанныя. «Панорама Театровъ» содержитъ въ себѣ очень-любопытную статью — «Дебютъ русскаго пѣвца въ Болоннѣ, 10го октября 1839 года» и «Дагерротипъ въ Гаремѣ, анекдотическую повесть. Въ отдѣленіи «стихотвореній и куплетовъ» помещена сцена изъ «Торквато Тассо», драмы Гёте, превосходно-переведенная г-мъ Струговицкимъ, котораго прекрасные переводы изъ первой части «Фауста», «Прометей» и «Римскихъ Элегий» известны русской публикѣ по ихъ высокому художественному достоинству. Въ-самомъ-дѣлѣ, многіе ли такъ переводятъ:

Всѣхъ царства земли Феррара нѣтъ до-
роже!

Не здѣсь ли я увидѣлъ въ первый разъ
Италии моеи достойнѣйшихъ собратій?
Не я ли былъ свидѣтелемъ тѣхъ дней
Великодушій, празднествъ и славы,
Которыми ихъ доблесть награждалъ
Феррарскій дворъ? Неопытный, случайно
Я приведенъ сюда въ тотъ самый день,
Когда весь цвѣтъ Италии, казалось,
Въ одинъ взнокъ Феррара собрала.
И живо помню я: вокругъ арены,
Гдѣ мужество и ловкость состязались,
Вокругъ блестящаго собранія мужей,
Широкою гирляндой рисовалось
Собраніе прелестнѣйшихъ изъ жемч.
Напрасно глазъ хотѣлъ бы ихъ изчислить:
Величественъ, несметенъ былъ ихъ сонмъ;
Напрасно бы изъ нихъ кому сказали,
Чтобы лучшаго изъ всѣхъ оныхъ указалъ,
Чтобы изъ всѣхъ достойнѣйшаго назвалъ—
Ихъ не было — достойны были всѣ!

Шлемы, щиты и броня золотая—сгнаны,
Мечъ ударалъ по металлу, и трубныя
звучи

Съ топотомъ звонкихъ копытъ раздава-
лись далеко;

Въ небо летѣли желѣзные копейе об-
ломни;

Облако пыли, клубясь, мгновенно скры-
вало

Стыдъ побѣжденныхъ и славу победы
стяжавшихъ...

Что, еслибъ этотъ отрывокъ былъ изъ
полнаго, оконченнаго перевода «Тор-
квато Тассо» г. Струговщикова!...

Очень-забавны куплеты «Провин-
циальный Подъячій въ Петербургѣ»;
они такъ всѣмъ понравились и уже
такъ всѣмъ известны, что мы не имѣ-
емъ пужды выписывать ихъ. Очень-
мила также «Колыбельная пѣсня Пан-
теону», А. Башуцкаго, въ которой намъ
особенно нравятся слѣдующіе стихи:

Выростай, нашъ Пантеонъ
Всѣхъ театровъ европейскихъ!
Будь, малюточка, умелъ;
Не давай намъ драмы злодѣйскихъ,
Патріото-фирейсейскихъ,
Ни комедій штукодѣйскихъ,
Словъ трактирныхъ и халдейскихъ,

Водяной водичейскихъ

И кумасовъ — или лавочскихъ.

Изъ всего этого видно, что въ «Пан-
теонѣ» есть чего и почитать, есть надъ
чѣмъ и подумать, есть чѣмъ и позаба-
виться и развлечься. Съ нетерпѣніемъ
ожидаемъ слѣдующей книжки, въ на-
деждѣ, что и къ ней будетъ о чемъ по-
говорить намъ съ читателями. А то,
право, вѣдь и поговорить-то почти не
о чемъ: плохіе самодѣльные романы, да
«Репертуаръ» г. Песочнаго — о чемъ
тутъ будешь говорить?...

141) Молодая Сибирячка. *Ис-
тинное происшествіе. Перев. съ фран-
цузскаго А. Погова. С. П. бургъ. Пе-
чатано въ типографіи Карла Краа
1840. Въ 16-ю д. л. 141 стр.*

Вотъ истинная, а не поддѣльная ис-
торія Парашки Сибирячки, исторія
простая, безъ прохожихъ, безъ эффек-
тныхъ сценъ на Кремлевской Площади,
безъ эффектныхъ влásokъ подъ сенти-
ментальную музыку, но тѣмъ болѣе тро-
гательная и возвышающая душу... Бы-
ла изъ молодая дѣвушка, дочь природы,
съ глубокимъ религіознымъ чувствомъ
и безконечною любовью, одна, безъ де-
негъ, безъ опытности, идетъ изъ глу-
ши Сибири въ Петербургъ, чудеснымъ,
хотя въ то же время и самымъ есте-
ственнымъ образомъ спасается отъ
многихъ опасностей, находитъ до-
брыхъ людей, посредствомъ которыхъ
послѣ многихъ неудачъ и хлопотъ,
предстаетъ предъ лицо Монарха и у-
моетъ его испрашивать прощенья сво-
ему отцу и еще двумъ несчастливцамъ,
товарищамъ его ссылки; потомъ идетъ
въ монастырь, и, какъ здоровье ея было
разстроено въ великомъ подвигѣ, а душа
потрясена разлукою съ родителями,
глубоко ею любимыми, скоро умираетъ
смертію праведницы!... Высокое,
отрадное, и при всемъ томъ та-
кое простое явленіе... Удивительно
ли, что чтеніе этой маленькой повѣсти

производить на душу такое сильное впечатление? Действительность всегда выше всякого такъ-называемого идеального вымысла,—и само искусство, чтобъ действовать на духъ человека, должно быть воспроизведениемъ действительности, а не погрешкою, сделанною изъ мечтаний и пустыхъ вымысловъ празднаго воображенія.

Жаль, что эта повѣсть необильно-вещно-душно и безграмотно переведена. Переводчикъ воопыталъ свой переводъ г-цу Полевому, котораго театральная пьеса «Параша Сибирячка» — задѣла его за живое, расшевелила, разобрала его русскую душу» и пр. Какъ жаль, что, задѣвивши его за живое и разобравши его русскую душу, она не зацѣпила, не разобрала и не расшевелила въ немъ умѣнья переводить!...

149) РАЗСКАЗЪ О ТОМЪ, КАКЪ ІАФЕТЪ НИЩЕТЬ ОТЦА. *Сов. капитана Марриета. Переводъ съ англійскаго. С.-П. бургъ. Въ тип. III Отдѣл. Собственной Е. И. В. Канцелярш. 1840. Въ двухъ частяхъ. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 288, во II-й—283 стр.* Вотъ книга, которая ясно показываетъ, какъ богата англійская литература хорошими бельетрическими произведеніями. Марриетъ далеко не Вальтеръ Скоттъ, да онъ и не претендуетъ на соперничество съ нимъ; это скорѣе англійскій Поль-де-Кокъ, но котораго столько же поглубже, почеловѣчнѣе и поосновательнѣе французскаго, сколько духъ англійской націи глубже, человѣчнѣе и основательнѣе духа французской націи. А между-тѣмъ этотъ романъ не одинъ у Марриета: у него много такихъ, и въ Англии не одинъ Марриетъ. «Разсказъ о томъ, какъ Іафетъ нищеть своего отца» въ Англии вышелъ уже лѣтъ шесть назадъ тому, а у насъ онъ—совершенная нововость. Не представляя собою высшихъ интересовъ духа, не являя ничего ду-

жественнаго, романъ этотъ есть прекрасное бельетрическое произсезненіе; онъ отличается удачною обрисовкою характеровъ и современнаго англійскаго общества, а разсказъ его такъ увлекателенъ, что нельзя оторваться отъ книги, не дочтя ея до конца. Переводъ хорошъ; изданіе опрятно.

150) КОВЗАРЬ Т. Шевченка. *С. Петербургъ. Въ тип. Е. Флигера. 1840. Въ 12. д. л. 114. стр. (Съ картинкою).*

Имя г. Шевченка, если не ошибаемся, въ первый разъ еще появляется въ русской литературѣ, и назъ тѣмъ пріятнѣе было встрѣтить его на книжкѣ, въ полной-мѣрѣ заслуживающей одобреніе критика.

Стихотворенія г-па Шевченка ближе всего подходятъ къ такъ-называемымъ народнымъ пѣснопѣвнымъ: они такъ безыскусственны, что вы ихъ легко пріймете за народные пѣсни и легенды Малороссіи: это одно уже много говоритъ въ ихъ пользу. — Авторъ не облакаетъ своихъ чувствъ и поэтическихъ мыслей въ форму любви, хореевъ и проч.; онъ даже не старается, для оригинальности (попримѣру нѣкихъ пинтовъ), писать тѣми же лямбами, но только противъ принятаго всеми порядка, стихами въ 9 и 10 стопъ, чтобы послѣ громко кричать: «л! л, л! выучилъ Русь писать уродливые стихи» — а впривсемъ томъ его стихи оригинальны: это лепетъ сильной, но поэтической души... Что же такое Ковзарь? А вотъ, прочтите начало стихотворенія «Тарасова Ночь» (стр: 107), и вы узнаете:

На родутти кобзарь сидѣть,
Та на кобзи грае;
Кругомъ дзющи, та дзюцата,
Якъ макъ росцвѣтае.
Грае кобзарь, прысывае,
Вымоваля словами,
Якъ Москаля, Орда, Ляхы,
Вымаля съ козаками;

Якъ собирали громада
 Въ недалежку вранци,
 Якъ ховали козачышка
 Въ зеленихъ байраци
 Грае кобзарь, приспывае,
 Ажъ лыхо сміється . . .

Здѣсь есть и поэтическія думы, и историческія легенды, и чары ортаменной любви, и простодушная исторія любви Катерины, — словомъ, все элементы народной поэзіи юга нашего отечества.

Но зачѣмъ г. Шевченко пишетъ на малороссійскомъ, а не на русскомъ языкѣ? если онъ имѣетъ поэтическую душу, почему не передаетъ ея ощущеній на русскомъ? скажутъ многіе. — На это можно отвѣчать вопросомъ же: а если г. Шевченко выросъ въ Малороссіи; если его поставила судьба въ такое отношеніе къ языку, на которомъ мы пишемъ и изъясняемся, что онъ не можетъ выразить на немъ своихъ чувствъ? если съ младенчества его представленія одѣвались въ формы южнаго нарѣчія, то неужели для этого должно зарывать талантъ въ землю? Неужели должно заглушать въ душѣ святые звуки, потому только, что нѣсколько человѣкъ въ мощныхъ бракахъ не пойметъ этихъ звуковъ, не пойметъ, или не захочетъ понять роднаго отголоска славянскаго языка, отголоска, летящаго съ юга, изъ колыбели славы и религіи Россіи, между тѣмъ, какъ эти же люди будутъ считать смертнымъ грѣхомъ не цѣнить самыхъ тонкихъ намековъ великаго мудраго Бальзака съ братією?...

Сверхъ-того, книги, писанныя по-малороссійски въ родѣ «Лыстовъ до землякнвъ» Основьяленка, или «Приказокъ» Гребенки, или «Катерины» Шевченка (стр. 21), имѣя нравственную цѣль, и будучи рассказаны языкомъ понятнымъ для всякаго Малороссія-

нца, безъ-осмысленнаго приписуя величайшую побаву южно-русокиимъ простодушнымъ читателямъ.

Надanie «Кобзаря» оцрятно; — при книжкѣ приложена картинка, сдѣланная Штерибергомъ — великимъ искусствомъ изображать малороссійскія народныя сцены; на картинкѣ представленъ славной кобзарь (пѣвецъ) съ проломатыми: кобзарь сидитъ одинъ; руки его лежатъ на струнахъ бандуры; голова, осыпанная думою, поникла. Вы въ немъ видите кочующаго поэта; пѣть на землѣ мѣста. —

Тому, кто все знает, тому, кто все чуе:

Що море говорить, до сонца нечуте —

Лопъ на свѣтѣ свѣти никто не вѣрива! . . .

(стр. 19).

151) Малороссійскіе Повѣсти и Разказы. Хома Купрыенка. *Молитва Въ тѣмъ Лазаревскѣхъ Истѣтнѣхъ Востогныхъ Языкахъ*. 1840. Въ 16-ю д. л. 145 стр.

Передъ издашемъ въ свѣтъ этихъ повѣстей, къ автору ихъ, г-ну Хомѣ Купрыенку, пришелъ одинъ пріятель и такъ напугалъ его критикою и критиканомъ, что тотъ счелъ за нужное заговорить въ предисловіи такимъ образомъ: «Я пишу не для того, щобъ мене хвалялы, або лаллы; ни! ован не для того! Я хочу, щобъ и люди зналы те, що я напысать, бо тутъ є богацько правды и, може, не кожны чувъ про те, що я въ мойй книжци розказавъ. А колы люди будутъ мене лалты и заховуть зъ мене посміятись, дакъ Бигъ зъ ними!... Я только що въ першый разъ ставъ пысаты, дакъ не зумивъ скомнонотаты усего до ладу...» Добрыи г-чиъ Хома Купрыенко! какъ онъ боится, что критики стануть бранить его! Помните, да за что же? Неужели за то, что вы рѣшились писать малороссійскія повѣсти и рассказываете ихъ на малороссійскомъ языкѣ? Ни, ован ни! Мы такъ любимъ милый, ив-

жизни, прекрасный язык Малороссии и нравный дух ее обитателей, что никогда и ни в каком случае не удалось укорить того, кто пишет малороссийския повести. Вот другое дело, если бы не будешь много читать наши рассказы, г. Куприяшко — отсюда так! Мы прочли их все сплошь и не раз увлеклись в них прелестью малороссийскаго языка, но темъ не менее должны сказать правду: ваши «Разсказы», г. Куприяшко, многого, очень-много не доставят для того, чтоб их можно было назвать повестями, въ томъ смысле, въ которомъ мы привыкли уже понимать это слово. Мы даже думаемъ, что все эти тайноназанные вами «Повести и Разсказы» совсѣмъ не повести и разсказы, а не больше, ни меньше какъ разные малороссийскія повѣрья и преданія, съ которыми мы давно уже знакомы и которыя вы намъ только пересказываете по-своему, то-есть своимъ языкомъ и съ извѣстными прибавленіями своего собственнаго изобретенія. Что касается до лицъ, которыя вводите вы въ свои разсказы, то намъ показалось, что они вовсе лишены жизненной силы и болѣе походятъ на тѣни, нежели на живыя существа. Повести ваши немного бы потеряли, если бы въ нихъ и не было этихъ лицъ. Но что же бы — спросите вы — тогда осталось? О, это другой вопросъ, на который пусть отвѣчаетъ уже самъ г. Куприяшко! Мы говоримъ только, что въ его разсказахъ нашимъ хорошо-изложеннымъ малороссийскимъ повѣрьемъ о папоротникѣ, объ утопленникахъ и прочъ чего же не нашимъ, объ этомъ мы молчимъ, въ надеждѣ, что авторъ догадается самъ, и въ слѣдующихъ разсказахъ — если они будутъ — пополнитъ прежніе недостатки.

152) Народный Русскій Пѣсенникъ. Въ двухъ частяхъ. Москва. Въ

тѣл. II. С.-Петербургъ, 1840. Въ 12-ю д. л. Въ I-й — 93, во II-й — 92 стр.

Два помалы книжочки, начаточныя на самой дрянной сѣрой бумагѣ. Итакъ, вотъ мы пока чѣмъ, чувствуемъ поэзію нашего народа! итакъ, видно долго придется намъ довольствоваться однимъ сборникомъ г. Сахарова! Не знаемъ, почему этотъ нелѣпый «Народный русскій пѣсенникъ» названъ народнымъ. Правда, въ немъ есть странную печатью вытисценныя народныя пѣсни, но въ немъ, вѣроятно для пущей красоты, помещено множество тѣхъ пошленькихъ пѣсенокъ, которыми оглаждался нашъ Парнасъ во время оно и которыя пѣвались бывало сантиментальными барышнями, вооруженными гитарой на розовой леуточкѣ. Вотъ на-примѣръ:

Смѣшала я что есть царца
Надъ всеми смертвыми любовь.
.. Какъ я была еще дѣвица
Не вдала ея оковъ.

Чувствія измѣнили ей бѣдной; когда она была дѣвушкой, тогда ничѣмъ на свѣтѣ не смущена
Бездѣлкой часто возхищена и т. д.

153) Съ радостными чувствами благоговѣнія жданный 1840 повый годъ. Сочиненіе Александра Орлова. Москва. Въ типогр. С. Селивановскаго. Въ 8-ю д. л. 9 стр.

Это — послѣднее твореніе извѣстнаго всей русской публикѣ «сочинителя» А. А. Орлова... Да, послѣднее! А. А. Орловъ, творецъ множества романовъ, стихотвореній; разсказовъ, разходившихся тысячами экземпляровъ по всемъ концамъ Руси православной и заслужившихъ полное одобреніе и самый лестный приемъ въ извѣстномъ разрядѣ русскихъ читателей, — недавно умеръ въ Москвѣ, и эта книжка издана уже послѣ его смерти. Вы, почтенный читатель, не знаете этихъ твореній; и потому для васъ извѣстіе о смерти

виловника ихъ нищо не значить; но что скажутъ те, которые покупали сочиненія А. А. Орлова и читали-считались ихъ? Гдѣ возьмутъ они такого утѣшителя, такого «болше поэта, нежели философа» (какъ выразился нѣкогда о немъ Кооичкинъ), такого пріятнаго писателя, которому тщетно старались подражать, и котораго тщетно старались уничтожить многие тоже *извѣстные сочинители*? . . . Теперь они могутъ торжествовать, могутъ писать сколько угодно повыхъ романовъ—и никого уже не боятся: грозный соперникъ ихъ въ могилѣ; онъ не услышитъ, не увидитъ ихъ и не перебьетъ ихъ завидной славы, выпустивъ тотчасъ же по появленіи ихъ романа свой романъ подъ такимъ же названіемъ, но написанный съ большимъ талантомъ, болше-годиный для того круга читателей, для котораго назначаются подобныя романы, и наконецъ проданный книгопродавцу съ болшею добросовѣстностію. . . Искренно сожалѣемъ многочисленныхъ читателей А. А. Орлова: теперь они должны будутъ или вовсе отказаться отъ чтенія, или покупать дорогою цѣною романы извѣстныхъ его соперниковъ, которые хоть и попустили цѣну съ своихъ произведеній, но все-таки продаютъ ихъ гораздо-дороже, нежели какъ продавалъ свои сочиненія честный и безкорыстный А. А. Орловъ. Желательно бы знать, по-крайней-мѣрѣ, состоится ли предпріятное иль компактное изданіе его сочиненій, въ два столбца, съ гравированнымъ въ Англіи портретомъ автора? Говорили, что оно остановилось, но ужь вѣроятно не по той же причинѣ, по которой останавливались нѣкоторыя другія компактыя изданія, т. е. по недостатку подписчиковъ. . .

• 354) Повѣсть о Шеркловчичѣ Англійскаго Милорда Георга и о Бранденбургской маршалафинѣ Фридерикѣ Луизѣ, съ присовокупленіемъ въ оной (въ Луизѣ) исторіи бывшаго Турецкаго визиря Марталитрова и Сардинской Королевы Терезіи. Изданіе второе. Москва. Въ пгмѣ. И. Смирнова. 1840. Въ 12-го д. л. Три частн. Въ I-й—104; во II-й—68; въ III-й—110 стр.

155) Исторія о Храбромъ Рыцарѣ Францисѣ Венціанѣ и о прекрасной Королеви Рампелетт. Изданіе второе. Москва. Въ пгмѣ. И. Смирнова. 1840. Въ 12-ю д. л. 158 стр.

Есть въ природѣ живаго существа, которыя по самой натурѣ своей такъ не красивы, или просто такъ уродливы, что уже съ перваго взгляда вызываютъ къ нимъ новальное отращиваніе. Между-тѣмъ, какъ-бы на зло человеческому глазу, снѣживомъ уже локонному до красоты, природа одаряла эти невпріятныя для него существа особенною жизненною силою, по-просту живучестію, такъ, что иногда самыя напряженныя усилія не могутъ совершенно изтребить въ нихъ жизнь, которая какъ-будто скрывается изъ нихъ, чтобы обманувъ глаза человека, снова возвратиться на прежнее свое мѣсто-пробываніе.—Подобныя явленія встрѣчаются иногда и въ книжномъ мѣрѣ: здѣсь также есть амѣбии своего рода, которыя одними уже видомъ своимъ возбуждаютъ все негодованіе критики и при каждомъ своемъ появленіи слышать отъ нея презрительное «прочъ съ глазъ моихъ», и однако, благодаря нѣкоторымъ грамотѣямъ, живучесть этихъ амѣбій книжнаго мѣра такъ велика, что онѣ прѣблагополучно переживаютъ самыя ожесточенныя гоненія со стороны здраваго смысла, и аккуратно каждый Божій годъ являюся въ новомъ или обновленномъ

видъ, хотя по прежнему неопытный, неунытый, запачканный и во всемъ прежними признаками внутреннего и внешнего уродства и безобразія. Не смотря на то, что эти уродливыя создания по-видимому очень тонки, живы въ нихъ не убьешь никакихъ образомъ: живутъ себя въ Волеиъ мнръ, да шутятъ честныхъ людей, которыхъ судьба обрекла на частыя встрѣчи съ нами... Въ самомъ дѣлѣ, когда же мы дождемся книжки «Англійскому Милорду Георгу» и храброму его сверстнику «Французскому Венециану»?.. Пора, давай пора на покой тому и другому: отслужили свои службы, шу и къ сторонамъ, а ты ужь и чести не знаешь! (156) Балакирева Полное Собрание Анекдотовъ Шуты, балаганы при Дворѣ Петра Великаго. Изданіе 2-е. Въ пяти томахъ. Москва. Въ тип. Карлава. 1840. Въ 12-го д. л.

Да здравствуетъ толкушій рынокъ, да здравствуетъ типографія Кириллова! Скажите, можетъ ли что-нибудь быть безтолковнѣе заглавія этой книжочки! Клавой благодетельный гений трудился надъ ея составленіемъ? Бѣдный Балакиревъ! Послушайте... Развернемъ паудачу:

Удовлетворительный отзывъ.

Кто-то спросилъ Балакирева: я слышалъ, что васъ часто бьетъ ваша жена? «Напротивъ, отвѣчалъ шутъ, гораздо чаще, нежели ваша.» У спрашивающаго жена была дречунья.

Очень-хорошо!

157) Похвала Глузости, сочиненіе Децидія Эрама Роттердамскаго, писанное за 300 лѣтъ предъ симъ. Переводъ съ латинскаго подлинника. Москва. Въ умн. тип. 1840. Въ 12-ю д. л. 91 стр.

Не знаемъ съ какою цѣлю переведена эта книжка. Сочинитель ея — тотъ самый знаменитый Эрамъ Ро-

тердамскій, который началъ при началѣ реформации и содѣйствовалъ ей успѣхамъ своими сочиненіями. Но такіа сочиненія, которыя болѣе шутоу и существеннѣйшую часть своего значенія имѣють по отношенію къ эпохѣ своего появленія, должны быть изучаемы и передаваемы на другой языкъ въ цѣломъ циклѣ и притомъ въ связи съ воспоминаніемъ о всѣхъ тѣхъ временныхъ обстоятельствахъ, которыя усложняютъ ихъ характеръ. Отрывочное и какъ грибъ появившееся сочиненіе, имѣющее относительную важность, не можетъ провозвести въ литературу никакого движенія и не станетъ въ ней дѣйствующею силою. Все это мы должны принять и къ этой книжкѣ. Но должно уметь ограничиваться и довольствоваться тѣмъ, что дается. Авторъ не имѣлъ другой цѣли, какъ только перевести являющееся ему сочиненіе — и за то спасибо. «Похвала Глузости» есть остроумная и бойкая сатира на людей и на жизнь. Авторъ олицетворяетъ глупость въ видѣ богини, окруженной спутницами и помощницами; она читаетъ съ кафедры въ многолюдной аудиторіи похвалную себя рѣчь. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе разгорячается она; видно, какъ авторъ съ одной точки переходитъ на другую и какъ горизонтъ глупости постепенно становится обширнѣе. Сначала глупость прямо противопоставляетъ себя уму и сама называетъ себя глупостью, въ философяхъ видитъ своихъ враговъ и пр.; потомъ она все болѣе и болѣе расширяетъ свои притязанія и оставляетъ въ вѣдомствѣ ума не болѣе какъ нуль; наконецъ она всѣхъ и все привлекаетъ подъ свой скипетръ и даже самый умъ, и философовъ, и боговъ; весь мнръ ея храмъ, всѣ люди ея жрецы. Въ сочиненіи разсыяно много остроумныхъ и юмористиче-

бле стокъ. Языкъ переводхъ мѣн очень-чистъ и правиленъ.

158) Система Логикн. Карле-Фридриха Бахмана (*переводъ съ польскаго изданія*). Часть первая. Москва. Въ тип. Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ. 1840. Въ 8-ю д. л. 310 стр.

159) Руководство къ Изучению Логикн, составленное по системѣ логикн Бахмана. П. Пашенко. Москва. Въ Унив. тип. 1840. Въ 12-ю д. л. 102 стр.

Какъ иногда странно играетъ случай! Германія—страна науки: нигдѣ нѣтъ столько ученыхъ и нигдѣ не получается столько ученыхъ произведений, какъ тамъ. Тамъли ужъ нельзя выбрать ученую книгу для перевода?.. И вотъ, изъ этого безчисленнаго множества ученыхъ, какъ-нарочно подъ нашу русскій глазъ подвергается самый ограниченный изъ всѣхъ смертныхъ, Бахманъ, котораго бездарные труды, образецъ тупости, гниютъ въ самыхъ нижнихъ слояхъ литературы немецкой. Не понимаемъ, какъ и за что посчастливилось ему у насъ. Его нелѣпая эстетика переведена была прекрасно; его беззубая логика выходитъ теперь вторымъ изданіемъ, Бахманъ! да это Александръ Аненимичъ Орловъ ученой германской литературы! его книги—большенные паросты на здоровомъ организмѣ, окая зывающіе развѣ только ту пользу, что чрезъ нихъ выходитъ наружу все дурное и сокровенное...

Логикѣ должно понимать въ двоякомъ смыслѣ. Логика есть послѣднее основаніе философіи, глубочайшая точка, до которой доходитъ мышленіе; животное начало, изъ котораго развивается весь организмъ дѣйствительности; логикою же также называется сухое, безплодное ученіе о фор-

мальной дѣятельности разсудка, — ученіе, которое ведется съ Канта. При Кантѣ, логика, возторопъ своею смѣлою, имѣла великое значеніе, была дѣйствительно наукою, высшею степенью мышленія и существеннымъ моментомъ въ развитіи философіи; послѣ же Канта, когда философія двинулась далѣе и далеко оставила за собою ея точку зрѣнія, формальная логика не исчезла, хоти и вовсе утратила свое предѣльное великое значеніе. Она осталась въ нашіа, пріуготовительная школа и родна теперь только дѣтство, чтобъ поправить, изогрѣвать и вѣрять изъ строгости мышленія незрѣлый умъ мальчишескій. Теперь она имѣетъ болѣе практическій, нежели теоретическій интересъ. Иногда, слыша, какъ судицаютъ эти два понятія, нельзя не пожалеть, зачѣмъ спекулятивная логика не взаималась другимъ какимъ-нибудь предметомъ. Въ самомъ дѣлѣ досадно видѣть, какъ какой-нибудь Бахманъ указываетъ на Гегеля, написавшаго тоже логику, какъ на своего брата, тогда-какъ нѣтъ въ мірѣ двухъ предметовъ, которые бы такъ рѣшительно различествовали между собою, какъ логика Гегеля и логика Бахмана. Логика Бахмана относится къ разряду логикъ формальныхъ, хотя самъ почтенный Бахманъ и не хочетъ, чтобъ его логику называли наукою формальной; вѣдь, говоритъ онъ, и формы мышленія имѣютъ свою реальность!.. Онъ дѣйствительно слышалъ, что въ духѣ повѣйшей философіи не существуетъ болѣе антипатіи между мышленіемъ и бытіемъ, взятимъ самимъ по-себѣ, и что нѣтъ Ding an sich, которое бы не было также Ding für sich, и на-оборотъ; по его тупости не могла переварить этого, и онъ съ самымъ труженическимъ терпѣніемъ чертитъ круги, разпредѣляетъ, по родамъ и видамъ понятія, сужденія, умозаключенія, и

думать, что занимается чьим-то реальным.

Разъ навсегда — формальная логика необходима, но только, как гимнастика неразвернувшегося сознания; при дальнейшем развитии она оставляет-ся как ненужные подмошки. Но и для этой цды можно было выбрать логику формальную и отвлеченную, и двателую, и принадлежащую именно тому фазису мышления, въ которомъ возникла формальная логика вообще, т. е. къ кантовской точкзрѣнiя, — а не ничтожную, неотносящуюся ни къ какому фазису, какъ грибокъ выросшую системку. У насъ былъ уже переводъ логики Кизеветера, и, также по странной игрѣ случая, переводъ не столь успешный, какъ переводы Бахмановыхъ книгъ. Есть еще непереведенная логика Кизеветера подъ названiемъ Grundriss einer allgemeinen Logik nach Kantischen Grundsätzen. Begleitet mit einer weitem Auseinandersetzung für diejenigen die keine Vorlesungen darüber hören können: рекомендуемъ ее добросовѣстнымъ переводчикамъ. Она принесетъ пользу нашимъ школамъ, если будетъ переведена такъ же хорошо, какъ наданная теперь логика Бахмана. Одно замѣчанiе касательно перевода: не-уже-ли почтенный переводчикъ думаетъ, что слова «подлежательный» и «предлежательный» лучше и пошатѣе словъ «субъективный» и «объективный»? Странно! Въ словахъ «подлежательный» и «предлежательный» вовсе нѣтъ никакого смысла, а словамъ «субъективный» и «объективный» данъ глубокий смыслъ философию. Потому, едва-ли можно перевести слово Anschauung словомъ «воззрѣнiе»: Anschauung не «воззрѣнiе», а «созерцанiе».

«Логика» г. Пашенко есть извлеченiе изъ Бахмана — трудъ, брошенный на воздухъ!

160) Описанiе Посольства отправленнаго въ 1659 году отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду II-му, великому герцогу тоскинско-му. Москва. Въ тип. Авеу-ста С. Жема. 1840. Въ 8-ю д. л. 66 стр.

Явленiе гения не внезапно: онъ не съ неба падаетъ. Мало того, что онъ вызывается въ свою сферу различными, до него еще установившимися обстоятельствами: самая даже длительность его болѣе или менѣе опредѣляется непреднаходимыми имъ условиями. Онъ или сообщаетъ большую энергiю начавшемуся движенiю, становится во главу его и опредѣляетъ его ходъ, или духовной искрой воспламеняетъ собранный материалъ, который для-того, чтобы ожить, ждалъ только его появленiя. Петръ-Великий, на-примѣръ, могъ явиться въ такомъ могуществѣ и славѣ только послѣ Царя Алексѣя. Колоссальнымъ величiемъ Петра заслонено все предъидущее, по-крайней-мѣрѣ все, что непосредственно примыкаетъ къ его эпохѣ; отъ-того мы относимъ къ нему все, что хоть сколько-нибудь имѣетъ аналогiю съ идею, имъ осуществленную, даже все то, что было совершено до него и чѣмъ приготовлено его появленiе. Вотъ великие люди съ теченiемъ времени принимаютъ болѣе или менѣе многочислiй характеръ; этотъ мнѣнiзмъ имъ имѣетъ отчасти даже служить вѣнчанымъ признакомъ гения. Говоря о преобразованiи Россiи и о внесенiи въ ея жизнь европейскихъ элементовъ, мы тотчасъ же представляемъ себѣ Петра и рѣдко отдѣляемъ его эпоху отъ предъидущей; намъ было бы даже странно подумать, что есть переходъ, есть постепенное отклоненiе хода русской исторiи къ нему и къ самому роду его дѣятельности. Но съ другой стороны, не надобно забывать, что всѣ

предшествовавшие факты были просто груды материала неживающего и неодоушевающего; что всё они были только начатками, в полутыи смыслъ и способность живаго развитія только отъ могучей силы петрова гения.

Особенно замѣчательны, по непосредственному отношенію къ Петру Великому, Цари: Борисъ Годуновъ и Алексій Михайловичъ. Въ царствованіе сего послѣдняго много уже было совершено по направлению Петра. Обратимъ теперь вниманіе именно на тѣ событія царствованія Алексія Михайловича, въ которыхъ видны вѣщанія главнѣйшаго дѣйствія Петра, именно на начатки преобразованія Россіи черезъ призывку къ ея жизни европейскіхъ элементовъ. Алексій Михайловичъ былъ въ политическѣхъ сношеніяхъ съ многими дворами, велъ съ ними договоры и пересылалъ посланниками. Не говоря уже о Швеціи и Польшѣ, были посольства въ Голландію, въ Испанію, во Францію, въ Венгрію, въ Флоренцію, въ Англійю, къ немецкому императору, въ Давно, въ Турцію; курьеры бранденбургскій, папа и другіе были съ нами въ дипломатическѣхъ сношеніяхъ. Иностранцамъ былъ открытъ свободный входъ въ Россію, и они принимались радушно. Они принесли съ собою съмена европейской промышленности, ввели различныя ремесла, завели фабрики (суконъ, писчей бумаги, полотна), аптеки, ботаническіе сады. Выносливость дозволила иностранцамъ нѣтъ церкви своего извозвданія, такъ что въ Москвѣ были три лютеранскія и двѣ кальвинистскія церкви. Москва начала застраиваться красивыми каменными зданіями. При дворѣ государя начали вводиться многія европейскія обыкновенія: въ первый разъ была устроена театръ, для кото-

раго писалъ Симеонъ Полоцкій. Даже немецкое платье начало входить въ употребленіе въ высшемъ классѣ. Алексій Михайловичъ любилъ чтеніе и покровительствовалъ письменности, заставлялъ переводить иностранныя книги и газеты на русскій языкъ: при немъ напечатана была первая библія въ Москвѣ. Устройство войска на европейскій ладъ было уже доведено до замѣчательной степени Алексіемъ Михайловичемъ. Онъ первый завелъ гусарскіе, уланскіе, драгунскіе полки, регулярную пѣхоту и усовершенствовалъ артиллерію. Для обученія войскъ наивиднѣе иностранцы, и дѣло не ограничивалось однимъ офицеромъ: было даже ввезено въ Англійю 3,000 войска для сооранованія нашего...

Довольно уже и этихъ фактовъ для того, чтобы усмотрѣть прямое и непосредственное отношеніе рода дѣятельности при Алексіи Михайловичѣ къ преобразовательному духу Петра. Итакъ, не должно оставлять безъ вниманія предшествовавшихъ условій и обстоятельствъ, не должно забывать заслугъ предшественниковъ; отъ этого нисколько не убавится величіе гения, — напротивъ, посредствомъ такихъ предварительныхъ изученій мы можемъ вполне оцѣнить всю силу его временнаго появленія.

Въ слѣдствіе этого мы съ удовольствіемъ вновь встрѣтили нашего стариннаго знакомаго «Статейный Списокъ посольства во Флоренцію», давно уже, еще въ 1788 году, напечатаннаго въ 4-мъ томѣ «Древней Россійской Вѣлюнки» и потомъ, года четыре тому назадъ, бывшаго перепечатаннымъ въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ г-мъ Языковымъ. Нанечатаніе вновь этого «Статейнаго Списка» вовсе не лишнее: такія вещи напоминаютъ публикѣ никогда не исчезающіе, тѣмъ болѣе, что новый

издатель снабдил свою книжку весьма-длиннымъ предисловіемъ и напечаталъ ее съ рукописи болѣе-правильной, чѣмъ та, которую сообщаетъ намъ «Вильмоонка». Мы охоты съ интересомъ прочеши наивные рассказы нашихъ посланникововъ ко двору Фердинандуса, тусканскаго герцога, онъ же гранъ дукъ. Здѣсь такъ и выливается та старина, отъ которой освобождаетъ насъ великій Петръ! Кроме историческаго интереса, этотъ памятникъ очемъ-важенъ также въ словесномъ отношеніи. Здѣсь мы слышимъ, какъ-бы изъ устъ людей того времени, разговорный русскій языкъ, и можемъ изучать его въ безпримѣрномъ видѣ, что можетъ вести ко многимъ важнымъ результатамъ. Попадаются также многія иностранныя слова, которыхъ введеніе вообще относится къ эпохѣ Петра-Великаго. Фердинандъ встрѣчаетъ нашихъ посланникововъ, Ляхачева и Фомина, въ Пиццѣ. Въ рчи своей они увѣряли герцога въ *афектъ* его царскаго величества. Спустя нѣскольکو дней, *Флоренскій князь, онъ же и гранъ дукъ, билъ геломъ посланника, и въ Флоренскъ похатъ прежде себя*. Они же отвѣчали, что *и мѣ прежде ево похатъ неприеоже* и согласились только тогда, когда ихъ герцогъ увѣрилъ, *что де для васъ будетъ стурьба мюеоя, а сторонние подумаютъ, что для мейя де стурьба, а не для васъ будетъ*. Во Флоренціи посольство было помѣщено въ богатыхъ залахъ дворца Питти. Нѣтъ ничего наивнѣе того, что говорятъ наши посланники объ убранствѣ этого дворца. Особошю интересно описаніе театральныхъ представленій, которое означено особымъ титуломъ: *о колидиллѣ*.

«Князь приказалъ играть объявился палаты и бить палата и князь уйдеть, и того было шесть перемиръ; да въ тѣхъ же палатахъ объявился море колеблено волнами,

а на море рыбы, и на рыбахъ люди ходить, а въ верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди: и почали облака и съ людьми наннѣз опущаться, подхвата съ земли человека подъ руки, опять въ верхъ же пошли, а тѣ люди, которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися въ верхъ за тѣми на небо. Да спушдался съ неба же на облакъ садъ человекъ въ коретѣ, а противъ его въ другой коретѣ прекрасная давица, а аргамачки подъ коретами какъ быть живы, ногами подрагиваютъ: а князь сказалъ, что одно солнце, а другое масло. А въ нной перемиръ, въ палатахъ объявился поле, полно костей человеческихъ, и врашы прилетѣли и почали клевать кости, да море же объявился въ палатахъ, и на морѣ корабли небольшие, и люди въ нихъ плаваютъ. А въ нной перемиръ, объявился человекъ съ 50 въ латахъ, и почали саблями и шпагами рубиться, и нѣщцалѣ стрѣляти, и человека съ три какъ будто и убили: и многіе предвѣные молодцы и двинцы выходятъ изъ за завѣса въ золото и танцуютъ; и многіе диковинки давали: да вышедъ малый и почалъ прошать зсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опресоныхъ давали, а пакормить его не могли...»

Интересна также забавная хвастливость нашихъ добрыхъ посланникововъ, съ какою они передали слова герцога тосканскаго.

«Принявъ подарки и царскую гостиноту» говорятъ они: «Фердинандъ поцловалъ ее и началъ плакать, а самъ говорилъ черезъ толмача по-италійски: за что меня холопа своего и работникака вашъ великій князь... посылка премоюго милостію... А онъ великій государь, что небо отъ земли отстоитъ, то онъ великій государь.. Что мнѣ бядному воздать за его велию и премоюгу милостю? А я и братья мои и сынъ мой его великаго государя раби и холопи и ради служить и работать ему, великому государю, на вѣки какъ ему угодно и гдѣ мочь моя будетъ.»

Но всего забавнѣе ихъ ушорные отказы представиться супругъ Фердинанда, ея сыну и братьямъ. *И для того намъ бытъ у князини и у сына у братисовъ фердинандусовыхъ? Когда мнѣ сказана, что адже де тѣмъ тѣмъ едеца, онъ отвѣчалъ то же самое, что и мѣ къ князини и къ сыну и мѣ братья-*

или грандукиныли итда не пригодже. Имъ представляли, что послы всѣхъ государствъ поступаютъ такъ, они говорили свое, что *илиь такого дѣла угннть невозможно и послы другилъ державъ илиь не образецъ*. Фердинандъ велѣлъ имъ скызать, что онъ за это не будетъ ихъ держать въ своемъ государствѣ и отпустить ихъ ин съ чѣмъ; послы, неизмѣняя своему упорству, отвѣчали, что *гранъ дука хочеть сдѣлать это себѣ не въ честь*. Герцогъ наконецъ отправилъ къ нимъ письмо, въ которомъ настоятельно требуетъ, чтобы они исполнили его желаніе, и ссылается на примѣръ другихъ русскихъ пословъ, которые, имѣя мѣстомъ своего назначенія Венецію, заѣзжали однако во Флоренцію и представлялись супругъ, сыну и братьямъ герцога. Вотъ отвѣтъ Лихачева и Омина:

«Къ князю и къ сыну и къ братьямъ Фердинандуса итди не хотямъ, а что намъ встрѣчали братья княжіе, то они это учинили не собою, а по приказу гранъ дука, и какъ мы были въ Пизъ и яхнъ во Флоренцкъ и княжію братья посѣтитъ намъ не бывади и намъ чести не воздали и намъ итди не пригоже, а стороннихъ государствъ послы намъ не образецъ, а Чемодаповъ и Посинковъ посылаши были въ Виницію, — а хотя будетъ они и были у князи, и то намъ не образецъ, потому-что они яхали мимоходомъ».

Семь разъ приступали къ нимъ, и семь разъ они упорно стояли на своемъ. Послѣ наконецъ какъ-то удалось герцогу въ личномъ свиданіи уговорить ихъ представиться герцогниъ.

При разставаніи они требовали, чтобы герцогъ къ своей грамотѣ приложилъ золотую печать. Напрасно представляли имъ, что золотая печать не прикладывается никогда, даже къ листамъ посылаемымъ къ императору и королямъ французскому и испанскому, — они требовали съ непреклоннымъ упорствомъ, и наконецъ — таки вытребовали.

Въ Лихачевѣ и Оминѣ видимъ мы представителей той старой Руси, которую сокрушилъ Пётръ для-того, чтобы воскресить ее въ духъ. Суровость, рѣшительное отсутствіе духа и движенія, отсутствіе всякихъ нитересовъ, мертвал, китайская церемоняльность и формальность, — вотъ характеристическіе признаки той жизни, въ которой ковила Россія до того времени, когда въ нее торжественно и необходимо внесены были свѣжіе элементы живой жизни. Съ какой же любовью должны мы смотрѣть на каждый фактъ, въ которомъ осуществлялось торжество европейской жизни надъ азиатскимъ космизмомъ Россіи, и какъ же мы должны цѣнить колоссальныя заслуги Петра-Великаго!.. Есть еще и теперь люди, которые съ сожалѣніемъ и вздохами вспоминаютъ *le bon vieux temps*. Пусть же эти люди, ускользнувшие изъ-подъ грозной бритвы, любуются нашими древними маддаришиами, содерцаая въ нихъ себя...

Разсказы Лихачева и Омина обо всемъ, что удалось имъ видѣть въ Италіи, Швейцаріи, Германіи, не обличаютъ въ нихъ никакого внутренняго участія, лишены вовсе той теплоты, которую сообщаетъ своимъ проявленіемъ душа живая, хотя и неразвита. Наши Русаки смотрели на все съ бездушной апатіей...

Во всякомъ случаѣ мы советуемъ нашимъ читателямъ обратить вниманіе на разбираемую нами книжку. Здѣсь, какъ въ зеркалѣ, могутъ они увидѣть отраженіе стараго времени. Изъявимъ вновь благодарность издателю, какъ за самую книжку, такъ и за палеографическіе снимки, приложенные къ ней, и картинку, которая сплота съ большой картины, изображающей представляемъ нашихъ посланниковъ передъ герцога, современной этому со-

бытію и находящейся въ Флорентинской Картинной Галлерей.

161) О мѣрѣ Наказаній. *Императорскаго Московскаго Университета ординарнаго профессора Сергія Баршьева. Москва. Въ Университетской тип. 1840. Въ 8-ю д. л. 279 стр.*

Въ коротенькомъ предисловіи авторъ указываетъ на главную причину, побудившую его къ изданію этой книги. Какъ преподаватель, онъ почитаетъ обязанностію легитимировать себя къ дѣлу изданіемъ сочиненія по предмету имъ преподаваемому. Тѣмъ охотнѣе выполняетъ онъ эту обязанность, что надѣется черезъ то быть полезнымъ, *по-крайней-мѣрѣ*, для своихъ слушателей. Со-временемъ надѣется онъ мало-по-малу вздать полный курсъ своихъ лекцій по уголовному праву. Въ издаваемомъ сочиненіи онъ предлагаетъ на судъ публики убѣжденія, которыхъ онъ держится въ этой наукѣ.

Но какая бы ни была побудительная причина изданія, авторъ заслуживаетъ полную благодарность, потому что подобныя сочиненія составляютъ основаніе литературы, а наша литература по-сію-пору не имѣетъ никакого основанія и кое-какъ перебивается эфемерными явленіями. Если бы всѣ преподаватели, особенно тѣ, которые образованы въ духъ современной науки, также сознали эту благодарную обязанность и также дарили публикѣ плоды своихъ трудовъ, то какъ бы скоро наша литература получила иной характеръ и какую бы здоровую жизнь стала жить она и развиваться, опираясь на прочномъ основаніи истинно-ученыхъ произведеній! Къ сожалѣнію, по-сію-пору наши профессоры упускаютъ это изъ вида. Уже въ-сколько лѣтъ прошло съ той поры, какъ они возвратились въ отечество и заняли кафедры — а сколько сочиненій издали они? Сочиненіе г. Куторги, со-

чиненіе г. Неволіна («Энциклопедія Правовѣднія», которая издана въ числѣ немногихъ экземпляровъ для слушателей и до-сихъ-поръ не выходитъ еще изъ Кіева, гдѣ была напечатана) настоящее сочиненіе г. Баршьева, еще нѣсколько мелкихъ брошюръ, статейъ и рѣчей — вотъ и все.

Принеся благодарность г. Баршеву за изданіе его книги, принесемъ еще большую благодарность за внутреннее достоинство этой книги. Оно свидѣтельствуетъ объ истинной учености автора, живомъ занятіи наукою, о самостоятельномъ трудѣ автора, принявшаго въ себя всѣ элементы своего предмета и все, что было сдѣлано по его части, но претворившаго все принятое въ свое органическое достоинство.

Вопросъ о мѣрѣ наказаній — одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ уголовного права, имѣющихъ общее, гуманическое значеніе, и потому доступныхъ для людей всякаго состоянія. Наказаніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ высокой смыслъ. Въ наказаніи право, оскорбленное преступленіемъ, снова находитъ себя и утверждаетъ свою незыблемую силу.

Побѣдоносно опровергнувъ всѣ отпосительныя теоріи, которыя видятъ въ наказаніи только средство къ извѣстной цѣли и представляютъ эту цѣль или въ предупрежденіи, или въ устрашеніи, г. Баршевъ принимаетъ за высшее начало наказанія возмездіе, но не такъ, какъ послѣдователи трансцендентныхъ теорій, не отвѣченно, а въ конкретной совокупности моментовъ. Эти моменты заключаются частію въ предметъ преступленія, и потому называются объективными, частію же, и притомъ большею, въ субъектъ. Въ объективномъ отношеніи тяжесть преступленія, а слѣдственно и тяжесть наказанія о-

предъяляется: во - первых, важно-
 стью права, нарушаемого преступле-
 нием; во - вторыхъ, степенью, и въ-
 третьихъ, пространством самого на-
 рушенія. Объективные моменты ва-
 жны только тогда, когда рассматри-
 ваются въ соединеніи съ субъекти-
 вными, ибо смыслъ дѣйствию дать
 свершившая его воля, и только обра-
 щая вниманіе на этотъ смыслъ, нака-
 заніе сохранять свой разумный харак-
 теръ. Разсматривая преступленія въ
 субъективномъ отношеніи, должно об-
 ращать вниманіе: во - первыхъ, на то,
 съ злымъ намѣреніемъ или безъ на-
 мѣренія они свершаются; во-вторыхъ,
 осуществляютъ ли они вполне злое
 намѣреніе, или заключаютъ въ себѣ
 только попытку къ осуществленію;
 въ - третьихъ, одинъ ли замышляетъ
 и выполняетъ преступленіе, или въ
 его совершенія участвуютъ многіе.
 Авторъ прекрасно, живо и увлекатель-
 но, не смотря на мнимую сухость пред-
 мета, развиваетъ всѣ эти моменты. Да-
 лѣе, также основательно и съ такою
 же увлекательностію, изчисляетъ и
 разсматриваетъ всѣ эти случайныя
 обстоятельства, которыя, измѣняя сте-
 пень виновности *in concreto*, дѣлаютъ
 необходимымъ отступленіе отъ обы-
 ковенной мѣры наказанія, отступле-
 ніе, состоящее или въ увеличеніи, или
 въ уменьшеніи наказанія. Юристъ,
 кромѣ того, что долженъ обращать
 все свое вниманіе на субъективные мо-
 менты преступленія, для соразмѣр-
 вѣнія съ нимъ наказанія, долженъ также
 входить въ различныя обстоятельства,
 модифицирующія въ частныхъ случаяхъ
 общее положеніе; въ противномъ слу-
 чаѣ онъ оторветъ право отъ прав-
 свенности, унизитъ челоуѣка до сте-
 пени машины, а государство предста-
 вить лишеннымъ безкопечной силы,
 обратимой въ слюкойной самоуверен-
 ности, въ свободѣ отъ всякаго страха

и трепетнаго стремленія къ самосо-
 храненію.

Далѣе, авторъ разсматриваетъ тѣ
 причины, которыя хотя не увеличи-
 ваютъ и не уменьшаютъ степени ви-
 новности, выпуждаютъ однакожь от-
 ступленіе отъ закона. Это отступленіе
 двояко: законоопредѣленное наказа-
 ніе или замѣняется другимъ, или во-
 все отмиается.

Въ цѣломъ сочиненіи, вмѣстѣ съ о-
 сновательною ученостію и глубокимъ
 проникновеніемъ въ дѣло, открывается
 неждъ кроткій гуманный взглядъ,
 совершенно-согласный съ современ-
 нымъ самосознаніемъ.

Замѣтимъ однакожь автору, что, не
 смотря на живость изложенія, его со-
 чиненіе иногда грѣшитъ противъ ли-
 тературнаго слога и даже противъ
 языка. Таково, на-примѣръ, неумѣст-
 ное употребленіе частицы *и* («иногда *и*
 самое тяжкое преступленіе, о кото-
 ромъ *и* самая мысль приводитъ въ
 трепеть даже *и* еще не совсѣмъ раз-
 вращеннаго челоуѣка, не заключаетъ
 въ себѣ большихъ опасностей для го-
 сударства, *и* если *и* причиваетъ боль-
 шой вредъ, то только частнымъ лю-
 дямъ»; стр. 11). Авторъ пишетъ вездѣ
 «чувственный» вмѣсто чувственный, и пр.
 Встрѣчаются неправильные обороты.
 Авторъ вѣроятно исправитъ все это при
 второмъ изданіи своего сочиненія, из-
 даніи, которое, по нашему убѣжденію,
 должно восплѣдовать скоро. Вновь
 приносимъ г. Баршеву благодарность
 отъ лица публнки и просимъ его по-
 чаще дарить насъ своими произведе-
 ніями.

162) Юридическая Библиотека.
*Опытъ руководства къ познанію за-
 коновъ и къ правильному примѣненію
 ихъ къ случаямъ; для всѣхъ вообще
 состоящихъ, въ особенности для посту-
 пающихъ въ гражданскую службу,
 для стряпчихъ и повѣренныхъ по дѣ-*

жалов, съ приложеніемъ образцовъ рѣшыхъ актовъ, прошеній, жалобъ и другихъ бумагъ, и съ присожоужленіемъ юридическихъ анекдотовъ и пословцъ. Изданіе Федора Наливкина. Тетрадь первая. Москва. Въ Унив. типографіи. 1840. Въ 8-ю д. л. 42 стр.

Привѣтствуемъ это полезное изданіе при самомъ его рожденіи, и отъ всей души желаемъ счастья, какъ въ выполненіи этого предпріятія, такъ и въ читающей публикѣ. Въ этой первой тетради содержится введеніе, въ которомъ ясно и популярно изложены начала права и указана важность познанія его. Чѣмъ больше будетъ популярности, занимательности и ясности въ изложеніи, тѣмъ лучше. Г. Наливкинъ назначаетъ свое изданіе не для ученыхъ, не для науки, а для общей литературной публики. Мы желали бы, чтобъ онъ имѣлъ преимущественно въ виду средніе и низшіе слои читателей. Одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ народному образованію есть разпространеніе грамотности, но грамотность только тогда достигастъ своей цѣли, когда потребность чтенія въ народѣ можетъ быть удовлетворена чѣмъ-нибудь положительно-полезнымъ и существеннымъ. Мы всегда съ любовью мечтали объ изданіи въ нашей литературѣ такихъ сочиненій, которыя бы съ основательностію и прочностію содержанія соединяли общенародный интересъ и были совершенно-приспособлены къ простому разумію. Когда начнется живо и дѣлательно такое стремленіе въ нашей литературѣ, тогда мы поздравимъ отечественное образованіе съ новой и прекрасной эпохой. Не знаемъ, дѣйствительно ли г. Наливкинъ имѣетъ въ виду такую благородную цѣль, — въ введеніи нѣтъ никакихъ ясныхъ и прѣмыхъ указаній на это — мы только убеждены, что изданіе юридическаго

содержанія, пытающее цѣлю привести въ ясное сознаніе общія представленія правъ и обязанностей и познакомить читателя съ отечественнымъ законодательствомъ во всѣхъ его вѣтвяхъ, было бы въ высшей степени полезно для грамотнаго народа. Во всякомъ случаѣ изданіе г. Наливкина пріятное явленіе въ нашей литературѣ.

163) Дневникъ Отечественныхъ Воспоминаній. Карманная книжка на 1840 годъ. Изданіе книгопродавца И. Терлева. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Плюшара. 1840. Въ 18-ю д. л. 80 стр.

Какую цѣль имѣлъ издатель этой карманной книжки, книгопродавецъ И. Терлевъ? Если цѣль его была чисто-книгопродавческая, то Богъ съ нимъ, пусть себѣ сбываетъ свой товаръ какъ знаетъ и умѣетъ: мы готовы пропустить безъ особеннаго вниманія всѣ книгопродавческія спекуляціи, если онѣ не вредны положительно.

Но издатель «Дневника» въ предисловіи къ первой своей книжечкѣ за январь, вышедшей только недавно, въ апрѣль, торжественно объявляетъ, что онъ хотѣлъ «подѣлиться съ публикою богатымъ запасомъ своихъ матеріаловъ», собранныхъ имъ изъ журналовъ и книгъ; говорить, что онъ «дѣлать лѣтъ пользовался почти всѣми отечественными журналами и газетами, съ особеннымъ тщаніемъ записывалъ день смерти (!!) писателей и достопамятныхъ людей Россіи, отмѣчалъ, гдѣ помѣщены были ихъ біографіи» и проч. и проч., и изъ этого богатого запаса составилъ рядъ историческихкихъ отечественныхъ воспоминаній на цѣлый годъ». Слѣдственно, здѣсь книгопродавецъ претендуетъ на участіе и въ составленіи издаваемой имъ книжки. Что жъ за бѣда! пусть бы книгопродавцы (которыхъ, впрочемъ, насмѣшникъ Монтескьё, въ «Персид-

скихъ Письмахъ» рѣшительно сравнивается съ евнухами, потому - что они будто-бы только нюхаютъ книги, а не знаютъ, что въ нихъ содержится), пусть бы, говоримъ, книгопродавцы не только продавали, но и составляли книги; пусть бы даже они, по примѣру г. Теряева, поступили въ должность секретарей у грозной властительницы — смерти, т. е. съ особеннымъ тщаніемъ записывали бы день смерти писателей и достопамятныхъ людей Россіи; пусть бы даже, по-примѣру того же г. Теряева, признавали писателей людьми недостойными памяти, не-«достопамятными», да для кого и для-чего годились бы ихъ книжки? Вотъ что должно быть первымъ ихъ вопросомъ, отъ котораго зависитъ рѣшеніе другаго, важнѣйшаго для нихъ: будетъ ли эта книга *хорошо продаваться*? Посмотримъ, задасть ли себѣ г. Теряевъ этотъ первый вопросъ. Для кого и для чего онъ назначалъ свой «Дневникъ»? Для справокъ о томъ, въ какой день совершилось какое событіе въ Россіи? Очень-хорошо; въ такомъ случаѣ онъ долженъ бы взять за нѣсколько годовъ газету «Русскій Иваландъ», на-примѣръ, лѣтъ за пятнадцать: тамъ покойникъ Воейковъ, въ каждомъ номерѣ, на первой страницѣ, ежедневно вставлялъ *Дневникъ отечественныхъ воспоминаній*, и въ двухъ-трехъ строчкахъ напоминалъ происшествія, случившіяся въ тотъ самый день; къ этимъ свѣдѣніямъ присоединить бы выписки изъ Словарей да изъ Голикова, и просто, подъ каждымъ числомъ мѣсяца, *назвать* только *есть* событія, ознаменовавшія это число въ отечественной исторіи, съ такой-то или другой эпохи, — и довольно: книга дѣйствительно годилась бы для справокъ, какъ календарь. Если же издатель хотѣлъ доставить публикѣ

книгу не для справокъ, а для чтенія, и притомъ желалъ издавать ее нѣсколь-ко лѣтъ сряду, то ему слѣдовало бы разположить ее по хронологической системѣ: взявъ за исходный пунктъ какую-нибудь эпоху, на-примѣръ, хоть 1613-й годъ, или вступленіе на престолъ Петра - Великаго, вести свой дневникъ хронологически, т. е. сначала представить въ послѣдовательномъ порядкѣ *рассказъ* о событіяхъ той эпохи, потомъ, на другой годъ изданія, перейти къ разсказу происшествій эпохи слѣдующей, и такъ далѣе, до настоящаго года. Тогда книга его была бы дѣйствительно годна и для справокъ, и для чтенія; тогда не смѣшивались бы происшествія маловажныя съ важными, достопамятныя съ такими, которыя недостопамятны, и изданіе упрочилось бы въ своемъ ходѣ.

Посмотрите же, что такое теперь напечаталъ г. Теряевъ подъ именемъ «Дневника Отечественныхъ Воспоминаній»? Въ предисловіи онъ разсказываетъ, что самъ не сумѣлъ сладить съ своимъ «богатымъ запасомъ матеріаловъ», и пошелъ къ какому-то «одному литератору (Предисл. стр. II), прося его сдѣлать выборъ изъ сихъ матеріаловъ». Этотъ «одинъ литераторъ» взялся, написалъ программу, назвалъ изданіе «Календарикомъ», а потомъ принесъ «и оригиналъ для мѣсяца января», т. е. для первой книжки, — да написалъ такое, что самъ г. Теряевъ съ ужасомъ «увидѣлъ, что обманулся въ своихъ ожиданіяхъ». Нечего было дѣлать! пошелъ г. Теряевъ искать себѣ другаго «одного литератора», ибо, какъ самъ онъ говоритъ (Пред. с. III), «не желалъ представить публикѣ *статей мѣсяца января* въ такомъ *гололомъ* видѣ... Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, ходилъ г. Теряевъ, невѣ-дѣстно, но наконецъ, онъ нашелъ «од-

ного своего *знакомаго*» (ibid.) и упротсилъ его взяться за дѣло. Этотъ «одинъ знакомый» по увѣренію г. Теряева, «свѣдущій въ историческія науки», взявъ статьи, принесенныя тѣмъ «однимъ литераторомъ», началъ ихъ пересматривать, передѣлывать, кромсать, сшивать, откидывать, вставлять, прикидывать... пошла работа! И вотъ составила первая книжка. Но я самъ издатель тѣмъ временемъ одумался: пока знакомый его хлопоталъ около статей, г. Теряевъ «давъ статьямъ болѣе обширности, и предположивъ въ Дневникъ помѣщать не одинъ только *знаменитыя* происшествія, перемѣнилъ форматъ и самое заглавіе»... Не извѣстно, что было бы, еслибъ и этотъ «одинъ знакомый» обманулъ издателя «въ его ожиданіяхъ»: можетъ-быть, нѣсколько разъ еще мѣнялся бы «форматъ и самое заглавіе» книжки! Вотъ что значить приниматься за дѣло, не спросивъ себя напередъ о томъ, въ чемъ должно состоять оно; вотъ что значагь книгопродавческія спекуляціи, исполняемыя какъ-нибудь и предпринимаемыя на-авось! Однако жаль, что г. Теряевъ не подождалъ еще немножко: можетъ-быть, подумавши хорошенько, онъ цаковецъ рѣшился бы вовсе не издавать этой пустой и безполезной книжонки, и сдѣлалъ бы прекрасное дѣло. Но книжка напечатана, прошедшаго не воротись...

Прежде всего, въ этой жалкой комилляціи, бросается въ глаза безсистемность и неумѣнье выбирать «знаменитыя происшествія». Въ одномъ мѣсяцѣ смѣшаны событія XVII-го и XIX-го столѣтій, 1642 годъ сталкивается съ 1831 годомъ, и при каждомъ выставлено только по одному, много по два или по три событія, тогда-какъ на иной можно было бы набрать ихъ цѣлыя десятки: одно царствованіе Петра-

Великаго, или Екатерины II, или Александра I-го могло бы доставить «Дневнику» матеріаловъ на цѣлыя томы. Далѣе,—ныня событія рассказаны на пяти, на шести страничкахъ, другія просто означены, какъ на-прим.: «Кончина первой супруги Царя Михаила Федоровича, Маріи Владиміровны, урожденной княжны Долгоруковой» (1624) — и только, ни слова болѣе, ни ссылки. Если это событіе не «знаменитое», зачѣмъ было помѣщать его въ «Дневникъ»? если жь знаменитое, то, по принятому порядку, должно бы рассказать его и представить біографію царицы. Потомъ,—забыто множество важнѣйшихъ событій, совершившихся въ январѣ мѣсяцъ, начиная съ XVII-го столѣтія и могущихъ, какъ сказано выше, составить цѣлыя томы; а помѣщено на-примѣръ, при 18-мъ январѣ (1831): «Скончался въ С. Петербургѣ Статскій Совѣтникъ *Вельяминовъ - Зерновъ*» — какъ-будто въ отечественной исторіи только и есть, что это событіе на 18-е января всѣхъ годовъ и вѣковъ, прожитыхъ Россіею!.. Или при 4-мъ январѣ (1718): *Замѣгательный отвѣтъ графа Головкина на письмо Малороссійскаго Гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго*, и вотъ въ чемъ заключался этотъ отвѣтъ: «чтобы онъ (Скоропадскій), въ ознаменованіе своей вѣрности и по примѣру прежнихъ гетьмановъ, сговорилъ и выдалъ дочь свою за одного изъ великороссійскихъ чиновниковъ». Это, по мнѣнію г. издателя или его «одного знакомага» — тоже *знаменитое* событіе?.. Или еще: при 28-мъ январѣ (1725 г.), при днѣ кончины Петра-Великаго, «одинъ знакомый» г. Теряева силится на семи съ половиною страничкахъ рассказать жизнь Петра и «*коснуться и изобразить* Россію въ той степени (?), на которую возвелъ ее Великій пре

образователь. Не смѣшное ли усиліе? Даже ребенку непростительно было бы думать, что онъ можетъ своею маленькою горсточкой схватить океанъ...

Другія статьи, въ которыхъ замѣчается желаніе «одного знакомаго» г. Теряева пуститься въ рассказъ историческихъ событій, точно таковы же, какъ и статья о Петръ-Великомъ: фактошь не спрашивайте; общія мѣста, пустые возгласы, безсвязица и какой-то дикій, напыщенный слогуъ — вотъ примѣты каждой статьи. Не говоримъ уже о безчисленныхъ орфографическихъ и типографскихъ ошибкахъ, о повсюду-встрѣчаемыхъ «этого» вмѣсто «этого», о «пріемникахъ» вмѣсто «преемникахъ», «претъриѣла», «венце-носнаго», «потерена», «перелтали», «Монслеввча», и тысячъ другихъ ошибокъ, доказывающихъ значительную степень неграмотности; не говоримъ о фразахъ, подобныхъ слѣдующей: «колокольный звонъ и громъ пушекъ со стѣнъ Кремлевскихъ продолжались въ продолженіи трехъ дней»; такія фразы бездна; любопытствующіе могутъ позабавиться, взглянувъ въ самую книжку.

Теперь спрашивается, для кого же годится вся эта вздорная компиляция? Для дѣтей? Нѣтъ, потому-что въ ней нѣтъ историческихъ фактовъ и системы. Для стариковъ? Нѣтъ, потому-что старикамъ, во-первыхъ, нельзя читать варварски-мелкаго шрифта, которыми она напечатана, и, во-вторыхъ, старики, даже и необразованные, изъ однихъ рассказовъ на-прим. о Петръ-Великомъ или о 1812, 1815 и 1814 годахъ, знаютъ гораздо-поболье того, что содержится въ этой книжкѣ. Для людей взрослыхъ, для людей такъ-сказать нашего поколѣнія? но люди нашего поколѣнія только посмѣются надъ чудовищными фразами «знакома-

го» г. Теряева, а ужъ читать его вѣрно не станутъ.

Итакъ, по всемъ примѣтамъ оказывается, что, не смотря на великодушное желаніе книгопродавца подняться «богатымъ запасомъ» своихъ воспоминаній съ публикою, не смотря на «одного знакомаго» этого книгопродавца выложить на бумагу весь этотъ «богатый запасъ воспоминаній», — книжка, составленная безпорядочно, безъ определенной цѣли, напоспешная пустозвонными фразами, ничего-неговорящими ни уму, ни сердцу, и непередающая вовсе ни одного историческаго воспоминанія, — что эта книжка, какъ литературное произведеніе, не имѣетъ никакого значенія, а какъ книгопродавческая спекуляція—промахъ. Жалко!

164) О Жизни Литературной, или Отвѣтъ на рецензіи *Терапевтич. Журнала*, издв. и статей «о жизни», соз. Ив. Зацѣпнымъ. Москва. Въ типографіи С. Селивановскаго. 1859 г. (Прибавленіе къ *Терапевтическому Журналу*). Въ 8-ю д. л. 105 стр.

165) О Ганеманнѣ и Гомеопатіи, прагматическое сочиненіе Семена Вольскаго, Двора Его Императорскаго Величества Почетнаго Лейб-медика, Доктора Медицины и проч. Санктпетербургъ. Въ тип. Е. Фишера. 1840. Въ 8-ю д. л. Три части. Въ I-й VI, XXVI и 85; во II-й XIII и 189; въ III-й VII и 136 стр.

Объ эти книги, замѣчательныя совершенно въ противоположныхъ отношеніяхъ, хотя и объ полемическія, рассмотрѣны подробно въ отдѣленіи Критики этой же книжки «Отеч. Записокъ.»

166) Труды Овщества Русскихъ Врачей въ С. Петербургѣ. Часть II. С. П.-бургъ. Въ тип. Импер. Рос-

сийск. Академи. 1840. В 8-ю д. л. 358 стр. съ эпиграфомъ: *Longum iter per praecepta, breve per exempla*, — и пятью литографированными рисунками.

Основанное съ Высочайшаго соизволенія Общество Русскихъ Врачей въ Петербургъ имѣетъ главною цѣлю изустныя и письменныя совѣщанія практическихъ врачей касательно новыхъ открытій, новыхъ способовъ леченія болѣзней и новыхъ системъ врачебной науки. Общество Русскихъ Врачей, на основаніи правилъ, служащихъ ему въ руководство, состоитъ изъ дѣйствительныхъ (46) и почетныхъ членовъ (27) и корреспондентовъ (5). Для управленія его дѣлами избирается изъ числа дѣйствительныхъ членовъ председатель и секретарь. Собранія общества бывають два раза въ мѣсяцъ (1-го и 16 го числа), и отъ начала существованія (съ 12-го числа сентября 1833 года) болшею частію происходили или въ квартирѣ председателя или кого-либо изъ членовъ; но когда по причинѣ умножившагося числа членовъ нынѣшній председатель общества представилъ (1839) г. управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о неудобствѣ помѣщенія, то разрѣшено было собраніямъ Общества Русскихъ Врачей въ залѣ Медицинскаго Совѣта. Это новое вниманіе къ обществу со стороны правительства служить особеннымъ поощреніемъ для его членовъ и придаетъ силы и охоту трудиться на пользу страждущаго человечества и отечественной медицинскій литературы. Изустныя, какъ сказано, совѣщанія практическихъ врачей между собою породили наконецъ въ членахъ общества желаніе — представлять въ собранія письменныя наблюденія о различныхъ предметахъ по части практической медицины. Въ-продолженіе первыхъ годовъ существованія общества оставилось большое число этихъ по-

лезныхъ наблюденій; изъ коихъ отборнѣйшія были напечатаны (1835) подъ именемъ «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей въ Санктпетербургѣ». Постоянно стремясь къ похвальной цѣли быть полезными, члены общества теперь еще съ большимъ рвеніемъ занимаются обработываніемъ важнѣйшихъ частей практической медицины и относящихся къ ней наукъ. Чтеніе статей въ каждомъ собраніи столько интересно, что засѣданія цезамѣтно длятся значительное время. Обыкновенно, по окончаніи чтенія какой-либо статьи, дѣлаются замѣчанія, служащія необходимымъ къ ней дополненіемъ; но автору статьи предоставляется полное право принимать или опровергать ихъ. Такимъ-образомъ изъ множества практическихъ статей, которыя были читаны въ собраніяхъ общества, составилась вторая часть его трудовъ. Желая познакомить съ содержаніемъ этой книги нашихъ читателей, рѣшаемся кратко обозрѣть напечатанныя въ ней статьи.

1) *О химическихъ средствахъ къ открытію мышьяка при отправленіяхъ.* Статья академика Негиева.

«Никакой ядъ не бываетъ столь часто-преступнымъ орудіемъ умышеннаго отравленія и не обратилъ на-себя такого вниманія въ судебномедицинскомъ отношеніи, какъ мышьякъ. Особенно важны въ этомъ смыслѣ два соединенія его съ кислородомъ, растворимыя въ водѣ, ни вкусомъ, ни запахомъ, ни цвѣтомъ болшею-частью цезамѣтныя въ примѣсъ къ другимъ веществамъ, но между-тѣмъ чрезвычайно смертоносныя для всѣхъ животныхъ и растений. Хотя мѣше, но также очень ядовиты и другія соединенія мышьяка, изъ коихъ многія находятя въ торговлѣ, потому-что мышьякъ давно сдѣлался матеріаломъ, къ- сожалѣнію необходимымъ во многихъ искусствахъ и даже потребностью роскоши. Особенно часто употребляется онъ въ красильномъ искусствѣ и входитъ въ составъ нѣкоторыхъ зеленыхъ и желтыхъ красокъ. Чрезвычайно-красивая изъ-желта-зеленая краска буиаж

ных обоевъ и стѣны нерѣдко содержитъ мышьякъ. Имъ бываютъ иногда окрашены отмѣнно постоянные и блестящія въ цвѣтахъ своихъ желтые и зеленые ситцы и другія ткани. Мышьякъ употребляется при дѣланіи дробы, приготовленіи смальты, на стеклянныкъ заводахъ, въ зоологическихъ кабинетахъ, въ домоводствѣ для изстребленія вредныхъ животныхъ, въ металлургіи, въ живописи, въ протехніи, и даже въ медицинѣ. Не удивительно, что онъ чаще другихъ ядовъ становится предметомъ судебно-медицинскаго изслѣдованія. Мышьякъ бываетъ въ металлическомъ видѣ, въ окисленномъ состояніи (неокисн мышьякъ, мышьяковистая и мышьячья кислота, мышьяковистокислая кали, мышьяковистокислая мѣдь) и въ соединеніи съ сѣрою (красный и желтый свинцовый мышьякъ).

Въ подлежащемъ трактатѣ г. академикъ Нечаевъ излагаетъ различныя средства для открытія мышьяка, приспособленныя къ разнообразности случаевъ, представляющихся судебно-медицинскому изслѣдователю, для того, чтобы, смотря по обстоятельствамъ, можно было выбрать изъ этихъ средствъ, которыя вѣрнѣе и удобнѣе ведутъ къ цѣли. Въ интересномъ своемъ трактатѣ г. Нечаевъ приводитъ (стр. 70 и далѣе) примѣры судебно-медицинскаго изслѣдованія отравленія, спустя три года и болѣе послѣ смерти отравленныхъ, и заключаетъ, «что преступленіе не можетъ быть увѣреннымъ въ безнаказанности даже и тогда, когда его жертва давно уже излѣивается въ недрахъ земли» (стр. 1—78). Къ этому трактату приложено изображеніе снарядовъ, потребныхъ къ открытію отравленія мышьякомъ.

II) *О вторичномъ прививаніи вакцины (предохранительной оспы). Сочиненіе е. академика Спасакаго.*—Почитая вопросъ о вторичномъ прививаніи вакцины десять и болѣе лѣтъ спустя послѣ перваго ея прививанія, весьма-важнымъ въ-отношеніи къ цѣлому народонаселенію нашего отече-

ства, авторъ излагаетъ свое мнѣніе объ этомъ предметѣ.

«Едва прошло нѣсколько лѣтъ со времени обнаруженія безсмертнаго открытія Дженнера, врачи убѣдились, что вакцина не всякъ равно защищаетъ отъ зараженія оспою. Опытъ показалъ, что оспа можетъ обнаружиться послѣ самого успѣшнаго прививанія вакцины. Однакожь въ такихъ случаяхъ рѣдко встрѣчается эта болѣзнь во всей жестокости, гораздо чаще она была измѣнена въ своемъ качествѣ предшествовавшимъ вліяніемъ вакцины. Оспа, слѣдующая за вакциной, обыкновенно уклоняется отъ правильнаго своего хода; теченіе ея бываетъ кратче и припадки менѣе жестоки. Слѣдующій случай обратилъ на себя вниманіе цѣлаго Лондона. Въ 1811 году, 26 мая, вдругъ заперомъ третій сынъ лорда Гловенора. Большой жаловался на сильную боль въ спинѣ. Самъ Дженнеръ привилъ ему вакцину за десять лѣтъ передъ тѣмъ. Знаки, оставшіеся на обнѣихъ рукахъ, показывали, что прививаніе имѣло полный успѣхъ. Больной былъ въ горячкѣ и бредилъ. На шестыя сутки болѣзнь никто не сомнѣвался, что у него оспа. На мѣстахъ, незанятыхъ этою сыпью, видны были цетехи. Такія явленія не предвѣщали ничего хорошаго доктору Гальдфордъ, пользовавшему больнаго. Но къ крайнему всехъ удивленію послѣдніе два періода болѣзни протекли необычайно-быстро. Больной въ короткое время совершенно выздоровѣлъ.»

На вопросъ, надобно ли вторично прививать вакцину, спустя 10 и болѣе лѣтъ послѣ перваго ея прививанія, г. академикъ Спаскій отвѣчаетъ отрицательно и приводитъ доказательство неизмѣнимости вакцины (стр. 79—100).

III) *De usu hydrargiri in syphilitide, статья е. гоф-медика Дворжака.* Здѣсь вполне изложенъ способъ леченія венерической болѣзни, и показаны случаи, когда для этого лучше употребляютъ ртуть, и когда другія средства могутъ замѣнить ее. Авторъ этой статьи представляетъ ясно, какъ односторонне и нелѣпо мнѣніе, будто въ каждомъ случаѣ должно лечить венерическую

болѣзнь ртутными препаратами, и въ подтвержденіе этого приводитъ авторитетъ врачей извѣстнѣйшихъ въ наше время (стран. 101—112).—IV) *De urina ejus qualitatibus, contentis, et productis*, также г. гоф-медика Дворжака (стран. 112—142). Въ этой статьѣ содержится всѣ повѣйшія изслѣдованія, сдѣланныя надъ мочою.—V) *Возпаленіе брюшины, перешедшее въ парывъ. Наблюденіе доктора Андреевскаго*. Эта прострпанія, чисто-практическая статья весьма-поучительна. Возпаленіе брюшины въ діагностическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ составляетъ предметъ весьма-важный; оно принадлежитъ къ числу весьма-опасныхъ болѣзней, своевременное и надлежащее разпознаніе конхъ, по причинѣ многосложности и запутанности сопровождающихъ припадковъ, часто бываетъ весьма-затруднительно (стр. 143—185).—VI) *О злокачественной жслабѣ*.—VII) *О воспаленіи щитообразной жслаззы*.—VIII) *О силѣ и способѣ употребленія экстракта дурмана въ нервныя болѣзнь* (стр. 185—206). Эти статьи г. доктора Сольскаго весьма-интересны въ практическомъ отношеніи.—

IX) *О спорыньѣ, сочиненіе доктора Брыкова*. Подъ именемъ спорыньи (*Secale cornutum, clausus cerealis, secale luxurians Sclerotium clausus*) разумѣется родъ тайнобрачныхъ растений, сходныхъ съ паразитными грибами и водящихся преимущественно на зернахъ ржи. Догамель и другіе естествоиспытатели полагаютъ, что спорынья есть родъ болѣзненнаго продукта, происходящаго отъ уязвленія ржаныхъ зеренъ насѣкомыми, и образуется, подобно черпильнымъ орышкамъ, на дубѣ. Въ мѣдико-поліеяйскомъ отношеніи спорынья составляетъ важный предметъ. Находясь въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ зернахъ ржи и употребленная въ пищу, она производитъ разныя болѣзненные припадки. Это дѣйствіе спорыньи стало извѣстно не раньше XVI вѣка; съ этого времени появляются описанія эпидемій отъ употребленія спорыньи во Франціи, Германіи

и Швеціи. Эти эпидеміи, поражавшія большую частію низшій классъ народа, который питается ржанымъ хлѣбомъ, смѣшаннымъ со спорыньею, суть слѣдующія: 1) раванія, злая корча (*raphania, convulsio cerealis, ab ustilagine*, у Французовъ: *ergotisme convulsif, ou convulsion de Sologne*). Эта болѣзнь начинается ощущеніемъ тяжести въ ногахъ и родомъ свербежа или чувствованія, будто муравьи ползаютъ по тѣлу; потомъ появляется боль въ желудкѣ; руки и голова принимаютъ участіе въ общемъ страданіи, пальцы судорожно сводятся такъ сильно, что самый вѣрпкій человекъ едва въ состояніи разпрямить ихъ; перстныя составы представляются какъ-будто вывихнутыми. Не въ состояніи будучи выдержать жестокую боль, страдающіе выпускаютъ жалобный вопль, и чувствуютъ, будто огнемъ палить имъ руки и ноги; потъ по всему тѣлу льется ручьемъ; послѣ этихъ болѣй ощущается тяжесть въ головѣ, появляются обмороки, помрачается зрѣніе, такъ что многіе спянутъ. Умственные способности также разслабляются, оказывается безуміе, меланхолія, и больной съ вида походить на пьянаго. Ко всему этому присоединяется корчевое изкривленіе головы и всего туловища назадъ, даже до пятокъ (*opisthotonus*). Въ одной изъ деревень Кіевскаго Повѣта появилась (1850) раванія между фабричными мастерами отъ употребленія хлѣба съ спорыньею. Сильныя при этомъ корчи сопровождались мгновенно слѣпотою. Впрочемъ, изъ 40 больныхъ умерли трое. 2) Антоповъ огонь (*Necrosis ustilaginea epidemica, ergotisme gangréneux*), въ слѣдствіе употребленія ржаного хлѣба съ спорыньею, впервые оказался 1674 года въ Монтаржи, потомъ 1709 въ Орлеанѣ, въ Кантонахъ Люцернскомъ, Бернскомъ и Цюрихскомъ; въ 1814 году во многихъ странахъ Франціи, особенно же въ Изерскомъ Департаментѣ. Спустя 5—6 дней послѣ употребленія хлѣба съ спорыньею, оказывался антоповъ огонь на нижнихъ и верхнихъ

конечностяхъ (ногахъ и рукахъ). Многие изъ больныхъ лишались пальцевъ, другіе потеряли всю стопу, болѣе двадцати человекъ лишались голени, у троихъ было поражено даже бедро. Представивъ средства къ леченію упомянутыхъ больныхъ, авторъ статьи переходитъ къ подробному указанію случаевъ, когда спорынья употребляется въ видѣ лекарства (стр. 207—259).

X) *О какии в той болѣзни почевъ.* XI) *Мѣстное вознаженіе вств, сопряженное съ антоновымъ огнемъ и благополучно излеченное.* XII) *О хрицевидномъ желвакѣ, найденномъ въ лѣвомъ полушаріи мозга.* XIII) *Разрывъ белой линии брюха у женщины въ послѣднемъ срокѣ беременности, благополучно излеченный.* XIV) *Ущеленная ерыжа белой линии брюха, благополучно излеченная посредствомъ операциіи.* XV) *О мѣликовидномъ наростѣ мозга, статьи г. доктора Шклярскаго.* XVI) *Два случая успѣшнаго излеченія животки кишекъ (miserere), наблюдение г. штаб-лекаря Афанасьева.* Приступая къ описанію этихъ двухъ случаевъavitки кишекъ, авторъ статьи предъувѣдомляетъ, что кругъ занятій его не въ городѣ, а въ нѣсколькихъ десяткахъ деревень, находящихся вокругъ него верстъ на 20 и болѣе. Пациенты его болѣею-частію крестьяне и иногда сосѣдніе помѣщики съ ихъ семействами. Деревенскому врачу представляется тысяча препятствій къ леченію больныхъ, отчасти по причинѣ дальняго разстоянія между врачомъ и больными, отчасти по причинѣ суевѣрія и легкомыслія больныхъ, и проч. Наблюденія г. Афанасьева весьма-интересны (стр. 301—327). — XVII) *Два хирургическія наблюденія о вытѣсненіи лучевой и большой берцовой кости посредствомъ инструмента Гейне, сообщенныя докторомъ Рклицкимъ.* О способѣ мѣстнаго выпяченія костей помощію цѣпной пилы, изобрѣтенной докторомъ Гейне, очень-много было писано. Но помѣщенные здѣсь два наблюденія г. Рклицкаго съ приложеннымъ рисункомъ весьма-важны (стр.

227—232). — XVIII) *Уродливое образованіе мочевого пузыря и смежныхъ частей, наблюдение г. доктора Шклярскаго.* Описанія здѣсь уродливости замѣчена въ Финляндіи. Къ этой статьѣ приложено и рисункъ. XIX) — *Observatio medico-practica de phthisi pulmonali confirmata, felici cum successu persanata.* Весьма-интересный случай, описанный г. докторомъ Александровскимъ. Въ этой статьѣ авторъ знакомитъ читателя съ способомъ и средствами, служащими къ леченію легочной чахотки.

Особенный интересъ статей, содержащихся во II ч. «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей», заставляетъ желать, чтобы книжки этихъ «Трудовъ» являлись почаще.

167) *Леченіе Лошадей Холодною Водой. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. Въ Унив. типогр. 1840. Въ 12-ю д. л. 23 стр.*

Удачные опыты леченія лошадей холодною водою, произведенные въ Германіи, заставили кого-то перевести эту небольшую брошюрку. Гидропатія рѣшительно входитъ въ моду и беретъ власть надъ прочими способами леченія: желаемъ ей всевозможныхъ успѣховъ! Способъ недорогой и всегда подъ рукою находящійся.

168) *Соврѣнныя Рецептовъ, извлеченныхъ изъ фармакологіи Пары и Грайя для приготовленія пациенто-важныхъ средствъ, ергевныхъ веществъ и нѣкоторыхъ препаратовъ, наиболее употребляемыхъ во Фракціи и въ другихъ егюдирствахъ. Соч. аптекаря Прудомана. Съ присокупленіемъ рецептовъ Алаберта, перваго врача короля французскаго, и проч. Переводъ съ французскаго. Москва. Въ тип. Лазаревскихъ Икстинъ. Восток. Языковъ. 1840. Въ 8-ю д. л. 191 стр.*

Самымъ важнымъ рудательствомъ въ достоинствѣ этой книги служатъ имена, выставенныя на заглавіи лстѣ ея. Впрочемъ, въ последнее время мы не разъ встрѣчали сочиненія этого рода, и не знаемъ, почему бы последнее изъ нихъ можно было предпочесть про-

читает. Издание книги довольно-опрятно; переводъ — если можно назвать переводомъ несколько переданныхъ на русскомъ языкѣ заимчаний о приготовленіи црспаратовъ, — также исправный.

169) Подарокъ Дѣтямъ въ день свѣтлаго Христова воскресенія. Апрельъ 14 дня 1840 года. Москва Въ унив. тип. 1840 Въ 8-ю д. л. 44 стр.

Рвнительно не понимаемъ, откуда взялась въ нашей литературѣ такая страстная любовь къ дѣтямъ: безпрестанно ссылаются на нихъ подарки... Мы наконецъ устали разсматривать ихъ и налагать на нихъ таможенное клеймо. Пришла же кому-то охота ко дню свѣтлаго праздника угощать дѣтей дубовыми виринами? Дѣлайте что хотите, господь, только дѣтей-то оставьте: дѣти самыя невинныя существа, — это аксиома, обратившаяся даже въ пословицу, за что же мучить ихъ бѣдныхъ?...

170) Разговоры Нянюшки съ Дѣтьми. Москва. Въ Унив. тип. 1840. Въ 12-ю д. л. 16 стр.

Нянюшка, которая хлопотала надъ сочиненіемъ этой безполезнѣйшей книжки, конечно ходила за самыми тупыми и непонятливыми дѣтьми въ мірѣ, и ихъ только имѣла въ виду, составляя свои нуднѣйшіе разговоры. Въ-самомъ-дѣлѣ, какой интересъ могутъ имѣть для дѣтей «мяукашья», подобныя на-примѣръ слѣдующимъ: «мяу! мяу! кто это такъ мяукаетъ? — кошка. — Да, вотъ посмотри, какъ она стережетъ мышку, которую поймаешь и съѣшь. Лови, кошечка, лови мышей; но не вздумай съѣсть нирожокъ моей Луизы, ты тогда увидишь, что съ тобой будетъ. Фи! мерзкая обжора, и проч.» Или: «Здравствуй, пѣтухъ! какъ твоѣ здоровье? всегда ли ты веселъ и доволенъ, и проч.» Помилуйте, госнода! за кого же наконецъ считаете вы бѣдныхъ дѣтей, которымъ предлагаете подобныя пустяки? Не-уже-ли вы думаете, что только мяукая передъ дѣтьми по кошачьи, вы можете приблизиться къ ихъ понятіямъ? Напрасно; уверяемъ васъ, что этимъ оборотомъ вы несколько не помогаете раз-

витію ихъ понятій и только сами переходите до... Впрочемъ, можетъ-быть мы хлопочемъ изъ пустаго: не мудрено, что эта книжонка есть не больше, какъ спекуляція, а для спекуляцій какія неважности не позволительны? Н.В. Справедливость требуетъ сказать, что къ книжкѣ приложены длинныя картинки, числомъ 11; на нихъ изображены тѣ самыя домашнія животныя, къ которымъ нянюшка обращается въ своихъ разговорахъ.

171) Исторія Несчастія Жука и Похождения Муравья. Разказъ для дѣтей. Москва. Въ тип. Лазар. Истит. Восточ. Язык. 1840. Въ 14-ю д. л. стр.

172) Деревенскій Телеграфъ днемъ и ночью (?). Подарокъ прилежнѣйшимъ дѣтямъ на праздникъ Св. Писхи. Москва. Въ типографіи Н. Степанова. 1840.

«Исторія Несчастія Жука и Похождения Муравья» очень-исудренная книжка для дѣтей, и при отчаянной пошлости явленій, которыхъ, неизвѣстно по какой причинѣ, стало теперь чрезвычайно-много числомъ въ дѣтской литературѣ, можетъ надѣяться на ласковый пріемъ. Здѣсь одушевляются жукъ и муравей и разсказываютъ другъ другу свои несчастныя похождения, при чемъ дѣтямъ сообщаются, въ формѣ доступной ихъ воображенію, кой-какія легонькія свѣдѣнія изъ естественной исторіи этихъ насекомыхъ. — «Деревенскій Телеграфъ» очень-милая книжечка, которая для дѣтей, живущихъ въ деревнѣ и имѣющихъ средства привести въ исполненіе предложенный здѣсь планъ. Впрочемъ, стоющій никакихъ издержекъ, доставить самое пріятное препровожденіе времени.

173) Азбучка Игрушка для милыхъ дѣтей. Съ 17 гравируванными выветками и столькожъ же числомъ легкихъ повѣстей. Москва. Въ Унив. тип. 1840. Въ 16-ю д. л. 116 стр.

Г. неизвѣстный авторъ «Азбучки Игрушки для милыхъ дѣтей», лучше бы вовсе оставилъ милыхъ дѣтей и не

безпокоить их такими пустяками. Можно ли было издавать такую книжку? Посмотрите, пожалуйста: кроме буквъ и складовъ въ ней есть *легкія повѣсти и виньетки*. На картинкахъ изображены какія-то фигуры, но это не очерки человѣческихъ лицъ: это какія-то овечьи головы. Понявъ такимъ-образомъ смыслъ картинокъ, мы поняли и смыслъ повѣстей: вѣроятно авторъ назначаетъ ихъ для тѣхъ, съ кого сняты очерки, изображенные на картинкахъ.

174) Разговоры о Природѣ. Съ 28 рисунками. С.-П. бургъ. 1840. *Печатано въ тип. Иверсена. Въ 12-ю д. л. 226 стр.*

Автору этой книжки вснала на умъ очень-хорошая мысль—знакомить дѣтей съ природою чрезъ разговоры, и въ эти разговоры, въ приличныхъ мѣстахъ, вставлены политипажныя картинки, изображающія предметы, о которыхъ говорится, и очень-хорошо-сдѣланныя.

Исполненіе вполне соотвѣтствуетъ доброй цѣли, какъ и должно было надѣяться по самому заглавію книжки, гдѣ между прочимъ видно, что эта книжка издана редакціею духовно-правственныхъ книгъ, о благотворительныхъ дѣйствіяхъ которой мы уже неоднократно имѣли случай говорить читателямъ.

175) Очеркъ Россійской Исторіи, съ тремя картинными таблицами. Соч. Н. К. Москва. Въ тип. Лазар. Ист. Вост. Языковъ. 1840. Въ 8-ю д. л. 34 стр.

Эта брошюрка заключаетъ въ себѣ одинъ фактъ, безъ всякаго разсужденія о причинахъ и слѣдствіяхъ, безъ всякихъ философическихъ взглядовъ, которые имѣютъ мѣсто не въ первоначальномъ обученіи. Такъ-какъ съ иъ-котораго времени гг. преподаватели исторіи ясно увидѣли необходимость сдѣлать изъ своей науки то же, что сдѣлалъ изобрѣтатель ланкартъ для географіи, т. е. помощію зрѣнія укрѣпить въ памяти дѣтей происшествія и даты ихъ, то авторъ означенной кни-

жечки приложилъ къ ней картинныя таблицы, по которымъ учащійся, въ самое короткое время, затвердить порядкъ государей, порядкъ фактовъ и столѣтіе, и полустолѣтіе, въ которомъ какое-либо событіе случилось. Какъ мысль сочиненія, такъ и исполненіе показываетъ въ авторѣ опытнаго преподавателя.

176) Дѣтскій Собесѣдникъ, издаваемый, (заплатя!) подъ руководствомъ и смотрѣніемъ Н. Греча. Часть первая. С.-П. бургъ. 1840. Въ тип. Н. Греча. Въ 8-ю д. л. 118 стр. — Бѣдныя дѣти! чѣмъ ихъ не подучаютъ, надѣясь на ихъ неразборчивость и невзыскательность! Вотъ хоть бы «Дѣтскій Собесѣдникъ» изданный подъ руководствомъ и смотрѣніемъ Н. Греча,—такой скучный разсказчикъ, такой резонёръ, что развѣ годится только для усыпленія дѣтей въ колыбели, а вышедшій изъ колыбели, вѣрно, не возьмётъ этой книжонки и въ руки. «Собесѣдникъ» начинается повѣстью «Пути Провидѣнія»—скучнымъ и плохимъ подражаніемъ «Робинзону Крузо». Остальныя статьи могли бы быть интересны по содержанию; но такъ какъ ихъ изложеніе плохо изъ-рукъ-вонъ, то онѣ и годятся только для страдающихъ бессонницею. Языкъ отличается ученическою правильностію, но вялъ, безцвѣтенъ, холодепъ, мертвъ.

177) Нѣкоторыя Замечанія на книгу Обзоріе Россійскихъ Владѣній за Кавказомъ, составленныя г.леомъ - корреспондентомъ Спиритистическаго Отдѣленія Свѣтл. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. (.) И. Ш. Санктпетербургъ. Въ тип. А. А. Плюшара. 1840. Въ 8-ю д. л. VI и 140 стр.

Чрезвычайно-любопытная брошюра! Авторъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, съ скромностію и добросовѣстностію неутомимо слѣдитъ почти каждую страничку книги, вышедшей въ 1837 году подъ названіемъ «Обзоріе Россійскихъ Владѣній за Кавказомъ», и указываетъ ошибки составителя этой

пяти,—ошибки, весьма простительныя, какъ говорить самъ г. И. Ш. въ отношеніи страны столь повой и разнообразной, какъ За-Кавказія». Теперь, если кто хочет принять за руководство при своемъ трудѣ упомянутое «Обозрѣніе», или вообще почерпнуть въ немъ свѣдѣнія о Закавказьѣ, отъ необходимо долженъ посоветоваться и съ книжкою г-на И. Ш., безъ его неминуюмо можетъ впасть въ оплошечныя заключенія, или принять ошибки за истинные факты. Но и крогъ того, книга г-на И. Ш. имѣетъ интересъ безотносительный: разсужденія автора о томъ, что закавказскія ладьяи никогда не могутъ быть коюіями въ обширномъ смыслѣ этого слова; изслѣдованія объ исторіи Грузии, Армянской Области и вообще русскаго Закавказья; его статистическія наблюденія; остроумное изображеніе профиля Закавказскаго Края и ладьяеніе его на пять полосъ, — все это ново, занимательно и въ высшей степени важно для изучающихъ этотъ малоизвѣстный край неизмѣримаго Царства Русскаго. И напрасно авторъ признается въ предисловіи, что онъ любитъ эту страну, которой изученію посвятилъ лучшіе годы своей жизни: безъ любви къ дѣлу и безъ многолѣтняго изученія онъ не написалъ бы такой основательной, ученой и интересной книги, особенно же при той бѣдности въ матеріалахъ для исторіи и статистики Закавказскаго Края, которую мы до-сихъ-поръ еще терпимъ.

178) *Совѣты Крейсика о средствахъ противъ убытковъ въ сельскомъ хозяйствѣ, пригивъ мелкихъ вліаніемъ неблагоприятной погоды, изданные вѣномъ Императорскаго Воляи. Экономическаго Общества Н. Пейкеромъ. Санктпетербургъ. Въ тип. 3-го Деп. Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1840. Въ 16-ю д. л. 156 стр.*

Земледѣіе Германіи, о которомъ единственно рѣчь идетъ въ этой книжкѣ, довольно различествуетъ отъ русскаго. У насъ сѣтся не совсѣмъ

то же, что въ Германіи; рабочихъ для безпрестанной перепашки полей, для образованія грядокъ, которыя переводчикъ называетъ *плотинами*, дѣлеко недостаточно, и пр.; тѣмъ же мѣнѣе сочиненіе Крейсика бесполезно будетъ для соображенія нашихъ сельскихъ хозяевъ, которые могутъ имъ не руководствоваться, а имѣть его совѣты, какъ опытнаго чужестранца, въ виду, для надлежащаго въ потребномъ случаѣ припоровленія къ мѣстнымъ обстоятельствамъ.

179) *Мысли объ Усовершенствованіи Сельскаго Хозяйства и улучшеніи быта поселянъ хлѣбопашцевъ. Изданіе второе, дополненное. Петра Шемята. Санктпетербургъ. 1840. Въ тип. И. Глазунова. Въ 8-ю д. л. V и 232 стр.*

Книга—въ которой достойно похвалы намѣреніе сочинителя улучшить бытъ нашихъ земледѣльцевъ, на помѣщичьихъ земляхъ поселенныхъ, и желаніе, чтобы въ сельскихъ хозяйствахъ произошли постепенно изправленія; объ этомъ онъ говоритъ, впрочемъ, слегка и общими выраженіями.

Роскошь выставляетъ авторъ главною причиною упадка сельскихъ хозяйствъ; по его мнѣнію, у насъ всего должно быть изобильно, хотя хлѣба «у насъ не можетъ быть въ большомъ очень избыткѣ» (стр. 178) и проч.

Не роскошь собственно, а желаніе помѣщиковъ поддержать тотъ образъ жизни, который они ввели у себя лѣтъ 30 или 40 тому назадъ, когда доходы ихъ были тѣ же, но на рубли, а не на четвертака, — дѣйствительно причиною отягощенія крестьянъ работою и оброками, и съ тѣмъ вмѣстѣ и разстройства сельскихъ хозяевъ; имъ, конечно, надобно совѣтовать сокращать свои издержки по мѣрѣ доходовъ, но не съ насмѣшкою и не съ тономъ сатиры.

Да и вообще зло не совсѣмъ тамъ, гдѣ ищетъ его сочинитель: у него есть глава «Причины бѣдности поселянъ» и проч. (стр. 28), но все это слегка выставлено! Недостатокъ свѣдѣній владѣльцевъ и ихъ управляю-

щихъ въ наукѣ сельскаго хозяйства кажется ему главною причиною (послѣ роскоши) медленныхъ успѣховъ въ улучшеніи хозяйства! А отъ-чего этотъ недостатокъ свѣдѣній?

Чтобъ не затруднять читателей (и себя) подробнымъ разборомъ сочиненія благонамѣреннаго, но поверхностнаго, выскажемъ здѣсь кратко средства, самыми благонамѣренными и разсудительными людьми придуманныя къ исправленію незавиднаго быта земледѣльцевъ, на помѣщичьихъ земляхъ водворенныхъ, не измѣняя существенно ихъ положенія:

1) Эти люди должны быть считаемы за малолѣтнихъ, которымъ нельзя дать полного права распорядиться собою и имуществомъ своимъ изъ опасенія злоупотребленій, какъ - то: праздности, бродяжества, разврата и неразлучныхъ съ ними пороковъ и преступленій.

2) Помѣщики должны имѣть о нихъ же попеченія, какъ опекуны о вверлемыхъ имъ малолѣтнихъ: пещись о ихъ нравственности, вселять въ нихъ любовь къ трудолюбію, научать средствамъ добывать пропитаніе, хранить и сколько-можно увеличивать ихъ имущество, не допускать (когда они въ силахъ) до праздности, тѣмъ менѣе до пороковъ, защищать ихъ отъ обидъ, тѣмъ менѣе самому обижать ихъ; не только не унижать никогда, но питать благородную гордость къ имени Русскаго, которое они носятъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ преданность къ отечеству, государю и законнымъ властямъ, и проч.

3) За всѣ такія попеченія и за отводимую безденежно землю требовать работы усердной и закономъ дозволенной, показывая, что она есть плата за все вышесказанное, отъ помѣщика земледѣльцемъ получаемая.

4) Главное, — надобно, чтобъ помѣщичій крестьянинъ видѣлъ себя наравнѣ съ другими его сословія людьми, а не униженнымъ: одно униженіе рождаетъ уже униженіе, ослабленіе нравственности и чувство мщенія; на - примѣръ, помѣщичьему крестьянину наравнѣ

съ другими ему подобными должно кажется, быть предоставлено право приобретать покупкою не только движимую, но и недвижимую собственность, на собственное его имя, съ дозволенія помѣщика. Это было бы самодѣйствительное средство побудить земледѣльцевъ къ бережливости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развить въ нихъ способности промышленности; онъ сталъ бы складывать деньги, и не понестъ бы въ кабакъ, или не употребилъ бы на развратъ; отыскивая средства увеличить свой капиталъ, онъ изощрялъ бы умственные свои способности, и въ короткое время бытъ его; сельское хозяйство вообще и многія другія науки, входящія въ составъ общественнаго быта и силы, припали бы другимъ видамъ.

5) Заводить школы, на основаніи мнѣнія сочинителя, необходимо, и сверхъ-того пусть пользуются школами, существующими для земледѣльцевъ въ Москвѣ, Петербургѣ и проч.; пусть пользуются примѣромъ выпущенныхъ изъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища молодыхъ людей.

6) Поощреніе земледѣлію *двѣдцатилѣтнее* состоятъ въ недонущеніи платить за произведенія земли до упадка. Правительство на это обратило вниманіе; мы можемъ быть покойны.

180) Двойная Англійская Бухгалтерія, по вновь изобрѣтенной Эдурдомъ Джемсомъ двойной бухгалтеріи, приспособленная наибольшимъ образомъ къ иностраннымъ государствамъ, съ переложеніемъ на русскую серебряную монету расцѣпки (!²), по которой неучившійся Бухгалтерія можетъ правильно вести свои книги. Составлено и издано Е. В. Вейтцлеромъ. Москва. Въ Университетской тип. Въ 4-ю д. л. 51 стр.

181) ПРАКТИЧЕСКІЯ УПРАЖНЕНІЯ въ Бухгалтеріи по дѣламъ купеческой торговли и фабрикаціи, составлены Николаемъ Емеляновымъ, бывшимъ воспитанникомъ Московскаго

его Комерческаго Училища. Часть I-я. Въ 4-ю д. л. 250 стр.

Двѣ весьма-полезныя книги. Не знаешь, стеченію какихъ обстоятельствъ мы должны быть благодарны за одно-временное появленіе двухъ дѣльныхъ книгъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Книга г. Вейтцлера своимъ страннымъ заглавіемъ гораздо-хуже рекомендуетъ себя, нежели чѣмъ она есть въ-самомъ-дѣлѣ. Она составлена умно, хорошо примѣнена къ потребностямъ русской коммисіи и написана, вопреки безграмотному заглавію, чистымъ и отчетливымъ языкомъ. Съ бѣльшей похвалой должны мы отнести о книгѣ г. Емельянова: это трудъ вполне добросовѣстный, плодъ многолѣтней опытности. Первая часть, которая теперь предлагается публикѣ, содержитъ въ себѣ примѣры дѣйствія купца, производящаго внутреннюю оптовую торговлю покупаемыми и изготовляемыми на постороннихъ фабрикахъ товарами; принимающаго отъ другихъ, равно и отдающаго собственные товары другимъ на комиссію, съ показаніемъ разныхъ обстоятельствъ, случающихся по торговлѣ. Авторъ объявляетъ, что если первый опытъ

трудоу его будетъ удостоенъ благожелательнаго приѣма отъ купечества, и впредь издавать подобныя упражненія по дѣламъ внутренней торговли и особенно фабрикаціи. Что касается до насъ, то мы вполне убеждены въ успѣхъ изданія г. Емельянова.

182) Карманная Книжка для скорейшаго и вѣрнаго расчета, заключающая курсъ российской и иностранной, золотой и серебряной монеты. Составленная А. Крюковымъ. Изданіе второе. Москва. Въ типогр. И. Сприкова. 1840. Въ 16-ю д. л. 23 стр.

Еще-таки «карманная» книжка! Этихъ книжекъ, со времени уничтоженія лажы, вышло такое множество; все онѣ, отъ первой до послѣдней, имѣютъ такое разительное между собою сходство, что, говоря объ одной, волею или неволею говоришь о всѣхъ прочихъ, и, брава или хвала первое изданіе, непремѣнно хвалишь или бравишь второе. Въ-слѣдствіе сего, о произведеніи г. Крюкова не имѣемъ надобности разпространяться: мы уже сказали о немъ наше мнѣніе въ то время, когда упоминали о *первыхъ* изданіяхъ *прочихъ* карманныхъ книжекъ.

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

15) *Schreiben des Fürsten Dmitrij Michailowitsch Poskarsky an den Römischen Kaiser Mathias d. d. Jaroslawl d. 20 Juni 1612. Zum ersten Male aus der deutschen Uebersetzung bekannt gemacht* (Письмо князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго къ римскому императору Матіасу, изъ Ярославля, 20 іюня 1612, въ первый разъ изданное по нѣмецкому переводу). Санктпетербургъ. Печатано въ тип. Карла Крайля. 1840. Въ 8-ю д. л. XIII и 23 стр.

Подъ этимъ названіемъ г. Аделунгъ издалъ совершенно-неизвѣстный доселѣ, но весьма-важнѣйшій актъ, относящійся къ бѣдствѣннымъ временамъ Россіи, извѣстнымъ подъ именемъ смутнаго періода. Актъ этотъ заключаетъ въ себѣ письмо князя По-

жарскаго къ римскому (германскому) императору Матіасу, отъ 20 іюня 1612 года (слѣдовательно незадолго до освобожденія Россіи отъ Поляковъ). Въ этомъ письмѣ Пожарскій представляетъ императору живую и весьма-подробную картину четырнадцатилѣтнихъ бѣдствій русскаго народа, и оканчиваетъ просьбою, чтобы императоръ помогъ ему деньгами при послѣднихъ усиліяхъ его для спасенія отечества и уговорилъ бы польскаго короля Сигизмунда прекратить наконецъ кровопролитіе и соблюдать клятвенныя обязательства свои. Пожарскій отправилъ это письмо 27 іюня, и оно получено въ Вѣнѣ 24 октября; но въ этотъ промежутокъ времени, какъ извѣстно, дѣла приняла совершенно-другой оборотъ, и Россія не нуждалась

болѣе въ чужой помощи и въ чужеземномъ посредничествѣ. По-этому письмо Пожарскаго было лишнее; но во всякомъ случаѣ оно остается для насъ замѣчательнымъ памятникомъ, за обнаруженіе котораго нельзя не поблагодарить г. Аделунга.

Издатель, въ предисловіи, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «Оригиналъ этого письма находится въ Императорскомъ Придворномъ Архивѣ, въ Вѣнѣ. На немъ отмѣчено почеркомъ, современнѣе его написанію «Wörtliche Uebersetzung eines Schreibens des Fürsten Dimitri Michailowicz Poziarsky an den Röm. Kaiser Mathias, überbracht durch die moscovitische Gesandtschaft am 24 October 1612.» Изъ самого письма, однакоже, видно, что оно доставлено не посольствомъ—что было некоторымъ образомъ невозможно, потому-что Пожарскій написалъ его не какъ глава правительства, а какъ частный человекъ, — но нѣмецкимъ толмачомъ Еремьевымъ или Еремасомъ, который, вѣроятно, въ то же время былъ и переводчикомъ этого письма.

«Мы имѣемъ, слѣдовательно, только переводъ этого замѣчательнаго акта, но переводъ, который, по тогдашнему обыкновенію, долженъ почитаться равнымъ подлиннику: извѣстно, что въ прежнія времена, при переговорахъ съ германскими императорами, сочинилась у насъ русскій оригиналъ и въ то же время дѣлался съ него нѣмецкій переводъ, который и вручался послать. Такъ точно и въ этомъ случаѣ въ Вѣну былъ отправленъ только переводъ письма Пожарскаго. Русскій подлинникъ, по-видимому, навсегда потерянъ, потому-что нигдѣ нѣтъ слѣдовъ его, даже нигдѣ о немъ не упоминается. Легко себѣ объяснить, отъ-чего въ Московскомъ Архивѣ не нашлось ни подлинника, ни копій съ этого документа: онъ былъ отправленъ не изъ Посольскаго Приказа, а изъ Ярославля, изъ походной канцеляріи князя Пожарскаго, и подлинникъ, вѣроятно, потерялся въ походѣхъ, или съ дру-

гими частными бумагами Пожарскаго.»

Этими поясненіями г. Аделунгъ достаточно отстраняетъ сомнѣніе въ подлинности сего акта. Что касается до языка «Письма», то, признается, онъ въ-самомъ-дѣлѣ похожъ на «словесный переводъ» съ русскаго: слоги отличаются разтянутостію и частыми повтореніями одного и того же слова безъ всякой нужды. Правописаніе необыкновенно-безопаково. Но все это нисколько не уничтожаетъ достоинства самого письма, которое всякій любитель отечественной исторіи прочтетъ съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ есть мѣста весьма-замѣчательныя по подробному изложенію нѣкоторыхъ фактовъ времени междоцарствія.

16) *ABRÉGÉ DE LA GRAMMAIRE FRANÇAISE, ou extrait de la Nouvelle Grammaire Française, ouvrage, mis au rang des livres classiques, et adopté pour les collèges et les Ecoles militaires, pour remplacer les élémens de la Grammaire de l'Homond; par M. Noel, inspecteur-général de l'université, chevalier de la légion d'honneur, et M. Chapsal. professeur de Grammaire générale. Dix-huitième édition. Москва. Въ муш. А. Селена. 1840. Въ 12-ю д. л. 99 стр.*

Хотя «Французская Грамматика» Ноеля и Шапсала, въ-теченіе 4-лѣтъ со времени ея появленія, достигла 14-ти изданій, что доказывало несомнѣнный успѣхъ ея, однакоже г. преподаватели въ первый годъ грамматическаго курса руководствовались «Грамматикой» Ломонда. Желая отворотить неудобства, происходящія отъ перемѣны въ методѣ, г. Ноель и Шапсаль сократили свою «Nouvelle Grammaire Française», и такимъ-образомъ «Начальныя Основанія Грамматики» Ломонда, приписавшія пользу, замѣнились «Сокращенной Грамматикой» Ноеля и Шапсала, которая должна была принести пользу. Осуществились ли эти ожидаемыя выгоды—Богъ вѣсть; но 18-ть изданій что-нибудь да значать, воля ваша.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

4. РУССКІЯ КНИГИ,

ИЗДАНЫ ВЪ ТЕЧЕНІИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ МАЯ И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ІЮНЯ МЯСЯЦА.

185) Абдеритяне. *Сочиненіе* Виланда. *Переводъ съ нѣмецкаго* Н. Баталлина. *Часть вторая.* Москва. Въ *Университетской типографіи.* 1840. Въ 8-ю д. л. 160 стр.

Первая часть «Абдеритянь» явилась еще въ 1832 году, вторая — явлется въ 1840, чрезъ восемь лѣтъ послѣ первой! Такая чрезвычайная медленность произошла, вѣроятно, отъ *причинъ, независимыхъ отъ переводчика.* Съ-тѣхъ-поръ, какъ изобрѣтено это прекрасное, ко всѣмъ случаямъ удобнорисованное извиненіе — не стало людей виноватыхъ. Отстасть ли «Библіотека для Чтенія», не выдаетъ ли г. Ранць своей «Галатен» — и отставаніе, и невыдаваніе рѣшительно *зависятъ* отъ причинъ, *независимыхъ* ни отъ «Библіотеки для Чтенія», ни отъ «Галатен». Умно, выгодно, благоискусно! Читатель похмурится — да и только: не воевать же ему съ существомъ невидимымъ и неприступнымъ, на котораго сваливается всякая вина и которое дѣлаетъ неисправными людей исправнѣйшихъ въ подданной!

Мимоходное замѣчаніе наше о восьмилѣтнемъ промежуткѣ, отдѣляющемъ первую часть «Абдеритянь» отъ второй, не объяснило однакожъ, чѣмъ такое Абдеритяне, гдѣ они жили, чѣмъ прославились, и почему Виландъ вы-

бралъ ихъ предметомъ своего сатирическаго сочиненія?

Абдеритяне (Абдериты?) — жители Абдеры, некогда могущественнаго города во Фракіи, на восточномъ берегу Херсонеса. Мнѣнія о названіи города различны: одни думаютъ, что онъ получилъ его отъ Абдеры, сестры Диомеда, царя бистонскихъ Фракіянъ, страстнаго охотника до лошадей, которыхъ у него было такое множество, что онъ и его государство были пожравы лошадьми; другіе полагаютъ, что онъ названъ такъ отъ Абдера, главнаго смотрителя за конюшными упомянутаго государя; третьи говорятъ: городъ Абдера обязанъ своимъ именемъ Абдеру, любимому товарищу Геркулеса. Чрезъ нѣсколько вѣковъ по построеніи своемъ, Абдера разрушился, потомъ былъ вновь выстроенъ; но дикіе Фракіяне, нетерпѣвшіе въ сосѣдствѣ городовъ, не позволили селиться въ нововыстроенномъ городѣ, который посему оставался необитаемымъ и педоконченнымъ до-тѣхъ-поръ, пока жители іонійскаго города Теоса, аѣннской колоніи, желая избавиться отъ власти Кира, съли на корабли, опплыли во Фракію, нашили Абдеру, завладѣли имъ, какъ городомъ никому непринадлежащимъ, и стали въ немъ такъ хорошо жить да пожи-

вать, что они и потомки ихъ съ того времени назвались Абдеритянами и составили маленькую республику, нечто среднее между демократією и аристократією.

Теосъ, сказали мы, была аоніская колонія, одна изъ тѣхъ двѣнадцати или тринадцати колоній, которые поселины въ Іоніи Нелеемъ, сыномъ кодровымъ; а Аоніяне, какъ всѣмъ извѣстно, славились своимъ умомъ, живостию, образованностию. Іоническіе Греки никогда не разлучались съ музами. Самъ Гомеръ, по всей вѣроятности, былъ Іонянинъ. Эротическія пѣсни, милетскія басни признають Іонію своимъ отечествомъ. Алкей, пламенная Сафо, сладострастія пѣвецъ—Анакреонъ, красавица Аспазія, Апеллесъ были также іоническіе уроженцы. И что же? Вдругъ, по манію грозныхъ бровей Зевса, Теосцы, эти мервобытные Аоніяне, эти сограждане Анакреона, столь долго жившіе въ Іоніи, не удержали своего прежняго характера, и едва успѣли сдѣлаться Абдеритянами, какъ уже испортились, потеряли прежнюю свою живость, превратились въ глупцовъ. На Абдеру стали смотрѣть, какъ на всегдашнее пребываніе легкомыслія и глупости; имя его вошло въ пословицу. Абдеритяне, во мнѣніи Грековъ, заняли такое же мѣсто, какое занимають у насъ Пошехонцы. Воображеніе ихъ сдѣлало столь сильный прыжокъ передъ разумомъ, что послѣднему не было уже возможности догнать первое. Они говорили много, но никогда не думали о томъ, что и какъ хотѣли сказать: отъ этого ротъ ихъ отрывался единственно для произнесенія глупостей. То же должно сказать и объ ихъ поступкахъ: они тогда заширляли клятку, когда птица уже вылетѣла изъ нея. Если о дѣлахъ, касающихся до общественнаго благосостоянія, они имѣли

продолжительныя совѣщанія, то invariably самое худшее рѣшеніе брали верхъ надъ всѣми возможными. И въ такой сторонѣ узрѣли свѣтъ испытатель природы Демокритъ и знаменитый софистъ Протагоръ! Видно, въ обществѣ уродовъ не безъ умныхъ людей, какъ и въ хорошей семьѣ не безъ урода!

Вотъ нѣсколько абдерскихъ штукъ.

Однажды впало Абдеритянамъ на мысль, что такой городъ, каковъ Абдера, непременно долженъ имѣть хорошій колодезь. Рѣшили устроить его среди большой площади и наложили повую подать для собранія потребной на то суммы. Знаменитый ваятель, вызванный изъ Аоніи, сдѣлалъ группу, представляющую морскаго бога на колесницѣ, везомой четырьмя морскими конями, окруженнаго нимфами, тритонами и дельфинами. Морскія лошади и дельфины должны были выпускать изъ ноздрей своихъ потоки воды. Но какъ-скоро все было готово, то оказалось, что воды едва было достаточно для-того, чтобы увлажить носъ одного только дельфина, такъ-что морскія лошади и дельфины какъ-будто бы имѣли насморкъ. — Въ другой разъ купили они статую Венеры изъ слоновой кости, которую почитали однимъ изъ лучшихъ произведеній Праксителя. Она была вышиною около 5 футовъ и должна была украшать алтарь богини любви. Когда ее привезли, то вса Абдера пришла въ восхищеніе, увидѣвъ красоту Венеры. «Она такъ прелестна — восклицали они единогласно — что не должна стоять на низкомъ мѣстѣ; мастерское произведеніе да займетъ гораздо высшее мѣсто; пусть будетъ оно первымъ предметомъ, который бросался бы въ глаза чужестранцамъ при входѣ ихъ въ Абдеру.» Въ-слѣдствіе этой счастливой мысли поставили они маленькую статую на обѣдискъ, выши.

ною въ 80 футовъ, и хотя издали нельзя было узнать, Венера ли это или устеровая шифа, но Абдеритяне принуждали всѣхъ иностранцевъ согласиться, что нѣтъ ничего совершеннѣе ихъ Венеры. — Наконецъ самая характеристическая черта Абдеритянъ состоитъ въ томъ, что они дали ляушкамъ такъ усилиться внутри и юрругъ города, что сами принуждены были очистить мѣсто своимъ квакающимъ согражданами.

Вотъ что значить Абдера и Абдеритяне. Если имъ не посчастливилось на умъ и воображеніе, то, въ замѣнъ этого, двое писателей: Лафонтенъ и Виландъ удостоили ихъ чести быть героями своихъ сочиненій. Первый написалъ басню: «Демокритъ и Абдериты», а второй — сатирической романъ «Абдеритяне», въ свое время назвавшій многое множество шума. Дѣйствіе романа состоитъ изъ пяти книгъ: *Демокритъ между Абдеритянами, Гиппократъ въ Абдерѣ, Эрипида между Абдеритянами, Процессъ за осминуто тѣло, и Латошны ляушки*. Нѣтъ сомнѣнія, Виландъ ввелъ на сцену трехъ знаменитыхъ мужей: Демокрита, Иппократа и Эрипида для-того, чтобъ ихъ глубокомысліе дѣлало рѣшительный контрастъ абдерскому легкомыслію. Мы прочли всю книгу со вниманіемъ, и въ некоторыхъ мѣстахъ пробѣжали раза два, три, чтобъ короче познакомиться съ писателемъ, которому Карамзинъ посвятилъ въ своихъ «Письмахъ» нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ — вотъ наше заключеніе: все это умно и хорошо... но было *гарздо*-умнѣе и лучше во времена Виланда. Что ни говорите, а движеніе времени, которое передвигаетъ горы съ мѣстъ, осушаетъ дно морей и затопляетъ скалы, оно же или почти то же творитъ въ отношеніи нравственному и литера-

турному. Мы вѣримъ въ исполненное шестіе рода человеческого къ совершенству... Давно ли, кажется? Съюмъ вреданіе, а вѣрится съ трудомъ! Ни восторгъ Карамзина въ Виланду, ни переводъ его поэмы, названный Пушкинымъ, ни девятилѣтній переводъ г. Баталина — ничто не поставитъ уже автора «Абдеритянъ» на тотъ высокий пьедесталъ, на которомъ онъ стоялъ прежде. Но кромѣ требовательности настоящаго времени, въ сравненіи съ которыми умное прошедшее становится или менѣе-умнымъ или вовсе-неумнымъ, есть и другія причины, охлаждающія наше вниманіе къ Виланду.

Виландъ былъ очень-умный и ученый человекъ; но творчество есть даръ врожденный: наука не въ-силѣхъ дать его. Творчества не имѣлъ Виландъ; не имѣлъ онъ и настоящаго эстетическаго вкуса, т. е. на произведенія эстетическія смотрѣлъ не съ истинной точки. Прочтите, для доказательства, коротенькую, но любопытную статью Гёте: *Боги, Герои и Виландъ*, помѣщенную въ «Отеч. Зап.» прошлаго года — вотъ первая причина отсутствія творчества. Вторая заключается въ манерѣ Виланда изображать предметъ, въ формѣ, выбранной имъ для развитія абдерской глупости: эта манера есть прозія, любимое оружіе Виланда, какъ онъ самъ признавался; эта форма есть сатира, неуживающаяся съ творчествомъ. Еслибъ эта сатира метла на тѣ пороки и смѣшныя стороны слабого человѣчества, которыми не завѣсятъ отъ мѣста, времени и націи, то, безспорно, мы принимали бы въ ней сильное участіе, не смотря на перемѣну мѣста, на прошлое время, на принадлежность нашу къ другой націи. Но что жъ дѣлать, когда сила литературнаго успѣха требуетъ часто наметковъ на частное лицо, на частный городъ, на частное событіе;

когда сатирикъ, принося необходимую жертву божеству своему — публикѣ, оставляетъ въ сторонѣ общее, родовое, повсемѣстное, и прилѣпляется къ индивидуальному, къ точкѣ пространства, къ текущей минутѣ. Вотъ почему *современныя* знаменитости становятся *со-временемъ* загадкой для потомства; вотъ почему «Абдеритяне» Виланда, при многихъ достоинствахъ своихъ, остались во многомъ для насъ нѣмы, далеко не прозвѣда на насъ дѣйствій, которыми гордились прежде, какъ полнолѣтне-заслуженнымъ. Мы очень-ясно можемъ представить себѣ *фуроръ*, возбужденный въ германской публикѣ при появленіи виландовой сатиры: эти лица, эти дѣйствія Абдеритянь, эти факты были живые; въ нихъ одинъ узналъ своего друга, другой — врача, третій — судью, четвертый — поэта; Демокритъ выводилъ на свѣжую воду мудрецовъ, философовъ, Иппократъ смѣялся надъ врачами, Эврипидъ хлопоталъ по театральной части; процессъ за ослѣпшую тѣнь показавъ, что такое судьи; латонины лягушки дали случай задѣть нѣкоторыя теоріи естествоиспытателей; — теперь, увы! — эти теоріи пали, замѣнившись другими; Дюссисъ не передѣлываетъ уже Шекспира, Французы сами смѣются надъ классицизмомъ; лекаря стали кланяться Гагеману, а не прежнимъ свѣтиламъ медицины. Многіе вопросы, возбуждавшіе въ то время сильное волненіе, отнесены въ архивъ рѣшенныхъ дѣлъ. Интересъ прежняго исчезъ — явились интересы новые.

«Абдеритяне» Виланда переведены были давнымъ-давно, въ 1793 году, М. Галриловымъ, въ 5-ти частяхъ, подъ названіемъ: *Исторія Абдеритовъ*. Что заставило г. Баталіна перевести ихъ въ другой разъ — не знаемъ, и не удивляемся этому: многіе, гораздо-пониже Виланда, получили честь двой-

наго перевода. Не смотря на то, что переводъ второй части моложе перевода первой 8-ю годами, и та и другая переведены дурно: видно, въ это время г. переводчикъ не успѣлъ сродниться какъ слѣдуетъ, съ русскими языкомъ. Мы встрѣтили во многихъ мѣстахъ галлицизмы и подумали или г. Баталінь переводилъ съ французскаго языка, или нѣмецкій языкъ, во времена Виланда, походилъ на французскій!

184) Мон Счастливѣйшій Мянупты въ Жизни. *Стихотворенія* Князя Александра Ивановича Долгорукаго. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1840. Въ 8-ю д. л. 153 стр.

185) Стихотворенія Н. И. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1840. Въ 8-ю д. л. 69 стр.

Стихи непрерывно льются съ лиръ нашихъ пѣвцовъ; то-и-дѣло являютсѣ новые жрецы Аполлону. Собственно говоря, пѣвцовъ-то у насъ немного, пѣвческихъ произведеній является тоже немного, но буда въ томъ, что отъ нихъ нѣтъ покоя: такъ они застрашили насъ, что рать ихъ, грозящія штурмомъ, представляется намъ вдвое-втрое, вдесятеро, — у страха глаза велики!

Вотъ двѣ книжки — одна напоминаетъ собою весь приемы стараго классическаго времени и переписаны насъ за нѣсколько десятилѣтій назадъ, когда сладкопѣжные пѣвцы изливались въ элегическихъ посланіяхъ къ Темирамъ и Пльнирамъ, въ умилительныхъ похвалахъ сельской жизни; въ сатирахъ на суеты міра сего, въ большой свѣтъ. Другая книжка относится къ другому, противоположному фазу нашей литературы, къ тому времени нелѣпообразнаго, неумытаго, и небритаго романтизма, когда велъ было развернуть книги безъ того, чтобы не попасть или на кладби-

ще, прямо къ холодную могилу къ мертвицу, у котораго

.... пальцы костяные

Черепъ желтый какъ въ овиъ (?),

или къ передьку къ русалкѣ, или пожалуй хоть въ самый адъ; когда, то-и-дѣло каркали *враги*, летали *адскіе души*, когда по святу шатались *живые трупы*, *страдалыцы*, у которыхъ, по ихъ же собственному увѣренію, *струею кровь изъ ранъ течетъ*, и прочіе ужасы. Словомъ, эти двѣ книжки представляютъ гѣніе всей нашей бѣдной литературы. Странная, въ-самомъ-дѣлѣ, игра случая! Но, по долгу справедливости, мы обязаны сказать, что представители двухъ эпохъ въ нашей литературѣ неравны, и если бы дѣло дошло до боя, то классикъ побѣдилъ бы романтика. Князь Долгорукій, какъ видно изъ его книжки, сынъ и наследникъ на «Парнасъ» извѣстнаго стихотворца кн. И. М. Долгорукаго; если въ его стихахъ нѣтъ ни искорки поэзіи, все же это стихи правильные, умные, со смысломъ: стихи же господина улетучившаго себя въ звуки Н. И., лишены всякаго смысла: это что-то дикое, что-то нелѣпое до крайности. Выпишемъ... или нѣтъ, будетъ—читатели! не стѣнитъ выписывать вамъ ничего изъ этихъ двухъ книжекъ.

186) Библиотека Романовъ, *повѣстей и путешествій, издаваемая книгопродавцемъ Н. Н. У. Выпускъ второй. Томъ третій, содержащій въ себѣ Китай. Соч. Дж. Ф. Девн, прежнему президенту Англіиско-Ост-Индской торговой факторіи въ Кантонѣ. Переводъ съ французскаго И. Проташинскаго. Часть I. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1840. Въ 12-ю д. л. 252 и VI и стр.*

187) Библиотека Романовъ, *повѣстей и путешествій, издаваемая книгопродавцемъ Н. Н. У. Выпускъ*

второй. Томъ четвертый: Обрученныя, Медиоланская была XVIII столѣтія, найденная и передѣланная Александромъ Манзони. Переводъ съ итальянскаго. Часть первая. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1840. Въ 12-ю д. л. 252 стр.

Появленіе этихъ двухъ томовъ «Библиотеки Романовъ» искренно порадовало насъ. Г. издатель, который досихъ-поръ представлялъ публикѣ давно-извѣстныя ей сочиненія или повѣсти и романы французскіе, дарить ее теперь двумя интересными книгами—интересными въ различномъ родѣ. «Описаніе Китая» любопытно по войнѣ, начавшейся недавно между Англичанами и Китайцами, а романъ или была Манзони (Манцони?) давно пользуется большою, заслуженною славою. По выходѣ остальныхъ частей того и другаго сочиненія, мы дадимъ подробный о нихъ отчетъ, а теперь удовольствуемся замѣчаніемъ, что изящныя произведенія должно переводить изящнымъ слогомъ, чего не замѣтили мы въ «Обрученныхъ». Дурной переводъ останется дурнымъ, какъ ни скобли, какъ ни подчищай его. Надѣмся, что на-предки г. переводчикъ обратитъ вниманіе на наше доброжелательное ему замѣчаніе. Въ вышедшемъ 1 томѣ «Китай» описаны первыя сношенія Европейцевъ съ Китайцами и сношенія съ ними Англичанъ; потомъ представлены географическій и историческій очерки Китая.

188) Юрій (?) Последний Великій Князь Смоленскій. Русская была лѣта 1406. Соч. Ивана Зах. Крылова. Книга I. Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Инстит. Востоку. Языковъ. 1840. Въ 12-ю д. л. 222 стр.

По странной судьбѣ, которая часто играетъ нами какъ мячикомъ, во всей нашей русской исторіи осталось са-

ное романтическое лицо неперикосовеннымъ — это Юрій Святославовичъ Смоленскій, котораго бышенная, проваившая любовь къ жепѣ друга ужаснуа современниковъ. Но судьба ицадма его для-того, чтобы всергнуть въ лютѣйшую пучину золь, вѣроятню за тяжкя его преступленя. Да, какъ бы не были велики его злодѣяня, расплата съ новымъ былеписцемъ, И. З. Крыловымъ, выкупааетъ ихъ!

Сочяненіе г. Крылова есть диалогированный романъ: это еще новость въ нашей литературѣ,—романъ, которому предшествуетъ длинный списокъ дѣйствующихъ лицъ! Изъ этого списка вы уже узнааете, какой г. Крыловъ мастеръ характеризовать свои лица; на-примѣръ, *Анастасія, хорошеняма молодила боярыня; старикъ престельне въ бѣлой рубашикѣ, въ синей, въ красной!* Что касается до самой внутренности книги, то вы настъ уже уволите разпространяться долго о ней. Вотъ вкратцѣ ея содержаніе. Первая сцена: *Майское красное утро въ Торжокѣ.* День рожденія княгини Іуліамин, супруги князя Вяземскаго. Князь ждетъ княгиню отъ обѣдни и болтааетъ съ сѣнной дѣвушкой, и какъ-будто такъ съ-простаъ рассказываетъ всю подмоготну; все это удалось автору вычитать изъ Карамзина и сочинить въ своемъ пламенипомъ воображеніи. Набирается множество боярынь, боярышень, бояръ, купцовъ съ поздравленіями. Надобно замѣтить, что князю Вяземскому, лишеному своей дѣмны, данъ отъ великаго князя въ удѣль Торжокъ, поподамъ съ Юріемъ Святославовичемъ, также потерявшимъ свой Смоленскъ; послѣдняго ить еще въ Торжокѣ; князь Вяземскій женился безъ него, и потому онъ еще не знаетъ его супруги. Наконецъ являються на сцену и князь со княгинею. Какъ умилительна эта сцена! Князь со княги-

нею то-и-дѣло цалуются; тутъ было столько поцалуевъ, что и счета вѣтъ. Сверхъ-того каждая боярыня и боярышня предлагають свой подарокъ милостивой княгинѣ, и каждый подарокъ запечатлѣвается поцалуемъ. Тутъ прибѣгаетъ какой-то юродивый, несетъ какую-то несвязную, нелѣпую, но долженствующую быть пророческою—рѣчь. Когда сцена приходитъ къ концу и дѣйствительно оканчивается аппетитными намеками на поварню, вдругъ, слышно, прѣзжаетъ князь Юрій. Начинается другая сцена. Посмотрите, какой мастеръ своего дѣла г. Крыловъ! какъ онъ умѣлъ выставить съ самого начала своего героя: вы тотчасъ узнааете, что это за птица. Онъ въ отчаяніи, дорогой, вспылнвъ, соблаговоливъ ударить своимъ мощнымъ кулакомъ ямщика и повергъ его съ козель бездыханна. Теперь онъ проклинаетъ себя, и этими проклятіями открывається его свиданіе съ его другомъ, княземъ Вяземскимъ. Чувствованія прошибаються неукротимымъ потокомъ изъ груди Юрія, и, о чудо! онъ никогда не учившійся пѣитникъ, заговорилъ стихами...

О ты, жизнь моя, жизнь ты горькая,

Ты бездомная, ты бурная,

Отъ чего еще на свѣтъ я живу?

По скорый бы склошнть въ могилу мѣя главу, и проч.

Потомъ начинается разговоръ, которымъ дополняются свѣдѣнія, сообщенныя намъ нянею, и въ которомъ Юрій то-и-дѣло жалуется на свой бѣшеный и огненный характеръ, на свои страсти; такъ и ждешь наконецъ чего-то такого... И въ-самомъ-дѣлѣ, лишь только за завтракомъ въ первый разъ увидѣвъ сей бѣшеный князь Іуліамин, тотчасъ же и воспылалъ къ ней страстно. Г. Крыловъ великій психологъ, онъ необыкновенно искусно возжигаетъ и радуваетъ это пламя. Огненный князь горитъ и

мгзветъ, страсть спадаетъ его; онъ при-
бываетъ къ разнымъ продѣлкамъ, что-
бы видѣться наединѣ съ книжницею;
ему наконецъ удастся, онъ насильно за-
ставляетъ ее поцаловать себя и еще
лучше разгарается. Простофиля князь
Вяземскій увѣзжаетъ и оставляетъ свою
жену на рукахъ своего вѣрнѣйшаго
друга. Сей идетъ къ колдуну ночью,
просить у него приворожнаго зѣлля.
Страшная сцена, съ мяуканьемъ ко-
шекъ, съ воемъ собакъ, съ крикомъ
Филиппа и прочими ужасами. Этимъ
оканчивается I часть. Охъ, если бъ г.
Крыловъ остался на одной I-й
части: доброе бы дѣло онъ сдѣлалъ!...

189) *Замокъ Сень-Жермень, или
нѣкоторыя черты изъ жизни Карди-
нала Мазарина. Сочиненіе г-жи Ребо
въ четырехъ частяхъ (?)*. Переводъ
съ французскаго С. Зотова. Санктпе-
тербургъ. 1840. Въ тип. Третьяго
Департамента Министерства Го-
сударственныхъ Имуществъ. Въ 12-ю
д. л. Въ I-й части 194, во II-й—194,
въ III-й—167, въ IV-й 186 стр.

Не знаемъ, право, что это за г-жа
Ребо въ четырехъ частяхъ, почему она
въ четырехъ частяхъ, и какъ это она
въ четырехъ частяхъ? Подобные во-
просы могъ бы рѣшить только хоро-
шій портретъ, приложенный къ рома-
ну; но какъ *онего не илываетъ*, то
четыречастіе г-жи Ребо и остается
тайною переводчика. Мы скажемъ
только, что, не смотря на свои четыре
части, г-жа Ребо очень-плохо шьетъ
и вяжетъ романы; по-крайней-мѣрѣ,
«Замокъ Сень-Жермень» довольно рас-
тлуптѣ, довольно вялъ и скученъ. Глав-
ный его недостатокъ состоитъ въ *нѣ-
которыхъ чертахъ* изъ жизни Карди-
нала Мазарина (т. е. Мазарини): извѣ-
стно, что всѣ романы съ *нѣкоторыми
чертами* никуда не годятся. Герой
«Замка Сень-Жермень» — кардиналъ
Мазарини: г-жа Ребо думала, что

очень-легко изобразить въ романѣ это-
го весьма - замѣчательнаго государ-
ственнаго чловѣка, представивъ его
существомъ коварнымъ, холоднымъ,
безъ души и сердца, и взведя на него
разныя небылицы, разведенныя прѣс-
ною водою обидныхъ мѣсть. Самый
женскій взглядъ на государственныхъ
людей и на историческій романъ! Отъ-
того и романъ г-жи Ребо выпшелъ са-
мый *женскій*: читаете — и ничего не
видите, ничѣмъ не увлекаетесь, по-
тому - что ничто не имѣетъ въ себѣ
достаточной причины. Слѣдовательно,
утомленіе и скука — вотъ впечатлѣнія
отъ этого романа.

Теперь о переводѣ. Онъ самый уче-
нической. Вотъ нѣсколько образни-
ковъ: «Я прѣхалъ сюда для того, что-
бы познакомиться съ дворянствомъ,
иллюстрируя доброе сердце и *лучшій
опытъ свѣта*» (ч. I стр. 30). — «Она
дождала меня ночью (,) въ своей ма-
ленькой комнатѣ, *набальзамированной
ароматизмомъ жасминовъ*» (стр. 91).
— «*Я имѣю въ большомъ уваженіи
память послѣдняго герцога Монтмо-
ранси*» (стр. 93). — «Это было бы самое
несносное и бѣдственное состояніе,
еслибы я уже давно *не разрушилъ
отростки гордости*» (стр. 112). *Разру-
шить отростки гордости* — какъ это
хорошо! — «Жесты могли бы открыть
сюжетъ (предметъ?) нашего разговора
(стр. 143)». — «Вашъ вызовъ очень
глупый. А вашъ отказъ подлый (стр.
147)». — «Итальянецъ *былъ спрятавши-
шись* въ самомъ мрачномъ углу галле-
рен» (стр. 157) — *Былъ спрятавшись* —
самый чухонскій оборотъ! — «Стран-
ныя фигуры кружились около нея; де-
моны спорили между собою; ей каза-
лось, что она чувствовала ихъ прико-
сновеніа (,) и *думала наконецъ быть
мертвою* въ когтяхъ сатаны, который
несъ ее въ пространствахъ *имперіи*
(стр. 190)» — въроятно *Эмирелъ*?..

«Здѣсь былъ Петрарка (Петрарка?); здѣсь онъ создавалъ ту поэзію, которая обезсмертила его имя и имя прелестной *Лоры* (Лауры?)». — «Я ничего не могу дать тебѣ, *я!*» — Въ переводѣ на здравый смыслъ это значитъ: «А я такъ ничего не могу тебѣ дать!» — Переводчикъ вездѣ переводитъ *тоі*, которое часто ставится во французскомъ, отдѣляемое запятою отъ предложенія съ личнымъ мѣстоименіемъ *je*, при глаголь. — «Повсюду раздавались цѣлыя *роиды* говора» (ч. III стр. 81). *Роиды* — новое слово, сочиненное переводчикомъ, какъ видно, плохо знающимъ русскую грамоту. — *Тогда*, графиня, я не имѣю болѣе ничего сказать, и съ удовольствіемъ соглашаюсь (стр. 155). — Здѣсь словомъ «тогда» переведено слово «alors», которое въ этомъ мѣстѣ должно бы было перевести словами «въ такомъ случаѣ» или «если такъ, то». — «Онъ *вошелъ* (т. е. *вошелъ*), *салютовалъ* (т. е. *привѣтствовалъ*), *поклонился*, или какъ-нибудь такъ) Христини и поцѣловалъ руку у своей *сестры* (,) *съ жестокимъ въжливостію и потеніемъ* (стр. 165). — *Сестра съ жестокимъ въжливостію и потеніемъ!* — послѣ этого повѣривши, что есть на бѣломъ свѣтѣ и *е-жа Ребо* въ четырехъ частяхъ. И что за *жестъ въжливостію и потеніемъ!* По-каковски это сказано? «Это не стоитъ труда, я не имѣю голода» (ч. IV, стр. 105) — т. е. я не чувствую голода, я не голодна...

И всѣ-то четыре части г-жи Ребо усыпаны и усыяны такими красотами слога и смысла! И однакомъ этотъ переводъ все-таки не изъ самыхъ худшихъ... О, русская литература! О, бѣдные рецензенты!

Варьте мнѣ: судьбою лезть
Даны намъ тяжкія вериги:
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги!..

И все зачѣмъ? — Чтобы вамъ сказать,
Что ихъ не надобно читать!..

190) Дѣльница Бездѣлки. *Стихотворенія* М. Демидова. *Въ двухъ отдѣленіяхъ*. Москва. Въ тип. А. Семенова. 1840. Въ 8-ю д. л. 121 стр. Съ эпиграфомъ: «А кто сію грамоту моего порушитъ, судитъ ему Богъ.»

Г. Демидовъ поступаетъ съ нами неснисходительно, даже неблагодарно. Мы довольно-снисходительно отозвались о первыхъ его стихотворныхъ опытахъ, довольно-дурныхъ, въ той надеждѣ, что онъ или замолчитъ, успокоенный въжливимъ отзывомъ, или, по-крайней-мѣрѣ, напишетъ стихи хорошіе. Не тутъ-то было: онъ и не замолчалъ, и написалъ еще стихотворенія, которыя, по-средней-мѣрѣ, плохи, а по-крайней — злы дурны. Не хорошо, г. Демидовъ, неснисходительно къ публикѣ и неблагодарно къ намъ! Два дѣла ваши (т. е., что вы не замолчали и написали дурныя стихотворенія) плохо рекомендуемъ вамъ. Признаемся, мы отъ васъ этого не ожидали. Мы никакъ не думали, что для отученія людей отъ метроманіи надобно прибѣгать къ средствамъ болѣе-сдѣйствительнымъ; мы никакъ не думали, что геійш вантъ (стр. 27) не отговѣдуетъ вамъ бросить перо; мы никакъ не думали, что вамъ нужна, для вящаго эффекта, *жельмая лоза*:

Коль надъ тобой гремитъ судьбы гроза
И горестей *жельмина лоза*... (стр. 16).

Нехорошо, право, нехорошо! Прекратите писать, г. Демидовъ, пожалуйста!

191) Князь Пожарскій и Нижегородскій Гражданинъ Мининъ, или освобожденіе Москвы въ 1612 году. *Историческое сказаніе XVII вѣка. Въ двухъ частяхъ*. И — на Г—х—ва. Москва. Въ тип. В. Книрилова. 1840. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части — 104, во II-й — 59 стр.

Произведеніе Толкучаго Рынка, — для вышки въ разныхъ разностей, несклаенныя ни малѣйшимъ смысломъ, и потому должствующія относиться къ разряду сочиненій: *брось, не читайши.*

192) Поздка изъ Санктпетербурга въ Малороссію, 1839 года. Н. Орельскаго. *Санктпетербурскъ. Въ тип. Н. Греча.* 1840. Въ 12-ю д. л. 39 стр.

Эта маленькая книжечка состоитъ изъ историческихъ воспоминаній автора, по случаю попадавшихъ ему на дорогѣ историческихъ мѣстъ, и потому изъ личныхъ обстоятельствъ и чувствъ его; но первыя, т. е. историческія воспоминанія, гораздо интереснѣе для читателей въ тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ бралъ ихъ авторъ, а вторыя, т. е. личные обстоятельства и чувства автора (т. е., объѣды на станціяхъ, свиданіе съ родиной и съ родителемъ) ни для кого не могутъ быть интересны. Равнымъ образомъ и безпрестанно-попадающіеся въ книжкѣ стихи изъ разныхъ авторовъ, употребленные à propos то къ тому, то къ сему, а чаще ни къ чему, и, по требованію обстоятельствъ, измененные и исправленные путешественникомъ, хотя и доказываютъ его начитанность, но, по своимъ примѣненіямъ, ужь слишкомъ сбиваются на общія истертыя мѣста. Впрочемъ, языкъ книжки правилень и челоушеченъ, а изданіе опрятно и красиво.

193) Живописное Путешествіе по Азій, составленное на французскомъ языкѣ подъ руководствомъ Эйріе (Eyriès) и украшенное гравюрами. Переводъ Е. Корша. Изданіе А. С. Ширяева. *Томъ пятый. Москва. Въ типографіи Н. Степанова.* 1840. Въ 8-ю д. л. 233 стр.

Не смотря на возгласы одного журнала, ша его чуть-чуть не ожесточен-

ное преслѣдованіе и Эйріе и г. Корша, «Живописное Путешествіе по Азій» идетъ да идетъ, нисколько не огорчаясь ценстовыми выхватами добросовѣстнаго рецензента, и даже (о велика дерзость!) нисколько не страшась ихъ. Въ пятюмъ (предпоследнемъ) томѣ сего «Путешествія» помѣщены описанія странъ, которыя, по ходу настоящихъ событій, сдѣлались весьма-любопытными и обращаютъ на себя сильное вниманіе образованныхъ, полубразованныхъ и необразованныхъ людей, — отъ Тьера, перваго министра Франціи, до мелочнаго торговца въ мелкомъ городкѣ французскомъ, отъ многоглаголивой Палаты Депутатовъ, до молчаливыхъ членовъ какого-нибудь шустер-клуба. Здѣсь читатель найдетъ исторію и географію Лагорскаго Королевства, Мульгана, Белучистана, Афганистана, Кандагара, Герата, Кабула, гдѣ Англичане водрузили свое знамя, Хивы, и наконецъ Персіи. Благодаря и издателя и переводчика за своевременное и быстрое печатаніе столь полезной книги, мы просимъ г. Корша не обращать вниманія на крики добросовѣстнаго рецензента... Онъ самъ охрипнетъ, если не охрипъ ужь!

194) Изображеніе Переворотовъ въ политической системѣ Европейскихъ Государствъ, съ исхода пятнадцатаго столѣтія. Сочиненіе Ф. Ансильона. Переводъ съ французскаго. *Томъ вторы(о)й. С.-П. бурскъ. Въ тип. Конрада Вингебера.* 1839. Въ 8-ю д. л. 376 стр.

Сочиненіе Ансильона, нѣмецкаго Француза, вышло въ Берлинѣ, на французскомъ языкѣ, въ 1803 году. Хотя послѣ того въ сферѣ историческаго знанія произошло сильное движеніе впередъ, и какъ взглядъ на исторію, такъ и ея форма много измѣнились, однако исторія Ансильона, во-первыхъ, имѣетъ свои безотноси-

тельные достоинства, которыя долбо еще не допустить ея до Леты, а вторыхъ, она сама принадлежить къ тѣмъ историческимъ сочиненіямъ, съ которыхъ началась новая эра историческаго знанія, и которыя способствовали перевороту въ его сѣрѣ. Съ этой точки зрѣнія, твореніе Ансильиона всегда будетъ имѣть великое значеніе. Съ французскою ясностію и картинностію изложенія, незатемняемою отвлеченными разсужденіями, Ансильионъ соединяетъ нѣмецкую основательность и ученость. Многія изъ его мыслей вѣрны, здравы и, по тогдашнему времени, даже глубоки. Мыслими онъ резонерствуетъ; такъ на-пр., онъ особенно любитъ разсуждать о томъ, *что бы случилось, если бы не сдѣлалось такъ, какъ сдѣлалось*. Самый пустой вопросъ, о которомъ нельзя судить и мыслить, по о которомъ можно ирезонерствовать съ три короба. А ригіи выводятся идеи, но не факты, знаніе фактовъ возможно только á posteriori. Чтобы разсуждать о томъ, что будетъ, или о томъ, что было бы, если бы предшествующее обстоятельство совершилось иначе,— для этого не пужно ни познаній, ни образованія, ни ума: болтай себя, что войдетъ въ голову, и только! Что было бы съ реформаціею, если бы Лютера не было, или если бы Лютеръ умеръ тотчасъ по сожженіи папской буллы и каноническаго права? Мы думаемъ, что лучший отвѣтъ на подобный вопросъ есть слѣдующій: *было бы то, что было бы*. Существованіе Лютера было чистѣйшею случайностію, потому-что Лютеръ такъ же бы могъ и не родиться, какъ онъ и родился, и такъ же бы могъ не получить отъ природы геніальнаго духа, какъ и получилъ его; и если онъ родился на свѣтъ и родился великимъ человѣкомъ—это чистѣйшая случайность. Необходи-

мое же и непреложное въ явленіи и судьбѣ Лютера заключаеся въ духъ его времени. Рыцарство уже отжило свой вѣкъ и падало, уступая развитію новой гражданственности, возвышенію средняго сословія и городовъ. Открытіе Америки, изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія довершили паденіе перваго и торжество второй. Средніе вѣка кончились—насталъ новый великій періодъ жизни человѣчества. Католицизмъ кончилъ свое великое дѣло. Папская власть пала въ общественомъ мнѣніи. Великій переворотъ былъ уже готовъ: оставалось случаю выдвинуть на сцену человѣка, который, по своей натурѣ и своему развитію, могъ бы сдѣлаться органомъ общей мысли, главою движенія, представителемъ вѣка, героемъ его драмы. Такимъ явился Лютеръ, самъ того не зная. Онъ не думалъ быть реформаторомъ, дѣйствовалъ не по обдуманному плану: духъ времени двигалъ его духомъ, а обстоятельства, бывшія результатомъ духа времени, указывали ему путь и средства. Путешествіе въ Римъ открыло ему глаза на столицу духовнаго міра, заронило въ его душу зерно того релігіознаго негодованія, которое потомъ произвело реформацію. Тихо жилъ Лютеръ, преподавалъ богословіе въ Виттенбергскомъ Университетѣ и пользуясь славою отличнаго профессора. Продажа индульгенцій вооружила его противъ Тецеля и ввязала въ богословскую полемику; горячность и вспыльчивость характера подвигла на сожженіе папской буллы и каноническаго права, а сила желѣзной воли и ревность не допустили его остановиться на полудорогѣ, но заставили идти впередъ. Увлекаемый обыкновенною стремительностію человѣческой мысли, подвигаемый обстоятельствами и вспомоществуемый ими, Лю-

теръ сдѣлался реформаторомъ прежде, нежели самъ созналъ это. Родись Лютеръ въкомъ позже—и никто не зналъ бы его имени. Причина очевидна: великіе люди всегда бываютъ; только не всегда обстоятельства вызываютъ ихъ на позорище міра,—и благо тѣмъ, которые рождаются въ-время и находятъ свое дѣло! Великій человекъ никогда не выдумываетъ себѣ дѣла, но находитъ его во времени, въ известномъ моментѣ діалектическаго движенія мысли, исторически-развивающейся въ событіяхъ. Следовательно, великій человекъ творитъ не свою волю, но волю послышаго его, такъ-что, часто, думая выполнять свои собственные желанія, онъ въ самомъ-то дѣлѣ есть только орудіе другой, высшей воли. Посему, форма событий всегда случайна, и вотъ почему ихъ нельзя ни предвидѣть, ни предсказывать; но *причина* событий всегда необходима, и вотъ почему—«чему быть, тому не миновать». На какія бы уступки, ограниченія и преобразования ни согласился папа—переворотъ совершился бы, хотя бы, можетъ-быть, и въ другой формѣ. Лютеръ могъ умереть и до начала и въ началѣ и въ половинѣ реформаціи, но дѣло все пошло бы своимъ чередомъ. Оно могло замедлиться, могло совершиться въ другой формѣ, могъ бы явиться другой Лютеръ, какъ бы то ни было, только оно совершилось бы, а какъ именно—объ этомъ разсуждать бесполезно. Но что во всякомъ случаѣ религіозныя войны въ Европѣ были бы неизбѣжны—это ясно, ибо *идея* совершается въ *дѣлѣ*, и такое великое дѣло, какъ реформація не могло произойти безъ потрясеній. Къ-тому же оно совершилось черезъ людей, а гдѣ люди—тамъ и страсти, и расчеты эгоизма, и фанатизмъ.

Переводъ исторіи Ансальйона це-

стерпимо-плохъ. Видно, что г. переводчикъ не слишкомъ - коротко знакомъ, ни съ французскимъ, ни съ русскимъ языкомъ. Не говоря уже о томъ, что его слогъ тяжелъ, безцвѣтенъ и мертвъ,—сколько бессмыслицъ и самыхъ грубыхъ ошибокъ въ значеніи словъ! Вотъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство справедливости нашего мнѣнія о переводѣ: «Однако Карлъ еще скрываетъ свои намѣренія и какъ будто ожидаетъ окончанія раскола рѣшеніемъ тридентскаго собора, который, *будучи требующъ обличия партіями и долженствовавшій* (!?) исцѣлитъ всѣ бѣдствія церкви, уже началъ свои засѣданія» (стр. 37). «Она вступила въ переговоры, отъ которыхъ не ожидала никакой пользы, чтобы воспламенить патріотизмъ своего народа и убѣдить его въ неизбѣжной необходимости всѣхъ» (стр. 282). Здѣсь явная двусмысленность: переговоры ли были бесполезны для возбужденія патріотизма народа, или вступленіе въ переговоры было бесполезно для возбужденія патріотизма въ народѣ? «Яковъ Армینیи отвергалъ строгія постановленія Кальвина о *предназначеніи* и *милости*» (стр. 344). Что это за строгія *постановленія*? Тутъ идетъ дѣло о *началахъ*, правилахъ, а не постановленіяхъ. Что за предназначеніе и что за *милость*? Въ подлинникѣ говорится о *предопредѣленіи* (prédestination) и *благодати* (grâce)—вотъ какъ: Jacques Arminius avait mitigé les principes sévères et durs de Calvin sur la prédestination et la grâce» (См. Tableau des révolut. du Système polit. de l'Europe. Т. II. р. 467.) Таковъ вообще весь переводъ книги Ансальйона. Жаль! такая книга стоила бы лучшаго перевода!

195) Очерки Россіи, издаваемые Вадимомъ Пассекомъ. Книга III.

Москва. В тит. Н. Степанова. 1840. В 8-ю д. л. 220—38 стр.

Эта книга «Очерковъ Россіи» открывається большою статью: «Русская Словесность», А. В. В этой статьѣ можно искать всего, только не свѣдѣній о русской словесности. Здѣсь, особенно древній до-историческій періодъ, особенно Индія играютъ главную роль. Сначала авторъ ловить представленіе литературы и силится опредѣлить его; но эти усилія походять нѣсколько на игру въ жмурки. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ: «Литература въ отношеніи къ тѣмъ народному (?), есть неоспоримо голосъ прошедшаго къ настоящему и настоящаго къ будущему». Сначала литература была изустною, потомъ, по изобрѣтеніи письма, назвалась *изящною*. Замѣчательно мнѣніе автора о производствѣ слова—изящный отъ санскритскаго *Isiaca* (что изображено въ примѣчаніи санскритскими буквами), значащаго происхожденіе; слово это происходитъ отъ слова *изи*, имени Сивы, въ значеніи творца, произродителя природы; отсюда же египетское слово Изида. Сколько хлопотъ, чтобы объяснить слово «изящный», а между тѣмъ ларчикъ такъ просто открывается... Произшла поэзія, языкъ чувства и проза, языкъ ума. Далѣе слѣдуетъ разсужденіе о началѣ письма, разсужденіе, въ которомъ вставлено множество различныхъ словъ и названій китайскихъ, финикійскихъ, халдейскихъ... Потомъ объ индійской литературѣ и наконецъ — совершенное вавилонское столпотвореніе! Народъ за народомъ высовываетъ изъ хаоса голову, пролепечеть нѣсколько дикихъ словъ, совершенно некстати, безъ всякой нужды, и исчезнетъ. Все перепутано съ различными этимологическими догадками, произносимыми асерторическимъ тономъ,

съ страшными дериваціями; пѣ-пр. отъ гартъ, горьніе производятся гѣре (печаль); отъ слова «жаръ» производится шаръ, на томъ основаніи, что жаръ значить шипѣніе и трескъ (!) огня, а шаръ — идея о кругѣ (!!!); наконецъ отъ того же несчастнаго слова «гартъ» происходитъ не только горе, но и гора, и грудь, и чуть ли не все, въ чемъ есть *е да р*; отъ тѣмъ — дума (помилуйте!)... Первый отдѣлъ состоитъ въ разсмотрѣніи литературы изустной. Тутъ авторъ разпространяется о народахъ цѣлтычскихъ и тевтошскихъ. Все это до крайности темно и сбивчиво. Видно, что авторъ о многихъ предметахъ упоминаетъ только для-того, чтобы показать, что онъ объ нихъ знаетъ. Толкуется о друидахъ, скальдахъ, французскихъ трубадурахъ, труверахъ, германскихъ миннезенгерахъ, английскихъ минстреляхъ; наконецъ доходить дѣло до Славянъ. Кое-что о первоначальномъ бытѣ Славянъ, отрывокъ изъ легенды о Любушѣ, рсестръ словъ одинаково, — звучащихъ въ славянскомъ и санскритскомъ языкахъ, и дошедшихъ до свѣдѣнія автора, отрывки изъ чешскихъ древнихъ пѣсень о Честмирѣ и Влаславѣ, — возетановленіе, по мнѣнію автора, искаженной думы о Зобоѣ, Славѣ и Людекѣ, и пр. Наконецъ кое-что о русскихъ богатырскихъ пѣсняхъ, и между прочимъ очень дѣльно замѣчено, что встрѣчающіяся въ нихъ новыя слова и обороты не должны нисколько бросать подозрѣнія на древность ихъ произхожденія; кое-что объ украинскихъ пѣсняхъ и думахъ; какъ великорусскимъ, такъ и малороссійскимъ пѣснямъ, авторъ посвящаетъ только послѣднія 10 страницъ, тогда-какъ вся статья занимаетъ 70 страницъ.

Статья «о малороссійскихъ свѣткахъ» самого издателя, имѣетъ видъ повѣсти или разсказа въ нѣсколькихъ

сцеплахъ. Статья не безъ интереса и читается легко, хотя гораздо было бы лучше, если бы авторъ былъ попроще и не слишкомъ утруждалъ свою фантазію. Правда, всего лучше и живѣе можно познакомиться съ бытомъ народа въ произведеніяхъ эпическаго характера, какъ-то въ романахъ, въ повѣстяхъ; но надобно, чтобы эти романы и повѣсти были произведенія художественныя. Для-того, чтобы придать болѣе живости не мѣшаетъ разсказать въ лицахъ, по, повторяемъ, все-таки, автору этой статьи слѣдовало бы немного поубуздать свою фантазію.

Довольно-хороша статья «о Гайдамакахъ», и всего лучше статья о Бахчисараѣ, писанная, какъ видно изъ всего, дамою, скрывшею однакожь свое имя; статья составлена живо, легко, свободно, и такъ созерцательно изображаетъ бытъ татарскихъ аристократовъ этой древней столицы хановъ крымскихъ. Есть и еще нѣкоторыя занимательныя, большею частію мелкія, статьи.

И при этой книжкѣ «Очерковъ» приложены прекрасно-сдѣланные литографическіе рисунки: 1) Ханская мечеть въ Бахчисараѣ, 2) Одежды жителей Корчевскаго Уѣзда, 3) Храмъ Каплуновской Божіей Матери; 4) Монастырь Корейнской Божіей Матери; 5) Карасубазарскій Базаръ въ Крыму; 6) Древніе Русскіе Корабли, и 7) Хавскій Гаремъ въ Бахчисараѣ. Изданіе этой книжки вообще такъ же изящно и роскошно, какъ и изданіе первыхъ двухъ книжекъ «Очерковъ».

196) Сворникъ Князя Овощенскаго, № 11. Москва. 1840. Въ тит. А. Семенова. Въ 8-ю д. л. 51 стр.

Въ этой книжкѣ историческаго «Сборника» (о первыхъ десяти книжкахъ его мы говорили ужѣ въ прошломъ году), нмѣющаго, какъ выражается почтенный издатель, единственную

цѣль, сохранить отъ гибели драгоцінные историческіе памятники, — помѣщено нѣсколько замѣчаній для издатель русскихъ лѣтописей, и тѣ странницы кѣнигсбергскаго списка Нестора, которыя свѣрены Миллеромъ со спискомъ троицкимъ; тутъ же означены и всѣ отмѣтки, сдѣланныя Миллеромъ.

Въ чемъ состоитъ дѣло, объяснимъ словами самого автора:

«Всѣмъ извѣстно, что пергаментный, XV вѣка, Троицкій списокъ Несторова Временника, сгорѣлъ въ 1812 году; но немногіе знаютъ, что съ начальныхъ листовъ этой погибшей драгоцінности существуетъ вѣрнѣйшій противень. Въ библиотекѣ Главнаго Московскаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, подъ № 45, хранится печатный экземпляръ Лѣтописи Нестора, издаваемой по Радзивиловскому или Кенигсбергскому списку и напечатанный въ С. Петербургѣ, въ 1767 году, въ Библиотекѣ Россійской Исторической. Экземпляръ этотъ замѣчательнъ во-первыхъ потому, что находится въ рукахъ Николая Михайловича Карамзина и на немъ находятся во многихъ мѣстахъ собственноручныя его отмѣтки; во-вторыхъ, и еще болѣе тѣмъ, что покойный историографъ Миллеръ, слыхавъ оный съ пергаментнымъ Троицкимъ спискомъ Несторовой Лѣтописи, отмѣчалъ на поляхъ его не только всѣ варианты и разнословія, находящіеся въ немъ противъ Троицкаго списка, но поправлялъ и орфографію печатнаго экземпляра, держась въ точности правописанія Лѣтописца Троицкаго. И такъ, въ потеррадрагоцінной троицкой лѣтописи, мы можемъ быть нѣсколько вознаграждены самовѣрнѣйшимъ противнемъ, сдѣланнымъ съ нею историографомъ Миллеромъ. Жаль только, что онъ не продолжалъ замѣчаній своихъ до самаго конца списка, и любопытно было бы знать, что остановило начатую имъ сдѣлку. сходство ли остальныхъ листовъ Троицкаго списка съ спискомъ Лаврентьевскимъ, какъ о томъ многіе догадываются, или даже сходство съ самымъ Кенигсбергскимъ спискомъ? Но кажется, вѣтъ сомнѣній, что разнорѣчія, найденныя Миллеромъ въ началѣ двухъ списковъ, слыхаемыхъ имъ, должны были встрѣчаться и въ продолженіи остальнаго ихъ текста, и что только другіе труды отыскали одного изъ первыхъ критическихъ

исследователей нашей истории от этого за-
гнѣтлѣя.»

Эти замѣтки о разнорѣчіяхъ, най-
денныхъ Миллеромъ въ началѣ двухъ
списковъ, помѣщены кн. Оболенскимъ
внизу страницъ, а самыя страницы,
2—13, наполнены текстомъ кѣнниг-
сбергскаго списка, свѣршеннаго со спи-
скомъ троицкимъ.

Нѣсколько замѣчаній, приложен-
ныхъ къ этой статьѣ почтеннымъ авто-
ромъ, показываютъ ясно важность
миллеровыхъ замѣтокъ и дѣйстви-
тельно заставляютъ глубоко сожалѣть, что
Миллеръ не кончилъ своего труда.
Сличеніе одного мѣста троицкой лѣ-
тописи (или кѣннигсбергской, попра-
вленной Миллеромъ) съ тѣмъ же мѣс-
томъ въ списокъ лаврентьевскій, об-
наруживаетъ рѣзкое разнорѣчіе; а ме-
жду-тѣмъ наши исследователи и изда-
тели лѣтописей, не имѣя подъ рукой
списка троицкаго, даютъ совсѣмъ
другой смыслъ мѣсту, приведенному
кн. Оболенскимъ: неточность въ раз-
становкѣ знаковъ препинанія, измѣне-
ніе и искаженіе нѣкоторыхъ словъ во-
влекаетъ ихъ въ изысканія много-
сложныя, запутанныя и натянутыя,
тогда-какъ настоящая орѣографія спи-
ска троицкаго сама-собой поясняетъ
дѣло какъ - пельза - проще и есте-
ственнѣе.

Кромѣ осмотра лѣтописей нашихъ
до того только мѣста, по которое па-
ходила у кн. Оболенскаго копія съ
списка троицкаго, и тѣхъ выводовъ,
которые извлечены изъ этого начала,
почтенный авторъ «Сборника» продол-
жаетъ разсматривать съ тѣмъ же вни-
маніемъ и другія нѣкоторыя мѣста
остальнаго текста всѣхъ извѣстныхъ
списковъ и, въ этомъ 11 М, пред-
ставляетъ изысканія свои о словахъ
Кары и *Гуды* (въ договорѣ Олега
съ дворомъ византійскимъ, заключен-
номъ въ 911 году) и о словахъ: *Ку-*

пецъ, *Бруны*, *Моны* (въ договорѣ Иго-
ря, заключенномъ съ византійскимъ
же дворомъ въ 945 году).

Въ концѣ книги находятся два до-
полненія. Въ первомъ почтенный
авторъ развиваетъ свою догадку о
происхожденіи нашихъ лѣтописей,
которыхъ у насъ такъ много, и кото-
рыя, имѣя всегда одинаковое или по-
крайней-мѣрѣ однообразное начало,
различны одна отъ другой въ своемъ
продолженіи, — догадку, могущую хотя
нѣсколько, въ настоящее время исто-
рическаго скептицизма, повстановать
вѣру къ нашему времени и тѣмъ
самымъ подтвердить достовѣрность со-
бытій, повѣствуемыхъ Несторомъ,
какъ очевидцемъ или, по-крайней-мѣ-
рѣ, какъ современникомъ. Во второмъ
доказывается мысль, что слово: *доб-*
ры, такъ часто прилагаемое въ на-
шихъ лѣтописяхъ къ *людми*, озна-
чаетъ не качество, а санъ ихъ.

Мы, съ своей стороны, должны бла-
годарить автора за его весьма-полез-
ныя изысканія въ отечественной
исторіи. Каждый номеръ его *Сборни-*
ка болѣе и болѣе убѣждаетъ насъ
(это убѣжденіе выражали мы всегда) -
что князь Оболенскій съ любовью къ
предмету своихъ занятій соединяетъ и
обширныя въ немъ свѣдѣнія. А много
ли у насъ такихъ любителей отече-
ственной исторіи?

197) Записки Желявужскаго
съ 1682 по 2 іюля 1709. *Синкмо-*
турбуръ. Въ типографіи Императ.
Рос. Академіи. 1840. Въ 8-ю д. л.
IV и 314 стр.

Составитель этихъ «Записокъ», Иванъ
Аванасьевичъ Желявужскій, жилъ въ
царствованіе Θεодора Алексѣевича,
въ правительствованіе Софіи Алексѣе-
вны, и наконецъ во время Петра-Ве-
ликаго, и занималъ одно изъ важ-
нѣйшихъ тогдашнихъ государственныхъ
мѣстъ, — мѣсто окомплчато;

следственно, онъ былъ современникомъ величайшей эпохи въ бытѣ Россіи. Не мудрствуя лукаво, записывалъ Желябужскій то, что слышалъ, что читалъ, чему самъ былъ свидѣтелемъ, и записки его отъ-того имѣютъ для насъ всю важность достовернаго историческаго матеріала. Голиковъ, при составленіи «Дѣяній Петра Великаго», весьма-много пользовался ими, какъ драгоценнымъ пособіемъ для знакомства съ первыми двадцатью годами царствованія безсмертнаго Преобразователя. Но до-сихъ-поръ мы знали эти записки только изъ издавнаго покойнымъ Туманскимъ «Собранія разныхъ записокъ и сочиненій, служащихъ къ доставленію полнаго свѣдѣнія о жизни и дѣяніяхъ Государя Императора Петра Великаго» (С. П. Б. 1786—1787). Нынѣ, нашъ почтенный и ученый археологъ Д. И. Языковъ, имѣя подъ рукою два списка съ этихъ «Записокъ», взялъ на себя трудъ сличить то, что напечатано у Туманскаго, съ своими двумя списками, съ выпискою, сдѣланною изъ Желябужскаго историографомъ Миллеромъ, съ Журналомъ барона Гизена, Журналомъ Петра-Великаго, Марсовою Книгою, и пр. и, «составивъ (какъ онъ выражается) для себя списокъ довольно исправный», напечаталъ его. Въ выпискахъ издатель показываетъ разпорѣчія составлешаго имъ списка съ выпискою изъ записокъ Желябужскаго, находящуюся въ «Собраніи» Туманскаго; важныхъ разпорѣчій между этими двумя текстами нѣмного: у Туманскаго оказываются большею-частью описки, рѣдко измѣняющія смыслъ до того, чтобы нельзя было догадаться, въ чемъ дѣло.

Замѣтно вообще, что Желябужскій велъ свой журналъ не непрерывно: иное, кажется, записано имъ тотчасъ же, современно событію, иное воста-

влено послѣ, отъ-чего онъ часто и путается въ годахъ, а другое такъ и совсѣмъ пропускаетъ. Такъ, на-примѣръ, у него ни слова не сказано о заточеніи въ монастырь царевны Софій Алексеевны, по открытіи покушенія ея на жизнь Петра, хотя и говорится о казни Шакловитаго; не сказано о кончинѣ патріарха и уничтоженіи патріаршества; нигдѣ неупомянуто даже имя супруги Петра, Екатерины: сказано только при описаніи взятія Адыста (Маріенбурга): «взята сеиаторская дочь, да пасторъ съ женою и съ дѣтьми, и нѣмля многія Намки съ дѣтьми своими» (стр. 199); пропущены нѣкоторые преобразованія въ частной и государственной жизни, введенныя Петромъ-Великимъ по возвращеніи его изъ первой поѣздки, самое составленіе посольства, при которомъ онъ отправился, даже основаніе Петербурга, и множество другихъ важнѣйшихъ фактовъ, — а вставлены, на-примѣръ, весьма-неважные для исторіи формулярные списки двухъ полковниковъ, Гулиця и Вердена, и проч. Но все это служить лучшимъ ручательствомъ въ искренности, въ чистосердечіи разсказовъ Желябужскаго: видно, что онъ записывалъ все, казавшееся ему самому интереснымъ, и записывалъ на память только для себя, а не для другихъ, вѣрнѣе не думалъ, чтобы его домашняя памятная книга была когда-нибудь напечатана во всеуслышаніе. Иногда даже скорость следовавшихъ одно за другимъ событій мешала ему записывать, какъ самъ онъ признается на стр. 193-й.

Но что за наслажденіе читать эти простые, безхитростныя записки! Отъ нихъ такъ и вѣетъ на васъ тою эпохою, которая отразилась въ нихъ, какъ въ зеркалѣ. Это не исторія, но лѣтопись, не разсказъ: это живая, драматическая картина, выходящая всю

важность исторія, всю обаятельную силу лѣтописи, всю прелесть разсказа.

Какъ матеріалы для политической исторія, драгоценны въ «Запискахъ» Желябужскаго подробныя описанія войны шведской до полтавской битвы включительно, и походовъ подъ Азовъ: у него вставлены не только описанія самыхъ битвъ, но даже подлинныя реляціи, присланныя Петромъ въ Москву съ театра войны; письма его къ патриарху съ извѣстіями о побѣдахъ, читанныя дяками въ соборъ передъ народомъ; письма въ Посольскій Приказъ; разныя извѣстія, получавшіяся съ почтою изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ дѣйствовали тогда русскія войска, и даже извѣстія о некоторыхъ современныхъ событіяхъ въ Польшѣ взятыя изъ «почтовыхъ» печатныхъ польскихъ и иѣмецкихъ курантовъ» (газетъ). Равноумно важны некоторые подробности стрѣльцкихъ бунтовъ, кожуховскаго похода, важнѣйшія подлинныя узаконенія Петра-Великаго, цѣлкомъ внесенныя въ «Записки» и пр. и пр. Тамъ-и-сямъ между этими важными историческими фактами и безъ всякой связи съ ними, вы встрѣчаете, особенно въ первой половинѣ «Записокъ», замѣтки современника о погодѣ, о затмѣніяхъ, о неурожаихъ, дороговизнѣ хлѣба и разныхъ мелкихъ происшествіяхъ, высказанныя со всею патриархальною, лѣтописною наивностию: на-примѣръ, между страшной казнію Шакловитато и сожженіемъ «вѣдомаго вора и подыскателя московскаго государства Андрюшки Безобразова», читаете, что въ 1690 году: «была саранча во всехъ городахъ и уѣздахъ, и на Москвѣ», а послѣ казни Безобразова— что «былъ посолъ персидской изъ Кизылбашъ, отъ шаха персидскаго, съ дарами и съ звѣрьми, а звѣрей съ нимъ приславо левъ

да львица»; то вдругъ, передъ походомъ на Азовъ, видите, что «Генваря 6 (1696), въ Богоявленіевъ день, государю царю и великому князю Иоанну Алексѣевичу былъ на воду выходъ, а царю Петру Алексѣевичу выходу на воду не было. И того числа было весьма тепло, власно такъ, какъ въ великой постѣ: растаяло, и лужи были, также и капели, и была молнія, и исбо разъвалося»; во время же битвъ съ Турками «въ Смоленскѣ была буря великая, половину церкви соборной сорвало и колокольню, и колокола за городъ бурей сорвало»; передъ самою полтавскою битвою — «морозы были великіе; многіе на дорогахъ помрели, также и снѣги были глубокіе, а вода была великая на Москвѣ, подъ каменной мостъ подъ окошки подходила и съ береговъ дворы свосила, и съ хоромами и съ людьми, и многіхъ людей потопила, также и церкви многія потопила, и у Ивана Воинственника за Москвою рѣкою церковь Божію потопила, вновь святили»;— то вдругъ было на Москвѣ на небѣ явленіе: «столла съ полуденной стороны зѣзда съ хвостомъ»; то—«гибло солнце рано по утру»... Все это имѣло таинственный смыслъ для нашихъ стариковъ: или предвѣщало имъ разныя бѣды и напасти, или служило знаменіемъ гнѣва Божія; все, слѣдственно, интересовало ихъ въ высшей степени, и Желябужскій вносилъ эти событія въ свой журналъ какъ пошло, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они случались.

Но этотъ памятникъ, пережившій слишкомъ сто-тридцать лѣтъ и дошедшій къ намъ почти въ первобытномъ своемъ видѣ, болѣе всего драгоцененъ какъ безпристрастный глашатай старины, общинитель тогдашнихъ правовъ, вѣрное зеркало Руси до-петровой и Руси, подвергшейся благодѣтельному преобразованію при жизни Ве-

никаго. Если собрать во - едию всё находящіяся въ «Запискахъ» Желябужскаго замѣтки о частныхъ событіяхъ, объ уголовныхъ процессахъ и вообще происшествіяхъ, знаменующихъ тогдашнюю степень нравственнаго состоянія и образованности, то можно начертить себѣ самую мрачную, самую грустную картину дикости, разврата, нечѣжества, отчужденія всякой идеи о политическомъ и гражданскомъ долгѣ, въ самыхъ высшихъ, следовательно, образованнѣйшихъ классахъ тогдашняго общества. И вдругъ посреди этого-то общества, сформированнаго только механически, еще непринявшаго въ себя начатки образованія, но придвинутаго только къ тому пути, по которому это образованіе должно въ него проникнуть, является благодатное солнце, озаряетъ эту громадную глыбу лучами своими, и эта глыба превращается въ плодородную почву, и все оживаетъ въ ней жизни стройною, органическою; духъ человечества проникаетъ въ русскую землю, и русская земля превращается въ великій народъ, приобщающійся къ общими мировыми интересами, двигающійся въ систему прогрессивнаго развитія человечества... Какова должна была происходить борьба этого густаго, вѣковаго мирака съ лучезарнымъ свѣтомъ, почти-внезапно явившимся!...

Въ «Запискахъ» Желябужскаго почти на каждой страницѣ васъ поразятъ такіа отыѣтки, въ которыхъ яркими чертами выразились нравы того жалкаго времени. Вы встрѣчаете поминутно, что, на-примѣръ, такой-то воевода бить батоги вмѣсто кнута, такой-то думный дякъ бить плетми за воровское дѣло, а другой дякъ «подымалъ на козель и, вмѣсто кнута, бить батоги назадно» за то, что поставилъ на правѣжъ своего человека вмѣсто отвѣтчи-

кова (*);—такой-то князь бить кнутомъ за то, что *жену убилъ*;—такой-то бояринъ «*пыталъ* въ государственномъ въ великомъ дѣлѣ, и въ ночи *ужеръ*»;—такой-то бояринъ съ людьми своими *прибилъ* такого-то *стольника*, и послѣ многихъ заперательствъ, испугавшись «крестнаго цѣлованія», сознался, что онъ того *стольника* «не помня, *пьянымъ дѣломъ билъ*»;—Иванъ Петровъ сынъ Бортеневъ бить кнутомъ нещадно за то, что бралъ взятки, также бралъ женокъ и дѣвокъ на постелю»;—Юрѣя Дохтуровъ, да Василей Долгой, да Семень Карандзель, да Тарбзевъ были у Страшной Богородицы, и побранились, и *ножами порѣзались*; сержантомъ взяты на Потышной Дворѣ и держаны, а въ Земскомъ Приказѣ *пыталъ* Иванъ Петровъ сынъ Бушаконъ, *по челобитью боярина князь Василья Васильевича Голицына* (высшаго саповника въ государствѣ, любимаца Софій) «для того, что онъ *выгналъ у него слѣдъ*», т. е. вырѣзалъ ножомъ землю, на которой отпечатался слѣдъ боярина: существовало повѣрье, что если вырѣзать чей-нибудь слѣдъ и спрятать подъ матицу или князѣкъ, то тотъ, у кого вырѣзанъ слѣдъ, начнетъ тосковать, а потомъ сохнутъ; и первостепенный, сильнѣйшій вельможа того времени велѣлъ по одному подозрѣнію пытать какого-то несчастнаго Бушаконъ, который—нѣчего дѣлать—сталъ увертываться, выдумавъ, что де «землю для того въ платокъ взялъ и завязалъ, что ухватить его утнѣ (геморроидальный припадокъ), и прежде сего то бывало, гдѣ

(*) *Правѣжъ* называлось взысканіе долговъ: несостоятельныхъ должниковъ выводилъ передъ приказъ, разували и, по призадъ судей, *били палками по голымъ ногамъ*, что продолжалось до вызвада судей изъ приказа. Должникъ могъ выставлять на правѣжъ, вместо себя, *людей своихъ*.

ухватить, тутъ же землю и беретъ; и пр.; или наконецъ читаете вотъ-такую отыбку :

«Въ томъ же году (1688-мъ) князь Яковъ Ивановъ сынъ Лобановъ-Ростовской, да Иванъ Андреевъ сынъ Микулинъ, гздили на разбой по Троицкой дорогѣ, къ Красной Соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ ихъ великихъ Государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли къ себѣ, и двухъ человекъ мужиковъ убили до смерти. И про то ихъ воровство розыскивано, и по розыску онъ князь Яковъ Лобановъ взять съ двора и привезенъ былъ къ красному крыльцу въ простыхъ савишкахъ, и за то воровство учинено ему князю Якову наказанье бить кнутомъ въ Жилецкомъ подклѣтѣ, по упросу верховой боярыни и мамы клпагини Анны Никифоровны Лобановой-Ростовской. Да у него жъ князь Ивана отнято за то сво воровство безповоротно четьреста дворовъ крестьянскихъ. А человекна его Калмыка, да казначея, за то воровство повѣсили (стр. 19).

И такія отыбки, разбѣяныя въ разныхъ мѣстахъ «Записокъ», по всему видно, Желябужскій дѣлалъ только о людяхъ именитыхъ, знатныхъ: что же было въ среднихъ и нижнихъ слояхъ общества? Страшно и подумать... Далеко ли отошла Россія первыхъ годовъ XVIII-го столѣтія отъ половины XV-го, съ которой она—уже не являющаяся, враждующія между собою, но единое государство? И какой неизмѣримый, невыполнимый шагъ въ продолженіе менѣе нежели столѣтія отъ первыхъ годовъ XVIII вѣка до послѣдней половины его — на-примѣръ до царствованія Екатерины-Великой? когда все насажденное Петромъ начало приносить плоды сторицею, когда жизнь европейская, видѣвшаяся въ народность русскую, просвѣтляла ее, не искаживъ ея, и усыновила русскій народъ челоѣчеству, сдѣлавъ его однимъ изъ важнѣйшихъ его органовъ, однимъ изъ могучихъ дѣйствителей на поприщѣ историческаго міра. И

все это сдѣлано гениемъ только одного челоѣка, въ-продолженіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ!.. Неистощимо!.. За-то сколькихъ трудовъ, какого страшнаго боренія стоило это перерожденіе! ни въ одномъ государствѣ не было такой ужасной борьбы, потому-что ни одно государство не имѣло Петра, соединявшаго въ душѣ своей и планы гениальные, и потребности высшія, и силу воли неодолимую. Онъ чувствовалъ, что ему должно торопиться, онъ весь проникнуть былъ своею всеобъемлющею мыслию и, слѣдственно, не могъ откладывать, не могъ ничего представлять времени. Да, необходимо было, чтобы —

Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили матежи и казни. . .

И въ «Запискахъ» Желябужскаго много отыбокъ, представляющихъ живо это страшное время борьбы усумолчной, это «начало славныхъ дѣлъ». Вотъ, на примѣръ, какъ рассказывалъ онъ о наказаніяхъ, слѣдовавшихъ за открытіемъ заговора Циклера, Соковинна и Пушкинна, замыслившихъ, вмѣстѣ съ выборными стрельцами, убить Петра за то, что онъ, собираясь въ путешествіе, дать повелѣніе послать къ чужіе края нѣсколько молодыхъ людей, дѣтей боярскихъ и дворянскихъ, чтобы тамъ просвѣтити ихъ науками. Это была, такъ сказать, первая фаланга, высланная закореннымъ невѣжествомъ прѣтивъ образованности.

«Февраля въ 24 день (1697), во извѣстную стремляного вѣстнаго Маріюва Елизарова, взяты въ Преображенское, думной дворянинъ Иванъ Елисеевъ сынъ Циклеръ, и росприцаванъ, и въ очной ставкѣ пытанъ. А говорилъ на товарищевъ своихъ, на окопичего на Алексѣя Прокофьева, сына Соковинна, и на сына его Василья, также на боярина на Матвѣя Степанова сына Пушкинна, и на сына его Федора, да на Алексѣя (Сбухова, что полковникъ. И съ очными

«ставокъ они пытаны и вивились въ воровствѣ и въ умыслѣ на государское здравіе, чего и въ мыслѣ человеку не въмѣстится...»

За симъ съдудеть списокъ послѣдняго «наказа», написаннаго «на жестяныхъ листахъ на площади у каменнаго столба». Въ этомъ наказѣ излагаются показанія виновныхъ о томъ, какъ они надѣревались убить Петра и возвести на престолъ «Ивашку де Цыклера». Потомъ:

«И на Красной Площади, по указу Великаго Государя, зачатъ строить столбъ каменный, и марта въ 4 день тотъ столбъ каменный додѣланъ, и на томъ столбу пять рожковъ желѣзныхъ вдѣланы въ камень, и того числа казнены вѣдомые воры и измѣнники, которые умыслили на государское здравіе въ Преображенскомъ» (съдудють ихъ меча). «И въ то время къ казни изъ Москвы выкопаны мертвой бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославской и привезенъ въ Преображенское на саняхъ, и гробъ его поставленъ былъ у плахъ измѣнничихъ, и какъ головы имъ съкли, и руду (кровь) точили въ гробъ на иво Ивана Милославскаго...» (*)

(*) Объ этой посмертной казни Милославскаго есть и у Туманскаго (ч. I, стр. 237): «Тѣло его Милославскаго въ церкви святителя Христова Николая, вмялуемаго Столпа, что на Покровкѣ, изъ травезы вышуту, и пожеже онъ всегда всякаго любочестія и властолюбія былъ исполненъ и великимъ былъ желателемъ всякаго всякъ зла, того ради равномерную себѣ честь и пристойное награжденіе получилъ; ибо его смрадный трупъ, до самого Преображенскаго Приказу, съ приличною ему честию везенъ былъ на тележкѣ о шести чудскихъ свиняхъ, го бржешиемъ палаческимъ, и по привозѣ весь оный трупъ его, отъ тѣхъ же заплочныхъ мастеровъ, топорамъ на части расчленилъ и во всѣхъ застѣнкахъ (комнатахъ, гдѣ производились пытки) «подъ дыбамъ, изъ вѣчную его Милославскаго кровопролитія бывшаго память, оныя скраденныя части его закопаны, и умножаемою воровскою кровію и донывъ обливаются, по псаломскому слову: Мужа кровей и лъсти глушается Господь.»

Черезъ пять дней послѣ этой казни, (марта 10-го) «изволилъ Государь пойти за море, а Москва приказана ближнему стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому.»

Между-тѣмъ, пока Петръ ознакомился съ Европою, упорная старина приготовила новыя преграды благотворнымъ начинаніямъ: составились новыя заговоры, начались новыя возмущенія. Выдвинуто послѣднее войско дикой, невѣжественной старины для-того, чтобъ не впускать въ русскую тѣму свѣта европейскаго, — новая борьба для Великаго. «Августа въ 25 день (1698) великій государь царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ изволилъ приттвѣть изъ-за моря»; тотчасъ посланы были по городамъ грамоты для отысканія стрѣльцовъ, которые, послѣ бунта, происшедшаго въ его отсутствие и ускоришаго его возвращеніе, были разлучены по городамъ безъ навазанія; эти стрѣльцы привезены въ Преображенскій Приказъ.

«И въ Преображенскѣ тѣ стрѣльцы роспрашиваны порознь, и послѣ роспросовъ пытаны въ разныхъ застѣнкахъ, и розыски были непрестанные. А всѣхъ было 30 застѣнковъ, и въ тѣхъ розныхъ застѣнкахъ были у всякаго застѣнку болре, и околнничіе, и душные дворяне... Также брали изъ двѣнчля монастыря боярынь, и дѣвокъ, и старицъ въ Преображенской, и въ Преображенску оны роспрашиваны, и по роспросамъ пытаны; и на всѣхъ» (на дыбъ). «Жукова дочь дѣвка родила.

«И по розыску тѣ стрѣльцы казнены розными казнями, и по всѣмъ дорогамъ тѣ стрѣльцы владены на колеса тѣла ихъ по десяти человекъ, и сквозь колеса въ ступицы проткнуты колья, взоткнуты на тѣ колья ихъ стрѣлецкія головы. А нынѣ повѣшены были по всему Земляному Городу въ всѣхъ воротахъ по обѣ стороны, также и Бѣлого Города, за городомъ, у всѣхъ воротъ по обѣ ж стороны; сквозь зубцовъ городовыхъ стѣнъ просунуты были бревна, и концы тѣхъ бревенъ затвождены были пазури

Вьлого Города, а другіе концы тѣхъ бревенъ выпущены были за городъ, и на тѣхъ концахъ вѣшены стрѣльцы. А нѣмѣ вѣшены на Дввищемъ Полѣ предъ монастыремъ, и въ руки воткнуты имъ челобитныя, а въ тѣхъ челобитныхъ написаны противъ ихъ повинки. Также у нихъ стрѣлцкихъ сѣзжихъ избъ они стрѣльцы вѣшены чловѣкъ по двадцати и по сороку и большы. А пущце изъ нихъ воры и заводчики, и у нихъ, за ихъ воровство, ломаны руки и ноги колесами и тѣ колеса взоткнуты были на Красной Площади на колья, и тѣ стрѣльцы за свое воровство, *ломаны живые*, положены были на тѣ колеса; и *живы были на тѣхъ колесахъ не много не сутки*, и на тѣхъ колесахъ *стонали и охали*. . . И по указу великаго государя одиѣ изъ нихъ застрѣленъ изъ дузев, а застрѣлялъ его Преображенской сержантъ Александра Меншиковъ. А попы, которые съ тѣми стрѣльцами были у нихъ въ полкѣхъ, одиѣ передъ Тимошскою Избою повѣшенъ, а другому отсѣчена голова и взоткнута на колья, а тѣло его положено было на колесо, также что и стрѣльцы. А въ Преображенскомъ у того розыску были и тѣхъ стрѣльцовъ казнили болре и всѣ полатные люди *сажи* топорами и палашами. . . »

Потомъ, подъ 1702-мъ годомъ, чнтаете еще:

«Въ томъ же году мученъ разными пытками на Красной Площади, ведомой вору Гришка Галицкой, въ великомъ государственномъ дѣлѣ, и сожженъ. И многіе великихъ чиновъ люди, и отъ приходовъ изъ монастырей дьячки, ловлены и пытаны и розыску были великіе. . . »

Время тяжкое, событія кровавыя, — но этими жертвами искуплены образование, сила и величіе Россіи! Правосудная строгость Петра, какъ единственное средство совершить благодѣтельный переломъ, отличала всѣ дѣла его до самой его смерти. И у Желябужскаго находите часто отытки подобныя слѣдующимъ: «Полковникъ Иванъ Мокшеевъ въ Преображенскомъ битъ кнутомъ за то, что отпустилъ раскольника и отъ полку отставленъ»; или: «подъ Слюспнымъ

(Шлюссельбургомъ) повѣшенъ Преображенского Полку урапорщикъ Нестеръ Кудрявцовъ, да солдатъ 22 чловѣка за то, что съ приступу побѣжали»; «въ дѣтнемъ походѣ битъ батоги Андрей Осиповъ сынъ Мертовой за то, что онъ Татарина порубилъ саблею»; «въ томъ же году (1702) во Псковѣ воженъ на площадь въ желѣзахъ, и на рукахъ колодка Иванъ Михайловъ Шмаковъ, и *пробити у него мьвалъ рука ладонь ножемъ* за то, что онъ покололъ полковника своего ножемъ». Эта строгость и нелицепріятіе Петра доказываются еще упоминаемымъ у Желябужскаго наказаніемъ думнаго дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова, который принадлежалъ къ числу важнѣйшихъ государственныхъ людей того времени, былъ любимъ Петромъ и, не смотря на то, *битъ дубьемъ*, и вѣрно ему «за вину (?) сдѣлать на Преображенской и Семеновской полки епанчи да шляпъ 1400. . . »

Далѣе, у Желябужскаго найдете извѣстія о мѣрахъ, предпринятыхъ Петромъ для преобразования частной русской жизни; на-примѣръ: «Августа въ 26 день (1700) прибыты по градскимъ воротамъ указы о платьѣ французскомъ и венгерскомъ, и, для образца, *повѣшены были чютели*, сирѣчь образцы платья»; на свадьбѣ шуута Ивана Шанскаго (1702), въ насмѣшку, «были бояре и околышчіе, и думные, и стольники, и дьяки во мхонѣхъ, въ фerezѣхъ, въ горлатныхъ шапкахъ, также и боярыни; или: Иванъ Даниловъ сынъ Наумовъ на смотрѣ битъ батоги нещадно за то, что у него борода и усъ не выбриты»; а «Григорій Григорьевъ сынъ Камышинъ битъ плетью за то, что онъ былъ написанъ въ *славлене*, да не *вздилъ*. Это *славлене* (известный обрядъ прославлять рождество Христово о святкахъ) слу-

жило Петру - Великому въ числѣ средствъ для истребленія мѣстничества и снѣси боярской. Государь одѣвалъ надменнѣйшихъ изъ бояръ въ старинное богатое платье и, подѣ разными названіями, водилъ ихъ по знатымъ домамъ, заставляя возглашать многолѣтніе хозляну и хозлякъ дома, которые обязаны были подчивать ихъ крѣпкими напитками, а молодые офицеры, сопровождавшіе славельщиковъ, приговаривали: «допивайте все; такъ дѣлали отцы и дѣды наши; а вѣдь старыя обычанъ лучше новыхъ».

Много, много еще важныхъ историческихъ подробностей найдете въ журналь Желябужскаго: и о свадьбѣ шуута Тургенева, при которой поѣздъ ѣхалъ на быкахъ, козлахъ, свиньихъ и собакахъ, — и о томъ, какъ однажды «закричалъ мужикъ караулъ и въ распроръ сказалъ, что онъ сдѣлавъ крыльѣ станетъ летать какъ журавль», и какъ онъ не полетѣлъ, и какъ за то «учинено ему наказанье, бить батоги съемъ рубашку»; — увидите и публикацію о первой русской лоттерей, устроенной часоваго дѣла мастеромъ Гасениусомъ, который объявилъ, что «будетъ скорѣе установлено счастливое воспитаніе, по иноземчески называются *лоттори*, въ 80 рублей лотъ, съ числами, гдѣ всѣмъ охотникамъ или охотницамъ вольно свою часть испытать како добыти тысячу рублей за григну», и проч. и проч. Однимъ-словомъ, еслибъ мы стали выписывать изъ «Записокъ» Желябужскаго все интересное, никогда бы не кончили: каждая страница его — живая лѣтопись, живой голосъ современника, простой, чистосердечный, безъискусственный; все рассказываемое имъ, какъ говорится, трепещетъ интересомъ минуты, и въ тысячу разъ занимательнѣе цѣлыхъ десятковъ русскихъ романовъ. Самый языкъ Желябужскаго важенъ для

насъ, какъ живой памятникъ разговорнаго и книжнаго языка того времени: разговорнымъ языкомъ писана большая часть его «Записокъ», куда вѣроятно составитель заносилъ все какъ ни попало, и писалъ, не думая о слогахъ; а книжнымъ написаны нѣкоторыя мѣста ихъ, каково, на-примѣръ, описаніе сраженія при Гумоловой Мызѣ (стр. 188), гдѣ онъ захотѣлъ поораторствовать. Языкъ этотъ гораздо ближе къ языку лѣтописи нестеровой, чѣмъ, на-примѣръ, къ языку Карамзина, хотя Желябужскій отъ Нестора былъ отдѣленъ пятью вѣками, а отъ Карамзина не болѣе, какъ однимъ вѣкомъ: вотъ что значить движеніе европейской жизни, данное Петромъ-Великимъ русской народности... По всего забавнѣе какой-то дикій переводъ «листа Турского салтана къ цысарю Леопольду (т. е. императору Леопольду), каковъ писалъ салтанъ Турской»; Желябужскій внесъ его почему-то въ свои «Записки», выписавъ изъ государственнаго Посольскаго Приказа... Но прочтите его сами: мы и безъ того уже сдѣлали много выписокъ, поступивъ противъ своего обыкновенія; невозможно было удержаться: такъ все заманчиво и соблазнительно для рецензента въ этой интересной книгѣ...

Величайшую благодарность заслуживаетъ Д. И. Языкомъ за изданіе этого драгоценнаго памятника, но еще болѣею за то, что онъ издалъ его, какъ слѣдовало ученому археологу, снабдивъ его комментаріями, примѣчаніями и объясненіями столь подробными, что «Записки» Желябужскаго можетъ читать всякій образованный челоувѣкъ, даже и мало-знакомый съ русскою старинною: его не останавятъ какія-нибудь, данно вышедшія изъ употребленія слова «сеучи», «жилыцы», «площадные подъячье», «языкъ», «застѣнокъ», «иршеня», «каторга», «осиль»

«заведовчики», «знакомцы», «бирючь», мы названія разныхъ приказовъ, и пр.: все это ученый издатель объяснилъ весьма-удовлетворительно въ «замѣчаніяхъ», въ концѣ книги, гдѣ также приложенъ и азбучный указатель именъ, въ ней встрѣчающихся. Такихъ ученыхъ и трудолюбивыхъ издателей памятниковъ русской старины у насъ весьма-мало, и мы беремъ смѣлость отъ лица всѣхъ любителей отечественной исторіи просить г-на Языкова чаще и чаще дарить насъ подобными изданіями; за матеріалами дѣло не стацетъ: была бы охота. Что же касается до принятія этихъ трудовъ посвященною публикою, въ этомъ также нельзя отчаиваться...

198) Юридическая Библиотека: *Опытъ руководства къ познанію законовъ и къ правильному примѣненію ихъ къ случаямъ; для всѣхъ вообще состояній, и въ особенности для поступающихъ въ гражданскую службу, для стрѣльцовъ и повѣренныхъ по дѣламъ; съ приложеніемъ образцовъ разныхъ актовъ, прошеній, жалобъ и другихъ бумагъ, и съ присовокупленіемъ юридическихъ анекдотовъ и пословицъ.* Изданіе Феодора Наливкина. Тетрадь вторая. Москва. Въ Университет. типографіи. Въ 8-ю д. л. 32 стр.

Доброе продолженіе добраго труда, о которомъ мы извѣстили читателей въ предыдущей книжкѣ нашего журнала. Во второй тетради помѣщены три главы: объ общихъ основаніяхъ правовѣдѣнія, теоріи законовъ, и взглядъ на исторію положительныхъ законовъ. Все это изложено ясно, умно, съ знаніемъ дѣла, какъ обыкновенно говорится. Намъ хотѣлось бы однакожь, чтобы авторъ оставилъ въ слѣдующихъ книжкахъ *шутливую манеру*, которую замѣтили мы въ некоторыхъ мѣстахъ второй книжки. Да еще хо-

тѣлось бы, чтобы г. Наливкинъ поскорѣй выдавалъ тетрадки, которыя дѣйствительно послужатъ многимъ настольной, необходимой юридической библиотекой, чтобы поскорѣе онъ переходилъ отъ общаго къ частному, къ примененію законовъ къ случаямъ, и проч. и проч. Но вѣроятно, все это мы скоро увидимъ.

199) Военная Библиотека (,) *с Высочайшаго соизволенія посвященная Россійской Арміи (,) издаваемая И. И. Глазуновымъ на 1838 годъ (.) Томъ V. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и К^о. 1840. Въ 8-ю д. л. 452 стр.*

Въ изданномъ нынѣ пятомъ томѣ «Военной Библиотеки» заключаются вторая и третья части *Записокъ Маршала Сен-Сира о войнахъ во время директоріи, консульства и имперіи Французской*, и именно кампаній 1795 и 1796 годовъ. Тутъ подробно излагаются дѣйствія представителей этихъ войнъ революціонныхъ: Пишгрю, Клобера, Журдана, Дазе, Клерфе, Вуризера, Моро, Латура и др. Мы говорили уже о первой и второй частяхъ этихъ «Записокъ», напечатанныхъ въ III-мъ томѣ «Военной Библиотеки» и весьма-ліхо переведенныхъ (Отеч. Зап. 1839, т. III, кн. 5, стр. 165); теперь же съ удовольствіемъ замѣтили, что переведшіе нынѣ-изданный томъ, гг. Шпормеръ и Милютинъ, исполнили свое дѣло съ знаніемъ и внимательностію, хотя слогъ и ихъ перевода, отличающійся вообще техническою точностію, весьма еще далекъ отъ слога литературнаго, которымъ должны быть переводимы всѣ вообще историческія записки. Переводчики, сверхъ того, обогатили этотъ томъ прѣскакими собственными примѣчаніями, гдѣ стараются указать на погрѣшности Сен-Сира, какъ противъ теорій военнаго искусства, такъ и противъ истины всѣ-

торической. Что же касается до самых «Записокъ» Сен-Сира, онъ интересны въ высшей степени не только для военнаго чловѣка, но и вообще для всякаго образованнаго читателя, желающаго ближе познакомиться съ одною изъ важнѣйшихъ эпохъ повѣйшей исторіи Европы.

200) *Первобытный Миръ России, изслѣдываемый Эдуардомъ Эйхвальдомъ, Философіи, Медицины и Хирургіи Докторомъ, Академикомъ и ученымъ Секретаремъ Императорской Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи, и проч. Тетрадь I. Издано Минералогическимъ Обществомъ въ С. Петербургъ, (.) съ IV латер. таблицами. Санктпетербургъ. Въ типографіи Н. Греча. 1840. Въ 8-ю д. л. 73 стр.*

Эта брошюрка, изданная съ такимъ заманчивымъ, поэтическимъ названіемъ, есть важное, ученое, техническое изслѣдованіе нѣкоторыхъ формаций въ Россіи, и состоитъ изъ трехъ главъ: 1) Записки о геогностическихъ изслѣдованіяхъ по берегамъ и на нѣкоторыхъ островахъ Финскаго Залива; 2) Описаніе нѣсколькихъ костей первобытнаго китообразнаго животнаго, и 3) Замечанія о каменно-угольной формации донецкаго горнаго кряжа. Главная лить, на которомъ поставлено: «Тетрадь I», показываетъ, что г. Эйхвальдъ намѣренъ продолжать свои ученые разисканія по этой части. Русскіе геогносты вѣроятно будутъ ему очень благодарны за это полезное и важное для науки предпріятіе. Пора, давно пора приняться намъ за изслѣдованіе нашей необъятной Россіи по всемъ возможнымъ отношеніямъ: передъ нашими глазами цѣлый міръ, и мы не изходимъ еще порядкомъ ни одного угла этого міра: не знаемъ хорошо ни земли, ни воды, ни воздуха его; не знаемъ не только въпроеиъ,

връзанныхъ неважкими чертами на исполнскихъ пластахъ, составляющихъ нашу почву, но и жизнь собственныхъ нашихъ предковъ скрывается отъ насъ за какими-то ираками киммерійскими. Мы еще только начинаемъ любопытствовать, и дай Богъ, чтобъ это любопытство скорѣе превратилось въ жажду, въ разумную, необходимую потребность жизни! Всякая попытка для удовлетворенія этого возникающаго любопытства—почтена и заслуживаетъ полной благодарности, которая, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ и ученому труду г-на Эйхвальда. Такъ-какъ Санктпетбургское Минералогическое Общество приняло на себя издержки по изданію этого сочиненія, то мы можемъ быть увѣрены, что слѣдующія тетради не замедлятъ появиться въ-слѣдъ за первою, нынѣ-изданною.

201) *Овъ Иппократъ и его Ученія, съ переводомъ на русскій языкъ трехъ главнѣйшихъ и подлинныхъ его книгъ. Прагматическое сочиненіе Семена Вольскаго, Двора Его Императорскаго Величества Почтамаго Лейбмедика, Доктора Медицины и Хирургіи, Дѣйствительнаго Статикаго Советника и проч. и проч. Санктпетербургъ. 1840. Въ Типографіи Е. Фишера. Въ 8-ю д. л. VI и 249 стр.*

Сколь полезно для врачей чтеніе древнихъ классическихъ медицинскихъ писателей, это лучше всѣхъ выразилъ Пиреръ въ предисловіи къ своему сочиненію «Hippocratis Cei opera quae extant»: «Inconsultissimum semper manebit, recentioribus scriptoribus, si quid rectius novisse iis contigerit, veteres, ut superfluos et inutiles factos, opponere, cum quisque ex utrorumque studio, foedere perpetuo juneto, solummodo fructus maturos pro animi nutrimento percepturus sit.» Безъ-сомнѣнія

между всеми древними врачами, Иппократъ занимает первое мѣсто; ученію его слѣдуютъ къ-теченію 23 вѣковъ всѣ просвѣщенные врачи. По-этому, извѣстія о жизни этого «отца медицины» и переводъ его сочиненій суть весьма-пріятное явленіе въ русской медицинско-й литературѣ. Кто не порадуется этому, зная, что въ литературѣ другихъ народовъ уже давно есть переводы твореній Иппократа? Конечно, пріянаться за скучный, сухой, трудный переводъ этого древнѣйшаго классика — дѣло нелегкое. Но за то, какою благодарностью имѣетъ право пользоваться тотъ, кто рѣшится на этотъ подвигъ! Понимая всю важность подобнаго труда, мы увѣрены, что никто изъ отечественныхъ врачей не откажетъ въ благодарности г. Вольскому за переводъ трехъ книгъ изъ множества сочиненій Иппократа. Можетъ-быть, нѣкоторые скажутъ, что въ наше время легко свершить это предпріятіе: съ этимъ мы соглашаемся, но спрашиваемъ, много ли найдется такихъ переводчиковъ, которые не оскудѣли бы въ терпѣніи, потребномъ для этого? Далѣе, много ли захотятъ безкорыстно употребить средства на издачіе книги, которой продажа ничего не обѣщаетъ? Это послѣднее обстоятельство также дѣлаетъ честь г. Вольскому, который очевидно руководился мыслию ознакомить отечественныхъ врачей съ Иппократомъ и его сочиненіями. Не имѣемъ нужды распространяться о томъ, сколько труда стоило переводчику присканіе источниковъ, чтобы лучше и вразумительнѣе передать текстъ Иппократа: для этого должно было напередъ перечитать много, справиться съ рецензіями о каждомъ издателѣ иппократовыхъ сочиненій, и потомъ уже приступить къ дѣлу. Слѣдовательно, время, трудъ и издержки, эти три условія необходи-

мо-важныя, не всякому могутъ быть по силамъ. Самое исполненіе предпріятія передать текстъ Иппократа, — нелегко; намъ извѣстны многіе переводы его сочиненій, но всѣ ли они заслужили одинаковое одобреніе? Въ вышеприведенномъ сочиненіи Пирера можно увѣриться, что сказанное вами совершенно-справедливо.

Говоря о трудѣ г. Вольскаго, мы не входимъ въ критическій разборъ его; это завлекло бы насъ слишкомъ-далеко, и Богъ-знаетъ, много ли читатели захотѣли бы идти за нами; не хотимъ также и слышать переводъ съ оригиналомъ, будучи увѣрены въ способности и умѣнии переводчика; мы повторимъ только, что весьма-пріятно видѣть твореніе Иппократа хорошо-переданное на нашъ отечественный языкъ и обогащающее собою русскую литературу. Г. Вольскій говоритъ (см. Предисловіе стр. III), что «при переводѣ иппократовыхъ книгъ онъ совѣтовался особенно съ Пиреромъ и Гардейлемъ.»

Все прагматическое сочиненіе г. Вольскаго раздѣляется на три части. Въ первой части содержится жизнеописаніе Иппократа; во второй приводятся сочиненія и ученіе Иппократа съ историческими и философическими на нихъ взглядами; третья часть заключаетъ въ себя переводъ трехъ подлинныхъ иппократовыхъ книгъ, т. е.: 1) Иппократова клятвенная присяга, 2) Иппократовъ законъ и 3) Иппократовы афоризмы. Вотъ нѣсколько словъ изъ «Клятвенной присяги Иппократа» (пунктъ 7 ой): «Въ какой бы домъ ни вступилъ я, всюду войду единственно для подавія помощи больному, не забывааясь ни въ какія дѣла, не касаящихся до врача и его обязанности, и избѣгая всякаго порока и разврата.» Далѣе (пунктъ 8-ой): «Если въ-продолженіе моего леченія или пребыванія въ какомъ-либо домѣ,

или вообще в общезнати, мнѣ случит- ся видѣть или слышать что-либо такое что не должно быть извѣстно другимъ, я обещаюсь все это заключить въ душѣ своей, какъ нечто священное, на всю мою жизнь, и этого никому не открою. Правила весьма мудрыя, которыя не худо сохранять въ памяти каждому врачу!

Книга г. Вольскаго напечатана со всею типографскою роскошью, и наружный ея видъ соответствуетъ внутреннему достоинству; подобныхъ изданій у насъ весьма-немного.

202) Очеркъ Главнѣйшихъ Камнекрушительныхъ Пронешествій. *Сочиненіе П. Савенка, Санктпетербургской Медико-Хирургической Академіи ординарнаго профессора, доктора медицины и хирургіи, статскаго советника, члена многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ и кавалера. Санктпетербургъ. Въ типографіи Конрада Вингебера. 1840. Въ 8-ю д. л. XIV и 325 стр.*

Излеченіе отъ каменной болѣзни изстари составляетъ предметъ величайшей важности, и сколько ни изобрѣтали средствъ для разбиванія камня въ самомъ мочевомъ пузырьѣ и для выведенія его оттуда, но все было тщетно; единственно-вѣрнымъ пособіемъ оставалась кровавая операція — извлеченіе камня. Впрочемъ, древніе уже думали, что исцѣленіе больного отъ каменной болѣзни возможно безъ мучительной операціи. Эти предположенія нынѣ осуществились стараніями ученыхъ, упрочившихъ славу нашего столѣтія. Докторъ Грюйтгоузенъ первый между новѣйшими врачами усовершенствовалъ способъ камнекрушенія. За нимъ слѣдуютъ Сивіаль, Вейсъ, Якобсонъ, Деруа д'Этуаль, и Гертлу. Метода послѣдняго наибудобнѣйшая и точнѣйшая. Въ Россіи этотъ способъ из-

ченія также извѣстенъ; мудрое правитель- ство наше и въ этомъ случаѣ ще пощадило ничего для блага страждущаго человечества. Медицинскія наши учебныя заведенія, равно и главнѣйшіе госпитали снабжены камнекрушительными орудіями, и въ преподаваніи хирургіи камнекрушительная метода занимаетъ почетное мѣсто. Мало этого: правительство вызвало барона Гертлу въ Россію для показанія приѣмовъ камнекрушительнаго его способа. Нѣсколько лѣтъ тому, помѣщено было извѣстіе объ этомъ леченіи во «Врачебныхъ Запискахъ», издававшихся въ Москвѣ лейбмедикомъ Маркусомъ. Но вышедшее нынѣ сочиненіе г. Савенка, содержащее въ себѣ полную исторію развитія этой операціи и обстоятельное изложеніе способа ея производства, заслуживаетъ признательность всехъ отечественныхъ врачей. Кстати сказать, мы слышали отъ знакомаго намъ врача, что г. Савенко вылечилъ одного больного посредствомъ описываемой имъ методы операціи и представилъ его въ общество русскихъ врачей. Что эта операція камнеразбиванія имѣетъ много преимуществъ предъ прочими способами, о томъ напрасно было бы здѣсь разпространяться; скажемъ только, что любознательные врачи съ удовольствіемъ прочтутъ книгу ученаго профессора, книгу классическую, свидѣтельствующую о глубокихъ теоретическихъ и практическихъ его свѣдѣніяхъ. Краткій хронологическій взглядъ на происхожденіе и теченіе (ходъ) камнекрушенія (стр. 1 — 74) можетъ быть занимателенъ и не для однихъ врачей; это любопытно прочитать всякому образованному человѣку. Приложенныя къ книгѣ три таблицы съ изображеніемъ инструментовъ и другихъ принадлежностей, потребныхъ при производствѣ операціи камнекрушенія,

много способствует къ разумнѣнью текста. Изданіе книги и отдѣлка рисунковъ превосходны; остается желать, чтобы чаще появлялись подобныя произведенія въ нашей медицинской литературѣ.

203) Хирургія М. I. Хеліуса, доктора медицины и хирургіи, Баденскаго Великаго Герцогства тайнаго совѣтника, публичнаго ординарнаго профессора хирургіи, окулистике и судебной медицины, и проч. и проч., и проч. Часть четвертая. Перевед. съ Нѣмецкаго Генрихомъ Леемъ. Санктпетербургъ. Въ типографіи Морскаго Министерства. 1840. Въ 8-ю д. л. 312 стр.

Въ этой четвертой части продолжается изложеніе хирургическихъ болѣзней, именно: въ отдѣленіи пятомъ описаны болѣзни состоящія въ органическомъ измѣненіи частей и неправильномъ произведеніи новыхъ; въ отдѣленіи шестомъ «потеря органическихъ частей и органическое и механическое ихъ возстановленіе»; въ отдѣленіи седьмомъ «избытокъ (излишество) органическихъ частей» и наконецъ, въ отдѣленіи восьмомъ изложены «основныя приемы хирургическихъ операцій.» Этою четвертою частью заключаетъ Хеліусъ свою «Хирургію», принятую здѣшнюю Медико-Хирургическую Академію за руководство при преподаваніи этой науки. Что сказано было нами о третьей части этой книги, то же самое можемъ сказать и о четвертой, послѣдней ея части: Впрочемъ переводившій сличкомъ съшлись изданіемъ книги, и отъ того вкрались многія погрѣшности въ русскій переводъ. Напримѣръ, хотъ «припусканіе пивлицъ». Гораздо лучше было бы замѣнить «припусканіе» *приставленіемъ*; также латинское слово «methodus» не худо бы употребить въ женскомъ родѣ, потому что

сличкомъ странно читать: «оперативный методъ, отъ выбора оперативнаго метода; при опредѣленіи преимуществъ оперативныхъ методовъ.» Вообще преподавателю хирургіи по руководству, переведенному г. Леемъ, много надобно имѣть терпѣнія, чтобы не досадовать на переводчика. Еще можетъ не понравиться «отъсѣченіе бедра лоскутное», и проч. и проч. Весьма-много пособія нанесть бы себѣ г. Лей, еслибы, при исполненіи предпринятаго перевода, заглядывалъ въ «Руководство къ преподаванію Хирургіи» нашего заслуженнаго академика И. Ѳ. Буша, и въ русскій переводъ «Хирургіи Рихтера»: тамъ напелъ бы оныя вѣщныя, русскіе термины и не впадалъ бы въ непростительныя погрѣшности. За сдѣланныя же замѣчанія пусть г. Лей не сердится: это можетъ пригодиться ему впредь...

204) Месмеризмъ, или тѣло животно въ магнетизмъ. Алексѣй Москвитинина. Санктпетербургъ. Въ типографіи А. Плюшара. 1840—т оборотъ и 1838 на зяблано въ ласты.

Между физическими открытіями въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія, животный магнетизмъ — самое важное. Составляя внутреннюю силу органической природы, оныя обнаруживается чудесными явленіями. По крайней — мѣрѣ, никто изъ тѣхъ, кому извѣстно нынѣшнее состояніе физическихъ наукъ, не почитаетъ животнаго магнетизма пустою выдумкою или сверхъестественнымъ мистицизмомъ. Практические врачи занимаются открыто магнитнымъ леченіемъ болѣзней, и послѣдствія ихъ опытовъ описаны въ періодическихъ изданіяхъ. Въ 1817 году введено было это леченіе и у насъ, въ Россіи; у насъ, какъ вездѣ, нашлись энтузіастическіе поклонники магнетизма, такъ что наконецъ должно

было ограничить известными правилами эту методу лечения. Но по пословице: что дѣлается въ людяхъ, то не минуетъ и насъ, магнетическіе цѣлители охладѣли, и довѣренность публики къ нимъ остыла. Впрочемъ магнетизмъ въ рукахъ опытнаго врача все-таки остается благодѣтельнымъ средствомъ.

Суштя сляшкомъ двадцать лѣтъ по водвореніи магнетизма въ Россіи, вдругъ видимъ мы теперь сочиненіе г-на Алексѣя Москвитянина, и не вѣримъ, чтобы оно не было пародію на предметъ ученый, приковывавшій къ себѣ вниманіе самыхъ просвѣщенныхъ умовъ въ Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, странно читать сочиненіе г-на Алексѣя Москвитянина послѣ превосходнаго творенія Клуге и другихъ, объ этомъ же предметѣ. Признаемся, мы сами едва-едва дочитали это ученическое описаніе магнетизма; но г. Алексѣй Москвитянинъ придумалъ хитрость: чтобы придать болѣе важности своему творенію, онъ посвятилъ его извѣстному въ нашей столицѣ практическому врачу, вѣроятно въ чалнинъ укрывша подъ его докторскою мастилю.

Чего нѣтъ въ книгѣ г-на Алексѣя Москвитянина? Тутъ есть исторія открытія магнетизма (1½ стр.), потомъ «Моя Теорія о силѣ месмеризма или животнаго магнетизма». Здѣсь замѣчательно слѣдующее:

«Въ философическомъ свѣтѣ (?) за аксіому принято и доказано, что сила устрѣмляемая на другую силу, или соединенная съ другою однородною силою, соединяется въ одну силу и производитъ силу большую, т. е. дѣйствіе однородное большое; но магнетизмъ животный соединенный съ электричествомъ производитъ дѣйствіе не однородное усиленное, но два дѣйствія, совершенно разныя въ одномъ существѣ, хотя правда и не увидятъ они другъ друга» (стр. 6—7).

Далѣе, есть еще у г. Алексѣя Москвитянина «Моя Теорія о дѣйствіяхъ и

явленіяхъ месмеризма или животнаго магнетизма» (стр. 16). Послушайте, что говорится тутъ:

«Когда магнетизируемый перейдетъ *Бдѣше* и *Полусонъ*, то во время *Сна* хорошо присоединять тихую тихую музыку. Она не то, чтобы усиливала вліянія дѣйствій; но наводъ своею гармоніею меланхолію на чувства, способствуетъ тѣмъ, къ возбужденію духа» (стр. 20).

На страницѣ 30 находится странная рубрика «Нѣчто». Вотъ что въ этомъ «нѣчто»:

«Средоточіе всѣхъ чувствъ въ человѣкѣ во время полнаго (?) состоянія животнаго магнетизма, есть въ подгрудной ложечкѣ (?) это въ некоторомъ образѣ доказываетъ, что тутъ (*въ ложечкѣ??*) начало и конецъ жизни».

На стр. 31, кажется, объясняется это «нѣчто». Послушайте еще:

«Если человѣкъ два раза погружался въ самого себя и послѣ каждого раза получалъ разныя попятія (*о гелѣ?*) и являлъ нагъ разныя явленія, то онъ непременно послѣ третьекратнаго, столь неистощимаго погруженія (*во то?*) получить третій разъ попятіе, которому предѣлы смертному определить невозможно; а потому признаваемая за высочайшую степень есть *нѣчто* иное, какъ преддверіе восьмой неистощимой степени (*гелѣ?*); въ слѣдствіе чего я наименовала высочайшую степень (*ди гелѣ же?*) Физической Смертью, а восьмую, мною признаваемую: Блженствомъ».

Нѣтъ, и тутъ не доберешься до смысла этого «Нѣчто! Но дошедши до *блаженства* г-на Алексѣя Москвитянина, мы бросаемъ его вздорную книженку въ уголъ и повторяемъ: *Ne sutor ultra crepidam*. Въ заключеніе всего выписываемъ дивное посвященіе:

«Извѣстно вашему превосходительству, что долговременныя мои занятія по части животнаго магнетизма приобрѣли мнѣ и некоторый онытъ и практическое усовершенствованіе, въ заключеніе (?) чего я написалъ сію книгу основанною (мы во всѣхъ выпискахъ соблюли пра-

вописание автора) единственно на собственных фактах и опытах (,) и прошлаго 1839 (*а книга печатана 1838 и 1840*) она по опредѣленію С. П. бургской цензуры была предварительно разсмотрѣна С. Петербургской Меди-ко-Хирургическою Академіею; нынѣ съ дозволенія Вашего въ знакъ благодарности моей за исцѣленіе меня въ 1838 отъ отчаянной болѣзни и вашего покровительства и дружбы (*Авторъ, какъ видите, благодаритъ за исцѣленіе его отъ покровительства и дружбы!!*), которой я всегда пользовался, посвящаю оную вамъ. Сочиненіе мое улучшится, если и впредь не лишусь вашего покровительства и дружбы.—Нѣтъ, г. Москвитиннѣ, улучшиться могутъ сочиненія сколько-нибудь-сносныя; а вашему, видно, ужь на роду написано на-вѣки оставаться тѣмъ, чѣмъ оно нынѣ!

205) Описаніе Употребительнейшихъ Хирургическихъ Повязокъ, съ присоюкупленіемъ перевязочнаго снаряди Майера (*изъ Ломини*) и съ приложеніемъ семи листовъ вырванныхъ на лѣтди рисунокъ, изображающихъ 81 повязку. Для молодыхъ врачей и медицинскихъ студентовъ. Сочиненіе Лютенса. Перевелъ съ французскаго со мною. Иванъ Данковъ. Москва. Въ Унив. тип. 1840. Въ 12-ю д. л. 264 стр.

Книжка дѣлится на шесть частей, изъ которыхъ въ первой говорится о снарядѣхъ и повязкахъ вообще, въ слѣдующихъ четырехъ о повязкахъ различныхъ частей человеческого тѣла: головы, шеи, туловища, нижнихъ и верхнихъ конечностей, а въ 6-й—помѣщены главнѣйшія изъ повязокъ Майера лозаннскаго. Сочиненіе, полезное для студентовъ и врачей, только-что набивающихъ руку, которые, безъ-сомнѣнія, поблагодарятъ и авто-

ра и переводчика, не сказавъ никакосъ *спасиба* г. Зацѣпину за его философско-туманно-нелѣпыя статьи «о жизни».

206) О Новомъ Предположеніи Комитета, учрежденнаго въ Москвѣ для разбора и призрѣнія просищихъ милостыни. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1840. Въ 8-ю д. л. 11 стр.

Значительное количество больныхъ бѣдныхъ заставило Московскій Комитетъ для Разбора Просищихъ Милостыни помыслить о приумноженіи больничныхъ кроватей. Посему онъ, сообразивъ суммъ приношеній на этотъ богоугодный предметъ, приступить къ основанію особой больницы для сграждѣнныхъ, или къ учрежденію на счетъ Комитета известнаго числа кроватей при одномъ изъ нынѣ существующихъ въ Москвѣ учреждений сего рода. Вотъ въ чемъ состоитъ новое предположеніе благотворительнаго комитета. Въ началѣ брошюрки брошенъ живой взглядъ на нищету, какъ тяжкое испытаніе для человечества; а въ концѣ приложены извѣстія о мѣстѣ заступничій комитета и жительства лицъ, его составляющихъ, особенно тѣхъ, которыхъ уполномочены отъ него собирать пожертвованія въ пользу бѣдныхъ по каждой части города: ибо не всякъ благотворительнымъ особамъ известно, куда можно относиться съ благотельными даяніями.

207) Предпріятіе Императрицы Екатерины II для путешествія вокругъ свѣта 1786 году. Санктпетербургъ. Въ тип. Имп. Рос. Академіи. 1840. Въ 8-ю д. л. 16 стр.

Г. Голенщевъ-Кутузовъ доказываетъ въ этой брошюркѣ, что слова вице-адмирала Рикорда въ произнесенной имъ и напечатанной рѣчи вице-адмиралу Крузеиштерну: «Никогда не забудутъ Русскіе, что вамъ обязава

была Россія *первою мыслию* путешествіи вокруг Свѣта — ошибочны, ибо императрица Екатерина II-я въ 1786 году предписала указомъ Адмиралтейской Коллегіи отправить экспедицію въ Восточный Океанъ для открытій; но по объявленіи войны Турціи, эта экспедиція была отмѣнена.

208) На какой Степени находится Земледѣліе въ Россіи. *Отъ Императорскаго Волянаго Экономическаго Общества. 17-го апрѣля 1840 года. С. П. бургъ. Въ тип. Иверска. Въ 16-ю д. л. 8 стр.*

По объему этой печатной тетрадки можно догадаться, что изъ нея нельзя почерпнуть полныхъ свѣдѣній о столь важномъ предметѣ, какъ состояніе земледѣлія въ обширной Россіи. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы узнаемъ изъ нея только, что почти-вездѣ сохранено старое, невыгодное раздѣленіе пашни на три поля. Въ-заключеніе преподается способъ исправить такое невыгодное положеніе сельскаго хозяйства, завести помѣщикамъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ образцовыя фермы на общій счетъ, а при нихъ практическія школы земледѣлія.

На это можно представить, что дѣленіе полей на четыре и болѣе началось у насъ съ обнародованія покойнымъ А. В. Рознатовскимъ шубартова «Земледѣлія» въ пятидесятыхъ годахъ; нынѣ за это дѣло принялись еще прилежнѣе; на-дняхъ узнали мы, что лѣшники станціи Ижоры, на большой Московской Дорогѣ, начали сѣять дятлину и тимовееву траву; есть мужичекъ и въ Олонецкой Губерніи, который тоже сѣетъ тимовееву траву, — и такъ въ этомъ отношеніи земледѣліе наше не совсѣмъ въ застоѣ. Что касается до учрежденія образцовыхъ фермъ, то прежде всего надобно бы завести по губерніямъ земледѣльческія общества, пріучить помѣщичковъ рассу-

ждать правильно о предстоящемъ дѣлѣ, давать себѣ и другимъ ясныя отчеты въ дѣйствіяхъ своихъ, исчислять выгоды и невыгоды, знакомиться съ сужденіями о сельскомъ хозяйствѣ другихъ свѣдущихъ и опытныхъ людей: — тогда можно съ пользою учреждать образцовыя фермы, земледѣльческія школы, и пр. Впрочемъ, попенченіемъ Министерства Удѣловъ самособою образуются уже во многихъ губерніяхъ образцовыя фермы чрезъ вынужденныхъ изъ С. Петербурга Земледѣльческаго Училища воспитанниковъ; остается помѣщикамъ воспользоваться этимъ благодѣніемъ правительства, не забывая о Горы-Горьцкой Школѣ Земледѣлія отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ учреждаемой, въ которую принимаются ученики и изъ помѣщичьихъ крестьянъ; равно о другихъ школахъ, заведенныхъ въ Петербургъ и его окрестностяхъ, и въ окрестностяхъ Москвы и Твери.

Однимъ-словомъ, у насъ теперь нѣтъ недостатка въ средствахъ образованія искусныхъ агрономовъ, но есть недостатокъ въ средствахъ исполнять то, что предписываютъ правила здуманной науки сельскаго хозяйства; т. е., не достаетъ средства заводить цѣнныя орудія земледѣлія, знанія по усовершенствованнымъ методамъ, лучшія породы скота, и проч.

Во всякомъ случаѣ полезно поддерживать существующія экономическія общества; на-примѣръ: такое общество находилось или находится въ Витебскѣ съ опытнымъ хуторомъ; оно въ этихъ мѣстахъ, такъ-часто-страдающихъ неурожаемъ, необходимо, по едва-ли не уничтожилась, судя по публикаціи въ газетахъ, которою всѣ члены сзывались съѣхаться еще прошлаго осенью для рѣшенія, должно ли

продолжать существование общества Какъ жаль, если оно рухнуло!

209) О Причинахъ всегда скудныхъ и часто совершенныхъ Неурожаевъ въ Россіи *лѣтъ хлѣба, тѣлъ и порчи для скота. Президента Волынаго Экономическаго Общества, графа Мордвинова. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1840. Въ тип. Е. Аликинова. Въ 12-ю д. л. 27 стр.*

Имя сочинителя служить достаточною порукою въ пользу сочиненія.

Вотъ причины худыхъ хлѣбныхъ урожаевъ, въ немъ означенныя:

1) Весенняя пахота земли; — ее должно пахать съ осени.

2) Глубокая заплата зерна, тогда какъ его не слѣдуетъ покрывать землею болѣе какъ на два палыца.

3) Густые посѣвы хлѣбныхъ зеренъ; — вмѣсто 1½ четверти довольно высѣвать на десятину по 6 и даже по 4 четверика.

4) Неупотребленіе катка послѣ посѣва и забороненія зерна.

5) Небреженіе о моченіи зерна предъ посѣвомъ его.

6) Позднія жатвы.

7) Излишество рабочихъ рукъ на уборку хлѣба, что можно бы отвратить введеніемъ косъ вмѣсто серповъ.

8) Небреженіе о томъ, чтобъ весною разрыхлять бороной поля подъ озимымъ посѣвомъ и потомъ укатывать ихъ каткомъ.

9) Посѣвы ржи на глини, а пшеницы на пескѣ, тогда какъ пшеница свойственнѣе глина, а ржи песокъ.

10) Трехпольное раздѣленіе земли для посѣва хлѣбныхъ зеренъ.

11) Худыя орудія для пашни и недостатокъ другихъ для плодородія нужныхъ.

12) Оставленіе вывезеннаго въ поле навоза долгое время незапаханнымъ.

13) Небреженіе о доставленіи скоту изобильнаго корма на зиму; это

происходитъ отъ поздняго кошенія сѣна, отъ оставленія луговъ безъ бороненія ихъ весною, укатыванія и въ временахъ удобренія золою, известымъ толчеными костями и проч.

14) Отъ худаго кормленія скота соломой, оставленія его безъ подстилки и проч.

15) Небреженіе объ удобреніи пшеничнаго слоя земли, и проч. и проч.

Вообще книжечка эта очень полезна.

210) О Китайскомъ Шелководствѣ. *Извлечено изъ подлинныхъ китайскихъ сочиненій. Переведено на русской языкъ по приказанію г. министра финансовъ и издано отъ Департамента Мануфактуръ и Внѣшней Торговли. Санктпетербургъ В тип. Деп. Внѣшней Торговли. 1840. Въ 8-ю д. л. XIV и 202 стр. Съ рисунками.*

Китайцамъ отдають преимущество въ практическомъ шелководствѣ предъ всеми другими народами. Въ сочиненіи этомъ весь процессъ описывается подробно. Шелководцы наши постыжались конечно воспользоваться опытомъ для нихъ пособіемъ, изданнымъ отъ правительства.

211) Вѣрное и испытанное Средство довести Пашню до возможно-обильнаго Плодородія (!) и уничтожить голодно. *Москва. Въ тип. Лазаревыхъ Института Вост. Языковъ. 1840. Въ 12-ю д. л. 19 стр.*

Пустая книжка, спекулирующая на доверчивость *добрыхъ китайцевъ-поливщиковъ* во времена неурожаевъ. Плохо - знакомый съ русскою грамотою сочинитель совѣтуетъ: 1) мочить сѣмена въ навозномъ сокѣ въ продолженіе одной ночи; 2) *густо осыпать* (?) ихъ теплою или перележалую на воздухѣ известью. Вотъ новости-то!.. Увѣряемъ г-на сочинителя, что важныя секреты, которые говоритъ онъ

намъ съ такою таинственностью на ухо и за деньги, мы готовы были бы сказать ему во всеуслышаніе даромъ, и думаемъ, что великое *tourmentis* его не найдеть себѣ покупателей даже въ самыя голодные года, отъ которыхъ да избавить насъ Богъ!

212) Хозяйственно-Практическое Наставленіе о содержаніи *остатъ родовъ огородныхъ овощей, и проч., важнѣйшихъ красильныхъ и масленихъ произрастеній, плодовыхъ деревъ, леодныхъ и цвѣтныхъ кустовъ, деревъ, какъ садовыхъ, такъ тепличныхъ, и проч. Съ присовокупленіемъ правилъ о поливкѣ горшечныхъ растеній, и проч., и общаго садоваго календаря. Извлечено изъ сочиненій Ивана Цигры, переводъ съ нѣмецкаго Н. Р—ца. Часть I. Санктпетербургъ. Въ тип. Югансона. 1840. Въ 12-ю д. л. VIII и 212 стр.*

Первая часть этого «Наставленія», нынѣ вышедшая, содержитъ въ себѣ 113 статей, включая сюда общія правила для заведенія огорода, парниковъ, и для устройства рамъ, въ которыхъ стекла замѣняются масляною бумагою.

Казалось бы, что прежде, нежели приступить къ изданію подобной компиляціи, или перевода ея, необходимо было узнать: нѣтъ ли уже въ томъ же родѣ у насъ хорошихъ руководствъ, и если есть, то требуютъ ли они какихъ-либо пополненій или исправленій; а потомъ сообразить, точно ли предпринимающій изданіе въ состояніи исправить и усовершенствовать издѣліе прежде?

По справкѣ оказалось бы, что извѣстный нашъ помощникъ, достойный старъ наряду съ лучшими помологами Европы, П. И. Шварцъ, надалъ уже нѣсколько сочиненій и объ овощивахъ; одно изъ нихъ подъ заглавіемъ «О заложеніи и содержаніи огородовъ и парниковъ», недавно напечатано

вторымъ изданіемъ въ С. П. бургѣ (1837 года); въ томъ же году издано «Руководство для разведенія хитли»;— следовательно, должно быть еще довольно экзекпляровъ въ продажѣ того и другато; а потому не недостатокъ къ руководствѣ желающимъ разводить овощники могъ быть причиною появленія въ свѣтъ перевода г- на И. Р—ца, а развѣ увѣренность, что онъ можетъ сказать что-нибудь лучше и новѣе.

При самомъ поверхностномъ взглядѣ, даже на оглавленіе изданной нынѣ книжечки, оказывается, что переводчикъ едва-ли близко знакомъ съ предметомъ; на-примѣръ: крапъ и марёна стоятъ у него отдѣльно съ ссылкой на страницы 203 и 206, тогда какъ крапъ и марёна одно и то же. Обращаясь къ статьямъ, въ которыхъ говорится о «крапѣ и марёнѣ», открываемъ, что марёна (стр. 206), длетъ будто-бы синюю краску, тогда-какъ ею окрашиваютъ въ красный цвѣтъ; латинское названіе, присоединенное къ марёнѣ «Isatis tinctoria», показываетъ, что рѣчь идетъ о *вайдѣ*.

Послѣ «крапа» вскорѣ встрѣчается въ оглавленіи *любистникъ*: такое неслыханное названіе побуждаетъ взглянуть, по ссылкѣ, на стр. 132 текста: открывается, что рѣчь идетъ о *зартѣ*, по нѣмецки *Liebstock*.

Еще далѣе попадаются «Скорціонные корешья»; изъ текста узнается, что переводившій говоритъ объ ужовникѣ или скорціонертъ, *Scorzonera*.

Посмотрите, какова техника или собственно-ученая часть книжечки.

Общія правила о заведеніи и удобреніи овощниковъ помѣщены на 6 страничкахъ. «Землю подъ огородъ» говоритъ сочинитель, или переводчикъ: «избирать должно цвѣта чернаго или бураго . . .» Торѣе чернаго цвѣта, и если онъ содержитъ въ себѣ частицы

недостаточно - перегнивших хвойных деревьев, какъ часто встрѣчается подъ Петербургомъ, то цвѣтъ его будетъ бурый: но торфъ безспорно есть худшій грунтъ для разведенія овощей, и огородники наши, при всемъ ихъ практическомъ знаніи, трудахъ и издержкахъ, не иначе успѣваютъ исправить такой грунтъ, какъ чрезъ многіе годы. Вообще, свойство грунта земли опредѣляется не цвѣтомъ ея, или не однимъ цвѣтомъ.

Въ частныхъ статяхъ о разныхъ овощахъ, авторъ рассказываетъ, откуда эти овощи, по мнѣнію какого ботаника происходятъ или гдѣ растутъ сами-собой: это для огородника совершенно-излишне, бесполезно и только увеличиваетъ объемъ книги. Столь же мало пользы знать огороднику, какой овощъ корниш, какой съеменами или цвѣтами и листьями можетъ пользоваться въ некоторыхъ болѣзняхъ; если бъ даже присоединено было къ тому наставленіе какъ гнать изъ этихъ веществъ эссенцію, дѣлать декокты, мази и проч., то и тутъ читатель, безъ руководства медика, не могъ бы употреблять подобныя снадобья.

Короче сказать, разсматриваемая нами книжечка далеко неравится съ изданными уже г-мъ Шварцомъ о томъ же дѣлѣ сочиненіями и не только не увеличиваетъ свѣдѣній объ огородномъ и цвѣтоводномъ дѣлѣ, но представляетъ явныя погрѣшности, съ которыми ей и въ свѣтъ являться не слѣдовало бы.

213) Жизнь Вилльяма Шекспира, англійскаго поэта и актёра; съ мыслями и сужденіями объ этомъ великомъ человѣкѣ русскихъ и иностранныхъ писателей:

Н. А. Полеваго, Гёте,
П. А. Плетнева, Шлегеля,
Л. А. Якубовича. Гизо,
Вильямена.

съ портретами Шекспира. Москва Въ тип. Николая Степанова. 1840. Въ 8-ю д. л. 52 стр. Съ эпитафией: «Шекспиръ огроменъ, какъ міръ; разкообразенъ, какъ природа!»... Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1840 Въ 8 д. л. IV, 52 стр.

214) РЕПЕРТУАРЪ РУССКАГО ТЕАТРА, издаваемый И. Песоцкимъ. Пятая книжка. Мысль май. С. П. буреѣ. Въ тип. А. Плюшара. 1840. Въ 8-ю д. л. въ девъ колонокъ. 36, 31, 12 стр.

Слава Богу!... накопецъ-то!... Только-что мы начали-было приходить въ отчаяніе, что июльскія книги всё такъ серьёзны, что намъ нечѣмъ и позабавить ревностныхъ почитателей библиографическаго муссора, — какъ вдругъ — о радость! — вдругъ являютъ «Жизнь Вилльяма Шекспира» съ приложеніемъ мнѣній о семъ великомъ человѣкѣ г. Якубовича, Славина и Гёте, и пятая книжка «Репертуара», съ приложеніемъ къ оной мнѣній г. Греча о драматической поэзій. Милости просимъ, дорогие гости!..

Нечего много распространяться о «Жизни Вилльяма Шекспира»: заглавіе этой книжицы, выписанное нами съ совершенною точностію, даётъ о ней самое вѣрное понятіе. Это явное произведеніе молодого человѣка съ растревоженными чувствами. Мнѣнія Гёте, Шлегеля, Гизо и Вильямена о Шекспирѣ выбраны изъ русскихъ журналовъ и не представляютъ ни одной яркой и свѣтлой мысли, даже ни одного положительнаго мнѣнія, потому-что перепутаны, искажены, безъ порядка изложены. Изъ русскихъ писателей, особенно-поразительны мнѣнія г. Полеваго (котораго авторъ книжки называетъ «роднымъ», русскимъ поэтомъ, Н.А. Полевымъ», на стр. II «Вистю предисловія», и потомъ «красною Россіи, энтологомъ и литераторомъ»

русскимъ, Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ» стр. 18.) Мнѣнія эти почерпнуты изъ письма (къ кому-то) г. Полеваго о «Снѣ въ Лэтиую Ночь»; письмо это было помѣщено въ «Телеграфъ» и отличается тѣмъ, что, прочтя его, не составишь себѣ никакого понятія о Шекспирѣ, не запомнишь ни одной мысли и никакъ не будешь въ состояніи пересказать другому, что и о чемъ читалъ. Что дѣлать! такова судьба всѣхъ *мнѣній*, особенно ни на чемъ неоснованныхъ. Послѣ мнѣній г. Полеваго особенно-хороши мнѣнія другаго великаго поэта-философа, другой красы и славы русской поэзии, именно г. Ялубовича. Всего лучше въ нихъ то, что хотя они высказаны и плохими стихами, но кратко, выразительно и убедительно. Но лучше обонхъ ихъ мнѣній самого автора, подписавшагося подъ предисловіемъ А. Славина. Кто бы такой былъ этотъ таинственный г. Славинъ? Что за новое «инкогнито» появляется въ нашей литературѣ, и безъ того такъ богатой разными «инкогнитами», известными и неизвестными? Нѣтъ, милостивые государи, г. Славинъ совсѣмъ не «инкогнито», хоть онъ и вовсе вамъ невѣстенъ. Онъ давно уже съ особеннымъ успѣхомъ подвизается на литературномъ поприщѣ. Прежде онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ г. Протопопова, или, по «Библиотекѣ для Чтенія», подъ именемъ г. П-р-т-рр-шпр-рр-ва, — и тогда онъ издалъ «Незаконнорожденнаго», довольно-плохой романъ, будто-бы переведенный имъ съ польскаго; потомъ перепечаталъ, съ некоторыми измѣненіями, состоявшими въ измѣненіи языка и смысла, «Сто Дней» — драматическій очеркъ жизни Наполеона, соч. Дюма, переводъ А. Шишкова, и приложилъ къ нему предисловіе, въ которомъ, со всею гениальною откровенностію, объявлялъ публи-

кѣ, что онъ, г. Протопоповъ, «знатный сочинитель», и что только однимъ онъ изобразилъ Наполеона какъ слѣдуетъ, т. е. по-шекспировски. Журналы громко уличали г. Протопопова въ присвоеніи чужой собственности, но г. Протопоповъ отвѣчалъ имъ презрительнымъ молчаніемъ, и, вѣроятно, чтобы отвязаться отъ нихъ, назвался г. Славинымъ — имя, какъ изволите видѣть, знаменующее славу — и на сценѣ Большаго Московскаго Театра началъ забавлять публику въ роляхъ Гамлета, Карла Моора и другихъ. Потому онъ издалъ «Историческіе, философскіе и литературные Афоризмы», между которыми изъ однихъ можно узнать, что Киръ былъ персидскій царь, что $2+2=4$ и тому подобныя истины, а изъ другихъ ровно ничего нельзя узнать — такъ глубоки и таинственны они... Наконецъ, г. Славинъ, сі - devant г. Протопопова, является съ «Жизнію Шекспира». Онъ посвящаетъ ее г. Мочалову; посвященіе его написано стихами и прозою, стихи особенно-хороши —

Завидую тебѣ, поэт!

Родился ты — вѣка безсмертіе пропалъ хо-
рошъ

Тебѣ!... И чтожь? востъ

Съ людьми живетъ,

Упитанный лаврами ихъ — позоромъ!...

«Кому примчише посвятить біографію Шекспира, какъ не тебѣ, мой превосходный Гамлетъ! — Ты, дивный *лицедѣй!*» восклицаетъ г-нъ Славинъ, и этимъ восклицаніемъ разомъ *удружаемъ* и великому драматургу и его достойному автору. Г. Славинъ умѣетъ похвалить!... За тѣмъ слѣдуетъ предисловіе, столько же удивительное, какъ и вся книжка, а за онымъ слѣдуетъ сама біографія Шекспира, съ указаніями на какого-то Шасла (должно быть Филарета Шала) съ выписками стиховъ и прозы на всевозможныхъ

языкахъ, съ высшими взглядами, и пр. Послушайте и подивитесь:

«Поэтъ въ душѣ, человекъ, въ которомъ отъ начала рожденія (*отъ начала рожденія* — какъ это фигурно!) закованъ былъ Везувій страстей (*въ словыкъ закованъ Везувій страстей* — какъ это живописно!); въковы(о)й представитель прекраснаго и наслажденій (отлично-хорошо!); пролягание цѣлой высокой мысли, брошенной на землю на удивленіе въкамъ (еще лучше!); міръ всеобъемлемости (недостаетъ смысла — за то какал смѣлость, какал энергія въ выраженіи!)—Шекспиръ не могъ не любить, и пр. (стр. 3).

Въ слѣдствіе всего рѣчливаго, чувство любви увлекло Шекспира, утопило въ океанъ пыллагаго воображенія, сердце его утонуло въ объятіяхъ страстей и глубокаго чувства, когда въ груди его *ризеотрѣлось предчувствіе* высшего назначенія и пробудилось отвращеніе къ ремеслу, на которое онъ смотрѣлъ, какъ на презрѣніе, какъ на степень униженія его могущественнаго бытія; тоска и негодованіе на жизнь и дѣйствія бросили его въ болото, называемое предсудительностью, и прочая,—все въ такомъ же духѣ и такой же тонѣ. Это называется «Жизнію Вильяма Шекспира» съ приложеніемъ къ оной мнѣній русскихъ и иностранныхъ писателей... (стр. 3—4).

«Если поэзія лирическая, какъ изъясненіе собственныхъ чувствъ поэта народнаго или вдохновеннаго своимъ предметомъ, заслуживаетъ вниманіе любителя словесности, слѣдующаго за развитіемъ народнаго гевія въ поэтахъ, его представителяхъ, поэзія драматическая еще въ большей степени проявляетъ передъ нами свойства ума, степень образованія и особенный вкусъ народа вообще, служить зеркаломъ его жизни общественной и частной... Такимъ длиннымъ, темнымъ и безсвязнымъ періодомъ начинается въ 5-й книжкѣ «Репертуара» статья г. Греча «Оперы»

Поэзіи Драматической». Какъ и въ статьѣ, этотъ періодъ очевидно есть загадка, и притомъ, очень-трудная для разрѣшенія; однакожь, подумавъ и поразбивъ его на предложенія, можно догадаться, что лирические поэты раздѣляются на два разряда: на народныя, и на вдохновенныхъ своимъ предметомъ, что жизнь народа быдетъ общая и частная, и что лирическая поэзія есть изъясненіе собственныхъ чувствъ поэта, а драматическая еще въ большей (передъ чѣмъ же? степени проявляетъ передъ нами свойства ума, степень образованія и особенный вкусъ народа вообще. Итакъ, благодаря этому набору словъ, теперь различіе между поэтами народными и между поэтами вдохновенными своимъ предметомъ, между поэзією лирическою и между поэзією драматическою, равно какъ и ихъ взаимныя другъ къ другу отношенія — ясны и неподвержены никакому сомнѣнію. «Лирические поэты» — съ такою же ясностію продолжаетъ глубокомысленный теоретикъ — лирические поэты почти все сходны между собою: и Грекъ и Римлянинъ, и Англичанинъ и Итальянецъ, все люди (*а не зепри?*), все одинаковымъ образомъ выражаютъ свои мысли и чувстваванія, различаясь только степенью и своего гевія и образованія, и особенностями языка». Именно такъ! Римлянинъ Гораций, Римлянинъ Овидій и Нѣмецъ Шиллеръ — сходны между собою и поютъ одинаковымъ образомъ, точно такъ же, какъ Итальянецъ Петрарка и Англичанинъ Байронъ, какой-нибудь испанскій романистъ и Французъ Берамже!... Что и говорить! правда, суцая правда! Вся разница въ языкъ, въ буквяхъ и развѣ еще въ почеркѣ лирическихъ поэтовъ разныхъ странъ.

Вся статья состоитъ изъ такихъ яркихъ и глубокихъ идей. А примѣча-

тельная статья! На какихъ-нибудь *те- тырехъ* листкахъ съ половиною, или на *девятн* страничкахъ, изложена и исторія драматическаго искусства и его теорія у *всѣхъ* народовъ! То и другое равно интересно. О теоріи вы уже имѣете понятіе, а исторія начинается съ козла, отъ котораго будто-бы началась греческая трагедія. Право, это впечаталано! (стр. 5).

Театръ англійскій начался подражаніемъ французскимъ исторіямъ, и *долго* *владѣлся* *еъ* *младенчествомъ* (владѣлся въ младенчествѣ — хорошо сказано; хотѣ бы г. Славину!) Вдругъ, посреди тумановъ ученія классическаго, возникъ въ Англии гений самородный, оригинальный, единственный, Шекспиръ, въ дупъ котораго, какъ въ чистомъ зеркалѣ чистаго ручья, отразилось все небо поэзій. Въ музеѣ дерптскаго университета выдѣль въ достойную мнимая аллегорическую картину, о которой говоритъ Гёте въ своей автобиографіи. Представьте храмъ поэзій драматической. Въ святилищѣ его возсѣдѣтъ гении древности и новѣйшихъ вѣковъ, важныя, глубокомысленныя, въ классической одеждѣ Грековъ и Римлянъ; другія занимаютъ мѣста въ преддверіи храма; третьи вѣтъ его, на ступеняхъ. Одинъ человекъ, въ каблукахъ, брюкахъ и фуражкѣ англійскаго матроса, закинувъ руки на спину, глядя вверхъ, входитъ въ самую средину святилища, какъ видно и самъ того не зная, куда зашелъ это Шекспиръ. Ему обзана рожденіемъ новая драма, до невзрачности употребляемая во зло бездарностью, шарлатанствомъ и мнимою гениальностію.»

И все тутъ! Ну, теперь понимаете, что такое Шекспиръ? Если несовѣтъ прочтите при этомъ «Жизнь Вилльяма Шекспира» съ мнѣніями объ ней гг. Полеваго, Якубовича и Славина.

Кромѣ сей дивной статьи, въ пятой книжкѣ «Репертуара» есть еще какіе-то два водевилля, водевильные куплеты, сивсы, новости и разныя извѣстія, о которыхъ вы давно уже знаете изъ «С. Писемъ и другихъ листковъ».

215) Пантеонъ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ. *Часть*

II. Редакторъ: О. А. Копп. *Издание: книгопродавецъ В. П. Поликова. С. П. бургъ. Въ тип. А. Плюшера. 1840. Въ 8 ю д. л., въ двѣ колонны. 55 и 67 стр.*

Четвертая книжка «Пантеона» даритъ насъ драмою Александра Дюма «Карль VII, Король французскій» — подарокъ недорогой, неместящій, но... за неимвѣемъ лучшаго, спасибо и за это. Современное состояніе русской литературы приучило насъ быть не слишкомъ-възыскательными. Г. А. Дюма бываетъ очень неспособенъ съ своими дикими претензіями на гениальность и на соперничество съ Шекспиромъ, съ которымъ у него общаго столько же, сколько у пѣтуха съ орломъ: тотъ и другой — птицы; но, кромѣ того, онъ добрый малый и талантливый беллетристъ. Самую нелѣпую сказку умѣетъ онъ разказать вамъ такъ, что, не смотря на бессмысленность ея содержанія, матлнотность положеній и газерство эфектовъ, вы прочтете ее до конца. Онъ мастеръ также слынить и драму, особенно историческую, гдѣ содержаніе и характеры подаетъ сама исторія, и слынить такъ, что ее можно и прочесть отъ нечего — двѣтъ, и посмотрѣть на сценѣ даже съ удовольствіемъ, если ее хорошо играютъ. Такова его пятіактная драма, въ стихахъ «Карль VII, Король французскій».

Карль Сабуазн, графъ Сеньёле, давно женатъ на Беранжеръ, которую очень любитъ и которая еще больше его любитъ. Она женщина примѣрная, мужъ ее уважаетъ и высоко цвнитъ; но вотъ бѣда: она безплодна, а мужъ ся страстно хочется имѣть наследника, который продолжилъ бы родъ графоль Сеньёле. Графа нѣтъ дома. Онъ, подѣ видомъ богомолья, отправился для исполненія политическихъ порученій короля, и дѣйствіе начинается тѣмъ, что онъ возвращаетъ-

си въ домъ свой, въ одежду пилигрима, неузнанный никѣмъ изъ своихъ служителей, кромѣ Якуба. Этотъ Якубъ — мухаммеданинъ, что видно изъ того, что онъ безпрестанно яляется Мухаммедомъ. Графъ, будучи въ Сиріи, спасъ его отъ смерти, перевязавъ его рану и утоливъ его жажду водою; потомъ привезъ его во Францію и надѣлъ на него ошейникъ раба, но обращаясь съ нимъ кротко. Слуги его не любятъ и безпрестанно оскорбляютъ, и онъ отвѣчаетъ имъ длинными монологами, великодушными фразами и угрожаетъ книжаломъ. Одинъ изъ нихъ, Раймондъ, пользуется почти дружбою графа, и особенно не любитъ Якуба, который, въ свою очередь видитъ въ немъ своего смертельнаго врага, потому-что Раймондъ наместъ ему въ Сиріи ту рану, отъ которой онъ, безъ помощи графа, непременно бы умеръ. Очевидно, что въ лицѣ Якуба Дюма субъективно изобразилъ свой идеалъ чело-вѣка-героя, т. е. чело-вѣка съ пламенными страстями, сильною волею и глубокою душою. Разумѣется, субъективность г. Александра Дюма сдѣлала изъ Якуба болтуна, резонеръ и чело-вѣка звѣрски-смѣлаго и кровожаднаго. Этотъ Якубъ рассказываетъ слугамъ, какъ онъ, будучи ребенкомъ, подстергъ слѣды львицы, ползъ за нею цѣлый день по степи, нашелъ ее въ пещерѣ, началъ съ нею драться и, разумется, побѣдилъ ее, не заплативъ за побѣду не только жизнью или здоровьемъ, но ни однимъ волосомъ. Какъ дитя могло сладить съ львицею, какъ Якубъ дрался съ нею — на шпагахъ или на пистолетахъ — объ этомъ г. Александръ Дюма не говоритъ ни слова, и мы должны ему вѣрить на-слово, ибо Якубъ — великій чело-вѣкъ, какъ всѣ герои повѣстей и драмъ г. Александра Дюма, по мнѣнію котораго всякій великій чело-вѣкъ непременно дол-

женъ одинъ-на-одинъ выходить на льва, тигра, слона, удава и побѣждать его какъ поросенка. Таковъ ужъ образъ мыслей г-на Александра Дюма! Раймондъ обижаетъ Якуба; Якубъ говоритъ предлинныя монологи — каждый съ добрую версту, и наконецъ за-калываетъ Раймонда. Входитъ графъ, сбрасываетъ съ себя одежду пилигрима, плачетъ о смерти Раймонда, яляется убить своею рукою его убійцу и спрашиваетъ — кто убійца? Якубъ говоритъ — я! Узнавши, что его подвинуло на убійство мщеніе за рану, графъ раздумываетъ собственноручно убивать Якуба, и хочетъ его судить. Вдругъ докладываютъ о прибытіи короля въ замокъ. Графъ велитъ принять его безъ почестей и хочетъ, чтобы онъ, въ качествѣ простаго чело-вѣка, былъ свидетелемъ феодальнаго суда. Входитъ Карлъ VII съ Агнесою Сорель. Графъ предлагаетъ Якубу прощеніе, если онъ скажетъ ему, что у него нѣтъ больше враговъ. Якубъ отвѣчаетъ, что есть у него еще одинъ смертельный врагъ, и что это самъ онъ, но что онъ его не убьетъ, помня его благодѣаніе. Графъ велитъ его казнить, но король спасаетъ Якуба, объявивъ его своимъ оруженосцемъ. Графъ напоминаетъ королю о феодальныхъ правахъ, а король графу о королевскихъ правахъ — и дѣло улаживается. Надо сказать, что Якубъ любитъ Бераижеру и готовъ по одному ея маповенію и самъ заръ-заться и все чело-вѣчество перерезать. Страшный чело-вѣкъ, Богъ съ нимъ! Бераижеру видитъ, что графъ и не замѣтилъ ея присутствія, и скоро узнаетъ отъ капеллана, что уже получена отъ папы ея разводная съ мужемъ, что она сейчасъ должна удалиться изъ замка, въ который сейчасъ должна вступить Изабелла Нарбоннъ, чтобы вѣнчаться съ графомъ. Бераижеру видится съ графомъ, умоляетъ его подо-

ждать разводомъ, пока она умолитъ Бога даровать ей сына. Графъ отвѣщаетъ, что не время ждать въ годину всеждоусобной войны и кровопролитныхъ войнъ, и дать ей ясно знать, что ей ничего не остается, какъ сейчасъ же выхъдуть изъ замка. Беранжера одѣваетъ въ свое платье служанку, которую и вывозитъ изъ замка, вмѣсто ея. Еще в преждѣ Беранжера, зная о страсти къ себѣ Якуба, поддерживала ее, не подавая ему никакой надежды, но теперь она подаетъ ему явные надежды. Между-тѣмъ, графъ убѣждаетъ Карла VII быть королемъ не именемъ только, но и самымъ дѣломъ. Карлъ отшучивается и не хочетъ слышать о своемъ государствѣ, которое терзаютъ Англичане и его собственные вассалы. Тогда графъ ванадаетъ на любовницу короля, прекрасную Агнесу Сорель, грозить ей проклятіемъ отечества и возбуждаетъ въ ней стремленіе дѣйствовать на короля во благо отечества. Агнеса дѣйствуетъ успѣшно: король просыпается отъ своего лѣниваго усыпленія въ одну минуту, надѣваетъ шлемъ и латы, беретъ мечъ и, вмѣсто охоты, отправляется на войну. Графъ принимаетъ неясную и ведетъ ее къ алтарю, а Беранжера между-тѣмъ обольщаетъ Якуба надеждами на взаимность и успѣваетъ согласить его на убіеніе графа. Въ то время, какъ графъ возвращается изъ церкви съ новобрачною, принимая поздравленія отъ своихъ вассаловъ, и эхидить съ нею въ спальню, Якубъ поражаетъ его кинжаломъ, а Беранжера, услышавъ стонъ мужа своего, принимаетъ лѣдъ. Слѣдуетъ эффектная сцена въ пенстовомъ родѣ... Мы забыли сказать, что графъ, чтобы отнять у Якуба всякую причину къ ненависти противъ себя, далъ ему формальную отпущенку. Якубъ бросается къ Беранжеру, чтобъ бжлать съ нею, и видитъ,

что она умираетъ, объявивъ себя мужу его убійцею. Тогда Якубъ показываетъ служителю свою вольную, клянется Мухаммедомъ, называетъ ихъ псами негодными, говоритъ имъ, что онъ свободенъ и сейчасъ отправляется въ пустыни. Тѣмъ и кончается шутка. Почему Якуба не поразила смерть Беранжеры, показавшая ему, что графиня его не любила и обманула, употребивъ его орудіемъ своего мщенія мужу; почему ненавидѣвшіе его слуги графа не воспользовались такимъ удобнымъ случаемъ убить его, — объ этомъ справьтесь у талантливаго автора, а мы не знаемъ.

Разумется, въ этой драмѣ нѣтъ ничего и похожаго на характеры, а все образы безъ лицъ, особенно Якубъ, который представляетъ собою воплощенную фразу, преогромно-вздутую наподобіе мыльного пузыря. Впрочемъ, надо сказать правду, Карлъ VII очерченъ недурно, и хоть нѣсколько походить на болѣе или менѣе удачно-обрисованный характеръ.

Переводъ «Карла VII» очень-хорошъ. Правда, въ немъ встрѣчаются и такіе стихи, какъ, на-примѣръ,
Жемъ, — тьара (т. е. тѣра) все какъ надо...

Преклошите и пр.

Словно орелъ ты свелъ себя гнзздо.

Когда ваше величество найдете.

Въ первомъ непростительная *литургическая вольность* добраго стараго времени; въ двухъ послѣднихъ нѣтъ мѣры. Кроме-того, рѣчи простолодиновъ ужъ слишкомъ мѣстами обрусены, какъ на-пр.:

Ты, поросенокъ! Я-те дамъ лукъ трогать...
Смотри, братъ, я вѣдъ за вихоръ, какъ разъ.

Но эти маленькіе недостатки выкупаются многими хорошими мѣстами, какъ вотъ славянщина:

... Не вспомните ль из пьесъ вы одну,
Которую въ вечерней часъ, бывало,
Передъ шатромъ, на нильскихъ берегахъ,
При нашихъ дружескихъ пирахъ,
Намъ чершоокая красавица пѣвала?
Вы помните ея воздушный станъ?
Взоръ огненный, плазнительныя рѣчи,
И локонъ смоляной, и мраморныя плечи,
И пѣсни дивныя—отраду мусульманъ!
Вы помните восторги огневые,
Какъ подъ прозрачной челемой,
Кружась, она взоръ манитъ за собой,
И мой отецъ цехины золотые
Ей сыплеть щедрою рукой!

Нѣтъ, милая Агнеса—счастье, радость—
Возможность быть съ тобою цѣлый день,
Топуль въ лазури глазъ твоихъ небесныхъ
Устаю главу склоняя къ твоей груди,
И смѣшивая съ твоимъ свое дыханье,
И въ сладостномъ восторгѣ трещать,
И заглушать роскошнымъ поцалуемъ
Твоей любви стыдливый легкій шопоть!

Стихи, право, очень-недурны, а такъ много въ цѣлой драмѣ. Желалъ бы, чтобы г. Межевичъ не ограничился однимъ этимъ опытомъ ирирился-бы за французскія драматическія произведенія, передавая ихъ намъ хоть прозою, хоть стихами—это все равно для насъ. Наша современная литература такъ бѣдна, что почти нѣчего читать; а нашъ репертуаръ еще бѣднѣе—кромя водевилей, нѣ на что и посмотреть. И потому, какъ бы хорошо было, еслибы искусная рука, переводя французскія драмы, не слишкомъ церемонилась съ ними, а передѣлывала и исправляла бы, сообразно съ здравымъ смысломъ и эстетическимъ вкусомъ. Что-нибудь лучше ничего. Гдѣ же взять художественныхъ произведений!

За драмою Дюма слѣдуетъ въ 4-ой книжкѣ «Пантеона» двухъ-актный водевилъ «Жозефъ, парижскій мальчишка (Le Gamin de Paris)», очень-недурно переведенный г. Федоровымъ. Прочти

его, мы еще болѣе убѣдились, что водевилы и пишутся и переводятся для сцены, а не для чтенія.

За водевилемъ слѣдуютъ стихи г. Алексѣева, Ивельена, П. Федорова, А. Марлинскаго и кн. Кропоткина. Между ними есть стихотвореніе г. Вельмана.

За стихотвореніями слѣдуетъ «Оборитень, разсказъ шестидесятилѣтняго гусара», соч. Александрова-Дуровой. Хотя «Пантеонъ» и увѣряетъ насъ, что этотъ разсказъ можетъ быть и драмой и водевилемъ, по мы ему, въ этотъ разъ, рѣшительно не вѣримъ—по тремъ причинамъ: во-первыхъ, изъ чего можно сдѣлать драму, изъ того нельзя сдѣлать водевила, и на-оборотъ; во-вторыхъ, содержаніе этой повѣсти не совсѣмъ-правдоподобно, хотя она разсказана и увлекательно; въ-третьихъ, задачи для драмъ и водевилей всегда остаются безъ выполненія, и «Пантеонъ» гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы, вмѣсто стихотвореній и разсказовъ, явился публикѣ съ тремя драматическими пьесами.

216) Арифметика (,) составлена Э. Мудровымъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1840. Въ 8-ю д. л. 135 и 11 стр.

Вотъ учебная книга, составленная съ мыслію, изложенная ясно и понятно. Не знаемъ, много ли у насъ книгъ въ этомъ родѣ, которыя походили бы на арифметику г. Мудрова такимъ простымъ, яснымъ и въѣсть строго-научнообразнымъ изложеніемъ. Это—превосходное руководство, не только для дѣтей, у которыхъ есть учитель, но и для взрослыхъ, которые бы захотѣли заниматься наукою сами. Вся книга г. Мудрова, состоитъ изъ 58-ми отдѣленій. Къ каждому отдѣленію приложены вопросы, для облегченія учениковъ. Отвлеченныя понятія объ-

ясны теоретически и подкреплены множеством примеров. Одним словом, если это не лучшее, то одно из лучших руководств къ арифметикѣ, какъ къ наукѣ, а не какъ исключительно-простому знаию, полезному въ жизни.

217) Датскій Разсказчикъ, или собраніе повѣстей изъ лучшихъ иностранныхъ авторовъ (,) какъ-то: *Бланшарда, Беркеня, Бертрана, г-жи Зонтагъ и многихъ другихъ. Переводъ съ французскаго. Изданіе второе (,) съ печатаннаго въ 1837 году. Москва. Въ тип. А. Селена. 1840. Въ 16-ю д. л. 81 и 29 стр. Съ картинками.*

«Одна прекрасная дѣвочка, (?) собирала на дугу цвѣты. Господинъ, проходившій мимо (,) сказалъ ей:

Милый дружокъ, любишь ли ты конфекты? — О! конечно (,) сударь, а ихъ очень люблю.

Такъ подарь же мнѣ этотъ прекрасный букетъ, который у тебѣ въ рукахъ, тогда получишь конфетку.

Нѣтъ; я предлагаю тебѣ двѣ, ты и теперь не соглашаешься? такъ три, четыре, шесть... какъ? неужели недостаточно и этого; итакъ, дорого ли ты цѣнишь этотъ букетъ.

Господинъ! (?) я его связала для маменьки, и не отдамъ его за всѣ конфекты въ свѣтъ.

Похвально, дитя мое, поцѣлуй меня, любезная! я хочу, чтобъ ты получила отъ меня цѣлый фунтъ конфектъ, а букетъ сбереги для своей маминьки.»

Изъ сей прекрасной повѣсти выводятся слѣдующія нравственныя заключенія:

1) Любовь къ матерн гораздо - выше любви къ конфетамъ.

2) Самая приличная награда дѣтской любви состоитъ въ поцѣлѣ неизвестнаго господина, въ названіи *любезная* (если это дочь) и *любезный* (если это сынъ), и въ фунтъ конфектъ.

3) Такъ-какъ конфекты оказываютъ весьма-вредное вліяніе на зубы, то дѣти, любящія своихъ родителей, по-

преимуществу должны быть беззубыми.

Видите ли, дѣти, какъ хорошо быть добродѣтельными?..

218) Три Розы. Книжка для дѣтей, издавшая Б. Федоровымъ. С. Петербургъ. 1840. Въ тип. Е. Алимпиева. Въ 16-ю д. л. 238 стр.

Предисловіе къ этой книжкѣ такъ интересно и даетъ о ней такое ясное понятіе, что мы почитаемъ нужнымъ выписать его:

Въ сей книжкѣ помѣщены три Драматическія Піесы, избранныя мною изъ новыхъ сочиненій Шмидта:

1. Лютия или Маленькая пѣвица Альпійской Долины, Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

II. Корзинка земляники, Драма въ 1-мъ дѣйствіи.

III. Эмма или Любовь къ матерн, Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

Многія сочиненія Шмидта, писателя, заслужившаго общее уваженіе и Европейскую славу (?), известны у насъ по переводамъ В. А. Жуковскаго, г-жи Зонтагъ и другихъ.

Повѣщаемыя здѣсь, три новыя его піесы для юнаго возраста, принадлежать къ лучшимъ изъ его полезныхъ произведеній. Онѣ прелестны, и дышатъ истинною кроткостію.

Переводчикъ называетъ ихъ *тремя розами*, съ тою мыслію, что онѣ (?) привлекая вниманіе юныхъ читателей, исполняютъ сердца ихъ *нравственными ароматами*: тѣми кроткими, отрадными чувствами любви къ Богу и ближнимъ, чувствами благочестія и доброжелательства, безъ которыхъ нѣтъ истиннаго счастья въ жизни.

Прекрасное предисловіе— оно такъ и дышетъ чистѣйшею нравственностію и общими риторическими мѣстами! Одно уже названіе чего стоитъ — *Три розы!* Оно и символическое и аллегорическое вмѣстѣ! Но увы! розы г. Шмидта сильно пахиваютъ дурманомъ резонерства и колятъ руки шипами безжизненныхъ, отвеченныхъ сен-

тенцій, одѣтыхъ въ человѣческія имена, но безъ человѣческихъ образовъ и лицъ! Переводчикъ подбавилъ къ нимъ еще и своего «аромата». Одну изъ этихъ плохенькихъ драмъ онъ переложилъ на русскіе нравы, и вотъ вамъ образчикъ *мужицкаго* языка — монологъ мужика Якова, бросившаго въ лѣсу своего маленькаго брата, который по сему случаю много лѣтъ пронадалъ безъ вѣсти:

Куда ни похжу, а все прибреду сюда. Кажется бы (т. е. *казалось бы*), незачѣмъ далеко отходить отъ нашей хижинки, по прохода лѣсомъ, всегда заверну въ это мѣсто. Сердце не дастъ мнѣ покоя, и я все думаю найдти бѣднаго брата, *здесь много поминутаго*. Теперь я понимаю, почему *есть въ подлѣзъ погарѣ* (т. е. *есть у людей, или между людьми повѣрье*), что душа злодѣя скитается на томъ мѣстѣ, гдѣ *одино злодѣлине*. После *роковой бурной* ночи (ай-да мужичекъ!..), въ которую мы искали брата, и не могли найдти, все для меня перевишилось въ природѣ. Небо не кажется радостнымъ, какъ прежде. Лучи солнца, какъ будто рѣже проникаютъ сквозь этотъ лѣсъ; свистъ-вѣтра пугаетъ меня. Шелестъ листьевъ увеличиваетъ бользнь; О (о) какъ тяжка укоры совѣсти! это адъ въ сердцѣ. (*О какъ несносна реторика! это скрытъ мамазинныхъ колесъ въ слухи!*) Ахъ (именно ахъ!) я желалъ бы громко, громко сказать всѣмъ людямъ: сохраните ваши руки отъ преступленія, гоните отъ себя мысль о худомъ поступкѣ. (*Садится на дерновую скамью, опускаетъ руки на колѣна и обращаетъ взоръ къ небу*). Братъ мой! добрый, бѣдный Ф(Ѳ)едя, котораго за тридцать лѣтъ я такъ коварно покинулъ здѣсь, гдѣ ты теперь? Въ небесахъ? Или еще живешь на землѣ? Не разтерзали ли тебя звѣри? Не захватили ли тебя разбойники? Страшная мысль! Ахъ (*ахъ!*) лучше быть разтерзану звѣрми, чѣмъ жить со злодѣями; лучше умереть, нежели быть преступникомъ. Я это чувствую. (*Встаетъ и озирается*). Вотъ гдѣ ты спокойно почивалъ... тутъ... (*приближаетъ Ф(Ѳ)единьку*) Боже, что я вижу? Всемогущій, подкрѣви мепя! Не совѣсть ли помутила мой разумъ? (,) или не тѣнъ ли брата моего меня преслѣдуетъ? Нѣтъ, нѣтъ,

воображеніе меня обманываетъ! (*Оставляетъ несколько шаговъ, потираетъ лобъ, и снова смотритъ на дитя*). Опять!.. Это не привракъ... (*Какой блистать этотъ мужикъ!*) Такъ! это дитя впрямъ заблудилось въ лѣсу. Отведу его къ родителямъ. (*Пряближается*). Какъ походить этотъ мальчикъ на моего бѣднаго брата, *есть черти лица его (ай-да Якова!)*; такой же румяный, белокурый. Не смѣю заговорить съ нимъ, но онъ усмѣхнется во мнѣ; разбужу его. *Родимой, родимой! проснись!*

Ф(Ѳ)единька (*полусонный*). Ну, что? Что такое? Оставь меня спать.

Яковъ. Не погнавсь, сердечный, скажи какъ зовутъ тебя.

Какъ хорошеъ этотъ переходъ отъ риторическаго языка къ мужицкому, отъ этихъ пустыхъ, но громкихъ книжныхъ фразъ къ словамъ — «родимой», «не погнавсь» и «сердечный»!.. Разумѣется, этотъ Единька — племянникъ Якова, сыпъ его потерявшаго брата, который найденъ былъ въ лѣсу одною знатною особою, получилъ отличное воспитаніе, дослужился до генеральства и, на радости, сталъ говорить не иначе, какъ книжнымъ языкомъ и моральными сентенціями.

Всѣ эти драмы испещрены въварскими виршами, напоминающими блаженныя времена Сумарокова съ братією. Вотъ не угодно ли полюбоваться:

Тутъ нѣжно дочь свою цѣлуд,
Мать къ сердцу привлекла ее,
И говорить: тебѣ скажу я,
Что это древо твое.

Оно твое, мой другъ безцѣнный!
Возрощено тебѣ родной;
Въ замѣну вишенки даренной,
Взросло изъ косточки родной.

По этимъ образчикамъ прозы и стиховъ съ родными косточками читатели могутъ видѣть, какъ хорошо переведена на русскій языкъ эта плохая дѣтская книжонка. Бѣдныя дѣти!...

219) Полная Азбука Русская, Латинская, Греческая, Немецкая и Французская. Съ присовокупленіемъ всѣхъ правилъ для произношенія въ силъ языка. Москва. Въ Университ. тип. 1840.

220) АЗБУКА ДЛЯ МАЛОЛѢТНЫХЪ ДѢТЕЙ, или легчайшій способъ обучать русской грамотѣ. А. К. Изданіе третье. (безъ перемѣны). Москва. Въ тип. С. Смирнова. 1840. Въ 12-ю д. л. 48 стр.

«Полная Азбука» весьма-неудовлетворительна.

Нехорошее также дѣло и «Азбука для малолѣтнихъ дѣтей»... Да и что въ ней хорошаго? картинки лубочныя, сорваны дѣтямъ пренапыщенные, грамматика страдаетъ... ничего нѣтъ хорошаго!

221) Начальные Правила Греческой Грамматики (,) по руководству Шнейдера, изданія Герм. Шадома, Философіи Докторовъ, Старшихъ Учителей Латинскаго Языка при 5-й Санктпетербургской Гимназии и Лекторовъ Немецкой Словесности при Санктпетербургской Медико - Хирургической Академіи. Третье исправленное и дополненное изданіе. Санктпетербургъ. Въ типографіи И. Глазунова и Колп. 1840. Въ 8-ю д. л. IV и 93 стр.

Прежде всего поразить васъ предисловіе г. Шада къ этому, третьему изданію его «Начальныхъ Правилъ Греческой Грамматики». Вотъ съ чего начинается это предисловіе:

«Сія Грамматика заключаетъ въ себя только этимологію» (тѣмъ это за грамматика, которая заключаетъ въ себя только этимологію?) «или ученіе о формахъ грамматическихъ» (стало-быть, формы синтаксическія—не грамматическія формы?), «а Т. X.—Отд. VI.

це Словосочиненіе, потому что (?) Этимологическая часть Греческой Грамматики столь богата и обширна, что ученики, начинающіе въ Гимназіяхъ обыкновенно учиться Греческому языку въ четвертомъ классѣ, должны заниматься оною во все время пребыванія ихъ въ семь классовъ, и Синтаксисъ весьма-справедливо представляется преподаванію въ высшихъ...»

Что это такое, читатели? Сія грамматика заключаетъ въ себя только этимологію, потому-что синтаксическая часть грамматики богата и обширна и ученики гимназическіе должны заниматься оною въ четвертомъ классѣ...:

Не угодно ли посмотрѣть далѣе:

«Такъ какъ Грамматика Бутмана, переведенная г-мъ Поповымъ» (она принята за руководство въ гимназіяхъ) «очень пространна, то Этимологическая часть оной для начинающихъ учиться Греческому языку слишкомъ подробна, (запятая!) и должна необходимо быть сокращена, тѣмъ болѣе, (?) что основательное преподаваніе каждаго языка состоитъ не только въ изученіи Грамматическихъ формъ» (преподаваніе состоитъ въ изученіи!!!), «но и въ практическомъ занятіи, т. е. въ переводахъ по руководству лучшихъ Хрестоматій: (,) а вмѣсто (:) для Греческаго языка (,) въ переводъ превосходныхъ Хрестоматій Якобса и Зейденштинкера, (—) упражненіе, требующее много времени и застаивающее благоразумнаго учителя проходить сначала только (?) главнѣйшія и самыя необходимыя правила Грамматики. По сей причинѣ я ласкаю себя надеждою, что сія учебная книжка, исправленная и дополненная, какъ при второмъ изданіи, такъ и теперь при третьемъ, будетъ соответствовать цѣли, предположенной для начинающихъ учиться Греческому языку, цѣли, которая безъ сомнѣнія не должна ни быть ни казаться слишкомъ отдаленною; ибо юношескій возрастъ желаетъ имѣть цѣль свою въ близости: отдаленная цѣль для него неприманива...» и проч. и проч. и пр.

И все также и также — до самаго конца предисловія... Нѣтъ, воля ваша! или г. Шадаъ хочетъ задавать загадки тѣмъ, для кого писалъ это предисловіе, или... мы не знаемъ уже, что и

думать! Грамматика Бутмана очень пространна и должна быть сокращена. *Тьмъ болѣе*, что основательное преподавание языка состоитъ въ переводахъ по руководству лучшихъ хрестоматій, а это упражненіе требуетъ много времени и заставляетъ учителя проходить сначала только главнѣйшія правила грамматики. . . Можно ли отыскать тутъ какой-нибудь смыслъ? *Vaculus in angulo stat. . .*

Что же касается до самой «Грамматики» г-на Шада, — она совершенно похожа на всѣ другія грамматики греческаго языка, съ тѣмъ только отличіемъ, что ясное въ другихъ грамматикахъ — у г. Шада темно и сбивчиво. Возьмите, на-примѣръ, какое-нибудь изъ его опредѣленій, хоть на стр. 52-й: «Мѣстоименія возвратныя, *которыя* выражаютъ, что дѣйствіе на то же самое лицо обращается, отъ котораго оно происходитъ»; — не правда ли, ясно? Или на стр. 45-й: «Удареніе. Сіе подвигается по даннымъ правиламъ всегда къ началу слова, (:) въ противномъ случаѣ происходятъ слитіе»; — еще яснѣе? Въ сокращеніяхъ (аббревіаціяхъ) словъ у г. Шада тоже новости; такъ, на-примѣръ, чтобъ выразить сокращенно настоящее время, онъ всегда пишетъ *настою.*, забывая, что сокращенія никогда и нигдѣ не оканчиваются на гласную букву, я пр. и пр.

Нѣтъ, мы думаемъ и, подобно г-ну Шаду, «ласкаемъ себя надеждою, что сія учебная книжка» никогда не будетъ предпочтена грамматикѣ Бутмана, и что «благоразумный учитель» всегда предпочтетъ ясное и полное руководство Бутмана какой-нибудь книжечкѣ, сокращенной до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и смыслъ выпущенъ для краткости. Учителю легче сократить для ученика полную и подробную грамматику, нежели биться съ плохе-составленною книжкою, по-

торая для объясненія потребуетъ отъ него вдвое болѣе труда, чѣмъ сокращеніе Фоліантовъ.

222) *Азбука Французская, или легчайшій способъ научиться правиламъ читать и писать по-французски, содержащая въ себѣ!..)* упражненіе и чтенію словъ, разговоровъ, баски, пошесту, пословицы и примѣры для переводовъ съ русскаго языка на французскій и съ французскаго на русскій. Соч. С. Ушаковымъ. Пятое изданіе. *AVESCADRE FRANÇAISE, ou la méthode la plus facile pour apprendre à lire et à écrire correctement en français, contenant les élémens de la grammaire, un recueil des mots, des dialogues, des fables, des contes, des proverbes et des exemples pour la traduction du russe en français et du français en russe, par S. Ouschakoff. Cinquième édition Saintpetersbourg. Въ тип. Е. Алланова. 1840. Въ 8-ю д. л. 111 стр.*

Длинное заглавіе этой маленькой книжки достаточно опредѣляетъ ея достоинство. Слова «легчайшій» и «la plus facile» и численіе содержанія, котораго въ книгѣ нѣтъ десятой доли, всегда служатъ вывѣскою дурныхъ книгъ. Впрочемъ, между такими книгами, это еще не самая худшая.

223) *Географія для Дѣтей. Тетрадь первая. Псковъ. Въ тип. Губернскаго Правленія. 1840. Въ 8-ю д. л. 38 стр.*

Очень-хорошо-составленная книжка для дѣтей. Она изложена въ формѣ разговора наставника съ дѣтми, путешествующими на пароходѣ вокругъ свѣта. Слогъ простъ, ясенъ, правиленъ и довольно по-одушевленъ. Слова въ заглавіи: «тетрадь первая» представляютъ падѣтность, что будетъ *вторая, третья* и т. д. Искренно просимъ г. Студитскаго о продолженіи: дѣти будутъ имѣть тогда хорошую книжку.

которая будет забавлять и научать ихъ.

Изданіе опрятно и красиво. Это дѣлаетъ большую честь псковской губернской типографіи. И въ столпцахъ выходитъ немного книгъ, такъ хорошо напечатанныхъ.

224) Искусства и Ремесла или первоначальныя познанія, приспособленныя къ понятіямъ дѣтскаго возраста. Въ 24-хъ картинкахъ. Москва. Въ литографіи В. Логина. 1840. 15 стр.

Плохое понятіе получаютъ наши дѣти о русскомъ земледѣльцѣ, русскомъ мостовщикѣ, русскомъ булочникѣ и прочей ихъ братіи, если взглянуть на картинки, тиснутыя въ литографіи В. Логина! Земледѣлецъ, одѣтый à l'epiant, въ башмачкахъ, съ былымъ воротничкомъ на шеѣ, съ кокеткой на груди, держитъ въ рукахъ хлыстикъ, которымъ мы погоняемъ верховую лошадь во время гулянья... У одного мостовщика на головѣ шляпа, за которую надобно заплатить, по-крайней-мѣрѣ, рублей пятнадцать, а другой мостовщикъ—былоручка, въ пестренкихъ брючкахъ, умилно смотритъ на деликатную работу своего товарища. Объясненія картинокъ еще хуже. Вотъ, на-прим., что значитъ садовникъ: «Садовникъ ходитъ за цвѣтами, служащими единственно для нашего удовольствія; онъ разсаживаетъ, размѣщаетъ ихъ такъ, чтобъ они представляли пріятную пестроту въ цвѣтныхъ отливкахъ и услаждали бы обоняніе наше своимъ запахомъ.» Аллахъ - Керимъ! да кто же надзираетъ за яблоками, грушами, сливами, крыжовникомъ, смородиной всѣхъ сортовъ и проч. и проч., и куда жь годится теперь сравненіе садовника съ воспитателемъ, а дерева—съ воспитанникомъ?...

225) Азбука не Бука (,) забава и наука, или собраніе затѣй для маленькихъ дѣтей. Москва. Въ литографіи В. Логина. 1840. Въ 32-ю д. л. 47 стр. Съ картинками.

226) Основанія Линейнаго Черченія. Москва. Въ литографіи В. Логина. 1840. Въ 16-ю д. л. 15 стр. Съ картинками.

227) Семейныя Сцены, 24 картинки иллюминированныя. Москва. Въ тип. В. Логина. 1840. Въ 16-ю д. л. 14 стр.

Три книжки, принадлежащія къ одной категоріи съ вышеозначенными «Искусствами и Ремеслами». «Азбука не должна быть для ребенка *букой*» говорить авторъ; надобно, чтобъ первый изглядъ дитяти, брошенный на азбуку, былъ изглядъ удовольствія, радости. Очень-хорошо, милостивый государь! но вѣдь забава забавъ рознь: иной смѣхъ хуже горя. Инымъ дѣтямъ очень нравится обливать изъ окна водою мимоушнихъ; другіи также находятъ величайшую забаву въ томъ, чтобъ бросать палкой въ мирныхъ домашнихъ животныхъ, какъ-то: гусей, куръ, утокъ, и проч... Не соединить ли какъ-нибудь изученія наукъ съ водообливаніемъ и палкобросаніемъ? оно было бы и забавно и поучительно! Нѣтъ, милостивый государь, не то забава. Вы, на-прим., желая развеселить малютокъ, нарисовали какія-то карикатуры, какихъ-то уродовъ-голова-стиковъ, столь же похожихъ на людей Божіихъ, сколько ваша азбука на азбуку: забавно ли это? Подписи на картинкахъ вашихъ, такъ-сказать, безграмотны; вы пишете: «знатная *микрона*, лептлй, малыя малютки» (большихъ малютокъ не бываетъ), «обезьяна няньпкой» (что это такое?), и проч... Забавно ли это? Разумѣется, дѣти разхохотутся, если учитель начнетъ имъ строить рожи, но дѣло въ томъ, забавно

ли это?.. Полно-те, почтеннѣйшій представитель забавной азбуки; вы хотѣли забавлять дѣтей,—и смѣшите взрослыхъ: азбука ваша нигуда не годится.

«Семейныя Сцены» (*Scènes de famille*), въ картинкахъ, изображаютъ счастье, которое человекъ находитъ подъ домашнимъ кровомъ, въ объятияхъ отца, матери, братьевъ, сестеръ, родныхъ и двоюродныхъ, и, за нимъ—ниемъ ихъ—въ ласкахъ учителя, или гувернанты. Но, увы! это, столь истинное счастье нарушается однакожъ (и червѣко) плохимъ знаніемъ отечественнаго языка и еще болѣе-плохимъ знаніемъ языка французскаго. Одинъ малютка, очень-любящій свою двоюродную сестрицу, говоритъ ей: *je t'aime bien, tu es gentille, petite cousine*... или: «*nous nous aimons comme s'aiment nos deux tentes* (т. е. тетки!)... Милыя малютки, зачѣмъ вы такъ

перевираете французскія фразы?... Семейное счастье! и ты недоговоренно!

Если называть основаніями науки или искусства одинъ голый опредѣленіи, ни къ чему неведущія и ни на что неопирающіяся, то, конечно, авторъ «Основаній Линейнаго Черченія» не ошибся въ названіи своей книжки. Но такъ-какъ подобныхъ опредѣленій никто, рѣшительно никто изъ благоразумныхъ, основательно-знающихъ искусства и науки, не называлъ и не будетъ называть *основаніями*, то, безсомнѣнія, вышереченный авторъ очень ошибся въ названіи вышереченной книжки. Здѣсь французскій языкъ еще болѣе страдаетъ, на-прим. *Voistu? ma canne est son ombre (?)*, т. е. видишь ли? моя палка и тѣнь ея... Прекрасно! Да здравствуетъ г. книгопродавецъ Логиновъ съ компаніей!

VII.

С М Ъ С Ъ.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЮ РЕЙМСКОМУ ЭВАНГЕЛИИ — НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ СЛАВЯНСКИХЪ. (*Изъ письма къ редактору «Отеч. Записокъ»*). —

10 апреля 1840. Прага.

..... Третьяго-дня зашли мы съ Шафарикомъ въ музей къ Гаукъ. — «Ба! очень рады! Вотъ во время! Глядите-ка, что я распечаталъ!» кричатъ намъ на встрѣчу почтенный Вячеславъ Вячеславовичъ, указывая на какую-то розовую тетрадку, которую держалъ въ рукахъ. Видно было, что дѣло занимало его и было не пустое. «Глядите, ну можно ли было это читать за «отець», а это за «ести». Читайте сами: «псалъ есть сваты Прокопъ опать». Это ясно.» — Тетрадка, о которой шло дѣло, была «Notice sur le Texte du Sacre (*), par J. L. S. Jastrzëbski», только-что полученная: при ней приложенъ снимокъ съ приписки 1395 года, о которой вы уже знаете изъ русскихъ газетъ; вотъ и чтеніе этого снимка буква-въ-букву:

лѣтъ пихъ, ч. т. п.	1
д. свато е. ле а епіе	2
есто су писані сѧ	3
овѣнскимъ ѣзкемъ. ті	4
ј мајі спіевані	5
біті на годі. вді жъ	6
опть под коруву мші	7
служі.	8
А друга страна тіе	9
хто вніжекъ. јенжъ с	10
подлѧ русскаго ама	11
псалъ ѿ сті прокопъ	12
опть сву руку. а то	13
пісмо русске далъ	14
нѣбожтѧкъ карелъ ч	15
тврті црѧ рѧмскі	16
кославніи тому то	17
кштру. а ке цті с	18
ватему ероніму	19
і сватему прокопу	20
господіне рачъ му да	21
ті покоі віечні. амяъ.	22

(*). Известно, что въ Реймсахъ хранится славянская рукопись, на которой некогда прилагали корали французскіе и которая содержитъ въ себѣ мѣста изъ евангелиствъ; отъ этого она вообще известна подъ именемъ *Реймскаго Евангелія*; Французы же называютъ ее *Le Texte du Sacre*. Ред.

Удивляюсь, какъ могъ знающій глаголицескую азбуку читать эту приписку не такъ, какъ здѣсь: она написана очень-лаственно. Тутъ нѣтъ ни «отець», а «опать» (аббатъ), ни «венжъ», а «јенжъ»

иже), ни «повѣрѣ», а «подѣ» (по), ни «кюври» а «чвртѣ», ни «кославнѣиному во клинтру» а «к ославнѣиному то клинтру» (къ прославленію того-то, т. е. этого монастыря), ни «ести», а «естѣ стѣ», т. е. «естѣ святы». Такимъ-образомъ многія изъ догадокъ проникательнаго Ганки оправдались дѣломъ, и не для чего доказывать, что «otec» значитъ по-чешски аббатъ, или опровергать замѣчанія Копитара, «quis A. 1395 S. Procopium simpliciter appellavit Abbatem Procopium, non adjecta sancti appellatione (Hesichii Glossographi Discipulus. Vin-dobonae. 1840, стр. 66). — Читая по-чешски эту приписку, находимъ вотъ что: «Let hospodinowych 1395. Swato Ewangelie a Epistolie, gešto sú pisány Slowěnskýmъ gezykemъ, tygi magi spěwány býti na hody, když opat pod korunú mši služj. — A druhá strana těchto knyzek, genž gest podle rusského zákona, psal gest swaty Prokop opat swú rukú. A to písmo russké dal nebožtjk karel štwtý; er (car? cizar?) římskýk oslawěnj tómuo kláštru a ke cti swatěmu Geronimu i swatěmu Prokopu. Hospodine, rad mi dati pokoj wěčny. Amen.» — По-русски: «Дать господнихъ 1395. Святое Евангеліе и Епистолие, написашця славянскимъ языкомъ. (т. е. глаголическая часть), должны быти читасмы во время трехъ великихъ годовыхъ праздниковъ (Рожд. Христова, Святлаго Воскресенія и Сошествія Св. Духа, — только сіи праздники называются по-чешски «ло-дъ»), когда аббатъ въ коронѣ (то же, что въ митрѣ: аббаты нѣкоторыхъ монастырей имѣли право на корону) служить обядню. А другую часть сей книги (или правильнѣе: сего свѣц. писанія), писаную по закону русскому, писалъ святой Проконій. И сію русскую рукопись далъ покойный Карлъ IV императоръ римскій къ прославленію сего монастыря и во славу св.

Иеронима и св. Проконія. Господи, подай ему вѣчный покой. Аминь.»

Не знаю, напечатана ли въ одной изъ русскихъ газетъ статья молодейской рукописи, которую написалъ я по желанію г. Ганки, въ-слѣдствіе письма къ нему, напечатаннаго въ «Свѣ. Пчелѣ» (*). Во всякомъ случаѣ не лишнимъ считаю кратко повторить то, что я говорилъ въ ней. Чешскій языкъ приписки 1395 года заставляетъ искать и самый монастырь, гдѣ она сдѣлана, въ Чехіи, и мы находимъ этотъ монастырь въ самой Прагѣ подъ именемъ «Kláštera Benediktinůn na Slowanech.» Во всей Чехіи не было другаго монастыря, кромѣ этого, которому бы въ честь св. Иеронима и св. Проконія могло быть подарено рѣзное рускѣ т. е. церковно-славянское; ибо въ немъ одною до XVII вѣка служба совершалась прежде совершенно всѣмъ, потомъ отчасти, на языкѣ славянскомъ, а не на латинскомъ, какъ было во всѣхъ другихъ монастыряхъ. Монастырь этотъ основанъ Карломъ IV въ 1347 году «ad honorem Dei, beatissime que Marie virginis ac gloriosorum Ieronymi Ciruillique Methodii, Adalberti (Войтѣха) et Procopii, patronorum Regni Rocnice», какъ сказано въ грамотѣ 1347 года 21 ноября. Карлъ IV столько покровительствовалъ этому монастырю, что «fiebant Bohemi veteres, ut coenobii hujus gloriam, splendorem ac basilicæ majestatem significarent, uno obolo minus, quam pontem pragensem Carolo constitisse (Balbin. Dissert. de ling. slaw. стр. 66). Карлъ IV назначилъ жалованье даже писцу, долженствовавшему переписывать священныя и церковныя книги для службы «nobili lingue slawonice (Pelrel. Karl der IV. 1. Urkunden Buch. стр. 585). Приписка 1395 года писана, по

(* Кажется, что ктѣ; по-крайней-мѣрѣ мы не припомнимъ. Ред.

значительно въ некоторыхъ; тою же рукою, какъ и вся глаголическая часть рукописи; следовательно, и вся она писана въ этомъ монастырѣ. Письма церковнаго въ этомъ монастырѣ читать не умѣли, потому - что монахи были католики глаголиты, и потому хранили кирилловскую часть, какъ reliquia, а читали по части глаголической. — Когда же эта рукопись исчезла изъ монастыря? Положительно отвѣчать на это нельзя. Для предположеній нужно знать исторію монастыря. Со смерти Карла IV (1378) слава монастыря начала упадать. Первые монахи были Кроаты (Dobrowski, Geschichte der Böhm. Sprache. 1792 стр. 44); мѣста умирившихъ занимали Чехи, которые, за немѣшнымъ полнымъ экземплара славянской библии, записали чешскій переводъ глаголическими буквами; въ послѣдствіи стали служить и службу на языкѣ чешскомъ, а позже и на латинскомъ. Между-тѣмъ и извѣстъ монастырь терять же мало. Такъ при аббатѣ Павлѣ II (1419, октяб. 16) воины Жижки ограбили монастырь; такъ Фердинандъ III (1695) отдалъ этотъ монастырь испанской братіи Бенедиктиновъ изъ Монте-Сerratо, а прежнихъ монаховъ перевелъ въ Монастырь св. Николая, гдѣ и оставались они до 1785 года, когда ихъ братство было уничтожено, а архивъ переданъ въ университетскую бібліотеку. О судьбѣ рукописи очень-невозвѣстно, кажется, сдѣлать такое предположеніе: рукопись, хранившаяся какъ святыня, конечно, была въ богатомъ переплетѣ не мудро, что воины Жижки захватили и ее въ числѣ другихъ драгоценностей, и пустили бродить по свѣту до-тѣхъ-поръ, пока она не досталась въ Реймсъ. — Что касается до кирилловской части этой рукописи, то мнѣніе г. Гапки, полагающаго, что она написана св. Прокопиемъ, следовательно не позже

1053 года (когда св. Прокопій умеръ) доказывается не только преданіемъ (пріпиской 1395), но и палеографически. Прилагаю сшмюкъ съ полустраницы этой части рукописи, и пропущая сравнить почеркъ и украшенія съ малымъ почеркомъ и украшеніями Остромирова Евангелія: не только общій характеръ, но и форма каждого значка въ обѣихъ рукописяхъ очень-сходны, почти одинаковы. Что же до правописанія, то въ немъ, разумеется, нельзя искать булгаризмовъ и т. п.: писавшій былъ Чехъ, следовательно не могъ вольно или неволью не указать своего происхожденія, своего отечественнаго нарѣчія.

Перехожу къ брошюркѣ г-на Ястржембскаго. Сначала описывается онъ самую рукопись, какъ она есть теперь:

«Эта пергаментная книга, въ малую четвертку, состоящая изъ 47 листовъ, изъ коихъ 45 написаны съ обѣихъ сторонъ, а два послѣдніе чисты. Книга переплетена въ двѣ дубовыя доски, покрытыя темнорозовымъ сѣфьяномъ. Пергаментъ первыхъ шестнадцати листовъ—низшаго достоинства, нежели остальныхъ; онъ разнированъ сухимъ грабштинкомъ, и на немъ находится иностранныя письмена, въ два столбца, отстоящіа одно отъ другаго на пол-дойма; названія главъ и начальныя прописныя буквы изукрашены тщательно, но не излишно. Эти украшенія носятъ на себѣ вообще характеръ искусства византійскаго IX-го и X-го столѣтій. Заглавныя прописныя буквы толсты и сдѣланы довольно-грубо красными чернилами; впрочемъ, некоторые изъ нихъ черны; всѣ строчныя буквы—черныя. Съ 17-го листа пергаментъ тоньше, блѣже, лучше выдѣланъ и не разнированъ. Буквы гораздо-больше; страница также разделена на два столбца. Заглавныя пропис-

сныя буквы все красныя; строчныя— все черныя, но между ними иногда встречаются цѣлыя строки красныя. Что же касается до алюминированных украшений, довольно-часто встречающихся, то они весьма-рѣдко отличаются отъ предыдущихъ: тутъ начальные буквы украшены цвѣтками, листьями, человеческими фигурами, въ которыхъ покрыты золотомъ. Живопись на этихъ орнаментахъ довольно-груба, и вообще они посвяты на себѣ характеръ живописныхъ украшений, встречаемыхъ на ботемскихъ рукописяхъ XV-го вѣка.

Г. Ястржембскій нашелъ въ архивѣ прежняго архіепископства реймского «Inventaire des reliquaires, chasses, images, joyaux, calices, croix, vaisseaux d'or et d'argent appartenant à l'église et fabrique de Notre - dame de Rheims, fait et renouvelé et extraict (en 1669), sur les anciens inventaires des dits reliques et ornements, etc.» и въ немъ такое описаніе реймской рукописи славянской: Item un livre dans lequel sont escrits les Euangiles en langue greque et siriaque (на поль. почеркомъ новымъ приписано: selon d'autres en slavonique); du don de mondict seigneur cardinal de Lorraines fait la veille de Pasques 1574. Joelui couvert d'argent doré d'un costé avec plusieurs pierres et cinq cristaux sous lesquels sont plusieurs reliques, scavoir une croix du bois de la vray croix et des reliques de Sainct Cyrille, de Saincte Marthe, Saincte Marguerite, de l'Es-pagne et de la scinture Nostre Seigneur aux quatre coings sont les figures d'argent émaillé de laigle, de l'home lo dict liure provient aussy du Tresor de Constantinople et on tient venir de Sainct Hierôme et pese six marcs six-onces.— Эти украшенія были похищены, какъ говорятъ, во время революціи 1793 г.; но на переплетѣ оста-

лась еще записка, доказывающая, что эти украшенія действительно существовали. Какъ бы ни было, рукопись оставалась неизвѣстною славянофиламъ до 1782 года, когда англійскій путешественникъ Ford-Hill, увидѣвши въ библиотекѣ вѣнской глаголическую книгу, замѣтилъ библиотекарю Дуряку, что такимъ же манеромъ написана и вторая часть du Texte du Sacre (т. е. реймской рукописи). Въ-слѣдствіе этого преемникъ Дуряка К. Алтеръ въ Philologisch-kritische Miscellaneen (Wien. 1799. стр. 244) замѣтилъ, что обѣ части du Texte du Sacre написаны по-славянски, и тутъ же предположилъ, что эта рукопись похищена въ Константинополь Везеліанами во время крестовыхъ походовъ. Рукопись стала обращать на себя вниманіе славянозовъ, какъ вдругъ Сильвестръ де-Саси извѣстилъ въ «Magazin encyclopédique» (5 année. IV. стр. 457 и слѣд.), что рукопись исчезла «въ продолженіе этихъ временъ варварства, когда эгоизмъ, скрытый подъ именемъ философіи, воздвигалъ себѣ престолъ на развалинахъ науки и нравственности». «Proh dolor!» возкликнулъ тогда Дюбровский (Institut. Ling. Slav. praef. стр. XIV);-proh dolor!-повторилъ Копитаръ (Glagolit. Clor. стр. X). Только недавно «Chronique de Champagne» (II. 9 livr. стр. 267) утвердила въ противномъ, сказавши, что рукопись хранится въ библиотекѣ реймской. Реймскій библиотекарь, г. Шарн, обратился къ одному русскому путешественнику, прося у него замѣчаній о рукописи, и получилъ въ отвѣтъ, что 1-я часть рукописи есть славянская; «что же касается до второй части рукописи», писалъ онъ редакторамъ «Chronique de Champagne»: «мнѣ показалась она писанною не на славянскомъ языкѣ; можетъ-быть, челоувкъ, знакомый съ языками восточными, откроетъ тутъ письмена

армянскія или грузинскія» (полно правда ли? не выдумка ли это господъ охотниковъ хвалить насъ, Русскихъ?) «Въ такомъ положеніи находился вопросъ, когда я принялся за его изсѣдованіе» говорить г. Ястржембскій, и сообщаетъ потомъ результатъ своихъ разысканій. Вотъ что говоритъ онъ о содержаніи рукописи: «Первая часть есть означеніе поученій (sermons), взятыхъ изъ Новаго Завета и равноложныхъ соответственно известнымъ днямъ года, по обрядамъ греко-кафолическимъ: въ ней очевидно не достаетъ нѣсколькихъ листовъ въ началѣ и концѣ; но замѣтно тамъ, что эта первая часть находилась въ этомъ неполномъ видѣ и тогда, какъ рукопись была переплетена: она начинается послѣднимъ словомъ 26-го стиха VIII-й главы Евангелія св. Матѳея; послѣ сего то идетъ 27-й стихъ той же главы; далее опять слѣдуетъ означеніе нѣкоторыхъ дней съ 27-го октября до 1-го марта включительно. Вторая часть также содержитъ въ себѣ поученія изъ Новаго Завета числомъ до 33-хъ; но въ первой части эти поученія расположены по некоторымъ днямъ каждаго мѣсяца, тогда-какъ во второй составители придерживались только главнѣйшихъ годовыхъ праздниковъ по календарю римскому. Эта часть мнѣ показалась полною: она начинается Вербными Воскресеніемъ; потомъ идетъ тотъ же календарь въ продолженіе всего года и оканчивается Благовѣщеніемъ.»

Далѣе г. Ястржембскій переводитъ переведенную нами выше приписку 1395 года и не совсѣмъ вѣрно (*L'an du Seigneur 1395. Ces Evangelies et Epîtres sont écrits en langue Slavonne. Ils doivent être chantés durant l'année, pendant que l'abbé officie pontificalement. Quant à l'autre* partie de ces livres, elle est suivant le ri-

te ruthenique. Elle a été écrite de la propre main de saint Procope abbé; et ce texte ruthenique fut offert par le feu Charles IV, empereur des Romains, aux Slavons de ce monastère-ci (?) et en l'honneur de saint Jérôme et de saint Procope. Dieu, veuillez lui donner le repos éternel. Amen.); видно, что и онъ несовершенно-хорошо понимаетъ глаголическую азбуку или чешскій языкъ. Г. Ястржембскій дѣлаетъ потомъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о св. Проконіи и М. М. Сазавскомъ и Славянскомъ Пражскомъ, и говоритъ наконецъ: «1) объ части, составляющей le Texte du Sacre, суть двѣ различныя рукописи, переплетенныя въ одну книгу; первая часть есть неполный автографъ св. Проконія, premier abbé de Sazawa, 1010, и мнѣ кажется, она писана между 1010 и 1040 годами; вторая же часть — рукопись, составленная монахами славянскаго Монастыря св. Иеронима, основаннаго Карломъ IV въ 1349 (т. е. въ 1347) году; 2) первая часть есть древнѣйшее евангеліе, писанное на славянскомъ языкѣ, ибо Остромирово Евангеліе относится къ 1056—1057 году, между тѣмъ, какъ Проконій умеръ еще до его времени.»

Нельзя не удивляться сходству выводовъ г. Ястржембскаго и г. Гаури: они почти дословны, а между тѣмъ оба напечатаны въ одно и то же время. Г. Ястржембскій оканчиваетъ свою статью отвѣтомъ на вопросъ: «какимъ образомъ и когда эта рукопись пошла во Францію, и правда ли, что французскіе короли когда-либо присягали на славянской книгѣ?» На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ такъ: «Подлинная исторія этой рукописи должна находится въ реестрахъ, портфеляхъ, или каталогахъ библіотеки Карла кардинала лотарингскаго». Въ отвѣтъ на второй вопросъ онъ замѣчаетъ,

что въ «Spectacle de la Nature, par Pluche» (1746. VII. стр. 256) написано: «Ancien recueil d'Epitres et d'Evangelies en lettres Sclavonnes, sur lequel nos rois mettaient la main dans leur Sacre en faisant serment de rendre la justice et de conserver à chacun son droit! On se sert à présent du livre des Evangelies en caractères d'usage» (Древний сборникъ посланий и отрывковъ изъ евангелія, писанныхъ славянскими буквами, на которыхъ наши короли клали руку при коронаціи, являясь оказывать всѣмъ правосудіе и сохранять каждому принадлежащія ему права. Нынѣ употребляютъ для сего евангеліе, начертанное общеупотребительными буквами). На билетѣ же, приложенномъ къ рукописи, написано рукой Персевала, въ 1782 году, вотъ что:—«Ce texte a été donné à l'église de Reims par le cardinal de Lorraine en 1554. La tradition est qu'il provient du Trésor de Constantinople et qu'il a été tiré de la bibliothèque de S. Jérôme. La première partie du livre est en caractères Serviens... et en langue orientale; la seconde est en caractères illiriens... et en langue indien ou esclavonique... le roi prête serment le jour du sacre sur ce livre etc» (Эта рукопись подарена въ реймскую церковь кардиналомъ лотаринжскимъ въ 1554 году. Есть преданіе, что она взята изъ сокровищницы константинопольской, и принадлежитъ библиотекѣ св. Іеронима. Первая часть книги писана сербскими буквами... и на восточномъ языкѣ; вторая буквами иллирійскими... и на языкѣ индійскомъ или эсклавонскомъ... король, въ день коронаціи, присягаетъ надъ этою книжкою и пр.)

И это все, что могъ въ сѣмъ отношеніи съяснить г. Ястржембскій. Онъ замѣчаетъ, что такъ - какъ рукопись

подарена собору въ 1574 году, то въ первый разъ могла быть употреблена при коронаціи Генриха III, 13 февраля 1575 года,—и потомъ:

«Генрихъ III прибылъ изъ Польши, избравшей его королемъ своимъ. Можно предпологать, что кардиналъ Гюизъ хотѣлъ доставить удовольствіе своему монарху, предложивъ ему присягать на славянской, а не на другой какой-либо рукописи.» Генрихъ IV короновался не въ Реймсъ, Людовикъ XIII и XIV—въ Реймсъ, но архивы молчатъ о рукописи славянской. «Что же касается до коронаціи Людовика XV и Людовика XVI, то малѣйшій надобности обращаться на нихъ неимамъ, потому что самъ Пломъ (современникъ Людовика XV) утверждаетъ, что славянская книга не употреблялась болѣе при коронаціи.»

Г. Ястржембскій опускаетъ изъ изда вышеприведенныхъ слова Персевала въ 1782: «Le roi prête serment le jour du sacre sur ce livre». Впрочемъ замѣчаетъ, что одна изъ присягъ короля оканчивалась словами: «sic in Deus adjvet et haec Sancta Dei Evangelia», и другими словами: «ainsi le jurons, vouons, et promettons sur la sainte vraie croix et le saint evangile touché», давая знать, что подъ именемъ sancti Evangelia и saint évangile могла разумѣться рукопись реймская. Г. Ястржембскій оканчиваетъ замѣчаніемъ: «Изданіе этой рукописи съ примѣчаніями историческими и философическими, и съ особеннымъ издогографическимъ и дипломатическимъ разсужденіемъ, безъ сомнѣнія, не будетъ бесполезно даже для французскихъ дипломатовъ». — Да, прекрасно было бы, если бы издали издогографированный снимокъ съ иллировской части реймской рукописи, и не обязанность ли это Русскимъ?

11. апрѣля.

Теперь, готовясь вамъ сообщить вѣсти о новостяхъ чешской литературы, я долженъ прежде всего извиниться передъ вами въ долгомъ молчаніи. Впрочемъ, не естественно ли молчать, когда писать не о чемъ? а писать, право, было не о чемъ, почти не о чемъ. Общій очеркъ современной литературы чехо-славянской я вамъ готовлю. Хочется написать, отчетливо и подробно, что нельзя сдѣлать скоро. Новости же такъ рѣдки, какъ ученые между писателями. За три мѣсяца собралось наконецъ кое-что, и апрѣль особенно славенъ: я буду писать вамъ только объ апрѣлевскихъ новостяхъ, приюзила, при удобныхъ случаяхъ, и о мартовскихъ, февральскихъ и январскихъ.

Журналистика. Третьяго-дня вымелъ давно-жданый № 1 «Sazorův českého musem» на 1840. Уже 14-й годъ издается онъ, оставаясь лучшимъ чешскимъ журналомъ. Прежде редакторомъ былъ *Паллацій*, теперь *Шафарикъ*. Журналъ этотъ очень богатъ всѣмъ, что относится до чешской литературы, исторіи и этнографіи, есть въ немъ кое-что и о другихъ Славянахъ. Впрочемъ, по-нашему, это журналъ въ годъ выходитъ только 4 книжки, такъ что все годичное изданіе менѣ одной книжки «Отечественныхъ Записокъ». Въ вышедшемъ номерѣ помѣщено 6 статей: Церковь 2-й пѣсни виргиліевыхъ «Георикъ», Ф. Шогалъ, «О духовной и поэтической жизни народа польскаго», К. Запа, «Выписки изъ записной книги новаго города пражскаго», «Первопечатныя книги чешскія и польскія», В. Ганки, «Литературныя извѣстія», «Извѣстія о чешскомъ музее». Особенно замѣчательны статьи гг. Запа и Ганки. Статья Запа богата выписками изъ народныхъ польскихъ пѣсень; въ статьѣ Ганки

доказывается, что первая печатная книга на языкѣ чешскомъ была «Тролицкая Исторія», напечатанная въ Тильзѣнѣ, 1468, а первая польская— «Statuta sinodalia et provincialia Wratislaviensia», напечатанная въ Вратиславѣ въ 1475 (въ статьѣ этой приложены снимки). Между литературными извѣстіями есть нѣсколько и о литературѣ русской; впрочемъ, они вообще бывають кратки и недостаточны, за неимѣніемъ матеріаловъ, изъ коихъ бы можно было почерпать ихъ. Что, если бы вы, почтеннѣйшій А. А., присылали «Отеч. Записки» ваши? За пересылку платить здѣсь готовы (*).—№ III «Wlasimila». Это не журналъ, а альманахъ, обещающій выходить ежемѣсячно въ видѣ журнала. Издатель— книгопродавецъ *Спурный*. Между статьями, помещенными въ трехъ изданныхъ книжкахъ (3-я вышла дней за пять), замѣчательнѣйшія: «Возпоминаніе Чехіи» *Пихля*, и «Человѣкъ» доктора *Аиерлинга*. Особенно важна эта послѣдняя, въ которой авторъ разсматриваетъ чело-вѣчка со стороны физиологической, этнографической, исторической и пр. Жду ея окончанія, и тогда перескажу вамъ ея содержаніе и главныя мысли. *Аиерлингъ*,— чешскій Гердеръ, ученый глубокой, пылкой, съ славянскимъ умомъ и сердцемъ. Въ концѣ каждой книжки «Властимила» помѣщается журнальная сѣнь, обыкновенно очень худо выбираемая изъ пѣмецкихъ журналовъ.—«Dennice» № 3 (вышелъ вчера). Это изданіе, подобное «Властимилу». Издатель *J. V. Malý*. Содержаніе: повѣсти, стихи, историческіе отрывки, больше всего переводы съ французскаго и англійскаго.—№ 14 и 15 «Květin» (Цвѣтовъ). Это газета, выходящая по листу въ недѣлю съ прибавленіями «Nowin» по 1/2 листу въ 2 недѣли. Содержаніе:

(*). Съ величайшимъ удовольствіемъ мы исполнимъ это требованіе. *Ред.*

стихи, повѣсти, рассказы, смѣсь, новости—большую - частью славянскія. Издатель *I. Поспихаль*. Издается уже 7-й годъ, и имѣетъ до 600 подписчиковъ, чего не имѣетъ ни одинъ чешскій журналъ.—Кромѣ того, издается газета «*Wšela Česká*» (Пчела), такого же содержанія, но глупа до безконечности.—«*Práťké Nowiny*» перепечатываютъ изъ вѣскихъ газетъ новости политическія. — «*Listy ropané i zabawné*» (Письма) издается для разпространенія общественныхъ свѣдѣнй.—*Časopis pro Katolicke duchowenstwo* и «*Časopis technologický*», на этотъ годъ ещене выходила.—Печатаютъ я еще книжки *Křoka*, журнала безсрочнаго, издаваемого ученымъ Преслемъ. Предъидущая вышла еще въ 1857. Вотъ и все. Журналы и газеты чешскія, потому только журналы и газеты, что статьи въ нихъ малы и разнаго рода, да есть смѣсь. Новости обыкновенно стары, библиографія неполная, критика вовсе не существуетъ.

Ученыя сочиненія. Послѣ пераготома «Древностей Славянскихъ» Шафарика, колларовой «Славы Богини» (1859, гдѣ доказывается, что Славяне имѣютъ сходство съ Индійцами и должны называться Славянами), юнгманова «Словаря» (окопченнаго въ 1839, и напечатаннаго in-4 на 598 листахъ), преслеовой «Минералогіи» (*Nerostopis*; 1837), «Исторіи Чехіи» *Палацкаго* (2 тома) и еще нѣсколькихъ книжекъ, въ апрѣлѣ 1840 нѣчего не вышло порядочнаго. За то на дняхъ вышло сочиненіе доктора *Стинька* «*Zakladové pítvny*» (Начала Анатоміи) съ атласомъ. Изданіе богатое, и книга сама по внутреннему содержанію очень важна, не только какъ первое въ своемъ родѣ сочиненіе на чешскомъ языкѣ, но и какъ изложеніе науки въ современномъ видѣ, обогащенное многими открытіями самого автора. Теперь д-ръ Ста-

некъ занимается изданіемъ чешско-словныхъ таблицъ. Нельзя не упомянуть я о сочиненіи *Амерлинга* «*Průmyslný rosel. Saz prwaj. Lučba*» (химія). Оно выходитъ тетрадками (издаю 4), и написано языкомъ общепонятнымъ, простонароднымъ. *Амерлингъ* — лицо замѣчательное и относительно воспитанія: до-сихъ-поръ Чехи учились всему по-нѣмецки, *Амерлингъ* первый завелъ воскресную *чешскую школу*. Печатаемая химія есть отрывокъ изъ его лекцій въ этой школѣ.—Что до надеждъ, то 1) печатается сочиненіе *Шафарика* и *Палацкаго* о древнѣйшихъ памятникахъ чешской литературы, въ которомъ они объяснены филологически, палеографически, и пр.; 2) готовится къ печати Шафарикомъ древнѣйшій переводъ чешскаго псалтыря; 3) *Палацкій* занимается 3 томомъ исторіи чешской, 4) *Пресль*—энциклопедій.

Изъщая литература. Въ этомъ отношеніи чешская литература всего бѣднѣе. И въ вышшемъ году, какъ и въ прѣжнемъ, издано нѣсколько того-оного, но объ этомъ томъ-сѣмъ не стоить упоминать. Только *Челковскій* поддерживаетъ литературу въ Чехіи. Въ началѣ нынѣшняго года онъ издалъ «*Ohlas píšnj českých*», гдѣ превосходно изобразилъ во всѣхъ отношеніяхъ характеръ и содержаніе народовой чешской поэзіи: а теперь печатаетъ очаровательную «Столицкую Розу» (*Růže stolicá*). Передъ мною лежатъ три первые корректурные листа этой книжки, дождусь двухъ остальныхъ и напишу вамъ о ней, или отдѣльно или въ общемъ очеркѣ. Впрочемъ, *Челковскій* не исключительно поэтъ, даже болѣе *Gelehrter*, нежели поэтъ, и нельзя въ этомъ отношеніи не удивляться его трудолюбію: я видѣлъ у него словарь чешскій этимологическій, словарь чешскій, разположенный

во славянскихъ словъ, также славяръ русскій, такой же польскій, и вообще отъво зависящъ о сравнительной грамматикѣ и сравнительныхъ нарѣчійхъ, богатѣе собраніе славянскихъ пѣсень и пословицъ. Нельзя не грустить, что люди, подобныя Амерлингу и Челмаковскому, нуждаются въ одномъ—въ средствѣхъ для жизни.

Иныхъ новостей чешскихъ нѣтъ. Дополню не-чешскими.

Изъ Кракова получена *Historja literatury polskiej*, M. Wisniewski-go, Krakow. 1840. Часть 1-я 466 стр. 17-8. Она заключаетъ въ себѣ исторію литературы польской до-христіанской и христіанской, отъ 960 до 1400. Авторъ дѣлитъ всю исторію литературы польской на 9 періодовъ: до 960, до 1400, до 1500, до 1650, до 1760, до 1795, до 1815, до 1850, до 1840. Чудное дѣленіе! Въ самой книгѣ много хорошаго, много и предразсудковъ. (О вилевской книгѣ: *Obraz bibliograficzny—historiczny literatury i nauki Polszcze, A. Jochera* вы уже, конечно, знаете).

Въ Львовѣ возобновляется «*Szaworis naukowy Lwowski*».

Изъ Вѣны получена тетрадка, написанная Копитаромъ, подъ названіемъ: *Neschii glossographi discipules et episcopiatis russus; cum appendice philologicae*. Windobonae. 1840. Въ этой книгѣ все любопытно, и глоссы, и факсимилы, и прибавленія. Греческую рукопись, къ которой приписаны русскіе глоссы, Копитаръ относитъ къ XII вѣку, хотя характеръ почерка и формы буквъ больше подходятъ къ XVI вѣку; глоссы русскіе относитъ онъ къ XIII вѣку, хотя и написаны онъ перомъ починки современной. Нельзя также не замѣтить, что *никто*, ни самъ ученый Дурихъ, разсматривая эту рукопись, не видѣлъ въ ней русскихъ глоссы: Копитаръ замѣтилъ ихъ

первымъ. Неменьше замѣчательно и то, что буква *ъ* отсутствуетъ какъ-бы въ слѣдствіе обдуманной системы правописанія. Не писалъ ли глоссы Григорій Савичъ Скворода, нелюбившій буквы *ъ*: и почеркъ и языкъ глоссы похожъ на сквородинскій, хотя впрочемъ Скворода жилъ въ XVIII вѣкѣ? Вотъ и выписка изъ глоссы:—почестье, младожанье, пицшый, безщетен, заидѣный, отъвтоик, презоривні, высокоумльвыи, подпазушь, скороразумниі, ужлчство, самоинив, нелюбопермь, срамно іаі скаредно, истиньствую, меначаемо, срамьюся, цезнаслив, смерд - сверьпъ (сверьпъ—а не сверьпъ? Срав. *Glag. Slog.* стр. 82) и проч. Уже ли такими словами могъ выражаться князь русскій XIII вѣка, какъ хочетъ Копитаръ? Что до прибавленія, то въ немъ много брани на Палацкаго, Шафарика, Мацѣевского, Гая и проч. Достается на часточку и г. Строеву, и многимъ. Между прочимъ тутъ же и нѣсколько словъ о томъ, что Славяне все приняли христіанскую вѣру не отъ Грековъ, а отъ Римлянъ; впрочемъ доказательствъ нѣтъ.

Изъ Лейпцига получилъ я письмо о *арабско-польской* рукописи, найденной въ лейпцижской библиотекѣ профессоромъ Флейшеромъ. Вотъ отрывокъ изъ извѣстія о ней: «*Codex arabicus, tataricus, polonicus, ab initio truncus, 12° foll. 147., char. neschii scriptus. Fol. I v. — 8 v. polonica utrinque trunca, literis arabicis scripta, quorum argumenta ex veteri testamento petita esse apparet. Fol. 9 v. — 45 v. precesiones arabicæ et tataricæ cum inscriptionibus et institutionibus polonicis. Fol. 45 v. — 61 v. institutio polonica ad augmento ex Corano petenda. Fol. 101 v. — 116 v. institutio polonica. Fol. 117 v. — 123 v. institutio polonica.*— Вотъ примѣръ орфографіи:

и пр. **اشارا سوسطرًا اترونا ابراهامو**

эмощауу евоу ! евоу евоу и

и пр. **مطای قسنتغ صامولور**

эморешес іацау іеу

Что это язык польскій — очевидно; впрочемъ, для носовыхъ звуковъ не употреблено нигдѣ носовыхъ значковъ, которые, какъ известно, имѣютъ Арабы. А потому, мнѣ кажется, Флейшера читаетъ неправильно: «за matke, za babę» вместо «za matku, za babu» въ слѣдующихъ словахъ:

فامائق فاباب

мрѣу еу мрѣш еу

Жаль, что онъ не пишетъ, какого вѣка рукопись. Я постараюсь собрать о ней свѣдѣнія болѣе-подробныя. Впрочемъ, кажется, что она писана однимъ изъ польскихъ Татаръ.

Изъ Лужицъ пишутъ мнѣ, что тамъ въ модѣ теперь слѣдующая пѣсня:

Leći sokol z polna delé p'ěz tej serskej
Luzicy,

Naleći sej Serbow welé, woła močnó z Pra-
hicy:

Slaj a wojuj, mloda Serska, najesta ná-
daj czužnikam!

Slaj a wojuj, mloda Serska, narodnosć
zd' ež krajnikam и проч.

Вотъ и все, что есть у меня для сообщенія вамъ. Радъ бы и болѣе, да что же дѣлать, когда дѣчега!

О самой Прагѣ до-времени умолчу. Въ Прагу я прѣхалъ за два мѣсяца предъ симъ — изъ Дрездена, въ Дрезденъ изъ Лейпцига, въ Лейпцигъ изъ Галле, въ Галле изъ Виртемберга, въ Виртембергъ изъ Берлина, и т. д.

О русской литературѣ ничего не знаю: здѣсь не получается русскихъ журналовъ. Горь! и увы!.....

Измаилъ Срезневскій.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ЖИВОПИСИ

НА МРАМОРѢ. — До-сихъ-цоръ живопись на мраморѣ была весьма-невыгодна по своей непрочности: краски, какъ известно, весьма-скоро слѣзали съ него. Теперь новымъ способомъ дѣлать картины сего рода вѣко-вѣчными, заставляла мраморъ поглощать краски до известной глубины. Опытъ надъ симъ способомъ производится въ Италіи весьма-успѣшно. Вотъ результаты этихъ опытовъ: 1) Разтворъ *селитроукислаго серебра* проникаетъ довольно-глубоко въ мраморъ и сообщаетъ ему темно-красный цвѣтъ. 2) Разтворъ *солекислаго золота* проникаетъ въ мраморъ не такъ глубоко и придаетъ ему пурпурно-фіолетовый цвѣтъ, довольно-красивый. 3) Разтворъ *при медлѣни* проникаетъ въ мраморъ на одну линію, образуя на поверхности его свѣтлоземный цвѣтъ. 4) Разтворъ *лимонной крови* и *суккутита* тоже проникаетъ въ него; первый придаетъ ему очень-хорошій красный цвѣтъ, другой — желтый. Чтобы жидкость какъ должно проникла, надобно сперва тщательно полировать мраморъ немзюю, развести краски въ согрѣтомъ алкоголѣ и паводитъ маленькою кистью. Въ краски, получаемыя изъ дерева, какъ напримѣръ изъ феризмбуковаго дерева, камешинна и пр., и сдѣланныя съ алкоголемъ, глубоко проникаютъ въ мраморъ. 5) *Косметилляная краска*, такимъ образомъ пригоовашенная, и смѣшанная съ небольшимъ количествомъ квасцовъ, придаетъ мрамору прекрасный бѣгреный цвѣтъ, проникающій въ него на двѣ линіи. Этотъ мраморъ очень-похожъ на африканскій. 6) *Искусственный опер. цветъ*, растворенный въ нашатырѣ, сообщаетъ мрамору въ нѣсколко минутъ желтый цвѣтъ, который, чѣмъ болѣе подвергается дѣйствию воздуха, тѣмъ

становится жидче. 7) Но всѣхъ веществамъ, употребляемымъ для этого производствъ, должно еще присовокупить *блѣжнѣ воскъ*, смѣшанный съ красящими веществами и растопленный съ ними. 8) Если вскипятить *два ядѣдну* въ воскъ и наводить ее растопленную на мраморъ, а потомъ снять верхній слой, какъ только онъ останется, то краска проникнетъ на пять линій; она будетъ имѣть прекрасный изумрудовый цвѣтъ.

Для объясненія этого производствъ должно войти въ нѣкоторыя подробности. Если вы хотите употребить несколько цвѣтовъ однакъ послѣ другаго, такъ; чтобы они не смѣшались и не вредили чистотѣ рисунка, то должны поступать слѣдующимъ образомъ:

Надобно употребить въ дѣло краски, полученныя посредствомъ спирта и терпентиннаго масла, въ то время, какъ онъ еще теплъ, особенно, когда хотите изображать ими мелкія предметы. Но живина кровъ и гуммигуттъ могутъ быть наводимы и холодныя. Для этого надобно разводить ихъ въ алкоголь и сперва употребить растворъ гуммигута. Растворъ гуммигута довольно прозраченъ; но во прошествіи нѣкотораго времени онъ дѣлается мутнѣе и даетъ желтый осадокъ, который употребляется для получения болѣе-живаго цвѣта. Наведенныя мѣста должны нагрѣвать, вода на разстояніи полу-вершка отъ мрамора разжелезнымъ до-красна желѣзомъ или сосудомъ съ горячими угольями. Дать имъ остынуть, потомъ также нагрѣвають тѣ мѣста, гдѣ не могла вѣсть краска. По окончаніи наведенія желтаго цвѣта, наводятъ такимъ же образомъ живиную кровъ, и пока мраморъ еще горячъ, можно такимъ же образомъ навести на него другія растительныя краски, которыя не требуютъ большаго жара для проникновенія въ

мраморъ. Наконецъ рисунокъ оканчивается наведеніемъ на мраморъ красокъ, смѣшанныхъ съ воскомъ, которымъ должно наводить весьма осторожно, потому-что при самомъ незначительномъ излишествѣ жара онъ распространяется далѣе чѣмъ нужно, а это мѣшаетъ и даже вредитъ изображенію мелкихъ частей рисунка. Краски сіи должно наводить только на тѣ мѣста, гдѣ немнѣо хотѣтъ помѣстить ихъ; для этого надобно брызгать на нихъ, время-отъ-времени, въ продолженіе операціи, холодною водою.

Эти краски нисколько не вредятъ цвѣту мрамора, который надобно тщательно отшлифовать до начала работы. Краски тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе ихъ (ла-приверъ, двѣ, или три).— Можно надѣяться, что эта новая отрасль промышленности найдетъ себѣ въ искусствѣхъ многочисленныя и чрезвычайно-важныя приложенія.

СТАТИСТИКА СОБАКЪ ВО ФРАНЦІИ. — Многочисленныя несчастія, происходящія отъ бѣшеныхъ собакъ, несчастія, которыхъ описаніе мы безпрестанно встрѣчаемъ въ французскихъ журналахъ, заставили наконецъ французскихъ политиковъ толковать о необходимости установить законный налогъ на этотъ классъ животныхъ, которыхъ число умножается съ удивительною быстротою.

По послѣднимъ статистическимъ извѣстіямъ, во Франціи находится до двухъ милліоновъ собакъ. Считая на прокормленіе каждой по полу-фунту хлѣба въ день, мы получимъ милліонъ фунтовъ хлѣба въ день, тридцать милліоновъ въ мѣсяцъ и слѣдовательно *триста шестидесятъ-пять милліоновъ фунтовъ* (или 912,500 пудовъ) въ годъ, что, при нынѣшней дороговизнѣ хлѣба во Франціи, обезпечило бы жизнь *милліона человекъ*, страдаю-

щихъ отъ голода. Теперь предлагають постановить налогъ по десяти франковъ въ годъ на каждую собаку и думаютъ, что, уменьшая значительно число сихъ животныхъ, этотъ налогъ уменьшить в случае укушенія бѣшенными собаками, уничтожить значительное число безполезныхъ потребителей и доставить правительству средство, которое поставитъ его въ возможность уничтожить одинъ изъ тяжкихъ налоговъ въ торговлѣ и промышлености.

ПОТРЕБЛЕНІЕ ЧАЯ ВЪ АНГЛІИ.

— Употребленіе чая вошло въ моду въ Англіи при португальской принцессѣ Катеринѣ, супругѣ Карла II. Въ 1666, лорды Армингтонъ и Оссори везли довольно-значительное количество чая изъ Голландіи; около этого времени фунтъ стоилъ шестнадцать шиллинговъ. Индійская Компанія поднесла королю, какъ большую рѣдкость, двадцать-четыре фунта чая. Въ 1668 году директоры этой компаніи приказали своему агенту въ Бангаль, на островѣ Явъ, прислать имъ сто фунтовъ самаго лучшаго чая, какой только съищется, — и действительно, въ слѣдующемъ году получили они ящикъ, въ которомъ находилось 143 фунта чая; въ 1678 было привезено 4,713 фунта — количество, которое до-того прекрѣплено требованіи вардминистра, что въ слѣдующіе шесть лѣтъ было привезено только 318 фунтовъ.

Съ 1680 года Ост-индская Компанія начала непосредственно торговать съ Китаемъ. Хотя потребленіе чая и уменьшалось налогомъ почти 200 процентовъ, въ 1698 и 1699 разошлось его по 20,000 фунтовъ въ годъ; съ 1700 до 1708 по 60,000 фунтовъ; тогда фунтъ чая стоилъ 60 шиллинговъ. Въ 1721 году привозъ чая въ первый разъ превзошелъ миллионъ фунтовъ. Въ 1728 продано 769,104 фунта, съ которыхъ взято казенныхъ пошлинъ

153,820 фунтовъ стерлинговъ. Съ 1732 до 1742 привозъ чая былъ среднимъ числомъ 120,000 фунтовъ: до 1756 — 4 милліона; до 1766 — 6 милліоновъ, до 1776 — 7,260,000 фунтовъ; до 1786 — 8,555,000 фунтовъ, до 1796 — 17,868,826 фунтовъ, до 1800 — 20,909,457. Въ-последствіи потребленіе чая дошло до 40 милліоновъ фунтовъ ежегодно.

Съ 1710 Ост-индская Компанія продала въ Лондонѣ 750,219,016 фунтовъ чая за 129,804,595 фунтовъ стерлинговъ, а съ 1810 до 1832 — 848,408,119 фунтовъ, или 21,210,203 пуда, за которые внесено въ казну 104,856,858 фунтовъ стерлинговъ.

Каковъ же теперь Англичанамъ, привыкшимъ такому-образу потреблѣнія въ годъ бѣше милліона пудовъ чая, вдругъ — или лишиться этого пектара послѣ объявленія войны Китаю, сдѣланнаго англійскимъ правительствомъ, — или покупать его въ тридорога изъ вторыхъ рукъ! Ассамскій же чай, на который надѣются британскіе часеилы, какъ слышно, далеко не то, что китайскій. За-то какъ будутъ довольны человеколюбивые англійскіе врачи, которые, подобно врачамъ всего свѣта, Богъ-знаетъ за что возстають на невѣрный чай, будто бы иссушающій грудь, приводящій въ волненіе кровь, и пр., и пр. и которымъ самою сильною умикою можетъ служить лобой русскій извозчикъ, пасаждающійся вмѣсто всегубительнаго пивника горячимъ чаемъ съ привускою!

ПЛАТА ИЗОБРѢТАТЕЛЮ ШАХМАТНОЙ ИГРЫ. — Плата, которую потребовала Насеръ, изобрѣтатель шахматной игры, отъ Бейюба, царя индійскаго, уже не разъ была предметомъ извѣстній, особливо у терпимыхъ Намцевъ, которымъ такая скучная, сухая работа — въ по-чемъ. Вотъ

еще одно из новейших изобретений, недавно сдвинутое знаменитым германским математиком. Известно, что Насиръ попросилъ отъ Бетюба за первое поле на шахматной доскѣ одно пшеничное зерно, за второе два, за третье четыре, за четвертое восемь, и такъ далѣе, удваивая при каждомъ новомъ полѣ или квадратикѣ предъидущее число. Сложность всѣхъ этихъ суммъ за шестьдесятъ-четыре квадратика даетъ число пшеничныхъ зеренъ, составляющее 18 трильионовъ, 75,709 мильионовъ, 551,650 зеренъ. На производство этого количества пшеницы въ одинъ годъ потребовалось бы пространство земли, въ семьдесятъ-шесть разъ большее нашего земнаго шара. — На перевозку же ея нужны 625,499 мильионовъ 948,245 телегъ, запряженныхъ каждая въ четыре лошади. Эти телеги, поставленные въ рядъ одна передъ другою, въ прямой линіи, составляли бы земной шаръ 231 666 разъ. Святая, наконецъ, мѣру пшеницы хотъ во 100 рублей, придетъ къ выводу что государство, имѣющее шестьдесятъ мильионовъ рублей годового дохода, можетъ уплатить этотъ долгъ въ теченіе 2 мильионовъ, 85,000 лѣтъ.

ВѢДА ОТЪ СУПРУЖЕСКОЙ ЛЮБВИ. (Рассказъ леди Блессингтона). — «Этотъ день, моя милая, пролегли мы, кажется, очень-пріятно. Меррингтоны такіе милые люди; у нихъ всегда собирается такое прекрасное общество!» говорилъ лордъ Генрихъ Фицгардингъ молодой, прекрасной своей жевъ, катясь въ покойной каретѣ отъ лорда Меррингтона домой.

Только шесть недѣль тому, какъ лордъ Генрихъ Фицгардингъ женился, и эти шесть недѣль провелъ онъ съ молодой женой въ уединеніи; которое такъ пріятно въ первые дни брака, удалась въ живописныя мѣста своихъ

владѣній. Обада у лорда Меррингтона была первый взглядъ ихъ, по возвращеніи въ Лондонъ.

«Но ты молчишь, Эмили!» продолжалъ лордъ Генрихъ: «развѣ тебѣ сегодня было несесело?»

— Да, не совсѣмъ — отвѣчала Эмили.

«Это странно» возразилъ Генрихъ. «Ты сидѣла подлѣ маркиза Адлертона, а маркизъ считается однимъ изъ самыхъ любезныхъ людей въ Лондонѣ. Чтѣжь тебѣ, моя милая, тамъ не нравилось?»

И, говоря это, онъ охватилъ рукой прекрасный станъ Эмили, и, иъжно привлекая ее къ себѣ, наклонился, чтобы поцаловать ее. Тихо высвободилась Эмили изъ его объятій и отвернула головку въ противоположную сторону; въ первый разъ Генрихъ увидѣлъ на лицѣ ея неудовольствіе.

«Прошу тебя, милая» продолжалъ Генрихъ: «оставь это ребячество; — скажи мнѣ, отъ-чего ты не въ-духъ?»

— Не въ-духъ! повторила за нимъ Эмили: если ты несчастіе называешь дурнымъ разположеніемъ духа, то мнѣ лучше бы скрывать свои чувства.

Теперь Генриху пришлось повторить слова Эмили.

«Несчастіе!» сказалъ онъ: «ты меня удивляешь, ты меня пугаешь, Эмили... Ради Бога, чѣмъ ты несчастна?»

При свѣтѣ каретнаго фонаря увидѣлъ онъ, что Эмили закрыла платкомъ глаза свои; онъ слышалъ, какъ тяжело подлѣ бывой шалью подымалась прекрасная грудь ея, и снова обвилъ своей рукой ея стройный станъ; Генрихъ тихо проговорилъ ей:

«Эмили, о чемъ ты плачешь, другъ мой? Ты убиваешь меня своего горестію.»

Въ эту минуту карета остановилась у крыльца дома ихъ въ Бельгрев-Скверъ; въ арко-освѣщенныхъ сѣняхъ

ожидала ихъ подложина лакеевъ въ лифляхъ, и впереди дворецкии и грушъ. Съ изумленіемъ смотрѣли люди на Эмилию, на лицъ которой еще замѣтны были слѣды недавнихъ слезъ. И она не думала скрывать свою грусть отъ людей, — ей было не до того. Генрихъ одинъ видѣлъ, какъ значительные люди переглядывались другъ съ другомъ, онъ зналъ, какіе отъ этого разойдутся толки, и это еще болѣе усилило его неудовольствіе.

Она подала ей руку, чтобы помочь всходить по ступенкамъ; Эмилиа не замѣтила этого и подымалась, держась за балюстраду. Какъ только грушъ, шедшій впереди нихъ, успѣлъ отворить дверь въ уборную комнату, Эмизазвопши въ колокольчикъ, чтобы пришла ея горничная, и такимъ образомъ предупредила объясненіе, котораго нетерпѣливо желала огорченный Генрихъ. Эмилиа опустилась въ бержерку и дала полную волю слезамъ, которыя удерживала входя въ комнату, и въ то время, какъ она тихо отталкивала Генриха, хотѣвшаго стереть эти слезы съ ея щекъ, вошла въ комнату горничная Марабу.

«Ахъ, Боже мой! что съ вами, миледи? Вамъ дурно, миледи? Не послать ли за докторомъ, за лекарствомъ?» И, говоря это, хлопотливая Француженка подбѣжала къ туалетному столику, вынула флакончикъ Eau d'Hongrie и поднесла его плачущей Эмилии.

«У миледи истерика; ей отъ чего-то сдѣлалось дурно; что-нибудь разтревожило ее.»

И Марабу бросила подозрительный взглядъ на Генриха, который грустно держалъ маленькую бисерную ручку, на которую шесть недель тому назадъ надѣлъ онъ вѣнчальное кольцо.

Смотря на блѣдныя щеки Эмилии, по которымъ нѣзъ покраснѣвшихъ глазъ катились слеза за слезою, Ген-

рихъ не могъ вообразить, чтобы иредъ нимъ сидѣла такая Эмилиа, которая, нѣсколько часовъ назадъ, была такъ весела, такъ здорова. Эта перемѣна въ наружности Эмилии была очень-очень неприятна Генриху, хотъ возмъ и твердилъ, что нѣтъ ничего прелестнѣе, возхителнѣе плачущей красавицы. «Что бы это значило?» думалъ Генрихъ. «Вотъ прекрасное начало цѣлаго ряда сценъ супружеской жизни, которыя такъ забавны въ театрѣ! Да, я думалъ, что Эмилиа чужда этихъ глупостей, но, видно, всѣ женщины одинаковы. Не смотря на эти неприятныя мысли, онъ остановилъ иекстатн-услужливую Марабу и, взявъ у нея Eau d'Hongrie, смочилъ благовопными каплями блѣлое чело Эмилии. Марабу, недовольная тѣмъ, что Генрихъ останавливалъ ея услужливость, легко замѣтила, что Эмилиа необыкновенно-холодна къ своему мужу. А-га! думала субретка: видно медовый мѣсяцъ ужъ прошелъ; она плачетъ, онъ смотритъ въ сторону, — тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, они ужъ мнѣ надобны своей любовью.»

Генрихъ, видя, что его присутствие ни мало не облегчаетъ неизяснимаго горя Эмилии, ушелъ въ свой кабинетъ и, надобно сказать правду, никогда прежде онъ не чувствовалъ такъ мало желанія возвратиться къ своей женѣ. Обо всемъ передумалъ онъ: припомнилъ, что было во время обѣда и на вечеръ у лорда Меррингтона — и не придумалъ ничего, что бы могло огорчить Эмилию. Наконецъ, окончивъ свой почной туалетъ, онъ отправился снова въ уборную жены. Хотя Эмилиа уже раздѣлась, чтобы лечь въ постель, но она не отпускала еще Марабу, которая стояла у ея кресель и съ состраданіемъ смотрѣла на свою госпожу, какъ-будто она находилась въ крайней опасности.

— Миледи нездорова, милордъ. Я думаю, не лучше ли послать за докторомъ, или за пѣскопакими докторами?

«Ряди Бога, Эмилія, скажи мнѣ вскричалъ Генрихъ: здорова ли ты?»

— «Мнѣ лучше» отвѣчала рядя Эмилія: «но не говори мнѣ ни слова; я не могу этого перенести, не могу» и снова залилась слезами.

«Ты можешь идти, Марабу» сказалъ Генрихъ.

— Но, милордъ, если миледи...

«Ступай» повторилъ Генрихъ съ нестерпимости: «ты здѣсь не нужна!»

Когда горничная вышла, Генрихъ спросилъ Эмилію о причинѣ слезъ ея. «Не спрашивай меня объ этомъ, Генрихъ; быть-можетъ, я все забуду, но мнѣ такъ больно, я такъ несчастна...» и новый потокъ слезъ прервалъ слова ея.

— Но ты должна сказать мнѣ все, Эмилія; не-уже-ль у тебя есть какія-нибудь тайны отъ меня?

«Мнѣ странно, мнѣ больно, Генрихъ, что ты ничего не понимаешь. Ахъ! это доказываетъ, что между нами мало, очень-мало сочувствія, а я была такъ глупа, что думала...»

— Увѣряю тебя, Эмилія, что я никакъ не могу вообразить, что бы такое могло огорчить тебя; а такъ-какъ теперь ужь очень-поздно и тебѣ пора успокоиться, то закланно тебѣ, скажи мнѣ, о чемъ ты плачешь?

«Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, Генрихъ, ты не могъ понять, что меня огорчила твоя внимательность... да, открытая внимательность къ этой ненавистой леди Алмертонъ въ-продолженіе цѣлаго обѣда?»

— Открытая внимательность, Эмилія? Клянусь тебѣ, это было не больше, какъ обыкновенная учтивость, которую обязанъ каждый мужчина оказывать дамѣ, если эта дама сидитъ подлѣ него за столомъ.

«Ахъ, Генрихъ, какъ можешь ты это говорить? Во весь обѣдъ ты говорилъ почти съ ней одной... да, съ ней одной, и вы такъ много смѣялись, когда говорили о какой-то книгѣ, которую она читала, которую ты читалъ и которой я совсемъ не знала, вы смѣялись такъ много, вамъ было такъ весело, что ты безъ-сомнѣнія ни о чемъ и ни о комъ не думалъ болѣе за столомъ. О, я ненавижу эту леди Алмертонъ, я ее презираю, и, только бы мнѣ увидѣться съ ней, я ей докажу...»

— Что съ тобой, Эмилія? возможно ли? ты хочешь оскорбить женщину, которой знакомствомъ всѣ дорожатъ, женщину, которую всѣ считаютъ одною изъ лучшихъ дамъ Лондона?

«И ты, Генрихъ, и ты можешь, и у тебя достаетъ духа открыто выражать привязанность свою къ ней, даже при мнѣ, даже мнѣ? Это ужь слишкомъ жестоко!» Леди Эмилія снова залилась слезами.

— Ты, право, съ ума сводишь меня, Эмилія. Какъ могла ты вообразить, чтобы въ моемъ обращеніи съ леди Алмертонъ было что-нибудь другое; кромѣ простой учтивости?

«Такъ это по-твоему простая учтивость, смотреть ей въ лицо во все время, какъ ты говорилъ что-нибудь ей, или она что-нибудь тебѣ говорила; — это простая учтивость — предлагать вышитыя за ея здоровье такіи тихими и низкимъ голосомъ, какъ-будто это относилось ко мнѣ—ко мнѣ, Генрихъ, а не забудь, что ты тысячу разъ клался, что обожаешь меня, и что жь теперь? такая внимательность къ женщинѣ, которую ты видѣлъ не болѣе десяти разъ въ жизни!»

— Можно ли быть такою безразсудной? Эмилія, Эмилія! я никогда не ожидалъ отъ тебя такой глупой слабости. Ну, какой благовопитательный человекъ станетъ отворачиваться отъ

дамы, съ которой онъ разговариваетъ? Какой благовоспитанный человѣкъ станетъ предлагать выпить здоровье дамы холодно и грубо?

«Большая разность и во взглядахъ и въ рѣчахъ, Генрихъ; и ты точно такъ же хорошо знаешь, какъ и я, что вѣжно, очень-вѣжно смотреть на эту женщину, которую я ненавижу и которая глядела на меня съ такою торжествующей улыбкой, какъ-будто дѣйствительно она должна быть главнымъ предметомъ твоего вниманія за столомъ. Я едва могла перешести ея взглядъ, ея улыбку, и чуть-чуть не заплакала; а между-тѣмъ докучливый мужъ ея, вмѣсто того, чтобы наблюдать за вѣрностію своей жены, мучалъ меня своими несносными комплиментами.»

— Какая глупость, какаа несправедливость! Деди Алертонъ обвинять въ вѣрности, въ кокетствѣ! Ужь это просто никуда не годится!

«О, я вижу, Генрихъ, тебѣ неприятно, что люди находятъ въ ней недостатки! ты хотѣлъ бы, чтобы весь свѣтъ считалъ ее такимъ же совершенствомъ, какимъ ты считаешь.»

— Теперь я вижу, Эмилиа, что твоихъ смѣшныхъ подозрѣній ничѣмъ не уничтожишь, и потому удерживаюсь отъ дальнѣйшихъ объясненій.

«Да, ты поступаешь такъ же, какъ и всѣ, кому нечѣмъ оправдать своего поведенія. Но какъ и я была глупа, что такъ много страдала отъ твоей неблагодарности! И мнѣ надобно бы было, подобно тебѣ, забыть, что я замужемъ и думать только о томъ мужчинѣ, который сидѣлъ возлѣ меня! Да, еслибы я такъ же мало любила тебя, какъ ты мало меня любилъ, это для меня было бы нетрудно, но я... я...» И рыданія заглушили голосъ ея.

Такое признаніе въ любви пробудило всю щажность Генриха, который,

сказать правду, во время разговора зѣвалъ и разиолагался дремать. Онъ схватилъ Эмилию въ свои объятія, и клялся ей, что никакая женщина въ свѣтъ; кромѣ ея, не привлечетъ оубеннаго его вниманія, что онъ предпочтетъ самъ себя и будетъ оказывать другимъ женщинамъ только самыя обыкновенныя знаки учтивости.

Миръ былъ заключенъ.

На слѣдующее утро, за завтракомъ, Генрихъ, смотря безмолвно на прекрасное лицо Эмилиа, вспомнилъ, какъ оно было неприятно накаунуть, и молилъ Бога, чтобы ему въ другой разъ не видать подобнаго лица. Желая предупредить возобновленіе сценъ подобныхъ вчерашней, онъ началъ говорить о томъ, какъ благовоспитанный человѣкъ долженъ вести себя въ обществѣ, и доказывалъ, что каждое уклоненіе отъ общественныхъ обычаевъ замечетъ насмѣшки на него и на жену его.

— Такъ ты хочешь доказать, спросила Эмилиа, что мужчина долженъ влюбляться въ каждую кокетку, которая сидитъ рядомъ съ нимъ за столомъ?

«Право, Эмилиа, ты выводилъ меня изъ терпѣнія, смѣшная обыкновенную учтивость съ внимательностію, свойственною любимымъ.»

— А ты, Генрихъ, еще болѣе выводилъ меня изъ терпѣнія, стараясь своими софизмами побѣдить мою опытность.

Съ терпѣніемъ, къ которому досихъ-поръ Генрихъ привыкъ такъ мало, онъ началъ снова доказывать Эмилиа свою мысль. Съ замѣтныиъ нетерпѣніемъ слушала его Эмилиа и наконецъ, прервавъ его, объявила наотрѣзъ, что ей всегда будетъ больно, если онъ будетъ внимателенъ въ обществѣ къ какой-нибудь посторонней дамѣ.

— Оставля этотъ вздоръ, Эмилиа, если ты не хочешь, чтобы мы сдѣлались предметомъ смѣха у всѣхъ на-

нихъ знакомыхъ; отличай учтивость, которую каждый мужчина обязанъ оказывать женщинамъ, отъ той учтивости, которая происходитъ отъ ревни夫ельнаго предпочтенія какой-нибудь женщины. Мнѣ будетъ больно, обидно, если тебя стануть называть ревнивой женой, и лучше намъ совсѣмъ покинуть общество, чѣмъ быть предметомъ его насмѣшекъ.

«Но что тебѣ за дѣло до того, что въ свѣтъ будутъ о насъ думать?» спросила Эмилиа. «Одно твоё желаніе, мой милый Генрихъ, для меня важнѣе, чѣмъ мнѣніе цѣлаго свѣта. Отъ чего же и мое желаніе не также для тебя важно?»

— По-крайней-мѣрѣ объясни мнѣ, Эмилиа, чего ты хочешь, потому-что, признаюсь, до-сихъ-поръ я никакъ не могъ понять этого.

«Вотъ чего хочу я, мой милый Генрихъ: когда мы будемъ въ обществѣ, или будемъ принимать кого-нибудь у себя, я хочу, чтобы ты, начавъ говорить съ какой-нибудь женщиной, не смотрѣлъ на нее такими глазами, какими смотришь на меня, когда мы бываемъ одни; я хочу, чтобы, говоря съ посторонней женщиной, ты смотрѣлъ на меня и говорилъ съ ней только о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ, самыми общими фразами; я хочу, чтобы во время разговора ты никогда не одушевлялся, никогда не говорилъ этимъ тихимъ и нѣжнымъ голосомъ, который слышать должна только я одна.»

Генрихъ долго крѣпился, наконецъ разохотался. Но Эмилиа не отвѣчала ему на этотъ хохотъ.— Не захочешь ли ты, кстати, Эмилиа, чтобы я садился всегда возлѣ самой старой, самой безобразной женщины?

«Къ-несчастью, Генрихъ, этого я никогда не позволю тебѣ глупыя приличія; но мнѣ это было бы очень-пріятно.»

Т. X.—Отд. VII.

но. Я падысь, Генрихъ, что ты выполнишь мои желанія.»

—Теперь вообрази себя, моя милая Эмилиа, что я сижу съ какой-нибудь дамой за обѣдомъ на одномъ концѣ стола, а ты на другомъ. Бутылка, ваза мѣшають намъ встрѣчаться взорами, такъ-что для этого надобно оборачиваться далеко въ сторону. Вообрази себѣ, что я, говоря своей сосѣдкѣ о томъ, что на дворѣ тепло, что въ горѣ душно, что въ паркѣ прохладно, поминутно отворачиваюсь отъ нея въ сторону и бросаю тебѣ самые нѣжные взгляды, о которыхъ мы условились съ тобой заранѣе; вообрази себя, что гости всё это видятъ и всё хохочутъ надъ нами.

И слова эти Генрихъ сопровождалъ такими комическими жестами, что наконецъ и Эмилиа разохоталась, и они разстались на цѣлое утро въ веселомъ разположеніи духа, но не рѣшивъ еще окончательно спорныхъ пунктовъ.

На улицѣ Генрихъ встрѣтилъ стараго своего друга и школьнаго товарища, Сиднея, съ которымъ ужъ онъ очень-давно не видался. Желая познакомиться его съ Эмилией, онъ пригласилъ его въ тотъ же день къ себѣ обѣдать. Возвратившись домой, чтобы сопровождать Эмилию въ прогулку, онъ упомянулъ ей, что пригласилъ сегодня къ обѣду Сиднея. «Сидней прекрасный человѣкъ, и увѣряю тебя, Эмилиа, онъ тебѣ поправится: это одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей.»

Эмилиа взглянула на него очень-двусмысленно, но не сказала ни слова.

— Какъ такъ, моя милая? спросилъ Генрихъ: тебѣ, кажется, непріятно, что я позвалъ Сиднея?

«Скажу тебѣ правду, Генрихъ, всегда мнѣ подобныя приглашенія были непріятны, и я съ отрадою думала, что хоть сегодня мы будемъ одни. Какъ ни любезенъ твой другъ, по...»

— Сидней веселый, добрый малой; съ нимъ путешествовалъ я по твердой землѣ, жилъ въ одномъ домѣ въ Лондонѣ, когда былъ холостъ, — коротко сказать, въ сколько лѣтъ мы были съ нимъ неразлучны.

«Ахъ, да... помню, ты безпрестанно твердилъ мнѣ про него; говорилъ, поправлюсь ли я ему?» сказала Эмилиа съ такимъ выраженіемъ лица, въ которомъ мало было пріятнаго.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ты ему поправился, но я надѣюсь, что и ты полюбишь его, потому-что, признаю тебѣ, мнѣ будетъ непріятно, если моя жена будетъ холодно обращаться съ человѣкомъ, котораго я люблю и уважаю.

«Надѣюсь, все будетъ хорошо, скажу тебѣ только одно, что ужъ не разъ тебѣ говорила: я не умѣю притворяться.»

Генрихъ пораженъ былъ перемѣною голоса Эмилии при этихъ словахъ; это заставило его задуматься. И Генрихъ и Эмилиа вѣхали молча. Эмилиа первая начала разговоръ:

«Мнѣ кажется, Генрихъ» проговорила Эмилиа тихо: «ты такъ задумался о своемъ другѣ, что не можешь подарить ни одной мысли женѣ своей?»

— Я думалъ, Эмилиа, что мнѣ было бы пріятно, если бъ моя жена была сердечно привязана къ тѣмъ людямъ, къ которымъ я привязанъ. Дальнѣйшій разговоръ прервали двое или трое знакомыхъ, которые и проводили ихъ къ дому.

Когда пріѣхалъ Сидней, Генрихъ подвелъ его съ братской простотою къ Эмилии. «Эмилиа такъ много наслышалась отъ меня о тебѣ» сказалъ Генрихъ: «что считаетъ уже тебя также своимъ старымъ другомъ.» Форменная вѣжливость, съ которою встрѣтила его Эмилиа, слишкомъ-холодное пожатіе руки, затянутаго въ перчатку, несо-

вѣтъ согласовались съ словами Генриха, но Сидней привисалъ эту холодность стыдливости и робости молодой дамы. Сѣли за столъ.

— Вчера встрѣтилъ я Обри, сказалъ Сидней. Никогда не видалъ я чело-вѣчка, котораго такъ измѣнила бы женитьба! Онъ, казалось, боялся показать, что ему пріятно видѣть меня и просто пришелъ въ ужасъ, когда я напомнилъ ему при женѣ о прежнихъ нашихъ шалостяхъ. Слыхалъ я, что когда кто-нибудь женится, то обыкновенно перемѣняетъ своихъ людей, но я никогда не слыхалъ, что при этомъ мѣняютъ также и друзей. Какъ странно, что женитьба производитъ такую перемѣну! Это, видно, таинство, которое знаете только вы — посвященные, и котораго холостой чело-вѣкъ никакъ не пойметъ. Ты, мой милый, кажется, совсѣмъ не перемѣнился, благодаръ, какъ я думаю, леди Эмилии.

Если бы Сидней не былъ черезчуръ близорукъ, то одинъ взглядъ на лицо Эмилии показалъ бы ему, что онъ сказалъ глупость; но онъ вовсе не глядѣлъ на Эмилию и продолжалъ:

— Какъ долго мы не видались, Генрихъ! Какъ часто вспоминалъ я про тебя въ Римѣ и Неаполѣ, гдѣ мы провели вмѣстѣ столько пріятныхъ дней!

Леди Эмилиа посмотрѣла такъ непріятно, что мужъ ея поспѣшилъ дать другой оборотъ разговору.

— Я думаю отправиться въ Ита-лію» сказалъ онъ: «съ Эмилией и показать ей все старыя наши пріюты.»

— Кстати, замѣтилъ Сидней, кого ты думаешь, встрѣтилъ я въ Альбано, куда уѣхалъ я нынѣшнимъ лѣтомъ отъ нестерпимыхъ жаровъ римскихъ? Угадай.

«Не знаю» отвѣчалъ Генрихъ съ самымъ равнодушнымъ видомъ, который показывалъ, что онъ не знаетъ

ни малѣйшаго любопытства знать, кого встрѣтилъ Сидней.

— Ну, такъ я скажу тебѣ: я встрѣтилъ очаровательную вдовушку, какъ ты обыкновенно называлъ ее, — мистрисъ Монтегю Клиффордъ, все еще одиокою, хоть она по всей Италіи показывала свои бѣлые зубки и хоть вся Италія слыхала ея испанскія легрильи. Кстати, замѣть, она дѣлала о тебѣ самыя строгіе разспросы.

Леди Эмилиа покраснѣла и бросила на мужа взглядъ, который напомнилъ ему сцену прошедшей ночи. Снова стараясь онъ обратить разговоръ на другой предметъ, но Эмилиа, замѣтивъ его усиліе замаять рассказы Сиднея, вмѣсто того, чтобы показать благодарность за это, выразила ему безпокойными своими взглядами подозрѣніе, будто онъ бонется какого-нибудь непріятнаго открытія отъ болтливости Сиднея. Она встала изъ-за стола, чтобы выйти, и хотя Генрихъ усердно просилъ ее побыть еще съ ними, она ушла, сказавъ, что безъ-сомнѣнія имъ весело будетъ и вдвоемъ вспоминать о прошломъ.

Больно было Генриху, когда онъ замѣтилъ непріятное выраженіе на лицѣ Эмилии, и мысль о новыхъ упрекахъ, новыхъ слезахъ такъ поразила его воображеніе, что другъ его, замѣнивъ разсѣянный видъ, съ которымъ Генрихъ его слушалъ, предложилъ идти въ залу.

Вошедъ въ залу, они узнали, что леди Эмилиа ушла въ свои комнаты, и приказала груму сказать, что у ней сильная головная боль. «Я оставлю тебя на нѣсколько минутъ, Сидней» сказалъ Генрихъ: «пойду, посмотрю Эмилию, — она въ послѣднее время все какъ-то нездорова, и я замѣтилъ даже на столѣ, что ей было тяжело.»

Какъ виноватый, который бонется (прека, брани, хотя и не сознаетъ себя

дѣйствительно виноватымъ, медленно, робко пошелъ Генрихъ въ комнату Эмилии. Только-что переступилъ онъ за порогъ уборной, Марабу зѣнакомъ показала ему, чтобы онъ не парусалъ тишины.

— Милордъ, миледи очень нездорова; у ней головная, у ней сердечная боль, шептала Марабу, съ упрекомъ смотря на Генриха. Генрихъ подошелъ къ кушеткѣ, на которой поконлась леди Эмилиа, и увидѣлъ, что она не спитъ. «Ахъ, мнѣ очень тяжело! проговорила Эмилиа: голова моя такъ болитъ, такъ болитъ... Но, Генрихъ, ступай, я не хочу, чтобы ты оставалъ своего друга одного.»

— Если ты въ-самомъ-дѣлѣ нездорова, Эмилиа, то можешь ли думать, что я тебя покину? Этого я не ожидалъ отъ тебя...

За симъ замѣчаніемъ слѣдовала длинная пауза, которая прерываема была только частыми и глубокими вздохами Эмилии. — Не лучше ли послать за докторомъ? спросилъ Генрихъ и взялъ руку Эмилии. Однакожь въ милой этой ручкѣ нѣтъ и признаковъ лихорадки, прибавилъ онъ, и прижалъ ее къ губамъ своимъ.

«Но, другъ мой, какъ же ты оставилъ Сиднея одного?» сказала Эмилиа и бросила на мужа такой взглядъ, который какъ-будто приказывалъ ему отвѣчать: что для меня всѣ друзья на свѣтѣ, когда ты нездорова?

— Я сейчасъ иду къ Сиднею, сказалъ Генрихъ: скажу ему, чтобы онъ убрался домой, и тотчасъ ворочусь къ тебѣ.»

«Нѣтъ, нѣтъ, я тебя не позволю отпустить Сиднея, съ которымъ, кажется, тебѣ было очень-пріятно» сказала Эмилиа: «за столѣмъ твои глаза, твои уши были такъ заняты, что ты не видалъ никого, кромѣ своего друга, а послѣ стола ты такъ долго оставалъ

ся съ нимъ, когда головная боль заставила меня покинуть вась.»

— Какъ можешь ты говорить такъ безразсудно, такъ несправедливо? спросилъ Генрихъ.

«Мнѣ кажется, твоему другу можно бы догадаться, что рассказы о вѣрныхъ прежнихъ глупостяхъ, о твоей очаровательной вдовушкѣ по-крайней мѣрѣ примѣя не-умѣста» сказала Эмили: «приятно ли знать, что имя «очаровательной» заслужила отъ тебя женщнна, которая, судя по вашимъ же рассказамъ, ни болѣе ни менѣе, какъ ловкая искательница мужей? А я до-сихъ-поръ по глупости думала, что ты не давалъ этого названія никому, кромѣ меня!»

Щеки леди Эмили покраснѣли, глаза ея заблестали необыкновеннымъ огнемъ.

— Эмили, что съ тобой? Оскорблять-ся тѣмъ, въ чемъ нѣтъ ни малѣйшаго оскорбленія? .. Уже-ли ты думаешь, что я могъ бы, не обижая тебя, не заставляя моего друга думать, что ты такъ же слаба и безразсудна, какъ многія другія женщины, намекнуть ему, что возпоминанія о моей холостой жизни при тебѣ непозволительны? Не обидѣлась ли бы ты сама, если бы я сказалъ ему, что ты на этотъ счетъ такъ щекотлива?

«Въ этомъ не было никакой надобности, Генрихъ; ты долженъ былъ только намекнуть недогадливому своему другу, что желаешь забыть все прошлое, а помнить только, что случилось съ-тѣхъ-поръ, какъ мы узнали другъ друга.»

— Сидней вдоволь захохотался бы надо мною, если бы я сказалъ подобную глупость, возразилъ Генрихъ.

«О, если для тебя важнѣе Сидней важнѣе моего, то я не скажу болѣе ни слова! И батистовый платокъ закрылъ плачущіе слезами глаза Эмили.

— Эмили, Эмили! зачѣмъ ты такъ раешъ нашимъ блаженствомъ?.. Чемъ ты хочешь отъ меня? Нѣсколько дѣтскому назадь, я и не воображалъ, что мнѣ придется когда-нибудь дѣлать такіе неприятные вопросы, я думалъ, что ты довольна, что ты счастлива... Скажи мнѣ, чего ты хочешь отъ меня, помню-что я не могу переносить болѣе подобныхъ сценъ.

«Я хочу» начала говорить Эмили— и вздохи прерывали слова ея— «я хочу, чтобы ты прекратилъ знакомство съ этими ненавистными мнѣ людьми, съ которыми жилъ ты прежде, пока не познакомишься со мною. Они не будутъ оскорблять моихъ чувствъ неприятными возпоминаніями о прежней твоей жизни, не будутъ укрѣплять меня, что тогда ты былъ веселъ, счастливъ.. да, Генрихъ, счастливъ, безъ меня,— сколько разъ твердилъ ты мнѣ въ эти три блаженные мѣсяца, что счастье твое зависитъ отъ меня, отъ одной меня? Я не могу, не могу, Генрихъ, слушать рассказы про твою прошлую жизнь; самая мысль, что ты могъ жить безъ меня, для меня уже мучительно.»

Въ этихъ словахъ, какъ они ни были безразсудны, было столько нѣжности, что Генрихъ забылъ все, и какъ очарованный ея черными, блестящими глазами, устремленными на него, старался разговаривать ея прекрасное чело, ея черныя глазки, называлъ ее своею милой, безцѣнной Эмилиею.

— Но я забылъ въ-самомъ-дѣлѣ благо Сидней, сказалъ Генрихъ, вырвавшись изъ ея объятій: надобно пойдти къ нему.

«Ахъ, Генрихъ, можешь ли ты думать о комъ-нибудь, кромѣ меня? Клянусь Богомъ, я никогда не думалъ ни о комъ, кромѣ тебя, — а ты, а ты, Генрихъ, даже и въ эту минуту, когда я готова забыть все мое неприятели»

ты поминишь объ этомъ неспособномъ другѣ, который такъ разстроилъ меня! Нѣтъ, никогда, никогда не буду я счастлива, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-порѣ, пока ты не прекратишь знакомства съ этими нешавистыми мнѣ худостыми людьми, пока не забудешь всей прошлой жизни своей, пока не привыкнешь думать, что тогда только мачалъ жить действительно, истинно, когда мы узнали другъ друга!

Генрихъ чувствовала сильное желаніе засмѣяться при этомъ романтическомъ вздорѣ, который, сказать правду, совершенно уничтожилъ его мечты о счастіи супружеской жизни, но скрѣпился, посмотрѣвъ важно, серьёзно, какъ только могъ, пожалъ маленькую, илжную ручку Эмили, и медленными шагами выпелъ изъ комнату. Онъ пошелъ къ Сидней, обдумывая на дорогѣ, какъ бы ему лучше объяснить нездоровье Эмили и лучше извинить свое долгое отсутствіе. Войдя въ залу, онъ не нашелъ уже въ ней Сиднея. Хотя это освободило Генриха отъ необходимости дѣлать ложныя извиненія, но тѣмъ не менѣе уходъ Сиднея былъ очень ему непріятен. Онъ былъ увѣрованъ, что Сидней пойдетъ въ клубъ и расскажетъ тамъ о причинѣ ранняго своего прихода, о нездоровьи Эмили, объ уходѣ ея мужа, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ своихъ мыслей на этотъ счетъ.

«Какъ я благодарна тебѣ, мой милый Генрихъ, что ты отпустилъ нашего мучителя и такъ скоро воротился ко мнѣ! Какъ ты отъ него отдѣлался?»

— Онъ избавилъ меня отъ всякаго базнокойства, сказалъ Генрихъ, все еще не поднимая надвинутыхъ бровей: онъ ушелъ самъ.

«О, какъ я рада!...» сказала Эмили: «я не думала, что онъ будетъ такъ догадливъ. Но ты совсѣмъ не радѣлаешь моей радости, Генрихъ? ты смо-

тришь такъ угрюмо! Уже-ли тебѣ пріятнѣе быть съ нимъ, чѣмъ со мною?»

— Признаюсь, Эмили, мнѣ досадно, что онъ ушелъ, не простившись со мною. Сидней по-временамъ бываетъ злой насмѣшникъ, и если онъ расскажетъ нашимъ общимъ друзьямъ въ клубѣ, какъ мы его приняли, то это заставитъ ихъ если не смѣяться надъ нами, то по-крайней-мѣрѣ въ-послѣдствіи строже за нами присматривать.

«И это человекъ, котораго ты называешь другомъ, Генрихъ? Какъ несходны мои понятія съ твоими!»

— Не смотря на то Сидней, во многихъ случаяхъ показалъ мнѣ, какъ искренно онъ любитъ меня.

«И не смотря на то, все-таки осмѣетъ тебя въ клубѣ! Не такова была дружба между мною и миссъ Лориме. Она ни за что въ жизни не согласилась бы сказать хоть одно слово въ насмѣшку надъ мною. Вотъ была истинная дружба! Почти каждый день писали мы другъ къ другу длинныя, предлинныя письма, одѣвались въ одинакія платья; я носила браслеты изъ ея волосъ, она изъ моихъ; у насъ были одинакіе перстни; мы восхищались одними стихотвореніями, мы читали одни и тѣ же романы, любили, не любили однихъ и-тѣхъ же людей, одними словомъ, жили душа въ душу, покуда каждая изъ насъ не нашла себѣ друга. И эту подругу я оставила, забыла, Генрихъ, когда узнала тебя, — а ты, ты предпочитаешь моему мнѣнію мнѣніе Сиднея, который впрочемъ остричь теперь на-счетъ твоей привязанности къ женѣ!»

— Ты неопытна, Эмили, и не можешь судить о свѣтской дружбѣ. Дружба мужчинъ совершенно отлична отъ романтической дружбы двушекъ. Дружба двушекъ начинается въ панисюпъ и оканчивается на свадьбомъ.

балъ, или по-крайней-мѣрѣ въ такъ-на- зываемый медовый мѣсяцъ, но...

«Моя дружба къ Лориме не кон- чилась на свадебномъ балѣ. Въ первые дни нашего брака однимъ изъ самыхъ пріятныхъ моихъ занятій было писать ей о моемъ счастьи.»

— Но вотъ, Эмилиа, медовый мѣсяцъ еще и не прошелъ, а ты ужь сама го- ворить, что покинула, забыла свою подругу! А я не писала къ Сиднею воз- торженныхъ писемъ о супружескомъ моемъ счастьи, да и онъ, вѣроятно, не желалъ отъ меня такихъ писемъ, а между-тѣмъ мы такіе же друзья, какъ были въ Этонской Школѣ, и, призна- юсь тебѣ, мнѣ будетъ больно, если эта дружба уменьшится, еще больше, если совсѣмъ прекратится, хотя я почти увѣренъ, что онъ сибется теперь надъ моею слабостію въ клубъ.

«Ахъ, Генрихъ, какъ страшно, какъ легко судишь ты о такихъ свя- щенныхъ предметахъ, какъ любовь и дружба!»

— Скажи лучше, Эмилиа, хорошо, что сужденія мои невозторженны. Потво- ему мнѣнню, любовь не можетъ жить вѣсть съ дружбою, и я навеку на се- бя твое неудовольствіе, если буду съ кѣмъ-нибудь друженъ?

«Ты не понимаешь меня, Генрихъ, совсѣмъ не понимаешь. Никто не цѣ- нить такъ дружбы, какъ я.»

— За чтѣ же ты хочешь развести меня съ Сиднеемъ?»

«За то, что у него нѣтъ чувства, симпатіи, нѣтъ этого такта...»

— Увѣрю тебя, Эмилиа, все это есть у него.

«А я все-таки стою на своемъ, Генрихъ; если бы онъ дѣйствительно имѣлъ эти качества, то не сталъ бы, въ первый разъ, какъ увидѣлся съ тво- ей женой, рассказывать при ней о хо- лостой твоей жизни, объ очарователь- ной твоей вдовушкѣ, — потому-что

только самый пустой человекъ не пойметъ, что для неглупой женщины, сердечно привязанной къ мужу, такіе рассказы очень, очень не по-сердцу.»

Ни Генрихъ, ни Эмилиа не были убѣждены доказательствами другъ дру- га. Генрихъ думалъ, что неправъ Эмилиа; Эмилиа думала, что неправъ Генрихъ. Но любовь вмѣшалась и въ этотъ второй споръ, какъ и въ пер- вый, и прекратила его; они замолча- ли и помирились. Миръ не былъ од- накожь продолжителемъ. Долгія засѣ- данія въ Нижнемъ Парламентѣ пода- ли поводъ къ третьей ссорѣ между Генрихомъ и Эмилией.

Третью ссору не такъ легко было прекратить, какъ двѣ первыя: домаш- нія непріятности имѣютъ то особен- ное свойство, что каждая новая не- пріятность дѣлаетъ насъ болѣе и болѣе неучтивыми.

Илишнее было бы рассказывать, ка- кими доводами хотѣла Эмилиа убѣдить Генриха, что мужъ, любящій свою жену, долженъ оставить парламентскія занятія. Не нужно также рассказывать, какъ Генрихъ доказывалъ Эмилиі, что мужъ, покинувшій для жены служеніе отечеству, недостойнъ любви ея. Ни доводы, ни даже слезы Эмилиі не мо- гли убѣдить Генриха, что его занятія въ парламентѣ служатъ причиною не- счастья его жены. Онъ твердо стоялъ въ своей рѣшимости—ѣздить всегда въ парламентъ, когда тамъ будутъ какія- нибудь важныя пренія. Цѣлые три дня, безконечныя для Эмилиі три дня прошли, — а миръ все еще не былъ заключенъ.

Холодность между ими въ эти три дня еще усилилась отъ слѣдующаго обстоятельства. Разъ, засѣданія въ парламентѣ кончились ранѣе обыкно- веннаго; Генрихъ, зналъ, что дома ожи- даетъ его холодный пріемъ, согласи- ся на предложеніе старинныхъ друзей

отправиться въ клубъ и тамъ поужинать. Въ клубъ ему показалось такъ весело, что онъ воротился домой уже на-разсвѣтъ. Бѣдная Эмилиа, нетерпѣливо во все время его отсутствія слѣдившая за стрѣлкою на столовыхъ часахъ, встрѣтила его съ лицомъ, блестящимъ какъ ираморъ. Рѣзкими чертами на немъ написаны были и сердечная тоска, и изнуреніе безсонной ночи. Въ тусклыхъ взорахъ ея Генрихъ прочиталъ себѣ грустный укоръ и совѣсть шептала ему, что онъ заслужилъ его.

Генриху было больно, но онъ не хотѣлъ признаться ей во всемъ и только замѣтилъ ей, что она лучше сдѣлала бы, если бѣ легла раньше въ постель, что засѣданіе прекратилось очень-поздно, что онъ не могъ уйти раньше, и что вѣроятно она впередъ не будетъ такъ долго ждать его.

«И вотъ, думала Эмилиа, награда за тоску, за страданія, которыя вытерпѣла я въ эту длинную, безконечную ночь! Генрихъ, Генрихъ! кто, видѣвшій насъ въ очаровательномъ помѣстьи, на мирныхъ берегахъ Уиндимера, котораго поверхность была такъ же покойна, какъ жизнь паша, гдѣ каждый часъ, проведенный безъ меня, былъ для тебя мукой невыносимой,—кто подумалъ бы, что ты такъ переѣмнишься?»

И при этой мысли слезы покатились изъ глазъ ея и оросили подушку. Генрихъ уже спалъ, — сонъ бѣжалъ отъ Эмилии.

На слѣдующее утро, когда они прогуливались верхомъ въ паркѣ, съ ними встрѣтился одинъ изъ знакомыхъ Генриха, ужинавшій съ нимъ въ клубъ, и началъ толковать о томъ, какъ пріятно провели они ночь. «Мы прекрасно поужинали, не правда ли?» сказалъ онъ. «Никто не приготовитъ такъ ужина, какъ Удъ.»

Генрихъ покраснѣлъ до ушей, когда оскорбленная Эмилиа устремила на него взоры полные упрека.

«Знаете ли?» продолжалъ болтливый другъ Генриха: «бѣдняжкѣ Обри запрещено бывать у Крокфорда. Его почтенная супруга думаетъ, что женатому человѣку неприлично ходить въ этотъ веселый клубъ. Что жъ выходить? Обри поклялся женѣ, что я нога его не будетъ въ клубъ, а все-таки каждую ночь заходитъ онъ въ клубъ по дорогѣ изъ парламента и увѣряетъ жену, что задержанъ былъ парламентскими преніями. Всѣ мужья стараются теперь прискаты себѣ мѣстечко въ Нижнемъ Парламентѣ, чтобы, въ случаѣ нужды, если случится прійти поздно домой, можно было представить женѣ законное извиненіе.»

Генрихъ сердечно желалъ, чтобы другъ его провалился сквозь землю, или чтобы у него отнялся языкъ. Сердце Эмилии рзрывалось при мысли, что Генрихъ могъ обмануть ее. Генрихъ понималъ, что происходило въ душѣ ея,—ио, странное дѣло, какъ ни любилъ онъ Эмилию, никакъ не хотѣлъ сознаться въ винѣ своей и мысленно доказывалъ самъ себѣ, что обманъ, до котораго онъ унижился, былъ только слѣдствіемъ безразсудной вѣзискательности Эмилии, что этотъ обманъ былъ невольный, и что все это, слѣдовательно, было въ порядкѣ вещей.

Никогда ни одна чета молодыхъ, только два мѣсяца связанныхъ узами брака, не возвращалась домой съ чувствами столь неспособными, какъ Генрихъ и Эмилиа.

«Я считала его совершеннымъ» говорила про себя Эмилиа — «я считала его неспособнымъ къ обману... О, какое жестокое разочарованіе!..»

— Какъ несправедливо, какъ безразсудно, говоримъ про себя Генрихъ:

считать страшной обидой пустой обманъ, обманъ, на который я рѣшился именно только потому — что не хотѣлъ огорчать ее! Женщины самыя неразсудительныя существа въ мѣрѣ. Скажи женщинѣ правду — она будетъ хмуриться, пожалуй заплачетъ, — а какому мужчине пріятны женскіе капризы? Скрой отъ нея правду, чтобы не огорчить ее, и потомъ, на бѣду мужа, откройся ей эта правда, — тогда мужъ становится чудовищемъ лжи и обмана, тогда ему и житья нѣтъ на свѣтѣ за преступленіе, которое просто было слѣдствиемъ любви къ женѣ!

Обѣдъ вдвоемъ, о которомъ за нѣсколько часовъ и Генрихъ и Эмилиа думали съ удовольствіемъ, былъ очень тяжелъ, очень длиненъ и для него и для нея. И онъ и она боялись намекнуть на предметъ, тяготившій ихъ, и между-тѣмъ не могли думать ни о чемъ другомъ. Вечеръ проведенъ былъ такъ же непріятно, какъ обѣдъ. Какой грустный контрастъ съ удивительною жизнью ихъ на озерахъ, когда она для него, онъ для нея составляли весь свѣтъ, когда она не сомнѣвалась ни въ одномъ словѣ его, онъ не боялся слезъ ея!

Докладъ, что кабриолетъ поданъ, облегчилъ ихъ обоимъ. Генрихъ проговорилъ нѣсколько словъ о томъ, что ему очень жаль оставить ее. Много стоило ей труда, чтобы удержать слезы, готовая брызнуть цѣлымъ потокомъ, когда безмолвно принимала она прощальный поцалуй Генриха, не поворачивая его. — Не такъ привыкая они расставаться даже на самое короткое время: онъ обыкновенно собирался такъ лѣниво, чтобы подолье побыть съ нею, — она обыкновенно старалась занять его разговоромъ, чтобы подолье не пускать его. А теперь... теперь Эмилиа грустно поглядѣла въ садъ Генриху и дала полную волю

слезамъ. Это были самыя горькія слезы, какія только она когда-либо проливала. Она оплакивала гибель юныхъ, родинческихъ надеждъ своихъ на счастье, надеждъ, которыя, увы, осуществляются только въ романахъ.

Она была еще вся въ слезахъ, какъ дверь уборной отворилась, и не успѣла еще Эмилиа рассмотреть, кто вошелъ, какъ сестра ея, леди Люттервортъ, сжимала уже ее въ своихъ объятіяхъ. Леди Люттервортъ была старше Эмилии тремя годами, три года была уже замужемъ и приобрѣла необходимую опытность, которая бываетъ неизбѣжнымъ слѣдствиемъ постоянного обращенія въ общество. И она также въ первые годы своего замужества плакала объ утратѣ романтическихъ надеждъ и нескорю научилась цѣнить постоянную привязанность мужа, которая не такъ сильна, но за то и не такъ кратковременна, какъ привязанность любовника. Она видѣла всѣ фазы жизни брачной, видѣла, какъ барометръ любви и понижался и возвышался до крайнихъ точекъ, — и, не смотря на то, что порой вздыхала, вспоминая объ утраченныхъ надеждахъ, она вообще была довольна, даже была счастлива въ семейной жизни. Прибывъ въ этотъ самый вечеръ въ Лондонъ съ твердой земли, гдѣ провела послѣдніе два года, она съ нетерпѣніемъ спѣшила обнять сестру, которую поклялась въ полномъ цвѣтѣ красоты.

— Что съ тобой, Эмилиа? ты плакала? — были первыя слова леди Люттервортъ, когда онъ выпустилъ другъ друга изъ объятій.

«Первическій припадокъ... дурное разположеніе духа...» отвѣчала Эмилиа, и слезы снова покатались изъ глазъ ея.

— Гдѣ же Генрихъ? мнѣ хочется

поинтереситься съ новымъ молчъ бра-
томъ, сказала леди Люттервортъ.

«Она уѣхала въ парламентъ» отвѣ-
чала Эмилиа.

— И тебѣ вѣрно это такъ же непріятно, какъ для меня въ первый годъ непріятны были поѣздки мужа въ Нижній Парламентъ, — не правда ли? Я хорошо помню, съ какимъ безпокойствомъ считала я длинные, казавшіеся мнѣ безконечными часы, когда мужъ былъ въ парламентъ и слушала повся сатиры Лингерста или горькія ироніи Брума. Помню, съ какимъ геройскимъ мужествомъ противилась я всѣмъ усиліямъ сна, чтобы только имѣть возможность сказать мужу, какую тяжелую, безсонную ночь провела я безъ него. Когда дремота одолевала меня до того, что я не слыхала боя часовъ, тогда я нарочно заставляла ихъ бить снова, чтобы только сказать мужу, какъ много часовъ насчитала я безъ него. Помню, какъ, бывало, обидно, больно, когда мужъ говоритъ: зачѣмъ же ты не ложила спать. Луиза! во снѣ ты не замѣтила бы, какъ медленно идетъ время, — я вижу, глаза у тебя совсѣмъ слипаются. . . » И вотъ, наконецъ сдѣлалась я умнѣе, стала въ обыкновенное время ложиться спать, а въ слѣдующее утро съ удовольствіемъ слушала рассказы Фридриха о преніяхъ въ парламентъ, вмѣсто-того, чтобы упрекать его за то, что онъ заставилъ меня не спать цѣлую ночь.

«А гдѣ лордъ Люттервортъ?» спросила Эмилиа.

— Онъ теперь отдыхаетъ въ прекрасныхъ креслахъ, которыя нашель чрезвычайно удобными для отдыха, а потомъ поѣдетъ въ клубъ, чтобы узнать, что дѣлается въ Лондонѣ, и рассказать мнѣ завтра за завтракомъ.

«И ты позволяешь ему отдыхать при себѣ?» съ удивленіемъ спросила Эмилиа.

— Отъ-чего же вѣтъ? . . . отвѣчала леди Люттервортъ. Да, моя милая, не только позволяю, не только не упрекаю его въ этомъ, даже поправляю ему подушки, стараюсь сидѣть какъ-можно-тише, чтобы не прервать его сна.

«Но, сестрица, это право не прилично! Мы не должны допускать, чтобы мужа пренебрегали этой внимательностью, которую они должны оказывать намъ и которая составляетъ одно изъ удовольствій супружеской жизни.»

— Да, Эмилиа, можетъ-быть, только въ первые мѣсяцы замужства; но буди уверена, что чѣмъ скорѣе жена покинетъ претензію на эту внимательность, которую мужчины охотно оказываютъ только невѣстамъ, тѣмъ лучше и для нея и для него. Пусть жена принимаетъ съ удовольствіемъ каждое выраженіе привязанности мужа, но не требуетъ этого выраженія. Пусть она прощается съ нимъ съ улыбкою, и скрываетъ слезы, которыхъ будетъ ей стоить отсутствіе мужа. Захочетъ ли онъ отдохнуть—пусть она заботится о томъ, чтобы сонъ его былъ какъ-можно-покойнѣе и пріятнѣе: это лучший способъ заслужить его благодарность!

«Но насъ такъ любятъ, сестрица, насъ такъ обожаютъ, когда мы еще невѣсты, или въ первые дни брака, что едва-ли намъ возможно привыкнуть къ обыкновенной учтивости, въ которую обращается внимательность нашихъ мужей, когда пройдутъ первые мѣсяцы.»

— И та женщина несчастна, Эмилиа, которая не можетъ скоро и съ охотою покориться этой необходимости! Ложныя понятія, которыя

мы забираемъ себя въ голову въ то время, когда бываемъ невѣстами, или въ первые дни замужества, вотъ причина большей части непріятностей, которыя такъ часто дѣлають для насъ самую жизнь тягостною. Какъ ты ни разсуждай, а мужчины наши господа, они созданы для-того, чтобы быть нашими покровителями; они унижаютъ себя, если исполняютъ всѣ наши прихоти.

Слова леди Люттервортъ сдѣлали глубокое впечатлѣніе на Эмилию, которая тотчасъ по уходѣ сестры удалась въ спальню, и хотя еще нѣсколько слезинокъ скатилось съ ея щекъ, потому-что ей все-таки тяжело было разстаться съ сладостными, но обманчивыми надеждами юности, тяжело было сознаться, что въ-самомъ-дѣлѣ не цѣлый же вѣкъ мужу ея быть ея любовникомъ, но она легла спать съ твердою рѣшимостію быть довольною всѣмъ.

Когда Генрихъ воротился изъ парламента,—въ эту ночь онъ ужъ не заѣхалъ въ клубъ,—то увидѣлъ, что жена его спитъ покойно. Было что-то чрезвычайно-трогательное въ юномъ и прекрасномъ лицѣ ея, на которомъ все еще замѣтенъ былъ легкій оттѣнокъ грусти. Азлы губки все еще трепетали, и порой вырывались изъ-нихъ тихіе, прерывистые вздохи, подобные вздохамъ соннаго ребенка, плакавшаго навзрыдъ нѣсколько часовъ безъ умолка; одинокая слеза дрожала еще подъ длинной, шелковой рѣсницей...

Съ безмолвнымъ удивленіемъ стоялъ Генрихъ и глядѣлъ на свою жену, и весь энтузіазмъ любовника и вся нѣжность мужа пробудились въ его сердцѣ. И вотъ уста сонной Эмили пролепетали его имя—пролепетали такъ тихо, такъ нѣжно, и затѣмъ послѣдовалъ глубокий вздохъ, тихо всколыхнувшій

бьюснѣжный покровъ, обвивавшій прелестный станъ ея.

«Бѣдная моя, милая Эмили! думалъ Генрихъ: «она и во снѣ вспоминаетъ про меня! А я такъ былъ нечувствителенъ, а я могъ осуждать ее за то, что она находить во мнѣ болѣе недостатковъ, чѣмъ ожидала? А я могъ сердиться на нее, вмѣсто того, чтобы стараться утишить ея взволнованныя чувства?»

На слѣдующее утро Генрихъ и Эмили помирились. Съ-этихъ-поръ Эмили уже безъ ревности смотрѣла на учтивое и даже нѣжное обращеніе Генриха съ посторонними дамами, позволяла ему, когда угодно, приглашать своихъ старыхъ пріятелей къ обѣду, даже улыбалась, когда упоминали объ очаровательной вдовушкѣ, и не дѣлалась больною, услышавъ, что мужъ ужиналъ въ клубъ.

ВОСПОМИНАНІЯ БАРОНА ГРО
(*Статья Генриха Берту*). — Знаменитый французскій живописецъ, баронъ Гро, однажды вечеромъ, незадолго передъ своею смертію, печально прохаживался по галлереймъ Пале-Руайяля. Омраченный горькою мыслию о приближающемся вѣрномъ концѣ своего земнаго поприща, онъ два раза уклонялся отъ встрѣчи съ однимъ молодымъ писателемъ, который, не смотря на то, продолжалъ его преслѣдовать. Эта настойчивость произтекала изъ дружбы, которую молодой человекъ питалъ къ умирающему льву, столь низко и недостойно брыкаемому ослами - критиками. Баронъ Гро долго былъ холоденъ и невнимателенъ къ почтительной любви и привязанности молодого человека; но, мало-помалу, видя настойчивость сего послѣдняго, смягчился, подошелъ къ нему, взялъ его подъ-руку и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ далѣе по довольно-пустын-

ными галереями Пале-Руайяля. День былъ воскресный, въ послѣднихъ часахъ мая; небо сіяло въ яркихъ лучахъ солнца, и большая часть купцовъ, закрывъ свои лавки, отправилась мыкать скуку на одно изъ тѣхъ незначительныхъ гуляній, гдѣ такъ любятъ купцы скрываться отъ паллящаго зноя, въ облакахъ пыли и въ безтѣнныхъ рощахъ Роменвиля.

Ничего не можетъ быть печальнѣе мѣста обыкновенно многлюднаго, и вдругъ бпустъвшаго. Настоящая степь не имѣла бы такой ужасающей пустоты, какъ эти галлерен, сейчасъ еще полныя жизни и шума, теперь погружившіяся въ гробовое молчаніе. Какъ-будто стоишь передъ трупомъ, который сдѣлался еще неподвижнѣе. Наконецъ все замолкло въ саду. Сторожъ, спавшій между множествомъ въ беспорядкѣ стоявшихъ стульевъ, да воробьи, съ чиликаньемъ слетѣвшіе клевать крошки, кое-гдѣ обропелныя по песку, — вотъ единственныя живыя существа, оставшіяся на этомъ огромномъ базарѣ, по которому шель живописецъ съ своимъ товарищемъ.

— Здѣсь, сказалъ наконецъ Гро, приподнявъ свою почтенную голову, окруженную вѣнкомъ длинныхъ и только недавно-послѣдвшихъ волосъ, — здѣсь провелъ я многіе года моей юности. Тогда, мой другъ, едва высвободившись отъ дѣтскихъ помочей, я ужѣ мечталъ о славѣ и искусствѣ. Въ жизни моей есть день, котораго никогда не забуду — тотъ день, когда отецъ мой и мать, оба рисовавшіе перевозочно и до-тѣхъ-поръ противившіяся моему желанію посвятить себя тому же ремеслу, чтобъ не подвергнуть меня горестямъ этого печальнаго поприща, — наконецъ согласились дать волю моей страстной любви къ живописи.

«Хорошо» сказалъ отецъ, побѣждашій моими просьбами: «выбери ху-

джника, по слѣдамъ котораго ты хочешь идти; я тотчасъ пойду съ тобою къ нему и попрошу его быть твоимъ наставникомъ.»

— Давида, возкликнулъ я: Давида!

Отецъ и мать взявъ меня за руки и повели къ Давиду, который только-что кончилъ свою картину «Гекторъ и Андромаха». Давидъ взглянулъ на меня своимъ обычнымъ строгимъ и насмѣшливымъ взглядомъ, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ и взялъ изъ рукъ батюшки одинъ изъ моихъ рисунковъ, которые тотъ принесъ съ собою.

«Какъ тебя зовутъ? который тебѣ годъ, молодецъ?» спросилъ Давидъ.

— Антуанъ - Жанъ Гро. Мнѣ четырнадцать лѣтъ, сударь, отвѣчалъ я, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«И ты хочешь сдѣлаться живописцемъ?»

— Хочу, сударь.

«Чувствуешь ли ты въ себѣ рѣшимость трудиться постоянно, прилежно, не теряя мужества ни отъ оскорбленій, которыя нанесутъ твоему честолюбію, ни отъ трудовъ, требуемыхъ искусствомъ?»

— Да, сударь.

«Хорошо; завтра приходи ко мнѣ.»

— Сердце мое такъ сильно билось отъ радости, что, казалось, хотѣло выпрыгнуть изъ груди.

«Надѣюсь, что ты пойдешь далеко» прибавилъ онъ, потрепавъ меня по щекѣ, и указывая на рисунокъ, который держалъ въ рукахъ: «здѣсь есть чтѣ-то особенное.»

Ноги подогнулись подо мною, глаза помутились, и я почти безъ чувствъ упалъ на руки матушки.

«Вотъ такихъ - то учениковъ мнѣ и надо» сказалъ Давидъ, когда я немножго успокоился. «До-завтра, Антуанъ-Жанъ Гро!»

Съ несъяснимомъ радостію въ серд-

цѣ вышелъ я отъ Давида. Когда мы пришли домой, батюшка сказалъ мнѣ:

— Антуанъ, теперь ты сдѣлаешься мужемъ, потому — что вступаешь на трудный и тернистый путь жизни. Поэтому я стану обходиться съ тобою, какъ съ человѣкомъ взрослымъ. Впередъ ты будешь выходить со двора одинъ, безъ меня и безъ слуги; будешь имѣть полную свободу дѣйствовать, и я только буду давать тебѣ совѣты друга, а не отца, пристрастнаго къ своей власти и къ правамъ своимъ. Чтобы начать сегодня же, я позволяю тебѣ идти вечеромъ въ Театръ Республики. Простись съ нимъ нынче надолго, потому-что завтра ты будешь уже работою труднаго и строгаго искуса, требующаго прежде всего труда и отсутствія развлеченія. Итакъ, старайся хорошенько повеселиться. Сказавъ это, онъ далъ мнѣ денегъ, и мы разстались.

Я отправился въ Пале - Руайяль и пообѣдалъ тамъ въ первый разъ одинъ, безъ надзора матери, гордясь тѣмъ, что самъ плачу за обѣдъ, и что дѣйствую уже какъ совершенный человѣкъ, а не какъ ребенокъ.

На другой день я вступилъ въ мастерскую Давида, и предсказанія отца моего сбылись скоро. Жизнь моя сдѣлалась трудна; я безпрестанно сидѣлъ за работою. Наконецъ отецъ и мать мои умерли; банкротъ лишилъ меня небольшого наслѣдства, составлявшаго все мое имущество, — около семидесяти-пяти тысячъ франковъ. На выставкѣ я былъ побѣжденъ, и римскую премію получилъ Ландонъ (*); потомъ возникла революція со всѣми ея ужасами. Не малое огорченіе почувствовалъ я, видя, какъ Давидъ началъ свои благородныя руки въ этой грязи и крови. Мною овладѣла глубокая горестъ; опасались даже за мое

здоровье; слово «чахотка» было произнесено, и Давидъ, понимавшій причину моей болѣзни, отправилъ меня въ Италію. Тамъ вышелъ я снова утраченную въру въ искусство, и встрѣтилъ Жиродѣ, съ которымъ вскорѣ связала меня тѣснѣйшая дружба. Жиродѣ захворалъ; я ухаживалъ за нимъ какъ за братомъ и перенесъ его изъ небольшой, неудобной комнатки въ мою болѣе-обширную и веселую квартиру, которую я имѣлъ возможность нанимать, заработать уже во Франціи кое-какія деньги картинами. Благодаря Бога, Жиродѣ выздоровѣлъ, и мы отправились путешествовать вмѣстѣ, братски раздѣляя удачи и неудачи.

Изъ Генуи, написавъ тамъ множество мишьяторныхъ и другихъ портретовъ, я отправился въ Миланъ, гдѣ встрѣтилъ генерала Бонапарте и Дезе. Первый принялъ меня благоклонно, определялъ къ себѣ и почти придавалъ политическую значительность, потому-что, благодаря легкости, съ какою я выражался по-итальянски, онъ нѣсколько разъ употреблялъ меня для переговоровъ. Недостатокъ честолюбія и страсть къ искусству однакоже скоро заставили меня отказать отъ добрыхъ намѣреній, кабія пилъ Наполеонъ на мой счетъ. Вмѣсто предложенныхъ мнѣ дипломатическихъ дѣлъ, онъ опредѣлилъ меня къ Монжу и Бертоллѣ, членамъ коммисіи, которой было поручено собирать предметы искусства, отправляемые во Францію; къ этому онъ прибавилъ званія инспектора и переводчика при главномъ штабѣ. Эти двѣ должности были чисто-денежныя. Что касается до первой, я исправлялъ ее согласно съ видами начальства, не опустошая однакоже Италіи.

Наконецъ, мнѣ встрѣтилась возможность возвратиться во Францію. Не

(*) Сюжетъ картины былъ «Елеазаръ, откупающійся въ запрещенное мясо»

стану описывать радость, которую я почувствовал, увидевъ снова Парижъ. Первые дѣломъ момѣ было — идти въ Пале-Руайяль, близъ котораго протекло мое дѣтство и къ которому началась моя жизнь совершеннолѣтняго человѣка и артиста въ тотъ день, когда батюшка послалъ меня, въ первый разъ, одного обѣдать и посмотреть театръ.

Я не нашелъ здѣсь никакой перемены, кромѣ того, что большой базаръ былъ переименованъ во Дворецъ Равенства. Пробѣгая всѣ галлерей, вызывая одно за другимъ воспоминашя, которыя обступили меня толпою, я увидѣлъ большое сборище народа, именно на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ, вотъ передъ этою лавкою. Жироде, который прѣхалъ нѣсколькими мѣсяцами раньше меня въ Парижъ, и котораго я по-счастью встрѣтилъ у входа въ Пале-Руайяль, сказалъ мнѣ, что это лавка одного книгопродавца, и что красота женщины, сидящей за прилавкомъ, причиною этого скопища зѣвакъ. Я подошелъ поближе, и въ-самомъ-дѣлѣ увидѣлъ женщину еще молодую, съ физиономіею, исполненною скромности и цѣломудрія. Она казалась весьма-изпуганною тѣмъ, что должна была подвергаться грубой навязчивости толпы, и наконецъ ушла въ заднее отдѣленіе лавки, не будучи болѣе въ силахъ выдерживать взгляды и безстыдныя рѣчи молодежи. Мужъ ея, книгопродавецъ, вышелъ въ лавку и сказалъ наглымъ преслѣдователямъ жены своей нѣсколько словъ, исполненныхъ ума и приличія, прося ихъ отойти отъ лавки. Но со всѣхъ сторонъ раздались крики:

— Лодонску! мы хотимъ видѣть Лодонску! Къ чорту мужа! Лодонску! Лодонску!

И толпа окружила книгопродавца, сѣвлася ему въ лицо, щипала, дразнила и перекидывала его изъ рукъ въ руки. Видъ себя, потерявшись, задыхался отъ бѣшенства, несчастный вырвалъ у одного изъ своихъ преслѣдователей палку и бросился-было на него. Но франтъ, обезоруженный только нечаяннымъ нападеніемъ, выхватилъ изъ рукъ книгопродавца трость, оттолкнулъ своего слабого противника и еще сильнѣе прѣжняго сталъ бѣсить его.

— Очень - прилично сыну поставщика, вора, такъ обходиться со мною! возликнулъ несчастный книгопродавецъ.

«А, такъ мой отецъ воръ!» возразилъ молодой человѣкъ. «Господи, вы слышали, онъ оскорбилъ, онъ оклеветалъ моего отца! Будьте свидѣтелями. Пойдемте со мною, пусть судъ накажетъ его за такую обиду.»

И онъ удался, сопровождаемый пятою или шестью молодыми людьми, подобными ему, — между-тѣмъ, какъ толпа продолжала вопить:

— Лодонску! Лодонску! мы хотимъ видѣть Лодонску!

Я съ удивленіемъ взглянулъ на Жироде.

— Кто этотъ несчастный? спросилъ я.

«Этотъ человѣкъ» отвѣчалъ мнѣ Жироде: «одни соединяетъ въ себѣ много славы и могущества, — славу и могущество, конечно, вовсе не почетныя. Это Луэ д'ю-Куврѣ.»

— Авторъ «Фоблаза»! возликнулъ я.

«Да, авторъ «Фоблаза». Хорошо бы еще, еслибъ эта жалкая, постыдная слава была единственною, запятнавшего его имя. Но онъ сдѣлалъ хуже: онъ не только написалъ гнусную книгу, исполненную безнравственности, лишенную всякой привлекательности, — но, другъ мой, онъ подалъ голосъ о казни Лудо-

вика XVI, и присоединилъ свое имя къ числу именъ, участвовавшихъ въ этомъ ужасномъ дѣлѣ. Жизнь его чрезвычайно странна. Будучи бѣднымъ приказчикомъ книгопродавца, не слишкомъ понимая, что дѣлаетъ, онъ написалъ «Фоблаза» и издалъ его. Никогда ни одинъ успѣхъ не могъ сравниться съ тѣмъ, какой имѣла эта книга при своемъ появленіи, книга, которую съ отвращеніемъ будутъ читать черезъ тридцать лѣтъ, и которая навсегда останется плачевнымъ намятникомъ развращенія нынѣшняго времени. Сдѣлавшись, благодаря этому успѣху, человѣкомъ важнымъ и моднымъ, онъ съ неистовствомъ бросился въ революцію, представился Законодательному Собранію, былъ въ него принятъ и началъ безчеловѣчно преслѣдовать и безъ того уже униженное дворянство. Онъ изъ всѣхъ силъ кричалъ, чтобы ввели проскрипцію, и на крикъ его отвѣчали единодушнымъ одобреніемъ. Потомъ, чтобы лучше успѣть въ своихъ намѣреніяхъ, лучше и скорѣе разрушить общественное устройство, онъ началъ издавать газету подъ названіемъ «Часовой» (La Sentinelle), которая не мало способствовала событіямъ 10 августа. Послѣ 10 августа, Лувѣ былъ назначенъ депутатомъ отъ Луарскаго Департамента и, отступая передъ ужасами, которые самъ же создалъ, онъ сталъ въ ряды Жирондистовъ и началъ съ Робеспьеромъ войну, славную для него по мужеству и настойчивости, съ какими онъ велъ ее. Дѣйствовать противъ Робеспьера значило подвергнуться изгнанію или смерти, — и въ-самомъ-дѣлѣ, Лувѣ и начальники его шайки были изгнаны. Благопріятствуемый счастливымъ случаемъ, онъ достигъ Бретани и избѣгъ смерти, не смотря на явную погибель, угрожавшую ему со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, 10-е теридора положило

конецъ страху и опасеніямъ Лувѣ; онъ возвратился въ Парижъ. Семь мѣсяцевъ спустя послѣ смерти Робеспьера, онъ былъ вызванъ снова присутствовать въ Конвентъ и сдѣлался однимъ изъ ревностѣйшихъ сподвижниковъ теридорскаго переворота. Потомъ, когда наступила эпоха директоріи, мужество и сила вдругъ покинули этого человѣка. Тотъ, кто противоборствовалъ Робеспьеру, уступилъ горсти золота и сдѣлался низкимъ орудіемъ эфемерныхъ властей, слѣдовавшихъ одна за другою, и тѣмъ потерялъ всю свою силу, сперва какъ лицо политическое, а потомъ и какъ писатель. Онъ не сумѣлъ даже сберечь деньги, заработанныя въ службѣ у такого множества господъ, и женился наконецъ на молодой и прекрасной, но бѣдной дѣвушкѣ.

«Тогда - то ницета подала ему несчастный совѣтъ прибѣгнуть къ первому ремеслу юности, — открыть книжную лавку и посадить жену свою за конторку. Такимъ-образомъ онъ самъ приготовилъ себѣ ужаснѣйшія горести. Какъ - скоро узнали, что Лувѣ сдѣлался книгопродавцемъ, всѣ тѣ, которые дрожали передъ членомъ Конвента, составили теперь изъ себя злобную стаю хищныхъ звѣрей и разнесли въ публикѣ тысячи отвратительныхъ сказокъ на-счетъ жены его, увѣряя, что это — Лодонска, одна изъ героинь его романа. Ничего болѣе не надобно было, чтобы привести въ движеніе весь Парижъ. Звѣвки повѣрили шуткѣ истинфикаторовъ, рѣшительно хотѣли видѣть въ госпожѣ Лувѣ Лодонску, и увеличили толпу злопамѣренныхъ людей и глупцовъ, которые окружають лавку книгопродавца и съ каждымъ днемъ возрастають въ числѣ болѣе и болѣе. Ты видѣлъ, съ какимъ безстыдствомъ одинъ изъ самыхъ наглыхъ преслѣдователей Лувѣ угро-

жалъ ему уголовнымъ судомъ. Лувè ужè проигралъ одну подобающую тяжбу, и судьи, не обращая вниманія на оскорбленія, выведшія несчастнаго изъ терпѣнія, присудили его къ денежной пени. Съ-этихъ-поръ Лувè, будучи такъ бѣденъ, что не можетъ закрыть свою книжную лавку и отказаться отъ этого унизительнаго, въ его положеніи, ремесла, поражаемый въ одно время оскорбленіями негодяевъ, которыхъ ты видишь, бранью журналовъ и ругательствами памфлетовъ, Лувè пишетъ противъ свободы книгопечатанія: лишившись почти въ одно и то же время и таланта и вниманія, онъ безпреставно печатаетъ брошюры, которыхъ никто не читаетъ, и которыхъ его разоряютъ. Одна только изъ нихъ надѣлала много шума, заставивъ всѣхъ свѣтаться. Это — брошюра, въ которой онъ, по ошибкѣ, бывшей сдѣланнымъ невѣжествомъ и совершеннаго недостатка въ первыхъ началахъ образованія, принялъ съ-дуру читать: *perge sequar*, написанный внизу одной ругательной на него статьи — за подпись сочинителя, и адресовавъ свой отвѣтъ «*господину Perge Sequar*». Ты можешь представить себѣ радость Сюара, автора статьи, и всеобщій хохотъ, которымъ встрѣтили этотъ непростительный промахъ. Вотъ, посмотри: какой-то повѣса запачкалъ окна квартиры Лувè этими двумя словами, которыя производятъ на несчастнаго такое же дѣйствіе, какъ будто бы его терзали раскаленными щипцами. Я увѣренъ, что эти люди наконецъ убьютъ его!

Въ эту минуту Лувè вышелъ изъ лавки, чтобы стереть оскорбительныя слова на окнахъ; его встрѣтили криками:

— Здравствуйте, господинъ *Perge Sequar*! Лодонска! Да здравствуетъ

мужъ Лодонски! *Perge Sequar! Perge Sequar!*

Лувè оглянулся, блѣдный отъ ярости, и ушелъ въ лавку, закрывъ лицо руками...

Вечеромъ, проходя чрезъ Пале-Руайяль, я увидѣлъ, что книжная лавка закрыта и передъ нею никого не было. Я спросилъ у сосѣдняго купца о причинѣ этого:

— Лувè умеръ, отвѣчалъ онъ.

Жиродè сказалъ правду: его убили!

Гро, окончивъ этотъ рассказъ, нѣсколько времени молчалъ, и потомъ снова началъ:

— Не должно слишкомъ винить и Лувè за его слабость. Умы сильнѣйшіе пали бы подъ бременемъ такихъ жестокихъ испытаній. Никто не переходитъ безнаказанно отъ славы къ насмѣшкамъ, и Лувè, который такъ долго видѣлъ себя предметомъ вниманія всего, что только городъ имѣлъ блестящаго, развращеннаго, — Лувè, герой романа, который съ восхищеніемъ читали всѣ женщины, — Лувè, членъ Конвента, — Лувè, могущественный журналистъ, могъ втрѣть въ свою бѣдственную славу. Судите же, какъ низко онъ упалъ съ своей высоты, когда былъ принужденъ терпѣть дерзости бессмысленной толпы... Чье сердце не разорвалось бы отъ этого. Какъ бы низко ни было мѣсто, откуда идетъ къ вамъ обида, напрасно вы станете презирать ее — она дойдетъ до васъ.

Мы прошли нѣсколько шаговъ молча, — Гро, преданный горькимъ размышленіямъ, я, стараясь постигать то, что происходило въ этомъ благородномъ сердцѣ, также забрызганномъ грязью насмѣшекъ, которыя кидались въ него нѣсколькими учениками-фельетонистами. Мы машинально остановились передъ лавкою купца, торговавшаго рѣдкостями.

— Вотъ, сказала Гро, указывая на полуразбитую венецианскую чашу: чтобы разрушить это превосходное произведение искусства, которымъ любовались люди въ-продолженіе вѣковъ и которое теперь валяется въ пыли, пужень былъ только одинъ ударъ самаго дражнаго камешка. Понимаете?

О! я очень-хорошо понималъ его, и когда мнѣ объявили, нѣсколько дней спустя, что на берегу Сепы найдено тѣло утопленника, я почувствовалъ, что на глазахъ моихъ выступили слезы прежде, нежели мнѣ сказали:

— Это тѣло—Антуана-Жанъ Гро!

Впрочемъ, оскорбленіе и насмѣшка не прекратились на могилѣ великаго живописца. Они шли на гробъ его, они даже дерзнули сказать, что причины, о которыхъ—не должно говорить, а не отчаяніе гения, убили этого чело-вѣка. Къ-счастью, всѣ благородные люди достойно оцѣнили эти глупые толки; довольно съ насъ, если мы можемъ обвинять великаго художника въ томъ, что онъ ослабѣлъ подъ тя-жестію низкой и цѣлной насмѣшки.

КАРНАВАЛЪ ВЪ ПЕРЬ. (*Письмо изъ Константинополя*). — Кто не знаетъ блестящихъ, обольстительныхъ карнаваловъ Венеціи, Рима—если не по собственному опыту, то по описаніямъ, или по рассказамъ очевидцевъ? Кому не грезились эти поэтическіи, роскошныя ночи, когда иллюминаціонный храмъ Петра и Павла, какъ великанъ, облаченный въ огненные ры-зы, взираетъ на безчисленныя толпы, кружащіяся окрестъ его и съ закрытыми лицами, но съ отверстыми сердцами предающіяся увлекательнымъ наслажденіямъ жизни; или когда тамъ, на тихихъ струяхъ адриатическихъ, въ заревѣ венецианской иллюминаціи, скользятъ узорчатая гондолы

и стройные звуки голосовъ и инстру-ментовъ любовно разбиваются паде-ниями, — когда каждая маска интри-гуетъ и разкаляетъ ваше воображеніе; когда каждая изъ нихъ мавитъ къ себѣ ваше сердце и потому усколь-заетъ, какъ легкое, неуловимое свои-дѣліе; когда шепчутъ страстныхъ при-знаній и мѣжвал пѣсь любви безпрерывно раздается въ ушахъ вашихъ, и вы томитесь, терзаетесь какими-то смутными ожиданіями; но вамъ легко, вамъ отрадно, вамъ хочется жить, жить вперемѣно, — и въ тѣ минуты вы бы дорого дали, еслибы могли раз-тянуть вашу жизнь, да такъ растянуть, чтобы конецъ ея исчезалъ изъ вашихъ мыслей. Никогда соиъ не можетъ быть обольстительнѣе такой существован-сти! никогда мечта ширококрылая не подаритъ васъ столь усладительными минутами! Съ незапамятныхъ временъ, въ - продолженіе 8 сутокъ безумнаго карнавала, лошадиныя скачки въ Римѣ представляютъ собою зрѣлище самое необыкновенное. Назначенныхъ для сего коней содержатъ за нѣсколько до того дней на особомъ кормѣ, въ который подмѣшиваютъ всевозмож-ныя возбуждательныя средства и полтъ ихъ крѣпкими напитками, а въ день скачки втыкаютъ имъ въ тѣло иглы и булавки. Въ назначенную минуту, т. е. по прибытіи 21 часа (за 3 часа до за-хожденія солнца) безчисленные ко-нюхи, державшіе со всѣхъ сторонъ освергившихъ животныхъ, отсту-паютъ, и кони, обнаженные отъ вся-кихъ убранствъ и безъ уздечекъ, какъ бѣшеные несутся съ народной плю-щади посреди экипажей, протянутыхъ въ двѣ линіи у самого тротуара, гдѣ толпится и жужжитъ несмѣтное мно-жество любопытныхъ масокъ. Прот-янута веревка у колонны трапезной остававливаетъ *барберн* (название сѣхъ лошадей). По окончаніи скачки эки-

маша снова приходить въ движеніе, и между ними сплутъ и кншатъ маски верхами и шпіа. Конфекты настоящія и фальшивыя, пасквилы и эпиграммы летят и сыплются со всѣхъ сторонъ въ народъ. Необузданная свобода царствуетъ посреди сей сумятицы, гдѣ изящный патрицій въ своей бархатной тогѣ третя о праздничныя лохмотья плететъ. Но вотъ удирить 24 часа: солнце только-что закатилось и послѣ третьяго выстрѣла изъ укрѣпленія св. Амела улицы опустыли совершенно. Въ эти толпы наполняютъ театры оперы seria и buffa, комедію, канатныхъ плясунговъ и даже маріонетовъ. Рестораны и питейные дома биткомъ набиты. Любовь, музыка, танцы, игры, инстинкціи, живо волнуютъ сердца въ-продолженіе всей ночи. Старикн молодеютъ, молодые дурачатся, дураки становятся умнѣе, умнѣе забываютъ разсудокъ; дурныя хоропятъ и считаютъ победы соперника, красавицы тешатся въ свою очередь, морщины, заботы, печаль исчезаютъ; все живетъ, все шуруетъ, все движется въ обществѣ хлосъ... Посмотрите теперь на карнавалъ въ Перъ. Кажется, на другой день послѣ крещенья, въ 4 часу послѣ-обѣда, т. е. посередѣ была дѣя, проходя по большой улицѣ Перы, увидѣлъ я странное явленіе. Была грязь, грязь славная, великолѣпная, потому-что льпилась на прохожихъ только-что не по колено. Но самой серединѣ улицы двгалось какое-то существо на деревянныхъ, выскочихъ шестакахъ, играющихъ здѣсь такую важную роль и извѣстныхъ подъ греческимъ названіемъ *коленды*. Существо это было женскаго рода, судя по короткой юбкѣ, изпещренной мишурными позументами и бахрамами, и по немомарто-длиннымъ напталонамъ, почти закрывавшимъ его плечи. Оно было въ маскѣ. Старый, замаслѣный Грекъ

T. X.—Отд. VII.

въ ежедневномъ костюмѣ своемъ, идя рядомъ на бѣгородной дистанціи, велъ его торжественно за руку. Цирюльнички и лавочнички, мимо которыхъ проходила въ ту минуту сія диковинная масха, остановились каждый на своемъ неомовченномъ движеніи, чтобы посмотрѣть на нее, и перемигнулись между собою; а одинъ изъ ихъ, обращаясь съ улыбкой къ соседямъ, замѣтилъ: *како не рано ли?* Явленіе ночело. Цирюльнички и лавочнички продолжали начатое дѣйствіе. Это была саря перотеклага карнавала. Въ то время я не могъ себя представить, какого рода долженъ быть маскарадъ, на который явствовила эта замѣчательная масха. Въ-послѣдствіи все для меня объяснилось.

Въ Перъ есть три мѣста, гдѣ отправляются празднества карнавальскія. Я не говорю о пѣсколькихъ дипломатическихкихъ вечерахъ, даваемыхъ представителями европейскихъ державъ. Первое мѣсто есть *Казино* (купеческое), гдѣ въ два недѣли разъ бываютъ балы, и куда допускается только цѣть общества. Помощіеи мало; музыка, ого правда, хорошая, но дава нестерпимая. Давы всѣ заранѣе ангажированы друзьями и знакомыми. Надо имѣть большое искусство, чтобы въ казино пайти удовольствіе. Въ соседнихъ комнатахъ свѣрпствуютъ большіе охотники до эмарѣ.

Послѣ казино слѣдуетъ Одеяте, тѣннпнюю зиму открывающій фокусникомъ *Родольфомъ* для баловъ, маскарадовъ, картионныхъ игоръ, комедій и музыкальныхъ пестеровъ. Три раза въ недѣлю открываются двери Одеята для всѣхъ желающихъ. Билеты стоятъ 14 піетровъ (вѣрно въ родѣ нашего рубля серебрянаго). Въ парадныхъ свичкѣ касса, пріемъ билетовъ и особое отдѣленіе за стеклянными дверями, гдѣ даютъ на-прокатъ костюмы, должно и

маски. Въ первомъ этажѣ столовая зала, гдѣ можно довольно-бѣдно поѣсть и попить за довольно - дорогую цѣну. Во второмъ этажѣ большая зала, со многими примыкающими къ ней вебольшими комнатами. Въ сей залѣ сдѣлана около стѣны высокая эстрада, на коей помещаются шесть музыкантовъ. Освѣщеніе удовлетворительное. Въ одной и самой большой изъ боковыхъ залѣ тѣнется во всю длину ея зеленый столъ съ тринадцатью картами, отъ двойки до туза, чинно рядкомъ положенными. Банкометъ засѣдаетъ по-срединѣ. Напротивъ его сидитъ его стоиріе, имѣя предъ собою кучи золота и серебра. Жадная толпа понтерровъ осаждаетъ столъ со всѣхъ сторонъ, и въ числѣ ихъ нѣсколько капуциновъ, желающихъ निकогнито понытать своего счастья. Чадъ отъ пуншевыхъ паровъ и табачнаго дыма носится желсною надъ честною компаніей. Около толпы сей бродятъ попарно маски женскія и мужскія, какъ-будто для-того, чтобы полюбоваться игрою. Въ большой залѣ гремитъ задорная музыка и гудеть и буйно движется разношерстная толпа. Посмотрите на эти костюмы, на эти приемы: вамъ становится смѣшно и грустно. Женщины всѣ въ маскахъ и нѣкоторыя изъ нихъ съ тонкими тальницами, съ роскошными волосами, съ маленькими пожками и ручками. Но большая часть наводитъ тоску на душу своею неуклюжей фигурой, своимъ безвкуснымъ нарядомъ. У той талья шире плечъ и фиалковое кисейное платье, завязаное и измятое, разходится сзади. У той изъ-подъ короткой юбки выползаютъ двѣ чудовищныя ноги, разобутыя диковиннымъ образомъ. У той малиновое ошпанное перо торчитъ на лимонномъ беретѣ съ того свѣта. А та просто завернулась въ простыню, а на голову надѣла какой-то вѣнокъ изъ разноцвѣтной шерсти.

Посмотрите вотъ на эту, что вамъ смѣшается! Какъ она впиалась красными, толстыми руками въ своего несчастнаго кавалера! Какъ она плететъ своими деревянными ногами!.. Но мужскія маски еще забавнѣе. Никакія условія, никакія приличія незатрудняютъ пылкаго воображенія. Тотъ вывернулъ шубу шерстью вверхъ, насандалилъ носъ и воображаетъ, что онъ замаскированъ. Тотъ просто гуляетъ въ халатѣ и спальномъ колпакѣ. А этотъ, наконецъ, разсудилъ за благо явиться въ одной рубахѣ, подпоясанный краснымъ спуркомъ и въ былыхъ панталонахъ. Онъ безъ шапки и безъ маски, и танцуетъ съ такимъ остервененіемъ и искренностью, что, право, жалко смотрѣть. Заботливость и стараніе рисуются на лицѣ его, покрытомъ потомъ. Онъ еле-дышетъ, бѣдный. А вотъ этотъ молодой Французикъ, что въ костюмѣ французскаго барабанщика: онъ здѣсь чужой; онъ путешествуетъ съ богатымъ отцомъ и s'en va поique pas mal de son monde. Дурачествомъ его пѣтъ конца. Онъ тоже безъ маски. Лицо его изпещрено красными пятнами; носъ подглядитъ ниткой; за каждой щечкой по очищенной рѣпѣ. Онъ безпощадно колотитъ въ свой барабанъ и несетъ чепуху. Отецъ его въ углу съ сигаркой во рту любитъ на проказы сына, и сынокъ уже затѣялъ съ другимъ Французомъ, наряженнымъ грязною дѣвою, свой народный танецъ, нелѣпый и неблагопристойный. Около стѣны тѣнутся узенькіе диванчики, на которыхъ отдыхаетъ публика. Много женскихъ масокъ сидятъ на нихъ цѣлый вечеръ недвижно и говорятъ, между ними есть Армянки, изъ-подтишка пользующіяся удовольствіями такъ - называемаго европейскаго общества. По угламъ, посреди этой сумятицы, спятъ несчастныя дѣти, прекуръезно разряженныя. То-то

ваться, въ которомъ половина танцоровъ толчется безъ такта, толкаетъ другъ друга, безпрестанно останавливается и въ десятый разъ начинается свой недокончанный кругъ! То - то французскій кадрили, въ которомъ всѣ фигуры изтиранены, переначены безбожно! Рѣдкая дама знаетъ въ которую сторону ей вертѣться. Кавалеры диктуютъ имъ и толкаютъ во всѣ стороны, выдѣлывая злодѣйскія па и отчаянные пируэты. Но на-зло ихъ прыжкамъ и толчкамъ, все идетъ навыоротъ. Пары сталкиваются и сшибаются на каждомъ шагу, кружатся, мѣшаются, затягиваются въ узелъ — и фигуръ нѣтъ конца. Кадрили дѣтся, дѣтся и разпадается только тогда, когда музыкъ вздумается перестать. Но вотъ взвился буйные аккорды галона, и съ дикимъ хохотомъ и воплями повеселился неумолимая пары. Все говить и давить другъ друга. Маленькіе шалуны вѣшались въ хаосъ, л, визжа изо всей мочи, изъ-подтишка поддають ему жара. Все вьется и кружится. Человѣкъ въ бѣлой рубашкѣ мчится впередъ, какъ угорѣлый, и заливается потомъ. Французикъ пщитъ и колотитъ въ барабанъ изъ всей силы. Человѣкъ въ шубѣ съ насапаленнымъ носомъ оретъ; палецъ прыгаетъ и хлопаетъ линейкой на-право и на-лѣво. Пыль вьется столбомъ, и въ облакъ его меркнетъ свѣтъ стеариновыхъ свѣчей. Полъ ходитъ ходенѣмъ. Музыка все шибче и шибче, все чаще и чаще, и какъ кнутомъ подгоняетъ бѣснующуюся толпу. Уфъ! какъ вспомнишь, такъ даже зарябитъ въ глазахъ и голова пойдетъ кругомъ...

Для сравненія мнѣ вздумалось сходить на такъ-называемые здѣсь *тавшанскіе балосы*: это третій и послѣдній классъ карнавальскихъ увеселеній Перы. Они происходятъ каждый вечеръ, въ-продолженіе двухмѣсячнаго

карнавала. Нѣчего оказывать, есть что посмотреть! Надобно замѣтить, что Турки прозвали низшій классъ Грековъ *Тавшанами*, т. е. зайцами, оттого, что во время сборовъ податей Турками на греческихъ островахъ, потомки храбрыхъ Эллиновъ, подобно симъ быстроногимъ звѣркамъ, задавали стрелка, едва только почуютъ бывало комиссара Блистательной Порты. Прозваніе осталось при нихъ, кажется, навсегда; и потому - то сіи народныя маскарады Грековъ именуются *тавшанскими*. Въ этомъ году ихъ было, кажется, шесть; я былъ вовсѣхъ, и признаюся, насмотрѣлся много чудесъ. Впрочемъ, быть на одномъ значить нѣтъ полное понятіе и о прочихъ. Печальный фонарь, торчащій надъ дверьми, выходящими на улицу, означаетъ входъ въ *балосъ*, открытый всѣмъ смертнымъ безденежно. Парадная стѣна вездѣ безъ пола, и озарены сомнительнымъ свѣтомъ сальнаго огарка, забытаго въ фонарь. На землѣ стоятъ пламенная жаровня, и около нея грѣется сторожъ-Армянинъ. Животрепещущая воздушная лѣстница, вмѣсто персидскаго ковра покрывала толстыми слоями грязи, вводитъ прямо безъ всякихъ дверей въ танцевальную залу. Первый предметъ, представляющійся вашему зору при входѣ на-верхъ, это *лсаки*, турецкій полицейскій солдатъ, сидящій преважно на стулѣ съ тростью и четками въ рукахъ. На грязныхъ и осыпавшихся стѣнахъ торчатъ въ печальныхъ рамкахъ нѣсколько густо-разкрашенныхъ головокъ французской топорной мануфактуры: *la Cici-lienne, la Venitienne, la Parisienne, l'Africaine*, и проч. и проч.

Въ углу устроены изъ нѣсколькихъ жердненокъ высокій альковъ, оклеенный красными бумажными фестонами. Къ верхней жердникъ прибиты еще картинки, или грудные портреты ка-

кого-то господина и какой-то госпожи, слившихся въ страстномъ поцелуѣ. Въ альковѣ засѣдаютъ два Армянина. Въ рукахъ одного крошечная турецкая скрипка, въ рукахъ другого пузатая бѣлалайка. Дружно ударяя въ звонкія струны, оглашаютъ они залу прозязательными и однообразными звуками, присоединяя къ нимъ свои сиплые, дребезжащіе голоса. И подъ аккорды любовной турецкой пѣсни кружится посреди комнаты печальная, безвкусная *сирта* (*). Около алькова, на главномъ мѣстѣ, сидитъ, поджавъ подъ себя одну ногу, старая, грязная Гречанка съ подозрительнымъ лицомъ и съ трубкою въ зубахъ. Дѣвы, въ раздражающихъ сердце вѣмечкиихъ платьяхъ, томно-желтыхъ и блѣдно-розовыхъ, полуобутыя и въ маскахъ, состоятъ у нея въ непосредственной командѣ. Каждый день получаютъ онѣ отъ содержателя сихъ балосовъ по 30 піастровъ для привлеченія публики. Буфетъ открытъ прямо въ залу, и кафежджа-Армянинъ безпрестанно разноситъ пуншъ, раки (водку), въ фицджанахъ кофе, трубки и кальяны. Тавшаны, Армяне и даже Турки въ своихъ рабочихъ костюмахъ, кто въ грязныхъ огромныхъ сапогахъ, кто съ наглыми когѣвиками возсѣдаютъ около стѣны и пускаютъ клубы дыма. Несчастныя дѣвы, подъ руководствомъ полупьянаго сермяжника и взявшись за руки, кружатся по цѣлому часу подъ звуки безтолковой музыки. Движенія ихъ пелѣпы, сомнительны; хмѣльные взоры зрителей, на нихъ устремленные, исполнены соннаго, животнаго выгряжчія. Сосѣднія капурки набиты народомъ: тамъ идетъ игра. Такой же столъ, какъ и въ Одеонѣ; также разложены карты; только вмѣсто банкмета, одѣлаго по-вѣмецки сидитъ уса-тый Тавшанъ съ картами въ рукахъ и

(*) Народная пляска, въ-родѣ хоровода.

элементарически похлебываетъ изъ стакана. На пальцахъ у него два брильянтовыхъ кольца. У сихъ-то столовъ оставляеть часто послѣднюю заработанную въ день копейку горемычный Тавшанъ, и идетъ оттуда съ пустымъ карманомъ и съ тяжелою головою къ себѣ въ домъ, гдѣ ждетъ его голодное семейство. У сихъ-то столовъ поражаются мысли о воровствѣ, о грабежахъ, случяющихся нерѣдко во время карнавала въ уединенныхъ закоулкахъ Перы и Галаты. Не смотря на строгое запрещеніе ходить на *балосы* трехъ патріарховъ, — греческаго, армянскаго и католическаго, — читанныя въ церк-вахъ, каждый вечеръ залы полнымъ-полнѣшеньки. Очень-мало кто изъ болзни надѣваетъ маску. Черныя армянскіе колпаки показываются нерѣдко въ семъ обществѣ. Фуртуки, лоттерей всѣхъ возможныхъ родовъ и видовъ занимаютъ свой уголь въ каждомъ изъ сихъ балосовъ и ошпыльваютъ полегопьку легковѣрныхъ. Грустно, когда заглянешь туда; грустно, когда вспомнишь о *балосѣ!* Рундъ турецкихъ солдатъ безпрестанно бродитъ около сихъ притоповъ и палагаетъ тяжелую руку на чистые въ нихъ беспорядки. На-дняхъ онъ паткнулся на двухъ масокъ, женскую и мужскую, и какое то чутье заставило его задержатъ несчастныхъ. — Маски сорваны. Женщина, говорятъ, была Турчанка удивительной красоты. Съ воплемъ бросилась она въ ноги къ солдатамъ, просила ихъ о помилованіи, и, сдвигая съ себя одну тряпку за другою, осталась въ одной сорочкѣ. (Прибавляютъ, что она была пьяна.) Но мусульманскій обходъ не могъ простить заблудную овцу, и полунагую потащилъ къ кулуку (караульню). Для спасенія своего товарища она отрекалась отъ него, говорила, что она была одна, но напрасно: Турокъ былъ взятъ тоже.

Кто знаетъ, что сдѣлали съ несчастной? Быть-можетъ въ мѣшокъ, да и въ воду, по достохвальному обычаю Оттоманъ. Каково же просвѣщеніе! каковы же Турчанна!.. Не лишнее прибавить, что содержатели «балосова» платятъ за свое право Блнстательной

Портъ огромную сумму. Нынѣшній годъ они внесли 150,000 піастровъ.

Вотъ вамъ карнавалъ въ Перъ. О Римъ! о Венеція! Вы далеко отстали отъ пресловутой Перы!..

М. Г—м—з—въ.

МОДЫ.

=

Съ наступленіемъ лѣта появлялось множество матерій, которыя разнообразіемъ цвѣтовъ и своею прелестію оспариваютъ другъ у друга преимущество; таковы на-прим: Pekins Foutanges, бѣлый, голубой или зеленый фонъ, по которому разбросаны букеты различныхъ цвѣтовъ; Foulards brochés,— фонъ темный съ розовыми, голубыми и зелеными рисунками; Foulards écossais,—небольшія клетка, перемѣшанные съ цвѣтами; Levantines guiriges,—фонъ голубой или розовой съ бѣлыми крапичками и съ кружевными рисунками,— и множество другихъ матерій съ превосходными рисунками.

Съ гладкими лѣвами и рукавами снова появились шарфы и мантиль-шарфы (mantelets-écharpes) изъ бѣлаго, голубаго, сиреневаго кашемира вы-

шитые шелкомъ, обшитые бахромою или кружевами, но больше всего носить черные шарфы.

Лиловый цвѣтъ въ большой модѣ, вы его увидите повсюду; если платье клетчатое, то непременно клетка лиловая съ бѣлымъ, какъ на приложенной при семь картинкѣ; кисейная мантилья подбивается лиловымъ: шляпка изъ пу-де-суа, изъ крепа или изъ газа непременно лиловая; даже платья изъ органды и пеньюры вышиваются лиловымъ шелкомъ или шерстью.

Изъ множества цвѣтовъ болѣе всѣхъ на шляпкахъ носить розы, фиалки, сирень, ландыши и желтыя гвоздики; стали-было накалывать гирлянды, но это слишкомъ-тяжело и грубо.

Шляпки изъ крепа, изъ рисовой соломы въ самомъ большомъ употребленіи.

=====

РУССКІЯ ФАМИЛЬНЫЯ ХРОНИКИ.

2. Князья Пронскіе. — Ихъ нѣтъ теперь ни одного; нигдѣ нѣтъ князей Пронскихъ; они исчезли всѣ съ лица земли русской, какъ-будто-бы ихъ не было; а нѣкогда жизнь ихъ славно цвѣла для нихъ-самихъ и для Россіи. Съ ними, какъ думаютъ иные, отъ *Русскаго Моря*, пришли къ намъ впервые слова *Русь* и *Русскіе* (*). Почти нѣтъ спора, что подъ правленіемъ отцовъ этихъ же князей, жила и славилась древнѣе Рокс-Алане (*Росс-Алане*) что эти же Рокс-Алане названы были отъ другихъ соплеменниковъ *Черныи*, и Русское Море обратилось въ *Черное* и, на землѣ нашей, родились *Черни*, *Черновцы*, *Черниговцы*?

Фамильные документы князей Пронскихъ очень-слабо указываютъ на туманную даль, въ вѣкахъ почти-исчезнувшую (**). Но Черное Море точно было *Русскимъ* Моремъ, и тѣ люди, которые жили около этого моря и потомъ основали Черниговъ, точно пришли на мѣста черниговскія съ Чернаго Моря. Въ этомъ, кажется, спорить будетъ немного? Въ родословной князей Пронскихъ видны даже *Георгии*, которыхъ называли *Гюрги* и еще

О Я самъ говорилъ объ этомъ и читалъ въ *Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ*; то же писалъ ко мнѣ Краковецъ докторъ І. Гайзлеръ. Притѣшеніемъ моимъ это же объяснено обществу. Номенклатура древнихъ урочищъ и селеній рязанскихъ разительнѣе сходна съ черниговскою. Есть мнѣніе, и можетъ-быть также очень-вѣроятное, что в сколокъ древней Тмутаракани была на землѣ рязанской. М.

(**) Граммата, данная Царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ боярину князю Петру Ивановичу Пронскому вмѣстѣ съ грамматанами князей Щениныхъ - Ростовскихъ, взяты были мною изъ Рязскаго Узднаго Архива и представлены, 1826 года, рязанскому генерал-губернатору А. Д. Балашову. М.

ближе къ Рюрикамъ — *Гюренка.ни* (*)! Но что жъ это докажетъ: не одно ли только, что и у Рокс-Аланъ могли быть *Гюрики*?

Никоновская Лѣтопись упоминаетъ о Пронскѣ подъ 1151-мъ годомъ; другія молчатъ. Но умный Никонъ уже ли могъ поставить этотъ годъ по выдумкѣ, отъ себя? И на что, и для чего? Какая важность была ему, Никону, лѣтописателю цѣлой Россіи въ древности одного Пронска? По другимъ лѣтописямъ видно, что въ этотъ же самый годъ (1151) Русскіе воевали съ Литвою. Что жъ было причиною этой брани? Не угнетительный ли приливъ Русскихъ отъ Чернаго Моря въ сосѣдство къ Литвѣ, или наоборотъ припоръ Литвы къ Русскимъ? Та, или другая причина тутъ должна быть сбыточною: и для войны и для расселеній?

Вмѣстѣ съ Пронскомъ, на земляхъ рязанскихъ и на сосѣднихъ съ ними земляхъ, являются также города *Дубокъ*, *Дядославль*, *Елецъ*, *Кулчетескъ*, *Любуческъ*, *Мценскъ*, *Осетръ*, *Переяславль*, сама *Рязань* (старая) и проч. Между мелкими поселеніями находимъ тоже сколки съ южныхъ селеній (Черниговскаго Княженія); такъ на-примѣръ: *Студенецъ*, *Старую Дуброву*, *Дубровяни*, *Россоха* (нынѣе урочище), *Малинищи*, *Тырновъ*, и проч. Подъ 1187 годомъ, нѣкоторые лѣтописи называютъ Пронскъ *Прымскою*, на языкѣ прослѣдковъ, овъ же: *Пронсьцъ* и *Проньцъ*.

Этимъ же 1187 годомъ еще продолжаютъ опустошенія литовскія. Видно, что тогда вражда Литвы къ Прончанамъ далеко шагнула за черты даль-

(*) См. у Карамзина къ III тому И. Г. Р. примѣч. 76. Князь Всеволодъ Юрьевичъ названъ *Гюрьевичемъ*. По каталогу А. С. Шарлева указана страна *Гюрихъ*, и проч. М.

нiя; можетъ - быть, тутъ дѣло шло о свободѣ въ пустынныхъ раздольяхъ сѣверныхъ? Съ другой стороны, одноплеменныхъ Прончанъ Рязанцевъ и Муромцевъ сильно тревожатъ воинственные натиски болгарскiе. Въ эти же дни на земли пронскiя напирали и Половцы. Сколько же было, для Руси, причинъ законныхъ основать на рязанскихъ пустыняхъ свои княжiя коловн, дѣльные крѣпости не только для земель черниговскихъ, но даже и для кiевскихъ? Бродящiе, или кочевые народы тогда не имѣли границъ своимъ кочевьямъ, они заклятыми врагами были всякой осыдлости и на *осыдлыхъ*, какъ вода въ разливъ, натекали неожиданно, почти-всегда въ толпахъ безчисленныхъ противъ *исла осыдлаго*.

Замѣтимъ еще и то, что исторiя наша указываетъ на мастерство Прончанъ ходить въ лодкахъ. Прончане умѣли гоить ихъ по Окѣ и по другимъ рѣкамъ. Не живой ли это остатокъ удалства и водоходнаго разумнiя черноморскаго, не самая ли близкая это указка на приморское происхождение народа пронскаго и князей его? Отъ Переяслава малороссiйскаго была снята (въ имени) Рокс - Аланами и *Трубезъ*, рѣка, орошающая берега нынѣшней Рязани (Переяслава Рязанскаго).

Всѣхъ знакомѣ по исторiи и всѣхъ прежде изъ Руссовъ въ это время былъ на земляхъ рязанскихъ князь Глѣбъ, сынъ Ростислава князя рязанскаго и ваяукъ Ярослава черниговскаго, перваго *находника* въ раздолья рязанскiя. По слѣдамъ дѣда своего Глѣбъ снѣло топталъ конями дѣвственныхъ земли этихъ пустынь и, ограждая себя отъ Литвы, учреждалъ на нихъ вновь и поддерживалъ шрежшiй колонiи *щитовыя*, поселенныя дѣдомъ и отцомъ его. Алани, или Рокс - Алани, одпо-

дворцы Черниговцевъ, въ этомъ случаѣ были *спорышкой* князьямъ, заводившимъ колонiи рязанскiя; большая часть этихъ Рокс-Аланъ, утѣшная отъ Чернаго Моря и непопавшая въ составъ Черниговцевъ, разлившаяся по Великой Плоской Возвышенности нынѣшней Россiи (свидѣтельствуясь горюдищами), видимо была *исла* первообытныхъ кочевыхъ жителей рязанскихъ. Итакъ въ союзъ къ этимъ Аланамъ можно было идти Черниговцамъ снѣло?

При князѣ Глѣбѣ Ростиславичѣ тогда было пять сыновъ его. Вотъ имена ихъ: Романъ, умершiй бездѣтными, Игорь, Владимiръ, Всеволодъ (или Всеволодъ) и Святославъ. Еще близкiй примѣръ св. Князя Владимiра не *одылять дѣтей одного передъ другимъ наследствомъ, оставляя каждаго, въ надѣленною ему, снѣмоуластными правителями*, былъ закономъ и для Глѣба; онъ послѣдовалъ буквально этому праву и, можетъ-быть, по обычаю древнему, какъ замѣтилъ однажды профессоръ Цѣтаетевъ о Владимiрѣ на своихъ лекцiяхъ (*) *умѣлъ сказать своимъ сынамъ: снѣцу равны ест дѣти, и мы дѣлать ихъ всѣхъ по-равну, да будутъ они снѣдиною и тою же силою, снѣоднимъ полномочiемъ правъ княжить, по древнимъ обычаямъ, братъ брату не въ указку: въ оныхъ родительскихъ меньшiй сынъ равенъ среднимъ; старшимъ среднiе и наоборотъ: старшiй равенъ меньшему, а меньшiй среднимъ.*

Такъ послѣдовалъ и Глѣбъ, странникъ черниговскiй, этому закону Владимiрову, и раздѣлялъ точно такъ же сыновъ своихъ, какъ и св. Владимiръ. Рѣка Проня съ тучными пажитями,

(*) Это было въ первый годъ возвращенiя почтеннаго Л. А. Цѣтаетева изъ-за границы; я слушалъ его *теорiю законовъ* и записывалъ все, что могъ. М.

льсами, трыбными, звѣринными доглями, и совѣсти другими близкими и дальними къ тѣмъ странамъ угодыми доставлясь двоимъ князьити, Всеволоду и Святославу. На этихъ-то угодахъ появилась *Пронскъ* и былъ щитомъ Рязани отъ Половцевъ; съ другой стороны оберегало ту же Рязань, какъ мы напомниму, древнее княженіе муромское, лѣсистое, углубленное отъ Рязани совершенно въ сѣверъ, и важное для нее защитно отъ Болгарь. Система умная!

Но упомянутого князя Гляба рязанскаго впускъ, князь Глябъ Владиміровичъ, хитрый, завистливый, жадный къ распространенію своихъ владѣній рязанскихъ, сначала мученически убитъ сына Всеволода пронскаго, князя Кирь-Миханль, а потомъ зарѣзалъ и святославовыхъ сыновей Мстислава и Ростислава. Преданіе говорило, что Кирь - Михаиль былъ столкнутъ съ крутояра въ пропасть. Этотъ крутояръ и до сего времени называется *Глѣбъица*. Карамзинъ пишетъ, что Кирь-Михаиль умерщвленъ былъ слугами Гляба *на сеймѣ въ Исадахъ*. Можетъ быть и то и другое, и можетъ быть, что съ Глѣвной Горы летѣлъ по приказанію Гляба не Кирь - Михаиль, а Мстиславъ или Ростиславъ Святославовичъ? Но Михаиль былъ всѣхъ опаснѣе для Гляба, ибо онъ былъ женатъ на Софѣ, дочери князя черниговскаго, Всеволода-Чернаго. А это привлекало въ Пронскъ связи черниговскія, а послѣ и литовскія. Софѣя, по убіеніи Михаиля, тотчасъ была спасена Черниговцами. По догадкамъ можно заключить, что Прончане всегда приверженіе были къ своему древнему отечеству Чернигову и даже къ враждовавшей съ ними старой своей сосѣдкѣ Литвѣ, нежели къ Рязанцамъ, смѣшавшимъ себя родственными связями съ Москвичами и съ

многими сосѣдними мелкими народами; а по этой-то смѣси — Рязанцы были Прончанъ, разорили пронскіе города. Такова была начальная закваска пронскихъ и рязанскихъ междоусобій.

Однакожь, князья Пронскіе, желая упрочить свою независимость, иногда связывали себя съ Рязанцами узами родства, брали за себя дочерей рязанскихъ и отдавали своихъ за Рязанцевъ, уважали великихъ князей рязанскихъ, какъ старшихъ въ родѣ, какъ своихъ великихъ. Но законный самобытный удѣлъ Пронскій губилъ всякій миръ и всякую тишину между князьями-сосѣдями. Рязанцы на пронскихъ привольяхъ хотѣли господствовать одни; малый князь удѣла обязанъ былъ почитать себя не братомъ, не союзникомъ, а рабомъ великаго. А притомъ въ Пронскѣ еще свято держались *правъ* и *обычаевъ черниговскихъ*; Рязань же отъ Чернигова требовала только однихъ начальниковъ къ паствѣ духовной, другое *все* было *свое*, получерниговское, полумосковское. И вотъ Иванъ Коротополь, князь рязанскій, злодѣйски поступилъ съ Александромъ, княземъ пронскимъ; онъ похитилъ мать его, пронскую княгиню Софю (какъ мы видѣли, княжну черниговскую) и торжественно, на площади рязанской, при глазахъ княгини Софьи, умертвилъ сына ея, сказаннаго князя Александра (*). Сынъ александровъ, князь Ярославъ, остался бѣдствующимъ, неприютнымъ; преданіе говоритъ, что *его кормили добрые люди*; но Прончане скоро помогли своему родному князю: они доставили ему союзъ съ Татарями, и вотъ, съ помощію этого союза, пронскій князь согналъ Коротопола съ трона рязанскаго, самъ сѣлъ на Рязани и отмстить

(*). Отечественныя Записки 1898. Часть XXXVI, стран. 87.

Коротополу за смерть отца своего смертию же. Такимъ-образомъ вражда между Рязанцами и Проччанами осталась вѣчною. Сынъ коротополовъ, Олегъ, самъ поддался Татарамъ и тѣмъ уже погубилъ совершенно себя и всѣ рязанскіе удѣлы потомства князей черниговскихъ, или смѣлѣе сказать: потомства князей *росс-аланскихъ*.

Дмитрій-Донской, въ отищеніе за измѣну олегову, посадилъ на престолъ рязанскій сына Ярослава Пронскаго, князя Владимира. Это возобновило опять вражды сильныя между Рязанцами и Проччанами; одинъ только сынъ Донскаго, великій князь московскій Василій Дмитріевичъ успѣлъ смирить ихъ, и сынъ Владимира Пронскаго, князь Иванъ, сидѣлъ на своемъ древнемъ тронѣ въ Пронскѣ; Рязаню же владѣлъ князь Ѳеодоръ Олеговичъ. Но силы и удачи татарскія уже обезоруживали всю мочь князей рязанскихъ и пронскихъ. Черниговцы и Литва совершенно отчуждились своихъ колонистовъ Проччанъ, въ-теченіе многихъ лѣтъ почти-незаботившихся о спасительномъ вліяніи на дѣла свои Литвы и Черниговцевъ. Два внука князь Ивановы, князь Семень и князь Андрей, предвидя гибель своего княженія, подговорили съ собою лучшихъ мужей и со всѣми ихъ и своими семействами бѣжали въ Литву. Другіе внуки того же князя и первый изъ нихъ князь Иванъ Шемяка, спасая себя, пошли въ бояре къ московскому царю Іоанну IV. Нѣкоторые же потомки князей Пронскихъ, страшась грозы этого же царя, постриглись въ монахи. Извѣстившій изъ этихъ вольныхъ, или невольныхъ отшельниковъ былъ сынъ Шемяки, князь Иванъ; онъ скончался монахомъ въ Рязанскомъ Троицкомъ Монастырѣ.

Въ прошломъ вѣкѣ не забыто еще

было преданіе у Рязанцевъ (*) о томъ, что будто-бы сама политика іоаннова требовала конечнаго уничтоженія князей Пронскихъ; *царю толковали въ смуту*, что когдѣ-де князей черниговскихъ и потомство ихъ было колыномъ въ князьяхъ русскихъ старшинъ; другіе говорили, что въ этомъ колытѣ держался духъ вольныхъ Аланъ, Черниговцевъ, пому-Литовцевъ, и доказывали, что въ каждомъ родѣ князей Пронскихъ были святыми патрономъ Михаилъ, князь черниговскій. Все это могло быть!

Многіе вспоминали и то, какъ посланные іоанновы явились въ Рязань тайно, и что, будто-бы ночью прокрались въ хоромину князя Ивана Шемяки, схватили его, прямо доставили въ монастырь и при себя же велѣли постричь. Въ бумагахъ рязанскаго помѣщика П. Андр. Кропотова (**) самое это же постриженіе рассказано анекдотически: «Князь Иванъ Шемяка» говорятъ они: «отречся всего: брака, родства съ Пронцкимъ, всякой памяти о немъ и просилъ только воли, но никакое его отреченіе не помогло ему». Тѣ же гоненія были на князя пронскаго Андрея Кураку, на князя Дмитрія Пронскаго: имъ не дозволяли даже жениться. Но на участь этихъ князей дѣйствовала сила рязанскихъ правителей, а не московскихъ. Въ думѣ рязанскихъ дворянъ, если вѣрить означеннымъ запискамъ Кропотова, Рязанецъ Коробовъ не въ тай говорилъ: *Муромъ не съ подруку, тутъ-де дѣла широкъ; онъ какъ бѣльмо на око*. Впрочемъ въ это время и Москва уже нѣтъ

(*) Записки *Кропотова*. Смот. ниже.

(**) П. А. *Кропотовъ* имѣлъ эти записки отъ преевощающаго *Сильвана* рязанскаго. Онъ былъ новы и безпорядочны; но я имѣлъ съ нихъ копію, которая у меня погибла 1819 года, въ Москвѣ. М.

ла весь верх надъ Рязанью и — какъ мы видѣли — она подрывомъ одного древняго княженія встрѣбляла другое! Послѣдній законный влаетитель пропскій, князь Василій Даниловичъ, княжилъ только именемъ, и то *въ одной своей хоромѣ*; но въ душѣ онъ уже былъ слугою царя московскаго. Тутъ правительственный родъ князей Пронскихъ не существовалъ. Самъ отецъ князь Василіевъ, князь Данило, въ 1512 году, носилъ уже имя царскаго воеводы.

Другой сынъ князя Данилы же, князь Семень Пронскій, не смѣлъ и заикнуться о своихъ предкахъ; это былъ *молчаливикъ*. Бояре іоанновы, по-обыкновенію, сторожили его и держали какъ арестанта. Но тутъ уже и со стороны самихъ Рязанцевъ для Москвы никакой опасности не было: послѣдній великій князь рязанскій Иванъ Ивановичъ захваченъ былъ въ Москвѣ, какъ плѣнникъ, и погубленъ въ крымскомъ походѣ. Оставались еще бояре Прончане-Черниговцы; они всѣ отличали себя отважною храбростію, и потому, можетъ-быть, казались Москвичамъ страшными? Въ числѣ такихъ подозрительныхъ почитали: *Калеминныхъ*, Якова, или Матвѣя *Острюго-Саблю*, Ивана *Тутгу* и нѣкоторыхъ другихъ. При дворѣ Іоанна думали, что они соединенно съ многими Рязанцами, для возстановленія своихъ княженій, могли дѣйствовать за-одно съ свѣжою Польшею и съ Литвою.

Отъ рода Пронскихъ же князей помнилъ роды князей *Сухорукихъ*, *Рыбинныхъ*, *Нелюбинныхъ*, какъ мы видѣли *Шемякинныхъ*, *Турунтаевыхъ*. Но гдѣ и эти князья? О Рыбинныхъ напоминаетъ еще на Вождь село *Рыбное*, принадлежащее нынѣ князьямъ Львовымъ. Городище предковъ князя *Рыбы* было въ селѣ *Долгомъ*. Шемякинские князь Иванъ и князь Юрій

Ивановичи, показаны по разрядамъ воеводами съ 1579 года по 1610 годъ; потомъ ихъ не стало. Одинъ изъ князей Турунтаевыхъ видѣнъ былъ въ числѣ окольничихъ при Шуйскомъ; другой, князь Михаилъ Ссменовичъ, какъ воевода, присутствовалъ въ Москвѣ при казни Лжедмитрія — *діакона Сидора*. Еліазаръ Шемякинъ, сынъ *Благовъ*, значится подъ 1590 годомъ. Изъ бумагъ Рязскаго Узднаго Архива видно, какъ онъ писалъ, *что онъ самъ-собого уклонилъ отказъ отъ титула княжескаго*. Онъ былъ при дворѣ московскомъ ясельничимъ.

Фамиліи Калеминныхъ, Остросаблинныхъ, Тутчевыхъ еще существуютъ въ числѣ дворянъ рязанскихъ.

При царѣ Іоаннѣ IV, пронскіе князья и дворяне предпочтительно себя подвергали ужасамъ московскаго правленія — печать подозрѣній царскихъ на нихъ лежала крѣпко; но, не взирая на то, Прончане служили Іоанну вѣрно. Отличія ихъ подѣ Казанью засвидѣтельствованы самимъ царемъ, листами вѣстивъ и сочиненіями *Херискова*.

Изъ Новгородскаго Лѣтописца узнаемъ, что царь Іоаннъ поручалъ князю Семену Даниловичу Пронскому *чинить управу въ Новгородѣ влѣсто себя*. 1569 года, мая 22 дня, государь самъ былъ на погребеніи пропской княгини Марьи, и проч. Тутъ преданность и заслуги князей пропскихъ неисчислимы! Въ самый годъ кончины Грознаго одинъ изъ Пронскихъ князей, Василій Константиновичъ, былъ воеводою въ Калугѣ. . .

На московскій престолъ вступилъ царь Феодоръ Іоанновичъ. Въ это время самъ князь Василій, воевода калужскій, сынъ, или братъ его (записки не поясняютъ) близко держалъ дружбу съ бояриномъ Никитою Романовичемъ Юрьевымъ-Романовымъ. Ва-

самой. Пронскій почталь его родичемъ. Россія грозилъ страшными проношествами. Юрьевъ былъ политикъ, но политика его молчала; не слышно было и Пронскихъ. Въ Рязани о нихъ молились...

При избраніи на престолъ Михаила — вѣсть съ Феодоритомъ, большое участие принимали въ Рязанцы, гдѣ въ числѣ главныхъ лицъ оказываются и князья Пронскіе.

Въ царствованіе Царя Алексія Михайловича, также, являютя и при немъ въ ближнихъ боярахъ князь Петръ Ивановичъ, князь Иванъ Петровичъ и князь Михаилъ Петровичъ Пронскіе; князь Иванъ скончался уже по рожденіи Петра-Великаго.

Говорятъ, что царственная фамилія Романовыхъ помнила добро ихъ. Они, какъ потомки Владимира, какъ Руссы-Черинговцы, участвовали въ избраніи Михаила: ихъ голоса были за Романовыхъ, ихъ же голосъ былъ и въ Лявѣ и въ Польшѣ при избраніи Царя Алексія на Королевство Польское и Княжество Литовское; тамъ они еще имѣли родовыя связи.

Одна изъ сестеръ князя Михаила Петровича Пронскаго была въ супружествѣ за однимъ изъ Шотландцевъ, приввѣвшихъ съ Брюсомъ, и окончила жизнь въ Лѣсахъ Муромскихъ. Объ этомъ мы расскажемъ въ другихъ хроникахъ.

Древнѣйшія княгини и княжны Пронскія лежатъ въ Пронскѣ въ церкви Воскресенія Спауцкихъ, что въ Слободѣ Плотной. На мѣстѣ этой церкви былъ вѣога дѣвичій монастырь. Плотная Слобода получила себя имя отъ плотовъ, которые туго сколачивались для плаванія по рѣкамъ; къ этимъ плотамъ добавлялись еще дубы, долбленные лодки, или челны изъ дуба, которые и теперь еще употребляютъ на рѣкахъ разам-

скихъ. Плотыи дубы не составляли также и всей древней флотиліи рѣк-аланской на Русскомъ Морѣ?

Въ колокольнѣ Церкви Воскресенія сохранилось еще древнее *било*, замѣнявшее колокола, и служившее, при необычномъ времени, вѣстникомъ къ собору. Я увѣренъ, что это было неподдѣльный остатокъ отъ глубокой древности пронской. Еслибъ могло говорить это било, оно бы намъ рассказало всѣ любопытнѣйшія дѣянія князей Пронскихъ.

Но вотъ великая фамилія ихъ слажена съ лица земли!...

М. К. Р. вѣ.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ РАСТЕНІЯ ЧИЛІЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, САНДВИЧЕВЫХЪ ОСТРОВОВЪ, И ПРОЧ. — (*) Южная часть Чилійской (или Хилійской) Республики, имен-но города Вальпарайзо и С. Яго (въ 33° южной широты), какъ мѣста лежащая совершенно внѣ границъ тропиковъ, совсѣмъ не имѣютъ собственно тропическихъ растений. Вся тамошняя земледѣльческая промышленность ограничивается однимъ только съніемъ пшеницы, въ весьма-большемъ объемѣ, и по большой плодородности почвы съ большимъ успѣхомъ. Главнѣйшіе сорта тамошней пшеницы суть слѣдующіе:

Trigo blanco, бѣлая пшеница; она даетъ самую лучшую бѣлую муку, имѣетъ колосья съ остями, невысоко растетъ въ солому и требуетъ, сравнительно съ прочими сортами, освѣпненно-хорошей глинистой почвы. *Trigo candidal*, желтая пшеница, имѣетъ очень-крупное зерно, высокую солому,

(*) Эти свѣдѣнія собраны на мѣстѣ соотечественникомъ нашимъ, г. барономъ Гейклингомъ; а всѣ образцы съменъ, упоминаемые въ сей статьѣ, представлены имъ въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. Ред.

даетъ муку гораздо-крупнѣе, черноватѣе перваго сорта, но за-то съ успѣхомъ можетъ быть съяна на всякой почвѣ, и всегда вознаграждаетъ изобильными жатвами, даже и въ такіе годы, когда пшеница перваго сорта плохо растетъ. (Въ цѣнѣ тоже бываетъ разниа между обоими сортами: въ мое время первый сортъ стоилъ около $2\frac{1}{4}$ піастр. (15 руб. 75 коп.), за мѣру въ 170 фунтовъ, а желтая пшеница только около 2 піастр. (10 руб.).— Третій сортъ пшеницы до-сихъ-поръ и въ самомъ Чили довольно-рѣдокъ, и отъ-того гораздо дороже: *Trigo de 7 cabegas o de milazro*, семиголовная или чудная пшеница, имѣетъ на одномъ стеблѣ 7 колосьевъ и отъ-того даетъ зеренъ почти-неменьше турецкой пшеницы (кукурузы). Есть еще другой, и какъ меня увѣряли, весьма рѣдкій сортъ пшеницы *Trigo blanco Cuiano*; онъ имѣетъ зерно очень малое и отличается особенною бѣлизною муки. Изъ Вальпарайзо чаще всего суда возвращаются въ Гамбургъ прямо, нигде не заходятъ и въ моръ бываютъ не болѣе 100—120 дней. Въ-продолженіи сего времени и даже въ 150 дней, очень-возможно было по-крайней-мѣрѣ небольшое количество пшеницы (какъ 10—20 пудовъ), сохранить на кораблѣ невредимо, такъ, чтобъ зерна не испортились во время переезда, и въ тотъ же годъ могли быть поставы въ Россіи. — Точныя свѣдѣнія о наблюденіяхъ термометрическихъ и явленіяхъ метеорологическихъ не могъ я получить ни отъ кого, и только вообще могъ узнать, что среднюю температуру этой части Чили можно принимать около 15° R. Даже въ Рио-Жанейро меня увѣряли, что никто тамъ этихъ не занимается; а опять узналъ только, что тутъ принимается средняя температура въ 19° R.

Въ селеніи Россійско-Американской

Компаніи Россъ, въ Верхней Калифорніи (38° северной широты), гдѣ мнѣ случилось быть въ августъ 1838 года, подтвердили мнѣ все выше-сказанное на-счетъ двухъ первыхъ сортовъ чилийской пшеницы, которые привезены были туда въ 1837 году, съяны тамъ и очень-хорошо родились. Я не лишнѣе почелъ и изъ этого мѣста взять съ собою означенные два сорта. Кромѣ-того, отсюда же взяты мною *колосъ мѣксика* и *калифориска* пшеница. Первая отличается особенною бѣлизною, имѣетъ колосъ голый безъ остей и родится почти самъ-двадцать-пять, а второй сортъ, который родится почти самъ-пятьдесятъ, имѣетъ то преимущество, что зерно его чрезвычайно крѣпко сидитъ въ колосѣ, и отъ-того при перевозѣ съ поля не столько высыпается и теряется, какъ у прочихъ сортовъ пшеницы. Въсѣхъ обихъ сортовъ—два фунта.

Ячмень небесный имѣетъ колосъ голый, двухгранный, большое бѣлое зерно, такъ-что крупа или мука довольно-желтовата и можетъ замѣнять пшеницу. Другой сортъ ячменя, *еммалайскій*, имѣетъ тоже голый колосъ, зерно кофейнаго цвѣта, раждается часто самъ-сорокъ и имѣетъ въса два фунта. Два года сряду были дѣланы въ Россѣ наблюденія на термометру и барометру, только выводы изъ нихъ остались безъ всякой пользы и практическаго примѣненія, именно отъ-того, что эти наблюденія сдѣланы въ самомъ селеніи Россъ, которое находится на самомъ морскомъ берегу, гдѣ почти-безпрестанно бываютъ сильныя вѣтры съ моря, туманы и большая сырость атмосферы, между-тѣмъ, какъ всѣ пашни находятся въ болѣе-возвышенныхъ мѣстахъ, и самыя плодородныя за первымъ рядомъ горъ, гдѣ какъ температура разнится нѣсколькими градусами, такъ и вообще

совершенно-иной климатъ, чѣмъ нѣскольکو сотъ футовъ ниже, въ разстояніи полуверсты, на самомъ берегу моря.— Въ случаѣ, еслибъ долгіи пяти-мѣсячный морской переходъ при перевозѣ хлѣбныхъ зеренъ изъ Чили въ Россію оказался вреденъ для нихъ (что однакожъ почти нельзя предполагать), то можно было бы по-крайней-мѣрѣ эти два сорта чилийской пшеницы, бѣлую и желтую, привести въ Россію изъ Калифорніи черезъ Новоархангельскъ и Охотскъ; по этому пути переходъ моремъ продолжался бы не болѣе 60 дней.— Изъ деревъ и прочихъ общепользныхъ растений въ этой части Калифорніи ничего нѣтъ такого, чего не было бы уже въ разныхъ мѣстахъ Южной Россіи; конечно, еще менѣе можно ожидать чего-нибудь изъ растений въ главномъ мѣстѣ русскихъ колоній, на островѣ Ситлѣ, подѣ 58° сѣверной широты.

На Сандвичевыхъ Островахъ, которые находятся на самомъ рубежѣ сѣвернаго тропика, хозяйственныхъ растений, какъ и во всѣхъ, собственно тропическихъ мѣстахъ, совсѣмъ не бываетъ, а мѣсто ихъ занимаютъ, въ видѣ общенародной пищи, разныя корнеплодные растенія, именно три рода *Taro* (*Agum esculentum*); *Sweet potatoes*, сладкій картофель (*Convolvulus Chrysofilus*) и *Arrow Root* (*Mangnatha Arumdinacia*). Имѣвъ на суднѣ одно только удобное для помѣщенія мѣсто съ своей каютѣ, я могъ привести съ собою весьма-немного экземпляровъ каждаго изъ этихъ трехъ растений — въ ящикахъ, наполненныхъ землею. Къ-несчастью (что впрочемъ мнѣ предсказывали); первое изъ нихъ, таро, черезъ двѣ недѣли по выходѣ моемъ въ море стало портиться; касательно же остальныхъ двухъ еще есть надежда, что они могутъ быть успешно пересаживаемы въ такомъ состояніи. Не болѣе счастливъ я былъ

и относительно нѣкоторыхъ ящико́въ съ живыми молодыми деревьями, которыя (еслибъ можно было пересаживать ихъ въ Россію), оказали бы особенную пользу; именно *Kukui Oilthee* и *Linnentree*. Первое изъ нихъ доставляетъ известное *Kukui Oil*, которое совершенно замѣняетъ оливу, и составляетъ важную статью вывозной торговли для Сандвичевыхъ Острововъ; а другое доставляетъ внутреннюю часть своей коры прекрасный матеріалъ для разныхъ издѣлій не хуже обыкновеннаго льна, и особенно годно для канатовъ и веревокъ. Невозможность охранять ихъ именно у Мыса Горна отъ холода и даже отъ соленой воды, была причиною, что я ни одного изъ этихъ деревьевъ не могъ довести живымъ по эту сторону Америки. Въ это время года невозможно было достать сѣмянъ отъ этихъ двухъ сортовъ деревьевъ, равно какъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ, которые доставляютъ отличный строевой лѣсъ, годный и для другихъ подѣлокъ, и которыми Сандвичевы Острова изобилуютъ. Впрочемъ, какія бы удобства для перевоза ни представляло самое судно, сильнѣйшее неудобство будетъ представлять самый переходъ моремъ, изъ Сандвичевыхъ Острововъ въ Россію; этотъ переходъ не можетъ быть короче 6—7 мѣсяцевъ, и отъ-того, если въ-послѣдствіи пришлось бы выписывать оттуда какіа-нибудь сѣмена или живыя растенія, то гораздо-удобнѣе было бы высылать ихъ въ Ново-Архангельскъ или Петропавловскъ, куда почти-ежегодно приходитъ судно изъ Сандвичевыхъ Острововъ, а оттуда въ Охотскъ и далѣе сухимъ путемъ черезъ Сибирь.

Хотя въ Южной Россіи, именно въ Закавказскомъ Краю уже есть и *Хлопчатникъ* и дерево *Ricinus copatini* (*palma christi*), изъ котораго добывается известное касторовое масло, *oleum Ricini* (*castor oil*), однако а въ

лишними считалъ достать нѣсколько и того и другого, потому-что хлопчатая бумага, у насъ находившаяся, по-большей-части самаго простаго качества (См. Обзор. Росс. влад. за Кавказ. изд. по Высоч. соизвол. I, стр. 51), а эти сѣмена самой длинно-волокинистой хлопчатой бумаги; равномерно и приведенныя мною сѣмена *Ricini* отличной породы, дающей много масла. По моему мнѣнію, и особенно-важныя для государства народнаго со-временемъ могло бы сдѣлаться разведеніе хлопчатой бумаги именно этихъ лучшихъ сортовъ, которыхъ нынѣ ежегодно огромное количество должно быть привозимо изъ-за границы. Опытномъ доказано, какъ много способствуетъ разведенію хлопчатника и прочихъ тропическихъ растений Закавказскій Край, и преимущественно нѣкоторыя части его, какъ примѣръ островъ Сальянъ, въ Ширванской Провинціи, и равнина Тальянская съ Муганскою Степью, въ 38° широты, и наконецъ еще равнина Куринская. Равнымъ-образомъ и разведеніе этого *Rapum communis* представляеть, кромѣ масла, выдавливаемого изъ сѣменъ его, еще другую важную выгоду, именно для Закавказскаго Края: во многихъ частяхъ Бенгаліи, листья

этого дерева употребляются въ видѣ исключительнаго корма для шелко-вѣчныхъ червей, отъ которыхъ шелкъ выдетъ особенныя хорошія качества; притомъ же разведеніе этихъ деревьевъ требуетъ гораздо-менше заботы и попеченія, нежели обыкновенныя тутовыя деревья (См. *Oriental commerce by Will. Milburn Esq.*)

Я вывезъ также сѣмена особеннаго рода тыква, который, сколько я могъ узнать, до-сихъ-поръ нигдѣ въ Россіи не разводится (*Great American gourd, Flaschen-Kürbiss*); они имѣютъ именно то преимущество предъ обыкновенными сѣменами, что чрезвычайно-долго держатся (60 дней и болѣе), между-тѣмъ, какъ прочія уже черезъ нѣсколько дней портятся. Наконецъ я взялъ съ собою еще сѣмена особеннаго сорта капусты, привезенной изъ Китая и извѣстной на Сандвичевыхъ Островахъ подъ названіемъ *китайской капусты*.

Нѣсколько лѣтъ пребывающій на Сандвичевыхъ Островахъ докторъ Рукъ сообщилъ мнѣ свои метеорологическія наблюденія надъ термометромъ и барометромъ въ-теченіе послѣдняго года съ іюля 1837 по іюль 1838 года, которыя дають слѣдующій результатъ.

Баром.

Термом. Фаренг.

Погода.

	Баром.		Термом. Фаренг.			Погода.		
	Maxim.	Minim.	Max.	Minim.	Med.	Ясн.	Дожд.	Пер.
1837. іюль	30,185	30,045	84	75	79 ^u	21	7	3
— авг.	30,145	30,055	84	75	79 ^u	22	3	6
— сент.	30,175	30,005	85	75	80 ^o	29	1	0
— окт.	30,205	30,025	83	71	77 ^o	28	1	2
— нояб.	30,225	29,905	81	69	75 ^o	18	8	1/4
— дек.	30,235	29,925	79	66	72 ^u	27	1	5
1838. янв.	30,185	29,965	78	68	73 ^o	25	3	3
— февр.	30,165	29,855	78	68	73 ^o	18	6	4
— мартъ	30,193	29,950	81	69	75 ^o	21	4	6
— апрѣль	30,215	30,015	80	68	74 ^u	27	1	2
— май	30,245	30,005	83	71	77 ^o	28	1	2
— іюнь	30,175	29,925	84	73	78 ^u	17	3	10
Сред. всего года	30,191	29,958	82	70	77 ^u	281	39	45

Рсом. 22, 22—16, 88—20, 13.

Нѣсколько иной результатъ представляется при общемъ сравненіи послѣднихъ 10 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ замѣчена была самая большая высота термометра (88°) и самая низкая (48°); такъ среднюю температуру должно было бы принимать 68° Фаренг. или 16° R. А на островахъ Сальвантъ можно принимать среднюю температуру 15° R. (Обозр. Закавказ. Кр. стр. 40); это еще болѣе можетъ поддѣржать мнѣніе, что въ крайней-мѣрѣ нѣкоторые мѣста Закавказскаго Края способны къ разведенію тропическихъ растений. Тотъ же докторъ Рукъ далъ мнѣ адресъ своего агента въ Лондонѣ (John Cole Esq. 101' High Holborn London), чрезъ котораго, въ случаѣ необходимости прямого сообщенія съ Сандвичевыми Островами, можно было бы свестись черезъ него. Во время послѣдняго моего пребыванія въ Рио-Жанейро, удалось мнѣ приобрести нѣкоторое количество сѣменъ разныхъ фруктовыхъ деревьевъ; имена, подъ которыми они такъ известны, слѣдующія: *Caju*, *Conti*, *Maracujas*, *Bacutas*, *Mangas* (*Mangifera Indica*), *Java*. По-несчастью, продавецъ этихъ сѣменъ не могъ мнѣ сообщить ни ботаническихъ именъ этихъ деревьевъ, ни особенныхъ какихъ-нибудь свѣдѣній о томъ, въ какой почвѣ они преимущественно растутъ.

Вывезены мною также и чайныя сѣмена. Еще въ 1816 году были сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ Бразиліи опыты надъ обработываніемъ этого полезнаго растенія и съ довольно-большимъ успѣхомъ, именно въ мѣстахъ, находящихся нѣсколько южнѣе самого Рио-Жанейро; вообще чайное дерево, хотя требуетъ, можетъ-быть, особеннаго вниманія и ухода при обработываніи и обдѣлкѣ самого чая, по совѣтѣмъ не такъ жаркаго климата, какъ въ Китаѣ (гдѣ, впрочемъ, иногда термометръ

показываетъ точку замерзанія). Если действительно этотъ опытъ разводять въ южныхъ частяхъ Закавказскаго Края чайную плантацію оказался бы удачнымъ; что впрочемъ очень-возможно и даже вѣроятно, то это можно было бы почитать за весьма-важное дѣло и даже за благодѣяніе для простаго народа, которому привозимый изъ Китая чай, небывающій дешевле 5 руб. даже въ самомъ Иркутскѣ, почти-недоступенъ. Чайныя сѣмена садятся глубиной около 3 — 4 дюймовъ, и на третій годъ можетъ быть собираемо съ дерева уже множество листьевъ. Почва каменистая предпочитается всякой другой. Если однакожъ сдѣлать этотъ опытъ въ Закавказскомъ Краю, на нѣсколько-большомъ масштабѣ, то почти-необходимо будетъ выписать нѣсколько Китайцевъ, знакомыхъ съ этимъ промысломъ: это самое сдѣлано было и въ Бразиліи.

Остается прибавить еще одно замѣчаніе. Много, и, можно сказать, большая часть тропическихъ общепользныхъ растений находится уже давно въ Парижѣ въ известномъ *Jardin des plantes*, и въ Лондонѣ въ *Botanical Garden*; кроме неудобства отъ рѣдкаго свѣщенія, въ которомъ Россія до-сихъ-поръ находится съ заморскими тропическими мѣстами, и другаго неудобства отъ большаго разстоянія и долговременнаго морскаго перехода, оказалась бы предпочтительнымъ доставленіе такихъ растений не прямо изъ тропическихъ краевъ, а изъ одного или двухъ упомянутыхъ мѣстъ, ибо растенія, уже давно-вывезенныя изъ тропической родины и привыкшія уже болѣе или менѣе къ другому менѣе-жаркому климату, гораздо-легче и съ меньшимъ рискомъ могли бы быть пересажены въ новое мѣсто, нежели тѣ, которыя вывозятся прямо изъ тропиковъ.

Баронъ А. Гейккингъ.

**АРМЯНСКАЯ СВАДЬБА ВЪ КОН-
СТАТИНОПОЛѢ.** (*Изъ письма къ
редактору Отеч. Замѣтокъ.*) — . . . Я
звалъ былъ въ посаженные отцы ар-
мянскимъ священникомъ къ Армянцу
Ованнису, моему турецкому учителю.
Надобно замѣтить, что у Армянъ по-
саженными отцами (кынга хайръ) мо-
гутъ быть не только неженатые, но
часто случается, что эту обязанность
берутъ на себя безбородые юноши.
Весьма-благоразумно удержался я то-
часъ дать свое согласіе, пожелавъ
прежде вывѣдать какія издержки пред-
стоятъ кынга хайру. Священникъ рас-
счелъ мнѣ ихъ по пальцамъ, прибавивъ,
что это вещь условная и что всякій
издерживаетъ по состоянію: бѣдному
обходится честь сія не менѣе 500, а
богатымъ до двухъ и до пяти тысячъ
піастровъ. Я не хотѣлъ осрамить го-
ловы своей, ставъ на ряду съ первыми,
а такъ-какъ съ богачами тягаться мнѣ
не подъ-силу, то и рѣшился отказаться,
но отвѣтъ обещалъ ему дать че-
резъ три дни, чтобы не обнаружить
истинной причины отказа. Старый
священникъ человекъ весьма-умный
и опытный; онъ, кажется, тогда же
отгадалъ причину, но не давая этого
замѣтить, просилъ меня нисколько не
женироваться. «Мы ищемъ только»
сказалъ онъ: «какъ бы угодить вамъ и
вовсе не желаемъ васъ стѣснять». Ко-
гда священникъ, приглашавшій меня,
ушелъ, я досталъ изъ моего большого
накета съ надписью «Paparagia» рос-
кошную бумажку, сложенную въ 16-ю
долю листа и причудливо разукрашен-
ную золотыми узорами, бумажку, наз-
наченную французскою утонченною
изобретательностью пламениному перу
любви и начерталъ на ней длинными
камышемъ персидскіе стихи, которые
я передѣлалъ для поздравленія Ован-
неса (жениха) изъ стиховъ, взятыхъ
мною въ извѣстной пылпасовой басни

«Два Голубя», когда одинъ изъ нихъ
говоритъ своему улетающему другу,
влекому неодолимою страстью къ
странствованію: «Другъ мой, ты пу-
скаешься въ путь! Да сопутствуютъ
тебѣ любовь и милость Божія; а лю-
бовь и благосклонность людей муд-
рыхъ и опытныхъ да будутъ предво-
дителями каравана! Я написалъ: «О
другъ, заключающій узы брака! Да
будутъ съ тобою неразлучны любовь
и милость Божія, и да сопутствуетъ
тебѣ до послѣдней ночи твоей новый
годъ блаженства супружескаго. — А
внучу прибавилъ по-турецки: «поздра-
вляю ходжа Ованнеса». Едва я кон-
чилъ это удивительное поздравленіе,
какъ ходжа вошелъ въ комнату, а въ-
слѣдъ за нимъ мой человекъ съ до-
кладомъ, что лошадь готова и что ме-
ня ждутъ. (Мы должны были ѣхать съ
нѣсколькими дамами въ верхамъ во-
кругъ константинопольскихъ стѣнъ).
Физиономія моего учителя распусти-
лась, когда я поднесъ ему золотую бу-
мажку, прибавивъ на словахъ всевоз-
можныя пріятствія, какія только я
зналъ на турецкомъ языкѣ. Отказъ
мой быть посаженнымъ отцомъ ни-
сколько не нарушилъ нашихъ дру-
жескихъ отношеній съ Ованнесомъ, и
я былъ прошенъ на свадьбу. Она дол-
жна была начаться въ субботу. На
этой недѣлѣ еще два раза былъ у ме-
ня ходжа Ованнесъ и, разумется, лек-
ціи гани прошли въ разговорахъ. Онъ
рассказывалъ мнѣ, какъ онъ не ду-
малъ, не гадалъ о женитьбѣ, какъ его
къ тому принуждаютъ старшія сестры
и требуютъ совершенія брака до не-
ликаго поста, какъ это стѣсняетъ его
обстоятельства, и какъ онъ рѣшился
исполнить ихъ желаніе, — главное, въ
угожденіе престарѣлой матери своей,
и проч. Я желалъ знать подробности
о его невѣствѣ и спросилъ, видѣлъ ли
онъ ее. Онъ мнѣ сказалъ, что большая

часть жениховъ незнакома съ невѣстами; но что онъ свою вѣдьмъ часто въ домъ ея отца и своей матери. Ей 14 лѣтъ; она хороша собою, благоправна. Ее зовуть Сяндухтъ:—тяжеловѣннѣя, и потому ходжа хочетъ поженить его, тѣмъ болѣе, что оно еще потяжелѣетъ, когда прибавятъ къ нему необходимую кличку всѣхъ замужнихъ женщинъ и пожилыхъ двушекъ: *дуду*, что значить «госпожа». Сяндухтъ-дуду!.. Это въ-самомъ-дѣлѣ тяжеловаго. Онъ совѣтовался о выборѣ имени, но я, мало-знакомый съ армянскими календаремъ, былъ худой совѣтникъ: онъ мнѣ наконецъ объявилъ, что уже придумалъ имечко довольно-гармоническое; это Теберъ-дуду. Не знаю, какая святая была Теберъ, знаю только, что въ персидскомъ переводѣ имя сіе значить «госпожа-топоръ». Немного позвѣн, и самъ ходжа въ этомъ сознался, да нечего дѣлать! Онъ прибавилъ, что ему не позволяютъ теперь сидѣть отъ невѣстой и даже гоняють изъ дома священника. Вотъ обычай диаметральнаго - противоположнѣя нашего. Я ему разсказывалъ, какъ у насъ самымъ счастливымъ, самымъ блаженнымъ временемъ почитаются минуты, пролетающія со времени обрученія по день овертенія брака; какъ у насъ это предисловіе къ супружеской жизни съ упоеніемъ проводится двумя обрученными, Ованнесь щелкнулъ языкомъ, закрылъ глаза, поднялъ брови и пожалъ плечами. Это здѣсь знакъ отрицательный. Здѣсь совсѣмъ-иначе. Обрученныя разлучаютъ, какъ-бы изъ болзни. Тутъ-то объясняется сущность европейскихъ и азиатскихъ браковъ. У насъ берутъ жену какъ друга, у нихъ какъ любовницу; у насъ жена госпожа, у нихъ она служанка...

Въ субботу, въ шесть часовъ, отправился я въ сопровожденія моего Сан-

чо-пансы въ домъ къ ходжа Ованнесеу. Дорогой взялъ я въ кондитерской корзину конфетъ и вручилъ по приходѣ жениху. Ходжа встрѣтилъ меня на лестницѣ; я на-салу узналъ его поодъ его двумя шубами. Турецкая музыка, которой завыванье оглушило меня еще при поворотѣ въ нѣхъ крошечной переулочкѣ, съ трудомъ позволила намъ разслушать обоюдныя привѣтствія. За руку ввелъ онъ меня въ небольшую комнату, гдѣ на диванахъ засядало все общество.

Увидѣвъ меня, всѣ встали, не сходя на полъ. Музыка умолкла. Послѣ необходимыхъ привѣтствій, состоящихъ въ безмолвномъ прикладываніи правой руки къ сердцу, а потомъ ко лбу (и это съ особеннымъ проворствомъ), меня усадили на почетное мѣсто къ окну. Мужчины снова поджали ноги. Женщинъ я долженъ былъ просить особеннымъ знакомъ, чтобы онѣ сдѣлали то же, безъ чего онѣ не смѣли бы присѣсть до утра. Женщинъ было, кажется, болѣе пятнадцати; мужчинъ столько же и даже меньше. Ходжа Ованнесь представлялъ меня матери, недвижно-сидѣвшей въ углу и едва-говорившей отъ старости. Впрочемъ, высокой станъ ея вовсе не сгорбленъ; голова поднята, видъ важень и чрезвычайно-замѣчательнъ; она крива; но этотъ недостатокъ не безобразитъ ея. Потомъ представилъ онъ мнѣ двухъ сестеръ. Обѣ высокія старухи, въ живописномъ нарядѣ, напоминаящемъ библейскій міръ. Съ важною сидѣли онѣ на диванахъ, дымя длинными трубками. Во время сей рекомендаціи, обѣ онѣ снова привѣтствовали меня условнымъ знакомъ рукою. Послѣ того ходжа представилъ мнѣ возлѣ меня сидѣвшаго родственника его саррама (банкира) средней руки; далѣе сестриныхъ мужей. За тѣмъ сталъ я разсматривать женщинъ, а ходжа толковалъ

миѣ степени своего родства съ ними. Четыре изъ нихъ были молоды и недурны, и двѣ сестры, одѣтыя со всею изысканностию турецкой моды, съ брилліантовыми перстнями и эретами на головѣ. Миѣ подали съ торжествомъ трубку. Одна изъ двѣхъ, одѣтая во вкусъ перотской франкской моды, поднесла миѣ амберіе (лякеръ); другая сахарнаго печенья. Я выпилъ, и со всѣхъ сторонъ послышались на меня *афителеръ олсунъ* (на здоровье!), сопровождаемое знаками рукою. А мать Ованнеса проворчала нагнувшись въ мою сторону: *даросъ башенниза*, что значитъ: «желаю и вамъ жениться». За симъ выступилъ на середину саомытый кафеджи (Армянинъ изъ кофейной), съ своею огромною черною тыквою на головѣ, въ бѣломъ передникѣ, и съ важностию, приличной его званію, поднесъ миѣ финджавъ (чашечку) кофе. Эти кафеджи играютъ здѣсь роль нашихъ официантовъ: ихъ нанимаютъ на свадьбы и праздники для подчиванія гостей трубками и кофеемъ. Послѣ сихъ церемоній поданъ былъ знакъ, и музыка снова загомонила. Съ важностию, куря трубку, я оклепнулъ взоромъ все собраніе и оставилъ его на очаровательномъ костюмѣ и другихъ прелестяхъ двухъ сестрицъ; и съ-тѣхъ-поръ во весь вечеръ не сводилъ глазъ оттуда. Сарраѣ, мой сосѣдъ и мужъ старшей изъ хорошенекихъ сестеръ, долгомъ почелъ заниматься меня, разумѣется, на турецкомъ діалектѣ и деботировалъ измѣненіемъ жолчи на турецкое правительство, въ-слѣдствіе появившагося за нѣскольکو дней хаттишерифа, уничтожающаго сословіе сарраѣовъ и тѣмъ, разумѣется, нацѣсшаго громовый ударъ промышленности турецкихъ Армянъ. Куда пріютятся теперь огромныя капиталы цареградскихъ базаровъ? Гдѣ найдутъ они пищу и развитіе? Самая

надежная пружина обогащенія и силы Армянъ въ здѣшнемъ краю подорвана невозвратво. Нѣтъ сомнѣнія, что ловкій и оборотливый умъ ихъ не затруднится въ отысканіи новыхъ средствъ; *Бошъ!* (пустое) говорятъ они: «всѣ эти нововведенія и улучшенія Турковъ. Одного подражанія мало: надо на это умъ; а его нѣтъ у нихъ. Цель-то, быть-можетъ, и хороша, да дорогѣ-то они не знаютъ, какъ дойти до нея. Одинъ бредѣтъ по одной; другой по другой дорогѣ; согласія нѣтъ, и выходитъ путаница... Бошъ! бошъ!» И дополнительные жесты руками и выразительныя гримасы договариваютъ у нихъ остальное. «Вотъ еслибы еще пожить покойный Махмудъ; такъ бы дѣло другое! разсуждалъ мой экс-сарраѣ. «Онъ ни одного сарраѣа не тронулъ волоскомъ. Какая разница! посмотрѣли бы вы на его любимца, покойнаго Каззабъ-Арутина. Это былъ не сарраѣ, а вельможа, которому подобнаго въ знатности, силѣ и богатствѣ, я думаю, не бывало ни въ какомъ государствѣ. Клевета, наговоры, всевозможныя сплетни общими силами пытались сбить его съ ногъ; но Махмудъ смѣлся надъ ихъ усиліями и шутя уничтожалъ козни недоброжелателей Арутина. Когда они со злобою иногда спрашивали султана, извѣстно ли ему, какъ велики суммы, издерживаемыя ежегодно его любимцемъ отъ казны государственной, султанъ, разсѣянно глядя въ окно, отвѣчалъ: «знаю, знаю; нѣсколько десятковъ мильйоновъ; за то бѣдные благословляютъ его имя—вотъ отвѣтъ, достойный всякаго государя! И алоба, шипя, закусилъ губы. Знаменитый сарраѣ безъ доклада входилъ во всякое время въ самую спальню султана, и даже двери блистательнаго гарема ему были открыты... Султанъ, не читая, подписывалъ бумаги, подаваемыя ему Арутиномъ, и иногда, на другой уже день, спрашивалъ о

содержаніи ихъ. Скучно ли Махмуду: онъ, бывало, посылаетъ за своимъ любезнымъ Арутипомъ, и не было просьбы, въ которой бы онъ отказалъ ему. За то и смерть любимца, случившаяся за четыре года до кончины Махмуда, поразила султана необыкновеннымъ образомъ. Во время похоронъ, онъ приказалъ лодкѣ, въ которой везли Каззаба, вхвать мимо своего беглербейскаго дворца, и когда лодка поравнялась съ окномъ, у котораго сидѣлъ онъ, — печальный Махмудъ махнулъ платкомъ и харонъ причалилъ къ самымъ стѣнамъ Серали. Султанъ наклонился изъ окна, чтобы послѣдній рзъ взглянуть на открытое, но безжизненное лицо любимца и, говорить, уронилъ на него нѣсколько слезъ. О! то ли было время! . . . Такъ говорилъ мой сосѣдъ, повертывая пальцами и глазами; а я слушалъ и не слушалъ его, разсвѣнно бросая мои полурасширѣныя мысли и замѣчавъ въ отвѣтъ на мудрствованія сосѣда. Винманіе мое, нарушая всѣ приличія, блуждало по другимъ предметамъ. Черныя глаза и черныя брови, бѣлыя лица и бѣлыя шейки, картинный нарядъ и картинныя позы монхъ *vis-à-vis* манили взоры и мысли мои. А между тѣмъ мой слухъ съ упрямствомъ добивался толка въ шумномъ пирѣзвукѣ турецкой музыки и пѣсни. Признаюсь, взоры были счастливые слуха: первымъ досталась на долю гармонія и стало-быть наслажденіе; второму безобразіе, и стало-быть, отвращеніе и досада. И въ-самомъ-дѣлѣ, что можетъ быть лучше прекрасной и парадной Азіатки, и убійственныя варварской, бессмысленной азіатской музыки? О послѣдней былъ я другаго мнѣнія въ Грузіи. Тамъшніе сазандары знаютъ болѣе толка въ ремеслѣ своемъ. Когда подѣ аккорды то тихіе, то веселые чунаура (грузинской балабайки) и съ аккомпанементомъ звучной дайры (бубенъ) за-

лется татарская или грузинская ашкреоптическая пѣсня Чавчавадзе, — вы слышите, вы ослзаете мотивъ, да же не понимая значенія словъ чуждаго вамъ языка. Не смотря на дикую модуляцію, на страшные переходы персливы ея, ваше ухо не чуждается ихъ, напротивъ, привыкаетъ къ нимъ, дружится съ ними: Кто слышалъ престелный французскій кадрилъ, составленный лѣтъ пятнадцать тому назадъ Соколовскимъ изъ татарскихъ и грузинскихъ пѣсень, тотъ согласится со мною. Мотивы всѣхъ пяти фигуръ разные; каждая фигура составлена изъ особой пѣсни. Сколько въ нихъ смысла, жизни, игры! сколько гибкости и граціи! Прошу теперь составить кадрилъ изъ турецкихъ пѣсень, и потомъ танцовать подѣ эту музыку! Во многихъ отношеніяхъ я Тнѣлису отдалъ бы палыму противъ Цареграда; разумѣется, я говорю только о туземныхъ особенностяхъ. Такъ, бани турецкія, не смотря на свое великолѣпіе и опрятность, на свой мраморъ, па кейфъ, должны уступить въ пріятности тнѣлискимъ банямъ. Я всегда со вздохомъ вспоминаю о нихъ, возлѣгая на пышныхъ подушкахъ здѣшнихъ банъ и дымя великолѣпный лутаръ безконечной трубки, или журчащій кальянъ. Но объ этой статьѣ я поговорю въ свое время. Самая группировка и постройка домовъ въ столицѣ закавказской несравненно картиннѣ здѣшнихъ... О музыкѣ я уже говорилъ. Возьмемъ теперь женщину... Да, и... во впрочемъ цѣлому міру известна красота Грузинокъ. И самый нарядъ ихъ, хотя не такъ живопвсень, какъ нарядъ Турчанокъ, не такъ пышно драпруется около ихъ тѣла; за то Грузинка одѣта легче, воздушнѣе и стройнѣе станъ ея не скрытъ подѣ огромною тяжелою шалью, которою Турчанки ополосываются. Мнѣ сказали, что я не

видѣть адмиральскихъ красавицъ, не слышать здѣшной хорошей музыки и пѣнцовъ. Первое я допускаю; но въ существованіи второй рѣшительно сомниваюсь. Въ обществѣ, которое подвергалось тогда моимъ наблюденіямъ, были двѣ женщины, одѣтыя по французской модѣ: въ вѣмецкомъ шелковомъ платьѣ и обуви, и въ греческомъ беретѣ. Одна изъ нихъ, молоденькая и несомнѣнно-дурная собою занималась хозяйствомъ и первая всегда подносила гостямъ разныя сласти, вино, кофе и проч., другая была католичка, дѣвушка, этакъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, существо общее всѣмъ націямъ и странамъ земнаго шара. Высокая, желтая, сухая, разбитная, развеселая, большая затѣйница, неумолкная, крикливая, говорунья, бойкая, рѣзвая въ отвѣтахъ и замѣчаніяхъ, душа бесѣды, проказница, поджигательница, хохотушка. Она успѣвала въ одно и то же время занимать и дамъ, и Ариана, и меня разговоромъ. И ей обязанъ я тѣмъ, что слышалъ пѣніе двухъ хорошенькихъ сестрицъ и видѣлъ національные танцы. Разумѣется, все это сначала меня стыдилось, церемонилось, ломалось; но моя католичка расшевелила ихъ, взбодорила все и всѣхъ, и дѣло пошло на ладъ, какъ по писанному. Дѣвы ея касты и ея покровъ позволяютъ себѣ все, смѣшать и заставляютъ краснѣть молоденькихъ дѣвушекъ, острять и врутъ изъ-подъ-тишка съ мужчинами, и, право, онѣ неопѣнны! Лууврентъ, что безъ этой католички, которую зовутъ Карьена-дуду, свадьба была бы скучна. Общество занималъ еще дуракъ, одинъ изъ музыкантовъ, игравшій на кларнетѣ, т. е. дудившій на немъ безъ толка и безъ жалости. Когда музыка умолкала, онъ выходилъ на середину, дурачки щуря глаза и начиналъ врать чепуху безъ всякаго толка и соли, прыгалъ, кувыркался,

надѣвалъ маску, и опять плясалъ и весъ оклосную. Все признавали глупость его шутокъ; но никто не могъ удержаться отъ смѣха. Нѣтъ умиаго челоука въ свѣтъ, который бы могъ похвастаться, что палецъ не разсѣпшилъ его ни раза въ жизни своими дурачествами. Новотъ запицала громко турецкая скрипка, забряцала пущатая балалайка, замычалъ кларнетъ, зашолкала и зазвенѣли бубны. Безсмысленные звуки сорются, шумятъ, прыгаютъ, кувыркаются. Женщины поднимаются съ мѣсто, становятся въ кружокъ, держась за кончики носовыхъ платковъ... и пошли хоровадомъ. Это *сирто*, національная пляска, и разнится тѣмъ отъ хоровода, что тамъ ходятъ, а здѣсь частенько, меленько переплетаютъ ногами подъ тактъ безсмысленной музыки, припрыгивая едва-замѣтно и цѣлыми кругомъ, то осаждалъ, то подаваясь на середину. Какъ и въ хоровадѣ, одна, отдѣляясь отъ круга выдѣлываетъ ногами и руками съ большою отчетливостію, съ большою жизнію; повертывается, подпрыгиваетъ, пошевеливаетъ станомъ, помахиваетъ платочкомъ, и все это обращалось лицомъ къ головѣ хоровода. Болѣе всѣхъ отличалась, разумѣется, удалая Карьена-дуду. Сестрицы же слеperedвигали ногами. Изъ-подъ широкихъ и длинныхъ шальваръ ихъ яркихъ цвѣтовъ еле-выглядывали кончики желтыхъ туфель. Въ пляскѣ костюмъ этотъ теряетъ большую часть своихъ достоинствъ. Во время соло прочіе танцоры укорачиваютъ шагъ и тихо двигаются около центра компанъ. Хоровадъ русскій оживленъ закатными переливами пѣсни; а здѣсь все это движется тихо, безмолвно, и почти ни на одномъ лицѣ пляшущей вы не найдете ни одушевленія, ни веселости. Нелѣпые музыканты, на-

лривая на своихъ инструментахъ, одни наполняютъ дожднату звуками, враждебными музыкальному уху. Но вотъ подлетаетъ ко мнѣ Карьена - дуду и требуетъ, чтобы я плясалъ съ ними. Смѣшно было бы съ моей стороны отказываться отъ приглашенія, и я тѣмъ съ большою охотою вскочилъ съ своего мѣста, что умиралъ отъ холода. Погода въ то время была необыкновенно-сырая, вѣтеръ дулъ въ окно, возлѣ котораго меня посадили, а я еще вздумалъ явиться туда въ пестрыхъ, шелковыхъ чулкахъ и петербургскихъ башмакахъ изъ лакированной кожи—разумѣется, съ намѣреніемъ пльнить сердца Армянокъ. Я сталъ въ созвѣздіе пляшущихъ, и въ рукѣ моей вмѣсто кончика платка, не знаю какъ, очутилась ручка младшей изъ сестрицъ. Не дурно! сказалъ я самъ про себя. Видно, таковъ естественный порядокъ въ нашей сферѣ. Для большаго порядка сталъ я пожимать ручку сосѣдней планеточки; мнѣ отвѣчали тѣмъ же, и совершенная гармонія возстаповилась. Я согрѣлся. Армяне и Армянки съ умиленьемъ глядели на меня и осыпали похвалами за то, что я такъ скоро выучился плясать по ихъ дудочкѣ. А я, занятый соблюденіемъ равновѣсія, кружился безъ усталы; пріятное собесѣдство помирило меня немпожко съ турецкою пляскою. Не будь этого, лезгинка всегда взяла бы верхъ надъ нею. Взглянули бы вы на эти смѣлыя, граціозныя движенія Грузинки, когда цѣлое собраніе хлопаеть въ ладоши подъ тактъ звучной зайры. Взглянули бы вы на эти быстрые повороты, на это плавное движеніе поднятыхъ рукъ... это бѣлая лебедка, съ распушенными крыльями несется по зеркальному лону воды. Она колеблетъ стройный станъ свой, подобно стройной вѣтви кипариса. Она улыбается, какъ стыдливая

роза мал. Она поводитъ искрометными очами, какъ двумя алмазами. Можно ли теперь сравнить станъ здѣшней дѣвы, широко-обмотанный огроною шалью, съ стройнымъ кипарисомъ? Можно ли сравнить съ алмазомъ очи ея, неодушевленные чувствомъ. Ея любовной улыбки, улыбки, говорящей сердцу, я не подмѣтилъ ни разу на ихъ розовыхъ губкахъ во время танца. Наконецъ мы пошла къ ужину. Въ комнату, гдѣ былъ накрытъ столъ, было такъ холодно, что я дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, и въ-добавокъ ничего не могъ ѣсть. Турецкая кухня вывела меня изъ всякаго терпѣнія. Во-первыхъ, подали сладкіе пирожки изъ тяжелаго слоенаго теста; потомъ опять сладости; потомъ нѣчто въ родѣ молочнаго супа; потомъ кабабъ (жареная на вертелѣ баранина) съ салатомъ, который сдѣланъ былъ на одномъ уксусѣ. Потомъ соусъ изъ какой-то зелени. Вино, весьма-дурное, но къ счастью не сладкое, и, какъ я послѣ узналъ, вареное на яблокахъ и айвъ, наливалось въ стаканы небольше четверти обыкновеннаго стакана. Кто пилъ, кланялся всѣмъ, приговаривая по-турецки привѣтствіе и прикладывая руку къ груди и ко лбу. Дѣвицы пили не иначе, какъ отвернувшись въ сторону. Онѣ не отказываются ни отъ ликеровъ, ни отъ пунша. Особенно достохвальная склонность къ подобнымъ напиткамъ сильна въ здѣшнихъ католичкахъ. Я уже не говорю о дочеряхъ ислама: рѣдка изъ нихъ не переливаетъ черезъ край. Каждый гость, выпивая, смотрѣлъ на всѣ стороны и всѣ ему кланялись съ тѣми же церемоніями, приговаривая «на здоровье». Безъ этихъ предѣлокъ во весь вечеръ никто ничего не выпилъ и не съѣлъ. Когда пили за здоровье жеша, все общество стучало вилками по столу и по тарелкамъ. Эта стукотня

заглядывать здесь «ура»... Боже мой! Боже мой! так ли пируют Грузины! Кто, подобно мнѣ, участвовалъ въ тифлисскихъ оргіяхъ и случайно прочтетъ эти строки, тотъ съ улыбкою вспомнитъ тѣ блаженныя, усадительныя минуты, когда стаканъ, полный по-краю благословеннаго кахетинскаго, будто растопленнаго рубина, быть-можетъ, сто разъ въ вечеръ обходилъ веселый кругъ собесѣдниковъ, при крикахъ: *«алла серди, лети въ прошитига-мисъ, ура!»* Когда шумъ непрерывныхъ поцелуевъ братскихъ, искреннихъ, заглушалъ порою веселую дробь тимпалита, и рывые раскаты дайры, в переливы заветной татарской пѣсни... «вай амашъ, аманъ!» И все это, быть можетъ еще на открытомъ воздухѣ, подъ вакхическою сѣною гроздій. Нельзя не вдохнуть при такихъ воспоминаніяхъ! Послѣ ужина начались опять дурачества кларнета, убійственная музыка, пѣніе, или, лучше сказать, мычанье бубенщика. И мы проплясали *лонгу*, нашъ экосезъ съ турецкими измѣненіями. Эк-саррафъ, следуя обычаю, послалъ какую-то монету музыкантамъ; увидѣвъ это, послалъ и я имъ золотой пириминъ (около 5 рублей). Тифлискимъ сазандарамъ, если, бывало, дашь половину этого, они удвоили жаръ и стараніе, а здѣшніе еще болѣе задремали. Но вотъ все умякло. Карьена-дуду упростила сестрицъ спать намъ турецкую пѣсню. Голоса у нихъ пріятны, тонъ самой пѣсни непротивенъ. Но переходовъ и изреченій мало. Вотъ слова пѣсни:

Высвободиться не могу въ путь кудрей
моей любезной.

Я изстрадался отъ слезъ и тоски.

Него сердце мое не вынесло отъ любви
къ моей красавицѣ!

Не вѣдаю, что стало съ моей любезной.

Желалъ бы звать я, кого она полюбила.

А мнѣ свѣтъ ослѣпляетъ.

Какъ-бы то ни было, а я не расстаюсь съ любезной.

Мнѣ суждено до самой смерти
страдать отъ любви ко всѣмъ прекраснымъ.

Въ груди моей постоянно любовь и мученіе.

Не вѣдаю, в проч.

Пусть окриваетъ врагъ мой!

Пусть у него будутъ одними глазами мнѣ!

Пусть здравствуетъ моя царица!

Не вѣдаю, в проч.

Мои глаза налиты кровью.

Въ крови мое сердце отъ внутренняго пламени.

Пусть мени показываютъ Меджуумъ.

Не вѣдаю, в проч.

Я былъ доволенъ этимъ эпизодомъ свадьбы. Но вотъ, ввроятно въ угождение мнѣ, всѣ въ одинъ голосъ закричали сестрицамъ, чтобы онѣ спѣли что-нибудь *ала-франка*... и мои пѣвуньи зарядили какой-то вальсъ. Я могъ бы и безъ него обойтись. Нѣчего дѣлать, я долженъ былъ и отъ него придти въ восторгъ. Послѣ пѣнія, сарто, или круговращеніе планетъ снова явилось на сцену. Я снова заботился о водвореніи равновѣсія. Но таковы-то Азіатки! Ихъ красота безмолвна и безответна. Ни взглядомъ, ни словомъ онѣ не въ-состояніи довершить побѣды надъ сердцемъ, вобѣдъ, начатой съ такою славою ихъ красотою. Прошло нѣсколько дней и—впечатлѣніе, произведенное на меня моею млеевскою планетою, изгладилось, какъ изображеніе на степномъ пескѣ, начертанное посохомъ усталаго путника. Таковъ образъ воспитанія женщинъ въ Турціи: ихъ готовятъ съ малыхъ лѣтъ на служеніе мужчинамъ, не заботясь о развитіи души и ума ихъ; на эти предметы не обращаютъ никакого вниманія; ихъ почитаютъ лишними въ женствѣ.

Не позабыть бы мнѣ, при сей впр-

ной оказии, похвастаться монми медицинскими подвигами въ тотъ же вечеръ. У старшей сестрицы засорился глазъ и раскрасился до того, что она испугалась, присмирѣла и надула губки. Я, какъ-туть, явился съ услугами, предложивъ ей глазъ помочить розовой водою. Старыя бабы отсовѣтовали ей употреблять это средство; но она послушалась меня. Замѣтивъ потомъ, что она прикладываетъ розовую воду на своемъ пестромъ бумажномъ платкѣ, я передалъ ей одинъ изъ батистовыхъ платковъ, бывшихъ у меня въ карманѣ. Онъ былъ щедро опрысканъ духами. Хорошенькіе носики Армяночекъ начали его клевать въ-запуски и моя больная съ трудомъ его опять заволакала. Только я его и видѣлъ! Ну, да, мое самолюбіе заставляетъ полагать меня, что моя пациентка сохранила его въ мое воспоминаніе, и я утѣшаюсь... Трубки, кофе, ликеръ, вино, апельсины, яблоки, гранаты, миндаль и проч. подносились ежеминутно. Въ 6 часовъ утра общество разошлось, но невадолго. Черезъ 12 часовъ мы опять собрались, и вечеръ начался тѣми же продвѣлками, какъ и наканунѣ. Но вотъ на крошечномъ турецкомъ столикѣ, стоявшемъ посреди комнаты, вмѣсто подноса съ фруктами, явилось круглое турецкое зеркальцо, серебряная курильница, имѣющая видъ ананаса, прикрѣпленнаго къ небольшому подносику, составленному изъ серебряныхъ листковъ и цвѣтковъ розана прекрасной работы, и серебряный флаконъ съ розовой водою, тоже въ видѣ ананаса съ вѣткою вмѣсто горлышка. Осанистый кафеджи, онъ же и брадобрѣй, явился въ пестромъ и весьма-затѣйливомъ передникѣ; отъ пояса его спускался широкій ремень, за поясомъ былъ сварадъ бритвенный, въ рукахъ широкій тазъ. Ходжа Осаниеса сажють къ столу, *берберъ* обматы-

ваетъ его полотенцами и простылями, и операція начинается. Между-тѣмъ музыка завывала съ особевнымъ остервенѣніемъ; а съ курильницы подымается благовонный дымъ алое. Вся, вставая, кладуть на лежавшее на столѣ зеркальцо по нѣсколько серебряныхъ монеть въ пользу брадобрѣя. Я позабылъ сказать, что передъ церемоніею мы обѣдали или ужинали, не знаю, только я опять дрожалъ отъ холода, не смотря на то, что былъ въ шубѣ и шапѣ, подобно другимъ, и ничего не вѣлъ. Послѣ бритья, лицо жениха опрыскали изъ флакончика розовой водою. Онъ подошелъ къ матери, которая его поцаловала съ ѣжностью. Угощенія возобновились, и въ 11 часу на известномъ столикѣ явилась тарелочка, покрытая розовымъ газомъ съ хивой, смятой въ темнаго цвѣта тѣсто; возлѣ нея порожняя тарелочка и большія свѣча, украшенная разноцвѣтными лентами. Одинъ изъ мужчинъ бралъ свѣчку, одна изъ дамъ тарелочку съ хивой и по двое, подъ ладъ беснующихся звуковъ музыки, кружились около жениха и потомъ оставяли на тарелочкѣ какой-нибудь знакъ своей щедрости. Этотъ сборъ былъ въ пользу священника. Я плясалъ тоже и положилъ свой пай. Послѣ того, молодого посадили на середину комнаты, и одна старая служанка принялась наклеивать ему на мизинецъ лепешечку хивы. Одинъ изъ гостей вставалъ и, схвативъ съ его пальца ту лепешечку, бросалъ ее съ силою въ потолокъ, гдѣ она и приклеивалась. Никто не могъ мнѣ растолковать значенія этого обычая. Минула полночь, а о вѣщаньяхъ и не думали; трубки выкуривались и набивались; онджаны выпивались. Пуншъ, вино, сласти кружились въ комнату. Музыка откатывала изъ всей мочи. Но вотъ явились два священника, изъ коихъ одинъ отецъ невесты, и

б пѣвчихъ, всѣ въ одинаковыя стихарахъ. Зажгли двѣ огромныя свѣчки, также разукрашенные лентами, и поставили ихъ по концамъ главнаго дивана. Между ними столъ съ платьями, въ которыхъ женихъ долженъ былъ вѣнчаться. Пришла также и мать невѣсты. Священники, послѣ приличнаго угощенія, сѣли рядомъ на диванъ, поджавъ подъ себя ноги. Пѣвчіе усялись въ сторонѣ на полъ. Трубки исчезли, но всѣ остались на своихъ мѣстахъ въ шубахъ и шапкахъ. Это было освященіе платья. Пѣніе длилось болѣе получаса, въ продолженіе котораго пѣвчіе били тактъ руками по коленнымъ. Когда все это кончилось, посаженный отецъ, мальчикъ лѣтъ 16, надѣлъ на жениха турецкую красную фесъ съ синюю бахрамой и поцаловалъ его въ лобъ. Потомъ нагнулся на него кафтанъ, и сверхъ этого кафтана еще другой пошире съ придымающимъ башлыкомъ (остроконечнымъ капюшономъ). Послѣ того подносы и трубки заходили снова; а во второмъ часу всѣ отправились въ домъ невѣсты. Молодыя женщины остались дома. Прочія усялись въ двѣ турецкія кареты. Мы съ женихомъ двинулись въ сопровожденіи нѣсколькихъ фонарей и кромѣ того впереди насъ одинъ изъ пѣвчихъ несъ огромную зажженную церковную свѣчу. Такимъ-образомъ прошли мы довольно большое пространство по замерзшимъ обломкамъ сгорѣвшихъ домовъ недавняго пожараща Перы, то подымаясь, то опускаясь, то скользя, то погружаясь въ снѣгъ. Посреди мрака, облекавшаго окрестность, въ самой глубинѣ ущелья, взору моему вдругъ открылся домъ, котораго семь оконъ были ярко освѣщены. Это—приходская армянская школа, гдѣ священникъ справлялъ свадьбу своей дочери. Подходя къ нему ближе, мы увидѣли въ растворившихся окнахъ красивые

букеты, женскихъ головъ. Двери открылись настежь. При нашемъ входѣ многочисленная прислуга, засуетилась около нашихъ шубъ и сапоговъ. Шумная музыка и звонъ колокольчиковъ встрѣчаютъ прибывшаго жениха. Посреди этого хаоса звуковъ вступаемъ мы въ огромную залу школы. Вдоль стѣнъ ея лежали на полу тюфяки и ковры, и на нихъ, съ одной стороны, сидѣли важныя Армяне съ трубками въ рукахъ, а двѣ другія отъны завязты были женщинами. Всѣ встали при нашемъ появленіи, и начались обыкновенныя церемоніи и привѣтствія. Насъ усадили на главныхъ мѣстахъ, а мнѣ подали стулъ. Съ высоты его, когда все это успокоилось, окинулъ я взоромъ собраніе, и восхитился картиною, которую представило оно. Зала, длиною въ 24 п., а шириною въ 13, была освѣщена хрустальною люстрою, по стѣнамъ торчали свѣчки въ жестяныхъ шандалычкахъ. Кромѣ того, посрединѣ возвышались двѣ огромныя церковныя свѣчи бѣзъ шандаловъ, ихъ держали два мальчика. Группа женщинъ была такъ живописна, такъ картинны были позы каждой и дѣти такъ мило валились между ними, — а въ дальнемъ углу нѣсколько рѣзвыхъ люлекъ, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ женщины кормили грудью дѣтей своихъ... Какой-то Армянинъ, вѣроятно слуга, одной рукой пресерьезно качалъ люльку, а въ другой держалъ дымящуюся трубку. Между женщинъ въ другомъ углу залы, стояло нѣчто въ родѣ куклы. Я тотчасъ же догадался, что это была невѣста. Парчевой мѣшокъ былъ надѣтъ ей съ головы по самыя пятки. Для лица оставлена была прорѣха; но оно не было открыто. Сверхъ густаго газоваго покрывала спускалась съ головы обильная золотая бахрама ниже груди. На головѣ ея былъ вѣнокъ изъ розановъ и по три розана съ каждой

стороны от головы до плеч вдоль разреза мшища. Она стояла недвижно, как статуя. На противоположном конце у дверей четыре музыканта сидели рядом на стульях в самых причудливых позах. Над ними вдоль стѣны тянулась белая школьная доска, а на ней огромныя капитальныя буквы армянской азбуки; а подъ ними слѣдующій стихъ: «Какъ Господь нашъ писалъ на песокъ перстомъ своимъ, такъ и мы будемъ писать на песокъ сіи буквы.» И точно, дѣти учителя сперва чертили буквы на песокъ, впрочемъ приготовляемомъ противъ той доски; а потомъ уже переходятъ къ грифельной доскѣ. На противоположной стѣнѣ образъ Богоматери; а на одной изъ широкихъ стѣнъ я увидѣлъ портретъ Нериса, своей работы, въ рамѣ краснаго дерева. Мужчинамъ прислушивали молодые люди, родственники невесты; женщинамъ служили родственницы. Танцовъ не было. Музыканты одинъ отличались, и одѣтъ Армянинъ пѣлъ свадебную пѣсню. Пѣніе его мнѣ понравилось; и послѣ, когда я подошелъ въ пѣвцу, чтобы дать ему золотую монету, узналъ въ немъ одного изъ Армянъ, приходившихъ заниматься ко мнѣ въ услуженіе. Все общество сидѣло смирно и тихо; только хозяева, дѣти и прислуга шловали по залѣ во всехъ направленіяхъ. Наконецъ по серединѣ разостлали коверъ и разставили стулья. Семь священниковъ въ облаченіи сѣли на нихъ; посадили и молодыхъ рядомъ. Пѣвчіе, какъ водится, разсылись на полу и всему собранію вручили по тонкой свѣчѣ. Предварительная молитва продолжалась часа полтора. По окончаніи ея, братъ невесты бросилъ въ потолокъ нѣсколько горстей мельчайшей серебряной монеты. Многіе, въ томъ числѣ и я, последовали его примѣру. Серебряный дождь, звѣня и зву-

ми, сыпался на молодыхъ, стоявшихъ посреди комнаты. Послѣ того, поспѣвъ еще съ полчааса, всѣ съ торжествомъ отправились въ церковь. Огромный, прелестный храмъ св. Троицы былъ великолѣпно освѣщенъ. Намъ опять подали стулья и мы разсылись. Молодые тоже сѣли. Отслужили обѣдно, во время которой повѣблалось нѣсколько простата народа, и бракосочетаніе началось. Мракъ въ окошкахъ рѣдѣлъ замѣтно, и въ нихъ глядѣлся блѣдно-синій разсвѣтъ. Эффектъ былъ удивительный, когда архіерей, прекрасный собою мужчина, съ жемоломъ въ рукахъ, съ мраморнаго возвышенія противъ алтаря, прочелъ надъ молодыми молитву голосомъ звучнымъ и внятнымъ, торжественный часъ утра игралъ свѣтомъ и сумракомъ. Еще блѣдное сіяніе раждавшася для спорило съ блескомъ лампадъ и свѣчей и побѣждало его малопо-малу. Тѣмъ, какъ пѣкѣ духи, смѣтенные появленіемъ авроры, бросались по мраморнымъ рѣзьбамъ карнизамъ и прятались въ дальнихъ углахъ храма. Около молодыхъ толпились священники въ блестящемъ облаченіи, и въ рукахъ одного изъ нихъ курилось кадило. Обрядъ кончился. Солнце еще не показывалось; но былъ уже день. Поздравить слегка молодого, всѣ отправились къ нему въ домъ въ сопровожденіи священниковъ, всѣтаки во всемъ облаченіи, и пѣвчихъ. Тѣмъ же комната дома наполнилась народомъ. Молодые вошли послѣдніе, взявшись за руку. На-встрѣчу къ нимъ мы опять бросили нѣсколько горстей серебряныхъ денеть. Въ Грузіи въ это время шаферъ держитъ надъ дверями облаченный мечъ, а на порогъ ихъ кладутъ тарелку, и если молодой не забудетъ, въ смѣсмъ естественномъ смущеніи, ступить на нее и раздавить, то это почитается хоро-

шнѣмъ предзнаменованіемъ и дуэснѣ-сленныя шутки сыплются въ шумѣ веселаго смѣха. Здѣсь нѣтъ этого забавнаго обычая. Саблю же, во время дню, подпоясывали жениху предъ вѣнчаніемъ, въ знакъ господства мужа надъ женою; но послѣ одного провѣщствія, лѣтъ 20 тому назадъ, патриархъ отмѣнилъ это обыкновеніе. Известно, что молодые до свадьбы по-большой - части не бываютъ знакомы и даже никогда не встрѣчаются между собою. Прежде это соблюдалось гораздо строже нынѣшняго. Одинъ несчастный, подпоясанный саблею, во время предварительной молитвы, успѣлъ какъ-то разглядѣть черты своей невесты. Онъ затрепеталъ: его хотѣли соединить съ какимъ-то чудовищемъ! Не говоря дурнаго слова, выскочилъ онъ изъ дверей, и бѣжалъ. Родственники невесты бросились за нимъ и настигли горемыку. Но тотъ выхватилъ свою саблю изъ ноженъ и сталъ отъ нихъ отмахиваться, не переставая бѣжать. Кажется, онъ ранилъ нѣсколько чело-вѣкъ.

Въ домѣ Ованнеса священникъ пропѣлъ еще съ полчаса надъ новобрачными; тогда разоблачили молодую, съ которой сняли газовый вуаль, оставивъ только золотую бахраму, повели кругомъ комнаты, и она у всѣхъ мужчинъ и женщинъ цаловала руки. Я не хотѣлъ-было давать своей, но мнѣ пресерььзно объявили, что я долженъ это сдѣлать, и, вспомнивъ, что въ чужой монастырь съ своимъ уставами не ходятъ, я протянулъ руку къ розовымъ губамъ молодой. Покуда она къ ней прикладывалась, я успѣлъ замѣтить сквозь бахраму, что она хорошенькая. Послѣ этой проделки завопила, опять злодѣйская музыка, пошла танцы и угощеніе. Разглядѣвъ на пальцѣ молодой новенькое кольцо съ хорошимъ камнемъ, я спросилъ у Карьена-дуду,

сидѣвшей волеѣ меня, существуютъ ли у нихъ обручальные кольца. Она мнѣ отвѣчала, что только женихъ даетъ кольцо невестѣ; и при этомъ такъ съ-острился, что я до-сыта съ ней нахохотался. Потомъ я замѣтилъ Ованнису, что на мои глаза невестѣ больше 14 лѣтъ. Онъ мигнулъ съ улыбкою глазами и сказалъ мнѣ на ухо, что здѣсь обыкновеніе скрывать настоящія лѣта, и что въ-самомъ-дѣлѣ, его Сладухъ-дуду есть вѣрныхъ 16. А! подумалъ я, или вѣрнѣе, сказалъ Ованнису: не у насъ однихъ въ Европѣ существуетъ между женщинами эта маленькая и невинная привычка. Въ 10 часовъ по-полуночи, совершенно побѣжденный сномъ, я отправился домой. Мнѣ сказали, что такъ-какъ свадьба кончилась, то они не смѣютъ меня удерживать. Усталый, я кое-какъ расклапаялся со всѣми и ковыляя побрелъ домой. Чрезъ нѣсколько дней, я былъ на другой свадьбѣ родственницы Т. Захаріи, въ томъ же училищѣ. Священникъ и Ованнесь мой пригласили-было чело-вѣкъ 10 кавалеровъ и столько же дѣвицъ; но на другой же день просили извинить ихъ, ибо врига Т. Захаріи хотѣли донести на него, что онъ затѣваетъ балъ, запрещенный патриархомъ. Страхась быть отправлену въ *георгоны* (изгнаніе), онъ долженъ былъ всѣмъ отказать. Я одинъ былъ. Большой разницы противъ первой свадьбы не было; только музыканты играли большею частію все алафранга, и во всѣхъ отношеніяхъ было скучнѣе перваго раза.

М. Г.—въ.

ПЕРВОЕ СВИДАНІЕ ГИББОНА СЪ ВОЛЬТЕРОМЪ. — Въ 1776 году Гиббонъ жилъ въ Лозаннѣ и велъ переписку съ Вольтеромъ, который жилъ въ Фернѣ. Они никогда не видали другъ друга и были знакомы только по письмамъ. Слѣса англійска-

го историка досаждала Вольтеру, и онъ написалъ нѣсколько обидныхъ строкъ касательно его паружности. За это Гиббонъ написалъ сатиру, въ которой изобразилъ Вольтера раздражительнымъ и брюзгливымъ старикомъ. Вольтеръ отвѣчалъ на это каррикатурой, въ которой представилъ Гиббона, не отличавашагося, какъ известно, своей красотою, карликомъ, съ огромнымъ брюхомъ, огромной головою, плоскимъ носомъ и такъ далѣе. Эту каррикатуру отослалъ онъ къ нему въ Лозанну. Переписка между ними прекратилась.

Недолго спустя послѣ того, Гиббонъ похваля въ Женеву и увидѣлся тамъ съ пріятелемъ своимъ Троншеномъ, который былъ также искреннимъ пріятелемъ Вольтера. Между прочимъ онъ сказалъ Троншену: «Вольтеръ смѣется падо мною, но я отплачу ему за это визитомъ, поѣду въ Ферней и посмотрю, въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ некрасивъ, какъ описалъ я его въ сатиру».

Троншенъ былъ большой охотникъ до комическихъ сценъ и немедленно далъ знать Вольтеру, что Гиббонъ собирается навѣстить его. Вольтеръ тотчасъ позвалъ къ себѣ племянницу свою г-жу Дени. «Сегодня пріѣдетъ сюда одинъ уродъ-Англичанинъ» сказалъ онъ: «будь къ нему какъ-можно-внимательнѣе, потому-что онъ извѣстный въ свѣтѣ человекъ; я очень уважаю его, но знаю, за чѣмъ онъ пріѣдетъ, и потому не выйду къ нему.» Вольтеръ отпустилъ г-жу Дени и перешелъ въ свой кабинетъ.

Дѣйствительно, Гиббонъ пріѣхалъ въ замокъ Вольтера. Г-жа Дени съ возможною вѣжливостію приняла его въ гостиную, и сказала ему, что Вольтеръ не можетъ его видѣть.

Преспокойно усѣвшись въ креслахъ, Гиббонъ сказалъ громкимъ голосомъ, такъ что Вольтеръ, бывший въ сосед-

ней комнатѣ, могъ слышать: «Хорошо! если Вольтеръ не хочетъ видѣть меня, то я расположусь здѣсь.» Затѣмъ онъ отпустилъ свою коляску. — Наступила ночь; что было дѣлать г-жѣ Дени? она принуждена была пригласить его остаться переночевать въ замкѣ, а между тѣмъ Гиббонъ преспокойно ѣлъ, пилъ и шутилъ съ дамами, жившими въ замкѣ.

На другой день та же самая исторія: Вольтеръ все оставался взаперти. Наконецъ г-жа Дени сказала Гиббону на-отрѣзъ, что его посѣщеніе слишкомъ-продолжительно, что оно надобно Вольтеру.

«А мнѣ что за дѣло?» отвѣчалъ Гиббонъ: «я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы видѣть Вольтера и не уйду до-тѣхъ-поръ, пока его не увижу.»

И Гиббонъ прожилъ такимъ-образомъ въ замкѣ три дня.

Наконецъ Вольтеру стало не въ мочь сидѣть въ кабинетѣ, и онъ написалъ Гиббону слѣдующую записку:

«Милостивый государь! Донъ. Хотя бы считалъ трактиры за замки, а вы считаете мой замокъ за трактиръ.»

Гиббонъ отвѣчалъ ему слѣдующими стихами:

En ces lieux je comptais voir le dieu de génie,
L'entendre, lui parler et m'instruire en tout point,
Mais, comme Lucullus, auquel je porte envie,
Chez vous, on boit, on mange et l'on ne vous voit point.

Гиббонъ отослалъ Вольтеру эти стихи и въ-слѣдъ за тѣмъ уѣхалъ. Въ продолженіе трехдневнаго пребыванія своего въ Ферней, Гиббонъ разспросилъ слугъ объ образѣ жизни и привычкахъ ихъ господина, и на основаніи полученныхъ имъ свѣдѣній составилъ дальнѣйшій планъ дѣйствій.

Черезъ нѣсколько недель онъ снова явился въ Ферней. На этотъ разъ онъ оставилъ свой экипажъ въ деревнѣ и

утроить очень-рано пришелъ пышковый въ замокъ, такъ-что никто изъ домашнихъ Вольтера не видалъ, какъ вошелъ онъ на дворъ. На дворъ не нашелъ онъ никого, кромѣ кучера. Онъ зналъ, что у Вольтера есть маленькая лошадь, которую онъ любилъ болѣе, чѣмъ другихъ лошадей. Онъ попросилъ кучера показать ее.

— Послушай, мой другъ, сказалъ онъ ему, войдя съ нимъ въ конюшню: если ты пустишь эту лошадь безъ узды въ аллею, то получишь отъ меня на водку.»

Кучеръ съ радостью согласился, и Гиббонъ скрылся въ аллею за деревьями. Скоро выбѣжала лошадь и начала бѣгать взадъ и впередъ по аллею.

Вольтеръ въ это время уже всталъ и читалъ въ своей библиотекѣ, которой окна выходили въ аллею, письма, полученные съ вечера. Услышавъ топотъ, онъ отворилъ окно и спросилъ, отъ-чего лошадка его бѣгаетъ въ аллею? Кучеръ отвѣчалъ, что она вырвалась изъ рукъ его, и Вольтеръ выбѣжалъ на дворъ, въ утреннемъ халатѣ и въ колпакѣ, чтобы помочь кучеру поймать лошадку.

Вольтеру въ это время было уже восемьдесятъ-два года; онъ былъ сухъ, какъ щетка; щеки его впали, подбородокъ осунулся, голова была пѣвшива; онъ больше походилъ на пугало, чѣмъ на человѣка. Лишь только Гиббонъ увидѣлъ его, то вышелъ изъ за сады, подошелъ къ нему, осмотрѣлъ его съ ногъ до головы, спереди и сзади, и потомъ, всплеснувъ руками, сказалъ иронически:

«Прощай, Вольтеръ! въ этотъ разъ я тебя увидѣлъ; ты право некрасивъ!» И преспокойно пошелъ со двора.

Раздраженный такой выходкой Гиббона, Вольтеръ прибѣжалъ въ библиотеку, кликнувъ секретаря своего Ваньера и сказалъ ему:

— Бѣги скорѣй за этимъ Англичаниномъ и потребуй у него двѣнадцать су за то, что онъ видѣлъ скотину, (roug avoir vu une bête). Секретарь догналъ Гиббона у воротъ и сказалъ ему:

«Милостивый государь, г. Вольтеръ требуетъ, чтобы вы заплатили двѣнадцать су за то, что видѣли скотину.»

— Правда, правда... возразилъ Гиббонъ: вотъ тебѣ двадцать-четыре су; скажи своему господину, что я заплатилъ за два раза; завтра я приду опять.

Вольтеръ въ это время уже успокоился и увидѣлъ, какъ неприлично поступилъ онъ и какъ онъ будетъ смѣшонъ, если Гиббонъ приметъ его самого за бête, и потому, когда Ваньеръ воротился съ отвѣтомъ Гиббона, онъ сказалъ: «этотъ проклятый Англичанинъ злѣе мепя; пожалуй, онъ еще съиграетъ со мной какую-нибудь штуку; надобно съ нимъ помириться. Ваньеръ, пригласи его завтра къ обѣду.»

Въ-слѣдствіе этого онъ отправилъ Гиббону письменное приглашеніе къ обѣду на слѣдующій день и послалъ за нимъ свой экипажъ. Гиббонъ пріѣхалъ и велъ себя, какъ прилично истинному джентльмену, избѣгая всякихъ намековъ на прошедшее.

Съ-этихъ-поръ они были всегда друзьями. Гиббонъ часто ѣздилъ къ старому Вольтеру и обыкновенно проживалъ по три, по четыре дня въ Фернеѣ.

ВОТЪ ПОЧЕМУ ОНА НЕ ТАНЦУЕТЪ. *Эпизодъ изъ анекдотической исторіи XVIII вѣка. Разсказъ Пипр-Шоуэли.*—Въ концѣ февраля 1805 года я былъ на балѣ у наитскихъ роляистовъ, собравшихся вмѣстѣ при возникшей славы имперіи. Самъ хозяинъ принадлежалъ къ бретонской аристократіи, и многіе прежніе предводители шуаповъ,

уже отказавшіеся отъ своихъ героическихъ заблужденій, явились къ нему съ своими женами и дочерьми. Это было собраніе блестящее и многолюдное; самые угрюмые изъ почитателей развеселились при видѣ общаго благополучія Франціи. Въ это время всѣ, очарованные побѣдами, обходились между собою по-братски; приверженцы противныхъ партій охотно давали другъ другу руки, чтобъ потанцевать «подъ свѣжо лавровъ», какъ тогда говорили. Итакъ републиканцы, роялисты и приверженцы имперіи въ эту вечеръ по-дружески танцовали у графа де-В... Я также плясалъ на-пропалую, какъ плясывали тогда и какъ мынѣ уже не пляшутъ; радость моя достигала до высшей степени патристическаго энтузіазма, когда я, въ своемъ синемъ фракѣ, попрыгивалъ между хорошенькими бретюночками, одѣтыми въ бѣлыя платица.

Одна изъ нихъ привлекла на себя особенное мое вниманіе. Это была женщина лѣтъ около тридцати, одѣтая просто, но богато, и сидѣвшая на почетномъ мѣстѣ въ гостиной. Съ трудомъ пробравшись сквозь толпу, я приблизился къ ней съ видомъ, въ которомъ, кажется, нельзя было прочитать особенной привязанности къ имперіи; я весьма-учтиво поклонился и спросилъ, не угодно ли ей доставить мнѣ честь протанцовать со мною.

— Покорно васъ благодарю, я не танцую, отвѣчала она съ странною улыбкою.

Я поклонился въ другой разъ, только не такъ низко, какъ въ первый, и отошелъ, весьма-огорченный этою неудачей. Не говоря уже о томъ, что тогда всѣ молодыя женщины ѣздили на балъ только для танцевъ, прекрасная незнакомка, будто нарочно, была въ кругу тѣхъ, которыхъ всего чаще амгажировали. Видя, что она идетъ

танцовать ни съ кѣмъ, я уже менѣе гонялся объ отказѣ.

— Можетъ-быть, думалъ я: она отвѣтственная ролястка, и ей не нравятся цвѣты моего фрака...

Чтобъ болѣе въ томъ увѣриться, я началъ подсматривать за этою дамою и за всѣми кавалерами, которые къ ней обращались. Подобно мнѣ пораженные ея красотой, десять танцоровъ подходили къ ней, и всѣмъ, какъ и мнѣ, отказывала она съ тою же самою улыбкою, какую замѣтилъ и я на устахъ ея. Самолюбіе мое успокоилось, но любопытство разгорѣлось еще болѣе, и я съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за всѣми движеніями танцовенной красавицы, которая такъ упорно отвергала всѣ предложенія.

Она была блондинка съ прелестною таліею, съ лицомъ чрезвычайно-блѣднымъ, но одушевленнымъ. Пронзающая живость ея южныхъ глазъ чудно противорѣчила чертамъ ея лица, совершенно-германскаго, и сохранила непостижимую улыбку, ея прекрасныя уста, какъ-то странно сжимаясь, обнаруживали необычайную силу духа. То же самое противорѣчіе я замѣчалъ и въ ея станѣ, и даже въ ея осанкѣ. Округлости ея таліи роскошно обрисовывались подъ туго-стянутою пижуркою и дышали всѣмъ сладострастіемъ молодости, а между-тѣмъ ея поги, какъ-бы утомленной, небрежно опускались подъ атласомъ бѣлаго платья, изъподъ котораго неравно выказывался узенькій башмачекъ, какъ-бы не думая привлечь чье-либо вниманіе.

Въ это самое мгновеніе г. де-А..., приехавшій меня на балъ, очутился сзади меня.

— Какъ кстати вы мнѣ попались, мой милый сисегоне, сказала я ему съ живостію: Скажите, пожалуйста, кто эта прекрасная блондинка, которую всѣ стараются амгажировать? Она по

всѣмъ правая могла бы быть царедѣею бала, а между-тѣмъ не трогается съ мѣста, какъ статуя съ пьедестала. Что это: привиллегія, необходимость, или прихоть? Можетъ-быть, жертва предрасудковъ, названной материнской осторожности, или супружеской ревности...

«Ничего не бывало» отвѣчалъ де-А...

Онъ содрогнулся, взглянувъ на даму, которую я поклялся ему и примолвилъ торжественнымъ голосомъ, который еще болѣе увеличилъ мое недоразумѣніе:

«Вы не безъ причины обратили вниманіе на эту женщину; въ-самомъ-дѣлѣ, это прелюбопытное твореніе. Разглядѣли ли вы ее хорошенько и хотите ли, я расскажу вамъ ея исторію?»

— Еще бы я не хотѣлъ! вскричалъ я, снова взглянувъ на незнакомку.

И въ эту самую минуту прекрасный собою мужчина, высокаго роста, подошелъ къ ней и сталъ съ нею запросто разговаривать.

— Что это за человекъ? спросилъ я.

«Это-то и есть герой романа» танистственно отвѣчалъ мой сисегоне. «Послушайте, я расскажу вамъ всю исторію, и вы тогда узнаете, отъ-чего эта дама не хочетъ танцевать, даже съ такимъ кавалеромъ, какъ вы.»

Такъ возбудивъ мое любопытство, пріятель увлекъ меня въ комнату, гдѣ сидѣли игроки и пожилыя дамы. Тамъ, не теряя изъ глазъ прекрасной Бретонки, я съ жадностію сталъ слушать рассказъ, который передаю вамъ.

Фамилія Роановъ принадлежитъ къ самымъ стариннымъ домамъ въ Нантѣ, гдѣ ихъ называютъ Роганами безъ е, (Rohan sans h), намекая о Роганахъ бретанскихъ. Всѣмъ извѣстно, что на гербѣ младшей линіи въ этой фамиліи нарисованъ топоръ (une hache) и теверъ вы поймете этотъ геральдическій каламбуръ.

Во время революціонныхъ ужасовъ, одинъ изъ маркизовъ Роанъ жилъ въ собственномъ замкѣ въ одной милѣ отъ Нанта. Принявъ названіе гражданина Роана и тщательно стеревъ гербъ со стѣны своего жилища, онъ избѣгъ гильотинны и изгнанія. У него, за-бытаго самимъ Каррѣе, не было другой защиты, кромѣ собственного благоразумія, и другаго общества, кромѣ дочери.

Прекрасную Клемантину де-Роанъ называли въ Парижѣ *сестрою королевы*: такъ она была похожа на Марію-Антуаннету. Въ это время Клемантинѣ было только шестнадцать лѣтъ, а въ 1795 году исполнилось двадцать. Но качества ея ума и сердца превышали самую красоту лица, и маркизъ своимъ спасеніемъ былъ обязанъ болѣе ея любезности, нежели своему благоразумію. Завершивъ въ своемъ убѣжищѣ съ этимъ благотворнымъ гениемъ, онъ позабылъ, что духи ада раздирали тогда Францію и привыкъ вѣрить, что его спасеніе и спокойствіе зависѣли отъ Клемантины.

Дѣтская привязанность дѣвцы де-Роанъ заслуживала тѣмъ большее уваженіе, что она собственнымъ своимъ благополучіемъ пожертвовала счастію отца. Въ Парижѣ ее замѣтилъ блистательный виконтъ Генрихъ де-Фроссѣ, одинъ изъ царедворцевъ Маріи-Антуанеты. Волочившись за нею нѣскольکو времени, онъ наконецъ страстно въ нее влюбился, снискавъ взаимную любовь, и г. де-Роанъ обѣщавъ ему руку своей дочери.

Онъ хотѣлъ - было уже сыграть свадьбу, какъ вдругъ засверкалъ буря революціи. Виконтъ, по чувству долга, отправился въ чужіе края въслѣдъ за членами королевской фамиліи, а маркизъ, по свойственной старикамъ любви къ родному жилищу, ухаживъ въ Бретань.

— Ну, дочь моя! сказала отъ Клемантинъ, показывая на пантскую и коблепскую дорогу: — отъ тебя зависишь вхатъ туда виконтессою де-Фроссе, или остаться здѣсь двѣцею де-Роанъ.

Клемантина колебалась, потому-что Генрихъ смотрѣлъ на нее и плакалъ. Наконецъ она взглянула на отца, глаза котораго также были орошены слезами, и, сжавъ руку виконта, упала въ объятія маркиза.

— До свиданія, Клемантина! сказала виконтъ де-Фроссе.

«До свиданія, Генрихъ!» отвѣчала она, заливаясь слезами.

И онъ уѣхалъ изъ Франціи, а она съ отцомъ удалилась въ Бретань.

Прошло нѣсколько времени, и пламя революціи запылало изъ конца въ конецъ во всей Франціи. Бретань присоединилась къ Вандеѣ при общемъ крикѣ: «за Бога и короля!»

Струя республиканской крови, пролитой шуанами, смѣшалась съ потоками крови роялистовъ, погибшихъ подъ гильотиною, а между-тѣмъ Генрихъ и Клемантина, которые разлучились другъ съ другомъ, сказавъ: «до свиданія», предполагали, что лучше бы было сказать «прости навѣки».

Двѣца де-Роанъ питала еще одну надежду, объ исполненіи которой не смѣла умолять Бога. Она думала, что, можетъ-быть, виконтъ де-Фроссе, подобно многимъ другимъ благороднымъ испанцамъ, явится въ рядахъ Вандейцевъ. Но онъ не прѣзжалъ. О немъ не было слуха!

Однажды партія шуановъ дошла до береговъ Луары, и маркизъ де-Роанъ тщателью сталъ осведомляться, кто ими предводительствуетъ. Нонхъ вождь былъ не дворянинъ: это былъ ужасный *Марсиаль*, новый Катлиндъ, явившійся на сцену этой отчаянной войны. Оказавъ чудеса храбрости, онъ былъ раз-

битъ и отброшенъ въ Вандею. Тогда г. де-Роанъ потерялъ всякую надежду увидѣться когда-нибудь съ виконтомъ, и вскорѣ потомъ, отчаявшись въ спасеніи короля, онъ и Клемантина стали упрекать себя за то, что необдуманно дали слово Генриху.

Вдругъ имъ попался въ руки списокъ эмигрантовъ, приговоренныхъ къ смерти. Дрожа отъ страха, они пробѣжали глазами этотъ списокъ, — и не нашли въ немъ имени Генриха.

— Слава Богу! вскричала молодая двѣушка, поднимая къ небу глаза, въ первомъ порывѣ радости; но тутъ ею овладѣло сильное безпокойство, когда, взглянувъ въ глаза отцу, она прочитала въ нихъ какое-то мрачное предчувствіе.

— Республика не помиуетъ эмигранта столь извѣстнаго, какъ виконтъ! думалъ про себя старикъ: и если она не осудила Генриха на смерть, это значитъ, что его нѣтъ болѣе въ живыхъ.

Не смотря на стараніе маркиза скрыть свое предчувствіе, Клемантина его угадала и цѣлыя двѣ недѣли плакала о своемъ женихѣ, какъ вдругъ въ замокъ явились два путешественника.

Одинъ, съ гладко-выстриженными волосами, по тогдашней модѣ, былъ въ костюмѣ нѣмецкаго студента и горючилъ по-французски съ нѣмецкимъ произношеніемъ; другой былъ въ крестьянской одеждѣ, длиноволосяый и хитрый съ вида.

— Меня зовутъ Альбертъ Шпахманъ, отвѣчалъ первый лакею, который спрашивалъ его имя, а это Жанъ-Пьеръ Одренъ, мой вѣрный вожатый, пригласилъ студентъ, указывая на крестьянина. Скажи-ка гражданину Роану, сказалъ онъ, понизивъ голосъ: что мы приесли ему вѣсти отъ гражданина Фроссе.

Послѣ этихъ словъ ихъ немедленно ввели въ комнату, и черезъ минуту

виконтъ, потому-что 'это былъ онъ самъ, — уже прижималъ къ своей груди маркиза и дочь его.

Генрихъ разсказалъ, какъ въ Германіи онъ былъ убитъ подъ именемъ Генриха де-Фроссе, и воскресъ во Франціи Альбертомъ Шпахманомъ. Старый маркизъ и Клемантина хвалили его за эту предосторожность и благодарили за то, что онъ не принялъ участія въ безполезной войнѣ.

— Какое было бы несчастье, если бы исполнилось наше первое желаніе! вскричала Клемантина въ порывѣ эгоизма, внушеннаго любовью. Заключенный въ тюрьму или изгнанный, подобно всѣмъ вандейскимъ предводителямъ, ты разрушилъ бы свое и наше счастье и не пособилъ бы дѣлу, которому сама судьба не помогаетъ.

Не болѣе дочери увѣренный въ устъхъ роялиствъ, маркизъ повторилъ слова ея и не замѣтилъ, какое дѣйствіе произвели они на Генриха. Генрихъ вдругъ пересталъ говорить и потеръ рукою лобъ, чтобъ разсѣять свое смущеніе.

— Ну, оставимъ жалобы! сказалъ г. де-Роанъ, по-свѣдому толкуя движеніе Генриха: маркизъ де-Роанъ и виконтъ де-Фроссе умерли; но гражданка Клемантина будетъ счастлива подъ именемъ госпожи Шахманъ.

Добрый старикъ такъ былъ счастливъ, произнося эти слова, Клемантина такъ была весела, что виконтъ рѣшился скрыть во глубинѣ души тайну, которая отравила бы ихъ радость.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, забудемъ прошедшее, друзья мои! вскричалъ онъ: и будемъ наслаждаться настоящимъ, не заботясь о будущемъ.

Въ это мгновеніе онъ обернулся къ Жанъ-Пьеру, положивъ палецъ на губы. Бретонецъ сдѣлалъ то же, и тогда Генрихъ принялъ полное участіе въ семейной радости маркиза.

Черезъ двѣ недѣли въ залъ представилось зрѣлище, никогда тамъ невиданное. Въ тщательно-запертой комнатѣ, около стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, стояли въ церемониальныхъ одеждахъ четыре почетные гражданина, потихоньку приглашенные въ замокъ; сзади ихъ были граждане-офиціанты (citoyens officieux, какъ тогда называли лакеевъ) и между ними Жанъ-Пьеръ. Виконтъ, не боясь измѣны въ этомъ обществѣ, рѣшился одѣться по-французски; Клемантина, въ бѣломъ платьѣ, опиралась на руку отца, а виконтъ, не перемѣняя нѣмецкаго произношенія, нетерпѣливо ожидалъ начала обряда, который долженъ былъ состоять въ чтеніи и заключеніи брачнаго контракта между гражданиномъ Альбертомъ Шахманомъ и гражданкою Клемантиною Роанъ.

Составивъ актъ по всѣмъ формамъ, узаконеннымъ республикою, нотариусъ, старинный чтецъ маркиза, сталъ читать медленнымъ и торжественнымъ голосомъ; но онъ вскорѣ замѣтилъ, что присутствующіе слушаютъ его съ крайнимъ небреженіемъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, оскорбленный странными выраженіями въ контрактѣ и не желая ихъ слушать, маркизъ началъ размышлять о томъ, что только приходило ему въ голову. Не болѣе вниманія оказывала и дѣвпца де-Роанъ, раздѣлявшая нетерпѣніе отца и жена. Раздѣляла ли ихъ чувства, или издавна привыкнувъ льстить знатымъ господамъ, почетные граждане подражали примѣру хозяевъ; даже самый Жанъ-Пьеръ, какъ-бы забывъ свойственную слугѣ почтительность, вмѣстѣ съ другими лакеями, сталъ подсмѣваться надъ слогомъ республиканскихъ актовъ.

Но менѣе всѣхъ присутствующихъ занимался этимъ дѣломъ тотъ, до кого

оно наиболее касалось. Безпокойный, взволнованный какимъ-то роковымъ предчувствіемъ, виконтъ то бросалъ недоувѣрчивые взоры на окружающихъ его людей, то трепеталъ при малѣйшемъ шумѣ и поминутно глядѣлъ въ окошко, какъ человекъ, который, достигнувъ цѣли своего желанія, бонтса снова его утратить.

Надобно сказать, что, снѣша свадебными приготовлениями, Генрихъ не разъ сообщалъ маркизу весьма странное свое намѣреніе. Онъ хотѣлъ немедленно послѣ совершенія брака уѣхать съ тестемъ и женою изъ Франціи.

— Кто знаетъ, говорилъ онъ маркизу: можетъ-быть мое incognito будетъ открыто? можетъ-быть, на васъ самихъ обратятъ подозрѣніе и мы не будемъ въ состояніи болѣе скрывать свой обманъ?

«Республика болѣе о насъ не думаетъ, мой другъ» говорилъ ему маркизъ съ увѣренностію. «Не уничтожилъ ли я своего маркизскаго званія, какъ ты виконтскаго, и не снискалъ ли благосклонности санкюотовъ, выдавъ дочь за гражданина Шпахмана? Ты съ своей стороны чудесно распорядился: не порти же этого дѣла и предоставь мнѣ заботу его кончить.»

У Генриха былъ заготовленъ отвѣтъ на эти возраженія, но онъ рѣшился не произносить его и предался на волю маркиза и судьбы; это впрочемъ не уменьшало его безпокойства, которое наконецъ такъ явно обнаружилось, когда нотаріусъ окончилъ чтеніе акта, что двѣца де-Роанъ замѣтила его и съ изумленіемъ стала глядѣть на виконта.

Отдаленный шумъ, который ему-одному только былъ слышанъ, лишилъ его и послѣдняго спокойствія.

— Что съ тобою, Генрихъ? спросила Клемантина, подойдя къ нему.

Онъ содрогнулся, услышавъ ея голосъ, и пришесть въ себя.

«Ничего... ничего» сказалъ онъ съ усиленіемъ человекъ, подавляющаго смертельную тоску.

И, освободясь отъ тяжкой мечты, онъ насильственно успѣлъ создать дѣйствительное свое благополучіе, взявъ перо изъ рукъ нотаріуса и сказалъ Клемантинѣ:

— Подпиши!

Невѣста положила на бумагу трепещущую руку, и уже готова была подписать свое имя, какъ вдругъ услышала шумъ, и тогда виконтъ вскричалъ:

— Не подписывай!

Всѣ присутствующіе содрогнулись, услышавъ этотъ шумъ и голосъ, которыми виконтъ произнесъ слова свои. Какъ-бы дѣйствіемъ электричества, тоска Генриха сообщалась всѣмъ присутствующимъ, и между-тѣмъ, какъ маркизъ прислушивался къ шуму, виконтъ глазами отыскивалъ Жана-Пьера.

Жанъ-Пьеръ исчезъ, будто провалился сквозь землю, но въ ту же минуту явился снова у дверей комнаты. Собаки страшно лаяли издали его и онъ вскрикнулъ виконту:

— Спасайтесь!

И виконтъ бросился къ окошку; но тутъ со двора встрѣтили его два штыка, уставленные противъ его груди; онъ кинулся назадъ, и въ то же мгновеніе человекъ двадцать солдатъ вошли въ комнату.

Всѣ присутствующіе вскрикнули разомъ, а Клемантина упала на руки своего отца. Четыре человекъ окружили Генриха, а двое другихъ стали подлѣ маркиза де-Роана.

— Зачѣмъ вые этотъ иностранецъ, капитанъ? спросилъ маркизъ у начальника отряда.— Это гражданинъ Альбертъ Шпахманъ, мой гость, женихъ

моей дочери; и по какой бы причине вы ни брали его под стражу, все, которые здесь находятся, готовы за него поручиться.

«Напрасно» отвечал капитанъ. «Этотъ молодой человекъ вась обманываетъ, называя себя Альбертомъ Шпахманомъ.»

Испуганные свидѣтели вскрикнули; нотариусъ съ жалкимъ видомъ взглянулъ на контрактъ, сдѣланный безполезнымъ.

— Виконта узнали, все кончено! сказали въ одинъ голосъ маркизъ и Клемантина.

Но каково было удивленіе Клемантины, маркиза, нотариуса и свидѣтелей, когда капитанъ сказалъ, показывая на виконта де-Фроссе:

«Этотъ молодой человекъ—Марсиалъ, предводитель шуановъ.»

Услышавъ это ужасное имя, свидѣтели чуть-чуть-было не пустились бѣжать; крайнее изумленіе г. де-Роана оправдало его въ глазахъ солдатъ, если бы онъ и дѣйствительно находился въ сношеніяхъ съ шуанами.

Среди общей тревоги только два человека сохраняли нѣкоторое спокойствіе, и эти двое, странная вещь, были тѣ, которымъ всѣхъ болѣе слѣдовало бы тревожиться: это были виконтъ де-Фроссе и двинца де-Роанъ.

Видя неизбежную бѣду, Генрихъ принялъ положеніе человека, привыкшаго смотреть прямо въ глаза опасности. Сдѣлавъ знакъ, чтобы всѣ успокоились и сказавъ солдатамъ, что онъ не будетъ сопротивляться, Генрихъ бросилъ на начальника ихъ взоръ, по которому сей послѣдній не могъ не признать въ немъ Марсиала. Потомъ онъ съ совершенно-другимъ выраженіемъ взглянулъ на Клемантину, которой отвѣтныи взглядъ утѣшилъ предводителя шуановъ въ его бѣдствіи.

Со всѣмъ тѣмъ маркизъ, еще не въ

ря ни ушами, ни глазами своими, все-таки думалъ увѣрить капитана къ его ошибкѣ и просилъ виконта предъ-ложить свои бумаги. Виконтъ въ отвѣтъ только улыбнулся и покачалъ головою.

Виконтъ и его неприятели, капитанъ Моренъ, уже не разъ встрѣчались другъ съ другомъ на полѣ сраженія и узнали одинъ другаго съ перваго взгляда. Не было возможности скрываться болѣе.

— Это совершенная правда, сказала Генрихъ маркизу и Клемантинѣ. Я тотъ самый предводитель шуановъ, страшное имя котораго пронзель гражданныи капитанъ. Голова моя оцѣнена республикою, и, если вѣрить моимъ предчувствіямъ, представитель Каррье не замедлитъ нагнуть ее подъ гильотину.

— И такъ, прощайте, друзья мои, принявши онъ съ намѣреніемъ спасти маркиза и дочь его:— простите меня за мой обманъ, вы, которые хотѣли осчастливить меня именемъ сына и супруга. Небо меня караетъ за то, что я возмутилъ ваше спокойствіе, и я благодарю его, что оно спасло меня отъ преступленія, которое можно извинить только моею любовію. Я палъ-ся спасти себя и вась отъ преслѣдованій республики, и вотъ для-чего я вась такъ часто просилъ уѣхать со мною изъ Франціи. Теперь все кончено; будьте свободны и счастливы, друзья мои, и скажите, что прощаете меня передъ смертію.

«Ты умрешь мужемъ Клемантины де-Роанъ!» вскричала съ энтузіазмомъ дочь маркиза.

Слова виконта изволновали ея любящее сердце и кровь рождалась. Забывъ опасность, которую она накликала на свое семейство, краснѣя отъ стыда и волненія, упорно удерживая слезы любви и горести, Клемантина бросилась къ столу, на которомъ ле-

жалъ контрактъ, схватила перо и подписала свое имя.

Напрасно виконтъ де-Фроссё кричалъ ей:

— Остановись, Бога ради!

Она подала ему перо и бумагу, и сказала нѣжно и рѣшительно:

«Подписывай, Марсиаль!»

— Подписывай, Марсиаль! — примолвилъ маркизъ виконту, устремившему на него свои взоры.

И рукою, достойною тѣхъ, которыя онъ соединялъ, старикъ подписалъ свое имя.

— Расскажите это Каррѣ, капитанъ! сказалъ онъ, обнявъ обрученныхъ: и донесите ему, если наше преступленіе заслуживаетъ эшафота, мы всѣ трое понесемъ туда свои головы.

«Ваше преступленіе заслуживало бы милости этого человѣка» отвѣчалъ капитанъ, противъ воли приведенный въ умленіе: «но республика ничему не внемлетъ, кромѣ закона, а я ничего не знаю, кромѣ долга» примолвилъ онъ, давая знакъ, чтобъ виконтъ шелъ за нимъ и чтобы другіе хранили молчаніе.

Генрихъ прижалъ отца и невѣсту къ своему сердцу, указалъ на небо, сказалъ имъ «прощайте», и вышелъ.

— Скажите ему «до свиданія» сударыня, прошепталъ кто-то на ухо Клемантинѣ: это вамъ обонимъ принесть счастье и внушить мнѣ усердіе заботиться о немъ.

Дѣвица де-Роанъ тихонько прошептала «до свиданія», и увидѣла надъ своимъ плечомъ волосатую голову Жапа-Пьера.

Бретовецъ спокойно дождался, покуда всѣ мало-по-малу вышли изъ комнаты. Тогда онъ безъ церемоній снялъ кафтанъ, выворотилъ рукава и вадѣлъ его опять наизнавку. То же самое сдѣлалъ онъ съ картузомъ, покрывавшимъ его голову, совершенно преобра-

зивъ лицо свое, откинувъ за уши густые волосы, сталъ, будто хромою, опираться на палку и вышелъ изъ замка, неузнанный даже слугами. По картузу, походкѣ и одеждѣ онъ былъ тогда весьма похожъ на отставнаго вестерана.

Маркизъ и дочь его подбѣжали къ окошку, долго съ изумленіемъ глядяли за нимъ въ слѣдъ, и видѣли, какъ онъ, будто внушая надежду, кивалъ мнѣ головою.

На другой день, рано утромъ, маркизъ де-Роанъ и Клемантина все еще сидѣли въ той же комнатѣ. Они провели въ ней всю ночь, разговаривая о виконтѣ, обвиняя то его, то самихъ себя въ несчастіи и переходя изъ омушченій восторженнаго роляста къ чувствамъ малодушнаго отчаянія. Измученная грустью этой безсонной ночи и героическимъ волненіемъ самопожертвованія, Клемантина изъ рукъ отца, которыя она орошала слезами, переходила къ окну и къ холоднымъ стекламъ прижимала распаленное лицо свое. Ночь мрачная; на небѣ ни одной звѣздочки; окно было обращено къ Нанту, въ ту сторону, куда отремилось сердце Клемантины. Ей казалось, что она видитъ Генриха, идущаго въ толпѣ солдатъ по пути истязаній, и въ концѣ этого пути эшафотъ, воздвигнутый жестокимъ Каррѣ.

— Теперь Генрихъ уже давно въ Нантъ, глухимъ голосомъ сказала она, услышавъ бой часовъ, которые пробилъ пять.

— Гдѣ онъ теперь? что съ нимъ будетъ? примолвила она, задрожавъ всѣмъ тѣломъ. До приговора его вѣрно бросятъ въ амбаръ (Entrepôt) (*). Но развѣ онъ уже не осужденъ? его ждетъ гильйотина. Гильйотина и тюрьма! Кто знаетъ, какое ему будетъ наказаніе!..

(*) Сирднкая тюрьма, куда Каррѣ безъ разбора запирали мужчинъ и женщинъ, приговоренныхъ къ смерти.

Можетъ-быть, казнь уже свершилась въ эту самую ночь. Они часто такъ думаютъ. **Можетъ-быть**, прекрасная голова моего Генриха уже упала подъ топоромъ. **Можетъ-быть**, его съ сотнею другихъ жертвъ бросили въ Лудару. **Можетъ-быть**, его трупъ уже лежитъ у воротъ нашего замка!

Въ это время часы въ комнатѣ пробили пять; мамца, стоявшая на столѣ, погасла, и въ комнатѣ разлился глубокой мракъ.

Клемантина съ пронзительнымъ крикомъ бросилась къ маркизу, и, будто сама природа раздѣляла ея отчаяніе, проливной дождь застучалъ по стекламъ оконъ.

Въ эту минуту заблестало предразсвѣтное сіяніе дня. Маркизь и дочь его, обративъ глаза вокругъ себя, увидѣли столъ, на которомъ еще лежали контрактъ и перо, на полу перчатка, обривенная виконтъ; кресла, на которыхъ сидѣли свидѣтели, все еще столыца полукружіемъ—все напоминало сладкій сонъ любви и счастья.

При этомъ зрѣлищѣ старикъ и Клемантина пролили слезы, облегчившія ихъ горестъ; но вдругъ страшный шумъ послышался у воротъ замка и въ то же мгновеніе звонъ сильно дермутаго колокольца пробудилъ слугъ и собакъ.

— Синіе мундиры! опять синіе мундиры! кричалъ одинъ изъ слугъ у дверей, между-тѣмъ, какъ другіе бѣжали къ воротамъ.

«Спрячьтесь, батюшка, вась хотить-схватить!» воскликнула Клемантина, взявъ отца за руку и увлекла его въ другую комнату.

—Такъ что жъ! Пусть они возьмутъ меня, сказалъ старикъ съ рѣшимостію челоуька, готоваго на все.

«Тамъ они не разлучатъ насъ» приговорила дѣвица де-Роанъ, падая на грудь отца.

Но вскорѣ описанія ихъ разстѣлись при видѣ челоуька, вошедшаго въ комнату. Это былъ молодой республиканскій офицеръ, ивсколько-угрюмый, но вѣжливый, съ щегольскими русыми усиками, между-тѣмъ, какъ на головѣ его волосы были черные, обстриженные à la Titus; онъ по-военному привѣтствовалъ маркиза, весьма-почтительно поклонился его дочери и сказалъ съ важностію:

«Гражданинъ, я поручикъ Ларивъ. Нынѣче ночью получилъ я приказаніе выйти изъ Нанта съ тридцатью челоуьками, и гражданинъ-комендатъ требуетъ, чтобъ вы помѣстили ихъ и меня въ своемъ замкѣ».

Маркизь и дѣвица де-Роанъ отдохнули, услышавъ эти слова. Капитанъ Морешъ по-видимому пощадилъ ихъ въ своемъ донесеніи, и республика оставила ихъ только *подъ сильными надзорами*. Таково было порученіе, данное Лариву, и г. де-Роанъ съ дочерью приняли его очень ласково, надвѣсь услышать отъ него вѣсти о виконтѣ. Но, къ-несчастью, офицеръ не могъ ничего сказать о немъ, и маркизь напрасно посылалъ въ городъ парочныхъ съ тѣмъ же намѣреніемъ.

Ларивъ рано вечеромъ отправился въ отведенную ему комнату, и Клемантина осталась одна съ отцомъ. Вдругъ, взглянувъ въ окно, у котораго плакала ночью, она увидѣла тихонько-проскользнувшую тѣнь, и услышала, кто-то три раза ударилъ въ стекло.

— Кто тамъ? вскричала она, съ трепетомъ приближаясь къ отцу; потомъ, успокоенная радостнымъ предчувствіемъ, она подбѣжала къ окну и отворила его.

Это былъ товарищъ Марсіала, вѣрный Жанъ-Пьеръ.

Клемантина едва распознала Бретонца: такъ онъ въ два дня перемѣ-

нились. Измученный усталостью и безпокойствомъ, онъ сверхъ-того принесъ двойную жертву, стоявшую ему не мало сожальна. Его длинные волосы пали подъ республиканскими ножницами, а картузь-амфибля былъ замѣненъ якобинской шапкой. По всему было видно, что онъ пустился на важную предпріятія.

— Живъ ли онъ? спросили его маркизъ и Клементина.

Жанъ-Пьеръ улыбнулся и кивнулъ головою. Дѣвица де Роанъ упала на колѣни и сказала съ умиленіемъ:

— Благодарю, благодарю тебя, Господи! Если ты сохранилъ его досель, это значитъ, что тебѣ угодно возвратить его намъ.

Маркизъ сжалъ жесткую руку Бретонца, который, не прерывая своего таинственнаго молчанія, подалъ ему клочекъ бумаги; на ней виконтъ написалъ кровью слѣдующія слова:

«Я все сижу въ амбаръ, счастливый жизнью, потому-что вы меня простили. Послѣ завтра наступитъ моя очередь идти на эшафотъ въ Буффе (*), но Жанъ-Пьеръ, нашедшій ко мнѣ доступъ, обѣщается завтра спасти меня.

«Разскажите ему все, что дѣлается у васъ въ замкѣ, и если хотите бѣжать со мною, такъ приготовьтесь. Завтра или я погибъ, или мы все спасены.»

«Генрихъ.»

Не смотря на горестъ, причиненную этимъ письмомъ, маркизъ и дочь его съ хладнокровіемъ стали спрашивать Жана-Пьера. Услышавъ, что замокъ занятъ солдатами, онъ сдѣлалъ гримасу, обнаружившую его безпокойство, впрочемъ не отчаявался обмануть ихъ. Онъ не имѣлъ времени объяснить маркизу свое предпріятіе касательно бѣгства виконта, и не зналъ еще

(*) Площадь въ Нантѣ, на которой тогда стояла гильотина.

какимъ образомъ онъ къ нимъ завтра явится. Напослѣдокъ онъ показалъ имъ на небо и на свои четки, просилъ ихъ возложить упованіе на Бога и отправился тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ, перелѣзши черезъ стѣну въ десять футовъ вышиною.

Черезъ часъ все уже спали въ замкѣ, а между-тѣмъ маркизъ и дочь его приготовляли все, что было нужно. Клементина молилась передъ распятиемъ, а маркизъ переходилъ изъ комнаты въ комнату и хлопоталъ съ осторожностью старца и съ дѣтельностью юноши. Онъ уничтожилъ все, что могло препятствовать ихъ побѣгу, собралъ все, что могло споспѣшествовать ему, припряталъ золото и прочія драгоценности, предоставилъ дочери привести въ порядокъ кой-какія мелочи, а самъ на-разсѣвъ отправился въ глубину своего парка. Тамъ онъ поручилъ надежному и ловкому челоуѣку легкую и крѣпкую лодку, велѣлъ ему не покидать своего мѣста до слѣдующей ночи и поспѣшно воротился къ Клементинѣ.

На другой день за завтракомъ Ларивъ замѣтилъ большую перемену въ своихъ хозяевахъ. На ихъ лицахъ, еще невыражавшихъ полнаго убѣжденія въ безопасности, просвѣчивалъ лучъ надежды. То же самое обнаруживалось и въ ихъ поступкахъ. Вчерашнюю принужденную учтивость и болзливую услужливость замѣнила дружеская ласка. Находя ихъ общество весьма-любезнымъ, республиканскій аргусъ откинулъ все подозрѣнія, и его хозяева были имъ столько же довольны, сколько онъ былъ доволенъ ими.

Къ-несчастью, эта дружба была непродолжительна, и день кончился весьма-печально.

— Завтра я буду спасенъ, или мы все погибнемъ, писалъ виконтъ.

Не нѣтъ о немъ никакого слуха

цѣлое утро, маркизъ и двинца де-Ро-аянъ начала безпокоиться. Наступилъ полдень,—ничего не слыхатъ: ихъ безпокойство перешло въ ужасъ... Вотъ и вечеръ—все то же. Какъ бы чувствуя внезапное приближеніе ночи и смерти, Клемантина упала въ обморокъ въ присутствіи поручика.

— Это что значить? вскричала удивленный Ларивъ, замѣтивъ, что маркизъ блѣденъ такъ же, какъ и дочь его.

Въ ту же минуту въ комнату явился его сержантъ и съ недоверчивымъ видомъ подалъ ему депешу.

Надобно сказать, что этотъ сержантъ былъ образцомъ неистоваго республиканца,—плоская, злая рожа, косою и рыжий; все въ замкѣ маркиза бѣгала отъ него, какъ отъ пугала. Поищники, которыхъ онъ называлъ аристократами или прошлыми (*des si-devant*) всегда предчувствовали бѣду, когда онъ къ нимъ приближался, и даже своему начальнику казался онъ воплощеннымъ зломъ, горько-напоминающимъ ему самую тяжкую его обязанность. Его звали выразительнымъ именемъ Ромула, приводившимъ въ трепетъ поручика. Если бы, по правѣ Рема, офицеръ перескочилъ за предѣлы долга, то сержантъ, новый Ромулъ, погубилъ бы его безъ всякой жалости.

Вообразите, какое дѣйствіе произвелъ этотъ человекъ, вдругъ появившись въ такую минуту.

— Генрихъ погибъ! вскричала Клемантина, конвульсивно пришедшая въ себя отъ ужаса.

Ларивъ затрепеталъ, услышавъ это восклицаніе и это имя, между-тѣмъ, какъ Клемантина устремила на него взоры, стараясь прочесть въ глазахъ его содержаніе депеши.

Но поручикъ свернулъ ее съ мрачнымъ видомъ и вышелъ, сказавъ сквозь зубы: теперь я знаю, что это за Генрихъ.

Т. X. — Отд. VII.

— Я вамъ все скажу, поручикъ, сказалъ Ромулъ, слѣдуя за своимъ офицеромъ. Я ужъ давно подмѣтилъ, что тутъ кое-что кроется, примолвилъ онъ, злобно улыбаясь. Миѣ садовникъ подхлѣпкомъ выболталъ все.

И онъ разсказалъ Лариву всю исторію гражданина Шпахмана съ начала до конца.

— Вотъ что за человекъ этотъ Генрихъ, и вотъ почему они васъ объ немъ такъ много разспрашивали. Эти «прошлые» не сводятъ знакомства съ республиканскими офицерами, а якипаются съ начальниками проклятыхъ шуановъ.

Ларивъ видѣлъ печальную истину въ этихъ грубыхъ словахъ.

Итакъ, этотъ Марсіаль, преобразившійся въ свирѣпаго шуана, этотъ Марсіаль имѣлъ сладкозвучное имя Генриха; онъ былъ любимъ Клемантиною и обрученъ съ нею.

И Ларивъ, по чувству ревности, взволновавшей его сердце, сознался, что самъ страстно влюбленъ въ Клемантину.

— Вотъ тутъ пишутъ, что онъ убѣжалъ, примолвилъ Ларивъ, разинная въ рукахъ депешу.

«Убѣжалъ! Онъ убѣжалъ, тысячу смертей!» съ горестію вскричала Ромулъ, не цереставалъ подсматривать за своимъ начальникомъ. «Такъ это правда!» примолвилъ онъ, прочитавъ бумагу. «И они безъ стыда признаются, что выпускаютъ шуановъ, чортъ побери! Ужъ вѣрно Каррье за одно съ Питтомъ и принцемъ кобургскимъ!

Эта бѣшеная выходка республиканскаго сержанта позабавила бы Ларива во всякое другое время; но теперь онъ затрепеталъ, когда Ромулъ прочиталъ приписку къ депешѣ, въ которой поручалось офицеру какъ-можно-строже присматривать за его хозяевами.

На другой день утромъ Ларивъ явилъ

ся опять въ залъ, но уже не нашель тамъ Клементины. Маркизь одинъ пришелъ къ завтраку и сказалъ, что дочь его нездорова. Онъ съ признательностію замѣтилъ, какъ непріятна была офицеру эта вѣсть; они было-разговорились между собою, какъ Ромуль долезъ офицеру о присланномъ къ нему чловѣкѣ. Маркизь позволилъ Лариву тутъ же припять его и хотѣлъ-было идти къ дочери, но въ эту минуту вошелъ Жанъ-Пьеръ. Бретонецъ былъ одѣтъ, какъ сѣдують республиканскому солдату.

— Отъ капитана - коменданта изъ Шантне, сказалъ онъ, подавая письмо поручику.

«Возвратитесь сюда съ своимъ отрядомъ: я нѣмю въ васъ крайнюю нужду.»

«Капитанъ Лебланъ.»

— Капитанъ Лебланъ! вскричалъ Ларивъ: что это значитъ? Два дня тому назадъ Дюрокъ былъ комендантомъ въ Шантне.

Жанъ-Пьеръ при сихъ словахъ покраснѣлъ, но слегка, такъ-что одинъ маркизь это замѣтилъ.

«За два дня, это правда» отвѣчалъ Жанъ-Пьеръ: «но вчера капитанъ Дюрокъ смѣнёнъ, и на его мѣсто поступилъ Лебланъ.»

Ларивъ посмотрѣлъ на фуражку Бретонца и увидѣлъ на ней цифру 24. Онъ ничего не слышалъ ни о капитанѣ Лебланѣ, ни о 24 полкѣ, и не смѣлъ вѣряться посланному.

Но Жанъ-Пьеръ разсѣялъ его подозрѣнія, сказавъ ему на-ухо:

«Между нами, поручику, не терять ни минуты: дѣло идетъ о поимкѣ шуава Марсіала, который съ сотнею чловѣкъ засѣлъ въ окнахъ около Жигана.»

— Шуанъ Марсіалъ! вскричали разомъ Ларивъ и Ромуль.

И, обрадовавшись случаю подрасть-

ся съ личнымъ врагомъ своимъ, поручику отдалъ приказаніе немедленно выступить.

— Виконтъ будетъ сюда черезъ пять минутъ, сказалъ Жанъ - Пьеръ маркизу. Черезъ полчаса вы должны бѣжать съ нимъ.

Маркизь едва не потерялъ разсудка, услыша эту повость. Еще нѣсколько мгновений, и онъ уже сжималъ въ объятіяхъ друга, котораго считалъ погибшимъ, заперъ его въ комнату и пошелъ за Клементиною. Узнавъ, что Марсіалъ живъ и явился въ замкъ, она мигомъ встала съ постели, будто совершенно здоровая, накинула пеньюаръ и кинулась на грудь Генриха.

Виконтъ объяснилъ причины, замедлившаго его возвращеніе и, замѣтивъ крайнюю бѣдность на лицѣ Клементины, началъ отклонять ее отъ намѣренія бѣжать вмѣстѣ съ нимъ.

— Еще испытывать провидѣніе и умреть всякій день! вскричала дѣвица де-Роанъ. Нѣтъ, нѣтъ! Я уже выздоровѣла, мнѣ хорошо. Я пойду за тобой на край свѣта.

И, какъ-бы желая доказать своею дѣятельностію истину словъ своихъ, она черезъ четверть часа приготовила все, что было нужно.

«Лодка ждетъ насъ трое сутокъ» сказалъ маркизь виконту.

— И уже цѣлую недѣлю ждетъ насъ корабль у Куэрона, отвѣчалъ виконтъ. «Итакъ; прощай роанскій замокъ!» торжественно воскликнулъ старикъ.

— Прости, могила моей матери! сказала Клементина.

— Прости, слава! приговаривалъ Генрихъ.

— Прости, Франція! сказали всѣ трое.

Бросивъ послѣдній взоръ, отеревъ послѣднюю слезу, они собрались въ путь... Вдругъ Жанъ-Пьеръ съ испуганнымъ лицомъ бѣжалъ въ комнату.

«Останьтесь и спрячьтесь виконт!» вскричал онъ, задыхался отъ скорого бѣга. «Все открыто; онъ погибъ, если его уведутъ.»

Эти слова поразили всѣхъ будто громовымъ ударомъ. Клементину, лишившуюся чувствъ, отнесли въ ея комнату.

Тогда во всѣхъ замкахъ были потайныя комнаты, послѣднее убѣжище отъ бѣды и смерти. Въ верхнемъ этажѣ замка роанскаго тоже былъ такой укромный уголокъ, куда маркизъ увелъ Марсіала и Жана - Пьера, а между - тѣмъ лакей убралъ всѣ вещи, приготовленныя для дороги, въ которую хотѣли было пуститься несчастные. Бретонецъ рассказалъ старику, отъ-чего не удалась его хитрость. Прошедши полмили отъ замка, гарнизонные солдаты встрѣтились съ отрядомъ волтижеровъ. Изъ любопытства или недовѣрчивости Ларивъ спросилъ ихъ о новомъ коммандантѣ въ Шантне.

— Капитанъ Лебланъ и его письмо — все это мое изобрѣтеніе, сказалъ Жанъ-Пьеръ. Синіе мундиры поворотили оглобли, и я едва успѣлъ ускользнуть отъ нихъ и добѣжать сюда. Слава Богу, что во-время, примолвилъ онъ, взглянувъ въ окошко: вотъ уже ихъ разставляютъ у всѣхъ выходовъ; поспѣшите сойдти и принять ихъ.

Маркизъ, тщательно заперевъ убѣжище Марсіала, спустился внизъ и безъ малѣйшаго смущенія отвѣчалъ на вопросы Ларива, который, осмотрѣвъ весь домъ, не нашелъ въ немъ ничего возбуждающаго подозрѣніе.

«Такъ не даромъ же этотъ плутъ сыгралъ съ нами такую шутку» замѣтилъ Ромуль, дерзко смотря на хозяйина и на своего начальника. «Да ладно, мы посмотримъ» прибавилъ онъ, ухватившись за эфесъ: «мы будемъ держать ухо востро, тысяча бомбъ! и если

здѣсь покажется хоть тѣнь аристократа, или бѣлаго...»

И санкилотскій сержантъ выразительными тѣлодвиженіемъ dokonчилъ свою фразу.

«А васъ, поручикъ» сказалъ онъ Лариву потихоньку: «прошу не поддаваться, какъ вы это сдѣлали прежде; вспомните, что вашъ товарищъ Ромуль глазу съ васъ не сводить.»

При этомъ дружескомъ замѣчаніи поручикъ задрожалъ тѣмъ сильнѣе, что ревность уже тайно шептала ему: Марсіалъ скрывается въ замкъ.

Виконтъ и Жанъ - Пьеръ были заперты въ комнату, изъ которой спускалась въ садъ потаенная лѣстница. Такимъ-образомъ можно было опять, хотя ие безъ опасности, пуститься въ бѣгство, но надобно было усыпить подозрѣніе и ожидать выздоровленія Клементины. На это требовалось не менѣе недѣли, а между-тѣмъ маркизъ рѣшительно запретилъ молодымъ людямъ видѣться между собою. Жестокая, но необходимая обязанность, которую виконтъ и Клементина незамедлили нарушить. Единственное окно въ комнату затворниковъ выходило въ паркъ.

— Отсюда я могу видѣть Клементину, говорилъ самъ себѣ Генрихъ.

«Тамъ я могу видѣть Генриха» говорила Клементина.

И, немного оправившись, дочь маркиза поспѣшила выйти изъ комнаты, какъ-бы торопяся доказать, сколь благопріятствуютъ ея выздоровленію чистый воздухъ и уединеніе парка.

Легко вообразить, какъ обрадовался де-Фроссё, увидѣвъ въ первый разъ розовое платье Клементины. Дѣвица де-Роанъ нарочно выбрала этотъ веселый цвѣтъ, чтобы, рѣзче отъѣялась на темной зелени, хотя этимъ сколько-нибудь ободрить и утѣшить скорбное сердце страдальца. Виконтъ въ

мгнуту понять эту вѣжную предубо-
трительность и въ знакъ благодарно-
сти безразсудно отворилъ окно въ
своей темницѣ.

Прогулки Клемантины по саду бы-
ли такъ продолжительны, что больше
причиняли ей вреда, нежели доставля-
ли пользы, и она съ прискорбьемъ го-
товилась - было прекратить ихъ; къ
счастью, сила сердца восторжествовала
надъ немощю тѣла; обрученныя со-
кратили свои свиданія и стали видѣть-
ся только по два раза въ день.

Желанія несчастныхъ возрастаютъ
по мѣрѣ ихъ удовлетворенія... и му-
дрено ли? Вскорѣ де-Фроссё казалось
весьма-недостаточнымъ опасное удо-
вольствие любоваться розовымъ пла-
тьемъ Клемантины.

Однажды ночью Жанъ-Пьеръ, от-
правившись за пищею, принесъ мар-
кизу де-Роану покорную просьбу.

— Не имѣя другаго разсѣянiя, кро-
мѣ разсматриванiя окрестностей, ви-
контъ убѣдительно просить телескопа,
въ который могъ бы видѣть берега
Луары.

Исцуганный маркизъ въ первый
день отказалъ, а во второй согласи-
лся съ условiемъ, чтобъ не отворять
окна.

Можно ли влюбленныхъ удержать
отъ безразсудства? Видя теперь другъ
друга такъ хорошо, они стали при-
думывать способы для взаимныхъ раз-
говоровъ.

— Г. виконтъ очень скупаетъ отъ
бездѣйствiя, сказалъ Жанъ - Пьеръ
маркизу, и маркизъ далъ ему бумагу.

И что же виконтъ могъ написать
больше, кромѣ «Клемантина, я люблю
тебя»; и опять: «я люблю тебя, Кле-
мантина». Онъ точно и писалъ это,
только въ разныхъ формахъ, со всеми
измѣненiями. Жанъ-Пьеръ смастерилъ
родъ пращи, посредствомъ которой

всякій день бросалъ по писму въ
паркъ къ Клемантинѣ.

За этою новозобрѣдочною шуткою
слѣдовала другая. Виконтъ обращался
къ своей невѣстѣ съ разными вопро-
сами, а та отвѣчала утвердительно —
книгою въ рукахъ, или отрицательно —
платкомъ. Мало-по-малу такимъ обра-
зомъ начали образовываться цѣлыя
фразы и составила полная пере-
писка.

Между-тѣмъ дни текли; сержантъ
Ромуль сторожилъ денно и ночью. Ла-
ривъ растерялъ остальной разсудокъ,
видя со дня на день разцвѣтающiя пре-
лести Клемантины; а старикъ де-Роанъ,
предполагая, что пора наконецъ ва-
ступила, рѣшился на третью ночь пу-
ститься въ дорогу.

Въ остальные два дня начали пома-
леньку сваржаться. Всѣ тюки были
снесены къ комнатѣ Клемантины, какъ
въ самое безопасное мѣсто; у выхода
изъ парка снова явилась лодка. На-
значено было, чтобъ Жанъ-Пьеръ въ
глухую полночь первый отправился съ
тюками, за нимъ маркизъ, а послѣ не-
го виконтъ съ Клемантиной.

Съ перваго дня начали прибѣгать
къ разнымъ средствамъ, чтобъ снова при-
обрѣсть довѣренность Ларива. Нѣсколь-
ко ласковыхъ словъ, сказанныхъ дѣ-
вицею де - Роанъ, совершенно вскру-
жили ему голову, и онъ, вполнѣ раз-
увѣрясь въ присутствiи Марсиала, сталъ
уже мечтать, что скоро займетъ его
мѣсто въ сердцѣ Клемантины.

— Вѣдь онъ не моложе и не ловчѣе
меня, этотъ предподитель шуавовъ! го-
ворилъ самъ себѣ Ларивъ. Онъ при-
говоренъ къ смерти, а у меня прекра-
сная будущиость; онъ губить дѣвицу
де-Роанъ, а я могу спасти ее... При-
томъ же Бурбоны никогда не возвра-
тятся, а время всего сильнѣе. Кто зна-
еть, можетъ-быть, и она забудетъ его,
и онъ оставитъ ее; люди безпрестанно

вѣняются въ своихъ чувствахъ и мнѣнiяхъ, и кто знаетъ, что тогда...

У молодого республиканца закружилась голова: онъ уже видѣлъ передъ собою изодраннаго контрактъ Марсіаля, видѣлъ награду любви своей... Посудите, что съ нимъ было, когда Клемантина привѣтливо ему улыбалась, и могъ ли онъ отказать прекрасной пресвительницѣ, утѣшавшей его въ слѣзко-строгомъ падѣнiи за замкомъ.

Уладивъ все дѣло накануне рѣшительнаго дня, маркизъ, Клемантина и виконтъ заснули съ полною увѣренностью въ успѣхъ. Но если Ларивъ и началъ смотреть сквозь пальцы, за то другіе глаза бодрствовали неуслышно— глаза сержанта Ромуля.

Было два часа за полночь: въ замкѣ роапскомъ все спали, или казались спящими. Клемантина, безпокойно дремавшая, была внезапно пробуждена шорохомъ шаговъ въ корридорѣ. Испуганная этимъ шумомъ, она приподнялась и начала прислушиваться. Среди безмолвія достигла до нея человѣческіе голоса, и вотъ послышались слова, произнесенныя повѣлительнымъ тономъ:

— Ступайте черезъ комнату гражданки!

«Черезъ мою комнату!» вскричала въ испугъ Клемантина, и съ великимъ усиліемъ встала съ постели. Въ самомъ дѣлѣ, въ убѣжище виконта можно было проникнуть только черезъ комнату двѣицы де-Роанъ. Не смотря на смертельный ужасъ, Клемантина схватилась за эту ободрительную мысль. Она наскоро окутывается въ пеньюаръ, зажигаетъ лампу и подходит къ двери. Между-тѣмъ голоса все ближе и ближе; нѣкоторые изъ этихъ голосовъ знакомы Клемантинѣ.

— Въ комнату огонь? спрашиваетъ одинъ, стоящій въ нѣкоторомъ разстояніи.

«Огонь» отвѣчаетъ другой, котораго дышаніе, кажется, проникаетъ сквозь замочную скважину.

— «А гражданка спитъ?» говоритъ третій.

«По-крайней-мѣрѣ, я не слышу ни малѣйшаго шума.»

— Ну, такъ посмотримъ, заперта ли дверь изнутри.

Кто-то тихою рукою схватилъ за ручку и послышался голосъ:

— Заперта.

«Ну, такъ я отопру ее своими колющимъ» сказалъ нѣкто голосомъ, болѣе громкимъ и грознымъ.

— Ромуль! сказала двѣица де-Роанъ, ledenъ отъ ужаса:

Она отступила предъ страшнымъ сержантомъ, и солдаты въ свою очередь отступили при видѣ ея. Образъ женщины въ бѣломъ пеньюарѣ поразили ихъ, какъ явленіе призрака, и они тогда только узнали Клемантину, когда Ромуль сказалъ ей нѣсколько словъ.

При всемъ томъ двѣица де-Роанъ было не трудно догадаться о ихъ мнѣніи: страшная истина предстала ей среди смущенія, дремотнаго забвенія и ужаса... Вѣроятно Ромуль подсмотрѣлъ ея прогулки по варку, открывъ убѣжище Марсіаля и хотѣлъ схватить его. Она погубила виконта, одна она можетъ и спасти его!

Но какъ спасти его, великій Боже? какъ остановить двадцать человѣкъ буйныхъ солдатъ?

Между-тѣмъ, какъ солдаты приходили въ себя отъ перваго изумленія, лучъ надежды одушевлялъ Клемантину. За ея комнатой былъ охотничій кабинетъ маркиза, съ тяжелыми дверями, съ массивною мебелью; тамъ стояли заряженныя ружья. Тамъ висѣлъ шнурокъ отъ звонка, по которому всякую ночь прибывалъ Жаанъ - Пьеръ. Туда она вздумала вызвать Брестонца, затруднить тамъ сколь-можно входъ

въ убижище Генриха, по-крайней-мѣрѣ, умереть прежде, нежели они его схватятъ.

Жертвуя естественной слабости, она на минуту поколебалась. Но любовь побѣждаетъ природу. Не отчаявъ Ромулу, дѣвица де-Роанъ бросается въ охотничью комнату, запираетъ дверь, заставляетъ ее всѣмъ, что попало ей подъ руку и всѣмъ всѣхъ силъ звонить въ колокольчикъ. Черезъ двѣ минуты Жауъ-Пьеръ прибѣгаетъ и въ трещетѣ останавливается на порогѣ.

Онъ позналъ все, увидя Клемантину блѣдную, съ растрепанными волосами, услыша яростный голосъ и страшные удары, которые сыпались въ дверь. Жауъ-Пьеръ схватилъ огромное бюро, приставилъ его къ слабой баррикадѣ, устроенной Клемантиною, потому нагромоздилъ еще и еще другія мѣбели. Но Клемантина позвала его не для себя и велѣла ему воротиться къ виконту.

— Дай знать обо всемъ моему отцу; сказала она съ спокойствіемъ отчаянія: паркъ свободенъ, лодка готова; пусть они бѣгутъ, не ожидая меня... и ты самъ бѣги... бѣги, Жауъ-Пьеръ.

Жауъ бросился-было, но остановился... Что будетъ съ нею, если онъ ее оставитъ?

«Бѣгите» сказалъ онъ: «и спасайтесь съ нами; пусть они меня убьютъ здѣсь.»

— Несчастный, вскричала Клемантина: да развѣ ты не видишь, какъ я дрожу и шатаюсь... Солдаты прежде меня прибѣгутъ къ Генриху.

Она вытолкнула крестьянина изъ комнаты и съ отчаянною рѣшимостію возвратилась къ своему посту.

Между-тѣмъ, солдаты приступали съ уможающею яростію. Ромулъ рвался, какъ тигръ, почувшій близкую добычу. Наконецъ подъ ударами двад-

цати ружейныхъ прикладовъ двери разламываются и упадаютъ съ шумомъ... Сержантъ почти-такъ же близко къ Генриху, какъ и Жауъ-Пьеръ.

— Боже мой, Боже мой! воскликнула Клемантина, едва держаась на ногахъ.

И ея блуждающіе взоры ушли на оружіе, развѣшанное по стѣнѣ... Она схватываетъ заряженный пистолетъ, ставитъ подѣ себя двуствольное ружье, уставляетъ пистолетъ противъ солдата, который первый ворвался въ комнату.

— Остановись, или смерть тебѣ! сказала она голосомъ слабымъ, но страшнымъ.

Испуганный солдатъ отступалъ; во мѣсто его явился другой съ прикинутымъ штыкомъ.

Тогда Клемантина, почти въ безпамятствѣ, конвульсивно спустила курокъ, и всѣ солдаты отъ раздавагося выстрѣла попятились за двери. Пуля ударила въ потолокъ, никто не былъ раненъ; дѣвица де Роанъ бросила пистолетъ и схватила ружье. Сержантъ трясся отъ гнѣва, будто пораженный ея выстрѣломъ.

«Стрѣляй въ аристократку!» крикнулъ онъ одному солдату.

Солдатъ приподнялъ ружье, но въ ту же минуту опустилъ его... Какъ можно стрѣлять въ женщину?

«Ты боишься, трусъ?» сказалъ сержантъ, выхвативъ у него ружье.

И хладнокровно приложившись, онъ всадилъ весь зарядъ въ ногу Клемантины. Она жалобно вскрикнула, прованесла имя виконта и упала поперекъ порога.

«Вотъ, и кончено!» сказалъ Ромулъ. «Впередъ, маршъ, ребята!..»

И онъ первый перешагнулъ черезъ Клемантину. Вдругъ послышался громкій голосъ: «Стойте, бездѣльники!» Это былъ поручикъ Ларивъ.

— Негодяй! закрывалъ молодой ре-

спубликавецъ, не внимая ничему, кромѣ своего справедливаго негодованія: — стрѣлять въ женщину, и потомъ шагать черезъ нее!.. Прочь, мерзавцы! назадъ!.. Васъ разстрѣляютъ какъ собакъ.

И съ силою, внушенною гнѣвомъ и сознаніемъ своей власти, онъ оттолкнулъ солдатъ на другую сторону комнаты. Напрасно Ромуль кричалъ ему: «Марсіаль тамъ на-верху... Позвольте мнѣ схватить шуаца!.. Онъ убавитъ опять.»

Ларивъ слышалъ только слабыя стоны Клементины; онъ видѣлъ только ее и потихоньку ее приподнималъ.

«Не говорилъ ли я вамъ, что онъ ее любитъ?» говорилъ Ромуль солдатамъ, улекая ихъ за собою. «Хорошо! я ихъ обвиняю, если въ этомъ арисократическомъ лабиринтѣ нельзя найти другой дороги къ западнъ шуаца.»

Между-тѣмъ, Жавъ-Пьеръ успѣлъ обо всемъ уведомить маркиза и виконта. Узнавъ объ опасности, которой подвергалась Клементина, ни тотъ, ни другой не вздумали бѣжать, а поспѣшили къ ней на помощь. Не смотря на дальнѣйшее разстояніе, де-Фроссѣ прибѣжалъ первый и увидѣлъ Клементину, лежащую безъ чувствъ на рукахъ поручика. Въ ту же минуту явился и маркизь, и оцѣпнѣвъ при этой ужасной картинѣ... Потомъ онъ подошелъ къ дочери, сказалъ нѣсколько прерывистыхъ словъ и увидѣлъ, что объ ея ноги были насквозь пробиты пулею.

— Дочь моя, дочь моя! вопилъ несчастный: кто убилъ ее?.. А! это ваши солдаты! сказалъ онъ, увиди Ларива.

И онъ съ яростію бросился-было на поручика, но замѣтивъ, что горестъ Ларива была сильнѣе его собственнаго отчаянія.

Среди ужасовъ виконтъ, считавшій

себя виновникомъ всѣхъ сихъ бѣдствій, рѣшился сохранить хладнокровіе. Онъ вскорѣ увѣрился, что пуля не пробывъ кости въ ногахъ Клементины, взявъ на руки свою невѣсту, положилъ ее тихонько на кровать и, расточая надъ нею нѣжнѣйшія ласки, успѣлъ привести ее въ чувство.

— Генрихъ! сказала она, взглянувъ на него и сжавъ руку своему отцу.

Потомъ она вдругъ вспомнила все, взглянула на нихъ опять и увидѣла за ними Ларива, неподвижнаго и блѣднаго.

— Вы еще здѣсь? вскричала она съ ужасомъ: бѣгите, бѣгите, или вы погибли!..

«Пусть мы тысячу разъ погибнемъ, но не оставимъ тебя!» отвѣтилъ виконтъ, стоя на коленяхъ у ея изголовья... «Ахъ, Клементина, Клементина!» примолвилъ онъ въ отчаяніи: «для чего Марсіаль не пролилъ всей своей крови на эшафотъ; тогда не была бы пролита эта драгоценная кровь.»

Ларивъ затрепеталъ, услыша имя Марсіала, хотя уже гораздо-прежде узналъ своего соперника. Клементина видѣла, что онъ имъ сострадастъ и взглянула на него съ признательностію, будто умоляя о помощи.

— Марсіаль, сказалъ наконецъ Ларивъ, взявъ его за руку: всѣ мои солдаты уже давно ищутъ васъ по всему замку, и вы понимаете, что...

«Что я въ вашихъ рукахъ? Это само собою разумѣется!» сказалъ виконтъ, и опять обратился къ Клементинѣ.

— Напротивъ, что я еще имѣю время васъ спасти, сказалъ Ларивъ, удерживая его.

Генрихъ взглянулъ на него съ изумленіемъ и протянулъ къ нему руку въ знакъ благодарности.

— Не благодарите меня, сказалъ поручикъ съ горестію: вы то же сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ. Я охотно

предложили бы вамъ честный бой со шпагою или пистолетомъ въ руки, но не считайте меня шпиономъ республики. Вамъ остается еще пять минутъ, въ-продолженіе которыхъ вы можете отправиться.

«Бѣжать?» отвѣчала Марсель: «а этотъ старикъ, эта дѣвушка?»

— Этотъ старикъ и эта дѣвушка погибли, если мои люди насъ здѣсь увидятъ. Маркизъ и г-жа Клемантина не по незнанію укрывали переодѣтаго шуана, а были умышленными его сообщниками, следовательно ихъ ожидаетъ смертный приговоръ. Спасая себя, вы спасете и ихъ.

Ларивъ дѣйствовалъ благоразумно и совершенно-безкорыстно; при всемъ томъ виконту было тяжело склониться на его совѣты. Наконецъ онъ рѣшился пожертвовать своей любовью ея же безумными желаніями, съ горечію взялъ за руку маркиза де-Роана и сказалъ ему въ-полголоса:

«Прощайте, маркизъ. Много бѣдъ я надвѣлалъ вамъ. Настала пора съ вами разстаться. Прощай, Клемантина» примолвилъ онъ, задыхаясь. Клемантина уже не слыхала, не видѣла его: она снова пришла въ безпамятство.

— Когда ты этого хочешь, сказалъ ему маркизъ на ухо: такъ не «прощай», а «до свиданія». Бѣги на лѣстницу, въ паркъ, на лодку, на корабль. Будь здоровъ и счастливъ, возьми съ собой Жана-Пьера, и жди насъ близъ Куэропа.

«Берегите ее» примолвилъ виконтъ, показывая на Клемантину. Онъ бросился къ ней, оросилъ слезами ея руки и убѣжалъ за двери охотничьей комнаты.

— Богъ да сопутствуетъ ему! сказалъ Ларивъ, со вздохомъ запирая дверь: и за зло, которое онъ мнѣ причинилъ, пусть насладится онъ счастьемъ на другомъ концѣ свѣта.

На другой день Ларивъ успѣлъ увѣ-

рить своихъ солдатъ, что Ромуль ошибался, полагая, что Марсаль въ замкѣ поручикъ арестовалъ человека, вѣстрѣлившаго въ Клемантину. Къ-всчастію, языкъ и руки Ромула были свободны, и онъ послалъ донесеніе въ Нантъ обо всемъ, что случилось.

Въ-продолженіе пяти дней Ларивъ и старый маркизъ ухаживали за Клемантиною; надежды офицера возобновились видѣть съ онами больную, какъ вдругъ на шестой день вечеромъ въ роанскій замокъ вступилъ взводъ жандармовъ и захватилъ маркиза и дочь его. Не смотря на плачевное состояніе Клемантины, не смотря на усердное ходатайство Ларива, Роаны были отвезены въ Нантъ и приговорены къ смерти. Приговоръ долженъ былъ исполниться въ двадцать-четыре часа. Привыкнувъ дѣйствовать быстро, республиканскій трибуналъ былъ уже готовъ передать ихъ въ руки палача, какъ вдругъ одинъ офицеръ республики успѣлъ выхлопотать для нихъ отсрочку на нѣсколько часовъ и спасъ ихъ, назвавъ Клемантину своею женою. Известно, что это обыкновеніе было заведено нѣкоторыми представителями, пользовавшимися удобнымъ случаемъ для наполненія своихъ гаремовъ, и что самъ гражданинъ Каррѣ не разъ заключалъ подобныя республиканскіе браки.

Маркизу и дѣвцѣ де-Роанъ возвратилъ свободу въ ту минуту, когда она уже готовилась идти на плаху. Съ какимъ изумленіемъ, съ какою признательностію они узнали своего избавителя въ Ларивѣ! Въ полномъ убѣжденіи, что объявленіе поручика было имъ представлено съ безкорыстною цѣлю, они не знали, какъ благодарить его, но Ларивъ тутъ же признался въ любви своей къ Клемантинѣ.

Вмѣсто всякаго отвѣта, Клемантина произнесла только имя виконта, съ

пѣжнымъ участіемъ еще разъ поблагодарила поручика, потомъ взяла за руки маркиза, стоявшаго въ безмолвіи и потребовала, чтобъ ее опять вели на эшафотъ.

— Живите! вскричалъ несчастный и великодушный Ларивъ: пусть смерть похититъ меня одного; безъ вашей любви я не хочу жить болѣе.

Въ этотъ же день маркизъ и Клемантина нашли вѣковта въ Куэронъ; Ларивъ, по допусу Ромула, былъ арестованъ, судимъ, осужденъ и разстрѣлянъ въ двадцать-четыре часа.

Черезъ три мѣсяца совершилось вѣнчаніе въ одной лондонской церкви. Женихъ, высокій и красивый молодой мужчина, подходилъ къ алтарю, а между тѣмъ два пожилые чловѣка на рукахъ несли блѣдную, прекрасную женщину, лишенную употребленія ногъ. Женихъ былъ вѣковтъ Генрихъ де Фроссё-Марсиаль, два пожилые чловѣка — маркизъ де-Роанъ и вѣрный Жанъ-Пьеръ, а несомая ими невѣста — Клемантина, которая отъ рапы не могла болѣе ходить.

— И вотъ, мой милый, почему вѣковтесса де-Фроссё-Марсиаль не можетъ танцовать даже съ такимъ кавалеромъ, какъ вы, примолвилъ мой нантскій сисегоне, рассказавъ эту трогательную исторію.

Еще полный живыхъ впечатлѣній,

произведенныхъ во мнѣ его рассказомъ, я воротился въ залу и сталъ разсматривать геронію этой были. Она вскорѣ вздумала ѣхать домой и повисла на шею своего мужа, который понесъ ее на рукахъ среди ташущихся. Я взорами слѣдилъ за ними до передней, даже до лѣстницы, до крыльца, покуда они съѣли въ карету. Съ ними съѣлъ также свдой, согбенный маркизъ де-Роанъ и другой старикъ въ крестьянской одеждѣ, Жанъ-Пьеръ. Я съ удовольствіемъ видѣлъ, что онъ снѣлъ вмѣстѣ съ господами, между тѣмъ, какъ другой слуга сталъ на запятки.

— Этихъ супруговъ, сказали мнѣ мой товарищъ: выдали не разъ въ Англіи и Итали. Доктора совѣтовали госпожѣ де-Фроссё путешествовать, и вѣковтъ носить ее вездѣ, какъ вы здѣсь это видѣли. Эту группу встрѣчали и въ храмахъ Рима, и въ лагунахъ Венеціи, и въ музеяхъ Неаполя. Когда мужъ устаетъ, тогда Жанъ-Пьеръ принимаетъ на себя это пріятное бремя, а за ними потихоньку идетъ старый маркизъ, любуясь этою картиною, которая болѣе уже не тревожитъ его сердца.

«Перестаньте! ради Бога, перестаньте!» сказалъ я своему другу дрожащимъ голосомъ: «иначе я прийду въ залу со слезами на глазахъ, а мнѣ еще надо протанцовать десять кадрили.»

МОДЫ.

Нынче опять возобновилась мода, существовавшая пятьдесят лѣтъ тому назадъ: опять стали носить гладкіе рукава, скругленные на локтѣ; у кисти небольшіе отвороты, застегнутые тремя пуговицами; съ этими рукавами корсажъ дѣлается гладкій, совершенно обтягивающій талию въ видѣ литеры У съ тремя рядами пуговицъ; эта возобновившаяся мода только начинаетъ разпространяться; но вообще рукава дѣлаются полуширокіе съ тремя или четырьмя буфами.

Кисейныя и батистовыя платья почти всѣ дѣлаются съ тремя воланами; воланы эти вырѣзаны фестонами; щеголихи вышиваютъ на нихъ какой-нибудь маленькій рисунокъ шерстью или шелкомъ; на этихъ платьяхъ большею частію носятъ сборчатые люфы.

Нередко вяжутся платья съ готическими вышивками, которыя спере-

ди похожи на тюнику, съ двойными рукавами прошлаго столѣтія.

Передники дѣлаются на толстомъ шнуркѣ, похожемъ на поясъ французскихъ монаховъ, который, крѣпко стягивая талию, завязывается спереди узломъ, отъ коего идутъ длинныя концы съ кистями.

Въ большой модѣ шляпки-капоты изъ тюля и крепа; для этихъ шляпокъ употребляются голубой, розовый и бѣлый цвѣта преимущественно передъ другими; шляпки эти отдѣляются вѣткою клематиса, боярышника, или васильками.

Соломенные шляпки для дачъ отдѣляются очень-просто: клетчатую тѣльную лентою или газомъ, въ родѣ шарфа; подъ полями подшиваются розовый, голубой или соломеннаго же цвѣта крепы; если накалываются цвѣты, то это гирлянда или изъ вереска, или маргаритокъ, иногда и лавровыя вѣтвь.

ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ КИТАЙЦЕВЪ.

(Окончаніе.)

=

XI. Церемоніаль женитьбы царевича.

Женитьба царевича состоитъ изъ трехъ статей: сватовства, помолвки и принятія невѣсты.

Сватовство при женитьбѣ царевича называется назначеніемъ брака, потому что государь предварительно назначаетъ ему невѣсту. Церемоніаль назначенія брака заключается въ слѣдующемъ: сватовство препоручается старому вельможѣ. Сей повѣренный вельможа и отецъ назначенной невѣсты—оба въ парадномъ одѣяніи—являются къ крыльцу дворца Цянь-цинь-гунъ и здѣсь становятся на колѣни, обратясь лицомъ на сѣверъ. Повѣренный вельможа, обратясь къ отцу невѣсты, объявляетъ ему волю государя, на что послѣдній отвѣчаетъ изъявленіемъ благодарности тремя колѣнопреклоненіями и девятью поклонами въ землю. Смиь оканчивается назначеніе брака. Потомъ избираютъ счастливый день, въ который царевичъ, въ парадномъ одѣяніи, отправляется сдѣлать визитъ родителямъ своей невѣсты. Свиту его составляютъ придворные вельможи, тѣлохранители и гвардейскіе офицеры. Когда придутъ къ дому невѣсты, то ея отецъ, въ парадномъ одѣяніи, встрѣчаетъ ихъ за воротами. Царевичъ, по вступленіи въ гостинный залъ, дѣлаетъ ему поклонъ. Отецъ невѣсты взаимно кланяется ему, и сію учтивость они три раза повторяютъ. Такимъ же образомъ царевичъ видится и съ матерью невѣсты. При отъѣздѣ царевича отецъ невѣсты провожаетъ его за ворота.

За назначеніемъ брака слѣдуетъ помолвка или сговоръ, при которомъ невѣста царевича предварительно получаетъ титулъ супруги. Помолвка, по принятому обыкновенію, утверждается посылкою сговорныхъ даровъ для супруги и свадебныхъ подарковъ для ея родителей. Сговорные дары для супруги состоятъ изъ:

- 1) трехъ большихъ золотыхъ головныхъ булавокъ, изъ коихъ каждая оправлена пятью жемчужинами;
- 2) трехъ малыхъ золо-

тыхъ головныхъ булавокъ, оправленныхъ одною жемчужиною; 3) золотого фермуара, оправленного семью жемчужинами; 4) трехъ паръ золотыхъ серегъ, оправленныхъ восточнымъ жемчугомъ; 5) двухъ паръ золотыхъ браслетовъ; 6) 100 золотыхъ пуговицъ для платья; 7) 200 серебряныхъ пуговицъ для платья; 8) 100 кусковъ атласа для крыши и подклада; 9) 300 гинговъ хлопчатой бумаги; 10) трехъ соболей на шапку; 11) 140 соболей на платье; 12) семи выдръ для опушки придворнаго платья; 13) 250 лисицъ на одѣяло и постелю.

Все это составляетъ будущее приданое супруги. Свадебные подарки для ея отца состоятъ изъ: 1) 10 ланъ золота; 2) 700 ланъ серебра; 3) одного придворнаго одѣянiя изъ лисицъ; 4) одной шапки изъ черныхъ соболей; 5) одного прибора золотыхъ привѣсокъ къ поясу; 6) одной пары шитыхъ чулокъ; 7) одного сѣдла.

Подарки для матери супруги состоятъ изъ: 1) трехъ паръ золотыхъ серегъ, оправленныхъ жемчугомъ; 2) одного кафтана изъ лисьихъ пашинокъ; 3) шести выдръ для опушки придворнаго платья; 4) одного сѣдла.

Ежели отецъ супруги не имѣетъ достоинства, то, вмѣсто придворнаго одѣянiя и выдръ, посылается ему одна изъ лисьихъ пашинокъ. Всѣ подарочныя вещи относятъ въ цвѣтныхъ носилкахъ, а порученiе исправляютъ члены Дворцоваго Правленiя. При семъ случаѣ отецъ супруги, въ парадномъ одѣянiи, встрѣчаетъ повѣреннаго вельможу за воротами. Сговорные дары, то-есть подарки для супруги, раскладываютъ въ гостиномъ залѣ, а свадебные подарки на крыльцѣ. Отецъ супруги съ колѣнопреклоненiемъ принимаетъ дары; потомъ съ своими родственниками сходитъ по среднему крыльцу на площадь двора, становится по восточную сторону крыльца, и, обратясь къ государеву дворцу, дѣлаетъ три колѣнопреклоненiя съ девятью поклонами въ землю. Мать супруги съ прочими дамами также сходитъ по среднему крыльцу, становится по западную его сторону, и, обратясь къ государеву дворцу, дѣлаетъ три колѣнопреклоненiя (на одно колѣно) и три наклоненiя головою. По совершенiи сего, повѣренный вельможа увѣзжаетъ, и провожаютъ его по церемонiалу. Въ этотъ день отъ двора дается театръ и пиръ изъ 50 столовъ и 36 барановъ, учреждаемый въ домѣ супруги, во внутреннемъ и вѣншемъ дворѣ. Къ сему пиру приглашаются родственники супруги, низшiе князья, придворные вельможи, свободные отъ дежурства тѣлохранители и чиновники отъ 1-го до 4-го класса. Они съѣзжаютъ предъ полуднемъ всѣ въ

парадномъ одѣяніи, входятъ въ залъ и садятся за столы. Родственники супруги, вельможи и тѣлохранители своего знамени (т. е., къ которому супруга принадлежитъ) садятся на восточной сторонѣ лицомъ къ западу (т. е. занимаютъ старшія мѣста); князья и чиновники прочихъ знаменъ садятся на западной сторонѣ—лицомъ къ востоку. Подаютъ чай. Гости, выпивъ по чашкѣ чая, всѣ дѣлаютъ по одному поклону. Потомъ подаютъ плоды и закуски и просятъ виномъ. При питіи вина начинается играть музыка, и какъ скоро перестанетъ, гости всѣ выходятъ изъ-за столовъ, перемѣняютъ парадное одѣяніе и опять садятся. Между тѣмъ снимаютъ плоды и закуски, а вмѣсто сего подаютъ кушанья, и снова просятъ виномъ. При концѣ пира музыка умолкаетъ. Гости встаютъ, выходятъ изъ зала на дворъ, и, обратясь къ государеву дворцу, дѣлаютъ три колѣнопреклоненія съ девятью поклонами въ землю. Родственницы супруги и дамы отъ 1 до 4-го класса собираются во внутреннихъ комнатахъ и угощаются виномъ по церемоніалу вишняго пира.

За день до бракосочетанія, изъ дома супруги относятъ ея приданое во дворецъ къ жениху. Въ день бракосочетанія, царевичъ, въ парадномъ одѣяніи, является къ государю, а потомъ къ государынѣ для поклоненія. Если онъ родился отъ побочной супруги, то и предъ ней дѣлаетъ поклоненіе по церемоніалу, т. е., съ уменьшеніемъ $\frac{1}{2}$. Экипажная Контора изготовляетъ свадебныя носилки въ оболочкѣ съ красными кистями. Одинъ изъ главноуправляющихъ Дворцоваго Правленія съ 30 своими офицерами и гвардейскій полковникъ съ 4 офицерами и 36 рядовыхъ отправляются въ домъ супруги для сопровожденія ея. Придворная дама, исправляющая должность церемоніймейстера, докладываетъ о счастливомъ часѣ садиться въ носилки. Супруга, въ церемоніальномъ одѣяніи и окруженная спутницами, садится въ носилки. Дворцовые служители берутъ ихъ на плечи. Впереди несутъ 16 фонарей и 20 факеловъ. Сопровождающія придворныя дамы, по выходѣ изъ воротъ, садятся на верховыхъ лошадей. Офицеры Дворцоваго Правленія и гвардейскіе слѣдуютъ за ними. Подѣхавъ къ воротамъ дворцовой крѣпости (времля), всѣ сходятъ съ лошадей и въ крѣпость идутъ пѣшіе. Придворныя дамы слѣдуютъ за носилками супруги. По прибытіи къ воротамъ царевичева дворца, супруга выходитъ изъ носилокъ, и придворныя дамы вводятъ ее во внутреннія комнаты. При наступленіи времени пить сочетательную чашу, изготовляютъ столъ изъ пяти барановъ. Для распоряженій при семъ случаѣ

избираются двѣ пожилыя классныя дамы. По совершеніи церемоніи, всѣ расходятся. Въ сей день, въ окружности царевичева дворца разставляютъ палатки, убранныя разноцвѣтными шелковыми тканями, и учреждаютъ пирь изъ 60 столовъ съ 45 баранами для угощенія родителей супруги. На другой день царевичъ съ супругою, оба въ церемониальномъ одѣвнн, сопровождаемые придворными дамами, являются прежде къ государю, потомъ къ государынѣ. Царевичъ дѣлаетъ предъ ними троекратное колынопреклоненіе съ девятью поклонами въ землю, а супруга дѣлаетъ три колынопреклоненія и три наклоненія головою. А если являются къ побочной которой-либо супругъ, то почестъ сія уменьшается. Такова же точно церемонія при бракосочетанн императорскаго внука—съ небольшимъ уменьшеніемъ и даровъ и столовъ.

• XII. ПОГРЕБЕНІЕ ГОСУДАРЕЙ.

Въ домъ нынѣ-царствующей въ Китаѣ династіи обряды при погребенн государей и государынъ время-отъ-времени умножались, и болѣе по обстоятельствамъ. Во время его пребыванія въ Маньчжуріи, похороны первыхъ двухъ государей были еще довольно-просты.

Въ 11-е лѣто правленія Тхьянь-минъ, въ 11 день 8-го мѣсяца (въ сентябрь 1626 года) скончался Гао-ди, основатель династіи Цинъ. На другой день гробъ его поставленъ былъ въ сѣверозападномъ углу города Шень-цаинъ (онъ же Мугдэнъ, столица въ Маньчжуріи). Ынь-ди, преемникъ его, отрѣзалъ косу у себя и надѣлъ трауръ, обнародовалъ манифестъ и всепрощеніе, и отложилъ пириества наканувъ новаго-года и въ новый-годъ. Въ 3-е лѣто правленія Тхьяв-цунъ (1629), совершено было погребеніе. Ынь-ди съ князьями и вельможами, ставъ предъ столомъ съ яствами у гроба, учинилъ поклоненіе и возліаніе вина. По прочтенн молитвы, онъ самъ вынесилъ гробъ, а вельможи постывили его на погребальную колесницу и похоронили на кладбищѣ Фу-линь. Въ 1-е лѣто правленія Чунъ-дэ (1636) поднесено ему почетное названіе.

Въ 8-е лѣто правленія Чунъ-дэ, въ 9-й день 8-го мѣсяца (въ сентябрь 1643 года), государь Ынь-ди скончался. Государь Чжанъ-ди, преемникъ его, въ тотъ же день отрѣзалъ у себя косу и надѣлъ трауръ. Князья и чиновники до ротныхъ начальниковъ, княгини и классныя дамы до женъ ротныхъ начальниковъ, также остригли волосы у себя и наложили на себя трауръ. Царевны и княжны, бывшія въ замужествѣ (надобно разумѣть за границею), надѣли тра-

уръ, во не остригли волосъ. На другой день гробъ выставленъ былъ въ тронной, и предъ нимъ поставленъ столъ съ яствами; князья и чиновники дважды приходили къ гробу и 18 дней дежили постъ — первые препровождая ночи въ своихъ дворцахъ, послѣдніе въ своихъ присутственныхъ мѣстахъ. Сто дней они не молились, не привносили жертвъ, не дѣлали пиршествъ; а солдаты и разночинцы продолжали сіе только 18-ть дней. Запрещено было заказати животныхъ въ-продолженіе 13-ти дней (въ это время по-неволю всѣмъ поститься должно). Чиновники по губерніямъ, со дня полученія манифеста, сняли кисти съ шляпъ и надѣли трауръ. Три дня исполняли обычный обрядъ поклоненія и производили плачь, находясь въ своихъ присутственныхъ мѣстахъ. Черезъ 27 дней сняли трауръ и совершили обрядъ перваго жертвоприношенія и великаго жертвоприношенія, а на другой день исполнили обрядъ вторичнаго жертвоприношенія. Круглый годъ совершали ежемѣсячное жертвоприношеніе (т. е. по окончаніи каждаго мѣсяца). Послѣ сего поднесли (т. е. дали) покойному государю почетное названіе. Предъ отправленіемъ на кладбище (Чжао-линь) совершено моленіе; по приносѣ гроба на кладбище, учинено жертвоприношеніе и поклоненіе, и наконецъ совершено погребеніе. Обѣ сіи церемоніи происходили въ Манчжуріи.

Въ 18-е лѣто правленія Шунъ-чжи, въ 7-й день 1-го мѣсяца (въ началѣ 1661 года) государь Чжао-ди скончался (въ Пекинѣ). Въ сей день государь Жень-ди, преемникъ сего, отрѣзалъ косу свою и одѣлся въ трауръ. Князья, гражданскіе и военные чиновники сняли кисти съ шляпъ и отрѣзали у себя косы. Царевны, княгини, княжны и всѣ дамы отъ 1-го до 8-го класса сняли съ себя серьги и остригли волосы. Поставили гробъ съ покойнымъ государемъ въ дворецъ Цянь-цинъ-гунъ, и предъ гробомъ столъ съ яствами. Утромъ, въ полдень и въ вечеру совершали возліаніе вина. Государь Жень-ди самъ ставилъ яства на столъ. Князья и князьможи, царевны, княгини, княжны и дамы первыхъ классовъ дважды въ день дѣлали предъ столомъ возліаніе вина и совершали плачь. Корпусные начальники и помощники ихъ (2 и 3-го клас.), гражданскіе и военные чиновники, въ столицѣ служащіе, ежедневно дважды совершали плачь (*) — первые за воротами Цянь-цинъ-мынь, вторые за воротами Цянь-юнь-мынь, послѣдніе за воротами Лунъ-цзунъ-мынь. Заграничные чиновники, пріѣхавшіе съ даію, три дня носили одѣ-

(*) Сей обрядъ состоитъ въ минутномъ изъявленіи глубокой печали о потерѣ.

лніе изъ блага холста, отъ правительства имъ выданное. Низшіе гражданскіе и военные чиновники, даже до студентовъ, также начальники хошановъ и даосовъ три дня приходили въ Пекинское Областное Правленіе совершать плачь. Съ четвертаго дня князья въ областномъ правленіи, княгини въ своихъ дворцахъ, чиновники въ своихъ присутственныхъ мѣстахъ, и служащіе при разныхъ должностяхъ за воротами Ву-мынь держали постъ 27 дней, включая и первые три дня. Послѣ сего князья, вельможи и чиновники до 12-го класса ежедневно однажды являлись во дворець (Цянь-цинъ-гувъ) и, становясь въ ряды по классамъ, совершали плачь. Прочіе чиновники совершали плачь за дворцовыми воротами. По прошествіи 27-ми дней со дня кончины, государь Жень-ди, а за нимъ и прочіе всѣ сняли съ себя трауръ. Въ-продолженіе ста дней князья и чиновники, какъ гражданскіе, такъ и военные, не совершали ни пировъ, ни браковъ. Солдаты и разночинцы 27 дней носили трауръ и не имѣли кистей на шляпахъ; одинъ мѣсяць не совершали браковъ; сто дней не дѣлали пиршествъ; 49 дней не закалывали животныхъ; 27 не совершали моленій, ни жертвоприношеній духамъ. Обнародовано по имперіи завѣщаніе покойнаго государя. Князья и чиновники, начальствующие надъ войсками по губерніямъ, со дня полученія манифеста, сняли кисти съ шляпъ и наложили на себя трауръ; три дня совершали плачь, а на четвертый по-прежнему приступили къ отправленію должностей. Гражданскіе и военные чиновники по губерніямъ, со дня полученія манифеста, также сняли кисти съ шляпъ и надѣли трауръ; три дня утромъ и въ вечеру совершали плачь. Классныя дамы носили трауръ 27, солдаты и разночинцы 13 дней; одинъ мѣсяць не совершали браковъ, сто дней не дѣлали пиршествъ.

При переносѣ гроба въ траурную тронную Шеу-хуанъ-дьянъ государь Жень-ди пѣшій шелъ за нимъ и производилъ рыданіе. Князья и чиновники сѣтовали, павъ ницъ на землю. При всѣхъ случаяхъ, при которыхъ положено приносить покойнымъ жертвы и совершать возліаніе, государь Жень-ди самъ совершалъ ихъ въ-продолженіе 27-ми мѣсяцевъ. Князья, гражданскіе и военные чиновники собирались по церемоніалу. Похоронили на кладбищѣ Сю-динъ. Въ-продолженіе пути, гробъ поставляли въ желтой ставкѣ. Утромъ и въ вечеру совершали предъ нимъ возліаніе.

Погребеніе государыни и прочихъ членовъ императорскаго дома совершается такимъ же образомъ, но съ значительнымъ уменьшеніемъ обрядовъ. Для каждаго государя строится особливое клад-

бище съ собственнымъ названіемъ. Каждая государыня хоронится подлѣ покойнаго своего мужа. Трауръ по ней въ народѣ продолжается только 27 дней.

Примѣч. Всѣ вышеописанные обряды, также и ~~и~~ названія государямъ по смерти, суть китайскія. Нынешній домъ Цинъ, еще въ бытность свою въ Маньчжуріи, принялъ всѣ китайскіе обряды, а изъ своихъ обрядовъ удержалъ при себѣ одно шаманство.

ХІІІ. ЦЕРЕМОНИАЛЬ ЗЕМЛЕПАШЕСТВА, СОВЕРШАЕМЫЙ КИТАЙСКИМЪ ГОСУДАРЕМЪ.

Въ южномъ предмѣстіи Пекина, извѣстномъ подлѣ названіемъ вѣшняго города, по правую сторону средней большой улицы, находится храмъ подлѣ названіемъ Жертвенника Изобрѣтателю Земледѣлія, *Сянь-нунъ-тхань* (*). Сей храмъ обнесенъ высокою каменною стѣною, имѣющей въ окружности 1,368 китайскихъ, а русскихъ 1,966 сажень. Внутри ограды собственно находится три жертвенника: 1-й изобрѣтателю земледѣлія, 2-й духу неба, 3-й духу земли, и 4-й храмъ планетѣ Юпитеру. Мы будемъ говорить о жертвенникѣ изобрѣтателю земледѣлія.

Слово «жертвенникъ» имѣетъ здѣсь два значенія: въ тѣсномъ смыслѣ значитъ возвышенное мѣсто, устроенное для приношенія жертвъ. Въ пространномъ смыслѣ означаетъ всѣ зданія, принадлежащія къ жертвеннику и обнесенныя стѣною.

Жертвенникъ изобрѣтателю земледѣлія есть четвероугольная насыпь, одѣтая кирпичемъ; въ поперечникѣ содержитъ 47, въ вышину 4½ фута. Востокъ на жертвенникъ съ южной стороны. По сѣверную сторону жертвенника храмъ, въ которомъ хранится табель, съ наименованіемъ изобрѣтателя земледѣлія. Предъ сею табелью совершается жертвоприношеніе ему. На юговостокъ отъ жертвенника находится курганъ Гуань-гынъ-тхай, съ котораго государь смотритъ на земледѣліе. Сей курганъ содержитъ въ поперечникѣ 50, въ вышину 5 футовъ; снаружи одѣтъ золотистымъ кирпичемъ. На срединѣ его разбиваютъ царскую палатку, а предъ нимъ лежитъ воздѣлываемая пашня.

Преданія повѣствуютъ, что въ первыя времена міра, когда люди еще не знали земледѣлія, а питались плодами съ травъ и деревьевъ, мясомъ птицъ и звѣрей, государь Янь-ди научилъ людей воз-

(*) Титулъ изобрѣтателя земледѣлія еще въ древности приписанъ государю *Шень-нунъ-шы*; а сіе слово въ переводѣ значитъ: божественный земледѣлецъ.

дѣлывать землю и сѣять хлѣбъ. Благодарные потомки дали ему проименованіе Шень-нунъ-шы, что значитъ «божественный земледѣлецъ», и начали обожать его подъ названіемъ Сянъ-нунъ, что значитъ «изобрѣтатель земледѣлія». Царствованіе сего государя полагають въ XXVIII вѣкѣ до Р. Х.

Нынѣ, въ день жертвоприношенія изобрѣтателю земледѣлія, ежегодно совершаемаго въ апрѣльской лунѣ, въ счастливый день подъ названіемъ хай, купно совершаютъ священный обрядъ землепашества. Еще въ XVII столѣтіи закономъ постановлено, чтобъ государь лично исполнялъ сей обрядъ, если ничто не воспрепятствуетъ тому. Въ противномъ случаѣ можетъ назначить сановника вмѣсто себя.

Церемоніаль землепашества состоитъ въ слѣдующемъ: Пекинское Областное Правленіе изготовляетъ для государя шелковую плетъ и соху желтаго цвѣта, вола подъ соху рыжаго, сѣятельное вѣно темное; для трехъ князей и членовъ девяти правительственныхыхъ мѣстъ шелковыя плети и сохи краснаго цвѣта, воловъ подъ сохи черныхъ, сѣятельныя вѣна темныя. Вѣно государево съ сѣменами ржи, вѣно для князей съ просомъ, вѣна для девяти членовъ съ пшеницею и черными бобами (волчьими-лупиками). Незадолго предъ совершеніемъ сей церемоніи, избирають 34-хъ шестидесятилѣтнихъ стариковъ, 30 земледѣльцевъ простыхъ, и четырехъ классныхъ, 14 пѣвцовъ для полевой пѣсни и 34-хъ музыкантовъ, 20 работниковъ съ вилами, граблями и лопатами. Почетные старики для государя одѣты въ шелковые цвѣтныя кафтаны и въ курмы съ нашивками; почетные старики для князей и членовъ одѣты въ китайныя кафтаны; шляпы на всѣхъ съ шариками. Земледѣльцы въ валлиныхъ шапочкахъ съ кистами, въ китайныхъ рубахахъ и порткахъ (обыкновенное одѣяніе крестьянъ); работники въ травяномъ одѣяніи (дѣлается изъ осоки, отъ дожди) и въ соломенныхъ шляпахъ.

Участокъ воздѣлываемой земли содержитъ въ длину 110, въ поперечникъ 40 футовъ. Государь, по прибытіи къ этой пашнѣ, становится лицомъ на югъ. Начинается полевая пѣсня на голосахъ и на орудіяхъ музыкальныхъ. Членъ Палаты Финансовъ съ коленнопреклоненіемъ представляетъ государю соху: пекинскій градоначальникъ съ коленнопреклоненіемъ подаетъ ему плетъ (въ этихъ случаяхъ привстають на одно правое коленно). Государь правою рукою беретъ за соху, а въ лѣвую принимаетъ плетъ. Два почетные старика ведутъ вола, два земледѣльца поддерживають соху.

Чиновникъ Пекинскаго Областнаго Правленія несетъ вѣно, членъ Палаты Финансовъ съеть сѣмена. Государь проходитъ три борозды впередъ и три борозды обратно. По совершении обряда, членъ Палаты Финансовъ съ колѣнопреклоненіемъ принимаетъ соху, а пекинскій градоначальникъ такимъ же образомъ принимаетъ плеть. Членъ Обрядовой Палаты проситъ государя посмотреть на землепашество, и государь всходитъ на курганъ. Послѣ сего, три князя проходятъ по пяти бороздъ впередъ и обратно; члены девяти правительственныхъ мѣстъ проходятъ съ князьями по одной бороздѣ, а потомъ одни проходятъ по девяти бороздъ впередъ и обратно. У каждаго изъ нихъ одинъ старикъ ведетъ вола и по два земледѣльца поддерживаютъ соху. Чиновники Пекинскаго Областнаго Правленія сѣютъ сѣмена. Какъ скоро окончатъ посѣвъ, то областный правитель съ своими чиновниками, почетными стариками и земледѣльцами становится по западную сторону кургана лицомъ къ сѣверу, и, исполнивъ съ ними три колѣнопреклоненія съ девятью поклонами въ землю, остается ожидать, пока пекинскіе уѣздные правители (два) съ почетными стариками и земледѣльцами вспашутъ остальную землю. По окончаніи всего, государь возвращается во дворецъ, а старикамъ и земледѣльцамъ выдаютъ каждому по четыре конца яитайки. По уборѣ посѣва Пекинское Областное Правленіе въ избранный Астрономическимъ Институтомъ счастливый день представляетъ рисъ, просо, пшеницу и бобы въ жертвенный анбаръ для употребленія при жертвоприношеніяхъ.

Въ каждомъ губернскомъ городѣ находится жертвенникъ изобрѣтателю земледѣлія, и въ тотъ же самый день, въ который государь совершаетъ обрядъ землепашества въ столицѣ, каждый начальникъ губерніи обязанъ совершать тотъ же обрядъ въ своемъ городѣ. Къ этому дню всѣ чиновники ближайшихъ городовъ обязаны собраться къ губернатору.

При совершеніи обряда землепашества въ губерніяхъ, вѣна съ зернами должны быть темныя, плеть и соха красныя, вилы подъ сохами черныя. Какъ скоро начальникъ губерніи съ чиновниками прибудетъ къ пашнѣ, то распорядители подають имъ сохи и плети, и они правою рукою берутся за сохи, въ лѣвую принимаютъ плети. При начальникѣ губерніи одинъ изъ низшихъ чиновниковъ областнаго правленія несетъ вѣно, а другой съеть сѣмена. При председателяхъ казенной палаты и уголовного суда исправляютъ это низшіе чиновники изъ окружнаго или уѣднаго пра-

вленіи; при областныхъ и уѣздныхъ правленіяхъ исправляютъ это канцелярскіе служители. При каждомъ лицѣ одинъ шестидесятилѣтній старикъ ведетъ вола, два земледѣльца поддерживаютъ соху. Каждое лицо проходитъ девять бороздъ впередъ и девять обратно. Старики и земледѣльцы дошахиваютъ остальное. По окончаніи работы, чиновники, совершившіе обрядъ, вмѣстѣ съ стариками и земледѣльцами, обратясь къ столицѣ, дѣлаютъ три колѣнопреклоненія съ девятью земными поклонами. Если областной городъ удаленъ отъ губернскаго, или окружный и уѣздный городъ удаленъ отъ областного, то начальникъ города обязанъ исполнять сей обрядъ съ своими чиновниками. За каждымъ изъ нихъ шестидесятилѣтній чиновникъ несетъ вѣно, а другой сѣтъ сѣмена. Прочее сходствуетъ съ обрядомъ губернскаго города.

XIV. Обрядъ шелкодѣлія, совершаемый китайскою государынею.

Въ сѣверозападномъ углу дворцоваго сада, называемаго *си-юань*, находится жертвенникъ, посвященный изобрѣтательницѣ шелкодѣлія *Сянь-цань-тхань*. Жертвенникъ имѣетъ четвероугольный видъ, въ поперечникѣ содержитъ 40, въ вышину 4 фута. Отъ жертвенника на юго-востокъ находится храмъ, въ которомъ хранится табель съ наименованіемъ изобрѣтательницы шелкодѣлія, а на сѣверозападной сторонѣ—яма для сосженія жертвенныхъ вещей. На восточной сторонѣ жертвенника находится курганъ, называемый *Цай-сань-тхай*, что значить «возвышеніе для срыванія тутовыхъ вѣтокъ». Курганъ имѣетъ четвероугольный видъ, въ поперечникѣ содержитъ 32, въ вышину 4 фута. Предъ курганомъ туговая роща, а позади его тронная.

По древнимъ преданіямъ, царица *Лэй-цзу*, по прозванію *Си-линь-шы*, первая научила народъ воспитывать шелковичныхъ червей и выдѣлывать шелкъ. За это открытіе въ-послѣдствіи дали ей наименование изобрѣтательцы шелкодѣлія, *Сянь-цань*, и начали приносить жертвы. *Си-линь-шы* была старшая супруга государя *Хуань-дги*, коего царствованіе полагаютъ въ 2697—2598 годахъ до Р. Х.

Нынѣ ежегодно въ апрѣльской лунѣ, въ счастливый день подъ названіемъ *сы*, государыня лично приносить жертву изобрѣтательницѣ шелкодѣлія, а въ слѣдующій послѣ жертвоприношенія день срываетъ вѣтки съ туговъ. Для совершенія послѣдняго обряда, государь назначаетъ къ ней двухъ побочныхъ своихъ супруговъ— третью и четвертую, одну царевну (замужнюю), трехъ княгинь и

четырёхъ классныхъ дамъ. Для срыванія тутовыхъ вѣтокъ изговѣляютъ корзинки и крючья: для государыни—золотой крюкъ, для побочныхъ супруговъ серебряные, корзинки для всѣхъ желтыя; для царевны и княгини посеребреныя крючья, для классныхъ дамъ лакированныя (металлическіе); корзинки для всѣхъ красныя.

За день до совершенія обряда, осматриваютъ крючья и корзинки въ дворцовомъ правленіи; а потомъ членъ правленія съ церемоніею препровождаетъ ихъ во дворецъ государыни, и сдаетъ еявнуху, который корзинку и крюкъ государыни полагаетъ въ тронной цѣлостхай-длянѣ; корзинки и крючья побочныхъ супруговъ, царевны и княгини раскладываетъ на крыльцѣ, а корзинки и крючья классныхъ дамъ у крыльца предъ тронною. Корзинки ставятся на лѣвой, а крючья на правой сторонѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ, еявнухъ проситъ государыню осмотрѣть корзинки и крючья, что совершаетъ она вмѣстѣ съ побочными супругами, и по осмотрѣ возвращается въ свой дворецъ, а корзинки и крючья препровождаются въ жертвенникъ. Все это происходитъ въ день жертвоприношенія изобрѣтательницы шелководства. На другой день, царевна, княгини и классныя дамы—въ парадномъ одѣяніи, съѣзжаются къ жертвеннику, а въ слѣдъ за ними и государыня съ побочными супругами пріѣзжаетъ. Ей подносятъ корзинку и крюкъ, и начинаютъ играть пѣснь на срываніе тутовыхъ вѣтокъ. Государыня, взявъ въ правую руку крюкъ, а въ лѣвую корзинку, подходитъ къ первому тутовому дереву на восточной сторонѣ, и, ставъ лицомъ къ востоку, пригибаетъ вѣточку; двѣ мастерицы помогаютъ ей сорвать. Потомъ она подходитъ къ первому туту на западной сторонѣ, и, ставъ лицомъ на востокъ, нагибаетъ двѣ вѣточки. Двѣ мастерицы также помогаютъ ей сорвать ихъ. Кончивъ срываніе вѣтокъ, государыня отдаетъ корзинку и крюкъ дамѣ, исправляющей должность церемоніймейстера, а сама всходитъ на курганъ и садится на престолъ. Въ слѣдъ за симъ побочныя супруги подходятъ къ второму (на обѣихъ сторонахъ), царевна и княгини къ третьему туту, и срываютъ по пяти вѣточекъ; классныя дамы подходятъ къ четвертому туту и срываютъ по девяти вѣточекъ. По окончаніи этого, мастерицы и работницы преклоняютъ колѣни предъ государынею; потомъ принимаютъ корзинки и крючья и относятъ въ комнаты, гдѣ воспитываютъ шелководичныхъ червей. Симъ оканчивается церемонія и пѣснь прекращается. Государыня входитъ въ тронную. Побочныя супруги, царевна, княгини, классныя дамы, мастерицы и работницы становятся по своимъ мѣстамъ, дѣлаютъ предъ государынею шесть

су, три колѣнопреклоненія и три наклоненія головою. Послѣ сего развѣзжаются.

Какъ скоро коконы будутъ готовы къ сматыванію, то дворцовое правленіе проситъ государыню въ жертвенникъ изобрѣтательницы шелководія совершить обрядъ поднесенія шелка, сматываго съ коконовъ. Евнухъ, смотритель жертвенника, предварительно изготавляетъ вино и плоды для предложенія духу изобрѣтательницы земледѣія, и, сверхъ сего, орудія для сматыванія шелка. Къ сему обряду не приглашаютъ ни царевны съ княгинями, ни классныхъ дамъ; а государыня съ побочными супругами прѣзжаетъ къ жертвеннику въ обыкновенномъ одѣвнїи. Мастерница, наложавъ въ корзинку круглыхъ и чистыхъ коконовъ, съ колѣнопреклоненіемъ представляетъ государынѣ; а она, выбравъ лучшіе, для представленія государю, остальные раздѣляетъ побочнымъ супругамъ. Послѣ сего, евнухъ, смотритель жертвенника, проситъ государыню въ отдѣленіе, гдѣ должно сматывать шелкъ съ коконовъ. Двѣ сослужительницы изъ вельможныхъ женъ наливаютъ воду въ золотой тазъ. Мастерница кладетъ коконы въ тазъ, и помогаетъ государынѣ мотать шелкъ. Государыня троекратно мотаетъ шелкъ съ вымытыхъ коконовъ, послѣ чего сослужительницы уносятъ тазъ. Въ-слѣдъ за тѣмъ, работницы помогаютъ побочнымъ супругамъ мотать шелкъ, что дѣлаютъ онѣ пять разъ. Остальные коконы отдають работницамъ для сматыванія. По совершеніи обряда, государыня возвращается въ свой дворецъ; а Дворцовое Правленіе сообщаетъ въ Астрономическій Институтъ о избраніи счастливаго дня, въ который выдѣланный шелкъ должно сдать въ красильню для окрашенія. Сей шелкъ употребляется на ткани для одѣвнїя, въ которомъ государь совершаетъ торжественныя жертвоприношенія.

Въ случаѣ, если какія-либо причины воспрепятствуютъ государынѣ лично совершить обрядъ срыванія туговыхъ вѣтокъ, то она предписываетъ надзирательницѣ шелковичнаго завода исполнить это съ своими мастерницами.

XV. Церемоніаль въ большаго пира при дворѣ.

Большіе пиры при дворѣ даются въ тронной Тхай-хо-дянь, и ежегодно бывають только въ новый-годъ и въ день рожденія государева, исключая необыкновенные какіе-либо случаи. Большой пиръ состоитъ изъ трехъ частей: приготовленія, расположенія и церемоніала.

Приготовление состоитъ въ слѣдующемъ: Палата Обрядовъ предварительно представляетъ государю росписание (что ниже увидимъ). Для исправленія пира разбиваютъ одну желтую ставку на красномъ крыльцѣ предъ дверьми тронной. Въ сей ставку ставятъ столы для посуды. По лѣвую и правую сторону ставки предъ крыльцомъ ставятъ для восточнаго и западнаго крыла по восьми изъ синей китайки палатокъ съ посудой для столовъ. Внутри тронной предъ престоломъ ставятъ столъ для царскаго кушанья. Подальше, въ тронной же и внѣ тронной на обѣихъ сторонахъ помоста разставляютъ столы для князей и чиновниковъ. Все это готовится Дворцовымъ Правленіемъ. Члены Палаты Обрядовъ, начальники тѣлохранителей, члены Дворцоваго Правленія и Приказа Внѣшнихъ Сношеній надсматриваютъ за распоряженіемъ столовъ. Комитетъ Гуанъ-лусы представляетъ посуду. Экипажная Контора разставляетъ царскій кортежъ.

Расположеніе состоитъ въ слѣдующемъ: въ тронной Тхай-ходянь, на восточной и западной сторонѣ, разставляютъ по семи видовъ столовъ для князей пекинскихъ и заграничныхъ, для гражданскихъ чиновниковъ отъ 1-го до 4-го класса, для тайцзи, табунановъ и туркистанскихъ бэковъ. Восточные столы лицомъ къ западу, а западные къ востоку. Столы церемоніальныхъ предводителей поставляются по лѣвую и правую сторону трона, отступя нѣсколько назадъ. Позади трона по обѣимъ сторонамъ, столы для тѣлохранителей съ бобровыми хвостами; отъ нихъ на западъ столы для дворцовыхъ журналистовъ. За дверями тронной, подъ западнымъ свѣсомъ, столы для членовъ Прокурорскаго Приказа, подъ восточнымъ свѣсомъ, столы для президента и совѣтниковъ Приказа Внѣшнихъ Сношеній. Первые лицомъ на востокъ, вторые на западъ. На красномъ крыльцѣ по обѣимъ сторонамъ, по три ряда столовъ для чиновниковъ отъ 1 до 4-го класса; у восточнаго крыла палатка для начальствующаго надъ плясками, для двухъ членовъ Обрядовой Палаты, управляющихъ поздравительными плясками—для одного столъ на восточную, для другаго на западную сторону желтой ставки; на этой же сторонѣ столъ для главноначальствующаго въ Дворцовомъ Правленіи. У синихъ палатокъ ставятся столы для гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ отъ 5 класса и ниже, лицомъ восточные на западъ, а западные на-оборотъ. Пониже западныхъ палатокъ—столы для иностранныхъ посланниковъ, пріѣхавшихъ съ данью.

Церемоніаль пира состоитъ въ слѣдующемъ: въ день пира на

разсвѣтъ съѣзжаются во дворець князья и чиновники въ церемоніальномъ одѣяніи, полковники и прочіе офицеры гвардіи въ парадныхъ кафтанахъ и курмахъ; а чиновники, долженствующіе служить при столѣ, въ однихъ парадныхъ кафтанахъ. По окончаніи распоряженій, князья и чиновники входятъ во дворъ тронной Тхай-хо-дянь, и занимаютъ мѣсто по порядку степеней и классовъ. Послѣ сего члены Палаты Обрядовъ докладываютъ государю (въ времени шествовать въ тронную Тхай-хо-дянь. На вратахъ Ву мынь бьютъ въ колоколъ и литавру. Государь въ церемоніальномъ одѣяніи, при играніи музыки, садится на престолъ. Музыка умолкаетъ. Бьютъ плетью (*) три раза. Князья и чиновники сгавъ, у своихъ столовъ, дѣлаютъ по одному поклоу и садятся. Полковники гвардіи, чиновники Дворцоваго Правленія (они изъ полковниковъ дворцовыхъ войскъ) и начальникъ евнуховъ подходятъ къ государеву столу и, отступивъ назадъ, становятся на свои мѣста. Подаютъ чай, при чемъ играетъ духовая музыка на красномъ крыльцѣ. Государь кушаетъ чай. Князья и чиновники, вставъ съ своихъ мѣстъ, дѣлаютъ поклонъ и садятся. Тѣлохранители подаютъ чай князьямъ и вельможамъ. Чиновники Дворцоваго Правленія разносятъ чай чиновникамъ на красномъ крыльцѣ и поможь Чиновники, вставъ съ своихъ мѣстъ, дѣлаютъ поклонъ; выпивъ чай, опять дѣлаютъ поклонъ и садятся. Музыка перестаетъ. Развертываютъ чехлы на столахъ. Чиновники Церемоніальнаго Отдѣленія (отъ Палаты Обрядовъ) входятъ въ желтую ставку. Одинъ беретъ со стола сосудъ съ виномъ, другой кубокъ, третій золотую чару; одинъ за другимъ всходятъ на крыльцо по среднему сходу и останавливаются у тронной по восточную сторону средней двери, лицомъ къ западу. Играетъ музыка на красномъ крыльцѣ. Вельможа, подносящій кубокъ, встаетъ съ своего мѣста, снимаетъ съ себя парадную курму, — а если на немъ соболья доха, то снимаетъ доху; князья и прочіе то же дѣлаютъ; вельможа, подносящій кубокъ, выступаетъ впередъ и становится на колѣни. Чиновникъ церемоніальнаго отдѣленія беретъ винный сосудъ, наливаетъ вино въ кубокъ, входитъ въ тронную среднюю дверь, встаетъ на колѣни лицомъ къ западу, подаетъ кубокъ подносящему вельможѣ, который, принявъ кубокъ, всходитъ по ступенямъ трона съ лѣвой стороны и съ колѣнопреклоненіемъ подноситъ государю. Государь принимаетъ кубокъ, а вельможа, отступивъ на мѣсто прежняго колѣнопреклоненія, опять становится на колѣни.

(*) Удары плети далеко слышны.

Государь кушаетъ вино. Вельможа дѣлаетъ поклонъ до земли. Князья и прочіе въ-слѣдъ за нимъ также дѣлаютъ поклонъ до земли. Вельможа опять всходитъ по ступенямъ трона съ правой стороны и съ колѣнопреклоненіемъ принимаетъ кубокъ, сходитъ со ступеней, и опять становится на колѣни на прежнемъ мѣстѣ. Членъ Церемоніальнаго Отдѣленія съ колѣнопреклоненіемъ принимаетъ кубокъ и уходитъ. Князья и прочіе встаютъ на ноги. Чиновникъ церемоніальнаго отдѣленія наливаетъ вино въ золотую чару, и стоя на ногахъ, подноситъ вельможѣ, подносившему кубокъ государю; а этотъ съ колѣнопреклоненіемъ принимаетъ, дѣлаетъ поклонъ до земли и пьетъ. Тотъ же чиновникъ, стоя на ногахъ, принимаетъ у него чару и отходитъ на прежнее свое мѣсто. Вельможа, подносившій вино государю, дѣлаетъ поклонъ до земли и опять надѣваетъ парадную курму или доху. Музыка умолкаетъ. Князья и вельможи садятся. Вельможа, подносившій вино, также садится на свое мѣсто. Государь принимаетъ пищу, при играніи духовой музыки. Подаютъ кушанья князьямъ и вельможамъ. Четверо изъ придворныхъ вельможъ, вставъ съ своихъ мѣстъ, смотрятъ за пиромъ. Когда тѣлохранитель подноситъ вино князьямъ и прочимъ, то послѣдніе, вставъ съ своихъ мѣстъ, дѣлаютъ поклонъ до земли, и выпивъ по чарѣ, дѣлаютъ опять поклонъ до земли, и садятся. Въ это время члены Обрядовой Палаты и чины ея отдѣленій выводятъ плясуновъ на красное крыльцо. Начальникъ хора начинаетъ пѣсню; начальникъ плясуновъ открываетъ пляску (*). Высшіе чиновники въ церемоніальномъ одѣвнн являютъя посреди тронной, дѣлаютъ три поклона до земли, и отступивъ, становятся на восточной сторонѣ; а отсель каждый однажды проходитъ танецъ; по окончаніи пляски, опять становятся посреди тронной, и сдѣлавъ три поклона до земли, уходятъ. Послѣ нихъ являютъся съ монгольскими свирѣлями и играютъ монгольскія пѣсни. Потомъ слѣдуетъ музыка, пляска корейская и другихъ народовъ. Всѣ сии потѣхи оканчиваются театромъ. Наконецъ все скрывается. Играетъ музыка на красномъ крыльцѣ. Князья и чиновники встаютъ съ своихъ мѣстъ, и дѣлаютъ три поклона до земли. Музыка умолкаетъ. Бьютъ плетью. Начинаетъ играть задняя музыка, и государь возвращается во внутренній дворецъ. Послѣ сего умолкаетъ задняя музыка, и гости расходятся.

Точно такимъ же образомъ съ небольшимъ только измѣненіемъ

(*) Эти пляски составляютъ тѣмъ древней мимики, употреблявшейся при царскихъ столахъ въ-продолженіе первыхъ трехъ династій.

совершается пиръ, дѣлаемый государемъ по случаю своей женитьбы. На другой день послѣ брака, онъ входитъ въ тронную Тхай-хо-дзянь угощать тестя и родственниковъ своей супруги. Сталъ для тестя ставится въ самой тронной, въ концѣ княжескихъ столовъ; а прочіе родственники сидятъ по классамъ чиновъ въ своихъ знаменахъ. Какъ - скоро государь сядетъ на престолъ, тестя съ своими родственниками становится на восточной сторонѣ краснаго помоста, и обратясь лицомъ къ северу, совершаетъ три колѣнопреклоненія съ девятью поклонами въ землю, чего не бываетъ при обыкновенномъ большомъ пирѣ. Послѣ сего всѣ отходятъ и садятся на своихъ мѣстахъ. Пиръ совершается по вышензложенному церемоніалу. Пиръ по случаю выдачи царевны дается въ тронной Бао-хо-дзянь, съ нѣкоторыми измѣненіями въ самомъ церемоніалѣ.

Когда дается большой пиръ въ тронной Тхай-хо-дзянь, или пиръ по случаю выдачи царевны, то Палата Обрядовъ предварительно распредѣляетъ мѣста, какъ для князей и вельможъ, такъ для гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, и составляетъ раскрашенный чертежъ, представляетъ вмѣстѣ съ церемоніаломъ государю на утвержденіе, а по полученіи указа сообщаетъ этотъ чертежъ и церемоніаль въ разныя присутственныя мѣста для свѣдѣнія. Сверхъ того, палата сообщаетъ куда слѣдуетъ, сколько князья должны представить барановъ, вина и посуды для столовъ, сколько приготовить столовъ, разной посуды, палатокъ и даже дровяныхъ углей для согрѣванія вина.

На большой пирѣ въ тронной Тхай-хо-дзянь употребляется 82 барана; а столы, барановъ и вино обязаны князья доставить. Князья 1 и 2-го стола должны представить по три, князья 3 и 4-го стола по два, а прочіе князья, включенные въ число восьми долей, по одному барану. Недостающее число Обрядовая Палата пополняетъ. Для пира по случаю выдачи царевны, царскій зять представляетъ 90 столовъ и 81 барана, которыхъ препровождаетъ въ Палату Обрядовъ для ображенія.

На прочіе пиры, даваемые отъ имени государя, число барановъ опредѣлено закономъ, а для ображенія барановъ Палата Обрядовъ содержитъ 10 человекъ, собираемыхъ изъ низшихъ пяти знаменъ.

XVI ОБЩИЕ ВРАЧНЫЕ ОБЯДЫ.

Въ Китаѣ бракъ, сколь ни важенъ по его отношеніямъ къ общественной жизни, не относится къ религіи, и потому процессъ

брачнаго соединенія двухъ половъ утверждены только гражданскими постановленіями.

Два дома однофамильные, т. е. имѣющіе одно прозваніе, не могутъ вступать въ брачныя связи, хотя бы они выше ста колѣнъ не имѣли родства между собою. Касательно родства съ женской стороны нѣтъ никакого ограниченія; два родные брата могутъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ; даже по смерти жены можно жениться на родной сестрѣ. Маньчжуру и Монгольцу ни жениться на Китайкахъ, ни дочерей своихъ выдавать за Китайцевъ не дозволяется. Но существенные обряды при бракахъ — сватовство и сочтетательная чаша — одинаковы и для Маньчжура, и для Монгола, и для Китайца въ Пекинѣ; только есть разность въ видахъ по отношенію къ лицамъ. Браки при дворѣ, женитьба князей и выдача князей, отъ начала сватовства до сочтетательной чаши, совершаются по церемоніалу, въ которомъ количество и качество даровъ со стороны жениха и угощеніе при створѣ и бракосочетаніи предписаны законами соотвѣтственно достоинству лицъ. Это суть чистые политическіе браки, въ которыхъ дѣйствуетъ одна воля государя, а не допускаются ни взаимное согласіе жениха и невесты, ни частные мелочные обычаи. Брачныя обряды между лицами изъ Китайцевъ также ограничены гражданскими постановленіями по отношенію къ достоинству лицъ мужскаго пола, но въ видахъ нѣсколько многосложнѣе, и сверхъ того допускаются частные мелочные обычаи до безконечности различныя по отношенію къ странамъ.

Родители имѣютъ полную власть утверждать брачную связь, не разбирая возраста, даже иногда по дружескимъ связямъ условливаются въ этомъ до рожденія жениха и невесты. Что касается до сватовства между возрастными, для сего употребляютъ сватовъ, и чаще своихъ родственниковъ и друзей. Посредствомъ сихъ людей, двѣ фамиліи могутъ вступить въ переговоры, взаимно вызвать о качествахъ жениха и невесты; и какъ скоро обѣ стороны согласны на бракъ, то слѣдуютъ уже предписанному порядку.

Со стороны жениха отецъ его изъясняетъ въ письмѣ, за кого именно сватаетъ онъ дѣвушку, и проситъ увѣдомить его о годѣ, мѣсяцѣ и днѣ (и часѣ) ея рожденія (*), что называется бпа-цзы,

(*) Китайцы вымыслили десять пней небесныхъ и двѣнадцать вѣтвей земныхъ. Каждый пень имѣетъ собственное названіе, соотвѣтствующее какому-либо цвѣту краски; каждая вѣть также имѣетъ собственное названіе, соотвѣтствующее названію какого-либо звѣря, домашняго животнаго, или пресмы-

восемь буквъ; при семъ же случаѣ въ особливой при письмѣ записочкѣ уведомляетъ о годѣ, мѣсяцѣ, днѣ и часѣ женихсва рожденія; а между-тѣмъ предварительно посылаетъ сваху отобрать рѣшительное мѣніе въ невѣстиномъ домѣ. По полученіи изъ дома невѣстина согласія на бракъ, отецъ жениховъ назначаетъ одного изъ младшихъ своихъ родственниковъ повѣреннымъ для переговоровъ съ домомъ невѣсты. Повѣренный является къ нему въ личномъ одѣяніи. Онъ также выходитъ къ повѣренному въ личномъ одѣяніи и отдаетъ ему изготовленное письмо, стоя лицомъ къ западу, а потомъ обязанъ дѣлать ему двукратный поклонъ; но повѣренный, какъ младшій, принявъ письмо, не допускаетъ его до поклоновъ.

Когда повѣренный войдетъ въ домъ невѣстипъ, то отецъ ея принимаетъ его въ залѣ, стол на восточной сторонѣ, а посланный подаетъ ему письмо, стол на западной сторонѣ; сопровождающіе раскладываютъ принесенные дары въ залѣ. Отецъ невѣсты, обратясь къ сѣверу, дѣлаетъ двукратное поклоненіе и принимаетъ письмо. Гость уклоняется отъ принятія поклона. Отецъ невѣсты объявляетъ сіе письмо въ домашнемъ храмѣ своимъ предкамъ (*). Послѣ этого, онъ пишетъ письмо въ отвѣтъ, и при семъ письмѣ прилагаетъ записочку о происхожденіи, также о годѣ, мѣсяцѣ и днѣ (и часѣ) рожденія своей дочери. Вторично пригласивъ повѣреннаго въ залѣ, отецъ невѣсты, ставъ на восточной сторонѣ, отдаетъ ему письмо и дѣлаетъ двукратное поклоненіе. Посланный, принявъ письмо, удерживаетъ его отъ поклоненія и потомъ отдаетъ письмо сопровождающему. Послѣ сего, отецъ невѣсты угощаетъ повѣреннаго виномъ. Столъ съ закусками становится посреди зала. Повѣренный, какъ гость, садится на восточной, а отецъ невѣсты на западной сторонѣ. Послѣ троекратнаго питья, гость встаетъ и откланивается. Отецъ невѣсты отвѣтствуетъ поклономъ

кающагося. Они соединяютъ одно съ другимъ названія шей и вѣтвей, начиная съ первыхъ ихъ буквъ цзя и цзы, и продолжаютъ до-тѣхъ-поръ, пока упомянутыя двѣ буквы опять сойдутся вмѣстѣ, что приходится по окончаніи числа 60. Сими спаренными названіями считаютъ годы, мѣсяцы и дни.

(*) Чиновники отъ 1 до 14 класса имѣютъ въ домѣ храмы, въ которыхъ поклоняются своимъ предкамъ. Чиновники отъ 15 класса и ниже, солдаты и разночинцы не могутъ имѣть храмовъ: почему табели съ именами предковъ ставятъ въ моленной комнатѣ, или посреди зала у сѣверной стѣны — противъ самаго входа со-виѣ.

и провожаетъ его за дверь по церемоніалу (*). По возвращеніи зловѣреннаго, отецъ жениховъ принимаетъ отъ него письмо по церемоніалу принятія писемъ, и угощаетъ его, какъ своего домашняго чловѣка. Письмо со стороны жениховой называется *сговоръмыль*, а со стороны невѣстиной — *отвѣтъмыль*.

Въ-слѣдъ за симъ, изъ дома женихова отправляютъ въ домъ невѣстинъ свадебные дары при письмѣ. Количество сихъ даровъ опредѣлено законами. Гунъ (князь 5-й степени изъ Китайцевъ) посылаетъ золотую головную повязку, четыре золотыя головныя булавки, однѣ золотыя серьги, четыре платья атласныя и три атласныя одѣяла съ постелями. Хэу и бо (князья 6 и 7 степени) посылаютъ три золотыя головныя булавки, прочее какъ и гунъ. Чиновники 1-го и 2-го класса посылаютъ три атласныя платья, прочее какъ хэу и бо. Чиновники 3-го и 4-го классовъ посылаютъ два платья и два одѣяла съ постелями атласныя, прочее какъ чиновники 1-го и 2-го классовъ. Чиновники 5-го и 6-го класса посылаютъ двѣ золотыя головныя булавки, прочее какъ чиновники 3-го и 4-го классовъ. Чиновники 7-го и 8-го класса не имѣютъ золотыхъ булавокъ, а посылаютъ одно платье и одно одѣяло съ постелью атласныя; ожерелье же и серьги по достатку. Чиновники отъ 9-го класса и ниже—такимъ же образомъ. Въ день отправленія свадебныхъ даровъ, въ домъ жениховомъ готовится пиръ, на который гунъ употребляетъ 9-ть скотинъ (**), хэу и бо восемь, чиновники 1-го и 2-го класса шесть, 3-го и 4-го класса четыре, 5-го и 6-го класса три; отъ 7-го и ниже только гуся и вино. Свадебными дарами совершенно утверждается сговоръ; но разстояніе отъ сговора до свадьбы не ограничено временемъ и зависитъ болѣе отъ взаимнаго согласія обѣихъ сторонъ. Обыкновенно дѣлается это слѣдующимъ-образомъ: изъ дома женихова посылаютъ нарочнаго въ домъ невѣстинъ просить о назначеніи времени брака. Отецъ невѣсты изъ учтивости отказывается отъ этой чести. Послѣ сего посланный подаетъ ему письмо съ назначеніемъ времени. Отецъ невѣсты съ поклономъ принимаетъ письмо, и, написавъ отвѣтъ, отдаетъ гостю, а гость возвращается съ отвѣтомъ къ своему господину. Все сіе производится по церемоніалу отсылки даровъ.

(*) Для обращенія чиновниковъ между собою есть особый церемоніалъ, объемлющій всѣ случаи свидѣнія между равными, высшими и низшими, начальствующими и подчиненными.

(**) Подъ скотиною разумются свиньи, потому-что Китайцы телятъ и барановъ не употребляютъ.

Чиновники отъ 15-го класса и ниже посылаютъ свахъ просить о назначеніи времени.

За день до бракосочетанія отправляютъ изъ дома невестина въ домъ зятя приданое, состоящее въ одеждѣ, головныхъ уборахъ и мѣбели; а въ день бракосочетанія приготавливаютъ въ жениховомъ домѣ пирь. Поставляютъ столы на восточной и западной половинѣ зала — одни противъ другихъ. У оконъ, на длинномъ столѣ, ставятъ куфшинчикъ, четыре нефритовыя чарки и двѣ сочтательныя чаша, сдѣланныя изъ двухъ половинокъ разрыванной и высушенной тыквы. Предъ заломъ на восточной сторонѣ ставятъ кубокъ. Въ сумерки женихъ становится предъ заломъ внизу, а отецъ въ приличномъ одѣваніи выходитъ изъ зала совершить возліаніе за него и становится по восточную сторону зала лицомъ къ западу. Женихъ выходитъ на крыльцо западную стороную и дѣлаетъ два поклона, послѣ чего служитель подаетъ ему жертвенный кубокъ. Женихъ съ кознопреклоненіемъ принимаетъ кубокъ и, опорожнивъ, возвращаетъ служителю, а отецъ указываетъ принять. По совершеніи сей церемоніи, женихъ сходитъ внизъ, садится на верховую лошадь и отправляется за невестою. Потѣжаче ѣдутъ впереди, имѣя предъ собою два фонаря. За ними везутъ пару дикихъ гусей, а за гусями носилки для невесты, на коняхъ оболочка увязана цвѣтными шелковыми тканями, съ кистями по угламъ. У чиновниковъ отъ 10-го класса и выше по два висячія пера на каждомъ углу носилокъ, у чиновниковъ отъ 11-го до 14-го класса по одному перу, а отъ 15-го класса и ниже только по двѣ распущенныя тафтицы.

Въ этотъ день, въ невестинномъ домѣ объявляютъ въ храмѣ предкамъ, а у чиновниковъ отъ 15-го класса и ниже въ моленной предкамъ. По окончаніи сего совершаютъ возліаніе за дочь во внутреннихъ комнатахъ. Отецъ ея становится на восточной, мать на западной сторонѣ. Невѣста, уже наряженная, выходитъ съ мамкою, становится предъ отцомъ и матерью, лицомъ къ сѣверу, и дѣлаетъ предъ ними двукратное поклоненіе. Прислужникъ валиваетъ вино, и мать дѣлаетъ возліаніе за дочь по церемоніалу, какъ отецъ совершаетъ возліаніе за сына. Отецъ даетъ наставленія дочери, а мать, поправляя на ней наряды, повторитъ его наставленія.

Въ это время пріѣзжаетъ женихъ. Тесть, встрѣтивъ его за воротами, проситъ войти въ комнаты, и женихъ, держа въ рукахъ дикихъ гусей, слѣдуетъ за нимъ. Тесть всходитъ по восточной

сторонѣ крыльца, обращая лицо къ западу, а зять по западной сторонѣ, держа лицо къ сѣверу; потомъ, остановившись, подносить тестю гусей и дѣлаетъ двукратное поклоненіе. Тесть не кланяется. Мамка выводитъ невесту подъ покрываломъ. Женихъ, сдѣлавъ ей учтивый поклонъ, сходитъ внизъ; невеста слѣдуетъ за нимъ, а отецъ остается въ залѣ. Мамка сажаетъ невесту въ носилки. Предъ носилками несутъ два фонаря, а зять на верховой лошади ѣдетъ впереди. Невѣста, по вступленіи въ домъ жениховъ, выходитъ изъ носилокъ и женихъ ведетъ ее по западной сторонѣ крыльца. Какъ скоро невеста войдетъ въ комнаты (въ опочивальню жениха), то ее служанка ставитъ столъ для жениха на восточной, а служанка женихова ставитъ столъ для невесты на западной сторонѣ. Какъ скоро женихъ съ невестою взаимно раскланяются, то мамка снимаетъ покрывало съ невесты. Женихъ садится невесту сѣсть за столъ. Подаютъ кушанье. По окончаніи стола, невестина горничная беретъ чашу, наполняетъ виномъ и подбиваетъ жениха. Служанка женихова дома беретъ другую чашу, наполняетъ виномъ и подбиваетъ невесту. Симъ образомъ троекратно они пьютъ сочтательную чашу.

Въ этотъ день, въ домѣ жениховомъ бываетъ пиръ, который долженъ состоять—у гунь изъ 20, у хэу изъ 18, у бо изъ 17, у чиновниковъ 1-го и 2-го класса изъ 15, у чиновниковъ 3-го и 4-го кл. изъ 13, у чиновниковъ 5-го и 6-го клас. изъ 8, у чиновниковъ 7-го и 8-го клас. изъ 6, у чиновниковъ 9-го и 10-го клас. изъ 5 столовъ. Чиновники отъ 11-го класса и ниже употребляютъ только трехъ скотинъ.

По окончаніи пира, горничная и служанка, приготовивъ постелью, уносятъ свѣчи, а женихъ съ невестою остаются въ спальнѣ.

Въ южныхъ странахъ Китая, женихъ отправляется за невестою въ большихъ носилкахъ, и съ собою беретъ цвѣтныя носилки, головной уборъ, кафтанъ и поясъ для невесты. Когда онъ пріѣдетъ за невестою, то просятъ его въ залъ и сажаютъ на первое мѣсто, а церемоніальная сваха, пріѣхавшая съ нимъ, садится съ-бока. Спустя нѣсколько времени, подаютъ чай, что оканчивается троекратнымъ поднесеніемъ. Между-тѣмъ, невеста умывается душистыми водами, убираетъ голову и надѣваетъ кафтанъ съ поясомъ. Послѣ сего просятъ жениха войти въ комнату къ невестѣ. Они дѣлаютъ другъ другу привѣтствіе и женихъ накрываетъ невесту платкомъ; потомъ всѣ выходятъ изъ комнаты. Женихъ садится въ

большія носилки, невѣста въ цвѣтныя. По прибытіи въ домъ жениховъ, женихъ и невѣста вмѣстѣ входятъ въ спальню и садятся на стулья, что называется «сидѣть за занавѣсомъ». Въ сіе время они пьютъ сочетательную чашу вина и троекратно откупиваютъ чай, ѣдятъ плоды и проч.; на сѣверѣ, вмѣсто плодовъ, подаютъ перемени, называемые *потомственными перьями*. Послѣ сего набираютъ въ спальнѣ столъ, за которымъ новобрачные садятся другъ противъ друга. Это называется *первымъ столомъ*, по окончаніи котораго зажигаютъ свѣчи и ставятъ банку съ цвѣтами горныхъ піоновъ. Новобрачные наклоняются къ постели, потомъ другъ къ другу и симъ оканчиваютъ обрядъ сочетательной чаши. Послѣ того набираютъ столъ для угощенія родственниковъ, а послѣ стола всѣ расходятся. Вечеру женихъ съ невѣстою приходитъ къ своему отцу и матери пожелать имъ покойнаго сна, и возвращаются въ спальню.

На другой день, молодая угощаетъ свекра съ свекровью; на третій представляется въ храмъ предкамъ, а у низшихъ чиновниковъ въ моленной предкамъ. Здѣсь учреждается пиръ. Столъ для женихова отца становится у крыльца на восточной сторонѣ, а позади его столъ для сына. Столъ для невѣстина отца становится у крыльца на западной сторонѣ, а позади его столъ для дочери. Каждый, садясь за столъ, дѣлаетъ двукратное поклоненіе. Послѣ стола хозяинъ (жениховъ отецъ) входитъ въ храмъ, зажигаетъ благовонія (длинныя курительныя свѣчи), возливаетъ вино и читаетъ молитву; по окончаніи сего, повергается ницъ на землю и отходить на восточную сторону. Потомъ молодая становится у крыльца по срединѣ, лицомъ къ храму, и, сдѣлавъ двукратное поклоненіе, возвращается на прежнее мѣсто. Свекръ также возвращается на прежнее мѣсто. Послѣ сего тестъ и прочіе дѣлаютъ двукратное поклоненіе и расходятся.

На другой день послѣ сего, зять ѣдетъ съ подарками къ тестю и тещѣ. Тестъ встрѣчаетъ его за дверьми и, поклонившись, проситъ въ комнаты. Зять по входѣ въ залъ представляетъ дары, и, обратясь къ сѣверу, дѣлаетъ двукратное поклоненіе. Тестъ, обратясь къ западу, отвѣтствуетъ ему поклономъ и проситъ увидѣть тещу. Теща становится въ дверяхъ, а зять, ставъ за дверью, дѣлаетъ предъ нею двукратное поклоненіе, на что теща отвѣчаетъ ему поклономъ. Зять выходитъ и тестъ проситъ его виномъ.

Ученые, еще неимѣющіе чиновъ, поступаютъ по церемониалу, предписанному для чиновниковъ 15-го класса и ниже. Чиновникъ,

встуная въ бракъ до полученія перваго чина, одѣяніе заимствуетъ отъ чина своего отца; на-примѣръ, сынъ чиновника отъ 6-го класса и выше можетъ употребить одѣяніе чиновника 13-го класса; сынъ чиновника 10-го класса и ниже можетъ употребить одѣяніе чиновника 15-го класса. Солдаты и разночинцы отсылають дары съ свахами. Если дорѣга далека, то въ домѣ невѣсты приготовляютъ обѣдъ. Свадебные дары ихъ должны состоять изъ одного платья и одного одѣяла съ постелью. Пирь готовится изъ одной скотины.

Въ день бракосочетанія, отецъ молится о сынѣ въ восточномъ Флигелѣ. Невѣсту несутъ въ носилкахъ съ оболочкою безъ украшеній. На свадебный пирь употребляютъ двухъ скотинъ.

Переносъ сговорныхъ и свадебныхъ подарковъ и приданого, также и повѣздъ за невѣстою, производится съ великою церемоніею, съ музыкою и фонарями. Людей для снисканія процессій съ личнымъ одѣяніемъ, носилками и прочею посудю для поклажи даровъ и приданого берутъ изъ магазиновъ за договорную, смотря по пышности вещей, цѣну, почему и на сіи случаи сдѣланы законныя постановленія. Чиновники вообще при свадебныхъ церемоніяхъ могутъ употреблять музыкантовъ не болѣе 12-ти, фонарей также не болѣе 12-ти, а распорядителей (церемоніймейстеровъ) изъ домашнихъ людей. Ученые, неимѣющіе чиновъ, студенты, солдаты и разночинцы не имѣють права употреблять распорядителей. Музыкантовъ они могутъ брать не болѣе 8-ми, фонарей также не болѣе 8-ми, въ даръ относить шелковыхъ тканей не болѣе четырехъ кусковъ, ставцевъ съ плодами не болѣе четырехъ же. Чиновникамъ и разночинцамъ запрещается посылать въ даръ золото и серебро. Женамъ и дочерямъ разночинцевъ не дозволяется употреблять головныхъ покрывалъ, присвоенныхъ чиновникамъ, ни одѣянія съ нашивками, ни большихъ носилокъ.

XVII. Обряды при родиняхъ.

Въ Китаѣ, гдѣ всѣ почти движенія челоука подведены подъ законныя формы, нѣтъ закономъ постановленныхъ обрядовъ для родинъ. При семь обстоятельствахъ руководствуются одними обычаями.

Предъ разрѣшеніемъ отъ бремени обыкновенно приглашаютъ повивальную бабку, которая при рожденіи младенца исправляетъ все нужное около родильницы. Матери бѣдныхъ семействъ

наибольше кормить дитя собственной грудью, а богатые берут кормилиць.

На третій день по рожденіи младенца, собираются въ домъ родильницы родственники, и этотъ случай называется *тридцатымъ омовеніемъ*. По прошествіи мѣсяца вторично собираются, что называется *исполненіемъ мѣсяца*. Въ этотъ день родильница въ первый разъ выходитъ изъ спальни. Сто дней отъ рожденія вазывается *столѣтіемъ*, по прошествіи котораго родственники опять собираются, и это почитаютъ настоящимъ поздравленіемъ. При каждомъ посѣщеніи учтивость обязываетъ приносить небольшіе дѣтскіе подарки, которые отъ тестя и тещи всегда бываютъ значительнѣе прочихъ. Если родится сынъ, то приносятъ они мужское платье: шпату, сапоги и проч. Если родится дочь, то приносятъ женское платье, шелковые уборы, и проч., также шелковыя ткани, бумажныя платья, съестное. Обряды одинаковы бываютъ при рожденіи сына и дочери. Круглый годъ называется *днемъ перворожденія*. Въ это время берутъ песчую кисть, червильную плитку, тушь, бумагу, цвѣты, румяна, притиранья, разныя игрушки и показываютъ младенцу, чтобы онъ самъ взялъ что-нибудь, и по сему судятъ о будущиxъ его склонностяхъ. Это называется *вышмать годъ*. Сынъ или дочь родится, родственники и друзья поздравляютъ одинаковымъ образомъ. Но рожденіе сына предпочитается рожденію дочери, потому-что сынъ необходимъ для продолженія рода, а дочь считается членомъ совершенно-нестороннимъ для того семейства, въ которомъ она родилась.

Примѣч. Родившіе трехъ близнецовъ мужескаго пола получаютъ награду отъ правительства; но если въ числѣ трехъ близнецовъ будетъ одна дѣвочка, то нѣтъ награды. Умерщвленіе младенцевъ въ Китаѣ, будто-бы дозволенное законамъ, есть совершенная ложь, выдуманная миссіонерами и безъ всякаго основанія повторяемая близоумными путешественниками.

XVIII. Похоронные обряды.

Похоронные обряды, и обычаями введенные, и гражданскими постановленіями утвержденные, имѣютъ равную силу. Разность состоитъ въ томъ, что въ первыхъ можно кое-что маловажное отмѣнить, а въ послѣднихъ выполнять въ маломъ размѣрѣ.

Предъ кончиною покойника сожигаютъ деньги, лошадь и востъ, сдѣланные изъ бумаги. Какъ скоро пресѣчется дыханіе, то полагаютъ его вверхъ лицомъ, которое накрываютъ бѣлою бумагою,

называемую *лицепокровною*; предъ головою ставятъ курильницу и ночникъ, называемые *путевыми*.

Одѣваютъ покойника въ тотъ же или на другой день; въ-отношеніи же къ богатству одждѣ и украшенію гроба сообразуется каждый съ собственнымъ достаткомъ. Платье вообще должно быть безподкладное; а которое на подкладкѣ, то считается за два. Когда наступитъ время одѣванія, призванный портной снимаетъ съ покойника все платье, въ которомъ онъ умеръ, и натуго обвертываетъ его шелкомъ или хлопчатую бумагою, что называется *малымъ одѣваніемъ*. Если умереть женщина, то при маломъ одѣваніи употребляютъ женщія, а портнаго уже при большомъ одѣваніи. Окончивъ малое одѣваніе, обвертываютъ покойника въ большое одѣло и обвязываютъ холщевой тесьмою, что называется *большимъ одѣваніемъ*.

По окончаніи большого одѣванія, кладутъ покойника въ гробъ, лицомъ кверху, и накрываютъ одѣломъ. Между въ гробъ промежутки наполняютъ мягкою пшечю или хлопчатую бумагою, а сверху накрываютъ красною шелковою матеріею, которая называется *гробовымъ покрываломъ*. Гробовую крышку прибиваютъ деревянными гвоздями, а пазы замазываютъ лаковою замазкою, что называется *замазывать пазы*. Подъ гробомъ ставятъ опрокинутую локанку, а подъ нею кантарную гирию, которая называется *придавлиющимъ грузомъ* — въ томъ смыслѣ, что она придаетъ искушенія.

Послѣ сего, гробъ ставятъ средѣ зала головою къ дверямъ; впереди гроба столикъ, на которомъ 49 сутокъ горитъ ночникъ или лампа. На семь же столикъ ставятъ чашечки съ чаемъ и виномъ, палочки (употребляемыя въ Китаѣ вмѣсто вилки), длинныя курительныя свѣчи (изъ древесной коры), и пр., а предъ сими вещами впереди поставляютъ дощечку, на которой съ лѣвой стороны написано, въ какомъ году и мѣсяцѣ, въ какой день и часъ родился; съ правой написано, въ какомъ году и мѣсяцѣ, въ какой день и часъ умеръ; равнымъ - образомъ прописываютъ, гдѣ именно умеръ, на какой горѣ и въ какую обратясь сторону. Въ задѣ развѣшиваютъ бѣлаго холста завѣсъ, изъ-за котораго видѣнъ только верхній конецъ гроба.

По закрытіи гроба приглашаютъ даоса, который, держа въ рукѣ душепризывный значокъ (флюгеръ), читаетъ надъ покойникомъ молитву, что называется *призываніемъ души*. Обыкновенно думаютъ, что если по смерти человѣка не призвать души его, то

умершій еще подобенъ спящему, почему непременно надобно призвать душу, чтобъ увѣриться, что онъ дѣйствительно умеръ. — Дѣясь, по окончаніи молитвы, ставятъ душепризывный значокъ предъ покойникомъ. На одной сторонѣ значка проведены семь чертъ заговоренныхъ (волшебныхъ), а на другой написано имя умершаго, годъ, мѣсяцъ, день и часъ его рожденія и смерти. Такъ вообще умершихъ одѣваютъ въ южныхъ странахъ Китая.

Въ сѣверныхъ странахъ надѣваютъ на умирающаго нижнее платье, постилаютъ на кровать постель; потомъ, поднявъ больного, надѣваютъ на него верхнее платье, все тѣло накрываютъ бѣлою тафтою, дабы ни пыль, ни насѣкомыя не могли прикоснуться къ нему. Случается, что нные послѣ одѣванія выздоравливаютъ, а другіе еще до сего умираютъ: но вообще при кончинѣ отраднѣ сердцу, если умираютъ уже совершенно - одѣтые. Платье надѣваютъ обыкновенно стеганое на ватѣ, а послѣ одѣванія вторично уже не тревожатъ покойнаго. При одѣваніи, въ гробъ насыпаютъ золы и ставятъ въ немъ скамейку съ семью отверстіями. Гробъ снаружи оклеиваютъ шелковою тканію, потомъ кладутъ въ него покойника и накрываютъ его покрываломъ; пустое же мѣсто по бокамъ наполняютъ известкою и золою. Это дѣлается для-того, чтобы известка и зола вбирали въ себя влажность въ гробѣ; и когда гробовое дерево истлѣетъ въ землѣ, то корни и насѣкомыя не могли бы проникнуть къ тѣлу, потому-что помнутыя вещества не содержатъ въ себѣ растительной силы. Итакъ, сѣверные обряды при наполненіи и закрытіи гроба нѣсколько отличны отъ южныхъ.

Что касается до обрядовъ при смерти родителей, то сынъ въ приготовленіи одеждъ и гроба всегда поступаетъ соответственно своему достатку, дабы въ сихъ обрядахъ совершенно выполнить долгъ сыновній. Коль скоро отецъ или мать скончались, то сынъ и жена его надѣваютъ на себя глубокой трауръ. Семью-семь, т. е. сорокъ-девять дней не долженъ онъ брить волосъ, не знать супружескаго ложа, не денно и ночью неотлучно быть при гробѣ, что называется *стереженіемъ праха*. Сто дней не долженъ онъ выходить изъ дома. Если родственники и друзья приходятъ къ нему для утѣшенія, то, не разбирая, равные ли они ему или младшіе, при каждомъ долженъ проливать слезы, повергшись ницъ на соломенномъ матрацѣ по лѣвую сторону гроба, а женщины и дѣвцы должны рыдать за траурною занавѣсою, что называется *оплакивать кончину*. По уходѣ утѣшающихъ, плачъ женскій прекращается, а сынъ о-

стаетъ сидѣть на соломенномъ матрацѣ, подогнувъ ноги подъ себя.

По прошествіи ста дней, сынъ снимаетъ съ себя глубокой трауръ; а до окончанія 27-ми мѣсяцевъ употребляетъ одѣяніе бѣлаго цвѣта, шляпу безъ кисти. Если нужно выйти изъ дома, то употребляютъ на шляпѣ черную кисть, кафтанъ бѣлаго, а курму чернаго холста пеньковые. Зимую носятъ теплую шляпу изъ чернаго холста безъ кисти, курму и кафтанъ чернаго же холста; иные носятъ курму бѣлой мерлушки навыворотъ. Въ-продолженіе траура, и надписи и двустороннія (замѣняющія у Китайцевъ картины), въ комнатахъ должны быть только на черной или на синей бумагѣ, и уже по окончаніи всего траура сіи цвѣта перемѣняются. Родственники и друзья, приходящіе для утѣшенія, обязаны приносить вырѣзанныя изъ бумаги деньги, курительныя свѣчи и другія вещи, потребныя при возмѣнаніи.

Въ каждомъ домѣ, гдѣ есть покойникъ, предъ воротами на улицѣ и внутри двора предъ главнымъ корпусомъ, разбиваютъ траурный балаганъ, сдѣланный изъ связанныхъ жердинъ, и обитый соломенными рогожами. Передъ воротами навѣшиваютъ описаніе всѣхъ дѣяній покойника, что называютъ лэй-вынь (краткій панегирикъ). Это дѣлаютъ родственники и друзья въ похвалу умершему.

Въ третій или пятый день по смерти покойника, отворяютъ въ домѣ ворота, дабы родственники и друзья приходили для оплакиванія его. Каждому изъ такихъ посѣтителей при входѣ въ домъ даютъ траурный колпакъ изъ шелковой ткани. Изъ родственниковъ и друзей и равные и младшіе кланяются покойному, ставъ на колѣни; старшіе же дѣлаютъ только четыре поклона. — При семь сыновья, какъ выше сказано было, повергшись на землю по лѣвую сторону гроба, должны вмѣстѣ кланяться, а внуки то же самое дѣлать по правую сторону гроба.

Выносъ покойниковъ производится съ церемонією, для которой одръ съ покровомъ, музыкантовъ, носильщиковъ, людей для похороннаго кортежа съ приличнымъ отдѣліемъ и вещами берутъ изъ тѣхъ же магазиновъ, изъ которыхъ берутъ людей и вещи для свадебныхъ церемоній. Церемониальный кортежъ обыкновенно предшествуетъ гробу. Впереди идутъ музыканты; за ними по два въ рядъ—въ извѣстномъ пара отъ пары разстояніи—несутъ различныя щиты съ надписями, знамена, флюгера и любимыя покойникомъ вещи. Если покойникъ былъ чиновникъ изъ военнаго сословія, то предъ кортежемъ несутъ еще похоронный флагъ на

вѣхъ, и ведутъ осѣдланыхъ лошадей за поводъ. Мужчины, провожающіе покойника, идутъ за его гробомъ пѣшкомъ, а женщины ѣдутъ въ колясочкахъ, покрытыхъ оболочкою бѣлаго холста. Иногда, при сей процессіи бываютъ ламы, хдшавы и джосы, монахи трехъ сектъ или религій. Они идутъ тремя отдѣленіями въ известномъ другъ отъ друга разстояніи, и каждое отдѣленіе, въ своемъ богослужебномъ одѣвнн, постъ свои свѣщенныя пѣспи. Это дѣлаютъ не по уставу религій, а для пышности выноса. Впрочемъ, церемоніальнымъ - образомъ хоронятъ только возрастныхъ. Дѣти, недостигшія семи лѣтъ, какъ еще не усовершенствовавшія нравственныхъ способностей души, не имѣютъ церемоніальныхъ похоронъ.

Покойниковъ погребаютъ въ теченіе седми седмицъ или ста дней. Но если въ продолженіе сего времени не найдутъ удобнаго мѣста для похоронъ, то строятъ на избранномъ мѣствъ хижину и въ ней ставятъ гробъ. Это называется *на время поставлать*. Можно гробъ на время ставить и на возвышенныхъ и на ровныхъ мѣстахъ: но пріобрѣтеніе оставшемуся семейству счастья и навлеченіе бѣдствій, подобно какъ въ отношеніи къ погребальному мѣсту, не менѣе зависитъ и здѣсь отъ мѣстоположенія и воды. Еще и восемь буквъ покойника соображаютъ съ видомъ горы, дабы не было противоположности между ними. Въ противномъ случаѣ не ставятъ гроба въ предположенномъ мѣствѣ.

Иногда сыновья, не желая скоро разстаться съ прахомъ родителей, по исполненіи седми седмицъ еще ставятъ гробъ внѣ зала, и ограждаютъ стѣнками. Здѣсь ежедневно утромъ и вечеромъ предлагаютъ имъ пищу и чай; а если случится третней праздникъ, то возливаютъ вино и производятъ плачь. Когда же исполнится трехгодичный трауръ, то избираютъ мѣсто для погребенія. Если послѣ погребенія случится какое-либо несчастіе въ домѣ, то нѣкоторые переносятъ гробъ на другое мѣсто и снова похороняютъ.

Кто умретъ на чужой сторонѣ, родственники въ то же время препровождаютъ гробъ съ его прахомъ на родину для погребенія; а если не въ состояніи сдѣлать сего, то умершаго на время хоронятъ на мѣствѣ кончины, а надъ могилою ставятъ камень съ подписаніемъ прозванія, имени и мѣсторожденія покойнаго—въ ожиданіи, чтобы родственники пріѣхали и увезли гробъ на родину (*). Но если род-

(*) Чиновники южныхъ странъ составили общество погребателей, въ которомъ собранъ обширный капиталъ для вспоможенія въ переносѣ праха бѣдныхъ чиновниковъ на родину.

ственники не въ состояніи сдѣлать сего по отдаленности пути, то просушиваютъ на воздухѣ вынутыя изъ гроба изсохшія кости, завертываютъ каждую въ бумагу, и, положивъ въ ящикъ, увозятъ домой. По прибытіи въ домъ, раскладываютъ кости въ новомъ гробѣ на подобіе остова и погребаютъ. Иные же сжигаютъ кости въ пепель, кладутъ въ холщевомъ мѣшечкѣ въ ларчикъ и въ платяномъ сундукѣ увозятъ домой. Безродный навсегда остается погребеннымъ въ чужой сторонѣ. Приведите на память Евреевъ въ Египтъ.

Мелочные обряды при похоронахъ хотя не вездѣ одинаковы, но въ главныхъ статьяхъ довольно между собою сходны. Что касается до существенныхъ главныхъ обрядовъ, они общи для всѣхъ; но въ своихъ видахъ, качествахъ и количествахъ вещей силою гражданскихъ постановленій постепенно измѣняются соответственно достоинству лицъ. Сии измѣненія суть:

1) Въ одѣваніи покойниковъ.

На чиновниковъ отъ 1-го до 6-го класса надѣваютъ три одежды съ подбоемъ и двѣ безъ подбоя; на чиновниковъ отъ 7-го до 10-го класса двѣ одежды съ подбоемъ и одну безъ подбоя; на чиновниковъ отъ 11-го класса и ниже, одну съ подбоемъ и одну безъ подбоя. Всѣ одежды должны быть шелковыя.

2) Въ покрывалѣ на гробъ при выносѣ.

Покрывало на гробъ должно быть у чиновниковъ отъ 1-го до 6-го класса пурпуроваго цвѣта; 7-го и 8-го класса темнаго цвѣта; 9-го и 10-го класса чернаго цвѣта; 11-го и 12-го класса краснаго цвѣта; 13-го и 14-го дымчатаго цвѣта; тесьмы изъ бѣлой шелковой ткани. Церемоніальное одѣяніе (на покойникѣ) должно быть соответственно достоинству.

3) Въ лакированіи гроба.

Гробъ покрывается лакомъ до погребенія: у чиновниковъ отъ 1-го до 6-го класса ежемѣсячно по три раза, отъ 7-го до 10-го класса по два раза, отъ 11-го до 14-го класса однажды въ мѣсяцъ.

4) Въ мѣрѣ похороннаго флага у чиновниковъ изъ военнаго состоянія.

Флагъ долженъ быть лимоннаго цвѣта, длиною у чиновниковъ отъ 1-го до 6-го класса—въ 9 футовъ; отъ 7-го до 10-го класса—въ 8 фут., отъ 11-го до 16-го класса—въ 7 фут., 17-го и 18-го класса, также у имѣющихъ классныя шарики,—въ 5 футовъ.

5) Въ цвѣтѣ одра.

Одръ, у чиновниковъ отъ 1-го до 10-го класса, долженъ быть по-

крыть киноварью, 11 до 18-го класса—красною охрою; у солдаты и разночинцевъ съ обоихъ концовъ долженъ быть покрытъ черною, а по срединѣ красною охрою.

6) Въ кладбищахъ.

Кладбище (могила) должно быть обнесено стѣною, окружностію — у килзей изъ Китайцевъ въ 80 шаговъ (*) съ четырьмя семействами для охраненія; у чиновниковъ отъ 1-го до 4-го класса—въ 70 шаговъ; съ двумя семействами для охраненія; у чиновниковъ отъ 5-го до 10-го класса—въ 60 шаговъ съ однимъ семействомъ для охраненія, у прочихъ чиновниковъ въ 24, у разночинцевъ въ 16 шаговъ; для смотрѣнія не болѣе двухъ человекъ.

7) Въ могилахъ.

Могила должна имѣть у чиновниковъ 1-го и 2-го класса въ окружности 90, въ вышину 16 футовъ; у чиновниковъ 3-го и 4-го 80, въ вышину 14 футовъ; у чиновниковъ 5-го и 6-го класса 70, въ вышину 12 футовъ; у чиновниковъ 7-го и 8-го класса 60, въ вышину 8 футовъ; у чиновниковъ 11-го и 12-го класса 40, у чиновниковъ 13-го и 14-го класса 20, въ вышину по 6 футовъ.

8) Въ мраморныхъ звѣряхъ.

Мраморныхъ звѣрей должно быть у чиновниковъ отъ 1-го до 6-го класса по шести; у чиновниковъ отъ 10-го класса по четыре. Сии звѣри изъ бѣлаго мрамора и поставляются по обѣимъ сторонамъ дороги предъ могилою.

9) Въ каменныхъ памятникахъ.

Чиновникамъ дозволяется ставить при могилѣ каменный съ надписью памятникъ. Этотъ памятникъ у чиновниковъ 1-го и 2-го класса съ изсѣченными на-верху драконами, 3-го и 4-го класса съ изсѣченнымъ на-верху баснословнымъ звѣремъ ци-ливъ; 5-го и 6-го класса съ просто-иссѣченнымъ верхомъ; 7-го до 10-го класса съ округленнымъ верхомъ. Сии памятники отвѣсно утверждаются на черепахѣ съ головою комолаго дракона; чиновникамъ 11-го класса и ниже предоставлено ставить камень съ округленною вершиною, отвѣсно-утвержденный на каменной плитѣ.—Разночинцамъ дозволяется занимать подъ могилою 9 футовъ и ставить простые камни съ надгробною надписью. Чиновники, исключая занимаемаго одра съ покровомъ, прочее, какъ-то: осѣдланыхъ лошадей и ящики съ одеждою должны употреблять по положенію; а если достатокъ не дозволяетъ, то могутъ сократить; употребленіе искусственныхъ

(*) Шагъ есть линейная мѣра, содержащая пять футовъ, а китайскій футъ = $1\frac{1}{4}$ англійск. фута.

домиковъ запрещается. Равнымъ образомъ, при жертвоприношеніи въ началѣ весны (въ цинь-линь) не дозволяется втыкать цвѣты на могилѣ.

XIX. О ТРАУРѢ.

Траурное одѣяніе вообще бѣлаго цвѣта и раздѣляется на пять разрядовъ: 1) Чжань-цуй, необрубленное одѣяніе. 2) Ци-цуй, обрубленное одѣяніе. 3) Да-гунъ, большой трудъ. 4) Сло-гунъ, малый трудъ. 5) Си-ма, посконина.

Всѣ сіи разряды траурнаго одѣянія имѣють степени въ качествѣ матеріи и въ продолженіи времени относительно къ степенямъ родства, утвержденные гражданскими постановленіями.

Необрубленное траурное одѣяніе шьется изъ самаго грубаго посконнаго холста съ полосами и подоломъ необрубленными. При семъ одѣяніи колпакъ употребляется посконный, башмаки травяные, посохъ бамбуковый. Сей трауръ называютъ трехгодичнымъ, разумѣя подъ тремя годами 27 дѣйствительныхъ мѣсяцевъ, но съ исключеніемъ высокоснаго мѣсяца. Носятъ его:

1) Сынъ по родителямъ и жена его.

2) Сынъ по мачихѣ, по воспитательницѣ и по матери воздоившей; также и жена его.

3) Побочный сынъ по законной матери (*), и по матери родившей его; также и жена его.

4) Усыновленный пріемышь по своихъ воспитателяхъ; также и жена его.

5) Невыданная дочь по своихъ родителяхъ, также и выданная но возвратившаяся въ отцовскій домъ.

6) Законный внукъ (по кончинѣ своего отца), ставшій преемникомъ рода.

7) Пріемышь, ставшій преемникомъ рода.

8) Жена по мужъ.

9) Наложница по хозяйкѣ.

Обрубленное одѣяніе шьется изъ грубоватаго посконнаго холста съ подоломъ и краями полуобрубленными. При немъ употребляется колпакъ посконный, башмаки травяные. Сей трауръ продолжается круглый годъ и раздѣляется на носимый съ кленовымъ посохомъ и безъ посоха. Обрубленное одѣяніе съ посохомъ носятъ:

(*) Сыновья отъ наложницы обязаны считать матерью законную жену отца.

1) Законный сынъ по побочной матери, также и жена его.

2) Сынъ по матери, вышедшей за-мужъ и по матери разведенной.

Мужъ по женѣ.

Обрубленное одѣліе безъ посоха носить:

1) Дѣдъ по законномъ внуку.

2) Родители по законномъ сынѣ, по женѣ старшаго законнаго сына, по дочери невыданной за мужа, по сынѣ, отданномъ въ приемыши.

3) Мачиха по старшемъ и другихъ сыновьяхъ.

4) Сынъ по мачихѣ, вышедшей за-мужъ.

5) Приведенный сынъ по дѣдъ съ отцовой стороны и теткѣ невыданной, по родномъ братѣ и сестрѣ невыданной, по племянникахъ отъ родныхъ братьевъ и по племянницахъ, невыданныхъ въ замужство.

6) Внукъ и внучка по дѣдъ и бабулкѣ; побочный внукъ по родномъ дѣдъ и бабулкѣ; также внукъ отъ матери воздоявшей и воспитавшей.

7) Выданная дочь по отцѣ и матери.

8) Приемный по отцѣ и матери, родившихъ его.

Да-гушъ шьется изъ грубаго холста; при немъ такой же колпакъ, а башмаки оторочены сырцовой тканью. Сей трауръ продолжается девять мѣсяцевъ. Носить его:

1) Дѣдъ по внучкѣ и внукъ еще невыданной.

2) Бабука по законномъ и другихъ внукахъ, также по внукъ еще невыданной.

3) Родная бабука по побочномъ внукѣ; также бабука по внукъ воздвоенномъ и воспитанномъ.

4) Родители по сыновниной женѣ, по дочери, выданной въ замужство; мать воздоявшая и воспитавшая по женѣ воспитанника своего.

5) Дядя и тетка по женѣ племянника и по племянницѣ, выданной въ замужство.

6) Приемный по родномъ братѣ, теткѣ и сестрѣ еще невыданной.

7) Жена приемнаго по родномъ мужниномъ отцѣ и матери, по своемъ двоюродномъ братѣ и сестрѣ еще невыданной, по теткѣ и сестрѣ выданныхъ, по племянникѣ отъ брата, отданномъ въ приемыши.

8) Выданная дѣвушка по дѣдъ и теткѣ съ отцовой стороны, по

родномъ братѣ и племянникѣ отъ него, по родной теткѣ, сестрѣ и невыданной племянницѣ отъ брата.

9) Жена по дѣдѣ и бабкѣ мужниныхъ, по мужниномъ дѣдѣ и теткѣ по отцѣ.

Сю-гунъ шьется изъ грубоватаго холста; при немъ такой же колпакъ и башмаки, отороченные сырцовою матерією. Сей трауръ продолжается пять мѣсяцевъ. Носить его:

- 1) Законный и прочіе внуки по побочной бабкѣ.
- 2) По двоюродномъ дѣдѣ и теткѣ по отцѣ.
- 3) По двоюродной сестрѣ, вышедшей въ замужство.
- 4) По троюродномъ братѣ и троюродной сестрѣ еще невыданной.
- 5) По двоюродномъ племянникѣ и племянницѣ еще невыданной.
- 6) По двоюродной теткѣ по отцѣ еще невыданной.
- 7) По родной невѣсткѣ.
- 8) Дѣдѣ по женѣ законнаго внука, по внуку своего брата и внуку его еще невыданной.

- 9) По дѣдѣ и бабкѣ съ матерней стороны.
- 10) По дѣдѣ и теткѣ съ матерней стороны.
- 11) По племянникѣ отъ сестры и племянницѣ еще невыданной.
- 12) Отданный въ пріемыши по родномъ своемъ дѣдѣ и бабкѣ съ матерней стороны, по теткѣ съ отцовой стороны и по своей сестрѣ, выданной въ замужство.

13) Жена, по теткѣ своего мужа и отцѣ и сестрѣ его, и выданной и невыданной, по деверѣ и женѣ его, по племянникѣ отъ двоюроднаго брата своего мужа и по племянницѣ еще невыданной.

14) Дѣвица вышедшая въ замужство по сестрѣ изъ своего рода вышедшей въ замужство, по двоюродномъ братѣ и по двоюродной сестрѣ еще невыданной.

15) Наложница, имѣющая сыновей по дѣдѣ и бабкѣ своего хозяина.

Сы-ма шьется изъ ровнаго выдѣланнаго холста съ такимъ же поясомъ и темными башмаками безъ узоровъ. Сей трауръ продолжается три мѣсяца. Носить его:

- 1) Дѣдѣ по женѣ внука.
- 2) Прадѣдѣ и прабабка по правнуку и правнукѣ.
- 3) Прапрадѣдѣ и прабабка по праправнуку и праправнукѣ.
- 4) Бабка по женѣ законнаго и прочихъ внуковъ.
- 5) По кормилицѣ.

б) Вообще по дальнихъ родственникахъ и родственницахъ — въ восходящей и низходящей линіи.

Въ 27-ми мѣсячномъ траурѣ, обыкновенно-называемомъ трехгодичнымъ, сто дней не брѣютъ головы. Во все продолженіе сего траура не пьютъ вина, не ѣдятъ мяса, не выходятъ изъ дома, не знаютъ супружескаго ложа, не бывають на пиршествахъ.

И гражданскій и военный чиновникъ изъ Китайцевъ, по кончинѣ отца или матери, обязаны немедленно сложить должность съ себя, и удалиться на родину, что называется: *находиться въ траурѣ по родителямъ*, и уже по истеченіи 27 мѣсяцевъ, за исключеніемъ высокоснаго, снова опредѣляются къ такимъ же должностямъ, при какихъ прежде служили. Это называется *возстановленіемъ*. Подобный долгъ простирается, какъ видѣли выше, на пріемыша, внука и правнука, когда они остаются преемниками рода — въ качествѣ сына или внука родныхъ.

Гражданскіе и военные чиновники изъ Маньчжуровъ или Монголовъ, служащіе въ столицѣ, по кончинѣ отца или матери также обязаны немедленно сложить должности съ себя. По прошествіи ста дней траура, приимають на себя временную должность, но быть въ собраніяхъ при дворѣ и при царскихъ жертвоприношеніяхъ не дозволяется имъ. Служащіе же въ губерніяхъ, по вложеніи траура на себя, обязаны возвратиться въ столицу къ своимъ знаменамъ (корпусамъ), гдѣ по прошествіи ста дней траура могутъ исправлять временныя должности въ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ которыхъ служили до отправленія своего въ губерніи, съ запрещеніемъ быть въ собраніяхъ при дворѣ и при царскихъ жертвоприношеніяхъ.

Въ годовомъ траурѣ два мѣсяца не брѣютъ головы, во все продолженіе траура не совершаютъ браковъ.

Въ девятимѣсячномъ и пятимѣсячномъ траурахъ, одинъ мѣсяць не брѣютъ головы.

Въ трехмѣсячномъ траурѣ десять дней не брѣютъ головы.

Вообще, въ продолженіе всѣхъ трауровъ, носящему трауръ не дозволяется участвовать въ пиршествахъ и слушать музыку.

XX. Народные праздники.

Въ Китаѣ два рода праздниковъ: народные и религіозные. Народные праздники суть общіе по всему государству, и совершаются въ одно время, только не вездѣ съ одинаковыми обрядами. Религіозные праздники суть дни, которые монастырь какой-либо

однажды въ году празднуетъ по религіознымъ причинамъ. Последніе праздники суть мѣстные, потому-что исправляются только въ окрестностяхъ монастыря.

Народные праздники въ Китаѣ по-большой-части суть только случаи, коими пользуясь достаточный человѣкъ, можетъ на время отложить свои дѣла и провести нѣсколько часовъ съ пріятнымъ отдыхомъ въ семейственномъ кругу. Да и самое число праздниковъ весьма ограничено, что увидимъ ниже при описаніи ихъ.

I. Новый-годъ. — Новый-годъ есть главный и почти-единственный, общій въ цѣломъ Китаѣ «праздникъ», если взять это слово въ европейскомъ о немъ понятіи, т. е. въ праздно-заботливомъ препровожденіи времени, которое, по приговору обычаевъ, определено для исполненія взаимныхъ обязанностей въ-отношеніи къ вѣжливости.

Годъ начинается съ нарожденія мѣсяца, который соотвѣтствуетъ февральскому новолунію. Въ самую полночь на первое число, государь съ князьями и вельможами одного маньчжурскаго племени совершаетъ шаманское поклоненіе предъ духами во дворцѣ Кхуньнинь-гунь (государыни); потомъ отправляется въ шаманское капище, по-китайски названное *Тхань-цзы*, гдѣ при поклоненіи Небу въ кругломъ храмѣ совершаетъ три колѣнопреклоненія съ девятью земными поклонами. По возвращеніи принимаетъ поздравленія отъ князей и чиновъ въ тронной Тхай-хо-дянь, и отъ государыни съ побочными царицами во дворцѣ Цянь-цинъ-гунь. (См. VIII-й отдѣлъ этой статьи).

Въ народѣ сей праздникъ также начинается съ полуночи перваго дня. Во всѣхъ домахъ, включая лавки, магазины и гостиницы, разставляютъ на столѣ зажженные красныя свѣчи, куренья и жертвенныя вещи; и какъ скоро минетъ 12-ть часовъ ночи, то всѣ домашніе совершаютъ поклоненіе, ставъ на колѣни лицомъ къ раствореннымъ дверямъ. Это называется приносить жертву духамъ неба и земли. Потомъ, обратясь внутрь къ столу съ жертвенными вещами, опять ставъ на колѣни, поклоняются домашнимъ духамъ и предкамъ своего рода. Сей обрядъ поклоненія одинаковъ и въ сѣверныхъ и въ южныхъ странахъ Китая. По окончаніи поклоненія, начинаютъ дѣти совершать поклоненіе предъ родителями, младшіе предъ старшими, стоя на колѣняхъ; равные съ равными кланяются въ поясъ. На югѣ, послѣ поклоненія въ честь небу, землѣ, домашнимъ духамъ и предкамъ, ставятъ на столѣ различные плоды и яства. Въ Сѣверномъ Китаѣ, напротивъ, подаютъ

вино и варенье перьями, которыми встрѣчаютъ новый-годъ. Ими же подчиваютъ каждаго приходящаго для поздравленія съ новымъ годомъ.

По исполненіи домашнихъ обрядовъ вообще, спѣшать посѣщать родственниковъ и друзей, и эти посѣщенія стараются кончить въ продолженіе первыхъ пяти дней, по прошествіи которыхъ честь посѣщенія не уважается. Дальніе родственники и пріатели при посѣщеніи не входятъ въ домъ хозяина, выѣзжающаго для подобныхъ же посѣщеній; но кладутъ визитные билеты въ бумажный мешечекъ, со-внѣ-прилѣпленный къ воротному столбу. Вечеру хозяинъ пересматриваетъ сіи билеты, и тѣмъ же платитъ своимъ посѣтителемъ.

Въ-продолженіе первыхъ пяти дней, купцы не производятъ торговъ, мастеравые не занимаютъ работами, и сіи пять дней составляютъ единственный въ году отдыхъ для всѣхъ сословій. За десять дней до новаго года закрываютъ въ судебныхъ мѣстахъ судейскую печать, которая употребляется для скрѣпленія бумагъ вмѣсто подписи, и открываютъ ее уже около 20-хъ чиселъ перваго мѣсяца. Это есть прекращеніе дѣлопроизводства и считается вакансією для присутственныхъ мѣстъ. Для важныхъ дѣлъ, могущихъ случиться сверхъ чаянія, оставляютъ бланки, къ которымъ печать приложена.

Въ Европѣ первую минуту новаго года встрѣчаютъ ввистрѣлами шампанскаго, а въ Китаѣ громомъ нанизанныхъ на нитку ракетокъ, которыя послѣдовательнымъ своимъ разрывомъ производятъ сильный трескъ, но не взлетаютъ вверхъ. На-разсвѣтъ этотъ громъ умолкаетъ. Днемъ въ городѣ чрезвычайная тишина, исключая мѣсть, служащихъ общими гульбищами; но и здѣсь увидите болѣе прогуливающихъ съ дѣтьми и тѣмъ разныхъ дѣтскихъ игрушекъ, какъ-будто-бы новый годъ былъ дѣтскій праздникъ. Въ продолженіе праздника встрѣтить пьянаго на улицѣ есть необыкновенная рѣдкость. Двѣть большія собранія въ домахъ по случаю праздника также не въ обыкновеніи. Коренную сему причину надобно полагать въ тѣснотѣ жилищъ. Но вмѣсто этого вечера всѣ гостиницы чрезвычайно наполнены людьми разныхъ сословій, исключая чиновниковъ, которымъ народныя зрѣлища исключительно запрещены. Имъ предоставлены одни семейственныя удовольствія въ кругу небольшого числа родственниковъ и друзей. Равнымъ образомъ и богатые люди по-большой-части ограничиваются забавами въ кругу домашнихъ.

III. Шань-юань, иначе 15-е число первого мѣсяца. При династии Хань, около времени Р. Х., въ 15-е число первого мѣсяца дворъ приносилъ жертву божеству Тхай-и въ загородномъ дворцѣ Гань-цюань (*). Церемонія жертвоприношенія начиналась въ сумерки и оканчивалась съ разсвѣтомъ. Съ сего случая въ-послѣдствіи ввели въ обычай ночь на 15-е число проводить въ смотрѣ на фонари. Нынѣ уже вошло въ обыкновеніе смотрѣть фонари съ 13-го до 15-го числа. Въ Пекинѣ въ сіе время богатые купцы, ежедневно по захожденіи солнца, наружную сторону лавокъ и гостиницъ украшаютъ множествомъ разноцвѣтныхъ, по-большой-части розовыхъ фонарей, въ нѣсколько рядовъ одинъ надъ другимъ повѣшенныхъ, а внутри развѣшиваютъ флеровые фонари съ изображеніемъ различныхъ видовъ. Въ средственныхъ лавкахъ дѣлаютъ то же самое, сообразуясь впрочемъ болѣе съ достаткомъ своимъ. Но это по-большой-части происходитъ на большихъ улицахъ, гдѣ въ то же время бываютъ разные потѣшныя огни. Эти зрѣлища привлекаютъ такое множество гуляющихъ, что и на улицахъ и въ гостиницахъ бываетъ чрезвычайная тѣснота далѣе полуночи; только гуляющихъ женщинъ здѣсь вовсе невидно, кромѣ весьма малаго числа проѣзжающихъ въ экипажахъ. Во время сего праздника и торгъ и работы ежедневно продолжаютъ, какъ и въ обыкновенные дни.

III. Лунь-тхай-тхэу. — Второе число второго мѣсяца празднуется подъ названіемъ: *хуа-чжао*; а обыкновенно сей праздникъ называется *лунь-тхай-тхэу*, что значитъ: драконъ поднимаетъ голову. Ученые въ этотъ день дѣлаютъ между собою дружескія собранія, на которыхъ забавляются импровизаціею стиховъ. Дѣтямъ, достигшимъ восьми-лѣтняго возраста по-большой-части съ сего дня позволяютъ растить и заплетать въ косу волосы, которые до того времени обыкновенно завязываются въ одинъ или два пучка по бокамъ маковки. Впрочемъ это есть частное обыкновеніе, праздникъ домашній, а не народный.

IV. Шань-сы. — Задолго до временъ Р. Х. въ удѣльномъ княжествѣ Чженъ было обыкновеніе, для отвращенія несчастій, срывать на водѣ цвѣты, называемые лань-хуа (**). Во времена династии Хань, при государѣ Чжань - ди, жена селянина Сюй - шао родила

(*) Въ то время столица была въ Чань-ань, что нынѣ Си-ань-фу, главный городъ въ губерніи Шань-си. Гань-цюань лежалъ въ 70 м. отъ столицы на сѣверозападѣ.

(**) *Magnolia japonica*.

прежде двухъ дочерей, а потомъ еще одну, которыя всѣ въ-продолженіе двухъ дней померли. Жители сего селенія почли это дивомъ, и въ день шанъ-сы начали, для отвращенія несчастій, молиться рѣкамъ, текущимъ на востокъ и купаться въ нихъ. Впрочемъ, и это болѣе принадлежитъ къ мѣстнымъ обыкновеніямъ, а не къ общимъ народнымъ праздникамъ.

V. Дуань-ву. — Цзюэ-пхинъ, славный стихотворецъ удѣла Чу, въ пятое число пятаго мѣсяца бросился въ рѣку И-ло-цзявъ съ камнемъ на шеѣ и потонулъ. Это случилось въ 299 году до Р. X. Жители сего удѣла, сожалѣя о немъ, стали приносить ему жертву, бросая въ рѣку бамбуковую трубочку съ кашею изъ риса, заткнутую листьями и обвитую разноцвѣтными шелками, дабы рыбы не могли похитить каши. Въ-послѣдствіи мало-по-малу ввели сіе обыкновеніе и въ прочихъ странахъ, такъ, что нынѣ день этотъ сдѣлался общимъ народнымъ праздникомъ подъ названіемъ Дуань-ву. Въ сей день въ каждомъ домѣ (въ Южномъ Китаѣ) вѣшаютъ на дверяхъ наговоры съ палочникомъ и польнью. Родственники и друзья при взаимномъ поздравленіи посылаютъ другъ къ другу вино, плоды и разное съѣстное; но первое между подарками мѣсто занимаютъ небольшіе треугольники изъ густосвареннаго риса въ палочниковомъ листѣ, называемые *цзунь-цзы*. Люди всѣхъ сословій празднуютъ этотъ день, но работъ и торговли не прекращаютъ. Къ сему празднику торгующіе вообще стараются очищать долговые счета за прошедшую треть. Вѣроятно, что послѣднее обстоятельство въ совокупности съ событіемъ составляетъ важность настоящаго праздника.

VI. Ци-си. — Ци-си въ переводѣ значитъ седьмой вечеръ; иначе сей праздникъ называется *цло-жи*, что значитъ день искусства. Въ это время сближаются двѣ звѣзды: ню-ланъ и чжи-ньюй; почему въ этотъ вечеръ женщины и дѣвицы продѣваютъ въ семь иголокъ нити, и ставятъ въ жертву помянутымъ двумъ звѣздамъ разные плоды и овощи, что называется «просить объ искусствѣ». Еще въ этотъ же вечеръ придворныя дѣвицы кладутъ въ маленький ставецъ паука, и, раскрывши на другой день, смотрятъ на паутину. Если она часта, то заключаютъ о приращеніи искусства ихъ въ шигъ; а если рѣдка, то напротивъ. Въ простомъ народѣ женскій полъ также подражаетъ сему обычаю. Впрочемъ, и это не есть народный праздникъ, а голько обыкновеніе, введенное для забавы дѣвицъ.

VII. Юй-лань-хой.—Неизвестно, съ котораго времени введено въ обыкновеніе въ 15-й день седьмага мѣсяца выметать кладбища и приносить жертву предкамъ. Хошаны (*) къ этому обычаю присовокутали священную процессію, называемую юй-лань-хой что значитъ «процессія цвѣтка магноліи». Дѣлаютъ на площади изъ жердей террасу, обитую снаружи соломенными рогожами; на этой террасѣ цѣлый день совершаютъ богослуженіе, по окончаніи котораго къ вечеру спускаютъ воздушные фонари, и сожигаютъ большія изъ бумаги сдѣланныя лодки, для переправы, какъ говорятъ, душамъ умершихъ. И это не есть народный праздникъ, а священный обрядъ фонстовъ, для котораго торгъ и работы въ сей день не прекращаются; притомъ же этотъ обрядъ существуетъ только въ Сѣверномъ Китаѣ, гдѣ фонизмъ господствуетъ.

VIII. Чжунъ-цю.—Чжунъ-цю въ переводѣ значитъ средней осенній мѣсяцъ, соответствующій сентябрьскому новолунію. Восьмой мѣсяцъ въ день полнолунія бываетъ самый круглый и ясный—по причинѣ чистоты въ атмосферѣ, почему въ простомъ народѣ издревле вошло въ обычай ввечеру 15-го числа ставить въ жертву лунѣ плоды и овощи. Въ этотъ день друзья и родственники взаимно поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ, и посылаютъ въ подарокъ вино съ плодами, между которыми первое мѣсто занимаютъ сладкие, начиненные сахарнымъ пескомъ круглые хлѣбцы, называемые юе-бинъ, что значитъ «лунные хлѣбцы». И старыя и молодыя всѣхъ сословій проводятъ сей вечеръ подъ открытымъ небомъ въ саду или на дворѣ за полными столами съ виномъ и плодами, и уже довольно-поздно расходятся; а дѣти съ самаго вечера до разсвѣта гуляютъ и играютъ. Этотъ праздникъ въ народѣ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ: *пятнадцатое число восьмой лунны*, и наравнѣ съ пятымъ числомъ пятаго мѣсяца есть праздникъ народный, въ который торгъ хотя во весь день не прекращается, но мастеровые и работники работаютъ только до полудня. И къ сему празднику стараются очищать домовые счета за прошедшія четыре мѣсяца, т. е. за майскую треть; а долги за сентябрьскую треть очищаютъ къ новому-году; по сему новый-годъ, 5-е число пятаго мѣсяца и 15-е число восьмага мѣсяца носятъ общее названіе *трихъ праздниковъ*, по китайски *сань-цзъ*; а собственно послѣднія два слова значатъ: «три колѣница». Это въ прямомъ смы-

(*) Хошанъ есть китайское названіе монаховъ древней буддѣйской религіи. Нынѣ тибетскіе и монгольскіе ламы хотя ту же религію исповѣдуютъ, но въ обрядахъ богослуженія и правилахъ жизни слѣдуютъ другимъ уставамъ.

слѣ суть три общенародные праздника, въ которые въ каждомъ домѣ совершаютъ поклоненіе домашнимъ божествамъ, потому-что въ Китаѣ нѣтъ общественнаго богослуженія, ни особливыхъ храмовъ для поклоненія. Не смѣю объяснять происхожденія послѣднихъ двухъ праздниковъ по моимъ мнѣніямъ, но по-видимому, въ пятый мѣсяць празднуютъ окончаніе весеннихъ работъ, а въ восьмомъ уборку плодовъ.

IX. Чунъ-янъ.—Во времена династїи Хань (около времени Р. X.) нѣкто Хэ-чанъ сказалъ другу своему Хуанъ-цзинъ: «Въ девятое число девятаго мѣсяца случится несчастье въ твоёмъ домѣ. Вели домашнимъ сшить мѣшокъ, наполни его съѣстными, взойди на возвышенное мѣсто и тамъ откушай вина съ кризантиею . . . Смы образомъ можешь избѣгнуть несчастья». Съ сего случая ввели въ обыкновеніе, чтобы въ девятый день девятаго мѣсяца съ пищею и питьемъ ходить на возвышенныя мѣста и тамъ веселиться съ друзьями. Самъ государь часто слѣдуетъ этому обычаю. Чунъ-янъ собственно называется *чунъ-цзю*, а въ простомъ народѣ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ *дынь-гао*, что значитъ «всходить на высоту». Нынѣ сіе обыкновеніе хотя сдѣлалось общимъ, но только между богатыми, которые имѣютъ способы провести этотъ день на возвышенномъ мѣстѣ въ саду или въ полѣ; но въ народѣ торгъ и работы продолжаются, какъ и въ обыкновенные дни.

X. Ла-впа.—Неизвѣстно, съ котораго времени и по какому случаю вошло въ обыкновеніе въ 8-й день 12-го мѣсяца варить густую кашницу изъ смѣси разныхъ крупъ, фасолей и сухихъ плодовъ съ медомъ. Эта кашница отъ-слова-въ-слово называется *ла-ба-чжу*. Хошаны въ этотъ день совершаютъ освященные ходы, варятъ памятную кашницу и разносятъ ее по домамъ вкладчиковъ, отъ помощи которыхъ имѣютъ пропитаніе. Это тоже не есть народный праздникъ, а частное обыкновеніе, вѣроятно отъ фонстовъ заимствованное.

XI. Цзи-цзао.—Цзи-цзао значитъ жертвоприношеніе (божеству) Цзао. Жертву сію приносятъ ввечеру въ 23-е число 12-го мѣсяца. Простой народъ вѣритъ, что Цзао отходитъ въ сей день отъ земли къ Небу (Богу), чтобы донести ему о добрыхъ и злыхъ дѣлїяхъ человѣческихъ цѣлаго года. Еще почитаютъ Цзао божествомъ печекъ подъ названіемъ *цзао-шень*: почему въ сей день во всѣхъ гостиницахъ, лавкахъ и домахъ не готовятъ кушанья, а починаютъ печки. И это есть только обыкновеніе, для котораго ни торгъ, ни работы не прекращаются. Въ древности почитали

Цзао-шень божествомъ многочадства, и въ жертву ему приносили дикихъ козь.

ХII. Чу-си.—Чу-си значить « послѣдній вечеръ », а собственно есть предпоследняя ночь, въ которую съ сумерокъ до разсвѣта не спать, а веселиться и пьютъ, что называется *стереженіемъ года*. Предъ симъ вечеромъ въ каждомъ домѣ на воротахъ налѣпляютъ разныя картинки, а на дверныхъ и воротныхъ веревкахъ—разныя надписи на красной бумагѣ и разныя фигуры, вырѣзанныя изъ красной же бумаги, такъ-что улицы дѣлаются пестрыми. Сверхъ сего пускаютъ (сжигаютъ) ракеты. Около полуночи отворяютъ ворота и снова пускаютъ ракеты. Это есть предпразднество новаго-года. Къ послѣднему дню предъ новымъ-годомъ стараются очистить какъ долги за прошлую треть, такъ и недоимки за прежнія двѣ трети: почему у нѣкоторыхъ, вмѣсто веселія, послѣдніе дни предъ новымъ-годомъ до самой полуночи на 1-е число проходятъ въ величайшихъ хлопотахъ и ссорахъ.

О. ІАКИНОЪ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ ДМИТРІЯ МИХАЙЛОВИЧА ПОЖАРСКАГО КЪ РИМСКОМУ ИМПЕРАТОРУ МАТІАСУ, ПОСЛАННОЕ ИЗЪ ЯРОСЛАВЛЯ, 20 ІЮНЯ 1612 ГОДА (*).

=

Свѣтлѣйшій и пр.

Великаго княжества и всего Русскаго Царства всѣ князья и бояре, вмѣстѣ съ ними вся земля московская, високаго и низкаго сословія, и я, избранный губерваторъ, стольникъ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій (Pozjarsky) всеподдан-

(*) Въ пятой книжкѣ «Отечеств. Записокъ» сего года, въ отдѣлѣ «Библиогр. Хроники» (стр. 47) помѣщено извѣстіе объ изданной извѣстнымъ нашимъ ученымъ г-мъ Аделунгомъ брошюрѣ «Schreiben des Fürsten Dmitry Michailowitsch Posharsky» и пр. Этотъ историческій памятникъ, скрывавшійся доселѣ въ совершенной неизвѣстности, такъ любопытенъ, что мы рѣшились перевести его весь на страницы нашего журнала, думая оказать услугу тѣмъ изъ читателей, которые не читаютъ нѣмецкихъ книгъ, но любопытствуютъ знать все относящееся къ нашей священной старинѣ. — Вмѣстѣ съ симъ намъ хотѣлось воспользоваться случаемъ привести въ извѣстность труды, которые намѣреается совершить уважаемый нами г. Аделунгъ, — труды, въ полной мѣрѣ драгоценныя для исторіи, которымъ отъ всего сердца желаемъ скорѣйшаго исполненія. За пріемъ ихъ можно напередъ поручиться при возникшей нынѣ любви къ отечественной исторіи и притомъ благодѣтельному покровительствѣ, которое оказываетъ такимъ трудамъ наше правительство. Съ этою цілю, равно какъ и для утвержденія достовѣрности помѣщаемаго здѣсь акта, выписываемъ нѣсколько мѣстъ изъ предисловія г. Аделунга, свидѣтельствуя ему отъ лица всѣхъ любителей русской старины полную благодарность какъ за это, такъ и за общаемыя имъ изданія. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ г. Аделунгъ въ своемъ предисловіи:

«Замѣчательный актъ, передаваемый мною въ этой брошюрѣ любителямъ русской исторіи, въ первый разъ вылетѣлъ нынѣ въ печати и вообще доселѣ былъ совершенно неизвѣстенъ. Это письмо безсмертнаго князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго было отправлено къ римскому императору Матіасу изъ Ярославля 20 іюня 1612, незадолго до того времени, когда его геройскій подвигъ освободилъ несчастное отечество отъ враговъ. Пожарскій, представляя въ этомъ письмѣ подробную картину четырнадцатилѣтнихъ страданій русскаго народа, проситъ, чтобы императоръ подкрѣпилъ его деньгами на послѣдній усилія для спасенія отечества, и старался убѣдить польскаго короля Сигизмунда, чтобы онъ прекратилъ наконецъ кровопролитіе и лучше соблюдалъ дашныя имъ общанія. Пожарскій отправилъ письмо 27 іюня, а 24 октября оно получено въ Вѣнѣ. Въ этотъ промежутокъ вре-

нѣйше кланлемся вашему императорскому величеству. Извѣстно будетъ вашему императорскому величеству, что съ давнихъ лѣтъ, блаженной памяти наши прежніе цари и великіе князья всей русской земли съ прежними блаженнѣйшей памяти римскими императорскими величествами, а также и съ вашимъ императорскимъ

менемъ, какъ извѣстно, дѣла приняли такой счастливый оборотъ, что посторонняя помощь и посредничество вскорѣ сдѣлались ненужны для Россіи. (Извѣстно, что Москва освобождена отъ Поляковъ 22 октября 1612 года).

Подлинникъ этого письма находится въ Императорско - Королевскомъ Вѣнскомъ Дворцовомъ Архивѣ, въ которомъ мнѣ было дозволено его свѣтлостію княземъ Фов-Меттернихомъ снять копию какъ съ сего письма, такъ и со многихъ другихъ, относящихся къ древней русской исторіи актовъ. Письмо сіе надписано: *Wörtliche Uebersetzung eines Schreibens des Fürsten Dimitri Michailowicz Poziarsky an den Röm. Kaiser Mathias, überbracht durch die moscowitische Gesandtschaft am 24 October 1612 (Словесный переводъ письма князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, къ римскому императору Матіасу, представленное московскимъ посольствомъ 24 октября 1612)*. Изъ самого письма явствуетъ, что оно отправлено не съ посольствомъ (что было почти-невозможно, ибо Пожарскій отправлялъ его не какъ глава правительства, а какъ частный человекъ), а нѣмецкимъ толмачомъ Еремьевымъ или, можетъ-быть, Ереміасомъ, который, вѣроятно, и переводилъ письмо на нѣмецкій языкъ. Въ актахъ тогдашняго времени часто упоминается имя Еремьева, и онъ, по-видимому, находился въ главной квартирѣ Пожарскаго для веденія иностранной переписки.

Итакъ, мы имѣемъ теперь только переводъ этого замѣчательнаго письма, но переводъ, который, по тогдашнему обыкновению, долженъ почитаться *подлинникомъ*, и вотъ почему: извѣстно, что въ прежнія времена, во всѣхъ сношеніяхъ и переговорахъ русскаго и римско-императорскаго дворовъ въ Москвѣ, съ каждаго документа составлялся русскій оригиналъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлался оффиціальный переводъ находившимися въ значительномъ числѣ при царскомъ дворѣ нѣмецкими толмачами; этотъ переводъ вручался вмѣстѣ подлинника имперскимъ посланникамъ. Такъ точно и съ этого письма Пожарскаго отправленъ въ Вѣну только нѣмецкій переводъ, и надписью: *словесный переводъ* дана ему значительность оффиціалаго акта. Русскій подлинникъ, очевидно, потерялъ, даже нигдѣ не упоминается о немъ. Легко объяснить, отчего въ Московскомъ Архивѣ нѣтъ ни подлинника, ни копии съ него, какъ оказалось изъ самыхъ тщательныхъ розысковъ: письмо отправлено не изъ того присутственнаго мѣста, которое вело обыкновенно переписку съ иностранными державами и называлось Посольскимъ Приказомъ, а изъ Ярославля, изъ походной канцеляріи князя Пожарскаго; русскій оригиналъ потерялъ или во время непрерывныхъ воинскихъ тревогъ, или утраченъ вмѣстѣ съ другими частными бумагами Пожарскаго.

Нелишнимъ кажется мнѣ упомянуть еще объ одномъ поступкѣ князя Пожарскаго, не менѣе важномъ для исторіи этого времени страданій, и, хотя объ этомъ поступкѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ уже было напечатано, но досихъ-поръ, кажется, онъ не принятъ въ русскую исторію. Я говорю о составленномъ Пожарскимъ и представленномъ Еремьевымъ же вѣнскому двору предложеніи эрцгерцогу Максимилиану принять осиротѣвшій русскій престолъ. Намъ неизвѣстны въ-точности время и подробности этого переговора, но въ дѣйствительности его нельзя сомнѣваться, потому-что мы знаемъ его изъ тогдашняго покойнымъ государственнымъ канцлеромъ графомъ Николаемъ

величествомъ во всякое время, при изъявленіи братства и дружбы, находились въ добрыхъ сношеніяхъ, и въ нуждѣ помогали другъ другу сокровищами и другими вещами, что и случилось еще незадолго предъ симъ, когда ваше державнѣйшее императорское величество вели войну съ турецкими (terkischen) султанами: нашъ

Петровичемъ Румянцовымъ «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ» (Москва 1813—1826. 4 тома въ-листь). Здѣсь, въ третьемъ томѣ, стр. 67, сказано, что Пожарскій отправилъ съ Еремѣевымъ, за 24-мя подписями и печатями, письмо къ императору Рудольфу, въ Вѣну, и что въ семь писемъ брату императора, эрцгерцогу *Максимилиану*, предлагаемо быдъ русскій престолъ; во этотъ поступокъ скоро потомъ явно охужденъ бюрами Дальнѣйшія обстоятельства этого дѣла, приведенныя въ семь «Собраніи», сюда не относятся, но въ то же время не объясняютъ его достаточо, особенно потому-что время, когда сдѣлано это предложеніе, не означено. Такимъ-образомъ досихъ-поръ еще невозможно опредѣлительно сказать что-нибудь объ этомъ дѣлѣ, кромѣ того, что письмо къ императору Рудольфу (умершему 1612) отправлено раньше, нежели письмо къ Матіасу.

«Въ-заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о предпринятыхъ мною трудахъ, которыми теперь занимаюсь и которые, надѣюсь, найдутъ радушный приемъ у любителей отечественной исторіи. Слѣшкомъ - двадцать лѣтъ уже тружусь я надъ собираемъ иностранныхъ свидѣній для объясненія состоянія древней Россіи, и ищу себѣ пособій въ заграничныхъ архивахъ и библіотекахъ. Запасъ собранныхъ мною матеріаловъ, къ которому особенно причисляю открытіе и приобрѣтеніе бумагъ *г. Була*, для продолженія его извѣстнаго сочиненія (*), между-тѣмъ до-того увеличилось, что я боюсь далѣе отлагать обработываніе и наданіе ихъ, особенно при моей значительной старости. По-этому намѣреваюсь напечатать эти матеріалы въ трехъ различныхъ изданіяхъ, о которыхъ я могу сказать здѣсь только слѣдующее:

«*Первое* изданіе будетъ заключать въ себѣ «Собраніе *непечатанныхъ оригинальныхъ извѣстій иностранцевъ о древней Россіи*. Чтобы означить содержаніе этой книги, довольно сказать, что у меня есть весьма-любопытныя бумаги сего рода, которыя посчастливилось мнѣ приобрѣсть изъ архивовъ и библіотекъ въ Римѣ, Вѣнѣ, Вольфенбуettelъ и Лондонѣ, и что въ скоромъ времени ожидаю еще богатыхъ присылокъ изъ Берлина и Стокгольма. Предварительно поименую здѣсь изъ рукописей, уже приготовленныхъ къ печати, только слѣдующія: *подлинная доносенія римско - илитерскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ* отъ XV до конца XVII вѣка; *Relazione dell' Imperio di Moscovia*, съ 1553; значительное число *римскихъ документовъ о Аледимитріи и царствованіи Василія Іоанновича Шуйскаго*; знаменитаго *Энгельб. Кэмпфера* «*Diarium Iteneris ad aulam Moscovitam suscepti* и мн. др.

«*Второе* изданіе, которое выйдетъ въ одно время съ первымъ, есть критико-литературное обозрѣніе всѣхъ предпринятыхъ до 1700 года, *напечатан-*

(*) «*Versuch einer kritischen Literatur der Russischen Geschichte*, von Johann Gottlieb Buhle (*Отытъ Критической Литературы Русской Исторіи, Юанни Готтлиби Буля*). Москва 1810. 8.» Этого сочиненія вышелъ только *первый* томъ, содержащій въ себѣ литературу общей сѣверной исторіи. Строгая, можеть-быть по-ездѣ справедливая рецензія Рюса (Rühs) заставила автора навсегда бросить свою работу, и иродолженіе ея (второй томъ былъ почти-совсемъ, а третій отчасти приготовленъ къ печати) казался навсегда утраченнымъ, какъ вдругъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ посчастливилось открыть рукопись его въ Брауншвейгѣ и приобрѣсти ея съ значительнымъ пожертвованіемъ.

младостивѣйшій государь, блаженнѣйшей памяти державнѣйшій царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичь всея Руси самодержецъ, по требованію вашего величества, ради дружбы и христіанской вѣры, оказалъ свою дружбу вашему величеству и подалъ помощь противъ враговъ вашего величества и враговъ всего христіанства, противъ турецкаго султана; онъ послалъ вамъ на помощь съ своими послами много сокровищъ. Наши прежніе цари и великіе князья во всякое время съ бывшими римскими императорскими величествами были въ любви и братствѣ; а потому, мы и не можемъ не дать знать вашему величеству о большомъ несчастіи и погибели московитской земли, а равно и о большомъ злодѣяніи, которое чинитъ теперь землѣ этой Сигизмундъ, король польскій. При жизни блаженной памяти царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича (Boris Federoviz) всея Руси, польскій король Сигизмундъ отправилъ великаго канцлера польскаго, Льва Сапѣгу (Lew Sapiega) и другихъ господъ для трактованія о мирѣ и согласіи между двумя государями; чего король польскій отъ царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича требовалъ, то и исполнилось: они заключили миръ между собою на 22 года, съ лѣта, какъ пишутъ по русскому численію, семь-тысячь-тридцать-перваго. Когда миръ былъ заключенъ, нашъ всемилоствѣйшій царь и великій князь Борисъ Ѳеодоровичь, а равно высокохвальное королевское величество Сигизмундъ утвердили сей миръ между собою клятвою, чтобы сіи государи въ-теченіе означенныхъ лѣтъ жили въ братствѣ и въ дружбѣ, не имѣли между собою непріязни, не нападали на земли пограничныя, не посылали другъ другу въ землю вой-

ныхъ и ненапечатанныхъ, описаній путешествій въ Россію, числомъ около 260, — трудъ, котораго недостатокъ чувствуетъ всякій, занимающійся изученіемъ своего отечества.

«Третье изданіе состоитъ въ близкой связи съ двумя первыми, но по существу своему должно быть гораздо - обширнѣе: это *Указатель иностранныхъ извѣстій о древней Россіи отъ древнѣйшихъ временъ до конца XVII столѣтія*, собранный также изъ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ источниковъ. И для этого сочиненія, которое будетъ свѣдѣть древнюю русскую исторію изъ года въ годъ, собранъ богатый запасъ матеріаловъ, который даже и въ такомъ случаѣ, еслибы я умеръ прежде совершеннаго окончанія его, не будетъ потерянь.

«Вотъ все, что считаю пужнымъ сказать пока о нѣкоторыхъ предпріятіяхъ, которыя, при живомъ сочувствіи, какимъ встрѣчаютъ все, относящееся до исторіи и изученія отечественнаго края, найдутъ, я увѣренъ, благосклонный пріемъ.»

Намъ остается только ожидать исполненія этихъ прекрасныхъ обещаній и заранѣе благодарить нашего почтеннаго ученаго за его полезныя и въ высшей степени важныя для отечественной исторіи предпріятія.

ско, не пропускали другъ къ другу въ землю непріятеля, и не помогали врагамъ провіантомъ, ни деньгами, ни людьми.

Три года спустя послѣ заключенія сего мира, явился мошенникъ, монахъ (Munich), чернокнижникъ, по имени Гришка Отрепьевъ (Griska Otrepiet), который убѣждалъ изъ русской земли въ Польшу и выдалъ себя за царя Димитрія Угличскаго (Ogletsz), говоря, будто онъ державнѣйшаго царя и великаго князя Ивана Васильевича (Iuan Wasiłiuiż) сынъ; но тотъ Димитрій, который былъ царя и великаго князя Ивана Васильевича сынъ, уже болѣе тридцати лѣтъ какъ померъ. И вотъ, когда явился злодѣй монахъ, пристали къ нему польскіе паны, бывшіе на границахъ, именно князь Адамъ и его братъ князь Константинъ Вишневецкіе (Wischnioweczku), также нѣкоторые другіе, которые охотно видѣли кровопролитіе въ христіанствѣ. Услышавъ это, воевода (weiwoda) сандомирскій по имени Георгій Мишпекъ (Gorgio Mińska) повѣрилъ словамъ сего монаха-злодѣя, привелъ его къ королю польскому Сигизмунду и сказалъ, что это Димитрій, царя Ивана Васильевича сынъ, и что онъ это заподлинно знаетъ. Послѣ сего злодѣй просилъ его королевское польское величество о помощи, чтобы ему сдѣлаться царемъ на Москвѣ (Moschkau) и прійти въ государство, насунувъ его королевскому величеству отдать много городовъ и земель въ русской землѣ.

Его королевское величество повѣрилъ злодѣю, и, измѣнивъ и клятвъ и миру, который заключилъ съ царемъ и великимъ княземъ Борисомъ Ѳедоровичемъ, далъ ему злодѣю помощь и пособіе, почтилъ его многими дарами и подарками и приказалъ своему войску идти съ нимъ. Воевода сандомирскій Георгій Мишпекъ обѣщала этому злодѣю отдать свою дочь Марину въ супруги, и далъ ему много денегъ и добра, и самъ пошелъ съ нимъ на границу. Блаженной памяти царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ, услышавъ о такомъ великомъ злодѣявіи, совершаемомъ въ государствѣ, послалъ къ Сигизмунду, королю польскому, и ко всѣмъ князьямъ и господамъ, и ко всему совѣту духовнаго и свѣтскаго сословія, а послалъ онъ того самого злодѣя-монаха отца, именно Смирного-Отрепьева (Smapogo Trepigo)... Его царское высочество писалъ къ его королевскому величеству письмо, увѣдомлялъ короля о его злыхъ дѣяніяхъ, что онъ былъ монахъ и чернокнижникъ, убѣждалъ изъ русской земли отъ смерти, выдалъ себя за Димитрія, царя Ивана Васильевича сына, и требовалъ, чтобы сего злодѣя поставили противъ его отца и чтобы его королевское величество не давало то-

му злодѣю вѣры, не нарушалъ присяги и мира, не проливалъ бы христіанской крови. Поедику его польское королевское величество, а вмѣстѣ съ тѣмъ вельможи и весь совѣтъ не хотѣли склониться къ миру, желали проливать христіанскую кровь, помогали скрывать злодѣя и не допустили его увидѣться съ отцомъ, а задержали долгое время присланнаго Смирнаго-Отрепьева (Smirnogo Trepigo) и потомъ отпустили его; а король написалъ къ нашему царю и великому князю, что онъ злодѣю, который называетъ себя княземъ Дмитріемъ (Mitrai) не вѣрить, не дасть ему помощи, и не нарушить мира. И недолго спустя послѣ этого, вышеименованный злодѣй, по повелѣнію его королевскаго величества, и воевода сандомирскій съ подобными имъ собрались, привлекли къ себѣ много польскаго и литовскаго войска, пришли на русскія границы и послали письма ко всѣмъ вельможамъ, шаходящимся на границахъ и въ городахъ, что онъ Дмитрій, царя и великаго князя Ивана Васильевича сынъ, и сандомирскій далъ ему такое свидѣтельство. Царь и великій князь Борисъ Ѳедоровичъ, услышавъ такое злодѣяніе, послалъ въ Польшу къ королю своего посланника Посника Огарева (Poznik Ocharew), чтобы король не давалъ вѣры сему злодѣю, потому-что онъ не Дмитрій, а монахъ, злодѣй, по имени Гришка Отрепьевъ (Grisko Otrepio); равновѣрно святѣйшій патріархъ Іовъ (Igow) всея Руси, также митрополиты, и архіепископы, и все духовенство писали къ архіепископамъ и къ епископамъ и ко всѣмъ духовнымъ, чтобы сему не вѣрили, что это монахъ и чернокнижникъ, что онъ былъ осужденъ, но убѣждалъ отъ казни и выдалъ себя за Дмитрія, — дабы не было проливаемо христіанской крови и не былъ нарушенъ миръ. Но его королевское величество, и вельможи, и весь совѣтъ не обращали на это вниманія, отклонили посланника Посника Огарева хитрыми словами, что не повѣрятъ злодѣю, не нарушать мира и не дадутъ помощи ему, а если воевода сандомирскій съ злодѣемъ уже отправился къ русскимъ границамъ, то велѣтъ воротить его и накажутъ за это. Но все это было только обѣщано, а его королевское величество не исполнилъ ничего. Сандомирскій и другіе польскіе вельможи съ большою силою, а равно и злодѣй этотъ, пришли на границѣ къ городамъ Путивлю (Putimli), Чернигову (Czigrligo) и къ другимъ городамъ и обложили ихъ, а злодѣй-монахъ разослалъ свои письма, что онъ Дмитрій, царя Ивана Васильевича сынъ. — Города, видя это, и ради избѣжанія кровопролитія, повѣрили ему и думали, что это правда, не зная, что Дмитрій умеръ,

и сочли его за своего государя; но тѣ вельможи и князья, которые знали о смерти Дмитрія, сражались противъ злодѣя и польскаго войска, и много убили у него народа. Когда же сандомирскій Георгій Мнишекъ обратился въ Польшу, требуя отъ его королевскаго величества болѣе войска въ помощь, чтобъ довершить свое злое намѣреніе, то въ это самое время, по Божію промыслу и за великіе грѣхи наши, всемогуществѣйшій царь и великій князь нашъ умеръ въ Бозѣ, и вся землѣ, послѣ смерти его, возмутилась; пролито много невинной крови, повѣрили злодѣю и подчинились ему. Тѣхъ же вельможъ, которые знали истину и не хотѣли покориться ему, связанныхъ насильно привлекали къ нему. Такимъ-образомъ злодѣй, посредствомъ своихъ ухищреній и помощію польскаго короля, вступилъ въ Москву, получилъ корону и сѣдалище московскаго царства, принялъ титулъ царя всея русскія земли и, смѣнивъ нашего святѣйшаго патріарха Иова, на мѣсто его посадилъ другаго патріарха, по имени Игнатія, котораго привезъ съ собою. Посовѣтовавшись съ этимъ Игнатіемъ, онъ написалъ къ польскому королю и къ князьямъ и господамъ духовнымъ и свѣтскимъ, а писалъ именовъ патріарха, и митрополитовъ, и архіепископовъ, и боярѣ, и воеводѣ высшаго и низшаго еословія всего московскаго государства и, поддѣлавъ ихъ подпись, представилъ свидѣтельство, что онъ истинный сынъ Ивана Васильевича, настоящій наследникъ. Это же онъ писалъ и къ польскому королю и воеводѣ сандомирскому, пославъ имъ притомъ много казны, которую прежніе цари и великіе князья собирали въ-теченіе многихъ лѣтъ. Послѣ этого воевода сандомирскій Георгій Мнишекъ со многими польскими вельможами и большою ратью пришелъ въ Москву; онъ привезъ съ собою свою дочь Марину, по обѣщанію, и выдалъ ее за Дмитрія. Въмѣстѣ съ сандомирскимъ прибыли послы его королевскаго величества къ сему злодѣю; посланники сіи назывались Николай Алесницікій, кастелянъ Малохоскій и Александръ Гассевскій, придворные юннеры польскаго короля, и поздравили злодѣя со вступленіемъ на престолъ. Его королевское величество изъявлялъ ему свою дружбу и, какъ онъ, съ его помощію, сдѣлался царемъ въ русской землѣ, то требовалъ, чтобы онъ за то уступилъ ему много городовъ и земель на Руси, какъ было прежде условлено. Польскія войска, пришедшія съ нимъ, по повелѣнію злодѣя, начали посрамлять русскую христіанскую вѣру, угнетать Московитявъ: силою отнимали у мужей женъ, у отцовъ дочерей, грабили, притѣснили и убивали народѣ

земли русской, и чинили многія другія постыдныя и порочныя дѣла. Кроме того, вышеупомянутый злодѣй-монахъ согласился съ польскимъ войскомъ, и хотѣлъ убить митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ; а равно бояръ и воеводъ изъ всѣхъ сословій, и подчинить Русское Государство польскому королю; но такъ-какъ московская земля велика и пространна, такъ-что изъ дальнихъ странъ, на-примѣръ изъ Астрахани, Сибири и пр., далекъ путь, а русскія войска находились въ тамошнихъ городахъ, также нѣкоторыя были отправлены въ Грузію (Grusinien) для охраненія земли, и въ Крымъ (Krimssokaiuen) для защиты противъ Турокъ; тѣ же войска, которыя находились въ Москвѣ и знали злодѣя, не смѣли возстать противъ него. Когда, наконецъ, войска изъ дальнихъ странъ сошлись, они, сговорившись согласно, представили злодѣю его злыя намѣренія и убили его. Нѣкоторыя польскія войска, желая защищать его, старались убивать русскихъ воиновъ; но русская рать защищалась и убила нѣсколькихъ Поляковъ; воеводу же сандомирскаго съ его дочерью и всею родією, Вишневецкаго и другихъ польскихъ князей и вельможъ и польское войско московитскіе князья и вельможи берегли, чтобы имъ не было причиною оскорбленія. Чтò касается до польскихъ пословъ, имъ не причинено никакого зла, напротивъ имъ оказанъ всякій почетъ и уваженіе: ихъ снабдили провіантомъ, яствами, питьемъ, какъ слѣдуетъ. Вскорѣ послѣ смерти злодѣя, бояре, воеводы и вся земля высшаго и низшаго сословія условились и выбрали царемъ и великимъ княземъ близкаго родственника (друга) прежнему царю, князя и государя Василія Ивановича Шуйскаго (Ssuiski), и сдѣлали его царемъ и великимъ княземъ надъ всею русскою землею. Царь Василій Ивановичъ отправилъ къ его величеству королю польскому своего посла, князя Григорія Волконскаго и секретаря Андрея Иванова, увѣдомляя короля о своемъ восшествіи на престолъ и велѣвъ ему сказать также: что онъ нарушилъ свою присягу и заключенный миръ, отъ-чего произошло такое великое бѣдствіе и кровопролитіе въ христіанствѣ; чтобы его королевское величество отказался отъ такихъ дѣлъ, жилъ съ царемъ по-прежнему въ дружбѣ и согласіи, какъ жилъ онъ съ прежнимъ царемъ и великимъ княземъ Борисомъ Ѳедоровичемъ; чтобы онъ прислалъ пословъ къ царю и великому князю и убѣдился въ великой своей несправедливости, въ большомъ ужасномъ несчастіи, причиненномъ имъ московитской землѣ, которое онъ намѣренъ опять исправить. На это Сигизмундъ, король польскій, отписалъ съ послами царя и

великаго князя, что для всякихъ хорошихъ дѣлъ хотеть прислать посла къ его царскому высочеству, пошлетъ къ тѣмъ посламъ, которые теперь въ Москвѣ, и прикажетъ имъ, чтобы они повторили и подтвердили весь добрый дѣла. За тѣмъ онъ отправилъ своихъ пословъ къ нашему милостивѣйшему государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Руси и пр., — по имени Станислава Витовскаго (Witowsko) и князя Яна Соколинскаго (Sokolynskeha) съ хитрыми рѣчами, что будто-бы они пришли за добрымъ дѣломъ; а самъ король совѣтовался съ своими вельможами, какъ бы погубить муромитское государство, и рѣшили произвести въ русской землѣ большой раздоръ, пролить христіанскую кровь, и распустили молву во всехъ пограничныхъ мѣстахъ московскаго государства, будто тотъ злодѣй, который былъ государемъ въ Москвѣ, ушелъ и теперь находится въ Польшѣ, и что не его убили, а какого-то цирюльника, похожаго на него. Въ слѣдъ за тѣмъ отправили на московскія границы, въ Сѣверскую Землю (Siberischen Lenderen) другаго злодѣя, родомъ и происхожденіемъ Жидъ, и тотъ называлъ себя царемъ и великимъ княземъ, бывшимъ въ Москвѣ и убивавшимъ изъ Москвы въ Польшу. Къ нему пришли на границы, по повелѣнію его королевскаго величества, Адамъ Винневецкій и Янъ-Петръ Сапѣга, выдавая себя за капитановъ, съ другими полковниками, какъ-то Александромъ Сборовскимъ и гоесподомъ Кискиничемъ (Kisskinitzen), и многіе другіе господа и ротмистры съ большою ратью. Также распускали ложныя письма во всей сѣверской (Siberische) странѣ, что злодѣй есть истинный царь и великій князь Дмитрій; многіе пограничные города повѣрили этимъ письмамъ, и нѣкоторые злодѣи, для своей пользы, пристали къ нему, обѣщало съ польскими и русскими войскомъ сражаться противъ Москвитянъ за него. Это произвело въ народѣ большое несогласіе, и кровопролитіе усилилось еще противъ прежняго. Многіе города на польской границѣ принуждены были сдаться злодѣямъ, страшась гибели. Потому злодѣи дерзнули съ польскими и русскими войсками и злодѣями, къ нему приставшими, отправиться на великое царство московское, что и сдѣлали. Прибывъ подъ Москву и расположившись ставомъ, онъ началъ посылать отряды во все города и мѣстечки; эти отряды разорали московитское великое княжество, жгли города и села, убивали многіхъ христіанъ; нѣкоторыхъ брали въ плѣнъ, проливая безъ милосердія христіанскую кровь, и безпреставно приступали къ Москвѣ. Послы же, отправленные его королевскимъ величествомъ

Сигизмундъ, бывшіе въ это время въ Москвѣ, по приказанію своего государя не могли сдѣлать ничего хорошаго, потому-что видѣли, какъ земля погибаетъ, о чемъ увѣдомляли своего короля; также не могли они отослать польское войско, пришедшее съ злодѣемъ, ни остановить великое ирвопролитіе. Разсуждали о великихъ дѣлахъ, требовали много городовъ и такое несметное множество сокровищъ, что и написать невозможно; говорили съ вельможами и обязались заключить малый миръ (перемиріе) между нашими государемъ царемъ и великимъ княземъ Василиемъ Ивановичемъ всея Руси и пр. и между королевъ, на четыре года, съ тѣмъ, чтобы нашъ всемилостивѣйшій царь и князь отпустилъ въ Польшу сандомирскаго съ дочерью и въсѣхъ другякъ польскихъ вельможъ, которые тогда находились въ Москвѣ. За это король обязывался, коль скоро увѣдомать его нослы о вывѣдъ сихъ вельможъ, отозвать польское войско изъ-подъ Москвы, а потомъ уже приступать къ разсужденію о дѣлахъ, о причиненномъ вредѣ и исправленіи его королевемъ, о заключеніи вѣчнаго мира и прекращеніи войны. Все сіе должно быть производимо на границахъ, по слави обѣихъ сторонъ. Нашъ царь и великій князь утвердилъ всѣ пункты присягою и письмами, а со стороны польскаго короля прислали также польскіе послы, бывшіе тогда въ Москвѣ. Тогда отпущены послы царемъ нашимъ въ Польшу съ большимъ уваженіемъ, а вмѣстѣ съ ними отправили воеводу сандомирскаго Георгія Мнишека съ дочерью, также много другякъ польскихъ вельможъ, съ прислугою, которые содержались въ Москвѣ. При семъ сандомирскій, сынъего, сенатскій староста, также Георгій Мнишекъ, Сигизмундъ Тирель и многіе другіе вельможи дали присягу за себя и за польскій народъ, бывшій тогда въ Москвѣ, не идти къ злодѣю, находившемуся тогда подъ Москвою, не имѣть связей съ польскимъ войскомъ, бывшимъ подъ Москвою и не причинять никакого вреда московитской землѣ. Тогда нашъ всемилостивѣйшій царь далъ имъ конвой до границы. Сандомирскій, вышедъ изъ города, нарушилъ свою клятву, обратился къ польскому войску, стоявшему подъ Москвою съ злодѣемъ, требуя, чтобы выслали ему на встрѣчу отрядъ для разбитія московитскаго отряда, сопровождавшаго его. Злодѣй исполнилъ требованіе сандомирскаго, послалъ отрядъ войска, который частію убилъ, частію положилъ конвойныхъ, совершенно-неприготовленныхъ къ этому. Такимъ - образомъ воевода сандомирскій прибылъ въ лагерь къ злодѣю съ своею дочерью, выдать свою дочь за другаго злодѣя, долго пребыть въ лагерѣ

его, укрѣпляя злодѣя во всѣхъ его злоухищреніяхъ. Послѣ сего злодѣй часто пыталъ счастья, штурмовалъ Москву и чинилъ разныя нападенія; но милосердіемъ Божиимъ и помощію Божіей Матери и другихъ святыхъ ему не удавалось; а убито у него много Поляковъ и Русскихъ съ нимъ бывшихъ, такъ-что онъ былъ принужденъ отступить отъ Москвы и идти въ городъ, называемый Калуга (Koluga), который отстоитъ отъ Москвы на 35 вѣмецкихъ миль. Съ нимъ были Петръ Сапѣга и много польскаго и литовскаго войска. Они часто черезъ пословъ совѣтовались съ королемъ, какъ бы взять Москву. Королевскіе послы, бывшіе въ Москвѣ и давнѣе присягу за короля, не могли сдержать ни одного пункта, потому-что король жаждалъ пролитія христіанской крови и не обращалъ вниманія на присягу, данную послами его, не отзывалъ польскаго и литовскаго войска, бывшаго при злодѣѣ, а напротивъ еще самъ поднялся съ своею королевскою ратью и съ многими орудіями, сталъ подъ Смоленскомъ, штурмовалъ его и, не смотря на свою клятву, отправилъ полководца Станислава Жолкѣвскаго (Zieltouskei) съ большимъ войскомъ подъ Москву, а злодѣю, бывшему въ Калугѣ съ Яномъ Сапѣгою, король повелѣлъ также идти подъ Москву. Такимъ-образомъ полководецъ Станиславъ Сапѣга сталъ по одну сторону Москвы, а по другую сторону сталъ злодѣй съ Яномъ-Петромъ Сапѣгою. Въ это же время Татары вторглись въ московитскую землю, а съ другой стороны вторглись въ Новгородскую Область войска короля шведскаго. Царь и великій князь нашъ Василій Ивановичъ, услышавъ о такихъ несчастіяхъ, послалъ свое войско охранять новгородскую землю, такъ-что въ Москвѣ осталось немного бояръ, воеводъ и войска. Нѣкоторые же изъ сихъ бояръ и воеводъ, какъ на-примѣръ Михайла Солтыковъ (Solticob) съ товарищами, измѣнивъ клятвѣ, данной царю и великому князю, перешли къ Сигизмунду, королю польскому; Сигизмундъ, посоветовавшись съ Михайлою Солтыковымъ, отправилъ грамоту къ боярамъ, князьямъ и ко всей странѣ, что онъ послалъ своего полководца Станислава Жолкѣвскаго подъ Москву не для-того, чтобъ проливать кровь, но чтобы заключилъ доброе условіе съ сею страпою; почему его королевское величество самъ вышелъ на границу, предлагая сына короля, Владислава, избрать царемъ и великимъ княземъ. При семъ онъ обязывался поддержать христіанскую греческую вѣру и предоставить всѣмъ прежнія ихъ права и преимущества, приобретенныя при другихъ царяхъ и великихъ князьяхъ. Это писемъ король подписалъ соб-

ственноручно, запечатавъ собственною печатью, отправилъ къ князьмъ и боярмъ, спрашивалъ, согласны ли вручить сыну его корону; въ то же время увѣрялъ, что отправилъ письмо въ Польшу, чтобы сынъ его въ Московскомъ Царствѣ прииалъ православную христіанскую греческую вѣру, чтобы въ Россіи не управляли Поляки по городамъ и областямъ, не истребляли христіанской русской вѣры, не разрушали церквей и монастырей, не отнимали наслѣдственныхъ имѣній, почитали патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, и всѣхъ вообще духовныхъ, и никого не обижали. Бояре, князья и всѣ московскіе жители, услышавъ такое благосклонное письмо, приняли его за правду, и, страшась голода и осады, рѣшились. Посему измѣнникъ Михайло Солтыковъ, частію хитростію, частію насиліемъ, привелъ къ себѣ всѣхъ князей и бояръ и народъ, которыхъ было немного въ Москвѣ, и свергнувъ съ престола нашего государя царя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси. Такъ-какъ въ Москвѣ тогда мало было бояръ, князей и войска, потому-что большая часть противилась на границахъ Татарамъ, а также стояла въ дальнихъ странахъ, какъ-то въ Сибири и другихъ, то сіи послѣдніе и не знали ничего о томъ, что царь и великій князь свержень съ престола, и что князья, бояре и народъ, котораго было немного въ Москвѣ, признавъ сына короля польскаго Владислава царемъ и великимъ княземъ, заключили съ польскимъ воеводою Станиславомъ Жолкѣвскимъ условіе, утвержденное взаимною подписью и клятвами, — а Станиславъ Жолкѣвскій и другіе господа и ротмистры дали присягу за все королевство, чтобы, — пока соберется вся земля изъ далекихъ странъ, — онъ, полководецъ Жолкѣвскій, долженъ отступить со всемъ войскомъ изъ-подъ Москвы въ какой-угодно городъ, въ 20 милехъ отъ Москвы, чтобы войска его не причиняли другимъ городамъ и мѣстечкамъ никакого зла и не вели бы войны, а король долженъ былъ отъ Смоленска отступить въ Польшу. Послѣ такого условія, отправили къ королю Сигизмунду подъ Смоленскъ изъ Москвы отъ бояръ и всѣхъ людей, ростовскаго (Rostauszen) митрополита по имени Филарета, и съ нимъ бояръ князя Василія Васильевича Голицына (Wasilei Wasiliowitgu Galiezu) съ братьями и многихъ бояръ высшихъ и низшихъ, и послѣ нихъ остался губернаторомъ и правителемъ въ Москвѣ, по повелѣнію короля Сигизмунда, Михайла Солтыковъ (Nugaijla Soltieou). Сей измѣнникъ, Михайла Солтыковъ, впустилъ полководца Станислава Жолкѣвскаго съ ратью въ городъ Москву, схватилъ тайно нашего

государя царя и великаго князя Василія Ивановича всея Руси и проч. съ братьями и выдавъ полководцу Станиславу Жолкъвскому, а тотъ отправилъ его къ королю польскому. Увидѣвъ такіа злыя дѣланія, нашъ святѣйшій патріархъ Гермогенъ (Germogian) не могъ умолчать о злыхъ дѣлахъ извѣстнаго Михайлы Солтыкова, и увѣдомилъ всѣ города о сихъ злодѣаніяхъ, причинившихъ московитской землѣ, пагубныхъ для христіанской вѣры, а равно описалъ клятву короля, его полководца Станислава Жолкъвскаго, его ротмистровъ и вельможъ, его обещанія и условія, которыхъ онъ не сдержалъ; также описалъ онъ, какъ они задержали ростовскаго митрополита Филарета и московитскихъ пословъ, обезчестили ихъ подлѣ Смоленска, занова въ желѣзы и отправивъ въ Польшу въ заточеніе; равномѣрно, что король не далъ намъ царемъ своего сына, не отступилъ отъ Смоленска, а взявъ его и убилъ много людей, а Поляки, бывшіе въ Москвѣ, завлали городъ, поставили изъ среды себя правителей, посылали въ окружные города собирать множество провіанта и лавны, притѣснили и обижали бѣдныхъ крестьянъ, старались унижать нашу православную христіанскую греческую вѣру, и намѣревались погубить Московское Государство, что и сдѣлали: сожгли все до тла, уничтожили наши христіанскія церкви и монастыри, осмѣли и поругали наши святыя иконы и святыя мощи, нашего патріарха Гермогена съ стыдомъ и насмѣшкой отставили, бросили въ тюрьму и умертвили, убили бояръ, князя Андрея Голицына и множество другихъ дворянъ, также многихъ воиновъ, купцовъ и простога народа съ женами и дѣтьми, пролили много невинной христіанской крови, сокровища, собранныя нашими царями и великими князьями въ продолженіе многихъ лѣтъ отправили къ королю польскому, а прочее раздѣлили между собою. Вся страна, увидя такіа великіа несчастія, что они царя и великаго князя отправили въ Польшу, бояре, князья, все войско, жители всѣхъ сословій, по повелѣнію Гермогена, патріарха всея Руси, и всѣ города — рѣшились и присягнули стать за истинную христіанскую вѣру, за всю московитскую землю, противъ срама и оскорбленій, причинившихъ нашему царю и великому князю Василю Ивановичу всея Руси, стоять другъ за друга противъ Поляковъ и въ некоторыхъ русскіихъ измѣнниковъ. Условившись объ этомъ и собравшись, они приступили къ Москвѣ, взяли приступомъ новую каменную стѣну, убили множество польскаго, литовскаго и нѣмецкаго войска; остальные польскія, литовскія и нѣмецкія войска заперлись въ двухъ городахъ, въ Китай-

городъ (Sbitag) и Кремль, и писали къ королю о помощи. Король польскій, все еще не насытъся пролитою христіанскою кровію, отправилъ подъ Москву своего полководца Каролуса Хоткевича (Chottiewicz) со многими польскими военными людьми. Тому уже пошелъ другой годъ, какъ онъ воюетъ и опустошаетъ московитское княжество, каждый день безъ милосердія проливая христіанскую кровь. Мы же, которые поклялись взаимно между собою, кромѣ тѣхъ измѣнниковъ, которые передались къ польскому королю, сражаемся теперь подъ Москвою уже другой годъ (?) за истину и вѣру. Тѣ же военные люди, которые въ городахъ и домахъ находятся, не думаютъ о наказаніи и о строгомъ судѣ Бога, и еще по сей день проливаютъ христіанскую кровь.

Если теперь ваше римское императорское величество милостивѣйше выслушаете и прикажете прочесть письмо, то ваше величество изъ этого можете судить и понять, прилично ли польскому королю Сигизмунду поступать такимъ-образомъ. Онъ измѣнилъ своей клятвѣ, губилъ и еще губить христіанское великое княжество, а прилично ли такъ дѣлать христіанскому государю? Просимъ ваше свѣтлѣйшее, державнѣйшее римское императорское величество, мы и вся земля русская, всепокорнѣйше, дабы ваше римское императорское величество милостиво вспомнили о любви и дружбѣ, оказанной нашими прежними царями и великими князьями; воззрите милостиво на насъ въ нашей нуждѣ и помогите намъ казною вашего императорскаго величества; напишите также къ Сигизмунду, королю польскому, будьте милостивымъ посредникомъ, чтобы онъ король отказался отъ своихъ намѣреній, не проливалъ болѣе христіанской крови и вывелъ свое войско изъ московитской земли. Симъ письмомъ просимъ ваше римское императорское величество всеподданнѣйше, и послали къ вашему императорскому величеству нашего нѣмецкаго переводчика, по имени Еремій Еремія (Geremij Geremia), потому-что не можемъ теперь послать къ вашему римскому императорскому величеству большаго посла, по той причинѣ, что нынѣ за великіе грѣхи наши въ московитской землѣ польскія и литовскія войска ведутъ жестокою войну и губятъ землю; а такъ какъ мы заботимся о томъ, чтобъ московитская земля не погибла совершенно, то покорнѣйше просимъ ваше римское императорское величество не оставить насъ своею милостію. Когда же Богъ дастъ нашей землѣ прійти въ прежній миръ и дастъ намъ государя, тогда мы пришлемъ къ

вашему римскому императорскому величеству. большого посла.
Затѣмъ поручаемъ васъ милости Божіей.

Писано въ высокохвальномъ городѣ Ярославѣ, въ годѣ 1612,
20 іюня.

Ваше императорское величество узнаете и изустно отъ посланника вашего императорскаго величества Юсуфа Грегоровича (Gussuff Gregorowicz).

